Дорогой памяти

безвременно угасшей дочери своей

Варвары Дмитріевны

ЦВѢТАЕВОЙ

сію часть своего труда посвящаетъ

авторъ—ОТЕЦЪ.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІИ РОССІИ

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВѢКЪ XVI-й.

ИСТОРІЯ РОССІИ.

соч. Д. ИЛОВАЙСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

МОСКОВСКО-ЦАРСКІЙ ПЕРІОДЪ

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИЛИ XVI ВѢКЪ.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова. Б. Черн. пер., д. Пустошкина
противъ Аглійской церкви.
1890.

Настоящимъ томомъ авторъ заканчиваетъ времена первой Русской династіи, которую можно назвать или по имени Игоря Стараго, т. е. перваго исторически извѣстнаго ея родоначальника, или по имени Владиміра Великаго и Святого, т. е. самаго выдающагося изъ раннихъ Игоревичей. За прекращеніемъ сей династіи слѣдуетъ переломъ въ Русской политической жизни, извѣстный подъ именемъ Смутнаго времени. Этотъ бурный переломъ отдѣляетъ древнюю Русь отъ новой, первую династію отъ второй, Игоревичей отъ Романовыхъ. Хотя внѣшними формами быта общественнаго, на первый взглядъ, XVII вѣкъ мало отличается отъ XVI-го, однако, присматриваясь ближе, мы видимъ уже нѣкоторыя довольно существенныя перемѣны. На переднемъ планѣ тутъ представляется значительно болѣе развившееся государственное начало. Старая династія хотя и собрала воедино большую часть раздробленныхъ русскихъ земель, однако она до самаго конца не могла отрѣшиться отъ системы удѣловъ. Послѣдній удѣльный князь, царевичъ Димитрій Углецкій, погибъ почти одновременно съ прекращеніемъ самой династіи. Послѣ означеннаго бурнаго перелома это явленіе уже болѣе не повторяется въ Русской исторіи. Укрѣпленное особенно трудами Ивана III и Василія III, патріархальное и вмѣстѣ строгое самодержавіе Московское при Иванѣ IV, какъ мы видимъ, приняло характеръ восточной деспотіи или жестокой ничѣмъ неумѣряемой тираніи. При второй династіи это самодержавіе является уже съ болѣе мягкими чертами, съ болѣе общественнымъ и государственнымъ значеніемъ. Тѣмъ не менѣе всякій истинно-русскій человѣкъ съ чувствами признательности и уваженія долженъ вспоминать о первой династіи, вмѣстѣ съ которой Рус-

скій народъ, на глазахъ исторіи, пережилъ болѣе шести вѣковъ своего существованія, исполненныхъ и великихъ дѣлъ, и великихъ бѣдствій; подъ водительствомъ которой онъ сложился въ могучую націю, пріобрѣлъ обширную территорію и занялъ подобающее ему мѣсто среди другихъ историческихъ народовъ Европы и цѣлаго міра.

Наука Русской исторіи несомнѣнно дѣлаетъ большіе успѣхи. Особенно въ послѣднюю эпоху выступило на ея поприще много молодыхъ, свѣжихъ силъ. Историческій матеріалъ, благодаря по преимуществу усерднымъ поискамъ въ архивахъ и книгохранилищахъ, растетъ не по днямъ, а по часамъ. Хотя разработка этого матеріала далеко отстаетъ отъ его роста, однако и на этомъ полѣ видимъ немало дѣятелей, которые своими трудами подвигаютъ впередъ, такъ сказать, детальную обработку Отечественной исторіи. Постоянно появляются на свѣтъ монографіи и изслѣдованія по разнымъ отдѣламъ нашей спеціальности. Нѣкоторыми изъ самыхъ новѣйшихъ детальныхъ работъ авторъ успѣлъ воспользоваться только въ примѣчаніяхъ къ настоящему тому. А нѣкоторыя бытовыя стороны русской жизни, представляющія тѣсную связь XVI вѣка съ XVII, имѣютъ быть разсмотрѣнными въ слѣдующемъ томѣ.

Москва. 1890 г. 20 октября.

I.

ЛИТОВСКІЯ ОТНОШЕНІЯ И ПОСЛѢДНІЕ УДѢЛЫ ПРИ ВАСИЛІИ III.

Миръ съ Казанью.—Михаилъ Глинскій и король Сигизмундъ I.—Возмущеніе Глинскаго и отъѣздъ его въ Москву.—Жалобы псковичей на московскаго намѣстника.—Василій III въ Новгородѣ и пойманіе псковскихъ лучшихъ людей.—Посольство дьяка Далматова.—Василій III въ Псковѣ, выводъ псковичей и переустройство Пскова.—Дьякъ Мисюрь Мунехинъ.—Кончина королевы Елены Ивановны.—Новый разрывъ Литвы съ Москвою.—Троекратная осада и взятіе Смоленска.—Измѣна Глинскаго и Оршинское пораженіе.—Посредничество императора Максимильяна.—Перемиріе.—Татарскія отношенія.—Присоединеніе Рязани къ Москвѣ.—Нашествіе Махметъ-Гирея.—Присоединеніе Сѣверской земли.

Занявъ великокняжескій престолъ, Василій Ивановичъ прежде всего постарался оградить его отъ притязаній племянника и бывшаго соперника своего Димитрія Ивановича, когда-то торжественно вѣнчаннаго на великое княженіе. Димитрій подвергся еще болѣе тѣсному тюремному заключенію, которое и свело его въ раннюю могилу, спустя года три съ половиною. Оставленное имъ духовное завѣщаніе показываетъ, что, лишенный свободы, онъ какъ бы въ замѣнъ ея былъ надѣленъ значительнымъ имуществомъ, т. е. деньгами, платьемъ, дорогою «рухлядью» и селами.

Мы видѣли, что послѣдніе дни Ивана III были омрачены возстаніемъ казанскаго царя Махмедъ Аминя противъ московской зависимости и нападеніемъ на русскіе предѣлы. Василій III началъ съ того, что породнился съ семьей казанскихъ хановъ. Одинъ изъ сыновей хана Ибрагима, взятый въ плѣнъ при Иванѣ III, по имени Худай-Кулъ, по его собственной просьбѣ былъ торжественно окрещенъ въ рѣкѣ Москвѣ и получилъ имя Петра (въ декабрѣ 1505). Мѣсяцъ спустя, великій князь выдалъ за него свою сестру Евдокію.

Этотъ царевичъ Петръ занялъ видное мѣсто при Московскомъ дворѣ среди русскихъ князей и бояръ. Дождавшись весны (1506 года), Василій послалъ для усмиренія казанцевъ Ѳедора Бѣльскаго и другихъ воеводъ съ многочисленною ратью; пѣхота отправилась по обычаю на судахъ, а конница сухимъ путемъ. Главное начальство великій князь ввѣрилъ своему брату Димитрію Ивановичу, прозваніемъ Жилка, который оказался вождемъ неопытнымъ и малоспособнымъ (какъ это нерѣдко бываетъ съ предводителями, назначенными не по заслугамъ и талантамъ, а по высокому рожденію). Прибывъ подъ Казань съ судовою ратью, онъ не сталъ дожидаться конницы и сдѣлалъ приступъ, но потерпѣлъ пораженіе; когда же подошла конница, онъ, не дожидаясь посланныхъ къ нему подкрѣпленій, опять сдѣлалъ приступъ, и опять такъ неискусно, что вновь былъ разбитъ, и со стыдомъ отступилъ въ Нижній-Новгородъ. Въ Москвѣ начали готовиться къ новому походу и завязали сношенія съ враждебными Казани Ногайскими татарами, когда явилось посольство отъ Махмедъ Аминя съ просьбою помириться на прежнихъ условіяхъ и съ предложеніемъ воротить всѣхъ плѣнныхъ. Великій князь, по совѣту бояръ, согласился на эту просьбу, и миръ былъ заключенъ (1508 г.) (1).

Въ то время главное вниманіе Московскаго правительства вновь сосредоточилось на отношеніяхъ къ своему западному сосѣду, великому княжеству Литовскорусскому.

Король польскій и великій князь литовскій Александръ Казиміровичъ, узнавъ о смерти своего тестя Ивана III, думалъ воспользоваться измѣнившимися обстоятельствами, и завязалъ съ Василіемъ переговоры о вѣчномъ мирѣ, требуя возвращенія отнятыхъ у Литвы областей. Разумѣется, такое требованіе было отвергнуто, и Александръ началъ готовиться къ новой войнѣ съ Москвою, опять приглашая къ участію въ ней ливонскаго магистра Вальтера Плеттенберга. Но, во-первыхъ, Плеттенбергъ на сей разъ не показывалъ усердія къ войнѣ; а, во-вторыхъ, въ это время произошла у короля сильная распря съ литовскими вельможами: виновникомъ ея былъ его любимецъ, князь Михаилъ Львовичъ Глинскій.

Сей послѣдній происходилъ отъ одного знатнаго татарскаго выходца временъ Витовта; онъ получилъ образованіе за границею, побывалъ въ Испаніи и Италіи, гдѣ измѣнилъ православной вѣрѣ своихъ родителей и перешелъ въ католицизмъ. Нѣкоторое время онъ служилъ при дворѣ и въ войскѣ императора Максимильяна, а

также у курфирста Саксонскаго, славился знаніемъ военнаго дѣла, владѣлъ обширными землями и многими замками въ Литовскорусскомъ княжествѣ, и въ качествѣ литовскаго надворнаго маршала сдѣлался самымъ приближеннымъ и довѣреннымъ лицомъ короля Александра. Одинъ его братъ, Иванъ Львовичъ, занималъ важный урядъ въ юго-западной Руси; онъ былъ воеводою кіевскимъ. Другой братъ, Василій Львовичъ, также владѣлъ въ западной Руси многими помѣстьями и замками. Отличаясь гордостію и властолюбіемъ, Михаилъ Глинскій вооружилъ противъ себя многихъ вельможъ, которые, конечно, завидовали его вліянію на короля. Однажды, по его просьбѣ, Александръ отнялъ Лидское староство у пана Ильинича и отдалъ его Андрею Дрожжи, кліенту Глинскаго. Ильиничъ обратился съ жалобою къ литовскимъ панамъ-радамъ, во главѣ которыхъ стояли Войтехъ Таборъ, епископъ виленскій, Николай Радивилъ, воевода виленскій, Янъ Заберезинскій, воевода трокскій, Станиславъ Яновичъ, староста жмудскій, Станиславъ Глѣбовичъ, воевода полоцкій, и Станиславъ Кишка, намѣстникъ смоленскій. Эти радные паны сослались на обязательство, данное Александромъ при возведеніи его на литовскій престолъ, не отнимать ни у кого урядовъ, за исключеніемъ такихъ преступленій, за которыя полагалось лишеніе чести и жизни. На семъ основаніи литовская рада не допустила Дрожжи до Лидскаго староства и возвратила его Ильиничу. Король, находившійся въ Краковѣ, услыхавъ о томъ, сильно разгнѣвался на литовскихъ пановъ. Есть извѣстіе, что, возбуждаемый Глинскимъ, онъ задумалъ схватить ихъ и посадить въ заключеніе; для чего призвалъ ихъ на сеймъ въ Берестье. Но коронный канцлеръ, Янъ Ласкій, предостерегъ о томъ литовскихъ вельможъ, и они отказались войти въ замокъ. Вмѣстѣ съ духовникомъ королевскимъ онъ отговорилъ Александра отъ насильственныхъ дѣйствій; тѣмъ не менѣе, король отнялъ Трокское воеводство у Заберезинскаго, велѣлъ Ильинича посадить въ тюрьму, а остальнымъ ослушникамъ запретилъ показываться себѣ на глаза. Но потомъ простилъ ихъ по просьбѣ польскихъ пановъ. Вскорѣ самого Александра постигло несчастіе: его разбилъ параличъ. Если вѣрить одному западно-русскому лѣтописцу, это произошло на слѣдующемъ сеймѣ въ Радомѣ, именно послѣ рѣчи епископа Войтеха Табора, который напомнилъ королю его присягу соблюдать литовскія привиллегіи и пригрозилъ небесною карою всякому ихъ нарушителю. Отъ неудачнаго леченія болѣзнь вскорѣ приняла опасный характеръ. Пріѣхавъ въ Литву,

больной король собралъ сеймъ въ городѣ Лидѣ; но тутъ вдругъ пришло извѣстіе о вторженіи Крымскихъ татаръ.

Занятые своими внутренними распрями, король и литовскіе вельможи мало занимались обороною южныхъ предѣловъ, и татарскіе хищники стали дѣлать почти ежегодные набѣги. Особенно сильное вторженіе произвели они въ августѣ 1506 года, явясь въ количествѣ двадцати или болѣе тысячъ подъ начальствомъ двухъ своихъ царевичей, сыновей Менгли Гирея. Миновавъ Слуцкъ, они остановились таборомъ около зàмка Клецка и распустили свои загоны во всѣ стороны. Пожарное зарево обозначало пути этихъ хищниковъ, которые принялись повсюду грабить и захватывать людей въ плѣнъ. Нѣкоторые загоны появились въ окрестностяхъ Лиды. Король принужденъ былъ спасаться въ Вильну, куда отправился на носилкахъ, привязанныхъ между двумя конями, сопровождаемый своею супругою, Еленою Ивановной, епископомъ Войтехомъ и короннымъ канцлеромъ Ласкимъ. До десятка тысячъ наскоро собраннаго литовскаго войска онъ поручилъ великому гетману литовскому Станиславу Кишкѣ и своему любимцу Михаилу Глинскому. Послѣдній поспѣшилъ ударить прямо на главный станъ прежде, нежели возвратятся къ нему распущенные отряды или загоны. Въ походѣ Кишка сильно захворалъ, и все начальство надъ войскомъ сосредоточилось въ рукахъ Глинскаго. Онъ напалъ на татарскихъ царевичей подъ Клецкомъ, и одержалъ надъ ними блистательную побѣду; не только почти всѣ плѣнные были отбиты, но и бòльшая часть хищниковъ или пала, или была взята въ плѣнъ. Когда извѣстіе объ этой побѣдѣ достигло Вильны, король находился уже на смертномъ одрѣ. Лишенный языка, онъ могъ только глазами и слабымъ мановеніемъ руки выразить свою радость о побѣдѣ, и вслѣдъ за тѣмъ скончался. Онъ оставилъ по себѣ память государя чрезвычайно щедраго на подарки и раздачу имѣній своимъ вельможамъ и слугамъ, чѣмъ совершенно истощилъ государственную казну, и раздарилъ едва не всѣ казенныя земли. Его бракъ съ Еленою Ивановною былъ бездѣтенъ.

Согласно съ желаніемъ покойнаго короля, канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло его для погребенія въ Краковъ; но литовскіе вельможи воспротивились тому: они должны были бы сопровождать его; а между тѣмъ, въ ихъ отсутствіе, Глинскій могъ воспользоваться своею славою побѣдителя и собраннымъ войскомъ, чтобы захватить въ свои руки верховную власть въ Литовскорусскомъ княжествѣ.

Короля погребли въ Вильнѣ. Вскорѣ затѣмъ прибылъ сюда и выбранный великимъ княземъ литовскимъ младшій Казиміровичъ Сигизмундъ, князь Глоговскій. Опасенія противъ Глинскаго не оправдались. Онъ первый выѣхалъ на встрѣчу Сигизмунду и привѣтствовалъ его, обѣщая съ своей стороны вѣрную службу. Вслѣдъ затѣмъ и польскіе паны-рады выбрали Сигизмунда своимъ королемъ.

Когда вѣсть о кончинѣ Александра Казиміровича достигла Москвы, Василій Ивановичъ отправилъ пословъ подъ предлогомъ навѣстить свою сестру, вдовствующую королеву Елену Ивановну. Но главная цѣль посольства была иная: онъ поручалъ ей внушить литовской радѣ, «чтобы похотѣли его государства и службы бы похотѣли», т. е. чтобы выбрали его, Василія, на литовскій престолъ, обѣщая ни въ чемъ не нарушать свободы католическаго вѣроисповѣданія. Посламъ поручено было переговорить о томъ же предметѣ съ епископомъ виленскимъ Войтехомъ, Николаемъ Радивиломъ и другими членами рады. Королева отвѣчала, что, по завѣщанію ея покойнаго супруга и по избранію рады, престолъ уже занялъ Сигизмундъ Казиміровичъ. Любопытно, однако, какъ рано въ Москвѣ проявляется идея о возсоединеніи западной Руси съ восточною не одною только силою оружія, но и другими способами. (2).

Сигизмундъ, самый младшій изъ сыновей Казиміра, вскорѣ показалъ, что онъ далеко превосходилъ своихъ старшихъ братьевъ умомъ, энергіей и политическою ловкостію. Природа одарила его, сверхъ того, величественною наружностью, а также замѣчательною тѣлесною крѣпостью и силою: онъ легко ломалъ подковы. Едва вступивъ на польскій и литовскій престолъ, онъ возобновилъ приготовленія своего предшественника къ войнѣ съ Москвою, чтобы отнять у нея завоеванныя Иваномъ русскія области, потеря которыхъ была слишкомъ чувствительна для Литвы. Время для того казалось благопріятнымъ. Москвитяне только что потерпѣли важныя неудачи подъ Казанью. Сигизмундъ вошелъ въ сношеніе съ Магометъ Аминемъ казанскимъ и его вотчимомъ, Менгли Гиреемъ крымскимъ, подговаривая ихъ одновременно съ литовцами идти на Московское государство. Къ участію въ этомъ наступательномъ союзѣ онъ приглашалъ и ливонскаго магистра Плеттенберга. Приготовляя такую коалицію противъ Москвы, Сигизмундъ отправилъ къ Василію Ивановичу посольство съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ и вмѣстѣ съ новымъ требованіемъ объ уступкѣ литовскихъ областей, захваченныхъ въ предыдущей войнѣ. Въ Москвѣ

на это требованіе дали прежній отвѣтъ, что великій князь никакихъ чужихъ вотчинъ за собою не держитъ, а держитъ города и волости свои собственные, наслѣдованные отъ своихъ прародителей. На жалобы литовскихъ пословъ относительно нѣкоторыхъ пограничныхъ обидъ и захватовъ со стороны московскихъ людей, московское правительство отвѣчало исчисленіемъ таковыхъ же обидъ отъ литовскихъ людей. Дѣло въ томъ, что благопріятныя для Сигизмунда обстоятельства уже миновали. Съ Казанью Василій успѣлъ помириться и могъ теперь собранныя противъ нея силы обратить въ другую сторону. Крымская орда ограничилась набѣгомъ на московскія украйны (лѣтомъ 1507 года); а затѣмъ Менгли-Гирей медлилъ своею помощью, хотя Сигизмундъ старался задобрить его большими подарками. Потворствуя его тщеславію, онъ взялъ у крымскаго хана, какъ бы у прямого наслѣдника Золотой орды, ярлыкъ не только на земли, которыми владѣлъ, на кіевскую, волынскую, подольскую, смоленскую, но и на тѣ города, которые находились подъ Москвою, каковы: Черниговъ, Новгородъ Сѣверскій, Курскъ, Путивль, Брянскъ, Мценскъ, Великій Новгородъ, а также Псковъ, Рязань и Пронскъ. Ливонскій магистръ Плеттенбергъ отказывался отъ участія въ войнѣ и, при посредничествѣ императора Максимильяна, хлопоталъ о заключеніи съ Москвою вѣчнаго мира. А, главное, въ самой Литовской Руси произошло тогда открытое возстаніе, поднятое Михаиломъ Глинскимъ.

Со вступленіемъ на престолъ Сигизмунда, князь Глинскій утратилъ свое первенствующее значеніе при литовскомъ дворѣ; мало того, новый король оказывалъ ему явную холодность и недовѣріе. Послѣднее особенно выражалось въ томъ, что у брата его, Ивана Львовича, Сигизмундъ отнялъ кіевское воеводство, вмѣсто котораго далъ новогродское, гораздо менѣе значительное. Съ своей стороны враждебные литовскіе паны старались оскорблять и унижать гордаго князя. Янъ Заберезинскій прямо обвинялъ его въ тайныхъ замыслахъ и называлъ его измѣнникомъ. Глинскій тщетно просилъ короля дать ему судъ съ Заберезинскимъ. Напрасно онъ ѣздилъ въ Венгрію къ королю Владиславу, Сигизмундову брату, съ просьбою вступиться въ его дѣло. Пылая мщеніемъ, онъ удалился въ свои туровскія помѣстья. Говорятъ, будто, уѣзжая, онъ сказалъ про короля, что вынужденъ имъ покуситься на такое дѣло, о которомъ послѣ оба они будутъ горько сожалѣть.

Въ Москвѣ, какъ видно, зорко слѣдили за всѣмъ, что происхо-

дило въ Литовской Руси. Сюда явились посланцы Василія Ивановича съ грамотами, которыя приглашали братьевъ Глинскихъ поддаться съ своими землями великому князю Московскому, конечно, подобно тому какъ поддались князья Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣлевскіе, Новосильскіе и др. Не вдругъ Михаилъ Львовичъ склонился на эти предложенія, и, вѣроятно, только обѣщанія посадить его на древній княжескій столъ, кіевскій или смоленскій, побудили его оставить колебанія и открыто поднять оружіе (1507). Московскія войска уже воевали литовскіе предѣлы со стороны Смоленска. Михаилъ Глинскій началъ съ того, что съ семью стами всадниковъ явился подъ Гродномъ; здѣсь внезапнымъ нападеніемъ захватилъ своего главнаго врага Заберезинскаго, велѣлъ отрубить ему голову и бросить ее въ озеро. Потомъ онъ соединился съ своими братьями, Иваномъ и Василіемъ, и началъ распространять возстаніе по западной Руси. Братья имѣли множество пріятелей и кліентовъ между русскими боярами и шляхтой, и, очевидно, хотѣли стать во главѣ русской православной партіи, которая была недовольна католической литовской династіей, т.-е. начинавшимися притѣсненіями своей церкви, и мечтала о возстановленіи утраченной самобытности. Въ слѣдующемъ 1508 году Глинскій широко распустилъ свои загоны, чтобы препятствовать сбору литовскихъ войскъ; ему удалось взять Туровъ, Мозырь и еще нѣкоторые города, и занять ихъ своими гарнизонами. Но его предпріятія противъ Слуцка и Минска не удались. Напрасно онъ звалъ къ себѣ на помощь московскихъ воеводъ, которые воевали земли по верхнему Днѣпру. По приказу Василія Ивановича, самъ Глинскій долженъ былъ идти туда-же на соединеніе съ московскими войсками и вмѣстѣ съ ними осаждать крѣпость Оршу. Но эта осада затянулась. Между тѣмъ Сигизмундъ собрался съ силами и лично пришелъ на помощь осажденнымъ. При его приближеніи московскіе воеводы, вопреки убѣжденіямъ Глинскаго, уклонились отъ рѣшительной битвы и отступили за Днѣпръ. Остановясь въ Смоленскѣ, король поручилъ начальство надъ войскомъ гетману литовскому, князю Константину Острожскому. Это тотъ самый князь Острожскій, который былъ разбитъ москвитянами и взятъ въ плѣнъ на Ведрошѣ при Иванѣ III. Василій Ивановичъ выпустилъ его на свободу подъ условіемъ службы и пожаловалъ вотчиною. Острожскій далъ клятвенную запись служить вѣрою и правдою и никуда не отъѣхать, за поручительствомъ митрополита Симона, нѣсколькихъ архимандритовъ и игуменовъ.

Великій князь поставилъ его въ числѣ своихъ воеводъ; а Константинъ Острожскій, извѣстный своею приверженностію православной церкви, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и бѣжалъ въ Литву, въ то самое время, когда католикъ Михаилъ Глинскій, наоборотъ, передался московскому государю.

Впрочемъ, на сей разъ война продолжалась недолго, и окончилась въ началѣ слѣдующаго 1509 года. Съ одной стороны, Сигизмундъ опасался, что возстаніе, поднятое Глинскимъ въ Литовской Руси, можетъ распространиться и повести къ новому отпаденію областей въ московское подданство, а съ другой — Василій Ивановичъ убѣдился, что помощь, оказанная ему этимъ возстаніемъ, далеко не соотвѣтствовала его ожиданіямъ. Поэтому онъ охотно согласился на мирныя предложенія Сигизмунда. Миръ былъ заключенъ на основаніи statu quo; но важно то, что за Москвою утверждены спорныя области, захваченныя Иваномъ III. За то братья Глинскіе поплатились своими владѣніями въ Литовской Руси, и должны были искать убѣжища и новыхъ вотчинъ у великаго князя московскаго.

Вслѣдъ за этимъ миромъ Ливонскій Орденъ тоже просилъ о продолженіи истекшаго перемирія, заключеннаго съ Иваномъ III. Перемиріе было продолжено на 14 лѣтъ (3).

Въ Москвѣ сознавали непрочность мира съ Литвою и воспользовались временнымъ отдыхомъ, чтобы покончить съ самобытностью Пскова—этой послѣдней на Руси вѣчевой общины. Василій Ивановичъ, вѣрный отцовскимъ преданіямъ, поступилъ въ этомъ случаѣ съ великимъ разсчетомъ и крайнею осторожностью.

Послѣднее время псковской самобытности сопровождалось внутренними распрями и смутами. При частой перемѣнѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Москвы уже безъ всякаго согласія со Псковомъ; при явномъ упадкѣ вѣчевого и посадническаго авторитета; при усиленіи черни, покровительствуемой Москвою,—псковское вѣче пріобрѣло болѣе шумный и безпорядочный характеръ; имъ завладѣли крикуны, не слушавшіе другъ друга и часто не понимавшіе того, что сами говорили. Вмѣстѣ съ тѣмъ упадало правосудіе, а безнаказанность поощряла лихихъ людей; появилось такое хищеніе общественныхъ суммъ, о которомъ дотолѣ не было слышно. Въ 1509 году былъ пойманъ въ воровствѣ пономарь Троицкаго собора Иванъ: онъ выбралъ деньги изъ ларей, т. е. изъ общественной казны, хранившейся въ кладовой этого собора, и

всего успѣлъ наворовать 400 рублей. Псковичи пытали его на вѣчѣ кнутомъ, и заставили во всемъ признаться. Это было на масляницѣ, а весною послѣ Троицына дня его живого сожгли на рѣкѣ Великой.

Въ началѣ того-же 1509 года Василій Ивановичъ отозвалъ изъ Пскова князя Петра Васильевича Великаго, а на его мѣсто прислалъ князя Ивана Михайловича Рѣпню Оболенскаго (изъ рода суздальскихъ князей), прозваннаго Найденомъ. Прозваніе это псковичи дали ему по слѣдующему поводу. Обыкновенно, при въѣздѣ новаго князя-намѣстника, псковичи выходили къ нему навстрѣчу съ духовенствомъ и со крестами, причемъ служили молебенъ, а потомъ отводили его въ Троицкій соборъ и тамъ совершали торжественный обрядъ посаженія на столъ. Но въ Москвѣ такія церемоніи считали уже излишними, а потому Оболенскій не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ и прямо остановился на загородномъ княжемъ дворѣ, гдѣ псковичи его и нашли (оттуда и прозваніе Найдена). Впрочемъ, они послѣ того отслужили молебенъ на Торговой площади и все-таки совершили обрядъ посаженія въ Троицкомъ соборѣ. Этотъ князь-намѣстникъ оказался лютъ и немилостивъ до псковичей, особенно до класса зажиточнаго, помѣщичьяго, такъ что своими притѣсненіями и вымогательствами скоро вызвалъ жалобы великому князю со стороны псковскихъ дѣтей посадничьихъ и боярскихъ. Повидимому, уже самое назначеніе Рѣпни Оболенскаго во Псковъ было сдѣлано съ разсчетомъ на его характеръ и на эти жалобы. Великій князь отвѣчалъ псковичамъ, что дастъ имъ управу, какъ скоро пріѣдетъ въ Великій Новгородъ. Въ октябрѣ 1510 года онъ, дѣйствительно, прибылъ сюда, окруженный многочисленною военною силою. Цѣлью сего военнаго похода былъ, конечно, не Новгородъ Великій, а именно Псковъ; но псковичи въ это время дѣйствовали какъ-бы пребывая въ какой-то слѣпотѣ, и сами помогали противъ себя великому князю.

Услыхавъ о пріѣздѣ Василія въ Новгородъ, псковичи отправили туда послами двухъ посадниковъ, Юрія Елисѣевича и Михаила Помазова, и по боярину съ каждаго конца. Посольство поднесло великому князю въ даръ полтораста новгородскихъ рублей и било ему челомъ отъ его отчины Пскова на обиды князя Рѣпни и его людей. Василій принялъ даръ и ласково отвѣчалъ, что онъ хочетъ «свою отчину жаловати и боронити», а князя Рѣпню обѣщалъ обвинить, какъ скоро соберутся на него многіе жалобники. Воротясь

во Псковъ послы на вѣчѣ передали полученный ими отвѣтъ. Послѣ того князь Рѣпня Оболенскій самъ поѣхалъ въ Новгородъ къ государю съ жалобами на псковичей, которые его будто-бы «безчествовали». Межъ тѣмъ посадники собирали тѣхъ, кто имѣлъ какое-либо челобитье на князя-намѣстника; посылали разыскивать таковыхъ-же по пригородамъ, и всѣхъ отправляли въ Новгородъ. Въ томъ числѣ поѣхали и такіе псковичи, которые желали воспользоваться великокняжимъ судомъ во взаимныхъ своихъ распряхъ. Такъ, старый посадникъ Леонтій билъ челомъ на посадника Юрія Копыла. Послѣдній долженъ былъ также ѣхать въ Новгородъ, чтобы тягаться со своимъ противникомъ. Этотъ Юрій вскорѣ прислалъ во Псковъ грамоту съ такими словами: «аще не поѣдутъ посадники изо Пскова говорити противу князя Ивана Рѣпни, ино будетъ вся земля виновата». Очевидно, великій князь не довольствовался собравшеюся въ Новгородѣ толпою псковскихъ челобитчиковъ, а желалъ вызвать къ себѣ какъ можно болѣе начальныхъ или лучшихъ людей изъ Пскова. Тутъ только въ душу гражданъ запало предчувствіе чего-то недобраго или, по выраженію ихъ лѣтописца, «псковичемъ сердце уныло». Однако, они исполнили совѣтъ: въ Новгородъ отправились еще девять посадниковъ и купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Но великій князь все еще не давалъ имъ никакой управы, и говорилъ только: «копитеся, жалобные люди, на Крещеніе дамъ всѣмъ управу». Когда насталъ этотъ праздникъ (6 января 1510 года), псковичамъ велѣно было идти на водосвятіе на рѣку Волховъ, куда прибылъ великій князь со всѣми своими боярами и съ духовенствомъ. На ту пору въ Новгородѣ не было владыки: послѣ Серапіона, удаленнаго въ Москву за распри съ Іосифомъ Волоцкимъ, новый владыка еще не былъ назначенъ. Воду святилъ епископъ Коломенскій. Послѣ водосвятія всѣ пошли въ Софійскій соборъ, а псковичамъ великокняжіе бояре кликнули, что государь велѣлъ имъ всѣмъ копиться на владычнемъ дворѣ, гдѣ онъ дастъ имъ управу. Когда они всѣ собрались сюда, московскіе бояре отдѣлили псковскихъ посадниковъ, бояръ и купцовъ, и ввели ихъ въ палату, а молодшіе, т. е. простые люди, остались на дворѣ. Двери палаты накрѣпко затворились за лучшими псковскими людьми. Настала рѣшительная минута.

«Поиманы есте Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси»!—громко молвили имъ московскіе бояре.

Этимъ лучшимъ людямъ уже не суждено было увидать свой

родной Псковъ: имъ предстоялъ выводъ, т. е. невольное переселеніе въ Московскую область. Ихъ помѣстили въ томъ же архіерейскомъ домѣ въ ожиданіи, пока прибудутъ изъ Пскова ихъ семьи. А молодшихъ людей, переписавъ, роздали новгородцамъ, чтобы тѣ кормили и стерегли ихъ впредь «до управы».

Въ это самое время одинъ псковскій «купчина» Филиппъ Поповичъ, ѣхавшій съ товаромъ въ Новгородъ, остановился на Веряжѣ (западный притокъ оз. Ильменя). Тутъ онъ услыхалъ о насильственномъ задержаніи своихъ согражданъ. Бросивъ товаръ, Поповичъ погналъ назадъ, и, прискакавъ во Псковъ, объявилъ народу, что «князь великій посадниковъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ». Псковичи были поражены скорбію и страхомъ. Созвали вѣче, и начали спрашивать другъ друга: «ставить ли щитъ противъ государя» и приготовлять ли городъ къ оборонѣ? Но тутъ вспомнили о своемъ крестномъ цѣлованіи великому князю, а главное о томъ, что въ его рукахъ находится значительная часть ихъ посадниковъ, бояръ и другихъ лучшихъ людей, безъ которыхъ трудно было что-либо предпринять. Пока граждане раздумывали, не зная на что рѣшиться, изъ Новгорода пріѣхалъ одинъ изъ задержанныхъ тамъ купцовъ, по имени Онисимъ Манухинъ, съ грамотою отъ своихъ товарищей. Московскіе бояре уже успѣли войти въ переговоры съ захваченными псковскими лучшими людьми, объявивъ имъ, что государь за неправды ихъ посадниковъ и судей долженъ возложить на нихъ свою великую опалу, но что онъ, однако, оказываетъ имъ милость и требуетъ только снятія вѣчевого колокола и водворенія своихъ намѣстниковъ, которые будутъ судить во Псковѣ и по пригородамъ. Въ противномъ случаѣ великій князь грозилъ войною и большимъ кровопролитіемъ. Лишенные свободы, псковичи согласились на эти требованія, и принесли присягу на вѣрное служеніе государю. Въ грамотѣ, которую привезъ Онисимъ Манухинъ, они извѣщали своихъ согражданъ, что уже дали государю крѣпкое слово на его требованія за себя и за всю Псковскую землю. Выслушавъ эту грамоту, псковское вѣче отправило въ Новгородъ гонцомъ сотскаго Евстафія съ смиреннымъ челобитьемъ, чтобы государь сжалился надъ своею «старинною отчиною». Очевидно, псковичи надѣялись изъявленіемъ полной покорности смягчить великаго князя и отдалить отъ себя судьбу, постигшую ихъ старшаго брата, т. е. Великій Новгородъ. Наивная надежда.

Въ Псковъ пріѣхалъ отъ великаго князя дьякъ Третьякъ Дал-

матовъ. 12 января, въ субботу, уже довольно поздно, собралось вѣче у Св. Троицы. Подлѣ Троицкаго собора находился возвышенный помостъ или «вѣчевая степень». Далматовъ взошелъ на степень и прежде всего сказалъ Пскову поклонъ отъ великаго князя. А затѣмъ объявилъ двѣ его воли: первая, чтобы вѣча болѣе не было и колоколъ вѣчевой снять; вторая (чтобы посадниковъ болѣе не было, а) быть въ городѣ двумъ намѣстникамъ и по пригородамъ тоже быть намѣстникамъ. «А только тѣхъ двухъ воль не сотворите — заключилъ дьякъ, — ино какъ государю Богъ по сердцу положитъ, ино у него много силы готовой, и то кровопролитіе на тѣхъ будетъ, кто государевы воли не сотворитъ; да государь нашъ князь великій хочетъ побывати на поклонъ ко святѣй Троицы во Псковъ». Окончивъ свое слово, Далматовъ сѣлъ тутъ же на степени, въ ожиданіи отвѣта.

Хотя суровыя московскія требованія уже не составляли никакой неожиданности, однако, псковичи были сильно смущены и молча проливали слезы. Наконецъ, попросили сроку до слѣдующаго утра, чтобы подумать объ отвѣтѣ.

Тяжела была наступившая ночь; въ городѣ слышались плачъ и стенанія; граждане, очевидно, не могли придумать ничего другаго, кромѣ покорности.

На разсвѣтѣ воскресенья 13 января вѣчевой колоколъ въ последній разъ собралъ псковичей на вѣче. И тутъ посадникъ, отъ имени города, далъ такой отвѣтъ Далматову:

— «Въ нашихъ лѣтописцахъ записано крестное цѣлованіе псковичей прадѣду, дѣду и отцу государя, на томъ, чтобы намъ не отойти отъ великаго князя, который будетъ на Москвѣ, не отойти ни къ Литвѣ, ни къ нѣмцамъ, а если сіе учинимъ или начнемъ жить безъ государя, то да будетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огонь, и потопъ, и нашествіе поганыхъ; а если государь нашъ великій князь не учнетъ насъ въ старинѣ держати и то крестное цѣлованіе не будетъ соблюдать, на него такой же обѣтъ, какъ и на насъ. А нынѣ воленъ Богъ, да государь въ своей отчинѣ во градѣ Псковѣ и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ. А мы прежняго своего цѣлованія не хотимъ измѣнити и на себя кровопролитіе приняти, и на государя своего руки подняти, и въ городѣ запертися не хотимъ. А государь нашъ князь великій хочетъ Живоначальной Троицѣ помолитися и въ своей отчинѣ побывати, и мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ; да не погубитъ насъ до конца».

Вѣчевой колоколъ немедленно спустили съ Троицкой звонницы. Смотря на него, граждане горько плакали о своей старинѣ и минувшей вольности. Въ ту же ночь Третьякъ Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ великому князю.

Спустя нѣсколько дней, во Псковъ прибыли съ передовымъ военнымъ отрядомъ московскіе воеводы: князь Петръ Великій, Хабаръ и Челяднинъ, и начали приводить гражданъ къ присягѣ. За ними слѣдовалъ самъ государь съ главными силами. Псковскіе посадники, бояре и дѣти боярскіе отправились встрѣчать его въ селеніе Дубровну, т. е. на самую границу своей земли. 24-го января въ четвергъ Василій Ивановичъ вступилъ во Псковъ. Граждане вышли къ нему на встрѣчу за три версты отъ города, и ударили ему челомъ въ землю. Василій спросилъ ихъ о здоровьѣ.

— «Ты бы, государь, нашъ князь великій, царь всея Руси, былъ здоровъ!»—получилъ онъ въ отвѣтъ.

Прибывшій напередъ его коломенскій владыка Вассіанъ Кривой сказалъ псковскимъ священникамъ, что великій князь не велѣлъ имъ выходить далеко къ нему на встрѣчу со крестами. Поэтому духовенство ожидало его со крестами на Торговой площади. Тутъ Василій слѣзъ съ коня, принялъ благословеніе отъ владыки и отправился съ своею свитою въ соборъ св. Троицы, гдѣ отслужили молебенъ и пропѣли многолѣтіе государю. Послѣ чего владыка Вассіанъ, осѣнивъ великаго князя крестомъ, сказалъ:

— «Да благословитъ тебя Господь Богъ, Псковъ вземши».

Услыхавъ такое привѣтствіе, бывшіе въ церкви псковичи оскорбились и горько заплакали. Очевидно, москвичи не цѣнили ихъ покорность и относились къ нимъ какъ къ побѣжденному непріятелю. «Богъ воленъ, да государь, а мы изстари были отчиною его отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣдовъ!» говорили граждане.

Но мѣра ихъ страданій еще далеко не исполнилась.

Въ ближнее воскресенье, 27-го января, великій князь позвалъ на свой дворъ псковскихъ посадниковъ, дѣтей посадничьихъ, бояръ, купцовъ и житьихъ людей, говоря: «хочу васъ жаловати своимъ жалованьемъ». Когда псковичи собрались на дворъ, повторилось то же, что произошло въ Новгородѣ. На крыльцѣ стоялъ князь Петръ Васильевичъ Великій, бывшій прежде намѣстникомъ во Псковѣ и, слѣдовательно, хорошо знавшій лучшихъ людей; онъ выкликалъ поименно посадниковъ, бояръ и старѣйшихъ купцовъ, приглашая ихъ войти въ гридню. Тамъ вошедшихъ московскіе бояре

немедленно «отдавали за приставы», т. е. подъ стражу московскимъ дѣтямъ боярскимъ. А молодшимъ людямъ, оставшимся на дворѣ, Петръ Васильевичъ сказалъ: «до васъ государю дѣла нѣтъ, а до которыхъ государю дѣло есть, тѣхъ онъ къ себѣ емлетъ того для, что вы бивали на нихъ челомъ не одинова, что вамъ отъ нихъ чинится продажа и сила великая, а васъ государь пожалуетъ грамотою своею жалованною, какъ вамъ впередъ жити». Съ тѣмъ отпустилъ ихъ со двора. Лучшимъ же людямъ, задержаннымъ въ гриднѣ, объявлено, что «во Псковѣ имъ оставаться непригоже по причинѣ многихъ на нихъ жалобъ и что государь жалуетъ ихъ своимъ жалованьемъ въ Московской землѣ». На другой же день ихъ съ женами, дѣтьми и легкимъ имуществомъ отправили въ Москву въ сопровожденіи отряда боярскихъ дѣтей. Съ ними посланы также жены и дѣти тѣхъ псковичей, которые были прежде задержаны въ Новгородѣ. Всего тогда выведено было изъ Пскова 300 семей. На мѣсто ихъ во Псковъ переведено было столько же семей изъ торговаго сословія разныхъ московскихъ городовъ. При самомъ размѣщеніи ихъ во Псковѣ приняты такія мѣры, которыя лишали его всякой возможности затѣять какое-либо возмущеніе противъ московскаго государя, подобное новгородскому 1480 года. Во-первыхъ, псковскій дѣтинецъ или Кромъ (т. е. Кремль) былъ совершенно очищенъ отъ построекъ или клѣтей, наполненныхъ частнымъ имуществомъ (которое хранилось здѣсь для большей безопасности). На ихъ мѣстѣ назначено построить государевъ дворъ и его хлѣбныя житницы. Далѣе, въ Среднемъ городѣ, примыкавшемъ къ Домонтовой стѣнѣ дѣтинца, всѣ дворы отобраны также на государя и розданы переселенцамъ изъ Москвы, а прежніе ихъ обитатели переведены въ Окольній городъ и на посадъ. Въ Среднемъ же городѣ помѣщены были дворы московскихъ намѣстниковъ, а при нихъ, въ видѣ гарнизона, тысяча московскихъ боярскихъ дѣтей и пятьсотъ новогородскихъ пищальниковъ. Сообразно съ этою мѣрою уничтоженъ и главный городской торгъ, находившійся въ Среднемъ городѣ; новое мѣсто для него отведено было также въ Окольномъ городѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнены и самыя условія торговли: прежде во Псковѣ торговля была свободная; въ городѣ не было заставъ или колодъ для взиманія пошлинъ съ привозимыхъ товаровъ, а теперь московскіе гости, по приказу великаго князя, установили московскую тамгу; въѣзды и выѣзды стали охраняться московскими пищальниками и воротниками. Деревни псковскихъ бояръ, сведен-

ныхъ въ Москву, великій князь роздалъ своимъ боярамъ и служилымъ людямъ. Во Псковѣ онъ посадилъ двухъ намѣстниковъ, Григорія Ѳедоровича Морозова и Ивана Андреевича Челяднина, и двухъ дьяковъ — Мисюря Мунехина и Андрея Волосатаго; назначилъ 12 городничихъ, которые завѣдывали городскими укрѣпленіями, огнестрѣльнымъ снарядомъ, пищальниками и воротниками (вѣроятно, двухъ для Пскова, а остальныхъ — для его десяти пригородовъ). Кромѣ того, опредѣлилъ 12 старостъ изъ коренныхъ обывателей и столько же изъ новыхъ, т. е. московскихъ переселенцевъ. Эти 24 человѣка должны были по очереди присутствовать на судѣ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Въ память псковскаго взятія Василій Ивановичъ велѣлъ соорудить тутъ церковь во имя Ксеніи, ибо онъ прибылъ во Псковъ въ день ея памяти. Цѣлыя четыре недѣли онъ прожилъ здѣсь, перестраивая старую вѣчевую общину на московскій ладъ. На второй недѣлѣ поста въ понедѣльникъ Василій, наконецъ, выѣхалъ изъ Пскова, при чемъ захватилъ съ собою и другой, меньшій, вѣчевой колоколъ или такъ называемый Корсунскій вѣчникъ.

Хотя великій князь, согласно помянутому его обѣщанію молодшимъ людямъ, далъ Пскову новую уставную грамоту, по которой его намѣстники въ городѣ и по пригородамъ должны были творить судъ и правду; однако, съ его отъѣздомъ немедленно начались жестокія притѣсненія населенію и вымогательства отъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ. Такъ, напримѣръ, ихъ приставы начали съ подсудимыхъ взимать отъ поруки по пяти, семи и даже десяти рублей; а если псковитинъ не даетъ этихъ денегъ, ссылаясь на грамоту великаго князя, то его подвергали нещаднымъ побоямъ. Присутствіе на судѣ выборныхъ городскихъ старостъ, очевидно, не сдерживало произвола московскихъ чиновниковъ, смотрѣвшихъ на судъ какъ на средство наживы. Отъ ихъ насилій и поборовъ многіе жители покинули свои дома и семьи, и разбѣжались по инымъ городамъ; многіе уходили въ монастыри и постригались; торговые иноземцы также разъѣхались по своимъ землямъ; остались только тѣ псковичи, которымъ некуда было дѣться; такъ какъ, по выраженію ихъ лѣтописца: «земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть».

Живо и поэтично изображаетъ этотъ лѣтописецъ картину бѣдствій, обрушившихся на его родной городъ:

«О славнѣйшій граде Пскове великій! почто бо сѣтуешь и плачешь?—Отвѣчаетъ прекрасный градъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтова-

ти, не плакати и не скорбѣти о своемъ опустѣніи? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, исполненный львиныхъ когтей, и взялъ отъ меня три кедра Ливанова, красоту мою, богатство и чада мои похитилъ. Божьимъ попущеніемъ землю пусту сотворили, градъ нашъ раззорили, люди мои плѣнили; одни торжища мои раскопали, а другіе коневымъ каломъ заметали; отцовъ и братію нашу развели туда, гдѣ не бывали отцы и дѣды и прадѣды наши, а матерей и сестеръ нашихъ въ поруганіе дали. Многіе во градѣ постригались въ чернецы, а жены въ черницы, не хотя идти въ полонъ во иные грады... Мы не покаялись, но на большій грѣхъ превратились, на злые поклепы и лихія дѣла и на вѣчѣ кричаніе, не вѣдая главою, что языкъ глаголетъ; не умѣя своего дому строити, хотимъ градъ содержати... И у намѣстниковъ, и у ихъ тіуновъ, и у дьяковъ великаго князя правда ихъ, крестное цѣлованіе, взлетѣла на небо и кривда въ нихъ нача ходити, и нача быти многая злая отъ нихъ, были немилостивы до псковичъ; а псковичи бѣдные не вѣдали правды московскія».

Великій князь, однако, не одобрилъ поведеніе своихъ первыхъ двухъ намѣстниковъ во Псковѣ. Въ слѣдующемъ 1511 году онъ смѣнилъ ихъ; а на ихъ мѣсто назначилъ уже знакомаго псковичамъ князя Петра Великаго и князя Семена Курбскаго. Мѣстный лѣтописецъ замѣчаетъ, что эти намѣстники были добрые, и при нихъ начали возвращаться на родину тѣ псковичи, которые разбѣжались было отъ насилія ихъ предшественниковъ. Великій и Курбскій оставались во Псковѣ четыре года. Вообще, намѣстники здѣсь мѣнялись довольно часто; но одинъ изъ двухъ назначенныхъ сюда дьяковъ, Мисюрь Мунехинъ, завѣдывавшій приказными дѣлами, оставался неизмѣнно до самой своей смерти (1528 г.). Пользуясь довѣріемъ великаго князя и умѣя поминками задабривать его приближенныхъ, этотъ опытный, умный дьякъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ почти все управленіе вновь присоединенной области, т. е. ея дѣла гражданскія и церковныя, руководилъ ея внѣшними отношеніями къ сосѣдямъ-нѣмцамъ и постройкою новыхъ укрѣпленій во Псковѣ. Мунехинъ явился здѣсь самымъ виднымъ проводникомъ московской государственности и московскихъ обычаевъ. Между прочимъ, любопытны его отношенія къ сферѣ церковной.

Верстахъ въ пятидесяти отъ Пскова, почти на самомъ рубежѣ съ Ливоніей, не задолго до того времени, возникла небольшая обитель съ двумя храмами, однимъ пещернымъ во имя Успенія Бого-

родицы, другимъ нагорнымъ во имя преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія—очевидно, въ подражаніе монастырю Кіево-Печерскому. Во время предыдущей Ливонской войны она подверглась разоренію. Дьякъ Мисюрь вмѣстѣ съ своимъ подъячимъ Ортюшою псковитиномъ излюбили это мѣсто, начали посѣщать его въ богородичные праздники въ сопровожденіи многихъ людей, одѣляли и кормили братію. Это привлекло и другихъ богомольцевъ; слава обители росла вмѣстѣ съ молвою о совершавшихся въ ней исцѣленіяхъ. Мисюрь на собственное иждивеніе раскопалъ гору; возвелъ при старой пещерѣ новый храмъ и братскія келіи; возилъ по большимъ праздникамъ отсюда великому князю просвиры и святую воду, и, такимъ образомъ, сдѣлалъ эту обитель извѣстною и чтимою въ самой Москвѣ. Возобновленный имъ и устроенный, Псково-Печерскій монастырь явился потомъ не только одной изъ главныхъ святынь Псковской земли, но и важнымъ оплотомъ ея отъ Литвы и Ливонскихъ нѣмцевъ, благодаря своимъ крѣпкимъ каменнымъ стѣнамъ съ башнями. Далѣе, Василій Ивановичъ, повидимому, имѣлъ намѣреніе осуществить давнее стремленіе псковичей къ самостоятельной епархіи, т. е. къ церковному отдѣленію отъ Новгорода: теперь обѣ общины были присоединены къ Москвѣ и она могла бы безпрепятственно произвести это отдѣленіе. Когда, въ 1528 году, новгородскій владыка Макарій пріѣхалъ во Псковъ на обычный мѣсячный подъѣздъ, тутъ неожиданно для него дьякъ Мунехинъ показалъ ему великокняжую грамоту, по которой ему дозволялось оставаться во Псковѣ не цѣлый мѣсяцъ, а только 10 дней. Вѣроятно, эта мѣра должна была служить переходомъ къ отдѣленію псковской епархіи отъ новгородской. Однако, дальнѣйшихъ мѣръ не послѣдовало, и прежнее положеніе удержалось еще на цѣлыя шестьдесятъ лѣтъ. Но именно, въ томъ же 1528 году, умеръ скоропостижно дьякъ Мунехинъ, и погребенъ въ помянутомъ Печерскомъ монастырѣ. Можетъ быть, съ его-то смертію и пришла въ забвеніе мысль объ основаніи псковской епархіи. Послѣ его смерти, по приказу великаго князя, производился какой-то розыскъ объ его «животахъ», т. е. объ его имуществѣ, при чемъ близкій Мунехину человѣкъ, подъячій Ортюша, подвергся пыткѣ. Повидимому, дѣло это возникло по жалобѣ племянниковъ Мунехина, обманувшихся въ надеждѣ получить отъ него большое наслѣдство. У него найдены были только записи, кому и сколько денегъ онъ роздалъ на Москвѣ (или въ долгъ, или въ поминокъ), боярамъ, дьякамъ и дѣтямъ боярскимъ. Великій князь велѣлъ всѣ

эти деньги взыскать въ собственную казну. Лѣтописецъ иронически замѣчаетъ, что послѣ Мисюря дьяки часто мѣнялись и были они «мудры, а земля пуста, и начала казна великаго князя во Псковѣ множиться, а изъ дьяковъ ни одинъ не съѣхалъ по здорову въ Москву, все воевали другъ на друга». Въ псковскихъ городахъ московскіе намѣстники утѣсняли и разоряли гражданъ, въ особенности «подметомъ и поклепомъ», т. е. привлекая ихъ къ суду съ помощію ложно взводимыхъ преступленій.

Такъ окончила свое почти двухсотлѣтнее самобытное существованіе псковская община. Зависимость отъ Москвы была уже настолько велика, а мѣры, принятыя Василіемъ III, были такъ обдуманы, что присоединеніе Пскова совершилось безъ всякаго пролитія крови. Впрочемъ, матеріальными силами и политическими преданіями онъ не могъ тягаться съ своимъ старшимъ братомъ—Великимъ Новгородомъ. Не захотѣлъ онъ также измѣнять обще-русскому отечеству и искать союза съ исконными своими врагами нѣмцами или вступать въ подданство католическаго короля Польши и Литвы, чтобы противупоставить ихъ Москвѣ. Къ тому не встрѣчаемъ никакихъ даже попытокъ, хотя во Псковѣ не было, конечно, недостатка въ людяхъ, предвидѣвшихъ близкое паденіе самобытности. Съ глубокою скорбію, но тихо, съ молчаливымъ достоинствомъ подчинился Псковъ своей участи, и въ этомъ отношеніи остался вѣренъ своему общему историческому характеру, безспорно имѣющему многія свѣтлыя, симпатичныя стороны. Объединеніе Псковской земли съ Московскимъ государствомъ, какъ мы видѣли, сопровождалось насильственнымъ выводомъ или переселеніемъ ея лучшихъ людей (впрочемъ, далеко не въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какъ въ Новгородѣ) и важными перемѣщеніями въ самомъ городѣ. Все это, конечно, стоило большихъ экономическихъ или имущественныхъ потерь; затѣмъ, обѣдненіе земли усилилось отъ грубости и неправосудія московскихъ намѣстниковъ, тіуновъ и дьяковъ. Обѣдненіе, смѣшеніе съ московскими переселенцами и вліяніе московскихъ порядковъ не замедлили обнаружиться и на самыхъ нравахъ. По замѣчанію наблюдательнаго иностранца той эпохи (Герберштейна) на мѣсто прежнихъ гуманныхъ и общительныхъ псковскихъ нравовъ появились испорченные московскіе; прежде въ торговыхъ дѣлахъ псковичи отличались честностію и вѣрностію своему слову, а теперь стали прибѣгать ко лжи и обманамъ. Хотя подобное свидѣтельство не чуждо пристрастія и преувеличенія, но несомнѣнно оно заклю-

чаетъ въ себѣ долю правды. Огрубѣніе нравовъ, впрочемъ, по разнымъ признакамъ, и здѣсь началось уже прежде ([4]).

Покончивъ съ псковскою самобытностію, московскій государь возобновилъ борьбу съ польско-литовскимъ королемъ.

Заключенный въ 1509 году миръ оказался только небольшимъ перемиріемъ. Пограничныя ссоры и взаимныя обиды не прекращались и служили постояннымъ предметомъ жалобъ и пререканій съ обѣихъ сторонъ. Но главнымъ поджигателемъ къ новой войнѣ, повидимому, служилъ Михаилъ Глинскій съ его неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и обманутыми надеждами. Сигизмундъ опасался этого безпокойнаго врага и не разъ, хотя тщетно, просилъ его выдачи, обвиняя его то въ смерти своего брата, Александра Казиміровича, то въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ датскимъ королемъ. Глинскій въ свою очередь воспользовался положеніемъ вдовствующей королевы Елены Ивановны, чтобы обострить московско-литовскія отношенія. Устраненная по смерти мужа отъ всякой политической роли, Елена предавалась хозяйственной дѣятельности и попеченіямъ о своихъ литовскихъ имѣніяхъ, данныхъ ей Александромъ и Сигизмундомъ, разъѣзжала по своимъ волостямъ, выдавала разныя грамоты относительно ихъ управленія, и, вѣрная привычкамъ своего рода, копила себѣ большую казну. Василій Ивановичъ, при частыхъ посольскихъ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ дворомъ, постоянно справлялся, нѣтъ ли какихъ обидъ его сестрѣ, не принуждаютъ ли ее къ латинской вѣрѣ, держатъ ли въ чести? Очевидно, высшее католическое духовенство Польши и Литвы продолжало съ неудовольствіемъ смотрѣть на вдовствующую королеву, столь непоколебимую въ своемъ православіи; а подъ вліяніемъ духовенства литовскіе католическіе вельможи также стали относиться къ ней недружелюбно; вѣроятно, кромѣ того, они съ завистью смотрѣли на ея имѣнія и богатую казну. Какъ бы то ни было, только въ 1512 году въ Москву пришла слѣдующая жалоба отъ Елены Ивановны: собралась она изъ Вильны, по обычаю, ѣхать въ свое имѣніе, въ городъ Браславль, куда послала уже напередъ себя своихъ людей. Вдругъ воеводы виленскій Николай Радивилъ и трокскій Григорій Остыковъ съ другими панами не только не пустили ее въ Браславль, но вывели ее изъ храма Пречистыя, взявъ за рукава; насильно посадили въ сани и отправили въ Троки, говоря, будто она хочетъ уѣхать въ Москву со всей своей казной; а изъ Трокъ отвезли ее

въ жмудское мѣстечко Бирштаны; имѣнья и казну у нея отняли, людей ея разогнали и держатъ ее въ неволѣ.

Василій немедленно послалъ къ Сигизмунду съ запросами и укоризнами. Сигизмундъ отвѣчалъ, что никакого насилія Еленѣ не было, а только ее просили не ѣздить въ Бреславль по причинѣ небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Но вслѣдъ затѣмъ пришло изъ Литвы другое болѣе скорбное извѣстіе: Елена, находясь въ неволѣ, внезапно скончалась. Дѣло не обошлось, конечно, безъ молвы о томъ, что смерть была насильственная. Такую молву особенно поддерживалъ Михаилъ Глинскій, который узналъ даже подробности этого темнаго дѣла и подалъ о нихъ запись государю. А именно: Елена изъ своей неволи посылала къ королю Сигизмунду жалобу на своихъ притѣснителей, но король никакой управы не учинилъ. Тогда помянутые литовскіе паны умыслили на ея жизнь; они подкупили трехъ человѣкъ изъ прислуги, въ томъ числѣ собственнаго ключника королевы, Митьку Иванова, и прислали имъ лихое зелье. Это зелье подмѣшали въ медъ и дали испить королевѣ въ четвергъ на всеѣдной недѣлѣ. Къ вечеру ея уже не стало. Съ тою вѣстью пригналъ въ Вильну къ панамъ ключникъ Митька. Николай Радивилъ принялъ его въ свою службу и наградилъ имѣніемъ. Правда ли все это, о томъ историку приходится сказать вмѣстѣ съ русскою лѣтописью: «Богъ вѣсть». Но невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ.

Другая еще болѣе важная причина разрыва заключалась въ коварной политикѣ Сигизмунда по отношенію къ Крымской Ордѣ. Усердными подговорами, подарками хану, его царевичамъ и вельможамъ Сигизмунду удалось разрушить долголѣтній союзъ Менгли-Гирея съ Москвою и вооружить противъ нея Орду. Не смотря на недавно заключенный миръ съ Василіемъ, король вступилъ въ тайный договоръ съ ханомъ и обязался платить ему ежегодно по 15,000 золотыхъ, если татары будутъ воевать Московское государство. Менгли-Гирей былъ уже старъ и не могъ держать власть твердою рукою, а его буйные сыновья жаждали добычи. Въ теченіе 1512 года Крымскіе татары, подъ начальствомъ царевичей Ахмата и Бурнашъ-Гирея, сдѣлали три набѣга на Бѣлевскія и Рязанскія украйны и подступали, хотя безуспѣшно, къ самой Рязани. Съ этого времени открылся длинный рядъ опустошительныхъ набѣговъ Крымской разбойничьей орды, имѣвшихъ неисчислимыя послѣдствія для всего Московскаго государства.

Москва имѣла въ Крыму своихъ доброхотовъ и немедленно узнала о договорѣ Литвы съ ханомъ, а также о военныхъ приготовленіяхъ Сигизмунда. Въ думѣ великокняжей рѣшено было предупредить врага. Василій послалъ королю «складную грамоту» или объявленіе войны, и вслѣдъ за тѣмъ зимою 1513 года самъ выступилъ въ походъ съ Михаиломъ Глинскимъ, воеводами Даніиломъ Щенею и Рѣпнею Оболенскимъ. На сей разъ предпринятая война имѣла опредѣленную цѣль: возвращеніе отъ Литвы древняго русскаго города Смоленска съ его областью. Осада этого города продолжалась шесть недѣль. Смоленскъ, расположенный по крутымъ холмамъ Днѣпровскаго берега, былъ хорошо укрѣпленъ. Великій князь попыталъ взять его нечаяннымъ ночнымъ приступомъ, и для ободренія людей велѣлъ имъ выкатить бочки меду и пива. Въ полночь полупьяные пищальники полѣзли на укрѣпленія, а «посоха» (пѣшая рать, набранная изъ крестьянъ) несла за ними приметъ; но приступъ былъ отбитъ съ большими потерями. Василій воротился въ Москву, а лѣтомъ того же года онъ вновь осадилъ Смоленскъ. Межъ тѣмъ другая рать, собранная въ Новогородской и Псковской области, ходила на Полоцкъ, а оттуда пришла также къ Смоленску. Хотя москвитяне выиграли открытую битву подъ Смоленскомъ, однако осада его и на сей разъ не удалась. Московскій пушечный «нарядъ», огражденный турами, громилъ стѣны, но дѣйствовалъ неискусно; а то, что онъ разрушалъ днемъ, осажденные успѣвали исправлять ночью. Опять Василій воротился въ Москву, ограничась опустошеніемъ литовскихъ предѣловъ. Однако, рѣшено было добывать Смоленскъ во что бы ни стало, и не медля начали готовиться къ новому походу. Съ особеннымъ усердіемъ хлопоталъ о томъ Михаилъ Глинскій, которому, какъ говорятъ, Смоленскъ былъ обѣщанъ на правахъ удѣльнаго княженія. Онъ посылалъ вѣрнаго человѣка въ Силезію, Чехію и къ нѣмцамъ, чтобы нанимать тамъ въ московскую службу людей, хорошо знавшихъ военное дѣло. Такіе люди, дѣйствительно, были наняты и прибыли въ Москву чрезъ Ливонію.

Императоръ Максимильянъ не только держалъ сторону Москвы, но и усердно возбуждалъ ее къ войнѣ. Онъ имѣлъ виды на Чехію и Венгрію, которыми владѣла тогда династія Ягеллоновъ, въ лицѣ старшаго Сигизмундова брата Владислава Казиміровича. Этимъ видамъ Габсбургскаго дома сильно противодѣйствовала національная венгерская партія, во главѣ которой стоялъ знатный магнатъ графъ Іоаннъ

Заполыя; а король польско-литовскій Сигизмундъ не только дружилъ съ этой партіей, но и вступилъ въ бракъ съ сестрою Іоанна Заполыи, Варварою, въ 1512 г., чѣмъ сильно вооружилъ противъ себя Максимильяна. Сей послѣдній предложилъ свой союзъ государю Московскому и къ тому же союзу привлекъ молодого тевтонско-прусскаго магистра Альбрехта Бранденбургскаго, который хотя по матери и былъ родной племянникъ Сигизмунда польско-литовскаго, но стремился уничтожить вассальную зависимость своего ордена отъ польскаго короля и воротить прусскіе города, отнятые поляками при Казимірѣ IV. Кромѣ Тевтонскаго ордена, Максимильянъ старался привлечь къ тому же союзу датскаго короля Христіана II, женатаго на его внучкѣ Изабеллѣ. Михаилъ Глинскій, хорошо знакомый съ отношеніями германскихъ владѣтелей и съ нѣкоторыми изъ нихъ самихъ, былъ душою ихъ переговоровъ о союзѣ съ Москвою противъ Польши.

Зимою 1514 года цесарскій посолъ (Шнитценпайнеръ) прямо отъ тевтонскаго магистра Альбрехта прибылъ въ Москву, гдѣ именемъ императора заключилъ съ великимъ княземъ формальный договоръ о союзѣ противъ польскаго короля. Съ договорной грамотой онъ отправился въ Германію въ сопровожденіи московскихъ пословъ, и Максимильянъ присягою подтвердилъ договоръ. А лѣтомъ того же года Василій Ивановичъ въ третій разъ подступилъ къ Смоленску. На сей разъ москвитяне выставили большое количество пушекъ и пищалей, которыми принялись громить городъ неустанно; въ то же время дѣлали частые приступы. Смоленскій воевода Юрій Соллогубъ продолжалъ мужественно обороняться и отбилъ нѣсколько приступовъ. Наконецъ, разрушеніе и пожары, произведенные въ городѣ московскими ядрами, привели жителей въ уныніе, и они начали требовать сдачи. (Есть извѣстіе, что Глинскій вошелъ съ ними въ тайные переговоры). Тщетно Соллогубъ говорилъ, что самъ король вскорѣ явится на выручку города; русскіе граждане и духовенство, съ владыкою Варсонофіемъ во главѣ, ударили челомъ великому князю, чтобы онъ унялъ свой мечъ, и отворили ему ворота. 31-го іюля, по распоряженію Василія, Даніилъ Щеня вступилъ въ городъ, привелъ его жителей къ присягѣ на вѣрность своему государю и смѣнилъ литовскій гарнизонъ московскимъ. На слѣдующій день самъ великій князь съ своими братьями и боярами торжественно въѣхалъ въ Смоленскъ, встрѣченный на посадѣ народомъ и духовенствомъ съ иконами и крестами. Въ соборномъ Успенскомъ

храмѣ пѣли благодарственный молебенъ, послѣ котораго протодьяконъ съ амвона велегласно провозгласилъ многолѣтіе великому князю, повторенное епископомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и пѣвчими на обоихъ клиросахъ. Епископъ благословилъ государя крестомъ и сказалъ: «Божіей милостію радуйся преславный царю Василій, великій князь, всея Руси самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ града Смоленска, на многа лѣта!» Послѣ того подходили къ Василію съ тѣмъ же поздравленіемъ его братья, бояре, воеводы и прочіе московскіе люди, а также мѣстные бояре и граждане. Смольняне обнимались съ москвичами и другъ съ другомъ, радуясь своему освобожденію отъ Литвы, подъ которою находились болѣе ста лѣтъ. Было общее ликованіе. Отслушавъ литургію и побывавъ на древнекняжескомъ дворѣ, великій князь воротился въ свой станъ. Сюда призывалъ онъ смоленскихъ бояръ, лучшихъ гражданъ и дѣтей боярскихъ, угощалъ ихъ обѣдомъ, одѣлялъ соболями, бархатомъ, аксамитомъ, камками, деньгами. Тѣ западнорусскіе служилые люди, которые остались и вступили въ службу московскую, получили награды по два рубля и по сукну на платье, а которые не захотѣли остаться получили по рублю и отпущены въ Литву. Юрій Соллогубъ пожелалъ воротиться къ своему королю, и былъ отпущенъ; но въ Польшѣ его судили какъ измѣнника и отрубили ему голову. Вообще Василій Ивановичъ обошелся съ смольнянами очень милостиво, совсѣмъ не такъ, какъ съ псковичами. Не было ни вывода, ни отобранія имуществъ. Въ Москву переселялись только желающіе, и тѣмъ давали при этомъ вспоможеніе. Особой жалованной грамотой Василій подтвердилъ за духовенствомъ, боярами и прочими смоленскими людьми ихъ земли и владѣнія, а также тѣ льготные судебные и гражданскіе уставы, которые даны были смольнянамъ великими князьями литовскими, при чемъ освободилъ ихъ отъ ежегодной сторублевой дани, взимавшейся съ города прежними государями. ([5]).

Спустя нѣсколько дней по занятіи Смоленска, Василій Ивановичъ отправилъ воеводъ для отобранія другихъ городовъ Смоленской земли. Князь города Мстиславля самъ передался москвитянамъ, и оставленъ въ своемъ Мстиславскомъ удѣлѣ. Жители Кричева и Дубровны также добровольно присягнули на московское подданство. Межъ тѣмъ Сигизмундъ, шедшій съ польско-литовскимъ войскомъ и наемными отрядами чеховъ, нѣмцевъ, венгровъ и пр. на выручку Смоленска, достигъ Минска, когда узналъ о взятіи этого города.

Василій отрядилъ на встрѣчу непріятелю Глинскаго, двухъ братьевъ Булгаковыхъ, Челяднина и нѣкоторыхъ другихъ воеводъ. Москвитяне стояли подъ Друцкомъ, а король подвинулся къ Борисову, когда обнаружилась измѣна Глинскаго. Великій князь, конечно, не для того возвратилъ Россіи Смоленскъ, чтобы создавать изъ него особое княженіе для литовскаго выходца; а сей честолюбецъ, обманувшись въ своихъ разсчетахъ, задумалъ измѣнить Василію, и вновь перейти въ Литву, о чемъ и завелъ тайные переговоры съ Сигизмундомъ. Король былъ радъ отнять у своего противника такого энергичнаго и свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ помощника, и обѣщалъ Глинскому разныя милости. Но во время ихъ взаимныхъ пересылокъ одинъ королевскій посланецъ попался въ руки москвитянъ; найденныя у него грамоты обнаружили все дѣло; а по другимъ извѣстіямъ собственный слуга Глинскаго донесъ о его бѣгствѣ въ королевскій станъ. Князь Михаилъ Булгаковъ-Голица тотчасъ поскакалъ съ коннымъ отрядомъ въ объѣздъ, опередилъ бѣглеца и устроилъ ему засаду. Глинскій и его люди попали на эту засаду и были схвачены. Василій велѣлъ его заключить въ оковы и отослалъ въ Москву. Хотя измѣннику и не удалось уйти въ непріятельскій лагерь, однако, измѣна его не замедлила отразиться на перемѣнѣ военнаго счастья. Очевидно, онъ успѣлъ раскрыть врагу наши слабыя стороны и приглашалъ его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Король двинулъ свое войско съ береговъ Березины къ Днѣпру, поручивъ главное начальство великому литовскому гетману князю Константину Острожскому. Тѣснимые имъ, московскіе отряды отступили на лѣвый берегъ Днѣпра и остановились противъ Орши. Сюда приспѣли и другіе московскіе полки. Если вѣрить хвастливымъ польскимъ извѣстіямъ, число московской рати будто бы достигало 80,000 человѣкъ, тогда какъ непріятелей было 35,000.

Изъ многихъ московскихъ воеводъ, собравшихся подъ Оршею, главное мѣсто занялъ бояринъ и окольничій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ, вельможа заслуженный, но дотолѣ не отличившійся какими либо военными подвигами. Повидимому, не всѣ воеводы охотно ему подчинялись изъ-за мѣстническихъ счетовъ. Высокомѣріе и недальновидность его простирались до того, что по тѣмъ же иноземнымъ извѣстіямъ онъ будто бы, вопреки совѣтамъ, не хотѣлъ напасть на половину непріятельскаго войска, переправившуюся на лѣвый берегъ Днѣпра, а ожидалъ, пока переправится все войско, надѣясь разбить его и забрать въ плѣнъ помощію великаго своего

превосходства въ силахъ. Сообразно съ тѣмъ, онъ растянулъ свои оба крыла такъ, чтобы окружить непріятеля. Битва была очень упорна и длилась до самой ночи; долго побѣда колебалась на ту и на другую сторону. Наконецъ, Константинъ Острожскій притворнымъ отступленіемъ навелъ большой московскій полкъ на то мѣсто, гдѣ стояли пушки, и онѣ произвели такое разрушительное дѣйствіе, что москвитяне не выдержали и бросились назадъ. Тогда непріятели дружнымъ ударомъ довершили наше разстройство и пораженіе. Между Оршею и Дубровной впадаетъ въ Днѣпръ рѣчка Кропивна; эта рѣчка, говорятъ, была запружена тѣлами москвитянъ, тонувшихъ въ ней во время своего бѣгства, такъ что теченіе ея на время остановилось. Челяднинъ, оба брата Булгаковы, два брата Колычовы, князь Иванъ Пронскій, два князя Ромодановскихъ и много другихъ князей и бояръ были взяты въ плѣнъ; а дворянъ и дѣтей боярскихъ захвачено до полутора тысячъ, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ снарядомъ и обозомъ. Всего мы потеряли около половины войска, и только наступившая ночь помогла спастись остальнымъ. Дѣло происходило въ первой половинѣ сентября 1514 года. Велика была радость непріятелей отъ этой побѣды. Константинъ Острожскій, забывъ собственную измѣну русской народности, велѣлъ пѣть благодарственные молебны и давалъ обѣты построить новыя церкви. Сигизмундъ разсылалъ папѣ Льву X и другимъ государямъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и русскихъ плѣнниковъ въ подарокъ. А Челяднина и нѣкоторыхъ его товарищей онъ велѣлъ въ оковахъ посадить въ тѣсное заключеніе. Спустя нѣсколько лѣтъ, одинъ иноземный посолъ (Герберштейнъ) посѣтилъ въ Вильнѣ этихъ несчастныхъ узниковъ, слышалъ ихъ жалобы, и далъ имъ въ займы нѣсколько золотыхъ. Московскій государь, повидимому, наказалъ ихъ за пораженіе совершеннымъ пренебреженіемъ къ ихъ участи.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ оршинскаго пораженія было отпаденіе къ Литвѣ князя Мстиславскаго, а также городовъ Дубровны и Кричева, не смотря на ихъ недавнюю присягу. Въ самомъ Смоленскѣ ободрилась партія, непріязненная Москвѣ, и тайно призывала короля, обѣщая сдать ему городъ. Главою заговора, говорятъ, былъ епископъ Варсонофій. Но здѣсь бодрствовалъ московскій воевода, князь Василій Шуйскій. Извѣщенный вѣрными гражданами о затѣянной крамолѣ, онъ схватилъ епископа и отослалъ его къ великому князю, который тогда стоялъ въ Дорогобужѣ. Въ надеждѣ

на смоленскихъ измѣнниковъ. Константинъ Острожскій спѣшилъ сюда съ небольшимъ отборнымъ войскомъ. Но, вмѣсто отворенныхъ воротъ, онъ нашелъ городъ приготовленнымъ къ мужественной оборонѣ, а на стѣнахъ его увидалъ заговорщиковъ повѣшенными въ тѣхъ самыхъ собольихъ шубахъ, камкахъ, бархатахъ, съ серебряными чарками и кубками на шеѣ, которыми дарилъ ихъ великій князь послѣ взятія Смоленска. Острожскій попытался было на приступъ, но былъ отбитъ и со стыдомъ ушелъ назадъ. Такимъ образомъ, главная цѣль войны—Смоленскъ все-таки остался въ нашихъ рукахъ. Но громъ Оршинской побѣды, конечно, не мало поднялъ духъ противной стороны и надолго вселилъ ей пренебреженіе къ московскимъ силамъ въ открытомъ полѣ (6).

Взятіе Смоленска и Оршинская битва составляютъ два самыхъ крупныхъ событія въ девятилѣтней русско-литовской войнѣ (1513—1522 гг.). Послѣ нихъ обѣ стороны какъ бы утомились сдѣланными усиліями, и хотя продолжали войну, но съ очевидной неохотой, съ перерывами, избѣгая рѣшительныхъ дѣйствій, завязывая постоянно мирные переговоры, но постоянно неудачные. Дѣло въ томъ, что московскій государь, достигнувъ своей главной цѣли, т. е. Смоленска, на сей разъ ни къ чему болѣе не стремился, кромѣ удержанія завоеваннаго; а польско-литовское правительство никакъ не хотѣло уступить такой важный пунктъ, но въ то-же время не имѣло достаточно силъ, чтобы отвоевать этотъ пунктъ обратно. Пользуясь превосходствомъ вооруженія, обученія и тактики, королевскіе полководцы могли иногда одерживать побѣды надъ отсталыми въ военномъ дѣлѣ, нестройными московскими ополченіями; но польско-литовскій король въ своемъ государствѣ не пользовался такою властью надъ военно-служебнымъ сословіемъ, какъ московскій государь въ своей. Сборъ денежныхъ средствъ и военныхъ людей и выступленіе въ походъ сопровождались тамъ многими препятствіями и затрудненіями; уже въ ту эпоху едва ли не главную роль въ военное время стали тамъ играть войска собственно наемныя, набранныя изъ иноземцевъ. А въ умѣніи брать хорошо укрѣпленные города поляки-литвины были почти также неискусны, какъ и москвитяне. Кромѣ того, обѣ стороны были отвлекаемы другими внѣшними отношеніями: Москва татарскими, а Польша-Литва прусскими, турецкими и отчасти татарскими.

При такихъ условіяхъ воюющія стороны были не прочь отъ иноземнаго посредничества, чтобы добиться мира.

Король Сигизмундъ первый началъ хлопотать объ отвлеченіи Максимильяна отъ союза съ московскимъ великимъ княземъ: хотя императоръ германскій, вопреки заключенному въ 1514 году договору, и не думалъ воевать съ Поляками, но онъ возбуждалъ противъ нихъ другихъ враговъ. Посредникомъ въ примиреніи Сигизмунда съ Максимильяномъ явился братъ перваго, венгерскій король Владиславъ; при чемъ польскій король отказывался отъ своего противодѣйствія видамъ Габсбурговъ на будущее венгерское наслѣдство и соглашался на условленный еще въ 1507 году двойной брачный союзъ между внуками Максимильяна и дѣтьми Владислава. Назначенъ былъ съѣздъ трехъ государей во владѣніяхъ Владислава, именно, въ венгерскомъ городѣ Пожогѣ (Пресбургъ), куда Сигизмундъ прибылъ съ многочисленною и роскошно убранною свитою изъ польскихъ и литовскихъ вельможъ. Но императоръ заставилъ себя долго ждать и, наконецъ, пригласилъ обоихъ королей-Ягеллоновъ къ себѣ въ Вѣну. Здѣсь въ одинъ и тотъ же день (въ іюлѣ 1515 г.) совершено торжественное обрученіе десятилѣтняго Владиславова сына Людвига съ внучкою Максимильяна Маріей и тринадцатилѣтней дочери Анны заразъ съ обоими внуками императора, Карломъ и Фердинандомъ, предоставляя будущему окончательный выборъ между ними. Такимъ образомъ, политика Максимильяна увѣнчалась успѣхомъ: эти брачные союзы приготовили будущее господство нѣмецкой династіи въ Чехіи и Венгріи. Съ своей стороны, Максимильянъ обѣщалъ отступиться отъ союза противъ Польши съ магистромъ тевтонскимъ и государемъ московскимъ, содѣйствовать примиренію Сигизмунда съ послѣднимъ и, если возможно, привлечь Москву къ союзу христіанскихъ государей противъ страшныхъ въ то время Османскихъ турокъ.

Сближеніе Сигизмунда съ Максимильяномъ еще болѣе укрѣпилось, когда въ слѣдующемъ 1516 году умеръ Владиславъ, король чешско-венгерскій, и оба они сообща завѣдывали опекою надъ малолѣтнимъ его преемникомъ Людовикомъ. Около того-же времени скончалась польская королева Варвара Заполья, не оставивъ королю наслѣдниковъ мужескаго пола. Сигизмундъ задумалъ вступить въ новый бракъ и, при посредствѣ того-же Максимильяна, просилъ руки итальянской принцессы Боны изъ дому миланскихъ герцоговъ Сфорца. На этотъ выборъ повліяли красота и богатое приданое принцессы. Предложеніе его было принято. (Бракъ съ нею состоялся въ 1518 году). Межъ тѣмъ, Василій Ивановичъ, узнавъ о переходѣ

своего высокаго союзника на противную сторону, не скрывалъ неудовольствія, и пріѣзжавшіе въ Москву Максимильяновы посланцы, хлопотавшіе о примиреніи Москвы съ Польшею, не имѣли никакого успѣха. Тогда императоръ для сей цѣли назначилъ большое посольство, во главѣ котораго поставилъ барона Сигизмунда Герберштейна, не только хорошаго дипломата, но и мужа весьма образованнаго, изучившаго, между прочимъ, славянскій (виндскій) языкъ на своей родинѣ въ Крайнѣ.

18-го апрѣля 1517 года Гербештейнъ съ своею свитою имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, происходившій по установленному здѣсь для таковыхъ случаевъ церемоніалу. Посольство помѣстили въ домѣ князя Ряполовскаго, куда доставляли всѣ нужные для него припасы; но назначенные къ нему приставы строго слѣдили за всѣми дѣйствіями посла и даже за его разговорами. Спустя три дня, его съ обычными церемоніями проводили во дворецъ, гдѣ онъ представлялся великому князю и вручилъ свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ былъ приглашенъ къ царскому обѣду. Двое знатныхъ бояръ, одинъ казначей, одинъ дворецкій и три дьяка были назначены для веденія переговоровъ съ посломъ. Участіе въ нихъ бояръ было болѣе номинальное, а главнымъ лицомъ явился тутъ великокняжій казначей грекъ Юрій Малый, мужъ весьма свѣдущій и опытный въ дѣлахъ —одинъ изъ тѣхъ грековъ, которые пріѣхали въ Москву вслѣдъ за Софьею Палеологъ и служили еще отцу Василія Ивану III. Въ первомъ же совѣщаніи съ этими лицами, Герберштейнъ, восхваливъ могущество, родственныя и дружескія связи своего государя римскаго цезаря Максимильяна съ другими европейскими владѣтелями, объявилъ, что главную его заботу составляетъ утвержденіе общаго мира въ христіанствѣ; такъ какъ невѣрные, т. е. турки и татары, пользуясь несогласіемъ христіанскихъ правителей, все болѣе и болѣе распространяютъ свои завоеванія, поэтому онъ очень желаетъ прекратить пагубную для христіанства брань между Москвою и Польшею. Великій князь чрезъ бояръ отвѣтилъ, что готовъ заключить миръ, если польскій король пришлетъ своихъ пословъ. Герберштейнъ предложилъ, чтобы послы обѣихъ сторонъ съѣхались на границѣ или, такъ какъ пограничныя мѣста опустошены войною и города выжжены, устроить съѣздъ въ Ригѣ. Но московская дипломатія прежде всего заботилась о сохраненіи достоинства своего государства: при Иванѣ III и во время предыдущей войны Василія, польско-литовскіе послы пріѣзжали въ

Москву для заключенія мира, а не наоборотъ, и бояре объявили это ужъ обычаемъ или такою стариною, отъ которой Москва не отступитъ. Герберштейнъ отправилъ своего племянника фонъ-Турна къ польскому королю съ просьбою прислать въ Москву своихъ пословъ.

Въ началѣ октября королевскіе послы—католикъ Янъ Щитъ и православный панъ Богушъ Боговитиновъ, дѣйствительно, прибыли къ Москвѣ. Но въ то же самое время пришло извѣстіе, что литовскій гетманъ князь Константинъ Острожскій осадилъ псковскій пригородъ Опочку. Король думалъ этимъ нападеніемъ подкрѣпить свои требованія и произвести, такъ сказать, давленіе на московское правительство. Онъ ошибся въ разсчетѣ: ничто не могло поколебать твердости этого правительства. Королевское посольство не было впущено въ городъ и помѣщено въ подмосковной слободѣ Дорогомиловѣ; а Герберштейну объявлено, что литовскіе послы останутся тамъ, пока воеводы великаго князя «не перевѣдаются» съ Константиномъ Острожскимъ. Пришлось ждать недѣли три. Наконецъ, прискакали гонцы съ извѣстіемъ, что московскіе воеводы Ѳедоръ Оболенскій, Лопата Телепневъ и Иванъ Лятцкой литовское войско побили и Константинъ Острожскій ушелъ отъ Опочки. Тогда литовскіе послы были введены въ городъ и получили аудіенцію у великаго князя. Переговоры возобновились, но были безуспѣшны. Сначала обѣ стороны предъявили невозможныя условія: великій князь потребовалъ казни тѣхъ пановъ, которые учинили насиліе его сестрѣ Еленѣ, возвращенія ея казны и волостей, отдачи Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, составлявшихъ отчину его прародителей; а король желалъ не только получить обратно Смоленскъ, но еще половину Новгорода, Псковъ, Тверь и всю Сѣверскую землю. Разумѣется, такія требованія были несерьезны и предъявлялись только съ цѣлью дѣлать какъ бы уступки. При посредничествѣ Герберштейна дальнѣйшіе переговоры свелись къ одному пункту: къ Смоленску. Литва хотѣла непремѣнно его воротить, а Москва ни за что не уступала. Несмотря на всю дипломатическую ловкость и наружное безпристрастіе императорскаго посла, великій князь ясно видѣлъ, что онъ хлопочетъ въ пользу противной стороны. Напрасно Герберштейнъ составилъ увѣщательную записку, гдѣ вздумалъ ссылаться на историческіе примѣры Филиппа Македонскаго, оказавшаго умѣренность послѣ побѣды надъ аѳинянами, на царя Пирра, утратившаго въ одинъ часъ всѣ плоды прежнихъ

побѣдъ, на своего государя Максимильяна, великодушно возвратившаго Верону венеціанамъ, на самого Ивана III, который царство Казанское отдалъ назадъ татарамъ. Умные московскіе дипломаты, промолчавъ о древнихъ царяхъ македонскомъ и эпирскомъ, отвѣтили отъ имени великаго князя: «ино то братъ нашъ Максимильянъ, избранный цезарь римскій и наивысшій король, вѣдаетъ, которымъ обычаемъ венецѣяномъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ, ни имѣти хотимъ, чтобы намъ своя отчина отдавати». О царствѣ же Казанскомъ объяснили, что государь Иванъ Васильевичъ не отдавалъ его татарамъ, а просто посадилъ тамъ царя «изъ своихъ рукъ», т. е. зависимаго отъ Москвы. Вообще въ теченіе этихъ долгихъ переговоровъ московская дипломатія показала себя вѣрною завѣту Ивана III и достойною своихъ греческихъ учителей. Ясно сознаваемая цѣль, вѣжливый языкъ, обстоятельныя сужденія и твердость въ національной политикѣ—вотъ тѣ качества, которыя надолго усвоила себѣ эта дипломатія.

По упорству обѣихъ сторонъ, около половины ноября мирные переговоры были, наконецъ, прерваны. Послы королевскіе покинули Москву, а вслѣдъ за ними былъ отпущенъ Герберштейнъ, осыпанный ласками и знаками почета со стороны великаго князя. Передъ окончаніемъ переговоровъ, посолъ передалъ просьбу цезаря отпустить къ нему Михаила Глинскаго. И эту просьбу великій князь отклонилъ; бояре его отвѣтили, что Глинскій за свою измѣну долженъ былъ подвергнуться казни, но онъ изъявилъ желаніе воротиться въ греческую вѣру своихъ родителей, о чемъ билъ челомъ митрополиту Варлааму; поэтому его освободили отъ казни и отдали митрополиту на испытаніе. Съ Герберштейномъ Василій Ивановичъ отправилъ къ императору своего дьяка Племянникова.

Несмотря на неудачу, Максимильянъ не отказался отъ посредничества, и вновь присылалъ своихъ пословъ въ Москву. Но эти сношенія были прерваны его смертью въ 1519 году. Между тѣмъ, военныя дѣйствія продолжались; московскіе полки еще нѣсколько разъ вторгались въ литовскія владѣнія и ихъ опустошали; въ 1518 году они осаждали Полоцкъ, а въ слѣдующемъ доходили до самой Вильны. Взаимныя пересылки Василія съ магистромъ тевтонскаго ордена Альбрехтомъ о союзѣ противъ Сигизмунда повели, наконецъ, къ открытой войнѣ Ордена съ Польшею въ 1520 году; причемъ великій князь, несмотря на свою разсчетливость, помогъ Альбрехту деньгами для найма военныхъ отрядовъ въ Германіи. Около

того-же времени Крымскіе татары сдѣлали нѣсколько опустошительныхъ набѣговъ въ литовско-русскія области. Московское правительство, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Польско-литовскаго государства, старалось вызвать («позадать») короля на мирные переговоры, и онъ вновь присылалъ своихъ пословъ въ Москву; но опять не сошлись въ условіяхъ, и тѣмъ болѣе, что Москва требовала возвращенія плѣнныхъ, взятыхъ въ «великой битвѣ» (Оршинской). Въ слѣдующемъ (1521) году обстоятельства уже перемѣнились: Альбрехтъ былъ побѣжденъ поляками и заключилъ съ ними четырехлѣтнее перемиріе, а на востокѣ оба татарскія царства, Крымское и Казанское, выступили противъ Москвы соединенными силами. Наконецъ, только въ 1522 г. воюющимъ сторонамъ удалось заключить пятилѣтнее перемиріе; при чемъ Москва удержала за собой Смоленскъ, но отказалась отъ возвращенія плѣнныхъ.

При заключеніи перемирія предположено было продолжать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Чтобы добиться этого мира и окончательной уступки Смоленска, на которую король ни за что не соглашался, Василій Ивановичъ вновь обратился къ посредничеству германскаго императора, которымъ тогда былъ внукъ Максимильяна, Карлъ V, король испанскій. Московскіе послы (князь Засѣкинъ и дьякъ Борисовъ) ѣздили для того къ Карлу въ Мадридъ (въ 1524 г.). Императоръ и его братъ, эрцгерцогъ австрійскій Фердинандъ, благосклонно отнеслись къ этому дѣлу, и оправили въ Москву великое посольство, во главѣ котораго были поставлены графъ Нугароль и тотъ же баронъ Герберштейнъ, которые прибыли въ Москву въ апрѣлѣ 1526 года. Вскорѣ сюда же пріѣхалъ и съ тою же задачею посолъ папы Климента VII, Іоаннъ Францискъ, епископъ скаренскій, сопровождаемый ѣздившимъ въ Римъ московскимъ посломъ Димитріемъ Герасимовымъ. Римская курія пыталась воспользоваться московско-польскою войною для своей завѣтной цѣли, т. е. для подчиненія русской церкви папскому главенству. Она также предлагала свое посредничество для заключенія мира; кромѣ того, предлагала короновать великаго князя королевскимъ вѣнцомъ, а московскаго митрополита возвести въ санъ патріарха; вмѣстѣ съ тѣмъ старалась привлечь Василія къ союзу европейскихъ государей противъ турокъ, маня его «константинопольскимъ наслѣдствомъ». За всѣ эти блага требовалось только признаніе Флорентійской уніи. Потери, которымъ подверглось тогда папство со стороны начавшейся реформаціи, побуждали его тѣмъ настойчивѣе хлопотать о под-

чиненіи себѣ Русской церкви, и пересылки наши съ Римомъ продолжались уже нѣсколько лѣтъ. Всѣ подобныя ухищренія куріи, по обыкновенію, остались безплодны. Москва, съ своей стороны, не прочь была поддерживать эти сношенія, но только до тѣхъ поръ, пока считала ихъ нелишними для своихъ политическихъ цѣлей; а затѣмъ рѣшительно уклонилась и отъ уніи, и отъ войны съ отдаленною отъ нея Турецкою державою.

Въ октябрѣ 1526 года пріѣхали литовскіе послы: плоцкій воевода Петръ Кишка и литовскій подскарбій Михаилъ Богушъ-Боговитиновъ. Начались переговоры при посредствѣ пословъ императорскихъ и папскаго. Но Смоленскъ опять послужилъ неодолимымъ препятствіемъ для вѣчнаго мира. Согласились только продолжить пятилѣтнее перемиріе еще на шесть лѣтъ. Императорскіе послы получили отъ великаго князя въ подарокъ парчевые кафтаны, подбитые соболями, и значительное количество дорогихъ мѣховъ. Прямой своей цѣли двукратное посольство Герберштейна не достигло, но оно имѣло важныя послѣдствія въ другомъ отношеніи. Плодомъ его явились знаменитыя «Записки о Московіи», которыя возбудили большой интересъ въ западной Европѣ, впервые дали ей обстоятельный и довольно правдивый очеркъ Московскаго государства и надолго послужили главнымъ источникомъ, откуда черпали свои свѣдѣнія послѣдующіе иноземные писатели о Россіи. (7).

Въ предыдущемъ 1525 году бывшій союзникъ Василія магистръ Прусскаго духовно-рыцарскаго ордена Альбрехтъ уступилъ напору распространившагося въ Сѣверной Германіи лютеранства, вмѣстѣ съ своимъ орденомъ отказался отъ монашескихъ обѣтовъ и произвелъ секуляризацію (обращеніе въ свѣтскій характеръ) его владѣній. Въ качествѣ наслѣдственнаго герцога Восточной Пруссіи онъ заключилъ съ своимъ дядею королемъ польскимъ вѣчный миръ, признавъ свое герцогство вассальнымъ владѣніемъ Польской короны и получивъ на него въ Краковѣ отъ Сигизмунда торжественную инвеституру. Благополучно окончивъ эту польско-прусскую распрю, Сигизмундъ вслѣдъ затѣмъ совершилъ другое еще болѣе важное и выгодное для своего королевства дѣло: присоединеніе Мазовіи. Здѣсь княжили юные сыновья Кондрада III, Станиславъ и Янушъ, подъ опекою матери своей Анны, происходившей изъ фамиліи Радивиловъ. Вдругъ оба княжича одинъ за другимъ сошли въ могилу (въ 1524 и 1526); вмѣстѣ съ ними прекратилась мужская линія Мазовецкихъ Пя-

стовъ, и это вассальное княжество должно было воротиться подъ владѣніе Польской короны. Неожиданная и быстрая кончина братьевъ возбудила больпіе толки между мазовецкою шляхтою: прошелъ слухъ объ ихъ отравленіи, и нѣкоторые прямо обвиняли въ томъ супругу короля Бону Сфорца, которая какъ истая итальянка временъ Макіавели не стѣснялась въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Чтобы успокоить взволнованные умы, Сигизмундъ поспѣшилъ въ Варшаву, отправилъ торжественное погребеніе послѣднему княжичу, т. е. Янушу; устроилъ временное управленіе княжества подъ вѣдѣніемъ той-же вдовствующей княгини Анны Радивиловны, подтвердилъ за шляхтою ея мѣстныя права и привиллегіи, и разставилъ свои гарнизоны въ Мазовецкихъ городахъ. Такъ мирно и легко былъ возсоединенъ этотъ древнепольскій край съ Великой и Малой Польшей: Сигизмундъ Ягеллонъ довершилъ дѣло объединенія, начатое Владиславомъ Локеткомъ. Но въ томъ же 1526 году династія Ягеллоновъ понесла великую потерю съ другой стороны: въ августѣ подъ Могачемъ, въ битвѣ съ Турками, палъ племянникъ Сигизмунда молодой чешско-венгерскій король Людовикъ, не оставивъ потомства. Тогда прекратилась династическая связь Польши съ Чехіей и Венгріей: оба послѣднія королевства достались эрцгерцогу Австрійскому Фердинанду, брату императора Карла V. Выше помянутые браки, предусмотрительно заключенные ихъ дѣдомъ Максимильяномъ, привели Габсбургскій домъ къ его завѣтной цѣли. Въ самомъ Польско-Литовскомъ государствѣ Ягеллова династія грозила скоро угаснуть. Отъ перваго брака Сигизмундъ имѣлъ однѣхъ дочерей. И только вторая его супруга Бона родила ему единственнаго сына, Сигизмунда Августа (1520). Отецъ постарался обезпечить за нимъ обѣ короны: едва мальчику минуло девять лѣтъ, какъ онъ былъ выбранъ на великое княженіе Литовское, Русское и Жмудское и посаженъ на столъ въ виленскомъ соборѣ Св. Станислава (1529); а въ слѣдующемъ году совершилось его коронованіе въ Краковѣ. Такимъ образомъ въ Литвѣ и Польшѣ повторилось то же самое вѣнчаніе наслѣдника и какъ бы соправителя, какое мы видѣли въ Москвѣ за тридцать лѣтъ до того, во времена Ивана III.

Обратимся теперь къ отношеніямъ татарскимъ при Василіи III.

Частыя пересылки съ Менгли-Гиреемъ продолжались по прежнему: послы московскіе отправлялись съ подарками въ Крымъ, а крымскіе ѣздили за подарками въ Москву; но перемѣна въ отношеніяхъ сказывалась и въ ихъ пріемѣ. Вотъ что сообщалъ москов-

скій посолъ бояринъ Морозовъ о тѣхъ притѣсненіяхъ и обидахъ, которымъ онъ подвергался въ столицѣ Крымскаго хана. Бояринъ, въ сопровожденіи присланнаго за нимъ Аппакъ-мурзы и своей свиты, поѣхалъ въ ханскій дворецъ править свое посольство и представить хану подарки (состоявшіе изъ шубъ и другого платья, а также изъ соболей, кусковъ сукна и т. п.). У городскихъ воротъ онъ сошелъ съ коня, и по обычаю «каршевался» (здоровался) съ сидѣвшими тутъ крымскими князьями и мурзами; но одинъ изъ нихъ, Кудоярь-мурза, назвалъ посла холопомъ и отнялъ у его подъячаго шубу, которую несли въ числѣ подарковъ. Затѣмъ стоявшіе у дверей дворца ясаулы потребовали съ посла посошной пошлины за допущеніе къ хану, бросивъ передъ нимъ свои посохи; но Морозовъ имѣлъ приказъ не платить этой пошлины, ссылаясь на шертную (клятвенную) грамоту, по которой русскіе послы освобождены отъ всякихъ платежей. Не отвѣчая ясауламъ, онъ переступилъ ихъ посохи, и вошелъ къ хану, который принялъ его въ присутствіи своихъ царевичей, оглановъ (высшихъ татарскихъ сановниковъ) и князей. Ханъ спросилъ посла о здоровьѣ великаго князя, а царевичи съ нимъ «каршевались». Отправивъ посольство, Морозовъ былъ приглашенъ къ ханскому столу. Тутъ по обычаю ханъ отлилъ изъ чаши вино, и велѣлъ ее подать послу; тоже сдѣлали царевичи и князья; но когда очередь дошла до Кудояръ-мурзы, Морозовъ отказался пить изъ одной съ нимъ чаши, и сталъ жаловаться хану на помянутыя выше обиды. Ханъ старался его оправдать; а когда посолъ ушелъ, то онъ разбранилъ Кудояра и отнялъ у него шубу. Однако это не помѣшало царевичамъ съ угрозами упрекать посла въ недостаточности сдѣланныхъ имъ подарковъ и требовать бòльшаго. Когда лѣтомъ слѣдующаго 1510 года Морозовъ воротился въ Москву, съ нимъ пріѣхали крымскіе послы и жена Менгли-Гирея Нурсалтанъ. Она желала повидаться здѣсь съ своимъ младшимъ сыномъ Абдылъ-Летифомъ; а отсюда ѣздила въ Казань повидаться съ Магометъ-Аминемъ, другимъ своимъ сыномъ (отъ перваго мужа, казанскаго хана Ибрагима). По возвращеніи изъ Казани, Нурсалтанъ опять побывала въ Москвѣ, и уѣхала въ Крымъ, осыпанная отъ великаго князя почестями и подарками и сопровождаемая его посломъ къ Менгли-Гирею. Повидимому, она только подкрѣпила добрыя отношенія Москвы къ ханствамъ Казанскому и Крымскому. На дѣлѣ однако вышло противное, и вскорѣ обнаружилось стремленіе Крымцевъ и Казанцевъ къ тѣсному взаимному союзу, направленному противъ Московскаго государства.

Менгли-Гирей былъ уже старъ и дряхлъ, и не могъ сдерживать своихъ буйныхъ сыновей, жаждавшихъ добычи. Король польскій Сигизмундъ, какъ мы видѣли, золотомъ и обѣщаніемъ богатой дани склонилъ хана на свою сторону и заключилъ съ нимъ тайный договоръ противъ Москвы; послѣдствіемъ чего открылись набѣги царевичей на Московскія и Рязанскія украйны. Хотя эти набѣги иногда встрѣчали отпоръ; но открывшаяся новая война съ Сигизмундомъ конечно мѣшала Москвѣ принимать дѣятельныя мѣры для обороны южныхъ границъ. Менгли-Гирей умеръ (1515), и мѣсто его заступилъ старшій сынъ его Магметъ-Гирей, уже извѣстный своимъ нерасположеніемъ къ Москвѣ. Побуждаемый польскими сторонниками, онъ не замедлилъ обратиться къ великому князю съ разными надменными требованіями; между прочимъ онъ потребовалъ возвращенія Смоленска королю Польскому, присылки московской судовой рати на помощь Крымцамъ для завоеванія Астрахани, увеличенія ежегодно присылаемыхъ «поминковъ» (подарковъ) и пр. Московскій посолъ Мамоновъ подвергся въ Крыму еще большимъ обидамъ и вымогательствамъ, чѣмъ вышеописанныя. (Этотъ Мамоновъ не воротился, и умеръ въ Крыму). Межъ тѣмъ внезапныя нападенія Крымцевъ на наши украйны возобновились. Дѣла Казанскія послужили поводомъ къ рѣшительнымъ столкновеніямъ.

Казанскій ханъ Магметъ-Аминь тяжко заболѣлъ: все тѣло его покрылось гноемъ съ червями и своимъ смрадомъ заражало воздухъ. Говорятъ, будто онъ считалъ свою болѣзнь небесною карою за вѣроломное избіеніе русскихъ купцовъ и свои измѣны великому князю. Ханъ прислалъ Василію 300 коней богато убранныхъ съ иными дорогими дарами, и просилъ назначить ему преемникомъ его брата Абдылъ Летифа. Василій изъявилъ согласіе, и пока пожаловалъ Летифу въ кормленіе городъ Каширу. Но случилось такъ, что Летифъ внезапно умеръ (1517), а въ слѣдующемъ году за нимъ послѣдовалъ и Магметъ-Аминь. Съ ихъ смертію пресѣклась династія основателей Казанскаго царства, Улу-Махмета, его сына Мамутека и внука Ибрагима. Въ живыхъ оставался еще одинъ изъ сыновей Ибрагима; но это былъ крещеный царевичъ Петръ (Худай-Кулъ), который уже не могъ занять мусульманскій престолъ. Еще въ виду близкой смерти Аминя Магметъ-Гирей хлопоталъ о томъ, чтобы обезпечить этотъ престолъ брату своему Саипъ-Гирею. Онъ прислалъ въ Москву торжественное посольство, поставивъ во главѣ его князя Аппака, извѣстнаго между крымскими вельможами за москов-

скаго сторонника; посолъ долженъ былъ просить о помощи для завоеванія Астрахани и подготовить согласіе великаго князя на посаженіе Саипъ-Гирея въ Казани, въ замѣнъ чего обѣщать союзъ противъ Польскаго короля. Въ слѣдъ затѣмъ, дѣйствительно, сынъ Магметъ-Гирея Калга-Богатырь съ 30,000 Крымцевъ сдѣлалъ вторженіе въ Литовскую Русь, несмотря на продолжавшуюся дружбу съ Сигизмундомъ; разбилъ литовскаго гетмана Константина Острожскаго, пожегъ и поплѣнилъ множество селеній, и съ огромною добычею воротился домой. Въ бытность Аппака въ Москвѣ новый царь Казанскій былъ назначенъ Василіемъ; но не кто либо изъ фамиліи Гиреевъ. Въ Москвѣ отнюдь не желали способствовать усиленію этой разбойничьей фамиліи и подчиненію ей Казани и Астрахани, т. е. всѣхъ бывшихъ частей Золотой Орды. Напротивъ выборъ великаго князя палъ на потомка враждебнаго Гиреямъ рода Золотоордынскихъ хановъ. Въ концѣ княженія Ивана III изъ Астрахани выѣхалъ въ Москву царевичъ Шейхъ Авліаръ, племянникъ извѣстнаго хана Ахмата (и внукъ Кучукъ-Магомета). Василій III потомъ сдѣлалъ этого служебнаго царевича ханомъ въ Мещерскомъ городкѣ, т. е. въ Касимовѣ; а послѣ его смерти передалъ Касимовское ханство сыну Авліара Шихъ-Алею. И вотъ теперь, когда освободился престолъ Казанскій, Шихъ-Алей былъ посаженъ ханомъ въ Казани изъ рукъ великаго князя Московскаго (1519 г.); при чемъ онъ женился на вдовѣ Магометъ-Аминя, и тѣмъ пріобрѣлъ поддержку со стороны ея родни. (8).

Магметъ-Гирей на время затаилъ жажду мести, отчасти сдерживаемый Турецкимъ султаномъ, съ которымъ Василій Ивановичъ поддерживалъ дружескія сношенія и который имѣлъ общаго съ нимъ непріятеля въ королѣ Польскомъ. Но втайнѣ Крымскій ханъ уже готовился нанести Москвѣ сильный ударъ, дѣйствуя своими происками не только въ Казани, но и въ краю, связанномъ съ Москвою гораздо болѣе тѣсными узами, именно въ княжествѣ Рязанскомъ.

Мы видѣли, что часть Рязанской земли уже перешла къ великому князю Московскому еще при Иванѣ III (по духовному завѣщанію). Василій Ивановичъ между прочими своими титулами уже именовалъ себя и «княземъ Рязанскимъ». Остальная Рязанская земля была теперь единственнымъ изъ большихъ удѣловъ еще неприсоединеннымъ къ Московскому государству. За малолѣтствомъ ея князя Ивана Ивановича этою землею управляла его мать Агриппина

(урожденная княжна Бабичъ), которая была вѣрною исполнительницею приказаній, получаемыхъ изъ Москвы. Но, кромѣ московскихъ сторонниковъ, при княжескомъ дворѣ въ Рязани несомнѣнно была и партія бояръ противнаго направленія, т. е. поборниковъ старой рязанской самобытности, враждебно смотрѣвшей на московскую зависимость. Когда Иванъ Ивановичъ достигъ юношескаго возраста, онъ могъ возбудить на нѣкоторое время надежды этой партіи, потому что характеромъ своимъ не походилъ на кроткихъ, уступчивыхъ предшественниковъ. Совѣтники молодого князя указывали ему на Крымъ и Литву, при помощи которыхъ еще возможна была борьба съ Москвою и которые съ своей стороны вѣроятно подсылали съ тѣми же внушеніями. Иванъ началъ съ того, что силою отнялъ власть у матери, которая все хотѣла продолжать свою опеку. Въ Москвѣ пока промолчали и показали видъ, что довольствуются представленными объясненіями: тамъ, очевидно, ждали только удобнаго случая, чтобы покончить съ самою тѣнью рязанской самостоятельности. Вдругъ Василію донесли изъ Рязани его доброхоты, что Рязанскій князь ведетъ тайные переговоры съ Магметъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери; Василій послалъ его звать въ Москву. Молодой князь видѣлъ опасность и не зналъ на что рѣшиться: такъ какъ всякая помощь была далека и время открытой борьбы еще не наступило. Главнымъ совѣтникомъ Ивана былъ бояринъ Симеонъ Коробьинъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ боярскихъ фамилій, которыя происходили отъ выѣхавшихъ изъ Орды крещеныхъ татарскихъ мурзъ и которыхъ особенно было много на Рязани. Московскій великій князь съ помощію подкупа привлекъ Симеона Коробьина на свою сторону, и тотъ уговорилъ Рязанскаго князя исполнить желаніе Василія. Но едва Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Москву, какъ его посадили подъ стражу; Агриппину заключили въ монастырь; а въ рязанскіе города были разосланы московскіе намѣстники. Главный городъ, т. е. Переяславль Рязанскій, порученъ знаменитому московскому воеводѣ, Ивану Васильевичу Хабару-Симскому. Это произошло около 1520 года.

Такъ ловко, безъ пролитія крови, было подготовлено и совершено присоединеніе къ Москвѣ послѣдняго изъ великихъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси и притомъ такого, который пользовался политическою самобытностію въ теченіе цѣлыхъ четырехъ столѣтій. Однако послѣдующее затѣмъ татарское нашествіе по всѣмъ при-

знакамъ произошло не безъ связи съ этимъ рязанскимъ переворотомъ.

Происки Крымскаго хана въ Казани дѣйствовали тѣмъ успѣшнѣе, что Шихалей и безъ того возбудилъ противъ себя народъ усерднымъ повиновеніемъ великому князю Московскому. Невоинственный, лишенный всякой энергіи, этотъ ханъ отличался и наружностію весьма непривлекательною. Поэтому, когда братъ Магмета Саипъ-Гирей весною 1521 года явился съ отрядомъ крымцевъ подъ Казанью, вельможи отворили ему ворота и посадили на царство. Шихалей отпущенъ; но русскіе купцы были ограблены и захвачены. Въ слѣдъ затѣмъ изъ Крыма къ великому князю отъ его доброхотовъ (конечно получавшихъ отъ него подарки) пришла вѣсть, что Магметъ-Гирей собирается съ большими силами на Москву. Но эта вѣсть пришла слишкомъ поздно: Татары уже подходили къ Окѣ. Василій наскоро выслалъ небольшую рать, чтобы загородить имъ дорогу при переправѣ. Но предводительство было поручено еще молодому, мало способному князю Дмитрію Бѣльскому и еще менѣе способному брату великаго князя Андрею. Татары успѣли перейти рѣку и обратили въ бѣгство московскій отрядъ. Подъ Коломною къ Магмету присоединился его братъ Саипъ, который съ своими казанцами успѣлъ уже опустошить области Нижегородскую и Владимірскую. Соединенная Орда бросилась прямо къ Москвѣ. Возобновились времена нашествій Тохтамыша и Эдигея. Василій былъ застигнутъ врасплохъ, и поступилъ также какъ его предки, т. е. уѣхалъ на сѣверъ собирать войско. А столицу онъ поручилъ свояку, крещеному татарскому царевичу Петру, и боярамъ. Но здѣсь господствовали паника и страшный безпорядокъ. Населеніе окрестностей бросилось спасаться въ городъ, особенно въ Кремль, и произвело здѣсь такую тѣсноту, что воздухъ, пропитанный зловоніемъ, угрожалъ появленіемъ моровой язвы. Но Магметъ-Гирей не воспользовался удобнымъ моментомъ для захвата города, и ограничился опустошеніемъ окрестностей. Онъ принялъ дары и вступилъ въ переговоры. На его требованіе, чтобы великій князь обязался платить извѣстную ежегодную дань, бояре отвѣчали согласіемъ и даже выдали ему о томъ грамоту за великокняжескою печатью. Ханъ послѣ того ушелъ назадъ, очевидно опасаясь прибытія большой московской рати. На обратномъ пути онъ остановился подъ Переяславлемъ Рязанскимъ, съ намѣреніемъ отнять у москвитянъ этотъ бывшій стольный городъ,

только что имъ присоединенный. Враги могли разсчитывать на то, что многіе жители были недовольны этимъ присоединеніемъ. Въ добавокъ распространилось извѣстіе, что рязанскій князь Иванъ Ивановичъ, пользуясь суматохою, происшедшей въ Москвѣ при нашествіи Татаръ, убѣжалъ изъ своего заключенія и вѣроятно съ татарско-литовскою помощью будетъ добиваться возвращенія своего стола. Обстоятельства дѣйствительно были критическія. Но въ Переяславлѣ Рязанскомъ бодрствовалъ энергичный воевода Хабаръ-Симскій. Онъ заранѣе распорядился собрать мѣстныхъ бояръ и дѣтей боярскихъ къ владыкѣ Сергію, и вновь укрѣпить ихъ присягою на вѣрную службу Василію Ивановичу, чтобы безъ измѣны биться какъ съ Татарами, такъ и съ самимъ бывшимъ княземъ Рязанскимъ. Кромѣ сильнаго гарнизона, городскія стѣны оборонялись еще огнестрѣльнымъ снарядомъ, которымъ завѣдывалъ наемный нѣмецкій пушкарь Іорданъ.

Видя крѣпость города, Магметъ-Гирей попытался заманить къ себѣ Хабара, и послалъ звать воеводу въ свой станъ, извѣщая, что государь его теперь уже данникъ ханскій. Хабаръ попросилъ показать ему самую великокняжескую грамоту въ доказательство, что это правда. Ханъ послалъ ему грамому. Въ татарскомъ войскѣ находился, присланный Сигизмундомъ, вспомогательный отрядъ Днѣпровскихъ казаковъ съ ихъ предводителемъ Евстафіемъ Дашковичемъ, который при Иванѣ III отъѣхалъ было изъ Литвы на службу въ Москву, а при Василіи III, подобно Константину Острожскому, бѣжалъ опять въ Литву. Этотъ Дашковичъ задумалъ взять Рязань хитростью. Приблизясь къ стѣнамъ, онъ завелъ сношенія съ гражданами о выкупѣ ихъ плѣнныхъ земляковъ, при чемъ далъ возможность нѣкоторымъ плѣнникамъ убѣжать въ городъ. Подошли Татары и стали требовать бѣглецовъ назадъ; граждане ихъ выдали. Во время этихъ переговоровъ толпы непріятелей все болѣе и болѣе подвигались къ городу, намѣреваясь неожиданно въ него ворваться. Вдругъ Іорданъ произвелъ оглушительный залпъ изъ своей артиллеріи, и Татары въ ужасѣ побѣжали отъ стѣнъ. Ханъ потребовалъ было выдачи Іордана. Хабаръ не только отказалъ ему въ этой выдачѣ, но и удержалъ у себя помянутую грамоту. Послѣ того Магметъ-Гирей ушелъ въ свои степи, побуждаемый съ одной стороны извѣстіями о враждебныхъ дѣйствіяхъ астраханцевъ, съ другой — опасаясь прибытія московской рати и потери своего полона. А этотъ полонъ былъ огромный. (Молва преувеличивала его количество до

800.000 человѣкъ). Крымцы потомъ продавали русскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ на базарахъ въ Кафѣ, а казанцы въ Астрахани. Тѣхъ плѣнниковъ, которые не шли въ продажу, т. е. старыхъ, больныхъ и младенцевъ, варвары морили голодомъ или отдавали ихъ своимъ дѣтямъ, чтобы послѣдніе учились на нихъ искусству убивать людей саблями, стрѣлами, камнями и т. п.

Бѣжавшій изъ Москвы, Рязанскій князь дѣйствительно нѣсколько дней скрывался гдѣ-то въ окрестностяхъ Переяславля и успѣлъ даже войти въ сношенія съ нѣкоторыми преданными ему рязанскими боярами и дѣтьми боярскими; но сношенія эти были открыты. Видя полную неудачу, онъ ускакалъ въ Литву и нашелъ гостепріимство у короля Сигизмунда. Магметъ-Гирей очень жалѣлъ, что упустилъ изъ своихъ рукъ такое удобное орудіе для того, чтобы пугать Москву и заводить смуты въ Рязанской области. Поэтому онъ завязалъ съ королемъ переговоры объ отпускѣ въ Крымъ Ивана Ивановича, обѣщая возвратить ему Рязанское княженіе. Но никакими обѣщаніями ему не удалось заманить къ себѣ Ивана. Послѣдній Рязанскій князь получилъ отъ короля на свое содержаніе литовское мѣстечко Стоклишки съ принадлежавшими къ нему селами (въ Ковенскомъ повѣтѣ Трокскаго воеводства); прожилъ еще около пятнадцати лѣтъ и окончилъ дни свои въ безвѣстности. Межъ тѣмъ Московское правительство, для закрѣпленія за собой Рязанской области, повторило здѣсь тѣ же мѣры, какія оно употребило въ отношеніи къ Новгороду и Пскову: большое число жителей съ ихъ семействами было переселено въ другія области, а на ихъ мѣсто присланы иные обыватели. Хабаръ Симскій за свою службу потомъ былъ награжденъ саномъ боярина.

Огромный полонъ, выведенный изъ Восточной Руси, такъ разлакомилъ хищную Орду, что Магметъ-Гирей велѣлъ своимъ князьямъ, мурзамъ и всѣмъ татарамъ откармливать коней и готовиться на осень того же года къ новому походу на Москву; о чемъ велѣлъ прокликать по тремъ главнымъ торгамъ полуострова: въ Перекопи, Крыму и Кафѣ. Осенній походъ однако не состоялся; а на весну 1522 года великій князь уже выставилъ многочисленные полки по берегамъ Оки и вывелъ въ поле огнестрѣльный снарядъ, устроивъ главный станъ подъ Коломной. Зимою этого года, ему, какъ мы видѣли, удалось заключить перемиріе съ Литвой и тѣмъ развязать себѣ руки для дѣйствій противъ Крыма и Казани. Судьба вскорѣ избавила Москву отъ самаго злѣйшаго ея врага, Магметъ-Гирея. Съ

помощью ногайскаго мурзы Мамая, крымскій ханъ завоевалъ наконецъ дружившую съ Москвой Астрахань. Но тотъ же Мамай, опасаясь излишняго усиленія хана, выманилъ его изъ завоеваннаго города въ поле, гдѣ вѣроломно напалъ на Магмета во время пира и умертвилъ его со многими людьми. Послѣ того Ногаи вторглись въ самый Крымъ и сильно его опустошили; а бывшій союзникъ Магмета Дашковичъ, пользуясь обстоятельствами, сжегъ Очаковъ и разорилъ татарскіе улусы въ западной части Крымскаго ханства, т. е. около нижняго Днѣпра (1523). На ханскій престолъ турецкимъ султаномъ былъ возведенъ братъ Магмета, Сайдетъ-Гирей.

Собранныя противъ крымцевъ силы Василій Ивановичъ обратилъ противъ Саипъ-Гирея казанскаго, который передъ тѣмъ вѣроломно велѣлъ убить его посла и плѣнныхъ московскихъ купцовъ. Лѣтомъ того-же 1523 года судовая и конная рати ходили воевать Казанскую землю. Во время сего похода московскіе воеводы основали городъ при впаденіи въ Волгу рѣки Суры, составлявшей нашу границу съ этой землей, и назвали его именемъ великаго князя (Васильсурскъ). Сей городъ составилъ важный опорный пунктъ для нашихъ дальнѣйшихъ предпріятій противъ Казани. Въ слѣдующемъ году походъ возобновился. Саипъ-Гирей ушелъ въ Крымъ, гдѣ сдѣлался калгой-султаномъ, т. е. вторымъ лицомъ послѣ своего брата хана Сайдетъ-Гирея (а впослѣдствіи нѣкоторое время занималъ ханскій престолъ). Въ Казани онъ оставилъ своего племянника юнаго Сафа-Гирея. Русскіе подступали къ самому городу; но не взяли его; а потому Василій согласился на просьбу казанцевъ утвердить на ихъ престолѣ Сафа-Гирея, въ качествѣ своего подручника. Однако враждебныя отношенія продолжались. Въ 1530 году былъ новый большой походъ, подъ начальствомъ князей Ивана Бѣльскаго и Михаила Глинскаго. Русскіе воеводы едва было не взяли города, но уступили просьбамъ казанцевъ, обѣщавшихъ полную покорность великому князю. Дѣйствительно вскорѣ потомъ они изгнали отъ себя Сафа-Гирея, и по ихъ просьбѣ Василій далъ имъ въ цари младшаго Шихалеева брата царевича Еналея, владѣвшаго дотолѣ Касимовымъ. Такимъ образомъ послѣ многихъ трудовъ и усилій мятежная Казань къ концу Василіева княженія казалась усмиренною. Однако разные происки и безпокойства съ этой стороны не прекращались. Такъ, дотолѣ преданный и покорный Москвѣ, бывшій казанскій царь Шихалей, получившій отъ великаго князя въ свое кормленіе Серпуховъ и Каширу, оскорбился тѣмъ, что въ Казани

посадили теперь царемъ не его самого, а его младшаго брата, и завелъ какія то тайныя сношенія съ казанцами и съ другими землями. Узнавъ о томъ, великій князь лишилъ его удѣла и сослалъ на Бѣлоозеро; а бывшихъ при немъ татарскихъ оглановъ, князей, мурзъ, псарей и прочихъ людей развели по разнымъ городамъ, именно въ Тверь, Новгородъ и Псковъ (1533 г.).

Неоднократные вѣроломные захваты, ограбленія и избіенія русскихъ купцовъ казанцами великій князь наказалъ тѣмъ, что запретилъ своимъ купцамъ ѣздить на ярмарку, происходившую подъ Казанью на такъ наз. Гостинномъ островѣ, а велѣлъ имъ съѣзжаться для обмѣна товаровъ во вновь основанномъ Васильсурскѣ, т. е. на пограничьѣ. На первое время это запрещеніе произвело вздорожаніе тѣхъ предметовъ, которые привозились изъ Персіи, Закавказья и Астрахани; особенно вздорожали лучшіе сорта волжской рыбы. (9).

Присоединеніемъ Рязани окончилось объединеніе собственно Сѣверовосточной Руси подъ Московскимъ владычествомъ, и крупные удѣлы уничтожены. Существовали еще, такъ сказать, промежуточныя удѣльныя владѣнія, занимавшія переходное положеніе между Русью Литовскою и Московскою, именно въ землѣ Чернигово-Сѣверской. Мы видѣли, что при Иванѣ III нѣкоторые князья этой земли перешли изъ литовскаго подданства въ московское. Наиболѣе мелкіе изъ нихъ скоро утратили характеръ удѣльныхъ владѣтелей, и вступили въ ряды московскихъ боярскихъ фамилій (Бѣльскіе, Воротынскіе, Одоевскіе, Мстиславскіе и пр.). Великій князь давалъ имъ помѣстья въ иныхъ областяхъ, держалъ ихъ на службѣ при своемъ дворѣ, и сверхъ того, такъ же какъ и съ другихъ почему-либо ненадежныхъ бояръ, бралъ съ этихъ князей клятвенныя записи за поручительствомъ митрополита и епископовъ въ томъ, что князья сіи будутъ вѣрно служить ему и его дѣтямъ, не отъѣдутъ «къ Жигимонту королю Польскому и великому князю Литовскому, и не будутъ ссылаться съ нимъ безъ вѣдома государя своего великаго князя Василія Ивановича, и къ лиходѣямъ его не пристанутъ никакими дѣлы, ни которою хитростію». Но въ числѣ князей, перешедшихъ изъ литовскаго въ московское подданство, оставалось еще два довольно значительныхъ удѣльныхъ князя въ Сѣверской землѣ, принадлежавшіе къ потомкамъ Ивана Калиты, именно Василій Семеновичъ Стародубскій и Василій Ивановичъ Новгородъ-Сѣверскій; первый былъ внукъ Ивана Можайскаго, а второй Димитрія Шемяки—извѣстныхъ враговъ Василія Темнаго. Они пока усерд-

но служили Московскому государю, а Шемячичъ даже прославился своими подвигами въ войнахъ съ Крымскими татарами. Но политика государственная требовала упраздненія и этихъ удѣловъ, особенно въ виду ихъ положенія на границѣ съ враждебнымъ намъ Польско-Литовскимъ королевствомъ. Василію помогло то обстоятельство, что оба эти князя находились въ непримиримой взаимной враждѣ, и посылали другъ на друга доносы въ Москву; ибо во время войны съ Литвой съ ея стороны дѣйствительно были попытки переманить ихъ на свою сторону. По одному изъ обвиненій въ сношеніяхъ съ Литвою, Шемячичъ пріѣзжалъ въ Москву, оправдался передъ великимъ княземъ, и съ честію отпущенъ въ свое княжество. Прошло пять лѣтъ; Василій Шемячичъ успѣлъ изгнать князя Стародубскаго изъ его волости и завладѣть ею. Но вдругъ его самого вновь потребовали въ Москву. Онъ пріѣхалъ только послѣ того, какъ получилъ клятвенную охранную грамоту въ своей безопасности, скрѣпленную подписью великаго князя и митрополита. Но здѣсь, вопреки этой грамотѣ, Сѣверскаго князя схватили и посадили въ темницу; а княжество его присоединили къ Москвѣ. Предлогомъ къ тому послужило какое-то измѣнническое письмо, которое онъ будто бы написалъ Польскому королю (1523). Иностранный писатель (Герберштейнъ) сообщаетъ, что, когда Шемячичъ прибылъ въ Москву, одинъ юродивый сталъ ходить по улицамъ съ метлою въ рукахъ, и на вопросы любопытныхъ отвѣчалъ: «Государева земля еще не совсѣмъ очищена; теперь удобная пора вымести послѣдній соръ». Этотъ разсказъ во всякомъ случаѣ показываетъ, что москвичи сознательно относились къ своей задачѣ государственнаго объединенія и стремились довести ее до конца.

Кромѣ помянутыхъ выше отношеній къ Литвѣ и Татарамъ, при Василіи продолжались сношенія съ другими ближними и дальними сосѣдями. Такъ съ Швеціей, Даніей и Ливоніей были по нѣскольку разъ возобновляемы мирные договоры. Въ 1514 году было заключено десятилѣтнее перемиріе съ семидесятью Ганзейскими городами, возвращены Нѣмцамъ ихъ церковь и дворы въ Новгородѣ. Но ихъ торговля здѣсь уже не могла быть возстановлена въ прежней силѣ. Кромѣ того Василій III старательно поддерживалъ дружескія посольскія сношенія съ Турецкимъ султаномъ, надѣясь (хотя и безъ особаго успѣха) посредствомъ его сдерживать своихъ враговъ, Литву и Татаръ, а также съ Молдавскимъ господаремъ, и даже принималъ посольство отъ знаменитаго Бабура, основателя имперіи Великаго Могола въ Индіи ([10]).

II.

ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА ПРИ ВАСИЛІИ III.

Церковные вопросы.—Вассіанъ Патрикѣевъ.—Полемика съ Іосифомъ Волоцкимъ.—О еретикахъ и монастырскомъ землевладѣніи.—Борьба Іосифа съ удѣльнымъ княземъ и архіепископомъ. — Отношенія в. князя къ Іосифу и Вассіану. — Максимъ Грекъ.—Митрополиты Варлаамъ и Даніилъ.—Участіе Максима Грека въ полемикѣ съ іосифлянами.—Дѣло Берсеня Беклемишева.—Осужденіе Максима Грека и Вассіана.—Разводъ и второй бракъ в. князя.—Построеніе и расписаніе храмовъ.—Развитіе придворнаго строя.—Пріемъ и угощеніе иноземныхъ пословъ.—Великокняжая охота подъ Москвой.—Успѣхи самодержавія.—Личныя свойства Василія.—Его ближніе бояре и совѣтники.—Поѣздки на богомолье и на охоту.—Болѣзнь, предсмертныя распоряженія и кончина Василія III.

Обращаясь къ внутреннимъ московскимъ дѣламъ и отношеніямъ времени Василія III, мы на первомъ планѣ видимъ здѣсь борьбу двухъ противоположныхъ теченій въ сферѣ вопросовъ церковныхъ и придворно-политическихъ. Вопросы эти перешли въ наслѣдство Василію отъ Ивана III.

Ересь мниможидовствующихъ хотя и была сломлена соборнымъ приговоромъ и жестокими казнями 1504 года, однако не вполнѣ уничтожена, и поднятое ею броженіе не прекращалось. Извѣстный противникъ этой ереси, игуменъ Іосифъ Волоцкій, продолжалъ настаивать на конечномъ истребленіи еретиковъ, не довѣряя ихъ раскаянію. Великій князь Василій Ивановичъ еще при жизни отца показалъ себя усерднымъ сторонникомъ Іосифа въ борьбѣ съ ересью, и послѣдній могъ разсчитывать теперь на полную побѣду своихъ увѣщаній. Однако этого не случилось. На семъ поприщѣ онъ встрѣтилъ достойнаго себѣ противника въ лицѣ инока Вассіана Косаго.

Этотъ Вассіанъ, въ міру Василій, былъ сынъ Ивана Юрьевича Патрикѣева, вмѣстѣ съ отцомъ постриженный въ монахи во время опалы Ивана III на старую боярскую партію, по извѣстному дѣлу о престолонаслѣдіи. Находясь въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и предаваясь книжнымъ занятіямъ, Вассіанъ сдѣлался ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ извѣстнаго поборника пустынножительства и главы заволжскихъ старцевъ, Нила Сорскаго, который былъ постриженикомъ того же монастыря и основалъ свою пустынь неподалеку отъ него. Монашеская мантія не смирила гордаго, горячаго нравомъ князя-инока. Владѣя начитанностію и литературнымъ талантомъ, онъ принялся перомъ развивать идеи своего учителя Нила Сорскаго, и смѣло вступилъ въ книжную полемику съ Іосифомъ Волоцкимъ. Въ эпоху собора 1504 года, когда Іосифъ написалъ посланіе Василію Ивановичу съ увѣщаніемъ казнить еретиковъ и со ссылками на примѣры строгости изъ Ветхозавѣтной исторіи, со стороны заволжскихъ старцевъ послѣдовалъ на это посланіе ѣдкій отвѣтъ, главнымъ авторомъ котораго считаютъ Вассіана Косаго.

Приведемъ нѣкоторыя черты изъ сего отвѣта: на слова Іосифа что „Моисей скрижали разбилъ", старцы возражаютъ: „Когда Богъ хотѣлъ погубить Израиля, поклонившагося тельцу, Моисей сталъ вопреки и сказалъ Господу: *аще сихъ погубиши, то меня прежде сихъ погуби*, и Богъ, ради Моисея, не погубилъ Израиля». На примѣры апостола Петра, разбившаго молитвой Симона Волхва, и Льва, епископа Катанскаго, сжегшаго своею епитрахилью волхва Ліодора, старцы отвѣчаютъ: „И ты, господине Іосифе, сотвори молитву, да иже недостойныхъ еретикъ или грѣшниковъ пожретъ ихъ земля". И далѣе: „А ты, господине Іосифе, почто не испытаеши своея святости, не связалъ архимандрита Касьяна своею мантіей, донележе бы онъ сгорѣлъ, а ты бы въ пламени его державъ, а мы бы тебя, яко единаго отъ трехъ отроковъ, изъ пламени изшедъ, да пріяли". По поводу ссылки Іосифа на ветхозавѣтные примѣры строгости (Моисея, Илію Пророка и др.), старцы укоряютъ его самого въ сочувствіи іудейству, и напоминаютъ, что теперь царствуетъ уже не ветхій законъ, а благодать Христова, которая запрещаетъ осуждать брату брата и единому Богу оставляетъ судить согрѣшенія человѣческія.

Іосифъ, съ своей стороны, горячо защищалъ строгія мѣры. Заволжскіе старцы въ другомъ своемъ посланіи доказывали, что если еретики ничѣмъ своей ереси не обнаруживаютъ, то не должно истя-

заніями вымучивать отъ нихъ признаніе, а если еретикъ принесетъ покаяніе, то слѣдуетъ его допустить въ церковь и даже ко Св. Причастію. Іосифъ на такое, по его словамъ «любопрепирательное посланіе», отвѣчалъ *посланіемъ къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію*. Тутъ онъ, между прочимъ, совѣтуетъ не только выпытывать признанія въ ереси, но въ случаѣ надобности, для открытія ея прибѣгать къ хитрости или «богонаученому коварству», съ помощію котораго Флавіанъ, патріархъ Антіохійскій, выпыталъ признаніе у начальника Мессальянской ереси. Въ заключеніе, Іосифъ убѣждаетъ старцевъ оказать повиновеніе соборному опредѣленію (1504 года); въ противномъ случаѣ, имъ самимъ угрожаетъ отлученіемъ отъ Св. Причастія.

Въ этой полемикѣ о еретикахъ между Іосифомъ Волоцкимъ и представителемъ заволжскихъ старцевъ Вассіаномъ Патрикѣевымъ сочувствіе многихъ современниковъ оказалось на сторонѣ послѣдняго, какъ проповѣдника болѣе гуманныхъ, болѣе христіанскихъ воззрѣній. Самъ великій князь Василій Ивановичъ нѣкоторое время показывалъ большую милость Вассіану и приблизилъ его къ себѣ, какъ умнаго, правдиваго совѣтника и своего дальняго родственника. (Они были троюродными братьями по бабкѣ Вассіана, сестрѣ Василія Темнаго). Переѣхавъ въ Москву, Вассіанъ проживалъ то въ Симоновѣ, то въ Чудовѣ монастырѣ. Онъ усердно печаловался за еретиковъ и написалъ по поводу ихъ цѣлый рядъ посланій (или «тетрадей») противъ Іосифа; причемъ его самого за излишнюю строгость къ заблудшимся уподоблялъ еретику Новату. Но энергическій игуменъ не оставался въ долгу; своими увѣщаніями, обращенными къ одному изъ ближнихъ бояръ великаго князя (Василію Андреевичу Челяднину) и къ самому «Державному», онъ добился того, что послѣдній велѣлъ схватить всѣхъ извѣстныхъ еретиковъ и держать въ темницѣ до самой смерти.

Одновременно съ препирательствомъ о еретикахъ, между Іосифомъ и Вассіаномъ Патрикѣевымъ шла жаркая полемика о другомъ, еще болѣе жгучемъ, вопросѣ, поднятомъ тѣми же заволжскими старцами (на извѣстномъ соборѣ 1503 года), то-есть о монастырскомъ землевладѣніи. Послѣ соборнаго опредѣленія, рѣшившаго вопросъ въ пользу этого землевладѣнія, Нилъ Сорскій замолчалъ; но за него продолжалъ борьбу ученикъ его Вассіанъ. Сему послѣднему приписываютъ пространное разсужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами. Здѣсь онъ обвиняетъ противниковъ въ томъ, что

самыя ссылки ихъ на писанія Отцовъ Церкви бываютъ часто неправильныя и ложныя, и современныхъ ему иноковъ изображаетъ людьми жадными къ стяжанію и мірскимъ благамъ, отступившими отъ древняго благочестія. Впечатлѣніе, произведенное этимъ разсужденіемъ, заставило Іосифа Волоцкаго написать опроверженіе, которое онъ назвалъ «Отвѣщаніе Любозазорнымъ» и въ коемъ по преимуществу указываетъ на иноческіе труды знаменитыхъ русскихъ подвижниковъ, начиная съ Антонія и Ѳеодосія.

Въ эпоху этой полемики Іосифу пришлось не только писаніемъ, но и самымъ дѣломъ отстаивать неприкосновенность монастырскаго имущества.

Іосифовъ монастырь, какъ извѣстно, находился въ удѣлѣ Волоцкомъ; когда умеръ благодѣтель монастыря князь Борисъ Васильевичъ, удѣлъ его раздѣлился между двумя сыновьями: младшій (Иванъ Борисовичъ Рузскій) умеръ еще при Иванѣ III, и отказалъ свою часть великому князю Московскому; оставался въ живыхъ старшій, Ѳедоръ Борисовичъ, которому принадлежалъ самый Волокъ-Ламскій. Этотъ князь Ѳедоръ любилъ разгульную жизнь, и, нуждаясь въ деньгахъ, захотѣлъ воспользоваться казною находившихся въ его землѣ монастырей. Между прочимъ, онъ бралъ изъ Іосифова монастыря разныя вещи, взялъ значительную сумму денегъ подъ видомъ займа, и вообще началъ его притѣснять. Выведенный тѣмъ изъ терпѣнія, суровый игуменъ рѣшился наконецъ на открытую борьбу. Онъ послалъ одного изъ старѣйшихъ иноковъ требовать возврата занятой суммы; князь грозилъ бить кнутомъ посланнаго. Однажды Ѳедоръ Борисовичъ предъ своимъ пріѣздомъ въ монастырь прислалъ сказать игумену, чтобы готовилъ пиръ и «держалъ бы про него меды, а квасовъ бы не держалъ». Игуменъ отвѣтилъ, что уставъ запрещаетъ имѣть хмельные напитки въ монастырѣ. Іосифъ купилъ жемчугъ на ризы и епитрахиль; князь прислалъ просить этотъ жемчугъ себѣ на вѣнецъ къ шлему и получилъ отказъ. Тогда князь погрозилъ разорить монастырь, а чернецовъ казнить кнутомъ. Іосифъ началъ совѣтоваться съ братіей, что̀ предпринять и, желая испытать ее, предлагалъ разойтись по другимъ монастырямъ. Но братія подняла ропотъ; многіе иноки, вступивъ въ монастырь, сдѣлали значительные вклады, надѣясь спокойно провести въ немъ остатокъ жизни, а теперь нищими должны были скитаться по чужимъ обителямъ. Рѣшили отправить въ Москву челобитье великому князю и митрополиту, чтобы заступились за монастырь и приняли бы его

въ Московскую державу. Іосифъ конечно заранѣе разсчитывалъ на благопріятный отвѣтъ, и не ошибся. Мелкій удѣльный князь не посмѣлъ противиться государевой волѣ: зато онъ постарался возбудить противъ Волоцкаго игумена гнѣвъ мѣстнаго церковнаго владыки.

Волоцкой удѣлъ принадлежалъ къ Новгородской епархіи. Архіепископомъ въ Новгородѣ былъ тогда преемникъ Геннадія Серапіонъ, бывшій игуменъ Троице-Сергіевой Лавры. Іосифъ обратился съ челобитьемъ въ Москву, не предупредивъ о томъ своего владыку, и, такъ сказать, самовольно исключилъ монастырь изъ его епархіи, не взявъ владычняго благословенія. Онъ отговаривался послѣ тѣмъ, что посланный имъ чернецъ не былъ пропущенъ за новгородскій рубежъ заставою, которая была временно учреждена по случаю свирѣпствовавшей въ той землѣ моровой язвы (моръ желѣзою). Однако Серапіонъ, напрасно прождавъ еще около двухъ лѣтъ какого-либо отзыва со стороны Іосифа, отважился на рѣшительный шагъ: онъ послалъ игумену неблагословенную грамоту, отлучающую его отъ священства и Св. Причастія. Такой поступокъ повлекъ за собою важныя послѣдствія. По жалобѣ Іосифа, Серапіонъ неволею привезенъ въ Москву и преданъ суду духовнаго собора. Предсѣдателемъ на соборѣ былъ покровитель Іосифа, митрополитъ Симонъ, а вторымъ послѣ митрополита лицомъ тутъ засѣдалъ младшій братъ Волоцкаго игумена, Вассіанъ, незадолго возведенный въ санъ архіепископа Ростовскаго. Серапіона обвинили въ неуваженіи къ митрополиту и великому князю. Въ особую вину поставили ему слѣдующее выраженіе его неблагословенной грамоты Іосифу: „что еси отказался отъ своего государя въ великое государство... ино еси отступилъ отъ небеснаго, а пришелъ къ земному". Конечно, это было написано въ томъ смыслѣ, что игуменъ промѣнялъ Царство Небесное на земныя блага, а его истолковали такимъ образомъ, что небеснымъ тутъ названъ князь Ѳедоръ, а земнымъ самъ великій князь. На соборѣ Серапіонъ утверждалъ, что онъ былъ правъ, и давалъ иногда рѣзкіе отвѣты. Такъ, на вопросъ своего явнаго непріятеля Вассіана, архіепископа Ростовскаго, на основаніи какихъ священныхъ правилъ онъ отлучилъ и не благословилъ Іосифа, Серапіонъ съ запальчивостію отвѣчалъ: „Воленъ я въ своемъ чернецѣ, а князь Ѳедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ — жалуетъ, хочетъ — грабитъ". По соборному опредѣленію, Іосифъ былъ разрѣшенъ отъ владычняго запрещенія и ему послано благословеніе священнодѣй-

ствовать. А Серапіонъ лишенъ святительскаго сана и заключенъ въ монастырь (сначала Андрониковъ, потомъ Троице-Сергіевъ). Но дѣло тѣмъ не окончилось.

Серапіонъ написалъ оправдательное посланіе, обращенное къ митрополиту и направленное противъ Іосифа. Въ Новгородѣ онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе гражданъ и тамъ о немъ сожалѣли; въ самой Москвѣ многіе приняли его сторону и считали Волоцкаго игумена неправымъ въ этомъ дѣлѣ. Такъ думали даже нѣкоторые приверженцы послѣдняго изъ среды бояръ; они смущались помянутымъ его отлученіемъ и высказывали желаніе, чтобъ онъ просилъ прощенія у своего бывшаго владыки. Тогда Іосифъ нѣкоторымъ такимъ боярамъ (напримѣръ, Ивану Ивановичу Третьякову-Ховрину и Борису Васильевичу Кутузову) написалъ пространныя и энергическія посланія, въ которыхъ вновь разбиралъ всю исторію своего спора съ архіепископомъ; обвинялъ его въ гордости и непокорности высшимъ властямъ; доказывалъ, что Серапіонъ неправильно отлучилъ его, не давъ ему никакого суда, и что по правиламъ Свв. Отецъ самый судъ надъ священникомъ долженъ совершаться вмѣстѣ съ другими епископами. Тутъ же Іосифъ коснулся и вообще неприкосновенности монастырскихъ имуществъ. Этотъ вопросъ затѣмъ онъ развилъ въ особомъ сочиненіи *О грабителяхъ церкви.* Неприкосновенность церковныхъ имуществъ онъ старался доказать не только ссылками на примѣры Библейской и Церковной исторіи, на каноническія правила и узаконенія греческихъ императоровъ, но также ссылками на житія Святыхъ или собственно на ихъ чудеса. Здѣсь онъ разсказываетъ о разныхъ карахъ, которымъ подверглись святотатцы, поднимавшіе руку на церковную собственность. Особенно грозный примѣръ кары онъ приводитъ изъ житія Стефана Сербскаго: одинъ князь хотѣлъ ограбить обитель сего святого; но во снѣ явился ему самъ Стефанъ и такъ избилъ нечестивца, что послѣ того все тѣло его сгнило заживо. А въ примѣръ передачи монастырей въ «великое государство» отъ обиды удѣльныхъ князей, онъ указываетъ нѣкоторые случаи, бывшіе при Василіи Темномъ и Іонѣ митрополитѣ. Эти краснорѣчивыя посланія, въ свою очередь, сильно задѣли противниковъ монастырскаго землевладѣнія, и Вассіанъ Патрикѣевъ отвѣчалъ на нихъ цѣлымъ рядомъ полемическихъ разсужденій, исходившихъ совсѣмъ изъ другой точки зрѣнія. Между тѣмъ какъ Іосифъ держался основаній историческихъ и каноническихъ, Вассіанъ стоялъ на почвѣ строго евангельской и нравствен-

нои. Сей послѣдній, кромѣ того, по примѣру своего учителя Нила Сорскаго, критически относился къ ссылкамъ своего противника на житія святыхъ, особенно на сказанія объ ихъ посмертныхъ чудесахъ, вошедшія въ позднѣйшія редакціи житій, и старался отыскивать древнѣйшія, болѣе краткія и менѣе украшенныя редакціи. Поэтому, Іосифъ обвиняетъ его и Нила Сорскаго въ томъ, что они не вѣрятъ чудесамъ русскихъ Святыхъ и «изметаютъ ихъ отъ писанія». Вассіанъ отвѣчалъ, что Нилъ не выкидывалъ чудесъ, а только исправлялъ ихъ съ «правыхъ списковъ». «И ты Іосифъ лжешь на него какъ человѣконенавистникъ», прибавляетъ онъ.

По всѣмъ признакамъ, литературная полемика такихъ видныхъ противниковъ не мало занимала умы современниковъ и оживляла борьбу партій при великокняжемъ дворѣ. Самъ великій князь, безъ сомнѣнія, съ интересомъ слѣдилъ за ихъ споромъ. Однако, онъ не повторилъ попытки своего отца къ отобранію церковныхъ имуществъ на государственныя нужды (онъ не сдѣлалъ этого также при взятіи Пскова, Смоленска и Рязани). Легко было на нравственныхъ основаніяхъ отрицать нѣкоторые порядки, сложившіеся исторически, но трудно было бы привести эти отрицанія въ дѣло. Государственная власть опасалась затрогивать матеріальные интересы самаго могущественнаго своего союзника—церковной іерархіи. Іосифъ Волоцкій въ своихъ сочиненіяхъ являлся не только горячимъ сторонникомъ этого союза, но также краснорѣчивымъ поборникомъ возникавшаго московскаго самодержавія; тогда какъ въ разсужденіяхъ Вассіана ясно проглядывали симпатіи къ отживающей старинѣ съ ея удѣльно-дружиннымъ или княжеско-боярскимъ строемъ. Сочувствіе великаго князя поэтому клонилось болѣе на сторону Іосифа, хотя онъ продолжалъ оказывать расположеніе Вассіану. Этотъ князьинокъ, «высокоумный», «высокошіявый» и «велехвальный», по выраженію своихъ противниковъ, проповѣдуя бѣдность и нестяжательность для монаховъ, самъ однако, если вѣрить мѣстному монастырскому преданію, жилъ въ Симоновѣ привольно, какъ истый бояринъ. «Онъ, говоритъ это преданіе, не любилъ ржаного хлѣба, щей, свекольника, каши и промозглаго монастырскаго пива, но питался сладкими кушаньями, иногда съ великокняжаго стола, а пилъ *нестяжатель* романею, мушкатное и ренское вино». Въ самомъ тонѣ его полемики слишкомъ высказывался высокомѣрный бояринъ; такой тонъ отнюдь не соотвѣтствовалъ тому евангельскому ученію, котораго онъ хотѣлъ быть послѣдователемъ, тѣмъ гуманнымъ отно-

шеніямъ къ ближнему и той вѣротерпимости, которыя онъ проповѣдывалъ. Этотъ тонъ и самое положеніе Вассіана Патрикѣева еще болѣе возвысились по кончинѣ митрополита Симона (1511 года), которому преемникомъ великій князь назначилъ симоновскаго архимандрита Варлаама, бывшаго пріятелемъ Патрикѣева и сторонникомъ аскетическаго направленія заволжскихъ старцевъ. Самый выборъ Варлаама вѣроятно произошелъ не безъ вліянія князя-инока. Однако и Волоцкій игуменъ до конца сохранилъ свое значеніе и милость Державнаго. По смерти бездѣтнаго князя Ѳедора Борисовича Волоцкой удѣлъ перешелъ къ великому князю (1513), и послѣдній сталъ ѣздить туда на охоту, причемъ посѣщалъ обитель Іосифа. Но спустя два года, знаменитый игуменъ скончался, завѣщавъ свою обитель непосредственнымъ попеченіямъ государя.

Съ кончиною Іосифа Волоцкаго противники его получили еще большую силу. Мало того, вскорѣ они нашли себѣ уважаемаго союзника въ лицѣ извѣстнаго ученаго монаха, Максима Грека.

Максимъ былъ родомъ изъ албанскаго города Арты, сынъ достаточныхъ родителей. Въ молодости, по примѣру многихъ своихъ соотечественниковъ, онъ отправился въ Италію, гдѣ тогда совершалось возрожденіе наукъ и искусствъ, и здѣсь докончилъ свое образованіе подъ руководствомъ лучшихъ учителей. Воротясь на родину, онъ постригся въ монашество и поселился на Аѳонѣ въ Ватопедскомъ монастырѣ, гдѣ, пользуясь обширною монастырскою библіотекой, усердно занимался изученіемъ Отцовъ Церкви и вообще богословскою литературой. Однажды прибыли на Аѳонъ посланцы Василія III съ обычною милостыней и съ грамотою о присылкѣ къ нему свѣдущаго монаха для перевода греческихъ книгъ и для разбора богатаго собранія греческихъ рукописей въ великокняжей библіотекѣ. Выборъ старцевъ палъ на Максима. Когда онъ съ двумя другими иноками пріѣхалъ въ Москву (въ 1518 году), то первымъ дѣломъ, порученнымъ ему, былъ переводъ Толковой Псалтыри. Онъ еще не успѣлъ освоиться съ русскимъ языкомъ; поэтому въ помощь ему дали двухъ извѣстныхъ толмачей, Димитрія Герасимова и Власія, знавшихъ латинскій языкъ и уже ѣздившихъ послами къ разнымъ дворамъ. Толмачи находились при немъ поочереди; Максимъ словесно переводилъ съ греческаго на латинскій; а они съ латинскаго переводили по-русски и диктовали двумъ писцамъ (Михаилу Медоварцеву и троицкому монаху Силуану). Въ то же время онъ разбиралъ великокняжую библіотеку и дѣлалъ опись книгамъ.

Окончивъ переводъ Псалтыри и щедро за него награжденный, Максимъ просилъ отпустить его обратно на Аѳонскую гору. Но великій князь и митрополитъ Варлаамъ, отпустивъ товарищей Максима, самого его удержали въ Москвѣ и поручили ему кромѣ переводовъ еще исправленіе разныхъ богослужебныхъ славянскихъ книгъ, въ которыя вкралось отъ времени много ошибокъ и неточностей сравнительно съ подлинниками. Въ Москвѣ очень хорошо оцѣнили ученыя достоинства этого аѳонскаго инока и оказывали ему вниманіе и почетъ.

Максимъ былъ помѣщенъ сначала въ Чудовѣ монастырѣ, а потомъ въ Симоновѣ, гдѣ онъ скоро и близко сошелся съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ. Послѣдній, подъ вліяніемъ своей борьбы противъ монастырскаго землевладѣнія, около того времени, съ благословенія митрополита Варлаама, принялся за составленіе новой редакціи Кормчей книги, чтобъ очистить ее отъ разныхъ противорѣчій; такъ, по однѣмъ статьямъ выходило, что инокамъ запрещается владѣніе селами, а по другимъ—разрѣшается. Теперь же съ помощью своего новаго пріятеля, то-есть Максима Грека, Вассіанъ убѣдился, что дѣйствительно въ славянскихъ переводахъ греческаго Номоканона неправильно употреблялось слово «монастырскія села» съ значеніемъ населенныхъ мѣстъ; тогда какъ въ греческомъ текстѣ разумѣлись тутъ просто поля и подгородныя дачи. Послѣ того князь-инокъ сталъ называть эти древнія славянскія правила о монастырскихъ селахъ «кривилами», а не правилами, и еще съ большею чѣмъ прежде рѣзкостью нападать на монастырское владѣніе вотчинами (хотя въ Византійской имперіи монастыри несомнѣнно владѣли и населенными мѣстами). Максимъ Грекъ въ этой полемикѣ рѣшительно сталъ на сторону Вассіана и заволжскихъ старцевъ. Онъ написалъ нѣсколько трактатовъ по сему предмету. Особенно любопытны разсужденія его, представленныя въ видѣ умной, спокойной бесѣды двухъ лицъ: ***Филоктимона*** (любостяжателя) и ***Актимона*** (нестяжателя). Кромѣ того, Максимъ вооружался противъ нѣкоторыхъ распространенныхъ на Руси суевѣрій, страсти къ астрологіи и противъ священныхъ повѣстей апокрифическаго характера, доказывая ихъ несогласіе съ Св. Писаніемъ (напримѣръ такъ-называемая Афродитіанова повѣсть о Рождествѣ Христовѣ). Вообще, ученый Грекъ, Вассіанъ Патрикѣевъ и митрополитъ Варлаамъ въ это время составляли родъ церковнаго тріумвирата. Но сей послѣдній существовалъ недолго. Аскетическое направленіе митрополита, его неугодливость въ отно-

шеніи свѣтской власти и его обычай печаловаться за опальныхъ и несчастныхъ нерѣдко ставили его въ натянутыя отношенія къ великому князю. Неизвѣстно, что именно послужило подовомъ къ его низложенію, знаемъ только что Василій удалилъ Варлаама въ одинъ дальній монастырь, а преемникомъ ему назначилъ человѣка иного направленія, одного изъ учениковъ Іосифа Волоцкаго, изъ «іосифлянъ», какъ ихъ называли противники, именно Даніила (1522). Этотъ Даніилъ, прозваніемъ Рязанецъ, прошелъ въ Волоцкомъ монастырѣ строгую школу его основателя, отличался любовью къ книжнымъ занятіямъ, трудолюбіемъ и гибкимъ вкрадчивымъ умомъ. Предъ своею кончиной Іосифъ поручилъ братіи самой выбрать себѣ игумена, и выборъ ея палъ на Даніила. Умирающій игуменъ благословилъ своего преемника. При послѣдующихъ посѣщеніяхъ монастыря великимъ княземъ, Даніилъ сумѣлъ пріобрѣсти его расположеніе, а теперь, несмотря на свои еще далеко не старые годы, занялъ архипастырскую каѳедру. Съ его возвышеніемъ немедленно стала усиливаться и вся партія іосифлянъ. Между прочимъ, Даніилъ сталъ проводить ихъ на епископскія каѳедры: такъ два близкіе родственника Іосифа Волоцкаго, Акакій и Вассіанъ Топорковъ, возведены въ санъ епископа, первый Тверскаго, второй Коломенскаго.

Несмотря на измѣнившіяся обстоятельства, Вассіанъ Косой и Максимъ Грекъ продолжали дѣйствовать въ прежнемъ духѣ, и разумѣется сильно возбудили противъ себя новаго митрополита. Первой жертвой его неудовольствія сдѣлался Максимъ. Этотъ иноземецъ, недостаточно понимая людей и отношенія, среди которыхъ ему пришлось теперь жить, слишкомъ подчинился непріязненнымъ воззрѣніямъ своего друга Вассіана на московскіе порядки, церковные и политическіе, и, увлекшись авторитетностію своего высшаго образованія, принялся писать разныя обличительныя разсужденія, направленныя не только противъ корыстолюбія и распущенныхъ нравовъ русской іерархіи и русскаго монашества вообще, но и противъ нѣкоторыхъ архіереевъ и самого митрополита. Напримѣръ, въ своемъ словѣ противъ лихоимства, онъ обличаетъ какого-то высшаго духовнаго сановника, который «безпощадно пьетъ кровь изъ убогихъ людей своими лихвами и всякими несправедливостями, а самъ разъѣзжаетъ по городу на великолѣпныхъ коняхъ въ сопровожденіи многихъ слугъ, разгоняющихъ народъ крикомъ и бичами: долгими молитвами и черною власяницею онъ прикрываетъ свою страсть къ сладкимъ яствамъ и питіямъ и къ дорогимъ одеждамъ».

Въ такомъ обличеніи видѣли намекъ на митрополита Даніила, который, по словамъ Герберштейна, будучи возведенъ на высшій духовный санъ еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ, будто бы всякій разъ, являясь предъ народомъ, окуривалъ свое лицо сѣрнымъ дымомъ чтобы сдѣлать его болѣе блѣднымъ, то-есть болѣе постнымъ. Не ограничиваясь духовенствомъ, Максимъ направлялъ свои обличенія также противъ гражданскаго управленія, противъ лихоимства, хищеній и грабительства властей. Мало того, онъ неосторожно бесѣдовалъ съ нѣкоторыми опальными боярами насчетъ особы государя, дружилъ бывшему въ Москвѣ турецкому послу (Скиндеру, родомъ Греку), враждебно настроенному противъ Россіи, и т. п.

Въ числѣ чиновныхъ лицъ, посѣщавшихъ Максима, преимущественно ради его просвѣщенной книжной бесѣды, и читавшихъ его посланія или «тетрадки», былъ и старикъ Иванъ Берсень Беклемишевъ, находившійся тогда въ царской опалѣ. Очевидно, онъ принадлежалъ къ старой боярской партіи, недовольной новыми порядками, то-есть усилившимся самодержавіемъ: великій князь хотя и собиралъ боярскую думу для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ, но въ сущности всѣ дѣла онъ уже заранѣе рѣшалъ въ тѣсномъ кругу своихъ совѣтниковъ, которыхъ выбиралъ въ особенности изъ ближнихъ дворцовыхъ чиновниковъ и дьяковъ. Онъ не любилъ слышать противорѣчія со стороны бояръ. Берсень былъ умный человѣкъ, но именно отличался грубою прямотою. Разъ онъ заспорилъ съ государемъ по поводу смоленскихъ дѣлъ. Василій Ивановичъ разгнѣвался и сказалъ ему: «поди прочь, смердъ, ты мнѣ не надобенъ». Его отставили отъ должности и отняли у него городской дворъ, въ которомъ и помѣстили супругу Шемячича, бывшаго Сѣверскаго князя. Опальный Берсень приходилъ къ Максиму Греку и горько жаловался ему на свое тяжкое положеніе и на то, что некому за него печаловаться предъ государемъ. Хотя Максимъ въ такихъ случаяхъ высылалъ своихъ домашнихъ и сидѣлъ съ Берсенемъ наединѣ, однако правительству донесли объ ихъ бесѣдахъ. Въ нихъ участвовалъ еще опальный дьякъ Ѳедоръ Жареный. Повидимому, доносъ былъ сдѣланъ однимъ изъ келейниковъ Максима. Зимой 1525 года наряжено было слѣдствіе. Допросили Берсеня, Жаренаго и Максима Грека. Послѣдній все разсказалъ откровенно; а первые сначала заперлись, но потомъ на очныхъ ставкахъ повинились въ своихъ тайныхъ бесѣдахъ.

Приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ слѣдственнаго дѣла, чтобы показать какого характера были подобныя бесѣды.

— Былъ ли ты сегодня у митрополита? спрашиваетъ Максимъ пришедшаго къ нему Берсеня.

— А я не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ, молвилъ Берсень.

— Какъ такъ? Митрополитъ на Москвѣ Даніилъ.

— Не вѣдаю, митрополитъ ли онъ или простой чернецъ: учительнаго слова отъ него никакого нѣтъ и ни о комъ не печалуется; а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ. А тебя, господине Максиме, взяли изъ Святыя Горы, да отъ тебя какую пользу взяли?

— Я, господине, сиротина, какой отъ меня пользѣ быть?

— Ты человѣкъ разумный и можешь насъ пользовати. Намъ было бы пригоже тебя спрашивати, какъ государю устроити свою землю и какъ людей жаловати и какъ митрополиту жити?

— У васъ, господине, книги и правила есть, можете устроитися (сами), уклончиво отвѣчалъ Грекъ. Однако иногда не удерживался и прибавлялъ такія слова о великомъ князѣ:—Пойдетъ государь къ церкви, вдовицы плачутъ и за нимъ идутъ, и они ихъ бьютъ. И я за государя молилъ Бога, чтобы государю Богъ на сердце положилъ и милость бы ему надъ ними показалъ.

Берсень жаловался на Василія Ивановича и его покойную мать въ такихъ выраженіяхъ:

— Добръ былъ отецъ великаго князя Василія, великій князь Иванъ, и до людей ласковъ; пошлетъ кого на которое дѣло, ино и Богъ съ нимъ, а нынѣшній государь людей мало жалѣетъ. Дотолѣ земля Русская жила въ тишинѣ, да въ миру. А какъ пришла сюда мать великаго князя Софья съ вашими Греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царьгородѣ при вашихъ царяхъ.

— Господине, молвилъ на это Максимъ,—великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго, по отцѣ царей нашихъ, а по матери великаго дукса (герцога) Феррарскаго. (Въ иной же разъ просто выразился, что по отцу она христіанка, а по матери латынка).

— Какова бы ни была, а къ нашему нестроенію пришла, горячился Берсень.—Вѣдаешь и самъ, господине, и мы слыхали у разумныхъ людей: которая земля переставливаетъ обычаи свои и

та земля недолго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи князь великій перемѣнилъ, ино на насъ котораго добра чаяти?

— Которая земля переступаетъ заповѣди Божіи, та отъ Бога казни чаетъ; а обычаи царскіе и земскіе государи перемѣняютъ (смотря по тому) какъ лучше ихъ государству, вставилъ Максимъ.

— Однако, лучше старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать, а стариковъ почитать; нынѣ же государь нашъ запершися самъ-третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ, продолжалъ сѣтовать Берсень.—Подворье у меня въ городѣ отнялъ, изъ Новгорода Нижняго людей велѣлъ распустить и сына моего тамъ одного оставилъ. А нынѣ отвсюду-то брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ, ни съ Крымомъ, ни съ Казанью, всѣ намъ недруги, а все за наше нестроеніе.

Въ другой разъ Берсень, заговоривъ съ Максимомъ о томъ, что великій князь не отпускаетъ его обратно на Святую Гору, объяснилъ этотъ поступокъ опасеніемъ, чтобъ онъ, узнавъ здѣсь всѣ наши дѣла, «добрая и лихая», не сталъ бы о нихъ тамъ разсказывать.

— Государь нашъ упрямъ, прибавлялъ Берсень, — и встрѣчи противъ себя не любитъ: кто ему на встрѣчу говоритъ, онъ на того опаляется; а отецъ его противъ себя встрѣчу любилъ и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говорили.

Въ томъ же родѣ были разговоры Максима и Берсеня съ дьякомъ Жаренымъ.

— Добылъ себѣ печальника? спросилъ его Максимъ.

— Нѣтъ, не добылъ, отвѣчалъ Жареный. — А государь у насъ пришелся жестокій и немилостивый.

Когда великій князь, послѣ основанія города Васильсурска на границѣ съ Казанскою землей, возвращался изъ Нижняго Новгорода въ Москву, бояре и дьяки стояли и ждали государева въѣзда въ городъ. При этомъ Берсень замѣтилъ Жареному: «И зачѣмъ великій князь ходилъ въ Нижній? Поставилъ лукно на ихъ (Казанской) сторонѣ, то какъ же миръ съ ними взять? Ставилъ бы лучше городъ на своей сторонѣ?» По тому же поводу Берсень разсказалъ Жареному свой разговоръ съ митрополитомъ.

— Сижу я у митрополита одинъ на одинъ, и митрополитъ воздаетъ великому князю большую хвалу за то, что городъ поставилъ, которымъ городомъ всю Казанскую землю возьметъ. «Богъ его избавилъ отъ запазушнаго врага», говоритъ. Спрашиваю: «кто это

запазушный врагъ»?—«Шемячичъ», молвилъ митрополитъ. А самъ забылъ, какъ Шемячичу грамоту писалъ за своею печатью, клялся ему образомъ Пречистыя, чудотворцами, и на свою душу взялъ.

Въ подобныхъ откровенныхъ разговорахъ ясно отражаются настроеніе недовольной части общества, личные счеты и тѣ пересуды, какимъ подвергалось правительство со стороны этихъ недовольныхъ. Они сѣтовали на тяжести службы и не хотѣли видѣть труднаго положенія московскихъ правителей, одновременно доканчивавшихъ великое дѣло объединенія Руси и ведшихъ непрестанную борьбу со внѣшними врагами. Всѣ общественныя бѣдствія, свои частныя невзгоды и уже дававшій себя чувствовать желѣзный скипетръ самодержавія они готовы были объяснять только личными качествами государя и вліяніемъ его матери, давно умершей; причемъ и суровый Иванъ III въ отдаленіи представлялся имъ гораздо болѣе ласковымъ и милостивымъ чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Даже въ такомъ полезномъ дѣлѣ, какъ основаніе новаго опорнаго пункта для борьбы съ Казанцами, высказывалось охуленіе, почему городъ поставили на правомъ, а не на лѣвомъ берегу Суры.

Тѣмъ не менѣе жалобы на недостатокъ печалованія и немилосердіе Василія Ивановича въ данномъ случаѣ оправдались. За нескромныя рѣчи о государѣ Берсеню Беклемишеву отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ, а Ѳедору Жареному вырѣзали языкъ.

По сему дѣлу Максимъ Грекъ оказался виновенъ въ томъ, что слушалъ подобныя рѣчи, при чемъ обнаружились его дружескія связи съ лицами противными великому князю и митрополиту. И митрополитъ, и великій князь имѣли съ нимъ личные счеты, по поводу его обличительныхъ посланій; кромѣ того, намѣреніе Василія III развестись со своею неплодною супругой и жениться на другой встрѣтило рѣшительное неодобреніе со стороны этого Грека, столь авторитетнаго въ каноническихъ вопросахъ. Почти вслѣдъ за помянутою казнію начался судъ надъ Максимомъ, для чего происходили частые соборы духовенства то во дворцѣ государя, то въ палатахъ митрополита. Его обвиняли въ сношеніяхъ съ врагами Россіи (турецкимъ посломъ), въ осужденіи русскихъ церковныхъ уставовъ и книгъ, въ охуленіи русскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны, Сергія, Кирилла и другихъ за то, что они держали волости и села, собирали оброки и пошлины. Обвиняли его даже въ разныхъ ересяхъ при переводѣ книгъ; чему подали поводъ нѣкоторыя неточныя выраженія, происшедшія отъ его недостаточнаго знакомства съ рус-

скимъ языкомъ. Судъ кончился тѣмъ, что Максима сослали въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, гдѣ держали его въ строгомъ заключеніи, въ голодѣ и холодѣ, и запрещали ему что-нибудь писать и сочинять. Однако, твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, Максимъ не признавалъ себя виновнымъ и вопреки запрещенію продолжалъ сочинять обличительныя посланія (или «тетради»). Митрополитъ Даніилъ, со своей стороны, не успокоился до тѣхъ поръ, пока Максима, спустя шесть лѣтъ, не подвергли новому соборному суду. Тутъ выставили противъ него тѣ же обвиненія съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ ересей, то-есть ошибокъ, отысканныхъ въ его переводахъ и грѣшившихъ противъ догматовъ о Пресвятой Дѣвѣ Маріи и о Св. Троицѣ. Его вновь осудили и заточили на сей разъ въ Тверской Отрочъ монастырь (1531).

Послѣ перваго суда надъ Максимомъ Грекомъ, его другъ Вассіанъ Косой еще сохранялъ повидимому расположеніе великаго князя. Но когда совершились разводъ и новый бракъ Василія Ивановича, Патрикѣевъ относился къ нимъ очень неодобрительно, чѣмъ и охладилъ къ себѣ государя. Послѣ рожденія сына и наслѣдника Васильева, митрополитъ воспользовался обстоятельствами и настроеніемъ государя, и добился того, что вслѣдъ за вторымъ осужденіемъ Максима былъ назначенъ соборный судъ надъ Вассіаномъ (именно, въ маѣ того же 1531 года). Главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ него послужила помянутая выше Кормчая, которую онъ «дерзнулъ» перепpавлять по своему; при чемъ охуждалъ нѣкоторыя прежнія правила и называлъ ихъ «кривилами», а русскихъ чудотворцевъ осмѣлился называть «смутотворцами», за то, что они при своихъ монастыряхъ имѣли села и крестьянъ. Князь-инокъ не смирился предъ судьями и держалъ себя съ обычною своею гордостью. Такъ, когда ему указали примѣры древнихъ иноковъ, которые хотя и владѣли селами, однако успѣли угодить Богу, онъ замѣтилъ: «тѣ села держали, но пристрастія къ нимъ не имѣло». На вопросъ митрополита, почему же онъ думаетъ, что новые чудотворцы были пристрастны къ селамъ, Вассіанъ дерзко отвѣчалъ: «не вѣдаю, чудотворцы ли то были». Тутъ рѣчь шла собственно о митрополитѣ Іонѣ и Макаріи Калязинскомъ, коихъ канонизація въ то время еще не получила окончательной, общепризнанной формы. Когда митрополитъ напомнилъ Вассіану его рѣзкіе отзывы о Макаріи, тотъ замѣтилъ: «я его зналъ; простой былъ человѣкъ; а чудотворецъ ли онъ, пусть будетъ какъ вамъ любо». Отвѣчая на упреки митрополита за раз-

ныя неканоническія измѣненія въ его спискѣ Кормчей, Вассіанъ прибавилъ: «а буде что негораздо, и ты исправи». Наконецъ, его обвинили въ той же ереси противъ догмата о Пресвятой Дѣвѣ какъ и Максима Грека, ибо при переводѣ симъ послѣднимъ Метафрастова *Житія Богородицы* Вассіанъ участвовалъ въ неправильномъ истолкованіи нѣкоторыхъ важныхъ мѣстъ. Соборъ осудилъ Вассіана, и заточилъ его въ тотъ самый монастырь, съ которымъ онъ наиболѣе враждовалъ, то-есть въ Іосифовъ Волоколамскій. Тамъ онъ вскорѣ и умеръ, вѣроятно вслѣдствіе тяжелыхъ лишеній и суроваго обращенія своихъ надсмотрщиковъ.

Такъ трагически окончилась при Василіи III эта борьба монастырскихъ нестяжателей съ ихъ противниками. Послѣдніе стояли за такой монастырскій строй, который складывался постепенно въ теченіе вѣковъ; они стояли также за исторически развивавшееся самодержавіе, и естественно нашли въ немъ могучаго покровителя. А нестяжатели, проповѣдуя евангельскія отношенія, въ то же время защищали нѣкоторые старые, отживавшіе порядки. Вассіанъ Косой, какъ поборникъ древнихъ дружинно-боярскихъ притязаній на ограниченіе княжеской власти, является прямымъ предшественникомъ знаменитаго князя-боярина Андрея Курбскаго. ([12]).

Не малую долю въ опалѣ Максима Грека и Вассіана Косого играло ихъ неодобреніе разводу великаго князя съ супругою.

Василій Ивановичъ очевидно сознавалъ государственную важность прямого престолонаслѣдія отъ отца къ сыну. Въ этихъ видахъ онъ не позволялъ своимъ роднымъ братьямъ жениться, пока самъ не былъ еще обезпеченъ въ своемъ прямомъ потомствѣ. Вообще, онъ братьевъ своихъ держалъ подъ строгимъ присмотромъ, и когда они жили въ своихъ удѣлахъ, то въ числѣ ихъ окружавшихъ находились люди, которые доносили великому князю не только объ ихъ поступкахъ, но и обо всѣхъ подозрительныхъ разговорахъ. Такимъ образомъ предупреждаемы были всякія попытки къ какой-либо крамолѣ или къ тайнымъ сношеніямъ съ королемъ Польско-Литовскимъ. Двое изъ братьевъ, Семенъ и Дмитрій, умерли (первый въ 1518, второй въ 1521). Оставались въ живыхъ еще двое: Юрій Дмитровскій и Андрей Старицкій. Къ немалому огорченію Василія, болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее его супружество съ Соломоніей Сабуровой было бездѣтно, и великокняжескій престолъ послѣ него долженъ былъ перейти къ брату Юрію. Согласно съ

обычаями и суевѣріями той эпохи. Соломонія тайно обращалась къ знахарямъ и знахаркамъ, испытывала разныя ихъ средства, чтобы получить дѣтей и сохранить любовь мужа, но ничто не помогало.

Одно лѣтописное сказаніе изображаетъ сѣтованіе великаго князя въ слѣдующей поэтической формѣ. Однажды, во время *объѣзда* по своему государству, онъ ѣхалъ на позлащенной колесницѣ, окруженный тѣлохранителями, и, посмотрѣвъ наверхъ, увидѣлъ на деревѣ птичье гнѣздо. «Горе мнѣ! воскликнулъ онъ—кому уподоблюсь? ни птицамъ небеснымъ, ни звѣремъ земнымъ, ни рыбамъ, всѣ они плодовиты суть». И, посмотрѣвъ на землю, прибавилъ: «Господи! и землѣ сей не уподобился я, ибо земля во всякое время приноситъ свои плоды и благословляетъ Тебя». Осенью, воротясь изъ объѣзда въ Москву, онъ началъ думать съ боярами о неплодіи великой княгини и говорилъ со слезами: «Кому по мнѣ царствовать на Русской землѣ? Братьямъ ли? Но они и своихъ удѣловъ не умѣютъ устроить». Нѣкоторые угодливые бояре, понимая его желаніе, отвѣчали на это: «великій государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ винограда».

Но разводъ былъ дѣломъ необычайнымъ на Руси и почитался грѣхомъ противъ церковныхъ уставовъ. Вѣроятно не безъ связи съ такимъ намѣреніемъ великаго князя совершилась перемѣна митрополита: вмѣсто строгаго, неуступчиваго Варлаама поставленъ Даніилъ, явившійся усерднымъ исполнителемъ желаній Державнаго. Однако, не вдругъ приступили къ осуществленію даннаго намѣренія; сначала обратились, повидимому, за совѣтомъ и разрѣшеніемъ, къ восточнымъ патріархамъ и на Аѳонскіе монастыри. Но оттуда получили неодобрительные отвѣты. Тогда митрополитъ Даніилъ собственною властію разрѣшилъ разводъ. Тщетно Соломонія не соглашалась сдѣлаться монахиней; въ ноябрѣ 1525 года ее силою привели въ Московскій Рождественскій монастырь; самъ митрополитъ обрѣзалъ ей волосы; надѣли на нее монашескую мантію или куколь, и постригли подъ именемъ Софьи; послѣ чего ее отвезли въ Суздаль и заключили тамъ въ женскомъ Покровскомъ монастырѣ. А въ январѣ 1526 года «о свадебницахъ» (время свадебъ, отъ святокъ до масляницы) великій князь вступилъ въ новый бракъ, съ племянницею извѣстнаго литовско-русскаго выходца князя Михаила Глинскаго, Еленою, дочерью его, тогда уже умершаго, брата Василія. Вѣнчалъ ихъ самъ митрополитъ. Вообще, эта свадьба сопровождалась всею царскою пышностію и тѣми многочисленными па-

родными обрядами, которые въ тѣ времена на Руси были въ полной силѣ, каковы: тысяцкій, дружки, свахи, опахиваніе жениха и невѣсты соболями, осыпаніе хмелемъ изъ золотой мисы, иконы съ тафтяными убрусами, которые по концамъ были сажены жемчугомъ, бархатные и атласные платки, ширинки, камки подножныя, золотыя и серебряныя деньги, калачи, перепечи и сыры, короваи и свѣчи, поставленныя въ кадь съ пшеницею, постель на ржаныхъ снопахъ, кормленіе новобрачныхъ жаренымъ пѣтухомъ и кашей, государевъ конюшій (князь Ѳедоръ Васильевичъ Телепневъ), всю ночь разъѣзжавшій съ обнаженнымъ мечомъ вокругъ подклѣти или спальни, и т. д. Тысяцкимъ на свадьбѣ былъ братъ государя Андрей; роли дружковъ съ обѣихъ сторонъ исполняли знатнѣйшіе бояре, а обязанности свахъ—знатныя боярыни.

Однако, многіе современники не одобряли развода съ Соломоніей и второго брака Василія; ропотъ ихъ нашелъ отголосокъ у самихъ лѣтописцевъ. На Соломонію смотрѣли какъ на невинную жертву насилія. Сложилась даже легенда, будто во время своего постриженія она оказалась беременною и потомъ произвела на свѣтъ сына, по имени Георгія. Она прожила въ монастырскомъ заключеніи еще цѣлыя семнадцать лѣтъ. Межъ тѣмъ Василій высказывалъ большую привязанность къ своей молодой супругѣ, вѣроятно кромѣ миловидной наружности владѣвшей болѣе утонченными манерами, чѣмъ московскія женщины того времени. Желая нравиться ей, великій князь, которому было подъ пятьдесятъ лѣтъ, сбрилъ свою бороду, вопреки господствовавшему великорусскому обычаю. По просьбѣ Елены, онъ велѣлъ освободить изъ заключенія ея дядю, Михаила Глинскаго, который вновь занялъ почетное положеніе при его дворѣ. Однако, къ немалому огорченію Василія, первые годы его второго супружества оставались бездѣтны; великій князь съ супругою начали усердно ѣздить по монастырямъ; раздавали щедрую милостыню и молили угодниковъ о своемъ чадородіи. Наконецъ, Богъ услышалъ ихъ молитвы: въ августѣ 1530 года родился у нихъ сынъ Іоаннъ, будущій Грозный царь. Обрадованный Василій повезъ младенца въ Троицкую лавру, и тамъ окрестили его у гроба св. Сергія; воспреемниками его отъ купели были два извѣстныхъ подвижника: столѣтній старецъ Касьянъ Босой и игуменъ Даніилъ Переяславскій. При семъ великій князь положилъ новорожденнаго на самую раку Преподобнаго, какъ бы отдавая его подъ защиту прославленнаго заступника и покровителя московскихъ

князей. А для мощей двухъ другихъ московскихъ угодниковъ, свв. митрополитовъ Петра и Алексѣя, онъ заказалъ отчеканить новыя богатыя раки, для перваго золотую, для второго серебряную. Кромѣ того, онъ снялъ опалу съ нѣкоторыхъ провинившихся бояръ, простилъ многихъ заключенныхъ въ тюрьмы, одѣлилъ многихъ бѣдныхъ, и вообще ознаменовалъ свою радость разными дѣлами милосердія и благотворенія. Въ слѣдующемъ году Елена родила второго сына, Георгія. Тогда великій князь, обезпеченный въ собственномъ потомствѣ и прямомъ престолонаслѣдіи, разрѣшилъ младшему брату Андрею вступить въ бракъ, и женилъ его на княжнѣ Хованской. Отъ этой эпохи до насъ дошло нѣсколько писемъ великаго князя къ Еленѣ, написанныхъ во время его отсутствія изъ Москвы. Въ нихъ ясно обнаруживается его любовь и заботливость о женѣ и дѣтяхъ, особенно о старшемъ. Между прочимъ, жена увѣдомила его, что у малютки Ивана показался на шеѣ вередъ. Василій встревожился и засыпалъ жену вопросами о томъ, что это такое, давно ли, бываетъ ли у другихъ дѣтей и т. п. Онъ поручаетъ ей разспросить опытныхъ боярынь, и подробно ему обо всемъ отписать (13).

Въ дѣлѣ украшенія и укрѣпленія столицы съ помощію иноземныхъ мастеровъ, Василій III усердно продолжалъ начатое его отцомъ. Такъ, по его приказанію, извѣстный уже мастеръ Алевизъ Фрязинъ обложилъ кирпичемъ и камнемъ ровъ, шедшій вокругъ городской стѣны, и привелъ въ лучшій порядокъ прилегавшіе пруды. Около того же времени была окончена постройка кирпичнаго великокняжескаго двора, смежныхъ съ нимъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ. Послѣдній покрытъ позолоченною кровлей и внутри расписанъ иконами на золотомъ полѣ (1508 года). Тогда же мастеръ Бонъ Фрязинъ окончилъ церковь Іоанна «подъ колоколами» (гдѣ Ивановская колокольня). Вѣроятно для этой колокольни, въ концѣ Васильева царствованія, мастеръ Николай Нѣмчинъ слилъ колоколъ «большой благовѣстникъ» въ тысячу пудъ; но помѣщенъ онъ былъ на особой «деревянной колокольницѣ». Вновь перестроенъ каменный придворный храмъ Спаса Преображенія. Кромѣ того, при Василіи воздвигнуто въ Москвѣ болѣе десяти каменныхъ церквей (Введенская на Большомъ Посадѣ или въ Китай-городѣ, Рождественская за Неглинной, Благовѣщенская на Ваганьковѣ, Алексѣевская въ Дѣвичьемъ монастырѣ за Черторыей и пр.), и всѣ онѣ построены тѣмъ же архитекторомъ Алевизомъ Фрязинымъ. Тотъ же Алевизъ повидимому былъ и пушечнымъ мастеромъ. Лѣ-

топись сообщаетъ, что на Алевизовомъ дворѣ, гдѣ приготовляли пушечное зеліе (порохъ), на Успенскомъ врагѣ, однажды произошелъ пожаръ, при чемъ погибло болѣе 200 рабочихъ (1531 года). Великій князь строилъ каменные храмы въ подгородныхъ своихъ селахъ, напримѣръ, въ Воронцовѣ — Благовѣщенія, а въ Коломенскомъ — Вознесенія. При Василіи же основанъ подъ Москвой извѣстный Новодѣвичій монастырь. Укрѣпляя столицу, Василій заботился и о другихъ важныхъ пунктахъ, особенно оборонявшихъ государство со стороны Татаръ. Такъ, онъ построилъ каменныя крѣпости въ Тулѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Нижнемъ (въ послѣднемъ строилъ Петръ Фрязинъ), а деревянныя въ Черниговѣ, Каширѣ и пр.

Межъ тѣмъ какъ каменное храмовое зодчество находилось пока въ рукахъ иноземцевъ, внутреннее храмовое украшеніе или иконопись продолжала развиваться какъ художество вполнѣ русское. При Василіи было окончено фресковое расписаніе знаменитаго Успенскаго собора. А помянутое выше расписаніе Благовѣщенскаго было совершено мастеромъ Ѳеодосіемъ Денисьевымъ съ братіей (кажется, сыномъ Діонисія, извѣстнаго иконника временъ Ивана III). Очищенныя недавно отъ позднѣйшихъ наслоеній, фрески этого собора свидѣтельствуютъ о значительномъ процвѣтаніи иконописнаго искусства въ то время. Любопытны, между прочимъ, извѣстія лѣтописей о поновленіи нѣкоторыхъ наиболѣе чтимыхъ иконъ стараніями митрополита Варлаама, который самъ не былъ чуждъ иконописному художеству. Во-первыхъ, по его совѣту и благословенію, государь разрѣшилъ поновить знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери и велѣлъ устроить для него новый кіотъ, украшенный золотомъ и серебромъ (1514 года). Затѣмъ великій князь велѣлъ принести изъ Владиміра древнія иконы Спаса и Богородицы, отъ времени обветшавшія. Митрополитъ съ духовенствомъ и народомъ встрѣтилъ ихъ на Посадѣ и съ молебствіемъ проводилъ въ Успенскій соборъ. (Государь тогда отсутствовалъ изъ Москвы). Потомъ Варлаамъ велѣлъ поставить ихъ въ своихъ палатахъ и поновлять, при чемъ помогалъ иконникамъ собственными руками (1518). Для сихъ иконъ также устроили новыя драгоцѣнныя ризы, пелены и кіоты. Въ слѣдующемъ году св. иконы были отпущены обратно во Владиміръ съ такою же торжественностію какъ и встрѣчены. Государь съ боярами самъ проводилъ ихъ за Андрониковъ монастырь.

При Василіи встрѣчаемъ въ столицѣ начало полицейскихъ порядковъ. Такъ ночью, послѣ урочнаго часа, воспрещалось безъ осо-

бои нужды ходить по извѣстнымъ улицамъ, для чего онѣ заграждались рогатками, при которыхъ стояла стража. Подобная же мѣра была принята и въ Новгородѣ Великомъ (въ 1531 году) вслѣдствіе пожаровъ, сопровождавшихся сильными грабежами. Когда тамъ по всему городу поставили уличныя рѣшетки и учредили пожарную стражу, то эта мѣра много способствовала водворенію спокойствія и прекращенію грабежей. Василій подтвердилъ запрещеніе отца относительно пьянства и вольной продажи меда, пива и вина; но такъ какъ запрещеніе это не распространялось на великокняжескихъ тѣлохранителей, то онъ выстроилъ для нихъ за рѣкой особую часть города, которая названа Наливки (отъ слова: *наливай!* Такъ объясняетъ это названіе Герберштейнъ). (14).

Большіе успѣхи сдѣлало при Василіи III развитіе московскаго придворнаго строя, то-есть умноженіе чиновъ, должностей и обрядности; въ чемъ, кромѣ установившагося единодержавія и самодержавія, не малую долю вліянія имѣли византійскія преданія, подкрѣпленныя матерью великаго князя и пріѣхавшими съ нею Греками. Встрѣчаемъ нѣкоторыя придворныя званія, о которыхъ прежде не упоминалось, напримѣръ *стряпчихъ*, вѣдавшихъ царскую одежду, *рындъ* или нарядныхъ тѣлохранителей, *крайчихъ, оружничихъ, ясельничихъ* (вѣдавшихъ конскій приборъ), *постельниковъ*, *шатерниковъ* и пр. Своеобразная роскошь и строгая обрядность Московскаго двора въ ту эпоху стали обращать на себя вниманіе иноземцевъ, въ особенности западно-европейскихъ пословъ, которымъ приходилось близко наблюдать и на самихъ себѣ испытывать наши придворные порядки и обычаи. Любопытное описаніе нѣкоторыхъ таковыхъ обычаевъ находимъ въ сочиненіи о Московскомъ государствѣ извѣстнаго германскаго посла Герберштейна, дважды посѣтившаго наше отечество.

Навстрѣчу послу предъ его первымъ прибытіемъ въ Москву выѣхалъ знатный бояринъ. Послѣдній при семъ строго соблюдалъ достоинство своего государя, и, напримѣръ, не выходилъ первый изъ саней или не слѣзалъ съ лошади, а ждалъ пока это сдѣлаетъ прибывшій посолъ. Герберштейнъ, замѣтивъ какую цѣну москвитяне придаютъ всѣмъ подробностямъ встрѣчи, также захотѣлъ поддержать достоинство своего государя, началъ спорить, и потомъ прибѣгъ къ хитрости: онъ вынулъ ногу изъ стремени, дѣлая видъ что слѣзаетъ съ лошади. Бояринъ тотчасъ сошелъ на землю, но тутъ съ досадой замѣтилъ обманъ противника. Скрывъ досаду, онъ

подошелъ съ непокрытою головой, и отъ имени своего государя спросилъ посла, по добру ли по здорову пріѣхалъ, произнеся предварительно полный царскій титулъ (великій государь Василій, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій и пр.).

Во время второго пріѣзда барона Герберштейна, онъ, какъ извѣстно, имѣлъ товарищемъ своимъ графа Леонарда Нугароля. За полмили отъ Москвы ихъ встрѣтилъ старый дьякъ, ѣздившій съ посольствомъ въ Испанію, объявилъ, что для почетнаго пріема имъ назначены отъ государя *большіе люди*, и предупредилъ, что при свиданіи съ ними надобно сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Старикъ былъ покрытъ потомъ и казался въ большихъ хлопотахъ; на вопросъ Герберштейна о причинѣ сего, онъ отвѣчалъ: «Сигизмундъ, у насъ государю служатъ иначе чѣмъ у васъ». Въ Москвѣ баронъ и графъ получали содержаніе, назначенное для германскихъ пословъ (для литовскихъ и другихъ опредѣлялось оно въ иномъ размѣрѣ); имъ и ихъ свитѣ ежедневно доставлялись пища и напитки; послѣдніе состояли изъ разныхъ сортовъ меду и пива. Когда назначенъ былъ день торжественнаго пріема, за послами явилось нѣсколько важнѣйшихъ сановниковъ въ сопровожденіи большой свиты изъ дворянъ. По тѣмъ улицамъ, гдѣ проѣзжали послы, стояли толпы народа, которыя становились гуще по мѣрѣ приближенія къ Кремлю, такъ что за тѣснотою поѣздъ едва пробрался въ Кремлевскія ворота. Дѣло въ томъ, что по распоряженію правительства, въ такой день народъ сгонялся сюда со всѣхъ сторонъ, запирались лавки и мастерскія, чтобъ удивить иностранцевъ своимъ многолюдствомъ, а слѣдовательно и могуществомъ. Посольство прошло посреди воиновъ, туземныхъ и *наемныхъ*, наполнявшихъ Кремлевскую площадь, и должно было сойти съ коней, еще не доѣзжая до дворцовой лѣстницы, ибо сходить съ лошади подлѣ нея могъ только одинъ великій князь. На лѣстницѣ и въ первыхъ комнатахъ дворца пословъ встрѣчали бояре, чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе знатные; они подавали правую руку и здоровались. Въ пріемномъ покоѣ находился великій князь съ братьями и думными боярами. Онъ сидѣлъ съ открытою головой на возвышеніи подлѣ стѣны, на которой висѣлъ образъ въ богатомъ окладѣ; справа на скамьѣ лежала мѣховая шапка или *колпакъ*, а слѣва посохъ съ крестомъ и тазъ съ двумя рукомойниками и положеннымъ на нихъ полотенцемъ (для омовенія руки послѣ прикосновенія къ иновѣр-

цамъ). Послѣ установленныхъ привѣтствій, пословъ посадили на скамью противъ великаго князя; при посредствѣ толмача, они сказали свою рѣчь. Государь вставалъ и спрашивалъ: «Братъ нашъ, Карлъ, избранный императоръ Римскій и наивысшій король здоровъ ли?» Графъ Нугароль отвѣтилъ: «здоровъ». Тотъ же вопросъ повторился о Фердинандѣ, на что̀ отвѣчалъ Герберштейнъ. Потомъ Василій давалъ руку посламъ и спрашивалъ объ ихъ собственномъ здоровьѣ.

По окончаніи сей аудіенціи, государь пригласилъ пословъ къ своему столу. Когда ихъ ввели въ обѣденную залу, великій князь и бояре уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находился поставецъ, обремененный золотыми и серебряными чашами и кубками. Государь сидѣлъ за особымъ столомъ, ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другіе придворные люди, по степени своей знатности и милости государевой. Пословъ посадили также за особымъ столомъ, насупротивъ великаго князя. На столахъ были разставлены солонки, уксусницы и перечницы. Предъ началомъ обѣда великій князь, если хотѣлъ оказать кому почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще высшій почетъ означала посылка отъ него соли. Во время обѣда онъ посылалъ со своего стола нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ посламъ, блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было каждый разъ вставать и кланяться на всѣ стороны, что не мало утомляло пословъ. За обѣдомъ первымъ блюдомъ въ мясоѣдъ подавались жареные лебеди и журавли. Приправою къ кушаньямъ служили сметана, соленые огурцы и моченыя груши, которыя не снимались со стола во время обѣда. Въ началѣ обѣда пили водку, а потомъ подавали мальвазію, греческое вино и разные меды. Государь пилъ за здоровье пословъ, и, также какъ кушанья, посылалъ отъ себя напитки. Кубки и вообще посуда, которую здѣсь видѣли послы, казались сдѣланными изъ дорогихъ металловъ и даже изъ чистаго золота. Служители, разносившіе кушанья и напитки, одѣты были въ нарядные кафтаны или такъ-называемые «терлики», украшенные жемчугомъ и дорогими камнями; а прежде (до Василія) они одѣвались проще, на подобіе церковныхъ прислужниковъ. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. По окончаніи его, однако не окончилась попойка. Тѣ же чины, которые провели пословъ во дворецъ, проводили ихъ домой, и тутъ принялись снова угощать ихъ напитками, стараясь напоить до пьяна. Въ этомъ отношеніи, по замѣчанію иноземцевъ, Русскіе были

большіе мастера: когда истощены всѣ другіе способы убѣжденія, то они начинають пить здоровье великаго князя, его брата и другихъ почетныхъ лицъ, полагая, что при ихъ имени никто не можетъ отказаться отъ чаши. При семъ приглашающій пить чье-либо здоровье выходитъ на средину комнаты съ чашей въ рукѣ и говоритъ веселую рѣчь съ разными ему пожеланіями; опорожнивъ чашу, перевертываетъ ее и касается своей макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ до дня. Затѣмъ точно такимъ же образомъ долженъ каждый опорожнить чашу. Единственное средство избавиться отъ дальнѣйшихъ тостовъ, это притвориться сильно пьянымъ или заснувшимъ.

Послы приглашены были также на великокняжую заячью охоту, которая производилась близь Москвы на одной покрытой кустарниками заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Кромѣ того, сюда заранѣе приносили много зайцевъ изъ другихъ мѣстъ и во время охоты по мѣрѣ надобности выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Великій князь сидѣлъ на богатоубранномъ аргамакѣ (какъ Москвитяне называли коней турецкой породы); голова князя была покрыта колпакомъ съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки на подобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ висѣли спереди кинжалъ и два ножа, а назади изукрашенная золотомъ палица съ привѣшеннымъ къ ней на ремнѣ мѣднымъ или желѣзнымъ кускомъ — оружіе, употребляемое Москвитянами на войнѣ (кистень?). Съ праваго боку у него ѣхалъ пользовавшійся особымъ почетомъ, бывшій казанскій царь, Шигъ-Али съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а съ лѣваго — два молодые князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру или топоръ съ рукоятью изъ слоновой кости, а другой булаву, называемую «шестоперомъ». Число всѣхъ всадниковъ простиралось до 300. Когда прибыли на мѣсто и началась охота, то всѣ, не исключая и великаго князя и знатныхъ лицъ, начали сами спускать каждый свою собаку; первому позволено было спустить ее Шигъ-Али, а затѣмъ и всѣмъ другимъ охотникамъ. Въ этотъ разъ было затравлено до трехъ сотъ зайцевъ. По окончаніи охоты, великій князь со своею свитой и послами отправился къ какой-то деревянной башнѣ, подлѣ которой были приготовлены шатры; онъ расположился въ самомъ просторномъ изъ нихъ, и тутъ угощалъ всѣхъ охотниковъ разными вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сахаромъ и напитками. Въ иной разъ ве-

ликій князь охотился съ кречетами или большими соколами на лебедей, журавлей и т. п. птицъ. Кромѣ того, онъ забавлялся иногда борьбою людей съ медвѣдями, которыхъ содержалъ въ особо устроенномъ для нихъ дворѣ. Борцы (обыкновенно простолюдины) выходятъ противъ нихъ, вооруженные деревянными вилами (рогатиной?). Получившихъ при семъ раны государь приказываетъ лѣчить и, кромѣ того, награждаетъ ихъ платьемъ и хлѣбомъ. Герберштейнъ, между прочимъ, видѣлъ торжественное богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ въ самый день Успенія, 15 августа, и говоритъ, что великій князь стоялъ у стѣны, съ правой стороны у боковой двери; онъ опирался на посохъ и въ одной рукѣ держалъ свой колпакъ; его бояре стояли у колоннъ храма ([15]).

Тотъ же наблюдательный иноземецъ замѣтилъ чрезвычайное развитіе Московскаго самодержавія въ то время. По его словамъ, своею властію надъ подданными, равно свѣтскими и духовными, Василій превосходилъ всѣхъ другихъ монарховъ; никто изъ его совѣтниковъ не осмѣливается противорѣчить ему или быть другаго мнѣнія. Подданные считаютъ его исполнителемъ воли Божіей, и на вопросъ о какомъ-либо сомнительномъ дѣлѣ отвѣчаютъ: «знаетъ Богъ и великій государь». Несмотря на нѣкоторыя неудачныя войны, они выхваляютъ его такъ, какъ будто дѣла шли счастливо. «Неизвѣстно, происходитъ ли такая тираннія отъ грубости и жестокости народа, или наоборотъ, эта грубость и жестокость произошли отъ государевой тиранніи», прибавляетъ Герберштейнъ, конечно не вполнѣ понимавшій историческое развитіе и смыслъ московскаго государственнаго строя и судившій о народѣ преимущественно по отзывамъ лицъ болѣе или менѣе офиціальныхъ. Въ примѣръ того, съ какою строгостью требовалось отправленіе государевой службы, и часто на свой счетъ, онъ приводитъ одного изъ извѣстныхъ ближнихъ дьяковъ, Третьяка Далматова. Великій князь назначилъ его посломъ къ цесарю Максимиліану; дьякъ началъ говорить, что у него нѣтъ денегъ на дорогу. Его тотчасъ схватили и отвезли на Бѣлоозеро, гдѣ онъ и умеръ въ темницѣ; а все его имѣніе отобрано на государя, причемъ найдено 3.000 флориновъ чистыми деньгами. Если къ этому примѣру присоединимъ судьбу помянутыхъ выше боярина Берсеня съ дьякомъ Жаренымъ и Максима Грека съ Василіемъ Патрикѣевымъ, то понятно, какими способами достигалось отсутствіе противорѣчія (собственно оппозиціи) государевой волѣ.

Было бы невѣрно и неисторично объяснять такое сильное развитіе монархической власти только личною тираніей, а не всѣмъ историческимъ складомъ московской государственности. Однако несомнѣнно и личныя качества государей имѣли при семъ свою, и значительную, долю вліянія. Важно то, что за такимъ политическимъ дѣятелемъ какъ Иванъ III слѣдовалъ государь способный поддержать его завѣты и вполнѣ воспользоваться существовавшими условіями для дальнѣйшаго развитія своей самодержавной власти. Хотя въ личныхъ талантахъ и правительственномъ искусствѣ Василій уступалъ своему отцу; но онъ владѣлъ замѣчательною твердостью характера и упорнымъ постоянствомъ въ достиженіи разъ намѣченныхъ цѣлей. Это онъ доказалъ и во внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ; для примѣра, напомнимъ пріобрѣтеніе Смоленска, котораго онъ добился послѣ неоднократныхъ и тяжелыхъ неудачъ. Сравнивая разныя неудачи и военныя пораженія его времени съ блистательными политическими событіями при его отцѣ, надобно также имѣть въ виду и различіе условій, посреди которыхъ они дѣйствовали. Ивану III приходилось имѣть дѣло на западныхъ предѣлахъ съ такими неэнергичными противниками какъ Казиміръ IV и сынъ его Александръ; тогда какъ Василій долженъ былъ бороться съ Сигизмундомъ I, самымъ крупнымъ лицомъ въ династіи Ягеллоновъ. Ивану III не трудно было склонить на свою сторону Менгли-Гирея при существованіи смертельной вражды между ханами Крымскими и Золотоордынскими; во время Василія Золотая Орда уже не существовала, и хищнымъ Гиреямъ были развязаны руки съ этой стороны; Казанцы также получили полную возможность дѣйствовать противъ Москвы въ союзѣ съ Крымцами. Но именно посреди трудныхъ обстоятельствъ и опасностей, когда еще только складывавшееся и далеко неокрѣпшее государственное единство не разъ должно было отстаивать себя одновременно отъ всѣхъ этихъ внѣшнихъ враговъ, вполнѣ выказалась твердость Василія Ивановича, всегда вѣрнаго своему царственному величію и своимъ правительственнымъ обязанностямъ.

Государственный умъ и дальновидность правителя особенно выражаются въ выборѣ его ближайшихъ совѣтниковъ и исполнителей. Въ этомъ отношеніи Василій очевидно не равнялся со своимъ отцомъ. Такъ неудачи въ войнахъ съ Литвой и Татарами отчасти обусловливались малоспособностью назначаемыхъ имъ воеводъ, и вообще онъ недостаточно пользовался выдвинувшимися при его

отцѣ, испытанными предводителями, каковы, напримѣръ, были старый Даніилъ Щеня и Хабаръ Симскій. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи выборъ не мало стѣснялся обычаемъ боярскаго мѣстничества, съ которымъ долженъ былъ считаться и самъ государь. Наиболѣе видныя мѣста въ правительствѣ Василія III занимали, конечно, потомки удѣльныхъ князей. Во-первыхъ, его зять, то-есть мужъ его сестры, князь Василій Даниловичъ Холмскій, имѣвшій званіе московскаго воеводы (напоминавшее прежнее званіе московскаго тысяцкаго); но онъ не долго пользовался своимъ значеніемъ: въ 1508 году князь Холмскій въ чемъ-то такъ сильно провинился, что великій князь велѣлъ его посадить въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ въ слѣдующемъ году. Послѣ него званіе московскаго воеводы перешло къ князю Даніилу Васильевичу Щенѣ, принадлежавшему къ семьѣ Патрикѣевыхъ, то-есть къ потомкамъ Гедиминовымъ. Далѣе видимъ въ числѣ самыхъ близкихъ къ государю бояръ: князя Димитрія Ростовскаго, князя Василія Шуйскаго, потомка князей Суздальско-Нижегородскихъ, Михаила Юрьевича Кошкина, представителя древней чисто московской боярской фамиліи, Михаила Воронцова изъ знаменитой фамиліи тысяцкихъ Вельяминовыхъ, царскаго казначея Петра Головина (сынъ Головы-Ховрина). До своего пораженія и плѣна на Оршѣ высокое положеніе при дворѣ занималъ окольничій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ. Въ числѣ знатнѣйшихъ бояръ находились также потомки удѣльныхъ князей Западной Руси, перешедшіе на московскую службу, именно два брата Бѣльскіе, Димитрій и Иванъ Ѳедоровичи, потомки Гедимина, Воротынскій и Мстиславскій. Возникшій при Московскомъ дворѣ обычай брать клятвенныя записи о не отъѣздѣ въ Литву въ особенности прилагался къ этимъ литовскимъ выходцамъ. Впрочемъ, подобная же запись въ вѣрномъ служеніи московскому государю была взята съ князей Шуйскихъ: съ Василія за порукой митрополита Даніила и епископовъ, а съ его двухъ родственниковъ, Ивана и Андрея, за поручительствомъ многихъ бояръ въ 2.000 рубляхъ. Съ Михаила Глинскаго взята клятвенная грамота съ поручительствомъ пятидесяти лицъ въ 5.000 рубляхъ на случай его измѣны.

Наиболѣе приближенными совѣтниками Василія III были однако люди далеко не знатные, и преимущественно его дьяки. Положеніе самыхъ довѣренныхъ лицъ во вторую половину царствованія занимали двое: одинъ изъ второстепенныхъ бояръ, тверской дворецкій Иванъ Шигона-Поджогинъ, и думный дьякъ Меньшой Пу-

тятинъ. Это были любимцы и тайные совѣтники Василія. Ихъ-то конечно и разумѣлъ опальный бояринъ Берсень Беклемишевъ, сѣтуя на то, что государь «запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ». Въ первую же половину княженія главнымъ совѣтникомъ въ государственныхъ дѣлахъ былъ казначей Георгій Малый, одинъ изъ Грековъ пріѣхавшихъ въ Россію съ матерью Василія Ивановича, человѣкъ ученый и весьма свѣдущій въ политикѣ. По словамъ Герберштейна, великій князь такъ уважалъ его совѣты, что однажды, во время болѣзни Георгія, велѣлъ своимъ боярамъ принести его къ себѣ на носилкахъ. Георгій Малый лишился первенствующаго вліянія со времени дѣла о своемъ соотечественникѣ Максимѣ Грекѣ, за котораго онъ повидимому заступался; однако и послѣ того великій князь призывалъ къ совѣту Георгія, только далъ ему другую должность. ([16]).

Василій Ивановичъ не любилъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ, и велъ жизнь довольно подвижную. Зиму онъ обыкновенно проводилъ въ Москвѣ, а лѣто непремѣнно за городомъ въ своихъ подмосковныхъ селахъ, каковы Островъ, Воронцово, Воробьево, Коломенское. Кромѣ того, онъ любилъ ѣздить на богомолье въ ближніе и дальніе монастыри и въ города извѣстные своими святынями, напримѣръ, въ Троицкую Лавру, Кирилловъ монастырь, Волоцкій, Николо-Угрѣшскій, въ Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Ростовъ, Тихвинъ, Зарайскъ и пр. Эти путешествія соединялись иногда съ обычными «объѣздами» своихъ владѣній (соотвѣтствующими древнему княжескому «полюдью»), а также и съ охотой, которой Василій повидимому былъ преданъ до страсти. Особенно любимымъ мѣстомъ его охоты во вторую половину княженія былъ Волоколамскій край съ его Іосифовымъ монастыремъ, поступившимъ по смерти своего основателя на непосредственное попеченіе великаго князя. Съ охотой въ этомъ краю связана и предсмертная болѣзнь Василія Ивановича. Въ августѣ 1533 года случилось нашествіе Крымцевъ съ ханомъ Саипъ-Гиреемъ и Исламъ-царевичемъ на Рязанскія украйны. По отраженіи этого нашествія, великій князь въ сентябрѣ, то-есть въ началѣ слѣдующаго 1534 года, поѣхалъ съ супругой и дѣтьми въ Троице-Сергіеву Лавру помолиться угоднику, а отсюда направился къ Волоколамску, чтобы тамъ «тѣшиться» осеннею охотой. Дорогой онъ занемогъ; причемъ на лѣвомъ стегнѣ у него явился небольшой, но весьма злокачественный нарывъ. Съ тру-

домъ доѣхалъ онъ до Волоколамска, гдѣ его любимецъ тверской и волоцкій дворецкій, Иванъ Юрьевичъ Шигона-Поджогинъ, устроилъ для него пиръ въ самый день пріѣзда, въ первое воскресенье послѣ праздника Покрова Богородицы. Какъ ни былъ боленъ Василій Ивановичъ, однако на третій день послѣ того, во вторникъ, не утерпѣлъ и поѣхалъ въ поле съ ловчими и собаками. Но тутъ въ своемъ селѣ Колпи онъ окончательно слегъ въ постель, и чрезъ двѣ недѣли воротился въ Волоколамскъ, несомый на носилкахъ боярскими дѣтьми. Вызванные изъ Москвы врачи великаго князя, Нѣмецъ Николай Булевъ и Ѳеофилъ (вѣроятно Грекъ), начали прикладывать къ нарыву пшеничную муку съ медомъ и печеный лукъ, потомъ какую-то мазь, отъ которой сталъ идти гной; прибѣгли и къ слабительнымъ. Но больному становилось все хуже; онъ уже почти пересталъ принимать пищу, и началъ дѣлать предсмертныя распоряженія. По его приказу, другой его любимецъ, дьякъ Меньшой Путятинъ, со стряпчимъ Мансуровымъ съѣздили въ Москву и привезли его духовную, написанную еще до втораго брака, которую онъ немедленно велѣлъ сжечь. Все это сдѣлано тайкомъ отъ братьевъ и отъ бояръ. Потомъ приступили къ составленію новой духовной грамоты. Съ двумя своими любимцами Василій совѣтовался, кого изъ думныхъ бояръ назначить послухами для засвидѣтельствованія этой грамоты: при великомъ князѣ находились тогда князья Димитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій, Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михаилъ Львовичъ Глинскій и, кромѣ Шигоны, дворецкій князь Иванъ Ивановичъ Кубенскій; рѣшили вызвать изъ Москвы еще Михаила Юрьевича Захарьина (Кошкина). Пріѣзжали также братья великаго князя Андрей Старицкій и Юрій Дмитровскій; но Василій скрывалъ отъ нихъ свое опасное положеніе и особенно не довѣрялъ Юрію, котораго поспѣшилъ отпустить обратно въ Дмитровъ. Больной хотѣлъ умереть въ столицѣ, но предварительно заѣхалъ помолиться въ Іосифовъ монастырь (верстъ около двадцати отъ Волоколамска). Здѣсь онъ слушалъ литургію лежа на одрѣ въ церковномъ притворѣ, а великая княгиня съ дѣтьми стояла подлѣ и проливала горькія слезы. Въ Москву его везли въ каптанѣ (возкѣ), гдѣ при немъ сидѣли князья Шкурлятевъ и Палецкой и поворачивали его, такъ какъ самъ онъ уже не могъ двигаться. Подъ Москвой онъ остановился отдохнуть дня на два въ селѣ Воробьевѣ, куда немедленно явились митрополитъ, епископы, бояре и дѣти боярскіе. Межъ тѣмъ черезъ Москву-рѣку намостили мостъ противъ Новодѣвичьяго мо-

пастыря, такъ какъ рѣка еще не успѣла покрыться прочнымъ льдомъ, хотя уже время шло къ концу ноября. Наскоро построенный мостъ не выдержалъ; вступивъ на него, четыре коня, запряженные въ возокъ, провалились; дѣти боярскіе успѣли подхватить великокняжій каптанъ и обрѣзать гужи у оглоблей. Василій Ивановичъ воротился на Воробьево; покручинился на «городничихъ» (Волынскаго и Хозникова), вѣдавшихъ постройкою моста, однако опалы на нихъ не положилъ. Онъ переправился на паромѣ подъ Дорогомиловымъ и въѣхалъ въ Кремль чрезъ Боровицкія ворота; ради многихъ иноземцевъ и пословъ, пребывавшихъ тогда въ Москвѣ, въѣздъ этотъ совершился повидимому до разсвѣта: великій князь все еще не хотѣлъ, чтобы всѣ знали о его безнадежномъ состояніи. По возвращеніи въ Москву, первымъ дѣломъ было окончаніе духовной грамоты, для засвидѣтельствованія которой призваны были, кромѣ помянутыхъ выше бояръ, еще князь Василій Шуйскій, Михайло Воронцовъ, Михайло Тучковъ и казначей Петръ Головинъ. Потомъ Василій Ивановичъ открылъ митрополиту Даніилу, епископу коломенскому Вассіану и своему духовнику, благовѣщенскому протопопу Алексѣю, свое давнее желаніе постричься предъ смертію въ иноки и схимники.

Услыхавъ о немощи государевой, многіе бояре поспѣшили въ Москву изъ своихъ вотчинъ. Принявъ Святые Дары, Василій призвалъ къ своей постели братьевъ, митрополита, бояръ и дѣтей боярскихъ, и «приказывалъ» имъ сына своего Ивана, которому даетъ свое государство; увѣщевалъ служить ему вѣрою и правдою. Затѣмъ, отпустивъ братьевъ и митрополита, обратился къ боярамъ съ слѣдующими словами:

«Вѣдаете сами, отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго ведется наше государство Владимірское и Новогородское и Московское: мы вамъ государи прироженные, а вы наши извѣчные бояре. И вы, братіе, постойте крѣпко, чтобы мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, была-бы въ землѣ правда и въ васъ бы розни никоторыя не было. Да приказываю вамъ Михайла Львовича Глинскаго: онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій, но вы не называйте его пріѣзжимъ, а держите за здѣшняго уроженца, зане онъ мнѣ прямой слуга, и были бы вы всѣ сообща и земское дѣло и сына моего дѣло берегли и дѣлали за одинъ. А ты бы, князь Михайло Глинскій, за моего сына князя Ивана, и за мою великую княгиню Елену, и за моего сына князя Юрія кровь свою проліялъ и тѣло свое на раздробленіе далъ».

Очевидно, малолѣтство преемника, неопытность и иноземное происхожденіе супруги, ненадежность братьевъ и возможность боярской крамолы сильно озабочивали умирающаго государя. Онъ не однажды обращался къ боярамъ со своими завѣтами. Въ среду, 3 декабря, онъ вновь причастился Св. Таинъ, вновь призвалъ думныхъ бояръ, и долго говорилъ имъ объ устроеніи земскомъ и какъ послѣ него править государствомъ; послѣ чего, оставивъ при себѣ Михаила Глинскаго, Михаила Юрьевича Захарьина и Шигону, приказывалъ имъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть и какъ къ ней боярамъ ходить: онъ назначалъ ее правительницею до возмужалости сына. Лѣтописецъ затѣмъ изображаетъ трогательное прощаніе государя съ трехлѣтнимъ сыномъ Иваномъ, котораго принесли на рукахъ, и съ великою княгинею, которую держали подъ руки, такъ она вопила и билась. Ивана онъ благословилъ крестомъ Петра Чудотворца, которымъ сей благословлялъ прародителя Московскаго князя Ивана Даниловича; отпуская сына, онъ сказалъ его нянѣ, боярынѣ Аграфенѣ Челядниной: «смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступи ни пяди». По просьбѣ великой княгини, умирающій велѣлъ принести и другого сына, однолѣтняго Юрія, и также его благословилъ; ему онъ назначилъ въ духовной небольшой удѣлъ съ городомъ Углече Поле. Когда приблизился смертный часъ, великій князь позвалъ опять митрополита, братьевъ и бояръ и велѣлъ себя постригать. Но тутъ вдругъ выступили братъ его Андрей, Михайло Воронцовъ и самъ Шигона съ возраженіями, что Владиміръ Кіевскій не чернецомъ умеръ, а сподобился быть праведнымъ, также и другіе князья. Возникъ споръ. А между тѣмъ умирающій уже лишился языка и употребленія рукъ, но взоромъ продолжалъ просить о постриженіи. Тогда митрополитъ поспѣшилъ исполнить обрядъ, возложилъ на него парамонатку, ряску, иноческую мантію, наконецъ схиму и Евангеліе на грудь, нарекши его въ иночествѣ Варлаамомъ. Василій Ивановичъ скончался въ ночь на четвергъ, на 4 декабря, то-есть подъ Варваринъ день, на пятьдесятъ шестомъ году отъ рожденія, послѣ двадцатиосмилѣтняго царствованія. Дворецъ огласился плачемъ и рыданіемъ.

Митрополитъ Даніилъ немедленно взялъ Юрія и Андрея Ивановичей въ переднюю избу, и привелъ ихъ къ присягѣ на вѣрность великому князю Ивану Васильевичу и его матери Еленѣ. На томъ же привелъ къ присягѣ бояръ и дѣтей боярскихъ, чтобъ они всѣ за одинъ стояли противъ недруговъ великаго князя, противъ бе-

серментства и латынства, а иного государя себѣ не искали. Потомъ митрополитъ отправился съ боярами къ Еленѣ возвѣстить ей кончину супруга. Отъ этой вѣсти она, какъ мертвая, пролежала часа два и насилу пришла въ себя. Межъ тѣмъ иноки Троицкаго и Іосифова монастыря, отославъ стряпчихъ великаго князя, овладѣли его тѣломъ и начали приготовлять къ погребенію. Вѣсть о кончинѣ разнеслась по городу, и народъ сталъ приходить во дворецъ прощаться. Настало утро. Въ Архангельскомъ соборѣ выкопали ему могилу подлѣ отца его, Ивана III, и привезли каменный гробъ. Въ тотъ же день, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и рыданіи стекшагося во множествѣ народа, тѣло великаго князя вынесли изъ дворца, и затѣмъ съ обычными обрядами предали погребенію. ([17]).

III.

ЛИТОВСКАЯ РУСЬ ПРИ ЯГЕЛЛОНАХЪ.

Польское вліяніе на политическій строй Литовской Руси.—Земскіе привилеи, общіе и мѣстные.—Господство вельможъ.—Низшіе слои населенія.—Водвореніе крѣпостного права.—Волочная система. Введеніе магдебургіи.—Столкновенія городского самоуправленія съ королевскими намѣстниками.—Судебникъ Казиміра IV.—Первый Литовскій статутъ и характеръ судоустройства.—Жалобы на неправосудіе.—Второй статутъ.—Уставъ о земской оборонѣ.—Страшные крымскіе полоны.—Черты шляхетскихъ нравовъ по Курбскому и Михалону.

Мы видѣли, какъ медленно Сѣверовосточная Русь собиралась вокругъ своего средоточія—Москвы, и какъ шагъ за шагомъ она возвращала себѣ полную національную самобытность въ постоянной борьбѣ съ варварскими ордами. Тяжела была работа объединенія и освобожденія; зато государство складывалось прочно и крѣпко. Его крѣпкой сплоченности особенно способствовала однородность собранныхъ частей: все это были области собственно великорусскія, говорившія однимъ языкомъ, исповѣдующія одну церковь; инородческое или финское населеніе обширныхъ сѣверовосточныхъ окраинъ слабо нарушало эту однородность, будучи вполнѣ подчинено господствующему племени и уже давно вступивъ на путь обрусѣнія. Другое зрѣлище представляла Русь Югозападная, собранная воедино великими князьями Литовскими. Она не имѣла собственнаго средоточія или національнаго ядра, около котораго могла бы сплотиться и выработать крѣпкій государственный организмъ. Литовская династія и литовская знать въ началѣ подверглись-было обрусѣнію и готовы были слиться съ княжеско-боярскимъ сословіемъ Западной Руси; но унія съ Польшею и переходъ въ католи-

чество снова сдѣлали ихъ чуждыми русской православной народности, а потомъ, мало-по-малу, поставили въ непріязненныя къ ней отношенія.

Въ западной половинѣ слагался совсѣмъ иной политическій строй, чѣмъ въ восточной. Хотя удѣльная система Литовской Руси прекратилась почти одновременно съ Русью Московской: но это прекращеніе тамъ не сопровождалось такимъ же усиленіемъ центральной правительственной власти какъ въ Москвѣ. Между тѣмъ какъ въ послѣдней потомство удѣльныхъ князей тѣснилось въ столицѣ при дворѣ великаго князя и обратилось въ боярско-служилое сословіе,—въ Литовской Руси потомки Игоревичей и Гедиминовичей, а также члены знатнѣйшаго боярства образовали сильное вельможное сословіе, не столько придворное, сколько владѣльческое—нѣчто похожее на западно-европейскихъ феодаловъ. Со времени Казиміра IV, Ягеллоны, занимая въ то же время польскій престолъ и переѣзжая изъ одной столицы въ другую, съ одной стороны неизбѣжно подвергались вліянію польскаго государственнаго строя съ его шляхетскими привилегіями, ограничившими королевскую власть; съ другой — старались удержать въ соединеніи съ Польшей и привязать къ себѣ литовско-русскія области разными пожалованіями земель и высокихъ урядовъ, которыя расточались, конечно, самому вліятельному классу, то-есть, вельможамъ, чѣмъ поддерживали ихъ силу и значеніе. Такимъ образомъ въ Литовской Руси утвердилось господство вельможъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ огромныя поземельныя владѣнія, заключавшія въ себѣ не одни села и мѣстечки, но и цѣлые города, а также захватили себѣ высшіе уряды, земскіе, военные и придворные, каковы: гетманы, канцлеры, маршалки, подскарбіи, воеводы, каштеляны и старосты. Съ этими урядами соединялись и большое вліяніе, и богатые доходы. Они большею частью перешли въ Литовскую Русь изъ Польши или сложились по польскимъ образцамъ: гетманъ былъ предводителемъ войска и военнымъ судьею, канцлеръ хранилъ печать великаго князя и управлялъ его письменными сношеніями; подскарбій вѣдалъ доходы и расходы государства; маршалки считались представителями служилаго сословія и были также придворными сановниками. Воевода начальствовалъ цѣлою областью, при чемъ соединялъ въ своихъ рукахъ власть военную, правительственную и судебную. Каштеляны и старосты были правителями отдѣльныхъ округовъ (повѣтовъ) и городовъ, какъ бы помощники воеводы (впрочемъ, были

старосты, вѣдавшіе цѣлыя области, напримѣръ, Жмудскій). Въ нѣкоторыхъ частяхъ Литовской Руси, кромѣ того, встрѣчаются еще древне-русскіе намѣстники и тіуны. Изъ главныхъ сановниковъ составлялся при великомъ князѣ высшій правительственный совѣтъ, похожій на древне-русскую боярскую думу, но уже получившій польское названіе рады, и члены этого совѣта стали называться «паны радные», а въ совокупности «паны-рада».

Итакъ, по естественному порядку вещей, вмѣстѣ съ ополяченіемъ династіи Ягеллоновъ, высшій классъ Литовской Руси и ея внѣшній строй не замедлили подпасть польскому вліянію.

Объ этомъ вліяніи свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ великокняжескихъ грамотъ или такъ-называемыхъ привилеевъ, которые клонились къ тому, чтобы перенести польско-католическіе порядки въ Литовскую Русь и такимъ образомъ все болѣе и болѣе приблизить ея строй къ польскому. Этотъ рядъ привилеевъ начинается пресловутою грамотою Ягелла, выданною на сеймѣ 1387 года, въ которой онъ даруетъ нѣкоторыя новыя права тѣмъ литовскимъ боярамъ, которые крестились въ католическую вѣру. Изъ той же грамоты видно, что Литва стала раздѣляться на кастеляніи и повѣты. Далѣе, актомъ Городельской уніи 1413 года, какъ извѣстно, литовскимъ боярамъ-католикамъ дарованы права и привилегіи польской шляхты, вмѣстѣ съ ея гербами, и установлены въ Литвѣ высшіе польскіе уряды воеводъ и кастеляновъ, доступные только католикамъ. Затѣмъ наиболѣе важнымъ шагомъ въ этомъ направленіи является земскій привилей, данный Казиміромъ IV въ 1457 году высшимъ сословіямъ Литвы, Руси и Жмуди. Извѣстно, какое трудное положеніе испытывалъ Казиміръ между притязаніями польской шляхты съ одной стороны и неудовольствіемъ литовско-русскихъ чиновъ съ другой. Чтобъ успокоить послѣднихъ, онъ означеннымъ актомъ подтверждаетъ дарованныя прежде привилегіи и жалуетъ новыя, на сей разъ безъ различія исповѣданія, то-есть, равно католикамъ и православнымъ. Такъ литовско-русскіе чины (а именно княжата, ритеры, шляхтичи, бояре и мѣстичи, или горожане) владѣютъ пожалованными имѣніями и вотчинами на тѣхъ же правахъ, какъ и въ Польскомъ королевствѣ, то-есть, могутъ ихъ продать, заложить, обмѣнить, подарить и передать своимъ наслѣдникамъ. Вдова остается въ имѣньѣ мужа до слѣдующаго замужества; а если мужъ записалъ часть своего имѣнія какъ вѣно, то она можетъ ею распорядиться по своему усмотрѣнію. Имущества и вот-

чины означенныхъ чиновъ освобождаются отъ разныхъ великокняжескихъ поборовъ, каковы: серебщизна (подать на войско), сѣнокошеніе, возка камня и лѣсу и нѣкоторыхъ другихъ натуральныхъ повинностей, отчасти извѣстныхъ подъ общимъ именемъ д я к л а: но остаются въ силѣ с т а ц ы и (доставка съѣстныхъ припасовъ для чиновниковъ и свиты великаго князя при его проѣздѣ), починка мостовъ и городскихъ укрѣпленій. Запрещеніемъ крестьянскихъ переходовъ съ земель владѣльческихъ на государевы и обратно эта грамота дѣлаетъ рѣшительный шагъ къ развитію крѣпостного права. А запрещеніемъ посылать въ частныя имѣнія д ѣ ц к и х ъ (правительственныхъ судебныхъ приставовъ) она отдаетъ крестьянъ въ полную подсудность владѣльцу. Далѣе грамота разрѣшаетъ княжатамъ, ритерамъ, шляхтичамъ и боярамъ (но не мѣстичамъ) свободный выѣздъ въ иностранныя государства для своего образованія, за исключеніемъ страны непріятельской и съ соблюденіемъ обязанностей военной службы. Наконецъ, въ виду сильнаго негодованія литовско-русскихъ вельможъ на польскіе захваты земель и урядовъ, Казиміръ тою же грамотою обязывается не уменьшать предѣловъ великаго княжества, а также раздавать земли въ в о л о д ѣ н і е и д е р ж а н і е и земскіе уряды только мѣстнымъ уроженцамъ, а не чужеземцамъ. Грамота эта дана въ Вильнѣ въ присутствіи литовскихъ панозъ-рады и скрѣплена литовскимъ канцлеромъ Михайломъ Кезгайловичемъ. Наслѣдникъ Казиміра IV, сынъ его Александръ, вступивъ на великокняжескій престолъ въ 1492 году, по требованію литовскихъ пановъ-рады, выдалъ для Литвы новый привилей, которымъ подтвердилъ грамоту отца своего и, кромѣ того, по образцу Польши, еще болѣе ограничилъ власть великаго князя въ пользу литовскихъ вельможъ, обязавшись безъ согласія пановъ-рады не вести дипломатическихъ сношеній, а также не издавать законовъ, ни раздавать и отнимать земскіе уряды и т. п.

Въ томъ же 1492 году Александръ далъ особый привилей землѣ Жмудской, подтверждающій прежде дарованныя боярамъ и шляхтѣ права; по этому привилею, между прочимъ, староста Жмудскій назначается господаремъ по желанію самихъ жителей; они же сами выбираютъ себѣ тивуновъ; а господарскіе д ѣ ц к і е посылаются «только по рѣку Невѣжу». Тутъ мы имѣемъ дѣло съ привилеемъ собственно мѣстнымъ или областнымъ. Подобные же областные привилеи или льготныя уставныя грамоты, данныя разнымъ русскимъ землямъ, вошедшимъ въ составъ великаго княжества Литовскаго и королев-

ства Польскаго, дошли до насъ въ значительномъ количествѣ. А именно: Луцкой землѣ, данный Ягелломъ въ 1427 г., Галицкой, данный имъ же въ 1433 г.; тѣмъ же русскимъ землямъ, то-есть, Галицкой и Подольской (включеннымъ въ предѣлы короны Польской) привилей Казиміра IV (1456) и Сигизмунда I (1507), Волынской землѣ и особый повѣту Бѣльскому—Александра (1501); Витебской землѣ—Сигизмунда 1507 г. (подтвержденъ и дополненъ имъ же въ 1529 г.), Брацлавской его же (1507), Полоцкой землѣ—тоже Сигизмунда I (1511) и Дрогичинской—его же (1521). Привилеи эти обыкновенно выдавались и возобновлялись по требованіямъ или челобитью самихъ жителей, то-есть, ихъ высшаго, шляхетскаго сословія. Всѣ они направлены къ расширенію правъ этого сословія, по образцу польской шляхты. Обыкновенными статьями ихъ были: обѣщаніе господаря никого изъ пановъ и земянъ не наказывать по одному доносу, а только послѣ суда, также не сажать въ тюрьму по одному подозрѣнію, не конфисковать имѣній (за исключеніемъ государственной измѣны), сохранить какъ вотчины, такъ и «выслуги» (жалованныя помѣстья) за наслѣдниками и въ завѣщаніе не мѣшаться; вдовѣ пользоваться имѣніемъ мужа, если не выйдетъ вторично замужъ, и только за отсутствіемъ родственниковъ имѣніе умершаго шляхтича возвращается господарю; земскіе урядники избираются самою шляхтою и утверждаются господаремъ, преимущественно изъ мѣстныхъ уроженцевъ; далѣе слѣдуетъ освобожденіе отъ разныхъ повинностей и поборовъ, а также освобожденіе отъ суда господарскихъ урядниковъ, за исключеніемъ насильственнаго нападенія, поджога, изнасилованія и разбоя. При семъ въ нѣкоторыхъ областяхъ, ближайшихъ къ Польшѣ, именно въ Бѣльскомъ повѣтѣ и Дрогичинской землѣ, отмѣняется древнерусская должность дѣцкаго и замѣняется польскимъ вознымъ. По нѣкоторымъ указаніямъ не всегда польскіе порядки нравились русскимъ жителямъ; такъ Дрогичинскій староста жалуется Сигизмунду I, что дрогичане не подчиняются его привилею (1523 г.).

Вообще, кромѣ обычныхъ правъ и вольностей, къ которымъ стремились почти всѣ западно-русскія земли, встрѣчаются въ этихъ привилеяхъ разныя частности и особенности, соотвѣтственно условіямъ и потребностямъ различныхъ областей. Такъ привилеи Витебскій и Полоцкій даны не однимъ князьямъ и боярамъ, но также и мѣщанамъ и указываютъ на торговый характеръ этихъ городовъ, особенно на ихъ старинную торговлю воскомъ съ Ригою и другими

ливонскими городами. «Если какого-либо витеблянина (или полочанина) воскъ загудятъ (опорочатъ) въ Ригѣ или индѣ, то его судить и наказать должны сами витебляне (или полочане)». Въ томъ и другомъ городѣ упоминаются сябры (подобно Пскову); эти городскіе сябры освобождаются отъ повинностей подводной и ловчей (то-есть, отъ обязанности давать подводы княжимъ чиновникамъ и ходить на княжіе ловы въ облаву). Смоленскій привилей данъ также по челобитью пановъ, мѣщанъ, даже «черныхъ людей» и всего посполитства, съ владыкою Іосифомъ во главѣ. А первая его статья гласитъ: «Христіанство греческаго закону не рушити, въ церковныя земли и воды, въ монастыри и отмерщины (имѣнія, отказанныя по завѣщанію?) не вступаться». Обѣщанія не трогать православія встрѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ привилеяхъ, напримѣръ въ Луцкомъ. Кіевскіе паны и земяне просятъ отмѣнить разныя новины, введенныя у нихъ воеводами, напримѣръ: взиманіе выводной куницы (свадебная пошлина) съ панскихъ людей, новые мыты, недопущеніе тяжущихся бояръ судиться прямо предъ господаремъ и пр. Сигизмундъ соизволяетъ на эти просьбы. Брацлавскіе земяне, терпѣвшіе разореніе отъ татарскихъ набѣговъ, испрашиваютъ отмѣну подати, такъ-называемой подымщины, за что отказываются отъ держанія своихъ корчемъ.

Но далеко не все то, что̀ обѣщалось въ привилеяхъ, исполнилось на самомъ дѣлѣ, не смотря на неоднократныя ихъ подтвержденія и дополненія. Между прочимъ, главная цѣль этихъ привилеевъ поднять значеніе литовско-русской шляхты до уровня польской достигалась только отчасти. Литовская Русь оставалась по преимуществу страною крупныхъ вельможъ – владѣльцевъ, которые держали у себя въ подчиненіи земянъ или мелкую шляхту. Это, между прочимъ, ясно выражалось въ складѣ и обычаяхъ сеймовыхъ. При Ягеллѣ и его преемникахъ мы видимъ цѣлый рядъ сеймовъ или съѣздовъ литовско-русскихъ бояръ съ польскими панами для обсужденія взаимныхъ отношеній Литвы и Польши. Отсюда началъ развиваться обычай сеймованія и въ Литовской Руси. Земскіе съѣзды, какъ извѣстно, не были ей чужды еще и во времена удѣловъ, когда съѣзжались князья съ своими боярами для улаживанія взаимныхъ распрей и для обсужденія внѣшней обороны. Теперь же эти земскіе съѣзды начали устраиваться по образцу польскаго сеймованія, которое Ягеллоны старались ввести въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Но между тѣмъ какъ въ Польшѣ сеймы составлялись изъ крупной и мелкой

шляхты и потому (со времени Казиміра IV) стали распадаться на двѣ избы. сенаторскую и рыцарскую; въ Литвѣ они пока были исключительно въ рукахъ вельможъ; а мелкая шляхта, если и допускалась на сеймы, своего самостоятельнаго голоса тамъ почти не имѣла. Во всякомъ случаѣ способы сеймованія, конечно, пролагали путь и дальнѣйшему вліянію польскаго государственнаго строя въ Литовской Руси. Однимъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ сего вліянія также является униженіе древнерусскаго боярскаго званія. Такъ въ великокняжихъ грамотахъ времени Ягеллоновъ служилое и землевладѣльческое сословія Литовской Руси, по степени своей знатности, обозначаются разными именами, наполовину заимствованными изъ Польши, въ такомъ порядкѣ: княжата, панове, рыцери, шляхтичи, бояре и земяне. Тутъ бояръ мы видимъ оттѣсненными къ нижнимъ ступенямъ этой лѣстницы; потомъ они были поставлены ниже земянъ и обозначали самую мелкую шляхту. А впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ областяхъ Литовской Руси именемъ бояръ обозначаются уже полусвободные слуги королевскихъ урядниковъ и крѣпостные сельскіе обыватели съ разными подраздѣленіями, каковы: бояре конные или панцырные (обязанные военною службою), замковые или путные (отправлявшіе стражу при панскихъ замкахъ и служившіе на посылкахъ) и осадные (пахотные крестьяне) (18).

Помянутыя отдѣльныя права и привилегіи литовско-русской шляхты были большею частью закрѣплены общимъ законодательнымъ сводомъ, который изданъ въ 1529 году подъ именемъ «Литовскаго Статута». Сей послѣдній подтвердилъ господствующее положеніе шляхты въ государствѣ и въ особенности упрочилъ ея власть надъ крестьянскимъ населеніемъ.

Въ Литовской Руси въ данную эпоху положеніе низшихъ классовъ было почти то же самое, какъ и въ Московской Руси. Многочисленная дворня знатныхъ людей и шляхты состояла преимущественно изъ холоповъ: ихъ отчинныя и жалованныя земли были населены отчасти также несвободною челядью или холопами. Литовскій статутъ 1529 года опредѣляетъ четыре источника холопства или невольной челяди («невольницы маютъ быти четверакихъ причинъ»): 1) давность сего состоянія или рожденіе отъ невольниковъ; 2) полонъ, выведенный изъ земли непріятельской; 3) преступникъ, выданный обиженному на смертную казнь (кромѣ воровства) и помилованный имъ подъ условіемъ неволи; 4) бракъ съ невольникомъ или невольницею. Но по всѣмъ признакамъ въ началѣ Ягеллон-

скаго періода несвободное или холопское населеніе составляло еще незначительную часть сельскаго населенія сравнительно съ свободнымъ крестьянскимъ сословіемъ въ Западной Руси подобно тому, какъ это было и въ Руси Восточной того же времени. Разумѣемъ при семъ свободу въ смыслѣ юридическомъ; но фактически свобода крестьянъ все болѣе и болѣе стѣснялась и представляла весьма различныя степени. Западнорусское свободное крестьянство, называемое въ юридическихъ памятникахъ иногда кметами, а болѣе извѣстное подъ именемъ люди, мужики или посполъство, хотя еще сохраняло свой древній общинный бытъ и собиралось на свои волостные сходы или копы, но уже утратило право общинной собственности на землю, которую обработывало: оно жило на земляхъ великокняжескихъ («господарскихъ»), владѣльческихъ (панскихъ) и церковныхъ. За пользованіе ими оно должно было отбывать разнообразныя дани и повинности, иногда переложенныя на деньги, по большею частью натурой, каковы: серебряная или серебщизна (въ сѣверозападной Руси она имѣла частное названіе посощины, то-есть, взимаемой по сохамъ, а въ югозападной подымщины, то-есть, взимаемой по дымамъ или дворамъ), иначе грошевая (оброкъ или чиншъ), житная, дякольная, медовая, бобровая, куничная и проч. Степень зависимости и количество даней различались по разнымъ разрядамъ. Такъ вольные данники, платя по условію съ владѣльцемъ извѣстныя дани, были свободны оставить землю, когда хотѣли перейти къ другому владѣльцу, предварительно разсчитавшись съ первымъ; но разрядъ крестьянъ, называемыхъ отчичи, около эпохи перваго статута уже не имѣлъ этого права перехода. Крестьяне, кромѣ даней, обязанные еще панщиною, то-есть, работою извѣстнаго числа дней въ году на владѣльца, и толоками (чрезвычайныя работы съ панскимъ кормомъ и пивомъ), называются людьми тяглыми или прогонными, иногда сельскими путниками. Наибольшими льготами пользовались новые поселенцы, которыхъ владѣлецъ перезывалъ на свои пустопорожнія земли; но потомъ, зажившись на новыхъ мѣстахъ, они въ силу давности дѣлались крѣпкими землѣ (впослѣдствіи опредѣлена десятилѣтняя давность). Нижній разрядъ крестьянства, уже близкій къ невольникамъ, составляли закупни или закладни, почти то же, что̀ кабальные холопы въ Восточной Руси. Это люди, поступавшіе во временное рабство въ уплату долга; число ихъ было весьма значительно, такъ какъ въ тѣ времена многіе вольные простолюдины подъ властью

сильныхъ людей искали защиты отъ разныхъ притѣсненій и разоренія. Но временное рабство по большей части обращалось въ постоянное, и потомство этихъ закладней дѣлалось крѣпостнымъ. Далѣе, при раздачѣ великими князьями населенныхъ имѣній панамъ и шляхтичамъ, случалось иногда, что въ числѣ жителей этихъ имѣній находились мелкіе землевладѣльцы, носившіе званіе бояръ. Послѣдніе попадали такимъ образомъ въ зависимость отъ новаго пана, и, не имѣя возможности возстановить свои права при упадкѣ центральной правительственной власти, впослѣдствіи обращались почти въ крѣпостное состояніе съ помянутымъ выше названіемъ панцырныхъ бояръ или панцырныхъ слугъ (по второму статуту, 1566 года).

Жалуя населенныя имѣнія шляхтѣ, великіе князья Литовскіе обыкновенно, по ходатайству владѣльцевъ, освобождали населеніе этихъ имѣній отъ разныхъ даней и работъ въ пользу господаря (то-есть, великаго князя). Но это не значило, что крестьяне дѣйствительно избавлялись отъ даней и повинностей; владѣльцы жалованныхъ имѣній обращали прежніе поборы и работы въ свою пользу и потомъ количество ихъ еще увеличивали. Первый статутъ подтверждаетъ свободу владѣльческихъ крестьянъ отъ всѣхъ казенныхъ податей и повинностей, за исключеніемъ обязанности содержать дороги, мосты и чинить крѣпости или замки; но не даетъ никакихъ опредѣленій для крестьянскихъ платежей и работъ, отбываемыхъ на владѣльца.

Первымъ шагомъ къ водворенію крѣпостного права или къ уравненію вольныхъ сельскихъ жителей съ невольными былъ, какъ мы видѣли, земскій привилей 1457 года, по которому Казиміръ IV запрещаетъ перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній на великокняжія и обратно. Хотя это запрещеніе относилось собственно къ разряду людей тяглыхъ и давнихъ поселенцевъ, однако уже по недостатку строгаго разграниченія подобныхъ разрядовъ, силою вещей, шляхта мало-по-малу распространяла таковое запрещеніе и на другіе классы сельскаго населенія. Вторымъ, еще болѣе дѣйствительнымъ средствомъ закрѣпощенія послужило усилившееся право владѣльческаго суда. Въ этомъ отношеніи важное значеніе имѣетъ та же жалованная литовско-русскому дворянству грамота 1457 года, по которой, вмѣсто требованія на судъ правительственныхъ урядниковъ посредствомъ присылки дѣцкаго, дается владѣльцу право самому представлять виновнаго крестьянина къ правительственному

суду. По судебнику того же Казиміра IV, изданному въ 1468 г., владѣлецъ получаетъ уже не одно право представлять виновнаго на судъ, но и постановлять самый приговоръ и брать пеню въ свою пользу. А къ концу XV и началу XVI вѣка великокняжескіе привилеи установляютъ право суда какъ неотъемлемую принадлежность землевладѣнія. За великокняжими урядниками остается только судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ. Древній общинный судъ, производившійся на крестьянскихъ сходахъ или копахъ, хотя и сохранился до позднѣйшаго времени, но уже въ видѣ не самостоятельнаго судебнаго органа, а только для участія въ предварительномъ розыскѣ (доводѣ) по отношенію къ обвиненнымъ.

Тяжесть крестьянскихъ податей и повинностей была весьма разнообразна, смотря по мѣстностямъ и другимъ условіямъ. Обыкновенно она соразмѣрялась съ количествомъ земли, скота и рабочихъ рукъ. Полное крестьянское хозяйство носило названіе или службы, или дворища. Размѣры сихъ участковъ хотя были неодинаковы, но вообще значительны; такъ къ дворищу иногда причислялось около 60 десятинъ пахотной земли и 20 десятинъ сѣнокосной; на такомъ участкѣ помѣщалось по два и болѣе отдѣльныхъ хозяйствъ или дымовъ. Но, съ увеличеніемъ населенія и раздачею государственныхъ земель шляхтѣ, уменьшались постепенно и размѣры крестьянскихъ участковъ. А въ XV вѣкѣ въ Западную Русь начала переходить изъ Польши такъ называемая «волочная система», заимствованная поляками у нѣмцевъ. По этой системѣ лучшая часть земли выдѣлялась для устройства фольварка или помѣщичьей фермы, а остальная земля дѣлилась на волоки, заключавшія въ себѣ около 19 десятинъ. На одной волокѣ помѣщикъ водворялъ отдѣльное крестьянское хозяйство, причемъ волока подраздѣлялась на три поля, по 11 морговъ въ каждомъ (моргъ — почти 1400 кв. саженъ), и крестьянинъ селился на среднемъ полѣ. Впослѣдствіи уже на одной волокѣ стали селить по нѣскольку семей или хозяйствъ. Прежде всего волочная система появилась въ ближайшихъ къ Польшѣ земляхъ Бѣльской и Дрогичинской, гдѣ упоминается еще во времена Витовта. Отсюда она распространилась по Сѣверозападной Руси, то-есть, въ Бѣлоруссіи и Полѣсьѣ. Вслѣдствіе этой системы тамъ рано разрушилось общинное крестьянское землевладѣніе и образовалась чрезвычайная дробность поселеній, такъ что село состояло иногда изъ двухъ или трехъ дворовъ. Въ Югозападной Руси волочная система встрѣчается только къ концу XVI вѣка;

ибо тамъ было болѣе свободныхъ земель, и притомъ населеніе относилось къ ней очень враждебно. Особенно въ Подоліи и степной Украйнѣ, подверженныхъ татарскимъ набѣгамъ, было много безлюдныхъ пространствъ, которыя помѣщики старались заселить и потому привлекали поселенцевъ разными льготами. Поэтому крестьянство тамъ пользовалось большею свободою, чѣмъ въ Сѣверозападной Руси, и долѣе сохраняло старый общинный бытъ.

Относительно распорядка волочной системы и соединенныхъ съ нею крестьянскихъ повинностей, въ числѣ другихъ документовъ имѣемъ любопытную инструкцію Сигизмунда II Августа, выданную въ 1557 году, озаглавленную «Устава на волоки господаря его милости у во всемъ великомъ князствѣ Литовскомъ». Въ этомъ уставѣ различаются главнымъ образомъ участки служебные и тяглые. Первые давались людямъ, обязаннымъ военною службою или другими служебными повинностями; такъ путные бояре отправляли подводную повинность, развозили письма и посылки королевскихъ урядниковъ (тогда еще не было постоянной почты); они получали въ надѣлъ по двѣ волоки земли, свободныя отъ другихъ повинностей. Такой же надѣлъ имѣли господарскіе бортники, конюхи, стрѣльцы (обязанные являться на войну и на королевскую охоту), осочники (полѣсовщики, оберегавшіе пущи и также участвовавшіе въ господарской охотѣ). Сельскіе войты или старосты, имѣвшіе обыкновенно подъ своимъ вѣдѣніемъ около ста крестьянскихъ волокъ, получали одну волоку, свободную отъ податей; такую же волоку получали и сельскіе лавники, исполнявшіе обязанности вижей или судебныхъ приставовъ. Между тѣмъ тяглые крестьяне отбывали за свою волоку барщину (то-есть, обработывали фольварочныя или господскія земли) и платили чиншъ. Число рабочихъ дней, опредѣленныхъ для этой барщины, простиралось отъ 108 до 128; а количество оброка или чинша, взимаемое деньгами, овсомъ, сѣномъ, курами, яйцами и пр., соразмѣрялось съ количествомъ и качествомъ земли, подраздѣлявшейся на три разряда, то-есть, хорошей, средней и худшей: послѣдній разрядъ составляла почва песчаная и болотистая. Переложенная на деньги, сумма этого оброка простиралась приблизительно отъ 14 до 55 грошей (на наши деньги отъ $1^1/_2$ до 6 рублей). Обыкновенно войтъ по воскреснымъ днямъ объявлялъ крестьянамъ, на какой день назначена работа и какая именно. Работать должны были отъ восхода до заката солнца, лѣтомъ съ тремя перерывами для ѣды и отдыха. Кре-

стьянинъ, не явившійся на работу и не представившій войту уважительной для того причины, въ первый разъ платилъ штрафу одинъ грошъ, во второй цѣлаго барана, а въ третій подвергался наказанію «бичемъ на лавцѣ». Дани и оброки взимались осенью между днями св. Михаила и св. Мартина, то-есть, 29-го сентября и 11-го ноября. Неисправный по лѣности плательщикъ подвергался заключенію; неисправный по причинѣ болѣзни, пожара или другого бѣдствія получалъ облегченіе или полное прощеніе. Рабочій скотъ запрещалось отбирать у крестьянина во всякомъ случаѣ. Слѣдовательно положеніе казенныхъ крестьянъ, судя по этому уставу, было бы не особенно тяжелое, еслибы уставъ исполнялся добросовѣстно великокняжескими или королевскими урядниками, что̀ въ дѣйствительности, конечно, встрѣчалось очень рѣдко.

Значительная часть казенныхъ земель была приписана къ крѣпостямъ или замкамъ. Королевскіе намѣстники и старосты этихъ замковъ получали вмѣстѣ съ ними въ кормленіе или держаніе (то-есть, во временное пользованіе) и приписанныя къ нимъ волости; причемъ королевскими грамотами опредѣлялась та часть мѣстныхъ податей и повинностей, которая шла въ пользу державца и его урядниковъ (обыкновенно третья часть). Но эти державцы не ограничивались положенною частію, а присвоивали себѣ, сколько могли, и вводили еще новые незаконные поборы. Когда же являлись королевскіе ревизоры, то державцы показывали имъ только небольшую долю всѣхъ доходовъ, умалчивая объ остальныхъ. Менѣе всего заботились державцы объ исполненіи общегосударственныхъ повинностей, каковы: поддержаніе городскихъ стѣнъ, содержаніе городской и полевой стражи, постройка мостовъ и пр. Такимъ образомъ королевскіе намѣстники или старосты—вмѣсто того чтобы быть истинными представителями государственной власти и начальниками военныхъ силъ своего повѣта—обращались во временныхъ помѣщиковъ, которые старались изъ населенія выжимать для себя какъ можно болѣе доходовъ. Еще менѣе соблюдались правительственные уставы въ имѣніяхъ, розданныхъ въ частное владѣніе: тамъ замѣтно общее стремленіе помѣщиковъ уменьшать крестьянскіе надѣлы и увеличивать повинности. ([19]).

И такъ ко второй половинѣ XVI вѣка сельское населеніе находилось уже въ процессѣ закрѣпощенія, и рѣзко обозначилось полное господство служилаго или шляхетскаго сословія въ Литовско-

русскомъ государствѣ. Но въ Западной Руси было еще многочисленное и довольно зажиточное населеніе городское, сохранявшее свой древній общинный бытъ и свою привычку къ общинному самоуправленію, именно къ тому роду вѣчеваго самоуправленія, который достигъ полнаго развитія въ Новгородѣ и Псковѣ. Подъ владычествомъ Ягеллонской династіи, при постоянномъ усиленіи шляхетскихъ привилегій и притязаній, городское населеніе начало терпѣть разныя притѣсненія и грабительства со стороны великокняжескихъ урядниковъ, то-есть, воеводъ, каштеляновъ, старостъ и окружавшей ихъ служилой шляхты. Наступившія войны съ Москвою и опустошительные татарскіе набѣги также способствовали обѣднѣнію и упадку городовъ. Чтобы поддержать ихъ и оградить отъ подчиненія шляхтѣ, великіе князья Литовскіе и вмѣстѣ короли Польскіе усердно начали пересаживать изъ Польши въ Литовскую Русь то городовое самоуправленіе, которое въ теченіе XIII и XIV столѣтій заимствовано было поляками у нѣмцевъ подъ именемъ Магдебургскаго права, вмѣстѣ съ письменнымъ феодальнымъ сводомъ законовъ или такъ называемымъ «Саксонскимъ зерцаломъ» (Speculum Saxonicum). Тамъ распространенію этого нѣмецкаго права способствовали многочисленные германскіе колонисты, переселившіеся въ Польшу и составившіе значительную часть городскаго населенія; но въ Западной Руси нѣмецкое городское устройство оказалось чуждымъ и не соотвѣтствующимъ русскимъ преданіямъ и обычаямъ. Прежде всего, то-есть, еще въ XIV вѣкѣ, оно водворилось въ землѣ Галицкой, которая была присоединена Казиміромъ Великимъ непосредственно къ Польшѣ. Городъ Вильна получилъ магдебургію въ 1387 г. А затѣмъ, со времени Ягелла, нѣмецкое городовое право въ теченіе XV и XVI вѣковъ постепенно распространилось и въ Литовской Руси. Сущность его заключалась въ освобожденіи горожанъ отъ нѣкоторыхъ казенныхъ податей и повинностей и отъ подсудности королевскимъ чиновникамъ, за исключеніемъ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій.

Какъ туго прививалось къ русскимъ городамъ это чуждое устройство, примѣромъ можетъ служить древне-русскій Полоцкъ.

Въ 1498 г. великій князь литовскій Александръ Казиміровичъ даетъ Полоцку грамоту, которою его «съ права литовскаго и русскаго перемѣняетъ въ право нѣмецкое Майдеборское», ради «посполитаго добраго размноженья и лѣпшаго его положенья». Въ силу этого права установляется высшій городской сановникъ или войтъ

(нѣмец. Vogt). Ему, по примѣру Вильны, опредѣляется третья часть судебныхъ пошлинъ и пеней. Половина пошлинъ съ мясныхъ лавокъ также идетъ на войта, а другая половина на ратушу; всѣ мѣстные винокуры и продавцы горѣлки поступаютъ въ вѣдѣніе войта. Магдебургскому праву, то-есть, войту и бурмистрамъ, подвѣдомы всѣ жители Полоцка на обоихъ берегахъ Двины, включая живущихъ въ городѣ людей владычнихъ, монастырскихъ, боярскихъ и мѣщанскихъ, а также жители окрестныхъ селъ и слуги путные, которые «привыкли вмѣстѣ съ мѣщанами на войну ходить и всѣ подати пополамъ съ ними платить». Жители освобождаются отъ подводной и сторожевой повинности, за исключеніемъ собственнаго господарскаго приказа и потребы. Въ городѣ устраивается ежегодно три двухнедѣльныя ярмарки: на св. Якова, на Крещенье и по Великомъ днѣ (Свѣтлое Воскресенье). Купцы рижскіе и всѣ иногородные только во время ярмарокъ могутъ покупать и продавать въ розницу, во все же остальное время должны соблюдать извѣстную мѣру, а именно: покупать воскъ не менѣе полуберковца заразъ; соболи, куницы и тхоры (хорьки) — сороками; бѣлки, горностаи, лисицы — по 250 штукъ; попель и смолу — лаштомъ, и притомъ не въ лѣсахъ и селахъ, а только въ городѣ. Это предметы полоцкаго отпуска. Далѣе слѣдуютъ предметы ввоза. Тѣ же рижскіе купцы могутъ продавать сукна только цѣлымъ поставомъ; соль лаштомъ; перецъ, имбирь, миндаль и другія простыя зелья каменемъ (вѣсъ въ 32 фунта); шафранъ, мушкаты, гвоздику, калганъ (индійскій корень), цытварь и прочія дорогія зелья (пряности) фунтомъ; сѣкиры, ножи и тому подобныя вещи тахромъ или дюжиной: желѣзо, олово, мѣдь, цынкъ, мосяжъ (желтая мѣдь) и т. п. центеромъ; фиги и розынки (изюмъ) кошемъ (корзинами); вино, пиво нѣмецкое и всякій привозный напитокъ цѣлою бочкою. Рижскіе купцы не могутъ даже ѣздить мимо Полоцка для торговли въ Витебскъ и Смоленскъ, а только для взысканія своихъ долговъ. Городъ имѣетъ свою важницу (гдѣ взвѣшиваются товары и взимается съ нихъ пошлина) и свою капницу, въ которой на стопленый воскъ накладывается городская печать. Мѣщане могутъ брать на свою потребу дрова во всѣхъ лѣсахъ и борахъ на разстояніи трехъ миль отъ города (за исключеніемъ деревьевъ бортныхъ), а также пользоваться всѣми прежними пастбищами. Полоцкіе мѣщане, подобно виленскимъ и трокскимъ, свободны отъ мыта (пошлины съ провозимыхъ товаровъ) во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Городъ строитъ посио-

литую (общественную) лазню или баню и пользуется доходами съ нея. Онъ строитъ на удобномъ мѣстѣ ратушу, а подъ нею амбары хлѣбные и камеру пострыгальную (гдѣ обстригали сукна); при ратушѣ хранятся мѣрная бочка и мѣдница съ городскимъ клеймомъ; доходъ съ нихъ идетъ въ городскую пользу. Городъ Полоцкъ вноситъ въ скарбъ великаго князя 400 копъ грошей ежегодно въ день св. Михаила. Въ ратушѣ засѣдаютъ двадцать радцевъ, которыхъ назначаетъ войтъ, половина закону римскаго, а половина греческаго. Эти радцы вмѣстѣ съ войтомъ выбираютъ изъ своей среды ежегодно двухъ бурмистровъ, одного католика, другаго православнаго. Радцы и бурмистры подчиняются войту и его помощнику или лянтвойту; а войтъ—непосредственно великому князю, который самъ и назначаетъ войта. Жители освобождаются отъ подсудности воеводамъ, старостамъ, судьямъ и подсудкамъ, великокняжимъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ; войтъ и бурмистры могутъ быть позваны только къ суду великаго князя.

Но внутри города или рядомъ съ нимъ обыкновенно стоялъ замокъ (древнерусскій кремль), въ которомъ жилъ великокняжій намѣстникъ или староста съ боярами и разными военнослужилыми людьми, составлявшими замковый гарнизонъ. Въ городѣ также жили бояре, духовенство и ихъ слуги, стоявшіе внѣ магдебургскаго права. Отсюда постоянныя столкновенія ихъ съ мѣщанами. Намѣстникъ и другіе урядники были, конечно, недовольны введеніемъ магдебургіи или городскаго самоуправленія и самосуда, которые лишали ихъ разныхъ доходныхъ статей. Они не хотятъ признать данныхъ городу привилегій, вмѣшиваются въ его суды и доходы; обѣ стороны обращаются съ жалобами къ королю: горожане жалуются на притѣсненія отъ намѣстника, а послѣдній на недостатокъ доходовъ для содержанія замка. Уже въ слѣдующихъ 1499 и 1500 гг. тотъ же великій князь Александръ выдаетъ городу Полоцку двѣ новыя грамоты, которыми онъ подтверждаетъ дарованное ему нѣмецкое право, но съ нѣкоторыми важными отступленіями. Такъ, тяжбы о землѣ между боярами и мѣщанами утверждаются за судомъ намѣстника: онъ разбираетъ ихъ вмѣстѣ съ «старшими боярами» по «давнему обычаю» и посылаетъ своихъ чиновниковъ на спорную землю съ обычными за проѣздъ пошлинами. Дворы въ городѣ, земли и села, купленныя боярами у мѣщанъ, наравнѣ съ ихъ отчинными землями не подлежатъ вѣдѣнію войта и бурмистровъ; люди боярскіе, занимающіеся въ городѣ торговлею, платятъ подати наравнѣ съ мѣщана-

ми, но не подсудны войту и бурмистрамъ. Сами бояре отпускали по Двинѣ въ Ригу жито, крупу, попелъ и смолу, и теперь имъ дозволяется этотъ отпускъ, но съ условіемъ продавать только произведенія собственныхъ имѣній, а не перекупать у другихъ. Наконецъ, сословіе свободныхъ крестьянъ или «путниковъ», жившихъ въ окрестныхъ селахъ, прежде относимое къ магдебургскому праву, теперь изъемлется изъ него и приписывается къ замку, то-есть, подчиняется суду и вѣдѣнію намѣстника. Что же касается серебщизны, военной службы и городовой работы, то путники исполняютъ ихъ сообща съ мѣщанами. А тѣ простолюдины, которые (ради избавленія отъ городскихъ платежей и повинностей) позакладывались за намѣстника, владыку, игумновъ и бояръ, возвращаются подъ право магдебурское, то-есть, подъ вѣдѣніе войта и бурмистровъ.

Однако не легко было разграничить двѣ сферы, городскую и замковую. Сила шляхетскихъ привилегій и ослабленіе верховной правительственной власти, по образцу Польши, сказывались и въ Литовской Руси. Спустя три года, относительно Полоцка встрѣчаемъ новую грамоту великаго князя Александра, теперь и короля Польскаго. Изъ нея узнаемъ, что полоцкіе лянтвойтъ, бурмистры и радцы жалуются на полоцкаго намѣстника Станислава Глѣбовича. Вопреки ихъ магдебургскому праву, онъ хочетъ судить и рядить мѣщанъ и вступается въ ихъ земли; при чемъ акты на эти земли у нихъ отнимаетъ; ремесленниковъ полоцкихъ забралъ въ свое вѣдѣніе; а именно: золотарей, рымаровъ (шорниковъ), сѣдельниковъ, ковалей (кузнецовъ), сыромятниковъ, швецовъ (портныхъ), гончаровъ, пивоваровъ, плотниковъ и скомороховъ; по рѣкамъ Диснѣ, Лиснѣ и Сари поставилъ своихъ слугъ, которые берутъ мыта съ каждаго струга по грошу; вмѣшивается въ пошлину съ привознаго вина и пива. Королевская грамота воспрещаетъ все это намѣстнику и вновь подтверждаетъ за городомъ магдебургское право съ тѣми отмѣнами, которыя указаны въ предыдущихъ грамотахъ, то-есть, въ отношеніи намѣстничьяго суда и сельскихъ путниковъ. Подобныя отмѣны, нарушавшія цѣлость нѣмецкаго права съ одной стороны и продолжавшіяся притѣсненія отъ намѣстниковъ—съ другой, не давали укрѣпиться городскому самоуправленію, производили недоумѣнія и неурядицы въ средѣ самихъ мѣщанъ. Братъ и преемникъ Александра, Сигизмундъ I поэтому въ 1510 году даетъ Полоцку новую подтвердительную грамоту на магдебургское право.

Здѣсь прямо говорится, что вслѣдствіе отмѣны нѣкоторыхъ пунктовъ это право подверглось сомнѣнію (у вонтпеньи было), «для которого жъ мѣщане мѣста Полоцкого промежду себе расторжку и раздѣлъ вчинили: нѣкоторые съ нихъ съ права нѣмецкого выломившися, подъ присудъ городской далися, а многіе и прочь разошлися». (Подъ городскимъ присудомъ тутъ разумѣется судъ замковый или намѣстничій; ибо словомъ городъ въ западно-русскихъ грамотахъ означается собственно замокъ или кремль, а восточно-русскому посаду соотвѣтствуетъ тамъ названіе мѣсто, откуда мѣщане). Новая грамота вновь повторяетъ данныя мѣщанамъ привилегіи съ нѣкоторыми поясненіями и добавленіями. Такъ, мѣщане и чорные люди, заложившіеся за намѣстника, владыку, игуменовъ, бояръ и пр., опять возвращаются въ вѣдѣніе войта, бурмистровъ и радцевъ, но каждому князю и боярину позволяется имѣть на своемъ городскомъ дворѣ по одному дворнику и огороднику изъ числа закладней. Число радцевъ теперь увеличивается до 24. Городу дозволяется построить четыре гостинные дома, гдѣ должны останавливаться гости (пріѣзжіе купцы); а плата съ нихъ раздѣляется на двое: одна половина идетъ въ господарскій скарбъ, другая—на ратушу. Частныя гостиницы воспрещены. Дозволяется поставить на р. Полотѣ общественную мельницу, и доходы съ нея раздѣлены на тѣ же двѣ половины. Но, спустя семнадцать лѣтъ, тотъ же король Сигизмундъ снова, по жалобѣ лянтвойта, бурмистровъ и радцевъ полоцкихъ на ихъ воеводу Петра Станиславовича, обращаетъ къ послѣднему укорительную грамоту. Изъ нея видно, что воевода, его урядники и слуги чинили мѣщанамъ многія кривды, грабежи и забойства; что онъ «ломалъ Майтборскій привилей» и судилъ мѣщанъ «городовымъ правомъ» (то-есть, замковымъ или намѣстничьимъ судомъ), ремесленниковъ заставлялъ на себя работать, мыты по рѣкамъ со струговъ бралъ и пр.

Эта исторія, туго прививавшагося чуждаго учрежденія и непосильной борьбы его съ королевскими намѣстниками и старостами, повторялась приблизительно въ тѣхъ же чертахъ и въ другихъ городахъ Западной Руси. Разница заключалась въ томъ, что изъятія изъ нѣмецкаго права и разграниченіе между подсудностью и доходами города и замка разнообразились по мѣстнымъ условіямъ, такъ что почти каждый городъ имѣлъ свои особыя привилегіи, и не выработался одинъ общій типъ городского самоуправленія. Если первостепенные города не могли пользоваться этимъ самоуправленіемъ

и вполнѣ освободиться отъ подчиненія шляхетскимъ урядникамъ, то еще въ большемъ подчиненіи послѣднимъ оставались второстепенные города, не смотря на свою магдебургію. Разнообразіе въ ея приложеніи увеличивалось еще городами владѣльческими. Въ Литовской Руси, какъ мы говорили, существовали знатные роды, которые, подобно западнымъ феодаламъ, сосредоточили въ своихъ рукахъ большія поземельныя владѣнія, заключавшія въ себѣ многія мѣстечки и даже города. Подражая великимъ князьямъ Литовскимъ, они также стараются поднять торговое и промышленное значеніе своихъ городовъ, а слѣдовательно и увеличить свои доходы раздачею имъ магдебургскихъ привилегій. Впрочемъ привилегіи эти давались съ дозволенія великокняжеской власти или ею подтверждались. Но естественно, при семъ владѣлецъ удерживалъ за собою высшую судебную инстанцію и близкое наблюденіе за городскимъ управленіемъ и доходами; поставлялъ въ городѣ своихъ особыхъ урядниковъ, которые за всѣмъ надзирали, такъ что въ сущности магдебургія существовала тамъ въ весьма слабой степени. Самый сводъ Саксонскихъ законовъ или такъ-называемое «Саксонское зерцало» и подлинное Магдебургское уложеніе обыкновенно были извѣстны западно-русскимъ магистратамъ не въ подлинномъ объемѣ и видѣ, а только въ извлеченіяхъ и толкованіяхъ, сдѣланныхъ польскими юристами.

По смыслу Магдебургскаго права, въ городѣ должны существовать двѣ коллегіи: радцевъ и лавниковъ. Первые вѣдаютъ подъ предсѣдательствомъ бурмистровъ городскую полицію, надзоръ за городскими имуществами и торговлею, а также судъ по гражданскимъ искамъ; вторые, въ числѣ 12 человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ войта должны судить уголовныя преступленія, то-есть, составлять судъ присяжныхъ. Но, сравнивая разные западнорусскіе города, находимъ количество радцевъ и лавниковъ различное; войтъ предсѣдательствуетъ въ обѣихъ коллегіяхъ; иногда обѣ онѣ сливаются въ одинъ магистратъ или вѣдаютъ одни и тѣ же дѣла. Потомъ встрѣчаемъ еще третье учрежденіе: «совѣтъ сорока мужей» (а въ нѣкоторыхъ городахъ «совѣтъ тридцати»), который составляется изъ выборныхъ отъ городскихъ цеховъ и присвоиваетъ себѣ право контроля надъ городскимъ хозяйствомъ; при чемъ войтъ, бурмистры, радцы и лавники нерѣдко входятъ съ нимъ въ препирательство за свои права, чѣмъ увеличивается путаница въ городскихъ дѣлахъ и отношеніяхъ.

Впрочемъ эти неудобныя стороны Магдебургскаго устройства развились и принесли свои плоды большею частью впослѣдствіи. Въ первый же періодъ своего существованія, то-есть, въ эпоху Ягеллоновъ, оно, повидимому, все-таки дало нѣкоторый толчекъ и оживило городскую жизнь, торговое и промышленное движеніе въ Литовской Руси. Недаромъ же въ грамотахъ, жалованныхъ на это устройство, часто упоминается, что онѣ дарованы по просьбѣ самихъ горожанъ. ([20]).

Законодательство и судопроизводство Литовской Руси въ данную эпоху представляютъ замѣтный переходъ отъ общихъ съ Восточною Русью основаній, то-есть, отъ Русской Правды, къ особому виду, развившемуся подъ вліяніемъ шляхетскихъ привилегій или польскаго государственнаго строя. Эпохѣ судебниковъ Московской Руси соотвѣтствуетъ здѣсь эпоха статутовъ, которая впрочемъ открывается уложеніемъ, извѣстнымъ также подъ именемъ «Судебника». Онъ былъ изданъ Казиміромъ IV въ 1468 году, по совѣту съ Литовскими князьями, панами-радою и всѣмъ посполъствомъ; подъ послѣднимъ, вѣроятно, разумѣется здѣсь собраніе лучшихъ людей города Вильны.

Судебникъ Казиміра IV представляетъ собственно сводъ наказаній и штрафовъ за злодѣйство или татьбу въ разныхъ ея видахъ: изъ 25-ти статей этого свода около 20-ти относятся къ татьбѣ. Тутъ мы находимъ то же древнерусское понятіе о наказаніяхъ какъ о доходной статьѣ для судьи. Напримѣръ, если воръ пойманъ съ лицомъ (съ поличнымъ), то это лицо или украденная вещь поступаетъ въ пользу двора (княжаго, намѣстничьяго или панскаго), или собственно судьи; кромѣ того, въ его пользу идетъ просока, то-есть, плата съ истца за сокъ или розыскъ преступника. А пострадавшему или истцу воръ платитъ истинну, то-есть, цѣнность украденной вещи. Если ему нечѣмъ заплатить, а его жена и дѣти знали о воровствѣ, то заплатить женой и дѣтьми (но дѣти моложе 7-ми лѣтъ не отвѣтственны), а самого на шибеницу (висѣлицу). Дѣти и жена могутъ выкупиться сами или съ помощью своего господаря (владѣльца). Если вору съ поличнымъ совсѣмъ нечѣмъ заплатить, то его повѣсить, а украденную вещь отдать истцу, и воротить ему половину просоки. Слѣдовательно прежде долженъ быть удовлетворенъ пострадавшій («ино перво заплатити истьцю, а потомъ осподарь татя того вину свою бери»). При чемъ если воръ несвободный человѣкъ, то его владѣлецъ въ то же время есть и его

судья. Между тѣмъ по другой статьѣ, если хозяинъ вора зналъ о его преступленіи или дѣлилъ его плоды, то онъ несетъ то же наказаніе. Итакъ, свободныхъ или княжихъ людей судятъ великокняжіе намѣстники и тіуны, а панскихъ или боярскихъ ихъ владѣльцы; въ случаѣ если истецъ и отвѣтчикъ разнаго рода люди, одинъ принадлежитъ къ княжимъ, а другой къ панскимъ, то имъ обчій судъ, то-есть, смѣшанный изъ намѣстника или тіуна и пана или боярина. Если кто будетъ держать въ своемъ дому лежня (бродягу) тайно, то-есть, не оповѣдавъ сусѣдей или околицу, а въ это время случится воровство, то онъ обязанъ въ теченіе трехъ дней представить лежня въ судъ, въ противномъ случаѣ удовлетворить пострадавшаго. Если судья, или вообще тотъ, кому будетъ выданъ воръ для наказанія, освободитъ его за плату или возьметъ его себѣ въ рабство, то самъ подвергается наказанію отъ верховной власти; ибо вору не должно быть оказано милосердія. (Тутъ уже сказывается государственный взглядъ на преступленіе). Вообще при поличномъ первое воровство наказывается пенями, но если украденное стоитъ болѣе полтины (болѣе «полукопья», а по другому чтенію «полуконя»), то вѣшать; за корову тоже вѣшать, за конскую татьбу, хотя бы и первую, непремѣнно висѣлица; за похищеннаго невольника тоже. Тать, на котораго околица укажетъ, что кралъ не въ первый разъ, подвергается висѣлицѣ даже безъ поличнаго пойманный, а только доведенный пыткою до сознанія. Вообще этотъ Судебникъ очень суровъ и щедръ на висѣлицу. Въ немъ также отражаются и народныя суевѣрія того времени. Напримѣръ, если кого заподозрѣннаго въ воровствѣ будутъ пытать и не «домучатся» сознанія, но на него докажутъ, что онъ «знаетъ зѣліе» (заколдованныя травы, которыми предохраняетъ себя отъ боли) и притомъ околица скажетъ, что и прежде кралъ, то его также на висѣлицу. Затѣмъ идутъ нѣсколько статей о поземельныхъ или межевыхъ тяжбахъ, наѣздахъ и порубкахъ.

Судебникъ сей является какъ бы введеніемъ къ дальнѣйшимъ законодательнымъ мѣрамъ, такъ какъ самъ онъ далеко не удовлетворялъ насущнымъ потребностямъ. Ощущалась нужда въ общемъ письменномъ сводѣ законовъ, который бы опредѣлялъ отношенія сословій между собою и къ правительству, а также служилъ бы руководствомъ судьямъ; послѣдніе должны были дотолѣ руководствоваться или разными грамотами, жалованными, уставными и т. п., или обычнымъ, не писаннымъ правомъ, которое представляло боль-

шое разнообразіе, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и въ своемъ примѣненіи допускало многія злоупотребленія. Первый систематическій сводъ узаконеній и юридическихъ обычаевъ, назначенный для всего великаго княжества Литовскаго, былъ составленъ по волѣ Сигизмунда I неизвѣстными намъ юристами-компиляторами, повидимому при близкомъ участіи литовскаго канцлера Альберта Мартыновича Гаштольда. Въ 1529 году этотъ сводъ принятъ сеймомъ и получилъ королевскую санкцію. Онъ извѣстенъ подъ именемъ «перваго» или «Стараго Литовскаго статута» и, очевидно, былъ составленъ по образцу польскаго такъ называемаго Вислицкаго статута Казиміра III, изданнаго въ 1347 году,

Статутъ изданъ на русскомъ языкѣ, а потомъ переведенъ на латинскій и польскій. Онъ распадается на 13 «раздѣловъ», и каждый раздѣлъ на статьи или «артикулы». Почти вся первая половина его посвящена подтвержденію правъ и привилегій, пожалованныхъ Сигизмундомъ и его предшественниками шляхетскому сословію, а вмѣстѣ и закрѣпощенію за нимъ крестьянскаго населенія. Между-прочимъ тутъ для прочности шляхетскаго землевладѣнія важно установленіе десятилѣтней земской давности, по истеченіи которой право иска прекращается, за немногими исключеніями. Напримѣръ, исключеніе составляетъ недостиженіе совершеннолѣтія. А для сего послѣдняго назначается мужчинѣ 18 лѣтъ, дѣвушкѣ 15. Дѣти и вдовы шляхетскія также обезпечены въ правахъ наслѣдованія поземельныхъ владѣній. Вообще мужу позволяется записать на имя своей жены третью часть изъ недвижимаго имѣнія, подъ именемъ вѣна. Если же она не получила отъ мужа назначеннаго вѣна и осталась вдовою съ дѣтьми, то имѣетъ право на равную съ ними часть въ движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Если у нея нѣтъ дѣтей, то она имѣетъ право на третью часть въ имѣніи мужа; остальное его родственникамъ. Если же вторично выйдетъ замужъ, то и эта часть переходитъ къ нимъ же (ибо они служатъ господарскую службу съ этихъ имѣній). Другая половина статута заключаетъ въ себѣ статьи, относящіяся къ судопроизводству. Судебная власть въ повѣтахъ находится въ рукахъ воеводъ, старостъ, державцевъ, маршалковъ земскихъ и дворныхъ: они обязаны судить по писанному статуту; если на какой случай нѣтъ статьи въ статутѣ, то должны руководствоваться «старымъ обычаемъ», а потомъ на общемъ сеймѣ эту статью надобно написать и прибавить къ статуту. Каждый воевода, староста и державца долженъ выбрать въ

своемъ повѣтѣ двухъ земянъ или шляхтичей, «людей добрыхъ и вѣры годныхъ», которые помогаютъ ему творить судъ. На случай жалобы шляхтичей на неправый судъ королевскихъ урядниковъ, установляется высшее или апеляцiонное судилище въ Вильнѣ въ великокняжемъ дворцѣ, на которое съѣзжаются паны радные по два раза въ годъ. Пересуду (пошлины) въ тяжебныхъ дѣлахъ назначается судьямъ: со взысканья суммы или стоимости тяжебнаго имущества десятую часть, съ земли рубль, съ человѣка копу грошей, съ фольварка четыре гроша. Если самъ воевода или староста судитъ, то весь пересудъ идетъ ему, а если судятъ помянутые выше выборные судьи или земяне съ воеводскимъ или старостинымъ намѣстникомъ, то пересудъ дѣлится на три части: одна воеводѣ, другая судьямъ, а остальная «третина» намѣстнику. Если судья возьметъ пересудъ болѣе положеннаго въ законѣ, то долженъ воротить его съ н а в я з к о ю (надбавкою), и, кромѣ того, заплатить 12 рублей штрафу въ казну господарскую. При денежныхъ взысканiяхъ по суду допускается г р а б е ж ъ: если подсудимый, присужденный къ уплатѣ въ назначенный срокъ, не заплатитъ, то судьи берутъ в и ж а изъ ближайшаго господарскаго двора, въ его присутствiи производятъ грабежъ въ домѣ подсудимаго и отдаютъ награбленное истцу; при чемъ опять назначается срокъ для взысканiя, и только по истеченiи его истецъ можетъ вполнѣ воспользоваться награбленнымъ. Между державцами отличаются новые, которые недавно названы держарцами, а «прежде именовались тивунами»; они не имѣютъ права судить шляхтичей и господарскихъ бояръ, которые подсудны только воеводамъ, старостамъ и маршалкамъ. Затѣмъ идутъ постановленiя о позвахъ въ судъ посредствомъ дѣцкихъ и вижовъ, о прокураторахъ (адвокатахъ), светкахъ (свидѣтеляхъ), гвалтахъ (насилiяхъ), головщинахъ (убiйствахъ), звадахъ (дракахъ), тяжбахъ, относящихся къ землѣ, охотничьимъ пущамъ, бортнымъ деревьямъ, бобровымъ гонамъ, къ долгамъ, закладамъ, къ покражѣ скота, хлѣба, домашней птицы и пр. Вора, у котораго найдется поличное, дозволяется мучить (пытать) три раза въ день, но безъ членовредительства. Если же не допытаются сознанiя, то кто его далъ на муку платитъ ему навязки по полтинѣ грошей за каждую муку, исключая того случая, когда истязаемый, зная чары, муки не ощущалъ. Если же кто умретъ подъ пыткою, то истецъ платитъ за него головщину, смотря по человѣку. Относительно смертоубiйства Статутъ находится еще отчасти на почвѣ Русской Правды, то-есть,

платежа виры или головщины. Такъ, если шляхтичъ убьетъ шляхтича въ дракѣ, то платитъ его близкимъ сто копъ грошей, а другую сотню грошей въ скарбъ господарскій. За убійство путнаго человѣка полагается головщины 12 рублевъ грошей, за бортника восемь; за ремесленниковъ столько же, сколько за путныхъ людей, тоже за тивуновъ и приставовъ; но за «тяглаго мужика» только 10 копъ грошей, а за «невольнаго паробка» половину того. Статутъ однако не скупится и на смертную казнь. Ей подлежатъ: кто поддѣлываетъ государскіе листы (письма) или печати, кто сдѣлаетъ насиліе или ранитъ государскаго урядника при отправленіи его обязанностей; кто на войнѣ покинетъ сторожевой постъ или въ назначенный срокъ не явится на оборону крѣпости, а тѣмъ воспользуется непріятель; кто сдѣлаетъ наѣздъ на другого и учинитъ насиліе (гвалтъ), кто изнасилуетъ женщину. За воровство съ поличнымъ большею частью назначается висѣлица. Вору, укравшему что-либо съ господарскаго двора, цѣнностью меньше полукопья, обрѣзывались уши.

Вообще Литовскій Статутъ во многомъ отражаетъ на себѣ грубость современныхъ нравовъ и является смѣсью древнерусскихъ юридическихъ понятій и обычаевъ (наиболѣе сохранявшихся при посредствѣ копныхъ судовъ) съ новыми вліяніями, преимущественно польскими; а чрезъ послѣдніе, особенно чрезъ магдебургское право, прошло сюда и вліяніе римскаго права; это вліяніе отразилось въ довольно систематическомъ изложеніи разнообразныхъ, нескладныхъ и плохо согласованныхъ между собою статей самаго свода. ([21]).

По всѣмъ признакамъ, въ этомъ первоначальномъ своемъ видѣ Литовскій Статутъ имѣлъ многіе пробѣлы и недостатки, которые давали широкій просторъ разнымъ злоупотребленіямъ и произволу, особенно въ дѣлѣ правосудія. На сеймахъ не разъ раздаются жалобы на такіе пробѣлы и недостатки, слышатся требованія пересмотра и дополненія. Отъ половины XVI вѣка мы имѣемъ любопытное латинское сочиненіе одного образованнаго литвина, по имени Михалона: «О правахъ татаръ, литовцевъ и москвитянъ» (De moribus Tartarorum, Lituanorum et Moscorum). Оно дошло до насъ, впрочемъ не вполнѣ, а въ отрывкахъ. Этотъ Михалонъ (или Михайло) вообще недоволенъ современнымъ ему порядкомъ вещей въ своемъ отечествѣ, скорбитъ объ утратѣ старой простоты нравовъ; сравнивая литвиновъ (и западноруссовъ) съ татарами и москвитянами, нерѣдко отдаетъ предпочтеніе этимъ обоимъ сосѣдямъ, и темными красками рисуетъ разныя стороны отечественнаго строя и

быта. Между прочимъ, вотъ какими чертами изображаетъ онъ состояніе судопроизводства, основаннаго на Судебникѣ Казиміра IV и первомъ Литовскомъ Статутѣ.

У татаръ, по мнѣнію Михалона, правосудіе лучше. «На обязанность судьи эти варвары смотрятъ не какъ на средство къ наживѣ, а какъ на службу ближнему. Они тотчасъ отдаютъ всякому то, что ему принадлежитъ; а у насъ судья беретъ десятую часть цѣны спорной вещи съ невиннаго истца. Это вознагражденіе судьѣ называется пересудъ и должно быть немедленно уплачено въ судѣ. Если же тяжба идетъ о небольшомъ клочкѣ земли, то взимается не десятая часть, а сто грошей, хотя бы предметъ иска не стоилъ этой цѣны. Въ дѣлахъ личной обиды и оскорбленія судья беретъ съ виновнаго, въ качествѣ штрафа, столько же, сколько присуждаетъ истцу». «За убійство опредѣляется наказаніе не по закону Божественному, чтобы кровь омывалась кровью, а денежное, съ судейскими десятинами. Поэтому и убійства бываютъ часто». «Если обѣ стороны помирятся, судья все-таки беретъ деньги, съ виновнаго штрафныя, а съ истца десятинныя». «За скрѣпу грамотъ и договорныхъ записей судья также получаетъ десятину. А въ дѣлахъ уголовныхъ получаетъ все, что найдется воровского у хищника, и этотъ его доходъ называется лицо» (то-есть, поличное)» Вообще «отыскивающему украденную вещь приходится потратить на суды болѣе, чѣмъ она стоитъ, и потому многіе не рѣшаются заводить тяжбы». «Кромѣ пени за преступленіе, предсѣдатель суда беретъ 12 грошей съ уведенной лошади. Слуга судьи исполнитель приговора беретъ также десятую часть цѣны вещи. Нотаріусъ тоже беретъ десятую часть за окончательное рѣшеніе. За одно приложеніе печати къ дѣлу, стоящему грошъ, онъ беретъ четыре. Другой подчиненный судьи, такъ называемый вижъ, который назначаетъ день суда, если онъ воеводскій беретъ 50 грошей, если его помощника 30, а если считаетъ себя королевскимъ, то 100. Столько же беретъ другой приставъ, называемый дѣтскимъ, который вызываетъ подсудимаго и приводитъ съ позывной граматой. Столько же беретъ и третій низшій чиновникъ, который вызываетъ свидѣтелей или осматриваетъ на мѣстѣ убытки потерпѣвшаго истца. Если у подсудимаго нѣтъ денегъ, то у него отбираютъ скотъ. Въ тоже время бѣднякъ, желающій позвать къ суду магната, ни за какія деньги не можетъ найти пристава. Всякій можетъ быть свидѣтелемъ во всякомъ дѣлѣ, кромѣ межевой тяжбы; отчего многіе сдѣлали себѣ промыселъ изъ лжесвидѣтельства. Явный

похититель чужой собственности не прежде обязанъ явиться въ судъ, какъ по истеченіи мѣсяца послѣ позыва. Если у кого отнимутъ лошадь въ 50 или 100 грошей въ самую рабочую пору, чтобы позвать въ судъ грабителя, онъ долженъ прежде всего заплатить за позывъ цѣну похищенной лошади и цѣлый мѣсяцъ ждать, пока виновнаго притянутъ къ суду. Далѣе идутъ сѣтованія на корыстолюбіе вельможъ, которые всѣ эти обычаи ввели ради своихъ выгодъ; на то, что литовскіе воеводы сами мало занимаются судомъ, а предоставляютъ его своимъ намѣстникамъ, которые небрежно ведутъ дѣла, мало знакомы съ законами, но исправно взимаютъ свой пересудъ, и т. д. Авторъ сего сочиненія обращается иногда къ царствующему государю (Сигизмунду II) и проситъ его обратить вниманіе на указанные недостатки правосудія.

Изъ этихъ жалобъ, которыя по тому же предмету раздавались на литовскихъ сеймахъ, приведемъ въ примѣръ просьбы литовскихъ чиновъ великому князю Сигизмунду II Августу на Виленскомъ сеймѣ 1547 года. На этомъ первомъ вальномъ (общемъ) сеймѣ при новомъ государѣ своемъ, литовскіе князья, паны и рыцарство прежде всего просятъ, конечно, о подтвержденіи всѣхъ своихъ правъ и вольностей, дарованныхъ его предками. Затѣмъ напоминаютъ, что на прошломъ Берестейскомъ сеймѣ (1544 года) король-отецъ (Сигизмундъ I) и паны радные постановили сдѣлать исправленіе Статута и для того выбрать комиссію изъ 10 особъ, пять римскаго закону и пять греческаго (которая, дѣйствительно, и сдѣлала нѣкоторыя дополненія). Теперь чины просятъ вновь выбрать таковую комиссію, а потомъ исправленный и утвержденный на слѣдующемъ сеймѣ Статутъ предать тисненію («не писанымъ письмомъ, але выбиванымъ»). Просятъ, чтобы не воеводы назначали судей въ каждомъ повѣтѣ, а выбирала бы ихъ сама шляхта изъ своей среды на извѣстные сроки. Жалуются, что старосты, державцы и ихъ намѣстники назначаютъ вижами людей простыхъ, ненадежныхъ, то-есть, мѣщанъ, тяглыхъ мужиковъ и даже «холопью невольную», которые берутъ по 12 грошей за вижованье и притомъ склонны къ подкупамъ; поэтому просятъ, чтобы при повѣтовыхъ судьяхъ были выбраны «присяжными» вижами нѣсколько человѣкъ изъ бояръ, «людей добрыхъ и вѣры годныхъ», и чтобы они за вижованье брали по грошу на одну милю. Просятъ, чтобы шляхтѣ всегда свободно было вмѣсто апелляціоннаго суда пановъ радныхъ обращаться къ суду самого господаря, чтобы духовные въ судахъ свѣтскихъ и земскихъ не присутство-

вали, чтобы тяжущіеся сами защищали свое дѣло и были бы отмѣнены наемные прокураторы, которые своими «непотребными рѣчами и широкими вымыслами» только затягиваютъ процессы. Великій князь большею частью соизволилъ на эти просьбы; на нѣкоторыя, однако, отвѣчалъ уклончиво.

Согласно съ подобными представленіями, повторявшимися и на послѣдующихъ сеймахъ, дѣйствительно производились разныя измѣненія и дополненія въ первомъ Статутѣ. Новая исправленная его редакція окончательно была утверждена на Виленскомъ сеймѣ 1566 года, и сдѣлалась извѣстна подъ именемъ второго Литовскаго Статута.

Надобно отдать справедливость сему второму Статуту въ томъ отношеніи, что упорядоченіе судоустройства въ немъ сдѣлало значительный шагъ впередъ. Теперь въ каждомъ повѣтѣ для отправленія суда установлены должности земскаго судьи, подсудка и писаря; повѣтовая шляхта, собравшись подъ предсѣдательствомъ воеводы или каштеляна, выбирала кандидатами на каждую таковую должность четырехъ человѣкъ изъ своей среды (но не тѣхъ, которые уже занимали какія-либо урядовыя должности); а изъ этихъ 12 человѣкъ король уже назначалъ настоящаго судью, подсудка и писаря. Послѣдній обязанъ былъ вести свое дѣло на русскомъ языкѣ и русскимъ письмомъ; онъ могъ брать себѣ помощниковъ или «подписковъ». Вознагражденіе писарю назначено отъ разныхъ дѣлъ по одному грошу, рѣдко по два. Судьѣ за пересудъ два гроша, а подсудку третій. Вообще судебные поборы значительно уменьшены и точнѣе опредѣлены. Приставъ, называвшійся прежде древнерусскимъ словомъ «дѣцкій», теперь переименованъ по польскому образцу в о з н ы м ъ. Ему опредѣлено за поѣздку съ позывными листами брать «по грошу съ мили въ одну сторону, а что назадъ поѣдетъ, за то ничего не брати». Земскія книги должны храниться въ надежной скрынѣ за тремя замками, отъ которыхъ ключи должны быть одинъ у судьи, другой у подсудка, третій у писаря. Это собственно судъ земскій. Рядомъ съ нимъ продолжалъ существовать судъ замковый или градскій, то-есть, судъ воеводы, старосты или державца. Сей послѣдній судъ вѣдалъ самыя важныя уголовныя дѣла, а именно: наѣздъ на шляхетскіе дома, поджоги, разбои по дорогамъ, изнасилованіе шляхетскихъ дѣвицъ и женщинъ, воровство, убійство и т. п. Помощникомъ себѣ для суда воевода, староста или замковый державца долженъ былъ выбирать добраго шляхтича, осѣдлаго въ томъ повѣтѣ. Кромѣ означенныхъ двухъ судовъ, во второмъ Статутѣ

является еще третій судъ, подкоморскій. Въ каждомъ повѣтѣ установленъ подкоморій, который вѣдаетъ преимущественно тяжебныя дѣла пограничныя или межевыя и наблюдаетъ за постановкою межевыхъ знаковъ или насыпкою пограничныхъ кургановъ между разными земельными владѣніями. Для помощи себѣ въ каждомъ повѣтѣ подкоморій выбираетъ одного или двухъ коморниковъ изъ осѣдлой повѣтовой шляхты. Важное нововведеніе сравнительно съ первымъ представляетъ второй Статутъ относительно шляхетскихъ сеймиковъ, которые, по образцу польскихъ, установлены теперь въ каждомъ повѣтѣ и которые выбираютъ не только земскихъ судей, но также и земскихъ пословъ или шляхетскихъ представителей для главнаго (вальнаго) сейма, числомъ по два. (22).

Второй отдѣлъ Литовскаго Статута посвященъ «Земской оборонѣ». Этотъ уставъ подтверждаетъ обязанность всѣхъ сословій отправлять военную службу въ случаѣ внѣшней войны. Но созывать земское ополченіе и назначать денежные сборы на военныя издержки (серебщизну) имѣетъ право только великій или «вальный» сеймъ, составленный изъ свѣтскихъ и духовныхъ пановъ-рады, земскихъ урядниковъ, пановъ «хоруговныхъ» и земскихъ повѣтовыхъ пословъ. Только въ случаѣ непріятельскаго вторженія или крайней опасности великій князь Литовскій можетъ безъ сейма разослать листы, созывавшіе ополченіе; а въ отсутствіе великаго князя то же могутъ сдѣлать паны-рада и великій гетманъ. Основаніемъ для военной повинности служило количество владѣемой населенной земли, равно наслѣдственной, лично выслуженной и купленной.

Сеймъ каждый разъ опредѣлялъ, сколько «пахолковъ» съ извѣстнаго количества слѣдовало выставить на добромъ конѣ, цѣнностью не менѣе осьми копъ грошей литовскихъ, въ цвѣтномъ кафтанѣ («сукня»), панцырѣ, шлемѣ, при мечѣ или саблѣ, щитѣ и копьѣ со значкомъ («прапорцемъ»). Всякій шляхтичъ, имѣющій землю, обязанъ лично идти на войну съ своими людьми; духовныя лица, вдовы и малолѣтнія сироты выставляли съ своихъ имѣній ратныхъ людей подъ начальствомъ какого-либо шляхтича, заступавшаго ихъ мѣсто. Менѣе имущіе, особенно мѣщане, несли пѣшую службу, вооруженные ручницею (ружье) или рогатиной. Ополченіе собиралось по повѣтамъ въ хоругви. Для сего въ каждомъ повѣтѣ были назначены хорунжіе. Собравши свои хоругви, они дѣлали имъ подробную опись, переписывали коней съ обозначеніемъ ихъ клейма (тавра) въ ре-

естрѣ; послѣ чего отводили свои отряды къ каштелянамъ, которые начальствовали ополченіемъ всего повѣта или къ замѣнявшимъ ихъ маршалкамъ; затѣмъ повѣтовыя ополченія собирались по воеводствамъ. Наконецъ, все ополченіе двигалось къ назначеннымъ заранѣе пунктамъ и поступало подъ начальство великаго гетмана, который производилъ ему смотръ, дѣлалъ ему опись посредствомъ своихъ писарей, и распредѣлялъ его по своему усмотрѣнію. Только за болѣзнью позволяется шляхтичу не ѣхать самому на войну, а послать вмѣсто себя совершеннолѣтняго сына. Уклоненіе отъ военной службы по незаконной причинѣ обыкновенно наказывается отобраніемъ имѣнія. Гетманскимъ писарямъ при описи рати дозволяется брать за труды по полугрошу съ коня. Хорунжимъ запрещено утаивать людей, не явившихся въ ополченіе, или безъ вѣдома гетманскаго отпускать ихъ домой послѣ общаго смотра и описи, подъ страхомъ потерять свой урядъ и имѣнье. Строго запрещается во время похода производить грабежи и насилія жителямъ. Проступки ратныхъ людей подлежатъ гетманской юрисдикціи или прямо суду государя, если онъ самъ находится при войскѣ.

Очевидно, отказываясь въ пользу сейма отъ непосредственнаго и абсолютнаго распоряженія всѣми военными средствами великаго княжества Литовскаго, по образцу Польши, Ягеллоны наносили неисправимый вредъ внѣшней государственной безопасности. Сила государственной обороны зависѣла, главнымъ образомъ, отъ исправности крупныхъ землевладѣльцевъ или магнатовъ, которые выставляли конечно самые большіе военные отряды (или «почти», какъ они называются въ Статутѣ) и которые имѣли въ своемъ распоряженіи еще многихъ мелкихъ шляхтичей, сидѣвшихъ на ихъ земляхъ или находившихся въ числѣ ихъ дворовой челяди. Слѣдовательно въ то время, когда въ Европѣ заводились постоянныя арміи и крѣпла верховная государственная власть, въ Литвѣ и Польшѣ на оборотъ продолжались и развивались порядки отжившихъ феодальныхъ ополченій и упадала сила верховной власти. Постоянное войско составляли только наемные солдаты («жолнеры» и «драбы», упоминаемые въ Статутѣ). Оно распредѣлялось преимущественно въ пограничныхъ пунктахъ, но было далеко недостаточно, чтобы обезопасить предѣлы государства, особенно съ той стороны, откуда грозила опасность частыхъ и внезапныхъ вторженій, то-есть, со стороны южныхъ степей.

До какой степени Югозападная Русь страдала въ тѣ времена отъ набѣговъ Крымскихъ или Перекопскихъ татаръ, какое огромное количество плѣнныхъ выводили они, и какова была судьба этихъ плѣнниковъ, о томъ яркими красками свидѣтельствуютъ помянутыя выше записки Михалона.

«Хотя перекопцы», говоритъ онъ, — «имѣютъ обильно плодящіяся стада, а рабовъ только изъ плѣнныхъ, однако послѣдними они богаче, такъ что снабжаютъ ими и другія земли. Корабли, часто приходящіе къ нимъ съ другой стороны моря и изъ Азіи, привозятъ имъ оружіе, одежды и лошадей, а отходятъ отъ нихъ нагруженные рабами. Всѣ ихъ рынки знамениты только этимъ товаромъ, который у нихъ всегда подъ руками и для продажи, и для залога, и для подарка, и всякій изъ нихъ, хотя бы не имѣющій раба, но владѣющій конемъ, обѣщаетъ кредиторамъ своимъ по контракту заплатить въ извѣстный срокъ за платье, оружіе и живыхъ коней живыми же, но не конями, а людьми, и притомъ нашей крови. И эти обѣщанія вѣрно исполняются, какъ будто наши люди находятся у нихъ всегда на задворьяхъ въ загонахъ. Одинъ еврей мѣняла, сидя у воротъ Тавриды (подъ крѣпостью Перекопомъ) и видя безчисленное множество привозимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются ли еще люди въ нашихъ странахъ или нѣтъ, и откуда такое ихъ множество. Такъ всегда имѣютъ они въ запасѣ рабовъ не только для торговли съ другими народами, но и для потѣхи своей дома и для удовлетворенія своей злости. Наиболѣе сильные изъ сихъ несчастныхъ часто, если не дѣлаются кастратами, лишаются ушей и ноздрей, клеймятся на лбу и на щекахъ, и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ заключеніи; жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи изъ гнилой падали, покрытой червями, отвратительной даже для собакъ. Только женщины, которыя понѣжнѣе и покрасивѣе, содержатся иначе; которыя изъ нихъ умѣютъ пѣть или играть, тѣ должны увеселять на пирахъ. Для продажи выводятъ рабовъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавли въ полетѣ, цѣлыми десятками прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона; при чемъ громко кричатъ, что это рабы самые новые, простые, нехитрые, только-что привезенные изъ народа Королевскаго, а не Московскаго. (Московское племя полагается у нихъ болѣе дешевымъ какъ коварное и обманчивое). Этотъ товаръ цѣнится въ Тавридѣ съ большимъ знаніемъ, и покупается дорого

иностранными купцами для продажи еще высшей цѣною болѣе отдаленнымъ и болѣе темнымъ народамъ, каковы сарацины, персы, индійцы, арабы, сирійцы и ассирійцы. Не смотря на чрезвычайную осторожность покупателей, тщательно осматривающихъ всѣ физическія качества рабовъ, ловкіе продавцы нерѣдко ихъ обманываютъ. Мальчиковъ и дѣвушекъ они сначала откармливаютъ, одѣваютъ въ шелкъ, бѣлятъ и румянятъ, чтобы продать ихъ подороже. Красивыя дѣвушки нашей крови покупаются на вѣсъ золота, и иногда тутъ же на мѣстѣ перепродаются съ барышомъ. Это бываетъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы сихъ несчастныхъ невольниковъ отводятся съ рынка прямо на корабли. Она лежитъ на мѣстѣ, удобномъ для морской торговли; это не городъ, а ненасытная и беззаконная пучина, поглощающая нашу кровь».

Древніе литовцы, по замѣчанію того же Михалона, отличались мужествомъ и воинскою дѣятельностью; а теперь предаются роскоши и праздности. Вмѣсто того, чтобы самимъ идти въ непріятельскія земли, или оберегать свои предѣлы, или упражняться въ воинскомъ искусствѣ, обязанные военною службою молодые шляхтичи литовскіе сидятъ въ корчмахъ, пьянствуютъ, и, весьма склонные ко взаимнымъ ссорамъ, убиваютъ другъ друга; а военное дѣло и защиту отечества предоставляютъ татарамъ (поселеннымъ при Витовтѣ), бѣглымъ людямъ изъ Московіи и вообще наемнымъ отрядамъ. Перекопскому хану государство платитъ ежегодную дань, но тѣмъ не избавляется отъ татарскихъ набѣговъ. То, что Михалонъ говоритъ здѣсь собственно о литовской шляхтѣ, относится отчасти и къ шляхтѣ западно-русской, которая сообща съ литвинами подпала въ тѣ времена вліянію польскихъ обычаевъ, при посредствѣ ополячившейся династіи Ягеллоновъ.

Что оборонительныя силы государства, воинская доблесть и прежняя простота нравовъ тамъ дѣйствительно и глубоко упали въ эпоху лѣниваго, изнѣженнаго Сигизмунда Августа, о томъ совершенно согласно съ Михалономъ свидѣтельствуетъ современникъ его, извѣстный московскій бѣглецъ въ Литвѣ князь Андрей Курбскій.

Разсказывая о страшномъ падежѣ скота и лютомъ морѣ, опустошившихъ и обезсилившихъ Крымскую Орду въ пятидесятыхъ годахъ XVI вѣка, Курбскій сожалѣетъ, что этимъ обстоятельствомъ не воспользовались для нанесенія рѣшительнаго удара Ордѣ ни московскій царь Иванъ, ни ближайшій къ Ордѣ король Польши и Литвы. «Не къ тому обращалось умомъ его королевское величество»,

говоритъ Курбскій,—«а болѣе къ различнымъ плясаніямъ и пестрымъ машкарамъ. Также и властели той земли, наполняя гортань изысканными пирогами, а чрево марципанами (сладкимъ тѣстомъ), безмѣрно вливая въ себя какъ бы въ пустыя бочки дорогія вина и вмѣстѣ съ печенѣгами (обжоры-паразиты) высоко скача и бія по воздуху, пьяные такъ прехвально и прегордо восхваляютъ другъ друга, что не только Москву или Константинополь, но еслибы турокъ былъ на небѣ, то и оттолѣ обѣщаютъ достать его съ другими своими непріятелями. Когда же возлягутъ на своихъ одрахъ между толстыми перинами, тогда едва по полудни проснутся, и встанутъ едва живые съ тяжелыми отъ похмѣлья головами». Привыкши проводить время въ такой гнусной лѣни, они не только не радятъ о своемъ отечествѣ и о тѣхъ несчастныхъ, которые давно уже мучаются въ татарскомъ плѣну, но не обороняютъ и тѣхъ сельчанъ, женъ и дѣтей, которыхъ ежелѣтно предъ ихъ очами варвары уводятъ въ рабство. «Хотя ради великаго срама и слезнаго нареканія отъ народу они какъ бы ополчатся и выѣдутъ въ поле, но слѣдуютъ издали за бусурманскими полками, боясь ударить на враговъ креста Христова. Пройдя за ними дня два или три, возвращаются во свояси; а что осталось отъ татаръ, сохраненное убогими крестьянами въ лѣсахъ изъ имущества ихъ или скота, то все поѣдятъ и послѣднее разграбятъ». Курбскій также замѣчаетъ, что такіе нравы завелись недавно, а что прежде тамъ обрѣтались мужи храбрые и любящіе отечество. Такую перемѣну онъ объясняетъ упадкомъ доброй вѣры и обращеніемъ вельможъ въ ересь Люторскую и въ другія секты. Эти сладострастные вельможи сдѣлались такъ изнѣжены, женоподобны и робки, что какъ услышатъ о варварскомъ нашествіи, «такъ и забьются въ претвердые города. Воистину смѣху достойно: вооружась въ брони, сядутъ за столомъ за кубками, да баютъ басни со своими пьяными бабами; а изъ вратъ городскихъ не хотятъ выдти, хотя бы подъ самымъ ихъ городомъ бусурмане истребляли христіанъ». Далѣе авторъ разсказываетъ случай, котораго былъ очевидцемъ. Въ одномъ городѣ было пятеро вельможъ съ своею вооруженною челядью, да еще два ротмистра съ своими полками въ то время, какъ толпа татаръ шла мимо, возвращаясь домой съ полономъ. Нѣсколько добрыхъ воиновъ и простонародья неоднократно вступали въ битву съ бусурманами и не могли ихъ одолѣть; но ни единый изъ вышеозначенныхъ властелей не вышелъ на помощь христіанамъ. Послѣдніе были бы всѣ избиты, еслибы не приспѣлъ гнавшійся за погаными

Волынскій полкъ. Увидя его, бусурманы посѣкли большую часть плѣнныхъ, а другихъ бросили и обратились въ бѣгство. Курбскій хвалитъ мужество волынцевъ и ихъ гетмана славнаго Константина Константиновича Острожскаго, и подвиги ихъ объясняетъ тѣмъ, что они пребывали вѣрны православной церкви.

Кромѣ Михалона и Курбскаго, нѣкоторые польскіе и западно-русскіе писатели, поэты и сеймовые ораторы того времени также горько упрекаютъ шляхту за утрату старо-рыцарской доблести, наклонность къ сутяжничеству и ея излишнее пристрастіе къ сельскому хозяйству, вообще къ наживѣ.

Любопытны, хотя страдаютъ односторонностью и преувеличеніями, дальнѣйшія свидѣтельства помянутаго Михалона о нравахъ и привычкахъ современнаго ему общества.

Сравнивая своихъ соотечественниковъ съ москвитянами и татарами, онъ обыкновенно выставляетъ преимущества сосѣдей. Такъ хвалитъ бережливость послѣднихъ и порицаетъ роскошь своихъ, которые любятъ щеголять различной и дорогой одеждой. Москвитяне изобилуютъ мѣхами, но дорогихъ соболей запросто не носятъ, а сбываютъ ихъ въ Литву, получая за нихъ золото. Носятъ же они, по образцу татаръ, войлочныя остроконечныя шапки, украшая ихъ золотыми пластинками и драгоцѣнными камнями, которыхъ не портятъ ни солнце, ни дождь, ни моль какъ соболей. Москвитяне не употребляютъ дорогихъ привозныхъ пряностей; у нихъ не только простолюдины, но и вельможи, довольствуются грубою солью, горчицей, чеснокомъ, лукомъ и плодами своей земли; а литовцы любятъ роскошныя привозныя яства и пьютъ разныя вина, отчего у нихъ разныя болѣзни. Особенно авторъ записокъ нападаетъ на ихъ пьянство. «Въ городахъ литовскихъ нѣтъ болѣе частыхъ заводовъ какъ тѣ, на которыхъ варятся изъ жита водка и пиво. Эти напитки берутъ съ собою и на войну; а если случится пить только воду, то по непривычкѣ къ ней гибнутъ отъ судорогъ и поноса. Крестьяне дни и ночи проводятъ въ шинкахъ, заставляя ученыхъ медвѣдей увеселять себя пляскою подъ волынку и забывъ о своемъ полѣ. Посему, растративъ имущество, они перѣдко доходятъ до голода и принимаются за воровство и разбой; такимъ образомъ въ любой Литовской провинціи въ одинъ мѣсяцъ больше людей казнятъ смертью за эти преступленія, нежели во всѣхъ земляхъ Татарскихъ и Московскихъ въ теченіе ста или двухсотъ лѣтъ (!). Попойки часто сопровождаются ссорами. День начинается у насъ питьемъ водки; еще

въ постели кричатъ: «вина, вина!» И пьютъ этотъ ядъ мужчины, женщины и юноши на улицахъ, на площадяхъ, и напившись ничего не могутъ дѣлать какъ только спать». Между тѣмъ въ Московіи великій князь Иванъ (III) «обратилъ свой народъ къ трезвости, запретивъ вездѣ кабаки». Посему тамъ нѣтъ шинковъ, и если у какого-нибудь домохозяина найдутъ хотя каплю вина, то весь его домъ разоряется, имѣніе конфискуется, прислуга и сосѣди, живущіе въ той же улицѣ, наказываются, а самъ навсегда сажается въ тюрьму. Вслѣдствіе трезвости «города Московскіе изобилуютъ разнаго рода мастерами, которые, посылая намъ деревянныя чаши и палки для опоры слабымъ, старымъ и пьянымъ, сѣдла, копья, украшенія и различное оружіе, грабятъ у насъ золото». Не замѣчая ослабленія верховной власти въ своемъ отечествѣ, Михалонъ только распространеніемъ роскоши и пьянства объясняетъ утрату городовъ и областей, завоеванныхъ Московскими государями, у которыхъ народъ трезвъ и всегда въ оружіи, а крѣпости снабжены постоянными гарнизонами, которые не позволяютъ никому сидѣть все дома, но по очереди посылаютъ на пограничную стражу.

«Въ Литвѣ одинъ чиновникъ занимаетъ десять должностей, а прочіе удалены отъ правительственныхъ дѣлъ. Москвитяне же соблюдаютъ равенство между своими и не даютъ одному многихъ должностей; управленіе однимъ городомъ на годъ или много на два поручаютъ они двумъ начальникамъ вмѣстѣ и двумъ нотаріямъ (дьякамъ). Отъ этого придворные, надѣясь получить начальство, ревностнѣе служатъ своему государю, и начальники лучше обращаются съ подчиненными, зная, что они должны отдать отчетъ и подвергнуться суду, ибо обвиненный во взяткахъ бываетъ принужденъ выходить на поединокъ (поле) съ обиженнымъ, даже если сей послѣдній принадлежитъ къ низшему сословію». «Князь ихъ бережливо распоряжается домашнимъ хозяйствомъ, не пренебрегая ничѣмъ, такъ что продаетъ даже солому. На пирахъ его подаются большіе кубки золотые и серебряные, называемые соломенными, то-есть, пріобрѣтенные на проданную солому. Отъ расчетливаго распредѣленія должностей онъ имѣетъ еще и ту выгоду, что тѣ, которыхъ посылаетъ защищать предѣлы своей земли, исправлять различныя общественныя дѣла и даже въ самыя далекія посольства, исполняютъ все это на свой счетъ. За хорошее исполненіе они награждаются не деньгами, а мѣстами начальниковъ. У насъ же напротивъ, если кто посылается куда-либо, даже не заслуживъ того, получаетъ обыкно-

венно въ излишествѣ деньги изъ казначейства, хотя многіе возвращаются, ничего не сдѣлавъ. На пути люди эти бываютъ въ тягость тѣмъ, чрезъ владѣнія которыхъ ѣдутъ, истощая ихъ подводами. Въ Московіи же никто не имѣетъ права брать подводъ, кромѣ гонцовъ по государственнымъ дѣламъ; благодаря быстрой ѣздѣ и часто мѣняя усталыхъ лошадей (ибо вездѣ стоятъ для этого въ готовности свѣжія и здоровыя лошади), они чрезвычайно скоро доставляютъ извѣстія. У насъ же придворные употребляютъ подводы на перевозку своихъ вещей, отчего происходитъ недостатокъ въ подводахъ и мы неготовые терпимъ нападеніе враговъ, предупреждающихъ вѣсти объ ихъ приходѣ. Недавно у насъ отъ подводной повинности изъяты и тѣ, которые когда-то получили свои земли именно съ обязанностью исправлять ее по всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ столицѣ нашей Вильнѣ отъ странъ Московскихъ, Татарскихъ и Турецкихъ». Вообще въ своихъ запискахъ Михалонъ ярко выставляетъ государственныя преимущества Москвы надъ Литвою, хотя какъ католикъ и литовскій патріотъ онъ не любитъ восточныхъ сосѣдей, и называетъ Московскій народъ хитрымъ, вѣроломнымъ, неискреннимъ.

Порча нравовъ коснулась, конечно, и женщинъ. Михалонъ до того недоволенъ своими соотечественницами, что ставитъ ихъ ниже татарскихъ женщинъ. «Татары держатъ женъ своихъ въ сокровенныхъ мѣстахъ, а наши жены ходятъ по домамъ праздныя въ обществѣ мущинъ, въ мужскомъ почти платьѣ. Отсюда страсти». Упадокъ женской нравственности въ Литвѣ, по мнѣнію автора, произошелъ съ тѣхъ поръ какъ великіе князья литовскіе дали имъ права наслѣдства и предоставили свободный выборъ мужей; тогда какъ прежде сами назначали имъ жениховъ, преимущественно изъ людей, прославившихъ себя воинскими доблестями. Теперь же, расчитывая на извѣстную долю наслѣдства, онѣ сдѣлались надменны, стали пренебрегать добродѣтелью, не слушаться опекуновъ, родителей, мужей и приготовлять преждевременную смерть живущимъ. «У насъ нѣкоторыя женщины владѣютъ многими мужчинами, имѣя села, города, земли, однѣ на правахъ временнаго пользованія, другія по праву наслѣдованія, и по этой страсти къ владычеству живутъ онѣ подъ видомъ дѣвства или вдовства необузданно, въ тягость подданнымъ, преслѣдуя однихъ ненавистью, губя другихъ слѣпою любовью». О роскоши и многочисленной свитѣ знатныхъ женщинъ можно судить по тому, что иную «литовскую героиню» везутъ къ обѣднѣ или на пиршество отъ шести до восьми повозокъ.

Тѣми же мрачными красками изображаетъ онъ угнетеніе простого народа отъ шляхты. Такъ, по поводу рабства плѣнниковъ у татаръ, онъ говоритъ: «А мы держимъ въ безпрерывномъ рабствѣ людей своихъ, добытыхъ не войною и не куплею, принадлежащихъ не къ чужому, но къ нашему племени и вѣрѣ, сиротъ, неимущихъ, попавшихъ въ сѣти чрезъ бракъ съ рабынями: мы злоупотребляемъ нашею властью надъ ними, мучая ихъ, уродуя, убивая безъ суда, по малѣйшему подозрѣнію. У татаръ и москвитянъ ни одинъ чиновникъ не можетъ убить человѣка даже при очевидномъ преступленіи—это право предоставлено только судьямъ въ главныхъ городахъ. А у насъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ дѣлаются приговоры о жизни людей».

Изъ этихъ жалобъ ясно, на сколько развитіе крѣпостного состоянія и уравненіе его съ холопствомъ опередило относящіяся сюда положенія Литовскихъ статутовъ. Юридическая сторона быта слѣдовала за фактическою, то-есть,—какъ это и вездѣ бываетъ—право давало законныя формы тому, что давно уже существовало въ жизни (23).

IV.

ПОСЛѢДНІЙ ЯГЕЛЛОНЪ И ЛЮБЛИНСКАЯ УНІЯ.

Сигизмундъ I и королева Бона. — Львовскій рокошъ. — Начало реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ. — Сигизмундъ Августъ и его три брака —Варвара Радивиловна.—Успѣхи реформаціи и Аріанская ересь.—Вопросъ объ окончательной уніи Литвы съ Польшею.—Люблинскій сеймъ 1569 года.— Переговоры объ условіяхъ уніи. — Оппозиція литовскихъ сенаторовъ. — Настойчивость и задоръ польской посольской избы. — Внезапный отъѣздъ литвиновъ.—Присоединеніе Подлѣсья и Волыни къ польской коронѣ.— Принудительная присяга подлѣсянъ.—Упорство Воловича.—Тщетные протесты.—Ходковичъ и Глѣбовичъ.—Присяга волынцевъ. — Примѣръ князя Острожскаго и другихъ русскихъ вельможъ.—Присоединеніе Кіева къ коронѣ.—Возвращеніе литвиновъ на сеймъ и ихъ согласіе на унію.—Трогательныя сцены.—Вопросъ о четвертой части. Конецъ Люблинскаго сейма.

Болѣе сорока лѣтъ (1506—1548) длилось въ Польшѣ и Литовской Руси царствованіе Сигизмунда I или Стараго. Подобно долголѣтнему царствованію его отца, Казиміра IV, оно значительно подвинуло впередъ сближеніе Польской короны съ Великимъ княжествомъ и подготовило ихъ окончательную политическую унію. Сигизмундъ почти все свое царствованіе долженъ былъ вести борьбу съ возраставшими притязаніями строптивой польской шляхты. Благодаря своему уму и энергіи, онъ умѣлъ поддержать авторитетъ королевской власти. Тѣмъ не менѣе, шляхетскіе сеймы продолжали забирать силу; особенно вторая половина этого царствованія омрачена была разными неладами внутри государства. Обыкновенно значительную долю вины въ сихъ замѣшательствахъ приписываютъ его второй супругѣ Бонѣ Сфорца. Эта итальянская принцесса, вполнѣ усвоившая себѣ политическія идеи своего соотечественника Маккіавели, является какимъ-то злымъ геніемъ для Сигизмунда и для цѣлаго Польско-литовскаго государства. Не было предѣловъ ея сребро-

любію и властолюбію, ея интригамъ и козвямъ. Пользуясь большимъ вліяніемъ на своего престарѣлаго супруга, она нерѣдко заставляла его совершать разныя несправедливости, въ особенности при раздачѣ высшихъ доходныхъ должностей, имѣній и староствъ, которыя просто продавала за деньги. Для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей, она не останавливалась не только передъ подкупами, но и передъ ядомъ и тому подобными средствами, въ чемъ упредила другую королеву, свою соотечественницу Екатерину Медичи; съ тою однако разницею, что маккіавелизмъ Екатерины дѣйствовалъ въ видахъ укрѣпленія королевской власти и католичества во Франціи, а своенравная Бона, напротивъ, увеличила только разладъ между короною и духовенствомъ съ одной стороны и шляхетскимъ сословіемъ—съ другой. Соперничество и вражда, возбуждаемыя ею между вельможами, производили частыя ссоры, нарушали внутренній миръ въ государствѣ и причиняли много огорченій королю, но нисколько не усиливали монархическую власть. Наконецъ королеву Бону упрекаютъ въ томъ, что она своимъ примѣромъ и вліяніемъ много способствовала сильному распространенію роскоши, заграничныхъ модъ и упадку нравовъ въ вельможной и шляхетской средѣ.

Предыдущіе короли, особенно Ягелло и Александръ, съ великою щедростью раздавали вельможамъ и шляхтѣ королевскія имѣнія въ державство или въ пожизненное владѣніе; но такъ какъ власти своевременно не наблюдали, чтобы эти имѣнія по окончаніи срока возвращались въ королевскую казну, то они и переходили къ наслѣдникамъ временныхъ владѣтелей. Королевская казна такимъ образомъ лишилась доходовъ, предназначенныхъ на содержаніе войска и двора. Уже давно шелъ вопросъ о строгой ревизіи или провѣркѣ владѣльческихъ актовъ и возвращеніи помянутыхъ земель въ казну; но только Сигизмундъ рѣшилъ привести въ дѣйствіе эту провѣрку и отобраніе имуществъ на основаніи книгъ коронной метрики, о чемъ состоялось постановленіе на сеймѣ 1535 года. Кромѣ того, Сигизмундъ рѣшилъ произвести общую провѣрку шляхетскихъ привилегій и статутовъ (такъ называемая «экзекуція правъ»); а также возстановилъ нѣкоторые налоги, между прочимъ пошлину съ выводимаго на продажу шляхетскаго рогатаго скота или «воловщину», отъ которой освободилъ шляхту король Александръ. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ было сильное неудовольствіе, поведшее къ открытому бунту или р о к о ш у. Въ 1537 году, когда воевода молдавскій Петрило, поддерживаемый австро-венгерскимъ королемъ Фердинандомъ, грозилъ

Польшѣ новою войною, Сигизмундъ объявилъ шляхтѣ общій походъ или посполитое рушеніе, и сборнымъ пунктомъ назначилъ городъ Львовъ. Дѣйствительно, посполитое рушеніе собралось въ большомъ количествѣ; число всего войска простиралось до 150.000. Но шляхта прибыла сюда совсѣмъ не для битвъ съ непріятелями; она носилась съ грамотами своихъ правъ и привилегій и составляла бурныя сходки, на которыхъ шумѣли разные ораторы, защитники шляхетскихъ вольностей; кричали о томъ, что шляхта не обязана на свой счетъ идти въ походъ за предѣлы государства. Тайнымъ двигателемъ этого рокоша былъ коронный маршалокъ и воевода краковскій Петръ Кмита, клевретъ королевы Боны. Но тутъ же раздавались голоса противъ королевы, обвинявшіе ее въ томъ, что она мѣшается во всѣ дѣла, особенно въ назначеніе государственныхъ сановниковъ, а въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ сажаетъ старостами и управляющими чужеземцевъ, которые притѣсняютъ мѣстныхъ шляхетскихъ обывателей. Упрекали также королеву за дурное воспитаніе, которое она даетъ своему сыну, будущему королю, окружая его женщинами и плясунами. Главнымъ образомъ шляхта требовала отмѣнить воловщину и ревизію владѣльческихъ актовъ. Напрасно король сдѣлалъ уступки и отложилъ окончательное рѣшеніе спорныхъ пунктовъ до слѣдующаго сейма. Шляхта продолжала шумѣть и отказывалась отъ похода. Глубоко оскорбленный и униженный, Сигизмундъ принужденъ былъ распустить ее по домамъ. Вся ея воинственная дѣятельность на сей разъ ограничилась истребленіемъ домашней птицы въ окрестностяхъ Львова; почему это посполитое рушеніе и получило насмѣшливое прозваніе куриной войны.

Уже давно польская шляхта съ завистью смотрѣла на значеніе и богатства, скоплявшіяся въ рукахъ высшаго духовенства, на свободу его земельныхъ имуществъ отъ военныхъ повинностей, на слишкомъ широкую сферу духовныхъ судовъ, и вела постоянную борьбу съ десятинами, отъ которыхъ духовенство не хотѣло освободить шляхетскихъ имѣній. Польская церковь въ тѣ времена сохраняла болѣе самостоятельности отъ папской куріи, нежели какая-либо другая, и короли почти самовластно распоряжались раздачею епископствъ. Но сребролюбивое вмѣшательство Боны въ эту раздачу размножило число прелатовъ, не отличавшихся образованіемъ и строгими правилами, вообще мало достойныхъ своего званія и возбуждавшихъ противъ себя много недовольныхъ. Неудивительно, что это же самое духовенство не обнаружило ни искусства, ни энергіи, когда

пришлось вступить въ борьбу съ распространившейся тогда церковной реформаціей.

Процвѣтавшая съ XV вѣка въ западной Европѣ эпоха Возрожденія наукъ и искусствъ коснулась и Польши съ Литвою, чему особенно способствовалъ обычай знатной молодежи доканчивать свое образованіе въ заграничныхъ университетахъ и академіяхъ. Тамъ напитывались они все болѣе и болѣе забиравшими силу идеями итальянскихъ и нѣмецкихъ гуманистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ привыкали несочувственно, критически относиться къ нѣкоторымъ сторонамъ католической іерархіи и церкви. Когда же на сцену выступили Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ и другіе реформаторы, то естественно въ Польшѣ и Литовской Руси ихъ идеи также нашли сочувствіе со стороны поколѣнія, воспитавшагося подъ вліяніемъ гуманизма. Въ Польшѣ и Литвѣ уже существовали гусситскія общины чешскихъ и моравскихъ братьевъ, ученіе которыхъ нашло здѣсь пріютъ послѣ гоненій въ собственной землѣ. Эти общины пролагали дорогу и новымъ реформаціоннымъ идеямъ. Вторженію реформаціи въ польско-литовскія страны много помогли также тѣсное сосѣдство и политическая связь съ Пруссконѣмецкою областью, въ которой лютеранство быстро распространялось, какъ и во всей сѣверной Германіи. Западная часть Пруссіи, какъ извѣстно, вошла въ составъ польскихъ провинцій, а восточная оставалась владѣніемъ Тевтонскаго ордена, но въ зависимости отъ польской короны. Извѣстно также, что великій магистръ Тевтонскаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій снялъ съ себя духовно-рыцарскій санъ, принялъ лютеранство и, съ согласія самого Сигизмунда, какъ своего леннаго государя, обратилъ восточную Пруссію въ свѣтское княжество. Въ королевской же Пруссіи во главѣ реформаціоннаго движенія выступилъ торговый нѣмецкій городъ Данцигъ. Сигизмундъ тщетно пытался прибѣгать къ нѣкоторымъ мѣрамъ противъ лютеранскихъ проповѣдниковъ. Реформація скоро и прочно здѣсь утвердилась и отсюда стала вліять на сосѣднія великопольскія провинціи, гдѣ въ городскомъ населеніи также былъ значительный элементъ нѣмецкихъ колонистовъ. А изъ восточной Пруссіи сочиненія и проповѣдники реформаціи легко проникали въ сосѣднія литовско-русскія области. Католическое духовенство собираетъ синоды для обсужденія мѣръ противъ ереси. По его просьбѣ король издаетъ строгіе эдикты, которыми запрещается распространять сочиненія Лютера и защищать его ученіе подъ страхомъ сожженія на кострѣ и конфискаціи иму-

щества; молодымъ людямъ возбраняется посѣщать Виттенбергскій университетъ, а также входить въ личныя сношенія съ Лютеромъ и другими реформаторами. Но всѣ эти эдикты остались безъ исполненія, благодаря въ особенности привилегированному положенію шляхты, ея нерасположенію къ духовенству и сочувствію реформаціоннымъ идеямъ. Это сочувствіе обнаруживалось и со стороны нѣкоторыхъ свободомыслящихъ членовъ самого духовенства. Оно проникало и въ среду придворную: такъ итальянецъ Лисманинъ, духовникъ королевы Боны, пользовавшійся вліяніемъ на нее, втайнѣ принялъ протестантизмъ и сдѣлался усерднымъ его проповѣдникомъ; а сынъ и наслѣдникъ короля, Сигизмундъ-Августъ, управлявшій Литвою, терпѣлъ протестантскихъ проповѣдниковъ при своемъ дворѣ, и самъ, повидимому, сочувственно относился къ ереси. Но пока былъ живъ Сигизмундъ I, реформація не выступала открыто и только подготовляла почву въ Польшѣ и Литовской Руси. Рѣшительные успѣхи ея относятся ко времени слѣдующаго короля и послѣдняго Ягеллона, т. е. названнаго сейчасъ Сигизмунда-Августа.

Выше мы видѣли, что уже на Львовскомъ рокошѣ шляхта порицала королеву Бону за дурное воспитаніе сына. Дѣйствительно, изъ всѣхъ золъ, которыя итальянка принесла Польшѣ, едва-ли не болѣе важнымъ было это воспитаніе, немало повліявшее и на прекращеніе самой династіи Ягеллоновъ. Сигизмундъ-Августъ выросъ на рукахъ женщинъ и итальянскихъ учителей, которые сдѣлали изъ него человѣка любезнаго, пріятнаго въ обращеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ изнѣженнаго, слабохарактернаго, наклоннаго къ придворной роскоши и удовольствіямъ, чуждаго мужественныхъ привычекъ, не выносившаго суровостей военнаго стана. Когда ему минуло двадцать три года, отецъ далъ ему въ супруги Елизавету, дочь Фердинанда, короля Венгріи и Чехіи. Казалось, этотъ бракъ долженъ былъ вновь скрѣпить родственныя связи двухъ могущественнѣйшихъ среднеевропейскихъ династій, Габсбурговъ и Ягеллоновъ, имѣвшихъ въ то время общаго врага въ лицѣ грозной Оттоманской имперіи. Но юная Елизавета не нашла счастія въ своемъ замужествѣ. Говорятъ, будто та же королева Бона, опасаясь соперничества во вліяніи на сына, своими интригами постаралась произвести въ его сердцѣ охлажденіе къ молодой супругѣ, и послѣдняя вскорѣ умерла отъ огорченій, не оставивъ потомства; злые языки пустили даже слухъ объ отравѣ (1545 г.). Около этого времени старый король совсѣмъ передалъ сыну управленіе великимъ княже-

ствомъ Литовскимъ, и Сигизмундъ-Августъ основалъ свое пребываніе въ Вильнѣ. Придворные литовскіе вельможи, пріѣзжая къ Сигизмунду I въ Варшаву, до небесъ восхваляли передъ нимъ правительственную мудрость его сына, такъ что однажды король, слыша однѣ похвалы, будто бы сказалъ имъ: «оставьте же что-нибудь для порицанія». Главнымъ источникомъ лести послужила необычайная щедрость королевича къ окружавшимъ его. Онъ отличался расточительностью и неумѣренными расходами на свой дворъ даже въ то время, когда страну посѣтилъ неурожай, произведшій страшный голодъ между бѣдными классами населенія. Несмотря на это бѣдствіе, виленскій дворъ нисколько не желалъ уменьшить количество ежедневно потребляемаго имъ рогатаго скота, пива и меду; бѣдные крестьяне съ великими убытками и усиліями должны были изъ далекихъ мѣстъ везти сюда овесъ, сѣно, живность. Пиры, музыка, танцы и маскарады, заимствованные у итальянцевъ, и въ эту печальную пору не прекращались во дворцѣ молодаго намѣстника Литвы, который скоро наскучилъ правительственными заботами и отдался забавамъ въ кругу веселой шляхты, стекавшейся сюда съ разныхъ сторонъ, чтобы заискивать милостей у своего будущаго государя. Безпечность и лѣность Сигизмунда-Августа выразились въ его привычкѣ откладывать важныя дѣла до слѣдующаго утра, почему онъ и получилъ потомъ названіе король-утро.

Между красивыми виленскими дамами, составлявшими свиту покойной принцессы Елизаветы, самою прекрасною была Варвара, дочь великаго гетмана литовскаго Юрія Радивила и вдова трокскаго воеводы Гаштольда, который женился на ней, уже будучи пожилымъ человѣкомъ, прожилъ съ нею недолго и оставилъ ей въ наслѣдство свои обширныя имущества. Она плѣнила сердце Сигизмунда-Августа, и сама въ свою очередь поддалась его обаянію. По смерти Елизаветы, когда на время траура утихли придворныя забавы, Сигизмундъ началъ посѣщать Радивиловскія палаты, въ которыхъ жила молодая вдова вмѣстѣ съ своею матерью и надвилейскіе сады которыхъ примыкали къ оградѣ Нижняго великокняжескаго замка. Благодаря этому сосѣдству, посѣщенія все учащались и отчасти пріобрѣли характеръ тайныхъ свиданій. Фамилія Радивиловъ была одною изъ самыхъ знатныхъ въ Литвѣ; а незадолго до того времени она получила отъ императора княжеское достоинство Священной Римской Имперіи. Главными представителями этой фамиліи являлись тогда два Николая: одинъ Николай Юрьевичъ,

по прозванію Рыжій, подчашій литовскій, родной братъ Варвары; а другой Николай Яновичъ, прозваніемъ Черный, маршалокъ литовскій, ея двоюродный братъ. Эти братья, побуждаемые матерью Варвары, обратились къ королевичу съ просьбой прекратить свои ночныя посѣщенія, которыя бросаютъ тѣнь на добрую славу ихъ сестры и всей ихъ фамиліи. Королевичъ обѣщалъ и нѣкоторое время держалъ свое слово, но потомъ любовь взяла верхъ, и посѣщенія возобновились. Узнавъ о томъ, братья Радивилы однажды сдѣлали засаду въ комнатахъ Варвары, и внезапно представъ предъ Августомъ, напомнили данное и не сдержанное имъ слово.

— Мое настоящее посѣщеніе можетъ быть принесетъ вамъ честь и благополучіе—отвѣтилъ Августъ.

— Дай-то Богъ—сказали братья, и тотчасъ позвали заранѣе приготовленнаго капеллана.

Влюбленный королевичъ не сталъ отказываться отъ брака; только поставилъ условіемъ, чтобы онъ сохранялся въ строгой тайнѣ до болѣе удобнаго времени. Свидѣтелями бракосочетанія, кромѣ двухъ Радивиловъ и матери, были два приближенныхъ къ Августу литовскихъ дворянина, сопровождавшихъ его обыкновенно на эти свиданія, именно староста Довойна и стольникъ Кезгайло. Бракъ этотъ совершился приблизительно въ августѣ 1547 года. Тяжелыя заботы и огорченія ожидали молодыхъ супруговъ, въ особенности прекрасную Варвару. Трудно было сохранить тайну отъ многочисленныхъ клевретовъ королевы Боны; хотя Августъ продолжалъ свиданія съ женою только посредствомъ потаеннаго хода, устроеннаго изъ замка въ Радивиловскія палаты. Дѣйствительно, слухи о женитьбѣ дошли до родителей; онъ отправился въ Варшаву и тамъ упорно отвергалъ справедливость этихъ слуховъ. Затѣмъ послѣдовали продолжительныя отлучки на сеймы, то Литовскій, то Польскій. На это время супругу свою Августъ отослалъ въ Радивиловскій замокъ Дубенки, расположенный въ глухой мѣстности, на высокомъ холмѣ, омываемомъ со всѣхъ сторонъ водою, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вильны. Тамъ жила она въ глубокомъ уединеніи подъ охраною своего брата Николая Рыжаго и вѣрнаго Довойны, которые тщательно оберегали ее отъ яда, кинжала, похищенія и т. п., ибо знали, что итальянка Бона не разбираетъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Разлука съ нѣжно-любимымъ супругомъ, слезы и постоянно тревожное настроеніе гибельно повліяли на здоровье молодой женщины. Она преждевременно разрѣшилась отъ беременности, и это случилось въ

то именно время, когда королевская семья болѣе всего нуждалась въ потомствѣ для продолженія Ягеллоновской династіи. Между тѣмъ истина мало-по-малу сдѣлалась извѣстна. Подстрекаемые королевою, многіе вельможи и сенаторы начали шумѣть, что будущій ихъ король не имѣетъ права выбирать себѣ супругу безъ согласія сословій и своихъ родителей. Нѣкоторыхъ сенаторовъ однако Августу удалось склонить на свою сторону. Посреди волненія, возбужденнаго этимъ вопросомъ, скончался осьмидесятилѣтній король Сигизмундъ I, въ мартѣ 1548 года. Приверженецъ Августа, краковскій епископъ Мацѣевскій немедля отправилъ изъ Кракова гонца въ Вильну съ извѣстіемъ о кончинѣ короля. Августъ такимъ образомъ двумя или тремя днями узналъ о ней прежде, чѣмъ прибыло оффиціальное увѣдомленіе; этимъ временемъ онъ воспользовался, чтобы вызвать Варвару изъ Дубенокъ въ виленскій королевскій замокъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ созвалъ литовскихъ вельможъ изъ ихъ помѣстій, и на первомъ же торжественномъ засѣданіи литовскаго сената представилъ имъ свою супругу, а ихъ королеву. Захваченная врасплохъ и пораженная ангельской красотой Варвары, сенаторская рада привѣтствовала ее кликомъ: Vivat Barbara, regina Poloniae, magna ducissa Luthuaniae!

Иной пріемъ встрѣтило объявленіе о королевскомъ супружествѣ въ Польшѣ. Бона, привыкшая при старомъ Сигизмундѣ къ неограниченному вліянію на короля, на раздачу должностей и имуществъ и надѣявшаяся также управлять своимъ слабохарактернымъ сыномъ, съ ненавистью смотрѣла на свою невѣстку, видя въ ней соперницу, сильную любовью и довѣріемъ Августа. Когда послѣдній прибылъ въ Краковъ и совершилъ здѣсь торжественное погребеніе своего отца, онъ немедленно долженъ былъ начать упорную борьбу съ польскимъ сенатомъ и сеймомъ по вопросу о своей супругѣ. Разгнѣванная Бона не хотѣла встрѣчаться съ новою королевою, рассорилась съ сыномъ и удалилась въ Варшаву, такъ какъ въ Мазовіи она имѣла обширныя владѣнія. Но и оттуда она не переставала дѣйствовать своими интригами и направлять свою партію противъ сына и невѣстки. При выборахъ пословъ на предстоявшій Петроковскій сеймъ, по воеводствамъ и повѣтамъ польскимъ разсѣявались разные нелѣпые слухи; между прочимъ привязанность короля къ Варварѣ и его бракъ объясняли просто дѣломъ колдовства со стороны ея матери; а бракъ этотъ оглашали униженіемъ для королевскаго дома и чуть-ли не величайшимъ бѣдствіемъ для отчизны. Едва въ

Петроковѣ открыли сеймъ (въ октябрѣ 1548 г.), какъ начались бурныя рѣчи и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ, громившія бракъ короля. Тщетно нѣкоторые приверженцы Сигизмунда-Августа, каковы краковскій каштелянъ Янъ Тарновскій и краковскій епископъ Мацѣевскій, пытались защищать свободу королевскаго выбора относительно супруги; большинство, увлекаемое особенно краковскимъ воеводою Петромъ Кмитою, главою партіи Боны, не хотѣло признать законнымъ брачный союзъ съ Варварою и требовало развода. Однажды вся посольская изба упала на колѣна передъ королемъ и умоляла его уничтожить свой неравный бракъ. Но любовь дала слабохарактерному, лѣнивому Августу силу и энергію въ борьбѣ съ этими настояніями, доходившими до угрозъ лишить его польской короны. Это былъ чуть-ли не единственный подвигъ въ его жизни, когда онъ остался твердъ и непреклоненъ, и когда отвѣты его сейму отличались истиннымъ достоинствомъ и силою слова. «Вамъ пристало бы не о томъ просить меня — сказалъ онъ однажды, — чтобы я нарушилъ обѣтъ моей женѣ, но о томъ, чтобы я держалъ свое слово, данное кому бы то ни было. Я поклялся ей и не покину ея, пока живъ; честь мнѣ дороже всѣхъ королевствъ на свѣтѣ». Твердость короля, наконецъ, взяла верхъ: мало-по-малу оппозиція ослабѣла; чему много содѣйствовала абсолютная власть Августа въ своемъ наслѣдственномъ государствѣ Русско-Литовскомъ и опасенія поляковъ за свою унію съ симъ государствомъ. Августъ не только отстоялъ законность своего брака, но и настоялъ на томъ, чтобы, спустя два года, Варвара была торжественно коронована въ Краковѣ архіепископомъ-примасомъ Дзежговскимъ, при чемъ самъ Кмита исполнялъ обязанности маршалка.

Прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ этой коронаціи, и молодая королева скончалась на рукахъ своего супруга (въ концѣ апрѣля 1551 года). Незадолго передъ ея смертію Бона примирилась съ нею въ присутствіи всего королевскаго двора. Но это примиреніе считали неискреннимъ; мало того, послѣ упорно держалась молва, будто злая свекровь отравила свою невѣстку. По другому извѣстію, Варвара умерла отъ тяжкой болѣзни, рака въ груди, который развился у нея отчасти вслѣдствіе помянутыхъ выше безпокойствъ и огорченій, отчасти по причинѣ снадобій, которыя она принимала изъ рукъ знахарокъ, чтобы доставить своему супругу столь желаннаго наслѣдника престола. Изъ Кракова тѣло ея перевезли въ Вильну, гдѣ погребли при каѳедральномъ храмѣ въ королевскомъ склепѣ,

рядомъ съ первой женой Августа, Елизаветой. Король первое время былъ сильно пораженъ смертью пламенно-любимой супруги и навсегда сохранилъ нѣжное чувство къ ея памяти, что̀ однако не помѣшало ему отдаться своему влеченію къ женщинамъ и вообще къ распущенной жизни. Отъ такой жизни не отвлекла его и третья супруга, на которой успѣла его женить королева Бона (въ 1553 г.). Эта супруга была никто иная, какъ Екатерина, вдова герцога Мантуанскаго, родная сестра первой его жены Елизаветы, т. е. дочь императора Фердинанда Габсбурга. Извѣстно, что для Австріи то была эпоха обильныхъ своими послѣдствіями браковъ, когда сложилось пресловутое изреченіе (Alii bella gerant, tu felix Austria nube), когда австрійскіе Габсбурги этими браками пріобрѣли себѣ короны Чешскую и Венгерскую и старались тѣсно привязать къ своимъ интересамъ государство Польско-Литовское, самое значительное славянское государство того времени. Австрійскій дворъ самъ хлопоталъ о новомъ брачномъ союзѣ съ послѣднимъ Ягеллономъ и потому не мало подстрекалъ преданную себѣ Бону въ ея преслѣдованіи несчастной Варвары. Но Бона не долго наслаждалась плодами своихъ интригъ и козней. Ея итальянскіе фавориты (Папагоди и Бранкачіо), опасаясь со смертью старой королевы очутиться посреди чуждаго и враждебнаго общества, убѣдили ее покинуть Польшу со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ и для поправленія своего ослабѣвшаго здоровья воротиться подъ родное небо Италіи. Несмотря на просьбы сына и дочерей и сопротивленіе вельможъ, старуха дѣйствительно уѣхала, увозя съ собою накопленныя ею огромныя богатства, состоявшія изъ звонкой монеты, золота, серебра, дорогихъ камней и всякой утвари, для перевозки которыхъ пришлось употребить до 500 упряжныхъ коней. Она поселилась въ своемъ наслѣдственномъ владѣніи, городѣ Барѣ. Но уже въ слѣдующемъ 1557 году Бона умерла, какъ говорятъ, сдѣлавшись въ свою очередь жертвою отравы со стороны коварнаго любимца (Папагоди), который хотѣлъ воспользоваться ея богатствами. По ея подлинному завѣщанію эти богатства должны были перейти къ ея дѣтямъ; но любимецъ представилъ подложное завѣщаніе, сдѣланное въ его пользу; причемъ ему помогло покровительство владѣвшаго тогда неаполитанскою короною Филиппа II Испанскаго, съ которымъ онъ подѣлился наслѣдствомъ. Вопросъ о возвратѣ этого наслѣдства или о такъ наз. «неаполитанскихъ суммахъ» потомъ долго и тщетно занималъ польское правительство, ибо наслѣдники Ягеллоновъ отказались отъ нихъ въ пользу Рѣчи Посполитой.

Третій бракъ Августа былъ также несчастливъ и также безплоденъ, какъ и первый. Наскучивъ надменной, болѣзненной нѣмкой, не хотѣвшей знать ни польскаго языка, ни польскихъ обычаевъ, король завелъ дѣло о разводѣ съ нею подъ предлогомъ ея неплодія, такъ какъ государство нуждалось въ наслѣдникѣ. Не добившись отъ папы формальнаго развода, Августъ наконецъ убѣдилъ Австрійскій дворъ взять къ себѣ обратно Екатерину. Но она не доѣхала до Вѣны и съ горя умерла на дорогѣ (1567). Очевидно какой-то злой рокъ тяготѣлъ надъ домомъ Ягеллоновъ, отказывая имъ въ продолженіи потомства ([24]).

Три весьма важныя событія ознаменовали царствованіе послѣдняго Ягеллона въ Польшѣ и западной Руси: 1) такъ называемая Ливонская война съ Москвою и раздѣлъ земель Ливонскаго ордена; 2) необычайные успѣхи реформаціи въ Польшѣ и Литвѣ, и 3) Люблинская унія.

Послѣ Сигизмунда I, реформація не только не находила болѣе препятствія, но и получила полную свободу, благодаря вѣротерпимости или точнѣе религіозному равнодушію его преемника; а потому начала быстро распространяться какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Сигизмундъ-Августъ держалъ при себѣ реформатскихъ проповѣдниковъ и собиралъ въ своей библіотекѣ протестантскія сочиненія. Сами главные реформаторы, т. е. Лютеръ, Кальвинъ, Меланхтонъ, Цвингли, посвящали ему свои книги и входили съ нимъ въ переписку. Одно время король даже задумалъ было стать во главѣ церковной реформы въ своемъ государствѣ и обратился къ папѣ Павлу IV съ просьбою дозволить богослуженіе на народномъ языкѣ, причащеніе подъ обоими видами, бракъ священниковъ и т. п.; для чего хотѣлъ созвать національный соборъ. Но, благодаря хитрому образу дѣйствія папскаго нунція Липпомани и въ особенности недостатку собственной энергіи, король потомъ оставилъ свои реформаторскіе планы. Въ Вильнѣ и другихъ главныхъ городахъ Литвы и Западной Руси, какъ и въ Польшѣ, проживало значительное количество нѣмецкихъ колонистовъ: а потому ученіе Лютера распространялось преимущественно между купцами, мѣщанами и ремесленниками. Гораздо болѣе успѣха имѣлъ кальвинизмъ, который пришелся по вкусу шляхетскому сословію и въ Польшѣ, и въ Литвѣ. Въ послѣдней онъ обязанъ своими успѣхами въ особенности извѣстному вельможѣ Николаю Ради-

вилу Черному, который познакомился съ этимъ ученіемъ еще въ юности, во время своего заграничнаго образованія. Будучи родственникомъ короля по своей двоюродной сестрѣ Варварѣ, получивъ отъ него важнѣйшія должности великаго маршала и канцлера литовскаго вмѣстѣ съ обширными имѣніями, онъ свое вліяніе и свои богатства употребилъ на утвержденіе и распространеніе Кальвинскаго ученія. Въ 1553 году Радивилъ открыто принялъ это ученіе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и слугами, и учредилъ протестантское богослуженіе въ своемъ загородномъ домѣ, въ виленскомъ предмѣстьѣ Лукишкахъ; а потомъ, съ позволенія короля, воздвигъ каменный евангелическій соборъ въ самомъ городѣ на Бернардинской площади. Разсказываютъ, что Радивилъ просилъ Сигизмунда-Августа посѣтить богослуженіе въ этомъ новомъ храмѣ, и тотъ отправился верхомъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Но предувѣдомленный о томъ латинскій епископъ вышелъ съ своимъ клиромъ и со крестами; схватилъ королевскаго коня за узду, со словами «предки Вашего Величества ѣздили на молитву не этою дорогою», и, упавъ на колѣна со всѣмъ духовенствомъ, умолилъ короля направиться въ католическій костёлъ. Тѣмъ не менѣе дѣятельность Радивила продолжалась безпрепятственнно. Онъ устроилъ такіе же евангелическіе храмы и при нихъ школы въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ, въ Несвижѣ, Олыкѣ, Клецкѣ, Брестѣ, Биржахъ и пр.; призывалъ въ нихъ изъ Польши извѣстныхъ своей ученостью пасторовъ (Чеховича, Вендраговскаго, Симона Буднаго, Крыжковскаго и др.); завелъ въ Несвижѣ типографію для печатанія кальвинскихъ книгъ; на его счетъ былъ изданъ въ Брестѣ новый исправленный переводъ Библіи на польскій языкъ. Примѣру Радивила послѣдовали и нѣкоторыя другія знатныя литовско-русскія фамиліи, равно католическія и православныя, находившіяся съ нимъ въ родственныхъ связяхъ или заискивавшія его покровительства. Такъ перешли въ протестантизмъ: Кишки, Ходкѣвичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Пацы, Воловичи, Огинскіе, Горскіе и др. А мелкая шляхта естественно шла за знатными вельможами, отъ которыхъ часто зависѣла въ имущественномъ отношеніи. Реформаторское движеніе увлекло многихъ православныхъ. А католичество понесло въ Литвѣ и Жмуди такой разгромъ, что едва не было совсѣмъ уничтожено этимъ бурнымъ потокомъ. Но именно легкость и быстрота, съ какими распространялась реформація въ Польшѣ и Литвѣ, свидѣтельствовали о ея поверхностномъ вліяніи, лишенномъ глубины и силы,

вызванномъ скорѣе модою и подражаніемъ, нежели внутреннею, народною потребностью.

Сильный ударъ реформаціи въ Литвѣ и Западной Руси нанесла преждевременная смерть Николая Чернаго, который скончался въ 1565 году, еще не достигнувъ преклонныхъ лѣтъ. Хотя послѣ него во главѣ литовской реформаціи сталъ его двоюродный братъ Николай Рыжій, великій гетманъ литовскій и воевода виленскій, но его дѣятельность не была также энергична и успѣшна. Еще большій вредъ дѣлу реформаціи причинили расколы, возникшіе въ ея средѣ, и преимущественно аріанская секта. Эта секта отрицала троичность Лицъ и божество Христа; почему ея члены назывались унитаріями или антитринитаріями, а по имени своихъ учителей итальянцевъ Фавста и Лелія Социновъ (послѣдователей извѣстнаго испанскаго врача Михаила Серведа) также и социніанами. Аріанская ересь распространилась особенно въ Малой Польшѣ въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія, откуда проникла въ Литву. Въ послѣдней однимъ изъ первыхъ ея открытыхъ проповѣдниковъ явился Петръ изъ Гонёндза (мѣстечко въ Подляхіи), учившійся въ Краковскомъ и германскихъ университетахъ. Тщетно кальвинскіе пасторы возставали противъ сей ереси; изъ ихъ собственной среды явились ея послѣдователи и проповѣдники, каковыми были, напримѣръ, итальянецъ Бландрата, рекомендованный Радивилу самимъ Кальвиномъ, а также помянутые выше Чеховичъ, Вендраговскій и Симонъ Будный. Литовскіе социніане нашли себѣ даже сильнаго покровителя между вельможами въ лицѣ виленскаго каштеляна Яна Кишки, владѣвшаго громадными имуществами. Подобно Радивилу, онъ не щадилъ издержекъ для собиранія социніанскихъ проповѣдниковъ, заведенія типографій и печатанія книгъ въ своихъ имѣніяхъ. Кальвинисты, съ Николаемъ Чернымъ во главѣ, сильно вооружились противъ аріанской ереси и собирали соборы для ея осужденія; но аріанство продолжало распространяться въ Литовской Руси, въ Галиціи и на Волыни, увлекая многихъ кальвинистовъ и православныхъ. Неожиданное и важное подкрѣпленіе получило оно изъ Московской Руси въ лицѣ извѣстнаго еретика Ѳеодосія Косаго, бѣжавшаго изъ Москвы съ товарищами послѣ собора 1554 года. Ѳеодосій имѣлъ такой успѣхъ въ Литовской Руси, что писавшій противъ него инокъ Зиновій замѣтилъ: «востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ, западъ Мартиномъ Нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву Косымъ». Замѣчаніе конечно преувеличенное. Когда социніан-

ство распространилось и укрѣпилось, то само оно въ свою очередь распалось на разныя ученія или толки; особенно предметомъ разногласія служило крещеніе младенцевъ: одни допускали его, а другіе отвергали и признавали дѣйствительность крещенія только для взрослыхъ. Развитіе этой крайней реформатской секты не только остановило успѣхи кальвинизма, но и отторгло отъ него значительную часть послѣдователей, и заставило кальвинскія общины вмѣсто борьбы съ католицизмомъ терять свои силы на борьбу съ общинами социніанскими. Этими обстоятельствами вскорѣ отлично воспользовались новые борцы, выступившіе на защиту папства, т. е. іезуиты. Самъ король подъ конецъ жизни, одолѣваемый болѣзнями — слѣдствіемъ его распущенной, неумѣренной жизни,—совершенно охладѣлъ къ вопросамъ церковной реформы и даже сталъ помогать успѣхамъ католической реакціи въ своемъ государствѣ. ([25]).

Обратимся теперь къ Люблинской уніи.

По мѣрѣ того какъ бездѣтный Сигизмундъ-Августъ приближался къ старости и ясно становилось, что вмѣстѣ съ нимъ должна угаснуть литовско-польская династія Ягеллоновъ, все болѣе и болѣе выдвигался тревожный вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ единенія Польши съ Литвою. Начиная съ Казиміра IV, Литва и Польша фактически уже болѣе ста лѣтъ имѣли одного государя, за исключеніемъ короткаго промежутка (при Янѣ Альбрехтѣ и Александрѣ). Въ особенности два такія продолжительныя царствованія, какъ Казиміра IV и Сигизмунда I, много содѣйствовали тѣсному сближенію обѣихъ половинъ соединеннаго государства или, вѣрнѣе, подчиненію литовско-русскихъ земель польскому вліянію. Сигизмундъ I еще при жизни своей короновалъ своего сына и великимъ княземъ Литвы, и королемъ Польши, чтобы обезпечить ему наслѣдованіе въ обѣихъ странахъ и вмѣстѣ упрочить ихъ политическое единство. Это единство, доказавъ на дѣлѣ свою пользу въ случаяхъ борьбы съ сильными сосѣдями, составляло теперь насущную и взаимную потребность обѣихъ странъ. Но отношенія ихъ къ вопросу о самой формѣ единства были различны. Межъ тѣмъ какъ литовскіе чины довольствовались однимъ внѣшнимъ союзомъ или чисто личной уніей, т. е. совмѣщеніемъ обѣихъ коронъ на одной головѣ, и старались удержать свою самостоятельность во внутреннихъ дѣлахъ, поляки, наоборотъ, стремились къ полному слiянію обѣихъ странъ въ одно государственное тѣло съ общими правами и учрежденіями.

Въ сущности, они стремились къ господству въ обширныхъ и благодатныхъ литовско-русскихъ земляхъ. Отсюда въ царствованіе послѣдняго Ягеллона происходитъ любопытная и дѣятельная борьба, исходъ которой, впрочемъ, не трудно было предвидѣть, если съ одной стороны взять въ разсчетъ замѣчательное единодушіе поляковъ въ этомъ дѣлѣ, а съ другой—отсутствіе единодушія между чинами собственно литовскими и западно-русскими и недостатокъ политическаго центра, около котораго они могли бы сосредоточиться. Сама Ягеллоновская династія ополячилась и еще ранѣе склоняла рѣшеніе вопроса въ польскую сторону (напр. актъ уніи 1501 года, изданный королемъ Александромъ); а теперь въ лицѣ своего послѣдняго представителя явно стала на ту же сторону, чѣмъ дала ей рѣшительный перевѣсъ. Наконецъ, ничѣмъ неогражденное географическое положеніе Литовско-Русскаго государства, между Польшей и надвигавшей съ востока Москвою, заставляло его возможно скорѣе и тѣснѣе примкнуть къ первой, чтобы опереться на нее въ борьбѣ со второю.

Вопросъ объ окончательной уніи или полномъ сліяніи обѣихъ странъ неоднократно возбуждался на вольныхъ или общихъ сеймахъ; но стараніями противниковъ уніи рѣшеніе его постоянно откладывалось на будущее время. Наиболѣе важный шагъ въ этомъ дѣлѣ представляетъ Варшавскій сеймъ конца 1563 и начала 1564 года. Здѣсь поляки и литвины горячо спорили о разныхъ пунктахъ своей уніи. Подъ вліяніемъ внѣшней опасности отъ Московскаго царя и особенно утраты Полоцка, взятаго войсками Ивана IV, литвины пошли было на уступки. Но вотъ пришло извѣстіе о побѣдѣ литовскаго гетмана Радивила надъ москвитянами на берегахъ Улы; литвины сдѣлались менѣе сговорчивы, и въ особенности упорно стояли за Волынь и Подлѣсье, тогда какъ поляки требовали включенія ихъ въ земли польской короны. Сигизмундъ-Августъ на этомъ сеймѣ отрекся отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на Литовское великое княженіе въ пользу той же польской короны, и такимъ образомъ имъ обоимъ предоставилъ послѣ своей смерти вольный выборъ государя. Симъ отреченіемъ онъ хотѣлъ облегчить дѣло уніи или, какъ выразилась его декларація по сему случаю, **zwalić ten pień z drogi**. Въ дополненіе къ сему акту на томъ же сеймѣ изданъ былъ, подписанный королемъ, такъ назыв. «Варшавскій рецессъ», которымъ опредѣлены условія сліянія Литвы съ Польшею и который легъ въ основу дальнѣйшихъ переговоровъ объ этомъ

вопросѣ. Но всѣмъ подобнымъ актамъ недоставало формальнаго утвержденія со стороны литовскихъ чиновъ.

Магнаты литовскіе противились полной уніи по слѣдующимъ главнымъ причинамъ. Эти вельможи еще въ значительной степени сохраняли свое положеніе крупныхъ феодальныхъ владѣтелей въ Литвѣ; а потому, въ случаѣ уравненія правъ съ поляками, они, во-первыхъ, утратили бы свои наслѣдственныя права на участіе въ королевской радѣ или сенатѣ, такъ какъ въ Польшѣ званіе сенатора или давалось королемъ пожизненно, или было связано съ достоинствомъ епископскимъ. Во-вторыхъ, второстепенная и мелкая литовская шляхта, или такъ назыв. земяне и бояре, будучи уравнены въ правахъ съ польской шляхтой, пріобрѣтали ея льготы и вольности, а слѣдовательно получали болѣе независимое положеніе по отношенію къ своимъ феодальнымъ сеньёрамъ, т. е. къ литовскимъ магнатамъ; почему эта шляхта въ вопросѣ объ уніи тянула на сторону поляковъ, но не выступала рѣшительно противъ своихъ вельможъ, привыкши находиться у нихъ въ подчиненіи. Въ-третьихъ, литвины, равно знатные и незнатные, опасались наплыва въ свою страну поляковъ, которые стали бы перебивать у нихъ придворные и земскіе уряды и староства. Во главѣ чисто литовской партіи, противной сліянію, стоялъ тотъ же Николай Черный Радивилъ, который былъ главою литовскихъ протестантовъ. Благодаря его энергіи и личному вліянію на короля, эта литовско-протестантская партія доселѣ успѣшно отстаивала самобытность Литвы отъ польскихъ притязаній. Но въ слѣдующемъ 1565 г., какъ извѣстно, онъ умеръ, и хотя вождями ея оставались еще такія значительныя и вліятельныя лица, какъ двоюродный братъ его Николай Рыжій, староста жмудскій Янъ Ходковичъ и подканцлеръ литовскій Евстафій Воловичъ, однако дробленіе протестантовъ на секты, а вмѣстѣ и ослабленіе союза съ ними русскихъ православныхъ вельможъ, все болѣе и болѣе выступали наружу. Дѣло уніи пошло быстрѣе. Король окончательно подпалъ вліянію партіи польско-католической и принялся дѣйствовать въ пользу сліянія Литвы съ Польшею не только усердно, но и съ необычнымъ ему постоянствомъ, почти съ тою же твердостью воли, которую онъ прежде проявилъ въ вопросѣ о своемъ бракѣ съ Варварою Радивилъ. Ясно, что при его природныхъ способностяхъ, если бы онъ получилъ лучшее воспитаніе и направленіе, вмѣсто лѣниваго, изнѣженнаго человѣка, изъ него могъ бы выдти замѣчательный государь. ([26]).

Еще около трехъ лѣтъ на разныхъ сеймахъ длились переговоры и совѣщанія объ уніи. Король и польско-католическая партія порѣшили, во что бы ни стало, привести это дѣло къ окончанію на томъ вальномъ или большомъ сеймѣ, который былъ созванъ на 23 декабря 1568 года въ городѣ Люблинѣ.

Медленно и неохотно съѣзжались сюда литвины, предвидя утрату своей самобытности. Поэтому открытіе сейма состоялось только 10 января слѣдующаго 1569 года. Въ этотъ день польскіе послы представились королю; причемъ выбранный ими посольскимъ маршаломъ коронный референдарій Станиславъ Чарнковскій отъ имени пословъ говорилъ его величеству длинное и высокопарное привѣтствіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, указывалась необходимость полной уніи и выражалась надежда на немедленное ея завершеніе. Въ слѣдующіе дни польскіе сенаторы, совмѣстно съ послами, совѣщались, какимъ образомъ начать съ Литвою дѣло объ уніи, и выбрали изъ своей среды для этого дѣла нѣсколькихъ депутатовъ, въ томъ числѣ архіепископа гнѣзненскаго Уханскаго, епископа краковскаго Падневскаго и канцлера Дембинскаго. Но литовскіе сенаторы въ началѣ сейма подъ разными предлогами уклонялись отъ общихъ засѣданій съ польскими сенаторами и вели свои отдѣльныя засѣданія въ другой залѣ. На приглашеніе польскихъ сенаторовъ придти въ общую залу, въ которую двери для нихъ отперты, воевода виленскій, Николай Радивилъ, вѣжливо отвѣтилъ, что «дѣйствительно двери отперты, но ихъ преграждаетъ рѣшетка, черезъ которую мы никакъ не можемъ пройти къ вамъ, развѣ король сниметъ ее». Подъ этой мысленной рѣшеткой разумѣлись польскія посягательства на литовскую самобытность, которыя должны быть устранены королемъ; другими словами, магнаты литовскіе только тогда соглашались приступить къ переговорамъ объ уніи, когда король, подобно своимъ предшественникамъ, обяжется сохранить въ цѣлости границы Литовскаго государства (со стороны Польши) и подтвердить ихъ статутовыя права относительно того, чтобы чины, должности, аренды и наслѣдственныя пожалованія не давались чужеземцамъ (т. е. полякамъ), а давались бы только природнымъ литвинамъ и русскимъ. Сообразно съ симъ, литовцы представили сейму письменное заявленіе о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ они согласны заключить унію: 1) Свободный выборъ государя общимъ сеймомъ, который долженъ происходить гдѣ-либо на границѣ Литвы съ Польшею. 2) Отдѣльное коронованіе его въ Краковѣ королевскою, а въ Вильнѣ великокняже-

скою короною, вмѣстѣ съ присягою на сохраненіе литовскихъ привилегій. 3) Оборона обоихъ соединенныхъ государствъ общими силами. 4) Вальные сеймы должны происходить по очереди то въ Польшѣ, то въ Литвѣ. 5) Отдѣльные высшіе чины и должности сохраняются въ Литвѣ неприкосновенно. 6) Поляки въ Литвѣ и литвины въ Польшѣ могутъ пріобрѣтать движимое и недвижимое имущество, но всякія свѣтскія и духовныя должности и земскіе уряды въ Литвѣ могутъ занимать только ея уроженцы. 7) Монета отдѣльная, но одинаковой стоимости, и пр. Къ своему заявленію литовцы приложили выписки изъ привилегій, данныхъ имъ великими князьями Казиміромъ (1452), Александромъ (1492), Сигизмундомъ I (1506 и 1529) и Сигизмундомъ-Августомъ (по второму статуту). Въ этихъ выпискахъ повторялось обязательство не умалять великое княжество Литовское ни въ его достоинствѣ и прерогативахъ, ни въ его границахъ. При семъ литовцы просили поляковъ, чтобы тѣ также письменно изложили имъ свой проектъ уніи. Просьба эта повела ко многимъ и весьма оживленнымъ пререканіямъ между польскими сенаторами и послами.

Сенаторы, съ своей стороны, составили отвѣтную записку, въ которой указывали на другіе акты и привилегіи прежняго времени, преимущественно на Городельскую унію Ягелла и Витовта, на привилегіи Александра 1501 года и на Варшавскій рецессъ 1564 года, на основаніи которыхъ и сочинили проектъ слiянiя Литвы съ Польшею. Но въ посольской избѣ эта записка вызвала сильное разногласіе: одни соглашались на нее; другіе не хотѣли давать никакого письменнаго отвѣта литовцамъ; называя такую переписку проволочкою времени, они требовали, чтобы литовцы сами являлись въ общія засѣданія и здѣсь непосредственно совѣщались объ уніи, къ чему хотѣли принудить ихъ съ помощью короля; третьи, по своему усмотрѣнію, передѣлывали сенаторскій проектъ. Въ засѣданіи 8 февраля, когда посольскій маршалъ Чарнковскій склонялъ пословъ согласиться на проектъ сенаторовъ, краковскій писарь Кмита прервалъ его и началъ говорить, что на томъ останется пятно, кто желаетъ записи. Произошелъ шумъ; чтобы водворить тишину, Чарнковскій стучалъ своимъ жезломъ. «Не стучи палкой,—закричалъ Кмита;—у меня есть сабля противъ этой палки». Маршалъ вскочилъ съ мѣста, говоря: «достанемъ и саблю», и бросилъ жезлъ. Поднялось большое и продолжительное смятеніе. Когда оно успокоилось, стали собирать голоса, но по разногласію не могли прид-

ти къ какому-либо рѣшенію; съ тѣмъ и пошли на верхъ, въ сенаторскую палату. Тутъ сенаторы стали упрекать ихъ въ упорствѣ, въ неуваженіи къ сенату, въ напрасной тратѣ времени и въ стремленіи «все утверждать на своихъ головахъ» (т. е. все рѣшать самовольно, безъ сената). А краковскій епископъ сказалъ имъ: «вы шесть лѣтъ рядили дѣлами (вмѣсто сената). Горько намъ отъ вашего ряду!» Споры о записи продолжались и въ слѣдующіе дни; послы не однажды безъ всякаго окончательнаго рѣшенія ходили на верхъ къ сенаторамъ и заводили съ ними пререканія. Сенаторы, въ свою очередь, продолжали сѣтовать на ихъ упорство. Такъ, однажды, сендомірскій воевода Петръ Зборовскій произнесъ, между прочимъ, слѣдующія пророческія слова: «Всѣ мы (сенаторы) и многіе изъ пословъ согласились на одно, а нѣсколько человѣкъ протестуетъ! Это самый дурной примѣръ! Если кто впослѣдствіи пожелаетъ чего-либо наилучшаго и на его сторону склонится самое большое число пословъ, а нѣсколько человѣкъ вдругъ выскочитъ и станетъ протестовать, то такъ и придется оставить доброе дѣло! Господа, дурно это!» Однако споры продолжались. Наконецъ, утомясь ими, 12 февраля послы согласились, чтобы литовцамъ были предоставлены всѣ относящіяся до уніи привилегіи стараго времени, особенно Александрова грамота 1501 г. и Варшавскій рецессъ 1564 г., а также и запись или проектъ уніи, составленный согласно старымъ привилегіямъ. Затѣмъ пригласили литовскихъ сенаторовъ, и тутъ епископъ краковскій, отъ имени польскаго сената, держалъ къ нимъ пространную отвѣтную рѣчь. Онъ указывалъ на прежніе договоры и клятвы относительно уніи и вообще прослѣдилъ почти всю ея исторію со временъ Ягелла; напиралъ на то, что съ тѣхъ временъ Литва устроивалась по образцу Польши, а если и бывали отдѣльные великіе князья въ Литвѣ, то они въ сущности являлись пожизненными намѣстниками польскихъ королей, и что предки литвиновъ всегда признавали унію.

На эту рѣчь виленскій воевода Радивилъ замѣтилъ, что она длинна и краснорѣчива, запомнить ее трудно, а потому просилъ сообщить ее на бумагѣ. Староста жмудскій Ходковичъ, намекая на королевскій актъ отреченія 1564 г., выразился иронически: «Если мы вамъ подарены, то къ чему же вамъ еще унія съ нами?» На это Радивилъ горячо возразилъ, что они люди вольные и никто подарить ихъ не могъ. «Господамъ полякамъ — прибавилъ онъ — Литва дарила собакъ, жеребцовъ, маленькихъ жмудскихъ лошадей, а не насъ.

свободныхъ людей. Наши вольности мы пріобрѣли нашею кровью». Литовскіе сенаторы удалились въ свою залу засѣданія. По ихъ просьбѣ, польскіе сенаторы обѣщали прислать имъ рѣчь епископа краковскаго, когда она будетъ написана, а теперь сообщили имъ запись или свой проектъ уніи. Авторомъ его былъ тотъ же епископъ краковскій Падневскій; но проектъ этотъ подвергся нѣкоторымъ исправленіямъ со стороны земскихъ пословъ. Главные пункты его были слѣдующіе: король польскій избирается общими голосами Польши и Литвы, но избирается только въ Польшѣ. Онъ будетъ муропомазанъ и коронованъ въ Краковѣ, а особое избраніе и возведеніе на литовскій престолъ прекращается. Вальный сеймъ—одинъ общій; сенатъ также, монета также. Полякъ въ Литвѣ и литвинъ въ Польшѣ можетъ занимать какія угодно должности и пріобрѣтать какое угодно имущество. Но на Литву не простирается экзекуція касательно столовыхъ королевскихъ имѣній, пожалованныхъ во временное владѣніе. Въ отвѣтѣ своемъ на этотъ проектъ литовскіе сенаторы по поводу предлагаемой имъ братской уніи и любви, откровенно говорили: «Если слить Литовское княжество съ королевствомъ, то не будетъ никакой любви, потому что въ такомъ случаѣ Литовское княжество должно поникнуть передъ Польшей, литовскій народъ долженъ былъ бы превратиться въ другой народъ, такъ что не могло быть никакого братства. Тогда бы недоставало одного изъ братьевъ, т. е. литовскаго народа, что явно изъ самой записки вашей, господа, данной намъ». «Crescit Ausonia Albae ruinis». Далѣе литовцы вновь излагаютъ свои вышеприведенные пункты, на которыхъ должна быть основана унія. При семъ, въ отпоръ противному мнѣнію, что со времени Ягелла литовскіе великіе князья были только пожизненными намѣстниками польскихъ королей, они стараются доказать, что Ягеллоны были не просто наслѣдственными государями Литвы, а подвергались избранію жителями великаго княжества; что власть ихъ въ Литвѣ отнюдь не была неограниченная, потому они при своемъ возведеніи на литовскій престолъ присягали сохранять права и привилегіи княжества, чего, обыкновенно, не дѣлаетъ наслѣдственный (и абсолютный) государь.

Отвѣтъ литовцевъ произвелъ неодинаковое впечатлѣніе на польскихъ сенаторовъ и на пословъ. Межъ тѣмъ какъ первые сохраняютъ болѣе мягкій и умѣренный тонъ и желаютъ вести переговоры далѣе, послѣдніе выказываютъ болѣе горячности и настаиваютъ на прекращеніи подобныхъ безплодныхъ переговоровъ и на

прямомъ вмѣшательствѣ королевской власти, которая приказала бы литвинамъ занять свои мѣста на общемъ сеймѣ и просто принудила бы ихъ къ уніи. При семъ самыми ревностными сторонниками уніи являются послы Русскаго воеводства, т. е. галичане, съ перемышльскимъ судьею Орѣховскимъ во главѣ: понятно, что, разъ включенные въ составъ польской короны, они желаютъ имѣть въ тѣсномъ единеніи съ собою и другія русскія земли, а не быть отдѣленными отъ нихъ государственною границею. На сеймѣ пока еще не выступаетъ открыто вопросъ о присоединеніи Волыни къ землямъ польской короны, чтобы сразу не испугать литвиновъ; но вопросъ этотъ уже обсуждается въ закрытыхъ засѣданіяхъ. Литовцы хотя сами въ нихъ не участвуютъ, но очевидно получаютъ свѣдѣнія о всемъ, что происходитъ на сеймѣ: посему сенаторы польскіе нѣкоторыя свои совѣщанія облекаютъ особою таинственностью. Тѣ же мѣры, по желанію короля, предписаны и посольской избѣ, т. е. воспрещенъ доступъ въ нее постороннимъ лицамъ. Но въ свою очередь, хотя король дѣйствуетъ за одно съ поляками, однако нѣкоторые литовскіе вельможи продолжаютъ пользоваться его благосклонностью, каковы Радивилъ, Ходковичъ и Воловичъ. Литовскіе сенаторы иногда пріѣзжаютъ къ королю для тайныхъ совѣщаній.

Тщетно поляки продолжаютъ указывать на унію короля Александра и на Варшавскій рецессъ: литвины не признаютъ этихъ актовъ, говоря, что они были изданы безъ согласія литовскихъ чиновъ. По настоянію посольской избы, король наконецъ, 28 февраля, въ понедѣльникъ, посылаетъ приказъ, чтобы литовскіе сенаторы заняли свои мѣста въ сенатѣ вмѣстѣ съ поляками и литовскіе послы въ посольской избѣ. На этотъ приказъ виленскій воевода Радивилъ отвѣтилъ: «если поѣдемъ, то къ королю, а не къ польскимъ сенаторамъ». То же отвѣтилъ жмудскій староста Ходковичъ. Князь Василій Острожскій, воевода кіевскій, сказалъ: «Сегодня не можемъ собраться, потому что послы наши стоятъ по деревнямъ». Однако всѣ согласились пріѣхать въ замокъ завтра, т. е. во вторникъ, 1 марта. Но утромъ этого дня, когда польскіе сенаторы и послы собрались въ своихъ палатахъ и ожидали прибытія литвиновъ, вдругъ пришло извѣстіе, что сіи послѣдніе ночью внезапно покинули Люблинъ и разъѣхались.

Представители Литвы очевидно разсчитывали своимъ удаленіемъ смутить короля, разстроить сеймъ и затормозить дѣло уніи или за-

ранѣе не признать законнымъ все, что будетъ постановлено въ этомъ смыслѣ при ихъ отсутствіи. Но они на сей разъ жестоко ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Напротивъ, пока велись съ ними переговоры, поляки, особливо сенаторы, дѣйствовали довольно мягко, съ соблюденіемъ правилъ вѣжливости и предупредительности по отношенію къ своимъ литовскимъ товарищамъ. Теперь же наоборотъ и сенаторы, и самъ король съ большею энергіей принялись приводить въ исполненіе намѣченные планы, находясь подъ сильнымъ давленіемъ посольской избы, которая настойчиво понуждала ихъ къ дѣйствію, горячо протестовала противъ всякихъ уступокъ и проволочекъ и совѣтовала поступать съ уѣхавшими безъ королевскаго разрѣшенія литовцами какъ съ мятежниками. Нѣкоторые послы предлагали даже принять военныя мѣры, послать къ татарамъ, чтобы отклонить ихъ отъ союза съ Литвою, а въ случаѣ дальнѣйшаго ея упорства, собрать посполитое рушеніе и оружіемъ принудить ее къ уніи. Но подобныя предложенія вызвали вопросъ о сборѣ денегъ на войско со шляхетскихъ имѣній, что̀ немедленно охладило рвеніе къ военнымъ предпріятіямъ. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующіе за отъѣздомъ литовцевъ дни состоялась весьма важная и рѣшительная мѣра: Подлѣсье и Волынь отдѣлены отъ Литвы и присоединены къ землямъ польской короны. Въ королевскомъ универсалѣ по сему поводу говорилось впрочемъ не о присоединеніи, а о «возвращеніи» ихъ Польскому королевству отъ в. княжества Литовскаго, которое владѣло Подлѣсьемъ и Волынью будто бы «не по какому-либо законному праву», а просто по снисхожденію польскихъ государей.

Оказалось, что не всѣ литовскіе сенаторы и послы уѣхали изъ Люблина. Нѣкоторые еще оставались, особенно подлѣсяне, которые и получили отъ короля приказаніе немедленно занять свои мѣста на сеймѣ между поляками, принеся указанную присягу польскому королю. Они повиновались, но просили при семъ не требовать отъ нихъ немедленной присяги, пока не будутъ обдуманы мѣры для защиты ихъ отъ мести литовскихъ сенаторовъ. Просьба эта не была уважена, и подлѣсяне, хотя неохотно, присягнули. Одинъ изъ нихъ, писарь литовскій, староста мѣльницкій Матпшекъ, попытался было уклониться, говоря, что онъ уже присягалъ королю, какъ великому князю литовскому, и что не годится присягать вторично и притомъ другому государству; но король, по настоянію польскихъ сенаторовъ и пословъ, погрозилъ отнять у него мѣльницкое староство, и Матпшекъ присягнулъ. Вообще староства и другія времен-

ныя королевскія пожалованія явились въ рукахъ польско-католической партіи могущественнымъ орудіемъ для проведенія уніи. Однако этой партіи пришлось не мало хлопотать и настаивать передъ королемъ, когда дошелъ чередъ до такого высокаго сановника, какъ Евстафій Воловичъ, литовскій подканцлеръ и притомъ одинъ изъ главнѣйшихъ противниковъ уніи. Онъ держалъ нѣсколько староствъ въ Подлѣсьѣ, и посольская изба потребовала, чтобы Воловичъ также принесъ присягу. Король не считалъ его къ тому обязаннымъ; нѣкоторые сенаторы также возражали, говоря, что «онъ держитъ староство не съ судомъ, а простое», и устами архіепископа гнѣзненскаго объявили его свободнымъ отъ присяги. Но послы упорно стояли на своемъ. Посредствомъ своего маршала Чарнковскаго они отвѣчали слѣдующее:

«Милостивый архіепископъ! Припомните: когда присоединялись къ королевству Прусская земля и Мазовецкое княжество, то присягали всѣ должностныя лица—сановники, державцы, шляхта, города, хотя на счетъ ихъ вѣрности не было никакихъ сомнѣній, а господинъ Евстафій — главный виновникъ расторженія уніи, потому что однихъ пословъ выслалъ отсюда, а другимъ, которые остались здѣсь, дѣлалъ угрозы. И эта подозрительная личность не будетъ присягать! Сохрани Богъ!» «Это оскорбило бы тѣхъ, которые уже приняли присягу. Тогда вышло бы то, что говорится въ пословицѣ: оводъ пробился чрезъ паутину, а мухи завязли».

Одинъ изъ пословъ (староста Радлѣвскій) указывалъ прямо на то, что примѣръ Воловича будетъ имѣть большое вліяніе на другихъ, смотря по тому, принесетъ онъ присягу или не принесетъ. Послѣ разныхъ препирательствъ съ послами, сенаторы уступили имъ и порѣшили, что Воловичъ долженъ принести присягу. Согласился и король съ этимъ рѣшеніемъ, но чрезъ канцлера Дембинскаго обратился къ посламъ съ просьбою, чтобы относились къ Воловичу, какъ къ человѣку важному и высокопоставленному, съ уваженіемъ и подобающею вѣжливостью. Когда его призвали на сеймъ и объявили ему королевское рѣшеніе о принесеніи присяги, Воловичъ отвѣчалъ, что онъ уже приносилъ присягу великому княжеству Литовскому и что его три подлѣсскія староства приписаны къ замку Берестью—слѣдовательно принадлежатъ къ великому княжеству. На повторительныя требованія присяги, онъ продолжалъ оспаривать ея законность, а также законность присоединенія Подлѣсья къ коронѣ; просилъ короля не входить съ нимъ въ судъ и

ссылался на отсутствіе товарищей для рѣшенія столь важнаго дѣла. Канцлеръ, дававшій ему отвѣты отъ имени короля и сената, объявилъ, что у него будутъ отобраны подлѣсскія староства. Воловичъ однако не уступалъ и былъ отпущенъ изъ засѣданія. Но посольская изба послѣ того не хотѣла обсуждать никакихъ дѣлъ, пока Воловичъ не принесетъ присягу или у него не будутъ отняты имѣнія, а также пока не будутъ ограждены подлѣсяне, принесшіе присягу; ибо литовскіе сенаторы разослали на Подлѣсье и Волынь грамоты съ приказаніемъ собираться на войну подъ опасеніемъ потери имѣнія. Въ особенности смущалъ ихъ своими жалобами одинъ изъ подлѣсянъ, нѣкій староста Ласицкій, который имѣлъ въ Литвѣ землю по сосѣдству съ жмудскимъ старостой Ходковичемъ, и выражалъ опасенія за свою жизнь и имущество со стороны этого сильнаго и мстительнаго сосѣда. Король успокоилъ пословъ обѣщаніемъ раздать староства Воловича другимъ лицамъ; а на Волынь и Подлѣсье поспѣшили разсылкою королевскихъ универсаловъ въ отпоръ грамотамъ литовскихъ сенаторовъ. Универсалы эти, возвѣщая о возсоединеніи Подлѣсья и Волыни съ короною, повелѣвали сенаторамъ и посламъ сихъ земель, уѣхавшимъ изъ Люблина, немедля воротиться и занять свои мѣста на общемъ сеймѣ; при чемъ симъ областямъ обѣщана свобода отъ экзекуціи. Ослушникамъ изъ сенаторовъ грозили лишеніемъ должностей и староствъ, а изъ пословъ тѣми наказаніями, которыя будутъ постановлены на сеймѣ.

Въ то же время велись переговоры и съ находившимися въ Люблинѣ прусскими сенаторами и послами, т. е. представителями западной Пруссіи, чтобы они заняли мѣста на сеймѣ вмѣстѣ съ польскими сенаторами. Пруссаки отказывались, ссылаясь на свои привилегіи, по которымъ они имѣли свои особые сеймы. Однако по настоянію поляковъ и получивъ повелѣніе короля, пруссаки явились на сеймъ и заняли свои мѣста какъ въ сенатѣ, такъ и въ посольской избѣ; но при семъ дѣлали разныя протестаціи, ссылаясь на ограниченныя полномочія отъ своихъ согражданъ; а потомъ пруссаки перестали являться на засѣданія посольской избы. Очевидно Люблинскій сеймъ имѣлъ объединительную задачу въ смыслѣ государственномъ, по отношенію не къ одной Литвѣ и юго-западной Руси.

Межъ тѣмъ польскіе послы продолжаютъ показывать нетерпѣніе; нерѣдко они отказываются обсуждать какіе-либо другіе вопросы, пока не рѣшено дѣло уніи. Они требуютъ, чтобы представители

Подлѣсья и Волыни, не воротившіеся на сеймъ, были лишены должностей и староствъ и подвергнуты экзекуціи, т. е. провѣркѣ документовъ на владѣніе и отобранію имѣній у тѣхъ, которые не докажутъ своихъ правъ. По вопросу объ экзекуціи возникаютъ на сеймѣ многія и продолжительныя пренія, изъ которыхъ постоянно выяснялось нерасположеніе пословъ къ экзекуціи и вообще къ какимъ бы то ни было налогамъ на войско; они скорѣе предпочитаютъ собрать общее ополченіе или такъ назыв. «посполитое рушеніе», чѣмъ жертвовать деньги на содержаніе наемныхъ войскъ. Сеймъ постоянно хватается за четвертую часть доходовъ со столовыхъ имѣній, которую король жертвовалъ на войско; на этой четвертой части сеймъ хочетъ основать едва ли не всю постоянную оборону государства; онъ толкуетъ о томъ, какъ собирать ее и расходовать, гдѣ хранить и т. п. При семъ слышны постоянныя жалобы на разорительные рекуператорскіе позвы,—т. е. позвы владѣтелей этихъ имѣній къ суду для доказательства своихъ правъ или за неуплату четвертой части,—вообще жалобы на земскія неустройства и всякія неправды. «Какая польза сочинять столько конституцій?—говорятъ нѣкоторые послы:—вѣдь ни одна изъ нихъ не исполняется. Воевода не исполняетъ своей обязанности, старосты тоже, купцы тоже; пошлины (отмѣненныя) продолжаютъ существовать; дерутъ, грабятъ; ни въ чемъ нѣтъ успѣха». «У иностранцевъ сдѣлалось ходячею пословицей, что поляки страдаютъ сеймовою болѣзнію. Только пьянымъ людямъ свойственно такъ долго и неразумно дѣлать дѣла, какъ дѣлаемъ мы», и т. п.

5 апрѣля во вторникъ на сеймъ явилось посольство отъ литовскаго сената. Чтобы выслушать его рѣчь, позвали польскихъ пословъ въ сенаторскую палату. Король, показывая видъ неудовольствія на литвиновъ, отказался прибыть на засѣданіе. Тутъ представителями отъ Литвы были жмудскій староста Ходковичъ, кастелянъ витебскій Пацъ, подканцлеръ Воловичъ, крайчій Радивилъ и подчашій Кишка.

Посольство справлялъ Ходковичъ, который «по тетрадкѣ» прочелъ длинную рѣчь отъ имени своихъ товарищей, литовскихъ сенаторовъ. Послѣдніе, узнавъ о королевскихъ универсалахъ, отторгающихъ отъ Литвы Волынь и Подлѣсье, поручили означеннымъ лицамъ ходатайствовать передъ королемъ объ отмѣнѣ сихъ универсаловъ и объяснить сейму свое поведеніе, т. е. свой внезапный отъѣздъ изъ

Люблина. Изъ этихъ объясненій оказывалось, будто литовцы согласились прибыть на сеймъ для заключенія уніи потому, что имъ было обѣщано совершить ее на основаніяхъ «братской любви», при сохраненіи ихъ привилегій. Въ такомъ смыслѣ литовскіе послы получили инструкціи отъ своихъ избирателей. Восемь недѣль литвины прожили въ Люблинѣ и вели переговоры; убѣдясь, что дѣло уніи поставлено на иныхъ основаніяхъ, они не могли согласиться на нее, не имѣя на то полномочій отъ своей братіи, а потому рѣшили отложить это дѣло до другаго сейма и разъѣхаться, но не тайкомъ, а предваривъ о томъ его королевское величество. Уѣзжая, они оставили нѣкоторыхъ литовскихъ сановниковъ, именно подканцлера (Воловича) и подскарбія (Нарушевича), для своихъ сношеній съ польскимъ сенатомъ. Съ удивленіемъ услыхали литовцы объ отторженія отъ нихъ Волыни и Подлѣсья, относительно принадлежности которыхъ къ Литвѣ никогда прежде не было ни малѣйшаго сомнѣнія, и принадлежность эту всѣ государи подтверждали присягою, вступая на престолъ, въ томъ числѣ и настоящій король. Литовцы умоляютъ отмѣнить такую несправедливость. А по дѣлу уніи они просятъ не настаивать на немедленномъ ея рѣшеніи, но созвать новый сеймъ, на который литовскіе послы могли бы пріѣхать, снабженные надлежащими для того полномочіями.

Польскіе сенаторы не дали на эту рѣчь пока никакого отвѣта и попросили прислать съ нея письменную копію. Послѣ того нѣсколько дней между поляками, особенно въ посольской избѣ, шли горячія пренія о томъ, какой отвѣтъ дать на просьбу литовцевъ, т. е. на просьбу объ отсрочкѣ уніи до другаго сейма, такъ какъ присоединеніе Волыни и Подлѣсья къ коронѣ было поставлено внѣ спора. Часть пословъ согласна была на отсрочку и не желала ожидать въ Люблинѣ возвращенія литовцевъ. Побужденіе, которое ими при семъ руководило, было экономическаго свойства: эти послы, въ виду возникшихъ препятствій, т. е. упорства литвиновъ, полагали, что унія не состоится, а вмѣстѣ съ тѣмъ рушится и уплата четвертой части со столовыхъ королевскихъ имѣній, назначенной на войско, ибо эта уплата связана была съ дѣломъ уніи, такъ какъ ее слѣдовало поддержать военной силой. Но такіе эгоистическіе разсчеты владѣльцевъ столовыхъ имѣній встрѣтили сильный отпоръ со стороны большинства, которое рѣшило три недѣли ожидать возвращенія литвиновъ, не позволять имъ собирать сеймики для полученія новыхъ полномочій и вообще въ теченіе настоящаго сейма во что бы то ни стало добиться окончательной уніи.

Любопытно, что самыми усердными поборниками сего рѣшенія, явились послы отъ Подлѣсскаго воеводства, вновь присоединеннаго отъ Литвы къ коронѣ. Говорившій отъ имени сего воеводства, хорунжій Дрогицкій сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Мы не сомнѣваемся, что вы поможете намъ снять съ себя литовскую неволю, потому что мы добровольно присоединились къ вамъ ради польскихъ вольностей; да и волынцы скорѣе склонятся къ тому же, когда услышатъ, что мы получили свободу. Что же касается до того, чтобы литовцамъ созывать сеймики, то эти сеймики тамъ отбываются иначе, чѣмъ у васъ, господа. Тамъ пріѣзжаютъ на сеймикъ только воевода, староста, да хорунжій; напишутъ, что имъ вздумается, и пошлютъ къ земянину на домъ, чтобы подписалъ. Если онъ не подпишетъ, то они отдуютъ его палками. Поэтому не понимаю, какая тамъ могла бы быть надобность въ сеймикахъ? Тамъ шляхта не участвуетъ ни въ какихъ совѣщаніяхъ; тамъ сенаторы дѣлаютъ, что хотятъ. Если вы назначите имъ сеймики, то развѣ для того, чтобы протянуть имъ время, и они тамъ еще напишутъ, что даютъ посламъ ограниченную власть, чего безъ сеймиковъ не сдѣлали бы; а вы, господа, будете здѣсь даромъ жить». «Ради Бога не дайте имъ обмануть васъ».

Къ этой эпохѣ Люблинскаго сейма относится замѣчательный судебный эпизодъ. Обыкновенно рядомъ съ обсужденіемъ общегосударственныхъ дѣлъ на вальныхъ сеймахъ, король творилъ разбирательство и судъ по важнѣйшимъ и уголовнымъ процессамъ. 16 апрѣля въ субботу, Сигизмундъ-Августъ разбиралъ дѣло между жмудскимъ старостой Ходковичемъ и виленскимъ воеводичемъ Глѣбовичемъ. Этотъ Глѣбовичъ, еще очень молодой человѣкъ, при взятіи Полоцка московскими войсками, попалъ въ плѣнъ. Находясь въ заключеніи, онъ вступилъ въ договоръ съ царемъ Иваномъ и получилъ свободу, присягнувъ на слѣдующихъ условіяхъ: служить (собственно «радѣть») въ своей землѣ московскому государю; склонять нѣкоторыхъ литовскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ жмудскаго старосту, къ таковой же службѣ; постараться примирить короля съ царемъ на основаніи уступки послѣднему Полоцкаго уѣзда и всей Ливоніи; по смерти короля убѣждать литвиновъ выбрать своимъ государемъ Ивана или его сына, съ обѣщаніемъ не нарушать ихъ вольностей, судовъ и границъ и т. д. А за его освобожденіе должны быть освобождены два московскихъ знатныхъ плѣнника. Теперь Ходковичъ торжественно обвинялъ Глѣбовича въ государственной

измѣнѣ, ссылаясь на приведенные пункты заключеннаго съ московскимъ царемъ договора и на переданныя имъ письма отъ царя къ нему (т. е. Ходковичу) и другимъ сенаторамъ. Глѣбовичъ оправдывалъ свое поведеніе тѣмъ, что онъ все это сдѣлалъ притворно, чтобы избавиться отъ тяжкаго плѣна и предупредить короля о козняхъ непріятеля; что, по возвращеніи въ отечество, онъ немедленно объявилъ обо всемъ его величеству; что король принялъ его милостиво, отпустилъ за него двухъ московскихъ плѣнниковъ, приказалъ передать сенаторамъ московскія письма и написать отвѣтъ царю, и далъ Глѣбовичу оправдательный декретъ. Однако Ходковичъ не хотѣлъ принимать этихъ оправданій и продолжалъ обвинять Глѣбовича, такъ какъ послѣдній рѣшился дать царю присягу. Если онъ присягнулъ искренно, то онъ измѣнилъ, а если притворно, то онъ безчестный человѣкъ. Отсюда между Ходковичемъ и Глѣбовичемъ возникла перебранка. Послѣдній готовъ былъ выйти на поединокъ, но Ходковичъ не хотѣлъ принять поединка, пока противникъ не будетъ очищенъ отъ безчестья. Король подозвалъ сенаторовъ и, посовѣтовавшись съ ними, постановилъ отложить рѣшеніе этого дѣла до слѣдующаго вторника. Тутъ произошелъ споръ о томъ, кто долженъ во всеуслышаніе объявить это рѣшеніе: маршалъ королевства Фирлей считалъ сіе своею обязанностью, такъ какъ судъ происходилъ въ предѣлахъ королевства; а литовскій подканцлеръ Воловичъ присвоивалъ ее себѣ на томъ основаніи, что дѣло происходило между литовцами. Постановлено, чтобы объявлялъ приговоръ коронный маршалъ, а литовскій подканцлеръ стоялъ бы подлѣ него. (Окончательный приговоръ по сему дѣлу въ сеймовомъ дневникѣ не упомянутъ).

Волынцы и часть подлѣсянъ все еще не являлись на сеймъ для принесенія присяги на вѣрность Польской коронѣ; литовцы тоже медлили, хотя прошли уже назначенные имъ сроки и разныя отсрочки. Польскіе сеймовые послы волновались, сгарая желаніемъ воротиться домой, громко роптали на безконечное ожиданіе и требовали энергическихъ мѣръ противъ медлителей въ видѣ экзекуціи, лишенія должностей и староствъ. Дѣйствительно, ради острастки непокорнымъ король лишилъ должностей подлѣсскихъ воеводу и кастеляна, и должности ихъ передалъ другимъ (Кишкѣ и Косинскому), которые не медля принесли присягу коронѣ и заняли назначенныя имъ мѣста въ польскомъ сенатѣ. Въ ожиданіи дальнѣйшаго хода уніи, король занимался разными судебными процессами, тор-

жественными пріемами то леннаго прусскаго герцога, то чрезвычайнаго турецкаго посла и т. п.; а сеймъ обсуждалъ разные политическіе и экономическіе вопросы. Болѣе всего тратилось время на пренія о четвертой части столовыхъ доходовъ, о томъ, какъ ее собирать и расходовать, гдѣ хранить, какъ поступать съ тѣми столовыми имѣніями, которыя находилися въ залогѣ и т. п. Нѣкоторые наиболѣе безпокойные послы, не довольствуясь изъятіемъ изъ королевскаго пользованія помянутой четвертой части, назначавшейся на войско, поднимали вопросъ объ отобраніи у короля въ пользу Рѣчи Посполитой и остальныхъ трехъ четвертей, такъ какъ онъ не исполнилъ своего обѣщанія относительно уніи и доселѣ не привелъ ее къ концу.

Только въ 20-хъ числахъ мая волынцы начали мало-по-малу возвращаться на Люблинскій сеймъ, извиняясь передъ королемъ болѣзнями и другими причинами своего замедленія. Очевидно, по мѣрѣ его настойчивости и рѣшительныхъ мѣръ, слабѣла оппозиція дѣлу уніи со стороны литовско-русскихъ вельможъ: грозившая потеря должностей и старостствъ устрашила многихъ. Волынцы начали приносить требуемую присягу, но не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ споровъ и затрудненій. Такъ сначала они потребовали, чтобы поляки тоже съ своей стороны принесли имъ взаимную присягу. Напримѣръ, въ этомъ смыслѣ 24 мая говорилъ князь Богушъ Корецкій, староста луцкій, брацлавскій и винницкій. А за нимъ князь Константинъ Вишневецкій отъ имени волынцевъ говорилъ, что они «присоединяются къ полякамъ какъ люди вольные и свободные» и просятъ сохранить за ними ихъ старыя вольности; просятъ, чтобы ихъ княжескіе роды, «которые по своему происхожденію имѣютъ особенное положеніе и честь», не были умалены въ своей чести, и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ, такъ какъ они (волынцы) суть греческаго вѣроисповѣданія. Въ заключеніе Вишневецкій просилъ, чтобы имъ позволено было подождать съ присягою до пріѣзда другихъ братій. На всѣ эти прошенія отвѣчали сначала отъ сената архіепископъ гнѣзненскій, а потомъ самъ король въ самыхъ ласковыхъ, но общихъ выраженіяхъ, съ обѣщаніями держать новоприсоединяемыхъ при свободѣ и всѣхъ вольностяхъ. На просьбы о взаимной присягѣ поляковъ или объ отсрочкѣ присяги волынцевъ данъ былъ рѣшительный отказъ.

Когда же волынцы все-таки медлили, польскій подканцлеръ ксендзъ Красинскій воскликнулъ: «Извольте, господа, идти къ присягѣ!»

— Мы пріѣхали сюда добровольно, по принужденію ничего не дѣлаемъ—замѣтилъ Вишневецкій.

Польскіе сенаторы стали убѣждать волынцевъ; тѣ продолжали отказываться. Вмѣшался самъ король и сказалъ, чтобы ихъ оставили въ покоѣ, что тутъ никого не неволятъ, но что и онъ съ своей стороны тоже поступитъ по закону (т. е. отниметъ должности). Тогда изъ среды волынцевъ выступили два самыхъ знатныхъ человѣка: воевода волынскій князь Чарторыйскій и воевода кіевскій князь Василій Константиновичъ Острожскій. Сей послѣдній, хотя и уѣхалъ было съ сейма въ числѣ другихъ литовско-русскихъ вельможъ, но далеко не былъ усерднымъ противникомъ уніи. Напротивъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими товарищами онъ и во время отсутствія продолжалъ сноситься съ королемъ и увѣрять его въ своей преданности. Такъ на одномъ мартовскомъ засѣданіи краковскій кастелянъ Мѣлецкій заявилъ королю, что князь Острожскій уѣхалъ только по нездоровью, но что онъ пріѣдетъ, когда его величеству угодно будетъ извѣстить его. Онъ не только пріѣхалъ, но и по всѣмъ признакамъ значительно повліялъ въ смыслѣ покорности на другихъ волынскихъ вельможъ, въ томъ числѣ на своего родственника князя Чарторыйскаго. Теперь, во время пререканій о присягѣ, Острожскій сказалъ: «я наслово вѣрю моему государю во всемъ и нисколько не сомнѣваюсь, что будетъ исполнено все имъ обѣщанное». Затѣмъ онъ и Чарторыйскій припомнили королю службу свою и своихъ предковъ. Чарторыйскій при семъ прославлялъ свой родъ, указывая на его происхожденіе отъ князей литовскихъ. Послѣ того они принесли требуемую присягу; за ними присягнули князья Богушъ Корецкій и Константинъ Вишневецкій и еще нѣкоторые волынцы и подлѣсяне. По примѣру ихъ, черезъ два дня, принесли присягу трокскій воевода Збаравскій и подканцлеръ литовскій Воловичъ, какъ крупные землевладѣльцы въ Подлѣсьѣ и на Волыни. Такимъ образомъ не даромъ король щадилъ знатнаго литовскаго вельможу и хотя по настоянію поляковъ, отобралъ у него нѣкоторыя подлѣсскія имѣнія, но съ остальными выждалъ до тѣхъ поръ, пока упорство Воловича было сломлено.

Князь Острожскій также присягнулъ пока только въ качествѣ владѣтеля нѣкоторыхъ имѣній на Волыни, а не въ качествѣ воеводы кіевскаго. Но вслѣдъ затѣмъ, и вѣроятно не безъ его согласія, поднятъ былъ вопросъ о самомъ Кіевскомъ воеводствѣ.

Очевидно безпрепятственныя присоединенія западно-русскихъ

краевъ къ Рѣчи Посполитой сильно разохотили поляковъ. Поэтому на засѣданіи 28 мая посольскій маршалъ уже указывалъ королю на какія-то старыя привилегіи, по которымъ вся Кіевская земля принадлежитъ коронѣ. Точно также и на засѣданіи 1 іюня перемышльскій судья Орѣховскій въ своей рѣчи отъ имени польскихъ пословъ между прочимъ настаивалъ на давней якобы принадлежности Польшѣ Кіева, Брацлава и Винницы. Король обѣщалъ переговорить съ сенаторами о Кіевскомъ воеводствѣ. Что же касается Брацлавскаго воеводства, то Сигизмундъ-Августъ прямо объявилъ его присоединеннымъ къ королевству какъ часть Подоліи. На семъ основаніи потребована была немедленная присяга отъ брацлавскаго воеводы Романа Сангушка, который только-что прибылъ въ Люблинъ и представилъ королю нѣсколько десятковъ русскихъ плѣнныхъ и четыре пушки, взятыя въ битвѣ на Улѣ. На требованіе присяги Сангушко отвѣчалъ высокопарными словами о заслугахъ своихъ предковъ, о своей преданности государю, и въ заключеніе соглашался произнести присягу, какъ владѣтель нѣкоторыхъ имѣній на Волыни и какъ брацлавскій воевода. Только во время этой присяги онъ, ставъ на колѣна, просилъ короля, чтобы тотъ, «какъ помазанникъ Божій, положилъ на него руку и такимъ образомъ снялъ бы съ него первую присягу, которую Романъ принесъ ему какъ литовскому князю». Король исполнилъ его просьбу. За нимъ принесли присягу луцкій староста и кастелянъ Корецкій, кастелянъ брацлавскій князь Капуста и др. Знатные люди послѣ присяги немедленно занимали указанныя имъ мѣста въ польскомъ сенатѣ; такъ Сангушку посадили ниже маріенбургскаго воеводы, Корецкаго подъ кастеляномъ львовскимъ, Капусту подъ кастеляномъ равскимъ.

Затѣмъ со стороны посольской избы начались усердныя петиціи королю въ пользу присоединенія Кіева; причемъ указывали на слишкомъ открытое положеніе Волыни съ востока, т. е. со стороны москвитянъ и татаръ, откуда она доселѣ защищена была Кіевомъ, и ссылались на древнія лѣтописи, по которымъ будто бы «сей городъ трижды былъ взятъ и разграбленъ польскими королями». Однако, когда этотъ вопросъ отданъ былъ на обсужденіе сената, то нашлось нѣсколько сенаторовъ, въ томъ числѣ епископъ краковскій Филиппъ Падневскій, воеводы краковскій Станиславъ Мышковскій и сендомірскій Петръ Зборовскій, которые возражали противъ присоединенія Кіева. Они указывали на большія издержки, которыхъ потребуетъ оборона этого края, и желали издержки эти предоста-

вить литовцамъ. Послѣ довольно горячихъ споровъ мнѣніе сторонниковъ присоединенія превозмогло. Въ засѣданіи 5 іюня король чрезъ канцлера объявилъ сейму о присоединеніи Кіева къ Польскому королевству. Краковскій воевода имѣлъ смѣлость открыто протестовать противъ сего рѣшенія. «Всѣ присутствовавшіе были такъ разсержены и взволнованы, что насилу удержались, чтобы не плевать на него»—по замѣчанію сеймоваго дневника. Князь Острожскій немедля принесъ присягу въ качествѣ кіевскаго воеводы.

Такимъ образомъ, почти вся Югозападная Русь и часть Сѣверозападной были оторваны отъ великаго княжества Литовскаго и присоединены къ Польскому королевству. Дѣло уніи на половину уже совершилось. Вторая половина дѣла сама собою вытекала изъ первой; ибо какую самостоятельную силу могло представлять теперь великое княжество, ограниченное собственно Литовскимъ краемъ и Бѣлорусскими землями? По выраженію жмудскаго старосты Ходковича, у Литвы «были обрѣзаны крылья». А потому дальнѣйшій ходъ Люблинскаго сейма представляетъ только постепенное, неотразимое подчиненіе литовцевъ польскимъ требованіямъ.

Литовскіе сенаторы и послы по большей части вновь воротились на сеймъ, въ виду опасности лишиться должностей и имѣній и въ виду того, что ихъ отсутствіе не только не прекратило Люблинскаго сейма, но напротивъ помогло ему безпрепятственно отнять у Литвы обширныя и лучшія области. Уже на слѣдующій день послѣ присоединенія Кіева, т. е. 6 іюня, литовцы, по приказанію короля, собрались въ замокъ на совѣщаніе съ польскими сенаторами. Тутъ Ходковичъ отъ имени товарищей съ горечью и гнѣвомъ упрекалъ поляковъ въ незаконномъ отнятіи областей у Литовскаго княжества. Но поляки, уклоняясь отъ преній, мягко приглашали литвиновъ приступить къ окончанію уніи и занять мѣста въ общихъ засѣданіяхъ. Посольская изба вздумала было оскорбиться рѣчью Ходковича и 7 іюня обратилась къ королю съ жалобою. Король посовѣтовалъ оставить эту жалобу и принять во вниманіе, что «литовцы не могутъ не сердиться: у нихъ вѣдь оборваны крылья». Затѣмъ вновь начались пререканія объ условіяхъ уніи. Такъ какъ высшія должности (канцлера, маршала, подскарбія и пр.) оставались въ Литвѣ нетронутыми, то литвины требовали, чтобы за ихъ княжествомъ оставлена была и особая печать, чтобы общіе сеймы бывали попеременно и въ Польшѣ, и Литвѣ, чтобы вновь избранный король принесъ присягу какъ Польскому королевству, такъ вели-

кому княжеству Литовскому. «Если сеймъ всегда будетъ собираться только въ королевствѣ—говорили они,—то какую будетъ имѣть власть рядомъ съ маршаломъ короннымъ литовскій маршалъ? Или какая будетъ должность канцлера великаго княжества Литовскаго, когда на сеймѣ всѣ дѣла будутъ выходить только съ печатью королевства?» Кромѣ того литвины желали, чтобы отказъ короля отъ литовскаго наслѣдства сдѣланъ былъ въ пользу не одной Польской короны, но и распространенъ былъ также на великое княжество, и чтобы Инфлянты (Ливонія) оставлены были за Литвою.

Поляки не соглашались уступить даже и въ этихъ неважныхъ пунктахъ. Особенно шумѣла посольская изба; она не только не хотѣла слышать о какихъ-либо уступкахъ, но постоянно возвращалась къ королевской грамотѣ, по которой литвины, уѣхавшіе съ сейма, объявлены были ослушниками, и требовала, чтобы съ ними поступлено было на основаніи этой грамоты, не теряя времени на дальнѣйшія убѣжденія. Впрочемъ въ самой посольской избѣ при обсужденіи разныхъ подробностей проекта уніи не разъ возникали несогласія, и она не могла придти къ единодушному рѣшенію по поводу того, какъ поступать съ литовскими просьбами или письменными заявленіями. Вопросъ о двухъ печатяхъ въ теченіе цѣлаго ряда засѣданій послужилъ главнымъ предметомъ спора со стороны литвиновъ, и грозилъ даже разстроить все дѣло уніи, стоившее такихъ трудовъ и усилій. Тяжело было положеніе короля между настойчивостью поляковъ съ одной стороны и жалкимъ, умоляющимъ тономъ литовцевъ съ другой. Литовскіе сенаторы и послы продолжали собираться въ отдѣльной залѣ. 24 іюня король въ теченіе нѣсколькихъ часовъ переходилъ то къ польскимъ, то къ литовскимъ сенаторамъ, стараясь привести ихъ къ обоюдному соглашенію, и наконецъ до того утомился, что ему сдѣлалось дурно. Нужно замѣтить, что въ это время Сигизмундъ-Августъ былъ удрученъ тяжкимъ недугомъ: онъ страдалъ припадками каменной болѣзни.

Наконецъ, 27 іюня, во вторникъ, многотрудное дѣло уніи пришло къ вожделѣнному для поляковъ концу. Литовцы прибыли въ польскую сенаторскую палату, гдѣ находился и король. Сюда же призваны были и польскіе послы. Вождь литовской рады, жмудскій староста Ходковичъ, сказалъ длинную и убѣдительную рѣчь; онъ говорилъ все о тѣхъ же вышеупомянутыхъ пунктахъ и съ горестью заявилъ, что Литва принуждена уступить въ вопросѣ о печати, по

проситъ поляковъ сдѣлать ей уступку въ остальныхъ пунктахъ. Онъ упалъ на колѣна передъ королемъ; за нимъ пали на колѣна всѣ литовскіе сенаторы и послы.

— Именемъ Бога — говорилъ со слезами Ходковичъ — умоляемъ тебя, государь, помнить нашу службу, нашу вѣрность тебѣ и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи такъ устроить насъ, чтобы всѣмъ была честь, а не посмѣяніе и униженіе, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя царская совѣсть. Именемъ Бога умоляемъ тебя помнить то, что ты намъ утвердилъ своею собственною присягою.

При этомъ литовцы съ плачемъ встали. Поляки также были тронуты, и многіе изъ ихъ сенаторовъ проливали слезы жалости. Отъ имени польскихъ сенаторовъ отвѣчалъ епископъ краковскій; дружескимъ успокоительнымъ тономъ онъ говорилъ о взаимной братской любви двухъ народовъ, и просилъ литовцевъ окончательно и немедленно принять унію. Въ томъ же тонѣ говорилъ самъ король; а затѣмъ ксендзъ-подканцлеръ (Красинскій) по тетрадкѣ прочелъ заранѣе приготовленный королевскій отвѣтъ. Главное содержаніе всѣхъ этихъ отвѣтовъ заключалось въ общихъ увѣреніяхъ, что изъ настоящей уніи, съ Божьей помощью, не можетъ выдти ничего кромѣ добра для обѣихъ сторонъ и что литвины останутся при прежнихъ вольностяхъ и почестяхъ. Съ дозволенія короля, послѣдніе удалились въ свою залу для окончательнаго совѣщанія. Это совѣщаніе длилось около трехъ часовъ. Послѣ того они воротились въ сенатъ и устами того же Ходковича высказали свое согласіе на всѣ пункты уніи, только просили смягчить нѣкоторыя выраженія въ ихъ пользу. Всѣ польскіе сенаторы встали, и краковскій епископъ отъ ихъ имени выразилъ благодарность литвинамъ. Король также высказалъ свою радость.

На слѣдующій день, 28 іюня, наканунѣ праздника св. апостоловъ Петра и Павла, по костеламъ пѣли Te Deum laudamus, и проповѣдники призывали народъ благодарить Господа Бога.

Торжественная присяга обѣихъ сторонъ на унію совершилась 1 іюля въ пятницу. Сперва присягали сенаторы королевства, начиная съ архіепископа, потомъ литовскіе сенаторы, далѣе польскіе земскіе послы по воеводствамъ, а за ними литовскіе земскіе послы. При семъ подлѣсяне, волыняне и кіевляне присягали уже въ числѣ поляковъ. Польскіе сенаторы благодарили Бога за то, что далъ имъ дожить до такой минуты, и плакали. Канцлеръ, читавшій форму

присяги, былъ такъ растроганъ, что не могъ продолжать чтеніе и передалъ великому маршалу. Однако и въ эту торжественную минуту не обошлось безъ нѣкотораго происшествія. Всѣ присягавшіе поочереди призываемы были къ столу, около котораго благоговѣйно стоялъ король, снявъ шапку. Присяга, заключавшая обоюдное обѣщаніе свято исполнять свои обязанности къ королю и всѣ пункты уніи, оканчивалась словами: «Да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ единый въ Троицѣ и его святое Евангеліе». Вдругъ холмскій подкоморій Николай Сѣницкій съ двумя другими польскими послами (Желинскимъ и Просковскимъ изъ Мазовіи), прежде чѣмъ сталъ на колѣни, сказалъ: «Я не буду присягать во имя Троицы и того Бога, котораго не признаю». Очевидно это были члены аріанской секты или антитринитаріи. Король сурово приказалъ Сѣницкому не прерывать совершающагося акта. Тотъ присягнулъ, но безъ помянутыхъ заключительныхъ словъ. А два его товарища совсѣмъ ушли изъ палаты и не присягали. (На слѣдующій день ихъ однако заставили присягнуть подъ угрозою исключенія изъ сейма). Кромѣ того возникъ споръ объ Инфлянтахъ. Сенаторы литовскіе хотѣли, чтобы представители Инфлянтовъ присягали какъ члены Литовскаго княжества; а польскіе возражали, что Инфлянты признаны въ общемъ литовскомъ и польскомъ владѣніи, потому они должны присягать особо. Дѣло это было отложено до другого времени. По окончаніи присяги король сѣлъ на коня и въ сопровожденіи членовъ сейма со множествомъ народа отправился въ костелъ св. Станислава, гдѣ самъ принималъ участіе въ пѣніи Te Deum laudamus.

Затѣмъ, со 2-го іюля поляки и литвины засѣдали на сеймѣ вмѣстѣ какъ въ сенаторской, такъ и въ посольской палатѣ. Предметами совѣщаній служили разные невполнѣ рѣшенные дотолѣ пункты, относящіеся къ уніи, каковы: о защитѣ государства, о монетѣ, объ Инфлянтахъ, о мѣстѣ общаго сейма, о мѣстахъ, которыя должны занимать въ сенатѣ литовскіе вельможи, духовные и свѣтскіе, объ избраніи короля и пр. Монета для Польши и Литвы принята общая, т. е. одинаковая по вѣсу, цѣнности и надписи. Мѣстомъ для будущихъ сеймовъ назначена Варшава. Инфлянты утверждены въ общемъ владѣніи, а присягу ихъ представители должны принести польскому королю. Мѣста литвиновъ и въ сенатѣ, и въ посольской избѣ распредѣлены между польскими сановниками и послами, впрочемъ не безъ нѣкоторыхъ споровъ и неудовольствій. Но самыя горячія пренія возбудили и самую большую часть времени погло-

тили вопросы, относящіеся къ оборонѣ соединеннаго государства. Всѣ эти вопросы впрочемъ скоро свелись къ одному: къ проекту храненія и расходованія четвертой части доходовъ изъ королевскихъ имѣній, ибо посольская изба отвергала всякіе другіе налоги и сборы на содержаніе войска, выражая рѣшительное нежеланіе жертвовать на эту статью что-либо изъ собственнаго имущества. Большинство сенаторовъ отказывалось обсуждать посольскій проектъ, предоставляя подскарбію завѣдываніе этимъ дѣломъ попрежнему. Но въ сенатскомъ засѣданіи 6 іюля король, изъ угожденія шляхтѣ, присталъ къ меньшинству. Тогда сендомірскій воевода потребовалъ счета голосамъ; на это возразилъ архіепископъ-примасъ. Между ними возникла перебранка.

— Господинъ воевода! сказалъ король.—И до тебя на этихъ креслахъ сидѣло не мало такихъ, которые покушались осѣдлать меня, но тщетно. И ты не покушайся на то же.

Воевода. «Все это мнѣ достается за сего ксендза; но я тебѣ, ксендзъ, за то отплачу».

Архіепископъ. «Ты мнѣ угрожаешь?»

Воевода. «Да, угрожаю».

Архіепископъ. «Милостивый король, заявляю вашему величеству, что господинъ воевода мнѣ угрожаетъ. Я не боюсь его, но прошу ваше величество и васъ, гг. сенаторы, помнить, что онъ мнѣ угрожаетъ».

Зборовскій съ гнѣвомъ вышелъ изъ сената; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ сенаторовъ. Несмотря на то, проектъ храненія и расходованія четвертой части поступилъ на обсужденіе. Но возникшія отсюда пренія и притязанія, заявленныя посольскою избою, послужили для короля источникомъ великихъ огорченій, какъ бы въ награду за его излишнюю угодливость шляхтѣ. Между прочимъ послы напали на установленіе должностей особыхъ королевскихъ подскарбіевъ въ Мазовіи и Пруссіи и требовали ихъ уничтоженія. Требовали также, чтобы вся четвертая часть королевскихъ столовыхъ доходовъ подвергалась болѣе строгому взиманію въ пользу Рѣчи Посполитой, т. е. чтобы она сполна и дѣйствительно поступала въ государственную казну со всѣхъ таковыхъ имѣній, въ чьемъ бы временномъ владѣніи или въ закладѣ они ни находились (въ королевствѣ, но не въ Литвѣ). Король выразилъ свое неудовольствіе по поводу сихъ требованій. Говорилъ, что его добровольный даръ (четвертую часть) ему уже вмѣнили въ обязательство и

отнимаютъ у него законное его достоянiе. А въ концѣ концовъ увѣрялъ, что онъ ни въ чемъ не можетъ отказать представителямъ народа. Указавъ на свое горло, король въ засѣданiи 8 iюля со слезами сказалъ: «Если бы вы просили у меня и это горло, то я готовъ отдать его вамъ». Послы изъявляли королю благодарность за его благодѣянiя Рѣчи Посполитой, въ особенности за унiю, однако упорно настаивали не только вообще на отдачѣ четвертой части, но и на полной уплатѣ ея за прежнiе годы. Грозили не обсуждать никакихъ дѣлъ, пока ихъ требованiе не будетъ удовлетворено. Король наконецъ на все соглашался, но просилъ подождать уплаты, ибо теперь былъ не въ состоянiи уплатить. Послы изъявили согласiе, но просили обезпеченiя. Сенаторы пробовали возражать, что неприлично требовать обезпеченiя отъ своего государя. Король предложилъ дать обезпеченiе четвертой части въ остальныхъ трехъ частяхъ своихъ доходовъ. Подъ конецъ сейма польскiе послы стали было требовать, чтобы налогъ съ королевскихъ имѣнiй на войско былъ распространенъ и на Литву. Но литовскiе послы возразили, что у нихъ на военные расходы съ каждаго двора платится серебщизна, которой нѣтъ въ Польшѣ. Рядомъ съ этимъ вопросомъ обсуждались и другiе, возбуждавшiе тоже не мало споровъ и неудовольствiй. Такъ послы Русскаго воеводства тщетно домогались, чтобы уничтожена была пошлина, обременявшая галицкiя соляныя копи.

Многiя еще дѣла оставались нерѣшенными; а межъ тѣмъ все громче и громче раздавались жалобы пословъ на продолжительность сеймовой сессiи и ихъ крайнее утомленiе; все настойчивѣе обращались они къ королю съ просьбою отложить остальныя дѣла до слѣдующаго сейма. Наконецъ, король и сенаторы вняли этимъ просьбамъ. 11 августа назначено было прощанiе пословъ съ королемъ. Но едва маршалъ посольскiй, Чарнковскiй, заболѣвшiй лихорадкою, началъ говорить прощальную рѣчь, какъ ему сдѣлалось дурно, и его вывели. Послы обратились къ извѣстному между ними оратору, перемышльскому судьѣ Валентину Орѣховскому, и усердно просили его сказать прощальное слово, чтобы не откладывать заключенiе сейма до слѣдующаго дня. Но Орѣховскiй отказался говорить безъ приготовленiя. Пришлось вновь собраться на слѣдующiй день, 12 августа, въ пятницу. Успѣвшiй оправиться, Чарнковскiй сказалъ пространную рѣчь, длившуюся около двухъ часовъ. Содержанiе ея, главнымъ образомъ, заключалось въ похвалахъ и благодарности ко-

ролю за то, что онъ со славою окончилъ столь важное дѣло, т. е. унію, которое не удалось окончить его предкамъ. Далѣе онъ убѣждалъ короля сохранить въ цѣлости два соединенныя государства и дать энергическій отпоръ какъ Московскому князю, такъ и другимъ непріятелямъ. Въ заключеніе призывалъ Божіе благословеніе на короля и просилъ Бога надолго сохранить его въ добромъ здоровьѣ. Король отвѣчалъ въ томъ же тонѣ; просилъ въ будущемъ озаботиться хорошимъ избраніемъ государя, такъ какъ онъ самъ не оставляетъ послѣ себя мужескаго потомства. Между прочимъ высказалъ огорченіе, что въ его правленіе появилось много разныхъ вѣръ, и свое намѣреніе возстановить единство вѣры, впрочемъ, не насиліемъ, а «при помощи всемогущаго Бога». Въ заключеніе просилъ сенаторовъ и рыцарство не сѣтовать на него за то, что онъ не будетъ платить четвертой части со старыхъ суммъ, какія ему слѣдуютъ съ имѣній въ Мазовіи, королевствѣ и Литовскомъ княжествѣ, такъ какъ сеймъ съ своей стороны не постановилъ никакого обезпеченія для его семейства (собственно для сестеръ). По окончаніи рѣчи послы подходили къ королю и цѣловали его руку.

Такъ окончился знаменитый Люблинскій сеймъ, длившійся цѣлые девять мѣсяцевъ и довершившій дѣло польско-литовско-русской уніи, дѣло, начатое еще въ концѣ XIV вѣка. Оно такъ долго и такъ постепенно направлялось въ одну сторону, что его окончательный исходъ почти не могъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Главнымъ дѣятелемъ этой уніи явилась конечно окатоличенная и ополяченная династія, которая кромѣ довольно сильной, почти абсолютной, власти въ великомъ княжествѣ Литовскомъ имѣла въ своихъ рукахъ еще могущественное средство въ видѣ многочисленныхъ должностей и земельныхъ имуществъ, раздававшихся шляхтѣ во временное пользованіе. Далѣе, успѣху уніи не мало содѣйствовали нѣкоторая рознь между аристократіей литовско-протестантской и русско-православной, а также стремленіе литовско-русской мелкой шляхты къ пріобрѣтенію тѣхъ же правъ и вольностей, которыми пользовалась шляхта польская. Московское самодержавіе, представлявшееся въ то время въ видѣ тиранніи Ивана Грознаго, понятно, отталкивало литовско-русское дворянство отъ сближенія съ Восточной Русью и побуждало его еще тѣснѣе сплотиться съ Польшею. При упадкѣ католичества въ самой Польшѣ, вслѣдствіе

распространившагося протестантизма, православная аристократія конечно не предвидѣла тогда большой опасности для своей церкви отъ слiянія югозападныхъ русскихъ областей съ Польшею, и потому съ этой стороны мы находимъ только слабо выраженныя заявленія. Сія аристократія какъ бы страдала какою-то слѣпотою и не понимала, что значитъ непосредственное сліяніе русскихъ областей съ Польшею и какъ жаждали поляки, чтобы имъ широко растворены были двери для захвата и колонизаціи благодатныхъ земель Волыни, Подоліи, Кіевщины.

Но въ то время, когда поляки, присоединяя къ себѣ обширныя области Югозападной Россіи, возвышались на сравнительно высокую степень политическаго могущества, они обнаружили большую близорукость и недостатокъ государственнаго инстинкта по отношенію къ сѣвернымъ и западнымъ своимъ сосѣдямъ, т. е. къ нѣмцамъ. На томъ же Люблинскомъ сеймѣ, преемникомъ прусскаго герцога, находившагося въ ленной зависимости отъ Польши, король утвердилъ бранденбургскаго курфирста Альбрехта Фридриха. Хотя послѣдній въ качествѣ прусскаго герцога и принесъ ленную присягу польскому королю въ Люблинѣ 19 іюля, но хорошимъ государственнымъ людямъ нетрудно было бы предвидѣть, къ чему поведетъ это соединеніе въ рукахъ одного дома двухъ нѣмецкихъ владѣній, раздѣленныхъ между собою польско-прусскою провинціей. Нѣкоторые польскіе послы по этому поводу (въ засѣданіи 6 іюля) заводили было рѣчь о томъ: будетъ ли полезенъ Рѣчи Посполитой такой шагъ и не выйдетъ ли отсюда какого ущерба для нея? Но подобные голоса не возбудили никакого серьезнаго вниманія.

Въ историческомъ развитіи самаго польскаго сеймованія, этотъ Люблинскій сеймъ также имѣетъ важное значеніе. На немъ въ послѣдній разъ встрѣчаются остатки городского представительства, именно два посла отъ Кракова; а съ этого времени сеймы имѣютъ исключительно шляхетскій характеръ. Далѣе, выступаетъ окончательное распаденіе сейма на двѣ палаты, сенаторскую и посольскую. Первая состоитъ изъ епископовъ, воеводъ, маршаловъ, канцлеровъ, подскарбіевъ, изъ старшихъ и младшихъ кастеляновъ. Но младшіе кастеляны въ это время еще занимаютъ не вполнѣ опредѣленное положеніе; мы встрѣчаемъ ихъ то въ сенатѣ, то въ посольской избѣ. Сенаторскія совѣщанія были закрытыя, т. е. посторонніе свидѣтели не допускались; а посольскія, наоборотъ, были пуб-

личны. Для важныхъ вопросовъ обѣ палаты соединялись въ общее засѣданіе. При подачѣ мнѣній еще не видимъ счета голосовъ; а просто, если меньшинство казалось незначительнымъ, то на него не обращали вниманія; если же оно было значительно, то обѣ стороны представляли свои мнѣнія на рѣшеніе короля, который не всегда держится большинства. Хотя сенатъ еще старается сохранить свой старый авторитетъ и присвоиваетъ себѣ почипъ во всякомъ дѣлѣ, однако посольская изба или шляхетская демократія выступаетъ на этомъ сеймѣ уже съ явными притязаніями на преобладающее значеніе въ государствѣ ([27]).

Сигизмундъ-Августъ какъ бы всѣ свои способности и весь остатокъ воли истощилъ на дѣло уніи. Послѣ Люблинскаго сейма онъ прожилъ еще около трехъ лѣтъ, тратя на чувственныя забавы послѣднія физическія силы. Подагра и спинная сухотка окончательно привязали его къ мягкому креслу. Тяготясь строгими совѣтами медиковъ, онъ искалъ спасенія у шарлатановъ и знахарей, средства которыхъ, конечно, приносили ему одинъ вредъ. Межъ тѣмъ, окружавшіе короля, недостойные любимцы и фаворитки пользовались его слабостью, обирали его и торговали его милостями. Наибольшею силою при дворѣ въ это время пользовались два брата Мнишки Юрій и Николай, дворяне королевскіе, нѣкая Варвара Гижанка, дочь одного варшавскаго райцы (ратмана) и нѣкій жидъ Едидзи. Король скончался въ любимомъ своемъ мѣстечкѣ Кнышинѣ (недалеко отъ Бѣлостока), 7 іюля 1572 г., 52 лѣтъ отъ роду.

Съ Сигизмундомъ-Августомъ угасла династія Ягеллоновъ, которой, сравнительно небольшая, Польская народность обязана своимъ возвышеніемъ и небывалымъ внѣшнимъ блескомъ, распространивъ свое государственное зданіе на всю Западную Русь. Но та же самая династія, наградивъ Рѣчь Посполитую временнымъ внѣшнимъ блескомъ, оставила послѣ себя глубокія, смертельныя язвы въ организмѣ соединеннаго государства, въ видѣ расшатанной королевской власти, избалованнаго шляхетства, борьбы разныхъ исповѣданій и прочно внѣдрившагося Еврейскаго элемента.

V.

ДѢТСТВО И ЮНОСТЬ ИВАНА IV.

Елена правительница.—Судьба удѣльныхъ князей Юрія Дмитровскаго и Андрея Старицкаго.—Московскіе перебѣжчики и новая война съ Литвою.—Дѣла крымскія и казанскія.—Постройки и новая монета.—Внезапная кончина Елены.—Боярщина.—Василій Шуйскій и угнетеніе народа. Мягкое управленіе Ивана Бѣльскаго.—Неудачное нашествіе Саипъ Гирея.—Новое господство Шуйскихъ.—Воспитаніе и характеръ Ивана IV.—Первыя вспышки его самовластія.—Вѣнчаніе на царство и бракъ съ Анастасіей Романовной.—Великіе московскіе пожары и народный мятежъ.—Священникъ Сильвестръ.—Блестящее время царствованія Ивана Васильевича.—Первый земскій соборъ.—Алексѣй Адашевъ.—Исправленіе Судебника.—Митрополитъ Макарій и Стоглавъ.

По смерти Василія III столица и области Московскаго государства безпрекословно присягнули на вѣрность его трехлѣтнему сыну и преемнику Ивану. Но недаромъ Василій передъ кончиною своею такъ безпокоился за судьбу своего семейства и за правильное теченіе государственныхъ дѣлъ. Хотя во главѣ управленія онъ и поставилъ свою молодую супругу Елену, приказавъ докладывать ей дѣла, однако главное правительственное значеніе естественно переходило теперь въ руки высшаго государственнаго учрежденія или совѣта, именуемаго Боярскою думою. Эта дума, кромѣ двухъ братьевъ Василія и дяди Елены, князя Михаила Глинскаго, заключала въ себѣ представителей знатнѣйшихъ боярскихъ родовъ, каковы: Шуйскіе, Оболенскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе, Захарьины, Морозовы и нѣкоторые другіе. Между наиболѣе энергичными и честолюбивыми изъ этихъ представителей неизбѣжно должны были возникнуть соперничество и борьба за главныя роли; къ чему открывалось теперь удобное и широкое поле. Но прежде нежели это взаимное соперничество бояръ успѣло рѣзко обнаружиться, одинъ за другимъ устранены были съ дороги старшіе родственники ребенка Ивана IV.

Едва прошла недѣля послѣ похоронъ Василія III, какъ его брата Юрія, удѣльнаго князя Дмитровскаго, еще проживавшаго въ Москвѣ, схватили по доносу о какой-то крамолѣ и заключили въ ту самую палату, гдѣ прежде сидѣлъ внукъ Ивана III, а его племянникъ Димитрій. Обвиненіе состояло въ томъ, что онъ будто-бы сталъ подговаривать нѣкоторыхъ московскихъ бояръ перейти къ нему на службу и вообще питалъ какіе то замыслы, думая воспользоваться малолѣтствомъ Ивана Васильевича. Обвиненія эти не представляютъ ничего невѣроятнаго; но они остались недоказанными. Юрій Ивановичъ умеръ въ заключеніи, какъ говорятъ, голодною смертію. За нимъ пришла очередь Михаила Глинскаго. По своему близкому родству съ Еленою и по своей государственной опытности, онъ надѣялся быть главнымъ ея совѣтникомъ и руководителемъ; но мѣсто самаго приближеннаго къ ней человѣка занялъ молодой бояринъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, вѣроятно сблизившійся съ нею при помощи своей сестры Аграфены Челядниной, мамки Ивана IV. Естественно между Глинскимъ и Оболенскимъ возникла вражда. Глинскій не скрывалъ своего негодованія на поведеніе племянницы, и Елена пожертвовала дядей для своего любимца. Въ августѣ того же 1534 года Михаилъ Глинскій былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ вскорѣ умеръ подобно Юрію. За Глинскимъ наступила очередь младшаго дяди государева, т. е. Андрея Ивановича Старицкаго; но съ нимъ справились не такъ легко, и дѣло едва не дошло до междоусобной войны.

Князь Андрей въ началѣ спокойно жилъ въ Москвѣ; когда же исполнились сорочины по кончинѣ Василія, онъ собрался ѣхать въ свой удѣлъ; причемъ просилъ Елену о прибавкѣ ему городовъ. На сію просьбу отказали; но по обычаю на память о покойномъ прислали ему шубы, кубки и коней съ дорогими сѣдлами. Андрей остался недоволенъ. Этимъ неудовольствіемъ воспользовались злые люди; одни начали смущать Андрея тѣмъ, что ему готовится участь брата Юрія, а другіе доносили Еленѣ, что Андрей дурно о ней говоритъ. Между правительницей и ея деверемъ начались взаимныя пересылки и объясненія. Андрей пріѣхалъ въ Москву, помирился съ Еленою, но отказался назвать людей, которые его ссорили; причемъ онъ далъ на себя клятвенную запись, въ которой обязывался не принимать на свою службу бояръ, дьяковъ и дѣтей боярскихъ, и вообще никого, кто отъѣдетъ отъ великаго князя. Однако примиреніе было непрочно. Андрей продолжалъ сердиться за то,

что ему не прибавили городовъ, и когда въ 1537 году Елена стала звать его въ Москву на совѣщаніе о казанскихъ дѣлахъ, онъ не поѣхалъ подъ предлогомъ болѣзни. Въ Старицу послали доктора Ѳеофила, и послѣдній не нашелъ у князя никакой серьезной болѣзни, хотя тотъ лежалъ въ постели. Стали его звать въ Москву именемъ великаго князя въ другой и въ третій разъ. Андрей прислалъ грамоту; въ ней онъ называлъ себя холопомъ великаго князя, описывалъ свою скорбь, потому что не вѣрятъ его болѣзни, но между прочимъ выражался такъ: «а прежде сего, государь, того не бывало, чтобы насъ къ вамъ, государямъ, на посылкахъ волочили». Въ Москву донесли изъ Старицы, что князь Андрей собирается бѣжать. Тогда Елена отправила нѣсколькихъ духовныхъ особъ, чтобы уговаривать его; причемъ митрополитъ Даніилъ уполномочивалъ этихъ пословъ отлучить Андрея отъ церкви, если онъ окажетъ неповиновеніе. Въ то же время былъ выставленъ сильный военный отрядъ, чтобы загородить ему дорогу въ Литву. Посольство уже не застало Андрея въ Старицѣ; ибо извѣщенный о посылкѣ войска, онъ тотчасъ съ женою и маленькимъ сыномъ выступилъ въ походъ, окруженный многочисленною дружиною. Онъ двинулся къ Новгороду Великому, и сталъ разсылать грамоты новгородскимъ помѣщикамъ и дѣтямъ боярскимъ, призывая ихъ къ себѣ и говоря: «великій князь малъ, а государство держатъ бояре, и вамъ у кого служить, а я васъ радъ жаловать». Дѣйствительно многіе помѣщики изъ погостовъ пріѣхали къ Андрею. Такимъ образомъ дѣло получало весьма опасный характеръ, и Московское правительство спѣшило принять энергическія мѣры. Въ Новгородѣ архіепископъ Макарій съ духовенствомъ началъ совершать молебны объ избавленіи отъ междоусобной брани; а московскіе намѣстники и дьяки спѣшили укрѣпить Торговую сторону, которой стѣны обгорѣли во время большого пожара; собрали все населеніе и въ пять дней успѣли вывести новую стѣну, вышиною въ ростъ человѣка. Навстрѣчу Андрею вышелъ изъ Новгорода отрядъ съ воеводою Бутурлинымъ; съ другой стороны подошелъ московскій отрядъ подъ начальствомъ любимца Елены Телепнева-Оболенскаго. Въ Тухолской волости, верстъ за 50 не доѣзжая до Новгорода, Андрей встрѣтился съ московскими войсками. Обѣ стороны уже выстроились къ бою; однако Андрей не рѣшился начать битву и согласился вступить въ переговоры съ княземъ Оболенскимъ. Послѣдній далъ клятву, что если Андрей положитъ оружіе и поѣдетъ съ повинною въ Москву, то

останется цѣлъ и невредимъ. Андрей повѣрилъ; но едва онъ прибылъ въ столицу, какъ его схватили и заключили въ оковы; а Оболенскому притворно была объявлена опала за самовольно данное обѣщаніе. Многихъ бояръ Андреевыхъ и дѣтей боярскихъ подвергли пыткамъ и торговой казни (т. е. сѣченію кнутомъ на торгу); послѣ чего они также заключены въ оковы; новгородскихъ дѣтей боярскихъ, приставшихъ къ Андрею, числомъ 30 человѣкъ, сначала били кнутомъ, а потомъ повѣсили по всей новгородской дорогѣ въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Андрей, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, подобно Юрію, умеръ въ заключеніи насильственною смертію. Такъ сурово расправилось Московское правительство съ послѣднею попыткою удѣльнаго князя возобновить старыя междоусобія. Вмѣстѣ съ этою попыткою совсѣмъ прекратились и старыя удѣльныя отношенія. Московское единодержавіе послѣ того уже не подвергалось подобнымъ тревогамъ. ([28]).

Отголосокъ старыхъ удѣльно-княжескихъ и боярскихъ притязаній представляетъ также бѣгство въ Литву двухъ знатныхъ вельможъ, князя Семена Бѣльскаго и окольничаго Ивана Ляцкаго, въ августѣ 1534 года. Послѣдній принадлежалъ къ потомкамъ Андрея Кобылы (отъ котораго пошли и Романовы); а Семенъ Бѣльскій былъ сыномъ того Θедора Бѣльскаго, который былъ внукомъ Владиміра Ольгердовича Кіевскаго и, какъ мы видѣли, при Казимірѣ IV бѣжалъ въ Москву къ Ивану III, покинувъ свою новобрачную супругу. Такъ какъ ее удержали въ Литвѣ, то Θедоръ Бѣльскій потомъ женился на рязанской княжнѣ, родной племянницѣ Ивана III. Три его сына, Иванъ, Семенъ и Димитрій, занимали высшія ступени въ московской боярской аристократіи. Но одинъ изъ нихъ, именно Семенъ, не довольствовался тѣмъ, а возымѣлъ притязанія не только на отцовскій Бѣльскій удѣлъ, но и на Рязань, какъ на свое наслѣдственное княженіе, за прекращеніемъ мужской линіи. (Повидимому, около того времени умеръ въ Литвѣ бѣжавшій туда послѣдній князь Рязанскій). Онъ надѣялся достигнуть своей цѣли съ помощью польско-литовскаго короля Сигизмунда I: такъ какъ въ это самое время король, по истеченіи перемирія, возобновилъ военныя дѣйствія противъ Москвы. Въ Литвѣ расчитывали на малолѣтство Ивана IV, т. е. на безпорядки или смуты, имѣющіе произойти отъ женскаго правленія и боярскихъ партій, и надѣялись воротить Смоленскую область; для чего король заключилъ союзъ противъ Москвы съ крымскимъ ханомъ Саипъ-Гиреемъ. Се-

менъ Бѣльскій и Иванъ Ляцкій были въ числѣ московскихъ воеводъ, высланныхъ для обороны западныхъ и южныхъ предѣловъ, и стояли въ Серпуховѣ; но отсюда съ нѣсколькими дѣтьми боярскими перебѣжали въ Литву. Эта измѣна произвела въ Москвѣ большую тревогу, судя по дошедшимъ до насъ донесеніямъ нѣкоторыхъ пограничныхъ литовскихъ воеводъ королю Сигизмунду. Вотъ что узнали они отъ своихъ лазутчиковъ и отъ разныхъ московскихъ перебѣжчиковъ. Боярская дума велѣла схватить и посадить въ заключеніе Семенова брата Ивана Бѣльскаго (стоявшаго съ войскомъ въ Коломнѣ противъ татаръ), князя Ивана Воротынскаго съ сыномъ и князя Богдана Трубецкого, потому что былъ слухъ, что они также хотятъ отъѣхать въ Литву; но любопытно, что третьяго брата, Димитрія Бѣльскаго, не тронули, а только отдали его на поруки, отобрали у него коней и переписали имѣніе; также отдали на поруки Михаила Юрьевича Захарьина и дьяка Меньшого Путятина. (Въ это самое время былъ заключенъ Михаилъ Глинскій). Перебѣжчики прибавляли, будто между московскими большими боярами идутъ сильныя несогласія и они между собою на ножахъ, и что если король щедро пожалуетъ Семена Бѣльскаго и Ляцкаго, то, услыхавъ о томъ, будто бы многіе князья и дѣти боярскіе также отъѣдутъ въ Литву. Особенно Московское правительство тревожилось за Новгородъ и Псковъ, еще не успѣвшихъ примириться съ потерею своей самобытности, и дѣйствительно, по тѣмъ же донесеніямъ, въ Псковѣ происходило какое-то движеніе; пользуясь удаленіемъ большей части дѣтей боярскихъ для защиты границъ, черные люди Псковичи стали часто сходиться на вѣче и о чемъ то разсуждать, хотя намѣстники и дьяки запрещали имъ эти сходки. Не вполнѣ полагаясь на вѣрность самихъ намѣстниковъ и дьяковъ, правительство велѣло вновь привести ихъ къ присягѣ вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими. Новгородскими намѣстниками тогда были князь Борисъ Горбатый и Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, а псковскими князь Михаилъ Кубенскій и Димитрій Семеновичъ Воронцовъ (братъ Михаила Семеновича). Тогда же, по распоряженію изъ Москвы и по благословенію владыки Макарія, наскоро выстроена была стѣна вокругъ Софійской стороны трудами всего городского населенія, не исключая и духовнаго чина (на что съ неудовольствіемъ указываетъ новгородскій лѣтописецъ, говоря, что прежде городскія стѣны ставили всею новгородскою волостію).

Сигизмундъ щедро наградилъ Бѣльскаго и Ляцкаго волостя-

ми; однако разсчетъ его на московскіе несогласія и безпорядки не оправдался: правительница и боярская дума обнаружили энергію и распорядительность въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Во главѣ думы тогда стояли князь Василій Шуйскій, Михаилъ Тучковъ, Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ, Иванъ Шигона Поджогинъ.

Сначала литовскія войска имѣли успѣхъ. Гетманъ Юрій Радивилъ, соединясь съ Крымскими татарами, лѣтомъ 1534 года опустошилъ Сѣверскую украйну, нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія въ открытомъ полѣ; а потомъ онъ отрядилъ туда же воеводу кіевскаго Андрея Немирова; но послѣдній былъ отбитъ отъ Стародуба и Чернигова. Въ то же время князь Вишневецкій неудачно приступалъ къ Смоленску. Главная московская рать оберегала тогда южные предѣлы государства; такъ какъ опасались вторженія татаръ. Только глубокою осенью часть ея двинулась въ Литву; при чемъ въ свою очередь не встрѣтила непріятеля въ открытомъ полѣ и безпрепятственно опустошила страну; а передовой полкъ, подъ начальствомъ князя Ивана Овчины-Телепнева-Оболенскаго верстъ за 40 доходилъ до самой Вильны. По извѣстіямъ польскимъ, Русскіе на этомъ походѣ совершали большія жестокости, безъ пощады жгли, убивали, плѣнили; а многихъ дѣтей и женщинъ сажали на колъ. Повидимому обѣ стороны отличались варварскимъ способомъ веденія войны. Но есть извѣстія, что относительно православнаго населенія Литовскихъ областей русское войско поступало мягче, отпускало многихъ плѣнниковъ на свободу, а храмы Божіи воеводы приказывали не трогать и ничего изъ нихъ не брать. Въ 1535 году литовское войско снова вторглось въ Сѣверскую украйну, взяло Гомель и осадило Стародубъ. Князь Ѳедоръ Телепневъ-Оболенскій (братъ Ивана) мужественно оборонялъ этотъ городъ, снабженный пушками и пищалями. Но непріятели, защищаясь турами, близко подошли къ стѣнамъ, и успѣли тайно сдѣлать подкопъ. Московскіе воеводы еще мало были знакомы съ такими осадными работами, и потому не съумѣли ихъ предупредить; когда подкопъ взорвалъ часть стѣны и произвелъ пожаръ, городъ былъ взятъ; жители большею частію избиты, воевода попалъ въ плѣнъ. Но тѣмъ и ограничились успѣхи Литвы. Когда непріятели ушли, москвитяне возобновили Стародубъ. Кромѣ того, они успѣли во время этой войны построить на литовскихъ границахъ новыя крѣпости Себежъ, Велижъ и Заволочье. Литовцы, пытавшіеся взять Себежъ, потерпѣли подъ нимъ пораженіе. Видя, что разорительная война только затягивается и ника-

кой смуты въ Москвѣ не произошло, Сигизмундъ желалъ уже прекратить борьбу. Переговоры завязались сначала издалека: между гетманомъ Радивиломъ и княземъ Иваномъ Телепневымъ-Оболенскимъ при посредствѣ брата послѣдняго Ѳедора, находившагося въ литовскомъ плѣну. Долго обѣ стороны спорили о томъ, гдѣ должны идти главные переговоры: въ Москвѣ или въ Литвѣ, или на границѣ. Московская дума твердо стояла за честь своего государя, хотя и малолѣтняго, и настояла на томъ, чтобы великое литовское посольство прибыло въ Москву: для чего ему по обычаю отправлена была изъ Москвы опасная грамота. Зимой 1537 года пріѣхалъ полоцкій воевода Глѣбовичъ съ товарищами. Переговоры о вѣчномъ мирѣ по обыкновенію начались съ условій невозможныхъ: Литва потребовала уступки Новгорода и Пскова; потомъ предлагала заключить миръ на основаніи границъ, которыя были при Казимірѣ IV и Василіи Темномъ; потомъ просила только уступки Смоленска или другого равнаго ему города. Но бояре не дѣлали никакихъ уступокъ. Наконецъ послѣ многихъ споровъ согласились заключить не миръ, а только пятилѣтнее перемиріе, считая отъ Благовѣщеньева дня 1537 года: обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли.

Это перемиріе развязывало Москвѣ руки по отношенію къ другимъ ея врагамъ: Крыму и Казани.

Во время войны Сигизмунда съ Москвою хотя крымскій ханъ Саипъ-Гирей и былъ его союзникомъ, но въ самомъ началѣ этой войны противъ Саипа возсталъ его племянникъ Исламъ-Гирей, и Орда раздѣлилась между ними. Московское правительство думало воспользоваться этимъ раздѣленіемъ; оно вступило въ сношенія съ Исламомъ, посылало ему поминки и старалось вооружить его противъ Литвы; въ то же время оно непрерывало вполнѣ сношеній и съ Саипъ-Гиреемъ. Межъ тѣмъ московскій бѣглецъ князь Семенъ Бѣльскій, обманутый въ своихъ надеждахъ на короля, отпросился у него подъ предлогомъ благочестиваго путешествія въ Іерусалимъ. Вмѣсто того онъ отправился въ Константинополь, и началъ подговаривать султана Солимана къ войнѣ съ Москвою, думая съ помощью турокъ и татаръ осуществить свои планы относительно Рязанскаго и Бѣльскаго удѣловъ. Султанъ повидимому согласился помогать ему, и вмѣстѣ съ нимъ послалъ въ этомъ смыслѣ приказы хану крымскому и пашѣ кафинскому. Но въ это время уже прекратилась война Москвы съ Литвою. Исламъ-Гирей извѣстилъ Москву о проискахъ Бѣльскаго. Московское правительство стало уго-

варивать Ислама, чтобы тотъ схватилъ и выдалъ ему Бѣльскаго, обѣщая за то большіе поминки. Исламъ обѣщалъ; но самъ онъ вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ ногайскихъ князей. Тогда Саипъ-Гирей снова соединилъ Орду подъ своею властью. Онъ немедля потребовалъ отъ Москвы большихъ поминковъ, грозя въ противномъ случаѣ придти съ войскомъ, и уже не «голою ратью», какъ его старшій братъ Магметъ-Гирей, а съ пушечнымъ нарядомъ и съ конницею турецкаго султана. Онъ требовалъ также, чтобы Москва оставила въ покоѣ его племянника Сафа-Гирея Казанскаго.

Мы видѣли, что Василій III посадилъ въ Казани касимовскаго царевича Еналея, какъ своего подручника. Но послѣ Василія, во время войны съ Литвою, въ Казани снова взяла верхъ партія крымская; Еналей палъ жертвою заговора, и казанцы опять призвали къ себѣ Сафа-Гирея. Однако и московская партія не хотѣла уступить: нѣкоторые казанскіе князья и мурзы извѣстили Московское правительство, что, если оно пришлетъ старшаго Еналеева брата Шихъ-Алея, то они помогутъ ему снова сѣсть въ Казани. Елена Васильевна, посовѣтовавшись съ боярами, призвала Шихъ-Алея изъ его бѣлозерскаго заключенія въ Москву, и оказала торжественный пріемъ ему и его женѣ Фатимѣ; причемъ угощала ихъ царскимъ обѣдомъ и щедро надѣлила подарками. Но въ то время война съ Литвою еще продолжалась, и наши дѣйствія противъ казанцевъ не были удачны. Сафа-Гирей нѣсколько разъ вторгался и опустошалъ наши области Поволжскія и Поокскія. Когда же война съ Литвою прекратилась, въ Крыму вслѣдъ за тѣмъ было возстановлено единодержавіе Саипъ-Гирея, который грозилъ вторженіемъ, если московское войско пойдетъ на Казань. Это обстоятельство на время пріостановило московскія предпріятія въ ту сторону.

Въ связи съ Литовской войною и опасностями отъ татарскихъ вторженій, въ управленіе Елены совершены постройки нѣсколькихъ новыхъ городовъ или крѣпостей (Заволочье, Себежъ, Буйгородъ, Балахна, Мокшанъ) и обновленіе старыхъ (Владиміръ, Новгородъ Великій, Устюгъ, Вологда, Пронскъ). Наиболѣе же замѣчательное построеніе того времени представляетъ московскій Китай-городъ. Уже Василій Ивановичъ задумалъ усилить укрѣпленія столицы и поставить другую крѣпость рядомъ съ Кремлемъ, въ томъ же пространствѣ между Москвой-рѣкой и ея притокомъ Неглинной. Елена и бояре поспѣшили выполнить его намѣреніе въ виду грозившей тогда Литовской войны, и лѣтомъ 1534 года приступлено было къ ра-

ботамъ. Сначала вырыли глубокій ровъ отъ Неглинной къ Москвѣ-рѣкѣ чрезъ Троицкую площадь, гдѣ происходили судные поединки, и такъ наз. Васильевскій лугъ; чѣмъ отдѣлили отъ Большого посада часть его, примыкавшую къ Кремлю и заключавшую въ себѣ по преимуществу торговыя мѣста. Потомъ вдоль этого рва въ слѣдующемъ 1535 году, при торжественномъ освященіи митрополитомъ Даніиломъ, заложена каменная стѣна съ башнями и воротами (Срѣтенскія, Ильинскія, Варварскія и Козмодемьянскія). Потомъ выведены двѣ боковыя стѣны, примкнувшія къ Кремлю. Строителемъ былъ одинъ изъ иноземныхъ (итальянскихъ) архитекторовъ, Петръ Малый Фрязинъ. Издержки на это сооруженіе разложены были на бояръ, духовенство и торговыхъ людей. Пространство, заключенное между новыми стѣнами, получило названіе Китай-города. Другимъ замѣчательнымъ правительственнымъ актомъ этого времени является улучшеніе монеты. Доселѣ изъ гривны серебра обыкновенно выдѣлывали 250 денегъ по новогородскому счету или 260 по московскому, т. е. около двухъ рублей съ половиною. Но страсть къ легкой наживѣ произвела большую порчу монеты; многіе начали разрѣзывать настоящія деньги пополамъ и подмѣшивать олово; такъ что въ одну гривну вмѣщали до 500 денегъ или до пяти рублей. Слѣдствіемъ чего конечно были затрудненія въ торговлѣ, крики и ссоры при расплатѣ. Уже Василій III началъ строго преслѣдовать порчу монеты; при немъ и послѣ него хватали многихъ поддѣльщиковъ изъ москвичей, смольнянъ, вологжанъ, костромичей, ярославцевъ и др., и казнили ихъ въ Москвѣ; лили имъ въ ротъ растопленное олово, отрубали руки и т. п. Но такъ какъ зло продолжалось, то въ 1535 году Елена запретила обращеніе порченой монеты, велѣла ее отбирать и чеканить новую серебряную, такъ чтобы изъ гривны выходило 300 денегъ новогородскихъ или три рубля. При семъ введена небольшая перемѣна въ изображеніи: на монетѣ по прежнему оттискивался великій князь на конѣ, но только вмѣсто меча теперь у него въ рукѣ было копье; отчего новыя деньги потомъ стали называться «копейками».

Елена, по всѣмъ признакамъ, обнаружила не мало твердости и самостоятельности въ дѣлахъ правительственныхъ. Она также показывала себя приверженною къ православной церкви, и подобно Василію III часто ѣздила съ маленькими сыновьями на богомолье къ Троице-Сергію и въ другія обители. Но очевидно ей все-таки не удалось пріобрѣсти народное расположеніе; а знатные бояре стали

питать противъ нея скрытое неудовольствіе. Главною причиною тому была конечно зависть къ молодому Телепневу-Оболенскому, который слишкомъ неосторожно пользовался слабостью къ себѣ правительницы и хотѣлъ играть первую роль въ государствѣ. Слѣдствіемъ возникшей отсюда вражды является преждевременная кончина Елены. Находясь еще въ цвѣтущихъ лѣтахъ и пользуясь здоровьемъ, она вдругъ и неожиданно скончалась въ апрѣлѣ 1538 года. Такая внезапная кончина естественно объяснялась ничѣмъ инымъ какъ отравленіемъ. (29).

Началась девятилѣтняя боярщина, ознаменованная ожесточенною борьбою за власть, всякаго рода своеволіемъ и грабительствами.

Во главѣ боярской думы стояла тогда фамилія Шуйскихъ, именно старшій изъ нихъ, князь Василій Васильевичъ, тотъ самый, который отличился энергіей и жестокостью въ дѣлѣ смоленскихъ измѣнниковъ. Устранивъ Елену, Шуйскій конечно не пощадилъ и ея любимца. Еще не прошла недѣля послѣ ея смерти, какъ князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій былъ схваченъ вмѣстѣ съ сестрою своей Агрипиной Челядниной, мамкой великаго князя. Оболенскаго уморили въ темницѣ голодомъ, а его сестру сослали въ Каргополь и постригли въ монахини. Чтобы породниться съ юнымъ государемъ, Василій Шуйскій женился на его двоюродной сестрѣ Анастасіи. (Она была дочь сестры Василія III Евдокіи Ивановны и крещенаго казанскаго царевича Петра Ибрагимовича). Боярская дума освободила заключенныхъ при Еленѣ князей Ивана Бѣльскаго и Андрея Шуйскаго. Но тотчасъ обнаружилось взаимное соперничество этихъ двухъ знатнѣйшихъ фамилій, т. е. Шуйскихъ и Бѣльскихъ. Каждая изъ нихъ имѣла многочисленныхъ родственниковъ, пріятелей и кліентовъ, которыхъ конечно старалась возвысить чинами бояръ и окольничихъ и обогатить разными пожалованіями. Шуйскіе оказались сильнѣе и взяли верхъ, такъ что Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій вскорѣ былъ снова заключенъ; пострадали и его сторонники. Въ числѣ послѣднихъ находились самъ митрополитъ Даніилъ и Ѳедоръ Мишуринъ, одинъ изъ любимыхъ дьяковъ Василія III. Этого Мишурина Шуйскіе схватили на своемъ дворѣ и отдали для казни дѣтямъ боярскимъ, которые раздѣли его до нага, и отрубили ему голову на плахѣ передъ тюрьмою, безъ государева приказа. Въ это время самъ Василій Шуйскій внезапно умираетъ;

его значеніе въ боярской думѣ переходитъ къ его брату Ивану. Первымъ дѣйствіемъ сего послѣдняго было сверженіе митрополита Даніила; съ него взяли грамоту, по которой онъ будто бы самъ отрекся отъ архіерейства, а потомъ сослали его въ тотъ же Іосифовъ Волоколамскій монастырь, откуда онъ былъ призванъ на митрополію. На его мѣсто возвели Іоасафа Скрипицына, игумена Троицкаго (въ февралѣ 1539 года). Иванъ Шуйскій очевидно уступалъ своему брату въ умѣ и энергіи; онъ отличался болѣе грубостію, высокомѣріемъ и корыстолюбіемъ. Иванъ IV впослѣдствіи вспоминалъ, какъ Бѣльскій расхищалъ царскую казну подъ предлогомъ уплаты жалованья дѣтямъ боярскимъ, а на самомъ дѣлѣ присвоивалъ ее себѣ; причемъ изъ царскаго золота и серебра приказывалъ ковать себѣ кубки и сосуды, подписывая на нихъ имена своихъ родителей, какъ будто они достались ему въ наслѣдство. «А всѣмъ людямъ вѣдомо—прибавляетъ Иванъ IV,—при матери нашей у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи, и коли бы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше бы шуба перемѣнити». Вспоминая о высокомѣріи и грубости того-же Шуйскаго, царь говоритъ, что когда онъ въ дѣтствѣ игралъ съ своимъ младшимъ братомъ Юріемъ, то князь Иванъ Шуйскій тутъ же «сидитъ на лавкѣ, локтемъ опершися о постелю нашего отца, ногу наложивъ». Многочисленные клевреты Шуйскихъ конечно спѣшили захватывать доходныя мѣста намѣстниковъ и судей въ областяхъ, гдѣ безнаказанно угнетали народъ всякими поборами и торговали правосудіемъ. Такъ во Псковѣ свирѣпствовали намѣстники князь Андрей Шуйскій и князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что они были свирѣпы какъ львы, а люди ихъ какъ звѣри дикіе; отъ ихъ поклеповъ добрые люди разбѣгались по инымъ городамъ, и честные игумены изъ монастырей бѣжали въ Новгородъ, и не только сами псковичи уходили отъ лихихъ намѣстниковъ, но пригорожане не смѣли ѣздить во Псковъ. «А князь Андрей Михайловичъ Шуйскій былъ злодѣй: дѣла его были злы на пригородахъ и на волостяхъ; (возбуждая) истцовъ на старыя тяжбы, онъ выправлялъ съ отвѣтчиковъ съ кого сто рублей, съ кого болѣе; мастеровые люди во Псковѣ все дѣлали на него даромъ, а большіе люди несли къ нему дары». Хищенія и насилія внутреннія сопровождались и внѣшними бѣдствіями: южные и восточные предѣлы наши безнаказанно опустошались Крымскими и Казанскими татарами; Шуйскіе не умѣли дать имъ отпоръ.

Митрополитъ Іоасафъ, хотя и возведенный Шуйскими, однако скоро отъ нихъ отшатнулся, и склонился на сторону ихъ соперниковъ Бѣльскихъ. Въ слѣдующемъ 1540 году, по ходатайству митрополита передъ великимъ княземъ и думою, Иванъ Бѣльскій былъ внезапно освобожденъ, и занялъ свое мѣсто въ думѣ, гдѣ къ нему тотчасъ пристало большинство бояръ, тяготившееся владычествомъ Шуйскихъ и ихъ клевретовъ. Руководство правленіемъ перешло въ руки Бѣльскаго, и дѣла немедленно приняли оборотъ болѣе благопріятный для государства.

Во-первыхъ, было освобождено изъ заключенія семейство несчастнаго дяди государева Андрея Ивановича Старицкаго, именно его супруга Евфросинія и маленькій сынъ Владиміръ; послѣднему потомъ возвратили даже отцовскій удѣлъ. Далѣе, правительство вняло доносившимся отовсюду жалобамъ на лихоимство и неправды княжихъ намѣстниковъ и тіуновъ, и стало раздавать такъ наз. губныя грамоты по сѣвернымъ городамъ, пригородамъ и волостямъ. Этими грамотами давалось жителямъ право самимъ выбирать себѣ изъ боярскихъ дѣтей губныхъ старостъ или головъ, которые съ помощью земскихъ соцкихъ и десяцкихъ ловили разбойниковъ и татей, судили ихъ вмѣстѣ съ присяжными людьми или цѣловальниками, и сами же исполняли приговоры. Такимъ образомъ разбойничьи и татебныя дѣла исключались изъ вѣдѣнія государевыхъ намѣстниковъ и тіуновъ и отдавались самимъ жителямъ. Подобныя губныя грамоты встрѣчаются и нѣсколько прежде; но особенно стали онѣ распространяться въ управленіе Бѣльскаго. Населеніе встрѣтило ихъ очевидно съ большою благодарностію. Такъ псковскій лѣтописецъ съ радостію сообщаетъ о дарованіи такой грамоты Пскову и отозваніи изъ него Андрея Шуйскаго. «И начали — говоритъ онъ—псковскіе цѣловальники и соцкіе судить лихихъ людей на княжемъ дворѣ въ судебницѣ надъ Великою рѣкою и смертною казнію ихъ казнить; остался во Псковѣ намѣстникомъ одинъ князь Василій Рѣпнинъ-Оболенскій, и была ему нелюбка большая до Псковичъ за то, что у нихъ какъ зерцало государева грамота, и была христіанамъ радость и льгота великая отъ лихихъ людей и отъ поклепщиковъ и отъ намѣстниковъ, отъ ихъ недѣльщиковъ и ѣздоковъ, кои по волостямъ ѣздятъ».

Почувствовалась перемѣна и во внѣшнихъ дѣлахъ. Сафа-Гирей продолжалъ нападать на Муромскій и Владимірскій край; Саипъ-Гирей требовалъ большихъ поминковъ, которые хотѣлъ обратить въ

постоянную дань, а между тѣмъ татары его опустошали Рязанскія и Сѣверскія украйны. Въ Крыму продолжалъ дѣйствовать и поднимать Орду на Россію нашъ измѣнникъ Семенъ Бѣльскій. Саипъ-Гирей, сговорясь напасть на Московское государство общими силами съ Сафа-Гиреемъ, задумалъ сдѣлать большое нашествіе, которое и произвелъ лѣтомъ 1541 года. Но Московское правительство заранѣе приняло энергическія мѣры. Противъ казанцевъ выставлена была рать, которая расположилась подъ Владиміромъ и находилась подъ начальствомъ Ивана Шуйскаго. А для наблюденія за Крымомъ послана другая рать въ Коломну. Вдругъ въ Москву отъ нашихъ степныхъ сторожей или станичниковъ пришли вѣсти, что въ полѣ появились великія сакмы (слѣды): видно, что шли войска, тысячъ сто или болѣе. Саипъ-Гирей дѣйствительно поднялъ почти всю Орду и имѣлъ у себя турецкую помощь съ пушками и пищалями, также ногаевъ, астраханцевъ, азовцевъ и др. Тогда изъ Москвы двинули къ берегамъ Оки главную рать, подъ начальствомъ Дмитрія Бѣльскаго съ товарищами; а на помощь Шуйскому противъ казанцевъ послали костромскихъ воеводъ и Шихъ-Алея съ Касимовскими Татарами. Юный великій князь съ братомъ своимъ торжественно молился въ Успенскомъ соборѣ передъ иконою Владимірской Богоматери и передъ гробомъ Петра митрополита. Потомъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоасафомъ онъ отправился въ боярскую думу, и здѣсь предложилъ на обсужденіе вопросъ, оставаться ли ему въ столицѣ или ѣхать въ другіе (сѣверные) города? Большинство бояръ говорило противъ отъѣзда великаго князя, который по своему малолѣтству не могъ бы перенести большихъ трудовъ, промышлять о себѣ и о всей землѣ. Митрополитъ былъ того же мнѣнія и указывалъ на примѣръ Димитрія Донскаго, какъ при немъ была разорена Москва, покинутая княземъ. Рѣшено было, чтобы великій князь остался въ столицѣ, подъ покровомъ Богородицы и Московскихъ чудотворцевъ. Столицу дѣятельно приготовляли къ оборонѣ, разставляли пушки и пищали, расписывали людей по воротамъ, стрѣльницамъ и по стѣнамъ; посадъ укрѣпляли еще надолбами. На Оку къ воеводамъ послали государеву грамоту съ увѣщаніемъ безъ всякой розни, крѣпко стоять за православное христіанство и съ обѣщаніемъ жаловать ратныхъ людей, ихъ женъ и дѣтей. Грамоту читали съ умиленіемъ; воеводы давали другъ другу слово пострадать за христіанскую вѣру и за своего юнаго государя. На рѣчи воеводъ ратные люди съ одушевленіемъ отвѣчали:

«хотимъ съ татарами смертную чашу пить». Когда татары подошли къ Окѣ и хотѣли переправляться, ихъ встрѣтилъ передовой полкъ подъ начальствомъ князя Турунтая Пронскаго. Ханъ велѣлъ дѣйствовать изъ пушекъ и пищалей, чтобы очистить берегъ для переправы. Но къ Пронскому прибыли съ своими отрядами князья Микулинскій, Серебряный, Оболенскій и другіе; наконецъ показался и Димитрій Бѣльскій съ большимъ полкомъ; стали подходить и русскія пушки. Видя такую многочисленную рать, ханъ удивился и съ сердцемъ выговаривалъ князю Семену Бѣльскому, который обѣщалъ ему свободный путь до Москвы, такъ какъ московскія войска будто бы ушли подъ Казань. Обманувшійся въ своихъ разсчетахъ, Саипъ-Гирей не отважился на бой, и ушелъ назадъ. Дорогою онъ остановился было подъ Пронскомъ и хотѣлъ его взять; но тутъ воевода Жулебинъ приготовилъ всѣхъ жителей, въ томъ числѣ и женщинъ, къ отчаянной оборонѣ; а между тѣмъ приближались Микулинскій и Серебряный, посланные въ погоню за ханомъ. Саипъ-Гирей не сталъ ихъ ждать и ушелъ. Такъ неудачно окончилъ онъ свое нашествіе. Сафа-Гирей на сей разъ не двинулся изъ Казани, узнавъ о принятыхъ противъ него мѣрахъ и о сношеніяхъ недовольныхъ казанскихъ вельможъ съ русскими воеводами.

Съ Польско-Литовскимъ королемъ, по истеченіи перемирія, опять возобновились переговоры о вѣчномъ мирѣ, но опять неудачно, вслѣдствіе литовскихъ притязаній на уступку областей. Однако престарѣлый Сигизмундъ I не желалъ новой войны и согласился возобновить перемиріе, въ 1542 году. Но еще прежде его заключенія въ Москвѣ вновь совершилась внезапная перемѣна правительственныхъ лицъ.

Доброе управленіе Ивана Бѣльскаго продолжалось всего около полутора лѣтъ (съ іюля 1540 г. по январь 1542 г.). Мы видѣли, что онъ не только не пытался лишить свободы своего врага и соперника Ивана Шуйскаго, но и далъ ему начальство надъ войскомъ, стоявшимъ во Владимірѣ для обороны предѣловъ со стороны Казани. Сторона Шуйскихъ коварно воспользовалась такимъ добродушіемъ. Въ Москвѣ дѣйствовали за него князья Кубенскій, Палецкій, многіе дворяне и дѣти боярскіе, особенно происходившіе изъ Новгорода, который изстари былъ преданъ фамиліи Шуйскихъ. Въ Москвѣ составился большой заговоръ противъ Бѣльскаго. Заговорщики тайно вошли въ сношенія съ Шуйскимъ и назначили ему 3 января для внезапнаго пріѣзда въ столицу. Онъ такъ и сдѣлалъ;

а еще до его пріѣзда ночью прискакали его сынъ и бояринъ Шереметевъ съ 300 человѣкъ дружины, и тотчасъ схватили Бѣльскаго. Его сослали на Бѣлоозеро, и тамъ вскорѣ умертвили; нѣсколькихъ приверженныхъ къ нему бояръ также разослали по городамъ; причемъ князя Петра Щенятева взяли изъ комнаты самого государя, куда проникли задними дверями. Митрополитъ Іоасафъ, въ ту ночь разбуженный нападеніемъ заговорщиковъ, которые бросали камни въ его келлію, также искалъ спасенія во дворѣ; но тѣ въ слѣдъ за нимъ ворвались въ самую спальню великаго князя, котораго разбудили и напугали своимъ шумомъ. Іоасафъ отсюда уѣхалъ на Троицкое подворье; но и туда явились за нимъ новогородскіе дѣти боярскіе и едва не убили; его спасли князь Палецкій и троицкій игуменъ Алексѣй, именемъ св. Сергія заклинавшій заговорщиковъ не совершать такого святотатственнаго убійства. Кончили тѣмъ, что Іоасафа сослали въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь; а на каѳедру митрополичью возвели новогородскаго архіепископа Макарія; такъ какъ Шуйскіе имѣли на своей сторонѣ по преимуществу новгородцевъ и еще прежде находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ Макаріемъ. Любопытно, что братъ Ивана Бѣльскаго Димитрій по прежнему не былъ тронутъ и сохранилъ свое мѣсто въ думѣ. Но замѣчательна недолговѣчность и непрочность лицъ, захватывавшихъ власть въ эту эпоху. Едва Иванъ Шуйскій снова водворился у кормила правленія, какъ въ томъ же 1542 году онъ уже сошелъ со сцены, и о немъ болѣе нѣтъ помину; изъ сего выводятъ заключеніе о его смерти. Однако и послѣ него власть осталась въ рукахъ его родственниковъ; изъ нихъ первенствующее значеніе въ думѣ получилъ Андрей Михайловичъ Шуйскій, тотъ самый, который отличился своими грабительствами и притѣсненіями во Псковѣ. Но и онъ не долго пользовался своимъ значеніемъ: его буйный, строптивый нравъ вскорѣ вызвалъ на сцену дѣйствія подрастающаго Ивана IV, будущаго Грознаго царя. ([30]).

Иванъ IV остался трехлѣтнимъ ребенкомъ послѣ своего отца; ему шелъ осьмой годъ, когда онъ лишился матери и сталъ рости подъ непосредственными впечатлѣніями эпохи боярскихъ партій, исполненной всякихъ тревогъ и опасностей. При частой смѣнѣ правителей, естественно некому было заботиться о его воспитаніи, и царственное дитя, можно сказать, было предоставлено самому себѣ. Большая часть этой эпохи занята была господствомъ Шуйскихъ, и они-то по преимуществу виновны въ небрежномъ воспитаніи маль-

чика и въ дурномъ съ нимъ обращеніи. На это грубое обращеніе впослѣдствіи горько жаловался самъ Иванъ IV; онъ говоритъ, что нерѣдко съ братомъ своимъ терпѣлъ голодъ, пока соберутся ихъ накормить. Любимыхъ имъ людей у него отнимали и отправляли въ тюрьму или въ заточеніе, несмотря на его просьбы и слезы: напримѣръ, мамку его Агриппину, ея брата Телепнева-Оболенскаго, Ивана Бѣльскаго, митрополитовъ Даніила и Іоасафа. Мы видѣли, что послѣдній не могъ найти спасенія отъ своихъ враговъ въ самой спальнѣ юнаго государя (а подъ руководствомъ сихъ митрополитовъ онъ конечно началъ свое обученіе грамотѣ и Закону Божію). Межъ тѣмъ мальчикъ не могъ не знать, что всѣ правительственные акты совершались его именемъ; при большихъ церковныхъ праздникахъ, при пріемѣ иноземныхъ пословъ и при разныхъ торжествахъ онъ являлся на главномъ мѣстѣ, окруженный почетомъ и блестящею боярскою свитою, что конечно вселяло въ него высокое о себѣ понятіе. Отъ природы Иванъ IV былъ очевидно впечатлителенъ и даровитъ, что можетъ быть обусловливалось отчасти и самымъ происхожденіемъ его съ женской стороны: бабушка его была греко-итальянка, а мать литво-русинка. Грубое обращеніе при его нервности и впечатлительности естественно ожесточало его сердце. Признаки жестокосердія появились у него очень рано. Сначала это жестокосердіе упражнялось надъ животными: такъ мальчику, напримѣръ, доставляло удовольствіе бросать животныхъ съ высокаго терема на землю и любоваться его муками. А когда онъ сталъ приходить въ возрастъ, то сталъ уже забавляться испугомъ и страданіями людей. Собравъ вокругъ себя толпу сверстниковъ изъ сыновей московской знати, онъ верхомъ скакалъ съ нею по улицамъ и торговымъ площадямъ, давилъ и билъ встрѣчающихся мужчинъ и женщинъ; упражнялся и въ другихъ неблагопристойныхъ дѣяніяхъ. А ласкатели раболѣпно восклицали: «О храбръ будетъ сей царь и мужественъ!» Бояре-правители не только не препятствовали подобнымъ забавамъ, но и поощряли ихъ, желая какъ можно долѣе отвлекать вниманіе отрока отъ дѣлъ государственныхъ. Съ тою же цѣлью поощряли занятіе псовой и соколиной охотой, къ которой Іоаннъ пристрастился также съ раннихъ лѣтъ. Но въ то же время Шуйскіе ревностно наблюдали за тѣмъ, чтобы кто либо изъ бояръ помимо ихъ не сдѣлался близокъ къ юному государю и не пріобрѣлъ на него вліянія.

Іоанну исполнилось тринадцать лѣтъ, когда онъ сталъ оказывать

особое расположеніе къ боярину Ѳедору Семеновичу Воронцову (брату помянутыхъ выше Михаила и Дмитрія Семеновичей) и держать его въ приближеніи. Не долго думая, въ сентябрѣ 1543 года трое Шуйскихъ (братья Андрей и Иванъ Михайловичи и Ѳедоръ Ивановичъ Скопинъ) съ сторонниками своими, князьями Кубенскимъ, Пронскимъ, Шкурлятевымъ, Палецкимъ и др., вслѣдствіе какого-то спора, напали на Ѳедора Воронцова въ самой думѣ боярской, собравшейся въ Столовой избѣ, въ присутствіи великаго князя; вытащили его въ другую комнату, начали бить по щекамъ, изорвали на немъ платье и хотѣли убить. Государь послалъ къ нимъ митрополита и бояръ Поплевиныхъ-Морозовыхъ съ просьбою, чтобы не убивали. Шуйскіе исполнили эту просьбу; но когда потомъ Иванъ просилъ послать Ѳедора Воронцова съ его сыномъ въ Коломну, если имъ уже нельзя быть въ Москвѣ, правители не согласились, и сослали Воронцовыхъ въ Кострому. Во время сихъ переговоровъ, когда митрополитъ ходилъ уговаривать Шуйскихъ, одинъ изъ его приспѣшниковъ, Ѳома Головинъ, дерзко наступилъ на мантію митрополита и розорвалъ ее. Юный великій князь былъ сильно возмущенъ такимъ своеволіемъ Шуйскихъ; но, затаивъ жажду мести, черезъ недѣлю выѣхалъ съ братомъ Юріемъ и нѣкоторыми боярами въ обычное осеннее путешествіе въ Троице-Сергіевъ монастырь, откуда отправился въ Волокъ Ламскій и Можайскъ, по примѣру отцовскому соединяя богомолье съ охотою. Черезъ двѣ недѣли онъ воротился, и еще около двухъ мѣсяцевъ не обнаруживалъ своего замысла, который созрѣлъ въ немъ вѣроятнѣе всего подъ вліяніемъ его дядей, двухъ князей Глинскихъ. А въ концѣ декабря, на святкахъ, онъ, улучивъ минуту, внезапно велѣлъ схватить «первосовѣтника» князя Андрея Шуйскаго, и отдалъ его своимъ псарямъ; тѣ повлекли его къ тюрьмамъ и дорогою убили противъ кремлевскихъ Ризположенскихъ воротъ. Нѣкоторыхъ второстепенныхъ сторонниковъ его, въ томъ числѣ Ѳому Головина, разослали въ заточеніе. Это первое рѣшительное проявленіе самовластія со стороны юнаго государя не встрѣтило никакого препятствія и показало всю силу Московскаго самодержавія. Съ той поры—прибавляетъ лѣтопись—«начали бояре отъ государя страхъ имѣти и послушаніе».

Но за симъ началомъ пока не послѣдовало большихъ перемѣнъ въ управленіи. Іоаннъ былъ еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы самому стать въ его главѣ. Въ правительственной думѣ, Шуйскихъ повидимому смѣнили его дядья Глинскіе. А самъ великій

князь попрежнему предавался своимъ забавамъ; только время отъ времени изрекалъ опалы и подвергалъ наказаніямъ нѣкоторыхъ бояръ, особенно изъ сверженной партіи Шуйскихъ. Такъ подверглись опалѣ князья Кубенскій, Петръ Ивановичъ Шуйскій, Александръ Горбатый, Палецкій; Аѳанасію Бутурлину отрѣзали языкъ за невѣжливыя слова. Въ числѣ опальныхъ встрѣчается и прежній любимецъ Ивана IV Ѳедоръ Воронцовъ, котораго онъ поспѣшилъ воротить изъ ссылки. Другіе бояре, особенно Глинскіе, завидовали Воронцову и воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ отъ него отдѣлаться. Въ маѣ 1546 г. пришли вѣсти о близкомъ нашествіи крымскаго хана. Великій князь самъ выступилъ съ войскомъ въ Коломну. Но вѣсти оказались ложными; ханъ не приходилъ. Однажды государь выѣхалъ за городъ на прогулку. Тутъ встрѣтила его толпа новгородскихъ пищальниковъ и начала о чемъ-то бить челомъ. Іоаннъ не пожелалъ ихъ слушать, и велѣлъ своимъ дворянамъ прогнать ихъ. Пищальники заупрямились и стали бросать грязью и шапками; отсюда разгорѣлась драка; отъ грязи ослушники перешли къ ослопамъ и къ выстрѣламъ; а дворяне пустили въ дѣло луки и сабли; съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку человѣкъ было убито. Іоаннъ не могъ проѣхать прямо въ свой станъ, и долженъ былъ воротиться окольными дорогами. Разгнѣванный, онъ поручилъ приближенному своему дьяку Василію Захарову развѣдать, кто подучилъ пищальниковъ. Захаровъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, донесъ государю, что виновны въ этомъ дѣлѣ князь Иванъ Кубенскій и Ѳедоръ Воронцовъ съ своимъ родственникомъ Василіемъ. Іоаннъ повѣрилъ дьяку, и велѣлъ всѣмъ троимъ отрубить головы; причемъ имъ поставлены въ вину ихъ прежнія мздоимства и проступки въ дѣлахъ государскихъ и земскихъ. Къ тому же времени относятся и казни нѣкоторыхъ другихъ бояръ и княжатъ, каковы: Трубецкой, Дорогобужскій, Овчина-Оболенскій (сынъ извѣстнаго Ивана Ѳедоровича) и пр. Въ эту пору своей юности Іоаннъ часто разъѣзжалъ по областямъ своего государства; посѣщалъ монастыри и особенно занимался охотою. Такія поѣздки дорого обходились мѣстному населенію, доставлявшему подводы и кормы для многочисленной государевой свиты, и возбуждали народный ропотъ. Такъ псковскій лѣтописецъ, сообщая о поѣздкахъ Іоанна въ Новгородъ, Псковъ, Печерскій и Тихвинскій монастыри, въ декабрѣ 1547 года, прибавляетъ: «не управилъ своей отчины ничего князь великій, а

все гонялъ на мскахъ (на ямскихъ), а христіанамъ много проторъ и волокиты учинили».

Воротясь въ Москву изъ послѣдней поѣздки, семнадцатилѣтній Іоаннъ вдругъ объявилъ митрополиту Макарію свое намѣреніе жениться. Митрополитъ по сему поводу служилъ торжественный молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Затѣмъ великій князь созвалъ бояръ и держалъ къ нимъ рѣчь о томъ же своемъ намѣреніи. При семъ онъ прямо говорилъ, что сначала хотѣлъ было искать невѣсту въ иномъ царствѣ, но потомъ эту мысль отложилъ; ибо иноземная жена имѣла бы съ нимъ разные «норовы», отчего происходила бы между ними «тщета», а потому онъ рѣшилъ «жениться въ своемъ государствѣ». Хотя лѣтопись и замѣчаетъ, что митрополитъ и бояре отъ радости заплакали, видя, что такой молодой государь ни съ кѣмъ не совѣтуется, а дѣйствуетъ по внушенію Промысла Божія; но едва-ли на его рѣшеніе не повліялъ тотъ-же митрополитъ Макарій. По всей вѣроятности государю при семъ указано было на примѣры отца и дѣда, которыхъ женитьба на иностранкахъ произвела большіе толки и неудовольствіе на введеніе иноземныхъ обычаевъ; а, главное, иноземная невѣста означала иновѣрку, ибо трудно было тогда найти иноземную принцессу православной вѣры. Но то было не единственнымъ намѣреніемъ государя. Тутъ-же онъ объявилъ боярамъ, что еще прежде женитьбы онъ хочетъ вѣнчаться на царство по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ великаго князя Владиміра Мономаха. Это торжественное вѣнчаніе совершено было 16 января митрополитомъ въ Успенскомъ соборѣ по тому-же чину и почти съ тѣми-же обрядами какъ помянутое выше вѣнчаніе Димитрія, внука Ивана III. Оно замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что къ прежнему титулу «великаго князя» Іоаннъ присоединилъ теперь титулъ «царя». Послѣдній уже встрѣчался иногда при его дѣдѣ; уже отецъ его Василій приказывалъ именовать себя царемъ. Но съ сего времени, т. е. со времени Іоаннова коронованія, употребленіе сего титула сдѣлалось постояннымъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Книжные люди не преминули обратить вниманіе на эту перемѣну и придавали новому титулу большое значеніе. По ихъ понятіямъ Московскій царь является прямымъ преемникомъ православныхъ царей греческихъ, отъ которыхъ происходитъ и по бабкѣ своей Софьѣ, и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Владиміра Святаго. А царство Россійское, какъ они толковали, есть третій Римъ, наслѣдникъ двухъ прежнихъ («два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому

не быть»). Какъ-бы въ подтвержденіе сихъ толкованій, единственный авторитетъ, къ которому Іоаннъ потомъ обратился за подтвержденіемъ своего новаго титула или собственно за благословеніемъ, былъ цареградскій патріархъ: отъ него и была получена утвердительная грамота.

Относительно выбора невѣсты Іоаннъ повторилъ тотъ-же способъ, который былъ употребленъ при первой женитьбѣ его отца Василія III, и который существовалъ еще у Византійскихъ императоровъ. По городамъ разосланы грамоты къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ съ приказомъ представить своихъ дѣтей или родственницъ—дѣвицъ на смотръ намѣстникамъ: послѣдніе изъ нихъ выбирали лучшихъ и отсылали въ Москву; а здѣсь между ними уже самъ царь выбиралъ себѣ невѣсту. Изъ толпы собранныхъ красавицъ Иванъ Васильевичъ выбралъ Анастасію Романовну Захарьину-Юрьеву. Она происходила изъ рода Андрея Кобылы, извѣстнаго московскаго боярина временъ Симеона Гордаго. Сей родъ съ теченіемъ времени весьма развѣтвился, такъ что насчитываютъ болѣе 20 происшедшихъ отъ него боярскихъ и дворянскихъ родовъ, каковы, кромѣ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, Жеребцовы, Шереметевы, Беззубцевы, Зубатые, Колычовы, Ляцкіе, Кобылины, Ладыгины, Неплюевы и пр. Внукъ Андрея Кобылы, Иванъ Ѳедоровичъ Кошкинъ (любимецъ Василія I), имѣлъ въ числѣ своихъ сыновей Захарію; одинъ изъ сыновей этого Захарія Кошкина Юрій былъ бояриномъ Ивана III и его дѣти назывались Захарьины-Юрьевы. Старшій сынъ его Михаилъ Юрьевичъ, какъ мы видѣли, находился въ числѣ наиболѣе приближенныхъ бояръ Василія III. Другой сынъ, Романъ Юрьевичъ, носилъ званіе окольничаго. Оба они уже умерли; въ живыхъ оставался третій сынъ Григорій Юрьевичъ. Романъ Юрьевичъ оставилъ послѣ себя вдову Юліану Ѳедоровну съ двумя сыновьями, Даніиломъ и Никитою, и двумя дочерьми, Анной (вышедшей замужъ за князя Сицкаго) и А н а с т а с і е й, на которую палъ выборъ царя Ивана. Свадьба ихъ совершилась 3 февраля въ Успенскомъ соборѣ. Вѣнчалъ митрополитъ Макарій. Послѣ вѣнчанія онъ произнесъ къ новобрачнымъ слово, въ которомъ увѣщевалъ ихъ прилежать къ Церкви и соблюдать вѣру, творить милостыню, заступаться за вдовъ и сиротъ, не слушать льстецовъ и злыхъ навѣтовъ, бояръ и дѣтей боярскихъ жаловать, чтить праздники, въ посты хранить чистоту тѣлесную и т. д. Свадьба Ивана IV была справлена по тому же чину и сопровождалась тѣми же обрядами какъ и помянутая выше женитьба отца

его Василія на Еленѣ Глинской. При семъ мѣсто посаженой матери занимала вдова Андрея Старицкаго княгиня Евфросинія, а тысяцкимъ былъ сынъ ея Владиміръ Андреевичъ. Родной братъ Ивана IV Юрій «въ первый день сидѣлъ за столомъ въ большомъ мѣстѣ». Одинъ его дядя по матери, Михаилъ Васильевичъ Глинскій, имѣвшій званіе конюшаго, ѣздилъ всю ночь около подклѣти, а другой дядя Юрій Васильевичъ Глинскій «слалъ постелю» и водилъ новобрачнаго въ мыльню; причемъ въ числѣ спальниковъ великокняжихъ упоминаются Алексѣй и Данила Θедоровичи Адашевы и Никита Романовичъ Юрьевъ, младшій шуринъ царскій. А старшій шуринъ, Данила Романовичъ Юрьевъ, участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ въ санѣ окольничаго. По окончаніи свадебныхъ празднествъ, черезъ двѣ недѣли послѣ вѣнчанія, царственная новобрачная чета, исполняя благочестивые обычаи предковъ, отправилась въ Троице-Сергіеву обитель; причемъ царь совершилъ этотъ путь пѣшкомъ, несмотря на зимнее время.

Лѣтописцы прославляютъ Анастасію Романовну за ея добродѣтели; Іоаннъ самъ впослѣдствіи признавался, что нѣжно любилъ свою первую супругу. Однако не вдругъ сказалось ея благое умиротворяющее вліяніе на его пылкую натуру и испорченные нравы. Послѣ царскаго вѣнчанія и брака Іоаннъ повидимому продолжалъ вести безпечную жизнь, предоставляя правительственныя дѣла по преимуществу дядьямъ Глинскимъ, которые оказались не лучше своихъ предшественниковъ Шуйскихъ и также позволяли своимъ клевретамъ безнаказанно утѣснять и грабить черныхъ людей, чѣмъ возбуждали неудовольствія и ропотъ въ народѣ. Нужны были сильныя потрясенія и бѣдствія, чтобы образумить молодого государя, толкнуть его на благой путь, и они не замедлили.

Пожары были обычнымъ бѣдствіемъ въ древней Руси и нерѣдко опустошали столицу, при ея сплошныхъ деревянныхъ и безпорядочныхъ постройкахъ, мѣстами раздѣленныхъ садами и огородами, а мѣстами тѣсно скученныхъ, особенно въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Но особенно сильны и опустошительны были пожары весною и лѣтомъ 1547 года. 12 апрѣля выгорѣла часть Китай-города, примыкавшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ торговыми лавками, гостинными дворами и нѣкоторыми церквами; при чемъ одна башня, заключавшая складъ пороху, взлетѣла на воздухъ съ частью стѣны. 20 апрѣля сгорѣла часть Посада около устья Яузы, на Болва-

повкѣ, гдѣ жили гончары и кожевники. Іоаннъ повидимому не особенно скорбѣлъ объ этихъ народныхъ бѣдствіяхъ. Въ то время псковичи, утѣсняемые намѣстникомъ княземъ Турунтаемъ Пронскимъ, пріятелемъ Глинскихъ, отправили 70 человѣкъ съ жалобами на него государю. 3 іюня Іоаннъ принялъ ихъ въ подгородномъ сельцѣ Островкѣ; но жалобы ихъ встрѣтилъ съ гнѣвомъ, началъ надъ ними издѣваться, велѣлъ раздѣть ихъ до нага, подпаливалъ имъ бороды зажженною свѣчею, потомъ приказалъ положить ихъ на землю. Жалобщики уже ожидали казни, какъ вдругъ изъ города прискакали съ извѣстіемъ, что упалъ большой колоколъ Благовѣстникъ (висѣвшій въ Кремлѣ на деревянной колокольницѣ): когда начали звонить въ него къ вечернѣ, уши у него отломились. Царь встревожился такимъ недобрымъ знаменіемъ, и тотчасъ ускакалъ въ городъ, чѣмъ прекратились дальнѣйшія истязанія несчастныхъ псковскихъ жалобщиковъ. Упавшій колоколъ оказался цѣлымъ и неповрежденнымъ; Іоаннъ велѣлъ придѣлать къ нему желѣзныя уши, а потомъ вновь повѣсить на ту же колокольницу. Но вотъ 21 іюня вспыхнулъ новый и самый страшный пожаръ. Онъ начался съ церкви Воздвиженья на Арбатѣ за рѣчкой Неглинной и спалилъ все Занеглименье. Поднялась буря, которая погнала огонь на Кремль; тутъ загорѣлся верхъ Успенскаго собора, кровли царскихъ палатъ, казенный дворъ съ царскою казною, придворный Благовѣщенскій соборъ съ его драгоцѣнными, украшенными золотомъ и бисеромъ, иконами письма стараго Греческаго и Андрея Рублева. Сгорѣла Оружейная палата съ воинскимъ оружіемъ, Постельная палата и погреба съ царскою дорогою утварью, царская конюшня, митрополичій дворъ. Погорѣли богатые кремлевскіе монастыри, Чудовъ и Вознесенскій, съ нѣскольми старцами и старицами. Почти всѣ кремлевскіе дворы боярскіе выгорѣли. Одна башня съ порохомъ также взлетѣла на воздухъ съ частью стѣны. Отсюда огонь распространился на сосѣдній Китай-городъ и истребилъ едва не все, что осталось отъ предыдущаго пожара. На Большомъ посадѣ онъ опустошилъ еще улицы Рождественку и Мясницкую, Покровку, Варварку, Тверскую, Дмитровку и нѣкоторыя другія мѣста, со многими храмами и монастырями, въ которыхъ погорѣло множество старыхъ книгъ, иконъ и дорогой церковной утвари. При семъ пожарѣ погибло до 1700 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Лѣтописцы замѣчаютъ, что такого страшнаго пожара не бывало въ Москвѣ отъ самаго ея начала.

Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ Успенскомъ соборѣ, откуда онъ собственноручно вынесъ образъ Богородицы письма св. Петра митрополита. Въ сопровожденіи протопопа Гурія, который несъ за нимъ Кормчую книгу, Макарій взошелъ на Тайнинскую башню; но отъ дыма не могъ тутъ долго оставаться; его на канатѣ стали спускать на набережную Москвы-рѣки; канатъ вдругъ оборвался, и митрополитъ такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя. Его отвезли въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей своей и съ боярами уѣхалъ изъ города за Москву-рѣку въ свое село Воробьево. На слѣдующій день онъ съ боярами навѣстилъ больного митрополита въ Новоспасскомъ монастырѣ. Тутъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и духовникъ царскій, протопопъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Барминъ, начали говорить царю, будто Москва сгорѣла отъ какого то волшебства, посредствомъ котораго вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ водою и тою водою кропили городъ. Царь какъ бы внялъ такому грубому суевѣрію и неосторожно поручилъ боярамъ произвести розыскъ. Спустя нѣсколько дней, бояре пріѣхали на Кремлевскую соборную площадь, собрали черныхъ людей, и начали ихъ спрашивать: кто зажигалъ Москву? Черные люди, очевидно заранѣе подготовленные, закричали, что это княжна Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала помянутымъ выше способомъ. На ту пору княжна Анна съ сыномъ Михаиломъ находилась въ своихъ ржевскихъ помѣстьяхъ; а другой ея сынъ Юрій стоялъ тутъ же среди бояръ. Услыхавъ страшныя слова, онъ поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но толпа, наущаемая боярами, бросилась за нимъ, вытащила его изъ храма и, убивъ на мѣстѣ, бросила его тѣло на торгу, гдѣ казнили преступниковъ. Убійство Глинскаго было началомъ народнаго мятежа. Чернь бросилась послѣ того на его дворъ, принялась грабить и бить на смерть его людей; при чемъ погибло много дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской области, которыхъ сочли за людей Глинскихъ. На третій день послѣ убійства мятежная толпа явилась въ Воробьево, и требовала отъ царя выдачи его бабки княгини Анны Глинской съ сыномъ Михаиломъ, которыхъ онъ будто хоронитъ въ своихъ покояхъ. Іоаннъ велѣлъ своимъ дворянамъ схватить нѣсколько мятежниковъ и немедленно ихъ казнить. Толпа въ страхѣ разбѣжалась. Мятежъ былъ усмиренъ; но вмѣстѣ съ нимъ прекратилось господство Глинскихъ. Князь Михаилъ Васильевичъ, узнавъ объ участи брата, испугался и вмѣстѣ съ княземъ Ту-

рунтаемъ-Пронскимъ хотѣлъ бѣжать въ Литву; они были схвачены, но потомъ прощены и отданы на поруки; при чемъ съ Глинскаго сняли санъ конюшаго. Очевидно противъ Глинскихъ, какъ ненавистныхъ временщиковъ, дѣйствовала цѣлая боярская партія съ помощью царскаго духовника Бармина. Во главѣ этой партіи встрѣчаемъ князя Ѳедора Скопина Шуйскаго; а прежнее господство Шуйскихъ, какъ мы видѣли, было низвержено совѣтомъ Глинскихъ. Къ той же партіи примкнулъ и дядя царицы Григорій Юрьевичъ Захарьинъ.

Однако послѣ сверженія Глинскихъ ни Шуйскіе, ни Захарьины не явились во главѣ управленія. Самыми приближенными къ государю и самыми вліятельными людьми выступили два незнатные мужа: Сильвестръ и Адашевъ.

Сильвестръ происходилъ изъ Новгорода-Великаго и находился въ числѣ священниковъ придворнаго Благовѣщенскаго собора. Онъ былъ и прежде извѣстенъ Ивану Васильевичу. Одинъ современникъ говоритъ, что сей мужъ воспользовался страхомъ, въ который поверженъ былъ юный царь народнымъ мятежомъ послѣ страшнаго пожара, и началъ заклинать его Божьимъ именемъ, чтобы тотъ исправилъ свое поведеніе; приводилъ ему слова изъ Св. Писанія, и даже разсказывалъ ему о какихъ-то видѣніяхъ и чудесахъ. Своими увѣщаніями онъ будто бы такъ поразилъ впечатлительную душу Іоанна, что въ послѣднемъ совершился явный нравственный переворотъ: юный царь устыдился своихъ прежнихъ поступковъ, смирился духомъ и подчинился вліянію простого іерея. Но вѣроятнѣе, что Сильвестръ постепенно пріобрѣлъ довѣріе и уваженіе царя, благодаря своей начитанности и дару слова, а, главное, своему уму и твердому характеру. Въ то же время въ союзѣ съ Сильвестромъ выдвигается любимый Іоанновъ ложничій или спальникъ Алексѣй Адашевъ, молодой человѣкъ, отличавшійся умомъ и привлекательнымъ нравомъ. Благотворное вліяніе этихъ двухъ мужей поддерживаетъ добродѣтельная супруга царя Анастасія. За одно съ ними очевидно дѣйствуетъ и митрополитъ Макарій, который вѣроятно зналъ и уважалъ Сильвестра еще въ Новгородѣ-Великомъ, а теперь способствовалъ его приближенію къ царю. Съ этого времени открывается краткая, но блестящая эпоха Іоаннова царствованія, ознаменованная успѣхами во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ. Самъ царь очевидно умѣрилъ свою привычку къ пустымъ забавамъ и проводилъ время или въ заботахъ прави-

тельственныхъ, или въ походахъ и благочестивыхъ путешествіяхъ. А въ свободное время онъ, вѣроятно подъ руководствомъ тѣхъ же Макарія и Сильвестра, углублялся въ чтеніе душеполезныхъ книгъ, каковы: творенія Отцовъ Церкви, житія святыхъ, отечественныя лѣтописи и т. п. Впослѣдствіи онъ любилъ блеснуть своею начитанностію и книжными свѣдѣніями, очевидно почерпнутыми въ эту счастливую эпоху его жизни. (31).

Межъ тѣмъ какъ царь, бояре и духовенство усердно заботились о возстановленіи московскихъ храмовъ и своихъ обгорѣлыхъ палатъ, въ царской семьѣ справлены двѣ новыя свадьбы. Сначала Іоаннъ далъ разрѣшеніе на бракъ своему младшему брату Юрію, а потомъ женилъ и двоюроднаго брата Владиміра Андреевича. Любопытно, что въ обоихъ случаяхъ для выбора невѣсты употребленъ былъ почти тотъ же способъ, что и для царской свадьбы. Собрали дѣвицъ на смотръ, но не со всего государства, а только дочерей княжескихъ и боярскихъ въ столицѣ; изъ нихъ царь вмѣстѣ съ женихами выбралъ невѣстъ: Юрію Васильевичу княжну Ульяну, дочь князя Димитрія Палецкаго, а Владиміру Андреевичу дѣвицу Евдокію, дочь Александра Нагаго. Свадьбы эти были вѣнчаны также митрополитомъ, и пышно отпразднованы при дворѣ съ тѣми же многочисленными обрядами и церемоніями какъ царская. Юрія съ женою Іоаннъ помѣстилъ въ собственномъ дворцѣ и почти всегда держалъ его при себѣ. На важныхъ правительственныхъ грамотахъ стали писать: «Царь и великій князь съ своей братьею и съ бояры (уложилъ)».

За симъ послѣдовалъ весьма важный шагъ со стороны молодого государя: то былъ первый Земскій соборъ или Великая земская дума, созванная въ Москвѣ въ 1550 году для умиротворенія государства, все еще глубоко возмущеннаго крамолами и неправдами боярскаго управленія. Какъ царскій титулъ употреблялся иногда и прежними государями, но впервые былъ усвоенъ и введенъ въ постоянное употребленіе Іанномъ IV, такъ и собранія областныхъ чиновъ въ столицѣ по какому-либо важному вопросу—собранія, замѣнившія и древнія вѣча, и княжеско-дружинные съѣзды—встрѣчаются въ прежнія времена (напримѣръ передъ первымъ походомъ Иванна III на Новгородъ); но настоящіе земскіе соборы, или совѣты, начинаются на Руси съ Ивана IV. Ближайшими образцами для такихъ совѣтовъ повидимому послужили соборы церковные, которые были весьма обычны въ древней Россіи. И самая

мысль о созваніи земской думы едва ли не принадлежала митрополиту Макарію и священнику Сильвестру, вѣроятно нечуждыхъ новгородскимъ вѣчевымъ преданіямъ. По крайней мѣрѣ въ записи, составленной по сему поводу, говорится слѣдующее: «Когда царь и великій князь Иванъ Васильевичъ достигъ двадцатилѣтняго возраста, то видя государство свое въ великой скорби и печали отъ насилія и неправдъ, совѣтовался съ отцемъ своимъ Макаріемъ митрополитомъ, какъ прекратить крамолы (боярскія) и утолить вражду (т. е. ропотъ народный); послѣ чего повелѣлъ собрать изъ городовъ людей всякаго чину». Судя по послѣдующимъ примѣрамъ, кромѣ столичныхъ чиновъ изъ областей созваны были представители отъ духовенства, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, а также нѣкоторые гости и купцы.

Въ одинъ Воскресный день, послѣ обѣдни, государь и митрополитъ съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи земской думы, вышли на площадь, гдѣ находился возвышенный помостъ или такъ наз. Лобное мѣсто, окруженное густыми толпами народа. Послѣ молебна, Іоаннъ, стоя на этомъ помостѣ, обратился сначала къ митрополиту, и, прося быть ему помощникомъ и поборникомъ, сказалъ:

— Самъ ты вѣдаешь, святой владыка, какъ я остался отъ отца своего четырехъ лѣтъ, а отъ матери осьми лѣтъ. Бояре и вельможи о мнѣ не радѣли и стали самовластны; именемъ моимъ сами похищали себѣ саны и почести, никто не возбранялъ имъ упражняться во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ. Они властвовали, а я былъ глухъ и нѣмъ по своей юности и неразумію. О лихоимцы, хищники и неправедные судіи! Какой отвѣтъ нынѣ дадите намъ за многія слезы, изъ-за васъ пролитыя? Я чистъ отъ крови сей, а вы ожидайте своего воздаянія.

Затѣмъ царь поклонился народу на всѣ стороны и продолжалъ:

— Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! молю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ. Нынѣ уже невозможно исправить вашихъ прошлыхъ обидъ и разореній отъ неправосудія и лихоимства, попущенныхъ неправедными моими боярами и властями. Молю васъ забудьте вражды другъ на друга и тяготы свои кромѣ тѣхъ, какія бы еще можно облегчить. Отнынѣ я самъ буду вамъ судья и оборона, буду отмѣнять неправды и возвращать хищенія.

Помянутая запись прибавляетъ, что въ тотъ же день государь поручилъ своему любимцу Алексѣю Адашеву принимать челобитныя отъ обиженныхъ и разсматривать ихъ, не боясь сильныхъ и слав-

ныхъ. «Алексѣй,—говорилъ онъ—взялъ я тебя изъ бѣдныхъ и самыхъ молодыхъ людей за твои добрыя дѣла, а взыскалъ тебя выше твоей породы въ помощь душѣ моей, хотя на то и не было твоего желанія». Вообще Иванъ IV въ эти дни торжественно и краснорѣчиво показывалъ, что время боярскаго самовластія миновало, что онъ беретъ въ собственныя руки судьбы управленія, что въ помощь себѣ избираетъ людей незнатныхъ и небогатыхъ, а на родовитыхъ бояръ какъ бы налагаетъ опалу, чтобы удовлетворить возбужденному противъ нихъ народному негодованію и въ глазахъ народныхъ провести рѣзкую черту между государемъ и боярствомъ. Не имѣемъ права заподозрить Іоанна въ неискренности; но несомнѣнно, при семъ случаѣ ярко обнаружилась его даровитая, пылкая натура вмѣстѣ съ наклонностью къ широковѣщательности и, если можно такъ выразиться, къ нѣкоторой сценичности въ своихъ дѣйствіяхъ.

Хотя источники не говорятъ намъ, чѣмъ занимался этотъ первый Земскій соборъ; однако имѣемъ право предположить, что главнымъ предметомъ его совѣщаній служили вопросы, связанные съ улучшеніемъ судебныхъ порядковъ. Отсюда непосредственнымъ плодомъ его явилось новое изданіе судебнаго свода. Самъ Иванъ IV послѣ говорилъ (въ предисловіи къ Стоглавнику), что онъ, повидимому на томъ же первомъ земскомъ соборѣ, съ разрѣшенія митрополита и епископовъ уже простилъ боярамъ ихъ прежнія вины (за которыя только что грозилъ воздаяніемъ) и «тогда же» взялъ у владыки благословеніе «исправить по старинѣ и утвердити Судебникъ». Здѣсь конечно разумѣется судебный сводъ дѣда его Ивана III. И дѣйствительно, Судебникъ 1550 года есть не болѣе какъ Судебникъ 1477 года, исправленный и дополненный, въ смыслѣ бо́льшаго огражденія населенія отъ судейскихъ неправдъ и притѣсненій. Такъ по новому Судебнику на судѣ намѣстника или волостеля земскіе люди въ лицѣ старостъ и цѣловальниковъ не только присутствовали, но и прикладывали руки къ судному списку, который писался земскимъ дьякомъ, и этотъ списокъ хранился у намѣстника; а противень съ него, написанный намѣстничьимъ дьякомъ и снабженный печатью намѣстника, долженъ храниться у дворскаго старосты и цѣловальниковъ. Далѣе, для разбойныхъ и душегубныхъ дѣлъ назначаются особые судьи, называвшіеся губными старостами. По прежнему Судебнику недѣльщики и приставы могли не сами отвозить вызовъ на судъ отвѣт-

чику, а послать вмѣсто себя своего родственника или знакомаго; такъ какъ отсюда происходили разныя злоупотребленія, то новый Судебникъ опредѣляетъ, чтобы каждый недѣльщикъ имѣлъ у себя особыхъ ѣздоковъ, записанныхъ въ книгу у дьяка, и только этихъ ѣздоковъ (оффиціально признанныхъ) онъ могъ посылать куда самъ не былъ въ состояніи ѣхать. Прежнее безсрочное право выкупа поземельнаго владѣнія родственниками теперь ограничено сорокалѣтнимъ срокомъ, и т. п. Вообще Судебникъ Ивана IV представляетъ сводъ точнѣе опредѣленныхъ и болѣе развитыхъ положеній сравнительно съ предшествовавшимъ, и строже относится къ самимъ органамъ судебной власти. Этотъ Судебникъ потомъ постоянно дополнялся разными указами и уставными грамотами. Первый такой дополнительный уставъ, изданный въ томъ же 1550 году, относится къ вопросу о мѣстничествѣ, при начальствованіи ратномъ. Онъ опредѣляетъ взаимныя отношенія воеводъ пяти полковъ, т. е. большаго, передоваго, сторожеваго, правой и лѣвой руки, слѣдовательно какъ бы узаконяетъ ихъ счетъ по родовой знатности; но княжатамъ и дѣтямъ боярскимъ приказываетъ «быть въ полкахъ съ воеводами безъ мѣстъ», т. е. не считаться съ ними знатностью рода. Тогда же издано нѣсколько уставныхъ грамотъ, которыми распространялось въ областяхъ право городскихъ и сельскихъ общинъ самимъ, т. е. чрезъ своихъ выборныхъ людей, вѣдать судомъ по уголовнымъ преступленіямъ.

Около того же времени мы видимъ молодого царя, усердно занимающагося вопросами и дѣлами церковными, по поводу которыхъ созывается рядъ духовныхъ соборовъ. Таковы соборы 1547 и 1549 гг., на которыхъ происходитъ канонизація или причисленіе къ лику святыхъ многихъ русскихъ угодниковъ; при чемъ устанавливаются имъ праздники, сочиняются каноны, пишутся ихъ житія и т. п. Главное значеніе сихъ мѣръ состояло въ томъ, что мѣстные угодники признаются за святыхъ всею Русскою церковью, каковы, напримѣръ, нѣкоторые святые мужи Новгородско-Псковской земли и въ особенности угодники Московскіе. Рядомъ съ политическимъ объединеніемъ Русскихъ земель такимъ образомъ подвигается и объединеніе ихъ въ сферѣ религіозныхъ интересовъ. Главнымъ руководителемъ на этихъ соборахъ безъ сомнѣнія былъ, прославившійся своимъ книжнымъ образованіемъ и литературною дѣятельностію, митрополитъ Макарій. По его же мысли, царь созвалъ и знаменитый духовный соборъ 1551 года, извѣстный въ исторіи подъ именемъ

Стоглаваго и имѣвшій своею задачею общее исправленіе церковныхъ дѣлъ; такъ какъ въ предыдущую бурную эпоху боярскаго самовластія многіе старые обычаи «поисшатались» и преданія «нарушились». Въ Москву съѣхались почти всѣ областные архіереи со многими архимандритами и игумнами. 23 февраля, послѣ торжественнаго молебствія въ Успенскомъ соборѣ, святители собрались въ царскія палаты. Царь открылъ засѣданіе краткою рѣчью, и вручилъ собору свое рукописаніе, въ которомъ онъ приглашалъ пастырей потрудиться надъ исправленіемъ церковнаго благочинія; при чемъ вновь вспоминалъ о печальныхъ годахъ своего дѣтства, о бѣдствіяхъ, постигшихъ потомъ Россію за беззаконія правителей, особенно о великихъ пожарахъ. Затѣмъ, царь вручилъ собору другое свое рукописаніе, въ которомъ указалъ на то, что было сдѣлано на помянутыхъ двухъ соборахъ относительно русскихъ угодниковъ, а также на исправленіе Судебника, который предлагалъ собору разсмотрѣть и благословить вмѣстѣ съ новоизданными уставными грамотами. Собственно же по церковнымъ дѣламъ, для которыхъ былъ созванъ соборъ 1551 года, царь представилъ ему письменные вопросы, числомъ 69; требовалъ обсудить ихъ и дать по нимъ обстоятельные отвѣты «по правиламъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ». Что и было исполнено соборомъ. Всѣ эти вопросы вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ или соборными постановленіями впослѣдствіи были раздѣлены на 100 главъ; почему и все соборное уложеніе 1551 года получило названіе С т о г л а в а; откуда и самый соборъ тоже сталъ извѣстенъ подъ именемъ Стоглаваго.

Этотъ Стоглавъ обнимаетъ многія стороны церковной или обрядовой практики и нравственнаго состоянія общества въ то время. Царскіе вопросы указываютъ на разныя неустройства, суевѣрія и злоупотребленія, которыя соборъ въ своихъ отвѣтахъ отмѣняетъ или запрещаетъ и постановляетъ наказанія за неисполненіе уставовъ. Помянутые вопросы, обличающіе большое знакомство съ дѣлами Русской церкви, хотя и предложены царемъ, но очевидно они составлены не имъ лично, а вѣроятнѣе всего митрополитомъ Макаріемъ и, можетъ быть, съ помощію іерея Сильвестра. Отвѣты на нихъ или постановленія собора сочинены конечно подъ руководствомъ того же митрополита Макарія. Эти постановленія наполнены ссылками на вселенскіе и русскіе соборы, на творенія отцовъ Церкви и на примѣры русскихъ іерарховъ. Но изложеніе ихъ вообще не отличается стройностію и взаимнымъ согласіемъ статей.

Встрѣчаются нѣкоторыя противорѣчія и постановленія, основанныя на невѣрныхъ ссылкахъ. Таковы, напримѣръ, постановленія о двуперстіи крестнаго знаменія, о сугубой аллилуи, о небритіи брады и усовъ. Но вообще Стоглавъ представляетъ довольно полное церковное уложеніе, которымъ долгое время потомъ руководствовалась Русская церковь по отношенію къ святительскому суду, къ учрежденію поповскихъ старостъ, къ заведенію училищъ, къ правиламъ иконописанія, церковнаго благочинія, монастырскаго землевладѣнія, народной нравственности, повторительныхъ браковъ и т. п. Вообще въ дѣлѣ церковно-обрядоваго объединенія московско-русскихъ областей Стоглавъ имѣетъ такое же государственное значеніе, какъ Судебникъ двухъ Ивановъ, III и IV, въ дѣлѣ гражданскаго объединенія тѣхъ же самыхъ областей. И на Стоглавѣ, подобно Судебнику, изъ областныхъ элементовъ болѣе всего замѣтно вліяніе церковныхъ преданій Новгородско-Псковской земли, конечно подъ явнымъ преобладаніемъ обычаевъ собственно московскихъ. ([32]).

VI.

ПОКОРЕНІЕ КАЗАНИ И ВОЙНА ЛИВОНСКАЯ.

Казанскіе походы.—Основаніе Свіяжска.—Шигъ-Али и Суюнбека.—Присяга казанцевъ и внезапная измѣна.—Послѣдній походъ.—Неудачный набѣгъ Крымскаго хана.—Начало Казанской осады.—Пораженіе Япанчи и поискъ на Арскій городокъ.—Ненастье.—Подкопы.—Храбрая оборона казанцевъ.—Приступъ 2 октября.—Паденіе Казани.—Вступленіе государя въ городъ.—Возвращеніе его въ Москву.—Значеніе Казанскаго взятія.—Болѣзнь царя.—Поѣздка въ Кирилловъ монастырь.—Мятежи инородцевъ.—Ногайская орда.—Покореніе Астрахани.—Походы на крымцевъ и разногласіе царя съ совѣтниками.—Враждебность Ливонскихъ нѣмцевъ.—Начало сношеній съ Англіей.—Внутреннее состояніе Ливоніи и водвореніе реформаціи.—Вопросъ о Юрьевской дани.—Вторженіе Русскихъ и разореніе страны.—Завоеваніе Нарвы и Юрьева.—Кетлеръ и его договоръ съ Польшею.—Раздѣлъ Ливоніи.

Кромѣ важныхъ законодательныхъ мѣръ, въ лучшую эпоху Іоаннова царствованія совершилось и самое блистательное дѣло его внѣшней политики, т. е. завоеваніе царства Казанскаго.

Пока на Казанскомъ престолѣ сидѣлъ одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Москвы, крымскій царевичъ Сафа-Гирей, Русскіе предѣлы съ этой стороны испытывали постоянныя тревоги и подвергались частымъ набѣгамъ Казанскихъ татаръ. Эти хищники, подобно своимъ крымскимъ соплеменникамъ, старались какъ можно болѣе захватывать плѣнниковъ, которыхъ обращали въ рабство. Многія тысячи мужчинъ и женщинъ русскихъ или томились въ казанской неволѣ, обремененные тяжелыми работами на своихъ владѣльцевъ, или отправлялись для той же цѣли въ Среднюю Азію, будучи покупаемы восточными торговцами на казанскихъ рынкахъ. Во время Іоанновой юности мы видимъ цѣлый рядъ русскихъ походовъ на Казань съ цѣлью свергнуть Сафа-Гирея и возстановить зависимыя отношенія Казани къ Москвѣ. Весною 1545 года отправлены были на Казань три судовыя рати: главная Волгою, другая изъ Вятки по рѣ-

камъ Вяткѣ и Камѣ, третья изъ Перми также по Камѣ. Первыя двѣ рати сошлись въ одинъ день подъ Казанью, повоевали ея окрестности, побили много казанцевъ и благополучно воротились назадъ. А третья опоздала, и, пришедши подъ Казань, уже не застала тамъ товарищей; поэтому потерпѣла пораженіе. Однако, вслѣдствіе прихода Русскихъ, ханъ сталъ подозрѣвать многихъ казанскихъ вельможъ въ измѣнѣ и началъ ихъ казнить, что̀ повело къ возмущенію. Партія Московская поднялась противъ Крымской, и выгнала Сафа-Гирея. По ея просьбѣ Московское правительство вновь посадило въ Казани касимовскаго хана Шигъ-Алея. Но послѣдній на сей разъ продержался тамъ не болѣе одного мѣсяца, и едва успѣлъ спастись бѣгствомъ, потому что Крымская партія опять взяла верхъ и снова посадила Сафа-Гирея съ помощью Ногайскихъ татаръ. Это было въ 1546 г. Зимою слѣдующаго года самъ Іоаннъ выступилъ противъ казанцевъ; но сей его первый личный походъ окончился неудачею. Едва онъ миновалъ Нижній-Новгородъ, какъ наступила сильная оттепель, многія пушки и пищали провалились на Волгѣ въ рѣку, много людей потонуло. Іоаннъ съ великимъ огорченіемъ вернулся назадъ. Нѣсколько отрядовъ однако послано было подъ Казань, подъ начальствомъ князей Димитрія Бѣльскаго и Симеона Микулинскаго съ Шигъ-Алеемъ. Они вновь повоевали ея окрестности и воротились; а казанцы потомъ отомстили набѣгомъ на область Галича Мерскаго или Сѣвернаго.

Только внезапная смерть Сафа-Гирея избавила Россію отъ этого врага, въ мартѣ 1549 года: по свидѣтельству одного современника, онъ пьяный, умывая себѣ лицо, упалъ и разбилъ голову до мозга. Передъ смертью ханъ назначилъ себѣ преемникомъ двухлѣтняго сына Утемишъ-Гирея подъ опекою его матери Суюнбеки, которая была дочерью ногайскаго мурзы Юсуфа и самою любимою изъ женъ Сафа-Гирея. (Еще прежде него она была женою его предшественника Еналея). Іоаннъ думалъ воспользоваться наступившимъ въ Казани безнарядьемъ, и слѣдующею зимою (1550 г.) во второй разъ предпринялъ походъ во главѣ своей рати. Впервые Русскій государь лично явился подъ стѣнами Казани. Но первые приступы были отбиты; межъ тѣмъ наступилъ февраль мѣсяцъ, и вдругъ лютые морозы опять смѣнились оттепелью, пошли дожди, дороги испортились. Опасаясь недостатка съѣстныхъ припасовъ, царь отступилъ. Такимъ образомъ и второй его походъ окончился неудачею; но онъ оставилъ по себѣ прочный слѣдъ. Уходя отъ Казани, Іоаннъ оста-

новился на устьѣ Свіяги, и здѣсь на такъ наз. Круглой горѣ заложилъ основаніе русской крѣпости, которая должна была впредь служить опорнымъ пунктомъ для нашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій противъ Казани. Можно даже упрекнуть Московское правительство въ томъ, что послѣ основанія Васильсурска оно доселѣ не позаботилось выдвинуть далѣе внизъ по Волгѣ еще нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ, для облегченія тяжелыхъ и далекихъ походовъ на востокъ. Но то была смутная эпоха Іоаннова малолѣтства. Построеніе и вооруженіе новаго города, названнаго Свіяжскомъ, совершено лѣтомъ 1551 года московскими воеводами подъ общимъ начальствомъ Шигъ-Алея. Сюда привезли Волгою бревна, срубленныя въ Углицкомъ уѣздѣ и приготовленныя для кладки городскихъ стѣнъ; однако этихъ бревенъ стало только на половину горы; другую половину нарубили въ окрестныхъ лѣсахъ. Вмѣстѣ со стѣною воздвигли и два храма, во имя Рождества Богородицы и Св. Сергія. Въ новомъ городѣ засѣлъ русскій гарнизонъ; тутъ стали хранить пушки и всякаго рода военные и съѣстные запасы для будущаго похода большой рати. Вмѣстѣ съ тѣмъ новый городъ, расположенный всего въ 20 верстахъ отъ Казани, отрѣзалъ сію послѣднюю отъ ея западныхъ областей, населенныхъ Чувашами, Мордвою и въ особенности Горными Черемисами. Старшины окрестной Горной стороны немедленно начали ѣздить въ Москву и бить челомъ Русскому государю, чтобы онъ воевать ихъ не велѣлъ, а принялъ бы ихъ въ свое подданство. Государь велѣлъ приводить ихъ къ присягѣ и подчинилъ ихъ свіяжскому воеводѣ, которому они должны были отвозить свой ясакъ или царскую дань; но при семъ на три года освободилъ ихъ отъ уплаты ясака. Слѣдовательно, однимъ построеніемъ этой крѣпости Москва уже пріобрѣтала довольно обширную область и придвигала свою границу почти къ самымъ стѣнамъ Казани. Для испытанія новыхъ подданныхъ, Іоаннъ велѣлъ набрать изъ нихъ ополченіе и послать противъ Казани. Это ополченіе, собранное изъ Черемисъ, Чувашъ и Мордвы, дѣйствительно подошло къ городу и вступило въ битву съ казанцами и крымцами, и, хотя было отражено, однако на первый разъ показало свою вѣрность новому правительству. Послѣ того ихъ князья, мурзы и старшины ѣздили въ Москву и получали тамъ отъ царя угощеніе и подарки шубами, конями, оружіемъ и деньгами.

Въ Казани по смерти Сафа-Гирея въ маломъ видѣ повторилось почти тоже явленіе, какое мы видѣли въ Москвѣ по смерти Васи-

лія III-го, именно: вдова-правительница съ малолѣтнимъ наслѣдникомъ и съ любимцемъ-вельможею. Наибольшее вліяніе на дѣла пріобрѣлъ отважный крымскій уланъ (собственно огланъ) Кощакъ, котораго нѣкоторыя извѣстія прямо называютъ сердечнымъ другомъ царицы Суюнбеки. Ему даже приписывали намѣреніе умертвить маленькаго Утемишъ-Гирея, жениться на царицѣ и самому сѣсть на Казанскій престолъ. Но, когда въ виду Казани возникла московская крѣпость, въ ней засѣлъ не разъ бывшій казанскимъ царемъ Шигъ-Алей и къ нему начали уходить многіе недовольные казанскіе вельможи, тогда въ Казани произошли раздоры и смуты. Противная крымцамъ сторона взяла верхъ и угрожала выдать ихъ вмѣстѣ съ Кощакомъ въ руки московскихъ воеводъ. Кощакъ и крымцы, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, бѣжали изъ Казани вверхъ по Камѣ. Но на главныхъ путяхъ и перевозахъ уже стояли сильныя московскія заставы изъ дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ. Уклоняясь отъ встрѣчи съ московскою стражей на Камѣ, крымцы вошли въ рѣку Вятку; но тутъ поджидала ихъ другая застава, именно воевода Зюзинъ съ вятчанами; онъ внезапно напалъ на бѣглецовъ и большую часть ихъ побилъ, а часть взялъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Кощакомъ и отослалъ ихъ въ Москву. Тамъ изъ нихъ болѣе сорока человѣкъ были казнены, въ ихъ числѣ и Кощакъ, который, по словамъ одного источника, не захотѣлъ купить себѣ прощеніе принятіемъ христіанства. Казанцы послѣ того отправили въ Москву посольство, съ старшимъ муллою («Кулъ-шерифъ-молною»), прося прекратить войну и дать имъ вновь на царство Шигъ-Алея. Іоаннъ исполнилъ ихъ просьбу, но подъ условіемъ, чтобы казанцы выдали всѣхъ русскихъ плѣнниковъ и царицу Суюнбеку съ сыномъ. Изъ Москвы прибылъ царскій любимецъ Алексѣй Адашевъ, торжественно посадилъ въ Казани Шигъ-Алея и вывелъ отсюда освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ; говорятъ, число ихъ простиралось до 60,000 человѣкъ.

Еще прежде чѣмъ Шигъ-Алей вступилъ въ Казань, изъ нея увезли Суюнбеку съ Утемишъ-Гиреемъ, а также женъ и дѣтей тѣхъ крымцевъ, которые бѣжали съ Кощакомъ. Въ одномъ современномъ сочиненіи находимъ украшенный разсказъ объ ея отъѣздѣ и прощаньи съ Казанью. По этому разсказу, царица, узнавъ о томъ, что Шигъ-Алей хотѣлъ немедля взять ее въ число своихъ женъ, будто бы прислала ему въ подарокъ сначала отравленныя яства и напитокъ, а потомъ таковую же сорочку; но хитрый ханъ предвари-

тельно испыталъ ихъ дѣйствіе на собакѣ, которая тотчасъ околѣла, а сорочку надѣлъ на человѣка, приговореннаго къ смерти, и тотъ немедля умеръ. Тогда Шигъ-Алей рѣшилъ отослать Суюнбеку въ Москву. Князь Василій Серебряный съ отрядомъ стрѣльцовъ внезапно явился въ ханскій дворецъ, заключилъ царицу подъ стражу, а царскую казну переписалъ и напередъ отправилъ въ лодкахъ въ Москву. Когда же наступилъ часъ отъѣзда для самой Суюнбеки, она упросила воеводу, чтобы онъ позволилъ ей войти въ мечеть, гдѣ былъ погребенъ Сафа-Гирей. Тутъ она съ воплемъ упала на его гробницу и въ поэтическихъ выраженіяхъ стала причитать, жалуясь на свою горькую судьбу. Затѣмъ прислужники и рабыни взяли ее подъ руки и посадили въ колымагу. Весь Казанскій народъ, мужи и жены, проводили царицу и ея сына до берега Казанки, гдѣ ожидалъ ее царскій стругъ, богато украшенный, съ свѣтлымъ позолоченнымъ теремцомъ посрединѣ. Въ другихъ стругахъ помѣщалась стража. Садясь въ стругъ, царица поклонилась народу, который отвѣчалъ ей поклономъ въ землю. Казанскіе вельможи проводили ее до самаго Свіяжска.

Шигъ-Алей сѣлъ на Казанскомъ престолѣ подъ охраною дружины изъ своихъ Касимовскихъ татаръ и московскихъ стрѣльцовъ. Въ Москвѣ, повидимому, надѣялись съ его помощью поставить Казанское царство въ такое же подчиненное отношеніе, въ какомъ находилось ханство Касимовское; но событія скоро показали, что тутъ отношенія были другія. Не смотря на торжественныя клятвы и шертныя грамоты, утвердившія условія мира съ Москвою въ августѣ (1551 г.), уже въ сентябрѣ (1552 г.) начинается отъ Шигъ-Алея рядъ посольствъ на Москву съ просьбою, чтобы государь пожаловалъ его Горною Черемисою, потому что казанцы очень недовольны потерею этой области, волнуются и затѣваютъ новыя крамолы. Въ то же время свіяжскіе воеводы доносятъ царю, что казанцы не исполнили главнаго условія: освобожденія всѣхъ русскихъ плѣнниковъ; многихъ попрятали и держатъ ихъ въ тѣснотѣ, а Шигъ-Алей не настаивалъ на исполненіи условія, опасаясь еще бо̀льшихъ волненій. Иванъ Васильевичъ шлетъ Казанскому царю и вельможамъ богатые подарки и строго подтверждаетъ свое требованіе о выдачѣ всѣхъ плѣнныхъ, а на просьбы объ отдачѣ Горныхъ Черемисъ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ. Въ Казани Шигъ-Алей дѣйствуетъ съ обычною своею жестокостью и жадностью: узнавъ, что часть вельможъ сносится съ Ногаями и умышляетъ на его жизнь, онъ за-

звалъ ихъ къ себѣ на пиръ и тутъ велѣлъ всѣхъ перебить; погибло до 70 заговорщиковъ, остальные разбѣжались. Но послѣ того положеніе его еще ухудшилось, ибо волненія и нелюбовь къ нему народа усились. Отъ Ивана Васильевича вновь пріѣхалъ Алексѣй Адашевъ и началъ склонять Шигъ-Алея къ тому, чтобы онъ укрѣпилъ городъ русскими людьми, т. е., чтобы впустилъ въ Казань русскій гарнизонъ. На это предложеніе ханъ далъ слѣдующій отвѣтъ: «Я мусульманинъ и не хочу стать противъ своей вѣры, не хочу также измѣнить государю; кромѣ него мнѣ уѣхать некуда; но прежде чѣмъ уѣду отсюда, постараюсь еще извести лихихъ людей, испорчу пушки, пищали и порохъ; тогда пусть государь приходитъ самъ и промышляетъ». Спустя нѣсколько времени, онъ такъ и сдѣлалъ. Узнавъ, что казанскіе вельможи ссылаются съ Москвою, просятъ взять отъ нихъ Шигъ-Алея и прислать своего амѣстника, ханъ въ мартѣ выѣхалъ изъ города подъ предлогомъ ловить рыбу на озерѣ, причемъ взялъ съ собою многихъ казанскихъ князей и мурзъ и всѣ пять сотенъ московскихъ стрѣльцовъ. Но, вмѣсто рыбной ловли, онъ пріѣхалъ въ Свіяжскъ и выдалъ воеводамъ захваченныхъ имъ вельможъ, числомъ 84 человѣка.

Главный свіяжскій воевода князь Семенъ Микулинскій послалъ къ казанскимъ начальнымъ людямъ съ грамотами, объявляя, что царь исполняетъ ихъ челобитье: Шигъ-Алея отъ нихъ сводитъ и назначаетъ туда его, князя Семена, намѣстникомъ; а потому звалъ ихъ въ Свіяжскъ для присяги. Казанцы изъявили готовность, и дѣйствительно лучшіе люди стали пріѣзжать для присяги въ Свіяжскъ, а въ Казань прибылъ стрѣлецкій голова Черемисиновъ съ толмачемъ и началъ отбирать присягу отъ народа. Уже въ Казани дѣлались приготовленія къ пріему намѣстника и его свиты; уже намѣстникъ прислалъ свой обозъ подъ прикрытіемъ нѣкотораго числа дѣтей боярскихъ, казаковъ и 72 пищалей; а самъ онъ двинулся къ Казани съ войскомъ, съ воеводами Иваномъ Шереметевымъ, княземъ Серебрянымъ, княземъ Ромодановскимъ, и готовился мирно, торжественно вступить въ Казань. Вдругъ все измѣнилось. Когда воеводы приблизились, казанцы поспѣшно затворяли городскія ворота, хватали оружіе и занимали стѣны. Русская лѣтопись приписываетъ эту внезапную перемѣну тремъ вельможамъ казанскимъ, князьямъ Исламу и Кебеку и мурзѣ Аликею. Они были въ числѣ захваченныхъ Шигъ-Алеемъ противныхъ ему вельможъ. Но воеводы оплошали, повѣрили ихъ увѣреніямъ и позволили имъ напередъ себя ѣхать въ

городъ. А эти люди, прискакавъ въ городъ, начали кричать, что Русскіе хотятъ побить весь народъ, о чемъ они будто слышали отъ самого Шигъ-Алея и его Касимовскихъ татаръ. Это была искра, брошенная въ порохъ. И безъ того наиболѣе ревностные казанскіе мусульмане, возбуждаемые своими муллами, съ ненавистью смотрѣли на водворявшееся у нихъ господство христіанской Москвы, когда-то покорной татарской данницы. При такомъ настроеніи понятно, что нелѣпая вѣсть о предстоящемъ избіеніи подняла весь народъ, и онъ всталъ какъ одинъ человѣкъ. Тщетно воеводы вступали въ переговоры, уговаривали казанцевъ не вѣрить лихимъ людямъ и предлагали дать новую присягу. Постоявъ дня полтора около стѣнъ, воеводы воротились въ Свіяжскъ, и медлили начать военныя дѣйствія въ ожиданіи указа. Захваченныхъ прежде казанскихъ вельможъ они посадили въ тюрьмы, но нѣкоторые изъ нихъ успѣли спастись бѣгствомъ. А казанцы не только задержали пришедшихъ съ обозомъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, но потомъ и перебили ихъ. Чтобы добыть себѣ царя, они послали въ Ногайскіе улусы и взяли оттуда астраханскаго царевича Едигера. Этотъ Едигеръ, повидимому, незадолго до того нѣкоторое время находился въ Россіи въ числѣ татарскихъ служилыхъ князей и участвовалъ въ походѣ на Казань 1550 года, слѣдовательно былъ знакомъ съ московскими порядками и опытенъ въ воинскомъ дѣлѣ. ([33]).

Весна 1552 года была временемъ испытанія для Московскаго правительства. Послѣ измѣны и возстанія Казанскихъ татаръ, съ той стороны приходили все неутѣшительныя извѣстія. Такъ Горная Черемиса, подущаемая казанцами, отложилась отъ Москвы и снова перешла на ихъ сторону. Непріятели уже имѣли нѣсколько удачныхъ встрѣчъ съ москвитянами и истребили нѣсколько русскихъ отрядовъ. Московская стража, разставленная на перевозахъ по Вяткѣ и Камѣ, не устерегла царевича Едигера: онъ успѣлъ переправиться черезъ Каму, благополучно пришелъ въ Казань и сѣлъ на ея престолѣ. Въ то же время въ войскѣ, занимавшемъ Свіяжскъ, открылась сильная цынготная болѣзнь, отъ которой много умирало людей. Къ вящему горю, царю и митрополиту донесли, что въ этомъ войскѣ свирѣпствуетъ ужасный развратъ, вслѣдствіе скопившагося тамъ большого числа освобожденныхъ изъ Казани плѣнницъ; что многіе даже предаются содомскому грѣху и кромѣ того брѣютъ бороды, чтобы нравиться женщинамъ. Противъ такого бѣдствія царь и митрополитъ немедленно приняли мѣры. Въ соборномъ Успен-

скомъ храмѣ отслужили торжественное молебствіе, освятили воду надъ мощами святыхъ; послѣ чего отправили въ Свіяжскъ архангельскаго протопопа Тимоѳея, съ святою водою для окропленія города и съ посланіемъ къ его жителямъ отъ митрополита Макарія. Въ семъ посланіи митрополитъ увѣщевалъ воиновъ крѣпко стоять за вѣру, блюсти чистоту душевную и тѣлесную, избѣгать «пустошныхъ бесѣдъ» и «срамныхъ словесъ», блуда и содоміи, а также не «класть бритву на брады своя», «понеже сіе дѣло есть Латынскія ереси». Этими грѣхами посланіе объясняло постигшія насъ неудачи и болѣзни, и грозило царскою опалою и церковнымъ отлученіемъ, если люди не покаятся и не исправятся.

Между тѣмъ въ Москвѣ шли дѣятельныя приготовленія къ большому походу. Въ созванной царемъ усиленной боярской думѣ много было разныхъ рѣчей о томъ, идти ли самому государю. Нѣкоторые совѣтовали ему остаться, чтобы беречь государство отъ Крымской орды и отъ Ногаевъ; но царь склонился на сторону противнаго мнѣнія и рѣшилъ лично вести рати на Казань. Всѣми овладѣла мысль, что это долженъ быть послѣдній походъ, что пора покончить съ такимъ вѣроломнымъ и непримиримымъ врагомъ. Начальство надъ ратями царь распредѣлилъ такимъ образомъ: воеводою большого полка назначилъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, а товарищемъ ему князя Михаила Ивановича Воротынскаго; передовой полкъ поручилъ князьямъ Ивану Турунтаю-Пронскому и Димитрію Хилкову; сторожевой князю Василію Серебряному да Семену Шереметеву; правую руку князьямъ Петру Щенятеву и Андрею Курскому; лѣвую руку князю Димитрію Микулинскому и Димитрію Плещееву. Въ своемъ собственномъ полку онъ поставилъ воеводами князя Владимира Воротынскаго и Ивана Шереметева. Кромѣ того онъ призвалъ вновь Шигъ-Алея съ его вспомогательнымъ отрядомъ Касимовскихъ татаръ. Въ это время по просьбѣ Шигъ-Алея царь отдалъ ему въ жены извѣстную казанскую царицу Суюнбеку, вдову его брата Еналея и Сафа-Гирея. По всей вѣроятности царь пристроилъ такимъ образомъ Суюнбеку, чтобы не выпускать ея изъ Московскаго государства; ибо отецъ ея ногайскій мурза Юсуфъ прислалъ къ царю съ просьбою отпустить его дочь-вдову въ ея родные улусы. Обидѣть простымъ отказомъ и возбудить противъ Москвы сильнаго ногайскаго мурзу царь не хотѣлъ; а отвѣчалъ ему, что она уже сдѣлалась женою Шигъ-Алея. Сей послѣдній, хорошо знавшій Казанскую страну, не совѣтовалъ Іоанну вести войну въ

лѣтнюю пору, ссылаясь на лѣса, озера и болота, и говорилъ, что зимою тамъ удобнѣе воевать, когда всѣ пути свободны. Но государь отвѣчалъ, что было бы слишкомъ долго медлить до зимы, что война уже началась, большой нарядъ и запасы уже отправлены Волгою къ Свіяжску, что въ Божьей волѣ и непроходимыя мѣста сдѣлать проходимыми. Впрочемъ мы видѣли, какъ въ предыдущіе оба похода Іоаннъ былъ обманутъ разсчетомъ на зимнее время.

Рано утромъ 16 іюня 1352 г. Іоаннъ простился съ своею супругою Анастасіей, въ то время беременной, помолился въ Успенскомъ соборѣ, взялъ благословеніе у митрополита и, сѣвъ на коня, выступилъ въ походъ, по направленію черезъ Коломну въ Муромъ, а оттуда къ Свіяжску. Москву онъ поручилъ охранять брату своему Юрію и митрополиту Макарію. Въ селѣ Коломенскомъ была первая остановка для обѣда. Въ селѣ Островѣ былъ первый ночлегъ. Но тутъ вдругъ прискакалъ одинъ станичникъ гонцомъ изъ Путивля съ извѣстіемъ о скоромъ приходѣ Крымской орды на Сѣверскую или на Рязанскую украйну. То, чего опасались въ Москвѣ и на что̀ указывали люди, совѣтовавшіе отложить походъ до зимы, повидимому оправдалось, т. е. приходилось заразъ воевать съ Казанью и съ Крымомъ.

Вѣсти о крайней опасности, грозившей Казанскому царству, распространились по мусусьманскимъ странамъ и производили въ нихъ сильное впечатлѣніе. Турецкій султанъ, знаменитый Солиманъ Великолѣпный, принялъ близко къ сердцу эти вѣсти и будучи самъ не въ состояніи воевать Москву по ея отдаленности, старался вооружить противъ нея всѣ татарскія орды восточной и южной Россіи. Онъ посылалъ грамоты въ Астрахань и къ Ногаямъ, призывая ихъ соединиться съ крымскимъ ханомъ противъ москвитянъ. Но Астрахань въ то время была безсильна; Ногаи, раздѣленные между разными князьями, не были способны къ дружному и быстрому образу дѣйствій. Только новый крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, племянникъ и преемникъ Саипъ-Гирея, посаженный на престолъ Солиманомъ, показывалъ усердіе къ исполненію его воли и получилъ отъ него на помощь пушки и янычаръ. Онъ разсчитывалъ напасть на южные Московскіе предѣлы въ то время, когда царь съ главными силами находился уже далеко на востокѣ, и, угрожая самой Москвѣ, думалъ отвлечь Русскихъ отъ Казани. Но разсчетъ его оказался ошибочнымъ, и замедленіе русскаго похода на сей разъ было кстати—наши главныя силы только начали свое выступленіе. Повидимому и самое

это замедленіе произошло въ связи съ опасеніемъ или предвидѣніемъ Крымскаго набѣга.

Получивъ вѣсть о крымцахъ, Іоаннъ продолжалъ свой походъ къ Коломнѣ; въ тоже время онъ велѣлъ полкамъ спѣшить къ Окѣ, занять главныя переправы и приготовиться къ бою. Въ Коломну къ нему прискакалъ гонецъ изъ Тулы съ извѣстіемъ, что крымцы показались около сего города, но не въ большомъ числѣ. Царь не медля двинулъ туда изъ Каширы правую руку съ князьями Щенятевымъ и Курбскимъ, отъ Ростиславля (Рязанскаго) передовой полкъ съ Турунтаемъ-Пронскимъ и Хилковымъ, отъ села Колычова (близъ Коломны) часть большого полку съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ, а за ними и самъ готовился идти съ остальными войсками. Распоряженія эти оказались удачны; ибо черезъ день прискакалъ новый гонецъ съ извѣстіемъ, что Крымскій ханъ со всею своею силою, съ турецкими пушками и янычарами осадилъ Тулу; когда же узналъ о присутствіи московскихъ полковъ на берегахъ Оки, то остановился и повернулъ назадъ; но чтобы не придти въ Крымъ съ пустыми руками, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять и разграбить стоявшій на его дорогѣ украинный городъ Тулу. 22 іюня Девлетъ-Гирей весь день приступалъ къ городу и стрѣлялъ по немъ калеными ядрами, отъ которыхъ во многихъ мѣстахъ произошелъ пожаръ, а янычары пытались влѣзть на стѣны. Въ Тулѣ тогда оставалось мало военныхъ людей, потому что большая часть ушла въ Казанскій походъ; но воевода князь Григорій Темкинъ мужественно встрѣтилъ нападеніе; горожане вмѣстѣ съ военными людьми стояли на стѣнахъ и храбро отражали приступы. На слѣдующій день осажденные увидали вдали облако пыли и догадались, что идетъ помощь отъ царя. Воодушевленные тѣмъ, они сдѣлали отчаянную и удачную вылазку, въ которой принимали участіе даже женщины и дѣти. Въ слѣдующую ночь стража татарская донесла хану о приближеніи большого русскаго войска. Онъ подумалъ, что самъ Іоаннъ пришелъ съ главными силами, и обратился въ бѣгство. Подошедшіе поутру князья Щенятевъ и Курбскій уже не застали татаръ подъ Тулою; имъ пришлось встрѣтить и поразить только тѣ отряды, которые были распущены въ загоны и возвращались къ Тулѣ, не зная о бѣгствѣ хана. Затѣмъ нѣкоторые московскіе воеводы пустились въ погоню за ханомъ, нагнали его и побили на рѣчкѣ Шиворонѣ. Въ этихъ стычкахъ не только было отбито назадъ много русскаго полону, но и захвачены самый обозъ ханскій

со множествомъ телѣгъ и верблюдовъ и его турецкія пушки. Такъ неудачно окончилось предпріятіе Девлетъ-Гирея и такъ счастливо начался третій и послѣдній походъ Іоанна на Казань. Радостные вѣстники поскакали изъ Коломны отъ царя на Москву къ царицѣ и митрополиту, а также въ Свіяжскъ къ стоявшимъ тамъ воеводамъ.

Покончивъ съ Крымскимъ набѣгомъ, Іоаннъ устраивалъ въ Коломнѣ дальнѣйшее движеніе своихъ полковъ на Казань. Но тутъ обнаружился вдругъ ропотъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войска, а именно: новгородскіе дѣти боярскіе били челомъ государю, что они уже сослужили государеву службу въ походѣ на крымцевъ, а теперь ихъ посылаютъ въ дальній путь, подъ Казань, гдѣ придется долго стоять. Волненіе, вызванное такою просьбою, было опасно, ибо могло распространиться и на другія части войска. Государь или его умные совѣтники нашлись: велѣно было составлять списки тѣмъ, кто желаетъ остаться и кто хочетъ идти подъ Казань; послѣднихъ государь будетъ жаловать, заботиться объ ихъ прокормленіи, а также награждать ихъ помѣстьями. Когда дошло до переписи, то несогласныхъ почти не оказалось: всѣ изъявили охоту идти за государемъ. Кромѣ надежды на царскія награды и пожалованія, очевидно тутъ подѣйствовало и общее одушевленіе, которое тогда овладѣло Русскимъ народомъ при мысли покончить съ исконнымъ хищнымъ врагомъ своей народности и православной вѣры. Со времени Куликовской битвы борьба съ татарами пріобрѣла на Руси значеніе крестовыхъ походовъ и пользовалась наибольшимъ народнымъ сочувствіемъ.

Часть войска, именно большой полкъ, передовой и правую руку государь послалъ на востокъ чрезъ Рязанскую область и Мещеру; а съ остальными полками самъ пошелъ изъ Коломны на Владимиръ-Залѣсскій и Муромъ. Во Владимирѣ въ Рождественской обители онъ молился надъ гробомъ своего святого предка Александра Невскаго, а въ Муромѣ надъ мощами князя Петра и княгини Ѳевроніи. Во Владимирѣ встрѣтилъ его протопопъ Тимоѳей съ извѣстіемъ, что въ Свіяжскѣ онъ съ мѣстными священниками совершилъ крестный ходъ вокругъ города и кропилъ святою водою по всему городу, послѣ чего свирѣпствовавшій тамъ моръ утихъ. Въ Муромѣ царь получилъ отъ митрополита Макарія пространную грамоту, въ которой тотъ вмѣстѣ со всѣмъ освященнымъ соборомъ посылалъ царю и всему воинству благословеніе на брань съ вра-

гами и напоминалъ ему подвиги его предковъ. Въ Муромъ онъ вызвалъ подручника своего касимовскаго хана Шигъ-Алея и отправилъ его съ частью войска на судахъ Окою и Волгою. Самъ же переправилъ полки за Оку, и въ половинѣ іюля двинулся далѣе къ Свіяжску сухимъ путемъ, выславъ впередъ легкій конный отрядъ или такъ называемый яртоулъ подъ начальствомъ князей Шемякина и Троекурова; а за ними послалъ посошныхъ людей, которые должны были наводить мосты на рѣчкахъ и на ржавцахъ и вообще пріуготовлять пути царю и бывшему съ нимъ войску, т.-е. собственной царской дружинѣ, сторожевому полку и лѣвой рукѣ. Во время пути къ Іоанну присоединились нѣкоторые служилые князья и мурзы съ Городецкими (Касимовскими) и Темниковскими татарами и съ Мордвою. Этотъ путь пролегалъ то густыми лѣсами, то дикими полями; множество лосей и всякой дичи въ лѣсахъ и обиліе рыбы въ рѣкахъ представляли войску средства пропитанія во время похода. Не доходя немного рѣки Суры, съ царскимъ войскомъ сблизились помянутые выше полки, шедшіе южнѣе и заслонявшіе его отъ внезапнаго нападенія Заволжскихъ или Ногайскихъ татаръ, котораго по обстоятельствамъ того времени можно было опасаться. Переправясь за Суру, русскіе полки вступили въ землю Чувашъ и горныхъ Черемисъ. Уже прежде по пути встрѣчали царя гонцы отъ свіяжскихъ воеводъ съ вѣстями объ удачныхъ поискахъ надъ возмутившимися Горными Черемисами и о новомъ приведеніи ихъ въ покорность. Теперь же, при видѣ великой русской рати, мѣстные черемисы, чуваши и мордва показывали даже преданность Московскому царю; старшины ихъ приходили къ нему съ поклонами, приносили хлѣбъ, медъ, быковъ и говядину частію въ даръ, а частію продавали; воины, долгое время въ проголодь питавшіеся охотою, съ радостью ѣли черемисскій хлѣбъ, который показался имъ теперь вкуснѣе родныхъ калачей, по замѣчанію одного участника похода (князя Курбскаго).

Когда государь приблизился къ Свіяжску, навстрѣчу ему вышли съ прибывшими напередъ, Волгою, отрядами воеводы князь Александръ Горбатый, Семенъ Микулинскій, Петръ Серебряный, Данило Романовичъ Юрьевъ, Θедоръ Адашевъ и др. Кромѣ русскаго войска тутъ было и ополченіе, вновь набранное изъ черемисъ, чувашъ и мордвы. 13-го августа Іоаннъ вступилъ въ городъ, молился въ храмѣ Рождества Богородицы, а затѣмъ расположился станомъ на лугу подъ Свіяжскомъ. Воины праздновали окончаніе сво-

его долгаго и утомительнаго похода и наслаждались изобиліемъ съѣстныхъ припасовъ, которые были привезены Волгою на судахъ вмѣстѣ съ пушками и военными снарядами. Въ Свіяжскъ пріѣхало и много купцовъ съ товарами, такъ что всего можно было достать.

Прежде нежели приступить къ осадѣ Казани, царь пытается увѣщаніями склонить ее къ покорности. Для этого Шигъ-Алей посылаетъ отъ себя грамоту къ Едигеру-Махмету, происходившему съ нимъ изъ одного рода (Кучукъ-Магометова); а Іоаннъ отправляетъ грамоты къ кулъ-шерифъ-моллѣ и ко всѣмъ казанцамъ, требуя отъ нихъ, чтобы исправили свои вины и били бы ему челомъ. Эти грамоты казанцы оставили безъ отвѣта; а Едигеръ отвѣчалъ потомъ хану Шигъ-Алею бранпымъ посланіемъ съ хулою на Русскаго царя и называлъ хана предателемъ за то, что, будучи мусульманиномъ, служитъ христіанамъ.

16-го августа русскія войска начали постепенно переправляться на луговую сторону Волги и выгружать изъ судовъ пушки и всякіе военные запасы, а спустя недѣлю они уже обступали Казань. Около того времени одинъ изъ казанскихъ вельможъ, именно Камаймурза, тайкомъ ушелъ изъ города со своими близкими и передался Іоанну. Этотъ человѣкъ оказался очень полезенъ Русскимъ своею опытностью и своими свѣдѣніями. Отъ него царь между прочимъ узналъ, что казанцы собрали большіе запасы продовольствія и приготовились къ отчаянной защитѣ; что во главѣ самыхъ упорныхъ противниковъ Москвы, кромѣ Едигера, стоятъ кулъ-шерифъ-молла и кадій, Зейнешъ князь ногайскій, князья (беки) и мурзы Чапкунъ, Исламъ, Аликей, Кебекъ, Дербышъ, Япанча и пр. Всего войска для своей обороны казанцы собрали отъ 50 до 60 тысячъ. Въ томъ числѣ находилось около 2500 всадниковъ, присланныхъ на помощь изъ Ногайской орды, и нѣсколько вспомогательныхъ отрядовъ, набранныхъ между Луговыми черемисами и другими народцами Казанскаго царства. Кромѣ того, почти всѣ казанскіе граждане и духовныя лица также взялись за оружіе. Едигеръ довольно умно распорядился своими силами. Отборную половину войска онъ оставилъ въ городѣ для обороны стѣнъ; а другую половину, и преимущественно конницу, скрытно расположилъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, въ лѣсныхъ засѣкахъ для того, чтобы дѣйствовать въ тылъ осажденныхъ; эта внѣшняя часть войска находилась подъ начальствомъ храбраго наѣздника Япанчи.

Городъ Казань расположенъ на лѣвой, луговой сторонѣ Волги;

онъ отдѣленъ отъ этой рѣки низменной полосой, имѣющей верстъ шесть или семь въ ширину, и возвышается на холмистомъ берегу рѣчки Казанки, впадающей въ Волгу, въ углу, который заключается между этимъ берегомъ и Булакомъ; послѣднимъ именемъ называется тинистый протокъ, идущій изъ озера Кабана въ Казанку. Крутые берега Казанки и Булака, съ трехъ сторонъ огибающіе городъ, представляли естественную его защиту; а съ четвертой стороны тамъ, гдѣ простиралось такъ называемое Арское поле, проведенъ былъ глубокій ровъ съ валомъ. Стѣны города сдѣланы изъ широкихъ дубовыхъ срубовъ, набитыхъ землею, и мѣстами вооружены пушками и пищалями. Самую вершину угла, образуемаго Казанкою и Булакомъ, занималъ особо огражденный царскій дворъ съ нѣсколькими высокими каменными мечетями, въ которыхъ находились ханскія гробницы. Тутъ же на Казанку выходили двое городскихъ воротъ, именно Муралеевы и Элбугины, а на Булакъ Тюменскія; со стороны Арскаго поля шли ворота: Арскія, Царевы, Ногайскія, Крымскія и Аталыковы.

Русскіе полки окружили Казань въ такомъ порядкѣ. Со стороны Волги на такъ называемомъ Царевомъ лугу расположились станомъ самъ Іоаннъ и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ съ царскимъ отборнымъ полкомъ, состоявшимъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, которые представляли лучшую и наиболѣе исправно вооруженную конницу. Впереди его по Булаку, т.-е. ближе къ городу, стала лѣвая рука, на устьѣ Булака сторожевой полкъ, а за Казанкой противъ помянутой верхней части города расположилась правая рука. Въ противуположной ей сторонѣ, т.-е. на Арскомъ полѣ, отъ Булака сталъ большой полкъ; за нимъ далѣе къ рѣкѣ Казанкѣ передовой; а на берегу Казанки связью между этимъ полкомъ и правой рукой служилъ легкій конный отрядъ или яртоулъ. Первое столкновеніе произошло въ то время, когда Русскіе двинулись занимать свои мѣста на Арскомъ полѣ. Навели мосты чрезъ тинистый Булакъ; по нимъ первый пошелъ передовой яртоульный отрядъ, заключавшій тысячъ семь конницы и пѣшихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ князей Пронскаго и Львова. Доселѣ городъ казался пустымъ; никого не было ни видно, ни слышно: такъ притаились его защитники. Но въ ту минуту, когда русскій отрядъ, перейдя Булакъ, сталъ подниматься на высокій холмъ, лежавшій между городомъ и озеромъ Кабаномъ, отворились городскія ворота (вѣроятно Аталыковы), и толпа конныхъ и пѣшихъ татаръ бросилась

на нашъ отрядъ. Сей послѣдній въ началѣ было замѣшался отъ неожиданнаго удара; но межъ тѣмъ успѣла перейти Булакъ остальная часть яртоула, которымъ начальствовали князья Шемякинъ и Троекуровъ; по приказу государя (а безъ этого приказа было запрещено вступать въ битву), они подкрѣпили сражавшихся дѣтьми боярскими и стрѣльцами, и непріятель съ большимъ урономъ былъ отброшенъ въ городъ. Послѣ того полки постепенно заняли назначенныя имъ мѣста.

Осада началась по всѣмъ правиламъ русскаго осаднаго искусства того времени. Главнымъ правиломъ этого искусства было тѣсное обложеніе города, такъ чтобы никто не могъ ни войти, ни выйти изъ него. Для сего осаждающіе копали кругомъ ровъ и валъ; на удобныхъ возвышенныхъ пунктахъ, особенно противъ городскихъ воротъ, ставили пушки, закрытыя турами, т.-е. большими плетенками изъ хвороста, наполненными землею; а мѣста низменныя забирали тыномъ или частоколомъ. Поэтому царь заранѣе распорядился, чтобы всякій человѣкъ въ его войскахъ приготовилъ по бревну для тына, а всякій десятокъ сдѣлалъ по одному туру. Артиллерія наша или нарядъ состояла изъ большихъ осадныхъ пушекъ (дѣлъ) и изъ пищалей. Осадныя пушки были собственно мортиры, бросавшія въ крѣпость большія каменныя ядра и потому называвшіяся «верховыми»; были и меньшаго размѣра, но очень длинныя, которыя стрѣляли калеными ядрами и зажигали дома, почему именовались «огненными». Подъ словомъ «пищаль» разумѣлась собственно малая пушка или большое крѣпостное ружье, стоявшее на станкѣ, длиною достигавшее сажени и болѣе. Такая пищаль называлась «затинная»; она стрѣляла желѣзными ядрами. Самыя легкія пищали носились на ремнѣ за плечами и назывались «рушницами», потомъ «ружьями»; изъ нихъ стрѣляли съ сошекъ; ими вооружены были стрѣльцы. Число осадныхъ пушекъ и большихъ пищалей, выставленныхъ противъ Казани, простиралось до 150. Затѣмъ Іоаннъ имѣлъ у себя нѣмецкихъ инженеровъ, прозванныхъ у насъ «размыслами», которые могли дѣлать подкопы подъ крѣпость и взрывать стѣны. Все число осаднаго русскаго войска съ вспомогательными отрядами инородцевъ, по лѣтописямъ, простиралось до полутораста тысячъ.

За первою помянутою вылазкой казанцевъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, такъ что устройство туровъ вокругъ города и вооруженіе ихъ пушками сопровождалось частыми битвами; обыкновенно

пока одна часть рати трудилась надъ этимъ дѣломъ, другая часть въ то время отбивала нападеніе татаръ, старавшихся мѣшать осаднымъ работамъ. Но мало-по-малу работы были окончены; почти противъ каждыхъ городскихъ воротъ со стороны осаждавшихъ воздвигнуты были орудія, закрытыя турами и защищенныя стрѣльцами и казаками, которые впереди нихъ вырыли для себя ровики или шанцы. Около городскихъ стѣнъ на устьѣ Булака стояла каменная баня, называвшаяся Даирова; ее захватили русскіе казаки и сдѣлали изъ нея родъ форта для дѣйствія противъ осажденныхъ. Когда осадныя работы были окончены, русскія орудія начали усердно обстрѣливать городъ, и хотя по своему тогдашнему несовершенству сравнительно мало причиняли вреда непріятелю, однако держали его въ страхѣ и производили пожары. Осажденные отвѣчали изъ своихъ пушекъ и пищалей, а также изъ луковъ, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. Зато въ это время обнаружилась для нихъ вся польза отъ войска, оставленнаго внѣ города и расположеннаго въ лѣсныхъ засѣкахъ. Русскіе полки, оградивъ себя турами, частоколами и рвами со стороны крѣпости, имѣли открытый тылъ, и вотъ начались частыя нападенія на нихъ съ тыла изъ сосѣднихъ лѣсовъ: изъ Арскаго лѣса нападала конница Япанчи, а изъ лѣсовъ на правой сторонѣ рѣки Казанки приходила Луговая черемиса. Эти нападенія извнѣ обыкновенно сопровождались вылазками изнутри города. Для сего, по свидѣтельству современника (князя Курбскаго), между внутренними и внѣшними защитниками былъ условленъ извѣстный знакъ. А именно: осажденные выносили большое мусульманское знамя на башню или на какой-нибудь другой возвышенный пунктъ и начинали имъ махать; тогда скрытые въ лѣсахъ татары устремлялись на русскія осадныя линіи извнѣ, и въ тоже время изъ городскихъ воротъ производилась вылазка осажденныхъ. Однажды во время подобнаго нападенія Япанчи казанцы сдѣлали изъ города такую дружную и внезапную вылазку, что едва не завладѣли большимъ русскимъ нарядомъ, и только послѣ кровопролитной сѣчи были отбиты. Около трехъ недѣль продолжались эти внѣшнія нападенія, которыя держали русскія войска въ постоянной тревогѣ и тѣмъ до крайности ихъ утомляли; конники наши не смѣли отдаляться далеко отъ лагерей, а потому не могли добывать достаточно травы для корму коней. Наконецъ Іоаннъ созвалъ воеводъ на совѣтъ, что̀ предпринять. На этомъ совѣтѣ придумали слѣдующую умную мѣру: русское войско также раздѣлить на двѣ части; одну часть, боль-

шую, оставить для продолженія осады, а другую, меньшую, выставить противъ Япанчи. Вторую часть составили изъ 30 тысячъ конницы и 15 тысячъ пѣшихъ стрѣльцовъ и казаковъ. Общее начальство надъ нею царь ввѣрилъ доблестному князю Александру Горбатому-Шуйскому, и онъ не замедлилъ оправдать это назначеніе полнымъ успѣхомъ.

Горбатый съ своимъ войскомъ спрятался въ закрытомъ мѣстѣ. Татары, вышедши изъ лѣсу на Арское поле, по обыкновенію, сперва ударили на стражу, охранявшую русскіе обозы. По заранѣе условленному плану сторожевые отряды отступили къ самымъ шанцамъ; татары погнались за ними и уже начали «водить круги и гарцовать» передъ шанцами, осыпая ихъ частыми стрѣлами какъ дождемъ. Вдругъ передъ ними появляется скрытая доселѣ часть русскаго войска и отрѣзываетъ имъ путь отступленія къ лѣсу. Татары принуждены вступить въ неравный бой, который окончился ихъ полнымъ пораженіемъ. Взятыхъ при семъ въ плѣнъ царь велѣлъ привязать къ кольямъ передъ шанцами, чтобы они, подъ угрозою смерти, умоляли казанцевъ сдать городъ. Но осажденные въ отвѣтъ на эти мольбы пустили въ плѣнниковъ тучу стрѣлъ. говоря: «лучше умереть вамъ отъ нашихъ мусульманскихъ рукъ, чѣмъ отъ рукъ гяуровъ необрѣзанныхъ». Спустя три дня, Іоаннъ послалъ князей Александра Горбатаго и Семена Микулинскаго разорить и самую лѣсную засѣку, гдѣ успѣли собраться разбитые татары и откуда они уже замышляли новыя нападенія. А затѣмъ воеводы должны были идти на Арскій городокъ, отстоящій на 56 верстъ отъ Казани. Порученіе это Горбатый и Микулинскій исполнили также съ полнымъ успѣхомъ. Засѣка была укрѣплена острогомъ, т. е. срубами, засыпанными землей, а также сваленными деревьями, и притомъ шла между великими болотами. Однако эта укрѣпленная засѣка была скоро взята и уничтожена, послѣ чего войско два дня шло до Арскаго городка, который нашло пустымъ, потому что жители его разбѣжались. Этотъ походъ совершался по странѣ обильной хлѣбомъ, скотомъ и всякими плодами; ибо тамъ находились частые загородные дворы и села казанскихъ вельможъ. Кромѣ съѣстныхъ припасовъ, Русскіе нашли тамъ цѣнныя шкуры звѣрей, особенно куницъ и соболей, а также большое количество меду. Черезъ десять дней отрядъ воротился со множествомъ плѣнныхъ изъ женщинъ и дѣтей, съ стадами скота и съ богатыми запасами всякаго продовольствія; въ войскѣ явилось вдругъ изобиліе и деше-

визна, такъ что корову можно было купить за 10 денегъ московскихъ. Опасность и тревога со стороны Арскаго лѣса были такимъ образомъ уничтожены; но нападенія Луговой черемисы съ другой стороны продолжались; впрочемъ по своей силѣ и значенію они не могли равняться съ побитыми наѣздниками Япанчи.

Былъ уже сентябрь мѣсяцъ, и наступила дождливая погода, весьма неблагопріятно дѣйствовавшая на здоровье и бодрость войска, тѣмъ болѣе, что окрестности Казани и безъ того изобилуютъ болотистыми сырыми мѣстами. Такое обиліе дождя русское суевѣріе приписывало даже сверхъестественному началу или чародѣйству. По словамъ того же современника казанскіе старики-колдуны и старыя бабы-колдуньи при восходѣ солнца являлись на стѣнахъ города и съ воплемъ произносили какія-то сатанинскія слова, непристойно вертясь и махая своими одеждами на христіанское войско: тотчасъ поднимался вѣтеръ, нагонялъ облака, и начинался проливной дождь. Вѣра въ такое чародѣйство вызвала слѣдующую мѣру: по совѣту благочестивыхъ людей, царь послалъ на скоро въ Москву за Животворящимъ крестомъ, заключавшимъ въ себѣ частицу древа, на которомъ былъ распятъ Спаситель. Посланные въ четыре дня на вятскихъ быстроходныхъ корабликахъ достигли Нижняго-Новгорода, а отсюда поскакали въ Москву на перемѣнныхъ подводахъ, и такимъ образомъ въ короткое время привезли святыню. Царскіе священники соборнѣ освятили воду Животворящимъ крестомъ, обходили лагери и кропили ихъ святою водою. Вскорѣ послѣ того настала ясная погода.

Между тѣмъ иноземные размыслы дѣлали свое дѣло, т. е. вели подкопы. Главный подкопъ заложенъ былъ со стороны Булака и направленъ подъ стѣну между воротами Тюменскими и Аталыковыми. Въ то же время возникъ вопросъ, откуда осажденные берутъ воду, будучи отрѣзаны отъ рѣки Казанки. Царь призвалъ къ себѣ мурзу Камая, и отъ него узналъ, что около Муралеевыхъ воротъ и берега Казанки есть ключъ, куда жители ходятъ за водою подземельемъ или тайникомъ. Стоявшіе въ той сторонѣ воеводы сторожевого полку, по приказу государя, пытались перекопать этотъ тайникъ сверху, но не могли по твердости грунта; наконецъ узнали, что онъ пролегаетъ близъ Даировой бани, занятой казаками. Государь поручилъ Алексѣю Адашеву и размыслу заложить подкопъ изъ бани подъ тайникъ, затѣмъ велѣлъ сему размыслу оставить это дѣло своимъ ученикамъ, а самому продолжать главный подкопъ. Когда

былъ готовъ подкопъ подъ тайникъ, въ него вкатили одиннадцать бочекъ пороху и взорвали. Этимъ взрывомъ тайникъ былъ совершенно уничтоженъ; часть сосѣдней стѣны обрушилась, камни и бревна высоко взлетали на воздухъ и при паденіи своемъ побили много казанцевъ. Уныніе распространилось въ городѣ, лишенномъ воды. Однако не думали о сдачѣ и начали въ разныхъ мѣстахъ копать, ища воды; докопались только до одного смраднаго источника, откуда и брали воду, хотя отъ этой воды люди пухли и умирали.

Осаждавшіе все ближе и ближе подвигали свои туры, а вмѣстѣ съ ними пушки, и безпрестанно били ядрами по городу; нѣкоторые ворота были уже сбиты; но осажденные возводили за ними новыя бревенчатыя и досчатыя укрѣпленія, засыпанныя землею, или такъ называемые тарасы. Не ограничиваясь устройствомъ туровъ, государь велѣлъ своему дьяку Ивану Выродкову, повидимому свѣдущему въ строительномъ дѣлѣ, приготовить на Арскомъ полѣ подвижную башню въ шесть сажень вышины. Эту башню придвинули къ Царевымъ воротамъ; на ней поставили 10 большихъ полуторасаженныхъ и 50 затинныхъ пищалей. Такъ какъ она была выше городскихъ стѣнъ, то стрѣльцы открыли съ нея жестокій огонь вдоль улицъ и стѣнъ, убивая много народу. Осажденные копали себѣ подъ воротами и подъ стѣнами земляныя норы, куда и укрывались отъ выстрѣловъ; а потомъ выползали какъ змѣи, дѣлали вылазки и рѣзались съ ожесточеніемъ. Осаждавшіе наконецъ уже такъ близко придвинули свои туры, что только одинъ городской ровъ отдѣлялъ ихъ отъ стѣнъ; борьба принимала все болѣе кровопролитный и упорный характеръ. Іоаннъ время отъ времени объѣзжалъ полки, осматривалъ туры, навѣщалъ и жаловалъ раненыхъ воеводъ и благочестивыми словами поддерживалъ мужество воиновъ, бившихся противъ враговъ православной вѣры. Однажды Русскіе подкопами взорвали тарасы, поставленные за Царевыми воротами, причемъ бревнами побили много народу, и ужасъ распространился въ городѣ. Пользуясь этимъ моментомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ русское войско устремилось впередъ и заняло разные башни, мосты и ворота. Нѣкоторые воеводы уже просили царя о повелѣніи сдѣлать общій приступъ; но Іоаннъ думалъ, что время рѣшительнаго удара еще не приспѣло, и велѣлъ отступить. Впрочемъ часть башенъ и воротъ осталась въ рукахъ Русскихъ; татары не медля воздвигли противъ нихъ срубы, засыпанные землею.

Іоаннъ ждалъ главнаго подкопа. Когда тотъ былъ почти окоп-

ченъ и въ него вкачено 48 бочекъ пороху, царь велѣлъ готовиться къ общему приступу, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. 30 сентября (1553 года) онъ приказалъ наполнять городскіе рвы лѣсомъ и землею и устраивать многіе мосты, а въ стѣны усиленно бить изъ большихъ пушекъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ стѣны были сбиты почти до основанія. Собственно для приступа Іоаннъ отобралъ часть войска изъ простыхъ ратныхъ людей, изъ боярскихъ дѣтей, казаковъ и стрѣльцовъ. Казаками начальствовали ихъ атаманы, стрѣльцами ихъ головы, а ратнымъ людямъ каждой сотнѣ былъ назначенъ голова изъ опытныхъ боярскихъ дѣтей. Этимъ передовымъ отрядамъ воеводы должны были помогать людьми изъ своихъ полковъ, причемъ каждому воеводѣ назначено занять мѣсто противъ опредѣленныхъ заранѣе воротъ и проломовъ. А чтобы во время приступа не подошла осажденнымъ помощь извнѣ, изъ сосѣднихъ лѣсовъ, а также чтобы отрѣзать бѣгство изъ города, поставлена вездѣ крѣпкая стража: на Арскомъ полѣ, на дорогахъ Арской и Чувашской поставлены Шигъ-Алей съ касимовскими князьями и мурзами, князь Θедоръ Мстиславскій съ своимъ полкомъ и Горная черемиса; на дорогѣ Ногайской поставлены князья Оболенскій и Мещерскій съ своими отрядами, на Галицкой, за рѣкой Казанкой, князь Ромодановскій и Заболоцкій; тамъ же за Казанкой отъ Луговой черемисы оберегали съ царскими дворянами головы Воротынскій и Головинъ. Часть войска кромѣ того оставлена была при государѣ, какъ его охрана и какъ главный запасъ (резервъ). Взрывъ большого подкопа долженъ былъ послужить сигналомъ для начала приступа. Готовясь къ рѣшительному дѣлу, Іоаннъ еще разъ пытается склонить казанцевъ къ добровольной сдачѣ съ обѣщаніемъ помилованія, если выдадутъ главныхъ измѣнниковъ; для этихъ переговоровъ онъ выбралъ мурзу Камая. Но казанцы дали единодушный отвѣтъ: «Не бьемъ челомъ; Русь уже на стѣнѣ и въ башняхъ; но мы поставимъ другую стѣну. Или всѣ помремъ, или отсидимся».

2 октября, въ воскресенье, на зарѣ, передъ самымъ приступомъ, государь, облеченный въ юмшанъ, т. е. въ боевую броню, слушалъ божественную литургію въ своей полотняной церкви и усердно молился. Передъ восходомъ солнца, когда дьяконъ, читая Евангеліе, возгласилъ «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», раздался сильный громъ, и задрожала земля. То взорвали подкопъ; часть городской стѣны съ бревнами, землею и людьми высоко взлетѣла на

воздухъ и потомъ обрушилась, покрывъ множество народа подъ развалинами. Царь вышелъ къ дверямъ, посмотрѣлъ на дѣйствіе подкопа и потомъ продолжалъ слушать литургію. Во время чтенія ектеніи, когда дьяконъ произнесъ слова «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата», послѣдовалъ второй взрывъ, еще болѣе ужасный, чѣмъ первый; часть стѣны опять взлетѣла на воздухъ, многіе ея защитники разорваны на куски. Тогда русское воинство со всѣхъ сторонъ устремилось на городъ съ кликомъ: «съ нами Богъ»! Татары, призывая Магомета на помощь, подпустили Русскихъ къ самымъ стѣнамъ, и вдругъ осыпали ихъ множествомъ камней изъ орудій и тучею стрѣлъ изъ луковъ. Когда же Русскіе приставили лѣстницы и полѣзли на стѣны и на башни, ихъ начали обливать кипяткомъ и скатывать на нихъ бревна. На самыхъ стѣнахъ татары, на сей разъ не прятавшіеся за укрѣпленіями, вступили въ жестокій рукопашный бой. Уже два раза ближніе бояре посылали къ царю вѣстниковъ, призывая его явиться для одобренія полковъ. Но Іоаннъ дождался окончанія литургіи, и тогда, съѣвъ кусокъ просфоры и взявъ благословеніе у своего духовника, благовѣщенскаго священника Андрея, пошелъ изъ церкви. «Благословите и простите за православіе пострадать; а вы намъ молитвою помогайте»—сказалъ онъ духовенству, сѣлъ на коня и выѣхалъ къ своему царскому полку. Въ эту минуту русскія знамена уже развѣвались на стѣнахъ казанскихъ.

Уже наше войско ворвалось въ городъ со стороны Арскаго поля. Татары покинули стѣны; тѣснимые Русскими, они, со своимъ царемъ Едигеромъ во главѣ, отступали къ верхней части города, т. е. къ царскому двору, продолжая отчаянно биться копьями и саблями; а гдѣ по тѣснотѣ не могли дѣйствовать этимъ оружіемъ, тамъ рѣзались ножами, хватая противниковъ за руки. Но тутъ ряды нападающихъ вдругъ стали таять. Открывшаяся передъ ними внутренность города съ его богатствами, т. е. гостинные дворы и лавки, наполненныя разными азіатскими товарами, и дома богатыхъ людей, изобилующіе золотомъ, серебромъ, коврами, дорогими каменьями и мѣхами, соблазнили многихъ русскихъ воиновъ: они оставили битву и бросились на грабежъ. Многіе малодушные и трусы, притворившіеся мертвыми или ранеными еще во время самаго приступа, теперь вскочили на ноги и присоединились къ грабителямъ. Когда вѣсть о томъ распространилась до русскихъ обозовъ, оттуда прибѣжали кашевары, конные пастухи, даже вольные торговцы, и устре-

мились на корысть. Пока храбрые въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бились съ татарами, нѣкоторые «корыстовники» успѣвали по два и по три раза отнести свою добычу въ лагерь, и опять прибѣжать въ городъ. Замѣтивъ, что число истинныхъ воиновъ осталось невелико и тѣ очень утомлены битвою, татары собрались съ силами, дружно ударили на нападающихъ и въ свою очередь потѣснили ихъ назадъ. Князь Михаилъ Воротынскій послалъ къ государю просить подкрѣпленія. Въ эту минуту, увидѣвъ отступленіе нашихъ, корыстовники испугались и обратились въ бѣгство; многіе изъ нихъ не попали въ ворота, а начали скакать черезъ стѣны, съ крикомъ: сѣкутъ! сѣкутъ! Видя бѣгство своихъ изъ города, Іоаннъ поблѣднѣлъ и смутился: онъ думалъ, что уже все войско наше отбито и приступъ окончился пораженіемъ. Но окружавшіе его опытные въ ратномъ дѣлѣ бояре («мудрые и искусные сигклиты», какъ выражается Курбскій) велѣли водрузить самую большую хоругвь близъ Царевыхъ городскихъ воротъ, взяли Іоаннова коня за узду и поставили его подъ хоругвію; а половинѣ двадцатитысячнаго царскаго полку велѣли сойти съ коней и идти въ городъ на помощь сражавшимся. Часть бояръ также сошла съ коней съ своими дѣтьми и сродниками и поспѣшила въ сѣчу. Эта свѣжая помощь тотчасъ повернула битву опять въ нашу пользу. Татары снова отступили къ царскому двору и большимъ мечетямъ, гдѣ къ нимъ присоединились духовные сеиты и муллы, съ кулъ-шерифъ-моллою во главѣ, которые почти всѣ пали въ этой отчаянной рѣзнѣ. Едигеръ съ остаткомъ дружины заперся на своемъ укрѣпленномъ дворѣ и еще часа полтора оборонялся въ немъ. Наконецъ Русскіе вломились и въ это послѣднее убѣжище. Тутъ на одной сторонѣ двора они увидали толпу прекрасныхъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ; а въ другомъ углу собрался остатокъ татаръ около своего хана: они думали, что русское войско прельстится женщинами и ихъ нарядами, и прежде всего бросится забирать ихъ въ плѣнъ. Но Русскіе пошли прямо на татаръ. Тогда они взвели своего царя Едигера на башню и просили на минуту остановить сѣчу. Просьба ихъ была услышана. «Пока нашъ юртъ стоялъ и въ немъ былъ царскій престолъ, мы обороняли его до послѣдней возможности; нынѣ отдаемъ вамъ царя здравымъ: ведите его къ своему царю! А оставшіеся изъ насъ идемъ на широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». Выславъ Едигера съ однимъ карачіемъ или вельможею, по имени Зейнешъ, и двумя имилдешами (царскими молочными братьями), татары начали частію пробиваться въ Елбу-

гины ворота, а большей частью прыгать со стѣнъ и собираться на берегу Казанки. Стоявшіе съ этой стороны воеводы открыли по нимъ огонь изъ пушекъ. Татары бросились берегомъ внизъ по рѣкѣ, потомъ остановились, сбросили съ себя лишнюю одежду, разулись и пошли въ бродъ черезъ рѣку. Ихъ оставалось еще тысячъ пять, и притомъ самыхъ храбрыхъ. Русскіе, стоявшіе на стѣнахъ, видѣли, что татары уходятъ, но остановить ихъ не могли; ибо въ этомъ мѣстѣ были большія стремнины. Молодой воевода, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, первый пустился въ погоню, собравъ вокругъ себя сотни двѣ или три всадниковъ. Онъ перешелъ рѣку и раза три храбро врубался въ густую толпу татаръ; но въ четвертый разъ упалъ вмѣстѣ съ раненымъ конемъ своимъ, и самъ весь израненный потомъ замертво былъ поднятъ своими; только крѣпкая кольчуга охранила его отъ смерти. На помощь всадникамъ подоспѣлъ родной братъ князя Курбскаго; онъ тоже нѣсколько разъ врубался въ толпу татаръ; подоспѣли нѣкоторые другіе воеводы, которые били непріятелей до тѣхъ поръ, пока тѣ не достигли болотистаго, лѣсистаго мѣста, куда и спаслось ихъ нѣсколько сотъ оставшихся отъ истребленія.

Казань была взята; вмѣстѣ съ тѣмъ освобождено нѣсколько тысячъ русскихъ плѣнниковъ. Въ полонъ Русскимъ досталось огромное количество татарскихъ женъ и дѣтей; а вооруженные люди, по приказу царя, большею частію были избиваемы «за ихъ измѣны». Убитыхъ оказалось такое множество, что по всему городу не было мѣста, гдѣ бы можно было ступить не на мертваго; а около царскаго двора и по ближнимъ улицамъ кучи убитыхъ возвышались наравнѣ съ городскими стѣнами; рвы были ими наполнены, а также и тѣ мѣста, по которымъ уходили послѣдніе защитники, т. е. берега Казанки и лугъ, простиравшійся отъ нея къ лѣсу. Разумѣется, и русскому воинству дорого обошлась эта побѣда, и оно потеряло во время осады множество людей отъ болѣзней и отъ рукъ непріятельскихъ.

Іоаннъ прежде всего возблагодарилъ Бога за побѣду и велѣлъ пѣть благодарственный молебенъ подъ своимъ знаменемъ, на которомъ было изображеніе Нерукотвореннаго Спаса. (На томъ же мѣстѣ онъ потомъ велѣлъ соорудить и храмъ въ честь этого образа). Сюда собрались воеводы и всѣ бояре, съ княземъ Владимиромъ Андреевичемъ впереди; потомъ подъѣхалъ и Шигъ-Алей. «Буди государь здравъ на многія лѣта на Богомъ дарованномъ ти царствѣ Ка-

занскомъ!» повторяли они, привѣтствуя государя. Окруженный воеводами и своими дворянами, государь вступилъ въ городъ и направился къ царскому двору. Его встрѣчали побѣдоносныя войска съ толпами освобожденныхъ русскихъ плѣнниковъ и кричали: «Многая лѣта царю благочестивому Ивану Васильевичу, побѣдителю варваровъ!» Городъ въ разныхъ мѣстахъ горѣлъ. Царь приказалъ тушить пожары, а всѣ взятыя сокровища, плѣнниковъ и плѣнницъ велѣлъ раздѣлить между воинами; себѣ взялъ только плѣннаго Едигера-Махмета, царскія знамена и городскія пушки. Послѣ того онъ возвратился въ свою загородную стоянку.

Съ радостною вѣстью въ Москву къ своей царицѣ Анастасіи, брату Юрію и митрополиту онъ отправилъ шурина своего Даніила Романовича Юрьева. Къ 4-му октября Казань очистили отъ труповъ, и государь снова вступилъ въ городъ. Тутъ онъ выбралъ мѣсто, на которомъ велѣлъ построить соборный храмъ во имя Благовѣщенія, пока деревянный; потомъ съ крестами обошелъ городскія стѣны и велѣлъ святить городъ. Затѣмъ, принявъ челобитье и присягу о покорности отъ Арскихъ людей и Луговой черемисы, царь оставилъ здѣсь своимъ намѣстникомъ и большимъ воеводою князя Александра Борисовича Горбатаго, при немъ товарищемъ князя Василія Семеновича Серебрянаго, и далъ ему многихъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и казаковъ; а самъ 11 октября поспѣшилъ отправиться въ свою столицу, хотя нѣкоторые опытные бояре совѣтовали ему не спѣшить отъѣздомъ и прежде устроить дѣла Казанскія. Онъ поплылъ съ пѣхотою на судахъ по Волгѣ, а конницу послалъ берегомъ съ княземъ Михаиломъ Воротынскимъ къ Василь-Сурску. Въ Свіяжскѣ воеводою оставленъ князь Петръ Ивановичъ Шуйскій, который вѣдалъ и всей Горною черемисою. Въ Нижнемъ кромѣ жителей и духовенства государя встрѣтили бояре, посланные привѣтствовать его изъ Москвы отъ царицы, брата Юрія и митрополита. Изъ Нижняго государь поѣхалъ на коняхъ къ Владиміру; не доѣзжая этого города, онъ встрѣтилъ боярина Траханіота, который привезъ радостную вѣсть отъ царицы Анастасіи: у нея родился сынъ царевичъ Димитрій. Прежде нежели вступить въ столицу, Іоаннъ не преминулъ заѣхать въ Троицкую Лавру и поклониться угоднику Сергію. Когда государь приблизился къ Москвѣ, навстрѣчу ему вышло такое множество народу, что все поле отъ рѣки Яузы до посаду едва вмѣщало людей. Слышались только крики: «Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варварскому, избавителю

христіанскому!» Митрополитъ, епископы и все духовенство встрѣчали государя со крестами. Царь обратился къ митрополиту и ко всему освященному собору съ пространнымъ благодарственнымъ словомъ за ихъ молитвы, помощью которыхъ онъ побѣдилъ невѣрныхъ казанцевъ. Митрополитъ отвѣчалъ ему въ томъ же смыслѣ. Послѣ сего царь сошелъ съ коня, снялъ доспѣхъ и замѣнилъ его царскимъ одѣяніемъ; повѣсилъ на груди Животворящій крестъ, на главу возложилъ шапку Мономахову, и пѣшій отправился за крестами въ Успенскій соборъ; здѣсь со слезами благодарности прикладывался къ мощамъ Петра и Іоны митрополитовъ. И уже затѣмъ вступилъ онъ въ царскія палаты, гдѣ обнялъ свою супругу и новорожденнаго сына. Безспорно это былъ счастливѣйшій и самый свѣтлый день въ его жизни.

8 ноября у царя былъ пиръ въ большой Грановитой палатѣ для всего высшаго духовенства, для многихъ бояръ и воеводъ. Потомъ государь раздавалъ щедрые подарки митрополиту и всѣмъ бывшимъ тогда въ Москвѣ владыкамъ. Князя Владимира Андреевича онъ жаловалъ шубами, большими фряжскими кубками и золотыми ковшами. Также всѣхъ бывшихъ съ нимъ въ походѣ воиновъ отъ бояръ и до дѣтей боярскихъ, смотря по достоянію, онъ жаловалъ шубами съ своихъ плечъ, бархатами на золотѣ и соболяхъ, кубками, ковшами, конями, доспѣхами, платьемъ и деньгами. Торжественные пиры съ подарками продолжались три дня, и въ эти дни, по счету царскихъ казначеевъ, деньгами и вещами роздано было на 48,000 рублей, кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, которыми государь жаловалъ особо.

Велика была народная радость, съ которою встрѣчено на Москвѣ покореніе Казанскаго царства. Да и было чему радоваться. Уже въ теченіе цѣлыхъ трехъ столѣтій борьба съ татарскими ордами постоянно занимала вниманіе Русскаго народа и сдѣлалась главнымъ его политическимъ интересомъ. Еще жива была память о татарскомъ игѣ и сопровождавшихъ его бѣдствіяхъ, изъ которыхъ самое значительное составлялъ постоянный уводъ огромнаго количества плѣнныхъ христіанъ, попадавшихъ въ бусурманскую неволю. Съ окончаніемъ непосредственнаго ига не кончилось это постоянное бѣдствіе, поддерживавшее въ народѣ ненависть къ варварамъ и питавшее жажду мщенія. Изъ двухъ главныхъ наслѣдницъ Золотой орды, угнетавшихъ наши окраины, ордъ Казанской и Крымской, первая и ближайшая къ Москвѣ была теперь уничтожена; хищное

бусурманское гнѣздо обращалось въ русскій городъ; на мѣстѣ мусульманскихъ мечетей воздвигались христіанскіе храмы; почти вся восточная окраина Московскаго государства обрѣтала спокойствіе; все среднее теченіе Волги давало теперь полный просторъ русскому поступательному движенію на Востокъ, существовавшему искони. Естественно поэтому, что Іоаннъ, какъ завоеватель цѣлаго татарскаго царства, сдѣлался героемъ въ глазахъ Русскаго народа и прославлялся въ его пѣсняхъ; ради этой славы многое прощалось ему въ его послѣдующей менѣе свѣтлой дѣятельности.

Такъ какъ борьба съ татарами-мусульманами издавна пріобрѣла не только національный, но и православно-религіозный характеръ, то покореніе Казани являлось въ глазахъ современниковъ прежде всего подвигомъ благочестія, побѣдою православія. Оттого, подобно Куликовской битвѣ, и это событіе дошло до насъ въ лѣтописяхъ, украшенное легендами, по которымъ паденіе Казани заранѣе предвѣщалось разными знаменіями и явленіями, какъ бы сами небесныя силы принимали участіе въ побѣдѣ надъ невѣрными.

Тою же зимою Іоаннъ окрестилъ обоихъ плѣнныхъ казанскихъ царей: маленькій Утемишъ-Гирей получилъ имя Александра, а Едигеръ-Махметъ названъ Симеономъ. Послѣднему государь подарилъ дворъ въ Москвѣ, приставивъ къ нему особаго боярина и цѣлый штатъ чиновниковъ для почетной службы (34).

*

Зимою 1553 года Іоаннъ жестоко заболѣлъ горячкою или «огневою болѣзнію», какъ называетъ ее лѣтопись. Состояніе больнаго было настолько опасно, что царскій дьякъ Иванъ Михайловъ Висковатый напомнилъ ему о духовномъ завѣщаніи. Немедленно написали духовную, по которой государь назначалъ себѣ преемникомъ своего сына—младенца Димитрія. Для большей крѣпости этого распоряженія, рѣшено было привести бояръ и другихъ ближнихъ людей къ присягѣ на вѣрность царевичу Димитрію. Но тутъ вдругъ возникла сильная распря: часть бояръ присягнула, а именно князья Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, Владимиръ Воротынскій и Димитрій Палецкій, Иванъ Шереметевъ, Михаилъ Морозовъ, Даніилъ Романовичъ и Василій Михайловичъ Захарьины-Юрьевы, Алексѣй Адашевъ и нѣкоторые другіе; большинство же бояръ, имѣя во главѣ князей Ивана Михайловича Шуйскаго, Петра Щенятьева, Ивана Турунтая-Пронскаго и Семена Ростовскаго, отказывалось присягать

на службу «пелёнычному» царевичу. Къ этой противной сторонѣ присталъ и окольничій Ѳедоръ Адашевъ, отецъ Алексѣя, который высказалъ прямо и причину отказа: Тебѣ государю и сыну твоему царевичу Дмитрію крестъ цѣлуемъ, а Захарьинымъ намъ Данилу съ братьею не служити; сынъ твой, государь нашъ, еще въ пелёницахъ, а владѣти нами Захарьинымъ Данилу съ братіей; а мы ужъ отъ бояръ до твоего возрасту бѣды видали многія.

Слѣдовательно новое малолѣтство царя, повтореніе боярщины и правленіе Захарьиныхъ—вотъ что страшило большинство самихъ же бояръ. Напрасно больной царь увѣщевалъ ослушниковъ, говоря, что они будутъ служить сыну его, а не Захарьинымъ, и укоряя ихъ въ томъ, что они, вопреки присягѣ, ищутъ себѣ другаго государя. Дѣйствительно, ослушники, выражавшіе желаніе служить взрослому государю, а не младенцу, имѣли въ виду двоюроднаго царскаго брата Владиміра Андреевича (о родномъ братѣ царскомъ Юріѣ не было и рѣчи по его малоумію). Самъ князь Владиміръ Андреевичъ также отказывался отъ присяги и очевидно питалъ честолюбивый замыселъ. Мало того: въ это именно время онъ и мать его Евфросинья (урожденная Хованская) собирали у себя своихъ дѣтей боярскихъ и раздавали имъ деньги. Вслѣдствіе того вѣрные бояре начали беречься князя Владиміра и перестали пускать его къ государю. Тутъ выступилъ впередъ извѣстный благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, издавна находившійся у князя Владиміра и его матери въ особой любви и пріязни; онъ началъ упрекать бояръ за то, что они не допускаютъ князя до государя, увѣряя въ его доброхотствѣ. Цѣлые два дня во дворцѣ происходили шумные споры и перебранка между той и другой стороною. Больной царь призвалъ вѣрныхъ бояръ и черезъ силу говорилъ имъ, увѣщевая стоять крѣпко за своего сына, не дать его извести невѣрнымъ боярамъ и въ случаѣ нужды бѣжать съ нимъ въ чужую землю.

— А вы Захарьины—прибавилъ онъ обращаясь къ шурьямъ—чего испугались? Али чаете, бояре васъ пощадятъ? Вы отъ бояръ первые мертвецы будете, и вы бы за сына моего, да за матерь его умерли, а жены моей на поруганіе боярамъ не дали.

Услыхавъ такія «жестокія слова» государя, всѣ бояре «поустрашилися», перестали наконецъ прекословить и пошли въ переднюю избу для принесенія присяги. А прежде они не шли туда и отговаривались тѣмъ, что ихъ заставляютъ цѣловать крестъ не въ присутствіи государя.

Крестъ держалъ дьякъ Иванъ Висковатый, а у креста стоялъ князь Владимiръ Воротынскiй.

— Твой отецъ, да и ты послѣ великаго князя Василiя первый измѣнникъ, а приводишь ко кресту—сказалъ князю Воротынскому князь Турунтай-Пронскiй.

— Я измѣнникъ - отвѣчалъ Воротынскiй,—а тебя привожу къ крестному цѣлованiю, чтобы ты служилъ государю нашему и сыну его; ты прямой человѣкъ, а креста не цѣлуешь и служить имъ не хочешь.

Князь Пронскiй смутился отъ этихъ словъ и поспѣшилъ присягнуть. Заставили также присягнуть и князя Владимира Андреевича, грозя иначе не выпустить его изъ дворца.

Потрясенiе, испытанное Iоанномъ въ эти два дня, можетъ быть, дало благодѣтельный толчокъ его нервному организму. Какъ бы то ни было, онъ вскорѣ оправился и всталъ съ одра болѣзни. По всей вѣроятности радость, причиненная выздоровленiемъ, превысила скорбное чувство, возбужденное упомянутою распрею и ослушанiемъ многихъ бояръ: царь на первое время никого изъ нихъ не подвергъ опалѣ. Но нѣтъ сомнѣнiя, что у него осталось горькое воспоминанiе объ этомъ случаѣ, и въ его впечатлительной душѣ зародилось чувство подозрительности къ окружавшимъ его. Въ сущности опасенiя бояръ въ виду преемника-младенца были естественны послѣ того, что̀ государство претерпѣло въ малолѣтство самого Iоанна; а между тѣмъ наслѣдованiе престола въ прямой линiи помимо старшаго въ родѣ еще не успѣло сдѣлаться настолько исконнымъ государственнымъ обычаемъ, чтобы о немъ не могло возникнуть и вопроса въ подобномъ исключительномъ случаѣ. Iоаннъ, можетъ быть, и самъ отчасти сознавалъ эти смягчающiя обстоятельства. Тѣмъ не менѣе первая тѣнь на его отношенiя къ главнымъ своимъ совѣтникамъ и любимцамъ была наброшена. Хотя Алексѣй Адашевъ самъ присягнулъ безъ спора, но отецъ его очутился въ числѣ явныхъ противниковъ присяги. Сильвестръ также ничего не говорилъ противъ присяги, но онъ слишкомъ неосторожно вступился за Владимира Андреевича, явившагося въ эту минуту претендентомъ на престолъ. По всей вѣроятности наиболѣе вредное влiянiе этотъ случай оказалъ на расположенiе супруги царя, Анастасiи, къ его совѣтникамъ; такъ какъ означенная боярская распря направлена была противъ ея сына, ея самой и ея родни, то весьма естественно, что послѣ того между нею и царскими совѣтниками возникли хо-

лодныя отношенія, которыя въ свою очередь конечно подѣйствовали на самого государя.

Едва ли не первымъ поводомъ къ разногласію между Іоанномъ и его совѣтниками послужила поѣздка по монастырямъ, которую онъ предпринялъ вскорѣ послѣ своего выздоровленія, вслѣдствіе даннаго имъ обѣта. Въ то время нѣкоторыя дѣла государственныя, особенно мятежи въ Казанской землѣ, требовали усиленнаго вниманія и дѣятельности со стороны государя, и совѣтники его очевидно не одобряли этой поѣздки; но Іоаннъ, едва самъ оправившійся отъ болѣзни, поѣхалъ и взялъ съ собою не только супругу, но и маленькаго сына Димитрія (въ маѣ 1553 года). Прежде всего онъ направился въ Троицкую Лавру. Здѣсь въ то время пребывалъ знаменитый старецъ Максимъ Грекъ. Онъ претерпѣлъ долгое и тяжкое заключеніе въ тверскомъ Отрочѣ монастырѣ; но послѣ кончины Василія III его участь была облегчена, и его перевели на покой въ Троицкую Лавру (гдѣ онъ потомъ и скончался въ 1556 году). Іоаннъ бесѣдовалъ съ Максимомъ о своемъ обращеніи къ заступничеству св. Кирила Бѣлозерскаго во время болѣзни и о своемъ обѣтѣ ѣхать въ его монастырь, въ случаѣ выздоровленія. Старецъ, согласно съ совѣтниками царскими, говорилъ, что было бы лучше и угоднѣе Богу, если бы Государь, вмѣсто дальней поѣздки, своими попеченіями и помощью отеръ слезы матерей, вдовъ и сиротъ тѣхъ многочисленныхъ воиновъ, которые пали подъ Казанью за православную вѣру. Но Іоаннъ стоялъ на поѣздкѣ въ Кириловъ и по другимъ монастырямъ, поощряемый къ тому сребролюбивыми монахами, которые ожидали отъ него богатыхъ вкладовъ и имѣній (по свидѣтельству князя Курбскаго). Тогда, если вѣрить тому же свидѣтельству, Максимъ посредствомъ нѣкоторыхъ спутниковъ царя (духовника его Андрея, князя Ивана Мстиславскаго, Алексѣя Адашева и князя Курбскаго) предсказалъ ему, что сынъ его не воротится изъ сей поѣздки.

Изъ Троицкой Лавры Іоаннъ направился къ городу Дмитрову или собственно въ Пѣсношскій монастырь, расположенный на рѣкахъ Яхромѣ и Пѣсношѣ. Въ семъ монастырѣ проживалъ другой старецъ, Вассіанъ Топорковъ, бывшій епископъ коломенскій, лишенный архіерейской каѳедры во время боярщины. Онъ принадлежалъ къ осифлянамъ, т. е. къ постриженикамъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, и былъ другаго образа мыслей съ Максимомъ Грекомъ. Тотъ же современникъ передаетъ слѣдующую тайную бесѣду царя со старцемъ Вассіаномъ.

— Како бы могл добрѣ царствовати и великихъ и сильныхъ своихъ въ послушествѣ имѣти? спросилъ Іоаннъ.

— Аще хощеши самодержцемъ быти, шопотомъ отвѣчалъ ему Вассіанъ: не держи себѣ совѣтника ни единаго мудрѣйшаго себя, понеже самъ еси всѣхъ лучше; тако будеши твердъ на царствѣ и все имѣти будешь въ рукахъ своихъ. Аще будеши имѣти мудрѣйшихъ близу себя, по нуждѣ будеши послушенъ имъ.

— О, аще и отецъ былъ бы ми живъ, таковаго глагола полезнаго не повѣдалъ бы ми! воскликнулъ Іоаннъ, цѣлуя руку недобраго старца.

Происходила ли въ дѣйствительности таковая бесѣда, трудно сказать; но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что Вассіанъ говорилъ въ подобномъ родѣ и что его коварный совѣтъ палъ на воспріимчивую почву.

Отсюда Іоаннъ отправился на судахъ Яхромою и Дубною въ Волгу, посѣтилъ монастыри Калязинскій, Покровскій; потомъ Шексною поднялся въ Бѣлое озеро, и прибылъ въ Кириловъ монастырь. Оставивъ тутъ царицу, онъ еще ѣздилъ въ Ѳерапонтову обитель и по сосѣднимъ пустынямъ. На обратномъ пути изъ Кирилова онъ посѣтилъ святыни въ Ярославлѣ, Ростовѣ и Переяславлѣ. Въ Москву царская чета воротилась въ горѣ: младенецъ Димитрій дѣйствительно не выдержалъ такого долгаго пути и умеръ на дорогѣ въ столицу. Но въ слѣдующемъ году царь и царица были утѣшены рожденіемъ другаго сына, названнаго отцовскимъ именемъ Ивана (35).

Около этого времени изъ Казанской земли начали приходить тревожныя вѣсти. Въ составъ Казанскаго царства, какъ извѣстно, входило нѣсколько финскихъ и тюркскихъ народцевъ, именно: Черемисы, Чуваши, Мордва, Вотяки и Башкиры. Послѣ взятія главнаго города они большею частью присягнули на русское подданство и обязались платить Москвѣ такой же ясакъ, какой платили прежде Казани. Но давнія связи съ Казанскими татарами и привычка къ подчиненію послѣднимъ не могли быть порваны вдругъ; а татары не скоро могли помириться съ прекращеніемъ своего господства и съ водвореніемъ креста въ ихъ магометанской столицѣ. Часть многочисленной казанской знати разсѣялась по окрестнымъ народцамъ, и заодно съ ихъ князьками и старшинами стала поднимать ихъ къ бунту противъ Москвы; къ сему удобный поводъ давали сборы ясака, сопровождаемые иногда разными обидами и своеволіемъ со стороны ратныхъ людей. Изъ этихъ народцевъ особенно сильные мятежи

производила Луговая черемиса; ея примѣромъ увлеклись и Арскіе люди, т. е. Вотяки. Мятежники начали избивать русскіе отряды, посылаемые для сбора ясака. Часть ихъ укрѣпилась въ лѣсныхъ засѣкахъ, откуда дѣлала набѣги на Русскихъ. Они поставили для себя даже укрѣпленный городъ на рѣкѣ Мешѣ (притокѣ Камы), для обороны отъ Русскихъ. Первыя дѣйствія нашихъ воеводъ противъ мятежниковъ были не всегда удачны; силы, оставленныя въ Казани и Свіяжскѣ, оказались недостаточны для укрощенія всего края. Въ Москвѣ на первое время не обратили должнаго вниманія на его трудное положеніе, и лѣтописецъ обвиняетъ въ этомъ небреженіи тѣхъ бояръ, которымъ государь во время своей поѣздки по монастырямъ поручилъ «о Казанскомъ дѣлѣ промышляти да и о кормленіяхъ сидѣти». Бояре эти «начаша о кормленіяхъ сидѣти, а Казанское строеніе поотложиша». Изъ предводителей мятежной Луговой черемисы особенно выдался нѣкій «сотникъ» или сотенный князь Мамичъ-Бердей. Съ его согласія Луговая черемиса призвала одного князя изъ Ногайской орды и поставила его у себя царемъ. Но потомъ, видя, что отъ этого царя нѣтъ никакой помощи, Мамичъ-Бердей убилъ его вмѣстѣ съ его ногайской свитою; отрубленную его голову черемиса воткнула на колъ, и глумилась надъ нимъ такими словами: «Ты съ людьми твоими не столько помощи намъ сотворилъ, сколько нашихъ коровъ и воловъ поѣлъ; пусть голова твоя царствуетъ теперь на высокомъ колу». Пришлось посылать новые полки на помощь мѣстнымъ воеводамъ. Мамичъ-Бердей былъ захваченъ въ плѣнъ Горными черемисами, которыхъ онъ тщетно пытался поднять къ бунту. Его отвезли въ Москву. Послѣ того усмиреніе мятежа пошло успѣшно, въ особенности благодаря энергичнымъ распоряженіямъ казанскаго намѣстника князя Петра Шуйскаго. Воеводы Морозовъ и Салтыковъ ходили въ Арскую область и страшно ее опустошили; они брали въ плѣнъ только женщинъ и дѣтей, а мужчинъ избивали. Другіе отряды съ такимъ же успѣхомъ ходили на Луговую черемису и разгромили это безпокойное племя. Наконецъ, въ 1557 году, послѣ многаго кровопролитія и большихъ опустошеній, вся Казанская земля была усмирена.

Еще прежде этого окончательнаго усмиренія Іоаннъ позаботился о церковномъ устроеніи вновь покореннаго царства и распространеніи здѣсь православія. Для сего въ Казани учреждена была особая архіепископская каѳедра, и первымъ архіепископомъ сюда былъ поставленъ игуменъ Селижарова монастыря Гурій. Его отправили въ

новую епархію съ архимандритами Варсонофіемъ и Германомъ, съ игумнами и священниками (1555 г.). Въ наказѣ данномъ Гурію, ему поручено привлекать татаръ разными мѣрами, напримѣръ: избавлять провинившихся отъ наказанія, если они изъявятъ желаніе креститься, часто угощать новокрещенныхъ, поить ихъ квасомъ и медомъ, вообще дѣйствовать не страхомъ и жестокостью, а любовью и лаской. При семъ казанскому намѣстнику князю Петру Ивановичу Шуйскому вмѣнено въ обязанность быть въ единодушіи съ архіепископомъ и совѣтоваться съ нимъ въ дѣлахъ управленія. На содержаніе архіепископа и духовенства, кромѣ хлѣбнаго и денежнаго жалованья, назначена была часть селъ и земель, бывшихъ прежде во владѣніи казанскихъ царей и вельможъ. Къ Казанской епархіи причислены были Свіяжскъ съ нагорною стороною Волги, Васильсурскъ и вся Вятская область. Въ ряду русскихъ іерарховъ архіепископъ Казанскій и Свіяжскій занялъ степень ниже Новгородскаго владыки и выше Ростовскаго. Для закрѣпленія новозавоеваннаго царства за Москвою построено нѣсколько крѣпостей, заселенныхъ дѣтьми боярскими и стрѣльцами; таковы въ особенности Чебоксары, на нагорной сторонѣ Волги, и Лаишевъ на правомъ берегу Камы недалеко отъ ея устья. Послѣдній долженъ былъ служить защитою отъ «прихода Ногайскихъ людей», какъ выражается лѣтопись.

Ногайскіе татары занимали тогда своими кочевьями и становищами все огромное пространство между Волгою и морями Аральскимъ и Каспійскимъ. Это собственно такъ называемая Большая Ногайская орда; средоточіемъ ея былъ городъ Сарайчикъ, лежавшій на нижнемъ теченіи рѣки Яика. На югѣ, между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ, кочевала Малая Ногайская орда. Главная или Волжско-Яицкая орда, при своей многочисленности, могла бы сдѣлаться очень опаснымъ сосѣдомъ для Московскаго государства; но въ ней не образовалось единой власти, подобной Крымскому ханству. Ногайскіе князья (беки или біи) происходили отъ извѣстнаго мурзы Эдигея. Достоинство у л у - б і я, т. е. великаго князя, переходило къ старшему въ Эдигеевомъ родѣ и служило нерѣдко предметомъ междоусобій. По образцу Золотой орды и Крымской, этотъ верховный князь былъ окруженъ татарской аристократіей, носившей титулы мурзъ, карачіевъ и улановъ, которые стояли во главѣ своихъ родовъ; но власть его не была велика, и сила его зависѣла отъ вѣрности или преданности этихъ знатныхъ людей. Раздорами и разъединеніемъ Ногаевъ московская политика ловко пользовалась въ

своихъ видахъ. Въ данную эпоху улу-біемъ въ этой ордѣ считалъ себя Юсуфъ, отецъ Суюнбеки, дѣдъ маленькаго Утемишъ-Гирея. Онъ конечно съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на плѣнъ своей дочери и внука и на паденіе Казанскаго царства; но, несмотря на возбужденія со стороны крымцевъ и турецкаго султана, оказалъ лишь ничтожную помощь Казани, ибо его силы и вниманіе были заняты борьбою съ собственнымъ братомъ мурзой Измаиломъ. Послѣдній не признавалъ старшинства Юсуфа и самъ стремился занять мѣсто верховнаго ногайскаго князя; торговыя выгоды связывали его съ Москвою. Межъ тѣмъ какъ татары Юсуфа торговали главнымъ образомъ съ Бухарой, Измаиловы татары гоняли на продажу въ Москву огромные конскіе табуны и получали большія выгоды отъ этой торговли. Кромѣ того Московское правительство посылало Измаилу богатые подарки, а также давало ему на помощь стрѣльцовъ и вообще усердно поддерживало его соперничество съ Юсуфомъ, съ которымъ впрочемъ тоже старалось быть въ добрыхъ отношеніяхъ, и награждало его подарками. Послѣ взятія Казани, когда произошли мятежи казанскихъ народцевъ, Юсуфъ оказывалъ имъ помощь и даже собирался съ своими мурзами идти на Москву во главѣ стотысячнаго ногайскаго ополченія; Измаилъ же не только отказался принять участіе въ этомъ походѣ, но и отговорилъ другихъ мурзъ, и такимъ образомъ походъ не состоялся. Тотъ же Измаилъ помогъ Москвѣ завоевать царство Астраханское.

Какъ извѣстно, Астрахань сдѣлалась средоточіемъ небольшаго татарскаго царства, которое возникло на нижней Волгѣ, на мѣстѣ бывшей Золотой орды. Этотъ городъ пріобрѣлъ важное торговое значеніе, благодаря тому, что онъ лежалъ на водномъ пути изъ Каспійскаго моря въ Азовское, т. е. изъ Азіи въ южную Европу, а также на пути отъ Каспійскаго моря вверхъ по Волгѣ до Казани. Внутреннимъ своимъ устройствомъ Астраханское царство походило на Казанское; здѣсь также верховная власть находилась въ рукахъ царя или хана, ограниченнаго мѣстной аристократіей бековъ, мурзъ и улановъ. Господствующая религія также была магометанская. Но по своей слабости Астраханское царство не могло пріобрѣсти полной самостоятельности, и вліяніе крымскихъ Гиреевъ здѣсь соперничало съ вліяніемъ сосѣднихъ князей ногайскихъ и государя Московскаго, хотя и отдаленнаго отъ Астрахани, но опиравшагося на близкихъ къ ней Донскихъ казаковъ. Отсюда довольно частая перемѣна хановъ. Изгнанные противной партіей изъ отечества, астра-

ханскіе царевичи нерѣдко уходили въ Россію и вступали въ службу Московскаго государя. Къ такимъ царевичамъ, какъ извѣстно, принадлежалъ Авліаръ, отецъ Шигъ-Алея и Еналея. Въ 1552 году прибылъ въ Москву царевичъ Кайбула, сынъ прежняго царя астраханскаго Аккубека. Іоаннъ женилъ его на Шигъ-Алеевой племянницѣ и далъ ему въ кормленіе городъ Юрьевъ. А въ Звенигородѣ въ это время проживалъ изгнанный изъ Астрахани царь Дербышъ-Алей. Преемникъ Дербыша, астраханскій царь Ямгурчей въ 1551 году присылалъ къ Іоанну посольство бить челомъ о принятіи его вмѣстѣ съ юртомъ въ свою службу. Государь отправилъ своего посла, чтобы привести астраханскаго царя къ присягѣ на вѣрность Россіи. Но послѣ паденія Казани Ямгурчей подчинился вліянію крымскаго хана и ногайскаго князя Юсуфа, оскорбилъ и ограбилъ Іоаннова посла и вообще заявилъ себя непріятелемъ Россіи. Измаилъ-мурза уже прежде просилъ Іоанна прислать приходившагося ему родственникомъ Дербышъ-Алея и посадить его въ Астрахани на мѣсто Ямгурчея. Теперь государь исполнилъ эту просьбу и послалъ въ Астрахань Дербыша съ 30,000 войска подъ начальствомъ князя Пронскаго-Шемякина и его товарища Вешнякова, съ которыми долженъ былъ соединиться и Измаилъ-мурза. Послѣдній однако не соединился, занятый въ то время своимъ междоусобіемъ съ Юсуфомъ. Но посланнаго войска оказалось слишкомъ достаточно для завоеванія Астраханскаго царства. Ямгурчей послѣ небольшаго сраженія бѣжалъ изъ своей столицы почти со всѣмъ ея населеніемъ; войско его разсѣялось, его семейство попало въ плѣнъ къ Русскимъ, пушки и пищали также были взяты. Дербышъ посаженъ на царство, а многіе разбѣжавшіеся жители Астрахани были пойманы, снова водворены въ городѣ и вмѣстѣ съ астраханскими вельможами приведены къ присягѣ на вѣрность новому царю. Самъ Дербышъ обязался платить дань Московскому государю, частью деньгами, а частью рыбою, при чемъ московскіе рыболовы получили право свободно и безпошлинно ловить рыбу отъ Казани до моря. Это происходило въ 1554 году.

Война между Юсуфомъ и Измаиломъ велась съ большимъ ожесточеніемъ; въ ней съ обѣихъ сторонъ легло такое множество ногаевъ, что, по словамъ Русской лѣтописи, «какъ стала орда Ногайская, такого надежа не бывало надъ ними». Въ этой войнѣ погибъ Юсуфъ со многими своими родичами. Послѣ того Измаилъ получилъ титулъ верховнаго ногайскаго князя. Но сыновья

Юсуфа вскорѣ собрались съ силами и возобновили войну противъ Измаила. На ихъ сторону перешелъ и астраханскій царь Дербышъ; вскорѣ послѣдній вступилъ въ союзъ и съ крымскимъ ханомъ противъ Москвы. Очевидно, татарину и мусульманину трудно было устоять въ вѣрности христіанскому государю и во враждѣ къ единовѣрному, единоплеменному хану. Теперь Измаилъ обратился къ Іоанну уже съ просьбою оборонить его отъ Дербыша и затѣмъ или поставить въ Астрахани своихъ людей, также какъ въ Казани, или посадить тамъ царевича Кайбулу. Этотъ Измаилъ, сдѣлавшись главнымъ ногайскимъ княземъ, до того возгордился, что началъ было въ грамотахъ къ царю Московскому писать себя его отцомъ и требовать ежегодной присылки извѣстной суммы денегъ. Въ отвѣтѣ своемъ Іоаннъ высказалъ Измаилу, чтобы онъ впредь «такихъ бездѣльныхъ словъ не писалъ». Тотъ смирился; но продолжалъ просить о разныхъ присылкахъ, напр. ловчихъ птицъ (кречета, сокола и ястреба), олова, шафрану, красокъ, бумаги и полмильона гвоздей.

Дербышъ-Алей открыто выступилъ противъ Россіи; онъ побилъ вельможъ, дружившихъ Москвѣ, и выгналъ изъ Астрахани московскаго посла Мансурова съ его пятисотенною дружиною. Увѣдомляя о семъ царя, Измаилъ просилъ поспѣшить присылкою войска ему на помощь. Дѣйствительно, весною 1556 года Іоаннъ послалъ требуемое войско, состоявшее изъ стрѣльцовъ, казаковъ и вятчанъ. Дербышъ получилъ отъ крымскаго хана на помощь 1000 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 турецкихъ янычаръ съ пищалями. Но когда стрѣлецкіе головы Черемисиновъ и Тетеринъ и начальникъ вятчанъ Писемскій подошли къ Астрахани, они нашли ее опять пустой, и Русскіе на сей разъ прочно въ ней укрѣпились. Дербышъ еще до прихода главнаго русскаго войска былъ побитъ казачьимъ атаманомъ Ляпуномъ и бѣжалъ изъ города вмѣстѣ съ жителями. Съ помощью ногайцевъ и крымцевъ, онъ еще нѣсколько времени держался въ полѣ противъ Русскихъ; но когда Юсуфовы сыновья оставили его и перешли на московскую сторону, онъ бѣжалъ къ Азову и болѣе не возвращался. Астраханскіе жители «черные люди» воротились въ городъ и присягнули Русскимъ; а за чернью воротились князья, мурзы и шейхи. Царь на сей разъ никого не назначилъ преемникомъ Дербыша, а сталъ управлять Астраханскимъ краемъ чрезъ своихъ воеводъ, изъ которыхъ первымъ является помянутый выше стрѣлецкій голова Черемисиновъ.

Такимъ образомъ все теченіе Волги отъ устья Суры до самаго

Каспійскаго моря въ теченіе какихъ-нибудь шести лѣтъ было завоевано и закрѣплено за Московскимъ государствомъ, и вся эта великая историческая рѣка вскорѣ окончательно сдѣлалась Русскою рѣкою: ибо теперь открылся по ней свободный путь не только для русскихъ ратныхъ людей, но и для русскихъ торговцевъ, промышленниковъ (особенно рыбныхъ) и колонистовъ-земледѣльцевъ.

Завоеваніе Казани и Астрахани повлекло за собою непосредственныя сношенія Москвы съ владѣтелями Прикавказскихъ странъ. Подобно ногайскимъ князьямъ эти владѣтели соперничали и враждовали другъ съ другомъ; болѣе слабые изъ нихъ начали искать покровительства и помощи сильнаго Московскаго государства. Такъ еще въ 1552 году въ Москву прибыли двое черкесскихъ князей съ просьбою, чтобы государь заступился за нихъ и взялъ ихъ въ свое подданство. Потомъ приходили другіе черкесскіе и кабардинскіе князья (въ томъ числѣ Темрюкъ); кто просилъ помощи противъ Крымскаго хана и Турецкаго султана, кто противъ шамхала Тарковскаго, а шамхалъ присылалъ бить челомъ о помощи противъ черкесскихъ князей. Нѣкоторые князья при семъ принимали крещеніе. Вліяніе Москвы на Ногайскія орды теперь еще болѣе усилилось. Даже ханъ отдаленныхъ отъ нея Сибирскихъ татаръ, по имени Едигеръ, прислалъ въ Москву посольство съ предложеніемъ покорности и дани. Государь отправилъ къ нему своихъ пословъ, чтобы привести его къ присягѣ и переписать у него «черныхъ людей».

Съ другой стороны, покореніе Казани и Астрахани усилило враждебныя къ намъ отношенія разбойничьей Крымской орды. Мы видѣли, какъ во время Іоаннова похода на Казань Девлетъ-Гирей пытался внезапнымъ вторженіемъ въ Россію отвлечь его силы, но безуспѣшно. Также и во время измѣны астраханскаго царя Дербыша-Али, чтобы отстранить отъ него ударъ, ханъ повторилъ внезапное вторженіе въ Русскія украйны лѣтомъ 1555 года. Онъ объявилъ, что идетъ на Черкесскихъ князей, поддавшихся Москвѣ; Іоаннъ немедленно послалъ воеводу Ивана Васильевича Шереметева съ 13.000 войскомъ къ Перекопу, чтобы отвлечь хана отъ Черкесовъ. Только дорогою Шереметевъ узналъ, что крымцы идутъ на Рязанскія и Тульскія украйны въ числѣ 60.000 всадниковъ. Онъ пошелъ за ними и послалъ извѣстіе о томъ въ Москву. Самъ царь выступилъ въ походъ къ Коломнѣ, а напередъ себя послалъ князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго. Узнавъ о походѣ самого Іоанна, ханъ повернулъ назадъ. Въ 150 верстахъ отъ Тулы, на Судьбищахъ, онъ

встрѣтился съ Шереметевымъ. У послѣдняго въ это время не доставало третьей части войска, которая была отряжена на задній крымскій полкъ, охранявшій запасныхъ татарскихъ коней и верблюдовъ, и отбила у него огромное ихъ количество. Несмотря на чрезвычайное неравенство силъ, Шереметевъ храбро вступилъ въ битву, въ теченіе почти двухъ дней богатырски дрался съ татарами и одерживалъ надъ ними верхъ. Но когда онъ былъ тяжело раненъ, малочисленное русское войско пришло въ разстройство и потерпѣло пораженіе; однако остатки его, съ воеводами Басмановымъ и Сидоровымъ, засѣли въ лѣсномъ оврагѣ и отбили всѣ приступы непріятеля. Опасаясь приближенія царской рати, ханъ не сталъ болѣе медлить и поспѣшилъ назадъ въ Крымъ, дѣлая по 70 верстъ въ день.

Въ слѣдующемъ 1556 году ханъ задумалъ новое вторженіе въ Россію; но царь, получившій своевременно о томъ извѣстіе, рѣшилъ не только приготовиться къ новой встрѣчѣ его на Русскихъ украйнахъ, но и произвести отвлеченіе (диверсію) съ другой стороны. Съ этою цѣлью онъ отправилъ дьяка Ржевскаго съ казаками изъ Сѣверской области къ Днѣпру, а другой отрядъ послалъ къ Дону. Ржевскій, построивъ суда на рѣкѣ Псёлѣ, выплылъ на Днѣпръ. Къ нему пристали еще три сотни Малороссійскихъ казаковъ. Этотъ отрядъ сдѣлалъ удачное нападеніе на турецкія крѣпости Исламъ-Керменъ и Очаковъ; на обратномъ плаваніи Ржевскій съ помощью своихъ пищалей отбилъ нападенія крымцевъ и благополучно вернулся назадъ. Слухъ о появленіи русскаго войска въ низовьяхъ Днѣпра удержалъ Девлетъ-Гирея отъ вторженія въ Московское государство. Мало того, этотъ удачный поискъ возбудилъ соревнованіе атамана Днѣпровскихъ казаковъ, старосты Каневскаго, удалого князя Дмитрія Вишневецкаго. Онъ укрѣпился со своими казаками на Хортицкомъ островѣ и билъ челомъ Московскому государю о принятіи его въ свою службу. Просьба его была исполнена. Вишневецкій напалъ на Исламъ-Керменъ, взялъ его, вывезъ изъ него пушки къ себѣ на Хортицу и отбилъ нападеніе самого хана на этотъ островъ (1557). Въ тоже время поддавшіеся Москвѣ князья Пятигорскихъ черкесовъ напали на Тамань и взяли тамъ два татарскихъ городка. Когда же Вишневецкій, осажденный турками, волохами и татарами, по недостатку съѣстныхъ припасовъ, покинулъ Хортицу и снова занялъ свои прежніе города на Днѣпрѣ, Каневъ и Черкасы, Іоаннъ велѣлъ ему ѣхать въ Москву, а города эти возвратить Польскому королю, съ которымъ находился въ мирѣ.

Въ Москвѣ Вишневецкій получилъ отъ Іоанна городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами.

Зима 1557 года отличалась лютыми морозами, отъ которыхъ погибло множество людей и скота въ ногайскихъ улусахъ, такъ что Ногайскія орды, прежде весьма многочисленныя, сильно ослабѣли; а слѣдующее лѣто сопровождалось чрезвычайною засухою, отъ которой выгорѣла въ южныхъ степяхъ трава; скотъ въ Крымской ордѣ падалъ отъ безкормицы, а на людей напала моровая язва. Говорятъ, число воиновъ тамъ до того уменьшилось, что ханъ едва могъ собрать 10.000 исправныхъ наѣздниковъ. Умные совѣтники Іоанна убѣждали его воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами для совершеннаго разоренія этого разбойничьяго гнѣзда. Но царь продолжалъ ограничиваться легкими поисками: въ 1558 году онъ посылалъ Вишневецкаго съ 5.000 человѣкъ на Днѣпръ и къ Перекопу; въ 1559 году того же Вишневецкаго отправилъ на Крымъ Дономъ, а окольничаго Даніила Адашева съ 8000 послалъ туда же Днѣпромъ. Поискъ Адашева оказался чрезвычайно удачнымъ. Онъ выплылъ Днѣпромъ въ Черное море, взялъ два турецкихъ корабля, высадился на западныхъ берегахъ Крыма, опустошилъ татарскіе улусы и освободилъ много плѣнниковъ изъ Московской и Литовской Руси. Прежде нежели ханъ успѣлъ собраться съ силами, Адашевъ, обремененный добычей и плѣнными, ушелъ назадъ и благополучно вернулся. Девлетъ-Гирей прислалъ въ Москву смиренно просить о мирѣ. Тщетно царскіе совѣтники уговаривали Іоанна ковать желѣзо пока горячо и доконать Крымскую орду: или самому идти, или послать воеводъ съ большимъ войскомъ и завоевать ее также какъ царство Казанское и Астраханское. Царь находилъ это предпріятіе слишкомъ труднымъ; притомъ онъ уже былъ занятъ тогда начавшеюся войною Ливонскою.

Хорошо-ли сдѣлалъ Іоаннъ, отказавшись отъ наступательной и рѣшительной войны съ Крымскою ордою? Объ этомъ историки неодинаковаго мнѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ склоняются къ его оправданію, указывая главнымъ образомъ на обширныя степи, отдѣлявшія тогда Московское государство отъ Крымскихъ татаръ и затруднявшія продовольствіе большаго войска, и на вассальную зависимость Крымскаго хана отъ могущественнаго Турецкаго султана, съ которымъ по всей вѣроятности пришлось бы вступить въ упорную борьбу. Указываютъ также на позднѣйшіе походы (князя Голицына и Миниха), неприведшіе къ покоренію Крыма. Все это справедливо;

но мы думаемъ, что и совѣтники Іоанна также были люди умные и понимавшіе дѣло, а главное хорошо цѣнившіе современныя имъ обстоятельства. Во-первыхъ, много значило овладѣвшее тогда Русскими людьми одушевленіе въ борьбѣ съ мусульманскими сосѣдями; а затѣмъ хотя походъ степной былъ труденъ, однако возможенъ, какъ доказали тѣ же названные сейчасъ послѣдующіе походы. Кромѣ главной московской рати къ услугамъ Іоанна были тогда не только казаки Донскіе и Днѣпровскіе, но отчасти и Ногайскіе татары, а также князья Черкесскіе. Между послѣдними именно въ это время проявилось значительное движеніе къ православію и къ войнѣ съ Крымцами, такъ что Іоаннъ по ихъ просьбѣ послалъ имъ князя Вишневецкаго, какъ общаго предводителя, и многихъ священниковъ для крещенія народа. Не надобно забывать, что разъ благопріятныя обстоятельства были упущены, и Крымская орда надолго оставлена нами въ покоѣ, эта орда вновь оправилась, окрѣпла и явилась потомъ еще болѣе сильнымъ хищникомъ, постоянно истощавшимъ Русскія области огромными полонами и мѣшавшимъ движенію русской колонизаціи въ сосѣднія южныя степи ([36]).

Начавшійся при Иванѣ III-мъ призывъ въ Москву иноземныхъ архитекторовъ, литейщиковъ, лѣкарей и всякаго рода мастеровъ, продолжался и послѣ него. Московское правительство ясно видѣло отсталость своего народа въ искусствахъ и промышленности отъ Западной Европы и потому очень желало привлечь въ свою службу знающихъ людей, въ особенности для усиленія своихъ военныхъ средствъ, т. е. для постройки не только каменныхъ храмовъ, но и прочныхъ крѣпостей, для изготовленія пушекъ, пороху и разнаго оружія, а также для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей царскаго двора. Наши западные сосѣди съ своей стороны также ясно видѣли, какая грозная сила растетъ противъ нихъ въ лицѣ Московскаго государства, объединившаго Великорусскую народность; они понимали, что пока эта народность лишена европейскихъ знаній, она не можетъ развить вполнѣ свое могущество, а потому съ неудовольствіемъ смотрѣли на поѣздки итальянскихъ и нѣмецкихъ мастеровъ въ Москву и доставку туда военныхъ снарядовъ. Польско-литовскіе государи, оба Сигизмунда, I-й и II-й, прямо старались мѣшать подобнымъ сношеніямъ и не позволяли европейскимъ купцамъ возить чрезъ свои земли въ Московскую Русь оружіе и военные припасы. Еще съ большей подозрительностію относился къ та-

ковымъ сношеніямъ слабый Ливонскій орденъ. Свою враждебность онъ выказалъ особенно по слѣдующему поводу.

Въ 1547 году, когда царь приблизилъ къ себѣ умныхъ совѣтниковъ, онъ далъ порученіе одному находившемуся въ Москвѣ нѣмцу Шлитте, родомъ саксонцу, набрать въ Германіи разныхъ художниковъ и мастеровъ на царскую службу, для чего снабдилъ его своею грамотою къ императору Карлу V. Шлитте получилъ отъ Карла разрѣшеніе и набралъ болѣе ста человѣкъ; тутъ были архитекторы, оружейные мастера, литейщики, живописцы, ваятели, каменьщики, мельники, рудокопы, слесаря, кузнецы, каретники, типографщикъ, органистъ, медики, аптекаря и пр.; даже было нѣсколько богослововъ, отправлявшихся по желанію Римской куріи съ цѣлію католической пропаганды. Но въ Любекѣ, по наущенію Ливонскихъ нѣмцевъ, Шлитте задержали подъ предлогомъ одного стараго долга. Спустя два года, ему однако удалось съ частью собранныхъ людей добраться моремъ до Ливоніи; тутъ орденскія власти задержали его снова и посадили въ заключеніе. На сей разъ они выхлопотали у императора декретъ, которымъ приказывалось Ордену не пропускать въ Москву подобныхъ людей, не смотря ни на какіе паспорты. Впослѣдствіи Шлитте удалось освободиться и даже снова побывать въ Москвѣ; но предпріятіе его уже разстроилось: собранные имъ люди разошлись въ разныя стороны; лишь немногіе изъ нихъ успѣли пробраться въ Москву и поступить на царскую службу. Какъ строго относились къ подобнымъ людямъ Ливонскія власти, показываетъ примѣръ одного пушечнаго мастера, котораго завербовалъ Шлитте, по имени Ганса. Его поймали на дорогѣ въ Россію и посадили въ тюрьму. Гансъ бѣжалъ изъ тюрьмы, но около русской границы его вновь поймали и на сей разъ отрубили голову.

Въ то время, когда Ливонскій орденъ и Ганзейскій союзъ старались преграждать доступъ въ Россію западноевропейскимъ искусствамъ и ремесламъ посредствомъ Балтійскаго моря, почти внезапно открылся иной путь для сношеній Россіи съ Западной Европой, путь Бѣломорскій.

Соревнованіе съ Испанцами и Португальцами, открывшими пути въ Америку и Остъ-Индію, желаніе найти невѣдомыя дотолѣ страны и завести съ ними прибыльныя торговыя сношенія побудили англійскихъ купцовъ, въ царствованіе Эдуарда VI, составить особое общество для снаряженія морской экспедиціи въ сѣверовосточномъ направленіи. На собранный имъ капиталъ общество это сна-

рядило три корабля, начальство надъ которыми принялъ Гугъ Виллоби. Въ маѣ 1553 года корабли вышли изъ Темзы. Дорогою буря разсѣяла ихъ. Два корабля остановились у береговъ Русской Лапландіи, и тутъ Виллоби замерзъ со всѣмъ экипажемъ; рыбаки нашли его потомъ сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Третій же корабль, по имени «Благое предпріятіе» (Бонавентура), съ капитаномъ Ричардомъ Ченслеромъ вошелъ въ Бѣлое море, и въ концѣ августа присталъ въ устьѣ Сѣверной Двины, въ окрестностяхъ монастыря св. Николая. Отъ встрѣченныхъ рыбаковъ онъ узналъ, что находится во владѣньяхъ Московскаго царя. Власти ближняго города Холмогоръ дали знать царю о прибытіи англійскихъ гостей; по государеву указу Ченслеръ съ своими людьми былъ отправленъ въ Москву, гдѣ вручилъ Іоанну грамоту короля Эдуарда, обращенную къ владѣтелямъ сѣверныхъ странъ. Царь и его совѣтники оцѣнили ту пользу, какую могла извлечь Россія отъ непосредственныхъ сношеній съ Англіей для полученія военныхъ матеріаловъ и иноземныхъ мастеровъ. Ченслеръ былъ ласково принятъ при Московскомъ дворѣ и отпущенъ съ царскою грамотою къ королю Эдуарду, въ которой Іоаннъ изъявлялъ готовность даровать Англичанамъ права свободной торговли въ Россіи. Ченслеръ не засталъ уже въ живыхъ Эдуарда VI. Преемница его королева Марія и ея супругъ Филиппъ Испанскій утвердили привиллегіи купеческаго общества или компаніи, основанной для торговли съ Россіей, и отправили посломъ въ Москву того же Ченслера на томъ же кораблѣ «Благое предпріятіе», въ сопровожденіи двухъ агентовъ компаніи. Царь дѣйствительно даровалъ этой компаніи право безпошлинной торговли во всемъ своемъ государствѣ съ разными другими льготами. Кромѣ того онъ велѣлъ отдать ей оба корабля Виллоби со всѣми найденными въ нихъ товарами, и отправилъ въ Англію вмѣстѣ съ Ченслеромъ въ качествѣ русскаго посла вологодскаго намѣстника Осипа Непею. Корабль его бурею былъ разбитъ о береговыя скалы Шотландіи, и самъ Ченслеръ погибъ съ большею частью своего экипажа и русской посольской свиты. Но Непея спасся, достигъ Лондона и удостоился весьма почетнаго пріема при дворѣ. Филиппъ и Марія съ своей стороны тоже даровали русскимъ купцамъ право свободной и безпошлинной торговли. Этимъ правомъ русскіе купцы конечно тогда еще не могли воспользоваться. Дѣйствительнѣе оказалось королевское позволеніе на свободный выѣздъ въ Россію разныхъ художниковъ и ремесленниковъ, такъ что уже Непея вмѣстѣ съ

предметами, купленными для царской казны, привезъ изъ Англіи и нѣсколько мастеровъ для царской службы. Прибывшій вмѣстѣ съ нимъ агентъ англо-русской компаніи опытный въ путешествіяхъ и ловкій капитанъ Дженкинсонъ съумѣлъ весьма понравиться царю, и выхлопоталъ у него для своей компаніи позволеніе вести черезъ Россію торговлю съ Персіей. Тотъ же Дженкинсонъ первый изъ Англичанъ совершилъ поѣздку съ товарами своими въ Прикаспійскія страны и доѣзжалъ до Бухары. Плывя нижней Волгой, онъ въ своемъ дневникѣ сообщаетъ любопытное свѣдѣніе о междоусобіяхъ и моровомъ повѣтріи, свирѣпствовавшихъ тогда (весною 1558 г.) въ Ногайскихъ ордахъ: остатки ихъ потянулись къ Астрахани, надѣясь найти тамъ пропитаніе, но тутъ они гибли отъ голода въ такомъ огромномъ количествѣ, что берега Волги въ тѣхъ мѣстахъ были покрыты грудами мертвыхъ и смердящихъ тѣлъ.

Итакъ холодное и пустынное дотолѣ Бѣлое море оживилось торговыми судами разныхъ европейскихъ націй; ибо вслѣдъ за Ченслеромъ сюда явились также корабли голландскіе и бельгійскіе. Хотя право свободной торговли въ этихъ странахъ даровано было только извѣстной Аглійской компаніи; но этимъ правомъ воспользовались и нидерландскіе подданные Филиппа при жизни его супруги королевы Маріи. Когда же послѣ ея смерти (1558) ей наслѣдовала сестра ея Елизавета, то сія послѣдняя въ своихъ грамотахъ къ Іоанну пыталась, хотя и тщетно, настаивать на исключительномъ правѣ Англичанъ пользоваться Бѣломорскими торговыми пристанями. Впрочемъ при великихъ естественныхъ богатствахъ Россіи Англичане не терпѣли никакого ущерба отъ такой конкурренціи и получали огромные барыши на своихъ товарахъ, особенно на сукнахъ, привозимыхъ въ Россію, откуда они вывозили главнымъ образомъ мѣха.

Завязавшіяся торговыя сношенія Россіи съ Англіей не замедлили возбудить живѣйшія опасенія со стороны нашихъ сосѣдей, именно Польши, Ливоніи и Швеціи. Король шведскій Густавъ-Ваза даже обращался къ англійской королевѣ Маріи съ убѣжденіями не торговать съ Россіей, чтобы не доставлять Московскому царю средствъ къ завоеванію сосѣднихъ странъ. Марія отказалась отъ подобнаго запрещенія, но обѣщала принять мѣры, чтобы Англичане не доставляли въ Россію военныхъ снарядовъ. Дѣло въ томъ, что Шведскій король именно въ это время находился въ войнѣ съ Русскими (съ 1554 г. по 1557 г.). Она возникла вслѣдствіе погранич-

ныхъ распрей; кромѣ того король питалъ неудовольствіе на царя за то, что тотъ не хотѣлъ лично сноситься съ нимъ, а по старому обыкновенію предоставлялъ эти сношенія своимъ новгородскимъ намѣстникамъ. Разсчитывая на помощь Ливонскаго ордена и Польско-литовскаго короля, Густавъ смѣло началъ войну. Шведы осаждали городъ Орѣшекъ и имѣли успѣхъ въ незначительныхъ встрѣчахъ. Но пришло большое русское войско подъ начальствомъ князя Щенятева, двинулось на Выборгъ и двукратно разбило Шведовъ; хотя Выборга Русскіе не взяли, за то сильно опустошили страну и набрали столько плѣнныхъ, что, по словамъ нашей лѣтописи, «мужчину продавали по гривнѣ, а дѣвку по пяти алтынъ». Не получивъ помощи ни отъ Ливонцевъ, ни отъ Литовцевъ, Густавъ вступилъ въ переговоры, и миръ былъ заключенъ на прежнихъ условіяхъ и старыхъ рубежахъ. Во время сихъ переговоровъ, на требованіе шведскихъ пословъ, чтобы впредь королю непосредственно сноситься съ царемъ, а не съ Новгородскими намѣстниками, московскіе бояре указали на знатные роды этихъ намѣстниковъ, происходившихъ отъ князей Русскихъ, или Литовскихъ, или Татарскихъ, и прибавили: «А про государя вашего въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ, котораго онъ роду и какъ животиною торговалъ и въ Свейскую землю пришелъ, того не давно ся дѣлало и всѣмъ вѣдомо». Тутъ конечно разумѣлись тѣ превратности и приключенія, которымъ подвергался Густавъ-Ваза послѣ своего бѣгства изъ Даніи. Вообще при заключеніи сего мира Іоаннъ относился къ Шведскому королю гордо, какъ побѣдитель къ побѣжденному. Посылая нѣсколько вещей изъ шведской добычи въ подарокъ извѣстному ногайскому князю Измаилу, онъ писалъ ему въ такомъ смыслѣ, что «король н ѣ м е ц к і й намъ с г р у б и л ъ, и мы его наказали». ([37]).

Всѣ эти успѣхи во внѣшнихъ войнахъ внушили молодому Московскому царю высокое понятіе о своемъ могуществѣ и еще крѣпче утвердили въ намѣреніи завоевать Ливонію.

Ливонія въ данную эпоху представляла замѣчательное по своей отсталости внутреннее устройство, основанное на сословномъ, церковномъ и племенномъ раздѣленіи.

Первенствующее значеніе въ странѣ принадлежало духовно-рыцарскому ордену Меченосцевъ, съ магистромъ ордена во главѣ. Послѣ того, какъ Прусско-тевтонскій орденъ принялъ реформацію и обратился въ свѣтское владѣніе, прекратились зависимыя отношенія Ли-

вонскаго магистра къ Прусскому гросмейстеру, и знаменитый Вальтеръ фонъ Плетенбергъ занялъ положеніе почти самостоятельнаго имперскаго князя, только номинально зависимаго отъ Германскаго императора. Владѣнія орденскія были разбросаны по всѣмъ частямъ Ливоніи и занимали едва ли не большую часть ея территоріи. Мѣстопребываніемъ магистра служилъ замокъ Венденъ; но ему принадлежало еще болѣе десяти замковъ, и половина города Риги находилась подъ его верховною властію. Помощникъ его или ландмаршалъ жилъ въ замкѣ Зегевольде и владѣлъ еще нѣсколькими замками. За нимъ слѣдовали восемь орденскихъ окружныхъ начальниковъ или комтуровъ: Феллинскій, Пернавскій, Ревельскій, Маріенбургскій, Динабургскій, Гольдингенскій, Виндавскій, Добельнскій; каждый владѣлъ нѣсколькими замками. Потомъ восемь орденскихъ фоговъ: въ Зонненбургѣ, Вейсенштейнѣ, Везенбергѣ и пр. Всѣхъ замковъ въ рукахъ орденскихъ властей находилось болѣе 50; къ каждому замку приписано было извѣстное количество земли съ сельскими жителями, которые были обложены доставкою ржи, ячменя, овса, сѣна и другихъ припасовъ для содержанія замковыхъ обитателей.

Рядомъ съ духовно-рыцарскимъ орденомъ существовали чисто-духовныя власти, въ лицѣ Рижскаго архіепископа и четырехъ епископовъ, которые считали себя духовными князьями и признавали надъ собой только авторитетъ папы, именно: Деритскій, Ревельскій, Эзельскій и Курляндскій. Архіепископъ Рижскій сохранилъ верховную власть только надъ одной половиною Риги; но самъ онъ обыкновенно не жилъ здѣсь, а смотря по времени года проводилъ: весну въ замкѣ Лемзалѣ, лѣто въ Кокенгузенѣ, на берегу Двины, а зиму въ изобилующемъ лѣсными окрестностями Ронненбургѣ. Кромѣ того во владѣніи архіепископской каѳедры и капитула было много другихъ замковъ, также и во владѣніи епископовъ.

За орденомъ, епископскими каѳедрами и ихъ капитулами слѣдовало свѣтское рыцарское сословіе, которое владѣло замками на землѣ ордена или духовенства на ленныхъ правахъ. Вся страна была покрыта такимъ образомъ болѣе чѣмъ полутораста укрѣпленными замками. Рядомъ съ духовенствомъ и рыцарствомъ стояли граждане нѣсколькихъ значительныхъ городовъ, каковы Рига, Ревель, Деритъ, Пернава, Вольмаръ, Нарва и нѣкоторые другіе; они пользовались самоуправленіемъ, т. е. имѣли собственные выборные чины, признанные въ тоже время верховною властью епископовъ или Ордена.

Единственнымъ объединяющимъ всѣ эти четыре сословія учрежденіемъ съ XV вѣка служили общіе сеймы или ландтаги, куда собирались уполномоченные отъ ордена, духовенства, земскаго рыцарства и городовъ. Сеймы созывались обыкновенно магистромъ и собирались по преимуществу въ городѣ Вольмарѣ, по его серединному положенію въ странѣ. Только постановленія или рецессы этихъ сеймовъ считались обязательными для всей страны и для всѣхъ сословій. Но, при недостаткѣ общей исполнительной власти, сеймовыя рѣшенія нерѣдко оставались недѣйствительными и не могли прекратить внутреннія раздоры между разными сословіями, а въ особенности борьбу между свѣтскою и духовною властію. Наконецъ, рядомъ съ сими господствующими сословіями, состоявшими изъ пришлыхъ Нѣмцевъ, жило большинство населенія, покоренное, крѣпостное и безправное, принадлежавшее къ племенамъ Чудскому и Литовскому, которое съ ненавистью сносило свое иго и при случаѣ готово было возстать противъ своихъ притѣснителей.

Распространившаяся около того времени въ Ливоніи реформація еще болѣе усилила существовавшій тамъ политическій хаосъ. Реформація проникла сюда изъ Пруссіи. Одинъ школьный учитель и вмѣстѣ послѣдователь Лютера, по имени Кнеппенъ, спасаясь отъ преслѣдованія мѣстнаго епископа, въ 1521 г. убѣжалъ изъ Пруссіи въ Ригу, и здѣсь успѣшно началъ распространять Лютерово ученіе. Въ числѣ его послѣдователей и пособниковъ явились бургомистръ города Дуркопъ и городской секретарь Ломиллеръ. Попытки рижскаго архіепископа Бланкенфельда строгими мѣрами подавить партію реформаціи въ Ригѣ оказались безуспѣшны при томъ самоуправленіи, которымъ пользовался этотъ богатый городъ; а изъ Риги евангелическое ученіе стало распространяться и по другимъ мѣстамъ, между прочимъ въ Ревелѣ и Деритѣ, которые послѣ Риги были наиболѣе значительными городами. Магистръ ордена Плеттенбергъ самъ питалъ расположеніе къ реформаціи. По примѣру тевтонскаго гросмейстера Альбрехта Бранденбурскаго, онъ могъ бы попытаться, вмѣстѣ со введеніемъ реформы, обратить Ливонію въ свѣтское герцогство; но, находясь уже въ престарѣломъ возрастѣ, онъ не разсчитывалъ на основаніе собственной династіи. Поэтому Плеттенбергъ отнесся къ дѣлу реформы сдержанно, и во время борьбы съ ней духовенства велъ себя нейтрально; но въ распрѣ Риги съ архіепископомъ явно принималъ сторону горожанъ. Чтобы подкрѣпить католическую партію, архіепископъ, при помощи рижскаго капитула,

выбралъ своимъ коадъюторомъ и вмѣстѣ преемникомъ маркграфа бранденбургскаго Вильгельма, который былъ братомъ помянутому Альбрехту. Но маркграфъ Вильгельмъ явился далеко не ревностнымъ противникомъ реформаціи: онъ болѣе заботился о сохраненіи себѣ архіепископскихъ владѣній и доходовъ. Точно также отличались вѣротерпимостью и преемники Плеттенберга (умершаго въ 1535 г.). Въ Ливоніи отражались событія, волновавшія тогда Германію. Такъ здѣсь явились подражатели сектѣ анабаптистовъ и иконоборцевъ, производившіе разныя безчинства: они выбрасывали изъ церквей алтари и статуи, выгоняли монаховъ и монахинь изъ монастырей и даже разрушали церкви. Между прочимъ въ Дерптѣ они не пощадили и православнаго храма, сооруженнаго для русскихъ купцевъ. Когда въ Германіи образовался Шмалькальденскій союзъ для защиты реформаціи, городъ Рига присталъ къ этому союзу. По смерти Бланкенфельда (1539) Рижане въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отказывались принести обычную присягу новому архіепископу, т. е. Вильгельму Бранденбургскому, какъ своему свѣтскому государю, и уступили только подъ условіемъ свободы вѣроисповѣданія. Эта свобода, наконецъ, была признана архіепископомъ и епископами для всей Ливоніи на Вольмарскомъ сеймѣ 1554 года. Такимъ образомъ къ дробленію населенія на отдѣльныя сословія и народности присоединилось еще церковное раздѣленіе на католиковъ и протестантовъ.

Побѣды Плеттенберга въ Русско-ливонской войнѣ начала XVI вѣка надолго обезпечили внѣшній миръ для Ливоніи. Этотъ продолжительный миръ, вмѣстѣ съ усиленною торговою дѣятельностью важнѣйшихъ ливонскихъ городовъ, способствовалъ накопленію богатствъ и вообще произвелъ экономическое процвѣтаніе страны. Но за то онъ способствовалъ также водворенію роскоши и изнѣженности и особенно вредно подѣйствовалъ на рыцарскій орденъ, который отвыкъ отъ воинской дѣятельности, предался праздности и большой распущенности. Не стѣсняясь своими обѣтами безбрачія, рыцари открыто держали и мѣняли любовницъ, слѣдуя примѣру своихъ духовныхъ сановниковъ. Отъ духовенства и рыцарства эта распущенность нравовъ распространялась на горожанъ и на самое крестьянское сословіе. Эсты и Латыши, принявшіе христіанство только внѣшнимъ образомъ и плохо наставляемые своими духовными пастырями, вполнѣ сохраняли свои языческіе обычаи и вѣрованія, и почти не имѣли у себя браковъ, освященныхъ церковью, въ чемъ

они подражали своимъ духовнымъ господамъ и церковнымъ пастырямъ. При такомъ упадкѣ религіи и нравственности, на первый планъ выступила любовь къ веселью и всякаго рода празднествамъ. Бароны и земскіе рыцари въ томъ только и проводили время, что ѣздили другъ къ другу въ гости, пировали, охотились. Если въ дворянскомъ домѣ праздновалась свадьба или крестины, то это событіе служило поводомъ для съѣзда и пировъ на нѣсколько недѣль. Горожане также при всякомъ празднествѣ предавались разгулу и пьянству; героями пировъ являлись такіе гуляки, которые выпивали самое большее количество вина или пива. Послѣднее пилось изъ такихъ кружекъ и чашъ, въ которыхъ, по выраженію Ливонскаго лѣтописца, можно было дѣтей крестить. Празднества сопровождались также играми и плясками; особенно шумныя, непристойныя игрища происходили зимою вокругъ Рождественской елки, а весною въ ночь подъ Ивановъ день. Но при всей наклонности къ веселью и разгулу, Ливонскіе нѣмцы не отличались мягкосердіемъ и добродушіемъ. Напротивъ, ихъ отношенія къ покореннымъ туземцамъ были самыя суровыя; послѣдніе находились въ угнетеніи и нищетѣ, ибо нѣмецкіе господа старались выжимать изъ нихъ какъ можно болѣе доходовъ и облагали ихъ чрезмѣрными поборами. О жестокомъ, мстительномъ характерѣ нѣмецкихъ бароновъ свидѣтельствуютъ многіе человѣческіе скелеты, находимые въ ливонскихъ замкахъ, эти останки людей, которые были или замуравлены живыми, или прикованы цѣпью въ какомъ-нибудь подземельѣ. ([38]).

Враждебность Ливонскихъ нѣмцевъ къ Россіи, постоянно проявлявшаяся разными притѣсненіями русскихъ купцовъ и недозволеніемъ провозить военный матеріалъ, конечно вызывала Русское правительство на возмездіе. Въ Москвѣ очевидно знали политическую несостоятельность Ливоніи. Считая ее легкою добычей, Иванъ Васильевичъ, возгордившійся покореніемъ Казанскаго царства, задумалъ воспользоваться первымъ удобнымъ поводомъ для завоеванія и этой страны. Поводъ не замедлилъ открыться.

Когда истекло пятидесятилѣтнее перемиріе, заключенное между Иваномъ III и Плеттенбергомъ въ 1503 году, то Ливонскіе чины отправили къ Ивану IV посольство, чтобы вести переговоры о продленіи перемирія еще на тридцать лѣтъ. Въ 1554 году прибыли въ Москву послы отъ Ливонскаго магистра, Рижскаго архіепископа и Дерптскаго епископа, и просили, чтобы государь велѣлъ своимъ Новгородскимъ и Псковскимъ намѣстникамъ заключить новое пере-

миріе. Царь поручилъ вести переговоры съ посольствомъ окольничему Алексѣю Ѳедоровичу Адашеву и дьяку Висковатому. Окольничій и дьякъ объявили, что государь на всю землю Ливонскую гнѣвъ свой положилъ и не велитъ своимъ намѣстникамъ давать перемирье за слѣдующія вины: 1) Юрьевскій (т. е. Дерптскій) епископъ уже много лѣтъ не платитъ дани съ своей волости, 2) гостей русскихъ Ливонскіе нѣмцы обижаютъ и 3) русскіе концы въ Юрьевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ (Ригѣ, Ревелѣ, Нарвѣ) нѣмцы присвоили себѣ, вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ русскими церквами, которыя разграбили и частію разрушили (протестанты). Послы выразили недоумѣніе, о какой дани имъ говорятъ: никакой дани они не знаютъ по старымъ грамотамъ. Но Адашевъ напомнилъ, что нѣмцы пришли изъ за моря и взяли силою Русскую волость (Юрьевскую), которую великіе князья уступили имъ подъ условіемъ дани; что эту дань они давно не платили, а теперь должны заплатить и съ недоимками, а именно за 50 лѣтъ, и впередъ съ каждаго человѣка платить ежегодно по гривнѣ нѣмецкой (маркѣ). Напрасно послы пытались оспаривать эту дань. Наконецъ они уступили, и переговоры кончились согласіемъ продолжить перемиріе еще на 15 лѣтъ подъ слѣдующими главными условіями: уплатить означенную Юрьевскую дань съ недоимками въ три года и за ручательствомъ всей Ливоніи; очистить русскіе концы и церкви; русскимъ и ливонскимъ гостямъ обоюдно предоставить свободную торговлю въ своихъ земляхъ; дать управу въ торговыхъ и порубежныхъ обидахъ, и не заключать союза съ королемъ Польскимъ. Такъ какъ условія эти вступали въ силу только послѣ подтвержденія ихъ Ливонскими чинами, то послы и согласились на нихъ, предоставляя рѣшеніе вопроса своимъ властямъ. Они привѣсили къ перемирной грамотѣ свои печати, которыя при утвержденіи договора должны были быть отрѣзаны и замѣнены печатями магистра, архіепископа и епископа. Въ Ливоніи однако вѣсть о такомъ договорѣ произвела смятеніе; архіепископъ немедля созвалъ сеймъ въ Лемзалѣ. На чемъ онъ рѣшилъ, намъ неизвѣстно; но вскорѣ затѣмъ въ Дерптъ прибылъ отъ Новгородскихъ намѣстниковъ посолъ Келарь Терпигоревъ за подтвержденіемъ перемирнаго договора. Въ епископскомъ совѣтѣ долго разсуждали и спорили о томъ, какъ поступить. канцлеръ епископа Гольцширъ предложилъ привѣсить свои печати къ договорной грамотѣ, но въ дѣйствительности дани не платить, а представить это дѣло тотчасъ на рѣшеніе императора, какъ своего

верховнаго леннаго государя. «Московскій царь вѣдь мужикъ (ein Baur); онъ не пойметъ, что мы передаемъ дѣло въ имперскій каммергерихтъ, который все это постановленіе отмѣнитъ»—пояснялъ канцлеръ. Мысль показалась удачною. Къ договорной грамотѣ привѣсили новыя печати, возвратили русскому послу, и тутъ же въ его присутствіи начали писать протестацію на имя императора. «Что это одинъ говоритъ, а другіе записываютъ?» спросилъ Терпигоревъ. Когда ему объяснили, въ чемъ дѣло, онъ замѣтилъ: «А какое дѣло моему государю до императора? Не станете ему дани платить, онъ самъ ее возьметъ». Пришедъ къ себѣ домой въ сопровожденіи епископскихъ гофъ-юнкеровъ, Терпигоревъ вынулъ изъ за пазухи договорную грамоту и приказалъ своему подъячему, завернувъ ее въ шелковый платокъ, уложить въ ящикъ, обитый сукномъ; при чемъ шутя замѣтилъ: «Смотри, береги этого теленка, чтобы онъ выросъ великъ и разжирѣлъ».

Со времени перваго прибытія ливонскихъ пословъ въ Москву протекло три года. Въ это время возникла и успѣла окончиться война Густава-Вазы съ Іоанномъ IV. Ливонія, какъ мы видѣли, не двинулась на помощь Густаву; въ ней самой произошло тогда новое междоусобіе вслѣдствіе борьбы между свѣтской и духовной властію. Въ 1546 году на Вольмарскомъ сеймѣ постановлено было, чтобы впредь архіепископъ, епископы и магистръ не назначали себѣ въ коадъюторы или преемники лицъ изъ Германскихъ владѣтельныхъ домовъ. Самъ архіепископъ Вильгельмъ подписалъ это постановленіе; но въ 1554 году онъ вдругъ назначилъ своимъ коадъюторомъ семнадцатилѣтняго Христофа герцога Мекленбургскаго, своего родственника, призвалъ его въ Ливонію и передалъ ему нѣкоторые изъ своихъ замковъ. Орденъ рѣшительно возсталъ противъ такого незаконнаго поступка. Магистръ фонъ-Галенъ созвалъ сеймъ въ Венденѣ, гдѣ сословія рѣшили употребить силу противъ архіепископа и его коадъютора. Для найма ратныхъ людей магистръ отправилъ въ Германію молодого динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, бывшаго родомъ изъ Вестфаліи. Началась междоусобная война. Ландмаршалъ фонъ-Минстеръ, раздраженный тѣмъ, что магистръ назначилъ своимъ коадъюторомъ не его, а феллинскаго комтура Фирстенберга, принялъ сторону архіепископа. Городъ Рига и Дерптскій епископъ держали сторону ордена. Фирстенбергъ осадилъ Кокенгузенъ и взялъ въ плѣнъ архіепископа вмѣстѣ съ его коадъюторомъ; ихъ посадили подъ стражу. Но за нихъ вступился

король польскій Сигизмундъ-Августъ, родственникъ Вильгельма, и потребовалъ ихъ освобожденія, въ чемъ получилъ отказъ. Къ этому поводу присоединилось еще случайное убійство на Ливонской границѣ польскаго гонца Лапского. Самъ король съ большимъ польско-литовскимъ войскомъ вступилъ въ предѣлы Ливоніи. Орденъ оказался не въ силахъ ему сопротивляться. Новый магистръ Фирстенбергъ (фонъ-Галенъ между тѣмъ умеръ) у курляндскаго мѣстечка Позволя, близъ замка Бауске, заключилъ миръ съ королемъ (въ сентябрѣ 1557 г.): архіепископъ и его коадъюторъ были вполнѣ возстановлены въ своихъ правахъ. Эти событія ясно показали упадокъ Ливонскаго ордена и его военную несостоятельность. Чтобы предотвратить опасность, грозившую со стороны Московскаго государя, магистръ вскорѣ послѣ Позвольскаго мира поспѣшилъ заключить съ Сигизмундомъ-Августомъ, какъ съ великимъ княземъ Литовскимъ, оборонительный и наступательный союзъ. Одинъ уже этотъ союзъ давалъ Московскому царю поводъ къ войнѣ, такъ какъ былъ нарушеніемъ прямой статьи пятнадцатилѣтняго перемирія.

Въ февралѣ 1557 г. въ Москву прибыли ливонскіе послы. Трехлѣтній срокъ для внесенія дани истекалъ; но они явились сюда не съ деньгами, а съ просьбою о сложеніи дани съ Дерптскаго епископа. Царь не пустилъ къ себѣ на глаза этого посольства, а чрезъ тѣхъ же Алексѣя Адашева и дьяка Висковатаго велѣлъ отвѣчать, что онъ самъ будетъ искать на магистрѣ и на всей Ливонской землѣ за ея неисправленіе. Послы уѣхали. Дорогою они ясно поняли, что Москвитяне готовятся къ войнѣ: въ извѣстныхъ разстояніяхъ видны были новопостроенные ямскіе дворы съ помѣщеніями для большаго количества лошадей; къ западной границѣ тянулись санные обозы съ съѣстными и военными припасами. Вслѣдъ за послами царь отправилъ окольничаго князя Шастунова съ товарищами строить на устьѣ Наровы ниже Ивангорода «корабельное пристанище» или гавань; при чемъ запретилъ новгородскимъ, псковскимъ и ивангородскимъ купцамъ ѣздить съ товарами къ нѣмцамъ. Испуганные сими приготовленіями, Ливонцы въ декабрѣ того же 1557 года вновь прислали посольство съ предложеніемъ внести за прежніе годы одну опредѣленную сумму въ 45.000 ефимковъ (или 18.000 московскихъ рублей), а впредь съ Юрьева ежегодно брать по тысячѣ угорскихъ золотыхъ. Царь согласился; но когда отъ пословъ потребовали денегъ, ихъ не оказалось. По извѣстію ливонскихъ лѣтописцевъ, послы понадѣялись на обѣщаніе московскихъ купцовъ

дать имъ денегъ взаймы; ибо для русскихъ купцовъ торговля съ Ливоніей была выгодна, и они не желали войны. Но царь будто бы подъ страхомъ смертной казни запретилъ своимъ купцамъ ссудить нѣмцевъ деньгами. Напрасно послы просили оставить ихъ самихъ заложниками, пока деньги будутъ доставлены изъ Ливоніи. Царь не соглашался ни на какія отсрочки. Очевидно онъ уже рѣшилъ войну безповоротно. Послы уѣхали; говорятъ, на прощаньи ихъ посадили обѣдать и подали пустыя блюда въ знакъ того, что они пріѣхали съ пустыми руками. (39).

Въ январѣ 1558 года русскіе воеводы вторглись въ Ливонію. Русское войско, простиравшееся до 40.000 и заключавшее въ себѣ отряды хищныхъ Касимовскихъ и Казанскихъ татаръ и Пятигорскихъ черкесъ, состояло подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго касимовскаго хана Шигъ-Алея; а товарищами его были Михаилъ Васильевичъ Глинскій, дядя царя, и Даніилъ Романовичъ, царскій шуринъ. Воеводы имѣли наказъ не заниматься осадою городовъ и замковъ, а только повоевать, т.-е. опустошить, непріятельскія волости, что̀ и было исполнено въ точности. Войска наши, раздѣлясь на нѣсколько отрядовъ, прошли Ливонію на полтораста верстъ въ длину параллельно съ литовскимъ рубежемъ и на сто верстъ въ ширину; деревни и посады они сожигали, скотъ и хлѣбные запасы истребляли, стариковъ и дѣтей убивали, но молодыхъ забирали въ плѣнъ; при чемъ, по словамъ ливонскихъ лѣтописцевъ, совершали ужасныя варварства. Мѣстами Нѣмцы пытались обороняться въ открытомъ полѣ, но были вездѣ побиваемы по своей малочисленности. Дошедши недалеко до Риги и Ревеля, русское войско повернуло назадъ и вышло въ Псковскую область, обремененное огромною добычей; ибо страна была до того времени богатая и цвѣтущая. По выходѣ изъ Ливоніи, Шигъ-Алей съ воеводами послалъ къ магистру грамоту (конечно сочиненную въ Москвѣ), въ которой говорилось, что государь Московскій присылалъ свою рать покарать Ливонцевъ за ихъ неисправленіе, и что если они повинятся и пришлютъ челобитье, то воеводы готовы просить за нихъ. Ливонскіе чины съѣхались на Вольмарскомъ сеймѣ и тутъ рѣшили хлопотать о мирѣ. Магистръ прислалъ просить опасной грамоты для пословъ; въ Москвѣ грамоту дали, велѣли пріостановить военныя дѣйствія и заключить перемиріе. Большіе ливонскіе города сдѣлали складчину, собрали 60.000 талеровъ и отправили ихъ въ Москву съ посольствомъ, во главѣ котораго былъ поставленъ братъ магистра Фир-

стенберга. Но это посольство еще не успѣло прибыть по назначенію, какъ перемиріе было нарушено.

На возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки Наровы, недалеко отъ ея устья, расположенъ значительный и въ то время хорошо укрѣпленный городъ Нарва, въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстный подъ именемъ Ругодива. Супротивъ него, на другомъ менѣе высокомъ берегу рѣки, Иваномъ III поставлена была русская крѣпость или такъ наз. Ивангородъ. Было время великаго поста. Ивангородцы строго соблюдали перемиріе и усердно посѣщали церковную службу; а жители Нарвы, большею частью лютеране, пили пиво и веселились. Съ нарвскихъ башенъ видна почти вся внутренность Ивангорода, и пьяные Нѣмцы ради потѣхи стали осыпать картечью православныхъ людей, собиравшихся въ церкви, при чемъ нѣкоторыхъ убили. Русскіе воеводы не отвѣчали на выстрѣлы, а послали тотчасъ извѣстить о томъ царя; отъ него пришло разрѣшеніе стрѣлять, но только изъ одного Ивангорода. Воеводы принялись усердно обстрѣливать Нарву изъ пушекъ и пищалей каменными и калеными ядрами. Тогда нарвскія городскія власти послали просить пощады, обвиняя въ нарушеніи перемирія своего фохта («князьца», какъ выражается Русская лѣтопись), и предлагали поддаться Русскому государю. Увѣдомленный о томъ особымъ посольствомъ, царь приказалъ прекратить пальбу и отправилъ Алексѣя Басманова и Даніила Адашева съ отрядомъ стрѣльцовъ и дѣтей боярскихъ, чтобы принять городъ Нарву съ округомъ въ русское владѣніе. Въ этотъ городъ между тѣмъ пришло отъ магистра подкрѣпленіе въ тысячу человѣкъ, и городскія власти начали передъ русскими воеводами отпираться отъ собственнаго посольства, говоря, что они не поручали ему говорить о своемъ подданствѣ царю. Но тутъ какъ бы сама судьба наказала ихъ за вѣроломство. 11-го Мая въ городѣ вспыхнулъ страшный пожаръ. Русская легенда приписываетъ его чуду: хозяинъ одного дома въ горницѣ, въ которой останавливались прежде русскіе купцы, нашелъ православную икону Богородицы; насмѣхаясь надъ иконой, онъ бросилъ ее въ огонь подъ котелъ, гдѣ варилось пиво; оттуда вдругъ поднялось пламя до потолка и произвело пожаръ, а внезапно налетѣвшій вихрь разнесъ его въ разныя стороны; такъ какъ дома большею частью были деревянные, то огонь разлился съ неудержимою силой. Произошло ужасное смятеніе. Ивангородцы воспользовались имъ, бросились переправляться черезъ рѣку и, сбивъ ворота, ворвались въ городъ. Гарнизонъ заперся было въ замкѣ, но не вы-

держалъ безпрерывной пальбы и сдалъ его, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Вслѣдъ за тѣмъ взятъ былъ замокъ Нейшлотъ (у Русскихъ Сыренскъ), стоявшій при истокѣ Наровы изъ Чудскаго озера. Вскорѣ завоеванъ и городокъ Везенбергъ (у Русскихъ Раковоръ), средоточіе провинціи Вирланда. Такимъ образомъ все Занаровье съ значительною частію Эстляндіи очутилось въ русскихъ рукахъ. Царь былъ очень обрадованъ этимъ успѣхомъ. Онъ отпустилъ ливонское посольство ни съ чѣмъ и рѣшилъ продолжать войну; завоеванные же города велѣлъ очищать отъ Латинской и Лютерской вѣры и строить тамъ православныя церкви, для чего изъ Новгорода былъ присланъ въ Нарву Юрьевскій архимандритъ. Жителямъ ея онъ далъ жалованную грамоту и всѣхъ нарвскихъ плѣнниковъ, находившихся въ Россіи, велѣлъ возвратить въ отечество. Іоаннъ особенно дорожилъ Нарвою, какъ первою гаванью, которую Русскіе пріобрѣли на Балтійскомъ морѣ, и онъ постарался черезъ нее немедленно открыть непосредственныя торговыя сношенія Россіи съ иноземцами, помимо Ганзейскихъ городовъ, старавшихся удержать въ своихъ рукахъ монополію Балтійской торговли.

Вообще вмѣсто варварскаго опустошенія страны, совершеннаго при первомъ нашествіи русскаго войска на Ливонію, теперь началось постепенное завоеваніе городовъ и замковъ съ очевидною цѣлью прочно въ ней утвердиться. Въ то время какъ одно войско дѣйствовало къ сѣверу отъ Чудскаго озера, т. е. въ Эстляндіи, другое войско выступило изъ Пскова подъ начальствомъ князя Петра Шуйскаго, двинулось мимо южной части Чудскаго озера, вторглось въ собственную Ливонію, осадило пограничный замокъ Нейгаузенъ и, окруживъ его турами, громило частою пальбою изъ пушекъ и пищалей. Обороняемый храбрымъ рыцаремъ Икскулемъ-фонъ Паденормъ, Нейгаузенъ задержалъ Русскихъ почти на цѣлый мѣсяцъ; но, не получая ни откуда помощи, наконецъ сдался, причемъ гарнизонъ выговорилъ себѣ свободный выходъ изъ крѣпости. Въ это время магистръ ордена съ 8000-мъ войскомъ стоялъ лагеремъ неподалеку, именно около Киремпе, на дорогѣ между Нейгаузеномъ и Дерптомъ. Лагерь его былъ защищенъ со стороны Русскихъ рѣкою и болотами. Онъ еще окопался, и принялъ выжидательное положеніе, не рѣшаясь напасть на осаждавшее войско; когда же Нейгаузенъ палъ и Русскіе двинулись на самого магистра, онъ поспѣшилъ снять лагерь и ушелъ къ Валку. Находившійся въ его войскѣ, дерптскій епископъ Германъ Вейландъ съ своимъ отрядомъ поспѣшилъ въ Дерптъ, при-

чемъ задняя часть его отряда была настигнута Русскими и побита. Мѣстное земское рыцарство собралось было въ Дерптъ по призыву епископа, какъ своего леннаго владыки; но когда приблизилось русское войско, большая часть рыцарей покинула городъ и спаслась въ западныя области. Кромѣ того въ эту критическую минуту въ городѣ поднялась распря между католиками и протестантами. Католики громко говорили, что русская гроза ниспослана на Ливонію за отступленіе ея отъ истинной вѣры. Когда собрался городской совѣтъ и разсуждалъ о томъ, что предпринять въ виду близкой осады, послышались разныя мнѣнія: одни совѣтовали обратиться за помощью къ Швеціи, другіе къ Даніи, третьи къ Польшѣ. На помощь Германскаго императора не было никакой надежды, такъ какъ послѣ отреченія Карла V-го братъ и преемникъ его Фердинандъ былъ слишкомъ озабоченъ собственными дѣлами и особенно враждебными отношеніями Турокъ, чтобы думать о Ливоніи. Посреди разногласія выступилъ бургомистръ Антоній Тиле и со слезами на глазахъ началъ увѣщевать собраніе, чтобы оно оставило всякіе разсчеты на помощь извнѣ, а лучше обратилось бы къ собственнымъ средствамъ обороны. Онъ предлагалъ принести все частное достояніе на защиту отечества, продать всѣ золотыя и драгоцѣнныя украшенія ихъ женъ, чтобы нанять войско, а вмѣстѣ съ нимъ и самимъ единодушно выступить противъ непріятеля. Но рѣчь этого ливонскаго Минина была голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Прежде чѣмъ осадить Дерптъ, Русскіе взяли еще нѣсколько замковъ, каковы Костеръ и Курславль. Окрестные сельскіе жители, ненавидя своихъ нѣмецкихъ господъ, приходили къ воеводамъ и добровольно принимали русское подданство. Воеводы обращались съ этимъ туземнымъ населеніемъ мягче, тогда какъ съ нѣмцами поступали жестоко.

Въ іюнѣ русское войско явилось подъ Дерптомъ и начало возводить вокругъ него валы и устанавливать пушки, послѣ чего принялось осыпать городъ ядрами. Главная опора осажденныхъ заключалась въ двухтысячномъ нѣмецкомъ отрядѣ, присланномъ изъ Германіи. Около двухъ недѣль длилась осада и пальба по городу. Гарнизонъ сначала защищался храбро и дѣлалъ частыя вылазки. Но бѣдствія осады и малое число защитниковъ скоро поколебали мужество гражданъ. Шуйскій искусно завязалъ переговоры, предлагая самыя льготныя условія сдачи. Нѣсколько разъ осажденные просили сроку для размышленія, стараясь между тѣмъ извѣстить магистра

о своемъ крайнемъ положеніи; но когда отъ него вмѣсто помощи получено было письмо съ обѣщаніемъ молиться Богу за осажденныхъ, епископъ и граждане пришли въ уныніе и рѣшились сдаться. При семъ они выговорили себѣ слѣдующія условія: епископъ остается во владѣніи своими имѣніями и получаетъ для жительства ближайшій монастырь Фалькенау, дворяне удерживаютъ свои земли, граждане сохраняютъ свободу Аугсбургскаго исповѣданія, городовое самоуправленіе и свои торговыя и судебныя привиллегіи; кто пожелаетъ, можетъ выѣхать съ имуществомъ изъ города, а военные люди и съ оружіемъ; вывода въ Россію не будетъ, и русскіе ратные люди не будутъ имѣть постоя въ домахъ обывателей. При занятіи города Русскимъ досталось въ добычу большое количество пушекъ, пороху и другихъ военныхъ припасовъ; но Шуйскій строго наблюдалъ, чтобы ратные люди не обижали жителей, и своимъ ласковымъ обхожденіемъ вообще снискалъ благодарность и довѣріе побѣжденныхъ. Царь подтвердилъ условія сдачи только съ небольшими исключеніями, касавшимися судебныхъ привиллегій; при семъ далъ дерптскимъ гражданамъ право безпошлинной торговли въ Новгородѣ и Псковѣ. Чтобы закрѣпить за Россіей Юрьевскую область, онъ началъ раздавать въ ней помѣстья боярскимъ дѣтямъ, а епископа и нѣкоторыхъ гражданъ переселилъ въ Москву. Дерптъ тотчасъ переименованъ былъ Русскими въ свое древнее имя Юрьева; въ немъ стали возобновлять старые русскіе храмы, а потомъ царь учредилъ особое православное Юрьевское епископство.

Паденіе Дерпта (третьяго по важности города послѣ Риги и Ревеля) произвело такой страхъ и смущеніе въ Ливоніи, что многія укрѣпленныя мѣста послѣ того сдавались Русскимъ безъ сопротивленія, и тѣмъ болѣе, что черные люди, т. е. туземцы Чудь и Ливы, охотно приносили присягу на русское подданство. Число всѣхъ завоеванныхъ въ сѣверной части Ливоніи городовъ и замковъ простиралось теперь до 20-ти. Русскіе доходили до Ревеля, и Шуйскій посылалъ склонять гражданъ къ сдачѣ, но пока не рѣшился осаждать этотъ крѣпкій городъ. Заложивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православныя церкви и разставивъ вездѣ гарнизоны, русское войско къ осени по обычаю удалилось въ отечество.

Послѣ отступленія Фирстенберга отъ Киремпе къ Валку, неспособность его сдѣлалась столь очевидною, что орденскіе чины рѣшились назначить ему коадъютора. Выборъ ихъ палъ на динабургскаго комтура Готгарда Кетлера, который въ это критическое время вы-

двинулся своими талантами и энергіей; онъ особенно отличился при помянутомъ отступленіи, храбро прикрывая тылъ уходившаго войска отъ Русскихъ, при чемъ не разъ подвергалъ свою жизнь опасности. Въ его руки теперь перешло дальнѣйшее веденіе войны съ Москвою; а Фирстенбергъ, оставаясь магистромъ только по имени, удалился въ крѣпкій замокъ Феллинъ. Когда князь Шуйскій съ главнымъ войскомъ ушелъ изъ Ливоніи, Кетлеръ поспѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы отвоевать обратно завоеванные города, главнымъ образомъ Дерптъ. Ему удалось собрать до 10,000 человѣкъ; но по пути къ Дерпту его задержала мужественная оборона замка Рингена, который занимали всего 90 человѣкъ подъ начальствомъ боярскаго сына Русина Игнатьева. Хотя Рингенъ былъ наконецъ взятъ, но князь Курлятевъ и другіе русскіе воеводы, сидѣвшіе въ Дерптѣ, успѣли дать въ Москву вѣсть объ опасности и приняли всѣ мѣры предосторожности; между прочимъ, многихъ юрьевскихъ гражданъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Кетлеромъ, они отправили въ Псковъ, гдѣ ихъ держали до минованія опасности. Во время осады Рингена нѣкоторые нѣмецкіе отряды ходили даже въ Псковскую землю и разорили тамъ нѣсколько волостей. Узнавъ о приближеніи большой московской рати, Кетлеръ ничего не рѣшился предпринять противъ Юрьева, и ушелъ назадъ. Вскорѣ потомъ, въ январѣ 1559 года, явилась въ Ливонію эта русская рать, предводимая княземъ Микулинскимъ и татарскимъ царевичемъ Тохтамышемъ. На сей разъ она обратила свои опустошенія на южную часть Ливоніи и разными отрядами пошла по обѣимъ сторонамъ Двины. По словамъ ливонскихъ лѣтописцевъ, это нашествіе сопровождалось такимъ же разореніемъ и жестокостями, которыми ознаменовано было и первое вторженіе Русскихъ. Они доходили до самой Риги и къ веснѣ воротились назадъ съ огромною добычею. Въ эту трудную эпоху Ливонцы снова обратились къ государямъ Швеціи, Польши и Даніи съ просьбою о помощи или о ходатайствѣ, и тѣ дѣйствительно отправили посольства въ Москву. Изъ нихъ наиболѣе посчастливилось посламъ датскаго короля Фридриха II; снисходя на его просьбу, Іоаннъ согласился дать Ливонцамъ шестимѣсячное перемиріе. Главною причиною такой внезапной уступчивости были, впрочемъ, военныя дѣйствія противъ Крымскихъ татаръ, отвлекавшія тогда силы и вниманіе царя. Это шестимѣсячное перемиріе имѣло важныя послѣдствія: оно не спасло самобытнаго существованія Ливоніи, но немало помогло ей ускользнуть отъ русскаго завоеванія.

Время перемирія Ливонскія власти употребили на то, чтобы отыскивать себѣ помощь и собирать средства для дальнѣйшей борьбы съ Московскимъ царемъ. Отправлены были новыя посольства къ императору и къ Шведскому королю; съ Датскимъ королемъ вступилъ въ переговоры епископъ Эзельскій, къ Сигизмунду-Августу отправился самъ Кетлеръ: принужденный выбирать между сосѣдями, онъ наиболѣе склонялся на сторону Польши и Литвы. Имперскіе чины по прежнему отказались отъ всякой военной помощи; они обѣщали денежную ссуду отъ имперскихъ городовъ, но и та не состоялась. Съ Польско-Литовскимъ королемъ Кетлеръ, совмѣстно съ архіепископомъ Рижскимъ, заключилъ договоръ, по которому Ливонія отдавалась подъ его покровительство съ обязательствомъ защищать ее отъ Русскихъ; за что Литовцы получили въ залогъ полосу земли съ нѣсколькими орденскими и архіепископскими замками, каковы Динабургъ, Зельбургъ, Бауске, Маріенгаузенъ, Ленневарденъ и др. Ливонія оставляла за собою только право по окончаніи войны выкупить эти земли за 700,000 гульденовъ. Получивъ земли, король однако не спѣшилъ своею помощью, ссылаясь на продолжавшееся перемиріе съ Москвою, и ограничивался пока отправленіемъ къ царю посольства съ предложеніемъ оставить въ покоѣ Ливонію. Между тѣмъ Кетлеръ, разсчитывая на литовскую помощь и занявъ у города Ревеля 30.000 гульденовъ (подъ залогъ своего замка Кегеля), призвалъ изъ Германіи новые наемные отряды и возобновилъ войну съ Русскими. Нечаяннымъ нападеніемъ онъ разбилъ стоявшій близъ Дерпта русскій отрядъ воеводы Плещеева, и потомъ осадилъ самый Дерптъ. Отбитый отсюда, онъ попытался еще взять замокъ Лаисъ, но тутъ встрѣтилъ мужественное сопротивленіе и ушелъ назадъ, узнавъ о приближеніи большой русской рати. Весною 1560 года виленскій воевода Николай Радивилъ вступилъ въ Ливонію и занялъ литовскими гарнизонами заложенные замки; но на помощь противъ Русскихъ Литовцы не двигались.

Въ Ливонію снова вторглись Русскіе подъ начальствомъ князей Шуйскаго, Серебрянаго, Мстиславскаго и Курбскаго. Взявъ Маріенбургъ, они распространили свои опустошенія до самаго моря. Положеніе Ливоніи сдѣлалось критическимъ. Наемные нѣмецкіе отряды, не получая жалованья, бунтовали и нерѣдко сами сдавали крѣпости Русскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне поднимали мятежъ противъ своихъ нѣмецкихъ господъ, которые не умѣли защитить ихъ отъ непріятеля. Воеводы изъ Дерпта двинулись съ пушками на замокъ

Феллинъ, считавшійся весьма сильною крѣпостью въ Ливоніи; тамъ пребывалъ старый магистръ Фирстенбергъ. Ландмаршалъ Филиппъ Бель думалъ остановить это движеніе и около Эрмеса неосторожно вступилъ въ битву съ превосходными русскими силами; онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Это былъ опытный, храбрый рыцарь; въ плѣну онъ держалъ себя съ такимъ достоинствомъ и велъ такія умныя рѣчи, что бояре оказывали ему большое уваженіе; бѣдствія, постигшія Орденъ, онъ прямо объяснялъ отступленіемъ отъ старой вѣры и распущенностью нравовъ. Отправивъ его въ Москву, бояре просили царя быть къ нему милостивымъ. Но, когда онъ въ глаза царю сталъ сурово выговаривать за несправедливую и кровопійственную войну, разгнѣванный Іоаннъ велѣлъ отрубить ему голову. Послѣ побѣды подъ Эрмесомъ воеводы осадили замокъ Феллинъ; болѣе трехъ недѣль они громили его изъ пушекъ, но толстыя стѣны, глубокіе рвы и обиліе всякихъ запасовъ не подавали надежды на овладѣніе замкомъ. Вдругъ нѣмецкіе наемники заволновались и вступили въ переговоры съ русскими воеводами. Тщетно престарѣлый магистръ умолялъ ихъ продолжать оборону и роздалъ имъ всѣ свои сокровища: наемники предварительно разграбили ихъ и, выговоривъ себѣ свободное отступленіе со всѣмъ имуществомъ, впустили Русскихъ. Но тѣ, видя, что удаляющіеся Нѣмцы обременены всякаго рода цѣнными вещами, напали на нихъ и отняли добычу. Многіе изъ этихъ наемниковъ потомъ попали въ руки Кетлера, который велѣлъ ихъ перевѣшать. Привезенный въ Москву, Фирстенбергъ былъ милостиво принятъ царемъ и получилъ себѣ въ кормленіе ярославскій городокъ Любимъ, гдѣ спокойно доживалъ свой вѣкъ. Хотя послѣ взятія Феллина Русскіе потерпѣли неудачу подъ Вейсенштейномъ или Бѣлымъ Камнемъ (главнымъ городомъ провинціи Эрвіи), который они тщетно осаждали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль; однако походъ 1560 года привелъ Ливонію въ такое разстроенное состояніе, что она уже не могла продолжать борьбу собственными средствами. Вслѣдъ за тѣмъ совершилось ея распаденіе, и прекратилось самое существованіе Ливонскаго ордена.

Первымъ изъ ливонскихъ владѣтелей покинулъ страну епископъ эзельскій Мюнхгаузенъ. Онъ продалъ датскому королю Фридриху II за 30.000 талеровъ свое епископство, т. е. Эзель съ сосѣднею частью Эстоніи и свой Пильтенскій округъ въ Курляндіи, хотя не имѣлъ никакого права уступать эти земли безъ согласія Ордена и своего капитула. Онъ удалился въ родную Вестфалію, тамъ пере-

шелъ въ протестантство и вступилъ въ бракъ; а король Фридрихъ передалъ эти земли своему младшему брату Магнусу въ замѣнъ его правъ на герцогство Голштинское. Весною 1560 года Магнусъ высадился съ датскими отрядами на островѣ Эзелѣ въ городѣ Аренсбургѣ. Тогда и ревельскій епископъ Врангель, послѣ введенія въ Ревелѣ реформаціи находившійся въ стѣсненномъ положеніи, послѣдовалъ совѣту Менигхаузена, т. е. продалъ Магнусу свои владѣтельныя права и удалился въ ту же родную Вестфалію. Но городъ Ревель и большинство эстонскаго рыцарства тянули болѣе къ сосѣдней Швеціи, чѣмъ къ Даніи: съ Шведами ихъ связывали общая теперь религія, сходство нравовъ и торговыя сношенія; отъ Швеціи они скорѣе всего могли ожидать помощи противъ Московскаго завоеванія. Поэтому они не склонились на убѣжденія Магнуса, а вскорѣ по смерти Густава-Вазы вступили въ переговоры съ его преемникомъ Эрихомъ XIV. Эти переговоры окончились тѣмъ, что Ревель, а вмѣстѣ съ нимъ провинціи Гаррія и Эрвія отложились отъ ордена и поддались Шведскому королю, въ іюнѣ 1561 года. Тщетно Готгардъ Кетлеръ противодѣйствовалъ сему подданству и старался удержать единство Ливоніи, чтобы въ цѣлости передать ее подъ владычество Польско-литовскаго короля, съ которымъ онъ уже велъ дѣятельные переговоры. Видя распаденіе орденскихъ земель, этотъ ловкій человѣкъ болѣе всего позаботился о собственныхъ интересахъ. Въ то время какъ сѣверная часть Ливоніи тянула къ Шведамъ, южная и бо̀льшая половина ея обнаруживала влеченіе примкнуть къ великому княжеству Литовскому, съ которымъ связывали ее близкое сосѣдство и выгодная торговля.

Къ Польскому королю тянулъ и его родственникъ архіепископъ рижскій Вильгельмъ Бранденбургскій. Поэтому рыцарству и архіепископу не стоило большаго труда склонить Ливонскіе чины отдаться подъ верховное владычество Сигизмунда-Августа. Вмѣстѣ съ тѣмъ орденскія власти признали дальнѣйшее существованіе Ордена невозможнымъ и рѣшили сложить съ себя духовное званіе. Послѣдній Ливонскій магистръ пошелъ по стопамъ послѣдняго Прусскаго гроссмейстера: съ согласія Польскаго короля, онъ обратилъ самую южную часть Ливоніи въ наслѣдственное герцогство, поставивъ себя въ вассальную зависимость отъ Польской короны. Осенью 1561 г. Готгардъ Кетлеръ принялъ титулъ герцога Курляндіи и Семигаліи, а Ливонія соединена съ великимъ княжествомъ Литовскимъ. Тотъ же Кетлеръ пока остался королевскимъ намѣстникомъ въ Ливоніи. Гер-

цогъ Магнусъ отказался въ пользу Кетлера отъ Пильтенскаго округа, получивъ въ замѣнъ эстонскіе замки Гапсаль и Леаль. Только городъ Рига не соглашался на новое подданство и пытался еще сохранить за собою значеніе вольнаго имперскаго города; но въ слѣдующемъ 1562 году Рижане уступили настояніямъ Кетлера и поддались Сигизмунду-Августу, при чемъ выговорили себѣ условія самоуправленія.

Такимъ образомъ Ливонская земля распалась на пять владѣній: 1) сѣверъ отошелъ къ Швеціи; 2) Островъ Эзель съ прилегающимъ побережьемъ (провинція Викъ) составилъ особое княжество герцога Магнуса; 3) средняя часть или собственно Ливонія присоединилась къ государству Польско-Литовскому; 4) Курляндія и Семигалія обратились въ вассальное герцогство; 5) сѣверо-восточная часть или Юрьевская и Ругодивская области остались у Московскаго государя ([40]).

Раздѣлъ Ливоніи между сосѣдними государствами ясно показалъ, въ какой степени были правы совѣтники Іоанна, неодобрявшіе его слишкомъ широкихъ завоевательныхъ замысловъ съ этой стороны. Ливонскій орденъ оказался несостоятельнымъ въ борьбѣ съ могущественнымъ Московскимъ государствомъ; но было великою ошибкою считать его землю легкою добычею и стремиться къ ея полному, скорому захвату: вмѣсто одного слабаго Ордена приходилось имѣть дѣло съ нѣсколькими сильными претендентами на его наслѣдство. Едва ли умные совѣтники Іоанна не предвидѣли двухъ главныхъ затрудненій, долженствовавшихъ воспрепятствовать быстрому и легкому завоеванію Ливоніи. Во-первыхъ, множество крѣпкихъ городовъ и замковъ. Ливонію отнюдь нельзя было сравнивать съ Казанскимъ царствомъ, гдѣ по взятіи столицы оставалось только усмирять полудикіе туземные народцы и взимать съ нихъ ясакъ. Здѣсь каждый городъ, каждый замокъ, имѣвшій сколько-нибудь мужественнаго коменданта, приходилось добывать трудною и долгою осадою; а въ осадномъ дѣлѣ, гдѣ требовалась борьба съ артиллеріей, именно московская рать была наименѣе искусна. Поэтому послѣ трехлѣтней войны, послѣ страшныхъ опустошеній непріятельской земли, Москвитяне могли похвалиться пріобрѣтеніемъ не болѣе одной четвертой ея части. Во-вторыхъ, это (сравнительно съ потраченными усиліями) небольшое пріобрѣтеніе, въ соединеніи съ дальнѣйшими притязаніями, приводило насъ къ одновременному столкновенію съ Швеціей, Даніей и Польско-Литовскимъ государствомъ. На первыхъ

порахъ Москвѣ удалось отклонить новую войну со Шведами, которые обратились на Датчанъ, желая отнять у нихъ западную часть Эстоніи; но борьба съ главнымъ наслѣдникомъ Ливонскаго ордена, т. е. съ Польско-Литовскимъ королемъ, оказалась неизбѣжною.

Съ Польшей и Литвой, со времени боярщины, у насъ не было ни войны, ни прочнаго мира, а только возобновлялись истекавшія перемирія. Всякимъ попыткамъ къ заключенію вѣчнаго мира мѣшали притязанія Литвы на возвращеніе Смоленска, къ которымъ обыкновенно присоединялись требованія возвратить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Иваномъ III-мъ, и даже уступить Псковъ и Новгородъ; а съ Московской стороны, въ отвѣтъ на эти странныя требованія, выдвигали свои права на старыя русскія области: Полоцкую, Витебскую, Кіевскую и Волынскую. Послѣ же 1547 года прибавился еще одинъ поводъ къ распрямъ: въ переговорныхъ грамотахъ королевская канцелярія продолжала именовать Іоанна только «великимъ княземъ» Московскимъ и отказывала признать за нимъ новый его титулъ царскій. Московское правительство съ своей стороны именовало Сигизмунда-Августа только великимъ княземъ Литовскимъ, отказываясь называть его въ грамотахъ королемъ. Въ связи съ пререканіями о титулахъ въ это время, не безъ участія самого Іоанна, распространяется въ Москвѣ легенда о происхожденіи древняго Русскаго княжескаго рода отъ Пруса, брата римскаго императора Октавія-Августа, чѣмъ Московскій государь думалъ умножить свою славу и величіе.

Послѣднее перемиріе заключено было въ 1556 году на шесть лѣтъ. Война Ливонская подала поводъ Польскому королю къ новымъ посольствамъ, имѣвшимъ цѣлію отвратить московскія притязанія съ этой стороны. Но правительство наше постоянно отвѣчало, что Ливонія въ древности принадлежала прародителямъ Московскихъ государей, что Ливонскіе нѣмцы давно обязались платить дань, и что государь воюетъ ихъ землю за ихъ неисправленіе. Іоаннъ даже въ своемъ титулѣ сталъ именовать себя государемъ Ливонскія земли града Юрьева. Когда же Ливонскій орденъ началъ явно склоняться на сторону Польскаго короля, намѣреваясь отдаться подъ его покровительство, т. е. въ 1560 году, Іоаннъ, въ то время овдовѣвшій, попытался уладить свои отношенія къ Польшѣ и Литвѣ помощію родственнаго союза. Посолъ его Ѳедоръ Сукинъ сдѣлалъ отъ имени царя брачное предложеніе младшей сестрѣ

короля Екатеринѣ. Король показалъ видъ, что не прочь отъ этого брака, но потребовалъ предварительно прекращенія Ливонской войны и заключенія вѣчнаго мира съ уступкою Смоленска, Пскова и Новгорода. При подобныхъ требованіяхъ, понятно, переговоры о брачномъ союзѣ окончились ничѣмъ. Когда же Ливонскій орденъ прекратилъ свое существованіе, а король Польскій завладѣлъ всей южной половиною Ливоніи, тогда немедленно открылась и новая Русско-Литовская война. Въ началѣ, пока она ограничивалась нерѣшительными дѣйствіями и взаимными опустошеніями, переговоры о мирѣ не прерывались. Но въ январѣ 1563 года Іоаннъ лично выступилъ въ походъ съ большимъ войскомъ и осадилъ древній русскій городъ Полоцкъ, по своему положенію на Двинѣ важный какъ для Литвы, такъ и для Ливоніи. Для этого похода одной посохи, т. е. земской рати, конной и пѣшей, было собрано болѣе 80.000 человѣкъ, а, главное, для обстрѣливанія крѣпости привезенъ былъ большой нарядъ, т. е. тяжелыя осадныя пушки, называемыя «павлинами» и «огненными», т. е. бросавшія каленыя ядра. Такими ядрами выжгли 300 саженъ деревянной стѣны, такъ что 7 февраля взяли острогъ или посадъ, расположенный за Полотою; а недѣлю спустя, Станиславъ Довойна, воевода литовскій, сдалъ и самый городъ или кремль. Этотъ воевода и епископъ полоцкій Арсеній Шишка, взятые въ плѣнъ, отосланы въ Москву вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными воинами и гражданами; но бывшихъ въ городѣ польскихъ ротмистровъ съ 500 товарищами царь одарилъ шубами и отпустилъ въ отечество. Съ гражданами вообще царь обошелся милостиво; только захваченные въ городѣ Жиды подверглись жестокой участи: будучи ненавистникомъ жидовства вообще, Іоаннъ, по словамъ лѣтописи, велѣлъ ихъ утопить въ Двинѣ вмѣстѣ съ семьями.

Высоко цѣня пріобрѣтеніе Полоцка, царь принялъ всѣ мѣры, чтобы удержать его и укрѣпить за собою. Онъ оставилъ въ немъ воеводою извѣстнаго князя Петра Ивановича Шуйскаго, а товарищами его двухъ братьевъ Серебряныхъ-Оболенскихъ, князей Василія и Петра Семеновичей. Воеводамъ царь далъ подробный наказъ какъ чинить стѣны, чистить и углублять рвы и вообще беречь городъ и отъ внезапнаго приходу Литовскихъ людей, и отъ измѣны жителей. Поэтому въ городъ, т. е. въ кремль, только въ торжественные праздники дозволилъ онъ пускать въ Софійскій соборъ гражданъ изъ острога или посада, и то понемногу и усиливъ на т

время вездѣ стражу. Въ городѣ онъ велѣлъ сдѣлать «свѣтлицу» (родъ гауптвахты), гдѣ ночевали бы очередные военные начальники съ своими людьми, а по городу ночью постоянно ходили дозоры съ фонарями. Для производства суда велѣно устроить въ острогѣ судебню и выбрать изъ дворянъ «добрыхъ головъ», которые бы судили людей по ихъ мѣстнымъ обычаямъ безволокитно и безъ посуловъ и поминковъ, въ присутствіи бурмистровъ и выборныхъ земскихъ людей.

Съ извѣстіемъ о взятіи Полоцка царь послалъ въ Москву къ митрополиту и семейству своему нѣсколькихъ знатныхъ людей, вмѣстѣ съ шуриномъ своимъ кн. Михаиломъ Темгюковичемъ Черкасскимъ. Въ грамотѣ митрополиту Макарію говорилось: исполнилось пророчество чудотворца Петра-митрополита о градѣ Москвѣ, «яко взыдутъ руки ея на плеща враговъ». Когда Иванъ Васильевичъ возвращался изъ похода, то ему оказана была самая торжественная встрѣча отъ духовенства, бояръ и всего народа. Въ Полоцкѣ учреждена архіепископская каѳедра, на которую поставленъ Трифонъ, бывшій епископъ Суздальскій. Съ крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреемъ уже лѣтъ семь какъ не было мирныхъ сношеній, и татарскіе гонцы были задержаны въ Москвѣ; ибо, подстрекаемый Сигизмундомъ, ханъ вѣроломно во время мира нападалъ на Московскія украйны. Теперь на радостяхъ Іоаннъ послалъ въ Крымъ Аѳанасія Нагого съ богатыми подарками изъ полоцкой добычи, а именно съ литовскими конями въ сѣдлахъ и уздахъ, отдѣланныхъ серебромъ, и съ королевскими дворянами-плѣнниками. Главною же цѣлью посольства было возобновить мирныя сношенія, чтобы по возможности обезпечить себя со стороны Крымцевъ.

Съ Сигизмундомъ также возобновились переговоры. Въ Москву въ декабрѣ 1564 года пріѣхало большое литовское посольство, съ Юріемъ Ходкевичемъ, Григоріемъ Воловичемъ и Михаиломъ Гарабурдою. Они просили о полугодовомъ перемиріи; но такъ какъ послы не соглашались на уступку Полоцкаго уѣзда и Ливонскихъ земель, то имъ отказали, считая эту просьбу только за желаніе выиграть зимнее время, тогда какъ московскія рати уже были готовы начать зимній походъ. Посольство уѣхало. По царскому приказу въ январѣ двинулись московскіе воеводы изъ Полоцка, Вязьмы, Смоленска и Дорогобужа: они должны были сойтись подъ Оршею и отсюда подъ главнымъ начальствомъ кн. Петра Шуйскаго идти на Минскъ и другія мѣста. Но походъ сей кончился бѣдственно. Полоцкіе вое

воды, очевидно не разсчитывая встрѣтить непріятеля въ полѣ, шли съ своею ратью очень оплошно; а другіе воеводы еще не успѣли съ ними соединиться. Недалеко отъ Орши на нихъ внезапно ударило польско-литовское войско, предводимое трокскимъ воеводою Николаемъ Радивиломъ Рыжимъ. Русскіе не успѣли надѣть свои доспѣхи, ни устроиться въ полки. Мѣстность случилась лѣсистая и тѣсная, такъ что развернуться было негдѣ; а Литва, ударивъ на передовой отрядъ, тотчасъ его разгромила и погнала назадъ на главную рать, которая тоже смѣшалась и дала тылъ. Пораженію способствовала смерть главнаго воеводы кн. Шуйскаго, который палъ вмѣстѣ съ двумя князьями Палецкими; а воеводы Плещеевъ и Охлябининъ попали въ плѣнъ. Но такъ какъ дѣло произошло къ ночи, то большая часть войска успѣла спастись и ушла въ Полоцкъ. Такимъ образомъ, 50 лѣтъ спустя послѣ великой Оршинской битвы, около тѣхъ же мѣстъ произошло новое, хотя не столь тяжкое, пораженіе русской рати, которое уменьшило радость о завоеваніи Полоцка (какъ тогда Смоленска). Это пораженіе послужило для насъ началомъ многихъ другихъ неудачъ. Между прочимъ вслѣдъ за нимъ князь Андрей Курбскій, одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, измѣнилъ Іоанну и убѣжалъ въ Литву (41).

Дѣло въ томъ, что уже произошла важная перемѣна въ самомъ Московскомъ правительствѣ: наступила печальная Эпоха казней и опричины.

VII.

ЭПОХА КАЗНЕЙ И ОПРИЧИНЫ.

Перемѣна въ отношеніи Сильвестра и Адашева.—Кончина Анастасіи.—Опала совѣтниковъ.—Второй бракъ царя.—Новые любимцы и начало боярскихъ казней.—Поручныя записи.—Бѣгство Курбскаго въ Литву и его переписка съ Иваномъ Васильевичемъ.—Кончина митрополита Макарія.—Странный отъѣздъ царя.—Учрежденіе опричины и ея характеръ.—Александровская Слобода.—Такъ наз. борьба съ боярскимъ сословіемъ.—Игуменъ Филиппъ Колычовъ.—Поставленіе его на митрополію.—Его обличенія тирану и низложеніе.—Убіеніе Владиміра Андреевича.—Царскій погромъ Великаго Новгорода.—Страшныя московскія казни.—Нашествіе Девлетъ-Гирея на Москву.—Повторные браки Ивана Васильевича.—Симеонъ Бекбулатовичъ.—Переговоры съ Елизаветой Англійской о союзѣ.—Посланіе Кириллобѣлозерскому игумену.

Какъ 1547 годъ явился рѣзкимъ переломомъ въ царствованіи Ивана IV—переломомъ отъ бѣдственнаго времени къ цѣлому ряду славныхъ дѣяній внѣшнихъ и важныхъ мѣропріятій внутреннихъ, такъ и 1560 годъ представляется—если не столь рѣзкою, все-таки замѣтною—гранью между блестящимъ тринадцатилѣтнимъ періодомъ Іоаннова царствованія и послѣдующею печальною эпохою его тиранства. Такія яркія противорѣчія и перемѣны въ жизни и дѣятельности одного и того же государя были бы странны и непонятны, если бы мы не имѣли достовѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ о томъ благотворномъ вліяніи, которое оказывали на молодого царя іерей Сильвестръ и Алексѣй Адашевъ, и о томъ близкомъ участіи, которое эти два незабвенные мужа принимали въ дѣлахъ правленія въ означенный тринадцатилѣтній періодъ. Сильвестръ дѣйствовалъ на Іоанна по преимуществу своимъ строгимъ, учительнымъ словомъ, взывая постоянно къ христіанской добродѣтели, къ чистотѣ душевной и тѣлесной и напоминая о неподкупномъ

правосудіи Царя Небеснаго, передъ которымъ нѣтъ изъятія для царей земныхъ. Адашевъ съ юности привлекалъ Іоанна своимъ свѣтлымъ умомъ и кроткимъ характеромъ. Незамѣтно, чтобы оба эти мужа пользовались своею близостью къ государю въ личныхъ видахъ, т. е. стремились бы къ почестямъ и накопленію богатствъ: Сильвестръ все время оставался протоіереемъ придворнаго Благовѣщенскаго собора и даже не сдѣлался царскимъ духовникомъ; Адашевъ только въ 1556 году достигъ сана окольничаго. Вліяніе ихъ сказывалось въ общемъ направленіи государственныхъ дѣлъ и особенно въ назначеніяхъ на правительственныя мѣста воеводъ и намѣстниковъ, а также въ раздачѣ помѣстій и кормленій. Отсюда понятно, почему около этихъ неродовитыхъ людей собралась многочисленная партія изъ старыхъ знатныхъ родовъ. Естественно было, что Сильвестръ и Адашевъ хлопотали по преимуществу въ пользу лицъ, связанныхъ съ ними пріязнію или чѣмъ бы то ни было; но нѣтъ основаній предполагать, чтобы они въ этомъ случаѣ злоупотребляли своимъ вліяніемъ и выдвигали большею частью людей недостойныхъ; ибо дѣла правительственныя шли при нихъ хорошо, даже не слышно обычныхъ жалобъ народа на неправосудіе и обиды отъ сильныхъ людей.

При упоминаніи о блестящемъ періодѣ Іоаннова царствованія съ именами Сильвестра и Адашева обыкновенно связывается еще третье имя—супруги царя Анастасіи, и не напрасно. Самый этотъ періодъ продолжался ровно столько лѣтъ, сколько Анастасія прожила на свѣтѣ супругою Ивана IV; отсюда ясно, какъ велико было ея умиротворяющее вліяніе на страстную, порывистую натуру царя, который, по всѣмъ даннымъ, любилъ ее очень сильно. Заслуга Анастасіи Романовны передъ Россіей тѣмъ возвышеннѣе, что послѣ извѣстнаго случая въ 1553 году, когда часть бояръ—преимущественно сторонники Сильвестра и Адашева—отказывалась присягнуть ея сыну младенцу, она едва ли питала особое расположеніе къ симъ двумъ мужамъ. Не видно однако, чтобы она старалась воспользоваться любовью мужа для ихъ сверженія или для возвышенія ихъ противниковъ. Хотя источники историческіе (напр. Курбскій) относятъ къ числу этихъ противниковъ ея братьевъ, Данила и Никиту Романовичей; но и съ ихъ стороны не знаемъ какихъ-либо особыхъ враждебныхъ дѣйствій противъ главныхъ царскихъ совѣтниковъ, и они все время ограничиваются довольно скромнымъ значеніемъ при дворѣ и въ дѣлахъ правительственныхъ.

Помянутый случай во время болѣзни Ивана IV не измѣнилъ тогда же его отношеній къ Сильвестру и Адашеву, и около семи лѣтъ послѣ того продолжалось ихъ вліяніе на управленіе. Хотя Іоаннъ и сохранилъ непріятное воспоминаніе о семъ случаѣ, но очевидно не это обстоятельство послужило главною причиною его охлажденія къ своимъ совѣтникамъ и привело къ полному съ ними разрыву. Такою причиною была сама страстная натура Іоанна, глубоко испорченная небрежнымъ воспитаніемъ, дурными привычками и тревожными впечатлѣніями дѣтства. Въ тяжелый моментъ, во дни московскихъ пожаровъ и мятежа, захваченный въ расплохъ и напуганный кровавымъ призракомъ народнаго мятежа, нервный юноша поддался обаянію сильныхъ какъ бы вдохновенныхъ рѣчей и увѣщаній іерея Сильвестра, и быстро измѣнилъ свое поведеніе. Послѣдующіе успѣхи въ дѣлахъ государственныхъ, особенно покореніе Казани и побѣды надъ Крымцами, разумѣется, укрѣпили и усилили значеніе его совѣтниковъ. Но подобныя натуры не могутъ совершенно переродиться. Дурныя стороны характера, притихшія на время, мало-помалу пробились снова наружу и потомъ возобладали съ неудержимою силою. При деспотическихъ наклонностяхъ, при понятіяхъ о своей неограниченной власти, наслѣдованныхъ отъ отца и дѣда и усиленныхъ преданіями византійскими, Іоаннъ началъ все болѣе и болѣе тяготиться своими совѣтниками. Его стала безпокоить мысль, что совѣтники не даютъ ему ни въ чемъ воли и продолжаютъ имъ руководить, какъ будто онъ все еще остается несовершеннолѣтнимъ. Вѣроятно и со стороны Сильвестра также дѣло не обходилось иногда безъ излишняго усердія или увлеченія своею ролью наставника и руководителя; такъ онъ, по нѣкоторымъ даннымъ, хотя и съ благими цѣлями, но, можетъ быть, не въ мѣру вмѣшивался въ самый домашній бытъ государя, стараясь подводить его образъ жизни и времяпровожденіе подъ извѣстныя рамки, хотя бы и построенныя на правилахъ душевнаго благочестія и тѣлеснаго воздержанія. Сильвестръ не только указывалъ ему на умѣренность въ пищѣ и питіи и въ супружескихъ удовольствіяхъ, но и вооружался иногда противъ слишкомъ частыхъ его поѣздокъ по ближнимъ и дальнимъ монастырямъ, поѣздокъ, которыя свидѣтельствовали уже не столько о его внѣшнемъ благочестіи, сколько о наклонности къ безпокойной и въ то же время непроизводительной для государства дѣятельности; отчего конечно страдали дѣла правительственныя, подвергавшіяся несмотрѣнію и задержкамъ. Нашлись конечно люди, которые замѣ-

тили въ настроеніи царя искры подозрительности и недовольства и постарались раздуть ихъ въ пламя. Извѣстная бесѣда съ нимъ Вассіана Топоркова въ Пѣсношскомъ монастырѣ служитъ нагляднымъ примѣромъ, въ какомъ духѣ и смыслѣ велись подобныя внушенія. Не было вѣроятно недостатка и въ такихъ льстецахъ, которые указывали на какіе-либо неважные промахи, и увѣряли, что когда царь начнетъ дѣйствовать только по собственному разумѣнію, то дѣла пойдутъ лучше и вся слава его царствованія будетъ принадлежать ему одному.

Наиболѣе важнымъ поводомъ къ разногласію между царемъ и его совѣтниками послужили отношенія крымскія и ливонскія. Извѣстно, что они въ 1559 г. совѣтовали воспользоваться упадкомъ Крымской орды и доконать этого злѣйшаго и непримиримаго врага Россіи; но царь оставилъ ее въ покоѣ и обратилъ свои силы на завоеваніе Ливоніи. Адашевъ въ это время, надобно полагать, вѣдалъ по преимуществу иноземныя сношенія, и мы видимъ его главнымъ довѣреннымъ царскимъ при переговорахъ съ Ливонскимъ орденомъ, предшествовавшихъ войнѣ. Но къ самой этой войнѣ повидимому не лежало сердце у Сильвестра и Адашева; особенно не одобряли они варварскаго образа нашихъ дѣйствій въ Ливоніи, т. е. ея опустошенія и разоренія, въ которомъ самое дѣятельное участіе принимали служилые татарскіе отряды; а первое наше нашествіе было произведено, какъ извѣстно, подъ главнымъ начальствомъ касимовскаго хана Шигъ-Алея; въ послѣдующихъ походахъ также являются иногда въ числѣ предводителей татарскіе царевичи крещеные и некрещеные (Тохтамышъ, Кайбула и др.). Вообще Іоаннъ показывалъ какъ бы особое сочувствіе къ своимъ служилымъ Татарамъ. Наоборотъ, лучшіе русскіе люди не питали къ нимъ расположенія и съ неудовольствіемъ смотрѣли на ихъ варварскій способъ веденія войны. Сильвестръ напоминалъ царю, что Ливонцы христіане, и грозилъ ему Божьимъ наказаніемъ за такое неистовое пролитіе христіанской крови. Но на сей разъ Іоаннъ не внималъ его увѣщаніямъ и показывалъ, что болѣе не пугается «дѣтскихъ страшилъ»; такъ самъ онъ называетъ обыкновеніе Сильвестра отвращать царя отъ какого-либо грѣшнаго дѣянія страхомъ Небесной кары.

Такимъ образомъ въ душѣ Іоанна постепенно накоплялась горечь противъ своихъ совѣтниковъ и руководителей, и только ихъ великое нравственное превосходство пока сдерживало его стремленіе къ ничѣмъ необузданному самовластію. Тринадцать лѣтъ согласія—это

большой срокъ для столь испорченной, деспотичной натуры, какова была Іоаннова. Но вотъ онъ подвинулся къ тридцатилѣтнему возрасту, т. е. къ періоду возмужалости, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ періоду полнаго развитія своихъ страстей, дотолѣ подавляемыхъ внутри себя, и потому вырвавшихся наружу съ особою силою, когда не стало подлѣ него смягчающаго и умиротворяющаго вліянія его любимой супруги.

Выше мы уже говорили о привычкѣ Іоанна слишкомъ часто скитаться по монастырямъ; причемъ онъ обыкновенно возилъ съ собою жену, дѣтей и многочисленную боярскую свиту. Поѣздки эти приходились иногда въ ненастное или холодное время и вредно отзывались на здоровьѣ его семьи; извѣстно, что жертвою одной изъ нихъ былъ его первый сынъ малютка Димитрій. Повидимому, такою же жертвою сдѣлалась и его супруга Анастасія Романовна. Однажды въ ноябрѣ мѣсяцѣ царь возвращался съ нею изъ Можайска въ такую распутицу, что по словамъ лѣтописца, «невозможно было ѣхать ни верхомъ, ни въ саняхъ». Въ этомъ путешествіи царица сильно занемогла, и долго хворала. А слѣдующимъ лѣтомъ 1560 года ея болѣзнь получила смертельный исходъ вслѣдствіе испуга, причиненнаго пожаромъ. 17 іюля загорѣлось на Арбатѣ; отсюда при сильномъ вѣтрѣ пожаръ распространился до самаго Кремля. Больная царица сильно перепугалась; царь отвезъ ее въ ближнее село Коломенское; потомъ самъ съ своими боярами усердно помогалъ тушить пожаръ, который то стихалъ, то возобновлялся въ теченіе нѣсколькихъ дней. Вслѣдъ затѣмъ, 7-го августа скончалась «первая московская царица», оставивъ послѣ себя двухъ малыхъ сыновей, Ивана и Ѳедора. Ее погребли по обычаю въ дѣвичьемъ Вознесенскомъ монастырѣ, при общей народной скорби. Царь предавался сильной горести. Уже во время Можайскаго путешествія произошла какая-то размолвка между царицею и царскими совѣтниками. А вскорѣ послѣ кончины Анастасіи мы находимъ ихъ удаленными отъ двора: Алексѣй Адашевъ является въ Ливоніи на воеводствѣ въ городѣ Феллинѣ; Сильвестръ же, видя явную царскую немилость къ себѣ, добровольно ушелъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Противники сихъ мужей, къ которымъ принадлежали и братья умершей царицы, спѣшили воспользоваться ихъ удаленіемъ и настроеніемъ Іоанна, и начали нашептывать ему, будто Сильвестръ и Адашевъ владѣли какими то чарами или колдовствомъ и будто они извели царицу. Какъ ни было нелѣпо такое обвине-

ніе, но государь какъ бы далъ ему вѣру и назначилъ надъ ними судъ изъ епископовъ и бояръ. Обвиненные, когда дошло до нихъ извѣстіе о томъ, просили позволенія лично явиться на судъ для очной ставки съ своими обвинителями; митрополитъ Макарій и нѣкоторые бояре поддерживали ихъ просьбу. Но всѣ противники бывшихъ любимцевъ сильно возстали противъ ихъ возвращенія; а нѣкоторые «ласкатели» и «лукавые мнихи» (по словамъ Курбскаго) прямо говорили царю, что присутствіе бывшихъ любимцевъ было бы для него опасно; что они вновь могли бы подвергнуть его дѣйствію своего чарованія: ибо все прежнее вліяніе ихъ теперь стали объяснять дѣйствіемъ колдовства или волхвованія. Такимъ образомъ обвиненные были судимы и осуждены заочно. Но царь какъ бы не рѣшался съ нихъ самихъ начать свои казни, и ограничился заточеніемъ: Сильвестръ былъ сосланъ въ далекую Соловецкую обитель; Алексѣй же Адашевъ изъ Феллина переведенъ подъ стражу въ Дерптъ, гдѣ вскорѣ заболѣлъ горячкою и умеръ. Враги его не упустили случая донести царю, будто Адашевъ себя отравилъ. (42).

Не смотря на выраженія сильной скорби о потерѣ любимой супруги, на щедро разсылаемыя поминки по ней какъ по русскимъ церквамъ, такъ въ Царьградъ, Іерусалимъ и на Аѳонскую гору, Іоаннъ въ дѣйствительности недолго предавался своей грусти, и почти вслѣдъ за кончиною Анастасіи началъ помышлять о вторичномъ бракѣ. Сначала онъ вознамѣрился заключить бракъ политическій: желая предупредить разрывъ съ Литвою за Ливонію, онъ рѣшился искать руки одной изъ двухъ сестеръ короля Сигизмунда Августа, и остановилъ свой выборъ на младшей Екатеринѣ какъ болѣе здоровой и красивой. Но сватовство это окончилось неудачею; король уклонился отъ родственнаго союза, именно въ виду близкой неизбѣжной войны, которая только одна могла рѣшить Ливонскій вопросъ. Тогда царь обратился къ одному изъ владѣтелей Пятигорскихъ Черкесъ, по имени Темгрюку, дочь котораго славилась своею красотою. Она прибыла въ Москву, здѣсь при крещеніи получила имя Маріи, и вступила въ бракъ съ Іоанномъ, въ августѣ 1561 года. Къ сожалѣнію красивая Черкешенка своими душевными качествами не была похожа на первую супругу царя; напротивъ, по извѣстію современниковъ, она какъ истая дочь Кавказа отличалась злонравіемъ и дикостію, а потому имѣла вредное вліяніе на Іоанна, поощряя его къ жестокости. Скоро охладѣвъ къ своей второй супругѣ, царь сталъ искать другихъ средствъ развлеченія и

предаваться необузданному разврату и пьянству въ кругу своихъ новыхъ любимцевъ. Между послѣдними наибольшее значеніе получили: Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Ѳедоромъ, князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта Скуратовъ Бѣльскій и Василій Грязной. Грубою лестью и усерднымъ угодничествомъ эти царедворцы вкрались въ довѣріе государя, и ловко направляли его гнѣвъ и опалу на людей противнаго имъ права и образа мыслей. Въ усыпленіи царской совѣсти на счетъ совершаемыхъ жестокостей имъ помогали нѣкоторые лукавые мнихи, о которыхъ упомянуто выше и между которыми на семъ поприщѣ въ особенности отличался чудовскій архимандритъ Левкій.

Казни бояръ и вообще знатныхъ людей начались вскорѣ послѣ кончины Анастасіи и удаленія совѣтниковъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, первыми жертвами оказались близкіе и пріятели Алексѣя Адашева. Казнены были: братъ его доблестный воевода Даніилъ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ и съ тестемъ Туровымъ, трое Сатиныхъ — шурья Алексѣя и еще нѣсколько его родственниковъ. Тогда же погибла семья его пріятельницы вдовы какого-то боярина, Маріи, родомъ польки, принявшей православіе и отличавшейся набожностію: ее обвинили въ замыслѣ извести царя колдовствомъ, и казнили вмѣстѣ съ пятью сыновьями. Въ послѣдующіе годы въ числѣ погибшихъ были: князья Димитрій Овчина-Оболенскій, племянникъ извѣстнаго любимца Елены, Михайло Рѣпнинъ и Димитрій Курлятевъ. Первый, если вѣрить одному современнику, при какомъ то столкновеніи съ молодымъ Басмановымъ, Ѳедоромъ, дерзнулъ упрекнуть его въ томъ, что онъ служитъ государю не полезными дѣлами, а гнусною содоміей; Рѣпнинъ погибъ за то, что бросилъ на землю и растопталъ ногами маску, которую царь хотѣлъ надѣть на него во время своего вечерняго разгула, когда пилъ и плясалъ съ новыми любимцами; а Курлятева умертвилъ со всѣмъ семействомъ потому, что былъ когда то другомъ Адашевыхъ. Нѣкоторые заслуженные бояре, за недостатокъ раболѣпія, подвергались тюрьмѣ и заточенію; въ ихъ числѣ герой казанской осады князь Михайло Воротынскій сосланъ съ семьей на Бѣлоозеро; а гроза Крымцевъ Иванъ Васильевичъ Большой Шереметевъ сначала мучился въ темницѣ; выпущенный на свободу, онъ потомъ укрылся въ обитель Кириллобѣлозерскую; но братъ его Никита не избѣгъ казни. Съ нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ бояръ взяты были клятвенныя поручныя записи въ томъ, что они будутъ

вѣрно служить царю и его сыновьямъ, Ивану и Өедору, и не отъѣдутъ ни въ Литву, ни въ иныя государства. Эти записи по преимуществу брались съ сыновей и внуковъ тѣхъ удѣльныхъ русскихъ князей, которые перешли въ Московское государство изъ Литовскаго, каковы: князья Василій Михайловичъ Глинскій, Иванъ Мстиславскій, Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, Александръ Ивановичъ Воротынскій. Если и вообще знатные бояре еще не думали отказываться отъ стариннаго права отъѣзда, тѣмъ болѣе притязали на это право ближніе потомки русско-литовскихъ удѣльныхъ князей, и повидимому не прочь были осуществить его въ виду наступившей эпохи казней и опалъ. По крайней мѣрѣ князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій въ данной имъ записи сознается, что онъ дѣйствительно думалъ бѣжать изъ Москвы, ссылался съ польскимъ королемъ Жигимонтомъ Августомъ и уже получилъ отъ него опасную грамоту. За Бѣльскаго дали поручную запись до 27 бояръ, которые обязались внести 10.000 рублей въ случаѣ его побѣга. Но, кромѣ этой поручной записи взята была еще другая подручная: подъ ней подписались болѣе 100 иныхъ бояръ и служилыхъ людей, которые ручались за первыхъ, т. е. обязывались въ случаѣ ихъ неустойки уплатить за нихъ 10.000 рублей. (Подобныя же поручныя и подручныя записи взяты съ Ивана Шереметева тоже въ 10.000 рубляхъ, а съ Александра Воротынскаго въ 15.000). (43).

Клятвенныя и поручныя записи о неотъѣздѣ въ Литву брались не безъ основанія. Ибо были дѣйствительные примѣры такихъ отъѣздовъ. Такъ казацкій вождь князь Димитрій Вишневецкій, прославившійся своими подвигами противъ Крымцевъ и перешедшій въ Московское государство, теперь не хотѣлъ болѣе служить тирану, и ушелъ опять въ Литву. Милостиво принятый Сигизмундомъ, онъ вскорѣ затѣялъ отчаянный походъ въ Молдавію, попалъ въ плѣнъ и былъ казненъ въ Константинополѣ. Тогда же ушли въ Литву двое Черкасскихъ, вѣроятно прибывшіе въ Москву вмѣстѣ съ Марьей Темрюковной, еще Владиміръ Заболоцкій и нѣкоторые другіе; съ ними бѣжали и многіе дѣти боярскіе, спасавшіеся отъ Іоаннова тиранства и еще недовольные тѣмъ, что царь дьякамъ своимъ оказывалъ болѣе расположенія, чѣмъ военнослужилымъ людямъ, и позволялъ притѣснять сихъ послѣднихъ. Чтобы поощрить московскихъ служилыхъ людей къ измѣнѣ своему сильному противнику, Сигизмундъ ласково принималъ въ литовскую службу перебѣжчиковъ и раздавалъ имъ имѣнья. А съ нѣкоторыми знатными боярами Литовское

правительство само входило въ тайныя сношенія и склоняло ихъ къ отъѣзду. Мы видѣли, что таковыя сношенія съ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ Бѣльскимъ были открыты и онъ, по ходатайству митрополита, епископовъ и бояръ, получилъ прощеніе. За то королю удалось переманить къ себѣ другого, болѣе извѣстнаго, боярина и воеводу, князя Андрея Михайловича Курбскаго, отличившагося въ битвахъ съ Крымцами и при взятіи Казани. Онъ принадлежалъ къ сторонникамъ и пріятелямъ Сильвестра и Адашева; а потому, несмотря на свои заслуги и бывшее личное расположеніе къ нему Іоанна, находился теперь подъ страхомъ опалы. Послѣ же одной неудачной битвы съ Литовцами (подъ Невелемъ въ 1562 г.) опасенія его усилились. Хотя Іоаннъ еще не оказывалъ ему явной немилости (можетъ быть потому, что, находясь тогда на пограничной службѣ, онъ легко могъ бѣжать), но Курбскій предвидѣлъ готовившуюся ему участь, и потому вступилъ въ тайные переговоры съ литовскими вельможами, гетманомъ Николаемъ Радивиломъ и подканцлеромъ Евстафіемъ Воловичемъ. Самъ король Сигизмундъ Августъ приглашалъ его и обѣщалъ ему свои милости. Сенаторы присягнули на исполненіи этихъ обѣщаній. Наконецъ, получивъ охранную или «опасную» королевскую грамоту, Курбскій рѣшился исполнить задуманное бѣгство. Онъ въ то время начальствовалъ въ Юрьевѣ Ливонскомъ; при немъ находились его жена и малолѣтній сынъ. Говорятъ, будто онъ спросилъ жену, желаетъ ли она видѣть его мертвымъ или разстаться съ нимъ навѣки; получивъ великодушный отвѣтъ, простился съ семьей и ночью незамѣтно покинулъ городъ. Въ сопровожденіи двѣнадцати преданныхъ слугъ онъ ускакалъ въ сосѣдній городъ Вольмаръ, занятый Литовцами. Это было въ апрѣлѣ 1564 года.

По прибытіи въ Литву Курбскій получилъ грамоту на Ковельскую волость, одно изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ королевскихъ имѣній, и кромѣ того староство Кревское въ воеводствѣ Виленскомъ. Очевидно король и литовскіе вельможи въ своей войнѣ съ Москвою ожидали важныхъ послѣдствій отъ измѣны Іоанну одного изъ самыхъ искусныхъ его воеводъ, и тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ Курбскимъ отъѣхало въ Литву большое количество служилыхъ людей, которые составили подъ его начальствомъ цѣлую значительную дружину. Съ этою дружиной онъ въ томъ же году принималъ участіе въ неудачномъ походѣ литовскаго войска на Полоцкъ. А зимою слѣдующаго (1565) года Курбскій, во главѣ 15.000 человѣкъ, ходилъ въ область Великолуцкую, сжегъ и разорилъ нѣсколько селъ и мо-

пастырей. Вообще, перешедши на литовскую службу, Курбскій старался побудить короля къ болѣе дѣятельному и энергичному образу дѣйствія противъ Москвы. Побуждаемый его совѣтами, король началъ посылать частыхъ гонцевъ къ крымскому хану Девлетъ-Гирею и поднимать его на Іоанна. Несмотря на веденные въ то время мирные переговоры съ Москвою, ханъ поддался внушеніямъ и осенью 1565 года сдѣлалъ внезапный набѣгъ на Рязанскую украйну, гдѣ тогда не было приготовлено войска для отпора Татарамъ. Бояринъ Алексѣй Басмановъ и сынъ его Ѳедоръ, извѣстный царскій любимецъ, случились на ту пору въ своихъ рязанскихъ помѣстьяхъ. Они поспѣшили въ Переяславль Рязанскій, начали исправлять его укрѣпленія, пришедшія въ ветхость, собрали изъ окрестностей сколько могли служилыхъ людей, и дали мужественный отпоръ Татарамъ, когда тѣ подступили къ городу. Пограбивъ беззащитныя села и набравъ полону, ханъ безъ особаго успѣха ушелъ назадъ. Всѣми подобными дѣйствіями противъ родной земли, Курбскій совершенно омрачилъ свою прежнюю славу и сдѣлался вполнѣ измѣнникомъ отечеству. Никакое тиранство, никакія обстоятельства и понятія того времени о боярскомъ правѣ отъѣзда не могутъ оправдать таковую измѣну. Любопытно то, что она не принесла ожидаемыхъ плодовъ для Литовской стороны; ни его близкое знаніе московскихъ дѣлъ и зловредные для Россіи совѣты непріятелю, ни его личные походы не дали королю особыхъ выгодъ въ войнѣ съ Москвою. Въ то же время и надежды Курбскаго, взамѣнъ утраченныхъ московскихъ помѣстій, найти почетное и хорошо обставленное существованіе въ Литвѣ также не оправдались. Онъ упустилъ изъ виду то, что жалованныя королевскія грамоты, при упадкѣ королевской власти, не обезпечивали полнаго и спокойнаго владѣнія имѣніями. Притомъ своею гордостію и горячностію онъ иногда самъ подавалъ поводъ къ столкновеніямъ, и вообще нажилъ себѣ много враговъ. Возникали разные споры съ сосѣдями относительно жалованныхъ ему земель и судебныя тяжбы, которыя не давали ему покою. Чтобы войти въ родственныя связи съ нѣкоторыми литовскими магнатами и найти въ нихъ поддержку себѣ, Курбскій вступилъ въ бракъ съ одною знатною и богатою вдовою (урожденною княжною Гольшанскою), имѣвшею уже взрослыхъ сыновей; но именно эти сыновья потомъ затѣяли съ нимъ новыя имущественныя тяжбы и ссоры, которыя окончательно отравили его существованіе.

Между тѣмъ отъѣздъ и измѣна Курбскаго произвели большое

впечатлѣніе на Ивана Васильевича. Это впечатлѣніе усилилось, когда отъѣхавшій бояринъ вступилъ съ царемъ въ письменную перебранку. Уже тотчасъ послѣ бѣгства изъ Юрьева Ливонскаго, по пріѣздѣ въ Вольмаръ, Курбскій отправилъ къ царю посланіе. Въ семъ посланіи онъ укоряетъ Іоанна въ жестокомъ избіеніи нѣкоторыхъ вѣрныхъ бояръ и воеводъ, въ насильственномъ пострижении другихъ; говоритъ о своихъ ранахъ и заслугахъ и претерпѣнныхъ имъ гоненіяхъ; оправдываетъ свой побѣгъ необходимостью; съ гордостію указываетъ на свое происхожденіе отъ князя Ѳеодора Ростиславича Смоленскаго и Ярославскаго; грозитъ царю встрѣчей на Страшномъ судѣ, и указываетъ на его недостойный образъ жизни вмѣстѣ съ распутными любимцами. Съ этимъ письмомъ Курбскій отправилъ своего вѣрнаго слугу Василія Шибанова. Русскіе воеводы, дѣйствовавшіе въ Ливоніи, схватили Шибанова и отправили въ Москву. Лѣтописное преданіе (не совсѣмъ достовѣрное) прибавляетъ, будто Шибановъ подалъ запечатанную грамоту самому государю на Красномъ крыльцѣ, сказавъ: «отъ господина моего, твоего изгнанника князя Андрея Михайловича Курбскаго»; царь вонзилъ въ его ногу острый посохъ свой; кровь лилась изъ раны; но Шибановъ стоялъ неподвижно, пока Іоаннъ, опершись на посохъ, слушалъ чтеніе письма. Знаемъ только то, что онъ велѣлъ подвергнуть слугу мучительнымъ пыткамъ, чтобы узнать подробности объ измѣнѣ и замыслахъ Курбскаго. Шибановъ разсказалъ, что̀ зналъ, но и во время мученій хвалилъ своего господина; повидимому, онъ былъ запытанъ до смерти.

Громкія укоризны, написанныя сильнымъ краснорѣчивымъ словомъ, задѣли за живое самолюбіе тирана. Онъ захотѣлъ отразить ихъ такимъ же письменнымъ словомъ, а вмѣстѣ блеснуть своею начитанностію и сочинительскимъ талантомъ. На письмо Курбскаго Іоаннъ написалъ обширный отвѣтъ, исполненный ссылками на Св. Писаніе, на основаніи которыхъ старается доказать божественное происхожденіе и неограниченность своей царской власти. Онъ неоднократно называетъ бѣглеца собакой, укоряетъ въ намѣреніи сдѣлаться ярославскимъ государемъ, въ трусости передъ царскимъ гнѣвомъ; стыдитъ его примѣромъ слуги Шибанова; глумится надъ его заслугами; съ горечью вспоминаетъ боярскія крамолы во время своего дѣтства, распространяется о коварномъ будто бы поведеніи бывшихъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева и отрицаетъ взводимую на него вину въ несправедливомъ избіеніи бояръ; обвиняетъ воеводъ

за неудачи въ Ливоніи и т. д. Курбскій въ свою очередь немедленно написалъ отвѣтъ на это, какъ онъ выразился, «широковѣщательное и многошумящее писаніе». Онъ глумится надъ безпорядочностію царскаго посланія, неумѣстно «нахватанными словесами» изъ Св. Писанія и укоряетъ его за то, что такъ нескладно, подобно баснямъ «неистовыхъ бабъ», пишетъ въ чужую землю, гдѣ есть люди, «въ риторскихъ и филисофскихъ ученіяхъ искусные». Неизвѣстно въ точности, дошелъ ли до царя этотъ краткій отвѣтъ Курбскаго. Переписку свою онъ возобновилъ впослѣдствіи (спустя лѣтъ четырнадцать). Чрезъ всю эту переписку царя съ отъѣхавшимъ бояриномъ проходятъ двѣ путеводныя идеи: Курбскій главнымъ образомъ отстаиваетъ древнее боярское право совѣта и проводитъ мысль, что государь, слушаясь не добрыхъ, а злыхъ совѣтниковъ, губитъ и себя и государство; а Иванъ Васильевичъ настаиваетъ на безграничномъ самовластіи, на правѣ жаловать и казнить бояръ по своему усмотрѣнію, безъ чего, по его мнѣнію, невозможно прочное существованіе государства. Кромѣ главной своей мысли, т. е. права бояръ на участіе въ царскихъ совѣтахъ, Курбскій защищаетъ старое право боярскаго отъѣзда, и вооружается противъ такъ называемыхъ проклятыхъ грамотъ или поручныхъ записей, говоря, что клятва при семъ недѣйствительна, такъ какъ вынуждена подъ страхомъ смерти. Укоряя Ивана Васильевича за избіеніе вѣрныхъ бояръ, онъ вспоминаетъ подобныя дѣянія его предковъ, и весь родъ Московскихъ великихъ князей называетъ «кровопійственнымъ». Несмотря на явное увлеченіе своею ненавистію къ тирану и нѣкоторыми натяжками въ оправданіи своей измѣны, все-таки Курбскій въ этой письменной полемикѣ обнаруживаетъ болѣе логики и вообще болѣе грамотной подготовки, нежели его вѣнценосный противникъ. При своемъ несомнѣнномъ авторскомъ талантѣ и значительной начитанности, Иванъ Васильевичъ нерѣдко впадаетъ въ явныя противорѣчія, страдаетъ темнотою и многословіемъ, часто приводитъ историческіе примѣры и тексты Св. Писанія некстати; поэтому доказательства его неубѣдительны, а изложеніе вообще запутанное и безпорядочное ([44]).

Около этого времени начались опалы и на членовъ самой царской семьи. Лѣтомъ 1563 года двоюродный братъ Ивана удѣльный князь старицкій Владиміръ Андреевичъ, вмѣстѣ съ матерью своею Евфросиньею, былъ обвиненъ въ какихъ то замыслахъ по доносу собственнаго своего дьяка Савлука Иванова, котораго онъ за что-то держалъ

въ тюрьмѣ. По ходатайству митрополита Макарія и епископовъ, царь простилъ Владиміра и Евфросинію; но ради предосторожности взялъ у него бояръ, дьяковъ и дѣтей боярскихъ къ себѣ, а къ нему назначилъ изъ собственныхъ бояръ, дьяковъ и стольниковъ. Княгиня же Евфросинія принуждена была постричься въ монахини съ именемъ Евдокіи, и отправилась въ Воскресенскій монастырь на Бѣлоозерѣ, гдѣ, по волѣ государя, она въ изобиліи снабжена была всякими припасами, утварью и прислугою; для ея «береженья», а вмѣстѣ конечно и для надзора за нею, были приставлены къ ней два государевыхъ чиновника съ подьячимъ. Не ограничиваясь этими мѣрами предосторожности, Іоаннъ вскорѣ взялъ у Владиміра Андреевича нѣкоторыя его волости, а ему въ замѣнъ далъ другія. Въ ноябрѣ слѣдующаго 1564 года скончался родной братъ Ивана IV, слабоумный и бездѣтный Юрій. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его супруга Юліанія постриглась въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, съ именемъ Александры. Царь назначилъ ей на ея пожизненное содержаніе нѣсколько городовъ съ волостями и селами, далъ ей приказныхъ и дворовыхъ людей и вообще обставилъ ея монастырскую жизнь всякимъ довольствомъ.

Около того же времени скончался престарѣлый митрополитъ Макарій (31 декабря 1564 года), болѣе двадцати лѣтъ съ честію занимавшій первосвятительскую каѳедру, мужъ ученый, оставившій послѣ себя большіе книжные труды. Онъ съ прискорбіемъ смотрѣлъ на перемѣну въ поведеніи Іоанна, и, если не имѣлъ охоты или мужества усовѣщевать тирана, за то часто докучалъ ему своими печалованіями объ опальныхъ. Передъ кончиною онъ, по обычаю той эпохи, написалъ прощальное посланіе, которое и было прочитано на его погребеніи; въ этомъ посланіи онъ исповѣдывалъ свою вѣру, давалъ благословеніе царю, царицѣ, царевичамъ, епископамъ, боярамъ и всему православному народу, и разрѣшалъ всѣхъ тѣхъ, которые передъ нимъ чѣмъ нибудь провинились. Когда въ февралѣ собрался въ Москвѣ соборъ русскихъ епископовъ для выбора новаго митрополита, царь предварительно поставилъ собору вопросъ о бѣломъ клобукѣ. Почему покойный митрополитъ носилъ черный клобукъ? спрашивалъ онъ: тогда какъ прежніе первопрестольники Петръ и Алексѣй, а также Леонтій, Игнатій, Исаія Ростовскіе изображаются въ бѣлыхъ клобукахъ, новгородскіе архіепископы тоже носятъ бѣлый клобукъ. Соборомъ рѣшено было, чтобы впредь митрополитъ носилъ бѣлый клобукъ и печаталъ свои грамоты краснымъ воскомъ;

на одной сторонѣ печати быть изображенію Богородицы съ Младенцемъ, а на другой имяпной митрополичьей подписи. Послѣ того соборъ, по волѣ государя, избралъ на митрополичій престолъ чудовскаго старца Аѳанасія, прежде бывшаго благовѣщенскаго протопопа и государева духовника Андрея. 5 марта на торжественномъ его поставленіи въ Успенскомъ храмѣ, когда онъ облачился и приведенъ былъ къ горнему святительскому мѣсту, царь подошелъ къ нему, сказалъ привѣтственное слово и вручилъ новопоставленному святительскій посохъ. Царевичи и епископы провозгласили ему многая лѣта. Потомъ митрополитъ благословилъ государя и держалъ къ нему отвѣтную рѣчь: почти буквальное повтореніе той сцены, которую мы видѣли около 70 лѣтъ назадъ, при поставленіи митрополита Симона; очевидно теперь это былъ уже священный обычай.

Измѣна Курбскаго, послѣдовавшія за нею наступательныя дѣйствія Литовцевъ и нападеніе Крымскаго хана во время мирныхъ переговоровъ—все это произвело чрезвычайное впечатлѣніе на подозрительнаго тирана; ему стали повсюду мерещиться бояре-измѣнники; онъ жаждалъ ихъ казней, но какъ бы боялся какихъ то помѣхъ, укоровъ и заступничества. Наконецъ, съ помощью Басманова и другихъ любимцевъ, онъ придумалъ нѣчто странное и нелѣпое: онъ придумалъ опричину.

Москвичи уже привыкли къ частымъ поѣздкамъ Іоанна то на богомолье по монастырямъ, то на «свои потѣхи», т. е. на охоту. Но его выѣздъ 3 декабря 1565 года не былъ похожъ на прежніе выѣзды; народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ снаряженъ былъ огромный обозъ изъ саней, которыя нагрузили всѣмъ царскимъ добромъ, дорогими иконами и крестами, золотою и серебряною посудою, платьемъ, денежною казною. Съ царемъ отправилась теперь большая толпа бояръ, дворянъ и приказныхъ людей; многимъ изъ нихъ онъ велѣлъ взять съ собою женъ и дѣтей; поѣздъ сопровождалъ значительный конный отрядъ боярскихъ дѣтей, не только московскихъ, но и вызванныхъ изъ дальнихъ городовъ. Отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, принявъ благословеніе отъ митрополита и простясь съ народомъ, Іоаннъ сѣлъ въ сани съ царицею и царевичами и отправился въ ближнее село Коломенское, гдѣ праздновалъ Николинъ день; но сдѣлалась оттепель съ дождями и распутица, которая задержала его здѣсь на двѣ недѣли. Когда рѣки снова стали, онъ поѣхалъ въ село Тайнинское; оттуда въ Троице-

Сергіевъ монастырь, а изъ Троицы въ Александровскую Слободу. Митрополитъ, пребывавшіе тогда въ Москвѣ нѣкоторые епископы, бояре и всѣ московскіе граждане оставались въ тяжелой неизвѣстности о томъ, что означалъ такой торжественный и вмѣстѣ таинственный царскій выѣздъ. Неизвѣстность продолжалась ровно мѣсяцъ. 3 января явился въ Москву дьякъ Константинъ Поливановъ съ товарищами, и вручилъ митрополиту царскую грамоту, обращенную къ духовенству и боярамъ. Въ этой грамотѣ написаны были «измѣны боярскія и воеводскія и всякихъ приказныхъ людей». Тиранъ повторялъ обычныя свои жалобы на то, что во время его малолѣтства бояре и приказные люди поступали своевольно, расхищали помѣстья, вотчины и кормленія, о государѣ же и государствѣ нерадѣли; отъ Крымцевъ, Литвы и Нѣмцевъ христіанство не обороняли. А затѣмъ, когда онъ хочетъ своихъ бояръ и служилыхъ людей наказать, епископы, игумены за одно съ боярами и дьяками стараются ихъ покрывать. Посему, «нехотя ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣти», царь и великій князь положилъ на нихъ свою опалу, оставилъ свое государство и поѣхалъ жить тамъ, гдѣ Богъ укажетъ. Но кромѣ этой грамоты Поливановъ привезъ другую, обращенную къ московскимъ гостямъ, купцамъ и простымъ людямъ. Ее прочли всенародно; въ ней хитрый тиранъ писалъ, что его опала и гнѣвъ ихъ не касаются.

Разсчетъ на сильное впечатлѣніе и разъединеніе сословій оказался вѣренъ. Опасаясь коварства и какой либо западни, бояре вмѣстѣ съ народомъ, завопили, что безъ государя имъ быть нельзя, какъ овцамъ безъ пастыря, и начали просить митрополита, чтобы онъ, епископы и весь освященный соборъ вмѣстѣ съ ними ѣхали къ государю бить челомъ и молить его о прощеніи и возвращеніи. «А измѣнниковъ и государевыхъ лиходѣевъ государь воленъ казнить и никто за нихъ стоять не будетъ» — прибавляли они. Немедленно отправились въ путь многочисленные челобитчики. Митрополитъ Аѳанасій остался оберегать столицу отъ безпорядковъ; такъ какъ всѣ дѣла остановились и приказы сдѣлались пусты. Вмѣсто себя онъ послалъ новгородскаго архіепископа Пимена и чудовскаго архимандрита Левкія. Поѣхали и другіе архіереи, Никандръ Ростовскій, Елевферій Суздальскій, Филофей Рязанскій, Матвѣй Крутицкій, а также архимандриты Троицкій, Спасскій, Андроньевскій. Князья Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій и Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій со многими боярами, окольничими, дворянами и приказными людьми

прямо изъ митрополичьихъ палатъ, не заѣзжая домой, поѣхали вслѣдъ за архіереями въ Александровскую Слободу.

Не вдругъ Іоаннъ допустилъ къ себѣ челобитчиковъ; только послѣ разныхъ переговоровъ сначала онъ принялъ епископовъ, а потомъ и боярамъ съ приказными людьми дозволилъ видѣть свои царскія очи. Не вдругъ онъ согласился сложить свою опалу; потребовалось много усиленныхъ просьбъ, пока Іоаннъ объявилъ, что, ради отца своего митрополита и богомольцевъ своихъ епископовъ, снова беретъ въ руки «свои государства», а на какихъ условіяхъ, о томъ прикажетъ особо отцу митрополиту. Часть бояръ онъ удержалъ при себѣ; остальныхъ съ приказными людьми отпустилъ, чтобы они по своимъ приказамъ вѣдали дѣла по прежнему. Всѣ казались ликующими и благодарили Бога за окончаніе общей опалы. Вскорѣ сдѣлались извѣстны и пресловутыя условія, на которыхъ лицемѣрный тиранъ отказывался отъ своего мнимаго намѣренія покинуть государство.

Въ началѣ февраля Іоаннъ торжественно воротился въ столицу. Говорятъ, всѣ видѣвшіе его въ это время были поражены рѣзкою перемѣною въ его наружности. Онъ былъ высокъ, статенъ, худощавъ, но крѣпко сложенъ, имѣлъ глаза небольшіе, сѣрые, но свѣтлые и острые; носъ прямой, длинный усъ, и вообще въ молодости своей отличался довольно пріятною наружностію. Теперь же, хотя ему было не болѣе 35 лѣтъ отъ роду, онъ уже смотрѣлъ сморщеннымъ, лысымъ старикомъ, съ мрачнымъ полупотухшимъ взоромъ. Явные признаки тѣхъ страховъ и опасеній и той жажды крови, которые постоянно терзали его душу. Онъ объявилъ, что вновь принимаетъ на себя бремя правленія съ тѣмъ, чтобы, во-первыхъ, ему вольно было казнить своихъ измѣнниковъ, класть на нихъ опалу, лишать имущества и жизни безъ докуки и печалованій со стороны духовенства; а во-вторыхъ, чтобы въ государствѣ учинить ему себѣ опричнину—слово не новое въ смыслѣ особаго имущества или владѣнія, но получившее теперь не бывалое и страшное значеніе. Въ эту свою опричнину Иванъ IV отдѣлилъ часть бояръ, приказныхъ, служилыхъ и дворовыхъ людей съ особо назначеннымъ для того «обиходомъ»; туда же онъ велѣлъ выбрать 1.000 человѣкъ изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, дворовыхъ и городовыхъ, и роздать имъ помѣстья въ тѣхъ городахъ и волостяхъ, которые назначены въ опричнину, а не принадлежавшихъ къ ней помѣщиковъ и вотчинниковъ перевести изъ этихъ мѣстъ въ иныя. Число отдѣлен-

ныхъ на содержаніе царскаго двора и опричины городовъ съ волостями простиралось свыше двадцати, а именно: Можайскъ, Вязьма, Козельскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Лихвинъ, Медынь, Суздаль, Шуя, Галичъ, Вологда, Юрьевецъ Повольскій, Балахна, Старая Руса, Устюгъ, Каргополь и нѣкоторые другіе. Въ самой Москвѣ отдѣлено было нѣсколько улицъ съ околотками и слободами, каковы: Чертольская, Арбатская, Сивцевъ Врагъ, часть Никитской и пр. Въ этихъ улицахъ поселены бояре, дворяне и приказные люди, принадлежавшіе къ опричинѣ, а непринадлежавшихъ къ ней перевели въ иныя улицы, на посадъ. Въ той же части города, именно за Неглинной на Воздвиженкѣ, царь велѣлъ строить для себя особый дворецъ и оградить его крѣпкою каменною стѣною. Все же остальное Московское государство или такъ наз. «земщину» онъ поручилъ вѣдать боярамъ земскимъ (собственно боярской думѣ), во главѣ которыхъ поставилъ князей Бѣльскаго и Мстиславскаго. Разумѣется, о всякихъ важныхъ дѣлахъ земскіе бояре должны были докладывать государю. Странныя распоряженія сіи Іоаннъ завершилъ ограбленіемъ земской казны: онъ велѣлъ взыскать изъ Земскаго приказа сто тысячъ рублей «за свой подъемъ», т. е. за свое послѣднее путешествіе съ огромнымъ обозомъ въ Александровскую Слободу и обратно.

Имущества всѣхъ опальныхъ и осужденныхъ на смерть отнынѣ должны были отбираться на государя. Всѣ эти распоряженія исполнены были безпрекословно, какъ ни странны они казались Русскому народу. Но воля государя въ его глазахъ имѣла священный характеръ. Отдѣляясь отъ народа и окружая себя преданными, надежными тѣлохранителями, очевидно робкій тиранъ прежде всего думалъ оградить свою личную безопасность, за которую болѣе всего страшился. А затѣмъ онъ думалъ уже безъ всякой помѣхи предаться утоленію своей безумной ненависти къ вліятельному въ народѣ и гордому своими знатными предками боярскому сословію, многіе члены котораго были виновны въ своей дерзости передъ государемъ во время его малолѣтства и потомъ въ своихъ притязаніяхъ на право совѣта и отъѣзда.

Началась вторая вереница казней и опалъ. Въ числѣ первыхъ казненныхъ теперь былъ доблестный князь Александръ Горбатый Шуйскій, потомокъ удѣльныхъ князей Суздальскихъ, отличившійся во время Казанской осады; его казнили вмѣстѣ съ молодымъ сыномъ Петромъ. Современникъ разсказываетъ, что сынъ первый на-

клонилъ голову; но отецъ отвелъ его и сказалъ, что не хочетъ видѣть его мертвымъ. Юноша, уступивъ ему первый чередъ, взялъ въ руки отрубленную голову отца, поцѣловалъ ее, и затѣмъ положилъ на плаху свою собственную. Въ ту же эпоху казнены: Петръ Ховринъ, окольничій Петръ Головинъ, князья Петръ Горенскій-Оболенскій, Иванъ Сухово-Кашинъ и Димитрій Шовыревъ. (Послѣдній былъ посаженъ на колъ, на которомъ мучился цѣлый день, пока испустилъ духъ). Князья Иванъ Куракинъ и Димитрій Нѣмаго насильно пострижены въ монахи. Съ князей и бояръ Василія Серебрянаго, Ивана Охлябинина, Ивана Яковлева, Льва Салтыкова, а также съ Очина Плещеева взяты клятвенныя грамоты о вѣрной службѣ съ денежными поручительствами. Князь же Михаилъ Воротынскій возвращенъ изъ ссылки; при чемъ съ него взята запись съ двойнымъ поручительствомъ въ 15.000 рубляхъ. Въ записи этой онъ клялся не отъѣхать ни къ Литовскому королю, ни къ Турскому султану или Крымскому хану, или къ Ногаямъ, ни къ князю Владиміру Андреевичу! Въ то же время многіе дворяне и дѣти боярскіе также были заподозрѣны въ измѣнническихъ замыслахъ, подверглись опалѣ, лишены своего имущества и частію сосланы въ новопріобрѣтенную Казань.

Изъ имущества казненныхъ и опальныхъ царь обыкновенно раздавалъ награды своимъ опричникамъ, число которыхъ не ограничилось одною тысячью, а впослѣдствіи доведено было до 6.000. Они набирались изъ молодыхъ людей, принадлежавшихъ къ сословію дворянъ и дѣтей боярскихъ, и должны были отличаться удалью, отчаянною готовностью на все по царскому приказу. Они давали особую клятву на вѣрную службу съ обязанностію знать только одного государя, ради него забыть объ отцѣ и матери, доносить ему на измѣнниковъ и не водить хлѣба соли съ людьми земскими. Одѣляя ихъ дорогими конями, одеждами, оружіемъ, царь придумалъ для нихъ еще особое отличіе: прикрѣпленныя къ сѣдламъ собачьи головы и мётла, въ знакъ того, что они грызутъ и метутъ царскихъ недоброжелателей. Чтобы крѣпко привязать ихъ къ себѣ, тиранъ сквозь пальцы смотрѣлъ на ихъ проступки; при столкновеніи съ земскими людьми опричники всегда выходили изъ суда правыми; ибо судьи не смѣли ихъ обвинять. Понятно, что, почувствовавъ свою безнаказанность, они скоро сдѣлались бичемъ для мирныхъ гражданъ, обижали ихъ, грабили и нарочно заводили съ ними тяжбы, чтобы взыскивать съ нихъ денежныя пени. Но чѣмъ болѣе ста-

новились они ненавистны народу, и чѣмъ болѣе отъ него отдѣлялись, тѣмъ болѣе Іоаннъ разсчитывалъ на ихъ преданность къ себѣ и вѣрность. Самая Москва казалась ему не безопаснымъ мѣстопребываніемъ, и онъ сталъ большею частію проживать съ своими опричниками въ любимой имъ Александровской Слободѣ, расположенной посреди глухихъ Клязьменскихъ лѣсовъ, которую онъ обратилъ въ хорошо обстроенный городъ, огороженный каменною зубчатою стѣною съ башнями. Кругомъ стояли крѣпкія заставы съ военною стражею, которая никого не пропускала безъ царскаго разрѣшенія; почему жители стали вмѣсто Слободы называть ее Неволею. Соединяя въ себѣ кровожадность вмѣстѣ съ лицемѣрною набожностію—какъ это обыкновенно бываетъ у робкихъ тирановъ,—Іоаннъ не только прилежалъ къ церковной службѣ, но и простеръ свою набожность до того, что, если вѣрить современникамъ, по наружности обратилъ свой дворецъ въ монастырь, выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ братіи, себя назвалъ игуменомъ, князя Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ или пономаремъ, и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на разсвѣтѣ звонить къ заутренѣ. Во время церковной службы онъ принималъ участіе въ пѣніи и чтеніи, а молился въ землю такъ усердно, что на лбу у него оставались знаки поклоновъ. Во время братской трапезы самъ совершалъ вслухъ душеспасительное чтеніе. Но всѣ эти наружно-благочестивыя занятія не мѣшали конечно самозванной братіи ежедневно вдоволь и вкусно ѣсть и пить, носить шитые золотомъ и опушенные соболемъ кафтаны подъ черными рясами и предаваться разнымъ безчинствамъ. Самъ Іоаннъ, посреди однообразія сей мнимомонастырской жизни, развлекалъ себя пытками и казнями многочисленныхъ жертвъ своей свирѣпости. А на ночь заставлялъ усыплять себя сказками, для чего держалъ особыхъ слѣпцовъ-сказочниковъ. Онъ не покидалъ также своей привычки къ частымъ разъѣздамъ по областямъ для надзора за крѣпостями или на богомолье и на охоту (особенно любилъ медвѣжью травлю), а иногда являлся и въ столицу, гдѣ казни принимали тогда ужасающій характеръ. Хотя онъ и поручилъ управленіе государствомъ земскимъ боярамъ; но въ дѣйствительности они ничего не дѣлали безъ его воли. ([45]).

Такъ называемая нѣкоторыми писателями борьба Іоанна съ боярскимъ сословіемъ въ сущности никакой дѣйствительной борьбы не представляетъ; ибо мы не видимъ никакого серьезнаго противодѣйствія неограниченному произволу тирана со стороны сего сосло-

вія. Очевидно самодержавная власть въ Московскомъ государствѣ была уже на столько сильна и такъ глубоко вкоренилась въ нравы и воззрѣнія народа, что наиболѣе строптивымъ боярамъ не на кого было опереться, если бы они вздумали оказать какое-либо неповиновеніе. Имъ оставалось только орудіе слабыхъ и угнетенныхъ— тайная крамола, и жестокія казни Ивана IV являлись бы до нѣкоторой степени понятными, если бы доказано было существованіе какой либо опасной для московскаго самодержавія боярской крамолы. Но таковой при Иванѣ IV мы не видимъ. Нельзя же назвать опасною въ этомъ смыслѣ крамолою попытки нѣкоторыхъ бояръ бѣгствомъ въ Литву спасти свою жизнь отъ кровожаднаго тирана или мстить ему за причиненныя обиды и насилія. Хотя въ послѣднемъ случаѣ такія попытки несомнѣнно имѣютъ характеръ государственной измѣны; но подобныя явленія встрѣчались во всѣ времена и во всѣхъ государствахъ, и не могутъ быть названы борьбою какого либо сословія противъ государственнаго строя. Въ Москвѣ было одно только сословіе, которое могло оказать нѣкоторое противодѣйствіе кровожадному самодурству Ивана IV, хотя бы только однимъ своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Мы говоримъ о высшемъ духовенствѣ. И какъ ни было оно въ свою очередь зависимо отъ царской власти и угнетено тираномъ, оно все таки выставило изъ среды себя достойнаго борца. Но любопытно, что этотъ человѣкъ вышелъ не изъ другого какого сословія, а именно изъ боярскаго. Слѣдовательно, только чрезъ духовный авторитетъ сіе сословіе могло тогда проявить какой либо открытый протестъ противъ тирана.

Митрополитъ Аѳанасій занималъ первосвятительскую каѳедру съ небольшимъ два года. Устрашенный вѣроятно ужасами опричины и не имѣя силы характера противостоять имъ, онъ отказался отъ своего сана и удалился въ Чудовъ монастырь. Выборъ Іоанна остановился было на Германѣ, архіепископѣ Казанскомъ; но когда сей послѣдній, еще до своего поставленія, вздумалъ поучать царя и напоминать ему о Страшномъ судѣ, любимцы стали внушать Іоанну, что въ семъ митрополитѣ онъ найдетъ второго Сильвестра, и убѣдили его отстранить Германа отъ митрополичьей каѳедры. Посему нѣсколько удивительнымъ является то, что Іоаннъ пожелалъ возвести на эту каѳедру такого мужа какъ соловецкій игуменъ Филиппъ.

Въ міру Ѳеодоръ, Филиппъ принадлежалъ къ боярскому роду

Колычовыхъ, одному изъ родовъ, происшедшихъ отъ извѣстнаго Андрея Кобылы наравнѣ съ Захарьиными—Юрьевыми, Шереметевыми и др. Переходъ его отъ мірской суеты къ иноческимъ подвигамъ въ общихъ чертахъ напоминаетъ исторію подобныхъ подвижниковъ прежняго времени. Въ молодости своей Ѳедоръ Колычовъ нѣкоторое время находился при великокняжемъ дворѣ, и здѣсь узналъ его Іоаннъ, тогда еще малолѣтній. Это было въ послѣдній годъ правленія Елены, когда вслѣдствіе придворныхъ крамолъ и переворотовъ семья Колычовыхъ подверглась гоненію. Житіе Филиппа разсказываетъ, что, однажды услыхавъ на литургіи слова Спасителя «никто же можетъ двѣма господинома работати», молодой бояринъ рѣшился на всегда покинуть міръ, и тайкомъ ушелъ изъ столицы. Послѣ разныхъ странствій, онъ явился въ Соловецкую обитель, и, никѣмъ незнаемый, принялъ на себя суровое послушаніе: рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ землю, работалъ на мельницѣ и на рыбной ловлѣ. Постриженный въ иноки, съ именемъ Филиппа, и усердствуя къ церковной службѣ, онъ продолжалъ также дѣятельно работать то въ монастырской кузницѣ, то въ хлѣбнѣ и т. п. Еще при жизни престарѣлаго игумена Алексѣя, Филиппъ былъ уже избранъ его преемникомъ. Послѣ его смерти, вступивъ въ управленіе монастыремъ, Филиппъ вполнѣ проявилъ свои замѣчательныя хозяйственныя способности. Онъ умножилъ и улучшилъ соляныя варницы, служившія главнымъ источникомъ монастырскихъ доходовъ; устроилъ мельницу, проведеніемъ каналовъ соединилъ многія озера и осушилъ болотистыя мѣста для сѣнокосовъ; на одномъ изъ острововъ построилъ скотный дворъ, развелъ рогатый скотъ и оленей, изъ шкуры которыхъ стали выдѣлывать мѣха и кожи. Не однажды Филиппъ по дѣламъ своего монастыря посѣтилъ Москву и Новгородъ, къ епархіи котораго принадлежала Соловецкая обитель, и выхлопоталъ для нея разныя жалованныя грамоты. Вообще, бѣдная дотолѣ, обитель сія при немъ пришла въ довольно цвѣтущее состояніе: онъ не давалъ времени для праздности и лѣни, а заставлялъ всѣхъ трудиться. Монастырь украсился новыми и притомъ каменными храмами. Слава его благочестія и строительныхъ подвиговъ распространилась до царскаго двора. Въ 1566 году Іоаннъ вызвалъ его въ Москву и объявилъ ему свое желаніе видѣть его на каѳедрѣ митрополичьей. Филиппъ колебался принять сей высокій санъ при трудныхъ обстоятельствахъ того времени, и указалъ на опричину, какъ на великое зло, отъ котораго страдаетъ Русская земля. Іоаннъ разгнѣвался;

однако настоялъ на своемъ. Мало того, принимая митрополію, Филиппъ особой грамотой обязался: «Въ опричину и въ царскій домовый обиходъ не вступаться и митрополіи изъ за опричины не оставлять, и совѣтоваться съ царемъ какъ прежніе митрополиты совѣтовались съ его отцомъ и дѣдомъ». Послѣ того, съ обычнымъ торжествомъ, въ Успенскомъ соборѣ Филиппъ былъ поставленъ на митрополичью каѳедру освященнымъ соборомъ русскихъ архіереевъ, 25 іюля 1566 года.

Настало какъ бы затишье, которое продолжалось болѣе года; не слышно было о свирѣпыхъ дѣяніяхъ Іоанна и его опричниковъ. Но вотъ Польскій король и литовскіе вельможи подослали съ какимъ-то гонцомъ Козловымъ грамоты къ нѣкоторымъ московскимъ боярамъ, именно къ князьямъ Бѣльскому, Мстиславскому, Воротынскому и конюшему Челяднину, склоняя ихъ перейти на литовскую службу.

Грамоты эти попали въ руки Іоанна, и онъ велѣлъ отъ имени бояръ написать ругательные отвѣты королю. Тѣмъ не менѣе сіе обстоятельство подало поводъ къ новымъ и страшнымъ казнямъ. Тогда погибли конюшій бояринъ Челяднинъ, три князя Ростовскихъ, Петръ Щенятевъ, Турунтай Пронскій и многіе другіе, обвиненные въ какихъ-то заговорахъ. Казни эти сопровождались иногда глумленіемъ и разными утонченными жестокостями, на которыя Іоаннъ былъ очень изобрѣтателенъ. Такъ разсказываютъ, будто престарѣлаго Челяднина онъ сначала посадилъ на тронъ и, снявъ шапку, привѣтствовалъ его царемъ земли Русской, а потомъ, собственноручно ударивъ его ножемъ въ грудь, велѣлъ докончить его опричникамъ и бросить псамъ на съѣденіе. Во время этихъ казней остервенѣлые опричники такъ опьянѣли отъ крови, что съ ножами и топорами бѣгали по Москвѣ, отыскивая участниковъ мнимаго заговора; убивали ихъ всенародно и трупы бросали на улицахъ и площадяхъ, гдѣ они долго лежали непогребенными; такъ какъ ужасъ обуялъ гражданъ и они не только не смѣли хоронить погибшихъ, но и сами боялись выходить изъ своихъ домовъ.

При такихъ-то мрачныхъ обстоятельствахъ поднялъ свой голосъ митрополитъ Филиппъ. Сначала онъ пытался скромно печаловаться объ опальныхъ и усовѣщевать Іоанна поучительными бесѣдами наединѣ. Но подобныя попытки оказались безуспѣшны. Притомъ тиранъ уже измѣнилъ свое расположеніе къ нему подъ вліяніемъ разныхъ нашептываній со стороны своихъ любимцевъ, всегда опасавшихся появленія при дворѣ новаго Сильвестра. Среди самаго духовенства нашлись

недоброжелатели митрополита, старавшіеся вооружить противъ него царя, каковыми были особенно новгородскій архіепископъ Пименъ, самъ мѣтившій на архипастырскую каѳедру, и царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора Евстафій, котораго митрополитъ за какую-то вину подвергъ эпитиміи. Видя безполезность тайныхъ увѣщаній, крѣпкій духомъ Филиппъ дерзнулъ на явныя, всенародныя обличенія. Въ Успенскомъ соборѣ послѣ богослуженія царь, окруженный своими опричниками, обыкновенно подходилъ къ митрополиту за благословеніемъ. Филиппъ то дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ царя, то прямо отказывалъ ему въ благословеніи. При семъ завязывались между ними горячія рѣчи, въ родѣ слѣдующихъ:

Филиппъ. «Отъ вѣка не слыхано, чтобы благочестивые цари волновали свою державу, и при твоихъ предкахъ не бывало того, что ты творишь; у самихъ язычниковъ не происходило ничего такого».

Іоаннъ. «Что тебѣ, чернецу, за дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Развѣ ты не знаешь, что ближніе мои встали на меня и хотятъ меня поглотить? Одно тебѣ говорю, отче святый, молчи и благослови насъ».

Филиппъ. «Я пастырь стада Христова. Наше молчаніе умножаетъ грѣхи твоей души и можетъ причинить ей смерть».

Іоаннъ. «Филиппъ! Не прекословь державѣ нашей, да не постигнетъ тебя мой гнѣвъ, или сложи свой санъ».

Филиппъ. «Не употреблялъ я ни просьбъ, ни ходатаевъ, ни подкупа, чтобы получить сей санъ. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни? Если каноны для тебя ничего не значатъ, твори свою волю».

Или:

Филиппъ: «Здѣсь мы приносимъ Богу безкровную жертву за спасеніе міра, а за алтаремъ безвинно проливается кровь христіанская. Ты самъ просишь прощенія предъ Богомъ; прощай же и другихъ, согрѣшающихъ передъ тобой».

Іоаннъ. «О, Филиппъ, нашу ли волю думаешь измѣнить? Лучше было бы тебѣ быть единомысленнымъ съ нами».

Филиппъ. «Тогда суетна была бы вѣра наша, напрасны и заповѣди Божіи о добродѣтеляхъ. Не о невинно преданныхъ смерти скорблю, они мученики. О тебѣ скорблю, о твоемъ спасеніи пекусь».

Іоаннъ. «Ты противишься нашей державѣ; посмотримъ на твою твердость».

Филиппъ. «Я пришлецъ на землѣ, и за истину благочестія готовъ потерпѣть и лишеніе сана и всякія муки».

Митрополитъ укорялъ царя и за то, что онъ одѣвалъ своихъ опричниковъ въ черныя одежды съ татарскими тафьями на головѣ, и самъ съ ними въ такой же одеждѣ являлся въ храмъ Божій. Однажды во время крестнаго хода, увидавъ опричника въ тафьѣ, онъ обратился къ государю и сказалъ, что Слово Божіе должно слушать съ непокрытою головою, а покрывать ее это агарянскій обычай. Іоаннъ обратился и ничего не замѣтилъ, такъ какъ опричникъ успѣлъ снять тафью. Приближенные увѣрили его, что митрополитъ осмѣливается въ глаза ему говорить неправду. Въ гнѣвѣ Іоаннъ тогда назвалъ его лжецомъ и мятежникомъ. Какъ бы на зло увѣщаніямъ архипастыря, поведеніе Іоанна въ это время было въ особенности омерзительно. Онъ ѣздилъ съ своею сатанинскою дружиною по окрестностямъ Москвы, жегъ усадьбы опальныхъ бояръ и убивалъ даже ихъ скотъ. Мало того, не довольствуясь обычными забавами, сопровождавшимися пьянствомъ, шутовствомъ и развратомъ, однажды ночью онъ послалъ толпу своихъ кромѣшниковъ въ дома тѣхъ бояръ, чиновниковъ и купцовъ, жены которыхъ извѣстны были своей красотой. Несчастныя женщины забраны силою и приведены къ Іоанну; однѣхъ онъ выбралъ для себя, а другихъ роздалъ своимъ приближеннымъ. Спустя нѣсколько дней, ихъ развезли обратно по домамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ женъ не выдержали позора и наложили на себя руки.

Рѣшивъ низложить архипастыря, Іоаннъ хотѣлъ придать сему насилію видъ справедливаго наказанія, постановленнаго по приговору освященнаго собора. Сначала отправили нѣсколько духовныхъ и свѣтскихъ лицъ въ Соловки для производства слѣдствія о жизни и дѣятельности тамъ Филиппа. Слѣдователи угрозами и обѣщаніями склонили игумена Паисія и нѣкоторыхъ малодушныхъ старцевъ къ разнымъ лжесвидѣтельствамъ. Съ этими клеветами явились они передъ духовнымъ соборомъ, который былъ созванъ царемъ для суда надъ митрополитомъ. Призванный къ отвѣту, Филиппъ не считалъ нужнымъ оправдываться передъ взведенными на него обвиненіями и говорилъ съ достоинствомъ, приличнымъ его сану, прибавивъ, что онъ не боится умереть. Созванный соборъ не осмѣлился вступиться за своего архипастыря и раболѣпствовалъ передъ тираномъ. 8 ноября 1569 года, во время богослуженія въ Успенскомъ храмѣ, явился Басмановъ съ толпою опричниковъ и велѣлъ всенародно прочесть соборный приговоръ о низложеніи митрополита. Затѣмъ опричники бросились на Филиппа, би-

ли его, сорвали съ него святительское облаченіе, одѣли въ худую монашескую рясу, и, посадивъ на крестьянскія розвальни, отвезли въ Богоявленскій монастырь. Послѣ нѣсколькихъ недѣль тяжкаго темничнаго заключенія, опасаясь народа, который смотрѣлъ на Филиппа какъ на святого мученика и толпою собирался передъ его темницей, Іоаннъ сослалъ его въ Тверской Отрочъ монастырь (гдѣ въ слѣдующемъ году его постигла мученическая кончина). Такъ этотъ достойный представитель вмѣстѣ и боярскаго, и духовнаго сословія палъ въ неравной борьбѣ съ полоумнымъ тираномъ, отстаивая свое архипастырское право печалованія, увѣщанія и поученія.

Вмѣстѣ съ Филиппомъ подвергся гоненію и весь родъ Колычовыхъ; нѣкоторые его родственники были казнены по приказу Іоанна. Вслѣдъ за тѣмъ настала очередь и того, съ кѣмъ этотъ родъ былъ связанъ давнею пріязнію: насталъ чередъ двоюроднаго брата царскаго Владиміра Андреевича. Можно пожалуй удивляться тому, что тиранъ такъ долго щадилъ князя, на котораго многіе бояре указывали какъ на царскаго преемника еще во время извѣстной Іанновой болѣзни. Царь очевидно считалъ его опаснымъ для себя соперникомъ и принималъ противъ него разныя мѣры предосторожности: нѣсколько разъ бралъ съ него клятвенныя записи вѣрно служить не только самому Іоанну, но и его сыновьямъ; не разъ мѣнялъ у него не только бояръ и слугъ, но и самые города и волости, составлявшіе его удѣлъ. Повидимому Владиміръ своимъ поведеніемъ не подавалъ повода къ опалѣ. Рѣшивъ погубить его, Іоаннъ прибѣгъ къ обычному средству: къ обвиненію въ небывалыхъ заговорахъ. Онъ послалъ звать Владиміра съ семьей къ себѣ въ Александровскую Слободу. Недоѣзжая нѣсколькихъ верстъ, несчастный князь былъ остановленъ въ одномъ селѣ; сюда явился царь съ полкомъ опричниковъ и началъ судить Владиміра за то, что тотъ будто-бы подкупалъ царскаго повара отравить государя. Конечно тщетными остались всѣ оправданія и мольбы. Осужденный на смерть, несчастный князь, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, долженъ былъ выпить чашу съ ядомъ. Вмѣстѣ съ нимъ погибла его супруга Евдокія, большая часть его дѣтей, а также находившіеся при нихъ боярыни и слуги. Мать Владиміра, инокиня Евдокія, была потомъ по приказу тирана утоплена въ Шекснѣ. Такой-же участи подверглась и его невѣстка, вдова брата его Юрія, инокиня Александра.

Всѣ эти отдѣльныя казни на сей разъ были только прологомъ къ дѣянію еще болѣе ужасному и неслыханному: къ избіеніямъ рус-

скихъ гражданъ цѣлыми толпами и къ такому варварскому разгрому нѣсколькихъ русскихъ городовъ, который мало чѣмъ разнился отъ татарскихъ нашествій.

Не смотря на удары, нанесенные Иваномъ III и Василіемъ III древнимъ вѣчевымъ городамъ, Новгороду и Пскову, эти города продолжали еще пользоваться нѣкоторымъ благосостояніемъ, благодаря торговому, промышленному духу своего населенія, и конечно сохраняли еще многіе старые обычаи вмѣстѣ съ преданіями о своей минувшей славѣ и вольности. Иванъ IV съ ненавистью смотрѣлъ на такія преданія и обычаи, несогласные съ тѣмъ раболѣпіемъ, которое онъ хотѣлъ видѣть повсюду въ своемъ государствѣ. Онъ началъ съ того, что повторилъ отцовскіе и дѣдовскіе «выводы». Въ 1569 году, по его приказу, было вновь выведено въ Москву изъ Новгорода полтораста, а изъ Пскова пятьсотъ семей. Затѣмъ, какъ бы по заранѣе составленному плану, въ Москву явился изъ Новгорода какой-то бродяга, Петръ Волынецъ, и донесъ царю, что архіепископъ Пименъ съ лучшими людьми умыслилъ передать городъ Польскому королю, о чемъ будто бы написали грамоту и спрятали ее въ Софійскомъ соборѣ за иконою Богородицы. Посланный съ Петромъ довѣренный человѣкъ нашелъ измѣнную грамоту въ указанномъ мѣстѣ. По всѣмъ признакамъ, эта грамота была подложная; но она была нужна тирану, какъ предлогъ къ задуманному погрому.

Въ декабрѣ 1570 года Іоаннъ выступилъ изъ Александровской Слободы съ дружиною опричниковъ, съ отрядомъ стрѣльцовъ и другими ратными людьми. Разгромъ начался съ Тверской области, которая подобно Новгородско-Псковской, конечно еще помнила о своей недавней самобытности. Первые избіенія и грабежи жителей совершены въ Клину, и отсюда уже продолжались непрерывно. Въ самой Твери опричники свирѣпствовали съ особою силою, убивали людей, грабили имущество и жгли чего не могли унести съ собою. Въ это то время Іоаннъ послалъ Малюту Скуратова въ Отрочъ монастырь подъ предлогомъ взять благословеніе у бывшаго митрополита Филиппа. Что произошло между ними въ точности неизвѣстно; но когда Малюта вышелъ изъ митрополичьей келліи, то объявилъ игумену и братіи, что старецъ умеръ отъ угара: говорятъ, злодѣй задушилъ его подушкою («возглавіемъ»). Той же участи какъ Тверь подверглись Торжокъ, Вышній Волочекъ и другія мѣста, лежавшія по пути; при чемъ опричники также избивали сидѣвшихъ по крѣпостямъ

крымскихъ и ливонскихъ плѣнниковъ. 2 января передовые воинскіе отряды съ боярами и дѣтьми боярскими подошли къ Новгороду. Часть ихъ учинила вокругъ него крѣпкія заставы, чтобы ни единый человѣкъ не могъ ускользнуть изъ города. Другую часть войска бояре расположили по окрестнымъ монастырямъ; при чемъ всѣ монастырскія и церковныя казнохранилища опечатали, а потомъ собрали игумновъ и монастырскихъ старцевъ, числомъ до 500, и поставили ихъ въ Новгородѣ на правежъ. Въ тоже время третья часть дружины опечатала въ самомъ городѣ подцерковныя кладовыя съ хранившимся въ нихъ имуществомъ, а также кладовыя палаты подъ домами именитыхъ гражданъ, и приставила стражу. Приходскихъ поповъ и дьяконовъ также поставили на правежъ, приказавъ выбивать съ нихъ палками по 20 рублей какъ и съ монаховъ; гостей, торговыхъ и приказныхъ людей схватили, заковали и роздали приставамъ; а семьи ихъ велѣно содержать подъ стражею въ собственныхъ домахъ.

6 января прибылъ самъ царь съ старшимъ сыномъ Иваномъ, со многими князьями и боярами и съ главными силами. Онъ расположился на старомъ княжескомъ дворѣ или такъ называемомъ Городищѣ, за двѣ версты отъ Торговой стороны. Первымъ безумнымъ его распоряженіемъ было: поставленныхъ на правежъ игумновъ и монастырскихъ старцевъ забить палками до смерти и развезти по монастырямъ для погребенія. Затѣмъ 8 числа въ Воскресенье съ своимъ сатанинскимъ воинствомъ онъ отправился къ обѣднѣ въ каѳедральный Софійскій храмъ. Архіепископъ Пименъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ и съ иконами встрѣтилъ государя у конца великаго Волховскаго моста, и хотѣлъ по обычаю осѣнить его крестомъ; но Іоаннъ не пошелъ ко кресту, назвалъ владыку измѣнникомъ, волкомъ и хищникомъ, и велѣлъ ему идти служить обѣдню. Послѣ обѣдни Іоаннъ съ сыномъ и боярами вошелъ въ архіепископскую столовую палату и сѣлъ за трапезу. Тутъ посреди обѣда онъ вдругъ «возопилъ гласомъ веліимъ съ яростію къ своимъ княземъ и бояромъ, по обычаю ясакомъ царскимъ» (вполнѣ уподобляясь какому-либо дикому татарскому хану). По этому ясаку или приказу тотчасъ начался неистовый грабежъ архіепископскихъ палатъ, клѣтей и всего двора; при чемъ самъ владыка, его бояре и слуги были взяты и отданы подъ стражу. Мало того, грабежъ распространился и на самые храмы: изъ Св. Софіи были взяты «ризная казна», дорогіе сосуды, корсунскія иконы и колокола;

точно также церковная казна, иконы, дорогая утварь и колокола отбирались по всѣмъ церквамъ и монастырямъ Великаго Новгорода. Захваченныхъ владычныхъ бояръ и другихъ именитыхъ гражданъ тиранъ приказывалъ въ собственномъ присутствіи на Городищѣ подвергать разнымъ мукамъ, чтобы вынудить отъ нихъ деньги и желаемыя признанія; особенно излюбленнымъ способомъ пытки была у него мука огненная или такъ наз. поджаръ. Такихъ поджаренныхъ людей потомъ привязывали къ санямъ, волокли на Великій мостъ и бросали въ Волховъ. Тутъ же на мосту было устроено какое-то возвышенное мѣсто, откуда свергали въ рѣку, также связанныхъ вмѣстѣ, женъ и дѣтей несчастныхъ мучениковъ. Въ это время дѣти боярскіе и другіе ратные люди на лодкахъ разъѣзжали вокругъ моста съ рогатинами, баграми и топорами; они пронзали или разсѣкали тѣхъ, которые всплывали на поверхность воды, чтобы никто изъ нихъ не могъ спастись отъ ужасной смерти. Такія избіенія совершались въ теченіе пяти недѣль. Если вѣрить Новгородскому лѣтописцу, были дни, когда число погибшихъ простиралось до тысячи и даже до полутора тысячъ; когда же они не превышали пяти или шестисотъ, то за этотъ день надобно было уже благодарить Бога. Слѣдующую затѣмъ шестую недѣлю своего пребыванія здѣсь Иванъ Васильевичъ употребилъ на то, чтобы съ своимъ воинствомъ ѣздить вокругъ города, грабить монастыри, жечь хлѣбные скирды и убивать скотъ; а въ самомъ городѣ грабить товары и разорять до основанія лавки, опустошать въ домахъ бояръ и купцовъ подклѣти, выбивать окна и ворота. Въ тоже время большіе военные отряды разосланы были во всѣ четыре стороны въ Новгородскія пятины по волостямъ и станамъ, верстъ за 200 и за 300 отъ Новгорода, чтобы разорять боярскія помѣстья и усадьбы, расхищая имущество и побивая скотъ.

Наконецъ кровожадность тирана пресытилась. На второй недѣлѣ великаго поста, въ понедѣльникъ, государь велѣлъ поставить передъ собою съ каждой улицы по человѣку изъ оставшихся въ живыхъ. «Дряхлые и унылые, отчаявшіеся живота своего, стояли они какъ мертвые», по выраженію Новгородскаго лѣтописца. «Государь воззрѣвъ на нихъ кроткимъ, милостивымъ окомъ, глаголалъ имъ свое царское слово». Это слово состояло въ порученіи молиться о его царскомъ благочестивомъ державствѣ, о его чадахъ и всемъ христолюбивомъ воинствѣ, о томъ чтобы Богъ даровалъ ему побѣду и одолѣніе на враговъ, а проли-

тая кровь пусть взыщется на измѣнникѣ Пименѣ и его злыхъ единомысленникахъ. Послѣ того Иванъ Васильевичъ, оставивъ въ Новгородѣ правителемъ и воеводою князя Петра Даниловича Пронскаго, со всѣми полками своими выступилъ во Псковъ; а владыку Пимена и бывшихъ на правежѣ поповъ и дьяконовъ и еще не избитыхъ опальныхъ новгородцевъ, вмѣстѣ съ награбленными богатствами, подъ крѣпкою охраною отправилъ частію въ Москву, частію въ Александровскую Слободу. Трудно сказать, какое побужденіе наиболѣе руководило дѣйствіями тирана при описанномъ разгромѣ Великаго Новгорода: неукротимая кровожадность и злоба на бывшую вѣчевую общину или ненасытное корыстолюбіе и зависть къ богатствамъ этого древняго торговаго города? Трудно также съ точностью опредѣлить число избитыхъ имъ новгородцевъ, по разнымъ извѣстіямъ оно различно; во всякомъ случаѣ едва ли оно было менѣе 30.000 душъ обоего пола! Ударъ, нанесенный благосостоянію города Иваномъ III, не можетъ идти въ сравненіи съ погромомъ его внука. Отъ сего послѣдняго Великій Новгородъ потомъ никогда не могъ оправиться, и тѣмъ болѣе что за этою казнію послѣдовалъ неизбѣжный голодъ и моръ, такъ что Новгородъ значительно запустѣлъ. Какое страшное впечатлѣніе оставилъ здѣсь погромъ Грознаго, можно отчасти судить по слѣдующему случаю. Года два спустя (25 мая 1572 г.), много народу стояло за обѣдней въ каменномъ храмѣ Параскевы Пятницы на Торговой сторонѣ, на Ярославлѣ Дворищѣ. Когда кончалась литургія, какъ-то громко и неожиданно зазвонили въ колокола, и этотъ звонъ произвелъ паническій ужасъ. Весь народъ, мужчины и женщины, тѣсня и толкая другъ друга, бросился опрометью изъ церкви, побѣжалъ въ разныя стороны, куда глаза глядятъ, и распространилъ переполохъ по всему городу; купцы покидали свои лавки незатворенными, а товары свои отдавали первому встрѣчному. Только къ вечеру граждане опомнились и пришли въ себя.

Пскову Иванъ Васильевичъ готовилъ участь Новгорода. Но судьба пощадила его, хотя и не вполнѣ. Спасеніе его лѣтописи объясняютъ разными причинами. Уже великій звонъ, раздавшійся посреди ночи и призывавшій къ заутренѣ, умилилъ Іоанна, остановившагося въ загородномъ Никольскомъ монастырѣ на Любятовѣ. На слѣдующій день онъ вступилъ въ городъ. Тутъ, по совѣту своего намѣстника и воеводы князя Юрія Токмакова, псковичи при въѣздѣ Ивана Васильевича встрѣтили его каждый передъ своимъ домомъ

съ накрытыми столами и хлѣбомъ-солью, стоя на колѣняхъ со всѣми своими семьями. Эти знаки преданности и покорности тронули даже Іоанна. Можетъ быть, тиранъ былъ уже пресыщенъ страшными новгородскими избіеніями и на сей разъ оказался доступнѣе другимъ чувствамъ сравнительно съ жаждою крови. Встрѣченный духовенствомъ съ печерскимъ игуменомъ Корниліемъ во главѣ, онъ отслушалъ молебенъ въ Троицкомъ соборѣ, и поклонился гробу Всеволода Гавріила; при чемъ съ любопытствомъ осмотрѣлъ его тяжелый мечъ. А затѣмъ выѣхалъ изъ города и расположился въ предмѣстьи. Во время короткаго пребыванія своего здѣсь онъ ограничился немногими казнями псковичей и грабежомъ ихъ имущества; такъ онъ отобралъ на себя изъ монастырей казну, наиболѣе дорогую утварь, т. е. иконы, кресты, пелены, сосуды, книги, и колокола. Опричникамъ своимъ онъ позволилъ грабить самыхъ зажиточныхъ гражданъ, только священниковъ и монаховъ запретилъ трогать. Преданіе прибавляетъ, что псковскій блаженный человѣкъ Никола, прозваніемъ Салосъ (юродивый), когда царь посѣтилъ его келлію, будто бы сталъ угощать его кускомъ сырого мяса; при чемъ укорялъ его въ кровожадности и предсказывалъ ему самому большое бѣдствіе, если онъ посягнетъ на городъ Псковъ. Тиранъ сначала не обратилъ большого вниманія на его слова; но когда онъ велѣлъ снять колоколъ съ Троицкаго собора, тотчасъ палъ его лучшій конь, согласно съ предсказаніемъ блаженнаго; тогда царь ужаснулся и вскорѣ уѣхалъ изъ Пскова.

Погромомъ Новгорода дѣло о мнимой новгородской измѣнѣ однако не кончилось. Начались усердные розыски о единомышленникахъ Пимена въ самой Москвѣ. Помощію жестокихъ пытокъ у разныхъ сановныхъ лицъ, обвиненныхъ въ измѣнѣ, вымучены были признанія объ ихъ намѣреніи отдать Новгородъ и Псковъ Литвѣ, извести царя и посадить на престолъ князя Владиміра Андреевича — обвиненія, сами говорящія за себя явною своею нелѣпостію. Тѣмъ не менѣе всѣ обвиненные осуждены были на казнь, вмѣстѣ съ остаткомъ опальныхъ новгородцевъ. Къ общему удивленію, въ числѣ ихъ на сей разъ явились трое главныхъ любимцевъ Ивана Васильевича, именно оба Басмановы, отецъ съ сыномъ, и князь Аѳанасій Вяземскій, который будто бы предувѣдомилъ новгородцевъ о царской на нихъ опалѣ. За ними слѣдовали заслуженные государственные люди, каковы: печатникъ Иванъ Михайловъ Висковатый, казначей Фуниковъ, бояринъ Яковлевъ и нѣкоторые изъ дьяковъ.

Въ концѣ іюля 1570 года столица оцѣпенѣла отъ ужаса при видѣ цѣлой вереницы разставленныхъ на главной площади висѣлицъ и зажженнаго костра съ висящимъ надъ нимъ огромнымъ котломъ. Самъ царь, окруженный толпою опричниковъ, распоряжался казнями. Видя пустую площадь, онъ разослалъ своихъ кромѣшниковъ сгонять попрятавшійся народъ, который вскорѣ и наполнилъ мѣсто казни. Сія послѣдняя совершалась съ нѣкоторыми обрядами и обычаями государственнаго правосудія. Такъ предварительно думный дьякъ прочелъ имена осужденныхъ и ихъ вины. Первыми казнены Висковатый и Фуниковъ. Современныя извѣстія передаютъ при семъ разныя возмутительныя подробности. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ палачи-опричники кололи, рубили, вѣшали и обливали кипяткомъ несчастныхъ. Іоаннъ собственноручно принималъ участіе въ этомъ адскомъ дѣяніи. Умерщвлено было около двухъ сотъ человѣкъ. Конецъ сего дѣянія опричники привѣтствовали татарскимъ крикомъ гойда! гойда! Среди казненныхъ на площади не было ни Вяземскаго, умершаго подъ пытками, ни Алексѣя Басманова, который, какъ говорятъ, по приказу тирана умерщвленъ былъ собственнымъ своимъ сыномъ Ѳедоромъ; что однако не избавило послѣдняго отъ казни. Тиранъ не ограничился однако мужами; послѣ того онъ свирѣпствовалъ надъ женами, дѣтьми и домочадцами казненныхъ своихъ сановниковъ. Имѣніе ихъ было отобрано на государя. Нѣкоторые обвиненные были впрочемъ помилованы отъ смерти и частію разосланы въ заточеніе. Въ числѣ ихъ находился и бывшій новгородскій архіепископъ Пименъ, сосланный въ одинъ изъ тульскихъ монастырей, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

Казни послѣ того возобновлялись время отъ времени. Въ ту зиму между прочими жертвами Іоанновой кровожадности погибли славный воевода князь Петръ Семеновичъ Серебряный, думный дьякъ Захарій Очинъ-Плещеевъ, Иванъ Воронцовъ, сынъ Ѳедора, бывшаго любимцемъ Іоанна во время его юности, и многіе другіе, истребляемые иногда не только со своими семьями, но и со всѣми родственниками. Тиранъ не просто казнилъ, а съ свойственною ему изобрѣтательностію придумывалъ для сего разные болѣе или менѣе мучительные способы, какъ-то: раскаленныя сковороды, пылающія печи, желѣзные клещи, острые когти, тонкія веревки, перетирающія тѣло, и т. п. Мало того, иногда въ своихъ казняхъ Иванъ Васильевичъ отличался особаго рода юморомъ или глумленіемъ. Напримѣръ, одного боярина (Козаринова-Голохвастова), принявшаго схиму въ

надеждѣ избѣжать смерти, онъ велѣлъ взорвать на бочкѣ пороха, говоря, что схимники суть ангелы и должны летѣть прямо на небо. Въ самыхъ своихъ забавахъ тиранъ постоянно проявлялъ кровожадность. Такъ любимою его шуткою было внезапно выпускать голодныхъ медвѣдей на мирную толпу гражданъ и отъ души смѣяться ихъ испугу и увѣчьямъ. Иногда кого либо изъ осужденныхъ на казнь онъ приказывалъ зашивать въ медвѣжью шкуру и затравливать собаками. (Такою казнію, говорятъ, впослѣдствіи погибъ бывшій чудовской архимандритъ, преемникъ Пимена на новгородской каѳедрѣ, архіепископъ Леонидъ). Самые шуты, въ большомъ числѣ окружавшіе его, иногда собственною жизнію платили за какую нибудь неудачную остроту (какъ это разсказываютъ, напримѣръ, объ одномъ изъ нихъ, князѣ Осипѣ Гвоздевѣ, котораго Іоаннъ закололъ собственноручно, а потомъ спохватился, и тщетно просилъ доктора иноземца исцѣлить своего вѣрнаго слугу). Къ довершенію совершаемыхъ Иваномъ ужасовъ, Московское государство страдало въ это время отъ сильныхъ неурожаевъ, такъ что дороговизна была страшная, и многіе гибли отъ голода; а слѣдствіемъ голода и часто неестественной пищи явилась прилипчивая смертоносная болѣзнь, противъ которой учреждены были конныя заставы, съ приказомъ хватать торговцевъ, ѣдущихъ безъ письменнаго вида, и жечь ихъ вмѣстѣ съ лошадьми и товарами (47).

Къ печальному внутреннему положенію Россіи присоединились внѣшнія бѣдствія и жестокія пораженія отъ сосѣдей.

Ведя войны съ сосѣдями за Ливонію, Московскій царь одновременно съ тѣмъ долженъ былъ постоянно раздѣлять свои силы для обороны южныхъ предѣловъ отъ Крымскихъ татаръ. Теперь онъ могъ наглядно убѣдиться въ томъ, какъ правы были Адашевъ и его сторонники, которые совѣтовали покончить прежде съ сими послѣдними или по крайней мѣрѣ надолго ихъ обезсилить. Крымскій ханъ по прежнему являлся то союзникомъ Россіи противъ Польши, то союзникомъ Польши противъ Россіи, смотря по тому, кто успѣвалъ склонить его на сторону болѣе щедрыми дарами. Поэтому разбойничья Орда обыкновенно по очереди дѣлала набѣги то на Польсколитовскія, то на Московскія украйны. Посолъ Іоанна, умный Аѳанасій Нагой, долго пребывалъ въ Крыму, иногда терпѣлъ разныя невзгоды и хлопоталъ о томъ, чтобы склонить Девлетъ-Гирея къ заключенію прочнаго мира; главнымъ же образомъ онъ ловко

вывѣдывалъ тамъ разныя вѣсти, и увѣдомлялъ о нихъ царя. Такъ отъ него вовремя узнавали въ Москвѣ о сношеніяхъ ногайскихъ князей и казанскихъ инородцевъ съ Крымомъ, а также о замыслахъ турецкаго султана. Уже знаменитый султанъ Солиманъ не хотѣлъ помириться съ русскимъ владычествомъ въ Казани и Астрахани, и намѣренъ былъ послать войско для обратнаго завоеванія нижней Волги. Но крымскій ханъ, и безъ того тяготившійся своею зависимостію отъ Константинополя, опасался подпасть еще большей зависимости, а потому подъ разными предлогами отговаривалъ султана отъ этого похода. Солиманъ вскорѣ умеръ. Но его преемникъ Селимъ рѣшилъ привести въ исполненіе планъ отца. Весною 1569 года въ Кафу приплылъ значительный турецкій отрядъ, который подъ начальствомъ кафинскаго паши Касима долженъ былъ идти Дономъ до Переволоки, тутъ прокопать каналъ, соединяющій Донъ съ Волгою, чтобы провести по немъ суда съ пушками, и затѣмъ идти подъ Астрахань. Крымскому хану приказано было сопровождать Турокъ съ 50,000 своихъ Татаръ. Турки и Татары пошли степью; а суда съ пушками поплыли Дономъ подъ прикрытіемъ 500 янычаръ. Въ числѣ гребцовъ, сидѣвшихъ на этихъ судахъ или такъ наз. «каторгахъ», находился московскій человѣкъ Семенъ Мальцевъ, посланный гонцомъ къ Ногаямъ и захваченный въ плѣнъ. Онъ то послѣ разсказывалъ объ этомъ походѣ. Турки шли Дономъ цѣлыхъ пять недѣль, и подъ великимъ страхомъ нападенія отъ московскихъ ратныхъ людей или отъ казаковъ. Въ половинѣ августа они достигли Переволоки и стали копать каналъ, но скоро убѣдились въ чрезвычайной трудности сего предпріятія. Между ними начался ропотъ, а крымскій ханъ совѣтовалъ Касиму воротиться назадъ. Бросивъ работу, паша двинулся къ Астрахани и думалъ зимовать подъ нею. Испуганные приближавшеюся зимою и недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, Турки подняли бунтъ. Къ тому же пришли вѣсти о приближеніи русскихъ воеводъ съ большимъ войскомъ. Тогда Касимъ снялся съ лагеря, и вмѣстѣ съ Девлетъ-Гиреемъ ушелъ назадъ. Такъ счастливо для Москвы окончилось это турецкое предпріятіе, грозившее ей большими бѣдами. Однако султанъ все еще не думалъ отказаться отъ Казани и Астрахани, несмотря на московскихъ пословъ, отправляемыхъ въ Константинополь хлопотать о мирѣ (Новосильцевъ и Кузьминскій). Селимъ гнѣвался еще и за то, что Иванъ IV посылалъ ратныхъ людей своему тестю черкесскому князю Темгрюку на помощь противъ его кабардинскихъ сосѣдей; мало того, что-

бы имѣть здѣсь опорный пунктъ, царь велѣлъ поставить русскій городъ на Терекѣ.

Русскіе станичники (пограничная стража) дали знать, что лѣтомъ 1570 года крымскій ханъ готовится сдѣлать вторженіе въ Россію съ огромными силами. Московскіе воеводы все лѣто сторожили по берегамъ Оки; но ханъ не являлся. Бдительность вслѣдствіе того ослабѣла, и воеводы стали менѣе довѣрять тревожнымъ слухамъ. А между тѣмъ дѣйствительно ханъ собралъ болѣе 100,000 конниковъ, и весною 1571 года внезапно ворвался въ Московское государство. Нашлись измѣнники между нѣкоторыми дѣтьми боярскими, ожесточенными противъ тирана; они перебѣжали къ хану, и разсказали ему о томъ, что большая часть русскаго войска находится въ Ливоніи, что въ Московской землѣ множество людей погибло отъ голода и морового повѣтрія. Тѣ же измѣнники вмѣстѣ съ нѣкоторыми новокрещенными и бѣжавшими отъ насъ Татарами провели Крымцевъ черезъ Оку такъ, что воеводы неуспѣли помѣшать переправѣ. Вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ самъ царь съ своею опричиною выѣхалъ къ войску на Оку. Онъ находился въ Серпуховѣ, когда узналъ о переправѣ Татаръ, которые отрѣзали его отъ главнаго войска. Тогда онъ поспѣшно бѣжалъ въ Александровскую Слободу, а оттуда въ Ростовъ, оставивъ Москву на произволъ судьбы. Однако Бѣльскій, Мстиславскій и другіе воеводы успѣли съ береговъ Оки прибыть къ Москвѣ, и заняли ея посады, готовясь оборонять столицу. На слѣдующій день, 24 мая, въ праздникъ Вознесенія, явились Татары и подожгли окраины города. Гонимый сильнымъ вѣтромъ, огонь началъ свирѣпствовать съ страшною силою, и въ нѣсколько часовъ обратилъ въ пепелъ большую часть посадовъ. При семъ множество народа, собравшагося въ городъ изъ окрестныхъ мѣстъ, погибло въ пламени или задохлось отъ дыму. Самъ главный воевода Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій задохся у себя на дворѣ въ каменномъ погребѣ. Москва рѣка до того наполнилась трупами, что нѣкоторое время не могла ихъ пронести внизъ по теченію. Ханъ однако не рѣшился осаждать уцѣлѣвшій Московскій Кремль, и, услыхавъ о приближеніи другой русской рати, ушелъ назадъ, уводя громадный полонъ (говорятъ, до 150,000). Послѣ того ханъ тотчасъ возвысилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ Москвою, хвалился своимъ торжествомъ и высокомѣрно требовалъ возвращенія Казани и Астрахани. Іоаннъ наоборотъ понизилъ тонъ, сталъ посылать хану челобитныя грамоты и согла-

шался даже отдать ему Астрахань; Аѳанасію Нагому онъ поручилъ обѣщать такіе поминки, какіе получалъ Магметъ-Гирей, да еще прибавить къ нимъ и то, что посылалъ Польскій король. Однако Девлетъ-Гирей не поддался на эти обѣщанія, понимая, что Иванъ хочетъ выиграть время. Поэтому лѣтомъ слѣдующаго 1572 года онъ снова нагрянулъ со стотысячною ордою, и опять успѣлъ переправиться черезъ Оку. Но воевода Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, стоявшій съ русскимъ сторожевымъ войскомъ у Серпухова, погнался за Татарами и настигъ ихъ на берегу Лопасни, не доходя верстъ 50 до столицы. Тутъ въ нѣсколькихъ неудачныхъ схваткахъ ханъ потерялъ много людей; послѣ чего повернулъ назадъ и поспѣшно ушелъ. Вмѣсто прежняго требованія Казани и Астрахани, ханъ теперь мирился на одной Астрахани; но Іоаннъ тоже вновь перемѣнилъ тонъ и не соглашался уже ни на какую уступку ([48]).

Какъ ни велико было бѣдствіе, произведенное погромомъ Москвы отъ Девлетъ-Гирея, но оно только на короткое время прервало заботу Ивана Васильевича объ отысканіи себѣ третьей супруги, а своему старшему сыну Ивану первой. Царица Марья Темгрюковна скончалась въ 1569 году, и ея смерть тиранъ не преминулъ приписать тайной отравѣ отъ своихъ воображаемыхъ недруговъ. Болѣе 2.000 знатныхъ и незнатныхъ дѣвицъ было собрано въ Александровскую Слободу. Изъ нихъ царь выбралъ для себя Марѳу, дочь новгородскаго купца Василія Собакина, а для царевича Ивана Ивановича Евдокію Богдановну Сабурову. Незнатные отцы этихъ избранницъ немедленно получили боярскій санъ; другіе родственники Марѳы возведены кто въ окольничіе, кто въ кравчіе. Но во время приготовленій къ свадьбѣ царская невѣста занемогла. Тѣмъ не менѣе обѣ свадьбы одна за другою были отпразднованы съ обычными обрядами и церемоніями; а спустя двѣ недѣли послѣ вѣнца, царица Марѳа скончалась. Неизвѣстно въ точности, была ли она жертвою зависти и придворныхъ козней или естественной болѣзни; но подозрительный тиранъ отнесъ ея кончину злонамѣренной порчѣ. Онъ заодно началъ разыскивать между боярами и виновниковъ ея смерти, и измѣнниковъ, приведшихъ Крымскаго хана на Москву. Мучительства и казни оживились съ новою силою. Въ эту эпоху погибли между прочими: братъ бывшей царицы Маріи Михаилъ Темгрюковичъ, Иванъ и Василій Яковлевы, Замятня—Сабуровъ, Левъ Салтыковъ и др. Недовольствуясь упомянутыми выше изысканными способами казней, тиранъ нѣкоторыхъ осужденныхъ имъ истреблялъ

еще тонкимъ ядомъ, умерщвляющимъ въ назначенный заранѣе срокъ; его для сей цѣли приготовлялъ придворный врачъ, Елисей Бомелій. Этотъ Бомелій, по происхожденію Голландецъ, получившій образованіе въ англійскомъ Кембриджскомъ университетѣ, старался втереться въ довѣренность царя и угождать его дикимъ порывамъ. Отъ такого яда погибли тогда: бывшій царскій любимецъ Григорій Грязной, князь Иванъ Гвоздевъ-Ростовскій и пр. А не далѣе какъ на слѣдующій годъ, послѣ отраженія Крымскаго хана на берегу Лопасни, самъ побѣдитель его, знаменитый воевода Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, также палъ жертвою свирѣпости тирана, для котораго слава и заслуги отечеству были только лишнимъ поводомъ къ подозрѣніямъ и зависти. Если справедливо извѣстіе Курбскаго, то собственный холопъ обвинилъ Воротынскаго въ замыслѣ извести царя посредствомъ колдовства. Какъ ни нелѣпо подобное обвиненіе (м. б. внушенное самимъ тираномъ), но его было достаточно для того, чтобы доблестнаго воеводу пытали огнемъ и потомъ едва дышащаго послали въ заточеніе, такъ что онъ скончался на пути. Тогда же погибли князь Никита Романовичъ Одоевскій и бояринъ Михаилъ Морозовъ, немного послѣ князь Куракинъ и родственники покойной царицы Мареы, дядя Григорій и братъ Каллистъ, и многіе другіе.

Между тѣмъ, потерявъ третью свою супругу, Иванъ Васильевичъ почти немедленно (въ томъ же 1572 году) вступилъ въ новый бракъ, четвертый! Выборъ его палъ на дѣвицу Анну Алексѣевну Колтовскую. Но такъ какъ сей четвертый бракъ по правиламъ церкви былъ незаконный, то царь обратился къ духовенству; онъ созвалъ въ Москвѣ соборъ епископовъ и написалъ ему смиренное посланіе, моля утвердить его новый бракъ, а предыдущій не считать за дѣйствительный, ибо Мареа только по имени была царицею и преставилась дѣвою. Соборъ не посмѣлъ противорѣчить, и утвердилъ бракъ, возложивъ на государя легкую эпитимію. При семъ, чтобы предупредить соблазнъ для народа, соборъ подъ страшной церковной клятвой запретилъ всякому иному вступать въ четвертый бракъ. За смертію митрополита (Кирилла) на этомъ соборѣ предсѣдательствовалъ угодникъ тирана, новгородскій архіепископъ Леонидъ. Тотъ же соборъ избралъ новаго митрополита, именно Антонія, бывшаго архіепископа Полоцкаго. Около трехъ лѣтъ прожилъ Иванъ Васильевичъ съ четвертой супругой; наскучивъ ею, любострастный тиранъ заключилъ ее въ монастырь (гдѣ она прожила до 1626 года); а себѣ взялъ въ сожительницы Анну Васильчикову;

вскорѣ она умерла, и тиранъ на ея мѣсто взялъ нѣкоторую вдову Василису Мелентьеву. Наконецъ, въ 1580 году, царь вздумалъ торжественно вступить въ пятый бракъ. Въ это время онъ женилъ второго сына своего Өеодора, для котораго изъ собранныхъ красавицъ выбралъ Ирину Өедоровну, сестру своего новаго любимца Бориса Годунова; сей послѣдній происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, въ XIV вѣкѣ выѣхавшаго изъ Орды въ Москву. Затѣмъ царь для себя избралъ Марію, дочь Өедора Нагого. Обѣ свадьбы были отпразднованы съ обычными обрядами. На сей разъ Иванъ Васильевичъ уже не счелъ нужнымъ обращаться къ духовнымъ властямъ за церковнымъ разрѣшеніемъ; а ограничился тѣмъ, что послѣ своего пятаго брака нѣкоторое время только исповѣдывался, но не пріобщался.

Въ правительственныхъ дѣлахъ самодурство Ивана Васильевича особенно высказалось слѣдующимъ его поступкомъ. Продолжая игру въ земщину и опричину и какъ бы не довѣряя старымъ земскимъ боярамъ, царь вздумалъ во главѣ земщины поставить особаго государя, и притомъ человѣка не русскаго, а татарскаго происхожденія. Въ Касимовскомъ ханствѣ извѣстному Шигъ-Алею (умершему въ 1567 году) наслѣдовалъ его дальній родственникъ Саинъ-Булатъ, сынъ татарскаго царевича Бекъ-Булата. Сей служилый касимовскій ханъ принималъ съ своими Татарами такое же дѣятельное участіе въ походахъ и войнахъ Ивана Васильевича какъ и предшественикъ его Шигъ-Алей. Въ 1573 году онъ принялъ христіанство съ именемъ Симеона; тогда вмѣсто Касимова царь далъ ему въ кормленіе Тверь, съ титуломъ великаго князя Тверского. Этого то крещенаго татарина, Симеона Бекбулатовича, Иванъ Васильевичъ вдругъ (около 1575 года) посадилъ государемъ на Москвѣ, даже вѣнчалъ его царскимъ вѣнцомъ и окружилъ пышнымъ дворомъ; а себя сталъ именовать только Иваномъ Московскимъ, поселился на Петровкѣ, ѣздилъ къ Симеону на поклонъ какъ бы простой бояринъ, писалъ ему разныя челобитныя, величая его «великимъ княземъ всея Руси», себя же и своихъ сыновей называя уменьшительными именами, Иванцомъ и Өедорцомъ. Отъ имени Симеона писались и нѣкоторыя правительственныя грамоты (впрочемъ, неважныя по содержанію). Такое чудачество съ Симеономъ Бекбулатовичемъ продолжалась около двухъ лѣтъ. Хотя раздѣленіе на опричину и земщину не было отмѣнено при жизни Ивана Васильевича; но въ послѣднюю эпоху его царствованія названія «опричнина» и «опричникъ»

постепенно вышли изъ употребленія, замѣняясь названіемъ **дворъ** и **дворовый**.

На ряду съ тиранствомъ и самодурствомъ Ивана IV, видимъ у него черты замѣчательной подозрительности, трусости и малодушія. Окруживъ себя преданною, надежною дружиною опричниковъ или тѣлохранителей, онъ далеко не считалъ себя въ безопасности и постоянно опасался боярскихъ замысловъ и козней, направленныхъ будто бы къ сверженію его съ престола. На сей случай онъ заранѣе искалъ себѣ вѣрнаго убѣжища, съ своей семьей и своими сокровищами; а потому не только строилъ для себя каменныя укрѣпленныя палаты въ Вологдѣ, но и устремилъ свое вниманіе за море, на отдаленную Англію. Выше мы видѣли, что членъ англійской Бѣломорской компаніи Дженкинсонъ, человѣкъ ловкій и предпріимчивый, съумѣлъ понравиться Ивану Васильевичу, пріобрѣсти его довѣріе, и, пользуясь тѣмъ, выхлопотать у царя расширеніе льготъ для своей торговой компаніи. Эта компанія получила почти исключительное право приставать къ нашимъ сѣвернымъ берегамъ, получила разрѣшеніе учредить свои склады кромѣ Москвы въ Вологдѣ, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Казани, Астрахани, Новгородѣ Великомъ, Псковѣ, Ругодивѣ и Юрьевѣ Ливонскомъ, а также безпошлинно провозить свои товары Волгою въ Каспійское море и Среднюю Азію. При помощи того-же Дженкинсона, царь попытался войти въ непосредственныя сношенія съ королевой Елизаветой, и предложилъ ей (въ 1567 году) заключеніе тѣснаго оборонительнаго и наступательнаго союза; причемъ тайною статьею договора должно быть предоставлено обоюдное право находить себѣ полный пріютъ во владѣніяхъ союзника, въ случаѣ какой либо невзгоды. Но умная королева по отношенію къ Россіи заботилась только о торговыхъ выгодахъ Англичанъ, и отнюдь не желала заключать такой договоръ, который бы обязалъ ее принимать участіе въ происходившихъ тогда войнахъ Россіи съ Польшей и Швеціей изъ-за Ливоніи; да если бы и желала, то не могла сего сдѣлать одною собственною волею при конституціонномъ строѣ своего государства. Чрезъ своего посланника (Ѳому Рандольфа) она словесно и уклончиво отвѣчала на предложеніе союза, а въ своей грамотѣ говорила только о торговыхъ дѣлахъ. Іоаннъ настаивалъ на заключеніи тѣснаго союза; вновь получивъ уклончивый отвѣтъ, онъ вспылилъ и разразился рѣзкимъ письмомъ къ королевѣ. «Мы думали», писалъ онъ 24 октября 1570 года, «что ты въ своемъ государствѣ государыня». «Но видимъ, что тво-

имъ государствомъ правятъ помимо тебя мужики торговые, а ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая дѣвица». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ опалу на англійскихъ купцовъ, велѣлъ захватить ихъ товары и прекратить ихъ торговлю въ Россіи. Большихъ хлопотъ стоило потомъ Елизаветѣ и англійскимъ купцамъ, съ помощью того же Дженкинсона, смягчить царя и возстановить свою торговлю съ Россіей и черезъ Россію съ азіатскими странами; но прежнія ихъ привилегіи не были возстановлены вполнѣ. Иванъ Васильевичъ впрочемъ самъ нуждался въ этой торговлѣ, особенно когда началась его война съ Баторіемъ: англійскіе торговцы доставляли необходимыхъ ему техниковъ, а также военные снаряды и припасы, каковы: мѣдь, свинецъ, селитра, сѣра, порохъ и пр.

Говорятъ, что мысль искать убѣжища въ Англіи была внушаема Ивану Васильевичу его довѣреннымъ врачомъ извергомъ Бомеліемъ, который своими навѣтами поддерживалъ въ царѣ страхъ передъ воображаемыми боярскими кознями и наводилъ его на новыя мучительства, чѣмъ заслужилъ общую ненависть. Русскіе называли его еретикомъ и колдуномъ, котораго Нѣмцы будто бы нарочно подослали къ царю. Но и самъ этотъ извергъ, подобно разнымъ другимъ любимцамъ, погибъ лютою смертію. Въ началѣ войны съ Баторіемъ Бомелій былъ уличенъ въ тайныхъ съ нимъ сношеніяхъ, за что Іоаннъ, какъ говорятъ, осудилъ его на сожженіе. Изъ всѣхъ недостойныхъ любимцевъ Іоанна только самый близкій къ нему и наиболѣе свирѣпый, Малюта Скуратовъ, не успѣлъ на самомъ себѣ извѣдать непостоянство тирана. Онъ погибъ смертію храбраго: во время Іоаннова похода въ Эстонію въ 1573 году Малюта сложилъ свою голову при взятіи приступомъ крѣпости Пайды (Вейсенштейнъ). Іоаннъ отправилъ тѣло павшаго любимца въ монастырь Іосифа Волоцкаго, а въ отмщеніе за его смерть велѣлъ сжечь на кострѣ нѣсколько плѣнниковъ, Нѣмцевъ и Шведовъ!

Въ эту послѣднюю эпоху царствованія у Ивана IV развилась особая страсть къ сочинительству. Посреди многочисленныхъ заботъ правительственныхъ и церковныхъ, посреди тиранскихъ дѣяній и ничѣмъ нестѣсняемаго разгула чувственности, онъ находилъ возможность сочинять длинныя наставительныя посланія къ разнымъ лицамъ—посланія, исполненныя лжесмиренія или лицемѣрія и явныхъ притязаній на большую книжную начитанность. Образчикъ таковыхъ произведеній его пера мы уже видѣли въ знаменитой перепискѣ съ Курбскимъ. Не менѣе любопытно весьма пространное, велерѣчивое

посланіе царя къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря съ братіей, написанное около 1575 года, по слѣдующему поводу.

Между знатными боярскими родами, подвергшимися преслѣдованіямъ тирана, находилась и семья Шереметевыхъ, состоявшая изъ нѣсколькихъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ, Никита Васильевичъ, былъ казненъ, а другой, Иванъ Васильевичъ Большой, когда то славный воевода и гроза Крымцевъ, былъ ввергаемъ въ темницу и претерпѣлъ разныя мученія отъ царя. Спасая свою жизнь, онъ удалился въ знаменитый Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, и тамъ постригся подъ именемъ Іоны, сдѣлавъ при семъ, по обычаю, значительный вкладъ въ имущества монастыря. Естественно, что этотъ знатный и богатый инокъ пользовался въ обители особымъ почетомъ отъ братіи и жилъ въ довольствѣ. Онъ имѣлъ подъ монастыремъ свой дворъ съ поварнею, со всякими годовыми запасами и многочисленною дворнею; братья присылали ему людей съ грамотками или письмами и съ разными гостинцами, въ видѣ сладкихъ коврижекъ, пастилы, овощей и т. п. Онъ любилъ угощать монаховъ, которые нерѣдко сходились въ его келлію для духовной бесѣды. Въ томъ же Кирилловомъ монастырѣ проживали тогда и другіе знатные иноки, каковы Хабаровъ (сынъ знаменитаго Хабара Симскаго и Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, Собакинъ, присланный сюда самимъ царемъ и не ладившій съ Шереметевымъ. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ наушники доносили царю, и тотъ прислалъ приказъ не допускать ни малѣйшаго отступленія отъ монастырскаго устава и чтобы Шереметевъ ѣлъ въ общей трапезѣ. Монастырскіе старцы отправили царю челобитную, въ которой ходатайствовали за Шереметева въ виду его болѣзненнаго состоянія. На эту-то челобитную Иванъ Васильевичъ и разразился помянутымъ широковѣщательнымъ посланіемъ. Назвавъ себя въ началѣ посланія «псомъ смердящимъ», пребывающимъ въ пьянствѣ, блудѣ, убійствѣ, грабленіи и прочихъ тяжкихъ грѣхахъ, онъ тѣмъ не менѣе рѣшается «изречь» «нѣкая малая» отъ «своего безумія», и надѣется, что «Господь Богъ сіе писаніе въ покаяніе ему вмѣнитъ». Въ оправданіе своего близкаго участія къ славѣ обители, онъ вспоминаетъ также одно изъ своихъ посѣщеній, во время котораго выразилъ желаніе впослѣдствіи въ ней постричься; при чемъ онъ припадалъ къ стопамъ игумена; а тотъ, по его просьбѣ, положилъ на него руку и благословилъ его. На семъ основаніи Иванъ Васильевичъ считаетъ себя уже полуинокомъ Кирилловой обители!

(«И мнится мнѣ, окаянному, яко исполу есмь чернецъ; аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе благословенія ангельскаго образа на себѣ ношу»). Посланіе пересыпано по обыкновенію выписками изъ Отцовъ церкви и примѣрами изъ исторіи Ветхозавѣтной, Римской и Византійской (т. е. изъ палеи и хронографа). Вообще же, по силѣ слова и сравнительной ясности изложенія, оно едва ли не лучшее изъ дошедшихъ до насъ писаній Грознаго царя. Приведемъ нѣкоторыя характеристичныя его мѣста.

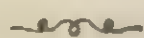
«И потому вашему ослабленію ино то Шереметева для и Хабарова для, такова у васъ слабость учинилася и чудотворцеву преданію преступленіе. И только намъ благоволитъ Богъ у васъ постригщися, ино то всему Царскому Двору у васъ быти, а монастыря уже и не будетъ. Ино почто въ чернецы и какъ молвити: «отрицаюся міра и вся яже суть въ мірѣ», а міръ весь въ очѣхъ? И како на мѣстѣ семъ святѣмъ со братіею скорбя терпѣти и всякія напасти приключшаяся и въ повиновеніи быти игумену и всей братіи въ послушаніи и въ любви, якоже во обѣщаніи иноческомъ стоитъ? А Шереметеву какъ назвати братіею? Ано у него и десятой холопъ, которой у него въ келіи живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И велиціи свѣтильницы Сергій и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій и мнози преподобніи въ Рустѣй земли уставили уставы иноческому житію крѣпостныя, якоже подобая спастися; а бояре къ вамъ пришедъ свои любострастные уставы ввели; ино то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постригшася; не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его, а Кириловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную слабость введетъ, да по малу по малу весь обиходъ монастырской испразнится и будутъ вси обычаи мірскіе... Восе надъ Воротынскимъ церковь есте поставили! Инъ надъ Воротынскимъ церковь (княземъ Владиміромъ Ивановичемъ), а надъ чудотворцомъ нѣтъ; Воротынскій въ церкви, а чудотворецъ за церковью. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ Воротынской да Шереметевъ выше станутъ по тому: Воротынскій церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кирилова крѣпчае... Восе у васъ сперва Іоасафу Умному (Колычову, дядѣ Филиппа митрополита) дали оловянники въ келью, дали Серапіону Ситцкому (князю Семену Ѳедоровичу), дали Іонѣ Ручкину, а Шереметеву уже съ поставцемъ, да и поварня своя. Вѣдь дати воля Царю, ино и

псарю, дѣти слабость вельможѣ ино и простому... Годъ уже равенъ какъ былъ игуменъ Никодимъ на Москвѣ: отдоху нѣтъ, таки Собакинъ да Шереметевъ; а язъ имъ отецъ ли духовный или начальникъ? Какъ собѣ хотятъ, такъ и живутъ, коли имъ спасеніе души своея не надобѣть. Но доколѣ молвы и смущенія, доколѣ плища и мятежа, доколѣ рети и шептанія и суесловія, и чесо ради? Злобѣснаго ли ради пса Василья Собакина или бѣсова для сына Ивана Шереметева или дурака для и упиря Хабарова? Воистину отцы святіи нѣсть сіи чернецы, но поругатели иноческому житію».

Но ни ревностное поборничество за чистоту и ненарушимость строгихъ иноческихъ уставовъ, ни благоговѣйное отношеніе къ памяти святыхъ подвижниковъ не закрываютъ отъ насъ заднихъ мыслей Ивана Васильевича; обычная подозрительность, ненависть и злоба противъ бояръ ясно проглядываютъ и въ этомъ посланіи Грознаго, кощунственно называющаго себя полуинокомъ и кощунственно подражавшаго со своими опричниками иноческому житію въ мрачномъ убѣжищѣ своемъ, Александровской Слободѣ, посреди всевозможныхъ оргій и неистовствъ. Любопытно при семъ и слѣдующее противорѣчіе. Укоряя кирилловскихъ иноковъ въ отступленіяхъ отъ строгаго отшельническаго житія, Грозный въ то же время прислалъ имъ въ даръ золотую братину, украшенную рельефными изображеніями нагихъ женщинъ. (49).

VIII.

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛИВОНІЮ.



Земскій соборъ 1566 года.—Перемиріе съ Литвою.—Вассальный ливонскій король Магнусъ.—Двукратное польское безкоролевье.—Московская кандидатура. —Избраніе Баторія.—Возобновленіе Русскими военныхъ дѣйствій въ Эстоніи и Ливоніи.—Царскій походъ 1577 года.— Приготовленія Баторія къ войнѣ, первый его походъ и взятіе Полоцка.—Второй походъ.—Переговоры съ Иваномъ IV.—Третій походъ Баторія.—Осада Пскова.—Отбитый приступъ. — Геройская оборона.—Твердость Замойскаго.—Нападеніе на Псково-Печерскій м.—Успѣхи Шведовъ.—Обращеніе Ивана IV къ папскому посредничеству.—Миссія Антонія Поссевина.—Отъѣздъ Баторія и блокада Пскова.—Переговоры въ Киверовой Горкѣ.—Десятилѣтнее перемиріе съ потерей всей Ливоніи.—Виновность Ивана IV.—Поссевинъ въ Москвѣ и его преніе съ царемъ о вѣрѣ.—Сыноубійство.—Сватовство въ Англіи.—Смерть Ивана IV.—Историческій приговоръ.

Послѣ такихъ рѣшительныхъ событій какъ взятіе Полоцка Русскими и пораженіе ихъ на р. Улѣ, война Москвы съ Литвою за Ливонію продолжалась безъ особой энергіи съ обѣихъ сторонъ, чему причиною были внутреннія дѣла и въ той, и въ другой странѣ: въ Москвѣ свирѣпствовала тогда эпоха опричины и казней, а въ Литвѣ изнѣженный, лѣнивый и сильно старѣющій Сигизмундъ Августъ, въ виду своей бездѣтности, главное вниманіе посвящалъ теперь вопросу объ окончательной уніи Великаго княжества съ Польскою короною. Посольскія пересылки и мирные переговоры по нѣскольку разъ возобновлялись и прекращались, такъ какъ не могли сойтись въ условіяхъ. Главнымъ препятствіемъ служила Ливонія, отъ которой Иванъ ни за что не хотѣлъ отказаться, а Литва не только не желала ее уступить, но и требовала возвращенія Полоцка.

Въ 1566 году въ Москву пріѣхали большіе литовскіе послы, Ходкевичъ и Тышкевичъ. На сей разъ они предлагали перемиріе съ тѣмъ, чтобы за Москвою оставались и Полоцкъ, и часть Ливоніи, занятая московскими войсками, т. е. на основаніи ubi possidetis. Кромѣ того, предлагали устроить для заключенія мира личное свиданіе государей на границѣ. Иванъ требовалъ остальной Ливоніи и уступалъ королю Курляндію съ нѣсколькими городами на правой сторонѣ Двины. Чтобы подкрѣпить свое требованіе, онъ прибѣгъ къ тому способу, который постепенно началъ входить въ употребленіе у московскаго правительства при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ. Лѣтомъ того же 1566 года онъ созвалъ въ столицѣ земскую думу изъ духовенства, бояръ и окольничихъ, казначеевъ и дьяковъ, дворянъ первой статьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, торопецкихъ и великолуцкихъ помѣщиковъ, пограничныхъ съ Литвою, а также московскихъ и смоленскихъ гостей и купцовъ. Царь отдалъ на ихъ разсмотрѣніе условія, предложенныя королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Первые отвѣчали архіереи, числомъ девять (митрополитъ Аѳанасій только-что отказался отъ своего сана, а новый, Филиппъ, еще не былъ выбранъ), вмѣстѣ съ ними подавали голосъ архимандриты, игумны и старцы. По ихъ мнѣнію, государь показалъ довольно смиренія передъ королемъ въ своихъ уступкахъ; больше уступать не слѣдуетъ и надобно требовать тѣ города ливонскіе, которыми король завладѣлъ несправедливо въ то время, когда государь воевалъ Ливонскую землю; а земля эта была уже за прародителями государя, начиная съ Ярослава Владиміровича. Бояре, окольничіе и приказные люди, а за ними помѣщики и купцы, повторили то же мнѣніе и приговорили добывать всей Ливонской земли, изъявляя готовность головы свои положить за государя. Трудно сказать, насколько такой рѣшительный приговоръ былъ искреннимъ, т. е. насколько члены земской думы чувствовали себя свободными въ выраженіи своихъ мыслей и не былъ ли этотъ приговоръ простымъ подтвержденіемъ намѣреній или желаній Іоанна, заранѣе извѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе продолжать войну и добывать остальной Ливоніи далеко не согласовалось съ обстоятельствами того времени и со средствами Московскаго государства. Гораздо благоразумнѣе было бы укрѣпить за собою завоеванное и отложить до болѣе удобнаго времени дальнѣйшія пріобрѣтенія съ этой стороны. Но высокомѣрный, заносчивый тиранъ не хотѣлъ или не способенъ былъ

видѣть дѣло въ настоящемъ его положеніи, и, лишенный мудрыхъ совѣтниковъ, подвергалъ свое государство ненужнымъ испытаніямъ и бѣдствіямъ.

Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Сигизмунду Августу боярина Умнаго-Колычова требовать всей Ливоніи и, кромѣ того, выдачи князя Курбскаго. Послѣ долгихъ переговоровъ этого посольства съ литовскими панами, требованія Іоанна были отвергнуты, и Сигизмундъ послалъ къ нему гонцомъ Юрія Быковскаго съ письмомъ о возобновленіи войны. Въ началѣ октября 1567 года Быковскій нашелъ царя на дорогѣ въ Новгородъ. Иванъ принялъ гонца въ шатрѣ, облеченный въ воинскіе доспѣхи и окруженный военною свитою; говорилъ съ нимъ; а потомъ велѣлъ его заключить въ московскую тюрьму—подъ тѣмъ предлогомъ, что въ письмѣ королевскомъ были «супротивныя слова», и что воротившійся бояринъ Умный-Колычовъ жаловался на дурное обращеніе съ его посольствомъ въ Литвѣ. Однако, царскій походъ, торжественно предпринятый изъ Новгорода въ Ливонію съ большимъ войскомъ, на сей разъ скоро окончился. Устрашась осеннихъ непогодъ и воинскихъ трудовъ, Иванъ Васильевичъ подъ предлогомъ морового повѣтрія воротился въ Александровскую Слободу, поручивъ воеводамъ оберегать границы. Но и со стороны Сигизмунда Августа война ведена была вяло и отличалась дѣйствіями нерѣшительными. Литовцы пробовали осаждать нѣкоторыя вновь построенныя Москвитянами пограничныя крѣпости, каковы Усвятъ, Ула, Соколъ, Копіе, но большею частію неудачно. Такъ подъ Улою гетманъ Ходкевичъ потерпѣлъ уронъ и долженъ былъ снять осаду; послѣ чего онъ писалъ къ королю и жаловался на трусость своихъ ратныхъ людей, отдавая справедливость храбрости Москвитянъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (зимою 1568 года) Литовцы взяли, однако, Улу и сожгли ее. Послѣ того царь рѣшилъ возобновить мирные переговоры съ Сигизмундомъ и отпустилъ задержаннаго гонца Быковскаго. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія прекратились и началась взаимная посылка гонцовъ. Во время этихъ переговоровъ Литовцы нечаяннымъ нападеніемъ захватили было Изборскъ; но московскіе воеводы по строгому приказу царя отбили городъ назадъ. Переговоры возобновились тѣмъ охотнѣе, что Сигизмундъ хлопоталъ тогда на Люблинскомъ сеймѣ объ окончательной уніи Литвы съ Польшею; а въ виду плохого состоянія его здоровья чины были озабочены вопросомъ о его преемникѣ, при чемъ въ Москву искусно

подавались надежды на избраніе или самого Ивана Васильевича, или его сына. Наконецъ, въ 1570 году, въ Москву пріѣхало большое литовское посольство, и заключило трехлѣтнее перемиріе на основаніи ubi possidetis.

Въ перемиріи съ Литвою московскій царь особенно нуждался въ это время и потому, что у него открылись военныя дѣйствія со Шведами. Осенью 1568 года благопріятель и союзникъ его король Эрихъ XIV, нелюбимый за свою жестокость и полусумашедшій, былъ сверженъ съ престола, и его мѣсто занялъ братъ его Іоаннъ, герцогъ Финляндскій, женатый на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда Августа, и находившійся тогда въ заключеніи. Иванъ Васильевичъ, сватавшійся прежде за эту Екатерину, завязалъ съ Эрихомъ переговоры о ея выдачѣ тогда, когда она была уже женою его брата. По сей причинѣ и вообще по родству своему съ польскимъ королемъ, при новомъ шведскомъ королѣ измѣнились отношенія Шведовъ къ вопросу о Ливоніи: они сдѣлались теперь союзниками Польши и врагами Москвы.

Около того времени Иванъ Васильевичъ возымѣлъ слѣдующій планъ: видя чрезвычайную трудность завоевать всю Ливонію для себя самого, онъ задумалъ сдѣлать изъ нея вассальное владѣніе, т. е. поставить ее въ тѣ же отношенія къ московскому государю, въ какихъ находился герцогъ курляндскій къ королю польскому. Спачала этотъ планъ онъ хотѣлъ привести въ исполненіе въ лицѣ своего плѣнника, бывшаго ливонскаго магистра Фирстенберга. Но послѣдній скоро умеръ (1565 г.). Тогда Иванъ IV сталъ искать другое подходящее лицо. Двое изъ числа плѣнныхъ ливонскихъ дворянъ, Іоганъ Таубе и Елертъ Крузе, благодаря своей ловкости и угодливости, втерлись въ довѣріе царя и усердно поддерживали его намѣреніе сдѣлать изъ Ливоніи подчиненное ему вассальное владѣніе. Для сей цѣли, они совѣтовали ему обратиться или къ Кетлеру, тоже бывшему ливонскому магистру, а теперь герцогу курляндскому, или къ принцу датскому Магнусу, владѣтелю Эзельскому. Іоаннъ далъ Таубе и Крузе порученіе въ этомъ смыслѣ и послалъ ихъ въ Дерптъ, откуда они завязали сношенія съ указанными лицами. Когда Кетлеръ отказался отъ предложенія, они обратились къ Магнусу. Сей послѣдній склонился на ихъ предложеніе и прибылъ въ Москву (въ 1570 г.). Иванъ принялъ его ласково, обручилъ его съ своей племянницей Евфиміей (дочерью Владиміра Андреевича), далъ ему титулъ ливонскаго короля и заставилъ его

присягнуть на разныхъ условіяхъ, которыми опредѣлялись его подручническія отношенія. Послѣ того Магнусъ былъ отпущенъ съ богатыми дарами и съ московскимъ войскомъ для завоеванія своего будущаго ливонскаго королевства. Такъ какъ съ Польшею было тогда заключено перемиріе, то рѣшено обратить оружіе противъ Шведовъ и отнять у нихъ Эстонію. Начали прямо съ главнаго ея города, т. е. съ Ревеля; Магнусъ осадилъ его съ 25,000 Русскихъ и съ своимъ собственнымъ отрядомъ, набраннымъ изъ тѣхъ ливонскихъ и эстонскихъ Нѣмцевъ, которые приняли его сторону. Но осада была неудачна. Получая припасы и подкрѣпленія съ моря изъ Швеціи, ревельцы мужественно оборонялись; Магнусъ простоялъ подъ ихъ стѣнами цѣлыхъ 30 недѣль, и принужденъ былъ отступить. Такъ какъ въ неудачѣ своей онъ болѣе всѣхъ обвинялъ Таубе и Крузе, которые совѣтовали ему идти на Ревель, обѣщая легкое его завоеваніе, то эти дворяне, боясь царскаго гнѣва, измѣнили Іоанну и завели сношенія съ Сигизмундомъ Августомъ. Они затѣяли было заговоръ въ Дерптѣ съ тѣмъ, чтобы передать сей городъ Полякамъ; но когда это имъ не удалось, они бѣжали оттуда къ польскому королю. Хотя невѣста Магнуса княжна Евфимія умерла, однако, Иванъ Васильевичъ, не смотря на неудачное начало всего предпріятія, сохранялъ свою благосклонность къ Магнусу; потомъ онъ снова вызвалъ его въ Москву и женилъ на младшей сестрѣ Евфиміи, на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ (1573 г.). ([50]).

Межъ тѣмъ въ сосѣднемъ Польско-Литовскомъ государствѣ произошло давно ожидаемое и великой важности событіе: со смертію Сигизмунда Августа прекратилась мужеская линія Ягеллоновъ. Вопросъ о его преемникѣ вызвалъ жаркую борьбу партій.

На корону Польши и Литвы выступили три главные кандидата: императоръ германскій Максимиліанъ II, братъ французскаго короля Генрихъ герцогъ Анжуйскій, и московскій царь Иванъ Васильевичъ. Рѣчь о кандидатурѣ послѣдняго, какъ мы видѣли, шла еще при жизни Сигизмунда Августа, во время мирныхъ переговоровъ между Литвою и Москвою. На сторонѣ этой кандидатуры находилось многочисленное православное населеніе Западной Руси; сами Поляки и Литвины сознавали, что Польша и Литовское великое княжество отъ соединенія съ Московскимъ государствомъ пріобрѣтали такое могущество, которое давало имъ рѣшительный перевѣсъ надъ ихъ сосѣдями, Нѣмцами и Турками. Но противъ московскаго царя дѣйствовало вліятельное въ Польшѣ католическое ду

ховенство, руководимое тогда хитрымъ папскимъ пунціемъ Коммендони, который всѣми силами хлопоталъ о выборѣ короля-католика. Противъ Ивана Васильевича дѣйствовала также молва о его жестокостяхъ и звѣрствахъ, такъ что значительная часть православныхъ западнорусскихъ вельможъ не желала имѣть своимъ государемъ такого тирана. Къ тому же и самъ Иванъ Васильевичъ не употреблялъ почти никакихъ усилій, чтобы склонить въ свою пользу выборъ новаго короля. Литовская рада дважды завязывала переговоры съ Иваномъ IV и пыталась узнать его намѣренія и условія: сначала посредствомъ гонца Воропая, присланнаго съ извѣстіемъ о смерти Сигизмунда Августа, потомъ посредствомъ особаго посла своего Михаила Гарабурды. Литовцы, повидимому, желали выставить кандидатуру не столько самого Ивана Васильевича, сколько второго сына его Θеодора. Но царь оба раза, хотя говорилъ много, однако не высказалъ никакого рѣшительнаго предложенія. Кандидатуру своего сына онъ отклонялъ, а скорѣе выставлялъ свою собственную, но въ выраженіяхъ уклончивыхъ и неопредѣленныхъ. Онъ соглашался быть выбраннымъ, но не только не обѣщалъ соединенія трехъ государствъ, а еще требовалъ уступки для Москвы разныхъ земель, особенно Кіевской и Ливонской; за послѣднюю онъ готовъ былъ даже воротить Литвѣ Полоцкъ. Наконецъ, чрезъ бояръ своихъ Иванъ IV далъ понять, что онъ собственно желалъ быть выбраннымъ на престолъ великаго княжества Литовскаго; а Полякамъ совѣтовалъ выбрать эрцгерцога Эрнеста, сына его союзника германскаго цесаря Максиміліана. Послѣдній втайнѣ уже предлагалъ царю такой раздѣлъ Польско-Литовскаго государства, по которому Польша отошла бы къ Австріи, а Литва, т. е. Западная Русь, къ Москвѣ. Если многіе Поляки разсчитывали теперь на такое же подчиненіе себѣ Москвы, какому они подвергли Литву, выбравъ на свой престолъ Ягелла, то въ свою очередь Иванъ IV отнюдь не плѣнялся шляхетскими вольностями и католическими стремленіями Польши: онъ понималъ непрочность и неудобства чисто внѣшняго единенія; понималъ, что только съ одной Литвой или Западной Русью онъ могъ справиться, т. е. сплотить ее съ Московскимъ государствомъ. А потому, когда настала рѣшительная минута выбирать между кандидатами, т. е. когда въ Варшавѣ собрался сеймъ элекційный, Иванъ Васильевичъ не прислалъ сюда ни своихъ пословъ, ни денегъ на подкупы. Благодаря дипломатическому искусству французскаго посла Мон-

люка, благодаря также угрозамъ турецкаго султана, если выберутъ его сосѣда австрійскаго кандидата, большинство голосовъ на избирательномъ полѣ склонилось на сторону Генриха Валуа, и примасъ королевства архіепископъ гнѣзненскій Яковъ Уханскій провозгласилъ его королемъ (въ маѣ 1573 года). Французское посольство присягнуло за него на условіяхъ избранія, или на такъ называемыхъ pacta conventa.

Извѣстно, какъ неудаченъ оказался этотъ выборъ. Генрихъ Анжуйскій, лѣнивый, расточительный и преданный удовольствіямъ, скучалъ въ Краковѣ, затруднялся незнаніемъ польскаго языка, и былъ чрезвычайно обрадованъ извѣстіемъ о смерти своего старшаго брата Карла IX, которому былъ ближайшимъ наслѣдникомъ. Онъ немедленно и тайкомъ покинулъ Польшу и отправился во Францію, въ іюнѣ 1574 года. Едва прекращенное, польское безкоролевье наступило снова, и вновь открылась борьба разныхъ претендентовъ. За устраненіемъ Генриха Анжуйскаго, снова объявлены кандидатами: императоръ Максимиліанъ II съ своимъ сыномъ Эрнестомъ, Иванъ Васильевичъ московскій съ сыномъ Өеодоромъ, король шведскій Іоаннъ, какъ супругъ Екатерины Ягеллонки, съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ, седмиградскій воевода Стефанъ Баторій и нѣкоторые Поляки изъ потомковъ Пяста. Партія московскаго царя попрежнему имѣла многихъ сторонниковъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, особенно въ сословіи шляхетскомъ, которое было недовольно господствомъ вельможъ. Къ этой партіи примкнула часть самихъ вельможъ, каковы: Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ минскій, Янъ Ходкевичъ, каштелянъ виленскій, и одинъ изъ Радивиловъ. Но большая часть литовскихъ вельможъ не желала Ивана Васильевича, хотя и не прочь была поддерживать съ нимъ переговоры изъ опасенія, чтобы онъ не воспользовался междуцарствіемъ для нападенія на литовскіе предѣлы, при чемъ могли пострадать ихъ обширныя имѣнія. Какъ и во время перваго безкоролевья, Иванъ Васильевичъ ограничивался присылкою гонцовъ и обѣщаніемъ прислать большихъ пословъ; но очевидно онъ только тянулъ переговоры и болѣе хлопоталъ не за себя или сына своего, а за своего союзника императора Максимиліана, отъ котораго въ то время прибыло въ Москву большое посольство, съ Яномъ Кобенцелемъ и Даніиломъ Принцемъ фонъ Бухау во главѣ. Хлопоча за Габсбурга или его сына, царь надѣялся потомъ получить отъ него если не Кіевъ и Волынь, то по крайней мѣрѣ всю Ливонію, которая составляла

тогда главный предметъ его стремленій. Вслѣдствіе такой политики Іоанна, дѣйствительно австрійская партія одержала верхъ на избирательномъ сеймѣ; партія эта состояла преимущественно изъ сенаторовъ или вельможъ. 12-го декабря 1575 года примасъ Уханскій объявилъ Максимиліана королемъ, послѣ чего вмѣстѣ съ духовенствомъ отправился въ костелъ, гдѣ былъ возглашенъ обычный благодарственный молебенъ или Te Deum.

Но шляхетская партія или «рыцарское коло» возстала противъ сего выбора. Во главѣ этой партіи стоялъ даровитый и прекрасно образованный, знаменитый впослѣдствіи, Янъ Замойскій; къ ней пристала и часть вельможъ, каковы Зборовскіе, Евстафій Воловичъ и нѣкоторые другіе. Партія сія прежде настаивала на выборѣ кого-либо изъ потомковъ Пяста и предложила двухъ кандидатовъ, а именно Костку, воеводу судомірскаго, и Тенчинскаго, воеводу бельзскаго. Теперь въ виду торжества австрійцевъ, эти лица сами отказались отъ своей кандидатуры; вся шляхетская партія сплотилась около имени Стефана Баторія и объявила его королемъ съ условіемъ, что бы онъ женился на Аннѣ, сестрѣ покойнаго Сигизмунда Августа, которая и была единственной прямой наслѣдницей Ягеллоновъ. За Стефана Баторія, какъ засвоего вассала, хлопоталъ и турецкій султанъ, который заранѣе объявлялъ войну, если будетъ призванъ германскій императоръ или его сынъ. Такимъ образомъ оказались выбранными два короля, Максимиліанъ и Стефанъ Баторій; къ первому отправилось посольство отъ сената, ко второму отъ рыцарскаго кола. Окончательное рѣшеніе вопроса зависѣло отъ степени энергіи и быстроты двухъ противниковъ. И безъ того медленный, нерѣшительный, Максимиліанъ не двигался съ мѣста потому, что долженъ былъ прежде обезопасить свои собственныя владѣнія отъ Турокъ, которые угрожали нападеніемъ. Стефанъ Баторій наоборотъ, окончивъ необходимые переговоры и приготовленія, поспѣшилъ прибыть въ Краковъ во главѣ значительнаго венгерскаго отряда (въ апрѣлѣ 1576 года), присягнулъ на предложенныхъ ему pacta conventa, вступилъ въ бракъ съ 54-хъ-лѣтней Анной Ягеллонкой, и затѣмъ былъ коронованъ. Императоръ однако не думалъ отказываться отъ своего избранія, и надѣялся по крайней мѣрѣ оторвать отъ Польши Пруссію и, пожалуй, часть Литвы, въ союзѣ съ Иваномъ Московскимъ. Оба соперника готовились къ войнѣ; но вскорѣ послѣдовавшая смерть Максимиліана положила предѣлъ этой распрѣ и утвердила Баторія на польско-литовскомъ престолѣ.

Однимъ изъ главныхъ условій, принятыхъ Баторіемъ при вступленіи его на польскій престолъ, было обязательство воротить тѣ земли, которыя отвоевалъ отъ Литвы царь московскій, т. е. Полоцкую область и Ливонію. Воинственный Баторій пылалъ рвеніемъ исполнить это обязательство, но на первое время былъ отвлеченъ другими заботами. Во-первыхъ, ему пришлось установлять государственный порядокъ, нарушенный борьбою партій во время предыдущаго двукратнаго безкоролевья, и вести на сеймахъ упорную борьбу съ непомѣрными притязаніями и усилившимся своеволіемъ шляхты. А вовторыхъ, царствованіе свое ему пришлось начать междоусобною войною. Во время безкоролевья сторону австрійскаго претендента держали особенно Пруссія и Литва. Когда Баторій занялъ престолъ, почти всѣ провинціи присягнули ему; но не хотѣлъ присягнуть нѣмецко-прусскій городъ Данцигъ, еще прежде обнаружившій неудовольствіе за нарушеніе Поляками нѣкоторыхъ его привилегій и уже успѣвшій присягнуть Максимиліану. Данцигъ объявилъ себя вѣрнымъ данной присягѣ; очевидно, онъ разсчитывалъ на войну Максимиліана съ Баторіемъ. Когда же императоръ скончался, граждане Данцига все-таки не хотѣли покориться Баторію и открыли военныя дѣйствія. Пришлось начать правильную осаду этого богатаго, многолюднаго и хорошо укрѣпленнаго города. Баторій принялъ личное участіе въ осадѣ. Чтобы обезпечить себя пока отъ восточнаго сосѣда, онъ завязалъ переговоры и отправилъ въ Москву посольство хлопотать о продолженіи перемирія. Въ Москвѣ согласились продолжить его еще на три года, начиная съ марта 1578 года. Но пока шли переговоры, обстоятельства измѣнились. ([51]).

Военныя дѣйствія, происходившія между Русскими и Шведами изъ-за Эстоніи, прекратились было въ іюлѣ 1575 года перемиріемъ, заключеннымъ на два года, послѣ чего московскія войска устремились въ Ливонію и овладѣли значительнымъ приморскимъ городомъ Пернау и нѣсколькими замками. А въ слѣдующемъ 1576 году они уже снова вторглись въ Эстонію, гдѣ захватили Леаль, Гапсаль, Падисъ и нѣкоторые другіе города. Въ январѣ 1577 года Русскіе вновь осадили Ревель, въ количествѣ 50.000 человѣкъ, и начали обстрѣливать его каменными ядрами; но и на сей разъ осада пошла неудачно и черезъ полтора мѣсяца была снята. Лѣтомъ этого года самъ царь выступилъ въ походъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Магнусомъ вторгся въ польскую часть Ливоніи и лично

овладѣлъ нѣсколькими городами; вторженіе это по обычаю сопровождалось страшнымъ опустошеніемъ и избіеніемъ жителей, или отдачей ихъ Татарамъ. Магнусъ былъ недоволенъ тѣмъ, что носилъ только титулъ ливонскаго короля и не имѣлъ власти въ городахъ, занятыхъ русскими войсками. Онъ завязалъ тайныя сношенія съ польскимъ королемъ и герцогомъ курляндскимъ. Узнавъ о томъ, Иванъ Васильевичъ двинулся къ его резиденціи Вендену. Магнусъ явился въ русскій станъ, бросился на колѣни передъ царемъ и умолялъ о прощеніи. Его заключили подъ стражу; а часть его нѣмецкаго гарнизона, укрывшаяся въ Венденскомъ замкѣ, ни за что не хотѣла сдаться, въ виду варварскаго обхожденія Москвитянъ и Татаръ съ плѣнными, и въ числѣ 300 человѣкъ взорвала себя на воздухъ. За ихъ геройство поплатились остальные жители Вендена; мужчины подверглись казнямъ и мукамъ, а женщины безчестью. Изъ Вендена Иванъ Васильевичъ направился въ Вольмаръ, который сдался передъ тѣмъ московскому воеводѣ Богдану Бѣльскому. Тутъ царь вспомнилъ о первомъ письмѣ, которое Курбскій послалъ ему изъ Вольмара, и написалъ изъ того же города свой второй отвѣтъ изгнаннику. Въ немъ Іоаннъ снова укоряетъ Курбскаго и его единомышленниковъ въ смерти царицы Анастасіи, въ намѣреніи посадить на престолъ Владиміра Андреевича; укоряетъ бояръ, которые довели его до «кроновыхъ жертвъ», и съ гордостью указываетъ на свои побѣды, совершенныя вопреки ихъ измѣнамъ. Письмо это онъ вручилъ плѣнному литовскому князю Александру Полубенскому, которому даровалъ свободу.

Прибывъ въ Дерптъ, царь простилъ Магнуса и далъ ему во владѣніе нѣсколько ливонскихъ городовъ. Затѣмъ чрезъ Псковъ онъ воротился въ Александровскую Слободу, чтобы отдохнуть тамъ отъ своихъ подвиговъ. Но сей походъ 1577 года былъ его послѣднимъ торжествомъ въ Ливоніи. Съ его удаленіемъ обстоятельства на театрѣ войны перемѣнились: Шведы въ Эстоніи, Поляки въ Ливоніи перешли опять въ наступленіе и начали отбирать города у Русскихъ. Между прочимъ Поляки овладѣли крѣпкимъ Венденомъ; послѣ чего «ливонскій король» Магнусъ окончательно измѣнилъ Іоанну и съ супругою своею бѣжалъ въ Курляндію, отдавшись подъ покровительство польскаго короля. Царь велѣлъ воеводамъ Голицыну, Хворостинину, Воронцову, Тюфякину взять Венденъ обратно. Но тутъ осьмнадцати-тысячное осаждавшее русское войско потерпѣло страшное пораженіе отъ соединенныхъ польскихъ,

нѣмецкихъ и шведскихъ силъ, предводимыхъ Николаемъ Сапѣгою и шведскимъ генераломъ Бое, въ октябрѣ 1578 года. Въ этой битвѣ только московскіе пушкари показали геройство: они не хотѣли ни бѣжать, ни отдаться въ плѣнъ, и повѣсились на своихъ орудіяхъ.

Межъ тѣмъ Баторій покончилъ съ Данцигомъ, который сдался ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. Затѣмъ начались дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Москвою. Король всюду искалъ себѣ союзниковъ для этой войны; заключилъ союзъ съ шведскимъ королемъ противъ Москвы, получилъ помощь отъ бранденбургскаго курфирста; нанималъ отряды Нѣмцевъ въ Германіи; а братъ его Кристофъ, воевода седмиградскій, прислалъ ему венгерскія дружины. Онъ посылалъ богатые дары крымскому хану, чтобы удержать Татаръ отъ нападенія на Польшу и обратить ихъ на Москву; кромѣ того, чтобы угодить верховному повелителю хана, турецкому султану, онъ по его требованію вѣроломно велѣлъ казнить Подкову. Этотъ Подкова (прозванный такъ за силу своей руки, которая ломала подкову), родомъ валахъ, съ толпою Запорожскихъ казаковъ выгналъ изъ Молдавіи воеводу Петрила и сѣлъ на его мѣсто; но угрожаемый Турками, Венграми и Поляками, самъ отдался въ руки польскаго короля. Чтобы удержать Днѣпровскихъ казаковъ отъ нападеній на татарскія и турецкія владѣнія, Баторій далъ имъ болѣе правильное войсковое устройство, и воспользовался ихъ силами также для войны съ Москвою. На Варшавскомъ сеймѣ зимою 1578 года установлена была особая подать для войны съ Москвою (по злотому съ лана земли). На тѣ же военные расходы король сократилъ издержки собственнаго двора и дѣлалъ займы, гдѣ только могъ. Названный Варшавскій сеймъ, на которомъ рѣшено было воевать съ Москвою, извѣстенъ еще въ исторіи польскихъ учрежденій основаніемъ двухъ высшихъ судебныхъ инстанцій или трибуналовъ изъ выборныхъ шляхтою судей: въ Петроковѣ для Великой Польши и въ Люблинѣ для Малой.

Обширныя приготовленія къ войнѣ съ Москвою приходили уже къ концу и военное счастіе въ Ливоніи уже повернулось на сторону Поляковъ и ихъ союзниковъ Шведовъ, когда московскіе послы, Карповъ и Головинъ, прибыли въ Краковъ для подтвержденія только-что заключеннаго перемирія. Но Баторій теперь уже не скрывалъ своихъ намѣреній, и, послѣ разныхъ препирательствъ о титулахъ и церемоніяхъ, посольство ни съ чѣмъ было отпущено назадъ; дорогою его намѣренно задержали, чтобы еще выиграть

поболѣе времени. Лѣтомъ 1579 года царь отправился въ Новгородъ, имѣя въ виду приготовить отпоръ Баторію, ибо онъ уже зналъ о приготовленіяхъ польскаго короля. Тутъ же въ Новгородѣ къ нему явились Карповъ и Головинъ и донесли, что Баторій идетъ на Московское государство, что войско его состоитъ главнымъ образомъ изъ наемныхъ отрядовъ, а польской и литовской шляхты съ нимъ не много, что король хочетъ идти на Смоленскъ или Полоцкъ, но вельможи литовскіе не желаютъ имѣть войну на своихъ границахъ и уговариваютъ короля идти или послать войско въ Ливонію. Послы прибавляли, будто шляхта польская и литовская недовольна выборомъ Стефана Баторія и болѣе всего желаетъ имѣть у себя на престолѣ московскаго царевича. Въ этомъ случаѣ послы очевидно придавали излишнее значеніе и такимъ толкамъ, которые, можетъ быть, велись съ ними не безъ заднихъ мыслей. Вслѣдъ за тѣмъ отъ польскаго короля пришло письмо, въ которомъ приводились разныя обвиненія противъ Москвы и объявлялась война.

На военныхъ совѣтахъ у короля происходили оживленные споры о томъ, куда направить походъ. Большинство вельможъ дѣйствительно предлагало идти въ Ливонію, чтобы выгнать оттуда Русскихъ, а затѣмъ осадить Псковъ, который представлялъ войску будто бы легкую и богатую добычу. Но Баторій владѣлъ замѣчательнымъ талантомъ политика и полководца. Онъ указывалъ на страшное опустошеніе Ливоніи, на многочисленность въ ней крѣпостей и на ея отдаленность: двинувшись въ нее, пришлось бы оставить безъ прикрытія предѣлы Литвы. Король предполагалъ идти на Полоцкъ: этотъ городъ для Москвитянъ служитъ ключемъ равно и къ Ливоніи, и къ Литвѣ; онъ господствуетъ надъ судоходнымъ путемъ по Двинѣ къ Ригѣ; слѣдовательно взятіемъ его будутъ обезпечены важнѣйшія выгоды для послѣдующихъ военныхъ дѣйствій. И дѣйствительно, въ августѣ мѣсяцѣ Баторій подошелъ къ Полоцку и осадилъ его. Царь не ожидалъ сего движенія; онъ думалъ, что главнымъ театромъ войны будетъ все та же Ливонія; а потому въ Полоцкѣ оказалось войска недостаточно для обороны обширнаго пространства, которое занималъ Большой городъ и два замка при немъ, называемые Стрѣлецкимъ и Острогомъ. Здѣсь начальствовали князья Телятевскій и Щербатовъ съ воеводою Волынскимъ и дьякомъ Ржевскимъ. Непріятели повели приступы сначала на самую слабую часть укрѣпленій, т. е. на Большой городъ. Гарнизонъ и жители сами зажгли городъ, удалились въ замки, и тамъ про-

должали мужественно обороняться. Наступившая ненастная погода затрудняла дѣйствія непріятелей и добываніе съѣстныхъ припасовъ. Осада замедлилась. Но ни самъ царь, ни посланные имъ на помощь Полоцку воеводы Борисъ Шеинъ и Ѳедоръ Шереметевъ не воспользовались обстоятельствами, и не предпринияли никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Означенные воеводы, увидавъ, что дороги къ Полоцку заняты королевскими отрядами, ушли въ ближнюю крѣпость Соколъ. Наконецъ Баторій сдѣлалъ рѣшительный приступъ, во время котораго Венгры успѣли зажечь стѣны Стрѣлецкой крѣпости. Не смотря на то, что дымъ и зарево пожара были видны изъ Сокола, малодушные воеводы не пришли оттуда на помощь. Два дня продолжался пожаръ и шли отчаянные приступы, на которыхъ особенно отличилась венгерская пѣхота. Наконецъ мужественное сопротивленіе осажденныхъ было сломлено: стрѣльцы сдали городъ, съ условіемъ свободнаго выхода. Король предложилъ имъ вступить въ его службу; но немногіе на это согласились; большинство ратныхъ людей ушло въ отечество, хотя ихъ ожидала тамъ царская немилость. Владыка Кипріанъ и нѣкоторые воеводы не хотѣли сдаваться и заперлись въ Софійскомъ соборѣ, откуда они были взяты силою. Надежда непріятеля найти въ Полоцкѣ богатую добычу не оправдалась. Между прочимъ, они захватили бывшее при Софійскомъ соборѣ драгоцѣнное собраніе греческихъ и славянскихъ рукописей, которое поэтому безвозвратно погибло.

Такимъ образомъ древній стольный Полоцкъ снова отошелъ къ Литвѣ. Въ войскѣ Баторія находился и князь Андрей Курбскій, который отсюда, изъ завоеваннаго Полоцка, написалъ отвѣтъ на помянутое выше письмо Іоанна, посланное изъ Вольмара. Изгнанникъ снова отрицаетъ взводимыя на него вины, упрекаетъ царя въ его тиранствахъ, въ истребленіи доблестныхъ воеводъ и въ трусости, слѣдствіемъ чего были разныя бѣдствія Россіи и пораженія отъ непріятелей; особенно указываетъ на сожженіе Москвы Татарами и паденіе Полоцка.

За Полоцкомъ палъ и Соколъ, зажженный и взятый приступомъ послѣ отчаянной сѣчи. Потомъ взяты были крѣпости Красный, Козьянъ, Нещерда и нѣкоторыя другія. А царь съ войскомъ стоялъ тогда во Псковѣ и ничего не предпринималъ! Литовско-русскіе отряды, предводимые Константиномъ Острожскимъ и Кмитою, опустошили часть областей Сѣверской и Смоленской. Наступавшая зима остановила успѣхи Литовцевъ. Баторій воротился въ Вильну. Въ то же

время шли военныя дѣйствія противъ Шведовъ, которые изъ Эстоніи и Финляндіи нападали на наши владѣнія и между прочимъ осаждали Нарву. Между Іоанномъ и Баторіемъ снова начались переговоры; король отказывался отправить пословъ въ Москву, какъ это бывало прежде; а Иванъ уже согласился на отправку большого московскаго посольства въ Литву; соглашался называть Баторія уже не сосѣдомъ какъ прежде, а братомъ, и вообще дѣлалъ разныя уступки. Но переговоры эти ни къ чему не повели; ибо король старался только выиграть время, чтобы приготовиться къ новому походу. Между прочимъ, для усиленія пѣхоты онъ велѣлъ набрать въ королевскихъ имѣніяхъ крестьянъ по пяти человѣкъ со ста, и эти ратные люди по окончаніи срочной службы получали свободу отъ крестьянскихъ повинностей со всѣмъ своимъ потомствомъ. Іоаннъ съ своей стороны также готовился въ теченіе зимы 1580 года: умножалъ войска и усиливалъ укрѣпленія пограничныхъ городовъ. Чтобы увеличить свои доходы на содержаніе военныхъ силъ, онъ созвалъ въ Москвѣ духовный соборъ по вопросу о церковныхъ имуществахъ; тутъ, по его желанію, составленъ былъ приговоръ въ такомъ смыслѣ, чтобы епископы, монастыри и церкви впредь не присвоивали себѣ недвижимыхъ имѣній и возвратили бы въ казну тѣ земли и села, которыя когда-то были княжескими. Не зная, куда теперь направится Баторій, царь вновь растянулъ свои силы по границамъ и ждалъ, не дерзая предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

И во второй свой походъ, предпринятый въ августѣ 1580 года, Баторій прошелъ тамъ, гдѣ его не ожидали. Онъ двинулся въ Новгородскую область по непроходимымъ дорогамъ, просѣкая путь въ лѣсахъ, пролагая гати и мосты по болотамъ; взялъ мимоходомъ крѣпости Велижъ и Усвятъ, явился подъ Великими Луками, и осадилъ этотъ зажиточный и хорошо укрѣпленный городъ. Невдалекѣ отъ него, въ Торопцѣ, стоялъ воевода Хилковъ; но онъ, также какъ Шеинъ и Шереметевъ подъ Полоцкомъ, не дерзалъ на рѣшительныя дѣйствія, а ограничивался легкими стычками. На пятый день осады, когда главная башня была взорвана подкопомъ, а деревянныя городскія стѣны зажжены, Великія Луки послѣ отчаянной обороны сдались на милость побѣдителя. Король обѣщалъ имъ пощаду; но ворвавшіеся въ городъ Венгры и Поляки произвели варварское избіеніе жителей и неистовый грабежъ. Овладѣвъ Великими Луками, Баторій послалъ войско съ княземъ Збаражскимъ на

Хилкова, который и былъ разбитъ. Затѣмъ взяты города Невель, Озерище, Заволочье. Но оршанскій воевода Филонъ Кмита, посланный къ Смоленску, потерпѣлъ пораженіе отъ воеводы Бутурлина. Съ приближеніемъ зимы Баторій снова воротился; военныя дѣйствія однако продолжались и зимой, особенно въ Ливоніи и Эстоніи, гдѣ Шведы, предводительствуемые графомъ Понтусомъ де Ла-Гарди (женатымъ на незаконной дочери шведскаго короля Іоанна), отняли у Русскихъ города Падисъ (близъ Ревеля) и Везенбергъ, кромѣ того городъ Кексгольмъ въ Кареліи. Литовскія войска въ эту зиму доходили до Старой Русы, которую сожгли, а московскіе воеводы изъ Смоленской области ходили опустошать сосѣднія литовскія земли.

Мирные переговоры однако не прекращались. Наши послы, князь Сицкій и Пивовъ, забывъ прежніе московскіе обычаи, ѣздили за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до самой Варшавы и смиренно переносили всѣ обиды и лишенія, какъ имъ было наказано отъ царя. Въ Варшавѣ они предложили польскимъ панамъ раднымъ перемиріе на условіи каждой сторонѣ остаться при томъ, чѣмъ владѣетъ; но паны не захотѣли и докладывать королю о такомъ условіи. Изъ Москвы прибыли новые послы, Пушкинъ и Писемскій, которые имѣли отъ царя наказъ терпѣть всякое униженіе, только добиваться перемирія. Имъ разрѣшалось даже не настаивать въ грамотѣ на царскомъ титулѣ, а только на словахъ замѣтить, что «государи наши не со вчерашняго дня государями, а извѣчные». Слѣдовательно, унижаясь передъ Баторіемъ, Иванъ Васильевичъ, все-таки, поручалъ сдѣлать безполезный намекъ на то, что соперникъ его со вчерашняго дня государь! Эти новые послы уступали королю всю Ливонію за исключеніемъ небольшой восточной ея части, т. е. Дерптскаго округа. Но Баторій требовалъ всей Ливоніи, кромѣ того уступки Себежа и уплаты 400,000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки. Послы извѣстили о томъ царя. Крайне уязвленный такими требованіями, Иванъ Васильевичъ отправилъ къ королю письмо, которое начиналось словами: «Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божьему изволенію, а не многомятежному человѣческому хотѣнію». Это пространное письмо исчисляло всѣ неправды Баторія по отношенію къ царю и было наполнено горькими упреками королю за его высокомѣріе, невозможныя требованія и нежалѣніе христіанской

крови. Царское посланіе застало короля уже на походѣ, именно въ Полоцкѣ. Когда королю принесли эту грамоту, обернутую въ цѣлую штуку кёльнскаго полотна, опечатаннаго двумя большими печатями, онъ разсмѣялся и сказалъ: «прежде онъ никогда не посылалъ такой большой грамоты; должно быть начинаетъ отъ Адама». Отвѣтъ на царское посланіе Баторій поручилъ сочинить канцлеру Замойскому. Канцлеръ усердно занялся этимъ отвѣтомъ: въ дѣлѣ сочинительства онъ не уступалъ Грозному, и почти ни одного его обвиненія не оставилъ безъ рѣзкаго опроверженія. Отвѣтъ былъ написанъ сначала по-латыни, подъ его руководствомъ, однимъ изъ королевскихъ секретарей. Такимъ образомъ, къ Ивану Васильевичу отъ имени короля въ свою очередь послана была въ западно-русскомъ переводѣ обширная ругательная грамота, въ которой тотъ смѣялся надъ его притязаніемъ происходить отъ кесаря Августа, и напоминалъ раболѣпіе его предковъ передъ татарскими ханами; называлъ его мучителемъ, волкомъ, ворвавшимся въ овчарню, и грубымъ ничтожнымъ человѣкомъ; упрекалъ его въ трусости и, наконецъ, вызывалъ его на поединокъ. Вмѣстѣ съ грамотой онъ прислалъ царю изданныя тогда въ Германіи книги о его предкахъ и объ немъ самомъ. Іоаннъ не нашелся, что отвѣчать на грамоту, и ограничился тѣмъ, что гонца, прибывшаго съ нею, не позвалъ обѣдать! Вмѣсто того, чтобы мужественно встрѣтить врага, онъ въ это время искалъ спасенія отъ него въ папскомъ и іезуитскомъ посредничествѣ.

На Варшавскомъ сеймѣ, въ февралѣ 1581 года, Стефанъ Баторій съ большимъ трудомъ добился согласія чиновъ произвести двухлѣтній поборъ съ земельныхъ имуществъ на военныя издержки. Паны и шляхта уже тяготились продолжительностью войны и выражали неудовольствіе на то, что король не достигъ всего въ два предыдущіе похода. Только благодаря ловкости и краснорѣчію канцлера Замойскаго, дѣло было улажено, и сеймъ согласился на новые поборы, получивъ обѣщаніе, что третьимъ походомъ война будетъ доведена до конечныхъ своихъ результатовъ. Кромѣ того, опять сдѣланы займы у герцога прусскаго, курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго. Король и любимецъ его великій канцлеръ употребляли всѣ усилія, чтобы приготовить большія силы и средства для этого третьяго похода. Между прочимъ, датчанинъ полковникъ Фаренсбахъ, находившійся прежде въ московской службѣ, но перешедшій въ польскую, былъ посланъ въ Германію, откуда привелъ новые наемные отряды нѣмецкой пѣхоты или

ландскнехтовъ; наняты были также новые отряды пѣхоты въ Венгріи, и даже составлены нѣкоторыя пѣхотныя дружины изъ бѣднѣйшей польской шляхты; литовскіе и польскіе вельможи выставили значительное конное ополченіе. И дѣйствительно, королю удалось теперь собрать такія силы, которыхъ давно не видали Польша и Литва; говорятъ, будто численность ихъ простиралась до 100,000 человѣкъ. Но обширныя приготовленія все-таки замедлили движеніе. И на сей разъ Баторій выступилъ въ походъ только въ августѣ мѣсяцѣ, надѣясь, впрочемъ, какъ и въ предыдущіе оба раза, покончить дѣло до наступленія зимы. Когда на военномъ совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ, куда направить походъ, только немногіе голоса называли Новгородъ; большинство указывало на Псковъ, который служилъ главнымъ оплотомъ Руси со стороны Ливоніи; опасно было бы оставить его въ тылу у себя, тогда какъ завоеваніе сего города отдавало всю Ливонію въ руки Поляковъ. Рѣшено было идти на Псковъ. По дорогѣ къ нему Баторій взялъ нѣсколько русскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ Островъ, котораго каменныя стѣны не устояли противъ королевскихъ пушекъ. Затѣмъ польскія войска подошли къ Пскову, который не мало привлекалъ ихъ славою своего богатства; непріятели горѣли нетерпѣніемъ овладѣть этимъ городомъ, разсчитывая найти въ немъ великую добычу. Передовой полкъ велъ Николай Радивилъ, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій. Товарищемъ у него былъ Евстафій Воловичъ. Правой рукой предводительствовалъ жмудскій староста Янъ Тышко; а лѣвой Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ минскій и литовскій подскарбій, и Николай Сапѣга, воевода минскій. Сторожевымъ полкомъ начальствовали Кристофъ Радивилъ, трокскій каштелянъ, и Филонъ Кмита, староста оршанскій. Во главѣ большого полку стоялъ великій канцлеръ Янъ Замойскій, уже во время похода пожалованный въ должность великаго короннаго гетмана. Во главѣ угорскихъ отрядовъ находился племянникъ короля Андрей Баторій. Около того времени въ лагерь Стефана прибылъ посолъ турецкаго султана. Говорятъ, смотря на многочисленность войска и особенно любуясь убранствомъ польской и западно-русской конницы, онъ замѣтилъ: «Если бы наши государи соединились вмѣстѣ, то побѣдили бы всю вселенную».

Нападеніе на сей разъ не было неожиданнымъ. Царь имѣлъ полную возможность заранѣе узнать о грозившей Пскову опасности и приготовить его къ оборонѣ. Пришедшія кое-гдѣ въ ветхость

каменныя массивныя стѣны и башни его были обновлены и усилены новыми укрѣпленіями, каменными, деревянными и земляными; снабжены какъ ручницами, такъ и тяжелымъ нарядомъ, т. е. пушками и пищалями, для которыхъ въ изобиліи приготовлены порохъ и ядра. Собственно военный гарнизонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ конницы, преимущественно боярскихъ дѣтей, и нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ; но и всѣ граждане, способные носить оружіе, составили ополченіе, такъ что число всѣхъ защитниковъ города простиралось отъ 30 до 40 тысячъ (а по словамъ непріятелей будто бы до 50,000). Главными воеводами здѣсь поставлены были два князя Шуйскіе, Василій Ѳедоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ; подъ ними начальствовали: Никита Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, князья Ив. Анд. Хворостининъ, Влад. Ив. Бахтеяровъ-Ростовскій, Вас. Мих. Лобановъ-Ростовскій и др. Князь И. П. Шуйскій, хотя въ старшинствѣ уступалъ В. Ѳ. Шуйскому, но по своей ратной славѣ, по уму и энергіи занялъ первое мѣсто; самъ Иванъ Васильевичъ объявилъ ему, что на его мужество возлагаетъ особую надежду. Отпуская воеводъ во Псковъ, царь взялъ съ нихъ торжественную клятву въ Успенскомъ соборѣ передъ иконою Владимірской Божьей Матери, что они не сдадутъ города Баторію, пока живы. А воеводы въ свою очередь привели къ такой же присягѣ войско и гражданъ. По ихъ приказу окрестные сельчане тоже собрались въ городѣ съ своими семьями и хлѣбными запасами и «сѣли въ осадѣ»; а подгородныя слободы и селенія были по обычаю выжжены, чтобы ими не пользовались непріятели.

Воеводы назначили свое мѣсто каждому начальнику съ его отдѣломъ по всѣмъ городскимъ стѣнамъ, которыя тянулись въ окружности на семь или восемь верстъ, обнимая всѣ четыре части города: Кремль, Средній городъ, Большой или Окольный и Запсковье. Духовенство непрестанно служило молебны, всенародно совершало вокругъ города крестные ходы, поднимая наиболѣе чтимыя иконы, даже мощи св. князя Всеволода-Гавріила и одушевляя защитниковъ ревностію постоять за православную вѣру противъ короля-латынянина. Во главѣ псковскаго духовенства въ эту минуту находились: протоіерей Троицкаго собора Лука и игуменъ Псково-Печерскаго монастыря Тихонъ, прибывшій въ городъ изъ своей обители. Новгородскій архіепископъ Александръ прислалъ къ своей псковской паствѣ увѣщательную грамоту о крѣпкой оборонѣ противъ враговъ. Значительныя московскія силы въ то же время располо-

жены были частію въ Новгородѣ, частію въ Ржевѣ и Волокѣ Ламскомъ; на Окѣ стояли съ войскомъ Василій Ивановичъ Шуйскій и Шестуновъ, на случай вторженія Крымцевъ. Самъ Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Александровской Слободы съ своимъ дворовымъ полкомъ, какъ бы намѣреваясь принять личное участіе въ войнѣ. Но онъ дошелъ до Старицы, и здѣсь остановился.

26 августа, во Псковъ прискакала конная застава изъ боярскихъ дѣтей, которая держала стражу за пять верстъ отъ города на берегу рѣки Черехи, впадающей въ Великую съ восточной стороны; въ виду наступавшихъ многочисленныхъ силъ, стража послѣ небольшой стычки побѣжала въ городъ и возвѣстила о приближеніи непріятеля. Воеводы тотчасъ велѣли звонить въ осадный колоколъ и зажечь Завеличье, т. е. посадъ на другой сторонѣ рѣки Великой, чтобы врагъ не нашелъ тамъ готовыхъ для себя жилищъ. Съ городскихъ стѣнъ наблюдали они, какъ темныя массы непріятелей окружали городъ и каждый отрядъ занималъ мѣсто, назначенное ему для осады. Чтобы помѣшать слишкомъ тѣсному обложенію, воеводы велѣли дѣлать вылазки и въ то же время открыть пальбу изъ большого наряда. Тогда много непріятелей было побито; это заставило ихъ держаться подалѣе отъ стѣнъ, а также заслоняться рощами и пригорками. Между русскими пушками были двѣ, носившія названіе трескотухи и барса, которыя бросали каменныя глыбы до самаго королевскаго стана; послѣдній расположился было на московской дорогѣ, на мѣстѣ села Любатова, подлѣ храма Николая Чудотворца. Если вѣрить одному русскому сказанію, король не ожидалъ найти во Псковѣ такой большой нарядъ и такихъ опытныхъ пушкарей; удивленный и разсерженный, онъ велѣлъ отнести свои шатры далѣе къ рѣкѣ Черехѣ и поставить ихъ за холмами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель устроивалъ свои лагери, укрѣпляя ихъ обозами и окопами. Угры стали подлѣ рѣки Великой, въ которую уперлись своимъ лѣвымъ бокомъ; рядомъ съ ними расположились Поляки; далѣе помѣстились наемные Нѣмцы, а за ними, на правомъ крылѣ осаждающаго войска, стали Литвины. Баторій и его правая рука Замойскій, осмотрѣвъ ближе обширность и прочность городскихъ стѣнъ и башенъ, убѣдились, что Псковомъ овладѣть очень нелегко, и тѣмъ болѣе, что въ осаждавшемъ войскѣ чувствовался недостатокъ пороху, такъ какъ большее его количество, заготовленное для похода, вслѣдствіе

небрежности стражи, подверглось взрыву. Поэтому рѣшили сосредоточить усилія на одномъ пунктѣ города, т. е. немедля разбить его артиллеріей и затѣмъ попытаться взять приступомъ. Для этого избрали тотъ южный уголъ, который примыкалъ къ рѣкѣ Великой, а именно часть стѣны, ограниченной съ одной стороны башней Покровской, съ другой такъ называемыми Великими воротами; въ серединѣ этого пространства находилась башня Свинская (или Свинерская). Противъ Покровской башни должны были дѣйствовать Угры, а противъ Свинской Поляки.

1-го сентября новаго 1582 года (по русскому счисленію того времени) непріятели начали копать «великія борозды» (шанцы) отъ своихъ лагерей къ городу, конечно не прямо, а зигзагами, такъ что выкопанная земля ложилась валомъ вдоль рвовъ и защищала ихъ отъ выстрѣловъ изъ города. Не смотря на всю трудность работы по причинѣ каменистой почвы, въ пять дней и ночей они успѣли довести свои траншеи почти до городского рва; прикатили туры или плетенки изъ хвороста, набили ихъ землею; на удобныхъ мѣстахъ устроили пять окоповъ съ амбразурами и приволокли въ нихъ пушки. Эти приготовленія были легко замѣчены осажденными. Русскіе воеводы съ своей стороны не дремали; стараясь пальбою по возможности мѣшать непріятельскимъ работамъ, они въ то же время усилили укрѣпленія, а именно позади каменной стѣны поставили другую стѣну, деревянную; умножили здѣсь нарядъ, а также число боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ. Частью стѣны или такъ называемымъ «прясломъ», заключеннымъ между Покровскою башнею и Великими воротами, начальствовалъ князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ, отличавшійся великимъ ростомъ и мужествомъ. Къ нему на совѣтъ часто пріѣзжалъ сюда и самъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ своими товарищами воеводами и съ двумя государевыми псковскими дьяками, Булгаковымъ и Малыгинымъ, да съ третьимъ Лихачевымъ, дьякомъ Пушечнаго приказа. Когда начальникъ выдвинутой впередъ непріятельской артиллеріи, панъ Юрій Зиновьевъ Угровецкій, извѣстилъ короля, что все готово, то получилъ приказъ начать бомбардировку. 7-го числа съ ранняго утра открылась непрерывная пальба изъ 20 орудій; она продолжалась цѣлый день, и возобновилась на слѣдующее утро. Покровская башня была сбита почти вся до земли, а Свинская на половину; 24 сажени городской стѣны обвалилось, а въ сосѣднихъ мѣстахъ ея образовались многіе проломы. Король спѣшилъ пользоваться ми-

нутою, и велѣлъ немедля сдѣлать приступъ. Русское сказаніе прибавляетъ, что отправляемыхъ на приступъ военныхъ начальниковъ и ротмистровъ онъ угостилъ веселымъ обѣдомъ; а они изъявили увѣренность, что ужинать будутъ у него въ тотъ же день уже въ городѣ Псковѣ. Обрадованный этою увѣренностію, король обѣщалъ раздѣлить съ ними всѣ псковскія богатства.

Съ распущенными знаменами и трубными звуками, Угры и Поляки вышли изъ своихъ траншей и окоповъ и устремились на приступъ. Король наблюдалъ за ними съ одного холма на берегу рѣки Великой. Распоряжавшійся приступомъ, гетманъ Замойскій на помощь Полякамъ двинулъ сосѣднихъ съ ними Нѣмцевъ. Въ запасѣ поставлена была польская конница, въ числѣ предводителей которой находился и Юрій Мнишекъ; она должна была охранять штурмующіе отряды отъ нападеній съ праваго крыла, а съ лѣваго ихъ защищалъ высокій берегъ рѣки Великой. Русскіе воеводы съ своими частями уже были наготовѣ. Они велѣли звонить въ осадный колоколъ, который висѣлъ въ Среднемъ городѣ на городской стѣнѣ у церкви Василія Великаго на Горкѣ, и открыли пальбу изъ наряда по наступающимъ непріятелямъ. Не смотря на большія потери отъ сей пальбы, послѣдніе, закрываясь щитами, дружно и храбро полѣзли въ проломы, которые вскорѣ и заняли; равно овладѣли Покровской и Свинской башнями. Но тутъ и кончились ихъ успѣхи; ибо за разрушенной каменной стѣной они встрѣтили другой ровъ и другую вновь изготовленную деревянную стѣну, мужественно обороняемую осажденными, почему и не могли проникнуть въ городъ. Однако они упорно продолжали приступы, и лѣзли на стѣны, стрѣляя изъ занятыхъ ими башенъ почти въ упоръ осажденнымъ. Были моменты, когда защитники падали духомъ, и едва устояли. Но тутъ Иванъ Петровичъ Шуйскій употребилъ чрезвычайныя усилія; онъ на конѣ переѣзжалъ отъ одного опаснаго мѣста къ другому, и дѣйствовалъ гдѣ угрозами, а гдѣ слезными мольбами, чтобы укрѣпить и одушевить сражающихся. Пѣшіе ратники стояли у подножья стѣны и отражали наступавшихъ копьями, рогатинами и саблями; а со стѣны поражали ихъ стрѣльцы изъ пищалей и ручницъ, дѣти боярскіе изъ луковъ, другіе метали на нихъ камни. По звону осаднаго колокола псковскіе граждане, простившись съ женами и дѣтьми, съ разныхъ сторонъ бѣжали къ проломленнымъ стѣнамъ, чтобы подкрѣпить изнемогшихъ въ битвѣ. Большой нарядъ гремѣлъ непрестанно; удачнымъ выстрѣломъ од-

ной изъ тѣхъ пушекъ, которыя назывались барсами, удалось побить множество непріятелей, занимавшихъ Свинскую башню; затѣмъ воеводы велѣли подкатить подъ эту башню значительное количество пороха, и зажечь его. Остатокъ башни былъ взорванъ вмѣстѣ съ непріятелемъ, который трупами своими усталъ ея мѣсто и завалилъ сосѣдніе рвы.

Межъ тѣмъ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ духовенство, вмѣстѣ съ стариками, женщинами и дѣтьми, слезно молилось объ избавленіи города отъ плѣненія. Вдругъ, въ самую трудную минуту для осажденныхъ, приходитъ отъ воеводъ просьба, чтобы несли Печерскую икону Успенія Богородицы вмѣстѣ съ другими чудотворными иконами и мощи Всеволода-Гавріила къ проломному мѣсту. Когда процессія духовенства и монаховъ съ сими святынями, въ сопровожденіи народной толпы, приблизилась къ пролому, ратники одушевились вѣрою въ помощь и заступничество свыше, и съ такой энергіей ударили на враговъ, что побѣда вскорѣ склонилась на ихъ сторону. Одушевленіе овладѣло и самыми женщинами, такъ что многія изъ нихъ поспѣшили къ мѣсту боя, однѣ съ веревками, чтобы тащить въ городъ орудія, отбитыя у непріятелей, другія катили камни для избіенія сихъ послѣднихъ, третьи несли воду, чтобы освѣжить воиновъ, изнемогавшихъ отъ жажды. Поляки и Нѣмцы были выбиты изъ проломовъ; только Угры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ, еще держались и отстрѣливались. Но осажденнымъ удалось, наконецъ, зажечь эту башню, послѣ чего и Угры обратились въ бѣгство. Русскіе преслѣдовали непріятелей, многихъ побили и взяли въ плѣнъ, особенно тѣхъ, которые застряли въ крѣпостномъ рву. Въ добычу побѣдителей досталось много доспѣховъ и оружія, въ томъ числѣ самопаловъ и разныхъ огнестрѣльныхъ ручницъ. Была уже ночь, когда окончилась битва. Велика была радость псковичей по случаю этой побѣды; горячіе благодарственные молебны пѣлись въ церквахъ. Убитыхъ хоронили они какъ мучениковъ, павшихъ за православную вѣру; а раненыхъ начали лечить «изъ государевой казны». Число первыхъ простиралась за 860 человѣкъ, а вторыхъ за 1600; тогда какъ непріятелей легло на этомъ приступѣ около 5000. Въ числѣ павшихъ находился храбрый венгерскій воевода Гавріилъ Бекешъ.

Король былъ сильно огорченъ. Однако, на слѣдующій день, скрывъ свою досаду, онъ созвалъ военный совѣтъ, и объявилъ, что намѣренъ взять Псковъ во что бы ни стало. За порохомъ немед-

ленно отправлены гонцы въ Ригу, къ герцогу Курляндскому и въ нѣкоторыя другія мѣста; а въ ожиданіи его начали вести къ городу подкопы въ разныхъ пунктахъ. Къ осажденнымъ воеводамъ посылались льстивыя грамоты, склонявшія ихъ къ сдачѣ. Но воеводы бодрствовали неутомимо. Они укрѣпили проломы деревянными стѣнами, острымъ дубовымъ частоколомъ и рвомъ, и приготовили все нужное для отраженія новыхъ приступовъ: котлы для кипяченія воды, чтобы этимъ кипяткомъ обдавать непріятелей, кувшины съ порохомъ (гранаты), чтобы бросать на нихъ же, сухую сѣяную известь, чтобы ослѣплять имъ глаза, и т. п. На льстивыя грамоты они отписывались изъявленіемъ готовности умереть за вѣру и своего государя. Нерѣдко, особенно въ ночное время, осажденные дѣлали вылазки, и не давали покою непріятелю. Во время одной удачной вылазки они захватили нѣсколько «литовскихъ языковъ» (т. е. западнорусскихъ), и отъ нихъ узнали о подкопахъ, которыми непріятель надѣется взять городъ: каждый отдѣлъ войска ведетъ свой подкопъ, т. е. Поляки, Угры, Литва, Нѣмцы и прочіе; такъ что всѣхъ девять подкоповъ; но гдѣ именно они велись, плѣнные не могли указать. Свѣдавъ о такой опасности, воеводы повели противъ подкоповъ свои подземныя работы или с л у х и; однако, вначалѣ они не могли открыть подкопы и очень печалились о томъ; поручили духовенству день и ночь молиться объ избавленіи града отъ угрожавшаго бѣдствія и совершать крестные ходы къ наиболѣе опаснымъ мѣстамъ. Молитвы были услышаны. Изъ литовскаго войска перебѣжалъ во Псковъ одинъ бывшій полоцкій стрѣлецъ, по имени Игнашъ. Онъ съ городской стѣны указалъ воеводамъ на тѣ мѣста, гдѣ велись подкопы. Тогда слухи направились къ указаннымъ мѣстамъ, и скоро сошлись съ подкопами, которые оказались преимущественно между Покровскими и Свинскими воротами и въ другихъ ближнихъ пунктахъ; слѣдовательно, непріятель вновь готовилъ приступъ на ту же часть города. Русскіе п е р е н я л и главные подкопы, т. е. обрушили ихъ; остальные обрушились сами или остановились, встрѣтивъ на своемъ пути каменныя глыбы. Такимъ образомъ и эта опасность миновала городъ Псковъ. Послѣ того непріятели еще нѣсколько разъ предпринимали внезапные приступы, стараясь ворваться въ городъ, но всегда встрѣчали готовый отпоръ. Пытались они изъ пушекъ, поставленныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой, бросать каленыя ядра, чтобы произвести пожары въ городѣ; но и эта попытка осталась безуспѣшна.

28-го октября непріятельскіе гайдуки и каменьщики скрытно подошли къ стѣнѣ, заключавшейся между Покровской башней и Покровскими водяными воротами (со стороны рѣки Великой), и, закрываясь особо устроенными щитами, начали кирками и ломами подсѣкать основаніе стѣны. Вскорѣ часть этой каменной стѣны обвалилась въ рѣку Великую; но за нею оказалась еще деревянная стѣна; послѣднюю непріятели хотѣли поджечь, между тѣмъ какъ орудія изъ Завеличья направляли свои ядра въ то же мѣсто. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, гайдуки упорно продолжали подрубать стѣны. Воеводы велѣли провертѣть окна въ деревянной стѣнѣ и стрѣлять въ нихъ изъ ручницъ, лить на нихъ горячую смолу, деготь и кипятокъ, бросать зажженный осмоленый ленъ и гранаты съ порохомъ. Тогда гайдуки, не стерпя ожоговъ и удушливаго дыму, побѣжали прочь. Но часть ихъ такъ подрубилась подъ стѣны, что невозможно было ихъ достать выстрѣлами или горючими снарядами. Воеводы, по чьему-то хитрому совѣту, велѣли устроить длинные шесты, а къ нимъ привязать кнуты или ремни и веревки съ желѣзными крюками на концахъ; забрасывая эти крюки, осажденные хватали ими гайдуковъ за одежду и затѣмъ выдергивали изъ-подъ стѣны, а стрѣльцы тотчасъ поражали ихъ изъ самопаловъ. Устрашенные тѣмъ, и остальные гайдуки обратились въ бѣгство. Раздраженный неудачею, Баторій велѣлъ усилить пальбу по городу и спустя нѣсколько дней (2-го ноября), сдѣлать новый приступъ отъ рѣки Великой, которая уже покрылась льдомъ; но и этотъ приступъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Извѣщая царя о своихъ успѣхахъ и потеряхъ, воеводы просили о присылкѣ подкрѣпленій. Царь исполнилъ ихъ просьбу. Но отряды, пытавшіеся проникнуть въ городъ на лодкахъ по Великой, большею частію были перехватываемы непріятелемъ. Такъ въ концѣ сентября или началѣ октября мѣсяца, Никита Хвостовъ, высадясь на берегъ, пытался незамѣченнымъ проникнуть въ городъ съ 600 стрѣльцовъ. Но изъ нихъ только одной сотнѣ удалось пробраться сквозь непріятельскую цѣпь, а остальные безъ успѣха воротились на лодки. При этомъ самъ Хвостовъ попался въ плѣнъ. «Я не видывалъ такого красиваго и статнаго мужчины, какъ этотъ Хвостовъ,— говорится въ одномъ польскомъ дневникѣ, веденномъ во время осады.— Онъ могъ бы поспорить со львомъ; еще молодой, лѣтъ подъ 30. Все войско ходитъ на него дивиться». Удачнѣе оказалась попытка проникнуть въ городъ сухимъ путемъ между непріятельскими лагерями;

такая попытка удалась стрѣлецкому головѣ Мясоѣдову; хотя при семъ онъ и потерялъ часть людей, однако, успѣлъ привести нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, и это подкрѣпленіе оживило бодрость осажденныхъ, а осаждающихъ привело еще въ большее уныніе. Наступала уже суровая зима; непріятели терпѣли стужу, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и частыя тревоги отъ русскихъ вылазокъ. Войско роптало. Поляки и Литовцы выражали сильное желаніе воротиться домой, а наемные отряды требовали еще уплаты жалованья. Главное неудовольствіе обратилось на гетмана Замойскаго; его обвиняли въ томъ, что онъ, много лѣтъ потративъ на ученье въ итальянскихъ школахъ, отсталъ отъ воинской науки и своимъ упрямствомъ только губитъ войско. На него писали пасквили въ прозѣ и стихахъ. Но Замойскій въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ обнаружилъ замѣчательную твердость духа и силу воли. Строгими наказаніями онъ старался поддержать дисциплину, и склонялъ короля къ продолженію осады. Такъ какъ въ порохѣ ощущался большой недостатокъ (изъ Риги подвезли его небольшое количество), то пришлось отказаться отъ надежды взять городъ бомбардировкой и приступами, и король измѣнилъ осаду въ обложеніе или блокаду, для чего отвелъ войско далѣе отъ стѣнъ и расположилъ его въ наскоро построенныхъ избахъ и баракахъ.

Во время псковской осады совершались любопытныя дѣйствія и на другихъ театрахъ войны. Во-первыхъ, предпріятіе Поляковъ противъ Псково-Печерской обители. Сія обитель, какъ мы видѣли, обновленная дьякомъ Мунехинымъ, расположенная верстахъ въ пятидесяти къ западу отъ Пскова, находилась тогда на дорогѣ въ Лифляндію и потому много мѣшала сообщеніямъ королевскаго войска съ этимъ краемъ. Ея каменныя стѣны и башни были снабжены пушками; кромѣ вооружившихся монаховъ, ее обороняли стрѣльцы и дѣти боярскіе, подъ начальствомъ Юрія Нечаева. Высылаемые имъ отряды перенимали обозы, шедшіе изъ Риги съ разными припасами подъ Псковъ, и били появлявшихся въ окрестностяхъ польскихъ фуражировъ. Чтобы положить конецъ такимъ подвигамъ, Баторій послалъ Фаренсбаха съ Нѣмцами и Борнемису съ Уграми, далъ имъ пушки и велѣлъ взять монастырь. Но тщетно эти начальники водили своихъ людей на приступы. Всѣ ихъ попытки окончились полнымъ пораженіемъ, и они со стыдомъ ушли назадъ. Съ другой стороны король послалъ особое войско подъ начальствомъ Кристофа Радивила и Филона Кмиты въ глубь Московскаго госу-

царства, чтобы отвлечь москвитянъ отъ вторженія въ литовскіе предѣлы. Радивилъ разбилъ нѣсколько встрѣчныхъ московскихъ отрядовъ и дошелъ до города Ржева, т. е. до береговъ Волги, откуда уже недалеко было до Старицы, гдѣ пребывалъ тогда Иванъ Васильевичъ со своей придворной дружиной. Но обманутый ложными вѣстями о многочисленности войскъ, окружавшихъ царя, Радивилъ повернулъ назадъ. А Иванъ Васильевичъ, узнавъ о томъ, что опасность была такъ близка, перепугался, и съ своимъ дворомъ бѣжалъ въ Александровскую Слободу. Наконецъ, важныя военныя дѣйствія совершались въ это время со стороны Шведовъ. Пользуясь тѣмъ, что русскія силы были заняты борьбою съ польскимъ королемъ и что для этой борьбы пришлось ослабить русскіе гарнизоны въ ливонскихъ городахъ, Шведы, предводимые Понтусомъ де-ла-Гарди, продолжали свои завоеванія въ Эстоніи. Тутъ самою чувствительною для насъ утратою была Нарва; съ ея завоеваніемъ прекратилась и наша непосредственная балтійская морская торговля съ Западной Европой. Послѣ Нарвы, де-ла-Гарди овладѣлъ сосѣднимъ Ивангородомъ и далѣе на востокѣ нашими городами Ямомъ и Копорье; потомъ обратился опять на западъ, взялъ Вейсенштейнъ и осадилъ Перновъ, т. е. вторгся уже въ самую Ливонію, чѣмъ причинилъ досаду своимъ союзникамъ Полякамъ, которые смотрѣли на Ливонію какъ на свою добычу. Когда осада Пскова пошла неудачно и замедлилась, Шведы предложили Баторію придти къ нему на помощь; но предложеніе этихъ союзниковъ было отклонено. ([52]).

Въ такихъ печальныхъ для Россіи обстоятельствахъ, навлеченныхъ на нее близорукою политикой, тиранствомъ и трусостью Ивана Грознаго, сей послѣдній какъ бы забылъ о многочисленной остававшейся у него рати, и всѣ свои надежды возлагалъ на переговоры, на иноземное посредничество. Такъ какъ обращенія за содѣйствіемъ къ преемнику Максимиліана II, воображаемому союзнику нашему германскому императору Рудольфу II, оставались безполезны, то при московскомъ дворѣ вспомнили о римской куріи, и постарались возобновить съ ней сношенія, прерванныя послѣ Василія III. Хотя со стороны папъ за это время и было сдѣлано нѣсколько попытокъ вновь завязать сношенія съ московскимъ государемъ и даже расположить его въ пользу церковнаго единенія предложеніемъ королевскаго титула; но эти попытки обыкновенно разбивались о враждебность къ Россіи польскихъ королей Сигизмунда I и Сигизмунда

Августа, которые постоянно препятствовали таковымъ сношеніямъ и прямо не пропускали папскихъ пословъ чрезъ свои владѣнія. Въ Москву, вѣроятно, доходили вѣсти объ этихъ попыткахъ, и вотъ теперь, въ трудную минуту, тамъ рѣшили ими воспользоваться. Еще во время второго, т. е. великолуцкаго похода Баторія, Иванъ Васильевичъ «приговорилъ» съ сыномъ своимъ царевичемъ Иваномъ и съ боярами послать гонцомъ Истому Шевригина, въ сопровожденіи толмача, съ грамотами къ цесарю Рудольфу и къ римскому папѣ. Истома былъ отпущенъ изъ Москвы 6-го сентября 1581 года и отправился кружнымъ путемъ черезъ Ливонію и Перновъ, потомъ моремъ и черезъ Данію въ Германію, а оттуда въ Римъ. Грамоты, написанныя Рудольфу, и на сей разъ вызвали дружескіе, но уклончивые отвѣты, въ которыхъ однако настойчиво повторялись прежніе намеки, что царь напрасно воюетъ Ливонію, ибо она составляетъ ленную имперскую землю. Въ Римѣ же наоборотъ отнеслись весьма сочувственно къ просьбѣ царя о посредничествѣ въ мирныхъ переговорахъ между нимъ и Баторіемъ; гонца нашего обласкали, и очевидно были очень рады случаю возобновить свои старыя попытки къ соединенію церквей. Папа Григорій XIII назначилъ своимъ посланникомъ къ Баторію и царю Ивану члена Іезуитскаго ордена, Антонія Поссевина, котораго и отправилъ въ Россію вмѣстѣ съ московскимъ гонцомъ. Не ранѣе іюля того же 1581 года воротился Истома Шевригинъ къ царю съ отвѣтными грамотами, а спустя мѣсяцъ, прибылъ къ нему и Антоній Поссевинъ.

Въ Римѣ, очевидно, возлагали большія надежды на посольство Поссевина. И дѣйствительно, трудно было найти въ то время болѣе искуснаго и опытнаго дипломата. Онъ уже былъ знакомъ съ европейскимъ сѣверо-востокомъ, ибо не задолго совершилъ путешествіе въ Польшу и Швецію, при чемъ убѣдилъ шведскаго короля Іоанна III тайно воротиться въ католицизмъ. Не довольствуясь симъ знакомствомъ, Поссевинъ внимательно просмотрѣлъ въ папской канцеляріи всѣ важные документы, относившіеся къ прежнимъ сношеніямъ римской куріи съ Москвою, а также и нѣкоторыя записки о ней европейскихъ пословъ и путешественниковъ. При своемъ отъѣздѣ онъ снабженъ былъ отъ куріи ясно опредѣленной инструкціей, которая предписывала ему при заключеніи мира между королемъ и царемъ выставить послѣднему все участіе къ нему папы, и склонить его какъ къ союзу противъ Турокъ,

такъ и къ соединенію церквей, при чемъ поставить ему на видъ, что гораздо почетнѣе будетъ для него признать главою своей церкви Римскаго первосвященника, нежели слугу Турокъ патріарха Константинопольскаго. Поручалось ему также устроить торговыя сношенія Руси съ Венеціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ пріѣзда въ Москву купцовъ-католиковъ, испросить дозволеніе на постройку въ ней католическихъ храмовъ. Кромѣ того, поручалось собрать всевозможныя свѣдѣнія о дѣлахъ, касающихся вѣры, а также о сосѣдяхъ и военныхъ силахъ москвитянъ. Въ Прагѣ, послѣ посѣщенія цесарскаго двора, Поссевинъ разстался съ Шевригинымъ: послѣдній поѣхалъ въ Москву опять кружнымъ путемъ черезъ Балтійское море; а посолъ-іезуитъ направился къ Баторію, котораго нашелъ въ Вильнѣ, въ іюнѣ 1581 года, во время его приготовленій къ псковскому походу. Король сначала недовѣрчиво отнесся къ миссіи іезуита; но скоро поддался его искуснымъ внушеніямъ, раскрылъ ему свои виды и планы, и взялъ его съ собой въ походъ. Въ Полоцкѣ они разстались: король двинулся къ Пскову, а Поссевинъ направился къ царю, который тогда находился въ Старицѣ. Дѣятельный іезуитъ не терялъ времени даромъ и на самомъ пути своемъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ доносилъ въ Римъ о томъ, какъ совратилъ въ католичество начальника конвоя, даннаго ему королемъ (начальникъ этотъ былъ православный русинъ), и какъ потомъ совратилъ туда же одного русскаго переводчика.

На московской границѣ Поссевина принялъ высланный царемъ русскій конвой, состоявшій изъ отряда всадниковъ, одѣтыхъ въ шелковые кафтаны съ золотыми позументами. Но царь, очевидно, догадывался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и потому въ наказѣ назначенному при послѣ приставу (Залѣшанину-Волкову) поручалось на вопросы о войнѣ съ Баторіемъ отвѣчать обстоятельно, но если посолъ начнетъ «задирать» и говорить о вѣрѣ, то сказать, что «грамотѣ не учился», и ничего про вѣру не говорить. Въ Старицѣ папскому посольству былъ оказанъ весьма почетный пріемъ; тутъ между разными дарами, присланными папою, посолъ привезъ царю печатную книгу о Флорентійскомъ соборѣ на греческомъ языкѣ. 20-го августа дана была ему первая аудіенція, за которою послѣдовало роскошное угощеніе. Посольство прогостило въ Старицѣ болѣе трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ часто вело переговоры съ самимъ царемъ или съ его боярами о торговыхъ сношеніяхъ москвитянъ съ Венеціей, а, главное, объ условіяхъ перемирія съ польскимъ коро-

лемъ и объ общемъ союзѣ противъ Турокъ. Но разговоры о церковномъ вопросѣ постоянно отклонялись царемъ впредь до замиренія съ Польшею. Чтобы ускорить это замиреніе, Поссевинъ отправленъ былъ въ королевскій лагерь подъ Псковъ; при царскомъ дворѣ остались два патера изъ его товарищей. Послѣ того обоюдные гонцы съ письмами нерѣдко скакали между Псковомъ и Александровскою Слободою (куда царь бѣжалъ изъ Старицы); но мирные переговоры плохо подвигались впередъ, потому что король желалъ прежде овладѣть Псковомъ и потомъ уже предписать миръ Іоанну; а послѣдній съ своей стороны никакъ не могъ помириться съ мыслію о потерѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, на чемъ прежде всего настаивалъ Баторій. Въ этихъ переговорахъ, какъ и слѣдовало ожидать, іезуитъ-посредникъ уже съ самаго начала повелъ себя пристрастно, т. е. держалъ сторону короля-католика противъ православнаго царя, хотя постоянно ставилъ на видъ послѣднему свое яко бы радѣніе о его пользахъ. Поссевинъ, очевидно, желалъ, чтобы вся Ливонія сосредоточилась въ польскихъ рукахъ, надѣясь съ ихъ помощью возстановить тамъ католицизмъ; поэтому въ своихъ письмахъ Ивану Васильевичу онъ явно старался запугать его могуществомъ Баторія и предрасположить къ уступкѣ Ливоніи.

Съ одной стороны запугиванія подѣйствовали на Іоанна; а съ другой неудачная и надолго затянувшаяся осада Пскова побудила и Баторія къ открытію непосредственныхъ переговоровъ о перемиріи. Изъ Москвы отправлены уполномоченными для сего князь Димитрій Елецкій и печатникъ Романъ Алферьевъ; а изъ королевскаго стана Янушъ Збаражскій, воевода брацлавскій, Альбрехтъ Радивилъ, надворный литовскій маршалокъ, оба католики, и Михаилъ Гарабурда, секретарь великаго княжества Литовскаго, православный. Въ декабрѣ 1582 года уполномоченные той и другой стороны вмѣстѣ съ папскимъ посломъ съѣхались между Порховымъ и Запольскимъ Ямомъ и расположились въ деревнѣ Киверова Горка. Мѣстность была разорена и опустошена войною, такъ что папскому послу и польскимъ сановникамъ пришлось жить въ курныхъ избахъ и терпѣть всякаго рода лишенія; но русскіе послы и ихъ свита. по словамъ Поссевина, щеголяли своими нарядами и конскими приборами и имѣли съ собой обильные запасы; кромѣ того, снабжались съѣстными припасами изъ Новгорода, такъ что имѣли возможность ежедневно угощать сего посредника. Впрочемъ, холодъ

и другія лишенія не особенно вредили Поссевину, ибо онъ отличался крѣпкимъ, закаленнымъ организмомъ. Подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ и происходили мирные переговоры, открывшіеся засѣданіемъ 13-го декабря: по правую отъ него руку садились польскіе послы, по лѣвую русскіе; подлѣ стоялъ переводчикъ, родомъ русинъ (котораго іезуитъ, повидимому, успѣлъ совратить въ католичество). На этомъ первомъ засѣданіи прочитаны были вѣрительныя грамоты обѣихъ сторонъ.

Межъ тѣмъ Баторій уступилъ ропоту польскихъ и литовскихъ пановъ, и увелъ ихъ изъ псковскаго лагеря, а самъ отправился въ Вильну; онъ намѣренъ былъ убѣждать сеймъ къ новымъ пожертвованіямъ на продолженіе войны. Подъ Псковомъ остался Замойскій только съ наемными отрядами; онъ терпѣлъ всѣ невзгоды, ропотъ войска, частыя русскія вылазки, однако продолжалъ блокаду города, чтобы совершеннымъ отступленіемъ отъ него не дать москвитянамъ повода къ торжеству и къ требованію болѣе выгодныхъ мирныхъ условій. Но свою славу искуснаго политика и мужественнаго воеводы Замойскій омрачилъ слѣдующимъ гнуснымъ поступкомъ. Изъ польскаго лагеря явился въ городъ одинъ русскій плѣнникъ съ ларцомъ и запискою къ князю Ивану Петровичу Шуйскому. Записка была составлена отъ имени нѣмца Моллера, который прежде вмѣстѣ съ Фаренсбахомъ находился въ царской службѣ и теперь будто бы хотѣлъ вновь перейти на русскую сторону, а напередъ посылалъ ящикъ съ своей казной и драгоцѣнностями. Шуйскій, по совѣту другихъ воеводъ, остерегся самъ открывать ящикъ и поручилъ это сдѣлать слесарю; оказалось, что ящикъ былъ наполненъ порохомъ и заряженнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Возмущенный такимъ коварствомъ, Шуйскій, какъ разсказываютъ, послалъ Замойскому вызовъ на поединокъ, который, однако, не состоялся.

Засѣданія уполномоченныхъ въ Киверовой Горкѣ происходили почти ежедневно; всѣхъ засѣданій насчитывали болѣе двадцати. Уже отсюда видно, какъ медленно подвигались впередъ мирные переговоры, и какъ упорно обѣ стороны отстаивали свои условія. Главнымъ препятствіемъ для соглашенія попрежнему служила Ливонія. Московскіе послы пытались удержать хотя небольшую ея часть, одинъ только Деритскій округъ; но польскіе уполномоченные требовали уступки всѣхъ занятыхъ русскими ливонскихъ городовъ и замковъ; требовали еще и денежнаго вознагражденія за

военныя издержки. Москвитяне затянули переговоры и потому, что знали о трудномъ положеніи польскаго войска, осаждавшаго Псковъ, ждали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны московскихъ воеводъ и снятія осады. Но эти воеводы сидѣли по городамъ или стояли въ полѣ и бездѣйствовали, какъ, напримѣръ, князь Юрій Голицынъ въ Новгородѣ, Мстиславскій въ Волокѣ и т. д. Одинъ Шуйскій ратоборствовалъ во Псковѣ. 4-го января 1582 года онъ сдѣлалъ сильную вылазку, сорокъ шестую по счету, побилъ много непріятелей и взялъ знатное количество плѣнныхъ. Послѣ сей вылазки одинъ изъ королевскихъ дворянъ, Станиславъ Жолкѣвскій (родственникъ гетмана Замойскаго и самъ знаменитый впослѣдствіи польскій гетманъ), прискакалъ на мѣсто посольскаго съѣзда съ донесеніемъ отъ Замойскаго; послѣдній извѣщалъ польско-литовскихъ пословъ, чтобы они поспѣшили какъ можно скорѣе заключить перемиріе, ибо ему сдѣлалось почти невозможнымъ поддерживать долѣе свою блокаду.

Тогда князь Збаражскій сообщилъ русскимъ посламъ, чтобы они немедленно объявили свои послѣднія условія, такъ какъ отъ короля будто бы полученъ приказъ прервать переговоры; затѣмъ далъ имъ сроку три дня. Антоній Поссевинъ, хотя и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе самихъ Поляковъ тѣмъ, что болѣе заботился объ обращеніи московскаго государя въ католицизмъ, чѣмъ о польскихъ интересахъ; однако, онъ неизмѣнно держалъ ихъ сторону, подтверждалъ ихъ требованія и также торопилъ Русскихъ. Напрасно москвичи повторяли ему, что если царь уступитъ всю Ливонію, то у него не будетъ пристаней морскихъ, и нельзя будетъ ему ссылаться съ папою, цесаремъ и другими государями, нельзя будетъ войти съ ними въ союзъ противъ бусурманъ. Ничто не помогало. Въ польскомъ лагерѣ гетманъ Замойскій и его приближенные, по словамъ очевидца, разсуждали такимъ образомъ: «Согласись мы оставить за великимъ княземъ Московскимъ только часть Ливонской страны, онъ усилится отъ морской торговли и можетъ вернуть прежнее могущество; тогда придется вести новую войну. Гораздо же лучше теперь доканать его». Іезуитъ-посредникъ усердно дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Испуганные угрозами, наши послы, наконецъ, согласились объявить самое послѣднее условіе, заранѣе разрѣшенное царемъ и его думою, т. е. уступку всей Ливоніи; кромѣ того, отступились отъ возврата Полоцка и Велижа. Поляки съ своей стороны возвратили намъ всѣ занятые ими псков-

скіе пригороды, т. е. Великіе Луки, Заволочье, Холмъ, Островъ и пр. На этихъ условіяхъ въ Киверовой Горкѣ заключено было десятилѣтнее перемиріе, начинавшееся отъ 6-го января 1582 года. Когда дошло дѣло до написанія договорныхъ грамотъ, то возникли сильныя пререканія по поводу царскаго титула и выраженій насчетъ уступки ливонскихъ городовъ. Во время этихъ споровъ, Поссевинъ, отъ природы человѣкъ вспыльчивый и довольно сварливый, бранился и кричалъ на русскихъ пословъ и однажды до того вышелъ изъ себя, что вырвалъ изъ рукъ князя Елецкаго черновую договорную запись и бросилъ ее, а самого князя схватилъ за воротникъ его шубы, оборвалъ застежки, и, повернувъ лицомъ къ двери, выгналъ его изъ своей избы. Наконецъ, согласились на томъ, чтобы написать Ивана Васильевича царемъ и государемъ лифляндскимъ и смоленскимъ только въ московскомъ договорномъ спискѣ; согласились также написать уступку не только ливонскихъ городовъ, завоеванныхъ Поляками, но и тѣхъ, которые были еще заняты Русскими.

17-го января защитники Пскова увидали со своихъ стѣнъ большое движеніе въ непріятельскихъ лагеряхъ и приближавшуюся толпу конныхъ и пѣшихъ людей. Воеводы думали, что Поляки затѣваютъ новый приступъ. Но отъ толпы отдѣлился русскій боярскій сынъ, по имени Александръ Хрущовъ; впущенный въ городъ, онъ вручилъ воеводамъ перемирную грамоту отъ русскихъ пословъ. Велика была во Псковѣ радость гражданъ, освободившихся отъ тягостной осады. Еще болѣе радовались Поляки столь выгодному для нихъ миру. Замойскій устроилъ въ своемъ станѣ пиръ, и звалъ на него русскихъ воеводъ. Шуйскій отпустилъ своихъ товарищей, но самъ не поѣхалъ. Въ первыхъ числахъ февраля польскій гетманъ снялся съ лагерей, и двинулся въ Ливонію отбирать у Русскихъ уступленные ими города и замки. Особенно чувствительна была для насъ потеря Дерпта или Юрьева Ливонскаго, который 24-го февраля перешелъ въ руки Поляковъ. Въ этомъ городѣ издревле находилась значительная русская колонія, а со времени русскаго завоеванія въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ онъ успѣлъ до нѣкоторой степени обрусѣть; въ немъ основалась православная епископія и появились многіе православные храмы. Здѣсь уже успѣло смѣниться цѣлое поколѣніе русскихъ гражданъ. Выселяемые отсюда въ Новгородъ и Псковъ, граждане эти и ихъ семьи прощались съ Юрьевымъ какъ съ своимъ

роднымъ городомъ, въ послѣдній разъ молились въ своихъ приходскихъ храмахъ, и со слезами причитали надъ могилами родственниковъ.

Уступая ливонскіе города Баторію, въ Москвѣ питали надежду, отдѣлавшись отъ сильнѣйшаго врага, потомъ ударить всѣми силами на болѣе слабаго, т. е. на Шведовъ, чтобы отнять у нихъ обратно Нарву и другіе эстонскіе города, взятые ими у Русскихъ. По сему московская дипломатія во время мирныхъ переговоровъ съ Польшею старательно отклоняла предложенное Поссевиномъ посредничество для заключенія мира со Шведами. Надежда отобрать у нихъ взятые города особенно усилилась послѣ того, какъ де-ла-Гарди двинулся было къ берегамъ Невы и осадилъ Орѣшекъ, но здѣсь потерпѣлъ пораженіе и со стыдомъ ушелъ назадъ. Около этого времени, именно въ іюнѣ 1582 года, въ Москву прибыли тѣ же польско-литовскіе уполномоченные, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора. При семъ они потребовали, чтобы царь оставилъ Эстонію въ покоѣ и не воевалъ ее во все время десятилѣтняго перемирія. Поляки не только не желали допустить Русскихъ вновь утвердиться на эстонскомъ побережьѣ, но они сами надѣялись отнять это побережье у Шведовъ, чтобы всѣ бывшія ливонскія владѣнія сосредоточить въ своихъ рукахъ. Царь принужденъ былъ согласиться на новое требованіе. Со Шведами завязались переговоры, которые окончились въ слѣдующемъ 1583 году заключеніемъ трехлѣтняго перемирія на рѣкѣ Плюсѣ. Не только Ругодивъ или Нарва, но и русскіе города Ямъ, Ивангородъ и Копорье, остались въ рукахъ Шведовъ. Кромѣ вмѣшательства Поляковъ, на заключеніе этого перемирія повліяло также происходившее тогда возстаніе, вновь поднятое въ Казанской области Луговыми черемисами.

Бѣдственно для Россіи окончились усилія царя Ивана, направленныя на завоеваніе Ливоніи и пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Почти двадцатипятилѣтняя непрерывная война съ западными сосѣдями крайне разстроила и разорила Московское государство: она стоила ему огромныхъ матеріальныхъ жертвъ; многія тысячи людей погибли въ битвахъ, въ плѣну, отъ болѣзней и голода; множество городовъ и селъ было выжжено и въ конецъ опустошено. Одинъ современный лѣтописецъ (псковскій) съ горечью замѣтилъ: «царь Иванъ не на велико время чужую землю взялъ, а по малѣ и своей не удержа, а людей вдвое погуби». Напрасно

нѣкоторые новые историки пытаются оправдать Ливонскія войны Ивана широкими политическими замыслами, а его неудачу военными талантами Баторія и отсталостію Русскихъ въ ратномъ искусствѣ сравнительно съ западными европейцами. Напротивъ, чѣмъ ближе всматриваемся мы въ эту эпоху, тѣмъ яснѣе выступаетъ вся политическая недальновидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ по притязаніямъ на Ливонію, его неумѣнье ихъ раздѣлить и воспользоваться ихъ слабыми сторонами. Первые успѣхи совершенно его ослѣпили: вмѣсто того, чтобы вовремя остановиться и упрочить за Россіей обладаніе ближайшимъ и нужнѣйшимъ краемъ, т. е. Дерптско-Нарвскимъ, онъ съ тупымъ упрямствомъ продолжалъ стремиться къ завоеванію цѣлой Ливоніи и тогда, когда обстоятельства уже явно повернулись противъ него.

Блестящіе успѣхи Баторія можно только отчасти объяснять его талантами и отсталостью Москвитянъ въ ратномъ искусствѣ. Послѣднее обстоятельство не мѣшало имъ, однако, при дѣдѣ и отцѣ Ивана и въ первую половину его собственнаго царствованія наносить иногда пораженія западнымъ сосѣдямъ, отвоевывать у нихъ города и цѣлыя области. Если на сторонѣ Баторія было превосходство его личныхъ военныхъ способностей, то на сторонѣ Ивана находилось важное, подавляющее преимущество: его неограниченное самодержавіе, которое могло двигать всѣми русскими силами и средствами какъ однимъ человѣкомъ, тогда какъ Баторій принужденъ былъ постоянно бороться съ разными противодѣйствіями и препятствіями въ собственномъ государствѣ. Обстоятельства благопріятствовали Ивану и въ томъ отношеніи, что во время его борьбы съ Баторіемъ южные предѣлы Россіи не требовали большихъ усилій для своей обороны; ибо Крымскіе татары были отвлечены происходившею между Турками и Персами войной, въ которой ханъ участвовалъ какъ вассалъ султана. Но дѣло въ томъ, что Ливонская война тогда не пользовалась въ Россіи сочувствіемъ народнымъ (была малопонятна для народа, непопулярна), что тиранъ собственными руками истребилъ своихъ лучшихъ воеводъ и совѣтниковъ, и остался при худшихъ, а самъ онъ въ минуты наибольшей опасности только обнаружилъ свою ратную неспособность и недостатокъ личнаго мужества. («бѣгунъ» и «хоропяка», какъ называетъ его Курбскій). Его тиранство, вмѣстѣ съ этой неспособностью, очевидно отвратило отъ него

сердца многихъ русскихъ людей. Сіе важное обстоятельство во время войны съ Баторіемъ особенно сказалось множествомъ перебѣжчиковъ изъ служилаго сословія. Въ числѣ ихъ находились и знатные люди; такъ Давидъ Бѣльскій, подобно Курбскому, ушелъ къ королю, и потомъ давалъ ему гибельные для Русскихъ совѣты во время послѣдней войны. Грозный даже не съумѣлъ воспользоваться геройской обороной Пскова, и, когда надобно было энергически дѣйствовать всѣми силами для полнаго отраженія непріятеля, ждалъ своего спасенія отъ иноземнаго вмѣшательства и лукаваго посредничества іезуита Поссевина.

Если въ чемъ Иванъ и былъ лично силенъ, такъ это въ словесныхъ препирательствахъ, что не замедлилъ испытать на себѣ тотъ же Поссевинъ.

По заключеніи Запольскаго мира, Антоній вмѣстѣ съ русскими уполномоченными отправился въ Москву, одушевленный явною надеждою пожать здѣсь плоды своихъ трудовъ и приступить къ осуществленію обѣщаній царя относительно христіанскаго союза противъ Турокъ, а главное относительно хотя и не обѣщаннаго, но подразумѣваемаго соединенія церквей. Антоній прибылъ 14-го февраля и нашелъ московскій дворъ облеченнымъ въ «смирныя» (траурныя) одежды, по случаю смерти царевича Ивана Ивановича. Іезуита съ его свитою помѣстили въ Китай-городѣ въ домѣ Ивана Сѣркова. Вообще, папскаго посла приняли попрежнему съ почетомъ и учтивостью; для переговоровъ съ нимъ былъ назначенъ новгородскій намѣстникъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарьинъ съ товарищами. Іезуитъ однако долженъ былъ тотчасъ почувствовать, что въ немъ не только болѣе не нуждаются, но что и благодарности къ нему особой не питаютъ. Да оно и естественно. Въ Москвѣ теперь очень хорошо понимали, что папское посредничество не принесло намъ существенной пользы въ войнѣ съ Баторіемъ, что Поссевинъ держалъ его сторону и помогъ ему оттягать у насъ всѣ ливонскія владѣнія, и что согласіемъ его на перемиріе мы болѣе всего обязаны не Поссевину, а стойкости осажденнаго Пскова. Поэтому на переданное іезуитомъ предложеніе Баторія послать совмѣстно съ нимъ войска противъ Крымскихъ татаръ, царь отвѣчалъ, что онъ находится въ мирѣ съ ханомъ. На ходатайство о дозволеніи венеціанамъ пріѣзжать въ Московское государство для торговли, имѣя при себѣ священниковъ, дано согласіе, но съ условіемъ: ученія

своего не распространять и церквей своихъ не строить. Точно также на предложеніе послать въ Римъ русскихъ мальчиковъ для науки отвѣчали, что скоро такихъ мальчиковъ набрать нельзя, а когда наберутъ, то пришлютъ. Когда же Поссевинъ началъ домогаться, чтобы царь удостоилъ его бесѣдою наединѣ о церковномъ вопросѣ, то получилъ въ отвѣтъ, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ думныхъ людей и что, вообще, подобный разговоръ повлечетъ за собою споры, изъ споровъ можетъ возникнуть вражда; а потому лучше разговоры о вѣрѣ оставить. Но іезуитъ настаивалъ и соглашался вести бесѣду въ присутствіи бояръ. Царь уступилъ, и назначилъ для сей бесѣды 21-е февраля.

Очевидно, Поссевинъ надѣялся чего-то достигнуть помощію своихъ богословскихъ познаній и ловкости въ діалектикѣ. Наивная надежда и слишкомъ малое знакомство какъ съ религіознымъ русскимъ строемъ, такъ и съ личностію Ивана Васильевича! Царь уже имѣлъ случай и прежде показать свою начитанность и свои полемическія способности въ церковныхъ вопросахъ. А именно, въ 1570 году, въ Москву пріѣзжали для заключенія перемирія послы короля Сигизмунда Августа, Кротовскій, Лещинскій и Тальвошъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, состоявшей изъ протестантскаго и католическаго священниковъ. Въ качествѣ перваго священника состоялъ Иванъ Рокита, родомъ чехъ, принадлежавшій собственно къ сектѣ Чешскихъ братьевъ, которая съ одной стороны примыкала къ старому гусситству, съ другой къ новому лютеранству. Рокита возъимѣлъ намѣреніе склонить къ своему ученію русскаго царя, и добился его согласія на торжественное съ нимъ преніе о вѣрѣ, въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи королевскихъ пословъ, русскихъ бояръ и духовенства. Царь сидѣлъ на тронѣ, а Рокита противъ него на скамьѣ, покрытой ковромъ. Иванъ Васильевичъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ливонскими плѣнниками и ихъ пасторами, довольно хорошо былъ знакомъ съ лютеранскимъ вѣроисповѣданіемъ; не обращая вниманія на нѣкоторыя отличія отъ него секты Чешскихъ братьевъ, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ напалъ на послѣдователей этого вѣроисповѣданія, назвалъ ихъ отступниками отъ древней Церкви и Св. Писанія, уподобилъ ихъ свиньямъ по причинѣ невоздержной жизни, отрицанія постовъ, иконъ, святыхъ и монашества, а молитвы ихъ обозвалъ пустымъ бормотаньемъ. Въ своемъ высокопарномъ и пространномъ отвѣтѣ Рокита пытался защищать протестантское ученіе и напалъ

на католичество (о православіи онъ умолчалъ), называлъ его монаховъ, одѣтыхъ въ капишоны, волками въ овечьей шкурѣ, а иконопочитаніе уподобилъ идолопоклонству. На эту рѣчь Иванъ Васильевичъ ничего не сказалъ, а велѣлъ доставить ему письменное ея изложеніе; потомъ въ свою очередь написалъ или велѣлъ написать на нее подробное и горячее письменное опроверженіе, которое и передалъ Рокитѣ передъ отпускомъ пословъ. Бесѣды Ивана Васильевича съ лютеранскими пасторами о вѣрѣ иногда оканчивались для нихъ несовсѣмъ пріятнымъ образомъ. Такъ во время своего ливонскаго похода въ 1577 году царь, проѣзжая по улицамъ Кокенгаузена, встрѣтилъ одного пастора, и спросилъ его, чему онъ учитъ. Тотъ началъ излагать ученіе Лютера, котораго приравнялъ апостолу Павлу. Царь вспылилъ, ударилъ кнутомъ пастора по головѣ, и отъѣхалъ отъ него со словами: «Пошелъ ты къ чорту съ твоимъ Лютеромъ».

Преніе царя съ Поссевиномъ происходило почти при такой же торжественной обстановкѣ, какъ и съ Рокитой, въ Тронной палатѣ, въ присутствіи бояръ и высшихъ придворныхъ чиновъ (низшіе были высланы). Царь вновь повторилъ, что лучше бы не начинать преній о вѣрѣ, и прибавилъ, что ему уже 51-й годъ и что при концѣ жизни онъ не измѣнитъ греческой вѣрѣ, въ которой родился; впрочемъ, разрѣшилъ послу говорить все, что онъ сочтетъ нужнымъ. На сіе Антоній ловко отвѣтилъ, что римскій первосвященникъ вовсе не предлагаетъ русскому государю перемѣнить старую греческую вѣру, а только убѣждаетъ возстановить ее въ древней чистотѣ и признать то единство церквей, которое было признано на Флорентійскомъ соборѣ самимъ греческимъ императоромъ и русскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Іезуитъ сослался при этомъ на ту книгу, которую папа прислалъ царю и прибавилъ, что послѣ соединенія царя съ папою и другими государями онъ не только возсядетъ на своей древней отчинѣ—Кіевѣ, но и въ самомъ Царьградѣ. На такую заманчивую перспективу Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что Русскіе вѣруютъ не въ Грековъ, а во Христа; что ему довольно своего государства, а другихъ онъ не желаетъ и что безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора ему говорить о вѣрѣ не пригоже.

Споръ о вѣрѣ готовъ былъ на этомъ прекратиться. Но Антоній умолялъ царя высказать свои мысли о предметѣ. Тотъ согласился и повелъ рѣчь не о различіи въ догматахъ, а о различіяхъ такъ

сказать внѣшнихъ; при чемъ, подчиняясь своему страстному нраву, скоро увлекся преніемъ до крайне рѣзкихъ выраженій; между прочимъ, упрекнулъ іезуита за то, что онъ будучи попомъ подсѣкаетъ бороду; а, главное, не замедлилъ свести вопросъ на его самую чувствительную сторону, то есть на папство или собственно на папскую гордыню, въ которой отражались непомѣрныя папскія притязанія. Съ особымъ негодованіемъ указалъ онъ на то, что папу носятъ на престолѣ, цѣлуютъ его въ сапогъ, а на сапогѣ крестъ съ распятіемъ Господа. Хитрый іезуитъ, думая смягчить царя, отвѣтилъ, что папѣ воздается честь какъ сопрестольнику апостоловъ Петра и Павла, сопрестольниковъ самого Христа, какъ отцу и главѣ всѣхъ государей. «Вотъ и ты государь великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и въ ноги не припадать?» Тутъ онъ низко, почти въ ноги поклонился царю. Однако, эта уловка не подѣйствовала. Иванъ Васильевичъ продолжалъ горячо нападать на гордыню папъ, которымъ подобаетъ показывать смиреніе, а не возноситься надъ царями, не требовать себѣ царскихъ почестей и не уподоблять себя Христу. «Который папа живетъ не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь!» — воскликнулъ наконецъ царь.—«Коли уже папа волкъ, то мнѣ и говорить нечего.»—замѣтилъ Поссевинъ и замолчалъ. Царь спохватился, и, перемѣнивъ тонъ, напомнилъ о томъ, какъ онъ предупреждалъ посла, что преніе о вѣрѣ безъ непріятныхъ словъ не обойдется; оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ назвалъ волкомъ не папу Григорія, а того, который живетъ не по ученію Христову и апостольскимъ преданіямъ, и вообще старался ласковыми словами загладить свою выходку. Антоній съ своей стороны не показывалъ болѣе неудовольствія и при отпускѣ попросилъ поцѣловать царскую руку; на что Іоаннъ отвѣтилъ тѣмъ, что обнялъ его дважды. А послѣ отпуска послалъ ему лучшія блюда съ царскаго стола.

Спустя два дня, происходила вторая бесѣда. Испуганный крайней нервностью и раздражительностью царя, Антоній, отправляясь во дворецъ, пріобщилъ своихъ спутниковъ Святыхъ Таинъ и убѣждалъ ихъ въ случаѣ нужды пострадать за вѣру. Но на сей разъ царь не пожелалъ входить въ какія-либо пренія о вѣрѣ, а встрѣтилъ Антонія ласково и просилъ его не писать папѣ о томъ, что было имъ сказано непріятнаго въ прошлый разъ. Затѣмъ по порученію царя бояре просили Антонія письменно изложить отличія

вѣры латинской отъ русской, такъ какъ присланную папою греческую книгу о Флорентійскомъ соборѣ будто бы при дворѣ никто не умѣетъ перевести на русскій языкъ. 4-го марта Антоній имѣлъ еще третью краткую бесѣду съ царемъ, при чемъ вручилъ ему свою рукопись о различіи вѣръ католической и греческой. Послѣ этой бесѣды царь, отправляясь въ Успенскій соборъ, пригласилъ Антонія идти туда же и посмотрѣть русское митрополичье богослуженіе. Но тотъ уклонился, и въ православный соборъ не пошелъ.

Затѣмъ Антоній Поссевинъ былъ отпущенъ изъ Москвы и съ нимъ отправленъ къ папѣ гонцомъ Яковъ Молвяниновъ съ подъячимъ Тишиной Васильевымъ; они повезли папѣ отвѣтную грамоту и подарки, состоявшіе изъ дорогихъ соболей. Они же были снабжены грамотами къ королю польскому, цесарю, австрійскимъ герцогамъ и венеціанскому дожу. Въ грамотѣ Григорію XIII царь, между прочимъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилъ о заключеніи съ нимъ и другими государями союза противъ мусульманъ. А въ наказѣ, данномъ гонцу, любопытны слѣдующія слова: «Если папа или его совѣтники будутъ говорить, что государь вашъ назвалъ папу волкомъ и хищникомъ, то отвѣчайте, что о томъ не слыхали». Ясно, что Иванъ Васильевичъ пока не желалъ ссориться съ папою, такъ какъ перемиріе съ Поляками въ то время еще не было формально подтверждено, а со Шведами война еще продолжалась: очевидно, онъ старался замять вопросъ о произнесенныхъ имъ въ запальчивости рѣзкихъ выраженіяхъ. Во всякомъ случаѣ неутѣшительныя впечатлѣнія увозилъ съ собою изъ Москвы іезуитъ Поссевинъ: всѣ его хлопоты и дипломатическія способности разбились о непоколебимую преданность Русскихъ своему православію и сильную нелюбовь къ латинству, въ чемъ Иванъ Васильевичъ явился вѣрнымъ представителемъ своего народа. Сюда присоединились еще старанія иноземныхъ торговцевъ-протестантовъ, которые доставляли московскому царю разныя обличительныя сочиненія противъ католичества и папства. Преувеличивая ихъ вліяніе, Поссевинъ неудачу своей московской миссіи главнымъ образомъ приписывалъ проискамъ англійскихъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, исповѣдывавшихъ лютеранство или кальвинизмъ. ([53]).

Печаленъ и мраченъ былъ конецъ Іоаннова царствованія. Только одно счастливое событіе бросаетъ свѣтлый лучъ въ это мрачное время: то было завоеваніе Сибири Ермакомъ. Но Іоаннъ лично является почти не при чемъ въ этомъ завоеваніи. Онъ до конца и

неуклонно продолжалъ свою разрушительную дѣятельность внутри государства. Одновременно съ тяжкими пораженіями отъ внѣшнихъ враговъ и другими бѣдствіями, произошло роковое событіе въ самой царской семьѣ, событіе, нанесшее смертельный ударъ династіи Владиміра Великаго и послужившее однимъ изъ главныхъ источниковъ послѣдующаго смутнаго времени на Руси. Впрочемъ, ничего другого и невозможно было ожидать отъ безумнаго тирана, который такъ привыкъ предаваться необузданнымъ порывамъ своихъ страстей, для котораго не было ничего святого въ этомъ мірѣ. Мы говоримъ о сыноубійствѣ.

Истребленіе государевыхъ родственниковъ, которое совершалось въ эпоху Василія III и Ивана IV, принесло свои плоды: царская семья сдѣлалась малочисленна. Историческая Немезида какъ бы мстила за сіе истребленіе относительнымъ безплодіемъ этихъ послѣднихъ государей и вырожденіемъ ихъ семьи. Василій III, послѣ бездѣтной Соломоніи, едва успѣлъ оставить отъ Елены Глинской двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Юрій, оказался малоумнымъ и умеръ бездѣтнымъ. Почти тоже повторилось съ Иваномъ IV. Его разнообразные браки отличались или безплодіемъ, или раннею смертностью дѣтей. Только отъ первой супруги, Анастасіи Романовны, онъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, Ивана и Өедора. Но младшій изъ нихъ, Өедоръ, подобно дядѣ своему Юрію, былъ малоуменъ и неспособенъ къ правительственнымъ дѣламъ. Всѣ надежды русскихъ людей на продолженіе царскаго рода сосредоточивались теперь на старшемъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, который достигъ уже двадцатисемилѣтняго возраста и былъ какъ бы царскимъ соправителемъ, по примѣру Ивана Ивановича Молодого въ княженіе Ивана III; такъ что на ряду съ государемъ присутствовалъ въ боярской думѣ, при пріемѣ пословъ и т. п.; имена ихъ уже вмѣстѣ упоминались въ правительственныхъ актахъ. (Этотъ обычай соцарствія сына отцу водворился, конечно, не безъ вліянія Византіи). Отецъ очевидно питалъ привязанность къ старшему сыну, поскольку могъ питать ее такой безсердечный себялюбецъ. Но отцовское расположеніе пріобрѣтено со стороны сына и поддерживалось дорогою цѣною: одинаковыми привычками и вкусами, которые были усвоены, конечно, въ той же отцовской школѣ. Во-первыхъ, по свидѣтельству современниковъ, Иванъ Ивановичъ обнаруживалъ жестокосердіе и привыкъ не только безъ трепета, но съ глумленіемъ смотрѣть на лютыя казни, производимыя его отцомъ. Во-вторыхъ, онъ

усердно раздѣлялъ отцовскія оргіи, и привыкъ не отставать отъ него въ пьянствѣ и развратѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подражалъ отцу и въ наклонности къ книжнымъ занятіямъ. Напримѣръ, извѣстно, что онъ участвовалъ въ написаніи житія и похвальнаго слова св. Антонію Сійскому. Подобно отцу и съ его поощренія, царевичъ Иванъ, не смотря на молодые годы, успѣлъ уже перемѣнить нѣсколькихъ женъ. Первая его супруга, Евдокія Сабурова, была пострижена въ монахини; вторая, Параскева Соловая, подверглась той же участи; повидимому обѣ онѣ были бездѣтны. Въ третій разъ собраны были для него красивѣйшія дѣвицы, и выборъ палъ на Елену Ивановну Шереметеву, племянницу Ивана Васильевича Большого (въ монашествѣ Іоны), дочь Ивана Васильевича Меньшого, павшаго геройскою смертью при осадѣ Колывани или Ревеля въ 1578 году. Эта третья супруга, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и послужила случайною причиною гибели самого царевича Ивана.

Однажды, въ ноябрѣ 1582 года, въ Александровской Слободѣ Иванъ Грозный вошелъ въ комнату своей снохи и нашелъ ее лежащею на скамьѣ въ одномъ исподнемъ платьѣ, что считалось неприличнымъ для знатныхъ женщинъ. Она находилась тогда въ послѣднемъ періодѣ беременности; тѣмъ не менѣе царь разгнѣвался и началъ ее бить. На шумъ прибѣжалъ царевичъ Иванъ, и сталъ упрекать отца въ томъ, что онъ сослалъ въ монастырь двухъ первыхъ его женъ, а теперь не щадитъ и третью вмѣстѣ съ будущимъ ея младенцемъ. Разъяренный этими упреками, царь бросился на сына и ударилъ его острымъ желѣзнымъ наконечникомъ своего посоха въ високъ такъ сильно, что кровь хлынула ручьемъ, и царевичъ упалъ замертво. При видѣ крови, тиранъ опомнился и молилъ сына о прощеніи. Дядя царевича Никита Романовичъ и дьякъ Щелкаловъ привезли изъ Москвы врачей. Но уже ничто не помогло: черезъ четыре дня царевичъ скончался. Между тѣмъ его супруга отъ понесенныхъ побоевъ выкинула мертваго младенца. По смерти мужа она пострижена въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Леониды. По другому извѣстію, царь разгнѣвался на сына и поразилъ его своимъ посохомъ за то, что царевичъ горячо началъ говорить ему о необходимости выручить осажденный Псковъ. Какъ бы то ни было, тиранъ первые дни послѣ смерти сына предавался сильной скорби и тоскѣ. Онъ устроилъ ему торжественное погребеніе въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, служилъ панихиды, послалъ большую сумму на поминъ его души къ восточнымъ патріархамъ. Даже

прибѣгъ къ обычной своей уловкѣ: объявилъ боярамъ, что по неспособности его второго сына Ѳеодора пусть они изберутъ себѣ другого государя, а что самъ онъ намѣренъ удалиться въ монастырь. Не вѣря его искренности, бояре, конечно, отвѣчали мольбою не покидать царства, и Грозный, какъ бы снисходя на эти мольбы, остался на престолѣ. Иванъ Васильевичъ не долго скорбѣлъ о потерѣ сына и воздерживался отъ обычныхъ своихъ дѣяній и порочнаго образа жизни. Самымъ крупнымъ изъ его дѣяній въ эту эпоху были многочисленныя казни ратныхъ людей, взятыхъ въ плѣнъ Баторіемъ при завоеваніи русскихъ городовъ и теперь возвращенныхъ послѣ заключенія перемирія. Обвиняя ихъ въ малодушіи, царь вымѣщалъ на нихъ свою злобу за претерпѣнныя имъ потери и пораженія. Въ то же время онъ возобновилъ еще одну старую свою привычку: исканіе себѣ новой жены!

Не смотря на то, что его пятая супруга, Марія Нагая, жила при немъ и здравствовала, царь въ августѣ 1582 года отправилъ въ Англію посломъ дворянина Ѳедора Писемскаго съ порученіемъ переговорить о тѣсномъ политическомъ союзѣ съ Елизаветою и посватать ея родственницу, графиню Марію Гастингсъ. На сію дѣвицу указалъ Ивану его врачъ-англичанинъ Робертъ Яковъ (Русскіе окрестили его въ Романа Елизарова), который былъ по его просьбѣ присланъ Елизаветою, и по вліянію на царя скоро замѣнилъ своего предшественника Бомелія. Елизавета ласково приняла Писемскаго, и даже не удивилась затѣянному сватовству, ибо примѣръ ея отца шестижоннаго Генриха VIII былъ еще у всѣхъ въ памяти. Только послу пришлось долго ждать, пока ему удалось лично видѣть невѣсту, которая оправлялась тогда послѣ бывшей у нея оспы. Писемскій привезъ царю ея персону (портретъ). Вмѣстѣ съ Писемскимъ прибылъ новый посолъ Елизаветы къ Ивану IV, Іеронимъ Боусъ. Изъ переговоровъ съ симъ посломъ московскіе бояре и царь убѣдились, что на предложеніе тѣснаго союза противъ враговъ Россіи, Поляковъ и Шведовъ, англійское правительство по обыкновенію отвѣчало уклончиво, а болѣе всего хлопотало объ исключительныхъ привилегіяхъ для своихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей. Хотя около этого времени Марія Нагая разрѣшилась отъ бремени и родила Ивану сына Димитрія, однако, переговоры о новомъ бракѣ продолжались. Но на вопросы о невѣстѣ англійскій посолъ также отвѣчалъ уклончиво; говорилъ, что она слаба здоровьемъ и недовольно хороша собою, а потому и не понравится царю, какъ

извѣстному любителю женской красоты. Онъ предлагалъ выбрать какую-либо другую дѣвицу изъ родственницъ королевы; но отказывался назвать ихъ имена. Царь сердился на эти уклончивые отвѣты о союзѣ и сватовствѣ и на требованіе исключительныхъ торговыхъ правъ. Но при помощи своего соотечественника, врача Роберта Якова, упрямый, сварливый Боусъ получалъ отъ царя разныя милости; онъ надѣялся добиться подтвержденія англійскихъ привилегій и устраненія отъ бѣломорской торговли французскихъ и нидерландскихъ купцовъ, которые соперничали въ этой торговлѣ съ Англичанами. Затянувшіеся переговоры были прерваны внезапною смертью царя.

Чрезвычайно невоздержный образъ жизни и постоянно тревожное состояніе духа принесли неизбѣжныя послѣдствія. Въ пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ Иванъ IV уже вполнѣ состарился, и его крѣпкое отъ природы здоровье совершенно разстроилось. Зимою 1584 года у него открылась страшная болѣзнь: его тѣло стало гнить внутри и пухнуть снаружи. По монастырямъ разослали грамоту, въ которой отъ имени царя просили молиться о прощеніи ему грѣховъ и исцѣленіи отъ болѣзни. Больной царь распорядился судьбою государства. Наслѣдникомъ своимъ онъ объявилъ царевича Ѳеодора; но, зная его неспособность, назначилъ особую правительственную думу, которую составили пять бояръ, а именно: Иванъ Петровичъ Шуйскій, знаменитый защитникъ Пскова; Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, по матери своей троюродный братъ Ивана IV; Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ первой супруги Грознаго Анастасіи, единственный изъ близкихъ къ царю людей до конца сохранившій его уваженіе и милость; рядомъ съ этими знатнѣйшими боярами въ особую высшую Думу назначены сравнительно молодые люди: Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Оба они были царскими любимцами въ послѣднюю эпоху Іоаннова царствованія. Годуновъ, женатый на дочери Малюты Скуратова, очевидно съумѣлъ наслѣдовать и царское къ нему расположеніе; а Бѣльскій болѣе десяти лѣтъ находился при особѣ государя и спалъ у его постели. Того же Богдана Бѣльскаго Иванъ IV назначилъ дядькою или воспитателемъ своего маленькаго сына Димитрія, которому вмѣстѣ съ матерью далъ въ удѣлъ Угличъ. Кромѣ пяти помянутыхъ бояръ, выдающееся положеніе въ это время занимали думные дьяки Щелкаловы, братья Андрей и Василій.

Иванъ IV до конца остался вѣренъ своимъ привычкамъ: такъ, въ минуты облегченія отъ болѣзни онъ развлекался созерцаніемъ своихъ сокровищъ, особенно драгоцѣнныхъ камней, а также игрою въ шахматы, собиралъ знахарей или колдуновъ, и допрашивалъ ихъ о своемъ смертномъ часѣ; не прочь былъ и отъ любострастныхъ поползновеній. 18-го марта, послѣ трехчасовой теплой ванны, онъ сидѣлъ на постели, спросилъ шахматную доску и собирался играть въ шашки съ Бѣльскимъ. Вдругъ онъ упалъ. Межъ тѣмъ какъ врачи тщетно старались привести его въ чувство, митрополитъ Діонисій, конечно заранѣе предупрежденный о желаніи умиравшаго, спѣшилъ совершить надъ нимъ обрядъ постриженія, и нарекъ его инокомъ Іоною.

Такъ окончилось это долгое царствованіе, исполненное громкихъ событій и превратностей судьбы, въ первой половинѣ своей возвеличившее Россію, а потомъ доведшее ее до великаго истощенія и униженія.

Иванъ IV представляетъ въ исторіи рѣзкій образецъ государя, щедро одареннаго отъ природы умственными силами и обнаружившаго недюжинныя правительственныя способности, но нравственно глубоко испорченнаго, вполнѣ порабощеннаго своимъ страстямъ и потому обратившаго наслѣдованную имъ отъ предковъ сильную власть въ орудіе жестокой и нерѣдко безсмысленной тираніи, имѣвшей разрушительное дѣйствіе на нѣкоторыя стороны русской жизни. Казалось бы, московское самодержавіе сдѣлало при немъ еще дальнѣйшіе шаги впередъ; но оно получило до извѣстной степени характеръ азіатской деспотіи, трудно совмѣстимой съ разностороннимъ развитіемъ государственной и народной жизни; а въ концѣ концовъ вызвало бурное воздѣйствіе со стороны подавленныхъ имъ на время сословныхъ и областныхъ преданій и стремленій; его тиранство возбудило послѣ него и нѣкоторыя попытки къ ограниченію московскаго самодержавія. Собственными руками уничтоживъ продолженіе своей династіи, Иванъ Васильевичъ самъ приготовилъ и облегчилъ тотъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «Смутнаго времени» и который едва не привелъ государство на край гибели. Тиранствомъ своимъ онъ весьма ослабилъ влеченіе Западной Руси къ возсоединенію съ Восточной, помогъ дѣлу Люблинской уніи, и даже произвелъ обратное движеніе служилаго сословія, которое до него переходило изъ Литовской Руси въ Московскую, а при немъ стало

уходить изъ Москвы въ Литву. Самое просвѣщеніе русское, упавшее въ Татарскую эпоху, но послѣ него замѣтно подвигавшееся впередъ до 60-хъ годовъ XVI вѣка, въ эпоху казней и опричины упало еще ниже и потомъ не скоро могло оправиться при наступившемъ Смутномъ времени. А главною причиною сего послѣдняго былъ все тотъ же Иванъ IV, деспотизмъ и тиранства котораго въ свою очередь являются въ числѣ самыхъ крупныхъ послѣдствій двухвѣковаго татарскаго ига. Это было яркое отраженіе татарщины, которое также вредно повліяло на народные нравы, развивая сторону раболѣпія, а не гражданскаго чувства.

Хотя русскій народъ прозвалъ Ивана IV только «Грознымъ» и даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ поминаетъ его въ своихъ пѣсняхъ; однако, историкъ въ своей оцѣнкѣ государственнаго дѣятеля не можетъ опереться на это обстоятельство. Во-первыхъ, простонародье всегда болѣе или менѣе сочувственно относится къ уравнительнымъ дѣйствіямъ власти, хотя бы это уравненіе выражалось только въ безпощадныхъ казняхъ. Во-вторыхъ, оно съ гордостью вспоминаетъ такія славныя дѣянія, какъ взятіе Казани и Астрахани и покореніе Сибири; а насколько эти дѣянія принадлежали личному почину и участію Грознаго, о томъ простой народъ не вѣдаетъ. Въ третьихъ, то же простонародье въ своихъ пѣсняхъ сочувственно относится и къ удалымъ разбойничьимъ атаманамъ. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ государственныхъ заслугъ это сочувствіе является мѣриломъ весьма ненадежнымъ. У нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ книжниковъ проглядываетъ воззрѣніе на Ивана Грознаго, какъ на одно изъ бѣдствій, свыше ниспосланныхъ русскому народу для его испытанія, для его закала въ терпѣніи и благочестивой преданности Промыслу. И это воззрѣніе далеко не такъ наивно, какъ оно представляется многимъ въ наше время—время разносторонней исторической критики. ([54]).

IX.

ЦАРЬ ѲЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ И БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Постепенное устраненіе Бѣльскаго, Никиты Романовича, Мстиславскаго и Шуйскихъ.—Годуновъ - правитель безъ соперниковъ.—Отношенія Польскія и Шведскія.—Походъ подъ Нарву.—Отношенія Крымскія и нашествіе Казы Гирея.—Пріѣздъ патріарха Іереміи и учрежденіе патріаршества въ Москвѣ.—Царевичъ Димитрій въ Угличѣ.—Его внезапная смерть.—Слѣдственное дѣло.—Подозрѣнія противъ Годунова.—Кончина Ѳеодора Ивановича и прекращеніе Владиміровой династіи.—Отреченіе царицы Ирины.—Вопросъ объ избраніи царя.—Дѣйствія патріарха Іова.—Избраніе Бориса Годунова.—Его вѣнчаніе.—Благосклонность къ иностранцамъ и внѣшняя политика.—Исканіе жениха для дочери.—Датскій принцъ Іоаннъ.—Сношенія съ Грузіей.—Пристрастіе Бориса къ доносамъ.—Гоненіе на семью Романовыхъ.—Народныя бѣдствія.

Ивану Грозному наслѣдовалъ сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ, слабый духомъ и тѣломъ; посему воцареніе его не обошлось безъ нѣкоторыхъ волненій, вызванныхъ борьбою боярскихъ партій. Тотчасъ по смерти Грознаго ближайшіе къ новому царю члены боярской думы поспѣшили удалить изъ Москвы его маленькаго брата, удѣльнаго князя Димитрія; ибо опасались козней со стороны многочисленной и безпокойной родни сего послѣдняго, т. е. Нагихъ. Димитрій вмѣстѣ съ матерью, ея отцомъ, дядями и братьями отправленъ былъ на житье въ свой городъ Угличъ. Но воспитатель его Богданъ Бѣльскій остался въ Москвѣ и засѣдалъ въ правительственной думѣ. Этотъ честолюбивый, энергичный человѣкъ, надобно полагать, дѣйствовалъ заодно съ Борисомъ Годуновымъ, котораго жена, какъ извѣстно, была изъ рода Бѣльскихъ. Старые бояре, т. е. Мстиславскій, Захарьинъ-Юрьевъ, Шуйскіе и др., очевидно уже съ самаго начала понимали, что царскій шуринъ, съ помощью своей сестры, легко овладѣетъ и полнымъ довѣріемъ, и самою волею молодого, ограниченнаго умомъ Ѳеодора. Не рѣшаясь дѣйствовать прямо противъ

Годунова, они постарались прежде устранить его союзника Бѣльскаго. Между московскою чернью пущена была молва, будто Бѣльскій извелъ царя Ивана, хочетъ извести и Ѳедора съ старыми боярами. Какъ ни была нелѣпа подобная молва, но, благодаря многочисленнымъ кліентамъ и дворовымъ людямъ этихъ бояръ, чернь заволновалась; къ поджигателямъ присоединились нѣкоторые дворяне и дѣти боярскіе, особенно рязанцы Ляпуновы, Кикины и другіе. Предводимая ими, народная толпа бросилась къ Кремлю и хотѣла уже пушкою разбить Фроловскія (нынѣ Спасскія) ворота, если имъ не выдадутъ Бѣльскаго. Бояре Мстиславскій и Юрьевъ съ дьякомъ Щелкаловымъ отъ имени царя вступили въ переговоры съ мятежниками, и успокоили ихъ обѣщаніемъ отправить Бѣльскаго въ ссылку. Мятежники разошлись; а Бѣльскій былъ назначенъ воеводою въ Нижній Новгородъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что тиранства Грознаго царя нисколько не упрочили внутренняго спокойствія: едва онъ умеръ какъ боярскія партіи и крамолы вновь дали о себѣ знать, и на сей разъ послужили предвѣстіемъ страшнаго Смутнаго времени.

Вѣнчаніе Ѳедора Ивановича на царство совершилось 31 мая 1584 года, въ Успенскомъ соборѣ, со всѣми обычными обрядами и церемоніями. Митрополитъ Діонисій при семъ говорилъ Ѳеодору краснорѣчивое поученіе о соблюденіи св. вѣры, добромъ и правосудномъ управленіи. Къ этому времени собрали въ Москву именитыхъ людей со всего государства, которые вмѣстѣ съ митрополитомъ, высшимъ духовенствомъ, московскими боярами и дворянами составили родъ (хотя и неполной) земской думы, для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ. Очевидно, въ виду происковъ партій и ненадежнаго состоянія умовъ, руководители молодого государя старались обставить его воцареніе какъ можно торжественнѣе и принять разныя мѣры, имѣвшія произвести благопріятныя впечатлѣнія на народъ. Торжество царскаго вѣнчанія сопровождалось роскошными празднествами и пирами, а также разными милостями, а именно: уменьшеніемъ налоговъ, освобожденіемъ заключенныхъ и военноплѣнныхъ, раздачею наградъ боярамъ и служилымъ людямъ и т. п. Борисъ Годуновъ при обрядѣ вѣнчанія держалъ царскій скипетръ и стоялъ ближе другихъ бояръ къ государю. Въ правительственной думѣ онъ однако долженъ былъ уступать мѣсто старѣйшимъ и болѣе знатнымъ боярамъ. Наибольшимъ значеніемъ пользовался тогда дядя государя по матери, Никита Романовичъ Захарь-

инъ-Юрьевъ. Но этотъ почтенный, уважаемый всѣми бояринъ вскорѣ послѣ царскаго коронованія тяжко заболѣлъ, а въ слѣдующемъ 1585 году онъ уже скончался. Такимъ образомъ сама судьба покровительствовала честолюбивымъ стремленіямъ Годунова и освободила его отъ главнаго соперника. А остальныхъ онъ самъ устранилъ ловко и постепенно.

Историческая правда однако требуетъ замѣтить, что сами обстоятельства и люди толкали Годунова въ борьбу на жизнь или смерть съ противниками. Отношенія быстро обострились до такой степени, что дѣло шло не только о первенствѣ, но и о сохраненіи собственнаго благосостоянія, если не о самомъ существованіи. Противники Годунова, для его устраненія, не останавливались передъ крайними мѣрами. Есть извѣстіе, что бояре Шуйскіе, Воротынскіе, Головины, Голицыны и другіе сумѣли слабаго характеромъ, колеблющагося на ту и на другую сторону Ивана Мстиславскаго такъ вооружить противъ Бориса, что тотъ согласился на его убійство въ своемъ домѣ во время пира. Но Годуновъ вовремя узналъ о заговорѣ и принялъ свои мѣры. Въ семъ случаѣ ему помогали братья Щелкаловы, которыхъ онъ переманилъ на свою сторону. Хитрые дьяки конечно видѣли, на чьей сторонѣ главная сила, и понимали, какъ трудно бороться съ Годуновымъ, за которымъ стояла его сестра царица Ирина; а послѣдняя пользовалась любовью мужа и имѣла на него большое вліяніе. Вслѣдствіе открытаго заговора престарѣлый Мстиславскій былъ отправленъ въ Кирилловъ монастырь и тамъ постриженъ; прочіе заговорщики отправлены въ ссылку или заключены въ темницы. Особенно пострадали Воротынскіе и Головины. Одинъ изъ Головиныхъ, Михайла, находившійся тогда въ своей Медынской отчинѣ, успѣлъ бѣжать къ польскому королю. Только сильная и многочисленная семья князей Шуйскихъ оставалась пока нетронутою, и продолжала борьбу съ Годуновымъ; эта семья опиралась на приверженность къ себѣ московскихъ торговыхъ людей и черни, а также на громкую славу, которую князь Иванъ Петровичъ стяжалъ себѣ геройскою защитою Пскова; за нее городъ Псковъ съ пригородами былъ пожалованъ ему въ кормленіе. Поэтому Годуновъ попытался пойти съ ними на мировую, которая и была устроена при посредничествѣ митрополита Діонисія. Но когда герой Пскова, особенно любимый москвичами, вышелъ изъ покоевъ митрополита и объявилъ собравшемуся народу о только что заключенной мировой, изъ толпы отдѣлились два купца, и сказали ему: «помирились вы

нашими головами, и вамъ, князь Иванъ Петровичъ, отъ Бориса пропасть, да и намъ погибнуть». Лѣтописецъ прибавляетъ, будто бы въ ту же ночь эти два купца были схвачены и сосланы невѣдомо куда. Слова ихъ скоро оправдались: заключенный миръ оказался только краткимъ перемиріемъ.

И на сей разъ Годунову пришлось употреблять крутыя мѣры въ видахъ самозащиты; такъ какъ дѣло было начато не имъ собственно, а его противниками. Зная, что главная сила Годунова заключается во вліяніи его сестры Ирины на государя, Шуйскіе съ своей партіей придумали подсѣчь эту силу въ самомъ ея корнѣ. Бракъ Θеодора съ Ириною былъ бездѣтенъ, и Московскому царскому дому грозило прекращеніе прямого потомства. На этомъ обстоятельствѣ и былъ основанъ новый замыселъ, направленный противъ Годунова. Руководимые Шуйскими, нѣкоторые бояре въ согласіи съ гостями московскими и торговыми людьми, а также имѣя на своей сторонѣ митрополита, положили всенародно бить челомъ государю о разводѣ съ Ириною и о новомъ бракѣ, по примѣру его дѣда Василія Ивановича. Годуновъ вовремя узналъ и объ этомъ замыслѣ, и поспѣшилъ разрушить его въ самомъ основаніи. Прежде всего онъ постарался уговорить митрополита, чтобы сей послѣдній отказался отъ участія въ такомъ грѣшномъ дѣлѣ какъ расторженіе законнаго брака; при чемъ сослался на то, что прямой наслѣдникъ Θеодору уже есть, именно царевичъ Димитрій Углицкій; говорилъ и о возможности самому Θеодору еще имѣть дѣтей отъ Ирины. Такимъ образомъ подача челобитной царю не состоялась. Но Борисъ уже не сталъ ожидать новыхъ козней со стороны своихъ противниковъ, а поспѣшилъ навсегда отъ нихъ отдѣлаться. Для сего, по словамъ лѣтописцевъ, онъ прибѣгъ къ гнусной клеветѣ. Подговоренный имъ, слуга Шуйскихъ (Θедоръ Старковъ) подалъ на своихъ господъ доносъ, что они вмѣстѣ съ московскими купцами замышляютъ какую то измѣну противъ государя. Годуновъ постарался такъ напугать царя мнимою опасностью, что приняты были важныя мѣры предосторожности: царскій дворецъ окружили войскомъ и при всѣхъ кремлевскихъ воротахъ усилили стражу. Шуйскихъ съ пріятелями схватили; холопей ихъ, а также московскаго гостя Θедора Нагая съ товарищами подвергли пыткамъ. Хотя эти пытки ничего не доказали, тѣмъ не менѣе послѣдовало строгое наказаніе мнимовиновныхъ. Двухъ князей Шуйскихъ, псковскаго героя Ивана Петровича и Андрея Ивановича, сослали, перваго на Бѣлоозеро, второго въ

Каргополь, и тамъ, если вѣрить непріязненнымъ Годунову лѣтописцамъ, ихъ тайно удавили по его наказу. Пріятелей ихъ, князя Татева, Крюка-Колычова, Быкасовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ знатныхъ людей, разослали въ Астрахань, Нижній и въ иные города; а Өедору Нагаю съ шестью товарищами отрубили головы; нѣсколько торговыхъ людей также разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ.

Теперь враждебная Годунову партія Шуйскихъ была сломлена и обезсилена. Покончивъ съ ними, онъ поспѣшилъ устранить и митрополита Діонисія, котораго нѣкоторые источники называютъ «сладкорѣчивымъ» и «мудрымъ граматикомъ». Видя пытки, казни и ссылки невинныхъ людей, митрополитъ вмѣстѣ съ крутицкимъ архіепископомъ Варлаамомъ вздумалъ печаловаться за нихъ передъ государемъ, и не устрашился обличать неправды Годунова. Но послѣднему нетрудно было выставить ихъ лжецами и склонить царя на ихъ сверженіе и ссылку въ дальніе монастыри. На московскую митрополію былъ возведенъ человѣкъ, на преданность котораго Годуновъ могъ положиться, именно ростовскій архіепископъ Іовъ ([56]).

Такимъ образомъ въ теченіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ Борисъ Годуновъ освободился отъ всѣхъ своихъ соперниковъ, и захватилъ полную власть въ свои руки, награжденный званіями и достоинствами конюшаго, «великаго» и «ближняго» боярина, намѣстника царствъ Казанскаго и Астраханскаго и наконецъ «правителя». Надѣленный отъ царя многими поземельными имуществами, богатымъ жалованьемъ и доходами (кормленіемъ) съ цѣлыхъ областей, онъ, какъ говорятъ, получалъ въ годъ около 100.000 рублей—сумма по тому времени огромная и превышавшая доходы всякаго другого подданнаго. Вмѣстѣ съ своими, также щедро пожалованными, родственниками онъ, по замѣчанію иностранцевъ, могъ въ нѣсколько недѣль выставить съ своихъ имѣній будто бы до 100.000 ратниковъ. Годуновъ не только принималъ иностранныхъ пословъ, но и прямо входилъ въ письменныя сношенія съ иноземными государями—привилегія, которою дотолѣ не пользовался ни одинъ московскій бояринъ. Объ умственныхъ и наружныхъ качествахъ Бориса Годунова современники отзываются съ большою похвалою. Если вѣрить нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, то благолѣпіемъ своего лица, разумомъ и велерѣчіемъ Борисъ превосходилъ всѣхъ бояръ, составлявшихъ царскій «синклитъ». Онъ находился тогда въ полномъ цвѣтѣ возраста: ему было около 35 лѣтъ отъ роду. Но, по замѣчанію лѣтописцевъ

не на добродѣтель онъ направилъ свои превосходныя способности, а на лукавство, подозрительность и властолюбіе.

Рядомъ съ этимъ богато одареннымъ отъ природы правителемъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе долженъ былъ производить послѣдній представитель династіи Владиміра Великаго, царь Θедоръ Ивановичъ! Небольшого роста, неуклюжій, неповоротливый, съ ястребинымъ носомъ, онъ не могъ скрыть своей простоты, часто и не кстати улыбаясь. Тихій, ласковый, онъ особенно отличался набожностію и проводилъ свое время или въ образной, освѣщенной неугасаемыми лампадами, вмѣстѣ съ своимъ духовникомъ, или въ церкви за заутренею, обѣднею и вечернею. Въ промежуткахъ между ними онъ бесѣдовалъ съ супругою, принималъ бояръ, приходившихъ на поклонъ, обѣдалъ и ужиналъ, забавлялся шутами и карлами или кулачнымъ и медвѣжьимъ боями. Любилъ также по праздникамъ ходить на колокольню и самолично производить трезвонъ. Сверхъ того почти еженедѣльно царь отправлялся на богомолье въ какой-либо изъ недальнихъ монастырей. Государственныхъ заботъ и судебнаго разбирательства онъ не выносилъ. Когда во время выхода его изъ дворца какому-либо челобитчику удавалось дойти до его особы, то «избывая мірской суеты и докуки», Θедоръ отсылалъ его къ своему большому боярину Годунову.

Если молодой царь затруднялся даже разборомъ какой-либо простой челобитной, то понятно, что онъ и подавно не бралъ на себя разсмотрѣнія важныхъ государственныхъ вопросовъ, внѣшнихъ и внутреннихъ; а всецѣло возлагалъ ихъ на боярскую думу или въ сущности на того-же Бориса Годунова, къ которому вскорѣ началъ питать привязанность и довѣріе неограниченное.

Въ дѣлахъ внѣшнихъ на первомъ планѣ стояли отношенія Польскія, все еще далеко неуладившіяся послѣ войны Ивана Грознаго съ Стефаномъ Баторіемъ. Особенно много затрудненій встрѣтилъ вопросъ о размѣнѣ плѣнныхъ; Θедоръ освободилъ 900 человѣкъ, а Баторій за это отпустилъ только 20 незначительныхъ людей, остальныхъ же не соглашался отпустить безъ выкупа. Съ кончиною Грознаго самый мирный договоръ подвергся вопросу; ибо король теперь не считалъ этотъ договоръ для себя обязательнымъ, и показывалъ намѣреніе возобновить войну. Съ своей стороны московское правительство сочло нужнымъ показать, что оно войны не боится. Польскому послу Сапѣгѣ, пріѣхавшему для переговоровъ о плѣнныхъ, говорились подъ рукою такія рѣчи: «Москва теперь не ста-

рая, и на Москвѣ молодыхъ такихъ много, что хотятъ биться и мирное постановленіе разорвать; да что прибыли, что съ обѣихъ сторонъ кровь христіанская разливаться начнетъ?» Но Баторій, продолжавшій носиться съ замыслами о завоеваніи едва ли не всего Московскаго государства, вновь и упорно началъ требовать уступки Смоленска, Сѣверской земли, даже Новгорода и Пскова. Въ этомъ упорствѣ поддерживалъ его помянутый выше русскій перебѣжчикъ Михаилъ Головинъ, который внушалъ королю, что Москва теперь не въ состояніи противиться ему, ибо царь слабъ умомъ, а между боярами идутъ жестокіе раздоры. Но московскіе послы въ Польшѣ, бояринъ Троекуровъ и думный дворянинъ Безнинъ, ловко подорвали довѣріе къ словамъ Головина: по ихъ порученію, одинъ изъ посольскихъ дворянъ завелъ дружбу съ польскимъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ пилъ, и какъ будто подъ пьяную руку за великую тайну сообщилъ ему, что Головинъ въ дѣйствительности есть лазутчикъ, подосланный московскимъ правительствомъ и снабженный большими деньгами для подкуповъ. Разумѣется, приставъ поспѣшилъ о томъ сообщить кому слѣдовало, и басня распространилась. Особенно повѣрили ей многіе вельможи, неодобрительно смотрѣвшіе на новые военные замыслы короля. Напрасно онъ сердился и уговаривалъ ихъ; сеймъ еще упорнѣе отказывалъ ему въ средствахъ на веденіе новой войны. Баторій согласился наконецъ заключить двухлѣтнее перемиріе. Но, принужденный отказаться пока отъ мысли силою оружія присоединить къ Польшѣ Московское государство, онъ попытался соединить ихъ мирнымъ способомъ.

Въ мартѣ 1586 года въ Москву прибылъ посломъ отъ короля православный западнорусскій вельможа Михаилъ Гарабурда и предложилъ заключить прочный миръ съ такимъ условіемъ, въ силу котораго Москвитяне должны были по кончинѣ Ѳеодора избрать въ цари Баторія, а Поляки въ свою очередь по кончинѣ Баторія могли бы избрать въ короли Ѳеодора. Тутъ явно проглядывалъ прямой разсчетъ на бездѣтность и слабое здоровье Ѳеодора Ивановича. Но самое это предложеніе являлось довольно наивнымъ. Если Ѳеодоръ былъ простодушенъ, то бояре, съ Борисомъ Годуновымъ во главѣ, съумѣли дать ловкій отвѣтъ. Во-первыхъ,— говорили они—«вести переговоры о смерти государевой непригоже; какъ намъ про государя своего и помыслить, но не только что говорить»? А во-вторыхъ, «у насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопи прирожденные; а вы себѣ выбираете государей;

кого выберете, тотъ вамъ и государь». На прежнее требованіе уступки областей бояре отвѣчали, что государь не дастъ и драницы, и въ свою очередь потребовали уступки исконной государевой вотчины, Кіева съ уѣздами и пригородами. Гарабурда уѣхалъ ни съ чѣмъ. Потомъ обѣ стороны согласились устроить съѣздъ пословъ на границѣ для дальнѣйшихъ переговоровъ, и для того перемиріе продолжено было на два мѣсяца. Тѣмъ временемъ Баторій усердно готовился къ новой войнѣ съ Москвою. Съ помощью извѣстнаго Поссевина онъ успѣлъ вовлечь въ свои замыслы преемника Григорія XIII, знаменитаго папу Сикста V; послѣднему весьма улыбалась мысль посадить на московскій престолъ католика и соединить народы Восточной Европы въ общемъ предпріятіи противъ Турокъ. Извѣстный своею скупостью, папа назначилъ Баторію щедрое денежное вспоможеніе для войны съ Москвою (250.000 скудій). Но во время сихъ приготовленій и переговоровъ умеръ самъ главный ихъ виновникъ Баторій. Послѣ долгой борьбы разныхъ партій, въ которой принимало участіе и московское правительство, на польскій престолъ былъ выбранъ шведскій королевичъ Сигизмундъ, потомокъ Ягеллоновъ по матери. Но не сбылись опасенія Москвитянъ съ одной стороны и надежды Поляковъ съ другой: что Сигизмундъ III соединитъ подъ своею верховною властію Польшу и Литву со Швеціей и отниметъ у Москвы по крайней мѣрѣ области Псковскую, Смоленскую и Сѣверскую. Сигизмундъ оказался ревностнымъ католикомъ, тогда какъ въ Швеціи утвердился протестантизмъ; по смерти короля Іоанна (1592 г.), шведскіе чины устранили Сигизмунда отъ престола, на который возвели его дядю Карла герцога Зюдерманландскаго. ([57]).

Отношенія Польско-Литовскія находились тогда въ тѣсной связи съ отношеніями Шведскими. Какъ ни тяжела была для Москвы утрата береговъ Финскаго залива съ такими коренными русскими городами, каковы Ивангородъ, Яма и Копорье; однако на новую войну со Шведами московское правительство не рѣшалось, пока былъ живъ Стефанъ Баторій со своими замыслами о новыхъ завоеваніяхъ насчетъ восточнаго сосѣда. По кончинѣ Ивана Грознаго эстонскій намѣстникъ, извѣстный Делагарди, обратился къ новгородскимъ намѣстникамъ съ высокомѣрнымъ запросомъ: будутъ ли Русскіе соблюдать перемиріе и пришлютъ ли пословъ въ Стокгольмъ для заключенія вѣчнаго мира? Москва, привыкшая свысока смотрѣть на Шведскую землю, обидѣлась этимъ тономъ. Свой взглядъ на нее

она при одномъ случаѣ высказала слѣдующими словами: «Шведская земля невеликая, изначала бывала въ подданныхъ у Датскаго короля, и были въ ней правители, а не короли; короли въ ней недавно стали, а ссылались прежніе правители съ боярами и намѣстниками Новгородскими». Переговоры, завязавшіеся между обѣими державами, поэтому сопровождались разными укоризнами. Наконецъ Москва согласилась прислать своихъ уполномоченныхъ на устье Плюсы близъ Нарвы, именно князя Шестунова и думнаго дворянина Татищева, въ октябрѣ 1585 г. Московскіе послы требовали возвращенія Ивангорода, Ямы, Копорья и Корелы хотя бы за денежное вознагражденіе, но шведскіе ни на что не соглашались. Во время этихъ переговоровъ однажды лодка, на которой шведскіе уполномоченные переправлялись черезъ Нарову, сильнымъ вѣтромъ была брошена на пень и разбилась. Въ числѣ утонувшихъ оказался самъ Делагарди. Хотя Русскіе избавились такимъ образомъ отъ одного злѣйшаго врага; но другой (Баторій) еще царствовалъ. А потому Москвитяне подтвердили перемиріе еще на четыре года, не добившись никакихъ уступокъ.

Въ 1589 году, когда срокъ перемирія истекъ, на польскомъ престолѣ уже сидѣлъ шведскій королевичъ. Но въ Москвѣ скоро разгадали новаго польскаго короля. Около этого времени одинъ подъячій, отправленный въ Литву для собранія вѣстей, выражался о немъ такъ: «короля Сигизмунда держатъ ни за что, потому что промыслу въ немъ нѣтъ никакого, и неразумнымъ его ставятъ, и землею его не любятъ, потому что отъ него землѣ прибыли нѣтъ никакой: владѣютъ всѣмъ паны». Въ Москву даже сообщали, что Сигизмундъ непроченъ на своемъ престолѣ, и что особенно къ нему нерасположена Литва, которая попрежнему отнюдь не желаетъ воевать съ Москвою. Притомъ Московское государство успѣло уже нѣсколько отдохнуть отъ предыдущихъ пораженій и собраться съ силами. Поэтому, когда возобновились переговоры со Швеціей, Москва снова и болѣе рѣшительнымъ тономъ потребовала возвращенія Нарвы, Ямы, Копорья и Корелы; а на отказъ Шведовъ отвѣчала большимъ походомъ. Самъ царь выступилъ съ многочисленнымъ войскомъ, сопровождаемый и руководимый ближними воеводами: Борисомъ Годуновымъ и Ѳедоромъ Никитичемъ Романовымъ. Въ январѣ 1590 года Яма была взята; затѣмъ начальникъ передового полка удалой князь Димитрій Хворостининъ разбилъ шведскаго генерала Банера близъ Нарвы. Русскіе осадили этотъ городъ. Первый при-

ступъ былъ отбитъ,и началось бомбардированіе. Опасаясь потерять сей важный пунктъ, Шведы возобновили переговоры и предлагали возвратить Ивангородъ, Яму и Копорье. Русскіе требовали кромѣ того и Нарвы; однако согласились на предложенную уступку, и, довольствуясь обѣщаніемъ еще большихъ уступокъ на слѣдующемъ посольскомъ съѣздѣ, заключили годовое перемиріе. Дѣло въ томъ, что Борисъ Годуновъ, при всѣхъ своихъ способностяхъ, не обладалъ храбростію и воинскимъ талантомъ и въ то же время не желалъ, чтобы этими качествами выдвинулся помимо его какой-либо другой бояринъ. Такимъ образомъ Нарва, которая едва-ли могла выдержать настойчивое бомбардированіе и новый приступъ, осталась въ рукахъ непріятелей; а Годуновъ съ царемъ возвратился въ Москву торжествовать побѣду надъ Шведами. Вскорѣ военныя дѣйствія возобновились. Между прочимъ русскія войска, подъ начальствомъ Ивана Годунова, ходили въ Финляндію и безуспѣшно осаждали Выборгъ. Польскій король показывалъ намѣреніе также начать войну съ Россіей, если Русскіе не откажутся отъ Нарвы, которая будто бы должна принадлежать Польшѣ. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ въ январѣ 1591 года царь собралъ думу съ участіемъ духовенства, и спрашивалъ совѣта. По рѣшенію этой думы, съ Польшею заключено было двѣнадцатилѣтнее перемиріе съ условіемъ во время этого срока не трогать Нарвы.

Война со Шведами протянулась до самой смерти Сигизмундова отца, короля Іоанна. Послѣ него возникла борьба за шведскую корону между Сигизмундомъ и дядею его Карломъ. Послѣдній, какъ правитель государства, поспѣшилъ прекратить войну съ Русскими и заключилъ съ ними сначала двухлѣтнее перемиріе (въ 1593 году), а потомъ и вѣчный миръ въ маѣ 1595 года у Тявзина, подъ Нарвою. Шведы сверхъ Ивангорода, Ямы и Копорья уступили намъ Корелу (Кексгольмъ) и половину Лапландіи съ городомъ Колой.

Въ царствованіе Θеодора Іоанновича продолжались прежнія дружескія сношенія съ цесарскимъ дворомъ, которыя поддерживались въ особенности польскими отношеніями. Во время безкоролевья, когда московская кандидатура не состоялась, Москва взяла сторону эрцгерцога Максимильяна. Русское правительство не разъ посылало императору субсидіи деньгами или, вмѣсто денегъ, пушнымъ товаромъ. Но постоянныя требованія субсидій съ этой стороны наконецъ наскучили въ Москвѣ, и подъ конецъ тамъ убѣди-

лись, что дружба съ цесаремъ не доставляла намъ никакихъ существенныхъ выгодъ въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Недальновидный и недѣятельный Рудольфъ II постоянно толковалъ чрезъ свои посольства о союзахъ противъ Поляковъ и Турокъ; но дѣлъ никакихъ не предпринималъ. Точно также продолжались и наши дружественныя сношенія съ Англіей, которая спѣшила извлекать изъ Россіи возможныя выгоды въ промышленномъ и торговомъ отношеніи. Королева Елизавета обращалась съ льстивыми письмами не только къ царю, но и къ Борису Годунову; и безъ того расположенный къ Англичанамъ, правитель сдѣлался ихъ рѣшительнымъ покровителемъ (они называли его своимъ лордомъ-протекторомъ). Благодаря его содѣйствію, Англичане добились въ Россіи привилегіи на безпошлинную торговлю. Не довольствуясь тѣмъ, Англорусская компанія постоянно стремилась захватить себѣ монополію на торговыя сношенія съ Бѣлымъ моремъ и старалась не пускать къ этому морю не только иностранные корабли, но и тѣ англійскіе, которые не принадлежали къ Англорусской компаніи. Это стремленіе вызывало иногда протестъ со стороны московскаго правительства, и царь писалъ королевѣ: «которую дорогу Богъ устроилъ великое море океанъ, и тое дорогу какъ мочно затворить». Въ числѣ англійскихъ пословъ, пріѣхавшихъ въ Москву хлопотать о дарованіи исключительныхъ привилегій означенной компаніи, былъ Флетчеръ, столь извѣстный авторъ сочиненія о Россіи. Любопытно, что когда появилось въ печати это сочиненіе (въ 1591 г.), посвященное королевѣ Елизаветѣ, англо-русская купеческая компанія подала своему правительству жалобу на то, что темныя краски, которыми Флетчеръ описываетъ Россію, должны оскорбить русское правительство и потому создадутъ затрудненія для англійской торговли. Жалоба эта была уважена, и сочиненіе подверглось запрещенію. Нагляднымъ слѣдствіемъ англо-русскихъ торговыхъ сношеній было основаніе новаго города и пристани на устьѣ Сѣверной Двины, въ 1584 году. Этотъ городъ названъ Архангельскомъ, по имени находившагося здѣсь монастыря. ([58]).

На восточныхъ окраинахъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ продолжались заботы о русской колонизаціи и закрѣпленіи Московскому государству недавно завоеванныхъ областей Поволжья и Западной Сибири. При кончинѣ Ивана IV въ Казанской землѣ свирѣпствовало сильное возстаніе Черемисъ, подстрекаемыхъ татарами Крымскими и Ногайскими. Это возстаніе было усмирено не столько военною си-

лою, сколько щедрыми подарками и обѣщаніями; а вмѣстѣ съ тѣмъ въ странѣ и Луговыхъ, и Горныхъ черемисъ предпринято построеніе нѣсколькихъ новыхъ городовъ, которые привели эту землю въ полное подчиненіе Москвѣ: таковы Кокшага (или Царевъ-городъ), Цивильскъ, Уржумъ и др. А нижнее Поволжье было закрѣплено построеніемъ городовъ Саратова и Царицына. Такими же мѣрами укрѣплена была за Россіей Западная Сибирь, завоеваніе которой начато Ермакомъ.

Отношенія къ Крымцамъ были постоянно натянутыя, вслѣдствіе ихъ частыхъ мелкихъ набѣговъ на южныя украйны. Только возникавшіе иногда междоусобія и споры за престолъ удерживали Орду отъ большихъ предпріятій. Такъ въ 1585 г. ханъ Магметъ-Гирей былъ убитъ братомъ своимъ Исламъ-Гиреемъ; два сына Магметовы Сайдетъ и Муратъ нашли убѣжище въ Московскомъ государствѣ, и поселились въ Астраханской области. Они грозили съ помощью Русскихъ и Ногаевъ свергнуть дядю, чѣмъ Москвитяне и пользовались, чтобы держать его въ страхѣ. Въ то же время усилившееся казачество, Запорожское, Донское и Терское, также своими нападеніями отвлекало Татаръ. Но когда мѣсто умершаго Ислама заступилъ Казы-Гирей (1588 г.), послѣдній по обычаю ханскому желалъ ознаменовать начало своего царствованія громкимъ разбойничьимъ дѣяніемъ; онъ сталъ замышлять большой набѣгъ на Москву, побуждаемый къ тому нашимъ недругомъ Шведскимъ королемъ и злобясь на нее за неприсылку большихъ поминковъ. Нашъ претендентъ на Крымское ханство Муратъ-Гирей въ это время умеръ въ Астрахани. Казы-Гирей очевидно надѣялся повторить такой же набѣгъ, какой двадцать лѣтъ назадъ удалось произвести Девлетъ-Гирею. Онъ съумѣлъ обмануть московскихъ лазутчиковъ, объясняя свои приготовленія намѣреніемъ идти на Литву. Вдругъ въ іюнѣ 1591 года получилось извѣстіе, что ханъ съ полуторастотысячною ордою идетъ прямо на Москву. Тогда воеводамъ, оберегавшимъ Оку, именно Ѳедору Ивановичу Мстиславскому съ товарищами, велѣно было поспѣшно двинуться къ столицѣ.

1 іюля вечеромъ полки пришли къ селу Коломенскому; на слѣдующій день ихъ поставили въ подвижномъ лагерѣ, укрѣпленномъ телѣгами, или въ такъ наз. «обозѣ», близъ Данилова монастыря. Самъ царь прибылъ въ лагерь, смотрѣлъ полки, жаловалъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. Тутъ кромѣ Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, воеводы большого полку, въ числѣ военачальниковъ находились боя-

ре Борисъ Годуновъ, Александръ Никитичъ Романовъ, окольничій Андрей Клешнинъ и оружничій Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій, возвращенный изъ ссылки. 4 іюля утромъ появилась Татарская орда у Коломенскаго, и начала тотчасъ жечь окрестныя села и хватать въ плѣнъ людей. Русскія войска не выходили изъ своего обоза, а Татары не рѣшились всею массою напасть на нихъ, опасаясь ихъ большаго наряда, т. е. пушекъ. Весь день до самой ночи прошелъ въ стычкахъ непріятелей съ мелкими партіями, которыя выѣзжали на нихъ изъ русскаго стана. Вѣрный своему характеру, царь Ѳедоръ Ивановичъ въ это время усердно молился въ своемъ теремѣ, и, если вѣрить лѣтописцамъ, сказалъ стоявшему подлѣ и плакавшему боярину Григорію Годунову, чтобы онъ утѣшился, ибо завтра поганыхъ уже не будетъ. Дѣйствительно, въ ту-же ночь въ русскомъ лагерѣ произошелъ почему-то большой шумъ, сопровождаемый громомъ пушекъ. Ханъ, расположившійся уже въ селѣ Воробьевѣ, откуда смотрѣлъ на разстилавшуюся у его ногъ столицу, встревожился этимъ шумомъ и велѣлъ распросить русскихъ плѣнниковъ; тѣ отвѣчали, что на помощь московской силѣ пришли многія войска изъ Новгорода и другихъ мѣстъ. Не дожидаясь утра, ханъ побѣжалъ назадъ, побросавъ свои обозы. Посланные за нимъ въ погоню, легкіе полки не могли нагнать его, такъ какъ онъ бѣжалъ безъ остановки. За легкими полками двинулась и главная рать къ Серпухову. Сюда пріѣхалъ стольникъ Иванъ Никитичъ Романовъ съ поклономъ отъ государя и съ объявленіемъ его милостей. Главный воевода Мстиславскій получилъ шубу съ царскаго плеча, кубокъ, золотую чарку и пригородъ Кашинъ съ уѣздомъ въ кормленіе; прочіе воеводы также получили шубы, кубки, мѣха, бархаты, камки, сукна, вотчины и помѣстья. Кромѣ того раздавались имъ золотые, португальскіе, англійскіе и венгерскіе. Богаче всѣхъ былъ награжденъ Борисъ Годуновъ: ему пожалованы шуба въ тысячу рублей, золотая цѣпь, золотой сосудъ, прозванный Мамаемъ (потому что былъ найденъ въ Мамаевомъ обозѣ послѣ Куликовой битвы), кромѣ того три города въ Важской землѣ и званіе слуги, которое тогда ставилось выше боярскаго. По возвращеніи въ Москву государь угощалъ бояръ пиромъ въ Грановитой палатѣ. Въ благодарность за избавленіе отъ непріятеля на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ русскій «обозъ», построенъ былъ Донской монастырь.

Казы Гирей измѣнилъ тонъ, и чрезъ своихъ гонцовъ смиренно просилъ государя простить ему приходъ подъ Москву. Но это была

хитрость, имѣвшая цѣлью усыпить или, какъ тогда говорилось, о п л о ш и т ь русское правительство, что ему и удалось. Въ Москвѣ думали, что Татары не скоро будутъ въ состояніи предпринять новый набѣгъ, и не строго оберегали границы. Но въ маѣ слѣдующаго 1592 года калга (наслѣдный царевичъ) Фети-Гирей внезапно бросился на Рязанскія и Тульскія украйны, и не встрѣтилъ здѣсь никакого сопротивленія; Татары выжгли много селъ и деревень, жители которыхъ не успѣли спастись въ города. Орда взяла полону такое большое количество, какого давно уже ей не удавалось захватить. Послѣ того Казы-Гирей снова перемѣнилъ тонъ, и сталъ требовать большихъ поминковъ. Дѣйствительно, московскому правительству пришлось вновь посылать поминки хану, царевичамъ и мурзамъ. Но обязанность хана участвовать въ войнахъ Турокъ съ германскимъ императоромъ отвлекала вниманіе Крымцевъ, и они нѣкоторое время оставляли насъ въ покоѣ. Въ 1594 году ханъ даже выдалъ русскому послу князю Щербатову шертную или присяжную грамоту. На южныхъ предѣлахъ, т. е. со стороны Крымцевъ, московское правительство въ это время, какъ и на востокѣ, дѣятельно строило крѣпости; таковы: обновленный Курскъ, вновь построенные Воронежъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки; послѣднія три были поставлены на «сакмахъ» или татарскихъ путяхъ.

Отношенія Крымскія и Ногайскія вели за собою сношенія съ турецкимъ султаномъ, съ которымъ при Θедорѣ Ивановичѣ были впрочемъ неважныя пересылки. Между прочимъ Турки жаловались въ Москву на Донскихъ казаковъ, которые приходили подъ Азовъ, нападали на турецкіе корабли и каторги. Требовали также, чтобы Русскіе покинули крѣпость на Терекѣ, основанную Иваномъ Грознымъ для защиты своего тестя, кабардинскаго князя Темгрюка. Но эту, на время оставленную, крѣпость Москвитяне возстановили вновь, когда православный катехинскій князь Александръ, угрожаемый съ одной стороны Турками, съ другой Персами, билъ челомъ московскому государю, чтобы онъ принялъ его въ подданство со всѣмъ народомъ. Въ Москвѣ согласились на сію просьбу, и отправили въ Грузію священниковъ, монаховъ, иконописцевъ, чтобы обновить тамъ храмы, христіанское ученіе и богослуженіе. По просьбѣ Александра, изъ Терской крѣпости даже посланъ былъ князь Хворостининъ съ войскомъ на тарковскаго владѣтеля или шамхала, обижавшаго Грузинъ. Хворостининъ взялъ и разорилъ Тарки; но, не получивъ помощи отъ коварнаго Александра, ушелъ назадъ, и

дорогою потерялъ нѣсколько тысячъ человѣкъ въ битвахъ съ горскими племенами. Послѣ того сношенія съ этими отдаленными краями на нѣкоторое время прекратились. Тѣмъ не менѣе царскій титулъ Ѳеодора увеличился прибавкою «государя земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей». Персидскій шахъ Аббасъ Великій, желая привлечь Ѳедора Ивановича къ союзу противъ Турокъ, отказывался въ его пользу отъ своихъ притязаній на Кахетію. Но переговоры съ нимъ о союзѣ были безплодны. (59).

Итакъ, направленіе внѣшней политики при Ѳедорѣ Ивановичѣ было по преимуществу мирное. Воротивъ Россіи издавна принадлежавшее ей прибрежье Финскаго залива, Борисъ Годуновъ ограничивался на западѣ и югѣ сохраненіемъ существовавшихъ предѣловъ и не давалъ вовлечь себя въ какія либо рискованныя предпріятія. Политика сія вполнѣ соотвѣтствовала потребностямъ того времени: ибо истощенная войнами и тиранствомъ Грознаго, Россія нуждалась въ продолжительномъ отдыхѣ.

Изъ внутреннихъ мѣръ сего царствованія самое видное мѣсто принадлежитъ учрежденію патріаршества.

Хотя съ половины XV вѣка, т. е. послѣ завоеванія Византіи Турками, Русская церковь въ дѣйствительности была самостоятельною, митрополиты ея выбирались изъ среды русскаго духовенства и не ѣздили на утвержденіе къ цареградскому патріарху, однако въ Москвѣ тяготились и самою номинальною зависимостію своей церкви отъ патріарха, ставшаго рабомъ турецкаго султана. Старый Римъ отпалъ отъ православія; Новый Римъ (Царь-градъ) страдалъ подъ игомъ невѣрныхъ. Москва считала себя третьимъ Римомъ, въ чистотѣ сохранявшимъ древнее православіе, и естественно желала, чтобы ея архипастырю было присвоено званіе, равное старѣйшимъ греческимъ іерархамъ. Желаніе это высказалось рѣшительно при первомъ же удобномъ случаѣ.

Со времени паденія Византіи греческія духовныя лица часто пріѣзжали въ Россію для сбора милостыни; въ числѣ ихъ были архіепископы и митрополиты; но еще не было ни одного патріарха. И вотъ въ 1586 году прибылъ въ Москву одинъ изъ восточныхъ патріарховъ, именно Іоакимъ Антіохійскій, и былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Царь принялъ его торжественно въ Золотой палатѣ; получилъ отъ него благословеніе и частицы нѣкоторыхъ

мощей. Послѣ царскаго пріема гостя проводили въ Успенскій соборъ къ митрополиту Діонисію. Сей послѣдній, стоявшій въ полномъ облаченіи посреди собора, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу патріарху, и первый благословилъ его, а потомъ принялъ отъ него благословеніе. Іоакимъ слегка замѣтилъ, что пригоже было митрополиту сначала благословиться у патріарха. Но конечно Діонисій такъ поступилъ не одною собственною волею, а по согласію съ государемъ и его думою; въ чемъ ясно сказалась задняя мысль московскаго правительства о высокомъ значеніи Русской іерархіи. Вслѣдъ затѣмъ—по словамъ одного русскаго сказанія—государь, «помысля» съ своею благовѣрною царицею Ириною и поговоря съ боярами, отправилъ шурина своего Бориса Годунова къ Іоакиму просить его, чтобы онъ посовѣтовался со вселенскимъ (цареградскимъ) и другими патріархами о томъ, какъ бы устроить въ Московскомъ государствѣ россійскаго патріарха. Іоакимъ обѣщалъ. Онъ уѣхалъ изъ Москвы щедро одаренный и въ сопровожденіи подъячаго (Огаркова), который повезъ грамоты и богатые подарки другимъ патріархамъ. Хотя эти патріархи и узнали о желаніи московскаго правительства, однако не спѣшили его исполненіемъ, и дѣло могло затянуться на долгое время, если бы случайно, черезъ два года, въ Москву не прибылъ лично самъ цареградскій патріархъ Іеремія, который былъ нѣсколько разъ свергаемъ и возводимъ на свою каѳедру по капризу султана. Такъ какъ его патріаршая церковь (Богородицы Всеблаженной) была обращена въ мечеть, то онъ намѣревался строить новую, и для собранія средствъ пріѣхалъ черезъ Литву въ Московское государство.

Начиная отъ Смоленска Іеремію провожалъ почетный московскій приставъ; а при въѣздѣ въ Москву его встрѣтили бояре и множество народу. Въ его свитѣ находились митрополитъ монемвасійскій Іероѳей и архіепископъ елассонскій Арсеній. (Оба они оставили намъ описаніе сего путешествія). Патріарха со свитою помѣстили на Рязанскомъ подворьѣ, и снабжали обильными кормами; однако приставы обязаны были никого изъ постороннихъ къ нимъ безъ своего вѣдома не допускать, и о всѣхъ своихъ разговорахъ съ ними передавать боярамъ и посольскому дьяку Андрею Щелкалову. Такъ обыкновенно поступали у насъ съ иноземными посольствами. Торжественный царскій пріемъ гостей въ Золотой палатѣ состоялся 21 іюля 1588 года. Ѳедоръ Ивановичъ сидѣлъ на дорогомъ тронѣ въ полномъ царскомъ облаченіи, окруженный многочисленнымъ, бле-

стящимъ дворомъ. Царь принялъ благословенie отъ патрiарха и дары, состоявшie въ частицахъ мощей и въ другихъ святыняхъ, и чрезъ казначея Траханьотова объявилъ ему щедрые подарки съ своей стороны. Послѣ чего патрiарха отвели въ Малую Отвѣтную палату, гдѣ онъ бесѣдовалъ съ Борисомъ Годуновымъ, причемъ разсказалъ ему о бывшихъ своихъ цареградскихъ злоключенiяхъ, о своемъ путешествiи чрезъ литовскiя земли, разговоры съ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ и пр. Но повидимому объ учрежденiи русскаго патрiаршества тутъ не было рѣчи. Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, постепенно, посредствомъ приставовъ, московское правительство искусно вовлекло Iеремiю въ переговоры объ этомъ важномъ дѣлѣ. Онъ не вдругъ далъ свое согласie на учрежденie русскаго патрiаршества; потомъ согласился, но подъ условiемъ самому остаться для сего въ Россiи. Когда приставы о его рѣшенiи дали знать боярамъ, а тѣ царю, тогда только открыты были оффицiальные переговоры, которые уже прямо взялъ на себя Борисъ Годуновъ.

Московское правительство—точнѣе Годуновъ—очевидно желало просто возвести въ санъ патрiарха своего человѣка, т. е. митрополита Iова, а никакъ не прiѣзжаго Грека, незнавшаго ни русскаго языка, ни русскихъ внутреннихъ отношенiй. Чтобы устранить послѣдняго, оно поступило съ обычною дипломатическою ловкостiю: Iеремiи предложили быть русскимъ патрiархомъ и жить въ древнемъ стольномъ Владимiрѣ-Залѣсскомъ. Iеремiя не соглашался на это условie и говорилъ, что патрiархъ долженъ жить при государѣ, т. е. въ Москвѣ. Ему отвѣчали, что царь не хочетъ обидѣть своего отца и богомольца митрополита Iова, удаляя его изъ Москвы. Послѣ долгихъ переговоровъ, конечно сопровождавшихся щедрыми дарами и обѣщанiями, Iеремiя наконецъ отказался отъ своего намѣренiя остаться въ Россiи и согласился поставить для нея патрiарха изъ русскихъ архiереевъ. Созвали духовный соборъ, который совѣщался о чинѣ поставленiя патрiарха и избралъ трехъ кандидатовъ на сie достоинство, митрополита Iова, архiепископовъ новгородскаго Александра и ростовскаго Варлаама, предоставляя окончательный выборъ государю. Но этотъ выборъ былъ извѣстенъ заранѣе: государь указалъ на Iова. Торжественное посвященie его въ патрiарха происходило 26 января 1589 года въ Успенскомъ соборѣ; оно совершено было Iеремiей въ сослуженiи съ русскими архiереями. Впрочемъ чинъ поставленiя патрiаршаго мало чѣмъ разнился отъ обычнаго у насъ митрополичьяго. По окончанiи обряда царь говорилъ новому пат-

ріарху рѣчь; сей послѣдній отвѣчалъ ему также обычнымъ словомъ. Послѣ того происходилъ пиръ въ государевомъ дворцѣ. Во время обѣда Іовъ всталъ изъ-за стола и, въ сопрожденіи большой свиты и хора пѣвчихъ, отправился на осляти вокругъ «Стараго города» (Кремля), при чемъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ святой водой городскія стѣны; послѣ того воротился во дворецъ и опять занялъ свое мѣсто за столомъ. На другой день была торжественная трапеза у патріарха Іова. Тутъ снова при подачѣ третьей яствы онъ вышелъ изъ-за стола, и, сѣвъ на осля, объѣхалъ вокругъ города «Большого каменнаго» (или Бѣлаго города, только что построеннаго); при чемъ часть пути его осля велъ за поводъ самъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Спутникъ Іеремія, архіепископъ елассонскій Арсеній, описывая церемоніи и пиры, которыми сопровождалось учрежденіе патріаршества, много говоритъ о роскоши и великолѣпіи Московскаго двора, и съ особымъ восторгомъ разсказываетъ о пріемѣ обоихъ патріарховъ и другихъ архіереевъ, происходившемъ 27 января у государя въ Золотой палатѣ, откуда они перешли въ покои царицы Ирины. Онъ восхищается ея красотою и пріятною рѣчью, говоритъ о ея жемчужной коронѣ съ 12 зубцами, въ ознаменованіе 12 апостоловъ, и унизанной жемчугомъ бархатной одеждѣ; подлѣ нея стояли царь и Борисъ Годуновъ, а потомъ многія боярыни въ бѣлыхъ какъ снѣгъ одѣяніяхъ, со сложенными на поясѣ руками. Между прочими подарками, она вручила Іеремія драгоцѣнную чашу, обильно украшенную жемчугомъ и самоцвѣтными камнями, и просила его молить Бога о дарованіи ей наслѣдника Русской державы. Въ Москвѣ не жалѣли тогда дорогихъ камней, серебряныхъ сосудовъ, шелковыхъ тканей и соболей для раздачи иноземнымъ гостямъ; чѣмъ конечно и приводили ихъ въ восхищеніе. Вообще Московскому двору не дешево обошлось исполненіе его давняго желанія относительно русской патріаршей каѳедры.

Возвышеніе Московскаго архипастыря повело за собою и возвышеніе нѣкоторыхъ другихъ архіереевъ, чтобы достойнымъ образомъ обставить новую патріаршую каѳедру. А именно, четыре архіепископіи были возведены въ достоинство митрополій: Новгородская, Казанская, Ростовская и Крутицкая; а шесть епископовъ получили титулъ архіепископскій: Вологодскій, Суздальскій, Нижегородскій, Смоленскій, Рязанскій и Тверской. Кромѣ того установлено быть семи или восьми епископіямъ, большая часть которыхъ вновь учреж-

дена, каковы: Псковская, Ржевская, Устюжская, Бѣлозерская, Коломенская, Брянская, Дмитровская. Вселенскій патріархъ еще нѣсколько мѣсяцевъ оставался въ Москвѣ, и уѣхалъ, осыпанный щедрыми подарками и снабженный царской грамотою къ султану Мураду. А спустя два года, т. е. въ маѣ 1591 года, въ Москву прибылъ тырновскій митрополитъ Діонисій за милостынею и съ грамотою, которою патріархи Антіохійскій и Іерусалимскій, совмѣстно съ Цареградскимъ и цѣлымъ освященнымъ соборомъ, подтверждали учрежденіе Русскаго патріарха; при чемъ ему назначено было пятое мѣсто, т. е. послѣ всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ. Москва была не очень довольна послѣднимъ условіемъ; ибо желала получить третье мѣсто на томъ основаніи, что считала себя третьимъ Римомъ.

Хотя съ перемѣною сана власть Русскаго архипастыря въ дѣйствительности оставалась такая же какъ и прежде и отношенія его къ царской власти почти не измѣнились; однако новый титулъ имѣлъ немаловажное значеніе. Русская церковь отнынѣ сдѣлалась вполнѣ самостоятельною церковью и независимымъ отъ Царьграда патріархатомъ; чѣмъ возвысилась и въ собственныхъ глазахъ, и во мнѣніи другихъ христіанскихъ народовъ. Измѣнились и церковныя отношенія между Западною и Восточною Русью, т. е. Литовскою и Московскою. Возобновленіе особой Кіевской митрополіи, какъ мы видѣли, произвело раздѣленіе Русской церкви на двѣ части. Теперь, съ учрежденіемъ патріархата, западно-русскіе митрополиты уже не могли считать себя равными съ московскими архипастырями, и если не de facto, то de jure возстановлялось до нѣкоторой степени русское церковное единство. Наконецъ, возвышеніе титула сопровождалось нѣкоторыми новыми преимуществами въ обрядѣ и облаченіи: московскій патріархъ носилъ теперь митру съ крестомъ наверху, бархатную мантію зеленаго или багрянаго цвѣта; его церковный амвонъ, вмѣсто прежнихъ восьми ступеней, возвышался на двѣнадцати, и т. д.; что придавало первосвятительскому богослуженію болѣе блеска и вселяло болѣе уваженія къ особѣ архипастыря (60).

Учрежденіемъ патріаршества Борисъ Годуновъ конечно исполнилъ давнее желаніе русскихъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и лично для себя, для своихъ плановъ пріобрѣлъ крѣпкую поддержку въ главѣ Русской церкви, т. е. въ патріархѣ Іовѣ, всѣмъ ему обязанномъ, а также и въ другихъ архіереяхъ, имъ возвышенныхъ. Имѣя такимъ образомъ опору въ духовенствѣ, Борисъ Ѳедоровичъ ста-

рался расположить въ свою пользу и другое могущественное сословіе—военное. Поэтому онъ усердно радѣлъ объ его имущественныхъ интересахъ, т. е. о его помѣстьяхъ и вотчинахъ. Годунову въ этихъ видахъ приписываютъ даже прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, а слѣдовательно и водвореніе крѣпостного права въ Россіи. Но объ этомъ прикрѣпленіи поговоримъ въ своемъ мѣстѣ; а теперь обратимся къ другому событію.

Самымъ важнымъ по своимъ послѣдствіямъ событіемъ сего царствованія оказалась внезапная смерть девятилѣтняго царевича Димитрія, котораго, какъ мы видѣли, отправили вмѣстѣ съ матерью и родственниками Нагими въ его удѣльный поволжскій городъ Угличъ. Тутъ онъ росъ на попеченіи своей матери Марьи Ѳедоровны Нагой, а въ его маленькомъ удѣлѣ распоряжались ея братья, преимущественно старшій изъ нихъ, Михаилъ. Впрочемъ никакой самостоятельности этотъ удѣлъ не имѣлъ, и самая семья Нагихъ жила подъ надзоромъ царскихъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ былъ поставленъ преданный Годунову человѣкъ, дьякъ Михаилъ Битяговскій. Отъ него Нагіе получали и деньги, назначенныя московскимъ правительствомъ на содержаніе удѣльнаго княжескаго двора. Михаилъ Нагой былъ человѣкъ преданный крѣпкимъ напиткамъ и довольно буйный, и у него съ Битяговскимъ нерѣдко происходили столкновенія изъ за означенныхъ денегъ: Нагой требовалъ больше, чѣмъ выдавалъ ему Битяговскій. Кромѣ того Нагіе смотрѣли на этого дьяка и его подъячихъ какъ на шпіоновъ, приставленныхъ къ нимъ и доносившихъ въ Москву объ ихъ поведеніи. Такимъ образомъ жили они въ обоюдной непріязни и подозрѣніяхъ. Межъ тѣмъ въ Москвѣ Годуновъ, его родственники и приверженцы косо смотрѣли на Углицкаго царевича, который по бездѣтности Ѳедора Ивановича, вопреки своему рожденію отъ пятой супруги, являлся возможнымъ его преемникомъ, и притомъ такимъ, отъ котораго Борисъ Ѳедоровичъ и многіе другіе бояре не могли ожидать для себя ничего хорошаго. Поэтому съ ихъ стороны заранѣе принимались разныя мѣры противъ царевича, какъ будущаго претендента на престолъ. Такъ, по внушенію Бориса, царь запретилъ поминать въ церкви на ектеніи своего младшаго брата какъ незаконнаго, чтобы унизить его въ глазахъ народа. А между боярами пущены были слухи о жестокосердіи мальчика, напоминавшемъ отца, о какихъ то его выходкахъ и угрозахъ противъ бояръ. Разсказывали между прочимъ, будто онъ, однажды играя съ своими сверст-

никами, велѣлъ имъ сдѣлать изъ снѣгу подобіе человѣческихъ фигуръ, назвалъ ихъ именами извѣстныхъ бояръ, самую большую фигуру именемъ Бориса Годунова; послѣ чего своею маленькою саблею отрубилъ ему голову, а другимъ кому руку, кому ногу, приговаривая, что такъ то будетъ имъ въ его царствованіе. Въ дѣйствительности Димитрій былъ довольно болѣзненный мальчикъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ страдалъ иногда припадками падучей болѣзни; но помянутыя басни конечно имѣли своей цѣлью возбудить среди бояръ опасенія, а слѣдовательно желаніе устранить царевича, и подготовить ихъ къ готовящемуся событію.

Это событіе не замедлило.

До семьи Нагихъ тоже въ свою очередь доходили какіе то слухи о замыслахъ и покушеніяхъ на особу царевича. Опасались повидимому болѣе всего Битяговскихъ, Михаила, его сына Данила и его племянника Никиту Качалова; не довѣряли также главной мамкѣ царевича Василисѣ Волоховой и ея сыну Осипу. Поэтому мать берегла Димитрія и никуда отъ себя не отпускала. И все-таки не уберегла. 15 мая 1591 года, въ субботу, она была съ сыномъ у обѣдни; а воротясь домой, пока до обѣда позволила мальчику на минуту пойти на дворъ погулять въ сопровожденіи трехъ женщинъ: мамки Волоховой, кормилицы Тучковой и постельницы Колобовой. Что именно затѣмъ произошло, въ точности опредѣлить почти невозможно по крайнему разнорѣчію свидѣтельствъ. Извѣстно только одно: едва царевичъ успѣлъ сойти съ лѣстницы или появиться на дворѣ, какъ раздались отчаянные крики сопровождавшихъ его женщинъ. Прибѣжала мать и видитъ, что сынъ ея съ перерѣзаннымъ горломъ бьется на рукахъ у кормилицы въ предсмертныхъ судорогахъ. Не помня себя отъ горести и гнѣва, царица Марья схватываетъ полѣно и начинаетъ бить мамку Волохову по головѣ, приговаривая, что это ея сынъ Осипъ вмѣстѣ съ Даниломъ Битяговскимъ и Никитою Качаловымъ умертвили Димитрія. Сама ли она напала на эти имена подъ вліяніемъ уже ранѣе волновавшихъ ее подозрѣній или ихъ успѣла назвать кормилица, намъ неизвѣстно. Въ тоже время, по распоряженію царицы, ударили набатъ въ дворцовой церкви Спаса. А нѣкоторые изъ сбѣжавшейся ея дворни бросаются по улицамъ города, стучатъ въ ворота и кричатъ гражданамъ: что сидите? царя у васъ болѣе нѣтъ! Одними изъ первыхъ прискакали во дворецъ съ своего подворья братья царицы Михаилъ и Григорій Нагіе. Послѣдній по ея приказу бьетъ все туже мамку Волохову. Но болѣе

всѣхъ свирѣпствуетъ пьяный Михаилъ Нагой, который со словъ своей сестры прямо объявляетъ сбѣжавшемуся народу объ убіеніи царевича тремя помянутыми злодѣями и натравливаетъ народъ на кровавое возмездіе. Тѣмъ временемъ дьякъ Битяговскій, услыхавъ звонъ и думая, что во дворцѣ пожаръ, спѣшитъ туда же. Дорогою онъ пытается взойти на колокольню; но вдовый попъ, обращенный въ пономаря, прозваніемъ Огурецъ, заперъ колокольню и продолжалъ звонить. Около дворца происходитъ жестокая суматоха. Прибѣжавъ сюда, Битяговскій былъ встрѣченъ разсвирѣпѣвшею толпою и бранью Михаила Нагого; онъ спасается въ такъ наз. Брусяную избу; но толпа, успѣвшая уже вооружиться топорами, рогатинами, саблями и т. п., высѣкаетъ двери избы, вытаскиваетъ Битяговскаго и убиваетъ его. Сынъ его Данила съ своимъ товарищемъ Качаловымъ спасаются въ Дьячую или Разрядную избу. Толпа выводитъ ихъ оттуда и также убиваетъ. Нашли и привели Осипа Волохова. Царица кричитъ, что онъ убійца царевича, и его умерщвляютъ. Нѣкоторые слуги убитыхъ и посадскіе, пробовавшіе за нихъ вступаться, подвергаются избіенію. Всего побито двѣнадцать человѣкъ; ихъ стащили въ городской ровъ и тамъ бросили.

Въ послѣдующіе дни главные зачинщики народнаго мятежа и убійствъ мало-по-малу опомнились и съ тревогою стали ожидать, какъ взглянетъ на ихъ поступки правительство въ Москвѣ, куда посланы были вѣсти о случившемся. Михаилъ Нагой, чувствуя себя болѣе всего виноватымъ, вздумалъ было придать дѣлу такой видъ, будто убитые сами были нападающими и дѣйствовали съ оружіемъ въ рукахъ. По его распоряженію городовой прикащикъ Русинъ Раковъ положилъ на ихъ тѣла ножи, сабли и рогатины, предварительно вымазавъ ихъ куриною кровью. Но въ Москвѣ взглянули на Угличкія событія очень строго. Царь Θедоръ Ивановичъ плакалъ, узнавъ о смерти брата и, по внушенію Годунова, велѣлъ произвести тщательный розыскъ. Въ Угличъ отправлены были слѣдователями князь Василій Ивановичъ Шуйскій, окольничій Андрей Клешнинъ и дьякъ Елизаръ Вылузгинъ; съ ними поѣхалъ еще митрополитъ крутицкій или сарскій Геласій. Слѣдователи произвели допросы Нагимъ, дворцовымъ служителямъ, мамкамъ царевича, разнымъ посадскимъ людямъ, и представили царю обширный докладъ о своемъ розыскѣ. Изъ него видимъ, что только Михаилъ Нагой остался при своемъ показаніи, будто царевича умертвили Битяговскій, Волоховъ и Качаловъ. Всѣ же остальныя лица, большею частью не бывшія сви-

дѣтелями дѣла, въ одинъ голосъ повторяютъ, что царевичъ игралъ съ своими сверстниками въ тычку и тѣшился ножомъ; тутъ пришла на него падучая болѣзнь, и онъ тѣмъ ножомъ закололъ самъ себя. Всѣ эти показанія отзываются какъ бы однимъ затверженнымъ урокомъ; такое впечатлѣніе производитъ чтеніе сего слѣдственнаго дѣла. Но что первоначально показывали спрошенные и какъ они пришли къ такому единогласію, остается для насъ темно и сомнительно. По всѣмъ признакамъ, слѣдствіе о смерти царевича было произведено способомъ преднамѣреннымъ и отчетъ о немъ составленъ недобросовѣстно.

Слѣдственное дѣло было представлено на заключеніе духовнаго собора. Митрополитъ Іовъ отъ имени собора объявилъ, что Нагіе съ братьею виновны въ напрасныхъ убійствахъ, но что это дѣло земское и все въ царской рукѣ, а что ихъ обязанность (духовенства) молить Бога о многолѣтіи государя и государыни и о тишинѣ междоусобной брани. Нагихъ разослали въ заточеніе по дальнимъ городамъ; самоё царицу Марью постригли въ Никольскомъ монастырѣ на Выксѣ (близъ Череповца). А Угличанъ за убійство 12 человѣкъ осудили какъ мятежниковъ противъ царской власти: до 200 человѣкъ были наказаны смертію или отнятіемъ языка; часть гражданъ разсадили по темницамъ; а большую часть сослали въ Сибирь, и тамъ заселили ими городъ Пелымъ. Самый колоколъ, звонившій набатъ, былъ отосланъ въ Тобольскъ. Городъ Угличъ, дотолѣ торговый и людный, послѣ того запустѣлъ. Но слѣдственное дѣло не нашло довѣрія у современниковъ. Въ народѣ упорно держался слухъ, что царевичъ былъ убитъ клевретами Бориса Годунова; этотъ слухъ нашелъ отголосокъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ иностранныхъ извѣстіяхъ того времени ([61]).

Въ связи съ помянутымъ слухомъ, въ народѣ распространялись вообще подозрительность и недовѣріе къ дѣйствіямъ Б. Ѳ. Годунова, доходившія до нелѣпости. Такъ въ іюнѣ того-же 1591 года въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ, при чемъ сильно пострадалъ Бѣлый городъ. Въ народѣ пошла молва, что это Годуновъ велѣлъ поджечь городъ, чтобы отклонить царя Ѳедора Ивановича отъ поѣздки въ Угличъ, куда онъ будто бы собирался для личнаго разслѣдованія о смерти царевича Димитрія. А когда Борисъ сталъ слишкомъ щедро помогать погорѣльцамъ, и эту щедрость истолковывали въ смыслѣ заискиванія передъ народомъ по причинѣ все того-же преступленія. Въ іюлѣ мѣсяцѣ совершился извѣстный на-

бѣгъ на Москву Казы-Гирея, и нашлись люди, которые стали обвинять Годунова, будто онъ подвелъ хана, чтобы отвлечь общее вниманіе отъ смерти царевича Димитрія. Осторожный, сдержанный правитель старался ласками и щедротами пріобрѣтать народное расположеніе; поэтому царскія милости при объявленіи объ нихъ обыкновенно связывались съ именемъ Годунова, т. е. раздавались какъ бы по его ходатайству; а немилости являлись «по совѣту» съ боярской думой. Но помянутая злая клевета сильно раздражила правителя, такъ что начались розыски; оговоренныхъ пытали, рѣзали имъ языки, морили въ темницахъ. Въ 1592 году Ирина Өедоровна разрѣшилась отъ бремени дочерью; царь и народъ радостно привѣтствовали это событіе. Но въ слѣдующемъ году маленькая царевна, названная Өеодосіей, скончалась, къ великой горести родителей. И тутъ нашлись клеветники, которые обвинили Годунова въ ея смерти. Любопытно однако, какъ быстро исчезло съ исторической сцены потомство Ивана III. Въ Рижской крѣпости, занятой Поляками, проживала вдова титулярнаго ливонскаго короля Магнуса, Марья Владиміровна, съ маленькой дочерью своей Евдокіей. Годуновъ обѣщаніемъ разныхъ благъ убѣдилъ ее воротиться въ Москву. Но тутъ ее заставили постричься въ монахини, а ея дочь вскорѣ умерла, и смерть эту также приписали ненасытному честолюбію Бориса, расчищавшаго себѣ путь къ престолу устраненіемъ всѣхъ лицъ, могущихъ имѣть на него какія либо притязанія. Извѣстный крещеный касимовскій ханъ Симеонъ Бекбулатовичъ, котораго Грозный когда-то шутя поставилъ царемъ надъ Земщиной, послѣ смерти царевича Димитрія лишился зрѣнія, и въ этомъ несчастіи молва, передаваемая намъ лѣтописцами, обвиняла Годунова!

Стремленіе Бориса Өедоровича къ престолу, по словамъ лѣтописцевъ, выражалось и въ его обращеніи къ вѣдунамъ, которыхъ онъ призывалъ и спрашивалъ о будущемъ. Черта, вполнѣ согласная съ суевѣріями того времени. Прибавляютъ, что эти волхвы будто бы предсказали Годунову, что онъ дѣйствительно будетъ царствовать, но не болѣе семи лѣтъ; а Борисъ на сіе воскликнулъ: «хотя бы и семь дней, но только царствовать!» Подозрительность и клевета въ отношеніи къ нему достигли до того, что нѣкоторыя сказанія приписываютъ ему отравленіе самого Өедора Ивановича, своего благодѣтеля, смерть котораго ставила Бориса въ положеніе трагическое. Ему оставались только два исхода: или достиженіе трона, или паденіе, которое въ лучшемъ случаѣ привело бы его въ монастырь, а

въ худшемъ на плаху. Конечно, онъ выбралъ первый исходъ, и этимъ выборомъ многое объясняется въ его поведеніи.

Болѣзненный Θеодоръ Ивановичъ достигъ только сорокалѣтняго возраста. Онъ тяжко занемогъ, и скончался 7 января 1598 года. Такъ какъ съ нимъ прекращался царствовавшій родъ, то естественно всѣ ожидали, какое распоряженіе онъ сдѣлаетъ относительно престолонаслѣдія. На этотъ счетъ существуютъ различныя извѣстія. По однимъ, передъ смертію на вопросы патріарха и бояръ, кому приказываетъ царство и царицу, онъ отвѣчалъ: «въ семъ моемъ царствѣ и въ васъ воленъ создавшій насъ Богъ; какъ Ему угодно, такъ и будетъ; а съ царицею моею Богъ воленъ, какъ ей жить, и о томъ у насъ улажено». Но прощаясь наединѣ съ Ириною, онъ по тому же сказанію, «не велѣлъ ей царствовать, а повелѣлъ иноческій образъ принять». По другимъ, болѣе достовѣрнымъ извѣстіямъ, наоборотъ, онъ завѣщалъ престолъ своей супругѣ Иринѣ, а исполнителями своей духовной или своими душеприкащиками назначилъ патріарха Іова, двоюроднаго брата своего Θедора Никитича Романова-Юрьева и шурина своего Бориса Θедоровича Годунова. Когда звонъ большаго Успенскаго колокола возвѣстилъ о кончинѣ Θеодора, народъ толпами устремился въ Кремлевскій дворецъ, чтобы проститься съ усопшимъ государемъ; при чемъ поднялся громкій плачъ и раздались многія стенанія. Вѣримъ, что народная горесть была вполнѣ искренняя; ибо давно уже Россія не испытывала такого сравнительно тихаго и благополучнаго времени, какъ четырнадцатилѣтнее царствованіе Θедора Ивановича, которое особенно выигрывало въ общемъ мнѣніи послѣ столь бѣдственной второй половины царствованія Ивана IV. При всемъ своемъ слабоуміи, Θеодоръ за свою набожность и цѣломудренную жизнь, очевидно, былъ любимъ народомъ и почитаемъ почти за святого человѣка. А главное, вслѣдствіе прекращенія царскаго рода, русскихъ людей удручали опасенія за будущее. Болѣе всѣхъ плакала и убивалась сама Ирина Θедоровна. Кромѣ нѣжной привязанности къ почившему супругу, она выражала глубокое горе о своей бездѣтности. По словамъ современника, причитая надъ тѣломъ супруга, она между прочимъ восклицала: «увы мнѣ смиренной вдовицѣ, безъ чадъ оставшейся... мною бо нынѣ единою вашъ царскій корень конецъ пріялъ». На другой день, 8 января, послѣдній государь изъ дому Владиміра Великаго съ обычными обрядами былъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ. ([62]).

Бояре, чиновники и граждане безпрекословно присягнули Иринѣ Ѳедоровнѣ; такимъ образомъ повторялся случай, бывшій въ малолѣтствѣ Грознаго, съ тѣмъ различіемъ, что Ирина могла не только править государствомъ подобно Еленѣ Глинской, но и прямо царствовать. Но характеръ ея былъ совсѣмъ иной: весьма набожная и чуждая властолюбія, она уже привыкла руководствоваться въ дѣлахъ политическихъ исключительно совѣтами своего брата, и теперь повидимому имѣла только одно честолюбіе, одно намѣреніе: посадить его на престолъ Московскаго государства. Съ этимъ намѣреніемъ вполнѣ согласовалось ея дальнѣйшее поведеніе. На девятый день по кончинѣ супруга Ирина удалилась въ московскій Новодѣвичій монастырь, и тамъ вскорѣ постриглась подъ именемъ Александры, предоставляя духовенсту, боярамъ и народу избрать себѣ новаго царя. По наружности управленіе государствомъ перешло въ руки патріарха Іова и боярской думы; по душою правительства по прежнему оставался Борисъ Годуновъ, которому патріархъ Іовъ былъ преданъ всѣмъ сердцемъ. А правительственныя грамоты продолжали выдаваться «по указу» царицы Ирины.

Теперь, когда выступилъ на первый планъ вопросъ объ избраніи царя, естественно между знатнѣйшими русскими боярами находилось немало потомковъ Владиміра Великаго, которые еще живо помнили о своихъ удѣльнокняжескихъ предкахъ и считали себя въ правѣ занять праздный московскій тронъ. Но никто изъ нихъ не рѣшался заявить какія либо притязанія, не имѣя для нихъ никакой надежной опоры въ народѣ. Въ послѣднее время ближе всѣхъ стояли къ трону двѣ боярскія фамиліи: Шуйскіе или Суздальскіе, ведшіе свой родъ отъ Александра Невскаго, и Романовы-Юрьевы, близкіе родственники послѣднихъ государей съ женской стороны, двоюродные братья Ѳедора Ивановича. Однако и они ясно видѣли, что ихъ время еще не наступило. Законною царицею почиталась теперь Ирина Ѳедоровна, а у нея былъ родственникъ еще болѣе близкій, родной братъ Борисъ; на его сторонѣ были всѣ выгоды и всѣ обстоятельства. Въ его пользу дѣйствовали два самые могущественные союзника: патріархъ Іовъ и царица-инокиня Александра; говорятъ, что первый разослалъ по Россіи надежныхъ монаховъ, которые вездѣ внушали духовенству и народу о необходимости избрать въ цари Бориса Годунова; а вторая тайно призывала къ себѣ военно-служилыхъ сотниковъ и пятидесятниковъ и раздавала имъ деньги,

чтобы они въ той же необходимости убѣждали своихъ подчиненныхъ. Но еще болѣе сильнымъ аргументомъ въ пользу Годунова говорила его прошедшая дѣятельность и умное управленіе дѣлами: народъ привыкъ къ его управленію; а намѣстники и чиновники, лично имъ поставленные и возвышенные, естественно тянули общественное мнѣніе въ его сторону. Поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній отвергать слѣдующій разсказъ нѣкоторыхъ иностранцевъ. Когда Ирина удалилась въ монастырь, то дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ вышелъ къ народу, собравшемуся въ Кремлѣ, и предложилъ принести присягу на имя боярской думы. «Не знаемъ ни князей, ни бояръ—отвѣтила толпа—знаемъ только царицу, которой присягали; она и въ черницахъ мать Россіи». На возраженіе дьяка, что царица отказалась отъ правленія и что государству нельзя быть безъ правительства, толпа воскликнула: «да здравствуетъ (или да царствуетъ) братъ ея Борисъ Ѳедоровичъ!» Никто не дерзнулъ противорѣчить сему восклицанію. Тогда патріархъ съ духовенствомъ, боярами и народною толпою отправился въ Новодѣвичій монастырь, куда, вслѣдъ за сестрою, часто сталъ удаляться и ея братъ. Тамъ патріархъ началъ просить царицу, чтобы она благословила своего брата на царство; просилъ Бориса принять это царство. Но послѣдній отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ и клятвенными увѣреніями, что ему никогда и на умъ не приходило помыслить о такой высотѣ какъ царскій престолъ. Такимъ образомъ это первое открытое предложеніе короны было отклонено Борисомъ. Но дѣло просто объясняется тѣмъ, что избраніе царя должно было совершиться по приговору Великой земской думы, собиравшейся изъ выборныхъ людей всей Русской земли, и Борисъ только отъ нея могъ принять свое избраніе.

Въ февралѣ съѣхались въ Москву выборные изъ городовъ, и вмѣстѣ съ московскими чинами составили Земскій соборъ. Число его членовъ простиралось свыше 450; большинство принадлежало духовному и военно-служилому сословію, которое было предано Годунову; да и самые выборы производились по распоряженію патріарха Іова и подъ надзоромъ преданныхъ Годунову чиновниковъ. Слѣдовательно заранѣе можно было предвидѣть, на комъ остановится соборное избраніе. 17 февраля, въ пятницу, патріархъ открылъ засѣданія великой земской думы, и въ рѣчи своей прямо указалъ на Бориса. Тотчасъ все собраніе постановило «неотложно бить челомъ Борису Ѳедоровичу и кромѣ него никого на государство не

искать». Послѣ того два дня сряду, въ субботу и воскресенье, въ Успенскомъ соборѣ служили молебны о томъ, чтобы Господь Богъ даровалъ имъ государемъ Бориса Θеодоровича. А 20 числа въ понедѣльникъ на масляной недѣлѣ патріархъ и духовенство съ народомъ отправились въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ подлѣ сестры пребывалъ тогда Годуновъ, и со слезами молили его принять избраніе. Но и на сей разъ получили все тотъ же рѣшительный отказъ и все тѣ же увѣренія. Тогда святѣйшій патріархъ Іовъ прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ, чтобы сломить упорство Бориса. На слѣдующій день, 21 февраля, послѣ торжественныхъ молебновъ по всѣмъ церквамъ столицы, онъ поднимаетъ хоругви и иконы, и идетъ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, призывая туда же не только гражданъ, но и ихъ женъ съ грудными младенцами. Между собою патріархъ и всѣ архіереи уговорились, что если и на сей разъ царица и братъ ея откажутся исполнить народную волю, то отлучить Бориса отъ церкви, а самимъ сложить съ себя архіерейскія ризы, одѣться въ простое монашеское платье и запретить вездѣ церковную службу.

Крестный ходъ былъ встрѣченъ въ монастырѣ звономъ колоколовъ; изъ монастыря вынесли икону Смоленской Богородицы. За нею вышелъ Годуновъ; палъ ницъ передъ иконою Владимірской Богородицы, и со слезами говорилъ патріарху, зачѣмъ онъ воздвигнулъ чудотворныя иконы. Патріархъ съ своей стороны укорялъ его въ противленіи волѣ Божіей. Іовъ, духовенство и бояре вошли въ келію царицы, и со слезами били ей челомъ, стоя на колѣняхъ; въ то же время народъ, толпившійся около монастыря, съ плачемъ и рыданіемъ падалъ на землю и также молилъ царицу дать своего брата на царство. Наконецъ инокиня Александра, глубоко тронутая этими мольбами, объявляетъ свое согласіе и приказываетъ брату исполнить желаніе народа. Тогда и Борисъ, какъ бы приневоленный ею, со вздохомъ и слезами произноситъ: «Буди, Господи, святая Твоя воля»! Послѣ того всѣ отправились въ церковь, и тамъ патріархъ благословилъ Бориса на царство.

Трудно сказать, насколько во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ было искренности съ той и другой стороны и насколько тутъ участвовали лицемѣріе и заранѣе назначенныя роли. Съ вѣроятностью однако можно предположить, что въ общихъ чертахъ все дѣлалось по тайному руководству самого Бориса и его близкихъ клевретовъ. Есть извѣстія, что приставы почти насильно сгоняли народъ къ

Новодѣвичьему монастырю и принуждали его плакать и вопить; прибавляютъ, что клевреты, вошедшіе съ духовенствомъ въ келью царицы, когда сія послѣдняя подходила къ окну, изъ-за нея давали знакъ приставамъ, а тѣ приказывали народу падать на колѣни; при чемъ непокорныхъ толкали въ шею. Говорятъ также, что многіе желавшіе изображать плачущихъ, слюною мазали себѣ глаза. Это со стороны народа. А со стороны Бориса неоднократные отказы объясняются сначала ожиданіемъ избранія отъ великой земской думы, потомъ желаніемъ придать своему согласію видъ принужденія или подчиненія настойчивой всенародной волѣ, а наконецъ и самымъ русскимъ обычаемъ, который требовалъ, чтобы всякая почесть, даже простое угощеніе, принималась не вдругъ, а только послѣ усиленныхъ просьбъ. Разсказываютъ, что Шуйскіе едва не испортили всего дѣла: послѣ отказа 20 февраля они стали говорить, что далѣе упрашивать Годунова не подобаетъ и что надобно приступить къ избранію другого царя. Но патріархъ отклонилъ ихъ предложеніе и устроилъ крестный ходъ на слѣдующій же день. Разсказываютъ также, что бояре хотѣли избрать Годунова на условіяхъ, ограничивающихъ его власть, и въ этомъ смыслѣ готовили грамоту, на которой онъ долженъ былъ присягнуть. Узнавъ о томъ, Годуновъ тѣмъ долѣе отказывался, чтобы при всенародныхъ мольбахъ всякія ограничивающія условія сдѣлались неумѣстными.

Согласясь возложить на себя царское бремя, Борисъ Ѳедоровичъ однако не спѣшилъ ни коронованіемъ своимъ, ни даже переѣздомъ въ Кремлевскій дворецъ. Онъ весь Великій постъ и Пасху провелъ подлѣ сестры въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, и ужъ послѣ того водворился на житье въ царскомъ дворцѣ съ своей семьей, т. е. съ женой Марьей Григорьевной, дочерью Ксеніей и сыномъ Ѳедоромъ; при чемъ его въѣздъ въ Москву и водвореніе въ Кремлѣ были обставлены торжественными церковными церемоніями и роскошнымъ пиромъ. Опытный въ дѣлахъ политическихъ, Борисъ хорошо понималъ, что прочность его фамиліи на престолѣ главнымъ образомъ зависитъ отъ поддержки военно-служилаго сословія; поэтому онъ и старался пріобрѣсти расположеніе сего сословія. Около того времени изъ Крыма пришли слухи, что ханъ Казы-Гирей готовится къ новому набѣгу на Москву. Неизвѣстно, были ли эти слухи основательные или намѣренно пущенные, во всякомъ случаѣ Борисъ ловко ими воспользовался. Онъ велѣлъ немедля ратнымъ людямъ спѣшить на сборныя мѣста, а потомъ двинулъ полки на берега Оки

къ Серпухову, куда и самъ прибылъ въ началѣ мая, окруженный блестящимъ царскимъ дворомъ. Тутъ онъ лично осматривалъ и устраивалъ собравшуюся огромную рать. Говорятъ, будто она простиралась до полумилліона человѣкъ, будто никогда еще Россія не выставляла такого многочисленнаго войска. Помѣщики, т. е. дворяне и дѣти боярскіе, старались показать особое усердіе передъ новымъ царемъ, и почти всѣ явились съ полнымъ числомъ вооруженныхъ людей; а бояре изъявляли свое усердіе тѣмъ, что на время отложили свои мѣстническіе счеты, и безпрекословно занимали указанныя имъ мѣста. Нѣсколько недѣль царь провелъ въ военномъ станѣ подъ Серпуховымъ, щедро угощая ратныхъ людей и осыпая ихъ разными милостями. Наконецъ пришло извѣстіе, что ханъ, услыхавъ о царскихъ приготовленіяхъ, отмѣнилъ свой походъ; вмѣсто грозной орды явились отъ него послы съ мирными предложеніями. Этихъ пословъ провели къ царю сквозь обширный, многолюдный лагерь, въ которомъ раздавалась частая стрѣльба изъ орудій; послы татарскіе уѣхали напуганные видомъ Русскаго могущества. А вслѣдъ затѣмъ и Борисъ воротился въ Москву, распустивъ ратниковъ по домамъ и оставивъ необходимые для сторожевой службы отряды. Служилые люди разъѣхались, весьма довольные новымъ царемъ и ожидая отъ него впредь такихъ же для себя милостей. Годуновъ въѣхалъ въ столицу съ большимъ торжествомъ какъ бы послѣ великой побѣды; патріархъ съ духовенствомъ и народомъ вышелъ къ нему навстрѣчу и произнесъ благодарственную рѣчь, прославляя его за освобожденіе христіанства отъ угрожавшей напасти.

Только 1 сентября, т. е. въ день новаго 1599 года, совершилось вѣнчаніе Бориса на царство съ обычными обрядами, въ Успенскомъ соборѣ. Царь и патріархъ говорили другъ другу привѣтственное слово. Но что было внѣ обычая и потому поразило современниковъ, это, въ отвѣтъ на патріаршее благословеніе, неожиданно и громко произнесенный Борисомъ слѣдующій обѣтъ: «Отче великій, патріархъ Іовъ! Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или сираго»! Взявъ себя за воротъ сорочки, онъ прибавилъ: «и послѣднюю рубашку раздѣлю съ ними!» Очевидно, притворное его смиреніе не выдержало до конца; вознесенный на царскую высоту, къ которой стремился, и упоенный полнымъ успѣхомъ, Борисъ далъ волю охватившему его радостному чувству, на минуту забылся, и торжественно произнесъ невыполнимое обѣща-

ніе. Иностранцы прибавляютъ, что онъ сверхъ того далъ еще обѣтъ въ теченіе 5 лѣтъ никого изъ преступниковъ не казнить смертію, а только ссылать. Подобные обѣты тѣмъ ярче бросались въ глаза, что рядомъ съ ними выдана была крестоцѣловальная запись, которая хотя и не противорѣчила понятіямъ и обычаямъ времени, но слишкомъ отзывалась недовѣріемъ къ подданнымъ со стороны царя, обличая его подозрительность, суевѣріе и робость. Присягавшій по этой записи, кромѣ обѣщанія помимо царя Бориса и его дѣтей никого другого на Московское государство не искать (въ томъ числѣ и Симеона Бекбулатовича), между прочимъ клялся также никакого лиха не учинять надъ государемъ, царицею и его дѣтьми ни въ ѣдѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ или въ чемъ другомъ, никакого лихого зелья или коренья не давать, вѣдуновъ и вѣдьмъ на государское лихо не добывать, по вѣтру никакого лиха государю и его семейству не посылать, слѣду ихъ волшебствомъ не вынимать, а если узнаетъ о чьихъ-либо таковыхъ замыслахъ, о томъ доносить безъ всякой хитрости, и т. д. ([63]).

Царское вѣнчаніе сопровождалось роскошными пирами во дворцѣ, угощеніемъ народа и многими милостями, каковы: пожалованіе разныхъ лицъ въ высшіе чины, т. е. въ бояре, окольничіе и пр., выдача служилымъ людямъ двойного годового жалованья, льготы торговымъ людямъ въ платежѣ пошлинъ, а крестьянамъ и инородцамъ въ податяхъ и оброкахъ, и т. д. Ближе къ престолу, разумѣется, стали довольно многочисленные родственники Годунова; изъ нихъ Димитрій Ивановичъ Годуновъ пожалованъ въ конюшіе, а Степанъ Васильевичъ въ дворецкіе. Борисъ старался также разными способами примирить съ своимъ избраніемъ и старыя боярскія фамиліи, которыя считали за собою больше правъ на сіе избраніе. Между прочимъ онъ породнился съ Шуйскими и съ Романовыми: братъ князя Василія Ивановича Шуйскаго Димитрій былъ женатъ на царской своячениць, т. е. на младшей дочери Малюты Скуратова Екатеринѣ Григорьевнѣ; а Иванъ Ивановичъ Годуновъ женился на сестрѣ Романовыхъ Иринѣ.

Первые годы царствованія Бориса Годунова были какъ бы продолженіемъ времени Ѳеодора Ивановича, что совершенно естественно; ибо правленіе оставалось въ тѣхъ же рукахъ. Внутри государства опытный и дѣятельный правитель много трудился надъ поддержаніемъ благочестія, гражданскаго порядка и правосудія, и дѣйствительно показывалъ заботу о бѣдныхъ, вообще низшихъ классахъ

населенія. Онъ сокращалъ число кабаковъ, вновь дозволилъ нѣкоторые случаи перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, строго наказывалъ воровъ и разбойниковъ. Умный Борисъ хорошо сознавалъ отсталость Русскаго народа въ образованіи сравнительно съ народами Западной Европы; поэтому мы видимъ у него повтореніе нѣкоторыхъ попытокъ къ сближенію съ нею, напоминвшихъ первую половину царствованія Грознаго. Уже прежде заявивъ себя покровителемъ Англичанъ и другихъ иностранцевъ, Борисъ въ свое царствованіе продолжалъ оказывать имъ особое вниманіе. Такъ нѣмецкіе купцы, выведенные Грознымъ изъ ливонскихъ городовъ и поселенные въ Москвѣ, гдѣ они сильно бѣдствовали, получили отъ новаго царя въ займы по 300 и по 400 руб. безъ процентовъ и дозволеніе вести торговлю съ разными льготными условіями; причемъ они причислены были къ Московской гостинной сотнѣ, т. е. прямо къ высшему разряду туземнаго торговаго сословія. Затѣмъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Москву Нѣмцевъ изъ Ливоніи и Германіи Борисъ весьма ласково принималъ въ свою службу, назначалъ имъ хорошее жалованье и давалъ помѣстья съ крестьянами. Эти Нѣмцы обыкновенно поступали въ иноземный отрядъ царской гвардіи. Подозрительный Борисъ повидимому разсчитывалъ на преданность этого отряда болѣе, чѣмъ на своихъ русскихъ тѣлохранителей. Кромѣ того онъ поручалъ набирать за границей въ русскую службу врачей, рудознатцевъ и разныхъ мастеровъ. Онъ думалъ даже о заведеніи въ Москвѣ высшей школы съ иностранными учителями, гдѣ русскіе юноши могли бы учиться также иностраннымъ языкамъ. Но это намѣреніе возбудило неудовольствіе; духовенство говорило, что чужіе языки могутъ возбудить расколы въ Русской церкви и нарушить ея миръ. Нѣкоторые ревнители старины обращались къ патріарху Іову и спрашивали его, зачѣмъ онъ молчитъ, видя такія затѣи. Но смиренный, преданный Борису Іовъ, не рѣшаясь противорѣчить ему, отвѣчалъ на подобные вопросы вздохами и слезами.

Не успѣвъ привести въ исполненіе мысль о высшемъ училищѣ, царь выбралъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, и отправилъ ихъ учиться разнымъ языкамъ и наукамъ въ Любекъ, въ Англію, во Францію и Австрію. Любопытно, что эта первая отправка русскихъ учениковъ за границу окончилась полною неудачею: всѣ они тамъ и остались, и никто не вернулся на родину. Впрочемъ, виною тому могло быть наступившее потомъ Смутное время. Какъ бы то ни было, но явное пристрастіе Бориса къ иноземцамъ встрѣтило не-

удовольствіе у многихъ русскихъ людей; хотя между придворными, какъ всегда, не мало нашлось такихъ льстецовъ, которые въ угоду царю стригли свои бороды, и, по насмѣшливому выраженію современника, «въ юноши премѣняхуся». (64).

Внѣшняя политика въ царствованіе Бориса была еще болѣе мирная, чѣмъ въ предшествовавшее царствованіе. По отношенію къ западнымъ сосѣдямъ это была политика, можно сказать, робкая. Въ то время начались уже враждебныя дѣйствія между Сигизмундомъ III и его дядею Карломъ, который занялъ шведскій престолъ помимо правъ племянника. Но Борисъ не воспользовался такими благопріятными обстоятельствами для пріобрѣтенія хотя части Ливоніи, за которую было пролито столько русской крови. Вмѣсто энергическихъ мѣръ, онъ прибѣгъ къ дипломатическимъ: Поляковъ стращалъ союзомъ со Шведами, а послѣднихъ союзомъ съ Поляками, и конечно ничего не достигъ подобными безполезными хитростями. Со стороны Сигизмунда въ 1600 году для переговоровъ о прочномъ мирѣ прибыло въ Москву посольство, во главѣ котораго былъ поставленъ искусный дипломатъ литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга. Посольство это по обыкновенію окружили приставами и держали какъ бы въ плѣну, не позволяя никакихъ сношеній съ посторонними лицами, тянули переговоры около года, и, не добившись никакихъ уступокъ относительно Ливоніи, заключили двадцатилѣтнее перемиріе. Точно также велись безполезные переговоры со Шведами, отъ которыхъ Борисъ не съумѣлъ воротить и одной Нарвы, столь важной для внѣшней русской торговли. Успѣли только подкупить нѣсколькихъ нарвскихъ гражданъ, чтобы тѣ отворили ворота и помогли Русскимъ завладѣть городомъ. Но заговоръ былъ открытъ, и участники его подверглись казни.

Во время переговоровъ съ Поляками и Шведами Борисъ думалъ употребить тоже средство, которое такъ неудачно Грозный испыталъ съ Магнусомъ, т. е. сдѣлать изъ Ливоніи вассальное государство, посадивъ тамъ иностраннаго принца, женатаго на русской царевнѣ. Съ этою цѣлью Борисъ (въ 1599 г.) призвалъ въ Москву принца Густава, который былъ сыномъ сверженнаго съ престола шведскаго короля Эрика XIV и изгнанникомъ скитался по Европѣ. Какъ двоюродный братъ Сигизмунда III и племянникъ Карла IX, Густавъ являлся опаснымъ соперникомъ тому и другому. Годуновъ хотѣлъ выдать за него свою дочь Ксенію, и до пріобрѣтенія Ливоніи назначилъ ему въ удѣлъ Калугу съ нѣсколькими городами.

Но Густавъ оказался человѣкомъ совершенно неподходящимъ. Во-первыхъ, онъ не согласился покинуть католичество и принять православіе, а во-вторыхъ не хотѣлъ разстаться съ одною замужнею нѣмкою. За такое упрямство у него отняли Калугу и дали ему разоренный Угличъ; впослѣдствіи, въ Смутное время, онъ умеръ въ Кашинѣ (въ 1607 г.).

Неудача съ Густавомъ не охладила въ Борисѣ рвеніе породниться съ европейскими царствующими домами, въ видахъ возвышенія собственнаго рода. Онъ усердно искалъ невѣсты для своего сына Θеодора и жениха для дочери Ксеніи. Θеодоръ былъ еще очень юнъ и могъ ждать; а красавица Ксенія была старше его, и близилась къ порѣ дѣвической зрѣлости. Второго жениха для нея отыскали тамъ же, гдѣ найденъ былъ Магнусъ, т. е. въ датской королевской семьѣ. Съ Даніей уже давно тянулись у насъ переговоры по поводу русско-норвежской границы въ Лапландіи. Этими переговорами воспользовались, и сообщили королю Христіану IV о желаніи Бориса имѣть своимъ зятемъ его младшаго брата, герцога Іоанна. Московское предложеніе было охотно принято; ибо кромѣ благополучнаго разрѣшенія споровъ о Лапландіи, Данія пріобрѣтала союзника противъ своей соперницы Швеціи. Іоанну обѣщана въ удѣлъ Тверская область; однако переговоры о перемѣнѣ религіи встрѣтили упорный отказъ; Борисъ согласился оставить зятю его протестантское исповѣданіе и позволилъ ему построить кирку въ Москвѣ и въ Твери. 11 августа 1602 года въ Иванъ-городѣ принца Іоанна встрѣтили московскій бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и думный дьякъ Аθанасій Власьевъ, которые проводили его до Москвы; путешествіе это обставлено было всевозможными почестями; по городамъ для принца и его датской свиты устраивали торжественныя встрѣчи и роскошныя угощенія. А самая торжественная встрѣча оказана ему была конечно при въѣздѣ въ Москву. Первый царскій пріемъ герцога происходилъ въ Золотой палатѣ въ присутствіи всего блестящаго двора; затѣмъ послѣдовалъ пиръ въ богато убранной Грановитой палатѣ. Герцогъ по нашимъ обычаямъ того времени еще не могъ видѣть своей невѣсты; она же вмѣстѣ съ матерью смотрѣла на него изъ тайника или смотрильной палаты, устроенной около верхней части Грановитой. Женихъ былъ красивый, статный молодой человѣкъ; онъ очень понравился царевнѣ Ксеніи. Борисъ осыпалъ нареченнаго зятя дорогими подарками. Приступая къ такому важному дѣлу какъ свадьба дочери,

онъ по обычаю отправился съ семьей своей на богомолье въ Троицкую Лавру. Но въ его отсутствіе женихъ тяжко заболѣлъ; причиною тому были усердныя московскія угощенія и неумѣренность принца. Царь поручилъ его лѣченіе своимъ медикамъ-иноземцамъ, обѣщая имъ великія награды, и приказывалъ всѣмъ молиться о спасеніи принца. Но все было напрасно. 29 октября 1602 года Іоаннъ скончался. Борисъ и особенно его дочь были неутѣшны. Погребеніе отправлено съ великою пышностью; набальзамированное тѣло принца похоронили подъ каменнымъ сводомъ въ лютеранской киркѣ въ Нѣмецкой Слободѣ. (Впослѣдствіи при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, по просьбѣ Христіана IV, тѣло было отпущено въ Данію). Нашлись враждебные Годунову люди, которые обвинили его и въ смерти нареченнаго зятя: онъ будто бы велѣлъ отравить принца, ибо опасался, что бы тотъ впослѣдствіи, опираясь на народную привязанность, не сталъ оспаривать престолъ у царевича Ѳедора Борисовича. Это несомнѣнно нелѣпая клевета. Но поводомъ къ ней могло послужить то обстоятельство, что въ самой средѣ, близкой къ царю, были недовольные его намѣреніемъ выдать дочь за еретика, т. е. за иновѣрца. Такое неудовольствіе особенно высказывалъ Семенъ Годуновъ, вѣдавшій Аптекарскимъ приказомъ, а слѣдовательно и придворными медиками, которымъ онъ будто бы по мѣрѣ возможности препятствовалъ въ успѣшномъ леченіи принца.

Королева англійская Елизавета не безъ ревности слѣдила за дружескими сношеніями Московскаго двора съ Датскимъ и Австрійскимъ. Радѣя о торговыхъ выгодахъ Англичанъ въ Россіи, она отправляла Борису льстивыя грамоты, оказывала особыя почести его посламъ, и даже предлагала найти его сыну невѣсту, а его дочери жениха изъ знатныхъ фамилій, родственныхъ Англійскому королевскому дому. По смерти герцога Іоанна Борисъ вспомнилъ объ этомъ предложеніи, и возобновилъ о немъ переговоры; но случившаяся вскорѣ кончина Елизаветы (въ 1603 г.) прекратила ихъ въ самомъ началѣ. Въ то же время царь обращалъ свои исканія жениха и невѣсты въ отдаленное Закавказье, къ единовѣрнымъ владѣтелямъ Грузіи. Мы видѣли, что уже въ царствованіе Ѳедора Ивановича владѣтель кахетинскій Александръ предлагалъ свое подданство Москвѣ. При Борисѣ онъ возобновилъ свое предложеніе; царь отправилъ къ нему посломъ думнаго дворянина Татищева, имѣвшаго также порученіе поискать въ Грузіи жениха и невѣсту. Кромѣ того, по просьбѣ Александра, царь велѣлъ московскимъ воеводамъ выступить изъ

Астрахани и Терской крѣпости, занять Тарки и въ нихъ укрѣпиться. Сначала предпріятіе удалось; шамхалъ снова бѣжалъ, и Русскіе начали строить крѣпость въ Таркахъ. Но между тѣмъ Александръ Кахетинскій, угрожаемый Шахомъ Аббасомъ, призналъ себя его вассаломъ и дозволилъ своему сыну Константину принять магометанскую вѣру. Шахъ Аббасъ хотя и находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Москвою и даже прислалъ Борису въ подарокъ старинный персидскій тронъ, украшенный золотомъ и дорогими каменьями, однако старался отклонить Грузію отъ связей съ Россіей. По его тайному приказу омусульманившійся царевичъ Константинъ умертвилъ своего отца Александра и занялъ его престолъ. Тогда Татищевъ покинулъ кахетинскій дворъ, уѣхалъ въ Карталинію, и тутъ владѣтелю ея Юрію предложилъ вмѣстѣ съ подданствомъ Борису отпустить въ Москву прекрасную десятилѣтнюю дочь Елену и молодого родственника своего Хоздроя; первая предназначалась въ невѣсты Ѳедору Борисовичу, а второй могъ сдѣлатся женихомъ Ксеніи. Но прежде чѣмъ это предложеніе было приведено въ исполненіе, обстоятельства наши въ Дагестанѣ перемѣнились. Изгнанный шамхалъ Тарковскій получилъ помощь отъ Турокъ; съ нимъ соединились многочисленныя скопища Кумыковъ, Лезгинъ, Аваръ, и осадили Тарки, гдѣ Русскими начальствовалъ престарѣлый воевода Бутурлинъ. Видя трудность удержаться въ недостроенной крѣпости, онъ покинулъ ее, выговоривъ себѣ свободное отступленіе. Но на пути Русскіе вѣроломно были окружены горцами и почти всѣ пали въ неровномъ бою; тутъ погибло ихъ отъ шести до семи тысячъ. Событія эти произошли въ концѣ Борисова царствованія, и Татищевъ воротился въ Москву уже послѣ его кончины. ([65]).

Уже усердные розыски подходящихъ къ его видамъ жениха и невѣсты показываютъ, до какой степени Годуновъ любилъ своихъ дѣтей и заботился объ ихъ будущности. Въ сынѣ своемъ онъ, какъ говорится, души не чаялъ, воспитывалъ его съ особымъ тщаніемъ и старался обогатить его умъ свѣдѣніями, полезными будущему царю Россіи. Чтобы возбудить къ нему любовь народа, Борисъ выставлялъ его иногда заступникомъ и миротворцемъ. А чтобы упрочить за нимъ престолонаслѣдіе и показать народу его участіе въ правительственной дѣятельности, царь не только на торжественныхъ пріемахъ сажалъ сына рядомъ съ собою, но и поручалъ ему иногда вмѣсто себя принимать иностранныхъ пословъ; въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ отвѣты царскіе говорились отъ имени

отца и сына. Очевидно, Борисъ давалъ своему юному сыну значеніе соправителя—обычай не новый въ Московскомъ государствѣ, которое наслѣдовало его еще отъ Византіи.

Но всѣ старанія Бориса о прочности своей династіи на Московскомъ престолѣ оказались тщетными. У него достало ума и ловкости, чтобы подняться на эту высоту; но требовалось еще болѣе умѣнья (и, прибавимъ, счастья), чтобы на ней удержаться. Борису недостовало тѣхъ именно качествъ, которыя особенно бываютъ любезны народу, а именно: открытаго, мужественнаго характера, великодушія и находчивости. (Этими качествами, какъ извѣстно, обладалъ его современникъ Генрихъ IV, родоначальникъ Бурбонской династіи во Франціи). Вмѣсто того, чтобы постоянно помнить о своемъ царскомъ достоинствѣ, показывать болѣе довѣрія и умѣть прощать, Борисъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ мелочную завистливость и подозрительность, робость и суевѣріе. Мы видѣли, какими клятвенными записями онъ думалъ оградить себя и свое семейство отъ всякихъ замысловъ и покушеній. Нѣчто подобное повторяется и въ его указѣ о заздравной чашѣ. Прежде чѣмъ выпить эту чашу, надобно было теперь произносить особую молитву о здоровьѣ и счастіи царскаго величества и его семейства, о дарованіи ему славы «отъ моря до моря», о нескончаемости его потомства на «Россійскомъ царствіи» и т. п. Опасаясь постоянно козней отъ бывшихъ своихъ соперниковъ, знатнѣйшихъ бояръ, Борисъ хотѣлъ тщательно слѣдить за ихъ поступками и даже словами; а потому поощрялъ шпіонство и доносы. А сіи послѣдніе скоро настроили его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя окончательно лишили его народнаго расположенія.

Въ числѣ бояръ, пострадавшихъ отъ подозрительности Бориса, находился извѣстный Богданъ Бѣльскій, когда то его товарищъ и пріятель, удаленный изъ Москвы въ началѣ Ѳеодорова царствованія и потомъ возвращенный изъ ссылки. Озабоченный постройкою крѣпостей на южной украйнѣ противъ Крымцевъ, Борисъ между прочимъ послалъ Бѣльскаго строить тамъ городъ Борисовъ. Вдругъ царю донесли, что Бѣльскій щедро награждаетъ и угощаетъ ратныхъ людей, а бѣдныхъ одѣляетъ деньгами, запасами и платьемъ; за что тѣ и другіе его прославляютъ. Доносили также о слѣдующей будто бы повторяемой имъ похвальбѣ: «Борисъ царемъ на Москвѣ, а я въ Борисовѣ». Этого было достаточно, чтобы Годуновъ распалился гнѣвомъ на Бѣльскаго, приказалъ его схватить, лишить

имущества и посадить въ тюрьму въ дальнемъ городѣ. Одинъ иностранецъ (Буссовъ) прибавляетъ, будто Годуновъ велѣлъ своему иноземному медику выщипать у Бѣльскаго его густую бороду, вѣроятно въ отместку за то, что онъ не любилъ иноземцевъ и былъ ревнителемъ старыхъ русскихъ обычаевъ. Пострадали при семъ и тѣ дворяне, которые находились вмѣстѣ съ Бѣльскимъ при постройкѣ города, и не доносили на него. Въ то же время свирѣпствовали опалы и на другихъ знатныхъ бояръ, большею частію по доносамъ ихъ слугъ и холопей. Между прочимъ слуга князя Шестунова донесъ на своего господина. Хотя обвиненіе оказалось неважнымъ и Шестунова оставили въ покоѣ, но доносчикъ былъ щедро награжденъ: на площади передъ всѣмъ народомъ объявили, что царь, за его службу и радѣніе, жалуетъ ему помѣстье и зачисляетъ его въ сословіе дѣтей боярскихъ. Разумѣется, такое поощреніе доносовъ возымѣло своё дѣйствіе, и слуги бояръ начали часто взводить на своихъ господъ разныя обвиненія; а затѣмъ и вообще доносы умножились до такой степени, что жены начали доносить на мужей, дѣти на отцевъ. Обвиняемыхъ брали подъ стражу, пытали, томили въ тюрьмахъ. Печаль и уныніе распространились по всему государству. Но были и такіе боярскіе слуги, которые, боясь Бога, не хотѣли клепать на своихъ господъ и не подтверждали на судѣ взводимыя на нихъ обвиненія. Такихъ людей подвергали жестокимъ пыткамъ, жгли ихъ огнемъ и рѣзали имъ языки, если не могли вымучить изъ нихъ желаемыхъ показаній.

Въ особенности Борисъ и его довѣренные клевреты добирались до Романовыхъ-Юрьевыхъ, которые казались ему наиболѣе опасными по своей близости къ послѣднимъ царямъ Владиміровa дома и по народному къ нимъ расположенію. Клевретамъ Годунова удалось подговорить нѣкоего Бартенева, двороваго человѣка и казначея одного изъ пяти братьевъ Никитичей—какъ ихъ тогда называли—именно Александра. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Семенъ Годуновъ далъ Бартеневу мѣшки съ разными кореньями; тотъ подбросилъ ихъ въ кладовую Александра Никитича, а потомъ явился съ доносомъ на своего господина, у котораго будто бы припасено какое-то отравное зелье. Послали обыскать кладовую, и конечно нашли означенные мѣшки. Дѣлу постарались придать большую огласку: мѣшки привезли на дворъ къ патріарху и коренья высыпали въ присутствіи многихъ людей. Братьевъ Романовыхъ взяли подъ стражу; взяли также ихъ родственниковъ и пріятелей князей Черкасскихъ, Репниныхъ, Сицкихъ и др. Ихъ слугъ подвергли пыткамъ,

стараясь вымучить отъ нихъ нужныя показанія, но большею частію безъуспѣшно. Обвиненныхъ долго судили. Въ іюлѣ 1601 года послѣдовалъ приговоръ. Старшаго изъ братьевъ Романовыхъ Ѳеодора Никитича, котораго какъ самаго даровитаго и предпріимчиваго опасались болѣе всѣхъ, постригли подъ именемъ Филарета и сослали въ Антоніевъ Сійскій монастырь, въ Холмогорскомъ краю; жену его Ксенію Ивановну, урожденную Шестову, также постригли, подъ именемъ Марѳы, и сослали въ Заонѣжье; Александра Никитича сослали въ Усолье-Луду около Бѣлаго моря, Михаила Никитича въ Пермскій край, Ивана Никитича въ Пелымъ, Василія Никитича въ Яренскъ; ихъ родственниковъ и друзей также разослали по разнымъ монастырямъ и городамъ. Трое изъ братьевъ не выдержали суровой ссылки и многихъ притѣсненій отъ своихъ приставовъ, и вскорѣ скончались, именно: Александръ, Михаилъ и Василій. Остались въ живыхъ Филаретъ и Иванъ. Послѣдній вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ возвращенъ былъ въ Москву. Но Филаретъ Никитичъ оставался въ заточеніи; къ нему приставлены шпіоны, которые должны были доносить о всѣхъ его рѣчахъ. Филаретъ въ началѣ былъ остороженъ, и приставу Воейкову въ это время не приходилось доводить до свѣдѣнія царя какія либо откровенія со стороны постриженника. «Только, когда жену вспомянетъ и дѣтей— писалъ приставъ,—то говоритъ: Малыя мои дѣтки! маленьки бѣдныя остались; кому ихъ кормить и поить? Такъ ли имъ будетъ теперь, какъ имъ при мнѣ было? А жена моя бѣдная! жива-ли уже? Чай она туда завезена, куда и слухъ никакой не зайдетъ. Мнѣ ужъ что надобно? Бѣда на меня жена и дѣти: какъ ихъ вспомнишь, такъ точно рогатиной въ сердце толкнетъ. Много они мнѣ мѣшаютъ; дай Богъ слышать, чтобы ихъ ранѣе Богъ прибралъ. И жена, чай, тому рада, чтобы имъ Богъ далъ смерть; а мнѣ бы ужъ не мѣшали; я бы сталъ промышлять одною своею думою; а братья уже всѣ, далъ Богъ, на своихъ ногахъ.» Спустя три года (въ 1605) приставъ Воейковъ уже жалуется на сійскаго игумена Іону за то, что онъ дѣлаетъ разныя послабленія старцу Филарету. А о послѣднемъ доноситъ, что онъ «живетъ не по монастырскому чину, смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житье, про ловчихъ и про собакъ, какъ онъ въ мірѣ жилъ, и къ старцамъ жестокъ, бранитъ ихъ и бить хочетъ, и говоритъ имъ: увидите, каковъ я впередъ буду.» Эта перемѣна въ поведеніи Филарета вѣроятно находилась въ связи съ измѣнившимися обстоятельствами: въ то время и на

отдаленный сѣверъ конечно уже достигли слухи объ успѣхахъ самозванца и ожиданія близкой гибели Годуновыхъ.

Къ унынію, распространяемому опалами, пытками, ссылками и даже казнями (вопреки обѣщанію, данному во время царскаго вѣнчанія), прибавились и физическія бѣдствія. Въ 1601 году насталъ страшный голодъ влѣдствіе чрезвычайно дождливаго лѣта, которое не дало хлѣбу созрѣть, и ранняго мороза, который его окончательно побилъ. Голодъ былъ до того силенъ, что люди щипали траву, подобно скоту, или ѣли сѣно; тайкомъ ѣли даже человѣческое мясо и во множествѣ умирали. Борисъ хотѣлъ милостями привлечь народъ и велѣлъ раздавать деньги бѣднымъ людямъ. Но эта мѣра вызвала еще большее зло: въ Москву двинулись жители окрестныхъ областей, и гибли голодною смертію на улицахъ или по дорогамъ. Къ голоду присоединилась моровая язва. Въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около полумильона. Только хорошій урожай 1604 года прекратилъ наконецъ бѣдствіе. Около этого времени, чтобы дать работу чернымъ людямъ, царь велѣлъ сломать деревянный дворецъ Грознаго и на его мѣстѣ возвелъ новыя каменныя палаты въ Кремлѣ. (Въ 1600 г. окончена имъ знаменитая колокольня Ивана Великаго).

Въ связи съ голодомъ и моромъ умножилось и другое бѣдствіе: страшные разбои. Многіе бояре и дворяне, не имѣя чѣмъ кормить слугъ, распустили своихъ холопей; отъ другихъ господъ или отъ опальныхъ семей холопы разбѣгались сами. Эти голодныя, бродячія толпы составляли многочисленныя разбойничьи шайки, которыя особенно свирѣпствовали на Сѣверской украйнѣ. Они появились подъ самою Москвою, подъ начальствомъ удалого атамана Хлопки Косолапа. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ значительное войско съ воеводою Иваномъ Басмановымъ. Только послѣ упорнаго боя царское войско разбило и разсѣяло разбойниковъ, потерявъ при этомъ своего воеводу. Хлопко былъ взятъ въ плѣнъ и повѣшенъ со многими товарищами (1604 г.). ([66]).

Множество недовольныхъ, порожденное подозрительною политикою Годунова, и помянутыя физическія бѣдствія значительно подкопали прочность его престола, и подготовили умы къ торжеству самозванца.

X.

ЮГОВОСТОЧНЫЯ ОКРАЙНЫ И ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

Украинныя оборонительныя линіи и военная колонизація. Степные города.—Цареборисовъ.—Города поволжскіе.—Шляхи и засѣки.—Степныя сторóжи.—Уставъ о сторожевой станичной службѣ.—Украинное населеніе.—Вольное казачество.—Грабежи на Волгѣ.—Строгановы и ихъ колонизаціонная дѣятельность.—Сибирское ханство.—Родъ Тайбуги и Чингизидъ Кучумъ.—Прибытіе волжскихъ атамановъ въ Строгановскіе городки.—Походъ за Каменный Поясъ.—Взятіе стольнаго города Сибири.—Немилостивая царская грамота Строгановымъ.—Казацкое посольство въ Москвѣ.—Подкрѣпленіе.—Неудачи.—Гибель Ермака и его значеніе.—Вторичное завоеваніе Сибирскаго ханства.—Упорство Кучума и его судьба.—Московская колонизаціонная политика.

Двухвѣковое хозяйничанье Татарскихъ ордъ въ пустынныхъ и степныхъ пространствахъ нашего юговостока широко раздвинуло эти пространства на счетъ окрайныхъ русскихъ земель. Хотя собственныя кочевья этихъ ордъ располагались въ степяхъ, примыкавшихъ къ нижнему теченію Волги, Дона и Днѣпра, однако набѣги хищниковъ и постоянно грозившая отъ нихъ опасность образовали широкую пустынную полосу земли между кочевыми ордами и населенными русскими украйнами, далеко отодвинувъ сіи послѣднія къ сѣверу. Но со времени освобожденія Восточной Руси отъ ига и послѣ упадка Золотой Орды возобновляется движеніе со стороны Русскаго народа на юго-восточныя пространства, и начинается весьма постепенное, медленное занятіе вышеназванной пустынной полосы, частію лѣсной, а частію степной. Это занятіе совершилось посредствомъ колонизаціи, преимущественно военной. Московское государство построеніемъ городовъ и острожковъ и устройствомъ укрѣпленныхъ линій выдвигаетъ на югъ и востокъ свое военно-слу-

жилое сословіе. Но долго еще, до самаго конца XVI вѣка, первую или внутреннюю оборонительную линію для столицы и вообще государственнаго центра отъ набѣговъ Крымской орды и Ногаевъ составляютъ рѣка Ока и расположенные по ней или по ея притокамъ города: Нижній, Муромъ, Касимовъ, Переяславль Рязанскій, Кашира и Серпуховъ. За этой внутренней выступала вторая линія, передовая или украинная, на востокѣ начинавшаяся отъ рѣки Суры, а на западѣ упиравшаяся въ Десну. Эта линія шла по украйнамъ мещерскимъ, рязанскимъ и сѣверскимъ, большими изломами и выступами, и имѣла развѣтвленія, особенно въ западной своей части, т. е. въ Сѣверской украйнѣ. Она заключала въ себѣ города: Алатырь, Темниковъ, Кадомъ, Шацкъ, Ряскъ, Данковъ, Пронскъ, Михайловъ, Епифань, Дѣдиловъ, Тулу, Мценскъ, Новосиль, Орелъ, Рыльскъ, Путивль и Новгородъ Сѣверскій. За этой передней или украинной линіей начиналось упомянутое выше пустынное пространство, въ которомъ постепенно тамъ сямъ появлялись городки и острожки; умножаясь въ числѣ, они потомъ связывались въ новыя пограничныя черты или линіи, которыя отодвигали далѣе на югъ и востокъ прочно занятые предѣлы Московскаго государства. Такъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ возобновлены древніе города Курскъ на Семи, Елецъ на Быстрой Соснѣ и вновь построены въ области верхняго Дона и Донца Ливны, Воронежъ, Осколъ, Валуйки и Бѣлгородъ. Эти города составили уже такъ наз. польскую (т. е. степную) украйну.

Достигнувъ престола, Борисъ Годуновъ выдвинулъ еще далѣе въ степь южный уголъ этой польской черты построеніемъ Царева-Борисова на Осколѣ, почти у впаденія его въ Донецъ. Постройка города поручена была извѣстному Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву. Сохранился наказъ, данный по сему поводу названнымъ воеводамъ, и другіе документы, которые сообщаютъ намъ любопытныя подробности о способахъ постройки и содержанія пограничныхъ городовъ въ то время. А именно:

Въ 1599 году, за недѣлю до Ильина дня должны были собраться въ Ливнахъ служилые и мастеровые люди, назначенные для основанія новаго города; тутъ были дворяне, дѣти боярскіе, станичники, стрѣльцы, казаки, плотники, кузнецы, пушкари и пр. Воеводы осмотрѣли ихъ, снабдили порохомъ, свинцомъ, ядрами, сухарями, толокномъ, крупою и двинули къ городу Осколу. Здѣсь они посадили пѣшую рать на суда, которыя нагрузили также съѣстными и военными при-

пасами. Взято было и все нужное для церковнаго строенія—образа, антиминсы, книги, ризы. Суда поплыли Осколомъ, а конница пошла рядомъ съ ними по обоимъ берегамъ, высылая разъѣзды въ степь и всячески оберегая себя отъ нападенія Татаръ и Черкасъ (украинскихъ казаковъ). Придя къ устью Оскола, воеводы остановились подлѣ того мѣста, которое заранѣе было осмотрѣно и выбрано для города двумя служилыми людьми, Чулковымъ и Михневымъ. Тутъ они предварительно поставили острожекъ, укрѣпленный рвомъ и пушками; а потомъ велѣли нарубить сосноваго и дубоваго лѣсу и послѣ молебствія съ водосвятіемъ приступили къ постройкѣ самаго города, который должны были назвать Царебορисовымъ. Вновь построенный пунктъ оказался тщательно укрѣпленнымъ. Сосновая стѣна собственно города или кремля заключала до 380 саженъ въ окружности и была двойная, въ 4 сажени высоты. Отступя отъ нея на нѣсколько саженъ, около города шелъ земляной валъ, насыпанный между подпорами изъ бревенъ, досокъ, кольевъ и плетня и сверхъ всего этого обложенный дерномъ; мѣстами въ немъ были поставлены башни; за валомъ шелъ глубокій ровъ; а за нимъ расположены слободы стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей; около слободъ срубленъ острогъ въ двѣ сажени высоты. Этимъ не ограничивалось укрѣпленіе города: въ 7 верстахъ отъ него въ полѣ поставлены тройными рядами надолбы; внутри этого пространства во время опасности пасся скотъ горожанъ и могли помѣститься будущіе окрестные крестьяне со своими стадами. Въ городѣ воздвигли два храма, Троицкій и Борисоглѣбскій, снабженные полнымъ причтомъ. Изнутри города на случай осады выкопанъ тайникъ, ведшій къ рѣкѣ. Гарнизонъ его составляли около 3000 ратныхъ военнослужилыхъ людей, которые въ назначенные сроки смѣнялись партіями, приходившими изъ другихъ, болѣе безопасныхъ украинныхъ городовъ. Извѣстно, какой печальной участи подвергся отъ подозрительнаго Бориса главный строитель этого города оружничій Богданъ Бѣльскій. Послѣ ссылки Бѣльскаго Годуновъ продолжалъ заботиться о Царебορисовѣ, и вообще придавалъ ему важное значеніе. Но въ наступившую вскорѣ Смутную эпоху этотъ городъ, слишкомъ далеко выдвинутый въ степь и не успѣвшій развить собственное осѣдлое населеніе, былъ покинутъ ратными людьми, и на время запустѣлъ.

Новопостроенный городъ, какъ мы видимъ, обыкновенно окружался разными слободами, каковы: пушкарская, стрѣлецкая, казачья и др.; это обстоятельство показываетъ, что московское пра-

вительство, выводя русскую военную колонизацію въ украинныхъ пространствахъ, принимало мѣры, чтобы эта колонизація пустила тамъ прочные корни и утвердила центры, около которыхъ развивались бы мѣстное населеніе, земледѣльческая и промышленная дѣятельность. Въ мирное время тѣ же служилые люди обработывали отводимые имъ, ближайшіе къ городу, поля и луга. Впослѣдствіи къ нимъ присоединялись новые переселенцы изъ внутреннихъ областей, которые строили въ этой мѣстности деревни и починки, а во время сильной военной тревоги спѣшили со своими семействами, имуществомъ и стадами укрываться за городскими укрѣпленіями, увеличивая собою число ихъ защитниковъ.

Одновременно съ дѣломъ русской военной колонизаціи на южной или польской украйнѣ, происходило такое же колонизаціонное движеніе въ восточной или Волжской полосѣ. Только здѣсь оно пока направлялось почти исключительно вдоль самой рѣки Волги. Послѣ покоренія царствъ Казанскаго и Астраханскаго, московское правительство прежде всего воздвигло русскія твердыни въ самыхъ ихъ столицахъ, т. е. въ Казани и Астрахани; а затѣмъ принялось послѣдовательно и настойчиво возводить города по приволжскимъ краямъ въ видахъ внѣшней обороны и прочнаго закрѣпленія за собой всего теченія этой великой рѣки.

Построеніе первыхъ городовъ направлено было противъ безпокойныхъ инородцевъ бывшаго Казанскаго царства, въ особенности противъ мятежныхъ Черемисъ; въ ихъ странѣ на правомъ нагорномъ берегу Волги, выше Казани, между Васильсурскомъ и Свіяжскомъ были основаны Козмодемьянскъ и Чебоксары. А ниже Казани, также при Иванѣ Грозномъ, были построены Тетюши на правомъ же волжскомъ берегу и Лаишевъ на Камѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Волгу. Два послѣдніе города, кромѣ обузданія мѣстныхъ инородцевъ, имѣли своею задачею защиту края отъ набѣговъ Ногайскихъ татаръ. Не представляя такой сплоченной силы, какъ Крымская Орда, Ногаи были и менѣе воинственны. Однако ихъ набѣги и движенія причиняли немало заботъ московскому правительству, въ особенности при ихъ наклонности возбуждать къ мятежу и подавать руку помощи бунтовавшимъ приволжскимъ инородцамъ. Для обороны отъ ихъ вторженій, оно выбирало на Волгѣ и Камѣ преимущественно тѣ пункты, гдѣ издавна существовали перевозы, т. е., гдѣ совершалась обычная переправа Татаръ на лѣвый берегъ. Въ такихъ именно пунктахъ и были построены Лаишевъ и Тетюши.

При Θедорѣ Ивановичѣ противъ Ногаевъ строится городъ Самара, на лѣвой сторонѣ Волги, при впаденіи въ нее рѣки Самары, т. е. на оконечности Самарской луки. Вслѣдъ за Самарой, ниже на Волгѣ возникаетъ Царицынъ, тамъ, гдѣ Волга сближается съ Дономъ, или на такъ наз. Переволокѣ, и Саратовъ—почти на срединѣ разстоянія между Самарой и Царицынымъ. Построеніемъ этихъ трехъ городовъ область Казанская связана съ Астраханскою и важный судовой путь по Волгѣ пріобрѣлъ болѣе безопасности какъ отъ кочевыхъ татарскихъ ордъ, такъ и отъ шаекъ воровскихъ казаковъ.

Понятно, что появленіе подобныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ весьма не нравилось степнымъ хищникамъ; ихъ набѣги въ предѣлы Московскаго государства встрѣчали теперь немалыя затрудненія; а еще болѣе затрудненій должны были они испытывать, когда возвращались изъ этихъ набѣговъ, обремененные добычею и плѣнниками: московскіе отряды, вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, выходили изъ городовъ и преграждали имъ путь въ какомъ либо тѣсномъ мѣстѣ или при переправѣ черезъ рѣку. Когда Борисъ Годуновъ воцарился въ Москвѣ, крымскій ханъ Казы-Гирей прислалъ ему грамоту, въ которой убѣждалъ его не строить городовъ въ степи и приводилъ такіе доводы: доселѣ онъ отговаривалъ турецкаго султана посылать рать на Московское государство за дальностію разстоянія, а теперь, когда султанъ узнаетъ, что московскіе города подошли близко, то пожалуй пошлетъ рать; да и Татаръ теперь трудно будетъ удерживать отъ задиранія Русскихъ, такъ какъ города послѣднихъ стоятъ недалеко. Казы-Гирею отвѣчали, что турецкая рать Москвѣ нестрашна, а города поставили въ полѣ противъ воровъ Черкасъ и Донскихъ казаковъ, которые грабили московскихъ и крымскихъ пословъ и гонцовъ. Еще прежде того, при Θедорѣ Ивановичѣ, когда на Волгѣ построена была Самара, ногайскій князь Урусъ съ своими мурзами потребовалъ отъ астраханскихъ воеводъ, чтобы Самара была снесена, а иначе грозилъ ее разорить. Ему также отвѣчали, что городъ поставленъ для обереганія самихъ Ногаевъ отъ воровскихъ казаковъ.

Такъ какъ самою естественною задержкою для татарскихъ набѣговъ служили рѣчные переправы или «перелазы», то Крымцы старались обходить сколько нибудь значительныя рѣки и для сего пользовались водораздѣлами. Поэтому главнымъ путемъ ихъ вторженія въ Московское государство былъ такъ назыв. Муравскій шляхъ. Онъ шелъ отъ Крымскаго перешейка или Перекопа на сѣверъ по

возвышенному кряжу, который раздѣляетъ сначала бассейны Донской и Днѣпровскій, потомъ Донской и Окскій, и упирался въ городъ Тулу или, точнѣе, въ Тульскую оборонительную засѣку. Засѣками назывался собственно срубленный лѣсъ, наваленный вдоль оборонительной черты съ проходами, которые оберегались ратными людьми; а въ мѣстахъ открытыхъ и ровныхъ эти засѣки соединялись между собою рвомъ съ валомъ и частоколомъ, въ которыхъ мѣстами также были проходы или ворота съ бойницами; рѣчные броды и перелазы въ такой оборонительной чертѣ забивались сваями и дубовыми кольями. Отъ Муравскаго шляха, какъ вѣтви, отдѣлялись другіе шляхи, а именно Изюмскій и Калміусскій. Изюмскій шляхъ начинался у верховьевъ Орели, пересѣкалъ Донецъ и шелъ далѣе по водораздѣлу Донца и Оскола; а Калміусскій направлялся еще восточнѣе. На семъ послѣднемъ и были расположены помянутые выше польскіе или степные города Ливны, Осколъ, Валуйки и Цареборисовъ. Кромѣ этихъ главныхъ дорогъ съ юга въ Россію, существовало много другихъ, которыми также пользовались татарскіе хищники, особенно, когда они вторгались мелкими партіями; таковы, прозванные потомъ, шляхи Бакаевъ или Свинный, Сагайдачный, Ромодановскій и др.

Чтобы наблюдать за военными движеніями Татаръ въ степи и вовремя получать извѣстія объ ихъ вторженіяхъ, на Московскихъ юговосточныхъ украйнахъ издавна учреждена была сторожевая, станичная и полевая служба. Начало ея восходитъ къ XIV вѣку, къ эпохѣ Димитрія Донского; а распространеніе къ XV, особенно ко времени Ивана III. Но вполнѣ развилась она въ XVI вѣкѣ при Иванѣ Грозномъ. Московскіе сторожевые отряды разсѣяны были по степямъ. Они выходили изъ украинскихъ крѣпостей подъ начальствомъ своихъ сотенныхъ головъ и располагались стоянкой гдѣ нибудь въ укрытомъ мѣстѣ, откуда высылали разъѣзды по всѣмъ направленіямъ, высматривали степные шляхи и сакмы, добывали языковъ, т. е. перехватывали Татаръ, отъ которыхъ можно было получить вѣсти, и давали знать украинскимъ воеводамъ о приближеніи хищныхъ Крымцевъ, Ногаевъ или Казанцевъ. Эти сторожевыя или подвижныя станицы предшествовали построенію полевыхъ украинскихъ городковъ и острожковъ и намѣчали ихъ мѣста; а съ размноженіемъ сихъ укрѣпленій, онѣ получали въ нихъ новые опорные пункты и сами выдвигались все далѣе и далѣе въ юговосточныя степи и дубровы. Около 50-хъ годовъ XVI вѣка московскія сторó-

жи и станицы охватывали все пустынное юговосточное пространство отъ Алатыря и Темнинова до Рыльска и Путивля. Благодаря имъ, немало крымскихъ и казанскихъ вторженій встрѣтили своевременный отпоръ со стороны предупрежденныхъ московскихъ воеводъ.

Сторожевая и станичная служба находилась въ вѣдѣніи Разряднаго приказа. Чтобы дать ей болѣе порядка и лучшее устройство, Иванъ IV въ январѣ 1571 года назначилъ главнымъ ея начальникомъ знаменитаго воеводу князя Михаила Ивановича Воротынскаго; въ помощники ему далъ князя Тюфякина и извѣстнаго дьяка Ржевскаго для сторо́жи со стороны Крымцевъ, а Юрія Булгакова — со стороны Ногаевъ. Воротынскій и его помощники собрали всѣ хранившіяся въ Разрядѣ росписи сторо́жамъ и станицамъ, вызывали въ Москву самихъ станичниковъ и дѣлали имъ подробные распросы. Послѣ того они написали новый уставъ для этой службы, который и былъ утвержденъ царемъ. Вотъ нѣкоторые образцы правилъ, заключавшихся въ семъ уставѣ. «Сторо́жамъ стоять въ мѣстахъ у с т о р о ж л и в ы х ъ и ѣздить по урочищамъ направо и налѣво по два человѣка», «два раза на одномъ мѣстѣ кашу не варить (т. е. огонь не раскладывать); а гдѣ кто полдневалъ, тамъ не почевать»; если сторожи подстерегутъ приходъ Татаръ, то посылаютъ своихъ ближайшихъ товарищей съ вѣстями въ украинскіе города; сами-же должны слѣдовать за Татарами и по ихъ сакмамъ (т. е. по ширинѣ и торности конской дороги) и по станамъ смекать, какое ихъ число, а потомъ посылать съ новыми вѣстями другихъ своихъ товарищей. Станицы въ опредѣленные сроки смѣняютъ другъ друга; если же которыя не дождутся смѣны и уйдутъ, а въ это время случится татарскій набѣгъ, то виновнымъ назначена смертная казнь. Сторо́жи, которыя простоятъ лишнее время по неприбытію другихъ имъ на смѣну, берутъ съ послѣднихъ въ свою пользу пеню по полуполтинѣ на человѣка въ день. Если какихъ сторожей люди, посланные отъ воеводъ и головъ съ дозоромъ, найдутъ стоящихъ небрежно и неусторожливо или не недоѣзжающихъ до назначенныхъ урочищъ, тѣхъ бить кнутомъ. Сторожи выѣзжали на службу съ запасными конями («о дву конь») и коней должны были имѣть «добрыхъ», а не «худыхъ». Станичная служба начиналась съ весны съ апрѣля, продолжалась до декабря, т. е. восемь мѣсяцевъ, и была раздѣлена на 8 станицъ; а такъ какъ срокъ для каждаго караула былъ двухнедѣльный, то каждой станицѣ приходилось выѣзжать на

сторожу два раза въ годъ. Кромѣ служилыхъ людей, именно дѣтей боярскихъ и казаковъ, въ сѣверскія сторожи прежде допускались и наемные севрюки, т. е. жители Сѣверщины; но такъ какъ эти севрюки обыкновенно стоятъ неустороживо и вовремя не усматриваютъ приходъ Татаръ, или пріѣзжаютъ съ ложными вѣстями и производятъ напрасную тревогу, то впредь запрещено принимать ихъ въ сторожевую службу.

Прежде нежели было окончено введеніе новаго устава, а также сдѣланы провѣрка и болѣе цѣлесообразное распредѣленіе сторожевыхъ станицъ на самыхъ мѣстахъ ихъ службы, совершилось извѣстное нашествіе Девлетъ-Гирея на Москву лѣтомъ того-же 1571 года. Послѣ него поэтому новый уставъ былъ введенъ съ особымъ тщаніемъ и сторожевая служба приведена въ лучшій порядокъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ неудачное нашествіе того-же Девлетъ-Гирея въ слѣдующемъ 1572 году. Послѣ опалы и смерти князя Воротынскаго начальникомъ сторожевой службы Иванъ IV назначилъ своего родственника боярина Никиту Романовича Юрьева, который въ свою очередь сдѣлалъ въ сторожевой службѣ нѣкоторыя сообразныя съ обстоятельствами перемѣны, усилилъ дозоръ за станичниками и выдвинулъ ихъ разъѣзды еще далѣе въ степи. Но такъ какъ эти слишкомъ дальніе разъѣзды (иногда на нѣсколько сотъ верстъ отъ украинскихъ городовъ) препятствовали своевременной доставкѣ вѣстей, то при Θедорѣ Ивановичѣ видимъ обратное стремленіе: разъѣзды по возможности сокращать, а занимать степи построеніемъ городковъ и острожковъ. Съ умноженіемъ украинныхъ городовъ умножались и сторожевыя станицы; ибо въ каждомъ новопостроенномъ городѣ учреждалось извѣстное количество сторо̀жъ, которыя по очереди совершали опредѣленные для нихъ разъѣзды.

Итакъ постепенное закрѣпленіе степной окрайны за Московскимъ государствомъ совершалось въ XVI вѣкѣ преимущественно посредствомъ военной колонизаціи, т. е. посредствомъ служилаго сословія; такъ какъ мирному населенію пока еще не было мѣста въ этой полосѣ, подверженной постояннымъ военнымъ тревогамъ. Составъ украинскаго служилаго сословія представляется довольно разнообразный. Высшій его слой составляли дворяне и дѣти боярскіе; но число ихъ было невелико сравнительно съ остальными низшими классами, каковы стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, засѣчные сторожа и пр. Такъ, обращаясь къ помянутому

основанію Цареборисова, мы видимъ, что съ Богданомъ Бѣльскимъ и Семеномъ Алферьевымъ отправлено было 46 дворянъ и 214 дѣтей боярскихъ, а стрѣльцовъ, казаковъ и другихъ разрядовъ около 2700 человѣкъ. Дворяне, дѣти боярскіе и часть казаковъ составляли конницу; изъ нихъ назначались и станичные разъѣзды; стрѣльцы, и остальные казаки составляли пѣхоту, а пушкари, затиньщики и воротники артиллерію. Хотя правительство старалось замѣнить денежное жалованье раздачею всѣмъ служилымъ людямъ ближнихъ къ новопостроенному городу (и никому тогда не принадлежавшихъ) пахотныхъ полей, дубровъ, сѣнныхъ покосовъ и другихъ угодій на помѣстномъ правѣ; но, пока эти земли не могли быть обрабатываемы, украйнные служилые люди получали на свое содержаніе денежное и хлѣбное довольствіе. Только съ построеніемъ новыхъ городовъ, еще далѣе выдвинутыхъ въ степь, населеніе прежнихъ, вмѣстѣ съ большею степенью безопасности, получало возможность обращаться къ обработкѣ земель и высылать въ окрестныя мѣста земледѣльческіе деревни и починки, которые, благодаря плодородію почвы, скоро поднимали мѣстное благосостояніе. ([67]).

Въ этой русской колонизаціи, въ этомъ обратномъ движеніи Русскаго народа на юговосточныя украйны, когда то занятыя Славянскими племенами, но отнятыя у нихъ Половцами и Татарскими ордами, весьма важную роль играетъ казачество.

Начало казачества на Руси восходитъ ко временамъ татарскаго ига, если не ранѣе (такъ какъ предшественниками его можно считать древнерусскія вольныя дружины бродниковъ). Но самое имя его несомнѣнно перешло къ намъ отъ Татаръ, у которыхъ казаками называлась, въ противоположность большимъ и знатнымъ родамъ, наиболѣе бѣдная часть народа, обреченная на безпріютное скитальческое существованіе; вообще оно означало низшій разрядъ ордынцевъ. Это имя связывалось у насъ съ бездомками, бобылями, чернорабочими ватагами и т. п. людьми; но главнымъ образомъ оно сосредоточилось на извѣстномъ военнослужиломъ классѣ, представлявшемъ легковооруженный и наиболѣе подвижной отдѣлъ войска. Впервые такое военнослужилое сословіе встрѣчается около половины XV вѣка на Рязанской украйнѣ, вооруженное копьями, рогатинами и саблями. А въ XVI вѣкѣ мы видимъ его распространеннымъ уже по всѣмъ южно-русскимъ украйнамъ. Оно составляетъ часть гарнизона въ украинскихъ городахъ и отправляетъ службу отчасти пѣ-

шую, отчасти конную; послѣднюю особенно въ качествѣ сторожевыхъ разъѣздовъ или станицъ. Это такъ называемые городовые казаки, которые получаютъ за свою службу отъ правительства денежное и хлѣбное жалованье, а иногда и земельные надѣлы. Рядомъ съ этими городовыми вскорѣ появляются и вольные казаки. То были люди, ушедшіе далеко въ степь, полуосѣдлые и непризнававшіе надъ собой никакой государственной власти. Они соединялись въ отдѣльныя ватаги или станицы, которыя располагались преимущественно по берегамъ рѣкъ, обильныхъ рыбою, и заводили нѣкоторое хозяйство. Управлялись они своими выборными ватаманами и своимъ общиннымъ кругомъ (родъ древнерусскаго вѣча). Ватаги вольныхъ казаковъ наполнялись самыми смѣлыми людьми, которыхъ тянуло въ степное приволье или которымъ почему-либо тяжело было оставаться на родинѣ. Тутъ были люди разныхъ состояній, преимущественно изъ тѣхъ же городовыхъ казаковъ, а затѣмъ бѣглые крестьяне и холопы, искавшіе личной свободы. Но, выдвигаясь на самые крайніе предѣлы пустынной полосы въ близкое сосѣдство съ татарскими ордами, вольное казачество естественно должно было вооруженною рукою отстаивать отъ нихъ свое существованіе, а при удобномъ случаѣ оно само переходило въ наступленіе и нападало на отдѣльные отряды или становища татарскія, грабило ихъ и разоряло. Такимъ образомъ вольное казачество являлось самымъ передовымъ оплотомъ и вмѣстѣ двигателемъ русской колонизаціи въ южныхъ степяхъ.

Это казацкое колонизаціонное движеніе съ самаго начала приняло два главныхъ направленія: съ одной стороны на нижній Донъ и Волгу, съ другой на нижній Днѣпръ. Относительно движенія на Донъ имѣемъ любопытный наказъ, данный Иваномъ III въ 1502 году великой княгинѣ рязанской Агриппинѣ (управлявшей по малолѣтству своего сына Ивана), по поводу обратнаго проѣзда турецкаго посла чрезъ рязанскія земли. Великій князь московскій наказываетъ ей дать послу провожатыхъ сотню и болѣе; а ея деверь удѣльный рязанскій князь Ѳедоръ долженъ былъ выставить еще 70 человѣкъ. «Да на сотню десятка три своихъ казаковъ понакинь», говоритъ наказъ. Это, очевидно, рязанскіе городовые казаки, которые тутъ же далѣе противополагаются коренному военнослужилому сословію: «и ты бы у перевоза десяти человѣкамъ ослобонила нанявшись казакамъ, а не лучшимъ людямъ». Провожатые должны были сопутствовать послу только до Рясской переволоки, за-

ключавшейся между притоками Оки и Дона. «А ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити» — прибавляетъ Иванъ III. Ясно, что тутъ подъ молодечествомъ разумѣется вольное Донское казачество, въ которое уходили преимущественно городовые казаки и другіе ратные люди, вѣроятно тѣ, которые были недовольны тягловою службою или убѣгали отъ наказанія за какую-либо вину. Къ концу XVI вѣка вольное казачество своими поселками или станицами охватило уже среднее и нижнее теченіе Дона, и главнымъ его средоточіемъ, повидимому, является укрѣпленный городокъ или станица Раздоры, расположенная при впаденіи Донца въ Донъ.

Донъ сдѣлался разсадникомъ казачества по всему юговосточному пространству; отсюда оно распространилось на Терекъ и на Волгу, а съ Волги потомъ и на Яикъ. Считаясь большею частью номинально въ подданствѣ Москвы, а въ сущности не признавая надъ собою никакой государственной власти, Донское и Волжское казачество нерѣдко занималось разбоемъ и потому сдѣлало небезопасными торговые пути, какъ сухопутные, такъ и въ особенности судовые. При чемъ оно не разбирало татарскіе, персидскіе и бухарскіе караваны отъ русскихъ и грабило даже московскихъ пословъ, отправляемыхъ въ мусульманскія страны. Своими рѣчными походами оно напоминало древнихъ новгородскихъ повольниковъ. Московское правительство при случаѣ пользовалось казацкою силою въ борьбѣ съ кочевниками; подарками и наградами старалось привлечь атамановъ въ свою службу; а когда Крымцы или Ногаи приносили жалобы на грабежи и нападенія казаковъ, отвѣчало, что они ему неподвластны и воюютъ на свой страхъ. Такъ казаки однажды взяли и пограбили ногайскій городокъ Сарайчикъ на Яикѣ, а въ другой разъ пограбили турецко-татарскій городъ Азовъ. Когда же казацкіе грабежи становились слишкомъ дерзки, обращаясь отчасти на царскіе караваны, и вызывали горькія жалобы союзныхъ Москвѣ ногайскихъ князей, то выведенное изъ терпѣнія московское правительство посылало воеводъ съ значительными отрядами для того, чтобы ловить и вѣшать грабительскія шайки.

Во вторую, бѣдственную, половину царствованія Ивана IV, въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія, особенно усилились казацкіе грабежи на Волгѣ, такъ что этотъ важный торговый путь сдѣлался тогда крайне небезопаснымъ. Обыкновенно казацкая шайка гдѣ-либо въ укрытомъ природою мѣстѣ поджидала проходящіе по Волгѣ карава-

ны и потомъ неожиданно нападала на нихъ на своихъ легкихъ ладьяхъ. Такими удобными притонами наиболѣе славилась тогда Самарская лука съ ея береговыми утесами и пещерами, закрытыми дремучимъ боромъ. Поперегъ этой луки течетъ на сѣверъ небольшая рѣчка Уса, которая въ южной части луки сближается съ Волгою. Тутъ при устьѣ рѣчки съ вершины волжскихъ утесовъ казацкіе сторожевые наблюдали приближеніе судовыхъ каравановъ, шедшихъ сверху. Завидѣвъ караванъ, казаки или тотчасъ бросались на него, или переплывали по рѣкѣ Усѣ на южную сторону луки и успѣвали переволакивать свои челны въ Волгу, пока караванъ огибалъ луку. Изъ казачьихъ атамановъ, занимавшихся такими грабительскими подвигами, особенно сдѣлался извѣстенъ Иванъ Кольцо. Государь Иванъ Васильевичъ, разгнѣванный дерзкими грабежами царскихъ каравановъ и пословъ, отправилъ на разбойниковъ рать и велѣлъ казнить ихъ смертію. Воеводы дѣйствительно захватили многихъ казаковъ и перевѣшали. Но часть ихъ съ нѣкоторыми своими атаманами успѣла уйти вверхъ по Волгѣ и по Камѣ; въ числѣ этихъ атамановъ были Ермакъ и Кольцо. Здѣсь, на Камѣ, они вошли въ связи съ Строгановыми, богатыми пермскими промышленниками и землевладѣльцами.

Предки Строгановыхъ, по всей вѣроятности, принадлежали къ тѣмъ новгородскимъ фамиліямъ, которыя когда-то колонизовали Двинскую землю, а въ эпоху борьбы Новгорода съ Москвою перешли на сторону послѣдней. Они имѣли большія владѣнія въ Сольвычегодскомъ и Устюжскомъ краѣ и нажили великія богатства, занимаясь здѣсь солянымъ промысломъ, а также ведя торговлю съ сосѣдними инородцами Пермяками и Югрою, у которыхъ вымѣнивали дорогіе мѣха. Главное гнѣздо этой фамиліи находилось въ Сольвычегодскѣ, въ сосѣдствѣ съ Зырянами Малой Перми. О богатствахъ Строгановыхъ свидѣтельствуетъ извѣстіе, что они помогли Василію Темному выкупиться изъ татарскаго плѣна; за что въ свою очередь получили отъ великихъ князей московскихъ разныя пожалованія и льготныя грамоты. При Иванѣ III извѣстенъ Лука Строгановъ; а при Василіи Ивановичѣ внуки этого Луки Строганова получаютъ дозволеніе населить одинъ пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ. Продолжая заниматься солянымъ промысломъ и торговлею, Строгановы въ то же время являются самыми крупными дѣятелями на поприщѣ заселенія сѣверовосточныхъ земель. Въ царствованіе Ивана IV они распространяютъ свою колонизаціонную дѣятельность и на

Прикамскій край, т. е. на Великую Пермь, которая была присоединена къ Московскому государству при Иванѣ III. Въ то время главою сей замѣчательной семьи является Аникій, внукъ помянутаго Луки; но, вѣроятно, онъ уже былъ старъ, и дѣятелями выступаютъ собственно его три сына: Яковъ, Григорій и Семенъ. Они выступаютъ уже не простыми, мирными колонизаторами закамскихъ странъ, но съ правами имѣть свои военные отряды, строить крѣпости, вооружать ихъ собственными пушками, и на свой счетъ и страхъ отражать набѣги враждебныхъ инородцевъ, ногайскихъ и сибирскихъ Татаръ, Вогуличей, Остяковъ, Башкиръ и т. п. Такимъ образомъ Строгановы представляли родъ феодальныхъ владѣльцевъ на нашей восточной окрайнѣ. Московское правительство, только-что покорившее Казань и Астрахань и озабоченное тогда на югѣ борьбою съ Крымцами, а на сѣверозападѣ начавшеюся войною съ Ливоніей, охотно предоставляло предпріимчивымъ людямъ всѣ льготы и права на оборону сѣверовосточныхъ предѣловъ.

Въ 1558 году Григорій Строгановъ бьетъ челомъ Ивану Васильевичу о слѣдующемъ: Въ отчинѣ государя въ Великой Перми по обѣимъ сторонамъ Камы рѣки отъ Лысвы до Чусовой лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣки и озера дикія, острова и наволоки необитаемые и никому неотписанные. Челобитчикъ проситъ пожаловать Строгановымъ это пространство, обѣщая поставить тамъ городъ, снабдить его пушками, пищалями, пушкарями и воротниками, чтобы оберегать государеву отчину отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ; проситъ дозволенія въ этихъ дикихъ мѣстахъ лѣсъ рубить, пашню пахать, дворы ставить, людей неписьменныхъ и нетяглыхъ призывать, варницы заводить и соль варить. Царь велѣлъ навести справки, и оказалось, что мѣста сіи дѣйствительно лежатъ впустѣ и доходу въ казну никакого не приносятъ. Тогда грамотою отъ 4 апрѣля того же года царь пожаловалъ Строгановымъ земли по обѣимъ сторонамъ Камы на протяженіи 146 верстъ отъ устья Лысвы до Чусовой, съ просимыми льготами и правами, и позволилъ заводить слободы, населяя ихъ людьми нетяглыми, исключая воровъ и разбойниковъ; освободилъ ихъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей и отъ земскихъ повинностей, а также отъ суда пермскихъ намѣстниковъ; такъ что право суда надъ слобожанами принадлежало тому же Григорію Строганову, а самъ онъ является подсуднымъ только суду царскому непосредственному. Эта царская грамота любопытна еще тѣмъ, что на ней подписались окольничіе Ѳедоръ Ивановичъ

Умного и Алексѣй Ѳедоровичъ Адашевъ. Отсюда можемъ догадываться, что энергичная дѣятельность Строгановыхъ на нашей сѣверовосточной украйнѣ является не безъ связи съ дѣятельностью лучшаго совѣтника первой половины сего царствованія. Григорій Строгановъ построилъ городокъ Канкоръ на правой сторонѣ Камы, при впаденіи въ нее рѣчки Пыскорки. Спустя шесть лѣтъ, онъ испросилъ позволенія построить другой городокъ, на 20 верстъ ниже перваго на Камѣ же, на Орловскомъ паволокѣ, наименованный Кергеданомъ (но впослѣдствіи онъ назывался Орломъ). Эти городки были обнесены крѣпкими стѣнами, вооружены огнестрѣльнымъ нарядомъ и имѣли гарнизонъ, составленный изъ разныхъ вольныхъ людей: тутъ были Русскіе (въ томъ числѣ казаки), Литовцы, Нѣмцы и Татары. Когда учредилась опричина, Строгановы просили царя чтобы ихъ города и промыслы были причислены въ опричину, и эта ихъ просьба была исполнена.

Въ 1568 году, старшій братъ Григорія, Яковъ Строгановъ бьетъ челомъ царю объ отдачѣ ему на такихъ же основаніяхъ всего теченія рѣки Чусовой и двадцативерстное разстояніе по Камѣ ниже устья Чусовой. Царь согласился на его просьбу; только льготный срокъ былъ теперь назначенъ десятилѣтній (слѣдовательно, онъ кончался въ одно время съ предыдущимъ пожалованіемъ). Яковъ Строгановъ поставилъ острожки по рѣкѣ Чусовой и завелъ слободы, которыя оживили этотъ безлюдный дотолѣ край. Вскорѣ начались и военныя ихъ дѣйствія для обороны края отъ сосѣднихъ инородцевъ. Такъ въ 1572 году въ землѣ Черемисской вспыхнулъ бунтъ; толпа Черемисъ, соединясь съ Остяками и Башкирами, вторглась въ Прикамскій край, разграбила на Камѣ суда и побила нѣсколько десятковъ торговыхъ людей. Строгановы послали на Черемисъ своихъ ратныхъ людей, которые и усмирили бунтовщиковъ. Но Черемисъ поднималъ противъ Москвы сибирскій ханъ Кучумъ; онъ же запрещалъ Остякамъ, Вогуламъ и Югрѣ платить ей дань. Посему, въ слѣдующемъ 1573 году, племянникъ Кучума Магметкулъ приходилъ съ войскомъ на рѣку Чусовую, и побилъ многихъ Остяковъ, московскихъ даньщиковъ; причемъ убилъ и царскаго посла (Чабукова), ѣхавшаго въ Киргизъ-Кайсацкую орду. Однако онъ не посмѣлъ напасть на Строгановскіе городки и ушелъ обратно за Каменный Поясъ (Уральскій хребетъ). Извѣщая о томъ царя, Строгановы просили разрѣшенія распространить свои поселенія за Поясомъ, построить городки по рѣкѣ Тоболу и его притокамъ, и заводить

тамъ слободы съ тѣми же льготами, которыя имъ даны на Камѣ и Чусовой, а они, съ своей стороны, обѣщали не только оборонять московскихъ даньщиковъ Остяковъ и Вогуловъ отъ царя Кучума, но воевать и подчинять государевой дани самихъ Сибирскихъ татаръ. Грамотою отъ 30 мая 1574 года, Иванъ Васильевичъ исполнилъ и эту просьбу Строгановыхъ, на сей разъ съ двадцатилѣтнимъ льготнымъ срокомъ, причемъ дозволилъ разыскивать мѣдную, свинцовую руду и горючую сѣру.

Но такое дѣло, какъ перенесеніе военныхъ дѣйствій за Уральскій хребетъ и покореніе Сибирскаго царства, уже превышали собственныя средства братьевъ Строгановыхъ. Около десяти лѣтъ ихъ намѣренія съ этой стороны оставались одними намѣреніями, пока на сцену дѣйствія не явились помянутые выше казацкіе вожди съ своею дружиною.

Царство Сибирское является однимъ изъ многихъ осколковъ обширной имперіи Чингизъ-хана. Оно выдѣлилось въ особое ханство изъ среднеазіатскихъ татарскихъ владѣній довольно поздно, повидимому, не ранѣе XV вѣка—въ ту же эпоху, когда слагались особыя царства Казанское и Астраханское, Хивинское и Бухарское, особыя орды Ногайскія и Киргизъ-Кайсацкія. Сибирская орда, повидимому, находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Ногайской ордой. Она называлась прежде Тюменскою, Ишимскою и Шибанскою. Послѣднее названіе указываетъ на то, что здѣсь господствовала та вѣтвь Чингизидовъ, которая происходила отъ Шейбани, одного изъ сыновей Джучи и слѣдовательно Батыева брата, и которая властвовала въ средней Азіи или Туркестанѣ. Одна отрасль этихъ Шейбанидовъ основала особое царство въ степяхъ Ишимскихъ и Иртышскихъ и распространила его предѣлы на сѣверъ и востокъ до Уральскаго хребта и рѣки Оби. При Иванѣ III, какъ мы видѣли, шейбанскій ханъ Ивакъ, подобно крымскому Менгли-Гирею, враждовалъ съ золотоордынскимъ ханомъ Ахматомъ и даже былъ его убійцею; слѣдовательно, является также союзникомъ московскаго князя. Но Ивакъ, въ свою очередь, былъ убитъ своимъ соперникомъ въ собственной землѣ. Дѣло въ томъ, что отъ Шибанской орды, еще прежде того, отдѣлилась часть Татаръ подъ предводительствомъ одного знатнаго бека Тайбуги. Въ маломъ видѣ тутъ повторилось то же, что было въ великой Волжской ордѣ, отъ которой отдѣлилась Ногайская, съ потомствомъ Эдигея во главѣ. Но такъ же, какъ въ Ногайской ордѣ, преемники Тайбуги назывались не царями или ха-

нами, а только князьями, т. е. беками; ибо и тутъ право на высшій титулъ принадлежало только потомству Чингизову, т. е. Шейбанидамъ. Преемники Тайбуги удалились съ своею ордою далѣе на сѣверъ на берега Иртыша, гдѣ средоточіемъ ея сдѣлался городокъ Сибирь, лежавшій пониже впаденія Тобола въ Иртышъ, и гдѣ она подчинила себѣ сосѣднія земли остяковъ, вогуловъ и отчасти башкиръ. Ивакъ былъ убитъ однимъ изъ преемниковъ Тайбуги. Между сими двумя родами шла жестокая вражда, и каждый изъ нихъ искалъ себѣ союзниковъ между сильными сосѣдями, именно: въ Бухарскомъ царствѣ, въ Киргизской и Ногайской ордахъ и, наконецъ, въ Московскомъ государствѣ.

Этими внутренними междоусобіями и объясняется та готовность, съ которою князь Сибирскихъ татаръ Едигеръ, потомокъ Тайбуги, призналъ себя данникомъ московскаго царя Ивана IV. Въ 1555 году, послы Едигера явились въ Москву, и, поздравивъ Ивана IV со взятіемъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, били челомъ, чтобы онъ принялъ Сибирскую землю подъ свою защиту и бралъ бы съ нея дань. Ясно, что Едигеръ искалъ у Москвы поддержки въ своей борьбѣ съ Шейбанидами. Иванъ Васильевичъ дѣйствительно принялъ сибирскаго князя и его землю подъ свою руку, наложилъ на него дань по тысячѣ соболей въ годъ и отправилъ къ нему Димитрія Непейцина, которому велѣлъ привести къ присягѣ жителей Сибирской земли и переписать черныхъ людей; число ихъ, по донесенію сибирскихъ пословъ, простиралось до 30.700 человѣкъ. Въ послѣдующіе годы со стороны Москвы возникло неудовольствіе на то, что опредѣленная дань не была доставлена сполна; хотя Едигеръ оправдывался тѣмъ, что его воевалъ шибанскій царевичъ, который много людей увелъ въ плѣнъ. Этотъ шибанскій царевичъ былъ никто иной, какъ столь извѣстный К у ч у м ъ, внукъ хана Ивака. Получивъ помощь или отъ Киргизъ-кайсаковъ, или отъ Ногаевъ, Кучумъ одолѣлъ соперника, убилъ самого Едигера и брата его Бекбулата и завладѣлъ Сибирскимъ царствомъ (около 1563 года). Въ началѣ онъ также призналъ себя данникомъ московскаго государя и учинилъ присягу на вѣрность передъ московскимъ посланцемъ. Московское правительство признало за нимъ титулъ ц а р я (хана), какъ за прямымъ потомкомъ Шейбанидовъ. Но потомъ, когда онъ прочно утвердился въ Сибирской землѣ и распространилъ магометанскую религію между своими Татарами, Кучумъ не только пересталъ платить дань, но и началъ рядъ враждебныхъ дѣйствій противъ нашей сѣ-

веровосточной украйны; причемъ принуждалъ сосѣднія съ нею поколѣнія Остяковъ, вмѣсто Москвы, платить дань ему самому. По всей вѣроятности, происходившія въ то время тяжелыя и неудачныя для насъ войны на западѣ за Ливонію не остались безъ вліянія на сію перемѣну отношеній на дальнемъ сѣверовостокѣ. ([68]).

По словамъ одной Сибирской лѣтописи, въ апрѣлѣ 1579 г. Строгановы послали грамоту къ казацкимъ атаманамъ, разбойничавшимъ на Волгѣ и Камѣ, и приглашали ихъ къ себѣ въ Чусовые городки на помощь противъ Сибирскихъ татаръ и другихъ восточныхъ инородцевъ. Братья Яковъ и Григорій Аникіевы около того времени умерли. Мѣсто ихъ заступили ихъ сыновья: Максимъ Яковлевичъ и Никита Григорьевичъ. Эти-то двоюродные братья или, по крайней мѣрѣ, Максимъ Яковлевичъ и его дядя Семенъ Аникіевичъ обратились съ помянутою грамотою къ волжскимъ казакамъ. На ихъ призывъ откликнулись пять атамановъ: Ермакъ Тимофеевъ, Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвѣй Мещерякъ, которые и прибыли къ нимъ съ своими сотнями, лѣтомъ того же года. Главнымъ вождемъ этой казацкой дружины явился первый изъ названныхъ атамановъ, Ермакъ, котораго имя вскорѣ пріобрѣло такую громкую извѣстность, наравнѣ съ его старшими современниками, Кортецомъ и Пизарро.

Наши скудные источники не даютъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи и предыдущей жизни этого замѣчательнаго историческаго лица. Имѣемъ только одно темное, хотя, можетъ быть, и не лишенное исторической основы, преданіе о томъ, что дѣдъ Ермака былъ посадскій человѣкъ города Суздаля, занимавшійся извозомъ и по обстоятельствамъ удалившійся изъ своего родного города; что самъ Ермакъ, въ крещеніи Василій (по другимъ Германъ), родился гдѣ-то въ Прикамской странѣ, отличался тѣлесною силою, отвагою и даромъ слова; въ молодости работалъ на стругахъ, ходившихъ по Камѣ и Волгѣ, а потомъ пошелъ въ разбой и сдѣлался атаманомъ шайки. Во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній на то, чтобы Ермáкъ принадлежалъ собственно къ Донскому казачеству; скорѣе, это былъ уроженецъ сѣверо-восточной Руси, хорошо знавшій ея пути, промыслы и населеніе, закаленный въ борьбѣ съ суровою сѣверною природою, своею предпріимчивостью, опытностью и удалью вполнѣ воскресившій типъ древняго новгородскаго повольника. Такими же качествами обладало и большинство его товарищей.

Казацкіе атаманы пробыли два года въ Чусовскихъ городкахъ и въ это время помогали Строгановымъ обороняться отъ безпокойныхъ инородцевъ. Такъ, когда мурза Бегбелій съ толпою Вогуличей напалъ на Строгановскія деревни и починки, то казаки разбили ихъ и взяли въ плѣнъ самого Бегбелія. Въ теченіе этого времени казаки сами предпринимали разные поиски противъ вогуличей, вотяковъ и пелымцевъ, и такимъ образомъ приготовили себя къ послѣдующему большому походу на Кучумово ханство. ([69]).

Трудно сказать, кому именно принадлежалъ главный починъ въ этомъ предпріятіи. Однѣ лѣтописи всецѣло приписываютъ его Строгановымъ, которые будто-бы послали казаковъ покорять Сибирское царство. Другія говорятъ, что казаки, съ Ермакомъ во главѣ, по собственному замыслу, самостоятельно предприняли этотъ походъ; причемъ угрозами заставили Строгановыхъ снабдить ихъ всѣми нужными для того запасами, съѣстными и огнестрѣльными. Съ вѣроятностью можно предположить, что починъ былъ обоюдный, но со стороны казаковъ болѣе добровольный, со стороны же Строгановыхъ болѣе вынужденный обстоятельствами. Казацкая дружина, прибывшая въ Чусовые городки, была не такого характера, не такихъ привычекъ, чтобы долгое время могла спокойно нести скучную сторожевую службу, покорно подчиняться мѣстнымъ купцамъ-землевладѣльцамъ и довольствоваться скудною добычею въ сосѣднихъ инородческихъ краяхъ. Много требовалось искусства и терпѣнія сдерживать эту буйную толпу отъ обидъ и грабежей, которые она причиняла самимъ мѣстнымъ жителямъ. По всей вѣроятности, она скоро сдѣлалась бременемъ для собственнаго края. А между тѣмъ преувеличенныя извѣстія о широкомъ рѣчномъ раздольѣ за Каменнымъ Поясомъ, о богатствахъ, собранныхъ Кучумомъ и его Татарами съ слабыхъ, невоинственныхъ сибирскихъ народцевъ, и, наконецъ, жажда удалыхъ подвиговъ, которыми можно было бы смыть съ себя тяжкіе прошлые грѣхи—все это возбудило сильное желаніе идти въ малоизвѣданную страну и попытать тамъ счастья. Подобнымъ настроеніемъ, конечно, руководились въ особенности атаманы и болѣе всѣхъ Ермакъ Тимофеевичъ; судя по его послѣдующей предводительской роли, онъ-то, вѣроятно, и былъ главнымъ двигателемъ всего предпріятія и склонилъ самихъ Сроганововыхъ способствовать ему. Послѣдніе избавлялись такимъ образомъ отъ безпокойной толпы казаковъ и приводили въ исполненіе давнюю мысль свою собственную и московскаго правительства: о пе-

ренесеніи борьбы съ Сибирскими татарами въ ихъ собственную землю за Уральскій хребетъ и наказаніи хана, переставшаго платить дань Москвѣ.

Какъ бы то ни было, Ермакъ съ товарищами принялся нагружать суда всѣми нужными запасами. Строгановы снабдили казаковъ провіантомъ, необходимымъ для дальняго пути, а именно: ветчиной, толокномъ, мукой, крупой, солью, а также ружьями, пищалями, свинцомъ и порохомъ. Мало того, дали имъ еще 300 человѣлъ изъ собственныхъ ратныхъ людей, въ числѣ которыхъ, кромѣ Русскихъ, были наемные Литовцы, Нѣмцы и Татары; дали имъ также провожатыхъ и толмачей, знавшихъ сибирскіе пути и языки. Казаковъ на лицо было 540. Слѣдовательно, число всего отряда простиралось свыше 800 человѣкъ. Отправляясь въ такой дальній и трудный походъ, казаки сознавали, что его успѣхъ былъ бы невозможенъ безъ строгаго военнаго порядка (дисциплины); потому за нарушеніе его атаманы уставили разныя наказанія: такъ, блудниковъ положено публично мыть и потомъ сажать на три дня въ оковы, а ослушниковъ и бѣглецовъ топить въ рѣкѣ. Предстоявшіе труды и опасности напомнили казакамъ о церкви Божіей и сдѣлали ихъ богомольными; говорятъ, что Ермака сопровождали три священника и одинъ монахъ, которые ежедневно совершали божественную службу. Приготовленія къ походу потребовали не мало времени; такъ что самый походъ начался довольно поздно, уже въ сентябрѣ 1581 года. Помолясь Богу, воины сѣли на суда и при звукѣ военныхъ трубъ и сопѣлей отплыли вверхъ по Чусовой. Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія они вошли въ ея притокъ, рѣчку Серебрянку, и достигли волока, который отдѣляетъ систему рѣки Камы отъ сибирскихъ рѣкъ, именно отъ Обской системы. Пришлось употребить немало трудовъ и усилій, чтобы перебраться со всѣми тяжестями черезъ этотъ волокъ и спуститься въ ближайшую рѣчку Жеравлю; только немногія наиболѣе легкія лодки удалось перетащить, а нѣкоторыя застряли на самомъ волокѣ. Наступило уже ненастное холодное время, рѣки стали покрываться льдомъ, и гдѣ-то около этого волока казаки должны были зазимовать. Они поставили себѣ острожекъ, откуда одна ихъ часть на лыжахъ и нартахъ предпринимала поиски въ сосѣдніе вогульскіе края за съѣстными припасами и всякою добычею; а другая строила новыя лодки и изготовляла все нужное для весенняго похода. Когда наступило половодье, дружина сѣла на суда и Жеравлею спустилась въ рѣчку Баранчу, Баранчею въ

Тагилъ, а Тагиломъ выплыла въ Туру, притокъ Тобола, и такимъ образомъ вступила въ предѣлы Сибирскаго ханства. На берегахъ Туры стоялъ остяцко-татарскій юртъ Чингиди (Тюмень), которымъ владѣлъ или родственникъ Кучума, или просто его данникъ мѣстный князекъ Епанча (или Епанза). Тутъ произошла первая, упоминаемая въ сибирскихъ лѣтописяхъ, битва, которая окончилась совершеннымъ пораженіемъ и бѣгствомъ епанчинскихъ Татаръ. Турою казаки вошли въ рѣку Тоболъ и тамъ на устьѣ Тавды имѣли второе удачное дѣло съ Татарами. Бѣглецы татарскіе принесли Кучуму вѣсти о пришествіи русскихъ воиновъ; при чемъ (по словамъ сибирскихъ лѣтописей) оправдывали свое пораженіе дѣйствіемъ незнакомыхъ имъ ружей, которыя считали особыми луками: «когда русскіе стрѣляютъ изъ луковъ своихъ, тогда отъ нихъ пашетъ огонь, и дымъ великій исходитъ, и громъ грянетъ какъ будто съ небеси; стрѣлъ невидно, а раны наносятъ смертельныя, и никакими ратными сбруями невозможно отъ нихъ ущититься: куяки наши, и бехтерцы, и пансыри, и кольчуги все пробиваютъ на вылетъ». Вѣсти эти сильно опечалили Кучума и смутили его тѣмъ болѣе, что разныя знаменія, если вѣрить народному преданію, уже предрекали ему приходъ русскихъ людей и паденіе его царства. Между прочимъ оно разсказываетъ слѣдующее. На Иртышѣ противъ устья Тобола былъ песчаный островокъ, и окрестные жители будто-бы не разъ видѣли, какъ на этотъ островокъ выходили два звѣря, одинъ изъ Иртыша, другой изъ Тобола, и бились между собою. Первый большой, бѣлый, косматый, подобный волку, а второй небольшой, черный, похожій на гончаго пса; второй убивалъ перваго и обратно уходилъ въ воду; но и первый чрезъ нѣсколько времени вставалъ и скрывался въ водѣ. Когда донесли Кучуму объ этомъ явленіи, онъ вопросилъ волхвовъ и гадателей, и тѣ объяснили ему, что большой звѣрь означаетъ его царство, а малый русскаго воина, который придетъ и возьметъ это царство. (Любопытныя черты сходства съ преданіями о завоеваніи Мексики Кортецомъ).

Сибирскій ханъ однако не теряетъ времени и спѣшитъ принять дѣятельныя мѣры для своей обороны. Онъ собираетъ повсюду своихъ князей и мурзъ съ татарами, кромѣ нихъ еще толпы подвластныхъ остяковъ и вогуловъ, и посылаетъ ихъ подъ начальствомъ своего близкаго родственника, храбраго царевича Магметкула навстрѣчу казакамъ. А самъ между тѣмъ устраиваетъ земляныя укрѣпленія и засѣки около устья Тобола, подъ такъ называемой Чувашевой

горой, чтобы преградить доступъ къ своей столицѣ, городку Сибири, расположенному, какъ сказано, на Иртышѣ, нѣсколько ниже впаденія въ него Тобола.

Послѣдовалъ рядъ кровопролитныхъ битвъ, въ которыхъ обѣ стороны дрались съ большимъ упорствомъ. Магметкулъ сначала встрѣтилъ казаковъ около урочища, именуемаго Бабасаны. Тутъ казаки вышли на берегъ и вступили въ сраженіе. Ни конница татарская, ни стрѣлы, ни копья непріятельскія не устояли противъ мужества казаковъ и ихъ пищалей. Магметкулъ бѣжалъ назадъ къ засѣкѣ подъ Чувашевой горой. Казаки поплыли далѣе по Тоболу и дорогою овладѣли улусомъ карачи или главнаго совѣтника Кучумова, гдѣ нашли склады меду и всякаго добра, принадлежавшаго хану. Достигнувъ устья Тобола, они сначала уклонились отъ помянутой засѣки, повернули вверхъ по Иртышу, взяли на его берегу городокъ мурзы Атика и расположились тутъ на отдыхъ, обдумывая дальнѣйшій планъ дѣйствія. Большое скопище непріятелей, укрѣпившихся подъ Чувашевымъ, заставило ихъ призадуматься. Собрался казачій кругъ для рѣшенія вопроса: идти ли впередъ или воротиться. Нѣкоторые голоса совѣтовали отступить. Но болѣе мужественные и энергичные возстали противъ такого совѣта, напоминали данный передъ походомъ клятвенный обѣтъ стоять всѣмъ за одинъ и скорѣе пасть до единаго человѣка, чѣмъ со срамомъ бѣжать назадъ. При томъ уже наступала глубокая осень, скоро рѣки должны были покрыться льдомъ, и обратное плаваніе дѣлалось крайне опаснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что самымъ краснорѣчивымъ и самымъ рѣшительнымъ противникомъ отступленія былъ Ермакъ, который сумѣлъ ободрить товарищей и вдохнуть въ нихъ единодушную рѣшимость побѣдить или умереть. 23 октября рано по утру казаки, помолясь Богу, вышли изъ городка. При кликахъ: «съ нами Богъ!» «Господь помози рабомъ своимъ!» они ударили на засѣку, и начался самый упорный бой. Непріятели встрѣтили нападающихъ тучею стрѣлъ и многихъ переранили. Несмотря на отчаянные приступы, казаки не могли одолѣть укрѣпленія и начали изнемогать. Тогда Татары, считая себя уже побѣдителями, сами въ трехъ мѣстахъ разломали засѣку и сдѣлали вылазку. Но тутъ въ отчаянной рукопашной схваткѣ казаки показали, насколько они крѣпче непріятелей духомъ и тѣломъ; Татары были побѣждены и бросились назадъ; вслѣдъ за ними Русскіе ворвались въ засѣку и водрузили на ней свои знамена. Остяцкіе князьки первые покинули мѣсто боя

и съ своими толпами ушли домой. Царевичъ Магметкулъ, раненый, спасся въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Кучумъ съ своими мурзами и уланами наблюдалъ за битвою съ вершины горы и приказывалъ мулламъ читать молитвы, призывая на помощь Аллаха и Магомета. Увидѣвъ бѣгство всего войска, онъ и самъ поспѣшилъ въ свою столицу Сибирь; но не остался въ ней, ибо уже некому было оборонять ее; а, захвативъ съ собою что можно изъ своего добра, бѣжалъ на югъ въ Ишимскія степи. Узнавъ о бѣгствѣ Кучума, 26 октября 1582 года, въ день св. Димитрія Солунскаго, Ермакъ съ казаками вошелъ въ пустой городъ Сибирь; здѣсь они нашли цѣнную добычу, которую раздѣлили между собою, въ томъ числѣ много золота, серебра, разныхъ тканей и особенно мѣховъ собольихъ, лисьихъ и куньихъ. Спустя нѣсколько дней, жители начали возвращаться: первымъ пришелъ остяцкій князекъ со своими людьми и принесъ Ермаку и его дружинѣ дары и съѣстные припасы; затѣмъ мало-по-малу возвращались и Татары съ женами и дѣтьми.

Итакъ, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ и почти баснословныхъ подвиговъ, казаки водрузили русскія знамена въ столицѣ Сибирскаго царства. Хотя огнестрѣльное оружіе и давало имъ сильное преимущество передъ туземными народцами, однако при оцѣнкѣ ихъ подвига нужно имѣть въ виду, что на сторонѣ враговъ было огромное численное превосходство: по словамъ лѣтописей русскіе воины имѣли противъ себя будто-бы въ 20 и даже въ 30 разъ большее количество непріятелей. Только необычайная крѣпость духа и тѣла помогли казакамъ одолѣть столько враговъ. А эти дальніе походы по незнакомымъ рѣкамъ и странамъ при всѣхъ перемѣнахъ суроваго сѣвернаго климата показываютъ, до какой степени Ермакъ и его товарищи были людьми бывалыми, закаленными въ лишеніяхъ, привычными къ такого рода трудамъ и къ борьбѣ съ сѣверною природою.

Завоеваніемъ Кучумовой столицы однако война далеко еще не кончилась. Самъ Кучумъ нисколько не считалъ для себя потеряннымъ свое царство, которое на половину состояло изъ кочевыхъ татарскихъ улусовъ и бродячихъ инородцевъ; сосѣднія степи, куда казаки не могли за нимъ слѣдовать, представляли ему надежное убѣжище; отсюда онъ могъ дѣлать внезапныя нападенія на казаковъ, и потому борьба съ нимъ затянулась потомъ на довольно продолжительное время. Особенно опасенъ былъ предпріимчивый царевичъ

Магметкулъ, скоро успѣвшій оправиться отъ своихъ ранъ. Уже въ ноябрѣ или декабрѣ того же года онъ подстерегъ небольшой отрядъ казаковъ, безпечно занимавшихся рыбною ловлею на ближнемъ Абалацкомъ озерѣ, и нечаяннымъ нападеніемъ почти всѣхъ перебилъ. Это была первая чувствительная потеря, которая очень огорчила Ермака и всю дружину. Ермакъ началъ изыскивать средства къ отмщенію. Наконецъ слѣдующею весною отъ одного преданнаго себѣ татарина онъ узналъ, что Магметкулъ расположился станомъ на рѣкѣ Вагаѣ (лѣвый притокъ Иртыша между Тоболомъ и Ишимомъ), верстъ за сто отъ города Сибири. Посланный противъ него отрядъ казаковъ, въ свою очередь, внезапно напалъ ночью на его станъ и многихъ Татаръ убилъ, а самого царевича захватилъ въ плѣнъ живымъ. Потеря храбраго царевича нанесла сильный ударъ Кучуму и на нѣкоторое время обезопасила казаковъ отъ его предпріятій. Но число ихъ уже сильно убавилось; военные запасы истощались, тогда какъ предстояло еще много трудовъ и битвъ, чтобы докончить покореніе Сибирской земли и упрочить тамъ русское владычество. Поэтому была настоятельная нужда въ русской помощи.

Уже вскорѣ по взятіи города Сибири Ермакъ и его товарищи отправили къ Строгановымъ вѣсти о своихъ успѣхахъ; а потомъ съ тѣми же вѣстями послали въ Москву къ самому царю Ивану Васильевичу атамана Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками и съ дорогими сибирскими соболями, а также съ просьбою прислать имъ царскихъ ратныхъ людей на помощь.

Межъ тѣмъ какъ доблестная казацкая дружина завоевывала Москвѣ новое татарское царство, въ Пермскомъ краю произошло событіе, которое навлекло на Строгановыхъ гнѣвъ Грознаго царя и новую опалу на товарищей Ермака. Пользуясь тѣмъ, что въ Пермскомъ краю оставалось мало ратныхъ людей, какой-то пелымскій (вогульскій) князь пришелъ съ толпами остяковъ, вогуловъ и вотяковъ, доходилъ до Чердыни, т. е. до главнаго города этого края, а потомъ обратился на Камское Усолье, Канкоръ, Кергеданъ и Чусовскіе городки, выжигая окрестныя села, погосты и посады и забирая въ плѣнъ крестьянъ. Строгановы едва отстояли отъ непріятелей свои городки. Чердынскій воевода Василій Пелепелицынъ, можетъ быть, и безъ того недовольный привилегіями Строгановыхъ и ихъ неподсудностію себѣ, воспользовался этимъ нападеніемъ для ихъ обвиненія. Въ своемъ донесеніи царю Ивану Васильевичу всю

вину претерпѣннаго Пермскимъ краемъ опустошенія онъ свалилъ на Строгановыхъ: они-де безъ царскаго указа призвали въ свои остроги воровскихъ казаковъ, на вогуличей и вотяковъ посылали и ихъ задрали, съ сибирскимъ салтаномъ ссорили русскихъ людей; когда же пришелъ пелымскій князь, государевымъ городамъ своими ратными людьми не помогли; а Ермакъ съ товарищами, вмѣсто того чтобы оборонять Пермскую землю, пошелъ воевать на вогуловъ, остяковъ и татаръ. Вслѣдствіе этого донесенія Строгановымъ отправлена изъ Москвы немилостивая царская грамота, подписанная дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ и помѣченная 16-мъ ноября 1582 года. Этою грамотою повелѣвалось Строгановымъ впредь казаковъ у себя не держать, а волжскихъ атамановъ, Ермака Тимофеева съ товарищами, прислать въ Пермь (т. е. Чердынь) и Камское Усолье, гдѣ они должны стоять не вмѣстѣ, а раздѣлясь; у себя же позволялось оставить не болѣе ста человѣкъ съ однимъ атаманомъ. Если же этого повелѣнія не будетъ въ точности исполнено, и опять надъ пермскими мѣстами учинится какая бѣда отъ вогуловъ и сибирскаго салтана, то на Строгановыхъ будетъ наложена «большая опала». Въ Москвѣ, очевидно, не знали ничего о сибирскомъ походѣ и требовали присылки въ Чердынь Ермака съ казаками, которые въ это время уже располагались на берегахъ Иртыша въ средоточіи Сибирскаго ханства. Понятно, что, получивъ сію грамоту, Строгановы были «въ великой печали». Они понадѣялись на данное имъ прежде разрѣшеніе заводить городки за Каменнымъ Поясомъ и воевать сибирскаго салтана, а потому и отпустили туда казаковъ, не сносясь ни съ Москвою, ни съ пермскимъ воеводою. Недолго однако длилась ихъ печаль. Вскорѣ подоспѣла радостная вѣсть отъ Ермака съ товарищами объ ихъ необыкновенной удачѣ. Съ этою вѣстью Строгановы лично поспѣшили въ Москву. А потомъ прибыло туда же и казацкое посольство во главѣ съ опальнымъ атаманомъ Кольцо (когда-то осужденнымъ на смерть за разбои). Разумѣется, объ опалахъ не могло быть болѣе и рѣчи. Государь принялъ атамана и казаковъ очень ласково, наградилъ деньгами и сукнами и опять отпустилъ въ Сибирь, пославъ атаманамъ и казакамъ свое милостивое слово и многіе подарки за вѣрную службу. Говорятъ, что Ермаку онъ послалъ шубу съ своего плеча, серебряный кубокъ и два панцыря. На подкрѣпленіе имъ онъ потомъ отправилъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ нѣсколькими сотнями ратныхъ людей. Плѣннаго царевича Магметкула царь ве-

лѣлъ привезти въ Москву, гдѣ онъ потомъ былъ пожалованъ вотчинами и занялъ мѣсто между служилыми татарскими князьями. Строгановы были награждены новыми торговыми льготами и еще двумя земельными пожалованіями, Большою и Малою Солью. ([70]).

Послѣ взятія въ плѣнъ Магметкула казаки стали болѣе обезпечены со стороны Кучума, который въ то время былъ отвлеченъ и возобновившеюся борьбою съ соперникомъ своимъ, т. е. съ родомъ Тайбуги. Они употребили это время на то, чтобы докончить покореніе (собственно обложеніе данью) остяцкихъ и вогульскихъ волостей, входившихъ въ составъ Сибирскаго ханства. Изъ города Сибири они ходили по Иртышу и Оби, и между прочимъ на берегахъ послѣдней взяли остяцкій городъ Казымъ, при чемъ плѣнили мѣстнаго князька; но тутъ на приступѣ они потеряли одного изъ своихъ атамановъ, Никиту Пана. Вообще число завоевателей сильно убавилось; едва-ли ихъ оставалась и половина; съ нетерпѣніемъ ожидали они помощи изъ Россіи. Только осенью 1584 года наконецъ приплыли на стругахъ Болховской и Глуховъ; но они привели съ собою не болѣе 300 человѣкъ—помощь слишкомъ недостаточная для того, чтобы упрочить за Россіей завоеваніе такого обширнаго пространства, когда на вѣрность только-что покоренныхъ мѣстныхъ князьковъ еще нельзя было положиться и когда нашъ главный, непримиримый врагъ, Кучумъ, еще жилъ и дѣйствовалъ во главѣ своей татарской орды. Казаки съ радостью встрѣтили московскихъ ратныхъ людей и привезенные ими царскіе подарки. Но приходилось раздѣлить съ пришедшими свои и безъ того скудные съѣстные запасы; наступившею зимою отъ недостатка продовольствія открылась смертность въ городѣ Сибири. Тогда же умеръ и князь Болховской. Только весною, благодаря обильному улову рыбы и всякой дичи, а также хлѣбу и скоту, доставленнымъ отъ окрестныхъ инородцевъ, миновало бѣдствіе, и Русскіе оправились отъ голоднаго времени. Такъ какъ князь Болховской, повидимому, былъ назначенъ сибирскимъ воеводою, которому казацкіе атаманы должны были сдать городъ и сами подчиниться, то смерть его избавляла горсть русскихъ людей отъ неизбѣжнаго впослѣдствіи соперничества и несогласія начальниковъ; ибо едва-ли атаманы охотно отказались бы отъ своей самостоятельности и своей первенствующей роли въ новозавоеванной землѣ. Со смертью Болховскаго соперничество устранялось; Ермакъ снова и окончательно сталъ во главѣ соединеннаго казацко-московскаго отряда.

Доселѣ русское дѣло въ Сибири шло вообще хорошо, и удача сопровождала почти всѣ предпріятія Ермака. Но—какъ это обыкновенно бываетъ въ жизни и отдѣльныхъ историческихъ лицъ, и цѣлыхъ народовъ—счастье наконецъ стало измѣнять; наступили невзгоды, и дѣла приняли дурной оборотъ. Продолжительная удача ослабляетъ постоянную напряженную предосторожность и порождаетъ безпечность; а сія послѣдняя въ свою очередь ведетъ за собою бѣдственныя неожиданности. Такъ было и въ Сибири съ ея первыми завоевателями.

Одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ-данниковъ, которому лѣтописи даютъ званіе карачи, т. е. бывшаго ханскаго совѣтника, задумалъ измѣну и прислалъ къ Ермаку своихъ пословъ съ просьбою оборонить его отъ Ногаевъ (вѣроятно Кучумовыхъ союзниковъ). Послы шертвовали, т. е. присягнули въ томъ, что не мыслятъ никакого зла противъ Русскихъ. Ермакъ и другіе атаманы повѣрили ихъ клятвѣ. Иванъ Кольцо и съ нимъ сорокъ казаковъ отправились въ городокъ карачи, были ласково приняты, и потомъ—вѣроятно, во время сна, отдыха или пирушки—вѣроломно всѣ умерщвлены. Вѣсть о ихъ гибели была тяжкимъ ударомъ для русской дружины. Для отмщенія за нихъ, посланъ былъ отрядъ съ атаманомъ Яковомъ Михайловымъ; но и этотъ отрядъ (вѣроятно, попавъ въ засаду) былъ также истребленъ вмѣстѣ съ своимъ атаманомъ. Послѣ того окрестные инородцы легко склонились на увѣщанія карачи и подняли возстаніе противъ Русскихъ. Съ большою толпою Татаръ и Остяковъ онъ пришелъ подъ самый городъ Сибирь и осадилъ его. Весьма возможно, что онъ находился въ тайныхъ сношеніяхъ съ своимъ бывшимъ ханомъ Кучумомъ и слѣдовалъ его внушеніямъ. Русская дружина, ослабленная помянутыми потерями, принуждена была запереться въ городѣ и выдерживать осаду. Послѣдняя затянулась, и Русскіе начали уже испытывать сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ: карача надѣялся выморить ихъ голодомъ. Но отчаяніе придаетъ силы и рѣшимости. Въ одну іюньскую ночь казаки раздѣлились на двѣ части: одна осталась съ Ермакомъ стеречь городъ; а другая съ атаманомъ Матвѣемъ Мещерякомъ незамѣтно вышла въ поле и прокралась къ стану самого карачи, отдѣльно стоявшему за нѣсколько верстъ отъ города. Тутъ много непріятелей было избито, въ томъ числѣ и два сына карачи; а самъ онъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На разсвѣтѣ, когда въ главномъ станѣ осаждавшихъ узнали о вылазкѣ казаковъ, толпы непріятелей

поспѣшили на помощь карачи и окружили малочисленную дружину казаковъ. Но послѣдніе огородились карачинскимъ обозомъ и встрѣтили враговъ ружейнымъ огнемъ. Наконецъ дикари не выдержали и разсѣялись. Городъ освободился отъ осады; а вмѣстѣ съ тѣмъ окрестныя племена снова признали себя нашими данниками и снабдили Русскихъ съѣстными припасами. Послѣ того Ермакъ предпринялъ удачный походъ вверхъ по Иртышу для утвержденія русскаго владычества въ той сторонѣ и, можетъ быть, для поиска за Кучумомъ, который, какъ мы сказали, едва-ли былъ чуждъ помянутому возстанію карачи. Но изворотливый, неутомимый Кучумъ былъ неуловимъ въ своихъ Ишимскихъ степяхъ и строилъ новыя козни на погибель Русскимъ.

Едва Ермакъ воротился въ Сибирь и расположился на отдыхъ, какъ къ нему приходитъ извѣстіе, будто караванъ бухарскихъ купцовъ шелъ съ товарами въ городъ Сибирь, но гдѣ-то остановился, ибо Кучумъ не даетъ ему дороги! Прибытіе бухарскаго каравана и вообще возобновленіе торговыхъ сношеній Сибири съ средней Азіей было событіемъ весьма желаннымъ для казаковъ, собиравшихъ богатыя дани дорогими мѣхами, на которые они могли бы вымѣнивать шерстяныя и шелковыя ткани, ковры, оружіе, пряности, сухіе фрукты и прочіе предметы среднеазіатской промышленности. Ермакъ былъ обрадованъ вѣстью о караванѣ, и, въ первыхъ числахъ августа, лично съ небольшимъ отрядомъ поплылъ навстрѣчу купцамъ вверхъ по Иртышу. Казацкіе струги достигли устья Вагая, однако никого не было видно, ни бухарцевъ, ни Кучумовыхъ татаръ. Ермакъ поднялся еще немного по Вагаю; та же пустыня. Онъ поплылъ назадъ. Въ одинъ темный, бурный вечеръ онъ присталъ къ берегу и тутъ нашелъ свою погибель. Подробности ея навсегда остались неизвѣстны для исторіи и сдѣлались достояніемъ легенды; но уже сама по себѣ, касающаяся замѣчательнаго историческаго лица, она заслуживаетъ передачи, и тѣмъ болѣе, что не лишена нѣкоторой степени правдоподобія.

Вотъ что она разсказываетъ:

Казаки пристали собственно къ острову, образуемому протокомъ или рукавомъ Иртыша: а потому, считая себя въ безопасности, расположились тутъ станомъ и предались отдохновенію, не поставивъ стражи. Утомленные труднымъ походомъ, всѣ они погрузились въ глубокій сонъ. А между тѣмъ Кучумъ былъ недалеко. (Самая вѣсть о небываломъ бухарскомъ караванѣ едва-ли не была пущена

имъ же для того, чтобы заманить Ермака въ засаду). Его лазутчики скрытно слѣдили за всѣми движеніями казаковъ и донесли хану объ ихъ остановкѣ на ночлегъ. У Кучума былъ одинъ татаринъ, осужденный на смертную казнь. Ханъ послалъ его искать конскаго броду на островъ, обѣщая помилованіе въ случаѣ удачи. Татаринъ перебрелъ рѣку или рукавъ ея и воротился съ вѣстью о полной безпечности казаковъ. Кучумъ сначала не повѣрилъ и велѣлъ принести какое-либо доказательство. Татаринъ отправился въ другой разъ и принесъ три казацкихъ пищали и три лядунки съ порохомъ. Тогда Кучумъ посылаетъ на островъ толпу татаръ. При шумѣ дождя и завываніи вѣтра, Татары неслышно прокрались къ стану и затѣмъ принялись избивать сонныхъ казаковъ. Легенда прибавляетъ, что проснувшійся Ермакъ бросился въ рѣку къ своему стругу, но попалъ на глубокое мѣсто; тутъ, имѣя на себѣ желѣзную броню, онъ не могъ выплыть и утонулъ. Какъ бы то ни было, при семъ внезапномъ нападеніи весь казацкій отрядъ былъ истребленъ вмѣстѣ съ своимъ вождемъ. Такъ погибъ этотъ русскій Кортецъ и Пизарро, этотъ храбрый, «велеумный» атаманъ, какъ его называютъ сибирскія лѣтописи, изъ удалыхъ разбойниковъ силою обстоятельствъ и своихъ богатыхъ дарованій превратившійся въ героя, котораго слава никогда не изгладится изъ народной памяти.

Несомнѣнно, что два важныя обстоятельства помогли казацко-русской дружинѣ при первомъ завоеваніи Сибирскаго ханства: съ одной стороны огнестрѣльное оружіе, соединенное съ закаленностью въ военныхъ трудахъ и лишеніяхъ; съ другой—внутреннее состояніе самого ханства, ослабленнаго междоусобіями двухъ соперничествующихъ родовъ, а также недовольствомъ многихъ мѣстныхъ язычниковъ противъ насильно вводимаго Кучумомъ мусульманства; понятно, что сибирскіе шаманы съ ихъ кудесами и идольскими жертвами неохотно уступали свое мѣсто магометанскимъ мулламъ. Но была еще третья важная причина успѣха—это личность самого «начальнаго» атамана Ермака Тимофеевича, его неодолимое мужество, опытность и знаніе военнаго дѣла, его предводительскій талантъ, безъискусственное краснорѣчіе и желѣзная сила характера. О послѣдней ясно свидѣтельствуетъ порядокъ и повиновеніе, т. е. та воинская дисциплина, которую онъ сумѣлъ водворить въ своей дружинѣ между вольными казаками, съ ихъ буйными нравами, съ ихъ привычкою къ разгулу и своеволію.

Гибель Ермака воочію подтвердила, что онъ дѣйствительно былъ главнымъ двигателемъ и душою всего предпріятія. Когда вѣсть о ней достигла города Сибири, остававшаяся казацкая дружина не только горько оплакала потерю своего вождя, но и тотчасъ рѣшила, что безъ него, при своей малочисленности, она не можетъ держаться посреди ненадежныхъ туземцевъ противъ Сибирскихъ татаръ, избавившихся отъ ихъ главной грозы, т. е. отъ Ермака. Казаки и московскіе ратные люди, въ числѣ не болѣе полутораста человѣкъ, немедленно покинули городъ Сибирь съ стрѣлецкимъ головою Иваномъ Глуховымъ и Матвѣемъ Мещерякомъ, единственнымъ оставшимся у нихъ изъ пяти атамановъ; дальнимъ сѣвернымъ путемъ по Иртышу и Оби они отправились обратно за Камень. Едва Русскіе очистили Сибирь, какъ Кучумъ послалъ сына Алея занять свой стольный городъ. Но онъ не долго здѣсь удержался. Выше мы видѣли, что владѣвшій Сибирью князь Тайбугина рода Едигеръ и братъ его Бекбулатъ погибли въ борьбѣ съ Кучумомъ. Послѣ Бекбулата остался маленькій сынъ, по имени Сейдякъ. Онъ нашелъ убѣжище въ Бухарѣ, выросъ тамъ и теперь явился мстителемъ за отца и дядю. Получивъ помощь отъ бухарцевъ и киргизовъ, Сейдякъ возобновилъ борьбу съ Кучумомъ. Послѣдній былъ побѣжденъ; Алей изгнапъ изъ Сибири, и сей стольный городъ перешелъ въ руки Сейдяка.

Такимъ образомъ татарское царство въ Сибири было возстановлено, и завоеваніе Ермака казалось утраченнымъ. Но это только казалось. Русскіе уже узнали дорогу въ Сибирь, извѣдали слабость, разноплеменность этого царства и его естественныя богатства; они уже считали его своимъ достояніемъ и не замедлили вернуться.

Ошибку Ивана IV, недостаточно оцѣнившаго трудное положеніе завоевателей въ Сибири, спѣшило исправить слѣдующее правительство Ѳедора Ивановича, которое отправляетъ туда одинъ отрядъ за другимъ. Еще не зная о гибели Ермака и уходѣ русской дружины изъ Сибири, московское правительство лѣтомъ 1585 года послало ей на помощь воеводу Ивана Мансурова съ сотнею стрѣльцовъ и другихъ ратныхъ людей и — что̀ особенно важно — съ пушкою. На этомъ походѣ съ нимъ соединился остатокъ первыхъ завоевателей съ атаманомъ Мещерякомъ. Найдя городъ Сибирь уже занятымъ Татарами, воевода проплылъ мимо, спустился по Иртышу до его впаденія въ Обь, остановился здѣсь на зимовку и поставилъ городокъ. Мѣстные народцы думали, что они уже избавились отъ русскаго подданства, и нисколько не желали подчиниться ему снова.

Приходилось вновь начинать дѣло покоренія; но на сей разъ оно пошло легче и быстрѣе съ помощью опыта и по проложеннымъ путямъ. Окрестные Остяки собрались вокругъ русскаго городка и попытали взять его; но были отбиты. Тогда, по словамъ лѣтописей, они принесли своего главнаго идола, пользовавшагося большимъ поклоненіемъ; поставили его подъ деревомъ и начали творить ему жертвы, прося помощи противъ христіанъ. Русскіе навели на него свою пушку; раздался выстрѣлъ, и дерево вмѣстѣ съ идоломъ было разбито въ щепы. Остяки въ страхѣ разсѣялись, и оставили Русскихъ въ покоѣ. Мало того, остяцкій князь Лугуй, который владѣлъ шестью городками по рѣкѣ Оби, первый изъ мѣстныхъ владѣтелей отправился въ Москву, гдѣ билъ челомъ, чтобы государь принялъ его въ число своихъ данниковъ и не велѣлъ воевать его своимъ ратнымъ людямъ, сидѣвшимъ на Усть-Иртышѣ. Съ нимъ обошлись ласково и наложили на него дань въ семь сороковъ лучшихъ соболей. Вслѣдъ за Мансуровымъ прибыли въ Сибирскую землю воеводы Сукинъ и Мясной и начали съ того, что на рѣкѣ Турѣ, на мѣстѣ стараго городка Чингія, построили крѣпость Тюмень и въ ней воздвигли христіанскій храмъ. А въ слѣдующемъ 1587 году, послѣ прибытія новыхъ подкрѣпленій, голова Данила Чулковъ отправился изъ Тюмени далѣе, спустился по Тоболу до его устья и здѣсь на высокомъ берегу Иртыша основалъ Тобольскъ, въ которомъ построилъ двѣ церкви; этотъ городъ вскорѣ сдѣлался средоточіемъ русскихъ владѣній въ Сибири, благодаря своему выгодному положенію въ узлѣ сибирскихъ рѣкъ, т. е. главныхъ путей сообщенія. Такимъ образомъ, вмѣсто далекихъ и трудныхъ походовъ первыхъ завоевателей, московское правительство и здѣсь употребило обычную свою систему: распространять и упрочивать свое владычество на окрайнахъ постепеннымъ построеніемъ крѣпостей.

Тобольскъ явился неподалеку отъ прежняго средоточія Сибирскаго царства, т. е. отъ города Сибири. Такое сосѣдство сильно стѣснило татарскаго князя Сейдяка Бекбулатовича. Онъ попытался на открытую борьбу съ Русскими; собралъ сколько могъ войска и приступилъ къ Тобольску. Но выстрѣлами изъ пищалей и пушекъ Русскіе отразили приступы Татаръ; а потомъ сдѣлали вылазку и окончательно ихъ разбили; при чемъ самъ Сейдякъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Этотъ бой замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ немъ палъ Матвѣй Мещерякъ, послѣдній изъ пяти извѣстныхъ атамановъ. По другому извѣстію, съ Сейдякомъ покончили инымъ способомъ. Будто-бы съ однимъ кир

гизъ-кайсацкимъ царевичемъ и карачою, бывшимъ Кучумовымъ вельможею, теперь перешедшимъ на сторону Сейдяка, сей послѣдній задумалъ захватить Тобольскъ хитростью; для чего пришелъ съ 500 человѣкъ и расположился на лугу подлѣ города, подъ предлогомъ охоты. Догадываясь о его замыслѣ, Чулковъ притворился его пріятелемъ и пригласилъ его въ гости, а также для переговоровъ о мирѣ. Сейдякъ съ царевичемъ и карачою вошелъ въ городъ въ сопровожденіи сотни своихъ Татаръ, которыхъ однако Русскіе при въѣздѣ въ городъ обезоружили. Во время пиршества, когда воевода пригласилъ своихъ гостей выпить за здоровье государя, тѣ будто-бы стали пить и поперхнулись. Тогда воевода объявилъ, что у нихъ на умѣ недобрый замыселъ, и велѣлъ ихъ схватить. Послѣ чего они были отправлены въ Москву, въ 1588 году. (Полагаютъ, что упомянутый здѣсь киргизскій салтанъ или царевичъ былъ не кто иной какъ Уразъ-Мухамедъ, который потомъ, въ царствованіе Бориса Годунова, посаженъ ханомъ въ Касимовѣ). Послѣ того стольный татарскій городъ Сибирь былъ оставленъ Татарами и мало-помалу запустѣлъ.

Покончивъ съ Сейдякомъ, русскіе воеводы принялись за Кучума, который оставался еще на свободѣ, кочевалъ въ Барабинской степи и оттуда продолжалъ своими нападеніями тревожить Русскихъ, упорно не признавая ихъ владычества въ своемъ бывшемъ ханствѣ. Онъ получалъ помощь отъ сосѣднихъ Ногаевъ, съ князьями которыхъ находился въ близкомъ свойствѣ, женивъ нѣкоторыхъ своихъ сыновей на ихъ дочеряхъ и выдавъ за нихъ собственныхъ дочерей. Къ нему же примкнула теперь и часть мурзъ осиротѣлаго Тайбугина улуса. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Масальскій ходилъ въ Ишимскую степь близъ озера Чили-Кула, разбилъ Кучумовыхъ татаръ и взялъ въ плѣнъ его сына Абдулъ-Хаира. Но самъ Кучумъ спасся и потомъ продолжалъ свои разбойничьи набѣги. Чтобы обезопасить съ этой стороны русскія владѣнія и стѣснить движенія Кучума, въ 1594 году князь Андрей Елецкій съ сильнымъ отрядомъ двинулся вверхъ по Иртышу и близъ впаденія въ него рѣки Тары заложилъ городокъ, названный именемъ этой рѣки. Новый городъ очутился почти въ центрѣ той плодородной и хорошо орошенной степи, по которой кочевала орда Кучума, угрозами и насиліемъ собирая ясакъ съ татарскихъ волостей, расположенныхъ по Иртышу и уже присягнувшихъ на русское подданство. Городъ Тара дѣйствительно оказалъ большую пользу въ борьбѣ съ нимъ. Отсюда

Русскіе неоднократно предпринимали противъ него поиски въ степи; били его татаръ, разоряли его улусы, перехватывали шедшихъ къ нему гонцовъ и торговцевъ, ногайскихъ и бухарскихъ, вступали въ сношенія съ его мурзами, которыхъ подарками и обѣщаніями льготъ переманивали въ наше подданство. При семъ воеводы не разъ посылали къ нему съ увѣщаніями, чтобы онъ прекратилъ свое сопротивленіе и покорился русскому государю, обнадеживая его царскими милостями. Отъ самого царя Ѳедора Ивановича отправлена была къ нему увѣщательная грамота: она указывала на его безвыходное положеніе, на то, что два его сына въ плѣну, друзья его оставили, Сибирь покорена, что самъ Кучумъ сдѣлался бездомнымъ казакомъ, что государю стоитъ только послать на него свою большую рать, чтобы его уничтожить; но что государь готовъ все забыть, если Кучумъ явится въ Москву съ повинною; тогда въ награду ему даны будутъ города и волости, а если пожелаетъ, то и прежній его юртъ, т. е. самая Сибирь. Плѣнный Абдулъ-Хаиръ, по внушенію московскаго правительства, также писалъ отцу и склонялъ его покориться, приводя въ примѣръ себя и брата Магметкула, которымъ государь пожаловалъ города и волости (въ кормленіе). Ничто однако не могло склонить упрямаго старика къ покорности. Въ своихъ отвѣтахъ онъ бьетъ челомъ Бѣлому царю, чтобы тотъ отдалъ ему назадъ Иртышскій берегъ, а воеводъ русскихъ проситъ воротить ему одинъ конскій вьюкъ, захваченный ими вмѣстѣ съ шедшими къ нему послами: въ этомъ вьюкѣ находилось зелье для его больныхъ глазъ. Съ самаго прихода Ермака онъ борется съ Русскими и Сибири имъ не отдавалъ: сами взяли. Помириться онъ готовъ, но только «правдою» И къ этому онъ еще прибавляетъ наивную угрозу: «съ Ногаями я въ союзѣ, и если съ двухъ сторонъ станемъ, то плохо будетъ московскому владѣнію».

Рѣшили во что бы то ни стало покончить съ упрямымъ, безпокойнымъ старикомъ. Въ августѣ 1598 года воевода Воейковъ выступилъ изъ Тары въ Барабинскую степь съ отрядомъ въ 400 человѣкъ казаковъ и служилыхъ татаръ. Посланные впередъ лазутчики добыли языковъ (вѣстей), по которымъ узнали, что Кучумъ съ 500 своей орды ушелъ на верхнюю Обь, гдѣ у него посѣянъ хлѣбъ. Воейковъ шелъ день и ночь и 20 августа на зарѣ внезапно напалъ на Кучумово становище. Татары защищались отчаянно; но должны были уступить превосходству «огненнаго боя» и потерпѣли полное пораженіе; одни изъ нихъ пали въ битвѣ, дру-

гіе погибли въ рѣкѣ Оби во время бѣгства, третьи взяты въ плѣнъ и перебиты вслѣдствіе большаго ожесточенія ратныхъ людей: пощажены только нѣкоторые мурзы съ женами и семейство Кучума; тутъ было захвачено восемь его женъ, пять сыновей, нѣсколько дочерей и снохъ съ малыми дѣтьми. Самъ Кучумъ и на этотъ разъ спасся отъ плѣна: съ нѣсколькими вѣрными людьми онъ уплылъ въ лодкѣ внизъ по Оби. Воейковъ послалъ къ нему одного татарскаго сеита съ новыми увѣщаніями покориться и ѣхать къ московскому государю. Сеитъ нашелъ его гдѣ-то въ лѣсу на берегу Оби; при немъ были три сына и человѣкъ тридцать татаръ. «Если я не поѣхалъ къ московскому царю въ лучшее время—отвѣчалъ Кучумъ,—то поѣду ли теперь, когда я слѣпъ и глухъ, и нищій». Объ одномъ только старикъ горько сожалѣлъ: отняли у него любимаго сына, царевича Асманака. «Лучше бы у меня всѣхъ дѣтей взяли, да Асманака мнѣ оставили»—плакался онъ. Есть что-то внушающее нѣкоторое сочувствіе и уваженіе въ поведеніи этого стараго татарина, доходившаго до героизма въ своемъ непреклонномъ рѣшеніи жить и умереть вольнымъ человѣкомъ и, хотя бы только по имени, царемъ сибирскимъ. Конецъ его былъ жалкій. Скитаясь въ степяхъ верхняго Иртыша, потомокъ Чингизъ-хана существовалъ тѣмъ, что отгонялъ скотъ у сосѣднихъ Калмыковъ; спасаясь отъ ихъ мести, онъ убѣжалъ къ своимъ бывшимъ союзникамъ Ногаямъ и тамъ былъ убитъ. Съ его смертію русскія владѣнія въ Сибири избавились отъ своего непримиримаго врага. Межъ тѣмъ семейство его было отправлено въ Москву, куда прибыло уже въ царствованіе Бориса Өеодоровича Годунова; оно имѣло торжественный въѣздъ въ столицу, на показъ народу, обласкано новымъ государемъ и потомъ разослано по разнымъ городамъ. Вообще въ Москвѣ съ великою радостію были встрѣчены извѣстія объ окончаніи борьбы съ Кучумомъ: въ столицѣ побѣда Воейкова была отпразднована съ молебствіемъ и колокольнымъ звономъ; а самъ онъ и его товарищи награждены золотыми и денежнымъ жалованьемъ. ([72]).

Во время этой борьбы съ Кучумомъ, московское правительство не теряло времени и продолжало закрѣплять за собой область рѣки Оби построеніемъ новыхъ городковъ и острожковъ. А именно, при Өедорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ явились еще слѣдующія укрѣпленныя поселенія: на лѣвомъ притокѣ Тобола, на рѣкѣ Тавдѣ, при впаденіи въ нее Пелыма—Пелымъ, недалеко отъ впаденія Сосвы въ Обь—Березовъ, въ самыхъ низовьяхъ Оби—Обдорскъ, а

на среднемъ ея теченіи—Сургутъ, Нарымъ, Кетскій Острогъ (собственно на правомъ ея притокѣ Кети) и Томскъ (на правомъ же ея притокѣ Томи); на верхней Турѣ построено Верхотурье, сдѣлавшееся главнымъ пунктомъ на дорогѣ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, а на среднемъ теченіи той же рѣки—Туринскъ; на рѣкѣ Тазѣ, впадающей въ восточную вѣтвь Обской губы—Мангазейскій острогъ. Всѣ эти городки и острожки снабжены были небольшими деревянными и земляными укрѣпленіями, весьма достаточными для того, чтобы держать въ страхѣ полудикихъ туземцевъ, въ особенности благодаря своимъ пушкамъ и пищалямъ. Гарнизонъ этихъ укрѣпленій составлялся обыкновенно изъ нѣсколькихъ десятковъ стрѣльцовъ, казаковъ и другихъ служилыхъ людей, переводимыхъ сюда изъ разныхъ мѣстъ сѣверной и восточной Россіи. Вслѣдъ за служилыми или ратными людьми, московское правительство переводило сюда и посадскихъ или торговыхъ людей, и пашенныхъ крестьянъ или земледѣльцевъ, которые заводили поселки вблизи городовъ. Служилымъ людямъ также по обычаю раздавались земельные участки и угодья, въ которыхъ они устраивали кое-какое хозяйство. Переводили и духовенство, такъ какъ въ каждомъ городкѣ обязательно воздвигались, хотя и небольшіе, деревянные храмы.

Вообще надо отдать справедливость московскому правительству; рядомъ съ завоеваніемъ, оно умно и разсчетливо вело дѣло русской колонизаціи, дѣло, въ которомъ успѣло уже пріобрѣсти достаточную опытность при занятіи пустынныхъ или инородческихъ областей на востокѣ и югѣ Европейской Россіи. Отправляя переселенцевъ, оно приказывало областнымъ властямъ или мѣстнымъ обитателямъ снабжать ихъ извѣстнымъ количествомъ скота, живности и хлѣба, т. е. лошадей, овецъ, свиней, гусей и куръ, муки, крупъ, толокна, телѣгами, санями, сохами и, кромѣ того, деньгами, такъ что поселенцы не только получали хорошіе земельные надѣлы, но имѣли и все нужное, чтобы немедленно завести свое хозяйство. Высылались также и необходимые ремесленники, особенно плотники, для постройки рѣчныхъ струговъ, городскихъ зданій, стѣнъ, церквей и проч.; высылались ямщики для заведенія ямской гоньбы и т. д. Вслѣдствіе разныхъ льготъ и поощреній, а также вслѣдствіе преувеличенной молвы о богатствахъ Сибири, кромѣ высылаемыхъ правительствомъ переселенцевъ, туда потянулись и многіе охочіе люди, особенно промышленники-звѣроловы. Рядомъ съ этой колонизаціей началось дѣло обращенія туземцевъ въ христіанство и ихъ постепенное об-

русѣніе. Не имѣя возможности отдѣлить для Сибири большую ратную силу, московское правительство озаботилось привлеченіемъ въ нее самихъ туземцевъ; такъ многіе Татары и Вогулы, конечно изъ наиболѣе вѣрныхъ и преданныхъ, обращены были въ служилыхъ людей, преимущественно въ сословіе казаковъ; они охотно записывались въ это сословіе, какъ все-таки привиллегированное по сравненію съ простыми инородцами, обезпеченное земельными надѣлами, жалованьемъ и оружіемъ. Кромѣ того, при всякомъ нужномъ случаѣ, Татары и другіе инородцы обязаны были выставлять вспомогательные отряды конные и пѣшіе, которые обыкновенно ставились подъ начальство русскихъ дѣтей боярскихъ. Московское правительство въ особенности приказывало ласкать и привлекать въ нашу службу прежніе владѣтельные роды и наиболѣе знатныхъ между туземцами; мѣстныхъ князьковъ и мурзъ оно иногда переводило въ Россію, гдѣ они принимали крещеніе, получали помѣстья и вступали въ число дворянъ или дѣтей боярскихъ. А тѣхъ князьковъ и мурзъ, которые не хотѣли покориться и платить ясакъ (дань) или, давъ шерть (присягу), затѣвали потомъ измѣны, правительство приказывало ловить и подвергать смертной казни или другому тяжкому наказанію, городки же ихъ опустошать и выжигать. При сборѣ ясака или взиманіи подводъ для казенныхъ гонцовъ, правительство приказывало также дѣлать разныя облегченія бѣднымъ, старымъ и увѣчнымъ туземцамъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто пушнаго ясака, облагало ихъ извѣстнымъ количествомъ хлѣба, чтобы пріучить ихъ къ земледѣлію и вмѣстѣ облегчить доставку хлѣбныхъ запасовъ, которые ежегодно посылались изъ Россіи для служилыхъ людей, такъ какъ своего, сибирскаго, хлѣба производилось слишкомъ недостаточно.

Разумѣется, далеко не всѣ благія распоряженія центральнаго правительства добросовѣстно исполнялись мѣстными сибирскими властями, и туземцы терпѣли многія обиды и притѣсненія; тѣмъ не менѣе, дѣло русской колонизаціи и русскаго господства здѣсь было поставлено умно и успѣшно, и наибольшая заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ, конечно, Борису Ѳедоровичу Годунову. Сообщенія въ Сибири главнымъ образомъ производились лѣтомъ по рѣкамъ, для чего строилось большое количество казенныхъ струговъ. Русскія телѣги и сани годились для близкихъ разстояній. А дальнія сообщенія зимой поддерживались или пѣшеходами на лыжахъ, или ѣздою на нартахъ, т. е. легкихъ санкахъ, запряженныхъ оленями или со-

баками. Чтобы связать Сибирь съ Европейской Россіей постояннымъ сухопутьемъ, по распоряженію правительства, проложена была посошными людьми дорога отъ Соликамска черезъ хребетъ до Верхотурья. По этой дорогѣ ѣздили служилые и торговые люди, возили казенные запасы, хлѣбные и военные (порохъ, свинецъ, пушки, ядра и пр.), церковныя принадлежности и т. д.

За всѣ усилія, заботы и расходы, которыхъ потребовало водвореніе русскаго владычества въ Сибири, сія послѣдняя стала вознаграждать насъ своими естественными богатствами, въ особенности огромнымъ количествомъ дорогихъ мѣховъ. Такъ, уже въ первые годы царствованія Ѳедора Ивановича наложенъ былъ на занятый край царскій ясакъ въ 5.000 сороковъ соболей, 10.000 черныхъ лисицъ и полмилліона бѣлокъ. ([73]).

XI.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Московское самодержавіе.—Царскій дворецъ и его обряды.—Боярство и его ступени.—Наплывъ княжескихъ фамилій.—Мѣстническіе счеты.—Легендарныя родословія.—Придворные чины.—Дѣти боярскіе и развитіе помѣстной системы.—Испомѣщеніе отборной царской дружины.—Крестьянское сословіе.—Условія крестьянскаго отказа.—Стѣсненіе переходовъ.—Указы о бѣглыхъ и начало закрѣпощенія.—Кабальное холопство.—Отпускныя грамоты.—Сельская община.—Городское населеніе.—Кремль и посадъ.—Губныя и земскія учрежденія.—Выборныя власти.—Попытка къ отмѣнѣ кормленій.—Областное управленіе.—Московскіе приказы.—Боярская дума.—Великая земская дума и ея значеніе.

Со второй половины XV вѣка положеніе и значеніе верховной власти въ Восточной Руси поднялись на невѣдомую у насъ дотолѣ высоту и получили вполнѣ государственный характеръ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ внутреннимъ объединеніемъ этой Руси и пріобрѣтеніемъ внѣшней независимости, естественно въ той же постепенности возрастали народное сочувствіе и уваженіе къ своимъ высшимъ вождямъ, т. е. къ великимъ князьямъ Московскимъ—уваженіе, тѣсно связанное съ ихъ наружнымъ почитаніемъ и покорностію ихъ власти. Прежнее, господствовавшее въ эпоху удѣльную и объединяющее всѣ области, понятіе «Русской земли» постепенно замѣнилось понятіемъ Государя, какъ воплощеніемъ идеи Русскаго государства. Эта идея, издревле присущая Великорусскому племени—изъ всѣхъ Славянъ наиболѣе способному къ государственному быту,—нашла наконецъ свое широкое и прочное осуществленіе въ лицѣ московскихъ собирателей Руси и въ формѣ московскаго самодержавія. Сплоченный въ одинъ крѣпкій государственный организмъ, продолжая вести энергичную борьбу съ враждебными сосѣдями на западѣ и на востокѣ, Русскій народъ отнынѣ неуклонно сталъ занимать принад-

лежащее ему мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ, идущихъ во главѣ Новой міровой исторіи. Отсюда само собой вытекаетъ важное всемірно-историческое значеніе Московскаго самодержавія.

Съ расширеніемъ внѣшнихъ предѣловъ государства и развитіемъ самодержавной власти, явилась потребность въ соотвѣтственномъ измѣненіи какъ ея обстановки, такъ и самаго ея титула. Эта потребность удовлетворялась развитіемъ обрядности и пышности при Московскомъ дворѣ и принятіемъ царскаго титула. То и другое произошло подъ двойнымъ вліяніемъ преданій византійскихъ и золотоордынскихъ. Относительно первыхъ главными проводниками были церковная іерархія и письменность; а бракъ съ Софьей Палеологъ послужилъ только внѣшнимъ толчкомъ. Вліяніе же золотоордынскихъ образцовъ дѣйствовало долго и непосредственно. Понятіе о царскомъ достоинствѣ у русскихъ людей того времени, кромѣ царей ветхозавѣтныхъ, въ особенности тѣсно связывалось съ представленіями объ императорахъ византійскихъ и могущественныхъ когда то властителяхъ Руси ханахъ татарскихъ. Татарское вліяніе несомнѣнно выразилось и въ тѣхъ суровыхъ чертахъ, съ которыми царская власть относилась къ своимъ подданнымъ; особенно ярко эти черты выступили наружу при Иванѣ Грозномъ въ эпоху опричнины. Не вполнѣ справедливо то мнѣніе, которое приписываетъ Ивану Грозному усиленіе и упроченіе русскаго самодержавія. Нѣтъ, болѣе всѣхъ для его развитія сдѣлалъ великій его дѣдъ Иванъ III расширеніемъ государственныхъ предѣловъ, утвержденіемъ независимости и вообще разумною государственною политикою; при чемъ его мѣры строгости не переходили границъ, свойственныхъ его времени. Въ тѣхъ же границахъ дѣйствовалъ Василій III, и при немъ власть Московскаго государя была уже такъ велика, какъ нигдѣ, по замѣчанію наблюдательнаго иноземца Герберштейна. Сей послѣдній очевидно разумѣлъ при семъ извѣстныя ему европейскія земли; онъ не могъ бы сказать тоже самое, если бы имѣлъ въ виду азіатскія, особенно мусульманскія страны, съ ихъ деспотическимъ строемъ. Но именно эти то азіатскія деспотіи и служили образцами, которымъ съ такимъ успѣхомъ подражалъ Иванъ IV. Его ничѣмъ необузданный произволъ и общій терроръ, внушаемый безпощадными и нерѣдко безсмысленными казнями, доказали только великую силу терпѣнія и глубокую покорность Провидѣнію со стороны Русскаго народа—качества, въ которыхъ его закалила особенно предшествовавшая долгая эпоха татарскаго ига. И самъ Иванъ IV есть

ничто иное какъ отраженіе или порожденіе этой эпохи. По истинное, государственное самодержавіе основывается не на общемъ страхѣ, а на потребности народной въ сильной правительственной власти и на уваженіи народа къ своимъ государямъ. Съ этой стороны Иванъ IV едва ли не нанесъ нравственный ударъ русскому самодержавію, на что указываютъ нѣкоторыя послѣдующія событія. Но государственный смыслъ Великорусскаго племени выдержалъ и это испытаніе, взглянувъ на него какъ на временную кару, ниспосланную Богомъ. Вообще иностранцы, посѣтившіе Россію въ XVI столѣтіи, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отзываются о томъ почитаніи и благоговѣніи, которыя Русскій народъ питалъ къ особѣ своего государя. Русскіе смотрѣли на него какъ на исполнителя воли Божіей: «Воля Божія, да государева», «вѣдаетъ Богъ, да государь», говорили они во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Даже во время простой бесѣды, при имени государя они снимали шапки. Именины его уже тогда справлялись народомъ на ряду съ самыми большими праздниками. Но тяжелое, двухвѣковое татарское иго сказывалось въ этихъ отношеніяхъ нагляднѣе чѣмъ гдѣ либо; такъ какъ къ столь естественному чувству глубокаго уваженія передъ своимъ государемъ примѣшивались черты грубаго раболѣпія, выражавшагося отчасти въ томъ, что и самые знатные члены боярскаго сословія, т. е. внуки удѣльныхъ князей, стали называть себя его холопами. И азіатскій деспотизмъ Ивана Грознаго, какъ порожденіе татарскаго ига, имѣлъ несомнѣнно значительное вліяніе на развитіе сего раболѣпія.

Достоинство усилившейся верховной власти и то почитаніе, предметомъ котораго сдѣлалась особа московскаго государя, требовали соотвѣтственнаго внѣшняго величія по отношенію къ его жилищу или дворцу и къ обрядовой сторонѣ придворнаго быта. И эта потребность получила надлежащее удовлетвореніе со времени Ивана III, въ особенности со времени его брака съ Софьею Палеологъ. Московскій Кремль, какъ главная резиденція государя, быстро преобразился и украсился подъ руководствомъ вызванныхъ имъ итальянскихъ мастеровъ. Извнѣ его опоясали каменныя зубчатыя стѣны съ красивыми воротами, стрѣльницами и башнями; а внутри воздвиглись каменные церкви, соборы и палаты. Деревянный великокняжескій дворецъ Иванъ III велѣлъ разобрать, и на его мѣстѣ началъ строить каменный, поручивъ сію постройку Фрязину Алевизу, миланскому уроженцу. Дворецъ этотъ былъ оконченъ и

украшенъ уже при Василіи Ивановичѣ. Онъ представлялъ группу разныхъ пріемныхъ или парадныхъ палатъ и постельныхъ или жилыхъ хоромъ великаго князя и великой княгини, съ высокими теремами или чердаками. Дворцовыя зданія возвышались надъ нижними или подклѣтными этажами, которые въ свою очередь мѣстами были выстроены на бѣлокаменныхъ погребахъ. Онѣ соединялись красивыми открытыми сѣнями или переходами и крыльцами съ лѣстницами. Пріемныя палаты шли по фасаду, обращенному къ площади, занятой соборами Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и Успенскимъ. Тутъ были палаты Большая или Грановитая и Середняя или Золотая, богато украшенныя позолотою и стѣннымъ расписаніемъ; на Москву-рѣку выходили палаты набережныя, Большая и Малая. Внутрь дворца были обращены Столовая изба, Постельная изба, жилые терема и т. д. А посреди государева двора стоялъ заново перестроенный каменный Спасопреображенскій соборъ. Благовѣщенскій соборъ примыкалъ къ самому дворцу и былъ соединенъ съ нимъ крыльцомъ или папертью; а между соборами Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ построена особая кирпичная палата, назначенная для храненія государевыхъ сокровищъ или казны и получившая потомъ названіе Казеннаго двора. Была во дворцѣ и особая палата Оружничья, т. е. наполненная разнаго рода оружіемъ. Кремлевскій дворецъ вообще изобиловалъ дорогою утварью и всякаго рода сокровищами. Онъ былъ оберегаемъ многочисленною стражею, состоявшею изъ стрѣльцовъ и московскихъ дворянъ.

Обрядовая сторона придворнаго быта также получила большое развитіе подъ вліяніемъ преимущественно византійскимъ, которое оживилось съ прибытіемъ въ Москву Софьи Палеологъ и окружавшихъ ее Грековъ. Эта сторона повидимому наиболѣе была обработана именно при сынѣ Софьи Василіи III. Доступъ къ особѣ государя затрудненъ теперь разными церемоніями и цѣлою лѣстницею придворныхъ чиновъ. Вѣнчаніе на царство получило характеръ сложнаго и величественнаго обряда, основаннаго главнымъ образомъ также на византійскихъ преданіяхъ. Государевы выходы въ дни праздниковъ и вообще торжествъ пріобрѣли невиданную дотолѣ пышность. Особенною роскошью и великолѣпіемъ отличались пріемы иноземныхъ пословъ и ихъ угощеніе за царскимъ столомъ. Въ обзорѣ событій при Василіи III мы уже видѣли, какими обычаями и обрядами сопровождались пріемъ и угощеніе германскаго посольства,

во главѣ котораго стоялъ Герберштейнъ. Любопытно, что описаніе пріемовъ и угощеній, совершавшихся при его сынѣ Иванѣ Грозномъ, является почти дословнымъ повтореніемъ тѣхъ же обычаевъ, только съ небольшимъ разнообразіемъ согласно обстоятельствамъ. Въ этихъ обычаяхъ, какъ и вообще при сношеніяхъ съ иноземцами, Московскій дворъ отличался замѣчательною устойчивостію (консерватизмомъ); а московская дипломатія строго наблюдала достоинство и честь своего государя, преимущественно когда дѣло касалось его полнаго титула, который она не позволяла умалять ни подъ какимъ предлогомъ; что, какъ извѣстно, нерѣдко вело къ долгимъ пререканіямъ съ сосѣдями, особенно съ Поляками. Московское правительство хотя и своеобразно, но хорошо понимало, что твердость и неуклонность въ подобныхъ случаяхъ оказываютъ не малое вліяніе на наше международное положеніе, въ тѣ времена еще не совсѣмъ упроченное и подвергавшееся разнымъ спорамъ со стороны сосѣдей.

Рядомъ съ развитіемъ монархической самодержавной власти въ Московскомъ государствѣ получило болѣе прочную организацію и высшее служилое сословіе, т. е. боярское. При обзорѣ предыдущаго періода нашей исторіи мы видѣли, какая масса князей и бояръ приливала въ Москву изъ бывшихъ удѣльныхъ княжествъ, какъ увеличилось чрезъ то московское боярство и какую внутреннюю борьбу вызвалъ въ немъ этотъ приливъ, борьбу за старшинство или такъ наз. «мѣстничество». Со второй половины XV вѣка, вмѣстѣ съ окончательнымъ упраздненіемъ удѣловъ, число княжескихъ семей, поступившихъ на службу Московскаго государя, возрасло до такой степени, что придворная аристократія—если можно такъ выразиться—окрасилась въ княжескій цвѣтъ; что еще болѣе придавало блеску московскому самодержавію. Сыновья и внуки еще недавнихъ самостоятельныхъ владѣтелей тѣснились теперь вокругъ его трона и заискивали его высокихъ милостей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они конечно еще не успѣли забыть о недавнемъ прошломъ и при удобномъ случаѣ могли высказывать притязанія, несогласныя съ развивающимся самодержавнымъ строемъ, въ особенности притязаніе на право быть главными совѣтниками государя и занимать важнѣйшія мѣста въ управленіи. Хотя вообще княжескія фамиліи и успѣли занять въ Москвѣ высшія ступени аристократической или боярской лѣстницы, однако далеко не всѣ разросшіяся вѣтви этихъ фамилій достигали сихъ ступеней. Московскіе государи, именно Иванъ

III и Василій III, чтобы ограничить ихъ притязанія и предупредить ихъ сплоченность, искусно воспользовались высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, т. е. «боярскою думою». Сія дума, около того времени получившая болѣе опредѣленную и прочную организацію, состояла изъ трехъ классовъ: бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ дьяковъ. Только тотъ членъ боярской фамиліи, который засѣдалъ въ думѣ, носилъ санъ истаго боярина. Этотъ санъ сдѣлался высшимъ достоинствомъ въ московской служебной аристократіи; онъ давался государемъ только лицамъ самыхъ знатныхъ и старыхъ родовъ, какъ княжескихъ, такъ и некняжескихъ. Въ теченіе XVI вѣка въ составѣ думныхъ бояръ встрѣчаются съ одной стороны потомки Игоревичей и Гедиминовичей, какъ князья Ростовскіе, Ярославскіе, Пронскіе, Микулинскіе, Шуйскіе, Бѣльскіе, Воротынскіе, Мстиславскіе, Щенятевы, Булгаковы, Голицины, Куракины, Оболенскіе и пр.; а съ другой—потомки стараго московскаго нетитулованнаго боярства, каковы: Воронцовы, Юрьевы, Бутурлины, Челядnины и нѣкоторые другіе. Хотя число княжескихъ фамилій здѣсь преобладало, зато многіе члены этихъ фамилій, особенно младшія ихъ вѣтви, остались внѣ боярскаго сана и поставлены были ниже помянутыхъ нетитулованныхъ фамилій.

Члены княжескихъ фамилій, менѣе знатныхъ, попали въ Думу только въ качествѣ окольничихъ и только отчасти потомъ дослужились до боярскаго сана. Въ числѣ окольничихъ въ XVI вѣкѣ вообще преобладало старое московское (нетитулованное) боярство, которое, какъ видно, успѣло отстоять за собою вторую ступень, уступивъ первую только знатнѣйшей княжеской аристократіи и ставъ выше менѣе знатныхъ княжескихъ родовъ; таковы фамиліи Морозовыхъ, Тучковыхъ, Салтыковыхъ, Шеиныхъ, Беззубцевыхъ, Шереметевыхъ, Сабуровыхъ, Годуновыхъ, Колычовыхъ и т. д. Послѣ бояръ и окольничихъ третью ступень въ Думѣ занимали «думные дворяне»; о нихъ источники упоминаютъ со времени Василія III и малолѣтства Грознаго, называя ихъ «дѣти боярскіе, которые въ Думѣ живутъ». Такое выраженіе ясно указываетъ на ихъ происхожденіе: государь (можетъ быть уже Иванъ III, а тѣмъ вѣроятнѣе Василій III) бралъ наиболѣе родовитыхъ людей изъ сословія дѣтей боярскихъ и сажалъ ихъ въ Думу, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ потомъ дослуживались до окольничества и даже до боярства. Эти думные дворяне принадлежали обыкновенно къ обѣднѣвшимъ и захудалымъ фамиліямъ, выдѣлившимся изъ родовъ княжескихъ и простыхъ боярскихъ. По-

добныхъ захудалыхъ фамилій, иногда даже утратившихъ свой прежній княжескій титулъ (напр. Ржевскіе, Татищевы и пр.), съ теченіемъ времени образовалось большое количество. Иногда же государь жаловалъ въ думные дворяне людей совсѣмъ не родовитыхъ, но хорошихъ дѣльцовъ, которыхъ потомъ возвышалъ въ окольничіе; напримѣръ, Алексѣй Адашевъ. Точно также думные дьяки иногда жаловались въ думные дворяне и могли достигать окольничества (напр. Василій Щелкаловъ), но никогда боярства.

Организованная такимъ образомъ, Боярская дума хотя и ставила на первомъ мѣстѣ знатные княжескіе роды, но сильно ограничивала ихъ какъ не многочисленнымъ выборомъ, такъ и помѣщеніемъ наряду съ ними людей менѣе родовитыхъ, зато отличавшихся заслугами и умственными дарованіями.

Удѣльные князья, переходившіе на московскую службу, обыкновенно сохраняли за собой владѣніе многими землями и вотчинами, находившимися въ ихъ прежнихъ удѣлахъ, пользуясь при семъ разными привиллегіями въ отношеніи суда и администраціи; таковы были потомки князей Ярославскихъ и Бѣлозерскихъ. Иногда они продолжали вѣдать своими удѣлами въ качествѣ намѣстниковъ великаго князя Московскаго; нѣкоторые изъ нихъ выступали въ походы все еще во главѣ своихъ особыхъ удѣльныхъ дружинъ, какъ напримѣръ князья Воротынскіе и Одоевскіе. Такимъ образомъ поддерживались тѣсныя связи между потомками удѣльныхъ князей и населеніемъ ихъ бывшихъ удѣловъ, поддерживались старыя воспоминанія и притязанія. Иванъ III и Василій III относились къ этимъ связямъ съ осторожностію и терпимостію, предоставляя дѣйствовать времени и обстоятельствамъ; при случаѣ они покупали вотчины у бывшихъ удѣльныхъ князей или вымѣнивали ихъ на другія. Но Иванъ IV, съ свойственнымъ ему нетерпѣніемъ, деспотизмомъ и ненавистью къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, старался возможно скорѣе порвать ихъ старыя связи съ бывшими удѣлами; поэтому часто или конфисковалъ у нихъ наслѣдственныя вотчины подъ какимъ либо предлогомъ, или произвольно мѣнялъ ихъ на вотчины и помѣстья, расположенныя въ другихъ областяхъ государства. Рядомъ съ казнями, заточеніями, насильственнымъ постриженіемъ и даже запрещеніемъ жениться для прекращенія или ослабленія знатнѣйшихъ родовъ, эти мѣры хотя и ускоряли достиженіе цѣли, но какъ всякое насиліе, производимое при томъ безъ особой государственной нужды, онѣ вызывали пока глухое раздраженіе и прибавляли лишнія сѣмена для будущихъ смутъ.

Наплывъ удѣльнокняжескихъ фамилій въ Москву, какъ извѣстно, повелъ къ частымъ столкновеніямъ какъ между ними самими, такъ и со старымъ московскимъ боярствомъ изъ-за мѣстъ или собственно изъ-за близости къ государю. Прошло не мало времени, пока боярская аристократія сложилась въ опредѣленную іерархическую лѣстницу, верхнія ступени которой заняли прямые потомки важнѣйшихъ удѣльныхъ князей. Но, при сложности и запутанности генеалогическихъ счетовъ и притязаній, сдѣлались неизбѣжными споры и пререканія изъ-за мѣстъ въ войскѣ, въ управленіи, въ придворныхъ чинахъ и обрядахъ и т. п. Московскіе государи въ началѣ относились къ этому мѣстничеству благодушно и даже повидимому поощряли его, такъ какъ оно возбуждало соперничество среди боярской знати и мѣшало ей сплотиться въ одно сильное сословіе, опасное для развивавшагося московскаго самодержавія. Такіе строгіе государи какъ Иванъ III и Василій III терпѣливо разбирали мѣстническіе споры, обсуждали взаимное положеніе предковъ и прежнюю службу споривших сторонъ, и произносили довольно безпристрастныя рѣшенія. Неудобства притязаній па важнѣйшія мѣста—притязаній, иногда не соотвѣтствовавшихъ личнымъ способностямъ, скорѣе всего начали сказываться конечно въ военномъ дѣлѣ. Мѣстническія пререканія воеводъ, происходившія нерѣдко въ виду непріятеля, служили одной изъ причинъ нашихъ неудачъ и пораженій. Въ 1550 году, какъ мы видѣли, были изданы правила взаимнаго счета мѣстами для воеводъ всѣхъ пяти частей московской рати. Само правительство такимъ образомъ признавало законность этихъ счетовъ; при чемъ только младшимъ членамъ княжескихъ фамилій или «княжатамъ» и потомъ дѣтямъ боярскимъ приказывало не считаться мѣстами. Сіе послѣднее правило является первою слабою попыткою ограничить распространеніе мѣстничества. Затѣмъ, въ теченіе всего XVI вѣка мы не видимъ никакихъ серьезныхъ мѣръ къ его ограниченію: верховная власть очевидно находила пока небезвыгодными для себя счеты породою и службою, возбуждавшіе столько соперничества и розни между знатными фамиліями. И это явленіе все болѣе и болѣе укоренялось въ боярской средѣ. Самъ Грозный царь довольно мягко относился къ мѣстническимъ спорамъ и счетамъ; онъ или самъ разбиралъ ихъ, или назначалъ нѣсколькихъ бояръ и дьяковъ для обстоятельнаго разбора этихъ счетовъ. Иногда онъ разводилъ мѣстниковъ, признанныхъ равными по своему отечеству (по своей породѣ), т. е. одного изъ нихъ отставлялъ отъ

назначенной должности, и тѣмъ прекращалъ жалобу челобитчика на то, что ему ниже такого-то быть невмѣстно. А за челобитье, признанное неправильнымъ, назначалъ пеню съ челобитчика въ пользу его противника. Иногда для прекращенія или предупрежденія споровъ какая-либо временная служба объявлялась безмѣстной («служить безъ мѣстъ, а когда служба минетъ, тогда и счетъ будетъ данъ»). Учрежденіе опричины, какъ-бы направленной противъ старыхъ боярскихъ притязаній, нисколько не уменьшило мѣстническихъ споровъ. Напротивъ, со времени ея число спорныхъ дѣлъ о мѣстахъ значительно увеличилось, можетъ быть, именно потому, что опричина не могла не внести нѣкоторой путаницы въ родовые счеты.

Такъ какъ мѣстническіе споры вращались главнымъ образомъ въ сферѣ родословія, то естественно для каждой боярской фамиліи ея родословное древо получило большое значеніе. Примѣръ многихъ знатныхъ фамилій, ведшихъ свое происхожденіе съ одной стороны отъ князей, перешедшихъ въ Москву изъ Литвы или Западной Руси, съ другой отъ выѣзжихъ изъ Орды мурзъ и царевичей, заразительно вліялъ на боярскую аристократію нетитулованную, т. е. не причислявшую себя къ потомкамъ Владиміра Великаго. Въ ея средѣ возникло явное стремленіе выводить своихъ предковъ отъ какихъ-либо знатныхъ иноземныхъ выходцевъ. Во главѣ этого стремленія впрочемъ стояла великокняжеская династія съ ея легендарнымъ происхожденіемъ отъ пришлыхъ Варяжскихъ князей.

Въ XVI вѣкѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ Софьи Фоминичны и пріѣзжихъ съ нею Греко-итальянцевъ, при Московскомъ дворѣ легенда о варяжскомъ происхожденіи династіи пошла еще далѣе. Варяжскихъ предковъ начали производить отъ Пруса, якобы родственника или брата Октавію Августу, и такимъ образомъ связывали Московское царство съ Римскою имперіей. Извѣстно, что наши старые книжники называли Москву третьимъ Римомъ, наслѣдницей второго Рима или Византіи. Иванъ Грозный въ особенности усвоилъ себѣ эту легенду и открыто хвастался своимъ иноземнымъ происхожденіемъ отъ миѳическаго Пруса. На родство своихъ предковъ съ императоромъ Октавіемъ Августомъ онъ даже ссылался въ оффиціальныхъ грамотахъ; такъ впервые встрѣчаемъ эту ссылку въ грамотѣ 1556 года къ польскому королю Сигизмунду Августу. Подъ вліяніемъ такого стремленія многія чисто русскія боярскія семьи повели свои родословія отъ болѣе или менѣе знатныхъ ино-

земныхъ выходцевъ. Попавъ въ оффиціальныя бумаги того времени, эти легендарные родоначальники потомъ получили право генеалогическаго гражданства. Вотъ почему едвали не большинство старыхъ боярскихъ (некняжескихъ) фамилій оказалось иноземнаго происхожденія. Между прочимъ, вѣроятно по примѣру Грознаго, нѣкоторые боярскіе роды начали выводить своихъ предковъ именно «изъ Прусъ» или «изъ Нѣмецъ»; таковы Романовы-Юрьевы-Захарьины, Шереметевы, Морозовы, Шеины, Салтыковы, Воейковы и др.

Пышность и великолѣпіе, которыми стали окружать себя самодержавные Московскіе государи, начиная съ Ивана III, естественно выдвинули на первый планъ службу по преимуществу придворную, которая сдѣлалась теперь главнымъ средствомъ возвышенія и предметомъ особаго почета со стороны стараго служилаго сословія. Служба сія получила строгія формы и многочисленныя подраздѣленія или ступени, представлявшія довольно сложную іерархическую лѣстницу. Верхнія ступени этой лѣстницы занимали помянутые члены Государевой думы, т. е. бояре и окольничіе, думные дворяне и думные дьяки. За ними слѣдовали чины собственно придворные, или вѣдавшіе Государевымъ дворцомъ и разными, связанными съ нимъ, хозяйственными учрежденіями, или находившіеся при особѣ Государя для личныхъ его услугъ и для стражи. Таковы: дворецкій, ключникъ, казначей, оружничій, шатерничій, конюшій, ясельничій, ловчій, сокольничій, печатникъ, кравчій, стольники, чашники, постельничій, спальники, стряпчіе, рынды, жильцы. Чины эти и значеніе ихъ большею частію мы видѣли уже въ предыдущую эпоху. Теперь-же ихъ число и значеніе расширились, и кромѣ того встрѣчаемъ новые: таковыми является «оружничій» какъ начальникъ Оружничей или государевой оружейной палаты, «шатерничій», вѣдавшій походными палатками государя, «ясельничій» или помощникъ конюшаго, «кравчій», прислуживавшій государю во время стола; «постельничій» и «спальники» смотрѣли за царской опочивальней и ночевали въ сосѣднихъ съ ней комнатахъ; «стряпчіе» смотрѣли за платьемъ и бѣльемъ Государя и помогали ему одѣваться; «рынды», выбиравшіеся изъ красивыхъ боярскихъ сыновей, соотвѣтствовали западноевропейскимъ пажамъ и оруженосцамъ; они служили украшеніемъ царской свиты, а также возили за государемъ его оружіе во время походовъ, при чемъ имѣли своихъ помощниковъ или поддатней. Въ разрядныхъ книгахъ обыкновенно

встрѣчается слѣдующее ихъ распредѣленіе: «съ большимъ саадакомъ» такой-то рында, а поддатень у него такой-то; «съ писанымъ саадакомъ» тоже самое: съ третьимъ (нохтармяннымъ) саадакомъ тоже. Затѣмъ особый рында «съ копьемъ» и у него поддатни; съ другимъ копьемъ тоже, «съ рогатиною» тоже особый рында съ поддатнями. «Жильцами» назывались отборные дѣти боярскіе, составлявшіе внутреннюю дворцовую стражу и военную свиту государя при его поѣздкахъ. Въ число ихъ записывались иногда и сыновья знатныхъ фамилій, такъ какъ жилецкій чинъ представлялъ первую придворную ступень для полученія дальнѣйшихъ и потомъ высшихъ должностей; а послѣднія были доступны только людямъ родословнымъ.

Наибольшую роскошь и великолѣпіе развивалъ Московскій дворъ въ дни церковныхъ торжествъ, а также при пріемѣ иноземныхъ пословъ и во время ихъ угощенія за царскимъ столомъ. Тогда всѣ придворные чины, одѣтые въ богатое платье, наполняли царскій дворецъ, занимая мѣста согласно съ своимъ званіемъ и своею породою. Иностранцы въ своихъ запискахъ не безъ удивленія разсказываютъ о многолюдствѣ и роскоши Московскаго двора, особенно о дорогой утвари и золотыхъ сосудахъ, въ изобиліи появлявшихся за царскимъ столомъ. Но, любя при случаѣ блеснуть своимъ великолѣпіемъ, Московскій дворъ отличался также расчетливостію и экономіей. Послѣ царскаго пира обыкновенно дорогая утварь и посуда тщательно убиралась въ дворцовыя кладовыя; туда-же прятались и нарядные парчевые кафтаны, раздававшіеся на время торжества стольникамъ, чашникамъ, жильцамъ и т. п.

Вышедшіе изъ древней княжеской дружины, всѣ означенные придворные чины вполнѣ сохраняли свою принадлежность къ военному служилому сословію, и каждый изъ нихъ всегда готовъ былъ выступить въ поле по назначенію или по росписи, утвержденной государемъ: бояре въ качествѣ воеводъ, а прочіе чины въ качествѣ ихъ помощниковъ и второстепенныхъ начальниковъ или просто какъ военная свита государя, если онъ самъ участвовалъ въ походѣ. Въ такомъ случаѣ онъ обыкновенно становился во главѣ своего дворроваго полка (гвардейскаго корпуса), который состоялъ преимущественно изъ дѣтей боярскихъ, испомѣщенныхъ въ Московскомъ уѣздѣ.

Начавшееся при Иванѣ III, чрезвычайное расширеніе предѣловъ Московскаго государства требовало большой военной силы, какъ для внѣшней обороны сихъ предѣловъ, такъ и для внутренняго

сплоченія областей, вошедшихъ въ составъ сего государства, и притомъ для сплоченія ихъ въ духѣ самодержавія. Поэтому московскіе государи прилагаютъ особыя старанія объ увеличеніи своего военно-служилаго сословія и его матеріальномъ обезпеченіи. Мы видѣли, что уже въ предыдущую, Татарскую, эпоху, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, кромѣ пожалованія вотчинъ какъ вознагражденія за военную службу, великіе князья начали раздавать помѣстья, т. е. земельные участки во временное пользованіе. Вотчинникъ или помѣщикъ долженъ былъ выступать въ поле на добромъ конѣ, въ исправныхъ доспѣхахъ и съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, сообразнымъ съ количествомъ владѣемой земли. Вотчины переходили по наслѣдству къ дѣтямъ и вообще родственникамъ владѣльца; онъ могъ ихъ продать или обмѣнить. Но помѣстья, какъ участки обложенные, такъ сказать, военною повинностью, давались только людямъ, лично отправлявшимъ службу; въ случаѣ старости или болѣзни помѣщика они отбирались и отдавались другимъ лицамъ; иногда передавались его сыновьямъ по ихъ челобитью, но только такимъ, которые уже способны были къ отправленію службы. Отсюда естественно для увеличенія своихъ ратныхъ силъ московское правительство старалось умножать количество государевыхъ земель, чтобы было изъ чего широкою рукою раздавать помѣстья военнослужилымъ людямъ. Поэтому великіе князья, присоединяя къ Москвѣ удѣлы, прежде всего отбирали па себя значительную часть земель изъ владѣній удѣльнокняжескихъ, боярскихъ и церковныхъ. Такъ мы видѣли, что Иванъ III при сдачѣ Новгорода Великаго выговорилъ себѣ половину всѣхъ волостей владычныхъ и монастырскихъ и всѣ волости Торжковскія: отобранныя земли потомъ онъ роздалъ служилымъ людямъ. Кромѣ того великіе князья и цари московскіе умножали свои земли покупкою, конфискаціей (за какое либо преступленіе), а также стѣсненіемъ наслѣдственныхъ вотчинныхъ правъ, ограничивая ихъ, напримѣръ, только мужескимъ потомствомъ или самымъ близкимъ родствомъ, за неимѣніемъ котораго вотчины отбирались на государя. Съ тѣми же цѣлями московское правительство старалось стѣснять умноженіе церковнаго землевладѣнія. Такъ Иванъ IV въ 1551 году запретилъ епископамъ и монастырямъ пріобрѣтать села и деревни безъ доклада государю, а въ 1580 году совсѣмъ запретилъ духовенству пріобрѣтать по завѣщанію недвижимыя имущества. Наконецъ, завоеваніе въ его время обширныхъ областей на востокѣ Россіи и постепенное занятіе земель

на югѣ давали государству богатый источникъ для испомѣщенія служилыхъ людей.

Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ развилась цѣлая помѣстная система, тѣсно связанная съ развитіемъ того военнослужилаго сословія, которое извѣстно было тогда подъ именемъ «дѣтей боярскихъ» и отчасти «дворянъ» и которое со времени Ивана III сдѣлалось главною опорою московскаго государственнаго порядка. Каждый сынъ помѣщика, достигшій 18-лѣтняго возраста, верстался, т. е. записывался, на государеву службу и получалъ право на помѣстный окладъ. При раздачѣ этихъ окладовъ или «испомѣщеніи» дѣти боярскіе дѣлились на три «статьи»: большая, средняя и меньшая. Сообразно съ сими статьями давалось въ помѣстье опредѣленное количество четвертей земли (полдесятинъ). Обыкновенно лица первой статьи получали по 200, второй по 150 и третьей по 100 четвертей. Ядро этого сословія составляли дѣти боярскіе, собственно «московскіе»; тогда какъ областные служилые люди, испомѣщенные большею частію въ присоединенныхъ къ Москвѣ удѣлахъ, носили названіе «городовыхъ». Московскіе дѣти боярскіе составляли собственное или дворовое государево войско (его конную гвардію); они поочередно держали стражу у царскихъ палатъ, слѣдовали за государемъ во время его походовъ и путешествій, служили у него на посылкахъ и исполняли разныя его порученія. Самую отборную царскую дружину составляли повидимому бояре и дѣти боярскіе, въ числѣ съ небольшимъ 1000 человѣкъ, испомѣщенные вокругъ столицы не болѣе какъ на 60—70 верстномъ отъ нея разстояніи.

Объ этомъ испомѣщеніи мы имѣемъ любопытный указъ Ивана IV, изданный въ 1550 году по царскому приговору вмѣстѣ съ боярскою думою. Тутъ дѣти боярскіе раздѣлены на обычныя три статьи. Къ этой тысячной дружинѣ приписано нѣкоторое количество бояръ и окольничихъ, которые должны «быть готовыми къ посылкамъ», и тѣмъ изъ нихъ, кто не имѣлъ помѣстья въ Московскомъ уѣздѣ, велѣно раздать по двѣсти четвертей земли, т. е. наравнѣ съ первой статьей боярскихъ дѣтей. Этихъ бояръ и окольничихъ, вмѣстѣ съ оружничимъ и казначеемъ, назначено 28 человѣкъ, а всей земли имъ роздано 5600 четвертей. Тутъ въ числѣ бояръ встрѣчаются извѣстныя имена Д. Ѳ. Бѣльскаго, И. Ѳ. Мстиславскаго, А. Б. Горбатаго, С. И. Микулинскаго, П. И. Шуйскаго, М. В. Глинскаго, В. И. Воротынскаго, И. В. Шереметева, Василія Михайловича и

Данила Романовича Юрьевыхъ, а въ числѣ окольничихъ Ѳ. Г. Адашевъ. Дѣтей боярскихъ, прибранныхъ изъ разныхъ областей, оказалось не много болѣе тысячи, именно 1050 человѣкъ, а всей земли имъ роздано 182.600 четвертей. Замѣчательно, что большинство этихъ дѣтей боярскихъ принадлежали къ удѣльнымъ княжескимъ фамиліямъ, разумѣется, преимущественно къ младшимъ членамъ этихъ фамилій или къ ихъ младшимъ линіямъ, каковы: князья Оболенскіе, съ ихъ подраздѣленіемъ на Репниныхъ, Овчиновъ, Серебряныхъ, Стригиныхъ, Щепиныхъ, Лопатиныхъ, Долгорукихъ; Ярославскіе, Куракины, Хворостинины, Пронскіе, Микулинскіе, Троекуровы; Ростовскіе, подраздѣленные на Катыревыхъ, Пріимковыхъ, Буйносовыхъ, Лобановыхъ; Шемякины, Хилковы, Татевы, Ромодановскіе, Ногтевы, Звенигородскіе, Мезецкіе, Мещерскіе, Пожарскіе, Масальскіе, Сицкіе, Шуйскіе, Прозоровскіе, Барятинскіе, Шаховскіе, Ушатые, Солнцевы, Засѣкины, Крапоткины, Щетинины, Дашковы и пр. Между ними встрѣчается знаменитый впослѣдствіи А. М. Курбскій съ братомъ Иваномъ, изъ числа князей Ярославскихъ. А между дѣтьми боярскими нетитулованными тутъ упомянуты многія впослѣдствіи весьма извѣстныя имена; таковы: Никита Романовичъ Юрьевъ, назначенный изъ Коломны (оттуда показанъ здѣсь и родственникъ его Иванъ Михайловичъ Юрьевъ), Алексѣй Ѳеодоровичъ сынъ Адашевъ—изъ Костромы, Алексѣй Басмановъ—изъ Переяславля, Андрюшка Яковлевъ сынъ Щелкаловъ—Московскій. Ясно, что званіе боярскаго сына въ тѣ времена было первою служебною ступенью для знатныхъ и незнатныхъ молодыхъ людей въ служиломъ сословіи. Тотъ же приговоръ 1550 года прямо указываетъ на связь помѣстья со службою, говоря: «А который по грѣхамъ вымретъ, а сынъ его къ этой службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного». Вообще къ этому періоду царствованія Іоанна IV, т. е. къ 50-мъ годамъ XVI столѣтія, относится упорядоченіе помѣстной системы, а вмѣстѣ съ нею и самой военной службы. Такъ въ 1556 году постановлено было, чтобы вотчинникъ и помѣщикъ съ каждыхъ ста четвертей «доброй угожей земли» выводилъ въ поле человѣка на конѣ въ полномъ доспѣхѣ, а въ дальній походъ о «двуконь»; а кто выведетъ на службу лишнихъ людей противъ своей земли, тому обѣщано государево награжденіе денежнымъ жалованьемъ, кормленіемъ или помѣстьемъ. За неявку на службу (за «нѣтье») помѣщикамъ угрожало лишеніе ихъ помѣстій. (74)

Какъ ни строги въ началѣ были правила о временномъ поль-

зованіи помѣстьями и объ ихъ ненаслѣдственности; однако съ теченіемъ времени естественный порядокъ вещей мало-по-малу получилъ преобладаніе, и къ концу XVI столѣтія ясно выступило стремленіе отцовъ оставлять свои помѣстья въ наслѣдство дѣтямъ, вообще распространять вотчинныя права и на земли помѣстныя. Дорожа служилымъ классомъ, правительство мало-по-малу уступало этимъ стремленіямъ. Къ концу того же вѣка оно принуждено было уступить и другому стремленію служилаго сословія: закрѣпить за своими землями жившее на нихъ рабочее или крестьянское населеніе.

На сѣверѣ Московскаго государства, особенно въ областяхъ, принадлежавшихъ Новгородской общинѣ, еще сохранялось коегдѣ мелкое крестьянское землевладѣніе. Но возроставшее бремя государственныхъ податей и повинностей, въ связи съ притѣсненіями чиновниковъ, а также дробленіе земли между наслѣдниками, вынуждали такихъ крестьянъ-своеземцевъ причисляться или къ чернымъ волостнымъ общинамъ, или къ сельскимъ владѣльцамъ, каковыми были монастыри и знатные люди. Такимъ образомъ къ концу XVI вѣка крестьянъ-своеземцевъ оставалось очень немного, и они затерялись въ общей массѣ безземельнаго крестьянства, которое пользовалось землею на правахъ оброчныхъ или арендныхъ. Крестьянскія общины за свои земли несли государево тягло, т. е. отправляли общественныя подати и повинности по мірскимъ разрубамъ и разметамъ, а жившіе на частныхъ или монастырскихъ земляхъ кромѣ того платили условленные оброки своему владѣльцу. Право крестьянскихъ переходовъ въ значительной степени умѣряло эти оброки и доставляло крестьянамъ разныя льготы со стороны владѣльцевъ, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, особенно при заселеніи необитаемыхъ участковъ или пустошей. Но это право, какъ мы видѣли, было уже стѣснено въ XV вѣкѣ установленіемъ извѣстнаго въ году срока для переходовъ, именно Юрьевымъ днемъ осеннимъ, который окончательно былъ утвержденъ Судебникомъ 1497 года въ видѣ срока двухнедѣльнаго. Этотъ Судебникъ Ивана III опредѣляетъ и плату уходившаго или, какъ тогда говорилось, «отказавшагося», крестьянина землевладѣльцу за т. наз. пожилое или за пользованіе дворомъ, т.-е. жильемъ и хозяйственными постройками. При семъ различаются мѣстности лѣсная и полевая: въ послѣдней за пожилое платится рубль въ четыре года, а въ первой полтина; за три года платится три четверти двора, за два—половина, за одинъ—

четверть. Царскій Судебникъ 1550 года повторяетъ тотъ же срокъ крестьянскаго перехода или «отказа», т.-е. недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ него; но нѣсколько увеличиваетъ плату за пожилое, а именно: за полный срокъ, т.-е. четыре года, съ каждыхъ воротъ въ степной мѣстности одинъ рубль и два алтына, а въ лѣсной, гдѣ разстояніе до строевого лѣсу не болѣе десяти верстъ, полтина и два алтына. Кромѣ того, Судебникъ Ивана IV прибавляетъ особую пошлину по два алтына съ двора за «повозъ», а крестьянину, продавшемуся въ полные холопы, дозволяетъ выходить безъ срока и безъ платы за пожилое, только обязываетъ платить царскую подать съ хлѣба, оставшагося на корню.

Въ судебникахъ говорится только о платѣ за пожилое при крестьянскомъ отказѣ; но въ дѣйствительности разсчетъ крестьянина съ землевладѣльцемъ тѣмъ не ограничивался. Обыкновенно, рѣдкій крестьянинъ садился на земельный участокъ безъ подмоги отъ владѣльца; на свое хозяйственное обзаведеніе онъ получалъ или денежную ссуду (серебро), или скотъ и земледѣльческія орудія, или хлѣбъ на сѣмена и на прокормъ; а иногда все это вмѣстѣ. Слѣдовательно онъ становился должникомъ частнаго владѣльца или монастыря, и проценты съ своего долга большею частью отбывалъ издѣльемъ, т.-е. своею работою, сверхъ условленнаго оброка или части жатвы за землю. Покидая участокъ, крестьянинъ конечно обязанъ былъ не только уплатить пожилое, но и возвратить ссуду. А такъ какъ обыкновенно рѣдкій былъ въ состояніи исполнить эту обязанность, при тяжести лежавшихъ на немъ податей, повинностей и оброковъ, то право крестьянскаго перехода въ дѣйствительности почти прекращалось само собою. Это право перехода обращается собственно въ право «своза» или перезыва: обыкновенно тотъ землевладѣлецъ, который переманивалъ къ себѣ крестьянина, обязывался уплатить за него все должное прежнему господину. Иногда обѣднѣвшій крестьянинъ, чтобы облегчить себѣ бремя податей и повинностей, съ цѣлаго земельнаго участка переходилъ у того же владѣльца на половинный участокъ, т. е. поступалъ въ разрядъ бобылей, или совсѣмъ отказывался отъ участка, ограничивался только дворомъ, даже переходилъ на чужой дворъ, и такимъ образомъ становился казакомъ, т. е. простымъ работникомъ, батракомъ, или наконецъ просто давалъ на себя кабалу, т. е. продавался въ холопы. Но часто свое право выхода крестьянинъ отыскивалъ незаконнымъ способомъ, безъ «отказа» или безъ разсчета съ владѣль-

цемъ, что считалось тогда побѣгомъ; ушедшій такимъ образомъ какъ бѣглецъ водворялся по закону насильно на старое мѣсто. Частные землевладѣльцы конечно предпочитали переманивать крестьянъ, не разсчитываясь за нихъ съ прежнимъ господиномъ, а просто укрывали у себя бѣглыхъ. Нельзя сказать, чтобы право свободнаго перехода, существовавшее въ прежнее время, сдѣлало крестьянское сословіе слишкомъ подвижнымъ или бродячимъ. Напротивъ, въ общей сложности только небольшая часть пользовалась этимъ правомъ. Но во-второй половинѣ XVI вѣка разныя причины усилили стремленіе крестьянъ къ перемѣнѣ жительства въ незаконной формѣ побѣговъ.

Частыя и многія войны, веденныя Иваномъ IV, въ особенности бѣдственная двадцатичетырехлѣтняя борьба за Ливонію, требовали чрезвычайныхъ усилій и жертвъ, до крайности умножили бремя налоговъ, всякаго рода поборовъ и повинностей; бремя это еще увеличивалось притѣсненіями и вымогательствами чиновниковъ, и вынуждало крестьянъ къ переселеніямъ. Особенно терпѣли опустошенія западныя и сѣверозападныя области, близкія къ театру войны; множество сельскихъ жителей бѣжало отсюда въ другіе, болѣе безопасные края. А совершаемыя въ то время завоеванія обширныхъ и пустынныхъ пространствъ на юговостокѣ Россіи, особенно въ Поволжьѣ и Приуральѣ, представили широкій просторъ для русской земледѣльческой и промышленной колонизаціи; помимо переселеній, производимыхъ собственно правительствомъ, туда устремилась часть русскаго крестьянства, заводила тамъ поселки и общины на земляхъ черныхъ или государевыхъ, а также и на земляхъ, раздававшихся мѣстнымъ служилымъ людямъ, которые призывали земледѣльцевъ, приманивая ихъ разными льготами. Наиболѣе безпокойные и свободолюбивые крестьяне уходили на Донъ и присоединялись къ вольнымъ казацкимъ общинамъ.

Съ своей стороны служилое сословіе, по естественному ходу вещей, стремилось привести все въ большую и большую зависимость отъ себя жившее въ его вотчинахъ и помѣстьяхъ земледѣльческое населеніе, стѣснять его вольности и закрѣпить его за собою. По мѣрѣ того какъ военная и вообще государева служба становилась непремѣнною и пожизненною обязанностію помѣщиковъ и вотчинниковъ, а частыя войны и сторожевая служба на украйнахъ затрудняли имъ возможность лично вести свое сельское хозяйство, естественно учащались ихъ жалобы правительству на разореніе, которое причиняли имъ крестьянскіе переходы и побѣги—разоре-

ніе, вслѣдствіе котораго они не могли исправно отправлять самую государеву службу, а также вносить подати и оброки съ своихъ земель.

Правительство Московское, само состоявшее изъ высшихъ разрядовъ тѣхъ же служилыхъ людей, т. е. московское боярство, конечно раздѣляло это стремленіе къ закрѣпощенію крестьянства и дѣйствовало въ томъ же направленіи. Когда же въ послѣдней трети XVI вѣка произошло вышеназванное переселенческое движеніе къ юго-восточнымъ окрайнамъ и участились крестьянскіе побѣги, вмѣстѣ съ тѣмъ умножились жалобы помѣщиковъ и вотчинниковъ срединныхъ и коренныхъ русскихъ областей, и правительственныя мѣста были завалены судебными исками о бѣглыхъ крестьянахъ; тогда, именно въ концѣ XVI вѣка, правительство принимаетъ рядъ мѣръ, которыя положили начало закрѣпощенію свободнаго дотолѣ крестьянскаго сословія за классомъ землевладѣльческимъ. Первыя мѣры, принятыя въ этомъ смыслѣ, относятся къ царствованію Ѳедора Ивановича; но такъ какъ дѣйствительнымъ главою правительства тогда состоялъ Борисъ Годуновъ, то исторія по справедливости считаетъ его однимъ изъ главныхъ основателей крѣпостного права въ Россіи. Стремясь занять престолъ послѣ бездѣтнаго Ѳедора, онъ естественно искалъ опоры въ военно-служиломъ сословіи, равно въ боярахъ и дѣтяхъ боярскихъ, и старался пріобрѣсти ихъ расположеніе. Тѣми же мѣрами онъ пріобрѣталъ и расположеніе могущественнаго духовенства, которое было тогда, послѣ государя и служилаго сословія, третьимъ земельнымъ собственникомъ въ Россіи. Его заискиваніе передъ духовенствомъ выразилось еще ранѣе по слѣдующему поводу. Въ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича, въ іюлѣ 1584 года, Московскій духовный соборъ, по желанію правительства, подтвердилъ указъ Ивана IV (1580 г.), запрещавшій духовенству пріобрѣтать отъ служилыхъ людей вотчины какъ покупкою, такъ и по духовному завѣщанію, и кромѣ того постановилъ отмѣнить тарханныя или льготныя грамоты, жалованныя на церковныя имущества, которыя теперь должны были платить государевы подати и отбывать повинности наравнѣ съ прочими. Эти то тарханы служили большою приманкою для крестьянъ, которые во множествѣ переходили отъ служилыхъ людей на льготныя церковныя земли; отъ чего «вотчины воинскихъ людей терпѣли многое запустѣніе». Тарханы отмѣнялись на время, «покамѣстъ земля поустроится». Но мѣра эта оказалась весьма кратковременною: въ октябрѣ слѣдую-

щаго года, когда усилилось вліяніе Годунова, тарханы были уже возстановлены. Тѣмъ съ большимъ усердіемъ старался онъ теперь угодить и служилому, и духовному сословію стѣсненіемъ крестьянскихъ переходовъ.

Главною подготовительною мѣрою противъ незаконныхъ крестьянскихъ уходовъ послужили писцовыя книги, т. е. подробныя земельныя описи съ указаніемъ ихъ жителей, перечисленныхъ почти поименно, а также съ вычисленіемъ пашенъ, луговъ, лѣсу, разныхъ угодьевъ и, разумѣется, съ указаніемъ оброковъ и податей, которыя накладывались по вытямъ, т. е. по извѣстному количеству десятинъ пахотной земли. Эти писцовыя книги со временъ Ивана III составляли одну изъ важнѣйшихъ правительственныхъ заботъ; но съ особенною энергіей онѣ были ведены при Ѳедорѣ Ивановичѣ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ XVI столѣтія. Когда такимъ образомъ приведены были въ извѣстность земли, села и деревни преимущественно серединной полосы Московскаго государства, тогда послѣдовали указы, которые должны были служить руководною нитью въ хаосѣ судебныхъ исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно стѣснить возможность крестьянскихъ выходовъ безъ «отказа», т. е. возможность побѣговъ. Первый извѣстный намъ указъ такого рода изданъ былъ 24 ноября 1597 года. «Царь и великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всея Руси указалъ, и бояре приговорили» тѣхъ крестьянъ, которые выбѣжали изъ помѣстій и вотчинъ, какъ служилыхъ людей, такъ и церковныхъ, за пять лѣтъ до сего указа, «сыскивать накрѣпко» и «по суду и сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ». А тѣ крестьяне, которые ушли за шесть и болѣе лѣтъ, пусть остаются за своими новыми землевладѣльцами, если въ теченіе сего времени ихъ прежніе помѣщики и вотчинники на нихъ не били челомъ Государю. Но тѣ дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ, которыя уже начались («засужены») приказано «вершити по суду и сыску». Слѣдовательно, этимъ указомъ полагается пятилѣтняя давность для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ на прежнія мѣста, давность, пріуроченная въ данномъ случаѣ къ первой четверти 90-хъ годовъ XVI столѣтія, т. е. ко времени наиболѣе полнаго составленія писцовыхъ книгъ. Въ семъ указѣ, какъ мы видимъ, еще нѣтъ рѣчи о прямомъ запрещеніи крестьянскихъ переходовъ вообще. Онъ говоритъ только о «бѣглыхъ»; а таковыми, повторяемъ, считались тѣ крестьяне, которые уходили съ своего

участка безъ «отказу», т. е. не заплативъ владѣльцу за пожилое и не возвративъ ему ссуду, вообще не разсчитавшись съ нимъ по закону. Но такъ какъ подобные разсчеты въ дѣйствительности случались очень рѣдко и тѣмъ болѣе, что владѣлецъ, не желавшій отпустить крестьянина, всегда могъ предъявить увеличенныя, неисполнимыя требованія, то крестьянскіе переходы въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже давно обратились въ незаконные уходы или побѣги. Поэтому указъ 1597 года въ сущности былъ направленъ и противъ крестьянскихъ переходовъ вообще.

Достигнувъ царскаго престола, Борисъ Годуновъ какъ бы проявилъ нѣкоторое колебаніе въ дальнѣйшихъ своихъ мѣрахъ по вопросу о крестьянскихъ переходахъ; однако въ общемъ шелъ потому же направленію. Въ 1601 и 1602 годахъ онъ выдалъ нѣсколько указовъ, въ которыхъ говорится уже не о бѣглыхъ, а прямо «о крестьянскомъ выходѣ». Эти указы дозволяютъ дѣтямъ боярскимъ и вообще мелкимъ землевладѣльцамъ перезывать другъ отъ друга крестьянъ, въ двухнедѣльный срокъ послѣ Юрьева дня осенняго и съ платою рубля и двухъ алтынъ пожилаго за дворъ, какъ это было установлено Судебникомъ. Дозволеніе сіе однако сопряжено съ разными ограниченіями: такъ можно было перезывать къ себѣ не болѣе одного или двухъ крестьянъ разомъ, а въ Московскомъ уѣздѣ недозволено перезывать крестьянъ кому бы то ни было. Крупнымъ владѣльцамъ, каковы государевы дворцовыя и черныя волости, владыки, монастыри, бояре, окольничіе и пр., перезывать другъ отъ друга крестьянъ прямо запрещено. Въ сущности это былъ шагъ къ ихъ юридическому закрѣпленію, хотя еще не самое закрѣпленіе, потому что рѣчь идетъ о правѣ землевладѣльцевъ перезывать другъ отъ друга крестьянъ, а не о правѣ самихъ крестьянъ «отказываться» отъ владѣльца. Но такъ какъ въ дѣйствительности крестьянинъ обыкновенно не имѣлъ средствъ самъ разсчитаться съ старымъ хозяиномъ безъ помощи новаго, который его перезывалъ къ себѣ, то въ сущности онъ терялъ свое право перехода. Тѣ же указы Бориса Годунова грозятъ мелкимъ владѣльцамъ царскою опалою, если они будутъ насильно удерживать у себя крестьянъ, не давать имъ законнаго отказа, т. е. не выпускать ихъ къ другому владѣльцу, чинить имъ «зацѣпки» и «продажи» (лишніе начеты), бить ихъ и грабить. Такія угрозы ясно показываютъ, съ какою энергіей служилое сословіе стремилось къ закрѣпощенію за собой крестьянства. Указы большею частію юридически подтверждали то, что уже давно выработалось самою жизнію.

До какой степени означенныя мѣры Бориса Годунова соотвѣтствовали политическому и экономическому строю тогдашней Руси и, болѣе всего, господствующему положенію служилаго сословія — это лучше всего доказываютъ послѣдующія узаконенія, относящіяся къ Смутной эпохѣ. Едва Годуновъ сошелъ въ могилу и въ Москвѣ водворился Лжедмитрій, какъ въ февралѣ 1606 года былъ изданъ приговоръ боярской думы о бѣглыхъ крестьянахъ въ томъ же смыслѣ какъ и приговоръ 1597 года. Тутъ вновь установлялся пятилѣтній срокъ для сыску бѣглыхъ крестьянъ и возвращенія ихъ къ старымъ помѣщикамъ; исключеніе составляли только тѣ крестьяне, которые бѣжали въ голодные 1601 и 1602 годы, если по сыску «окольніе люди» скажутъ, что такой то крестьянинъ «отъ помѣщика или вотчинника сбрелъ отъ бѣдности», не имѣя чѣмъ прокормиться; кто его прокормилъ или кому онъ въ эти годы записался холопомъ, за тѣмъ онъ и остается. «Не умѣлъ (владѣлецъ) крестьянина своего кормити въ тѣ голодныя лѣта, а нынѣ его не пытай». А въ мартѣ слѣдующаго 1607 года, когда на Московскомъ престолѣ сидѣлъ Василій Ивановичъ Шуйскій, приговоръ царскій и боярской думы назначаетъ уже пятнадцатилѣтній срокъ для сыску бѣглыхъ крестьянъ и прямо постановляетъ быть имъ за тѣми, за кѣмъ они записаны въ писцовыхъ книгахъ 1593 года. Слѣдовательно этотъ запретительный указъ отправляется отъ того же исходнаго пункта, какъ и первый, т. е. указъ 1597 года, но отличается большею строгостію: онъ налагаетъ значительную пеню (10 рублей) на того землевладѣльца, который принимаетъ къ себѣ бѣглыхъ крестьянъ. Наконецъ, спустя еще три года, стремленія бояръ и вообще служилаго сословія къ закрѣпощенію крестьянства ясно выразились въ томъ, что московскіе бояре, избирая на престолъ польскаго королевича Владислава, въ числѣ условій поставили ему запрещеніе крестьянскаго выхода или собственно перезыва крестьянъ безъ согласія владѣльца.

Но какъ бы ни было это стремленіе въ порядкѣ вещей и какъ бы означенные указы ни соотвѣтствовали политическому и хозяйственному строю Руси того времени, крестьянство, само собой разумѣется, весьма неохотно подчинялось новымъ стѣсненіямъ своихъ переходовъ; эти переходы продолжались въ видѣ побѣговъ; отсюда умножались жалобы и судебные иски землевладѣльцевъ; отношенія ихъ къ крестьянамъ обострялись; съ той и другой стороны участились грабежи и убійства; умножились разбойничьи шайки изъ бѣг-

лыхъ крестьянъ и холопей, и вообще мѣры, направленныя къ закрѣпощенію, вызывали въ простомъ народѣ не малое волненіе. Но сильнаго и дружнаго отпора со стороны крестьянства быть не могло по его разсѣянію на огромной территоріи, отсутствію всякой сплоченности или какой либо сословной организаціи. Притомъ мѣры закрѣпощенія не были какимъ либо рѣзкимъ переходомъ или переворотомъ; онѣ являлись только дальнѣйшимъ и постепеннымъ развитіемъ тѣхъ началъ, которыя уже давно дѣйствовали въ русскомъ государственномъ бытѣ. А потому отдѣльные, мѣстные случаи народнаго броженія и волненія вызывали правительство къ повторенію и усиленію все тѣхъ же запретительныхъ мѣръ, направленныхъ къ закрѣпощенію земледѣльческаго состоянія за землевладѣльческимъ. Не слѣдуетъ думать, что дѣло шло только о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, на которой они жили; а что лично они оставались свободны (какъ обыкновенно доселѣ полагали). Всѣ названные выше указы говорятъ о возвратѣ бѣглыхъ не къ участкамъ земельнымъ, а къ тѣмъ владѣльцамъ, за которыми они были записаны. Сіи же послѣдніе главнымъ образомъ притязали на личный трудъ крестьянина, стараясь получить дешевую или почти даровую рабочую силу; при чемъ они не затруднялись переводить его съ одного участка на другой, населять имъ свои пустоши и т. п. У помѣщиковъ и вотчинниковъ былъ уже готовый типъ, приравнять къ которому закрѣпощенное крестьянство они и начали стремиться. Типъ этотъ представляло холопство, которое, какъ мы знаемъ, существовало на Руси издревле и имѣло разные (большею частію уже указанные) источники.

Въ XVI вѣкѣ встрѣчаемъ особый видъ холопскаго состоянія — такъ называемое «холопство кабальное». Разорившіеся крестьяне, а иногда и другіе свободные люди занимали деньги у землевладѣльца съ обязанностью уплачивать ему проценты своей личной службой или работой; въ чемъ давали на себя «крѣпость» или кабалу. Это были холопы, но не полные или «одерноватые», а терявшіе свою личную свободу только на условленное время или до уплаты долга. Но обыкновенно, разъ попавъ въ кабальное или добровольное холопство, такіе люди рѣдко могли возвратить себѣ свободу, и какъ неискупные должники оставались въ этомъ состояніи съ своимъ потомствомъ. Исходомъ изъ такого состоянія являлось только бѣгство или перезаложеніе себя другому господину; здѣсь повторялось тоже, что происходило съ крестьянскими выходами. Но и противъ такого

же незаконнаго исхода московское правительство принимало подобныя-же мѣры. Уже Судебникъ 1550 года въ случаѣ, если на одного холопа представлено двѣ крѣпости, признаетъ ту, которая старше. Этотъ Судебникъ запрещаетъ записываться въ кабалу лицамъ государева служилаго сословія; а дѣтей, родившихся до поступленія отца въ холопы, считаетъ свободными. При Ѳедорѣ Ивановичѣ въ томъ-же 1597 году, къ которому относится первый запретный указъ о крестьянскихъ переходахъ, были изданы новыя статьи и о кабальныхъ холопахъ: назначенъ пятнадцатилѣтній срокъ для судебнаго иска по старымъ кабаламъ; велѣно владѣльцамъ въ извѣстный срокъ представить въ Холопій приказъ имена своихъ холопей и взятые на нихъ крѣпостные акты, а тѣхъ кабальныхъ холопей, которые уйдутъ отъ своего господина и дадутъ на себя служилыя кабалы или полныя грамоты новому, приказано возвращать старому господину, и наконецъ—важное нововведеніе—на тѣхъ вольныхъ слугъ, которые хотя и не брали ссуды, но прослужили у кого добровольно не менѣе полугода, велѣно выдавать служилыя кабалы и «челобитья ихъ не слушать, потому что тотъ человѣкъ того добровольнаго холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ». Разумѣется, съ теченіемъ времени кабальные или полусвободные холопы въ силу новыхъ договоровъ или просто силою давности обращались или въ полные, или въ докладные, т. е. укрѣпленные по такъ называемой докладной грамотѣ. Эти докладные холопы составляли среднюю ступень между полными и кабальными.

Вообще въ XVI вѣкѣ замѣтно возрасло количество людей, добровольно продававшихся въ холопы изъ свободныхъ состояній, вслѣдствіе обнищанія и стремленія избавиться отъ бремени государственныхъ податей и повинностей. Согласно съ духомъ времени и въ угоду высшимъ сословіямъ, законодательство очевидно покровительствовало развитію крѣпостного или холопскаго состоянія. Это можно заключить между прочимъ изъ того, что составленіе крѣпостныхъ грамотъ разнаго вида, т. е. полныхъ, докладныхъ и кабальныхъ, и внесеніе ихъ въ книги какъ Холопьяго приказа въ Москвѣ, такъ и у намѣстниковъ по городамъ, были обставлены меньшими требованіями и затрудненіями, чѣмъ грамоты правыя (по иску о свободѣ) и отпускныя (отпускавшія холоповъ на волю). По обоимъ Судебникамъ, 1497 и 1550 годовъ, намѣстники, имѣвшіе право боярскаго суда, рѣшали дѣла о полныхъ и докладныхъ грамотахъ на холопство; но правыя и отпускныя грамоты они

могли давать только «съ боярскаго докладу», съ приложеніемъ боярской печати, за подписью дьяка и съ уплатою значительной пошлины (боярину или намѣстнику по девяти денегъ съ каждой головы, дьяку по алтыну, а подъячему, который напишетъ грамоту, по три деньги). Относительно отпускныхъ съ теченіемъ времени стѣсненія увеличились. По Судебнику 1497 года та отпускная, которая была написана собственною рукою господина, считалась непререкаемою даже и безъ боярскаго докладу и подписи. Но Судебникъ 1550 г. требуетъ непремѣнно доклада и прибавляетъ, что отпускныя могли выдаваться только въ трехъ городахъ: въ Москвѣ, Великомъ Новгородѣ и Псковѣ. При жизни господина отпуски холоповъ на волю случались рѣдко; обыкновенно такіе отпуски давались передъ смертью по духовному завѣщанію, ради облегченія грѣховъ. Помянутый выше приговоръ о холопахъ 1597 года приказываетъ давать силу этимъ отпускнымъ духовнымъ грамотамъ, не упоминая о выше названныхъ формальностяхъ.

По поводу отпускныхъ грамотъ, приведемъ слѣдующее любопытное замѣчаніе одного наблюдательнаго иноземца первой половины XVI вѣка (Герберштейна) о русскомъ простонародьѣ. «Этотъ народъ—говоритъ онъ—имѣетъ болѣе наклонности къ рабству, чѣмъ къ свободѣ; ибо весьма многіе, умирая, отпускаютъ на волю нѣсколькихъ рабовъ, которые однако тотчасъ-же за деньги продаются въ рабство другимъ господамъ. Если отецъ продастъ сына, какъ это въ обычаѣ, и сынъ какимъ-нибудь образомъ наконецъ сдѣлается свободнымъ, то отецъ по праву своей власти можетъ продать его во второй разъ. Только послѣ четвертой продажи онъ лишается этого права». Какъ ни рѣзко такое замѣчаніе, притомъ слишкомъ обобщающаго характера, тѣмъ не менѣе исторія должна имѣть его въ виду, разсматривая причины и обстоятельства, способствовавшія утвержденію и распространенію крѣпостного состоянія въ древней Руси. Очевидно, оно находилось въ тѣсной связи съ народными нравами, на которые варварское татарское иго успѣло наложить свою тяжелую руку.

Итакъ, собственно подъ крѣпостнымъ состояніемъ въ данную эпоху разумѣлось холопство, съ его разными видами и подраздѣленіями. Крестьянство юридически пока еще не принадлежало къ сему состоянію. Но указанными выше мѣрами конца XVI вѣка и начала XVII-го положено было прочное начало къ его закрѣпощенію путемъ законодательнымъ ([75]).

Любопытныя данныя о крестьянскомъ населеніи въ эту эпоху представляютъ намъ тѣ самыя писцовыя книги, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для постепеннаго закрѣпощенія этого населенія. Изъ нихъ видимъ, что основною земскою единицею считался по преимуществу приходъ или село, т. е. поселеніе, имѣвшее церковь, съ группою разсѣянныхъ вокругъ него деревень, а также разныхъ жилыхъ мѣстъ, носившихъ названія сельца, починка, поселка, слободки и т. п. Размѣры всѣхъ этихъ поселеній отличаются малымъ количествомъ дворовъ; такъ, самое село, кромѣ церковныхъ дворовъ, занятыхъ причтомъ, обыкновенно заключаетъ въ себѣ крестьянскихъ дворовъ отъ одного десятка до двухъ, рѣдко болѣе, а иногда менѣе. Деревни-же и прочіе поселки имѣютъ обыкновенно наименьшее два двора, наибольшее шесть. Число крестьянъ обозначается почти такое-же какъ и дворовъ, иногда немногимъ болѣе; надобно полагать, что тутъ разумѣются собственно главы семей или крестьяне, обложенные тягломъ; а количество, лишнее противъ числа дворовъ, повидимому обозначаетъ отчасти взрослыхъ сыновей, а отчасти бобылей и такъ называемыхъ подсусѣдниковъ, т. е. крестьянъ, жившихъ на чужомъ дворѣ (въ Новгород. землѣ захребетники). Иногда впрочемъ упоминаются особо дворы бобыльскіе или дворы крестьянъ безпашенныхъ. Кромѣ поселковъ встрѣчается значительное количество пустошей, т. е. мѣстъ пустыхъ или прежде обитаемыхъ, но потомъ запустѣвшихъ вслѣдствіе крестьянскихъ переходовъ, или вслѣдствіе разореній военнаго времени. (Особенно огромное количество пустошей и перелоговъ встрѣчается въ писцовой книгѣ, относящейся къ Новгородскому и отчасти Тверскому краю послѣ войнъ и погромовъ Ивана IV). Пашни, принадлежащія поселеніямъ, измѣряются четьями или четвертями (полдесятины, требующая четверть хлѣбной мѣры для посѣва), лѣсъ десятинами, а луга—количествомъ копенъ добываемаго съ нихъ сѣна. (Въ Новогородскомъ краю удерживается измѣреніе обжами съ переводомъ на сохи, по три обжи въ каждой сохѣ, а количество посѣва измѣрялось коробьями). Довольно частое упоминаніе о количествѣ перелогу, т. е. земли прежде пахотной, а потомъ на время заброшенной, указываетъ еще на остатокъ той эпохи земледѣлія, когда свободныя земли были въ изобиліи и когда крестьянинъ, достаточно истощивъ какой-либо участокъ, бросалъ его и распахивалъ новый; а старый межъ тѣмъ отдыхалъ, поросталъ травами и кустарникомъ и съ теченіемъ времени также дѣлался новью; заботиться объ удобреніи еще не было нужды.

Въ данную эпоху, т. е. въ XVI вѣкѣ, входитъ въ силу уже трехпольное хозяйство, по крайней мѣрѣ въ среднихъ областяхъ Россіи. Участокъ пашенной земли дѣлился на три полосы или поля; ежегодно засѣвалось два поля, одно рожью, другое яровымъ; а третье оставалось свободнымъ, подъ паромъ (паровое поле или «паренина». Первые намеки въ источникахъ на трехпольное хозяйство относятся къ XV вѣку; а въ помянутыхъ писцовыхъ книгахъ послѣдней четверти XVI вѣка уже очень часто встрѣчается выраженіе: столько-то четей въ полѣ, «а въ дву потому-жъ», т. е. и въ двухъ другихъ поляхъ по стольку-же. Эта трехпольная система начиналась конечно съ земель, ближайшихъ къ поселенію или усадьбѣ; въ дальнихъ же поляхъ продолжалось еще хозяйство переложное и наѣздомъ или подсѣчное (на полѣ, расчищенномъ изъ-подъ лѣсу). Тамъ еще встрѣчается старое опредѣленіе граней владѣнія, основаннаго на первомъ захватѣ или заимкѣ, выражавшееся словами: «докуда топоръ и коса и соха ходила». Водвореніе трехпольной системы указываетъ не столько на уменьшеніе количества свободныхъ земель, сколько на постепенное стѣсненіе крестьянскихъ переходовъ: принужденный оставаться на томъ-же мѣстѣ, крестьянинъ поневолѣ долженъ былъ прибѣгать къ сей системѣ, чтобы предупредить истощеніе своего участка. Въ свою очередь стѣсненіе переходовъ и трехпольная система, ограничившая хлѣбопашество меньшимъ количествомъ земли, должны были повести за собою сосредоточеніе крестьянскаго люда въ болѣе крупныя селенія; тогда какъ прежніе малодворные поселки находились въ связи съ переложной и подсѣчной системой, требовавшей для себя большаго простора, а также въ связи съ свободою передвиженія самихъ земледѣльцевъ. Такое сосредоточеніе крестьянъ въ крупныя селенія переносило центръ тяжести крестьянскаго общиннаго быта изъ волости въ село; усиливается значеніе сельской общины въ дѣлѣ раскладки оброковъ и податей и отбыванія повинностей, обезпеченныхъ круговою порукою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самомъ пользованіи землею. Чтобы уравнять тяжесть податей и повинностей, явилась потребность въ уравненіи тяглыхъ земельныхъ участковъ по ихъ качеству и количеству; отсюда явились передѣлы общинныхъ земель. Но все это развилось уже въ послѣдующій періодъ; а въ XVI вѣкѣ мы находимъ только нѣкоторые намеки на возникновеніе крестьянскихъ передѣловъ.

Что касается собственно крестьянской общины, то естественно эта

община имѣла наибольшую возможность самостоятельнаго существованія въ волостяхъ черныхъ или государевыхъ. Черныя общины въ своихъ дѣлахъ вѣдались выборными старостами, сотскими и десятскими, которые и были ихъ представителями передъ правительственными властями. Между тѣмъ земли монастырскія, вотчинныя и помѣщичьи, а также царскія дворцовыя или «подклѣтныя» управлялись довѣренными лицами владѣльцевъ, носившими названія прикащиковъ, посельскихъ, ключниковъ. Въ какихъ отношеніяхъ находилась собственно крестьянская община къ симъ управителямъ, трудно сказать; хотя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, особенно на земляхъ монастырскихъ, встрѣчаются у крестьянъ сотскіе и десятскіе, какъ несомнѣнные признаки общиннаго быта. Сельскіе управители получали свое содержаніе отъ крестьянъ; послѣдніе обыкновенно пахали на прикащика нѣсколько десятинъ земли и косили сѣно; сверхъ того въ три праздника, Рождество, Пасху и Петровъ день, обязывались приносить ему опредѣленное количество хлѣба, масла, сыру, яицъ, баранины, овса и т. п. Черныя-же волости обязаны были доставлять въ тѣ-же три праздника опредѣленное количество «намѣстничьяго корму», т. е. хлѣба и другихъ съѣстныхъ припасовъ, намѣстнику или волостелю съ его тіуномъ и доводчикомъ. Такіе кормы составляли только часть общаго оброку, взимавшагося съ крестьянъ какъ на государя, такъ и на частныхъ владѣльцевъ натурою, т. е. разнаго рода хлѣбомъ и съѣстными припасами; обыкновенно къ этому оброку прибавлялась еще денежная подать, а иногда и самый натуральный оброкъ перелагался или собственно оцѣнивался на деньги.

Переходя отъ сельскаго населенія къ городскому, мы видимъ, что въ данную эпоху города продолжали сохранять свое прежнее значеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, въ которыхъ окрестные жители искали убѣжища во время непріятельскаго нашествія. Поэтому постройка и укрѣпленіе городовъ составляли одну изъ главныхъ заботъ правительства и одну изъ главныхъ повинностей тяглаго населенія. Только немногіе города Московскаго государства въ XVI вѣкѣ имѣли каменныя стѣны; таковы: Москва, Псковъ, Ладога, Нижній, Ярославль, Новогородскій кремль на Софійской сторонѣ, Тульскій кремль, Коломна, Серпуховъ, Великія Луки. Островъ, Александровская слобода и нѣкоторые другіе. Въ Смоленскѣ каменныя стѣны построены только при Борисѣ Годуновѣ. Остальные города имѣли деревянныя стѣны, состоявшія обыкновенно изъ срубовъ,

наполненныхъ землею, или были обведены землянымъ валомъ съ дубовымъ тыномъ; кругомъ стѣны или вала шелъ ровъ, за исключеніемъ конечно тѣхъ сторонъ, которыя опирались на крутой берегъ рѣки или оврага. Для уменьшенія опасности отъ огня деревянныя городскія стѣны иногда снаружи осыпались землею. Стѣны прерывались башнями, которыя были или глухія, или проѣзжія, т. е. имѣвшія ворота. Пространство между башнями называлось «пясломъ». Въ башняхъ и въ самыхъ стѣнахъ устраивались узкія окна и отверстія для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей; а каменныя стѣны увеличивались высокими зубцами. Собственно городъ или кремль былъ небольшихъ размѣровъ и занимался казенными и общественными зданіями, каковы: намѣстничій или воеводскій дворъ, приказная изба, тюрьма, казенные амбары, погреба и житницы, гдѣ хранились военные и хлѣбные запасы. Въ каменныхъ городахъ для зелейной казны (пороху), свинцу, ядеръ и всякаго оружія устраивались кладовыя въ подошвѣ самыхъ стѣнъ или въ каменныхъ къ нимъ пристройкахъ. Въ кремлѣ же находилась и главная городская святыня, т. е. соборный храмъ съ дворами священниковъ и причетниковъ, а въ главныхъ городахъ архіерейскіе дворы. Кромѣ того въ городѣ стояли такъ наз. «осадные дворы» дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ помѣстья въ окрестномъ уѣздѣ. Въ случаѣ непріятельской осады помѣщики обязаны были собираться въ городъ и усиливать его гарнизонъ. Въ мирное время эти дворы были пусты, и въ нихъ жили только дворники, набираемые большею частію изъ бобылей - крестьянъ или бѣдныхъ посадскихъ ремесленниковъ. Вообще въ мирное время кремль былъ мало обитаемъ. Самъ владыка, намѣстникъ и другія власти жили иногда на посадѣ или въ какой либо загородной усадьбѣ. Только на южныхъ украйнахъ, угрожаемыхъ всегда набѣгами Крымскихъ татаръ, встрѣчались одинокіе городки или острожки, еще не имѣвшіе посадовъ и слободъ: они занимали извѣстные пункты посреди лѣсныхъ засѣкъ, земляныхъ валовъ и извилистыхъ линій изъ надолбъ или бревенчатыхъ частоколовъ, затруднявшихъ подступъ непріятелей къ этимъ городкамъ и острожкамъ.

Обыкновенно рядомъ съ кремлемъ или вокругъ него находился посадъ, который составлялъ самую большую и населенную часть города и который въ свою очередь окруженъ былъ стѣною съ башнями или землянымъ валомъ и рвомъ. Тутъ жило торговое и промышленное городское населеніе, обложенное государевымъ тяг-

ломъ; а рядомъ съ нимъ помѣщались разнаго рода служилые люди: стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, казаки, рассыльщики и т. п. Иногда впрочемъ эти служилые люди и нѣкоторые промышленники выселялись изъ города и составляли примыкавшія къ нему слободы, каковы: стрѣлецкая, казацкая, пушкарская, рыбная, ямская и пр. На посадѣ было нѣсколько церквей, земская изба, гостинный дворъ, гдѣ обязаны были останавливаться пріѣзжіе торговцы, таможный дворъ, торговые ряды съ лавками, амбары для товарныхъ складовъ, и кружечные дворы, т. е. казенные кабаки. Дворы тяглыхъ посадскихъ людей назывались «черные», т. е. обложенные податями, а дворы служилыхъ людей считались бѣлыми. Къ послѣднимъ причислялись дворы церковнослужителей и монастырскіе. Хотя посады, по обилію лавокъ и торговыхъ шалашей или палатокъ и по еженедѣльнымъ торжкамъ или базарамъ, имѣли торгово-промышленный характеръ, однако едва ли не половина посадскихъ обитателей занималась земледѣліемъ или сельскимъ хозяйствомъ. Во-первыхъ, служилые люди, жившіе здѣсь, какъ дѣти боярскіе, такъ стрѣльцы, казаки и пр., только отчасти получали государево жалованье деньгами, а главнымъ образомъ имѣли земельные надѣлы, которые или сами обрабатывали или сдавали крестьянамъ. Во-вторыхъ на посадѣ и въ слободахъ жили многіе крестьяне, занимавшіеся хлѣбопашествомъ. А посадскіе черные люди владѣли на общинныхъ началахъ большими земельными пространствами, приписанными къ городу, какъ пашнями, такъ лугами и лѣсными угодьями; съ этой земли вносили въ казну подати и разные поборы за круговой порукой. Земли эти они обрабатывали собственными семьями, а иногда сдавали на оброкъ. Иногда и сами городскія общины брали на оброкъ земли монастырскія и частныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ въ мирное время городская жизнь легко сливалась съ жизнью сельскою, уѣздною. Въ случаѣ же военной опасности не только все городское, но и почти все уѣздное населеніе, по крайней мѣрѣ ближнее, должно было запереться въ городѣ. Ворота замыкались; неукрѣпленныя слободы и всякія предмѣстья выжигались, а кремль и посадъ переполнялись народомъ, который садился въ осаду съ своими хлѣбными запасами и съ домашнимъ скотомъ; такъ что въ осажденномъ городѣ обыкновенно дѣлалась ужасная тѣснота, отъ которой происходили всякія неудобства и болѣзни. Посему окрестные жители нерѣдко при появленіи Крымцевъ предпочитали спасаться въ лѣсныя и болотистыя трущобы, чѣмъ садиться въ осаду.

Какъ и служилый классъ, посадскіе люди раздѣлялись на три статьи: на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ. Не во всякомъ городѣ существовали всѣ эти статьи; а только въ значительныхъ городахъ. Классъ молодшихъ людей, повидимому, составляли ремесленники, земледѣльцы и вообще чернорабочіе; среднюю и лучшую статьи представляли мелкіе торговцы и болѣе крупные или купцы. Изъ послѣднихъ выдѣлялись еще самые богатые или первостатейные купцы, которые носили названіе «гостей» и пользовались разными правами и привилегіями; они вели большую или оптовую торговлю, и притомъ безпошлинную, имѣли право ѣздить въ другія государства, и пр. По судебнику за безчестье гостей взималось пени 50 рублей, тогда какъ за безчестье среднихъ торговыхъ статей полагалось 5 рублей, наравнѣ съ людьми боярскими; а за молодшихъ людей назначенъ одинъ рубль, наравнѣ съ пашенными крестьянами. Классъ гостей существовалъ только въ такихъ большихъ торговыхъ городахъ какъ Москва, Новгородъ и Псковъ. Въ Москвѣ они составляли особую гостинную сотню; кромѣ нея изъ крупнаго купечества выдѣлилась еще суконная сотня. А затѣмъ здѣсь существовало нѣсколько купеческихъ сотенъ, которыя отчасти пополнялись переводомъ богатыхъ купеческихъ семей въ Москву изъ другихъ городовъ. ([76])

Въ отношеніи къ внутренней исторіи Московской Руси, XVI вѣкъ замѣчателенъ попытками Московскаго правительства оживить древній общинный духъ Русскаго народа и дать общиннымъ учрежденіямъ болѣе самостоятельности въ областномъ управленіи и судопроизводствѣ. Онѣ были вызваны народнымъ неудовольствіемъ и частыми жалобами на притѣсненія, вымогательства и всякія неправды намѣстниковъ и волостелей, которыя особенно усилились въ смутную эпоху малолѣтства Ивана IV и повлекли за собой умноженіе воровъ и разбойниковъ. Попытки эти наглядно выразились въ цѣломъ рядѣ губныхъ и уставныхъ грамотъ. Губныя грамоты предоставляютъ городскимъ и сельскимъ общинамъ право самимъ отыскивать воровъ и разбойниковъ, судить ихъ и казнить посредствомъ выбранныхъ ими губныхъ головъ и лучшихъ людей. (Губою называлась часть уѣзда или волости, собственно судебный округъ). Первыя извѣстныя намъ таковыя губныя грамоты относятся ко времени боярскаго управленія, которыя написаны отъ имени великаго князя Ивана Васильевича, тогда еще малолѣтняго. Это именно гра-

моты Бѣлозерская и Каргопольская, помѣченныя октябремъ 1539 г. Онѣ выданы по челобитью самихъ жителей Бѣлозерскаго и Каргопольскаго уѣздовъ: жители жаловались на то, что разбойники ихъ грабятъ, села и деревни жгутъ, путниковъ на дорогахъ убиваютъ; при чемъ имѣютъ притоны у разныхъ людей, которые принимаютъ отъ нихъ награбленную рухлядь; а великокняжіе приставы и сыщики своею волокитою и вымогательствами причиняютъ жителямъ большіе убытки. Внявъ этимъ жалобамъ, грамота поручаетъ всѣмъ жителямъ уѣзда, князьямъ, дѣтямъ боярскимъ, всѣмъ служилымъ людямъ и крестьянамъ, съ общаго совѣта, выбрать на каждую волость человѣка три или четыре изъ дѣтей боярскихъ грамотныхъ въ губные головы, да къ нимъ прибрать старостъ, десятскихъ и человѣкъ пять, шесть лучшихъ крестьянъ. Эти выборныя власти пусть разыскиваютъ какъ самихъ разбойниковъ, такъ и ихъ пристанодержателей, подвергаютъ ихъ пыткѣ и затѣмъ уличенныхъ пусть бьютъ кнутомъ и казнятъ смертію, а имущество ихъ выдаютъ пограбленнымъ; о чемъ потомъ посылаютъ списки въ Москву къ боярамъ, «которымъ разбойные дѣла приказаны» (т. е. въ Разбойный приказъ). Въ 1541 году губная грамота дана была Пскову по жалобѣ Псковичей на неправосудіе и вымогательства намѣстниковъ. Тогда же начали давать подобныя грамоты и по другимъ городамъ. Въ царскомъ Судебникѣ 1550 года (по статьѣ 60-й) постановляется уже общимъ правиломъ, чтобы намѣстники «вѣдомыхъ разбойниковъ» отдавали на судъ губнымъ старостамъ; а «старостамъ губнымъ, опричь вѣдомыхъ разбойниковъ, у намѣстниковъ не вступаться ни во что». Тутъ губные головы названы старостами, и это послѣднее названіе за ними осталось; а лучшіе люди, выбираемые имъ въ помощь, получили названіе цѣловальниковъ—общее тогда названіе для всѣхъ выборныхъ людей, приставленныхъ къ какому либо дѣлу и цѣловавшихъ крестъ, т. е. приносившихъ присягу въ добросовѣстномъ исполненіи порученнаго имъ дѣла.

Московское правительство въ своемъ расположеніи идти навстрѣчу народнымъ желаніямъ не ограничилось утвержденіемъ и распространеніемъ губныхъ учрежденій, но пошло и далѣе. Приблизительно въ ту же эпоху юности Ивана IV, въ эпоху вліянія Сильвестра и Адашева, оно попыталось совсѣмъ отмѣнить своихъ намѣстниковъ и волостелей, и поставить на ихъ мѣсто земскія учрежденія, т. е. дать земскимъ общинамъ почти полное самоуправленіе. Уставныя грамоты на такое самоуправленіе давались сначала по просьбѣ са-

михъ жителей. Нѣкоторыя посадскія и крестьянскія общины присылали въ Москву своихъ уполномоченныхъ съ челобитной грамотой, въ которой излагались жалобы на великокняжихъ кормленщиковъ, т. е. намѣстниковъ и тіуновъ; отъ ихъ насилій и вымогательствъ, а также отъ татей и разбойниковъ многіе жители «разбрелись порознь», станы и волости пустѣли; а намѣстники съ ихъ тіунами, праветчиками и доводчиками продолжали взимать сполна свои кормы и всякіе поборы съ оставшихся посадскихъ людей и становыхъ или волостныхъ крестьянъ. По челобитью жителей, Московское правительство отъ имени царя и великаго князя Ивана Васильевича отмѣняло у нихъ намѣстниковъ и тіуновъ, вмѣсто которыхъ разрѣшено приписаннымъ къ извѣстному посаду жителямъ выбирать по нѣскольку лучшихъ людей, которые назывались излюбленными головами или старостами и вѣдали всѣ тѣ дѣла, которыми прежде вѣдалъ намѣстникъ, т. е. творили судъ и расправу, собирали установленные пошлины и оброки, и сами отвозили ихъ въ Москву. При мірскихъ разрубахъ и разметахъ этихъ пошлинъ и оброковъ въ сѣверорусскихъ областяхъ обыкновенно единицею обложенія у крестьянъ служила обжа, а у посадскихъ дворъ, которые приравнивались другъ къ другу. При семъ земскія общины отнюдь не были избавлены отъ намѣстничьихъ и тіуновыхъ кормовъ и поборовъ. Только эти кормы и поборы были переложены на деньги и доставлялись въ Москву вмѣстѣ съ государевыми оброками. Въ помощь излюбленнымъ головамъ и старостамъ для исполненія полицейскихъ обязанностей выбирались сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, а для суда и денежныхъ сборовъ выбирались къ нимъ такъ наз. цѣловальники; письмоводство велъ при нихъ земскій дьякъ, также выбранный общиной или міромъ. Всѣ сіи власти, собранныя вмѣстѣ, составляли земскую избу.

Древнѣйшая извѣстная намъ въ этомъ смыслѣ уставная грамота дана въ 1552 году посадскимъ и крестьянамъ Важскаго уѣзда; онъ былъ раздѣленъ на два стана по двумъ посадамъ, Шенкурью и Вельску, и потому составилъ двѣ земскія избы, въ каждой по десяти излюбленныхъ головъ, выбранныхъ міромъ изъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ. (Тогда какъ губные старосты выбирались только изъ дѣтей боярскихъ, т. е. изъ помѣщичьяго сословія). Изъ послѣдующихъ таковыхъ же уставныхъ грамотъ заслуживаетъ вниманія грамота, данная въ 1556 г. жителямъ Двинной земли или нижней ея половины, средоточіемъ которой былъ городъ Холмогоры. По этой грамотѣ хотя намѣстники

и тіуны Двинскіе не отмѣнялись; но отъ суда и сбора доходовъ они отстранялись; а дѣла эти поручались двумъ излюбленнымъ жителями головамъ съ пятью или шестью товарищами, также выбранными изъ лучшихъ людей. Двинскіе излюбленные головы или судьи повидимому были въ то же время и губными старостами; въ помощь имъ для поимки татей и разбойниковъ па посадѣ, въ станахъ и волостяхъ поручалось выбрать сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ такихъ, «которые были бы добры и прямы и всѣмъ крестьянамъ любы». Всѣ эти излюбленныя власти выбирались повидимому безъ сроку, такъ какъ жителямъ предоставлялось право перемѣнять ихъ и на ихъ мѣсто выбирать другихъ лучшихъ людей.

Правительство Московское, какъ само говоритъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ, въ это время съ одной стороны осаждалось частыми жалобами городовъ и волостей на притѣсненія кормленщиковъ, т. е. намѣстниковъ и волостелей, которые старались вымогать поборы сверхъ положенныхъ; съ другой оно подвергалось «докукѣ и челобитьямъ многимъ» отъ самихъ кормленщиковъ на то, что посадскіе и волостные люди не платятъ имъ положенныхъ кормовъ, не даются имъ подъ судъ, бьютъ ихъ, взводятъ на нихъ поклепы и затѣваютъ съ ними большія тяжбы (когда оканчивался срокъ кормленія намѣстниковъ и волостелей). Поэтому оно пришло къ мысли повсюду отмѣнить судъ и управу своихъ кормленщиковъ, на мѣсто ихъ поставить излюбленныхъ головъ и старостъ, а разнообразные кормы замѣнить опредѣленными денежными оброками, смотря «по промысламъ и по землямъ», которые должны были доставляться въ царскую казну дьякамъ; изъ этихъ оброковъ предполагалось выдавать время отъ времени вознагражденіе боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, смотря по ихъ «отечеству и дородству». При чемъ съ отмѣною прежней системы кормленій предположено было усилить надѣленіе служилыхъ людей помѣстьями. Въ такомъ именно смыслѣ въ сентябрѣ 1556 г. былъ изданъ указъ, который начинается словами: «Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Руси со своею братіею и съ боярами приговорилъ о кормленіяхъ и о службѣ всѣмъ людямъ, какъ имъ впредь служити». Выше было сказано, что относительно ратной службы этимъ указомъ опредѣлялось, сколько ратниковъ и съ какого количества земли должны были выставлять помѣщики во время войны. А тѣ помѣщики, которые, имѣя земли, совсѣмъ не выставили ратныхъ людей, обязаны были вносить за нихъ особыя деньги.

Но намѣреніе правительства отмѣнить систему кормленія, повсемѣстно замѣнивъ намѣстниковъ и волостелей излюбленными головами и старостами, не было приведено въ исполненіе. Такому развитію земскаго самоуправленія воспрепятствовали разнообразныя причины. Во-первыхъ, оно не могло быть распространено на окраинныя области, угрожаемыя непріязненными сосѣдями, въ особенности южныя и восточныя, которыя требовали постоянныхъ оборонительныхъ мѣръ, и потому управлялись не только намѣстниками и царскими дьяками, но иногда и прямо воеводами, имѣвшими въ своихъ рукахъ болѣе сильную власть. Отсюда мы видимъ, что земское самоуправленіе примѣнялось собственно отчасти въ областяхъ центральныхъ, а главнымъ образомъ въ сѣверныхъ, бывшихъ Новгородскихъ и Псковскихъ, сохранявшихъ еще преданія вѣчеваго быта. Во-вторыхъ, земское самоуправленіе мало согласовалось съ общимъ развитіемъ государственнаго строя, т. е. съ развитіемъ московскаго самодержавія и начала приказнаго, направленнаго къ централизаціи, къ сосредоточенію всего управленія въ государевой столицѣ. Съ такимъ направленіемъ совмѣстимо было существованіе общинъ не всеуѣздныхъ и не всесословныхъ, а только мелкихъ, посадскихъ и волостныхъ, и притомъ имѣвшихъ своею задачею по преимуществу разверстку податей и повинностей. Въ этомъ смыслѣ мало-помалу сложилось дѣйствительное значеніе земскаго или общиннаго самоуправленія. Въ-третьихъ, наконецъ, существованію сколько нибудь самостоятельныхъ общинъ препятствовали все болѣе выступавшія сословныя грани, т. е. преобладаніе въ государствѣ военно-служилаго сословія съ одной стороны и постепенное закрѣпощеніе крестьянства съ другой. Хотя по губнымъ и уставнымъ грамотамъ того времени общинными правами повидимому пользуются крестьяне и владѣльческіе и черные; но въ дѣйствительности пользованіе этими правами для первыхъ затруднялось отношеніями къ владѣльцамъ и ихъ прикащикамъ; такъ что въ сущности правами общиннаго самоуправленія могли пользоваться только крестьяне черные или государевы. Но и сіи послѣдніе по своимъ вѣдомствамъ, а также по своимъ занятіямъ или промысламъ раздѣлялись на разныя группы, которыя могли составить только мелкія отдѣльныя общины, каковы крестьяне черносошные, дворцовые, рыбники, бортники, бобровники и пр. Самъ Иванъ IV, въ лучшую пору своего царствованія, т. е. въ эпоху Селивестра и Адашева, покровительствовавшій земскимъ общинамъ, потомъ явно стремится къ ихъ ограниченію

или, точнѣе, къ обращенію ихъ въ низшія служилыя единицы, такъ что выборы излюбленныхъ старостъ и цѣловальниковъ становятся не правомъ общинъ, а ихъ повинностью. Отсутствіе опредѣленнаго вознагражденія за выборныя должности также не мало способствовало ихъ упадку; смотря на свои должности какъ на повинность, выборные люди естественно старались вознаградить себя сами; поэтому на ихъ вымогательства и притѣсненія впослѣдствіи явились такія же жалобы, какія слышались относительно намѣстниковъ, волостелей и тіуновъ. Особенно такое направленіе приняли губныя учрежденія, такъ какъ въ губные старосты выбирались дворяне и дѣти боярскіе; они тяготились отправлять безмездную земскую службу. По губныя учрежденія, имѣвшія болѣе опредѣленное назначеніе, т. е. разбойныя и татенныя дѣла, получили болѣе широкое распространеніе въ Московскомъ государствѣ, чѣмъ земское самоуправленіе, и потомъ на много лѣтъ пережили послѣднее. (77).

Вообще система областнаго управлянія и суда въ Московскомъ государствѣ той эпохи представляетъ на первый взглядъ замѣчательное разнообразіе и неравномѣрность. Въ однихъ областяхъ второстепенные города вмѣстѣ съ цѣлымъ уѣздомъ подчинены были намѣстнику главнаго города; въ другихъ эти второстепенные города имѣли своихъ намѣстниковъ или городскихъ прикащиковъ, непосредственно сносившихся съ Москвою; въ третьихъ даже волостели, вѣдавшіе не городами, а селами, составлявшими волость, тоже не были подчинены намѣстникамъ, а прямо сносились съ Москвою. Одни намѣстники имѣли право боярскаго суда, другіе его не имѣли, третьи имѣли обширную власть и военную и гражданкую, т. е. были воеводами. Одни области управлялись кормленщиками, т. е. царскими намѣстниками и волостелями; другіе имѣли свое земское самоуправленіе, т. е. вѣдались и судились своими выборными людьми; въ однихъ областяхъ уголовнымъ судомъ вѣдали сами намѣстники, въ другихъ губные старосты и т. д. Такое разнообразіе произошло главнымъ образомъ потому, что Московское государство слагалось постепенно по мѣрѣ присоединенія древнихъ русскихъ княжествъ и земель; при чемъ каждая вновь присоединенная область получала свое устройство; но московскіе порядки вводились въ ней не вдругъ, а болѣе или менѣе постепенно, сообразуясь съ обстоятельствами. Присматриваясь ближе къ устройству областей, замѣчаемъ однако въ нихъ общія начала, общія черты, обнаруживающія дальновидность и цѣлесообразность московской объединительной политики. Такъ мы видимъ, что эта

политика избѣгала созданія большихъ областей, имѣвшихъ во главѣ правителей съ обширными полномочіями, а держалась сначала мелкихъ земельныхъ единицъ. Только нѣкоторые окрайные пункты стояли во главѣ значительныхъ областей и имѣли воеводъ или намѣстниковъ съ обширными полномочіями, каковы: Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ, Рязань и Астрахань. Но, во первыхъ, намѣстники не оставались по долгу, а, во вторыхъ, обыкновенно ихъ было по двое, въ третьихъ дѣлопроизводствомъ завѣдывали довѣренные государевы дьяки. Вся сила московской централизаціи изъ провинцій была перенесена въ столицу. Здѣсь она существовала въ видѣ различныхъ приказовъ, въ которыхъ непосредственно сосредоточивалось управленіе областями.

Начало московскихъ приказовъ восходитъ къ эпохѣ предшествующей; они возникли изъ тѣхъ отраслей управленія или хозяйства, которыя великимъ княземъ поручались или приказывались какому либо боярину, дьяку, казначею, дворецкому и т. п. Образованіе изъ нихъ постоянныхъ государственныхъ учрежденій, называемыхъ избою, палатою, дворомъ, приказомъ, по нѣкоторымъ признакамъ, начато было великимъ организаторомъ объединявшейся Московской Руси, Иваномъ III. Такъ въ его время повидимому получили свое начало или уже существовали слѣдующіе приказы:

1. Дворцовый, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ «Приказа Большаго Дворца», вѣдавшій дворцовыя имѣнія, дворцовое хозяйство и дворцовую службу. Здѣсь начальствовалъ великокняжій дворецкій, а при немъ состояли «дворцовые дьяки». Съ присоединеніемъ къ Москвѣ княжествъ Тверскаго и Рязанскаго въ Москву переведено было хозяйственное ихъ вѣдомство, и здѣсь нѣкоторое время существовали какъ отдѣльныя учрежденія: «Тверской Дворецъ» и «Рязанскій Дворецъ», потомъ вѣроятно, слившіеся съ Приказомъ Большаго Дворца. 2. Казенный дворъ, имѣвшій во главѣ своей «казначея» съ дьяками и вѣдавшій «всякую домовую казну Государя», куда относились также сундуки съ посольскими и договорными грамотами и прочими бумагами собственнаго государева архива. 3. Земскій дворъ или приказъ, главнымъ образомъ имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи внѣшніе распорядки (полицію) въ самой столицѣ. 4. Холопій приказъ, сосредоточившій всѣ дѣла о холопахъ. Къ тому же времени вѣроятно относится и начало приказовъ: 5. Конюшеннаго. 6. Ямскаго, а также 7. Раз-

ряднаго, 8. Помѣстнаго и 9. Посольскаго. Наиболѣе важный изъ нихъ, Разрядный, по преимуществу велъ книги служилому сословію, производилъ назначенія и распорядки о его службѣ, какъ военной, такъ придворной и областной; онъ вѣдалъ раздачей кормленій, вотчинъ и помѣстій; въ немъ хранились боярскіе и дворянскіе родословцы, и велись всѣ дѣла по мѣстническимъ счетамъ. Первоначально онъ составлялъ, повидимому, главное отдѣленіе въ канцеляріи Боярской Думы. Въ XVI вѣкѣ изъ сей канцеляріи, какъ надо полагать, выдѣлились четыре приказа: «Разрядный», «Посольскій», «Помѣстный» и «Казанскаго Дворца». Эти четыре отдѣленія думской канцеляріи превратились въ приказы, потому и носили названія четвертей или «четвертныхъ приказовъ». Отдѣленіе Казанскаго Дворца или Казанская четь (четверть) образовалась вслѣдъ за покореніемъ Казани и Астрахани; она вѣдала всѣмъ Поволжьемъ. Впослѣдствіи, въ XVII вѣкѣ, находимъ и другіе приказы, вѣдавшіе дѣлами и доходами областными и носившіе названіе четей, начало которыхъ вѣроятно относится къ болѣе раннему времени; каковы: Нижегородская, Владимірская, Галицкая, Костромская, Устюжская и Сибирская. Кромѣ того въ XVI вѣкѣ встрѣчаются приказы или избы и палаты: Разбойный, вѣдавшій уголовными дѣлами, Стрѣлецкій, Пушкарскій, Челобитный и нѣкоторые другіе.

Вообще къ началу XVII вѣка число московскихъ приказовъ было уже весьма значительное. Хотя эти приказы, чети и палаты поручались обыкновенно боярамъ и ихъ товарищамъ, но такъ какъ дѣлопроизводствомъ здѣсь завѣдывали дьяки, то къ нимъ и перешло главное значеніе въ приказахъ. Нѣкоторые приказы поручались прямо дьякамъ и даже назывались ихъ именами; съ послѣдней четверти XVI вѣка встрѣчаемъ въ царскихъ грамотахъ выраженія: «четь дьяка нашего Дружины Петелина» и «четь дьяка нашего Ивана Вахрамеева». Дьякамъ поручались преимущественно тѣ помянутые приказы, которые выдѣлились изъ канцеляріи Боярской думы, т. е. четверти. Такъ въ Посольскомъ приказѣ начальствовали въ XVI вѣкѣ извѣстные дьяки сначала Иванъ Висковатый, а потомъ братья Андрей и Василій Щелкаловы, которые въ разное время стояли также во главѣ Разряднаго приказа. Современники ихъ, дьяки Елеазаръ Вылузгинъ завѣдывалъ Помѣстнымъ приказомъ, а Дружина Пантелеевъ Казанскимъ Дворцомъ. Письмоводствомъ въ приказахъ занимались подьячіе, которые и стали извѣстны преимущественно подъ именемъ «приказныхъ людей». По словамъ од-

ного иностранца (Флетчера), эти четыре дьяка получали большой по тому времени денежный окладъ: Щелкаловы по 100 рублей; Пантелѣевъ 150, а Вылузгинъ 500 рублей.

Всѣ сіи отдѣльныя отрасли суда и управленія объединяло и стояло въ ихъ главѣ учрежденіе, наслѣдованное отъ удѣльно-княжескаго періода, т. е. Боярская дума. Согласно съ развивавшимся государственнымъ и притомъ самодержавнымъ строемъ Московской земли, эта дума получила теперь болѣе опредѣленныя очертанія. Будучи ближайшею помощницею государя, она хотя имѣла при немъ только совѣщательное значеніе, тѣмъ не менѣе пріобрѣла характеръ прочнаго и необходимаго государственнаго учрежденія съ извѣстнымъ кругомъ дѣйствія и ограниченнымъ составомъ своихъ членовъ. Только тѣ члены боярскаго сословія засѣдали въ думѣ, которые были пожалованы саномъ боярина и окольничаго, съ прибавленіемъ еще такихъ важныхъ придворныхъ должностей какъ дворецкій, казначей, кравчій; кромѣ того въ нее сажались царемъ немногіе дѣти боярскіе, которые во-второй половинѣ XVI вѣка называются «думными дворянами». Письмоводствомъ при думѣ или думской канцеляріей завѣдывали «думные дьяки». Изъ этой канцеляріи, какъ мы видѣли, выдѣлились постепенно особые приказы, оставленные въ завѣдываніи тѣхъ же думныхъ дьяковъ. Иванъ III оставилъ своему сыну думу въ количествѣ 13 бояръ, 6 окольничихъ, 1 дворецкаго и 1 казначея. Послѣ того въ началѣ XVI вѣка число думныхъ людей то немного увеличивалось, то немного уменьшалось. Иванъ IV оставилъ сыну 10 бояръ, 1 окольничаго, 1 кравчаго, 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ. При Ѳедорѣ Ивановичѣ число думныхъ людей возросло до 30. Иногда въ думу призывалось высшее духовенство; такимъ образомъ являлась распространенная дума. Засѣданія боярской думы происходили въ царскомъ дворцѣ, т. е. въ одной изъ его палатъ (напр. «Золотой», Отвѣтной, Грановитой) или, какъ тогда выражались, «на верху». По свидѣтельству одного иностранца въ концѣ XVI вѣка (Флетчера), она собиралась два раза въ день, рано поутру и передъ вечеромъ; а для текущихъ дѣлъ назначены были три дня въ недѣлю: понедѣльникъ, середа и пятница. Хотя предсѣдатель думы былъ самъ царь; но онъ не всегда присутствовалъ на засѣданіяхъ; при чемъ приговоры думы конечно поступали на его утвержденіе; откуда и возникла потомъ извѣстная формула: «царь указалъ, бояре приговорили». При Грозномъ законы большею частію носять такую формулу: царь «уложилъ со всѣми бояры».

Кромѣ текущихъ дѣлъ, преимущественно докладовъ, которые поступали на разсмотрѣніе думы отъ разныхъ приказовъ, вѣдѣнію ея подлежали важнѣйшіе государственные вопросы, въ особенности вопросы внѣшней политики; иногда она занималась судебными разбирательствами, напримѣръ, дѣлами по мѣстничеству; но главнымъ образомъ она занималась обсужденіемъ новыхъ законовъ и постановленій и слѣдовательно имѣла значеніе по преимуществу законодательное.

Рядомъ съ этимъ оффиціальнымъ и полнымъ совѣтомъ государя часто существовала другая царская дума, ближняя или негласная, которая и подготовляла рѣшеніе вопросовъ въ ту или другую сторону; сюда государь приглашалъ наиболѣе довѣренныхъ членовъ думы. Наконецъ встрѣчается еще болѣе тѣсный совѣтъ государевъ, состоявшій изъ его любимцевъ, которые даже не всегда принадлежали къ составу боярской думы. Мы видѣли, какъ въ царствованіе Василія III недовольные бояре устами Берсеня Беклемишева жаловались на то, что великій князь рѣшаетъ дѣла запершись у своей постели самъ третей (съ Шигоною Поджогинымъ и кѣмъ либо изъ дьяковъ). Въ первой половинѣ царствованія Грознаго повторяется такое же совѣщаніе царя самъ третей (съ Сильвестромъ и Адашевымъ). Для своего сына и преемника Ѳедора Иванъ Грозный даже приготовилъ особую ближнюю думу изъ пяти бояръ, которая потомъ въ дѣйствительности свелась къ одному Борису Годунову. Подобные факты суть обычныя явленія во всякой монархіи, особенно неограниченной, гдѣ любимцы или довѣренные совѣтники всегда играютъ первостепенныя роли; вопросъ только въ выборѣ наиболѣе достойныхъ. Но и помимо ближней или «комнатной» думы государевой и совѣтниковъ—любимцевъ, за боярской думой оставалось еще много всякихъ текущихъ дѣлъ, которыя она могла обсуждать и исправлять по собственному разумѣнію. А во время малолѣтства государя или въ эпоху безгосударную боярская дума сосредоточивала въ своихъ рукахъ верховную правительственную власть; какъ это было, напримѣръ, въ малолѣтство Ивана IV и позднѣе въ Смутное время.

Выше боярской думы въ подобныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ могла стоять только «великая земская дума»; но это было учрежденіе временное, а не постоянное. Такое учрежденіе являлось необходимымъ слѣдствіемъ объединенія всей Русской земли подъ главенствомъ Москвы. Оно замѣнило собой и прежніе съѣзды удѣльныхъ князей съ ихъ дружинниками, и прежнія мѣстныя городскія

вѣча. Теперь, когда всѣ русскія области (за исключеніемъ югозападныхъ) слились въ одно Московское государство, съ самодержавнымъ царемъ во главѣ, сама собою являлась правительственная потребность въ собраніи представителей отъ всѣхъ областей для того, чтобы государь могъ совѣщаться съ ними о важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ, отъ нихъ узнавать желанія и нужды земли и чрезъ нихъ сообщаться съ землею. Послѣ внѣшняго объединенія Руси такія собранія выборныхъ земскихъ людей служили наилучшимъ средствомъ укрѣпить ея внутреннее единство. И потому совершенно естественно, что они являются послѣ того, какъ при Василіи III было закончено собираніе сѣверо-восточной Руси, т. е. при его сынѣ Иванѣ IV. Первый извѣстный земскій соборъ или великая земская дума, какъ мы видѣли, была созвана самимъ молодымъ царемъ въ 1549 или 1550 году, и открыта подъ его личнымъ предсѣдательствомъ при самой торжественной обстановкѣ. Эта великая дума, по всѣмъ признакамъ, обсуждала по преимуществу состояніе правосудія въ Русскомъ царствѣ, и имѣла вообще важныя послѣдствія, каковы, кромѣ новаго изданія Судебника, напримѣръ, послѣдующія мѣры къ водворенію земскаго самоуправленія.

Самый созывъ земскаго собора и его совѣщанія очевидно устроены были по образцу обычныхъ на Руси церковныхъ соборовъ, и тѣмъ болѣе, что духовенство явилось едва ли не самою важнѣйшею частію въ составѣ великой земской думы. Относительно думы 1550 года источники не даютъ намъ подробныхъ свѣдѣній о ея составѣ. Таковыя свѣдѣнія получаемъ мы по поводу второго извѣстнаго намъ земскаго собора, созваннаго тѣмъ-же Иваномъ IV въ 1566 году, по вопросу: продолжать-ли съ польско-литовскимъ королемъ войну за Ливонію или заключить миръ? На этомъ соборѣ участвовало около 370 лицъ. Для обсужденія предложеннаго царемъ вопроса собраніе раздѣлено было на нѣсколько группъ: первую группу составило духовенство, т. е. епископы, архимандриты, игумны, старцы, всего 32 человѣка; вторую образовали бояре, окольничіе, казначеи, печатникъ и нѣсколько дьяковъ, всего 29 человѣкъ, очевидно составлявшихъ боярскую думу, которая такимъ образомъ въ полномъ своемъ составѣ входила въ великую земскую думу; третья группа состояла изъ 97 дворянъ первой статьи, четвертая изъ 99 дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи; далѣе видимъ 33 дьяка и приказныхъ людей, 75 человѣкъ гостей, московскихъ купцовъ и смольнянъ; отдѣльныя группы составили нѣсколько торопецкихъ и луц-

кихъ помѣщиковъ, т. е. дѣтей боярскихъ. Изъ такого состава можно заключить, что соборъ 1566 года не былъ полнымъ, обнимавшимъ всѣ области. Повидимому онъ былъ созванъ поспѣшно и преимущественно изъ людей, оказавшихся подъ рукою, въ столицѣ или по близости ея; въ томъ числѣ находились и немногіе дѣти боярскіе, испомѣщенные на западныхъ границахъ, какъ люди наиболѣе заинтересованные въ происходившей войнѣ. Созываемый самимъ государемъ, земскій соборъ естественно рядомъ съ самодержавною властію могъ имѣть только значеніе совѣщательное и могъ обсуждать только тѣ вопросы, которые были ему предложены. А въ данномъ случаѣ согласно всѣми группами поданное мнѣніе за продолженіе войны и добываніе всей Ливоніи, несмотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства, заставляетъ думать, что члены собора далеко не были свободны въ выраженіи своихъ мыслей и, запуганные наступившей эпохой опричины, ограничились простымъ подтвержденіемъ государевыхъ желаній, которыя конечно не оставались имъ неизвѣстны. Важно однако то, что и такой тиранъ какъ Иванъ IV, рѣшась продолжать тяжелую разорительную войну, счелъ нелишнимъ заручиться хотя-бы только внѣшнимъ одобреніемъ не полно представленной Русской земли.

Но если къ самодержавному царю земскій соборъ могъ имѣть только подчиненное совѣщательное отношеніе, то во время безгосударное и особенно въ вопросахъ объ избраніи новаго царя онъ необходимо долженъ былъ пріобрѣсти рѣшающее значеніе, какъ высшее правительственное собраніе, представлявшее собою всю Русскую землю, всѣ ея чины, всѣ сословія. И такое значеніе вскорѣ дѣйствительно пріобрѣла общая земская дума съ прекращеніемъ династіи Владиміра Великаго на Московскомъ престолѣ. Нѣкоторыя извѣстія заставляютъ предполагать, что уже тотчасъ по смерти Ивана IV въ Москву созванъ былъ духовно-свѣтскій соборъ для того, чтобы своимъ присутствіемъ при царскомъ вѣнчаніи укрѣпить на престолѣ его сына Θеодора, возбуждавшаго сомнѣнія по своему слабоумію со стороны многихъ знатныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на предстоявшее возвышеніе царскаго зятя Бориса Годунова. Первый земскій соборъ, имѣвшій своею прямою задачею избраніе новаго царя, былъ созванъ въ февралѣ 1598 года. Но извѣстно, что этотъ вопросъ былъ уже заранѣе рѣшенъ въ Москвѣ въ пользу Годунова, и выборные земскіе люди нужны были ему только для подтвержденія и освященія выбора. Поэтому и самые

выборы, руководимые преданнымъ Годунову патріархомъ Іовомъ и закупленными чиновниками, на дѣлѣ явились собственно подборомъ подходящихъ лицъ: изъ 457 человѣкъ собора огромное большинство составили придворные служилые люди и дворяне московскіе вмѣстѣ съ духовенствомъ; немногіе собственно земскіе представители были набраны между московскими торговыми людьми, а отъ иныхъ городовъ было призвано всего нѣсколько человѣкъ. Вообще почти всѣ помянутые соборы показываютъ, что выборы тогда производились вполнѣ по усмотрѣнію правительства и что въ XVI вѣкѣ еще не было выработано болѣе опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ для земскаго представительства (78).

XII.

ДОХОДЫ, ВОЙСКО И ЦЕРКОВЬ ВЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ.

Прямые подати и сборы. — Косвенные доходы. — Таможенныя и другія пошлины.—Бережливость московскихъ государей.—Военная служба.—Вооруженіе. — Посоха. — Стрѣльцы. — Нарядъ. — Походное дѣленіе на полки.—Родословные счеты воеводъ.—Продовольствіе войска.—Выносливость и боевыя качества.—Недостатокъ военнаго искусства.—Церковное управленіе.—Бѣлое духовенство.—Умноженіе монастырей.—Извѣстнѣйшія изъ новыхъ обителей. — Иноческіе уставы. — Добрая и оборотная сторона монашескаго быта.—Просвѣщеніе Лопарей.—Языческіе обряды и вѣрованія на сѣверѣ.—Русская религіозность.—Невѣжество, суевѣрія и грубость нравовъ, обличаемыя Стоглавомъ.—Постановленія о школахъ и другія мѣры Стоглава.—Иванъ IV какъ отраженіе татарщины.

Финансовыя средства или доходы Московскаго государства слагались изъ податей и налоговъ, которые, какъ и вездѣ, распадались на прямые и косвенные. Относительно прямыхъ податей главнымъ предметомъ обложенія служила земля; а раскладка ихъ производилась на основаніи писцовыхъ книгъ, которыя заключали въ себѣ описаніе количества и качества земель, ихъ населенности и урожайности. Эти описи извѣстны намъ уже съ первой половины XV вѣка; время отъ времени онѣ повторялись и провѣрялись. Количество земельной подати опредѣлялось по числу сохъ; при чемъ соха служила условною единицею измѣренія; такъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ имѣніяхъ для хорошей земли она опредѣлялась обыкновенно въ 800 четвертей (400 десятинъ), для средней въ 1000 и для худой въ 1200; въ монастырскихъ, дворцовыхъ, черныхъ земляхъ соха заключала въ себѣ меньшее количество четвертей; напримѣръ, хорошей земли 600, а худой 900, или хорошей 500, а худой 700. Къ посошной подати приспособлялись налоги подворный и промысловой. Такъ въ посадахъ и слободахъ къ сохѣ приравнивалось

извѣстное количество дворовъ, напримѣръ, лучшихъ 40, среднихъ 80 и молодчихъ 160; въ слободахъ различались дворы крестьянскіе и бобыльскіе, первые были съ землею, вторые безъ земли, такъ что въ сохѣ считались 320 крестьянскихъ и 960 бобыльскихъ. Точно также въ промышленныхъ слободахъ къ сохѣ приравнивались (какъ въ предыдущемъ періодѣ) рыболовный ѣзъ (заколъ въ рѣкѣ), соле-варенный црѣнъ и т. д. Но со времени Грознаго въ промышленныхъ мѣстахъ является раскладка «по животамъ и промысламъ», уже независимо отъ сошной единицы. Собственно поголовная прямая подать въ эту эпоху взималась съ восточныхъ инородцевъ, у которыхъ каждый мужчина, способный заниматься промысломъ, былъ обложенъ мѣховою или пушною данью. Эта инородческая дань извѣстна подъ именемъ «ясака». Къ прямымъ податямъ относились и такъ наз. оброки. Они устанавливались въ замѣнъ разныхъ повинностей и сборовъ; между прочимъ, кормы намѣстничьи и волостельскіе, какъ извѣстно, при Иванѣ IV были замѣнены денежными оброками; монастыри за тѣ ихъ земли, которыя были освобождены отъ податей и повинностей, обыкновенно платили небольшой оброкъ.

Кромѣ обычныхъ прямыхъ податей были еще постоянные сборы, учрежденные для извѣстныхъ потребностей и цѣлей, каковы: «ямскія деньги», собиравшіяся на подмогу общинамъ, обязаннымъ ямскою гоньбою, „полоняничныя“—для выкупа плѣнныхъ у Татаръ, „стрѣлецкій хлѣбъ“—на содержаніе стрѣльцовъ, частію переложенный потомъ на деньги, и т. д. Вообще рядомъ съ денежными податями, оброки взимаемые сельскохозяйственными произведеніями или натурой (особенно съ дворцовыхъ волостей) были тогда очень распространены; они шли на содержаніе царскаго двора и войска излишки отъ нихъ продавались; при чемъ купцамъ запрещалось торговать тѣми же произведеніями, пока не распроданы царскіе запасы. Одинъ иностранецъ въ концѣ XVI вѣка, именно англичанинъ Флетчеръ, говоритъ, что царская казна отъ этихъ излишковъ выручала до 230.000 руб. ежегодно, но во время Ивана Грознаго не болѣе 60.000; такъ какъ онъ былъ менѣе расчетливъ и бережливъ, чѣмъ его предшественники. (По показанію другого современнаго иностранца, Маржерета, въ Московскомъ Дворцовомъ приказѣ всегда въ наличности было отъ 120.000 до 150.000 руб.). Далѣе, годовой итогъ тягла и прямыхъ податей, поступавшихъ съ областей въ четыре приказа, именуемыхъ Четверти, по показанію того же Флетчера, простирался до 400.000 руб. Въ этомъ числѣ

29*

на Псковскую область приходилось 18.000, на Новгородскую 35.000, Тверскую 8.000, Рязанскую 30,000, Муромскую 12.000, Двинскую 8.000, Казанскую 18.000, Устюжскую 30,000, Ростовскую 50.000, собственно Московскую 40,000, Сибирскую 20,000, Костромскую 12,000. Взиманіе и раскладка податей производились самими земскими общинами посредствомъ выборныхъ окладчиковъ, задачею которыхъ было наблюдать, чтобы податныя тягости ложились возможно равномѣрно на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. смотря по достатку; для чего и составлялись такъ наз. «окладныя книги».

Косвенные доходы Московскаго государства состояли изъ разныхъ налоговъ и пошлинъ, число которыхъ съ теченіемъ времени все болѣе умножалось. Главными изъ нихъ остались, какъ и въ предыдущій періодъ, торговыя пошлины, взимаемыя при всякомъ передвиженіи, складѣ и продажѣ товаровъ, т. е. мытъ и тамга, которыя пріобрѣли весьма разнообразныя формы и очень усложнились, а потому служили большимъ бременемъ и затрудненіемъ для торговли, особенно вслѣдствіе всякаго рода придирокъ и вымогательствъ со стороны ихъ сборщиковъ или откупщиковъ; такъ какъ эти сборы обыкновенно, по татарскому образцу, отдавались на откупъ. Рядомъ съ откупомъ въ данный періодъ водворяется также другой способъ взиманія томоженныхъ пошлинъ: посредствомъ выборныхъ отъ земства людей, которые по данной ими присягѣ или цѣлованію креста носятъ общее названіе «цѣловальниковъ» или людей «вѣрныхъ» (по оказываемому имъ довѣрію). Таможенные головы выбирались изъ высшихъ статей, т. е. изъ гостинной и суконной сотенъ, а простые цѣловальники изъ меньшихъ статей или изъ черныхъ сотенъ. Такъ какъ количество пошлинъ, имѣющихъ поступать въ казну въ томъ или другомъ городѣ, большею частію опредѣлялось заранѣе и выборные сборщики собственнымъ имуществомъ отвѣчали за исправное ихъ поступленіе, то служба въ таможенныхъ головахъ и цѣловальникахъ была нелегкая и подчасъ разорительная. Въ свою очередь они старались возмѣщать свои труды и убытки вымогательствами съ торговыхъ людей.

Тотъ же англичанинъ Флетчеръ въ концѣ XVI вѣка сообщаетъ слѣдующее росписаніе казенныхъ таможенныхъ пошлинъ по главнымъ городамъ Московскаго государства: городъ Москва вносилъ ежегодно 12.000 рублей, Смоленскъ 8.000, Псковъ 12.000, Великій Новгородъ 6.000, Старая Руса (извѣстная особенно солянымъ промысломъ) 18.000, Торжокъ и Тверь 1.500, Ярославль 1.200, Кострома 1.800,

Нижній 7,000, Казань 11.000, Вологда 2.000. Всѣ эти суммы поступали въ приказъ, называвшійся Большимъ Приходомъ. Туда же шли сборы съ публичныхъ бань и питейной торговли, т. е. съ кабаковъ или «кружечныхъ дворовъ»; такъ какъ приготовленіе и продажа пива, меда и водки составляли исключительное право казны, были правительственной регаліей. Кружечные дворы и сборы также вѣдались посредствомъ выборныхъ или вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ; при чемъ за недоборы отвѣчали сами выбравшія ихъ общины. Въ Большой Приходъ доставлялись изъ другихъ приказовъ и судебныя пошлины. По словамъ того же иноземца, въ гражданской тяжбѣ всякій, проигравшій ее, платилъ казенной пошлины 10% со всей суммы иска. Разбойный приказъ доставлялъ сюда половину имуществъ осужденныхъ преступниковъ. (Другая половина дѣлилась между судьями и обвинителями). Разрядный приказъ передавалъ туда же остатки отъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе войска, но неистраченныхъ въ мирное время, когда часть ратныхъ людей распускалась по домамъ. Такимъ образомъ итогъ косвенныхъ налоговъ и пошлинъ, стекавшихся въ Большой Приходъ, по Флетчеру, простирался до 800.000 рублей. Слѣдовательно, Дворцовый приказъ, Четверти и Большой Приходъ, по его вычисленію, вмѣстѣ собирали ежегоднаго чистаго доходу 1.430.000 руб., который они передавали въ Кремлевское дворцовое казнохранилище, состоявшее подъ вѣдѣніемъ главнаго царскаго казначея.

Сверхъ означенныхъ доходовъ большую прибыль получалъ царь отъ дорогихъ мѣховъ, которые въ видѣ ясака собирались съ пермскихъ и сибирскихъ инородцевъ. Мѣха эти отчасти продавались, отчасти мѣнялись на привозные иноземные товары, какъ европейскіе, такъ и восточные, т. е. турецкіе, персидскіе, бухарскіе, армянскіе и пр. Флетчеръ говоритъ, что «въ прошломъ году (повидимому 1588), изъ Сибири въ царскую казну получилось слишкомъ 18.800 (470 сороковъ) соболей, 200 куницъ и 180 чернобурыхъ лисицъ». Къ этому доходу надобно прибавить еще значительныя суммы, составлявшіяся изъ частныхъ имуществъ, отбираемыхъ на государя въ случаѣ опалы, и изъ другихъ чрезвычайныхъ поборовъ, взимаемыхъ единовременно съ архіереевъ, монастырей, чиновниковъ и т. д. по поводу какой либо особой нужды, не говоря уже о военномъ времени.

Московскіе государи, начиная еще съ Ивана Калиты, отличались вообще хозяйственною расчетливостію, бережливостію и наклон-

ностью ко всякаго рода пріобрѣтеніямъ; а потому въ теченіе времени при Московскомъ дворѣ скопились большія богатства и множество разныхъ сокровищъ. Особенно при этомъ дворѣ цѣнились и усердно пріобрѣтались золото, серебро, драгоцѣнные камни, жемчугъ, парча и разноцвѣтныя сукна. Иностранцы съ удивленіемъ разсказываютъ о множествѣ хранившейся въ дворцовыхъ кладовыхъ дорогой утвари, т. е. золотыхъ кубкахъ и чашахъ, массивной серебряной посудѣ, царскихъ одеждахъ, унизанныхъ жемчугомъ и дорогими камнями. Во время такихъ торжествъ, какъ пріемъ и угощеніе иноземныхъ пословъ, изъ царскихъ кладовыхъ раздавались богатыя одежды вельможамъ и стольникамъ; а по окончаніи пира онѣ отбирались назадъ; при чемъ строго взыскивалось за всякую порчу. Въ случаяхъ непріятельскаго вторженія сокровища царскія обыкновенно увозились далѣе на сѣверъ, въ Ярославль или на Бѣлоозеро.

Иностранцы, писавшіе въ XVI столѣтіи о Россіи, которую они видѣли собственными глазами (отчасти Гербертштейнъ, а болѣе Поссевинъ и Флетчеръ) слишкомъ темными красками рисуютъ хозяйственную и финансовую дѣятельность московскихъ государей, говоря о какой то ихъ ненасытной алчности, о системѣ постояннаго угнетенія и разоренія подданныхъ, объ изобрѣтеніи новыхъ налоговъ и выжиманіи соковъ изъ народа ради собственнаго обогащенія. Такой взглядъ, можетъ быть, и то отчасти, оправдывался тиранскимъ характеромъ второй половины царствованія Ивана Грознаго; но вообще онъ несправедливъ, и объясняется тѣмъ, что иностранцы мало понимали и значеніе московскаго самодержавія, и характеръ исторически сложившихся гражданскихъ отношеній древней Руси: они смотрѣли на нее съ своей западноевропейской точки зрѣнія и забывали, что эта Русь только что освободилась отъ варварскаго ига, которое въ теченіе двухъ вѣковъ угнетало ее и уединяло отъ европейскаго образованнаго міра. Одновременно съ постепеннымъ освобожденіемъ, шла на Руси тяжелая работа надъ созданіемъ единаго, прочнаго государства, созданіемъ, которое требовало всѣхъ народныхъ силъ и средствъ и потому было впереди всѣхъ другихъ общественныхъ нуждъ и желаній. Сплачиваясь внутри, это государство продолжало вести неустанную борьбу съ сильными и враждебными сосѣдями. Государи московскіе естественно съ особымъ рвеніемъ старались увеличивать свою казну, свои доходы (государева казна въ тѣ времена не различалась отъ казны государственной); ибо они постоянно должны были заботить-

ся объ улучшеніи и развитіи своихъ военныхъ силъ и средствъ. Понятно, что расходы на войско не только поглощали большую часть доходовъ, но иногда и превышали ихъ, такъ что приходилось изыскивать новые источники для ихъ покрытія (79).

Выше мы видѣли, что основную часть русскаго войска въ данную эпоху составляло сословіе землевладѣльческое или собственно помѣщичье, такъ наз. дворяне и дѣти боярскіе, обязанные пожизненно ратною службою. Они должны были выходить въ поле по первому требованію на конѣ въ полномъ вооруженіи и въ сопровожденіи такого числа хорошо вооруженныхъ людей, которое опредѣлялось количествомъ владѣемой ими земли (по одному коннику съ каждыхъ 100 четвертей) или, какъ тогда выражались, «людно, конно и оружно». Дворяне и боярскіе дѣти, сообразно своимъ помѣстьямъ, были расписаны по городамъ, и эти отдѣлы назывались «десятнями»; областные намѣстники вели списки зачисленныхъ на службу или «верстанныхъ» помѣщиковъ и ихъ сыновей, подлежащихъ верстанію (такъ наз. «новики»). А всѣ списки обязаннаго военною службою помѣщичьяго сословія и его вѣдомство сосредоточивались въ Разрядѣ т. е. въ Разрядномъ приказѣ. По этимъ спискамъ число дворянъ и дѣтей боярскихъ, получавшихъ государево жалованье и обязанныхъ по первому требованію выступить въ поле, въ XVI вѣкѣ простиралось отъ 80 до 100.000, какъ говорятъ о томъ нѣкоторыя иностранныя извѣстія. Но каждый помѣщикъ приводилъ съ собою по нѣскольку своихъ вооруженныхъ людей, и, если онъ являлся только самъ третей, т. е. если взять среднимъ числомъ на каждаго по два сносно вооруженныхъ человѣка, то все количество московской конницы, въ случаѣ нужды выводимой въ поле, опредѣлится приблизительно въ 300.000 человѣкъ. Нелегко было въ короткое время собрать (мобилизовать) это войско. Обыкновенно, когда угрожала война или нашествіе непріятельское, изъ московскихъ Четвертныхъ приказовъ разсылались повѣстки къ областнымъ намѣстникамъ, воеводамъ, городовымъ прикащикамъ, губнымъ старостамъ и дьякамъ; они въ свою очередь собирали помѣщиковъ и высылали ихъ къ извѣстному дню на такую то границу или вообще въ назначенныя мѣста. Тутъ писцы, присланные изъ Разряда, по спискамъ провѣряли собравшихся и отмѣчали тѣхъ, которые оказывались въ «нѣтяхъ», т. е. неявившимися. Послѣднимъ грозило строгое взысканіе и даже отобраніе помѣстья. Собравшіеся всадники

распредѣлялись по полкамъ. По окончаніи похода они распускались по домамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые назначались въ гарнизоны пограничныхъ городовъ и въ полевую сторожу (на южныхъ степныхъ украйнахъ). Кромѣ того время отъ времени производились общіе смотры, на которые собирали дворянъ и дѣтей боярскихъ; при чемъ переписывали ихъ съ людьми, конями и со всѣмъ ихъ вооруженіемъ, чтобы знать, въ какомъ количествѣ и въ какой исправности они готовы выступить въ поле. Военнослужилое сословіе вооружалось и отправляло походы на свой счетъ; поэтому помѣщики обыкновенно въ обозѣ (въ кошу) имѣли особаго коня или, смотря по состоянію и количеству прислуги, нѣсколькихъ коней съ вьюкомъ, т. е. нагруженныхъ съѣстными припасами и разными походными принадлежностями. Хотя дворяне и дѣти боярскіе затѣмъ и получали помѣстья, чтобы быть въ состояніи отправлять царскую службу; однако кромѣ земли имъ въ подмогу назначалось и денежное жалованье; смотря по его количеству, они распредѣлялись на извѣстныя статьи.

Въ семъ отношеніи имѣемъ любопытный памятникъ отъ пятидесятыхъ годовъ XVI столѣтія. Это такъ называемая «Книга Боярская» 1556 года, или собственно перепись (хотя и не вполнѣ сохранившаяся) дворянъ и дѣтей боярскихъ, попреимуществу собиравшихся на смотръ подъ Серпуховымъ, съ обозначеніемъ ихъ кормленій, вотчинъ и помѣстьевъ, а также ихъ вооруженія, количества людей и слѣдующаго имъ денежнаго оклада, на основаніи котораго они раздѣлены повидимому на 25 статей. Изъ названной книги видно, что полное русское вооруженіе того времени составляли: стальной искусной работы шеломъ (съ остроконечной верхушкой), желѣзный доспѣхъ, иногда сплошной изъ булатныхъ досокъ или «зерцало», а чаще всего кольчужный разныхъ видовъ и наименованій, какъ-то: «пансырь» — просто кольчужный кафтанъ, «юмшанъ» или «юшманъ», покрытый стальными дощечками на груди и спинѣ, «бехтерецъ» и «куякъ» — въ томъ же родѣ, т.-е. съ досчатыми латами. (Это брони восточнаго типа, но искусно изготовляемыя русскими мастерами); далѣе стальные «наручи» и «наколѣнки», сабля, копье, саадакъ съ лукомъ и колчанъ со стрѣлами. Сверхъ доспѣха надѣвались еще или нарядная приволока бархатная, или ферязь, тоже бархатная; а подлатникомъ служилъ атласный «тегиляй», подбитый ватою или шерстью кафтанъ. Состоятельный всадникъ сидѣлъ на рѣзвомъ аргамакѣ, т. е. на хорошемъ турецкомъ или но-

гайскомъ конѣ; а запаснаго коня слуги для него вели въ поводу. Но уже сами дворяне и боярскіе дѣти тутъ далеко не всѣ записаны съ этимъ полнымъ вооруженіемъ. У иныхъ вмѣсто дорогого шелома видимъ простую желѣзную или мѣдную шапку («мисюрька», «прилбица»), иногда съ «бармицею» или кольчужною сѣткою, спускавшеюся на плечи. Хотя и рѣдко, но встрѣчаются даже дѣти боярскіе совсѣмъ «безъ доспѣху», въ одномъ тегиляѣ. Еще болѣе разнообразія находимъ въ вооруженіи ихъ людей; тутъ только немногихъ видимъ въ полномъ вооруженіи. Обыкновенно на головѣ у нихъ шапки и не только металлическія, но и хлопчатобумажныя, а на тѣлѣ надѣты толстые или тонкіе тегиляи; сидятъ они на меринахъ, вооружены иные саблями и луками, иные копьями, а другіе простыми рогатинами; изрѣдка встрѣчается даже пѣшая прислуга. Но вообще замѣтна наклонность вывести въ поле (по крайней мѣрѣ на смотръ) людей въ большемъ числѣ, нежели слѣдовало по количеству владѣемой земли; ибо за лишнихъ («передаточныхъ») людей прибавлялось денежное жалованье; при семъ однако строго принималось въ разсчетъ ихъ достаточное или недостаточное вооруженіе.

Какъ наглядный примѣръ такихъ точныхъ разсчетовъ передадимъ изъ помянутой книги слѣдующее мѣсто: «Иванъ Ивановъ сынъ Кобылинъ Мокшѣевъ: съѣхалъ съ Ладоги на середокрестье 7062 года, держалъ (за собой это кормленіе въ качествѣ судьи или волостеля) годъ. Въ Серпуховѣ (на смотру) помѣстья сказалъ за собой 22 обжи съ полуобжею; а вотчины не сыскано. Самъ на конѣ въ полномъ доспѣхѣ, въ юмшанѣ и въ шеломѣ и въ наручахъ, и въ наколѣнкахъ о дву конь; людей его въ полкъ 4 человѣка, одинъ въ пансырѣ и въ шеломѣ о дву конь; 3 человѣка въ тегиляяхъ въ толстыхъ, на двухъ шеломы, а на третьемъ шапка мѣдяна, съ копьями; 3 человѣка съ вьюками. А по уложенью взять съ него съ земли человѣка въ доспѣхѣ, и онъ передалъ трехъ человѣкъ въ тегиляяхъ, а не додалъ одного шелома; а по новому окладу дать ему на его голову по 25-й статьѣ 6 рублевъ, да на человѣка съ земли 2 рубля, да на передаточныхъ людей 11 рублевъ, а не додати ему за шеломъ одного рубля». Иностранцы упоминаютъ еще о кистеняхъ и длинныхъ ножахъ, которые служили Русскимъ вмѣсто кинжаловъ.

Итакъ, главная сила русскаго войска въ эту эпоху состояла въ многочисленной дворянской конницѣ, которая снабжалась отчасти своими домашними конями, а отчасти татарскими, которыхъ Но-

гайцы ежегодно въ большомъ количествѣ пригоняли на продажу въ Москву. Рядомъ съ конницею выступало и пѣшее ополченіе; оно набиралось изъ посадскихъ людей и крестьянъ, и называлось посохою, такъ какъ эта ратная повинность раскладывалась на тяглое населеніе по количеству сохъ (а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по количеству дворовъ); число ратниковъ съ сохи опредѣлялось каждый разъ особо по мѣрѣ надобности. Такъ въ Полоцкомъ походѣ Ивана IV въ 1563 году участвовало болѣе 80.000 посохи. Иначе посошные ратники назывались людьми «даточными». Выставляя извѣстное количество ополченцевъ, какъ посадскіе люди, такъ крестьяне черные и монастырскіе, производили между собою денежную разверстку или разрубку, чтобы снабдить этихъ ратниковъ вооруженіемъ и содержать ихъ на время похода; иногда кормъ на нихъ отпускался натурою, при чемъ посошные люди выставляли также извѣстное количество подводъ, а въ случаѣ нужды и лодокъ. Вооруженіе посохи было обыкновенно самое недостаточное; немногіе ратники снабжены были пищалями, саблями и копьями; большая часть ограничивалась топорами и рогатинами. На войнѣ посоха не всегда участвовала въ полевыхъ сраженіяхъ. Она употреблялась преимущественно для осады и обороны крѣпостей, а также для разныхъ работъ, каковы расчистка пути, копаніе рвовъ, постройка мостовъ, перевозка тяжестей, подвозка провіанта и т. п. Впрочемъ въ числѣ посохи находились и конные ополченцы, выставляемые наиболѣе зажиточнымъ населеніемъ, напримѣръ Новгородомъ и Псковомъ.

Военная несостоятельность подобнаго народнаго ополченія, рядомъ съ появленіемъ у нашихъ западныхъ сосѣдей постояннаго войска, снабженнаго огнестрѣльнымъ оружіемъ, побудила московское правительство завести у себя также настоящую пѣхоту, вооруженную ручницами, т. е. ручными пищалями или ружьями. Первоначально такая пѣхота повидимому появилась въ Новгородѣ и Псковѣ; ибо при Василіи Ивановичѣ и въ малолѣтство Грознаго упоминаются новгородскіе и псковскіе «пищальники»; потомъ въ царствованіе Ивана IV такое войско стало называться «стрѣльцами» и было значительно умножено. Въ Москвѣ находилось нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ, поселенныхъ въ особой слободѣ за Москвой рѣкой, насупротивъ Кремля. При особѣ царя всегда былъ отрядъ стрѣльцовъ, входившій въ составъ дворцовой стражи и слѣдовавшій за нимъ въ его походахъ и поѣздкахъ («стремянные стрѣльцы»). Мало по малу около другихъ городовъ, особенно на украйнахъ, явились

также особыя слободы, заселенныя стрѣльцами. Это войско набиралось изъ вольныхъ охочихъ людей, и содержалось на счетъ казны; сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, стрѣльцы надѣлялись также землею, имѣли право заниматься мелкою торговлею и промыслами. Кромѣ гарнизонной службы, въ мирное время они вообще отправляли полицейскую службу и держали караулы въ столицѣ. Они вооружены были тяжелымъ неуклюжимъ ружьемъ или самопаломъ съ пулею очень малаго калибра, саблею и бердышемъ или сѣкирою на длинной рукояти. Все число стрѣльцовъ въ концѣ XVI вѣка можно опредѣлить приблизительно въ 15.000 человѣкъ. Они дѣлились на приказы по 500 человѣкъ въ каждомъ; приказами начальствовали головы; а подъ ними были сотники, пятидесятники и десятники.

Другимъ отдѣломъ постояннаго войска являются городовые и станичные казаки; ибо рядомъ съ стрѣлецкими слободами въ украинныхъ городахъ распространяются и казацкія слободы. Извѣстно, что эти казаки представляли легковооруженные отряды, отчасти конные, отчасти пѣшіе; а на свое содержаніе, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, они также получали земельные участки и угодья. Вольные казаки, Донскіе и отчасти Днѣпровскіе, выставляли иногда вспомогательные отряды Московскому царю, который нерѣдко посылаетъ имъ денежные подарки, хлѣбъ, порохъ и свинецъ.

Почти одновременно съ появленіемъ постоянной стрѣлецкой пѣхоты выдвигается на передній планъ въ московскомъ войскѣ и «нарядъ» или артиллерія. Хотя первыя упоминанія о ней относятся еще къ XIV вѣку, ко времени Димитрія Донского, но то были только немногія крѣпостныя или неподвижныя орудія, желѣзныя, скрѣпленныя такими же обручами. Особыя старанія о заведеніи артиллеріи прилагалъ Иванъ III, который, какъ извѣстно, приглашалъ иноземныхъ мастеровъ для литья пушекъ; одновременно съ ними несомнѣнно работали и русскіе мастера—литейщики. Василій III усердно продолжалъ это дѣло; онъ также имѣлъ при себѣ итальянскихъ и нѣмецкихъ литейщиковъ, которые, кромѣ пушекъ и пищалей, отливали и желѣзныя ядра; но рядомъ съ ними употреблялись еще и каменныя ядра. Порохъ или такъ наз. зелье русскіе выдѣлывали у себя дома; въ Москвѣ на Сивцевомъ Вражкѣ былъ большой пороховой заводъ уже при Василіи III. При Иванѣ IV кромѣ орудій и снарядовъ, приготовленныхъ въ Москвѣ, иностранцы, преимущественно Англичане, стали привозить много пушекъ, ядеръ и всякихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ моремъ чрезъ Нарву; а потомъ, когда Нарва была по-

теряна. чрезъ Архангельскъ. Въ XVI столѣтіи появляется у насъ значительная полевая и осадная артиллерія; Русскіе выучились дѣйствовать ею довольно искусно, и часто стали употреблять пушки и пищали какъ при осадѣ городовъ (напримѣръ, Смоленска и Казани), такъ и въ открытыхъ битвахъ. Во второй половинѣ сего столѣтія иностранцы даже удивляются многочисленности русской артиллеріи и указываютъ на большое количество мѣдныхъ красивыхъ пушекъ, собранныхъ въ царской Оружейной палатѣ. Одинъ нѣмецкій посолъ (Кобенцель) доносилъ императору Максимиліану II, что у Московскаго государя наготовлено до 2000 всякихъ орудій. Мы видѣли, какъ успѣшно дѣйствовала русская артиллерія при оборонѣ Пскова противъ Стефана Баторія, и какъ въ 1591 году нашествіе крымскаго хана Кази Гирея на Москву была отбито преимущественно дѣйствіемъ наряда. Сохранившіеся до нашего времени образцы показываютъ, что орудія эти были вообще очень разнообразны по своей формѣ и величинѣ; иногда они достигали огромныхъ размѣровъ. Такъ въ царствованіе Ѳедора Ивановича русскимъ мастеромъ Андреемъ Чеховымъ отлита была знаменитая московская «Царь-пушка».

Кромѣ собственно русскихъ войскъ, во время походовъ подъ царскими знаменами шли вспомогательные отряды разныхъ восточныхъ инородцевъ, каковы Мордва, Черемисы, а главнымъ образомъ легкая конница изъ служилыхъ и наемныхъ Татаръ, Касимовскихъ, Темниковскихъ, Казанскихъ и Ногайскихъ, вооруженныхъ большею частію только лукомъ и стрѣлами. Въ концѣ XVI вѣка встрѣчаемъ въ Москвѣ небольшой наемный отрядъ (въ 300 человѣкъ) изъ разныхъ иноземцевъ; тутъ были Нѣмцы, Шотландцы, Датчане, Шведы, Греки и пр. Упоминается еще наемный отрядъ изъ нѣсколькихъ тысячъ Черкасъ, т. е. Малороссійскихъ казаковъ.

Что касается до внѣшняго порядка, въ которомъ выступала въ походъ русская рать, то въ этомъ отношеніи видимъ различіе съ предыдущею эпохою. Еще при Иванѣ III сохранялось старое дѣленіе рати на 4 полка: Большой, Передовой, Правая и Лѣвая рука. Въ XVI вѣкѣ видимъ уже пять частей: къ прежнимъ четыремъ прибавился Сторожевой полкъ (арьергардъ). Иногда встрѣчается еще отдѣльный легкоконный полкъ Яртоульный, употреблявшійся для развѣдокъ. Воевода большого полка считался главнымъ начальникомъ и всѣхъ остальныхъ воеводъ, которые обязаны были ежедневно являться къ нему съ донесеніями. Воевода каждаго полка имѣлъ у себя товарища или второго воеводу, а иногда и двухъ товарищей.

Особый воевода съ товарищемъ состоялъ «у наряду», т. е. начальствовалъ артиллеріей. Воеводы обыкновенно назначались изъ бояръ окольничихъ и думныхъ дворянъ. Подъ воеводами начальствовали головы, бывшіе изъ дворянъ первой статьи; а подъ ними сотники, пятидесятники и десятники, назначавшіеся изъ боярскихъ дѣтей. Вообще при распредѣленіи людей на отряды господствовала древняя десятичная система. Дѣленіе на пять полковъ соблюдалось какъ при многочисленномъ войскѣ, напримѣръ въ 30, 40, 50 тысячъ и болѣе, такъ и при рати въ 5—10 тысячъ. Когда самъ царь принималъ участіе въ походѣ, то рать собиралась возможно болѣе многочисленная; при томъ его сопровождалъ особый полкъ, состоявшій изъ бояръ, окольничихъ и другихъ придворныхъ чиновъ, изъ царскихъ жильцовъ, московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, стремянныхъ стрѣльцовъ, служилыхъ татарскихъ отрядовъ и т. д. Этимъ полкомъ начальствовали особые «дворовые» воеводы. Въ походахъ же небольшихъ и неважныхъ встрѣчается дѣленіе только на три полка: большой, правая и лѣвая рука.

На южныхъ украйнахъ почти ежегодно на осень высылалась рать «для береженія» отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ. Численностію своею она простиралась обыкновенно до 20.000 человѣкъ или свыше того, и подраздѣлялась на двѣ рати, береговую и украинную: первая располагалась вдоль берега Оки, опираясь на Коломну, Каширу, Серпуховъ, Калугу; а вторая размѣщалась въ области украинныхъ или польскихъ (полевыхъ) городовъ, каковы Тула, Пронскъ, Дѣдиловъ, Донковъ, Мценскъ, Новосиль и пр. При семъ каждая рать дѣлилась по обыкновенію на пять полковъ; начальники береговой рати считались выше и назывались «большими воеводами»; а начальники полевыхъ полковъ назывались «украинными воеводами» и назначались изъ менѣе знатныхъ людей. Согласно съ укоренившимся обычаемъ мѣстничества, самое назначеніе воеводъ должно было строго сообразоваться съ тѣмъ, чтобы степени ихъ родовой знатности соотвѣтствовали взаимному отношенію должностей. Уложеніемъ 1550 г. было разъяснено, что первый воевода большого полку выше всѣхъ другихъ, всякій второй воевода (товарищъ) меньше своего перваго, воеводы передового и сторожевого полку равны между собою; они меньше воеводъ правой руки, но выше лѣвой и т. д. При всемъ стараніи правительства установить лѣстницу старшинства должностей, счеты все-таки путались иногда, въ особенности по отношенію къ товарищамъ или вторымъ воеводамъ разныхъ полковъ. При семъ даже и противъ такихъ лицъ, какъ зять царя Никита Рома-

новичъ, поднимались родовые счеты со стороны другихъ бояръ. Такъ въ 1574 году извѣстный крещеный татарскій царевичъ Симеонъ Бекбулатовичъ доносилъ изъ Новгорода царю Ивану Васильевичу, что «списковъ не емлютъ», т. е. не берутъ списковъ людямъ своего полку и тѣмъ какъ бы отказываются отъ своего назначенія, двое воеводъ: князь Андрей Репнинъ и князь Василій Тюфякинъ. Рѣпнинъ объявилъ неудовольствіе на то, что онъ назначенъ другимъ воеводою правой руки, тогда какъ Никита Романовичъ другой воевода въ большомъ полку; а князь Тюфякинъ, назначенный вторымъ въ лѣвой рукѣ, проситъ «дать счетъ» ему съ княземъ Григоріемъ Долгорукимъ, вторымъ въ сторожевомъ полку. Государь велѣлъ обоимъ списки взять; при чемъ дѣло Репнина обѣщалъ разобрать, когда «служба минется», а Тюфякину велѣлъ написать, «что ему меньше князя Григорія быти (можно)». Извѣстно, что при всемъ своемъ деспотизмѣ Иванъ IV постоянно долженъ былъ считаться съ этимъ явленіемъ, столь вреднымъ въ военномъ отношеніи, послужившимъ источникомъ многихъ нашихъ неудачъ и пораженій.

Особенно затруднителенъ былъ въ случаѣ большихъ походовъ выборъ главнаго воеводы, котораго приходилось брать изъ представителей весьма немногихъ знатнѣйшихъ родовъ; хотя бы эти представители были люди малоспособные. Таковыми именно являются во второй половинѣ XVI вѣка князь Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій, послѣ его смерти князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, а за нимъ его сынъ Ѳедоръ Ивановичъ. Одинъ иностранецъ (Флетчеръ) въ концѣ XVI вѣка выдаетъ за правило, будто московское правительство намѣренно назначало въ главные воеводы людей весьма знатныхъ, но малоспособныхъ, чтобы къ своей великой породѣ они не прибавили еще и расположенія войска; такъ что могли бы сдѣлаться опасными. Посему, для успѣха въ ратномъ дѣлѣ, придавали главному воеводѣ товарищемъ кого либо изъ бояръ, извѣстныхъ своимъ мужествомъ, опытностію и даровитостію; этотъ второй воевода и былъ въ сущности душою и руководителемъ военныхъ дѣйствій. Хотя главная причина такого назначенія воеводъ коренилась въ системѣ мѣстничества; однако до нѣкоторой степени нельзя отрицать и справедливости приведеннаго извѣстія, особенно по отношенію къ Ивану IV, столь подозрительному въ эпоху опричины, и потомъ къ Борису Годунову, какъ правителю, опасавшемуся выдвигать талантливыхъ соперниковъ себѣ между боярами. Дѣйствительно, на мѣстахъ вторыхъ воеводъ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху такихъ доблестныхъ

вождей, какъ князья Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, почтенный высшимъ титуломъ слуги государева, Иванъ Петровичъ Шуйскій, Андрей Ивановичъ и Дмитрій Ивановичъ Хворостинины.

Каждый воевода или каждый полкъ имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ какого-либо святаго, большею частію Георгія Побѣдоносца. Къ воеводскому сѣдлу прикрѣплялся небольшой котлообразный барабанъ или набатъ, и на походѣ воевода ударялъ въ него плетью, когда нужно было отстранить кого-либо, поравнявшагося съ воеводою или загородившаго ему дорогу; ибо походы войска совершались безъ соблюденія стройнаго порядка, безпорядочною толпою. Наблюдали только, чтобы каждый полкъ шелъ отдѣльно. За воеводами возили на коняхъ 10 или 12 крупныхъ мѣдныхъ набатовъ, столько же мѣдныхъ трубъ и нѣсколько гобоевъ. Одинъ изъ барабановъ подавалъ знакъ, когда нужно было садиться на коней или слѣзать съ нихъ; а передъ сраженіемъ и при началѣ его принимались гремѣть всѣ барабаны, трубы и гобои, чтобы возбудить воинственный жаръ.

Иностранцы, наблюдавшіе русскихъ ратниковъ, удивляются ихъ физическому закалу и терпѣнію, съ которыми они переносили всякіе труды и лишенія, т. е. голодъ, холодъ, усталость и т. под. Къ этому закалу впрочемъ русскіе люди съ дѣтства приготовлялись своимъ суровымъ, можно сказать спартанскимъ, воспитаніемъ. О продовольствіи своей арміи правительство заботилось очень мало; только иногда въ лагерь доставлялся хлѣбъ на казенный счетъ; разумѣется, старались собирать съѣстные припасы съ мѣстныхъ жителей; но при рѣдкости населенія, особенно въ пограничныхъ краяхъ, и при опустошеніяхъ, производимыхъ войною, такіе сборы были слишкомъ недостаточны. Поэтому главнымъ средствомъ продовольствія служили тѣ запасы, которые ратные люди брали съ собою изъ дому; обыкновенно они разсчитывались на нѣсколько мѣсяцевъ, и кромѣ того, если было возможно, подвозились на театръ войны изъ дворянскихъ имѣній ихъ холопами и крестьянами. Обычную пищу простыхъ ратныхъ людей составляли сухари и толокно, т. е. поджареная овсяная мука, разведенная водой; лукъ и чеснокъ служили имъ любимой приправой. Помѣщикъ имѣлъ съ собой запасы ветчины или другого какого копченаго и соленаго мяса, соленой и сушеной рыбы, крупъ, пшеничной муки, соли, сыру и т. под. Въ его вьюкѣ находились мѣдный котелокъ и прочая походная посуда; а трутъ и огниво давали ему возможность развести

огонь на привалѣ. Въ случаѣ нужды господинъ довольствовался тѣмъ-же, что ѣли его слуги; если онъ съѣдалъ ихъ скудные запасы, то слуги иногда голодали по нѣскольку дней. Точно также неприхотливы были руссіе люди и относительно своего помѣщенія; начальники имѣли палатки; а простые ратники дѣлали себѣ шалаши изъ прутьевъ и покрывали ихъ войлоками; иногда пригибали къ землѣ вѣтви кустарника, раскидывали надъ ними свои епанчи и такимъ образомъ укрывались отъ непогоды. Одинъ иноземецъ (Ад. Климентъ) приблизительно такими реторическими чертами изображаетъ закалъ русскихъ ратниковъ: «Это люди невѣроятно способные терпѣть стужу и голодъ. Когда земля бѣлѣетъ глубокими снѣгами и закоченѣла, скованная жестокимъ морозомъ, нашъ Сарматъ, разославъ свою епанчу на сучьяхъ съ той стороны, откуда свирѣпствуетъ вѣтеръ или мятель, разводитъ небольшой костеръ. Обитатель снѣговъ, онъ добываетъ воду изъ замерзшей рѣчки и, смѣшавъ ее съ овсяной мукой, устраиваетъ свое пиршество. Послѣ такого роскошнаго ужина, онъ ложится у огня, распростершись на окоченѣлой почвѣ. Сія почва служитъ ему периной, а пень или камень изголовьемъ». Разумѣется, наиболѣе знатные и богатые начальники брали съ собою въ походъ многихъ холопей, обильные съѣстные припасы и располагались въ просторныхъ украшенныхъ шатрахъ; къ своему столу они нерѣдко приглашали своихъ подчиненныхъ.

Какъ терпѣливы и неприхотливы были люди, такими-же качествами отличались ихъ кони. Обыкновенно это были мерины небольшаго роста, но крѣпкіе и чрезвычайно выносливые. На походѣ они довольствовались подножнымъ кормомъ. Поэтому, когда войско становилось лагеремъ, то оно занимало большое пространство, оставляя между палатками и шалашами пустыя мѣста для пастьбы лошадей. Они были неподкованы, на легкихъ уздахъ; могли безъ отдыха бѣжать 7 или 8 часовъ; могли не имѣть никакого корму по цѣлымъ суткамъ, и все-таки служили до 20-лѣтняго возраста.

Русскіе всадники, по восточному обычаю, сидѣли на высокихъ сѣдлахъ съ короткими стремянами, такъ что легко могли оборачиваться во всѣ стороны и натягивать лукъ; зато, при слишкомъ согнутыхъ ногахъ, рѣдко выдерживали сильный ударъ копья и не падали на землю. Шпоры были только у немногихъ, а для понужденія коня служила ременная плеть, висѣвшая на мизинцѣ правой руки. Конецъ повода зацѣплялся за палецъ лѣвой руки. Иностранцы съ похвалой отзываются объ искусствѣ Русскихъ, съ которымъ

они въ одно и тоже время держать въ рукахъ саблю, лукъ, узду и плеть и управляются съ ними въ сраженіяхъ. Нѣкоторые иностранцы (наприм. Гваньини) также удивляются тѣлесной силѣ московскихъ ратниковъ, и не совѣтуютъ схватываться съ ними въ рукопашную борьбу; ибо между ними часто встрѣчаются такіе, которые въ одиночку безъ всякаго оружія выходятъ на медвѣдя и одолѣваютъ его. У ратниковъ не было недостатка ни въ храбрости, ни въ чрезвычайной преданности своему государю. И однако тѣ же иностранцы очень неодобрительно отзываются о боевыхъ качествахъ русскаго войска вообще. Оно отлично обороняло укрѣпленныя мѣста, благодаря своей стойкости; умѣло также и брать ихъ съ помощію пушекъ или продолжительной, упорной осады; но въ открытомъ бою, въ чистомъ полѣ не могло равняться съ своими западными сосѣдями, потому что слишкомъ отстало отъ нихъ въ военномъ искусствѣ. Недостатокъ этого искусства оно старалось замѣнить числомъ, подобно всѣмъ восточнымъ ополченіямъ, состоящимъ преимущественно изъ конницы. При нападеніи русская конница, испуская оглушительные крики, бросалась на непріятеля безпорядочною толпою, и старалась подавить его первымъ натискомъ; но не выдерживала долгой схватки, и, если встрѣчала дружный отпоръ, то обращалась назадъ. Герберштейнъ замѣчаетъ о нашей конницѣ, что вступая въ битву, она какъ бы говорила непріятелямъ: «бѣгите или мы побѣжимъ». Тотъ же наблюдатель прибавляетъ, что въ случаѣ неудачи русскій ратникъ все свое спасеніе полагаетъ въ быстромъ бѣгствѣ; но если онъ захваченъ непріятелемъ, то не защищается и не проситъ пощады, а молча покоряется своей участи; тогда какъ Турокъ въ такомъ случаѣ бросаетъ оружіе, умоляетъ о жизни и протягиваетъ руки вверхъ, какъ бы предоставляя связать себя и обратить въ рабство; Татаринъ же, напротивъ, сбитый съ коня, продолжаетъ отчаянно обороняться зубами, руками и ногами до послѣдняго издыханія. Конечно этотъ отзывъ о характерѣ трехъ народовъ справедливъ только въ основѣ своей, но вообще является преувеличеніемъ. Сравнительно съ конницей болѣе стойкости въ открытомъ бою обнаруживала русская пѣхота; въ особенности она дралась хорошо, если могла воспользоваться какою-либо опорою, напримѣръ лѣсомъ, оврагомъ, обозными телѣгами и т. под.

Итакъ русская рать XVI столѣтія, превосходившая боевыми качествами азіатскіе и вообще восточные народы, по отношенію къ за-

паднымъ европейцамъ представляла собственно превосходный матеріалъ, которому недоставало только обработки, чтобы не уступать въ военномъ отношеніи никому въ мірѣ. Русское племя по характеру своему одно изъ самыхъ воинственныхъ на Земномъ шарѣ. Эту черту оно несомнѣнно доказало своею долгою исторіей, наполненной многими и упорными войнами, добровольными подвигами удали или молодечества по отношенію къ сосѣдямъ и своею постоянною готовностью вступить въ борьбу съ кѣмъ бы то ни было. Таже черта ясно сказывалась (и сказывается) въ наклонности русскаго человѣка по всякому поводу давать волю своимъ рукамъ; извѣстно также, что жестокій кулачный бой всегда составлялъ любимую забаву русской молодежи; по свидѣтельству одного иноземца первой половины XVI вѣка, этотъ бой иногда дѣлался до того горячимъ и упорнымъ, что на мѣстѣ оставалось нѣсколько мертвыхъ тѣлъ. Воинственность сказалась и въ нашихъ богатырскихъ былинахъ, и въ древнемъ народномъ обычаѣ рѣшать свои споры «полемъ», т. е. судебнымъ поединкомъ, который только во второй половинѣ XVI вѣка сталъ выходить изъ употребленія, благодаря церковному осужденію и усложнившемуся гражданскому процессу (особенно допущенію наемныхъ бойцовъ). А что касается до другого качества, необходимаго для хорошей боевой арміи, до способности къ строгому подчиненію или къ т. наз. дисциплинѣ, то и это качество Русскій народъ доказалъ цѣлой своей исторіей. Но московское правительство въ XVI вѣкѣ, при всѣхъ своихъ заботахъ объ умноженіи военно-служилаго сословія, о введеніи огнестрѣльнаго оружія(огненнаго боя), объ укрѣпленіи городовъ и т. п., все еще не пришло къ сознанію о необходимости постоянныхъ военныхъ упражненій и постояннаго, сколько нибудь правильнаго обученія ратному строю. Въ мирное время ратные люди часто собирались на сторожевую службу и на смотры; но не видно, чтобы они обучались военнымъ построеніямъ, правильнымъ, быстрымъ движеніямъ и оборотамъ, а также и самому искусству владѣть оружіемъ. Не видно также и особаго старанія о введеніи исправнаго единообразнаго вооруженія въ разныхъ частяхъ. Самъ Иванъ IV, столь много воевавшій и обнаружившій помянутыя выше заботы, повидимому совсѣмъ не радѣлъ о сколько нибудь сносномъ обученіи войска и систематической подготовкѣ его къ бою, ограничиваясь въ этомъ отношеніи старыми отжившими пріемами и ратными обычаями, на которые болѣе всего наложила свою печать татарская эпоха, татарское вліяніе. Для развитія боевыхъ качествъ и чувства

воинской чести недоставало также и достаточныхъ поощреній, т. е. хорошей системы повышеній и наградъ за отличія. Начальнымъ людямъ за успѣшное дѣло давались золотыя монеты или медали и куски шелковыхъ матерій на платье, —вотъ обычныя немногія награды того времени, за исключеніемъ конечно земельныхъ пожалованій (80).

* *
*

Съ окончательнымъ отдѣленіемъ западнорусскихъ епархій въ особую митрополію въ XV вѣкѣ, число восточнорусскихъ или московскихъ епархій простиралось до осьми: Московско-Владимірская, Новгородско - Псковская, Ростовская, Суздальская, Муромо - Рязанская, Тверская, Коломенская, Пермско-Вологодская; девятую составила Сарская или Сарайская, такъ какъ съ разрушеніемъ Сарая епископъ Сарскій и Подонскій переселился въ Москву на Крутицы и не имѣлъ особой епархіи, а владѣлъ разсѣянными въ разныхъ мѣстахъ монастырями и имуществами. Въ XVI вѣкѣ изъ вновь завоеванныхъ земель на средней и нижней Волгѣ образовалась десятая епархія, Казанская. При учрежденіи партіаршества,какъ мы видѣли, Псковская епархія была выдѣлена изъ Новогородской, устроено еще нѣсколько епископскихъ каѳедръ, нѣкоторыя прежнія епископіи возведены въ достоинство архіепископій, а прежнія архіепископіи въ митрополіи.

Учрежденіе патріаршества имѣло болѣе внѣшнее значеніе. Оно окончательно установило полную автономію Русской церкви или ея независимость отъ Константинопольскаго патріархата, и возвысило Московскаго первосвятителя на степень равную съ древними восточными патріархами. Но внутренняя зависимость нашей іерархіи отъ верховной власти не только не измѣнилась, а еще болѣе упрочилась съ развитіемъ царскаго самодержавія. При такомъ развитіи власть московскаго митрополита, а потомъ патріарха, по отношенію къ другимъ русскимъ епископамъ была незначительна и имѣла только характеръ старшинства. Высшимъ духовнымъ авторитетомъ на Руси, какъ и въ прежніе вѣка, представлялся съѣздъ или соборъ іерарховъ. Московскій митрополитъ былъ естественнымъ предсѣдателемъ на соборѣ, а за его отсутствіемъ или при выборѣ новаго митрополита, мѣсто предсѣдателя занималъ старшій по немъ іерархъ, преимущественно архіепископъ Великаго Новгорода. Совершившееся недавно объединеніе государственное конечно вызывало настоятельную потребность и въ болѣе тѣсномъ объединеніи церковномъ; ибо въ эпоху удѣльной раздробленности областная іерархія неизбѣжно вы-

рабатывала многія черты мѣстныхъ отличій и неодинаковыхъ обычаевъ. Поэтому мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ особенно часто собираются церковные соборы, и собираются очевидно по желанію самой государственной власти. Кромѣ разныхъ вопросовъ, касавшихся внутренняго благоустройства Русской церкви и упорядоченія обрядовой ея стороны (примѣромъ чему въ особенности служитъ соборъ Стоглавый), соборы эти созывались частью по вопросу о поземельныхъ владѣніяхъ духовенства, поднятому въ концѣ княженія Ивана III, частью по поводу разныхъ ересей, которымъ толчокъ дало извѣстное движеніе такъ наз. Жидовствующихъ.

Что касается до вопроса о правѣ духовенства владѣть населенными землями, противъ котораго возставали Нилъ Сорскій и его послѣдователи, то, не смотря на выше указанныя попытки Ивана III и Ивана IV къ ограниченію этого права, въ концѣ концовъ оно осталось почти непоколебленнымъ. Іосифу Волоцкому и его ученикамъ нетрудно было отстоять вообще церковное и въ частности монастырское землевладеніе потому, что оно наиболѣе соотвѣтствовало условіямъ и потребностямъ Московскаго государства, русской общественности и религіозности того времени. Точно также характеръ внутренняго управленія и церковнаго суда въ каждой епархіи вполнѣ соотвѣтствовалъ современному гражданскому строю. Такъ на службѣ при архіереѣ мы видимъ множество свѣтскихъ людей, каковы бояре, дѣти боярскіе, дьяки, подъячіе и цѣлый сонмъ низшихъ судебныхъ служителей, т. е. праветчиковъ, доводчиковъ и проч. Въ дѣлопроизводствѣ здѣсь укрѣпилось тоже приказно-дьяческое начало, какъ и въ другихъ отрасляхъ государственнаго управленія. Нисшее духовенство, т. е. священники и монахи, составляютъ по отношенію къ архіерею сословіе тяглое, обложенное въ его пользу разными податями и поборами. Но межъ тѣмъ какъ городскіе и сельскіе священники безропотно подчинялись архіерейскому тяглу, сколько-нибудь значительныя монастырскія общины нерѣдко стремились освободиться отъ епархіальной власти и поставить себя подъ непосредственное покровительство самого царя. Наглядный примѣръ такого стремленія мы видѣли въ дѣятельности Іосифа Волоцкаго. Архіереи попрежнему творятъ въ епархіи свой судъ и собираютъ свои доходы посредствомъ десятильниковъ, которые прежде избирались изъ архіерейскихъ бояръ, а въ XVI вѣкѣ назначаются изъ архіерейскихъ боярскихъ дѣтей; своимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ архіереи раздавали помѣстья изъ церковныхъ земель; кромѣ того они пользо-

вались извѣстною частію отъ судебныхъ пошлинъ. Въ XVI вѣкѣ, при развитіи Московской государственности, верховная власть обратила свое вниманіе на служилыхъ архіерейскихъ людей и ограничила прежнюю самостоятельность архіерейскаго двора. Такъ уже на Стоглавомъ соборѣ были изданы постановленія, въ слѣдствіе которыхъ назначеніе архіерейскихъ бояръ и дьяковъ стало происходить съ царскаго утвержденія, и они такимъ образомъ входили уже въ общій составъ государственныхъ чиновниковъ. Стоглавый соборъ строго предписалъ архіерейскимъ десятильникамъ ограничиваться своими полицейскими обязанностями и не вмѣшиваться въ дѣла собственно духовныя, напримѣръ, въ наблюденіе за церковнымъ благочиніемъ, для котораго учреждены были особые поповскіе старосты. Но предписанія эти часто не исполнялись, и вообще низшее духовенство, особенно бѣлое, много страдало отъ притѣсненій и вымогательствъ со стороны десятильниковъ и ихъ слугъ, этого мірскаго воинства, состоявшаго на службѣ архіереевъ.

Бѣлое духовенство, при недостаткѣ грамотности, еще не могло получить характеръ отдѣльнаго, наслѣдственнаго сословія; а набиралось попрежнему изъ вольныхъ людей, обученныхъ грамотѣ. Прихожане обыкновенно сами выбирали себѣ какого-либо міряпина во священники, и за своею порукою представляли его архіерею для поставленія. Для сего, кромѣ грамотности, требовались извѣстный возрастъ, именно не менѣе 30 лѣтъ (дьякону не менѣе 25 лѣтъ) и нѣкоторыя нравственныя качества, т. е. чтобы избираемый не былъ пристрастенъ пьянству, игрѣ въ зернь, не былъ судимъ за уголовныя преступленія и т. п. Приходская община обязывалась доставлять избранному ей священнику и церковному причту извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ, пахатной земли и луговъ. Но духовенство церквей каѳедральныхъ и вообще соборныхъ не подлежало выбору міряпъ, а назначалось непосредственно высшей духовной властью и получало на свое содержаніе, какъ ругу, т. е. опредѣленное жалованье и довольствіе изъ казны, такъ и земельные надѣлы или разные церковные доходы и пошлины.

Сильный толчекъ, данный историческими обстоятельствами къ размноженію русскихъ монастырей въ эпоху Татарскаго владычества, продолжалъ дѣйствовать съ тою же силою и въ эпоху послѣдующую. Числомъ вновь основанныхъ обителей (насчитываемыхъ до 300) эта эпоха даже превосходитъ предшествующую. Главныя причины размноженія монастырей были приблизительно тѣ же, что и пре-

жде; а именно: развитіе аскетизма и стремленіе къ подвигамъ благочестія, возбуждаемое соревнованіемъ къ прославленнымъ святымъ инокамъ, идеальное представленіе объ иночествѣ какъ объ ангельскомъ чинѣ—съ одной стороны, и желаніе найти тихій спокойный пріютъ отъ мірскихъ тягостей и бѣдствій—съ другой. Но болѣе всего этому движенію способствовала та легкость или безпрепятственность, съ которою возможно было всякому иноку уйти изъ какой либо обители въ глухую, никѣмъ незанятую, по преимуществу лѣсную, пустыню, тамъ срубить себѣ келію и часовню. Къ такому отшельнику потомъ присоединялось нѣсколько другихъ иноковъ, и вотъ основаніе новому монастырю уже положено; онъ начиналъ расширяться и процвѣтать, въ особенности если удавалось найти ему покровителей и вкладчиковъ, или выхлопотать себѣ разныя пожалованія и льготы у правительства. Богатые и знатные люди, не говоря уже о князьяхъ и лицахъ царствующаго дома, нерѣдко основывали свои монастыри, обезпечивали ихъ земельными имуществами и ругою. Большія и знаменитыя обители часто высылали отъ себя какъ бы колоніи, т. е. заводили въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ новые монастырьки, во всемъ себѣ подчиненные. Впрочемъ иногда вновь основанныя пустыни, чтобы найти себѣ защиту отъ притѣсненій властей и помощь въ средствахъ существованія, сами приписывались къ большимъ монастырямъ, т. е. подчинялись имъ. Мѣсто для основанія новаго монастыря иногда обозначалось явленною иконою, которую внезапно находили на деревѣ въ лѣсной чащѣ. Впрочемъ далеко не всѣ подобныя начинанія приводили къ успѣшному окончанію дѣла. Многіе вновь основанные монастырьки, не поддержанные благочестивыми ревнителями, или по небреженію своихъ основателей, или по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, существовали недолгое время, и поселившіеся въ нихъ иноки расходились въ разныя стороны. Привычка къ бродяжничеству, вмѣстѣ съ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, по прежнему составляла оборотную сторону нашего монашества, несмотря на неоднократныя запрещенія и охужденія со стороны духовной и свѣтской власти. Такъ по этому поводу на Стоглавомъ соборѣ отъ самого царя сдѣлано было слѣдующее заявленіе: «Старецъ въ лѣсу келью поставитъ или церковь срубитъ, да пойдетъ по міру съ иконою просить на сооруженіе, и у меня земли и руги проситъ, а что собравъ то пропьетъ, а въ пустынѣ не по Бозѣ совершается, а какъ прежніе пустыни о Бозѣ строили преподобніи отцы прежніе, вселялися въ пу-

стыняхъ утаяся міру, не тщеславіемъ, и великіе труды полагали руками своими» и пр.

Хотя въ укоризнахъ Ивана IV, неоднократно обращавшихся къ монашеству, слышится обычный преувеличенный припѣвъ, что прежде все было лучше; однако на сей разъ предпочтеніе старинѣ оправдывается и самымъ историческимъ сравненіемъ двухъ эпохъ. Если со второй половины XV вѣка до конца XVI число вновь основанныхъ въ Сѣверовосточной Руси монастырей является гораздо большимъ; зато, по общественному положенію и по своей славѣ, мы почти не находимъ такихъ, которые могли бы равняться съ Троице-Сергіевымъ, Кирилло-бѣлозерскимъ, Соловецкимъ и нѣкоторыми другими, возникшими въ Татарскую эпоху. Только одна обитель, по своему значенію, приблизилась къ названнымъ сейчасъ средоточіямъ русскаго иночества. То былъ монастырь Іосифовъ Волоколамскій; а рядомъ съ нимъ нѣкоторою извѣстностью въ свое время пользовался Даниловъ Переяславскій (Переяславля Залѣсскаго). Оба ихъ основателя, Іосифъ Волоцкій и Даніилъ Переяславскій, были постриженики Пафнутіева Боровскаго монастыря. (Сей послѣдній сіялъ славою своего основателя и подвижника Пафнутія; но его устроеніе, подобно Соловецкой обители, относится къ концу предыдущей, т. е. Татарской эпохи). Оба они пользовались особымъ покровительствомъ и почитаніемъ великаго князя Василія Ивановича. Такъ Даніила Переяславскаго онъ призывалъ въ воспреемники своихъ сыновей, Іоанна и Юрія. Іосифъ Волоцкій и его ученики, какъ извѣстно, особенно выдвинулись своею борьбою съ ересью Жидовствующихъ и своею защитою монастырскаго землевладѣнія. Изъ Іосифова монастыря вышли потомъ и такіе видные іерархи XVI вѣка, какъ московскій митрополитъ Даніилъ, казанскій архіепископъ Гурій, коломенскій епископъ Вассіанъ Топорковъ, тверской Акакій, рязанскій Леонидъ и нѣкоторые другіе.

Изъ монастырей, основанныхъ въ эту эпоху, заслуживаютъ упоминанія въ самой Москвѣ и ея окрестностяхъ: Новоспасскій (куда Иванъ III перевелъ придворный Спасскій монастырь), Николаевскій на Угрѣши, Новодѣвичій, созданный Василіемъ Ивановичемъ въ память взятія Смоленска. Въ Тверскомъ краю: Троицкій Колязинскій, основанный преподобнымъ Макаріемъ близъ города Кашина, на землѣ знатнаго человѣка Ивана Коляги, который самъ постригся въ этомъ монастырѣ и сообщилъ ему свое имя; Троицкій Селижаровъ при сліяніи Селижа-

ровки съ Волгой. Въ Смоленскомъ Святотроицкій Болдинскій, основанный близъ Дорогобужа препод. Герасимомъ при в. князѣ Василіи Ивановичѣ. Подъ Казанью въ память павшихъ подъ нею русскихъ воиновъ основанъ Иваномъ IV Успенскій Зилантовъ. Въ Новгородско—Псковской землѣ: Троицкій Александро-Свирскій, основанный преподоб. Александромъ близъ рѣки Свири, въ княженіе Василія III; Тихвинскій Успенскій, устроенный повелѣніемъ Ивана IV на мѣстѣ явленія Тихвинской иконы Богоматери; Сырковъ, на рѣкѣ Веряжи, сооруженный богатымъ новогородцемъ Сырковымъ въ честь Срѣтенія иконы Владимірской Богородицы; Псково-Печерскій, какъ мы видѣли, новоустроенный извѣстнымъ московскимъ дьякомъ Мисюремъ Мунехинымъ. Въ Двинской области Антоніевъ Сійскій, основанный преподобнымъ Антоніемъ, который былъ родомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ. Въ Бѣлозерскомъ краю явилась Нилова пустынь, устроенная на рѣкѣ Сорѣ Ниломъ Майковымъ, извѣстнымъ противникомъ монастырскаго землевладѣнія и проповѣдникомъ скитскаго житія; а въ Вологодскомъ Корниліевъ-Комельскій, основанный также въ концѣ XV или началѣ XVI вѣка ростовскимъ уроженцемъ Корниліемъ Крюковымъ. Оба подвижника, Нилъ Сорскій и Корнилій Комельскій, вышли изъ знаменитаго Кириллобѣлозерскаго монастыря, который въ той сторонѣ служилъ разсадникомъ иночества. Въ Пермскомъ краю, при впаденіи рѣчки Пыскорки въ Каму, усердіемъ фамиліи Строгановыхъ былъ сооруженъ Преображенскій Пыскорскій монастырь, а въ Вятскомъ—Трифоновъ Успенскій; на построеніе послѣдняго жители Вятки просили разрѣшенія у царя Ивана IV на томъ основаніи, что если кто въ старости или болѣзни пожелаетъ постричься, то негдѣ, такъ какъ у нихъ совсѣмъ не было монастырей.

Почти всѣ сколько-нибудь значительные монастыри русскіе по своему внутреннему устройству были общежительные, за исключеніемъ епархіи Новгородской; но и тамъ Макарій, въ бытность свою архіепископомъ Великаго Новгорода, старался ввести общежитіе, что ему и удалось до нѣкоторой степени. Иногда основатель и игуменъ вновь учрежденнаго монастыря, по примѣру Θеодосія Печерскаго, Кирилла Бѣлозерскаго, Евфросина Псковскаго, писалъ для него уставъ, снабженный болѣе или менѣе строгими правилами, касавшимися церковной службы, трапезы, братскихъ трудовъ, монастырскаго хозяйства и другихъ сторонъ иноческаго быта. Таковы уставы

Іосифа Волоцкаго, Нила Сорскаго, Корнилія Комельскаго, Герасима Болдинскаго и нѣкоторые другіе. Но сама жизнь вырабатывала общія черты монастырскаго быта независимо отъ сихъ уставовъ. Въ общежительныхъ монастыряхъ хотя во главѣ общины стоялъ игуменъ или настоятель и ничто не должно было совершаться безъ его благословенія; однако власть его была ограничена соборными старцами, которые составляли при немъ монастырскій совѣтъ; а хозяйственная часть сосредоточивалась въ рукахъ келаря. Послѣдній вѣдалъ монастырскими вотчинами, доходами и всякими сборами; для чего имѣлъ многихъ помощниковъ; а для управленія селами подъ его вѣдѣніемъ состояли посылаемые туда особые старцы, называвшіеся «посельскими» или «приказными». Всѣ эти власти были выборные, т. е. выбирались самою монастырскою общиною. Только въ обители, состоявшія подъ непосредственнымъ царскимъ покровительствомъ, игуменъ назначался самимъ царемъ. Хотя пріемъ въ монастырскую братію былъ свободный, но обыкновенно принимались только тѣ, кто вносилъ извѣстный «вкладъ» деньгами или другимъ имуществомъ; а принятые безъ вклада «Бога ради» не считались дѣйствительными членами монастырской общины. Эти то послѣдніе и составляли бродячій элементъ, нерѣдко переходя изъ одного монастыря въ другой. Стоглавъ однако предписываетъ принимать иноковъ постриженныхъ въ другомъ монастырѣ и «приходящихъ съ вѣрою и со страхомъ Божіимъ», а вновь поступающихъ постригать, не требуя отъ нихъ за то никакой денежной платы. Вооружаясь противъ пьянства, Стоглавъ запрещаетъ держать въ монастыряхъ горячее вино, хмѣльное пиво и медъ; но не возбраняетъ фряжскія вина и умѣренное питіе, и кромѣ того дозволяетъ послабленіе для князей, бояръ и дьяковъ, которые постригаются въ немощахъ или при старости и даютъ великіе вклады, села и вотчины: ихъ можно не принуждать къ хожденію въ трапезу, а допускать имъ ядѣніе по келіямъ; для нихъ слѣдуетъ держать разные квасы, сладкіе (медвяные), черствые и кислые и не возбранять присылки имъ отъ родственниковъ. Это послабленіе получило потомъ широкое примѣненіе въ эпоху опричины, когда многіе знатные люди постригались по принужденію или сами искали въ монастыряхъ убѣжища отъ опалъ и казней. Поэтому Иванъ IV въ своемъ извѣстномъ посланіи къ игумену Кириллобѣлозерскому Козьмѣ не совсѣмъ былъ правъ, укоряя его и братію въ отступленіи отъ древнихъ монашескихъ правилъ ради Іоны Шереметева и другихъ знатныхъ постриженниковъ,

Такое отступленіе было ранѣе предрѣшено имъ самимъ вмѣстѣ съ отцами Стоглаваго собора.

Тотъ же Стоглавъ обнаруживаетъ, что разныя другія злоупотребленія и дурные обычаи, несмотря на неоднократное воспрещеніе, продолжали существовать въ XVI вѣкѣ. Напримѣръ, еще на Московскомъ соборѣ 1503 года запрещено было совмѣстное житіе чернецовъ и черницъ въ одной обители. Стоглавый соборъ заявилъ, что это правило соблюдается далеко не вездѣ, и вновь запретилъ существованіе такихъ мужеско-женскихъ монастырей. Однако и послѣ того изрѣдка встрѣчается несоблюденіе сего правила.

Каковы бы ни были недостатки русскаго монастырскаго быта въ ту эпоху, съ его слишкомъ матеріальными или экономическими интересами, наше монашество представляло все таки могучую духовную силу въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей. Сами иноземцы, писавшіе о Россіи того времени, при всемъ стараніи своемъ указывать на темныя стороны нашего быта, нерѣдко отдаютъ справедливость глубокому религіозному чувству и аскетизму русскихъ монаховъ. Монастыри наши еще продолжали быть главными хранителями книжнаго образованія, разсадниками грамотности и нѣкоторыхъ искусствъ (напр. живописи или собственно иконописи). Ихъ хозяйственная дѣятельность представляетъ также нѣкоторыя хорошія черты, сравнительно съ тою же дѣятельностью другихъ классовъ общества; монастырскія села и деревни были наиболѣе зажиточныя, благодаря не однимъ льготамъ, которыя выхлопатывали себѣ монастыри, но также ихъ домовитости и усердію въ защитѣ своихъ крестьянъ отъ разныхъ обидъ и притѣсненій. Большіе монастыри воздвигали каменные храмы съ дорогою утварью, и окружали себя прочными каменными стѣнами; такъ что нѣкоторыя изъ нихъ оказались достаточными не только для охраны монастырскихъ богатствъ отъ внутреннихъ враговъ, т. е. разбойниковъ, но и для обороны отъ внѣшнихъ непріятелей, слѣдовательно, пріобрѣли характеръ надежныхъ государственныхъ оплотовъ; каковыми особенно явились Псково-Печерскій, Троицкая лавра, Соловецкій монастырь, Колязинъ, Тихвинскій и нѣкоторые другіе. А на далекихъ сѣверныхъ и восточныхъ окрайнахъ монастыри продолжали быть передовыми двигателями русской колонизаціи и русскаго православія между финскими и чудскими народцами. На послѣднемъ поприщѣ въ XVI вѣкѣ особенно извѣстны два подвижника: преподобные Ѳеодоритъ и Трифонъ, просвѣтители Лопарей, достойные подражатели св. Стефана Пермскаго.

Первыми насадителями христіанства посреди дикихъ обитателей Лапоніи, по всей вѣроятности, были иноки ближайшей къ ней Соловецкой обители, которая имѣла земли и вотчины на западныхъ побережьяхъ Бѣлаго моря. Уже въ первой половинѣ XIV столѣтія нѣкоторые новообращенные Лопари неоднократно обращаются и въ Москву къ государю, и къ Новгородскому владыкѣ, какъ къ своему епархіальному архіерею, съ просьбою прислать имъ священниковъ и антиминсы для ихъ крещенія и для совершенія божественной службы; просятъ также о построеніи церквей. Изъ такихъ соловецкихъ иноковъ-миссіонеровъ особенно выдвинулся своими подвигами Θеодоритъ, ростовскій уроженецъ, который на устьѣ рѣки Колы устроилъ собственный монастырь во имя Троицы и далъ ему общежительный уставъ. Отсюда онъ проповѣдывалъ Евангеліе окрестнымъ Лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, на который перевелъ нѣкоторыя молитвы. Но иноки собственнаго монастыря изгнали его за строгость, съ которою онъ требовалъ отъ нихъ исполненія монастырскихъ правилъ. Θеодоритъ потомъ былъ нѣкоторое время игуменомъ суздальскаго Евфиміева монастыря; а въ 1557 году былъ отправленъ Иваномъ IV въ Константинополь за подтвердительною патріаршею грамотою на царское вѣнчаніе. Послѣдніе годы свои онъ провелъ въ вологодскомъ Прилуцкомъ монастырѣ, и оттуда дважды предпринималъ странствованіе въ Лапонію для продолженія тамъ своихъ апостольскихъ подвиговъ. Другой проповѣдникъ Евангелія и современникъ его Трифонъ, торжковскій уроженецъ, проникъ еще далѣе въ страну дикой Лопи, гдѣ не разъ жизни его угрожала опасность отъ его главныхъ противниковъ лопарскихъ жрецовъ или такъ называемыхъ кебуновъ. На рѣкѣ Печенгѣ онъ основалъ небольшую обитель тоже во имя Троицы. Онъ побывалъ въ Москвѣ, и тутъ въ 1556 году выхлопоталъ у Ивана IV для Печенгскаго монастыря жалованную грамоту на разныя земли, рыбныя ловли и другія угодья. Продолжая свои миссіонерскіе труды, Трифонъ дожилъ до глубокой старости.

Оба эти подвижника начали свою просвѣтительную дѣятельность въ то время, когда Новгородскую архіепископскую каθедру занималъ знаменитый потомъ митрополитъ Макарій, который и самъ много трудился для борьбы съ грубыми суевѣріями у финскихъ народцевъ, разсѣянныхъ по его обширной епархіи и, не смотря на давнее обращеніе въ христіанство, упорно державшихся многихъ языческихъ обрядовъ и вѣрованій. Въ этомъ отношеніи любопытна его окружная грамота 1534 года, обращенная къ священникамъ Вот-

ской пятины, отправленная къ нимъ съ домовымъ іеромонахомъ владыки Ильею и двумя владычными боярскими дѣтьми. Изъ этой грамоты узнаемъ, что населявшіе сію пятину инородцы, Чудь, Ижора и Корела, вмѣсто христіанскихъ храмовъ продолжали ходить въ свои прежнія мольбища, приносили тамъ языческія жертвы; покланялись деревьямъ и камнямъ; къ новорожденнымъ призывали жрецовъ или такъ наз. арбуевъ, которые и давали имъ имена; умершихъ хоронили въ лѣсахъ и курганахъ; браки заключали безъ церковнаго вѣнчанія и т. п. Укоряя мѣстныхъ священниковъ за ихъ нерадѣніе къ своей духовной паствѣ, владыка приказываетъ имъ, собравъ своихъ прихожанъ, вмѣстѣ съ іеромонахомъ Ильею выжигать языческія мольбища и заповѣдныя деревья, кропить освященною водою жилища и жителей, наставлять ихъ въ вѣрѣ, а непокорныхъ арбуевъ передавать боярскимъ дѣтямъ для препровожденія въ Новгородъ на судъ церковный и гражданскій. Илья, повидимому, успѣшно исполнилъ возложенное на него порученіе, объѣхалъ многіе вотскіе погосты, воспрещалъ языческіе обряды, возстановлялъ православіе и крестилъ некрещенныхъ. Но въ дѣйствительности конечно не такъ легко было побороть старыя народныя привычки и вѣрованія, и онѣ продолжали существовать. О томъ свидѣтельствуетъ другая окружная грамота, посланная спустя лѣтъ двѣнадцать преемникомъ Макарія, владыкою новгородскимъ Ѳеодосіемъ, къ духовенству той же Вотской пятины съ софійскимъ соборнымъ священникомъ Никифоромъ и двумя дѣтьми боярскими. Эта грамота повторяетъ тѣже укоризны и предписываетъ тѣ же мѣры для истребленія язычества ([81]).

Господство языческихъ обрядовъ и вѣрованій на сѣверѣ Россіи посреди финскихъ инородцевъ, еще не укрѣпившихся въ христіанствѣ, нисколько неудивительно, если обратимъ вниманіе на то, что и въ срединныхъ областяхъ государства, въ самомъ коренномъ его населеніи, продолжало существовать двоевѣріе, т. е. рядомъ съ христіанскою вѣрою еще въ полной силѣ живы были языческіе обычаи и повѣрья. Истинное ученіе церкви слишкомъ мало отражалось на народной нравственности, и господство православія выражалось по преимуществу внѣшнимъ образомъ, т. е. развитіемъ внѣшней церковной обрядности.

Всѣ иностранныя свидѣтельства того времени согласно отдаютъ справедливость глубокому религіозному чувству Русскаго народа и его горячей привязанности къ своей Православной церкви, которую

онъ считалъ самою лучшею изъ всѣхъ и самою истинною. Но привязанность эта выражалась чисто внѣшнимъ образомъ: преимущественно почитаніемъ иконъ, строгимъ соблюденіемъ всѣхъ постовъ и постныхъ дней, неукоснительнымъ посѣщеніемъ церковной службы, терпѣливымъ долгимъ стояніемъ на ней, усердными земными поклонами и крестными знаменіями, возжиганіемъ свѣчъ и т. п. Проходя или проѣзжая мимо храма, каждый Русскій считалъ обязанностію остановиться, обнажить голову и помолиться. Не только во всѣхъ комнатахъ дома, но даже на площадяхъ, на городскихъ воротахъ и на большихъ дорогахъ ставились кресты и иконы, передъ которыми прохожіе также крестились и совершали поклоны. Богатые люди обыкновенно устраивали у себя образную, т. е. особую моленную комнату, стѣны которой увѣшаны были распятіями и иконами, въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ съ драгоцѣнными камнями; передъ ними теплились лампады и восковыя свѣчи. Придя въ чужой домъ, русскій человѣкъ прежде всего искалъ глазами иконы, молился имъ, а потомъ уже обращался съ привѣтствіемъ къ хозяину. Молились, не только вставъ съ постели или отходя ко сну, передъ пищею и послѣ нея; но и всякое дѣло, всякую работу начинали крестнымъ знаменіемъ; а передъ болѣе важнымъ предпріятіемъ призывали священника, чтобы отслужить молебенъ. Молились обыкновенно, перебирая въ своихъ рукахъ четки, которыя всегда имѣли при себѣ. Особымъ поклоненіемъ пользовались нѣкоторыя иконы, почитавшіяся чудотворными. Точно также глубоко чтились мощи святыхъ, и для поклоненія имъ предпринимались далекія странствованія. Что же касается самаго ученія Церкви, ея догматовъ, внутренняго смысла церковныхъ обрядовъ, въ этомъ отношеніи царило невѣжество не только въ народной массѣ, но и между самими ея пастырями, по ихъ малограмотности и неумѣнью отличать существенное отъ неважнаго, догмы отъ обряда, подлинныхъ книгъ св. Писанія отъ подложныхъ сочиненій и т. д.

Невѣжество пастырей и паствы естественно способствовало распространенію множества всякаго рода суевѣрій. При недостаткѣ истиннаго благочестія, и самое развитіе обрядовой стороны, подъ вліяніемъ этихъ суевѣрій, доходило до уродливыхъ, противуцерковныхъ явленій и обычаевъ. Яркую картину такихъ суевѣрныхъ обычаевъ и неблагочестія вообще рисуютъ передъ нами записи извѣстнаго Стоглаваго собора, свидѣтеля наиболѣе достовѣрнаго и до нѣкоторой степени безпристрастнаго.

При всей религіозности своей, молящіеся не всегда соблюдали порядокъ и тишину при богослуженіи; чему подавали примѣръ сами священники и причетники, которые иногда отправляли службу пьяные, безпорядочно не по чину одѣтые, бранились, сквернословили и даже дрались между собою. Смотря на нихъ, міряне заводили между собою праздные разговоры и всякое глумленіе. Многіе стояли въ церкви въ тафьяхъ (татарскихъ ермолкахъ) и въ шапкахъ. Міряне приносили въ храмъ для освященія пиво, медъ, квасъ, брагу, хлѣбы, калачи и другіе съѣстные припасы, а причетники все это ставили въ алтарѣ на жертвенникъ. Мало того: если дитя родилось въ сорочкѣ, то эта сорочка приносилась къ попамъ, и они держали ее на престолѣ до шести недѣль; или во время освященія церкви міряне приносили попамъ мыло, чтобы тѣ держали его на престолѣ тоже до шести недѣль. Такое неблагочестіе, разумѣется, дѣлалось отъ излишняго усердія, отъ вѣры, затемненной невѣжествомъ. Нѣкоторые церковные обряды и даже таинства совершались съ сильною примѣсью старыхъ языческихъ обычаевъ. Такъ, когда свадебный поѣздъ отправлялся въ церковь для вѣнчанія, священникъ съ крестомъ идетъ, а передъ нимъ бѣгутъ гусляры, органники и скоморохи съ музыкой и веселыми пѣснями. Большую роль при семъ обрядѣ, какъ и въ другихъ случаяхъ, играли волшебства и гаданія. Волхвы и колдуны производили наговоры и заклинанія; гадали и предсказывали по звѣздамъ, по граянію воронъ и т. п., на основаніи разныхъ гадательныхъ книгъ, каковы Альманахъ, Аристотелевы врата, Рафли, Воронограй, Шестокрылъ, Звѣздочетъ. Особенно прибѣгали къ такимъ гаданіямъ и заклинаніямъ въ случаѣ тяжбы; въ надеждѣ на нихъ смѣло поддерживали свое неправое дѣло и выходили на поле, т. е. на судебный поединокъ. Что касается до скомороховъ, то ремесло ихъ въ тѣ времена очевидно процвѣтало: большими ватагами, иногда въ 60—100 человѣкъ, ходили они по деревнямъ и увеселяли народъ, а при случаѣ грабили у крестьянъ имущество по клѣтямъ и занимались разбоемъ по дорогамъ. Но не одни скоморохи, по селамъ и погостамъ ходили ложные пророки и пророчицы, мужики, старыя бабы, жены и дѣвки; съ распущенными волосами, босые и почти нагіе, они неистовствовали, били себя въ грудь и разсказывали, будто имъ являлись святая Пятница и святая Настасія и запрещали народу работать въ среду и пятницу. А нѣкоторые монахи или монахини, даже простые мужики и бабы странствуютъ безчинно съ иконами по торжищамъ, разсказываютъ свои

сны, пророчествуютъ, собираютъ на сооруженіе храма или на какой либо выкупъ. Въ Троицкую субботу по селамъ и погостамъ сходились мужчины и женщины на жальникахъ (такъ назывались кладбища въ Новгородской землѣ), и громко плакали надъ покойниками; а когда скоморохи придутъ и начнутъ свои бѣсовскія игры, тѣ же плакальщики и на тѣхъ же жальникахъ принимались плясать, бить въ ладоши и пѣть «сатанинскія пѣсни». Здѣсь мы видимъ явные слѣды языческихъ погребальныхъ игрищъ. Самыя необузданныя игрища по прежнему происходили въ навечеріе Рождества Христова, Богоявленія Господня, и особенно наканунѣ весенняго Иванова дня. Тутъ сходились мужчины, женщины и дѣвицы и проводили ночь въ пѣсняхъ, плясках и непристойныхъ забавахъ, причемъ «бывало отрокамъ оскверненіе, а дѣвицамъ растлѣніе». Когда же разсвѣтало, народъ шелъ къ рѣкѣ, гдѣ съ крикомъ и смѣхомъ омывался водою, а потомъ расходился по домамъ и засыпалъ мертвымъ сномъ. Точно также въ первый понедѣльникъ послѣ Петрова поста ходили въ рощи и творили тамъ разныя потѣхи. А въ четвергъ рано поутру жгли солому и выкликали покойниковъ. Нѣкоторые невѣжественные попы въ этотъ день клали соль подъ престоломъ и держали ее до четверга Святой недѣли; потомъ эту соль раздавали для врачеванія людей и скота. Въ числѣ безстыдныхъ обычаевъ Стоглавъ указываетъ на то, что во Псковѣ въ общественныхъ баняхъ моются вмѣстѣ мужчины и женщины, и даже иноки.

Такова картина языческихъ суевѣрій и грубыхъ нравовъ, которую раскрываетъ передъ нами Стоглавъ. Впрочемъ, вслѣдствіе самой своей задачи указать на церковные непорядки и дурные нравы, чтобы принять мѣры къ ихъ исправленію, Соборъ естественно долженъ былъ выдвигать ихъ на передній планъ и ярко очерчивать. Въ общемъ же ходѣ исторической жизни Русскаго народа помянутыя явленія не должны заслонять собою другія, лучшія его качества и могутъ быть разсматриваемы какъ его обратная сторона. Далѣе, приведенныя черты едвали относились сплошь ко всѣмъ областямъ Московской Руси; кажется, въ большинствѣ случаевъ тутъ разумѣются сѣверныя, т. е. Новгородско-Псковскія земли, въ населеніи своемъ сильно проникнутыя инородческимъ, т. е. все тѣмъ же чудскимъ или финскимъ элементомъ. На эти земли по преимуществу могъ указывать близко знакомый съ ними предсѣдатель собора митрополитъ Макарій, бывшій архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова.

Затѣмъ, не всѣ черты народныхъ нравовъ являются намъ въ такомъ же мрачномъ видѣ, въ какомъ изображаютъ ихъ записи Стоглаваго собора, смотрящія на народную жизнь прямо съ монашеской или аскетической точки зрѣнія. Напримѣръ, вмѣстѣ съ непристойными игрищами, безмѣрнымъ пьянствомъ и азартными играми, они какъ бы осуждаютъ и всякія пѣсни, гусли и сопѣли, всякую пляску, также игру въ зернь или тавлеи, грохотаніе надъ бочками и корчагами, ученыхъ медвѣдей т. п., относя все это къ разнымъ видамъ такъ наз. еллинскаго бѣснованія, запрещеннымъ вселенскими соборами. Наравнѣ съ народными увеселеніями Стоглавъ, напримѣръ, смотритъ какъ на великій грѣхъ на продажу и употребленіе въ пищу колбасы, а также тетеревей и зайцевъ, пойманныхъ силками, подводя ихъ подъ статью Шестаго Вселенскаго собора объ удавленинѣ. Очевидно ко многимъ чертамъ русской народной жизни Стоглавъ относится съ точки зрѣнія собственно церковно-византійской. При семъ соборъ русскихъ іерарховъ относитъ къ запрещеніямъ Вселенскихъ соборовъ и такіе обычаи, которыхъ эти соборы совсѣмъ не запрещали. Такъ онъ вмѣняетъ въ великій грѣхъ бритье бороды и подстриженіе усовъ, какъ обычай латинскій и еретическій; а если притомъ русскій человѣкъ перенимаетъ и одежду иновѣрныхъ земель, то въ немъ по наружности нельзя узнать православнаго. Къ подобнымъ обычаямъ Стоглавъ относится почти съ такимъ же негодованіемъ, какъ и къ явленіямъ дѣйствительно порочнымъ и гнуснымъ, напримѣръ, къ содомскому грѣху, въ тѣ времена повидимому довольно распространенному. Не всегда удачное и правильное усвоеніе византійскихъ воззрѣній Русской іерархіей однако не должно уменьшать въ нашихъ глазахъ значеніе тѣхъ статей Стоглава, которыя указываютъ на существованіе многихъ языческихъ суевѣрій, на грубость и распущенность народныхъ нравовъ и крайній недостатокъ просвѣщенія. Сами учители и пастыри народные въ большинствѣ случаевъ имѣли смутное понятіе о Священномъ писаніи и главныхъ догматахъ своей церкви. Наблюдательный иностранецъ (англичанинъ Флетчеръ) въ концѣ XVI столѣтія замѣчаетъ, что московскіе попы круглые невѣжды, поэтому никогда не говорятъ проповѣдей и не поучаютъ своей паствы, да и сами епископы, которые ихъ поставляютъ, знаютъ Священное писаніе не болѣе того, сколько это нужно для отправленія богослуженія. По его разсказу, однажды разговаривая съ какимъ то монахомъ въ Вологдѣ, онъ раскрылъ передъ нимъ славянское Евангеліе на первой

главѣ отъ Матвея. Монахъ сталъ бѣгло читать. Но на вопросъ, какая это часть Евангелія, и на другіе подобные вопросы отвѣтить не могъ. Какъ же онъ можетъ спастись?—спросилъ его иностранецъ. Монахъ отвѣтилъ въ такомъ общемъ у Русскихъ смыслѣ, что если Богу угодно будетъ помиловать грѣшника за его вѣру и благочестіе, то онъ будетъ спасенъ.

Тотъ же Стоглавъ указываетъ и на главную причину невѣжества народныхъ пастырей: на отсутствіе школъ. Сами учителя грамотности или такъ наз. «мастеры», по его свидѣтельству, «мало умѣютъ и силы въ божественномъ писаніи не знаютъ, да учиться имъ негдѣ». «А прежде сего—прибавляетъ Стоглавъ,—училища бывали въ Россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ Великомъ Новѣградѣ и по инымъ градамъ многіе, грамотѣ писати и пѣти и чести учили; потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много; писцы и пѣвцы и чтецы славные были по всей землѣ». Но о какомъ прошломъ времени тутъ говорится, трудно понять. (М. б. это смутное воспоминаніе о давно прошедшемъ, до-Татарскомъ, или преувеличенное представленіе о времени м. Кипріана). Выше мы видѣли, какъ съ небольшимъ за пятьдесятъ лѣтъ до Стоглаваго собора новгородскій архіепископъ Геннадій жаловался именно на безграмотность священниковъ и невѣжество самихъ ихъ учителей или мастеровъ. Какъ для надзора за церковнымъ благочиніемъ Стоглавый соборъ велѣлъ изъ священниковъ назначать поповскихъ старостъ и десятскихъ; такъ и для распространенія грамотности онъ приказываетъ бѣлому духовенству по всѣмъ городамъ, съ архіерейскаго благословенія, избирать изъ своей среды добрыхъ священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ, женатыхъ и благочестивыхъ и притомъ грамотѣ «горазднвыхъ», и въ ихъ домахъ учинить училища, куда всѣ православные христіане могли бы отдавать своихъ дѣтей для наученія грамотѣ. Здѣсь выборные священники, дьяконы и дьячки должны были учить ихъ книжному письму, церковному и налойному чтенію, псалмопѣнію и «конарханію», а также страху Божію, беречь своихъ учениковъ во всякой чистотѣ и «блюсти ихъ отъ всякаго плотского растлѣнія, наипаче же отъ содомскаго грѣха и руко....». Изъ такихъ то учениковъ потомъ должны были выростать «достойные священническаго чина». Намъ неизвѣстно, насколько осуществилось это благое постановленіе Собора о церковныхъ школахъ. Но по всѣмъ признакамъ, если и осуществилось, то въ весьма недостаточномъ размѣрѣ, судя потому, что жалобы на малограмот-

ность духовенства, особенно сельскаго, продолжались еще очень долго; а иностранные наблюдатели второй половины XVI и въ началѣ XVII вѣка прямо говорятъ, будто «во всей Московіи нѣтъ школъ».

Рядомъ съ малограмотностію Стоглавъ указываетъ и на другое зло, сопряженное съ поставленіемъ священниковъ и причетниковъ,—на мзду и подкупы, которые глубоко проникали во всѣ слои русскаго общества. Уличане (прихожане) при выборѣ какъ священниковъ и дьяконовъ, такъ и наемныхъ церковнослужителей, дьячковъ, пономарей и просвиренъ, брали съ нихъ деньги, напримѣръ, съ попа 15 рублей, а съ иного по 20 и даже по 30 рублей, и потомъ уже шли съ нимъ къ владыкѣ; а когда владыка въ какую церковь назначитъ попа хотя и гораздаго грамотѣ, но если онъ многихъ денегъ не дастъ, уличане его не принимаютъ. Тутъ очевидно разумѣются порядки собственно новгородскіе, но конечно не чуждые и другимъ областямъ. А въ церквахъ ружныхъ, т. е. независимыхъ отъ прихожанъ, то же самое совершали владычніе намѣстники (дѣло идетъ о Псковѣ), т. е. назначали въ попы и дьяконы не тѣхъ, которые были достойнѣе и грамотнѣе, а тѣхъ, которые имъ больше денегъ давали.

Пытаясь упорядочить и возвысить духовный чинъ, Стоглавый соборъ между прочимъ настаиваетъ на томъ, чтобы бѣлое духовенство было женатое, и строго подтверждаетъ постановленія Московскаго собора 1503 года о вдовыхъ священникахъ. Если кто, овдовѣвъ, пожелаетъ сохранить полный іерейскій санъ, то долженъ для того постричься въ иночество. Вдовому попу и дьякону дозволяется совершать нѣкоторыя церковныя службы, но никакъ не литургію, и притомъ только такимъ, которые ведутъ цѣломудренную жизнь; имъ назначается третья доля изъ церковныхъ доходовъ. Уличеннымъ въ незаконномъ сожительствѣ запрещается всякое священнодѣйствіе; у нихъ отбирались ставленныя грамоты; они должны были носить мірскую одежду, отращивать волосы на маковкѣ (которая у священниковъ въ тѣ времена выстригалась), жить въ міру и тянуть государево тягло вкупѣ съ мірскими людьми. Статьи Стоглава, касающіяся таинства брака вообще, указываютъ, какъ легко, еще по язычески, относились многіе къ сему таинству, замѣняя его свободнымъ сожительствомъ. Стоглавъ, во первыхъ, установляетъ для вѣнчанія пятнадцатилѣтній возрастъ жениху и двѣнадцатилѣтній невѣстѣ. Второй и третій браки допускались, но съ серьезными ограниченіями при вѣнчаніи, съ запрещеніемъ причастія на извѣстные сроки и удвоеніемъ вѣнечной архіерейской пошлины: съ перваго брака взимался

одинъ алтынъ, со второго два, съ третьяго четыре. Строго запрещаются браки при родствѣ, свойствѣ и кумовствѣ. Четвертый же бракъ не допускался ни въ какомъ случаѣ. Соборъ строго запрещаетъ православнымъ держать у себя наложницъ. Но уже самое частое упоминаніе его о всякихъ блудныхъ грѣхахъ указываетъ на значительную распущенность нравовъ въ семъ отношеніи. Разныя другія свидѣтельства, особенно иноземныя, подтверждаютъ сію истину. ([82]).

По всѣмъ признакамъ, вредное вліяніе Татарскаго ига на народный характеръ и общественные нравы въ XVI вѣкѣ дало обильные плоды, достигло, такъ сказать, полнаго своего развитія. Яркимъ представителемъ этого вліянія, какъ извѣстно, явился самъ Иванъ IV, который совмѣстилъ въ себѣ замѣчательную даровитость русской натуры съ крайнею порочностью и звѣрствомъ, глубокую набожность съ грубыми суевѣріями, кощунствомъ и самымъ гнуснымъ распутствомъ. Извѣстно, какъ онъ попиралъ церковные уставы о таинствѣ брака, какъ глумился и свирѣпствовалъ надъ духовнымъ чиномъ.

Возросши самъ подъ вліяніемъ татарщины, онъ въ свою очередь способствовалъ ея поддержанію и усиленію какъ въ общественныхъ нравахъ, такъ и въ правительственныхъ обычаяхъ. Между прочимъ, по всѣмъ признакамъ при немъ въ особенности, укоренилось одно изъ яркихъ послѣдствій татарщины—судебный «правежъ» или варварское выколачиваніе палками по ногамъ уплаты долговъ, пеней и недоимокъ. Многіе окружающіе Ивана Грознаго конечно поддѣлывались подъ его взгляды и привычки; а шайка его опричниковъ усердно подражала ему въ насиліяхъ и распущенности. По общему историческому закону, въ монархическихъ государствахъ, особенно въ самодержавныхъ, государевъ дворъ служитъ обыкновенно средоточіемъ, отъ котораго распространяются кругомъ и добрые, и дурные нравы; понятно, какое вредное вліяніе имѣлъ въ этомъ отношеніи дворъ Ивана IV временъ опричины. Въ молодости своей, въ блестящую пору своего царствованія, въ эпоху вліянія митрополита Макарія, Сильвестра и Адашева, Иванъ Васильевичъ самъ указывалъ Стоглавому собору на недостатокъ училищъ и книжнаго образованія, на грубость и распущенность нравовъ; а во вторую половину своего царствованія онъ менѣе всего заботился о народномъ образованіи, своимъ тиранствомъ и самодурствомъ напротивъ способствовалъ еще большему умственному невѣжеству и нравственному огрубѣнію. Гнетъ

и насиліе со стороны высшихъ начальственныхъ лицъ, раболѣпіе и забвеніе человѣческаго достоинства со стороны низшихъ, подчиненныхъ и слабыхъ—эти черты надолго сдѣлались обратною, темною стороною народной жизни. Нужна была вся мощь русской натуры и русскаго народнаго генія, чтобы впослѣдствіи мало-по-малу освободить себя отъ оковъ этого умственнаго мрака, какъ освободилась она отъ оковъ долгаго варварскаго ига.

XIII.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВѢКА.

Духовные писатели.—Произведенія Максима Грека.—Труды митрополита Макарія.—Новыя черты въ литературѣ житій.—Великія Четьи-Минеи.—Писатели-міряне.—Лѣтописное дѣло въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ.—Русскій хронографъ.—Книжные переводы, передѣлки и заимствованія.—Отреченныя книги.—Ересь Башкина.—Соборное осужденіе игумена Артемія.—Ученіе Ѳеодосія Косого.—Свидѣтельство инока Зиновія.—Розыскъ о Висковатомъ и иконописное дѣло на Руси.—Русскій подлинникъ.—Миньятюра.—Порча богослужебныхъ книгъ.—Московскіе первопечатники.—Книга Домострой въ связи съ бытомъ и нравами.—Состояніе и типы русской женщины.—Повѣсть о Юліаніи Лазаревской.—Русское деревянное зодчество.—Происхожденіе шатроваго церковнаго стиля.—Храмъ Василія Блаженнаго.

Согласно съ общимъ ходомъ развитія Русской жизни въ эпоху по-Татарскую,—когда рядомъ съ государственностію на первый планъ, еще болѣе чѣмъ прежде, выступила церковность—наша литература или книжность получила почти исключительно церковный характеръ. Толчокъ, данный въ XIV и XV вв. нашей письменности нѣкоторымъ притокомъ образованныхъ Грековъ и южныхъ Славянъ, продолжалъ дѣйствовать въ Московской Руси въ теченіе большей части XVI вѣка, т. е. до мрачной эпохи опричины, которая скоро его затормозила. Несмотря на недостатокъ грамотности въ народѣ, въ первой половинѣ этого вѣка замѣтно довольно сильное движеніе письменности и цѣлый рядъ писателей, болѣе или менѣе достойныхъ вниманія.

Мы видѣли, что это литературное движеніе въ особенности было вызвано важными церковно-историческими явленіями, выступившими

въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, а именно ересью такъ наз. Жидовствующихъ и особенно вопросомъ о монастырскомъ землевладѣніи. Какъ самый крупный литературный дѣятель въ эту эпоху выдвинулся даровитый, энергичный Іосифъ Волоцкій своимъ «Просвѣтителемъ», посланіями къ разнымъ лицамъ, а также своими наказами и Духовною грамотою, обращенными къ братіи его монастыря. Изъ учениковъ его и послѣдователей наиболѣе плодовитымъ писателемъ явился Даніилъ, игуменъ Волоцкій, а потомъ митрополитъ Московскій, отъ котораго дошло до насъ нѣсколько десятковъ пастырскихъ посланій и поученій. Мы имѣемъ два сборника его поученій; изъ нихъ одинъ былъ составленъ имъ самимъ подъ именемъ «Соборника», по образцу Іосифова Просвѣтителя. Въ своихъ словахъ или поученіяхъ Даніилъ вооружается противъ вольномыслія, отъ котораго происходятъ ереси (особенно Жидовствующіе), и вообще противъ разныхъ пороковъ и развращенія нравовъ; при чемъ частыми ссылками и указаніями на свв. отцовъ и учителей Церкви обнаруживаетъ свою довольно обширную начитанность; но авторскій его талантъ не равнялся его богословскимъ познаніямъ и любви къ книжному просвѣщенію. Во главѣ писателей партіи противной іосифлянамъ или монастырскому стяжанію стоялъ, какъ извѣстно, Нилъ Сорскій. Отъ него дошли до насъ только немногія поучительныя посланія и «Преданіе о жительствѣ скитскомъ». Въ послѣднемъ онъ ясно, краснорѣчиво изложилъ свои мысли объ иноческомъ житіи, постоянно подкрѣпляемыя изрѣченіями древнихъ отцовъ и подвижниковъ Греческой церкви. Гораздо рѣшительнѣе выступилъ противъ монастырскаго землевладѣнія послѣдователь Нила Сорскаго извѣстный князь—инокъ Вассіанъ Косой; отъ него дошло до насъ небольшое полемическое сочиненіе, прямо озаглавленное имъ «Собраніе на Іосифа Волоцкаго». Какъ авторъ, Вассіанъ очевидно не обладалъ значительною литературною и богословскою подготовкою.

Самое видное мѣсто въ ряду русскихъ писателей сего направленія принадлежитъ человѣку не Русской народности, а именно знаменитому Максиму Греку. Первые литературные труды Максима на Руси были переводы съ греческаго. Онъ еще не зналъ ни русскаго, ни церковно-славянскаго языка, и переводы эти говорилъ по-латыни своимъ русскимъ сотрудникамъ, а тѣ передавали ихъ по-русски. Но потомъ Максимъ настолько овладѣлъ нашимъ книжнымъ языкомъ, что самъ писалъ на немъ, и оставилъ послѣ себя большое количество сочиненій. По содержанію своему онѣ весьма разнооб-

разны. Живой, впечатлительный, какъ истый уроженецъ юга, Максимъ усердно отзывался почти на всѣ вопросы и явленія, волновавшіе его современниковъ или возникавшіе тогда на Руси. Такъ мы встрѣчаемъ у него статьи: во-первыхъ, направленныя противъ ереси Жидовствующихъ, которая продолжала еще смущать многіе умы; во-вторыхъ, противъ Латинянъ или собственно противъ Николая Нѣмчина, который былъ довѣреннымъ врачомъ великаго князя Василія Ивановича и дѣлалъ попытки католической пропаганды; далѣе противъ Лютеровой ереси, особенно въ защиту поклоненія св. иконамъ, противъ магометанства или «Агарянской прелести», противъ «Армянскаго зловѣрія». Разнаго рода суевѣрія, поддерживаемыя многими апокрифическими произведеніями, побудили его писать критику на эти апокрифы или баснословныя сказанія священнаго характера; возставалъ онъ также противъ сильно распространенныхъ тогда астрологическихъ или звѣздочетныхъ бредней; смѣло обличалъ пороки современниковъ, въ томъ числѣ и духовенства; писалъ поученія о благочестивомъ житіи и исполненіи своихъ обязанностей людямъ власть имущимъ, и рѣшительно высказывался противъ монастырскаго землевладѣнія. Послѣднія статьи навлекли на него гоненіе, которое окончилось обвиненіемъ его въ ереси и заточеніемъ. Неутомимый Грекъ отвѣчалъ своимъ обвинителямъ цѣлыми оправдательными посланіями. Сочиненія его въ литературномъ отношеніи не высокаго достоинства, такъ какъ написаны не совсѣмъ чистымъ и правильнымъ русскимъ языкомъ и не всегда достаточно обработаны; но онѣ блестятъ истинно европейскою ученостію, которая была у него основана на классической почвѣ и проникнута антисхоластическимъ духомъ гуманизма или Эпохи Возрожденія. Но иногда въ своихъ воззрѣніяхъ онъ отдавалъ дань вѣку и окружавшей его средѣ; напримѣръ, ношеніе татарской тафьи и турецкихъ сапогъ онъ бичевалъ наравнѣ съ важными пороками, совѣтовалъ за такой грѣхъ отлучать отъ св. причастія, и т. п. Судя по значительному количеству дошедшихъ до насъ сборниковъ сочиненій Максима, они пользовались на Руси большимъ уваженіемъ и усердно переписывались.

Едва-ли не самую крупную литературную силу Московской Руси XVI вѣка представляетъ архіепископъ Новогородскій, а потомъ митрополитъ Московскій Макарій, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ Сильвестромъ и Адашевымъ составлявшій родъ тріумвирата, знаменитаго своимъ благотворнымъ вліяніемъ на молодого Ивана IV въ блестя-

щую пору его царствованія. Макарій много трудился надъ упорядоченіемъ внѣшней обрядовой стороны въ нашей Церкви, надъ устраненіемъ изъ нея всякихъ неблагочестивыхъ обычаевъ и явленій; чему нагляднымъ свидѣтельствомъ служитъ извѣстный Стоглавъ, въ которомъ ему принадлежали и починъ, и главная дѣятельность. Но болѣе всего Макарій любилъ книжное дѣло. Изъ его собственныхъ произведеній дошло до насъ небольшое количество краснорѣчивыхъ словъ и поученій, относящихся преимущественно ко времени покоренія Казани. Главное же его значеніе основано на собираніи книжнаго матеріала и возбужденіи многихъ дѣлателей на литературной почвѣ. По преимуществу сильный толчокъ онъ сообщилъ тому отдѣлу духовной словесности, который посвященъ былъ житіямъ святыхъ.

Естественно, что вмѣстѣ съ распространеніемъ монашества и размноженіемъ монастырей на Руси росло и стремленіе къ прославленію свв. подвижниковъ, особенно тѣхъ, которые положили начало какой-либо обители. Стремленіе это выражалось не только въ составленіи новыхъ житій, но и въ переработкѣ или въ обновленной редакціи старыхъ. Подъ вліяніемъ, возникшаго въ предъидущую эпоху, украшеннаго реторическаго стиля и усиленнаго легендарнаго направленія, прежнія болѣе простыя и болѣе правдивыя сказанія о свв. подвижникахъ передѣлывались на болѣе украшенныя какъ по изложенію своему, такъ и по содержанію. Для послѣдней стороны обыкновенно служили легенды о посмертныхъ чудесахъ святого. На поприщѣ русской агіографіи въ послѣдней четверти XV и въ первой XVI вѣка заслуживаютъ вниманія, во-первыхъ, труды старца Паисія Ярославова, нѣкоторое время игумена Троицкой Лавры, сотоварища Нила Сорскаго на соборѣ 1553 года въ борьбѣ съ защитниками монастырскаго землевладѣнія: ему принадлежитъ любопытное сказаніе или лѣтопись о Спасокаменномъ монастырѣ (въ Кубенскомъ краю), составленная на основаніи старыхъ монастырскихъ записокъ и устныхъ преданій. Далѣе выдаются: житіе Пафнутія Боровскаго, написанное его постриженикомъ, ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ, братомъ Іосифа Волоцкаго, и житіе соловецкихъ угодниковъ Зосимы и Саватія. Сіе послѣднее служитъ нагляднымъ примѣромъ указаннаго стремленія къ украшенному изложенію и легендарнымъ дополненіямъ. Инокъ Соловецкаго монастыря Досиѳей, по благословенію новгородскаго архіепископа Геннадія, составилъ житіе Зосимы и Саватія. Досиѳей самъ былъ ученикомъ Зо-

симы и при томъ пользовался разсказами объ этихъ угодникахъ сподвижника ихъ старца Германа; слѣдовательно составленное имъ житіе носило черты достовѣрности и правдивости. Но оно было написано слишкомъ просто или слишкомъ «грубо» по понятіямъ того времени; Досиѳей не рѣшался представить свой трудъ владыкѣ и искалъ человѣка, который могъ бы его писаніе украсить надлежащимъ образомъ. Таковаго онъ нашелъ въ Ѳерапонтовой обители въ лицѣ заточеннаго тамъ бывшаго кіевскаго митрополита Спиридона, и послѣдній дѣйствительно украсилъ житіе цвѣтами реторики; тогда оно было представлено Геннадію и удостоилось его одобренія. Но обработка этого житія продолжалась и послѣ того: одинъ изъ соловецкихъ игуменовъ первой четверти XVI вѣка, Вассіанъ, дополнилъ его разсказами объ иныхъ чудесахъ; а около половины сего вѣка игуменъ Филиппъ (потомъ знаменитый митрополитъ Московскій) прибавилъ еще новыя чудеса.

Толчокъ, данный русской агіографіи митрополитомъ Макаріемъ, находился въ связи съ церковными соборами 1547 и 1549 гг. На этихъ соборахъ, какъ извѣстно, совершена была общецерковная канонизація многихъ русскихъ подвижниковъ, дотолѣ мѣстночтимыхъ. Но мало было признать святымъ такого то подвижника; надобно было установить ему празднество съ чтеніемъ его житія и пѣніемъ каноновъ при церковномъ богослуженіи. По порученію митрополита, началось дѣятельное собираніе по епархіямъ и приведеніе въ извѣстность всякаго рода записокъ и преданій о русскихъ чудотворцахъ, пользовавшихся почитаніемъ. Собранный матеріалъ подвергался пересмотру, приведенію въ порядокъ и дальнѣйшей обработкѣ; при чемъ и существовавшія уже прежде житія передѣлывались и дополнялись согласно новымъ требованіямъ агіографическаго искусства. Сочиненіе каноновъ и обработка житій поручались людямъ (преимущественно изъ иноковъ), обладавшимъ способностію писать витіеватымъ, украшеннымъ стилемъ. Большую часть—если не всѣ — старыхъ и новонаписанныхъ житій (приблизительно до половины XVI вѣка) митрополитъ Макарій внесъ въ свой огромный сборникъ, извѣстный подъ именемъ Великія Четьи-Минеи. Уже будучи архіепископомъ Новогородскимъ, онъ усердно собиралъ сказанія о русскихъ святыхъ; для чего—какъ говоритъ въ предисловіи къ своему сборнику—и самъ трудился, и нанималъ многихъ писарей, не щадя на нихъ серебра и всякихъ издержекъ. Въ своихъ Четьи-Минеяхъ Макарій помѣщалъ русскія житія и духовныя по-

вѣсти наравнѣ съ житіями греческихъ святыхъ и отцовъ Церкви, вмѣстѣ съ похвальными имъ словами, а также со многими ихъ твореніями, существовавшими въ славянскихъ переводахъ. Содержаніе сего сборника большею частію распредѣлено по тѣмъ мѣсяцамъ и числамъ, въ которые праздновалась память святого. Такимъ образомъ эти Макарьевскія Минеи, заключая въ себѣ собранную воедино значительную часть древнерусской письменности, представляли для своего времени родъ духовно-литературной энциклопедіи и давали обширный матеріалъ для чтенія русскимъ людямъ.

Сильное оживленіе и распространеніе агіографическаго отдѣла русской письменности около половины XVI вѣка наглядно отразилось на содержаніи дошедшихъ до насъ рукописныхъ сборниковъ. Дотолѣ житія святыхъ встрѣчаются въ нихъ довольно рѣдко; съ этого же времени они стали преобладать надъ другими отдѣлами письменности и сдѣлались предметомъ усердной переписки; при чемъ переписчики впослѣдствіи не стѣснялись требованіемъ точности, и часто сокращали или дополняли ихъ по своему усмотрѣнію. Отсюда явилось большое разнообразіе въ редакціяхъ однихъ и тѣхъ же житій по разнымъ ихъ спискамъ. Въ ту же Макарьевскую эпоху окончательно выработались общіе пріемы и правила для составленія житій и прославленія подвижниковъ, именно тѣ пріемы, которые сообщили послѣдующей агіографіи такое утомительное однообразіе и малосодержательность. Тутъ менѣе всего обращалось вниманія на воспроизведеніе достовѣрныхъ и мѣстныхъ чертъ изъ жизни подвижника; жизнь его передавалась общими туманными и витіеватыми выраженіями, а главное вниманіе обращалось на собираніе и передачу легендъ о посмертныхъ чудесахъ, преимущественно о разныхъ исцѣленіяхъ при гробѣ святого; на этихъ чудесахъ конечно основывалось и большее или меньшее его почитаніе среди населенія, т. е. большее или меньшее стеченіе богомольцевъ, столь желанное для мѣстнаго монашества или клира. Такимъ образомъ русская агіографія XVI вѣка представляетъ значительный упадокъ сравнительно съ болѣе древними житіями, особенно до—Пахоміевой эпохи, житіями болѣе правдивыми и безъискусственными. Доказательство тому представляютъ тѣ немногія агіографическія произведенія, которыя дошли до насъ и въ древнѣйшемъ своемъ видѣ, и въ болѣе поздней редакціи или въ передѣлкѣ. Нагляднымъ примѣромъ такой передѣлки служитъ, напримѣръ, житіе новгородскаго юродиваго Михаила Клопскаго. Макарій, въ то время новгородскій владыка, былъ

недоволенъ его житіемъ, весьма просто изложеннымъ. Въ Новгородъ случайно пріѣхалъ изъ Москвы боярскій сынъ Василій Тучковъ для сбора ратниковъ; это былъ человѣкъ книжнообразованный и искусный въ писаніи. Владыка упросилъ его «написать и распространить житіе и чудеса» Михаила; о чемъ Тучковъ самъ разсказываетъ въ послѣсловіи къ сему житію. Современники остались очень довольны его передѣлкою. Наполнивъ житіе общими реторическими мѣстами, біографъ сократилъ въ немъ нѣкоторыя болѣе историческія черты древнѣйшей редакціи, а развилъ по преимуществу легендарную часть житія; при чемъ впалъ въ анахронизмы и другія ошибки.

Этотъ Тучковъ является однимъ изъ тѣхъ московскихъ книжниковъ XVI вѣка, которые принадлежали не къ духовному чину, а къ свѣтскому. Изъ такихъ книжниковъ наиболѣе извѣстны Вассіанъ Косой или невольно постриженный въ монахи князь Василій Патрикѣевъ и знаменитый бѣглецъ князь Андрей Курбскій. Литературная дѣятельность послѣдняго совершалась собственно въ Литовской Руси, послѣ его бѣгства, уже подъ вліяніемъ западнорусской и польской образованности; но свою любовь къ книжному просвѣщенію и начатки его онъ конечно принесъ съ собою изъ Москвы. Далѣе извѣстенъ князь Юрій Токмаковъ, въ 1570 г. намѣстникъ Псковскій, авторъ повѣсти о чудотворной иконѣ Богородицы въ селѣ Выдропускѣ (на р. Тверцѣ). Самымъ же крупнымъ представителемъ мірскихъ книжниковъ той эпохи является царь Иванъ Васильевичъ; выше было указано на его наиболѣе любопытныя произведенія, каковы царскіе вопросы, предложенные Стоглавому собору, переписка съ Курбскимъ и посланіе въ Кириллобѣлозерскій монастырь. Но трудно сказать, насколько эти произведенія принадлежатъ ему безраздѣльно; въ блестящую эпоху его царствованія ему несомнѣнно помогали или митрополитъ Макарій, или священникъ Сильвестръ, а въ послѣдующую эпоху вѣроятно другія приближенныя лица изъ духовныхъ, напримѣръ, чудовскій архимандритъ Левкій или ему подобные. Охоту къ книжнымъ занятіямъ отъ Ивана Грознаго наслѣдовалъ и старшій его сынъ, царевичъ Иванъ, который связалъ свое имя съ житіемъ Антонія Сійскаго. Впрочемъ онъ не былъ авторомъ сего житія, и въ этомъ случаѣ повторилось почти тоже, что мы сказали выше о житіи Зосимы и Саватія. Въ 70-хъ годахъ XVI вѣка по просьбѣ Сійскаго игумена и братіи, инокъ Іона написалъ житіе св. Антонія; при чемъ воспользовался неоконченными

записками о немъ другого инока, по имени Филоѳея, который лично зналъ Антонія и былъ его ученикомъ. По окончаніи сего труда, игуменъ сійскій Питиримъ пріѣхалъ въ Москву просить царя и митрополита объ установленіи праздника святому, и тутъ онъ обратился къ царевичу Ивану съ просьбою вновь написать житіе, вмѣстѣ съ похвальнымъ словомъ и службою тому же святому. Царевичъ исполнилъ эту просьбу (въ 1579 году), о чемъ самъ сообщаетъ въ своей припискѣ къ житію, называя трудъ Іоны слишкомъ легко написаннымъ. Но въ сущности онъ только сократилъ нѣкоторыя любопытныя подробности въ изложеніи Іоны, снабдивъ житіе своимъ предисловіемъ и общими реторическими мѣстами. Еще болѣе поздняя редакція сего житія въ свою очередь снабжена разсказами о посмертныхъ чудесахъ.

Эта скудная содержаніемъ и утомительно однообразная агіографическая литература какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ той печальной эпохѣ и тому упадку просвѣщенія, которымъ отмѣчена вторая половина царствованія Грознаго—упадку, которому онъ такъ много способствовалъ своимъ тиранствомъ и преслѣдованіемъ всего живого, даровитаго и выдающагося изъ толпы. Ни одно замѣчательное литературное произведеніе, ни одно крупное авторское имя не нарушаетъ сего пустыннаго однообразія ([83]).

Съ именемъ митрополита Макарія связано еще одно важное произведеніе, относящееся къ отдѣлу историческому или лѣтописному, именно Степенная Книга. Этотъ обширный лѣтописный сборникъ, расположенный по степенямъ великокняжескаго рода (отъ Владиміра Великаго) и начатый митрополитомъ Кипріаномъ въ концѣ XIV вѣка, былъ дополненъ и оконченъ Макаріемъ или подъ его руководствомъ. Согласно характеру, данному ей искуснымъ книжникомъ Кипріаномъ, книга отличается витіеватымъ, реторическимъ изложеніемъ и обильно снабжена легендарными повѣстями, посланіями, житіями святыхъ, молитвами, рѣчами; при чемъ все ея содержаніе имѣетъ строго правительственный (оффиціальный) характеръ и направлено къ прославленію русскаго княжескаго дома, въ особенности великихъ князей Московскихъ. Вообще лѣтописная дѣятельность въ XVI вѣкѣ, съ объединеніемъ Сѣверовосточной Руси подъ верховенствомъ Московскихъ государей, постепенно теряетъ свое прежнее областное разнообразіе и попреимуществу сосредоточивается въ самой Москвѣ или около нея, гдѣ она ведется подъ надзоромъ правительства. И въ лѣтописномъ дѣлѣ эта эпоха отличается направленіемъ

собирательнымъ и государственнымъ. Московскіе книжники, которымъ поручалось оно, относительно предыдущихъ временъ собираютъ воедино извѣстія изъ мѣстныхъ лѣтописцевъ, хронографовъ, изъ житій святыхъ, разныхъ повѣстей и т. п.; а затѣмъ продолжаютъ ихъ, излагая главнымъ образомъ событія Московскаго государства и притомъ съ точки зрѣнія Московскаго правительства; въ основу же обыкновенно полагалась начальная Русская лѣтопись или «Повѣсть временныхъ лѣтъ» игумена Сильвестра. Такимъ образомъ получились обширные лѣтописные сборники или своды. Образцомъ подобныхъ сводовъ въ XVI вѣкѣ служитъ *Софійскій временникъ* (названный такъ потому, что былъ найденъ между рукописями новогородскаго Софійскаго собора).

Царствованію Ивана Грознаго или собственно первой его половинѣ посвящена особая оффиціальная лѣтопись, названная «Царственною книгою», составленная по всей вѣроятности кѣмъ-либо изъ царскихъ дьяковъ. При изложеніи путешествій и походовъ Грознаго она очевидно пользовалась Разрядными книгами, при чемъ съ особою подробностію распространяется о Казанскомъ взятіи. Это взятіе составило предметъ отдѣльной украшенной повѣсти (которая вошла въ Софійскій сводъ). Продолженіе Царственной книги находится въ другихъ оффиціальныхъ лѣтописяхъ того времени, дошедшихъ до насъ въ разныхъ сводахъ или сборникахъ. Тому же царствованію посвященъ особый историческій трудъ князя Андрея Курбскаго, доведенный почти до 80-хъ годовъ XVI столѣтія. Онъ также въ первой половинѣ Іоаннова царствованія преимущественно останавливается на покореніи Казани, въ которомъ самъ участвовалъ и которое описалъ живыми свѣтлыми чертами. Онъ ярко выставляетъ благодѣтельное вліяніе Сильвестра и Адашева; а за тѣмъ сообщаетъ о перемѣнѣ, происшедшей въ Іоаннѣ, и мрачными красками изображаетъ его казни и эпоху опричины. При всемъ извѣстномъ пристрастіи его, какъ личнаго врага Іоаннова, исторія его представляетъ для своего времени выдающееся, талантливое произведеніе; а достовѣрность ея большею частію подтверждается и другими источниками объ этомъ царствованіи. Къ той же эпохѣ относится и такъ наз. «Исторія Казанскаго Царства», доведенная до его покоренія и написанная витіеватымъ, украшеннымъ слогомъ. Авторомъ ея считается священникъ Іоаннъ Глазатый, который 20 лѣтъ находился въ плѣну у Казанскихъ Татаръ и былъ освобожденъ при взятіи Казани.

Кромѣ государственнаго центра или Москвы, лѣтописное дѣло въ эту эпоху продолжается почти съ прежнею энергіей только въ бывшихъ сѣверозападныхъ вѣчевыхъ общинахъ, Новгородѣ и Псковѣ, т. е. въ областяхъ съ наиболѣе развитою гражданственностію. Но и тамъ сія дѣятельность совершается уже подъ очевиднымъ московскимъ вліяніемъ, непосредственнымъ проводникомъ котораго являются новогородскіе владыки, неизбираемые какъ прежде самой общиною, а назначаемые прямо московскими государями. Извѣстно, что лѣтописное дѣло въ Новгородѣ и прежде велось подъ надзоромъ владыкъ. Отсюда тѣмъ замѣтнѣе перемѣна въ характерѣ самаго лѣтописанія послѣ паденія политической самостоятельности Новгорода и Пскова. Замолкли извѣстія о бурныхъ вѣчахъ, борьбѣ посадничьихъ партій и т. п. движеніяхъ. Церковные интересы, прежде шедшіе рядомъ съ мѣстными политическими и даже уступавшіе имъ первенство, теперь рѣшительно преобладаютъ въ Новогородскихъ лѣтописяхъ, начиная съ знаменитаго дѣла о ереси Жидовствующихъ. Извѣстія собственно церковныя или епархіальныя, т. е. о построеніи новыхъ храмовъ, обновленіи старыхъ, о молебнахъ, крестныхъ ходахъ, иконахъ, о путешествіяхъ владыкъ, и благочестивыя легенды перемежаются только частыми извѣстіями о разныхъ бѣдствіяхъ, каковы пожары, голодъ, моровая язва, непріятельскія разоренія и т. п. Любопытно, что прежній обычай жребія при выборѣ владыки иногда примѣняется къ выбору святого. Такъ въ 1533 году въ Новогородской области и во Псковѣ былъ большой моръ (вѣроятно отъ обычной мѣстной болѣзни, именуемой «желѣзою»). Владыка Макарій назначилъ жителямъ двухнедѣльный постъ. Моръ не прекращался. Тогда, по совѣту съ гражданами, онъ рѣшилъ поставить церковь-обыденку. Но возникъ споръ: во имя какого святого? Одни говорили, что надобно ставить во имя апостола и евангелиста Матѳея, которому еще не было посвящено ни одного храма въ городѣ; а другіе хотѣли апостола и евангелиста Марка. Владыка велѣлъ положить на престолѣ въ соборномъ храмѣ два жребія; вынулся жребій Матѳея, а Марковъ остался на престолѣ. 8 ноября поставили деревянную обыденку во имя Марка. Владыка въ этотъ день служилъ молебенъ въ Св. Софіи, а потомъ соборнѣ освятилъ новую церковь, совершилъ въ ней литургію, и повелѣлъ по всему городу, а также по монастырямъ, пѣть молебны и праздновать св. евангелисту Марку. Съ 6 января моръ началъ утихать.

Въ 1552 году былъ въ Новгородской области необыкновенно сильный моръ, который не щадилъ и людей иноческаго или священническаго чина, такъ что много церквей стояло безъ божественной службы; при Софійскомъ соборномъ храмѣ изъ 24 поповъ и дьяконовъ осталось только шесть священниковъ и два дьякона. Всего отъ этого мору, если вѣрно извѣстіе лѣтописи, умерло 279,594 человѣка—число огромное для того времени. По благословенію архіепископа Серапіона, духовенство и народъ въ одинъ день поставили двѣ церкви, во имя препод. Кирилла Бѣлозерскаго и св. мученика Христофора. А тутъ, по словамъ лѣтописца, новое бѣдствіе: вслѣдствіе постоянной нужды въ причащеніи умирающихъ, во всѣхъ городскихъ церквахъ недостало «агнцевъ», т. е. запасныхъ даровъ, которые вынимаются въ великій четвергъ на весь годъ. Архіепископъ Серапіонъ велѣлъ священникамъ брать запасный агнецъ изъ Софійскаго собора; а между тѣмъ послалъ гонца въ Москву къ митрополиту Макарію съ вопросомъ, что дѣлать, когда и этотъ агнецъ весь выйдетъ. Съ разрѣшенія митрополита, владыка соборнѣ служилъ святую литургію и вынулъ запасный агнецъ, также какъ это совершалось въ великій четвергъ; а отъ сего агнца уже брали приходскіе священники по мѣрѣ нужды. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ особую подробную повѣсть о томъ, «какъ Іоаннъ Васильевичъ, самодержецъ всея Руси, казнилъ Великій Новгородъ, еже оприщина и разгромъ именуется». Этою скорбною повѣстью почти заканчивается новгородское лѣтописаніе; далѣе оно продолжалось въ видѣ нѣкоторыхъ записей и отдѣльныхъ сказаній. Вмѣстѣ съ матеріальнымъ благосостояніемъ Великаго Новгорода, погромъ очевидно нанесъ тяжелый ударъ и развитію книжной словесности, развитію довольно замѣтному въ эпоху, предшествующую погрому.

Въ томъ же родѣ является и Псковское лѣтописаніе послѣ присоединенія къ Москвѣ. И здѣсь описываются почти тѣ же бѣдствія. Напримѣръ, въ 1521 году былъ во Псковѣ сильный моръ; особенно умирали переселенные сюда Москвичи, какъ люди непривычные къ мѣстнымъ условіямъ. Намѣстникъ московскій князь Михайло Кислой, духовенство и граждане поставили обыденку во имя св. Варлаама Хутынскаго; но моръ не пересталъ. Услышавъ объ этомъ бѣдствіи, государь (Василій Ивановичъ) велѣлъ митрополиту освятить воду въ Успенскомъ соборѣ у мощей Петра и Алексѣя, послать эту воду во Псковъ, гдѣ священники кропили ею дворы и

людей (въ Новгородѣ на ту пору не было владыки). Въ то же время, по приказу государеву, срубили вторую обыденку и освятили ее въ честь Покрова Богородицы, 2 февраля. Моровое повѣтріе, уже и прежде начавшее ослабѣвать, послѣ того прекратилось. Въ Псковскихъ лѣтописяхъ впрочемъ встрѣчается болѣе критическое отношеніе къ московскому управленію, чѣмъ въ Новгородскихъ, а также въ большей степени является элементъ гражданскій или экономическій. Здѣсь не было своего владыки; а потому свѣтскія власти, т. е. московскіе намѣстники и дьяки, не имѣли себѣ такого противовѣса, какъ въ Новгородѣ. Въ ближайшую за присоединеніемъ эпоху важную роль игралъ здѣсь извѣстный дьякъ Мисюрь Мунехинъ, возстановитель Псково-Печерской обители, крупный представитель и проводникъ московскаго вліянія и московскихъ порядковъ. Этотъ дьякъ, съ соизволенія московскаго государя, вмѣшивался въ самыя церковныя отношенія, и ограничивалъ вліяніе во Псковѣ новгородскаго владыки Макарія (потомъ митрополита). Относительно сего владыки любопытно слѣдующее извѣстіе Псковской лѣтописи. Около 1524 года Макарій задумалъ построить мельницу на рѣкѣ Волховѣ въ Новгородѣ, пониже Великаго моста. За это дѣло взялся какой-то псковитинъ Невѣжа, подручный Снѣтогорскаго монастырскаго мельника. И началъ онъ дѣлать запруду, а монастыри новогородскіе и весь Великій Новгородъ концами стали возить на судахъ камень и валить его въ запруду; возвели ее уже выше воды. Нѣкоторые съ удивленіемъ говорили: «Волховъ нашъ съ молоду не мололъ; неужели подъ старость учнетъ молоть?» Но пришла весенняя вода, и разнесла всю работу.

Вотъ еще любопытное извѣстіе Псковской лѣтописи, относящееся къ тому же владыкѣ Макарію. Въ 1540 году какіе то старцы, «переходцы съ иныя земли», принесли образа св. Николы и св. Пятницы, рѣзные и въ кіотахъ («на рѣзи въ храмцахъ»). Подобныя иконы прежде въ Псковѣ не бывали, и «многіе невѣжливые люди поставили то за болванное поклоненіе», т. е. за идолопоклонство, отъ чего произошла молва и смятеніе. По просьбѣ священниковъ и простого народа, намѣстники и дьяки Псковскіе взяли старцевъ подъ стражу и послали иконы въ Новгородъ къ архіепископу Макарію. Но владыка воздалъ иконамъ большую честь, пѣлъ имъ соборнѣ молебенъ; самъ проводилъ ихъ до судна, и велѣлъ Псковичамъ у тѣхъ старцевъ иконы вымѣнять, а встрѣтить ихъ всѣмъ соборомъ.

Вообще псковскіе лѣтописцы болѣе другихъ отличаются хозяйственнымъ направленіемъ: они нерѣдко сообщаютъ извѣстія о цѣнахъ на разнаго рода хлѣбъ, объ урожаяхъ и другихъ подобныхъ случаяхъ. Такъ подъ 1565 годомъ читаемъ, что въ Псковѣ и по волостямъ у крестьянъ въ огородахъ черви поѣли капусту, не оставили въ покоѣ и рѣпу. Таже лѣтопись даетъ еще частыя извѣстія о постройкѣ укрѣпленій, о сборѣ ратниковъ и продовольствіи для нихъ, о военныхъ походахъ и непріятельскихъ нападеніяхъ; что само-собой вытекало изъ пограничнаго положенія Пскова и его значенія, какъ важнѣйшаго оплота Московскому государству со стороны сѣверозападныхъ сосѣдей. Особенно такія извѣстія обилуютъ въ эпоху Ливонскихъ войнъ Ивана Грознаго. Къ сему послѣднему она относится безъ злобы, но иногда съ ироніей. Напримѣръ, по поводу той же войны говорится, что онъ «наполни грады чужіе русскими людьми, а свои пусты сотвори». При семъ свирѣпства его объясняются навѣтами нѣмецкаго врача Елисея Бомелія, который посредствомъ волхвованія овладѣлъ сердцемъ царя, отводилъ его отъ вѣры и наводилъ на убійство русскихъ бояръ и князей, для спасенія Нѣмцевъ. А «русскіе люди—замѣчаетъ лѣтописецъ—прелестни и падки на волхвованіе». Но Елисей самъ погибъ злою смертію, «да не до конца будетъ Русское царство разорено и вѣра христіанская». Тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, уже слышится у Псковскаго лѣтописца чувство, обращенное не къ одной только Псковской землѣ, а къ общему отечеству, къ объединенной землѣ Русской. И вообще чѣмъ далѣе, чѣмъ ближе къ Смутному времени, тѣмъ лѣтопись Псковская болѣе и болѣе втягивается въ общерусскіе интересы и сообщаетъ извѣстія о событіяхъ центральныхъ или собственно московскихъ.

Кромѣ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, потребности нашихъ предковъ въ историческомъ чтеніи удовлетворяли хронографы, изъ которыхъ они знакомились съ народами и событіями Всемірной исторіи. Первоначально хронографами у насъ назывались византійскія хроники Георгія Амартола (IX вѣка), Іоанна Малалы (VI в.) и Константина Манассіи (XII в.), извѣстныя тогда въ славянскихъ переводахъ. Но потомъ подъ этимъ именемъ выступаютъ собственно русскіе своды, составленные изъ разныхъ источниковъ. Во-первыхъ, въ XV вѣкѣ появился сводъ извѣстій, выбранныхъ изъ трехъ названныхъ византійскихъ хроникъ, подъ заглавіемъ «Эллинскій и Римскій лѣтописецъ». А въ началѣ XVI вѣка

составленъ былъ самостоятельный или собственно Русскій хронографъ; въ основу его положены тѣ же хроники, и затѣмъ онъ пользовался другими источниками, каковы: византійская хроника Зонары (XII в.), но заимствованная не прямо изъ греческаго текста, а изъ сербскаго хронографа, далѣе палея, т. е. сборникъ библейскихъ сказаній съ примѣсью разныхъ легендъ или апокрифовъ, историческія повѣсти и житія святыхъ, сербскія или болгарскія, и наконецъ русскія лѣтописи. Этотъ трудъ безъименнаго русскаго книжника начинается отъ сотворенія міра и оканчивается 1453 годомъ, т. е. завоеваніемъ Царяграда Турками. Онъ составляетъ такимъ образомъ произведеніе трехъ литературъ: византійской, югославянской и русской. А насколько онъ пришелся по вкусу древней русской публики, о томъ свидѣтельствуетъ большое количество дошедшихъ до насъ его списковъ, повторяющихся въ разныхъ редакціяхъ, т. е. съ разными сокращеніями и дополненіями (всѣхъ списковъ извѣстно болѣе 150).

Любопытствомъ русскихъ людей узнать что либо о чужихъ странахъ и народахъ объясняется и замѣчательное распространеніе въ древней Руси такъ наз. «Хожденія Трифона Коробейникова» (сохранилось болѣе 200 списковъ). Въ 1582 г. московскіе купцы Трифонъ Коробейниковъ и Юрій Грековъ посланы были въ Іерусалимъ, Египетъ и на Синайскую гору съ милостынею на поминовеніе убитаго царевича Ивана Ивановича. Описаніе этого паломничества наполнено чудесными или легендарными разсказами о святыхъ мѣстахъ, что конечно привлекало русскихъ читателей. Впрочемъ есть поводы сомнѣваться въ томъ, что авторомъ этого «хожденія» былъ именно Трифонъ Коробейниковъ, а не другой русскій паломникъ ([84]).

Въ XVI вѣкѣ, какъ и прежде, собственно русскія произведенія составляли только часть въ цѣломъ составѣ нашей древней письменности, наполненной по преимуществу произведеніями переводными, т. е. переводами изъ Византійской литературы. Но переводы эти не были точнымъ воспроизведеніемъ подлинниковъ, а наоборотъ отличались отъ нихъ многими или сокращеніями, или вставками, и являлись скорѣе самостоятельными передѣлками, приспособленными къ русскимъ понятіямъ и вкусамъ. Даже и переводы собственно югославянскіе подвергались подобнымъ приспособленіямъ, благодаря которымъ получали русскую окраску или русскую редакцію и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ чаще переписывались, т. е. чѣмъ распространеннѣе было произведеніе. Къ заимствованнымъ изъ Византіи и передѣланнымъ на русскій ладъ произведеніямъ принадле-

жали многочисленныя повѣсти и сказанія какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія, и чѣмъ обильнѣе въ нихъ былъ элементъ чудеснаго сказочнаго, тѣмъ болѣе привлекали онѣ русскихъ читателей. Образцомъ подобныхъ произведеній, повѣствовавшихъ русскимъ людямъ о древнихъ странахъ и народахъ, служатъ извѣстныя съ XVI вѣка въ нашей письменности повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ. Повѣсти эти вращаются главнымъ образомъ около запустѣвшаго града Вавилона, котораго стѣны обвилъ спящій исполинскій змѣй, такъ что его хоботъ (хвостъ) въ городскихъ воротахъ сходился съ его пастью. Когда кто-либо изъ иноземцевъ, проникшихъ въ городъ и выносившихъ изъ него сокровища, задѣвалъ змѣя и будилъ его, то онъ издавалъ такой ревъ и свистъ, отъ котораго падали воины и кони подступавшей къ городу чужеземной рати. Подобныя же заимствованныя произведенія представляютъ повѣсти о прекрасномъ Греческомъ витязѣ Девгеніи, объ Иверской царевнѣ Динарѣ (подъ которою разумѣется знаменитая Грузинская царица Тамара) и пр.

Къ первой половинѣ XVI вѣка относятся сочиненія нѣкоего западнорусскаго выходца Ивана Пересвѣтова, именно его сказанія о Турскомъ царѣ Магометѣ и Волоскомъ воеводѣ Петрѣ; въ нихъ авторъ восхваляетъ строгое, даже жестокое правосудіе турецкаго султана Магомета, который съ неправедныхъ судей съ живыхъ кожу сдиралъ и тѣмъ водворилъ правду въ своей землѣ. Его правленіе ставится въ примѣръ русскому царю (молодому Ивану Васильевичу): въ Московскомъ царствѣ хотя вѣра настоящая православная, но вельможи держатъ города и волости (въ кормленіи) и неправымъ судомъ богатѣютъ отъ слёзъ и отъ крови народной. Это нравоученіе относительно жестокаго обращенія съ вельможами, какъ извѣстно, пошло въ прокъ Ивану IV; хотя правосудія въ Русской землѣ онъ не водворилъ.

Значительный отдѣлъ переводной и вообще заимствованной литературы попрежнему составляли книги «ложныя», «отреченныя» или «апокрифическія», которыя и въ семъ вѣкѣ продолжали переходить въ нашу письменность изъ источниковъ византійскихъ и славянскихъ. Эти баснословныя, хотя и благочестивыя повѣсти, сказанія, слова, притчи, бесѣды, поученія, связанныя съ событіями и лицами изъ Ветхаго и Новаго завѣта, а также всякія суевѣрныя примѣты, гаданія, молитвенные заговоры въ изобиліи наполняли древнерусскіе рукописные сборники, и, несмотря на церковное за-

прещеніе, составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ, привлекая ихъ, какъ элементомъ чудеснаго, сверхъестественнаго, такъ и простодушными доступными для нихъ философскими разсужденіями или наставленіями въ высшей мудрости и въ благочестивомъ образѣ жизни. Таковы напримѣръ: «Сонъ Пресвятыя Богородицы», въ которомъ Она заранѣе видѣла страданія, крестную смерть и воскресеніе Спасителя; «Суды Соломона», въ которыхъ повѣствуется о разнообразныхъ и мудрыхъ его судебныхъ рѣшеніяхъ; «Худые номоканунцы» и пр. Послѣднимъ именемъ называются мнимыя заповѣди и правила, будто бы сочиненныя свв. Отцами для руководства православнымъ людямъ; здѣсь предлагаются наставленія, сколько надобно дѣлать поклоновъ на день, какое «вариво» и «сочиво» ѣсть и поскольку въ какіе постные дни, въ какіе дни причащаться свв. таинъ и какъ къ нимъ готовиться, какъ держать себя духовному чину, т. е. попамъ и дьяконамъ, какъ отправлять богослуженіе; что дѣлать въ случаѣ, если свв. дары кто уронитъ, какъ освящать просфоры, какую назначать эпитимію въ разныхъ случаяхъ, и т. п.

Къ заимствованіямъ изъ апокрифической литературы Византійской въ XVI вѣкѣ присоединяются и заимствованія изъ такой же литературы Западноевропейской, совершавшіяся при посредствѣ отчасти Польши и Западной Руси, отчасти Новгорода и Пскова. Образцомъ послѣдняго заимствованія представляется такъ наз. Луцидаріусъ (собственно Elucidarium) или «Просвѣтитель». Основа этой книги также богословская; но къ ней примѣшались элементы греко-римской миѳологіи, отрывки изъ средневѣковыхъ сказаній, астрологическихъ гадательныхъ книгъ, бестіаріевъ и космографій. Въ русскомъ переводѣ (повидимому съ нѣмецкаго языка) эта книга является по обыкновенію своеобразною передѣлкою. Она представляетъ родъ собесѣдованія между учителемъ и ученикомъ. Учитель отвѣчаетъ ученику, который предлагаетъ вопросы о всевозможныхъ предметахъ; напримѣръ: о Св. Троицѣ, о сотвореніи міра (при чемъ земля, обтекаемая моремъ, уподобляется желтку, плавающему въ яйцѣ), о раѣ (который оказывается окруженъ огненною стѣною, достающею до неба), о частяхъ свѣта, разныхъ странахъ и народахъ, о моряхъ, солнечномъ и лунномъ затмѣніи, вѣтрахъ, землетрясеніяхъ, днѣ и ночи, звѣздахъ или планетахъ и связи съ ними человѣческой судьбы, о естествѣ животныхъ и человѣка, о праведникахъ и грѣшникахъ, объ антихристѣ и т. д. Полубогословскіе, полуязыческіе

отвѣты на подобные занимательные вопросы конечно во многомъ удовлетворяли наивной любознательности нашихъ предковъ. Извѣстный Максимъ Грекъ, въ своихъ сочиненіяхъ не мало боровшійся противъ ложныхъ или апокрифическихъ книгъ, разбираетъ также Луцидаріусъ, предлагая назвать его Тенебраріусъ («еже есть темпитель, а не просвѣтитель»). (85).

Недаромъ русская церковная іерархія преслѣдовала ложныя или отреченныя книги, называя ихъ ересями: отъ этихъ книгъ не далеко было и до дѣйствительныхъ ересей. Правда, иногда сами іерархи вводились въ заблужденіе благочестивымъ характеромъ подобной литературы, и нѣкоторыя апокрифическія сказанія принимали за истинныя. (Напр. митрополитъ Макарій считалъ каноническою книгою такой апокрифъ какъ «книга Еноха Праведнаго»). Стоглавый соборъ русскихъ іерарховъ. возстававшій противъ гадательныхъ или астрологическихъ книгъ, какъ противъ ереси, самъ впалъ въ нѣкоторыя погрѣшности противъ церковныхъ каноновъ, ратуя за сугубую аллилуію, за двуперстное сложеніе при крестномъ знаменіи, объявляя ересью стриженіе бороды и усовъ; при чемъ ссылался на небывалыя постановленія святыхъ Отцовъ и Вселенскихъ соборовъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно существовала связь между ложными книгами и нѣкоторыми ересями, возникавшими въ древней Руси.

Извѣстно, что новгородскіе такъ наз. Жидовствующіе въ особенности употребляли книги астрологическаго содержанія, которыя судьбу человѣческую связывали съ теченіемъ небесныхъ планетъ. Извѣстно также, что ересь сія, несмотря на погромъ, которому она подверглась на соборѣ 1504 года, продолжала существовать послѣ того и привлекать къ себѣ сочувствіе многихъ русскихъ людей. Особенно это сочувствіе гнѣздилось въ сѣверныхъ или заволжскихъ краяхъ, въ обителяхъ Вологодскихъ и Бѣлозерскихъ. Такъ послѣдователи Нила Сорскаго, съ княземъ—инокомъ Вассіаномъ во главѣ, ратуя противъ монастырскаго землевладѣнія, въ то же время высказывали свое неодобреніе строгимъ наказаніямъ новгородскихъ еретиковъ. Въ царствованіе Грознаго эта ересь возродилась въ новомъ видѣ и съ новою силою. Возрожденію ея и усиленію вообще свободомыслія, очевидно, способствовали два обстоятельства: во-первыхъ, ослабленіе церковнаго и правительственнаго надзора, при неустройствахъ и смутахъ, происходившихъ въ малолѣтство Ивана IV; во-вто-

рыхъ, сношенія съ Литовской Русью и Ливоніей, гдѣ въ то время началось протестантское движеніе. Во главѣ возродившейся ереси явились: свѣтскій, но книжный человѣкъ Матвей Башкинъ и монахъ изъ бѣглыхъ холоповъ, по имени Ѳеодосій Косой.

Однажды великимъ постомъ 1553 года московскій житель, по имени Матвей Башкинъ, пришелъ къ своему духовному отцу, священнику придворнаго Благовѣщенскаго собора Симеону, и умолялъ исповѣдовать его. Но во время исповѣди онъ началъ самъ поучать своего духовнаго отца и говорить ему: «Ваше дѣло великое; больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя; а вы полагаете за насъ души свои и бдите о душахъ нашихъ, и за то воздадите слово въ день судный». Послѣ того онъ не разъ пріѣзжалъ къ Симеону для духовной бесѣды, призывалъ его и къ себѣ на домъ. «Ради Бога—просилъ Башкинъ:—пользуй меня душевно; надобно не только читать написанное въ евангельскихъ бесѣдахъ, но и совершать его дѣломъ. Все начало отъ васъ; вамъ священникамъ слѣдуетъ показать примѣръ и насъ учить». Но прося о поученіи, онъ продолжалъ самъ наставлять своего духовнаго отца и задавать ему трудные вопросы.

«Въ Апостолѣ написано—говорилъ онъ:—весь законъ заключается въ словахъ возлюбиши искренняго своего яко самъ себе. А мы Христовыхъ рабовъ у себя держимъ; Христосъ всѣхъ братіею называетъ, а у насъ на однихъ кабалы, на другихъ полныя, на третьихъ нарядныя (грамоты), на иныхъ бѣглыя. Я-же благодарю Бога моего; у меня что было кабалъ полныхъ, то все изодралъ и держу своихъ (слугъ) добровольно; хорошо ему—онъ живетъ, не хорошо—пусть идетъ, куда хочетъ. А вамъ отцамъ должно посѣщать насъ чаще и научать насъ, какъ намъ самимъ жить и людей держать».

Очевидно, это былъ человѣкъ, затронутый умственнымъ броженіемъ, тревожимый сомнѣніями и недоумѣніями, которыя порождались несогласіемъ христіанскаго ученія съ окружавшей дѣйствительностію. Онъ искалъ выхода изъ своихъ сомнѣній въ бесѣдѣ съ духовнымъ отцомъ; но при этомъ обнаружилъ значительную долю самомнѣнія и безпокойнаго нрава; требуя наставленій и предлагая вопросы, онъ самъ-же ихъ разрѣшалъ и самъ-же поучалъ. Онъ показалъ Симеону рукописный Апостолъ со многими мѣстами, возбуждавшими недоумѣнія и отмѣченными воскомъ, и спрашивалъ у него объясненій. Поставленный въ тупикъ его вопросами и разсужде-

ніями, священникъ отозвался невѣдѣніемъ. «Такъ спроси пожалуйста у Сильвестра, и что онъ тебѣ скажетъ, тѣмъ ты и пользуй мою душу—молвилъ Башкинъ.—А тебѣ, я знаю, некогда объ этомъ вѣдать; въ суетѣ мірской не знаешь покоя ни днемъ, ни ночью».

Ясно, что, не смѣя прямо обратиться къ другому благовѣщенскому священнику, всесильному тогда протопопу Сильвестру, Башкинъ хотѣлъ войти съ нимъ въ сношенія чрезъ Симеона и, повидимому, добивался извѣстности своихъ мыслей при царскомъ дворѣ. Но оказалось, что тамъ онѣ уже были извѣстны. Когда Симеонъ сообщилъ Сильвестру о «недоумѣнныхъ» вопросахъ своего «необычнаго» духовного Сына, тотъ отвѣтилъ, что про этого сына «слава носится недобрая». Царь находился тогда въ отсутствіи: онъ совершалъ извѣстную поѣздку свою въ Кирилловъ монастырь. Когда онъ воротился, Сильвестръ донесъ ему о мудрованіяхъ Башкина. Алексѣй Адашевъ и духовникъ государя, благовѣщенскій-же протопопъ Андрей, подтвердили, что они тоже слышали недобрую молву о Башкинѣ. Безъ сомнѣнія, онъ не ограничивался бесѣдами съ Симеономъ, а мысли свои пытался распространять. Иванъ Васильевичъ пожелалъ видѣть Апостолъ Башкина. Симеонъ принесъ книгу въ Благовѣщенскій храмъ: она оказалась сплошь извощенною. Царь велѣлъ схватить Башкина, посадить у себя въ подклѣть и приставить къ нему для увѣщаній двухъ старцевъ Іосифова Волоколамскаго монастыря. Иванъ Васильевичъ вскорѣ уѣхалъ въ Коломну по случаю вѣстей о грозившемъ вторженіи Крымцевъ. Тѣмъ временемъ Башкинъ, вѣроятно подвергнутый пристрастнымъ допросамъ, отъ прежняго мудрованія и самомнѣнія перешелъ въ другую крайность: потерялъ голову и началъ каяться въ своихъ заблужденіяхъ. По требованію митрополита Макарія, онъ собственною рукою написалъ свое «еретичество», признался въ сношеніяхъ съ двумя иновѣрцами-латынниками (кажется, не католиками, а протестантами), и указалъ какъ на своихъ единомышленниковъ, на двухъ братьевъ Борисовыхъ, Ивана и Григорія, и еще на нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ какихъ-то Игнатія и Ѳому. Ихъ также схватили и подвергли допросамъ; причемъ они путались въ своихъ показаніяхъ: то отпирались, то наговаривали на себя, то уличали другъ друга. Изъ сихъ допросовъ, между прочимъ обнаружилось, будто старцы Заволжскихъ монастырей одобряли ихъ ученіе. По этимъ оговорамъ въ разныхъ мѣстахъ схватили много людей; ихъ привозили въ Москву, размѣщали здѣсь по монастырямъ и монастырскимъ подворьямъ, и подвергали розыску.

Подъ руководствомъ митрополита Макарія составленъ былъ списокъ тѣхъ мудрованій, въ которыхъ обвинялись Башкинъ и его единомышленники. Насколько можно понять изъ сего списка, ихъ обвиняли главнымъ образомъ въ томъ, что они отрицали троичность Божества и не признавали Христа Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу Отцу, вслѣдствіе чего отрицали таинства Покаянія и Эвхаристіи; затѣмъ возставали противъ обожанія иконъ, отвергали авторитетъ Вселенскихъ соборовъ, не вѣрили житіямъ святыхъ, Евангелію и Апостолу давали свои именованія, церковью называли собраніе вѣрующихъ, а храмамъ не придавали священнаго значенія, и вообще нападали на обрядовую сторону. Ученіе это очевидно не успѣло сложиться въ одну ясную и опредѣленную систему, а представляется рядомъ отрывочныхъ, подъ часъ разнорѣчивыхъ мнѣній и разсужденій, которыя принимались его послѣдователями далеко не въ одномъ видѣ и одинаковой степени. По всѣмъ признакамъ, подобное ученіе является продолженіемъ все той-же ереси новгородскихъ Мнимо-жидовствующихъ и все также выражаетъ стремленіе замѣнить вѣру во Св. Троицу единою ипостасью; въ чемъ собственно и напоминаетъ религію іудейскую. Но въ этомъ смыслѣ оно точно также напоминаетъ аріанство и нѣкоторыя другія древнехристіанскія ереси вмѣстѣ съ византійскимъ иконоборствомъ. Къ этому собственному русскому вольномыслію, идущему отъ временъ Стригольниковъ, можетъ быть, примѣшались нѣкоторыя посторонні я или внѣшнія теченія со стороны нѣмецкаго лютеранства и литовскаго социніанства.

Когда царю доложили подробности о вновь открытой ереси, онъ, по собственному его выраженію, «содрогнулся душою», и для осужденія еретиковъ созвалъ новый соборъ русскихъ іерарховъ. Этотъ соборъ открылся въ царскихъ палатахъ въ октябрѣ 1554 года подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія, имѣя въ своемъ составѣ Ростовскаго архіепископа Никанора, Суздальскаго епископа Аѳанасія, Касьяна Рязанскаго, Акакія Тверского, Ѳеодосія Коломенскаго и Савву Сарскаго.

Въ числѣ лицъ, оговоренныхъ Башкинымъ, оказался игуменъ Артемій. Онъ принадлежалъ къ заволжскимъ старцамъ, проживалъ сначала въ Псково-Печерскомъ монастырѣ, а потомъ въ одной Бѣлозерской пустыни. Когда освободилось игуменство въ Троице-Сергіевой обители, царь, очевидно знавшій и уважавшій Артемія, вызвалъ его въ Москву, поселилъ въ Чудовѣ монастырѣ и поручилъ Сильвестру испытать его въ книжныхъ познаніяхъ и добронравіи. По

одобренію Сильвестра, Артемія поставили игуменомъ у Троицы. Это было въ 1551 г. Но Артемій, кажется, не былъ радъ своему поставленію; онъ недолго оставался игуменомъ. Ученикъ его Порфирій приходилъ иногда къ благовѣщенскому священнику Симеону и бесѣдовалъ съ нимъ. Симеонъ замѣтилъ въ его сужденіяхъ что-то неправославное и сообщилъ о томъ Сильвестру. Сей послѣдній сталъ приглашать къ себѣ Порфирія и незамѣтнымъ образомъ вывѣдывать его сомнительный образъ мыслей, о чемъ донесъ самому царю. Артемій вѣроятно замѣтилъ, что на него стали смотрѣть подозрительно; онъ сложилъ съ себя игуменство, и вмѣстѣ съ Порфиріемъ снова удалился въ Бѣлозерскую пустынь. Во время своего пребыванія вблизи Москвы онъ, повидимому, имѣлъ тайныя бесѣды съ людьми, наклонными къ вольнодумству, въ томъ числѣ и съ Башкинымъ. Его и Порфирія вызвали теперь въ столицу подъ предлогомъ участія въ соборѣ противъ еретиковъ, и помѣстили въ Андрониковъ монастырь. Но узнавъ объ оговорѣ Башкина, они убѣжали въ свою пустынь. Однако ихъ тамъ схватили и снова привезли въ Москву. Когда на соборѣ ему представили взведенныя на него Башкинымъ обвиненія въ отрицаніи Св. Троицы, иконопоклоненія и въ прочихъ ересяхъ, Артемій отвергалъ эти обвиненія и выставлялъ себя человѣкомъ православновѣрующимъ. Но противъ него нашлись и другіе свидѣтели. Особенно усердно свидѣтельствовалъ о немъ игуменъ Ѳерапонтова монастыря Нектарій. Между прочимъ онъ разсказывалъ, что Артемій хулилъ книгу Іосифа Волоцкаго (Просвѣтитель), а Новогородскихъ еретиковъ (т. е. Мниможидовствующихъ) не хотѣлъ проклинать, хвалилъ нѣмецкую вѣру и изъ Печерскаго монастыря ѣздилъ къ Нѣмцамъ въ Новый Городокъ (Ливонскій Нейгаузенъ), не соблюдалъ поста, и во всю Четыредесятницу ѣлъ рыбу. Другіе свидѣтели обличали разные его проступки: онъ возлагалъ хулу на крестное знаменіе; говорилъ, что умершіе грѣшники не избавятся отъ муки, когда по нимъ поютъ панихиды и служатъ обѣдни; непочтительно отзывался о канонѣ Іисусовомъ и акафистѣ Богородичномъ; а когда ему сказали, что Матвей Башкинъ пойманъ въ ереси, то онъ будто бы отвѣтилъ: «Не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рукавого; а до сихъ поръ не знаютъ сами, за что ихъ сожгли».

Артемій или упорно отвергалъ, или объяснялъ по своему всѣ взводимыя на него обвиненія. Напримѣръ: относительно умершихъ онъ говорилъ, что не избавятся отъ муки тѣ, которые жили растлѣнно и грабили другихъ; о канонѣ сказалъ, что читаютъ «Іисусе Слад-

чайшій», а заповѣдь его не исполняютъ, въ акаѳистѣ читаютъ «радуйся, да радуйся чистая», а сами о чистотѣ не радятъ; о новогородскихъ еретикахъ, по его словамъ, говорилъ только про себя самого, т. е., что онъ не знаетъ, за что ихъ сожгли, и т. п. Любопытно, что игуменъ Нектарій, какъ на свидѣтелей Артеміева богохульства и еретичества, сослался на трехъ монаховъ Ниловой пустыни и одного старца Соловецкаго (Іосафа Бѣлобаева). Но когда этихъ старцевъ призвали на соборъ, они не подтвердили сего обвиненія, и это обстоятельство спасло его отъ смертной казни. Тѣмъ не менѣе соборъ осудилъ Артемія. Ему поставили въ вину и недавнее бѣгство его изъ Андроникова монастыря, и его показаніе, будто бы онъ своевременно сознался своему духовнику въ блудномъ грѣхѣ, который дѣлалъ его недостойнымъ принять санъ игумена; тогда какъ духовный отецъ напротивъ утверждалъ, что онъ ни въ чемъ ему не сознался. По этому поводу съ Артемія сняли чинъ священства. А затѣмъ присудили его заточить въ Соловецкій монастырь. Настоятелю сего монастыря Филиппу (впослѣдствіи митрополиту) отправлена была соборная грамота, въ которой означались всѣ вины Артемія и поручалось подвергнуть его строгому одиночному заключенію, чтобы онъ не могъ никого соблазнять своимъ ученіемъ и своими писаніями; а если онъ не покается совершенно и не обратится отъ своего нечестія, то держать его въ такомъ заключеніи до самаго конца, и только передъ смертію удостоить св. причастія. Соумышленниковъ Башкина и Артемія также заточили въ темницы по разнымъ монастырямъ. Самъ Башкинъ былъ заключенъ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ. Относительно Артемія есть извѣстіе, что онъ бѣжалъ изъ Соловецкаго монастыря и укрылся въ Литовскую Русь, гдѣ потомъ явился поборникомъ православія и писалъ посланія противъ Симона Буднаго и другихъ учителей Аріанской ереси.

При всей авторитетности Московскаго духовнаго собора 1554 года, нельзя не замѣтить, что обвиненія, воздвигнутыя противъ Башкина съ товарищами и особенно противъ Артемія, были очевидно преувеличены, и что соборъ явно задался цѣлію осудить ихъ строго и во что бы ни стало. Доказательствомъ тому служитъ сочувствіе, выраженное къ нимъ со стороны вообще заволжскихъ старцевъ и въ частности такихъ двухъ духовныхъ лицъ, какъ Ѳеодоритъ, архимандритъ Суздальскаго Евфиміевскаго монастыря, и Касьянъ, епископъ Муромо-Рязанскій. Ѳеодоритъ, извѣстный апостолъ Лопа-

рей и основатель Кольскаго монастыря, былъ привлеченъ къ дѣлу, чтобы свидѣтельствовать противъ Артемія, съ которымъ онъ когда то вмѣстѣ жительствовалъ въ заволжскихъ пустыняхъ. Но Ѳеодоритъ напротивъ говорилъ въ пользу Артемія. За это его самого обвинили какъ участника ереси и заточили въ Кириллобѣлозерскій монастырь, откуда потомъ онъ былъ освобожденъ по ходатайству бояръ. Епископъ рязанскій Касьянъ, къ удивленію собравшихся іерарховъ, также обнаружилъ нѣкоторое сочувствіе обвиняемымъ; по крайней мѣрѣ онъ не вполнѣ соглашался съ книгою Іосифа Волоцкаго (Просвѣтителемъ), когда ее принесли на соборъ и съ ея помощью начали опровергать ученіе новыхъ еретиковъ, какъ послѣдователей Жидовствующихъ. Касьяна не тронули до конца собора; но потомъ, если вѣрить одному сказанію, онъ подвергся небесной карѣ (апоплексическому удару), впалъ въ разслабленіе, лишился употребленія руки, ноги и языка, почему долженъ былъ оставить епископію и удалиться въ монастырь.

Если Артемій и его ближайшіе единомышленники виновны были только въ свободомысліи по отношенію къ нѣкоторымъ уставамъ и обычаямъ Православной церкви, то гораздо далѣе его пошли въ этомъ направленіи нѣкоторые его ученики, и по преимуществу Ѳеодосій Косой. Этотъ Косой былъ холопомъ одного изъ московскихъ бояръ; вмѣстѣ съ нѣсколькими другими холопами онъ убѣжалъ отъ господина, укравъ у него коня. Бѣглецы ушли на Бѣлоозеро и тамъ постриглись. Проживая въ заволжскихъ пустыняхъ, они напитались духомъ религіознаго вольнодумства. Косой и его товарищи, Игнатій, Вассіанъ и другіе, прямо называются учениками Артемія; но очевидно они во многомъ превзошли своего учителя, и ближе другихъ подошли къ прежней ереси Мниможидовствующихъ; къ нимъ вполнѣ должно быть отнесено то вышеприведенное ученіе, въ которомъ Соборъ 1554 года обвинилъ Башкина и его соумышленниковъ. Тотъ же соборъ обсуждалъ ересь Косого, котораго съ товарищами схватили и привезли въ Москву уже послѣ Артемія. Но бывшіе холопы оказались людьми ловкими и предпріимчивыми. Они съумѣли усыпить бдительность своихъ стражей, и спаслись бѣгствомъ. Мѣняя имена и одежду, они побывали въ Псковѣ, Торопцѣ, Великихъ Лукахъ, стараясь вездѣ сѣять сѣмена своей ереси, и наконецъ пробрались за Литовскій рубежъ (1555 г.). Поселясь въ Литовской Руси, именно на Волыни, Косой женился на вдовѣ еврейкѣ, а его товарищъ Игнатій на полькѣ; тамъ они начали усердно распространять

свое ученіе. Благодаря и безъ того происходившему здѣсь религіозному броженію и водворенію разныхъ сектантскихъ системъ, ученіе Косого нашло себѣ благодарную почву, и, не стѣсняемое внѣшними препятствіями, скоро дошло до крайнихъ предѣловъ, до отрицанія не только иконъ, святыхъ, монашества, но и вообще всѣхъ наружныхъ церковныхъ обрядовъ. Его ученіе слилось съ сектою Социніанъ или Антитринитаріевъ и вообще имѣло тамъ большой успѣхъ. О послѣднемъ свидѣтельствуетъ и главный обличитель его ереси Зиновій Отенскій, который выразился такимъ образомъ: «Востокъ развратилъ діаволъ Бахметомъ, западъ Мартыномъ Нѣмчиномъ (Лютеромъ), а Литву Косымъ».

Зиновій, инокъ Отней Новгородской пустыни, былъ ученикъ Максима Грека; но въ своихъ воззрѣніяхъ на русское монашество и на русскихъ еретиковъ онъ ближе подходитъ къ Іосифу Волоцкому, чѣмъ къ своему учителю. Подобно тому, какъ Іосифъ написалъ противъ ереси Жидовствующихъ свой знаменитый Просвѣтитель, и Зиновій сочинилъ обширный богословскій трактатъ противъ ереси Косого, названный имъ «Истины показанія къ вопросившимъ о новомъ ученіи» (и написанный приблизительно въ 1566 г.). Этотъ трактатъ изложенъ подъ видомъ его собесѣдованій съ тремя клирошанами Спасова Хутынскаго монастыря, которые приходятъ къ нему и спрашиваютъ его мнѣніе объ ученіи Θеодосія Косого. Сіе ученіе не только въ Литвѣ имѣло успѣхъ, но и въ Московской Руси повидимому оставило явные слѣды, многихъ соблазняя своею мнимою ясностію, простотою и постоянными ссылками на отцовъ Церкви, въ особенности на Ветхій Завѣтъ. Зиновій подробно разобралъ всѣ пункты сего ученія, при чемъ обнаружилъ значительныя богословскія свѣдѣнія и обширную начитанность. Во всякомъ случаѣ въ Московской Руси ересь Θеодосія Косого была послѣднею и самою сильною вспышкою ереси Мниможидовствующихъ. Послѣ того слухи о ней замолкаютъ. По всей вѣроятности причиною тому были не столько обличительныя сочиненія Іосифа Волоцкаго и Зиновія Отенскаго, сколько наступившій тогда московскій терроръ или Эпоха опричины и варварскій разгромъ Новгорода, положившіе конецъ всякому свободомыслію; а бѣдствія Ливонской войны и потомъ Смутное время такъ потрясли государство, что вопросы религіозные и нравственные на долгое время должны были отойти на задній планъ ([86]).

Кромѣ ереси Башкина и Косого, Московскій Соборъ 1554 года занимался еще такъ наз. «Розыскомъ» по дѣлу Ивана Михайлова Висковатаго, извѣстнаго царскаго дьяка и печатника.

Во время большого Московскаго пожара 1547 года погорѣли кремлевскія церкви и самый царскій дворецъ. Тогда погибли въ Благовѣщенскомъ соборѣ и образцовыя произведенія кисти знаменитаго Андрея Рублева. Когда пожары кончились и утихло связанное съ ними народное возстаніе, правительство принялось обновлять храмы и погибшую въ нихъ иконопись. Москва уже имѣла свою школу иконописцевъ. Стоглавый соборъ между прочимъ старался упорядочить это дѣло: онъ опредѣлилъ поставить надъ иконниками четырехъ старостъ, которые бы смотрѣли, чтобы иконы писались вѣрно съ установленныхъ образцовъ, чтобы неискусные въ этомъ дѣлѣ перестали имъ заниматься и чтобы молодые ученики были отдаваемы къ добрымъ мастерамъ. Но очевидно Московская школа была еще невелика и въ данную минуту не отличалась выдающимися художниками, такъ что не могла справиться съ явившимся вдругъ и такимъ большимъ спросомъ на иконы, достойныя главныхъ храмовъ столицы. Митрополитъ Макарій, подобно митрополиту Петру самъ искусный въ иконописаніи, и главный царскій совѣтникъ протопопъ Сильвестръ, оба связанные своею прежней дѣтельностью съ Новгородомъ, посовѣтовали царю, жившему тогда въ селѣ Воробьевѣ, призвать иконописцевъ изъ Новгорода и Пскова. Между тѣмъ, по царскому же повелѣнію, привезены были иконы изъ Новгорода, Смоленска, Дмитрова, Звенигорода и поставлены въ Благовѣщенскомъ соборѣ на время, пока будутъ написаны новыя иконы. Пріѣхали новгородскіе мастера и начали писать иконы съ переводовъ или образцовъ, которые для нихъ брали изъ монастырей Троицкаго и Симоновскаго; извѣстно, что въ этихъ монастыряхъ въ прежнее время процвѣтала именно Московская школа живописи. Выборомъ иконъ и работами пріѣзжихъ иконописцевъ для Благовѣщенскаго собора распоряжался Сильвестръ, но обо всемъ докладывалъ самому государю. А псковскіе мастера, Останя, Яковъ, Семенъ Глаголь съ товарищами, отпросились въ Псковъ и тамъ приготовили нѣсколько большихъ иконъ для того же храма. Когда работы были окончены, написаны Деисусъ, праздники и пророки, мѣстныя большія иконы, и когда прибыли заказанные образа изъ Пскова, старыя, привезенныя изъ городовъ иконы государь и митрополитъ проводили изъ Москвы со крестами, молебствіемъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ.

Въ это время дьякъ Висковатый вдругъ поднялъ шумъ и началъ смущать народъ, говоря, что новые образа написаны несогласно съ церковными преданіями и правилами, каковы иконы: В ѣ р у ю,

Софія премудрость Божія, Хвалите Господа съ небесъ, Достойно есть и др. Висковатый говорилъ, что «Вѣрую во Единаго Бога Отца Вседержителя Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ» надобно писать словами, а потомъ изображать по плотскому смотрѣнію «и въ Господа нашего Іисуса Христа» до конца. Онъ написалъ митрополиту, что Сильвестръ изъ Благовѣщенскаго собора образа старинные вынесъ, а новые своего мудрованія поставилъ. Смущался онъ и тѣмъ, что на новыхъ иконахъ нѣтъ подписей, объяснявшихъ ихъ содержаніе, какъ это было прежде въ византійскихъ и русскихъ подлинникахъ; что на разныхъ иконахъ священные предметы писаны не на одинъ образецъ, а разными видами.

Дѣло въ томъ, что Новгородско-Псковская иконописная школа, прежде строго державшаяся преданій своихъ греческихъ учителей и греческихъ подлинниковъ, въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, благодаря постояннымъ и тѣснымъ сношеніямъ своего края съ иноземцами, подверглась западному вліянію и начала даже пользоваться переводами или подлинниками итальянской церковной живописи. Эти переводы доходили до нея въ видѣ гравюръ съ картинъ итальянскихъ мастеровъ эпохи Возрожденія; а нѣкоторыя иконы, писанныя по заказу Сильвестра псковскими живописцами, представляютъ копіи съ извѣстныхъ итальянскихъ картинъ (именно Чимабуе и Перуджино). Древнехристіанская иконопись вообще старалась простымъ людямъ наглядно, въ образахъ и символахъ передавать отвлеченныя идеи и предметы вѣры и нравственности. Итальянская живопись эпохи Возрожденія сообщила только дальнѣйшее развитіе сему древнему пріему. Подчиняясь вліянію этой живописи, новгородско-псковскіе мастера также стали съ нѣсколько большею свободою изображать подробности священныхъ идей и событій, не выходя впрочемъ изъ строгаго религіознаго стиля.

Для примѣра укажемъ нѣкоторыя части иконы Вѣрую, написанной живописцемъ Василіемъ Мамыревымъ, — одной изъ тѣхъ иконъ, противъ которыхъ возсталъ Висковатый. Первымъ словамъ Символа Вѣры, относящимся къ Богу Отцу, соотвѣтствуетъ изображеніе въ облакахъ Господа Саваоѳа; передъ нимъ стоятъ Адамъ и Ева; тутъ же земля, море, рыбы, деревья, трава, звѣри, скотъ, птицы, солнце, луна, звѣзды, т. е. все твореніе. Словамъ И во единаго Господа Іисуса Христа отвѣчаетъ Преображеніе Господне; Насъ ради человѣкъ—Благовѣщеніе; И Маріи Дѣвы во-

человѣчьшася—Рождество Христово съ волхвами, пришедшими на поклоненіе; И воскресшаго — Воскресеніе Христово; Возшедшаго на небеса—Вознесеніе. И паки грядущаго со славою судити—изображеніе Страшнаго Суда: И въ Духа Святаго—Сошествіе Св. Духа въ видѣ голубя. И во едину святую Соборную и Апостольскую Церковь—представлена Церковь о пяти верхахъ (главахъ); въ ней апостолъ Петръ съ евангеліемъ въ рукѣ; предъ нимъ народъ; на правой сторонѣ отъ него Іоаннъ Богословъ съ чашею, которую подаетъ народу; позади церкви виденъ городъ и т. д. Такимъ образомъ Символъ вѣры развертывается передъ глазами молящихся въ видѣ живописной величественной поэмы, наглядно изображающей всѣ члены этого Символа. Вся икона распадалась на три отдѣльныя доски, поставленныя въ разныя кіоты; а каждая доска дѣлилась на особые эпизоды.

Одновременно съ писаніемъ новыхъ иконъ, призванные въ Москву новгородско-псковскіе мастера расписывали своды и стѣны царскихъ палатъ. Тутъ между прочимъ являлось изображеніе Спасителя на херувимахъ, съ подписью: Премудрость Іисусъ Христосъ (древнѣйшее символическое представленіе св. Софіи). Направо отъ него дверь, въ которой въ видѣ человѣческихъ (вѣроятно женскихъ) фигуръ изображались: Мужество, Разумъ, Чистота, Правда — какъ свидѣтельствовали подписи къ нимъ; налѣво другая дверь съ таковыми же фигурами, олицетворявшими: Блужденіе, Безуміе, Нечистоту, Неправду. Между дверей внизу семиглавый Дьяволъ; надъ нимъ стоитъ Жизнь со свѣтильникомъ въ правой рукѣ и съ копьемъ въ лѣвой и т. д. Подобныя символическія фигуры или притчи также смущали Висковатаго, и онъ замѣтилъ: «въ полатѣ въ Середней Государя нашего написанъ образъ Спасовъ, да туто жъ близко отъ него жонка, спустя рукава кабы пляшетъ, а подписано надъ нею: блуженіе». Вообще Висковатый соблазнялся тѣмъ, что русскіе иконописцы начали заимствовать нѣкоторыя изображенія у западныхъ или латинскихъ мастеровъ, какъ это объяснилось ему изъ бесѣдъ съ какимъ то ляхомъ, по имени Матисомъ.

Нареканія Висковатаго противъ Сильвестра по поводу иконописныхъ нововведеній произошли еще до собора 1554 года; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обвинялъ передъ митрополитомъ Сильвестра и его товарища Семена въ общеніи съ еретиками Башкинымъ и Артеміемъ. Сильвестръ и Семенъ по этому поводу подали митрополиту свои

оправдательныя челобитья (жалобницы), которыя и были разсмотрѣны на соборѣ. Относительно же иконъ Сильвестръ доказывалъ, что иконники писали все со старыхъ образцовъ, отъ древняго преданія, идущаго отъ временъ св. Владиміра, а что самъ онъ ни одной черты тутъ не приложилъ изъ своего разума. Митрополитъ соборнѣ разсмотрѣлъ дѣло, и нашелъ, что новыя иконы согласны съ подлинниками, что живописцы не пишутъ невиданное и непостижимое существо Божіе, а изображаютъ его по пророческому видѣнію и по древнимъ образцамъ. Къ тому же—говорилось на соборѣ,—по словамъ прибывшихъ тогда въ Москву старцевъ Пантелеймонова монастыря, и на Аѳонѣ есть иконы, написанныя подобнымъ же образомъ. А что касается расписанія царской палаты, то на соборѣ было объяснено, что это расписаніе представляло многосложное символическое изображеніе извѣстной притчи, которою Василій Великій обратилъ къ истинному Богу своего учителя, язычника Еввула. Въ заключеніе соборъ оправдалъ Сильвестра; а въ запискѣ Висковатаго хотя и нашелъ нѣкоторыя указанія справедливыя, тѣмъ не менѣе строго его осудилъ, во первыхъ за то, что о святыхъ иконахъ сомнѣніе имѣлъ и возмущалъ православныхъ христіанъ, а во вторыхъ за то, что нарушилъ правило Шестого Вселенскаго собора, запрещающее простымъ людямъ принимать на себя учительскій санъ. Митрополитъ между прочимъ сказалъ Висковатому: «Ты возсталъ на еретиковъ, а теперь говоришь и мудрствуешь не гораздо о святыхъ иконахъ; не попадись и самъ въ еретики; з н а л ъ б ы т ы с в о и д ѣ л а, к о т о р ы я н а т е б я п о л о ж е н ы—н е р а з р о н я й с п и с к о в ъ (разрядныхъ)». Соборъ отлучилъ было Висковатаго отъ церкви. Устрашенный тѣмъ, дьякъ подалъ ему свое «Покаяніе», въ которомъ признавалъ собственныя заблужденія и просилъ прощенія. Тогда отлученіе было съ него снято, и наложена трехлѣтняя эпитимія: подобно древнехристіанскимъ кающимся, онъ долженъ былъ во время богослуженія сначала стоять за церковными дверями; потомъ постепенно допускался внутрь храма, присутствовалъ при полной литургіи, и только по истеченіи трехъ лѣтъ удостоивался св. причастія.

Соборное дѣло или такъ наз. «Розыскъ» о Висковатомъ между прочимъ раскрываетъ передъ нами, какъ распространялась книжная начитанность въ древней Россіи при отсутствіи книгопечатанія. Отсюда узнаемъ, что рукописныя книги составляютъ владѣніе немногихъ частныхъ лицъ; списки нѣкоторыхъ сочиненій извѣстны

на перечетъ; ихъ берегутъ какъ драгоцѣнность и съ большими предосторожностями ссужаютъ ими на время своихъ короткихъ пріятелей, но не иначе какъ людей почтенныхъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ ссылки не на книгу вообще, а на какіе нибудь извѣстные ея списки, и тутъ прямо указывается на разногласіе рукописей, которое породило впослѣдствіи многочисленные расколы. Напримѣръ, по поводу неправильныхъ толкованій въ своей записи или исповѣди о Честномъ Крестѣ, на которомъ «животворивое распростерто бысть Слово», и о чудесахъ Христовыхъ, Висковатый ссылался на двѣ книги: одна—Правила Святыхъ Отецъ, которую онъ бралъ у Василія Михайловича Юрьева; другая—Іоаннъ Дамаскинъ, принадлежавшая Михаилу Морозову. На соборѣ спросили Юрьева и Морозова, ихъ-ли тѣ книги; они подтвердили. Взяли списокъ Дамаскина изъ Симонова монастыря и сличили спорное мѣсто съ Морозовскимъ; оказалась небольшая разница, которую Висковатый еще увеличилъ въ своей «исповѣди»; онъ сознался, что «осмотрѣлся» и просилъ у государя прощенія. Въ рукописи Юрьевской тоже оказались описки; Юрьевъ на сіе отвѣтилъ, что онъ получилъ книгу отъ благовѣщенскаго священника Василія Молодого, который постригся въ Кирилловѣ монастырѣ. «И Сильвестръ ту книгу знаетъ, что та книга Васильева попа, и какова та книга ко мнѣ пришла, такова и есть; а я, государь, во истину всю не читалъ» —говорилъ Юрьевъ, оправдываясь въ ея опискахъ.

Мы видимъ, что дьякъ Висковатый явился однимъ изъ тѣхъ ревнителей старины, которые дорожили каждою ея буквою, каждою чертою, и на всякое даже малѣйшее отступленіе отъ нея смотрѣли какъ на преступленіе противъ православной церкви. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ крайнихъ охранителей, которые впослѣдствіи сдѣлались у насъ извѣстны подъ именемъ *старовѣровъ* и которые уже были многочисленны на Руси въ XVI вѣкѣ. Это именно тѣ люди, которые въ сферѣ искусствъ и обычаевъ, особенно связанныхъ съ Церковью, не допускали вообще западнаго или латинскаго вліянія, а въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ иконопись, всякіе намеки на заимствованіе съ Запада казались имъ прямою ересью. Но это было усердіе не по разуму. Ибо русская іерархія сама тщательно надзирала за иконописнымъ искусствомъ, т. е. за его вѣрностію византійскимъ преданіямъ и образцамъ, считала его дѣломъ священнымъ и къ мастерамъ его предъявляла большія нравственныя требованія. Любопытны въ этомъ отношеніи постановленія Стогла-

ваго собора 1551 года, слѣдовательно почти того же состава русской іерархіи, который производилъ розыскъ Висковатому на Соборѣ 1554 года. «Подобаетъ быти живописцу смиренну, кротку, благоговѣйну, не празднословцу и не смѣхотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьяницѣ, не грабежнику, не убійцѣ — говорится въ 43 главѣ Стоглава.—Наипаче же хранить чистоту душевную и тѣлесную, немогущимъ же до конца тако пребыти по закону бракомъ сочетаться, и приходить къ отцамъ духовнымъ часто на исповѣданіе, и во всемъ съ ними совѣщаться и по ихъ наставленію жить, пребывая въ постѣ и молитвѣ, удаляясь всякаго зазора и безчинства. И съ превеликимъ тщаніемъ писать на иконахъ и дскахъ образъ Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Его Матери, святыхъ небесныхъ силъ, Пророковъ и Апостоловъ, мучениковъ, святителей и преподобныхъ и всѣхъ Святыхъ по образу и по подобію и по существу, смотря на образъ древнихъ живописцевъ». «А которые иконники по сіе время писали неучась, самовольствомъ и самоловкою и не по образу, и тѣ иконы промѣнивали дешево простымъ людямъ, поселянамъ, невѣждамъ; тѣмъ запрещеніе положить, чтобы учились у добрыхъ мастеровъ. Которому дастъ Богъ, учнетъ писать по образу и по подобію, тотъ бы писалъ, а которому Богъ не дастъ, тому впредь отъ таковаго дѣла престати, да не похуляется Божіе имя отъ таковаго письма». Ослушникамъ Стоглавъ грозитъ царскимъ наказаніемъ; а если они будутъ говорить, что «тѣмъ де питаются», то отъ Бога даровано много другихъ рукодѣлій, которыми можетъ человѣкъ питаться и жить, кромѣ иконнаго письма. Архіепископамъ и епископамъ вмѣняется въ обязанность въ своихъ епархіяхъ по всѣмъ городамъ, весямъ и монастырямъ самимъ испытывать иконныхъ мастеровъ, выбирать изъ нихъ «нарочитыхъ живописцевъ», которые бы надзирали за другими иконниками, чтобы между ними не было худыхъ и безчинныхъ. А добрыхъ живописцевъ архіереи должны беречь и почитать выше прочихъ человѣкъ; вельможамъ и простымъ людямъ также ихъ почитать. Святители также должны имѣть попеченіе, каждый въ своей области, чтобы «гораздые иконники и ихъ ученики писали съ древнихъ образцовъ, а самомышленіемъ и своими догадками Божества бы не описывали». Въ образецъ иконникамъ Стоглавъ указываетъ не только старыхъ греческихъ живописцевъ, но также и русскихъ, а по преимуществу Андрея Рублева.

Къ XVI вѣку относится начало русскихъ иконописныхъ *подлин-*

никовъ. Такъ назывались рукописныя руководства, которыя заключали въ себѣ наставленія живописцамъ, какъ слѣдуетъ изображать священныя лица и событія. Въ этихъ руководствахъ объясняется и самая техника искусства, т. е. какъ заготовлять доски для иконъ, левкасить (намазывать алебастромъ съ клеемъ), растирать краски, наводить золото, олифить (покрывать масляннымъ лакомъ) и пр. Такой подлинникъ назывался *толковымъ* въ отличіе отъ сборника рисунковъ съ небольшимъ текстомъ, называвшагося подлинникомъ *лицевымъ.* Русскій подлинникъ произошелъ по примѣру византійскаго, который возникъ первоначально изъ менологіевъ или святцевъ и который составился окончательно, какъ полагаютъ, въ XV вѣкѣ, преимущественно въ связи съ живописью Аѳонскихъ монастырей; между прочимъ онъ ставитъ въ образецъ аѳонскія иконы Мануила Панселина, знаменитаго художника *(изуграфа)* изъ Солуня въ XII вѣкѣ. Подлинникъ располагалъ свои наставленія, какъ изображать святыхъ, по мѣсяцеслову. Русскій подлинникъ, кромѣ византійскихъ святыхъ, заключаетъ въ себѣ русскихъ угодниковъ, которыхъ циклъ, какъ извѣстно, установленъ по преимуществу въ XVI вѣкѣ около времени Стоглаваго собора. Лики русскихъ угодниковъ конечно не были ихъ портретами, написанными при ихъ жизни. Они писались по воспоминанію, по разсказамъ ихъ учениковъ или людей близкихъ къ нимъ по времени, а иногда даже по вѣщему сновидѣнію, какъ это, напримѣръ, видимъ изъ житія Александра Ошевенскаго († 1489 г.). Обыкновенно монастырь, заказывая кому-либо сочинить житіе своего основателя, заказывалъ также иконописцу написать его образъ или подобіе, которое и помѣщалось при его гробѣ. А съ этихъ образовъ типы угодниковъ заносились въ подлинники.

Рядомъ съ иконописью продолжала развиваться на Руси и миньятюрная живопись: рукописныя книги иногда украшались рисунками, особенно житія святыхъ, которыя по сему также называются «лицевыми». Образцомъ такой рукописи XVI вѣка служитъ житіе Сергія Радонежскаго, обильно снабженное изображеніями, которыя во всѣхъ подробностяхъ передаютъ событія сего житія. Онѣ имѣютъ чрезвычайную историческую важность. По словамъ современнаго намъ русскаго изслѣдователя, «онѣ знакомятъ насъ съ бытомъ нашихъ предковъ, предлагая изображеніе зданій, различныхъ экипажей, телѣгъ, колымагъ и саней, лодокъ, мебели и вообще домашней утвари, различныхъ костюмовъ, мужскихъ, женскихъ и дѣтскихъ; воинскихъ, свѣтскихъ и монашескихъ; царскихъ, боярскихъ и кресть-

янскихъ. По этимъ миньятюрамъ наглядно знакомимся мы съ тѣмъ, какъ въ старину пекли хлѣбы, носили воду; какъ плотники рубили избу, а каменьщики выкладывали храмы; какъ знаменитый Андрей Рублевъ, сидя на подмосткахъ, писалъ иконы; какъ монахи ѣздили верхомъ на коняхъ, и какъ въ дальній путь боярыни отправлялись въ крытыхъ колымагахъ, а мущины сопровождали ихъ верхомъ, и множество другихъ интересныхъ подробностей». Подобныя миньятюры представляютъ такимъ образомъ начатки нашей исторической живописи. «Миньятюра—говоритъ тотъ же изслѣдователь—часто состоитъ изъ двухъ частей, дольней и горней. Внизу дѣйствуетъ благочестивый подвижникъ, окруженный обстоятельствами быта дѣйствительнаго: строитъ хижину, несетъ въ водоносѣ воду, печетъ просфоры, молится. А надъ нимъ въ отверстыхъ небесахъ является самъ Господь, возсѣдающій на престолѣ, окруженный Апостолами, Пророками и всѣми небесными силами». Другимъ образцомъ начатковъ русской исторической живописи служитъ помянутая выше Царственная книга, которая содержитъ въ себѣ описаніе послѣднихъ дней Василія Ивановича и царствованія Ивана IV до 1553 года. Она также снабжена миньятюрами, которыя наглядно передаютъ намъ обстановку Московскаго двора и разныя подробности царскаго и вообще государственнаго быта, за исключеніемъ нѣкоторыхъ общихъ или условныхъ пріемовъ, идущихъ по иконописнымъ преданіямъ отъ византійскихъ образцовъ. Между прочимъ здѣсь изображены: пиръ в. князя Василія Ивановича у дворецкаго Шигони, охота великаго князя, его болѣзненное состояніе и лѣченіе, посѣщеніе Іосифо-Волоколамскаго монастыря, постриженіе его передъ смертію, выносъ тѣла, эпизоды изъ коронованія Ивана IV, выборъ его невѣсты и т. д. (87).

Выражая свою заботу о поддержкѣ установленныхъ образцовъ и правилъ для иконописи, Стоглавый соборъ обратилъ такое же вниманіе и на исправность богослужебныхъ рукописныхъ книгъ. Давно уже раздавались жалобы на многочисленныя ошибки, которыя вносили въ нихъ небрежные и невѣжественные переписчики. Еще митрополитъ Кипріанъ указывалъ на это зло. Но оно продолжалось. Соборъ 1551 года предписываетъ поповскимъ старостамъ по городамъ «дозирать» въ церквахъ не только священные сосуды, иконы, антиминсы, но также Евангеліе, Апостолъ и прочія богослужебныя книги, и наблюдать, чтобы писцы списывали ихъ съ «добрыхъ переводовъ», а по написаніи ихъ провѣряли. Если же кто,

списавъ книгу, продастъ ее неисправленную, таковыя предписывается отбирать даромъ и послѣ исправленія отдавать въ бѣдныя церкви. Слѣдовательно для переписчиковъ вводится родъ цензуры. Но это распоряженіе на дѣлѣ оказывалось трудно исполнимымъ; порча богослужебныхъ книгъ продолжалась. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ нея являлось, сто лѣтъ тому назадъ изобрѣтенное, книгопечатаніе, которымъ не только пользовались передовые народы Европы, но и нѣкоторыя славянскія земли уже имѣли церковныя книги, напечатанныя кириллицей.

Первая кирилловская типографія, на сколько извѣстно, заведена была въ Краковѣ нѣкіимъ Швайпольтомъ Фіолемъ или по почину православныхъ Русиновъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, или по заказу молдо-валахскихъ бояръ, такъ какъ въ Молдо-Валахіи письменность и богослуженіе были церковнославянскія. Въ 1491 году въ числѣ другихъ книгъ въ Краковѣ была издана полная Псалтырь. Затѣмъ въ 90-хъ же годахъ XV столѣтія появляются церковнославянскія книги, напечатанныя въ Венеціи и даже въ Цетиньѣ, т. е. въ Черногоріи; а въ началѣ XVI вѣка онѣ печатаются и въ Молдо-Валахіи. Одинъ русскій человѣкъ, родомъ изъ Полоцка, получившій университетское образованіе за границей, именно Францискъ Скорина, докторъ медицины, въ 1517—1519 гг. напечаталъ въ чешской Прагѣ Библію, переведенную имъ, при помощи церковнославянскаго текста, на книжную западно-русскую рѣчь съ латинской Вульгаты или собственно съ ея чешскаго перевода, а потому и съ сильною примѣсью чехизмовъ. Тотъ же Скорина вскорѣ перенесъ свою издательскую дѣятельность въ Вильну, въ которой Кіевскіе или Западнорусскіе митрополиты по большей части имѣли тогда свое пребываніе. Здѣсь въ 1525 году были напечатаны имъ Апостолъ и Псалтырь. Около половины XVI вѣка появилась церковнославянская печать и въ сербскомъ Бѣлградѣ.

Въ Москвѣ конечно знали о существованіи такого могущественнаго орудія просвѣщенія, какъ книгопечатаніе; повидимому, знаменитый Максимъ Грекъ еще при Василіи Ивановичѣ внушалъ здѣсь мысль о заведеніи типографіи. Юный царь Иванъ Васильевичъ въ 1548 году, поручая саксонцу Шлитте вызвать въ Россію разныхъ мастеровъ, въ томъ числѣ не забылъ о типографщикахъ. Но, какъ извѣстно, Ливонскіе Нѣмцы не пропустили ихъ въ Россію. Послѣ того царь обращался къ датскому королю Христіану III съ просьбою прислать въ Москву книгопечатниковъ, и тотъ дѣйствительно,

въ 1552 г., прислалъ какого-то Ганса Миссингейма. Сей послѣдній привезъ съ собою Библію и протестантскія книги, которыя предлагалъ перевести на русскій языкъ и отпечатать. Предложеніе это отклонили; но его техническими свѣдѣніями и закупленными въ Даніи матеріалами, повидимому, воспользовались для заведенія типографіи, которая и была устроена въ Москвѣ въ 1553 году. Царь далъ изъ собственной казны средства на постройку книгопечатной палаты и на всѣ ея потребности, по благословенію митрополита Макарія. Любопытно, что здѣсь немедленно нашлись русскіе люди, уже нѣсколько знакомые съ типографскимъ искусствомъ; они то и явились первыми нашими печатными мастерами. То были дьяконъ отъ церкви Николы Гостунскаго Иванъ Өедоровъ, товарищъ его Петръ Тимоөеевъ Мстиславецъ и нѣкій Маруша Нефедьевъ. Но какъ и всякое новое дѣло, самостоятельное русское книгопечатаніе въ Москвѣ наладилось не вдругъ. Только спустя десять лѣтъ, отпечатана была первая книга, именно Апостолъ, въ 1564 году, уже по смерти митрополита Макарія, при его преемникѣ Аөанасіи. Бумага и печать этой книги довольно красивы, но правописаніе не совсѣмъ исправное, и съ греческимъ текстомъ славянскій переводъ не повѣряли. Важно было то, что напечатанная книга полагала предѣлъ дальнѣйшимъ искаженіямъ отъ переписчиковъ. Однако сіи послѣдніе не замедлили громко заявить объ ихъ личномъ затронутомъ интересѣ. Едва печатники успѣли издать въ слѣдующемъ году Часовникъ, какъ противъ нихъ поднялось народное волненіе. Многочисленный классъ переписчиковъ, видя со стороны типографіи прямой подрывъ своему промыслу, началъ смущать чернь, обвиняя типографщиковъ въ какихъ то ересяхъ, будто бы вводимыхъ ими въ книги. Обвиненіе достигло своей цѣли тѣмъ легче, что въ народѣ еще бродили толки о ересяхъ Башкина и Өеодосія Косого. Подстрекаемая злоумышленниками, чернь роптала противъ типографіи, и самый печатный домъ былъ ночью подожженъ. Иванъ Өедоровъ и Петръ Мстиславецъ принуждены были спасаться бѣгствомъ изъ Москвы. Однако начатое ими дѣло не погибло. Царь велѣлъ возобновить типографію, и печатаніе богослужебныхъ книгъ продолжалъ въ ней ученикъ бѣжавшихъ мастеровъ Андроникъ Невѣжа. Но вообще нельзя не замѣтить, что эпоха опричины отразилась и на этомъ начинаніи: при Иванѣ IV печатаніе подвигалось впередъ туго; очевидно царь сталъ относиться апатично къ сему могучему орудію народнаго просвѣщенія. И самое волненіе, возбужденное

противъ типографіи, едва ли могло бы такъ разыграться, если бы онъ сохранилъ прежнее усердіе къ этому дѣлу. Книгопечатное дѣло оживилось въ Москвѣ только при его преемникѣ.

Любопытна между тѣмъ дальнѣйшая судьба московскихъ первопечатниковъ и ихъ дѣятельность на чужбинѣ. Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимоѳеевъ удалились въ Литовскую Русь, гдѣ и продолжали трудиться надъ печатаніемъ книгъ. Сначала они нашли пріютъ въ мѣстечкѣ Заблудовѣ (близъ Бѣлостока) у Григорія Александровича Ходкевича, великаго гетмана Литовскаго, одного изъ ревнителей православія. Онъ далъ имъ участокъ земли («весь не малу») на пропитаніе и средства на заведеніе типографіи, гдѣ они напечатали Евангеліе учительное и Псалтырь, въ 1569—70 гг. Но престарѣлый Григорій Ходкевичъ впалъ въ нѣкоторое разслабленіе и не пожелалъ покровительствовать долѣе книгопечатанію, а посовѣтовалъ Ивану Ѳедорову заняться сельскимъ хозяйствомъ на подаренномъ ему участкѣ. Товарищъ сего послѣдняго Петръ Тимоѳеевъ перешолъ въ городъ Вильну, гдѣ потомъ работалъ въ извѣстной типографіи братьевъ Мамоничей. Самъ Ѳедоровъ, страстно полюбившій типографское дѣло, также ни за-что не хотѣлъ измѣнить ему и печатный станокъ промѣнять *на рало*. Онъ покинулъ свой участокъ, на которомъ могъ бы вести безбѣдное существованіе, отправился въ Галицію и поселился во Львовѣ, гдѣ устроилъ типографію при Успенскомъ храмѣ. Первою книгою, которую онъ здѣсь отпечаталъ, былъ Апостолъ, въ 1574 году. Въ 1580 году мы встрѣчаемъ его въ Острогѣ, куда его пригласилъ знаменитый ревнитель православія, воевода Кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, и гдѣ онъ успѣлъ отпечатать Псалтырь и Новый Завѣтъ, а въ слѣдующемъ году Библію. Однако и здѣсь нашъ печатникъ оставался недолго, и воротился во Львовъ. Тутъ онъ не нашелъ себѣ ни одного богатаго и сильнаго покровителя; такъ какъ мѣстные знатные роды большою частію уже успѣли ополячиться, а убогое православное духовенство Львовское не могло оказать ему значительной матеріальной поддержки. Иванъ Ѳедоровъ, будучи человѣкомъ семейнымъ и удручаемый болѣзнями, терпѣлъ крайнюю бѣдность. Еще до поѣздки въ Острогъ онъ принужденъ былъ заложить Евреямъ свои типографскіе снаряды за 411 злотыхъ. Этотъ скромный и многострадальный русскій труженикъ умеръ въ 1583 году. Онъ погребенъ при Львовскомъ Святоонуфріевскомъ монастырѣ. Надгробная плита съ надписью «Іоаннъ Ѳедоровичъ

друкарь москвитинъ» и пр. находится нынѣ въ притворѣ церкви св. Онуфрія. Спустя нѣсколько времени, галицкій епископъ извѣстный Гедеонъ Балабанъ вмѣстѣ съ львовскими мѣщанами выкупилъ у Евреевъ печатный станокъ и другіе типографскіе приборы. Это дало возможность возобновить церковнославянскую типографію при ставропигійской Успенской церкви, при которой устроилось потомъ и Львовское православное братство. (88)

Въ ряду выдающихся литературныхъ памятниковъ XVI вѣка совершенно особое мѣсто занимаетъ сборникъ разныхъ правилъ житейской мудрости, озаглавленный именемъ Домостроя. Сочиненіе его приписывали знаменитому священнику Сильвестру; но болѣе тщательный разборъ сего памятника показываетъ, что эта книга составилась постепенно, съ помощью многочисленныхъ заимствованій изъ разныхъ древнерусскихъ сборниковъ церковнаго характера (каковы: Златоустъ, Измарагдъ, Златая Чепь и особенно «Стословъ» Геннадія, архіепископа Цареградскаго). Такія заимствованія относятся преимущественно къ первой части Домостроя, которая наполнена наставленіями объ обязанностяхъ религіозныхъ и можетъ быть озаглавлена «о Духовномъ строеніи». Здѣсь преподаются наставленія, какъ соблюдать православную вѣру, почитать духовный чинъ и царскую власть, украшать свой домъ образами, молиться, кормить нищихъ и странныхъ и пр. Вторая часть, именуемая «О мірскомъ строеніи», заключаетъ въ себѣ правила объ отношеніяхъ главы семейства къ женѣ, чадамъ и домочадцамъ: какъ воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ, а дѣтямъ любить отца и матерь и повиноваться имъ, какъ мужу учить свою жену, а ей «какъ Богу угодить и мужу своему упоровить», какъ держать слугъ и смотрѣть за ними, какъ беречь отъ болѣзней, всякихъ скорбей, особенно отъ волшебства и т. д. Третья и самая обширная часть, «О домовномъ строеніи», посвящена подробнымъ наставленіямъ по разнымъ отраслямъ домашняго хозяйства; напримѣръ: какъ хозяйка должна распредѣлять рукодѣльныя работы и смотрѣть за ними, какъ дѣлать годовые запасы и покупать всякіе товары, ходить за садомъ и огородомъ, устраивать пиръ, варить пиво и сытить медъ, дозирать за хлѣбниками и поварами, что готовить въ постъ и мясоѣдъ, какъ держать житницы, закрома, сѣнники, погреба и ледники, какъ хранить въ нихъ запасы и пр. Эта хозяйственная часть Домостроя даетъ намъ подробныя свѣдѣнія о домашнемъ бытѣ нашихъ

предковъ, о внутреннемъ распорядкѣ, о частяхъ дома и всѣхъ его хозяйственныхъ принадлежностяхъ, платьѣ, посудѣ, рухляди и всей такъ называемой движимости.

Священникомъ Сильвестромъ или кѣмъ либо еще до него разныя части Домостроя были собраны и приведены въ порядокъ. Самому Сильвестру во всякомъ случаѣ принадлежитъ заключительная (64-я) глава Домостроя. Она представляетъ посланіе, обращенное къ его сыну Анфиму и женѣ сына Пелагеѣ; здѣсь вкратцѣ повторяются главныя правила, извлеченныя изъ полнаго Домостроя, съ присоединеніемъ указаній на примѣръ собственной жизни. Глава сія извѣстна подъ именемъ «Малаго Домостроя». Изъ этой главы видно, что сынъ Сильвестра Анфимъ служилъ царскимъ приставомъ у таможенныхъ дѣлъ.

Домострой вообще изображаетъ бытъ зажиточнаго человѣка въ чертахъ, такъ сказать, идеальныхъ, т. е. какъ по понятіямъ того времени слѣдовало домохозяину и домохозяйкѣ жить и вести свою семью и челядинцевъ. Правила, собранныя здѣсь, конечно выработаны какъ самою жизнію, самою русскою дѣйствительностію, такъ и церковными преданіями, усвоенными преимущественно изъ византійскихъ писателей. Если осуществить всѣ эти правила, то получаемъ слѣдующую картину.

Передъ нами просторные, теплые и свѣтлые хоромы, окруженные обширнымъ дворомъ со всѣми хозяйственными строеніями и принадлежностями. Житницы, закрома, сушила, бочки, сундуки и короба, погреба, ледники и пр. полны всякихъ съѣстныхъ запасовъ, каковы: солодъ, рожь, овесъ, пшеница, мука, горохъ, конопля, греча, толокно, сухари, хлѣбы, калачи, сыры, яйца, пиво, сычежное и простое, брага, разные квасы, хлѣбные и яблочные, кислыя щи, вино, горячее и фряжское, меды всякіе, уксусъ, отруби, дрожжи, хмѣль, медъ, масло, соль, полтевое мясо, свѣжее и солонина, всякая рыба, свѣжая и просольная, прутовая, вялая и вѣтреная, лукъ, чеснокъ, огурцы, капуста, рѣпа, рыжики, икра, рассолы, морсъ, яблоки, груши, дыни, арбузы, сливы, лимоны, пастилы и пр. Въ клѣтяхъ и подклѣтяхъ хранятся всякое платье и збруя: епанчи, шапки («кебенки»), шляпы, рукавицы, полости войлочныя и медвѣжьи, ковры, попоны, сѣдла, саадаки и луки со стрѣлами, сабли и топорки, рогатины, пищали, узды, стремена («остроги»), плети, кнуты, вожжи, моржовыя и ременныя, шлеи, хомуты, дуги, оглобли, мѣхи дымчатые, сумы и мѣхи холстинные (т. е. мѣшки),

шатры и пологи, ленъ и посконь, веревки и канаты («ужища»), мыло и зола, гвозди, цѣпи, замки, топоры, заступы и всякій желѣзный запасъ. А въ амбарѣ помѣщаются въ одномъ сани, дровни, телѣги, колеса, возки, коптаны, колымаги, въ другомъ всякая «поваренная порядня»: корыта, жолобы, корцы, сита, рѣшота, фляги и пр. На конюшняхъ стоятъ кони, въ хлѣвахъ коровы, свиньи, гуси, утки, куры и пр. Главный помощникъ домовладыки или «государя» въ хозяйственномъ дѣлѣ его „ключникъ" или „дворецкій", который обязанъ за всѣмъ присмотрѣть: чтобы всякая вещь сохранялась бережно, чтобы лошадямъ давалось каждый день сѣна потребное количество, а подъ ноги подстилалась свѣжая или перетрясенная солома, чтобы на водопой лошадей водили бережно и «робята бы па нихъ не гоняли», чтобы ихъ попонами растирали и накрывали, чтобы конюхи и другіе слуги съ фонаремъ ходили вечеромъ въ конюшню и хлѣва бережно, чтобы всякому запасу ключникъ велъ счетъ и что нужно держалъ бы подъ замкомъ и выдавалъ бы все по счету, а за слугами смотрѣлъ бы, чтобы каждый дѣлалъ свое дѣло, чтобы все было въ свое время вычищено и подметено.

Внутри дома надъ слугами и служанками распоряжается хозяйка, сама въ свою очередь во всемъ послушная своему мужу. Она встаетъ ранѣе всѣхъ и распредѣляетъ всякое рукодѣліе, заказываетъ поварамъ кушанья, и смотритъ затѣмъ, чтобы все было чисто и прибрано въ горницѣ, въ сѣняхъ, и на крыльцѣ, и на лѣстницѣ, столовая посуда и скатерти, постели и платья; рубашки, убрусы и ширинки чтобы были вымыты и бережно укладены; а также мониста и всякія украшенія хранились бы въ сундукахъ, корабьяхъ за замками, а ключи были бы у нея въ маломъ ларцѣ. Она смотритъ за слугами, чтобы тѣ держали себя смирно и чинно, чтобы блюда, ложки, ковши, братины, ведра, квашни, горшки, кувшины, корчаги— все это было тщательно вымыто, выскрещено, вытерто, высушено и положено на свое мѣсто, а не валялось бы по лавкамъ. Передъ нижнимъ крыльцомъ постлана солома или сѣно, а у сѣней передъ дверьми рогожка или войлокъ для отиранія грязныхъ ногъ. Во всякомъ сколько нибудь важномъ дѣлѣ хозяйка спрашивается мужа. Надъ всѣмъ въ домѣ царитъ его хозяинъ. Онъ наблюдаетъ прежде всего благочестіе: у него въ домѣ не только вездѣ святыя иконы, но есть особая образная или крестовая комната, куда вся семья и домочадцы утромъ и вечеромъ собираются на молитву; кромѣ того

мужъ не долженъ пропускать ни одной церковной службы; а жена ходитъ въ церковь, когда нужно, по совѣту съ мужемъ; также и въ гости она ходитъ только съ позволенія мужа. Сей послѣдній держитъ въ страхѣ всю семью и домочадцевъ, для чего прибѣгаетъ къ частымъ побоямъ, наказываетъ за всякій проступокъ и особенно за ослушаніе. Домострой совѣтуетъ слугъ и дѣтей, «смотря по винѣ, наказывать и раны возлагать». Но въ тоже время порядочный домовладыка прилежно заботится о своихъ домочадцахъ и холопахъ: онъ ихъ хорошо кормитъ, поитъ и одѣваетъ, учитъ страху Божію, вѣжеству и смиренію, а также разнымъ добрымъ промысламъ; за службу награждаетъ платьемъ, конемъ, а то и пашнею или какою торговлею.

Лучшіе люди того времени, повидимому, сознавали не христіанское начало рабства и еще при жизни своей отпускали на волю своихъ холопей. Такъ Сильвестръ въ своемъ Маломъ Домостроѣ идетъ далѣе Полнаго Домостроя и разсказываетъ, что «всѣхъ своихъ работныхъ онъ освободилъ и надѣлилъ; выкупалъ и чужихъ рабовъ, чтобы дать имъ свободу, и всѣ его домочадцы живутъ у него по своей волѣ, будучи свободными». Многихъ сиротъ и холопей обоего пола онъ вскормилъ въ своемъ домѣ и научилъ, къ чему кто былъ способенъ: кого грамотѣ и книжному дѣлу или иконному письму, кого серебряному мастерству или другому рукодѣлью, иныхъ торговлѣ. А жена его воспитала многихъ бѣдныхъ дѣвицъ, научила рукодѣлью и всякому домашнему дѣлу и повыдала замужъ; а парней они поженили. И всѣ они теперь свободные живутъ своими домами; одни занимаются промыслами, другіе торгуютъ; нѣкоторые, наиболѣе грамотные, уже сдѣлались дьяконами и священниками или дьяками и подъячими. Сильвестръ въ особенности увѣщеваетъ своего сына беречься «пьянственнаго недуга», соблюдать законный бракъ и никому не давать на себя ни въ чемъ ни кабалы, ни записи. Въ примѣръ онъ указываетъ на себя; ни за кого онъ не давалъ поруки, а потому никогда ни съ кѣмъ на судѣ не бывалъ; если что покупалъ, то платилъ безъ волокиты, а если продавалъ, то безъ всякаго обмана; въ случаѣ его товаръ кому не полюбится, то бралъ его назадъ и деньги возвращалъ. Относительно брачнаго житія онъ говоритъ сыну: «я не зналъ другой женщины, кромѣ твоей матери».

Наставленія Домостроя объ отношеніяхъ мужа къ женѣ приводятъ насъ къ вопросу о положеніи женщины въ древнерусской семьѣ вообще.

Однимъ изъ важнѣйшихъ послѣдствій Татарскаго ига было менѣе свободное состояніе женщины на Руси, чѣмъ въ прежнія времена. Вмѣстѣ съ огрубѣніемъ нравовъ, естественно, высшіе классы стали прятать женщину, особенно дѣвицу, отъ общенія съ посторонними мущинами, и, по образцу восточному, начало развиваться ея теремное уединеніе. Браки стали заключаться не по взаимной склонности и предварительному знакомству, а устроивались родителями при посредствѣ свахъ, не спрашивая согласія дѣтей. При деспотизмѣ мужа или главы семейства, жена заняла совершенно подчиненное, почти рабское положеніе; въ качествѣ домоправительницы она наставляла и наказывала домочадцевъ, но въ тоже время сама должна была терпѣть побои и всякое униженіе отъ мужа, который по понятіямъ того времени долженъ былъ любя «учить жену», т. е. бить ее. Послѣднее правило распространялось одинаково на всѣ сословія, высшія и низшія. До какой степени сама русская женщина прониклась мыслью, что любовь и побои неразлучны другъ съ другомъ, показываетъ извѣстный анекдотъ, сообщаемый иностраннымъ наблюдателемъ (Герберштейномъ). Одинъ иноземецъ, находившійся въ московской службѣ, былъ женатъ на Русской, и жена выразила ему сомнѣніе въ его любви, такъ какъ онъ никогда ее не билъ. Иноземецъ, чтобы доказать ей свою любовь, началъ жестоко ее бить, такъ что потомъ она умерла отъ побоевъ. Въ виду такого варварскаго обращенія, отъ котораго нерѣдко происходили увѣчья и выкидыши у беременныхъ, Домострой совѣтуетъ мужу учить жену не передъ людьми, а наединѣ, и не бить ее кулакомъ, пинкомъ или палкою, а постегать плетью, «по винѣ смотря», чтобы и бережно, и разумно, и больно. А если вина велика и дѣло кручиновато, особенно за *страшное ослушаніе*, то «снявъ рубашку плеткою вѣжливенько побить за руки держа». «Да поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали; жалоба бы о томъ не была». Какъ ни кажется страннымъ это узаконеніе побоевъ жены со стороны мужа въ устахъ моралиста XVI вѣка, однако, принимая во вниманіе грубость нравовъ и суровость отношеній той эпохи, наставленія Домостроя являются уже нѣкторымъ смягченіемъ жестокихъ обычаевъ.

Ненадобно однако думать, чтобы въ дѣйствительности всѣ русскія жены той эпохи подвергались жестокимъ побоямъ, трепетали передъ своими мужьями и вели себя крайне смиренно. Тутъ многое конечно зависѣло отъ характера обѣихъ сторонъ. Далеко не всѣ

мужья отличались суровостью и желѣзною силою воли; при часто встрѣчавшемся добродушіи мужей, жены, особенно умныя и ласковыя, умѣли и тогда не только смягчать суровыя отношенія, но и подчинять себѣ мужей, особенно слабохарактерныхъ. А хитрая и блудливая жена точно также умѣла обманывать своего мужа и заводить близкое знакомство съ постороннимъ мущиною. Домострой по сему поводу усердно предостерегаетъ мужа и жену отъ «потворенныхъ бабъ», какъ тогда назывались сводни. Эти бабы пользовались тѣмъ временемъ, когда служанки ходили на рѣку полоскать бѣлье, тамъ искусно ихъ подговаривали, и потомъ сводили съ мущинами, или посредствомъ нихъ проникали въ домъ и вступали въ сношеніе съ самой госпожей подъ разными предлогами: то приносили какую-нибудь вещь какъ бы на продажу, то приходили съ какими-нибудь кореньями и зельями волшебными или наговорными, иногда являлись подъ видомъ гадальщицъ; а между тѣмъ ловко заводили рѣчь о страстномъ желаніи такого-то молодца познакомиться съ госпожей и, если она поддавалась, то устраивали свиданія

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, вообще неблагосклонно отзываются о русскихъ нравахъ и говорятъ о склонности русскихъ мужей къ нарушенію брачной вѣрности, что подтверждается и разными домашними источниками. Но относительно женщинъ упрекъ въ легкихъ нравахъ относится собственно къ низшимъ классамъ, гдѣ на женщинахъ лежало бремя домашнихъ и полевыхъ работъ, гдѣ не было теремной жизни, и оба пола свободно обращались другъ съ другомъ. Извѣстно, какой распущенности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ предавались во время полуязыческихъ игрищъ, на которыя сходилась молодежь обоего пола. Самое таинство брака въ глухихъ краяхъ древней Руси еще не успѣло получить характеръ прочнаго священнаго союза, и простолюдины продолжали смотрѣть на него какъ на принадлежность людей богатыхъ и знатныхъ. Даже служилые люди иногда слишкомъ легко относились къ брачному союзу и, отправляясь на службу въ отдаленныя мѣста, закладывали своихъ женъ товарищамъ съ правомъ пользованія.

Лучшимъ, т. е. болѣе свободнымъ и болѣе почетнымъ, положеніемъ пользовалась женщина въ Новгородскомъ и Псковскомъ краѣ, гдѣ вліяніе татарщины было гораздо слабѣе. Но въ XVI вѣкѣ это вліяніе и здѣсь усилилось при посредствѣ московскихъ порядковъ и московскихъ переселенцевъ.

Въ древней Руси однимъ изъ любимыхъ предметовъ, надъ которымъ упражнялись русскіе книжники-моралисты еще со временъ Даніила Заточника, были разсужденія, притчи и сказанія о «злыхъ и хитрыхъ женахъ», о злобѣ женской и т. п. Правда, подобныя литературныя произведенія большею частію были основаны на заимствованіяхъ изъ разныхъ иноземныхъ источниковъ, восточныхъ и западныхъ, начиная съ отцовъ Церкви, и вообще представляли черты, такъ сказать, общечеловѣческія; тѣмъ не менѣе въ нихъ нерѣдко проглядывали и русскія бытовыя черты, свидѣтельствующія, что заимствованія падали на благодарную почву, и что русская женщина далеко не была такимъ страдательнымъ и подавленнымъ существомъ, какъ это обыкновенно полагаютъ на основаніи того семейнаго деспотизма, которымъ былъ вооруженъ мужъ или домовладыка, и того теремнаго затворничества, которому были подвержены женщины высшихъ классовъ.

Рядомъ съ злонравными женами древнерусская словесность представляетъ намъ и образцы высокой женской добродѣтели, доказывающіе, что тѣ благочестивыя, кроткія и трудолюбивыя жены и хозяйки дома, о которыхъ говоритъ Домострой, не были какимъ то недостижимымъ идеаломъ, но являлись и жили въ русской дѣйствительности; чему въ особенности помогали глубокая христіанская вѣра и строгое, аскетическое направленіе вѣка, которое при разносторонней природѣ Русскаго племени какъ то легко уживалось рядомъ съ наклонностью ко всякаго рода излишествамъ и распущенности. Такую идеальную женщину находимъ мы въ повѣсти о Юліаніи Лазаревской.

Она родилась отъ благочестивой четы, происходившей изъ Мурома, но жившей въ Москвѣ, такъ какъ отецъ ея Юстинъ Недюревъ былъ однимъ изъ царскихъ ключниковъ при Иванѣ IV. Въ дѣтствѣ своемъ она лишилась матери и была взята на воспитаніе своей бабкой, а послѣ ея смерти теткой. Такимъ образомъ Юліанія росла въ Муромскомъ краю. Съ ранняго возраста она обнаружила смиреніе и благочестіе; прилежала посту и молитвѣ и удалялась отъ игръ и „пустошныхъ" пѣсней, которыми увеселялись ея сверстницы. Дѣвицы, даже и боярскія дочери, тогда не учились грамотѣ, а упражнялись въ разномъ рукодѣльи. Юліанія очень успѣвала въ семъ послѣднемъ, особенно въ пряденіи и вышиваніи на пяльцахъ. Но такъ какъ церковь была довольно далеко отъ села, то ей во все время ея дѣвичьей жизни не пришлось посѣщать церковную службу.

Шестнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за родовитаго и богатаго человѣка, по имени Георгія Осорьина; ихъ повѣнчалъ въ его селѣ Лазаревѣ, въ церкви св. Лазаря, священникъ Потапій, который и далъ имъ наставленіе какъ жить по Закону Божію. Юліанія съ ревностію исполняла его наставленіе. Осорьинъ жилъ съ своими родителями. Она оказывала послушаніе свекру и свекрови, а тѣ поручили ей «править все домовное строеніе». Мужъ ея подолгу отлучался на царскую службу, и тогда молодая жена еще усерднѣе занималась какъ домашнимъ хозяйствомъ и рукодѣльемъ, такъ молитвою и дѣлами благотворенія. Всякій вечеръ творила она до 100 земныхъ поклоновъ съ колѣнопреклоненіемъ, вставала и молилась по ночамъ; съ ранняго утра она уже была на ногахъ; при чемъ не требовала къ себѣ рабынь для помощи, но умывалась и одѣвалась сама. Съ холопами обращалась ласково, пеклась объ ихъ довольствіи пищею и одеждою; провинившихся старалась исправлять кротостію, заступалась за нихъ передъ свекромъ и свекровью; нищихъ, вдовъ и сиротъ принимала, кормила, и по возможности надѣляла. Особенно проявила она свою благотворительность, когда Русскую землю постигли голодъ и моровая язва; тогда она послѣдній кусокъ дѣлила съ голодными и собственными руками омывала гнойныя язвы, межъ тѣмъ какъ другіе боялись всякаго прикосновенія къ зараженнымъ. Когда умерли ея свекоръ и свекровь, она осталась полною хозяйкою въ домѣ. Судьба послала ей жестокое испытаніе. У нея было нѣсколько сыновей и дочерей. Между дѣтьми ея и холопами происходили частыя ссоры, которыя она старалась усмирять; но, кажется, мѣры кротости не всегда были успѣшны. Однажды холопъ убилъ ея старшаго сына, а другого сына убили на царской службѣ. Тогда Юліанія хотѣла всю себя посвятить Богу, и просила мужа отпустить ее въ монастырь Мужъ умолилъ ее не покидать его и дѣтей; Юліанія оста́лась, но съ условіемъ хотя жить вмѣстѣ, однако прекратить супружескій союзъ. Съ этого времени она окончательно предалась посту, молитвѣ, добрымъ дѣламъ и посѣщенію храма Божія. Будучи сама неграмотною, она очень любила слушать божественныя книги, которыя читалъ ей мужъ. Сей послѣдній умеръ прежде нея. Жена раздала щедрую милостыню ради его памяти и заказывала многіе сорокоусты по монастырямъ и церквамъ.

Хотя Юліанія продолжала жить въ міру, но старалась во всемъ уподобиться самой строгой подвижницѣ. Свою теплую одежду раздавала нищимъ, а сама и въ жестокія зимы ходила легко одѣтая, са-

ноги обувала на голыя ноги и вмѣсто стелекъ клала въ нихъ орѣховую скорлупу; спала не на постелѣ, а на дровахъ, которыя клала острыми концами къ тѣлу, а подъ ребра свои подкладывала желѣзные клинья. Житіе ея разсказываетъ, что, подобно святымъ подвижницамъ, она была искушаема видѣніями бѣсовскими; бѣсы являлись къ ней и пытались ее смущать; но всегда были прогоняемы ея молитвами и слезами. Имѣя въ рукахъ четки (обычную принадлежнось того времени не только духовныхъ, но и мірянъ), она постоянно творила молитву, такъ что и во снѣ уста ея двигались. Такъ дожила она до временъ царя Бориса Годунова, когда Русскую землю посѣтилъ страшный голодъ. Юліанія распродала все: скотъ, платье, домашнюю утварь, чтобы покупать жито, кормить свою челядь и подавать милостыню нищимъ. Въ это время она переселилась изъ Муромскаго края въ Нижегородскій. Многихъ рабовъ своихъ она отпустила на волю, будучи не въ состояніи ихъ прокормить, а оставшихся принуждена была питать хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ лебедою и даже съ корою древесною; такъ велико уже было оскудѣніе. Наконецъ и сама она скончалась въ эту бѣдственную пору, въ 1604 году. Тѣло ея отвезли въ село Лазарево и погребли рядомъ съ ея мужемъ у церкви Лазаря. Праведное житіе Юлианіи было потомъ описано однимъ изъ ея сыновей. Мы не думаемъ, чтобы подобныя женщины были рѣдкими явленіями въ древней Руси. Житіе ея показываетъ также, что далеко не всѣ мужья того времени изображали изъ себя грозныхъ деспотовъ, надѣляющихъ жестокими побоями жену и всѣхъ своихъ домашнихъ, и что свекоръ и свекровь также бывали люди добродушные, которые жили въ наилучшихъ отношеніяхъ со своей невѣсткой ([89]).

Отъ памятниковъ письменности обратимся къ памятникамъ строительнаго искусства въ данный періодъ, т. е. къ памятникамъ храмового зодчества. Въ этой области мы встрѣчаемся съ нѣсколько новымъ для насъ типомъ или по крайней мѣрѣ съ значительнымъ видоизмѣненіемъ прежняго.

Государственное объединеніе русскихъ земель вмѣстѣ съ возвращеніемъ политической независимости и полной самобытности, какъ это вездѣ бываетъ, не могло не отразиться оживленіемъ и замѣтнымъ движеніемъ въ самой внутренней жизни народа. Такому движенію особенно способствовали возобновленіе болѣе близкихъ сношеній съ Западной Европой и начатый Иваномъ III вызовъ въ

Россію всякаго рода мастеровъ и художниковъ, по преимуществу изъ Италіи, гдѣ тогда Эпоха Возрожденія находилась въ полномъ расцвѣтѣ. Мы знаемъ, что итальянскими художниками и мастерами между прочимъ были сооружены Успенскій соборъ и нѣкоторые другіе храмы Московскаго Кремля. Храмы эти представляютъ всѣ главныя черты извѣстнаго Суздальско-Владимірскаго стиля, и указываютъ на то, что итальянскіе архитекторы должны были подчиняться требованіямъ православнаго, т. е. византійско-русскаго церковнаго зодчества. Тѣмъ не менѣе они и въ эту сферу внесли нѣкоторую собственную струю. Главное вліяніе ихъ отразилось въ области техники, особенно въ искусствѣ дѣлать прочныя церковныя постройки изъ кирпича. (Лучшіе суздальско-владимірскіе храмы были построены изъ бѣлаго камня). По всей вѣроятности, новыя сооруженія и вообще строительная дѣятельность того времени дали сильный толчокъ русскому храмовому зодчеству, которое не замедлило проявить яркія черты самобытнаго творчества и чисто народнаго вкуса.

Жители русскихъ равнинъ, изобильныхъ лѣсомъ и бѣдныхъ камнемъ, естественно выработали издревле своеобразное плотничное искусство и привычку къ деревяннымъ постройкамъ, приноровленнымъ къ условіямъ сѣвернаго климата съ его суровою снѣжною зимой. Основою русскаго жилья служилъ квадратный бревенчатый срубъ или «клѣть», и если это жилье, смотря по степени достатка, принимало большіе размѣры, усложнялось, обращалось въ «хоромы», то оно состояло изъ нѣсколькихъ клѣтей, связанныхъ другъ съ другомъ крытыми переходами или «сѣнями». Въ зажиточныхъ домахъ клѣти строились въ два яруса; нижній ярусъ составлялъ «подклѣтье», а верхній или горній заключалъ въ себѣ «горницы», назывался вообще «верхомъ». Древняя Русь любила высокія зданія, такъ что нѣкоторыя клѣти у бояръ, дворянъ и купцовъ строились въ три яруса, и получали видъ башни; такія возвышенныя части хоромъ носили общее названіе теремовъ; а особенно выдающаяся по своей высотѣ клѣть, срубленная въ нѣсколько ярусовъ, съ свѣтлыми окнами на всѣ стороны, имѣла разныя названія: «свѣтлица», «повалуша», «вышка», «чердакъ». Въ высокіе хоромы вела крытая лѣстница, раздѣленная на двѣ, иногда на три части площадками или «рундуками» и называемая «крыльцо» (т. е. родъ крыла, приставленнаго къ зданію), края котораго окаймлялись перилами съ точеными балясами или кувшинообразными колонками. Кругомъ

теремовъ иногда шли галлереи или «гульбища» (балконы) съ такими же перилами и балясами. Простая клѣть или изба покрывалась двускатною кровлею, которая обыкновенно поднималась круто, чтобы не задерживать зимняго снѣга; а высокія квадратныя клѣти зажиточныхъ людей имѣли кровлю на четыре ската; такія четырехскатныя кровли на теремахъ и вышкахъ поднимались довольно высоко, т. е. выводились «шатромъ». Если же теремъ представлялъ продолговатый четыреугольникъ, то онъ покрывался двускатною кровлею съ округлыми боками и заостреннымъ ребромъ; подобная кровля называлась «бочкою». Эта бочковатая форма примѣнялась иногда и къ квадратнымъ теремамъ; тогда получалось четырехстороннее округлое покрытіе, сведенное къ вершинѣ въ одну стрѣлку, и такое покрытіе называлось «кубомъ». Иногда бревенчатыя клѣти дѣлались съ обрубами по угламъ, такъ что получалась шести или восьмигранная форма; подобная постройка особенно примѣнялась къ городовымъ башнямъ, иначе «вежамъ» или «столпамъ».

Всѣ эти выработанныя привычкою и народнымъ вкусомъ деревянныя формы естественно прилагались и къ построенію Божьихъ храмовъ. Сельская и часто городская церковь была ничто иное какъ простая высокая клѣть; съ восточной стороны къ ней прирубался выступъ или алтарь, а съ западной другая клѣть или трапеза. Древніе акты прямо говорятъ о такомъ храмѣ, что онъ поставленъ *клѣтски*, т. е. на подобіе квадратной клѣти. Кровля его была или двускатная, или четырехскатная съ особою маковицей или главой, надъ которой водружался крестъ. Дальнѣйшее движеніе храмового деревяннаго зодчества представляютъ не квадратныя клѣти, а многогранныя, на подобіе помянутыхъ выше городскихъ башенъ или столповъ, и слѣдовательно приближающіяся къ округлой формѣ; эти постройки по выраженію того времени не клѣтски ставились, а «рубились въ уголъ». Такіе многоугольные срубы требовали уже шатроваго покрытія, которое очень возвышало зданіе, а потому сдѣлалось любимымъ храмовымъ покрытіемъ въ древней Руси. Главы церковныя также стали вытягиваться вверхъ заостренною стрѣлкою, но съ округлыми или кубастыми боками. Такимъ образомъ получилась столь распространившаяся на Руси грушевидная или луковичная форма церковной главы, которая обыкновенно возвышается на особой круглой или многогранной шеѣ. Болѣе просторные, болѣе богатые деревянные храмы, имѣвшіе разные «придѣлы», представляли соединеніе нѣсколькихъ квадратныхъ клѣтей или многогранныхъ стол-

повъ, каждый съ особою главою; а въ соборномъ храмѣ обыкновенно надъ среднею клѣтью устраивалось пять главъ. Это пятиглавіе было заимствовано отъ каменныхъ храмовъ. Каменные храмы въ столицѣ и большихъ городахъ долго держались своего основного византійскаго типа, получившаго на Руси нѣкоторыя небольшія видоизмѣненія или отличія въ стиляхъ Кіевскомъ, Суздальскомъ и Новогородскомъ. Но когда съ конца XV столѣтія въ столичныхъ сооруженіяхъ повѣяло болѣе свободнымъ духомъ эпохи Возрожденія, тогда характерныя и любимыя черты русскихъ деревянныхъ храмовъ проникли въ наше каменное (собственно кирпичное) храмовое зодчество и, смѣшавшись съ прежнимъ Византійско-русскимъ стилемъ, вызвали въ этой области расцвѣтъ новаго, попреимуществу русскаго, стиля. Главными его принадлежностями являются: многогранная, столповая форма основного зданія; пирамидальная, шатровая кровля; луковичная глава на сравнительно узкой шеѣ; паперть или крытое крыльцо съ кувшинообразными колонками и шатровою надъ нимъ сѣнью. Отъ прежняго Византійско-русскаго стиля онъ заимствовалъ украшеніе кровли маленькими арками или «закомарами», иначе «кокошниками». Эти закомары или кокошники чаще всего имѣютъ заостренную вершину, т. е. представляютъ поперечный разрѣзъ помянутаго выше бочкообразнаго покрытія. Впослѣдствіи вся кровля храма иногда составлялась изъ такихъ кокошниковъ, ряды которыхъ постепенно съуживаются къ вершинѣ или къ церковной главѣ, что̀ придаетъ подобной кровлѣ чрезвычайно узорный, затѣйливый характеръ.

Первый извѣстный намъ каменный храмъ столпового и шатроваго стиля относится ко времени Василія III. Въ 1532 году былъ построенъ имъ такой храмъ въ подмосковномъ великокняжескомъ селѣ Коломенскомъ во имя Вознесенія. (Около того-же времени другой подобный храмъ сооруженъ во имя Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи близъ Коломенскаго, въ селѣ Дьяковѣ). А самымъ блестящимъ представителемъ этого стиля явился сооруженный Иваномъ IV въ Москвѣ соборъ Покрова Пресв. Богородицы, извѣстный въ народѣ болѣе подъ именемъ Василія Блаженнаго.

Въ память взятія Казани Иванъ Васильевичъ уже въ 1553 году приказалъ поставить деревянную церковь Св. Троицы на краю рва, который шелъ отъ Кремля къ Китай-городу, вблизи Фроловскихъ воротъ (нынѣ Спасскихъ). Къ нему же былъ пристроенъ храмъ Покрова Богородицы съ нѣсколькими придѣлами. А въ 1555 году,

послѣ взятія Астрахани, благодарный государь, желая ознаменовать завоеваніе Татарскихъ царствъ, повелѣлъ разобрать эти деревянные храмы, и на мѣстѣ ихъ воздвигнуть каменные, съ церковью Покрова Богородицы какъ главной въ срединѣ и съ восемью вокругъ нея придѣлами, каковы: Живоначальныя Троицы, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго, Николы Вятскаго, Кипріана и Устиньи, Входъ въ Іерусалимъ и др. Очевидно главный храмъ и его придѣлы пріурочены къ событіямъ Казанской осады: 1 октября въ праздникъ Покрова рѣшенъ приступъ, а 2 октября въ день Кипріана и Устиньи взятъ самый городъ, и т. д. Такимъ образомъ воздвигнутъ храмъ о *девяти верхахъ*. Постройка всего зданія продолжалась около пяти лѣтъ. Храмъ сталъ называться Соборомъ Покрова «что на рву». На томъ же мѣстѣ, при прежней церкви, былъ похороненъ въ 1552 году весьма любимый народомъ московскій юродивый Василій Блаженный, котораго лѣтопись называетъ «нагоходецъ», по его обычаю лѣто и зиму ходить безъ одежды. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ въ 1588 году по случаю молвы о чудесахъ, совершавшихся на гробѣ юродиваго, къ Покровскому собору пристроена еще небольшая церковь во имя Василія Блаженнаго, и впослѣдствіи весь соборъ сталъ извѣстенъ въ народѣ преимущественно подъ симъ именемъ.

Этотъ соборъ Покрова или Василія Блаженнаго представляетъ цѣлую группу башнеобразныхъ храмовъ, воздвигнутыхъ на одномъ основаніи, которое общимъ своимъ планомъ однако не отступаетъ отъ византійскаго типа, освященнаго преданіемъ. Всѣ сіи храмы испещрены узорчатыми фризами, поясами, закомарами или кокошниками и увѣнчаны грушевидными главами, которыя покоятся на изящныхъ цилиндрическихъ тамбурахъ, разнообразно украшенныхъ, и которыя были покрыты ярко-блиставшими металлическими листами, также узорчатыми и также различными по своему рисунку; что придавало особую красоту всему зданію. А изъ средины этой группы высоко поднимается шатровый или пирамидальный верхъ главнаго, т. е. Покровскаго, храма, также осьмигранный какъ и самый храмъ. Вообще въ семъ зданіи въ значительной степени выразился своеобразный русскій вкусъ съ его любовью ко всякому ласкающему глазъ узорочью и гармоничному разнообразію частей. Наиболѣе выдающееся достоинство зодчаго это чувство соразмѣрности или пропорціональности, выдержанное и въ цѣломъ, и во всѣхъ подробностяхъ; замѣчательна также удивительная прочность всего сооруженія, съ виду та-

кого легкаго и затѣйливаго. Иностранцы XVI и XVII вѣковъ нерѣдко съ восторгомъ отзываются о красотѣ и пріятномъ впечатлѣніи, которое производилъ этотъ храмъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже сообщаютъ баснословное преданіе, будто Иванъ Грозный, вѣрный своему тиранству, по окончаніи постройки велѣлъ ослѣпить зодчаго для того, чтобы онъ уже не могъ потомъ нигдѣ соорудить другой подобной церкви. Имя главнаго зодчаго къ сожалѣнію до насъ не дошло. (Впослѣдствіи соборъ, опустошенный пожаромъ, подвергся нѣкоторымъ передѣлкамъ и прибавкамъ, а также былъ снаружи раскрашенъ яркими разноцвѣтными красками). Вполнѣ проявившіеся здѣсь, русскій вкусъ и русскіе строительные пріемы во многомъ напоминаютъ пріемы и формы архитектуры Средней Азіи, Персіи и особенно Индіи ([90]).

XIV.

НАЧАЛО ЦЕРКОВНОЙ УНІИ ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Водвореніе іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ.—Ихъ коллегіи.—Совращеніе Радивиловъ и другихъ протестантовъ. — Неустройства Западнорусской церкви.—Епископы Красенскій и Лазовскій.—Кіевскіе митрополиты.—Галицко-Львовская епархія и Гедеонъ Балабанъ.—Львовское братство.—Избирательная борьба послѣ Баторія.—Московская кандидатура.—Выборъ Сигизмунда III.—Патріархъ Іеремія въ Вильнѣ.—Кириллъ Терлецкій и Ипатій Потѣй.—Вопросъ объ уніи и приготовленія къ ней.—Михаилъ Рагоза и подпись епископовъ на унію.—Провозглашеніе уніи въ Римѣ.—Ревность къ ней Сигизмунда.—Брестскій соборъ.—Раздѣленіе его на двѣ стороны. Переговоры и обоюдныя постановленія.—Усердіе князя Острожскаго и возбужденіе среди православныхъ.—Литературная борьба.

1569 годъ отмѣченъ двумя важными событіями въ исторіи Западной Руси: въ этомъ году завершилась политическая унія Литворусскаго государства съ Польшею; въ томъ же году водворились въ Литовской Руси іезуиты, немедленно принявшіеся хлопотать о церковной уніи сей православной Руси съ католическою Польшею.

Первый, озаботившійся призывомъ іезуитовъ въ польскія области, былъ епископъ Вармійскій (въ Западной или Королевской Пруссіи) кардиналъ Гозій, наиболѣе энергичный между польскими прелатами поборникъ католицизма въ его борьбѣ съ реформаціей. Іезуиты представлялись тогда наилучшимъ орудіемъ для воспитанія юношества въ преданности католической церкви; а потому іезуитскія коллегіи и школы распространялись съ замѣчательною быстротою. Въ 1564 году кардиналъ Гозій, съ помощью папскаго нунція Коммендоне, водворилъ въ своей епархіи іезуитскую колонію изъ 11 человѣкъ, которые въ слѣдующемъ году открыли воспитательную коллегію изъ пяти классовъ. Сначала они съ большимъ трудомъ добыли нѣсколько учениковъ; но потомъ, благодаря искусному об-

разу дѣйствія, дѣло пошло успѣшно; не только католики, даже протестанты начали отдавать имъ своихъ дѣтей, а вмѣстѣ съ тѣмъ пошла успѣшнѣе и вообще борьба съ реформаціей. Не ограничиваясь Польшей, Гозій позаботился и о Литвѣ; по сему вопросу онъ вошелъ въ переговоры съ виленскимъ католическимъ епископомъ Валерьяномъ Протасевичемъ, и посовѣтовалъ ему также вызвать къ себѣ іезуитовъ. Протасевичъ очень охотно послѣдовалъ сему совѣту, и купилъ для нихъ домъ насупротивъ своихъ палатъ; на содержаніе ихъ назначилъ часть своихъ доходовъ, а для школы подарилъ нѣсколько своихъ деревень.

Виленскіе протестанты, съ воеводою и литовскимъ канцлеромъ Николаемъ Рыжимъ во главѣ, непріязненно отнеслись къ сему призыву и даже намѣрены были силою воспротивиться водворенію іезуитовъ. Поэтому, когда въ сентябрѣ 1569 года прибыла отъ Гозія первая ихъ партія изъ пяти человѣкъ, Протасевичъ отправилъ къ нимъ навстрѣчу собственную карету. Послѣ того, какъ стемнѣло и враждебно настроенная народная толпа разошлась, іезуиты незамѣтно въѣхали въ городъ въ епископской каретѣ, окруженной коннымъ конвоемъ. Потомъ начали прибывать поодиночкѣ и другіе іезуиты. Благодаря ихъ скромности и наружному смиренію, народное волненіе мало-по-малу улеглось, и ничто не мѣшало имъ постепенно подготовлять почву для своей будущей дѣятельности. Въ слѣдующемъ 1570 году открыты были въ Вильнѣ іезуитскій коллегіумъ и при немъ гимназія. Ректоромъ этого учрежденія былъ поставленъ Станиславъ Варшевецкій, природный полякъ, получившій образованіе въ заграничныхъ университетахъ, исполнявшій прежде должность королевскаго секретаря и посланника къ разнымъ дворамъ, а теперь сдѣлавшійся ревностнымъ членомъ Іезуитскаго Ордена. Свою виленскую гимназію іезуиты раздѣлили также на пять классовъ (инфима, граматика, синтаксисъ, поэтика и реторика). Рядомъ съ этою свѣтскою школою, они вскорѣ основали и духовную или семинарію, назначавшуюся для тѣхъ воспитанниковъ, которые готовили себя въ духовное званіе. Но и здѣсь въ началѣ они также съ трудомъ добывали себѣ учениковъ: католики и протестанты имѣли собственныя школы, а православные не отдавали своихъ дѣтей, опасаясь ихъ окатоличенія. Однако благодаря стараніямъ епископа и тому, что іезуиты привлекали бѣдныхъ мальчиковъ, обучая ихъ безплатно, школы ихъ стали наполняться; а потомъ, видя блестящіе успѣхи учениковъ, особенно въ латинскомъ

языкѣ, родители разныхъ исповѣданій начали охотно посылать сюда своихъ дѣтей.

Въ то же время іезуиты стали дѣйствовать и другимъ оружіемъ противъ иновѣрцевъ: посредствомъ публичныхъ богословскихъ диспутовъ. Когда кальвинскіе учителя уклонялись отъ сихъ диспутовъ, хитрые іезуиты устраивали на площади передъ костеломъ пренія между католиками съ одной стороны, лютеранами, кальвинистами и социніанами съ другой; при чемъ роль трехъ послѣднихъ играли лица, выбранныя изъ среды самихъ іезуитовъ. Разумѣется, побѣда въ этихъ преніяхъ всегда оставалась на сторонѣ католиковъ. Кромѣ школы и диспутовъ они постепенно стали развивать и другія свои средства для борьбы съ противниками. Съ согласія епископа, они завладѣли костеломъ св. Яна, роскошно его обновили, украсили иконами и распятіями, завели отличный органъ и пѣвчій хоръ, и начали отправлять богослуженіе съ невиданными дотолѣ торжественностью и великолѣпіемъ, чѣмъ привлекали къ себѣ толпы богомольцевъ. Въ этомъ костелѣ раздавались краснорѣчивыя проповѣди, также привлекавшія многочисленныхъ слушателей. Самъ ректоръ Варшевецкій владѣлъ ораторскимъ талантомъ. Еще большимъ успѣхомъ пользовался здѣсь знаменитый проповѣдникъ Петръ Скарга, прежде каноникъ львовскій, а теперь также ревностный членъ Іисусова ордена. Этотъ же Скарга, съ разрѣшенія папы и короля, устроилъ въ Вильнѣ при Свентоянскомъ костелѣ «братство тѣла Господня»; въ число братчиковъ вписали свои имена кардиналъ Гозій и епископъ Протасевичъ, а также виленскій войтъ, бургомистръ и другія вліятельныя лица, духовныя и свѣтскія. Члены братства дѣлали обильныя приношенія въ его кассу, и своимъ участіемъ въ религіозныхъ церемоніяхъ еще болѣе увеличивали блескъ и торжественность церковнаго обряда. Надобно отдать справедливость іезуитамъ: для успѣха своей пропаганды они не щадили ни трудовъ, ни самой жизни. Когда въ Литвѣ въ 1571 году свирѣпствовала страшная моровая язва, спасаясь отъ нея, изъ Вильны уѣхали самъ епископъ съ своимъ капитуломъ и почти всѣ ксендзы. Одни только іезуиты остались на своихъ мѣстахъ; продолжали совершать церковныя службы, посѣщали и ухаживали за больными въ городѣ и его окрестностяхъ, исповѣдывали и пріобщали умирающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ при семъ сами заразились и умерли. Такими подвигами самоотверженія они возбудили въ мѣстномъ населеніи большое къ себѣ расположеніе.

Но главныя усилія ихъ обращены были не на простой народъ, а на знатныя и богатыя фамиліи, которыя они старались или возвратить или совратить въ католичество. Эти усилія вскорѣ и въ значительной мѣрѣ увѣнчались успѣхомъ.

Въ Вильнѣ проживалъ Ульрихъ Гозіусъ, родной братъ кардинала—епископа вармійскаго Станислава Гозіуса. Несмотря на всѣ усилія брата кардинала, этотъ знатный, богатый человѣкъ оставался усерднымъ кальвинистомъ; но онъ не устоялъ противъ увѣщаній Скарги, и перешелъ въ католицизмъ. Одновременно съ нимъ, еще одинъ усердный кальвинистъ, изъ среды знатнѣйшихъ литовскихъ вельможъ, Янъ-Іеронимъ Ходкевичъ (собственно Ходковичъ), староста Жмудскій, усиліями Варшевецкаго былъ совращенъ въ католицизмъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Яномъ-Карломъ, впослѣдствіи великимъ гетманомъ Литовскимъ. Затѣмъ произошли и другія важныя совращенія. Наиболѣе же блистательнымъ успѣхомъ іезуитовъ было возвращеніе въ лоно католичества сыновей того самаго Николая Радивила Чернаго, который былъ главнымъ поборникомъ и двигателемъ кальвинизма въ Литовской Руси. Послѣ него осталось четыре юныхъ сына. Старшему изъ нихъ Николаю Христофору, прозванному Сироткой, было только 16 лѣтъ при смерти отца. (Прозваніе свое онъ получилъ, будучи ребенкомъ, отъ короля Сигизмунда Августа, который разъ засталъ его одинокимъ, покинутымъ нянею и плакавшимъ). Іезуиты постарались своими сѣтями опутать неопытнаго юношу; разсказываютъ, что они не остановились даже передъ грубымъ обманомъ въ родѣ подложнаго письма, будто бы написаннаго отцомъ Христофора передъ смертію, въ которомъ онъ выражаетъ свои сомнѣнія въ истинѣ протестантскаго ученія. Увѣщанія Скарги окончательно увлекли юношу. Несмотря на всѣ просьбы дяди своего Николая Рыжаго, Сиротка покинулъ кальвинизмъ и торжественно принялъ католичество. За нимъ послѣдовали и младшія братья: изъ нихъ Юрій поступилъ въ духовное званіе и былъ преемникомъ Валерьяна Протасевича (умершаго въ 1580 году) на виленской епископской каѳедрѣ; впослѣдствіи папа Григорій XIII возвелъ его въ санъ кардинала. Братья отличались теперь особою ревностью къ католицизму. Ревность эту они простерли до того, что Николай Сиротка скупалъ экземпляры протестантской Библіи, изданной его отцомъ, а его братъ епископъ приказывалъ публично жечь ихъ вмѣстѣ съ другими иновѣрческими книгами.

Примѣръ и поощреніе со стороны такой фамиліи, какъ Радивилы, владѣвшіе огромными помѣстьями и имѣвшіе массу кліентовъ, вызвали

многихъ подражателей и вообще сильно повліяли на дальнѣйшіе успѣхи католицизма въ борьбѣ съ реформаціей. Іезуиты, дотолѣ столь скромные и смиренные, теперь, почувствавъ свою силу, стали дѣйствовать рѣшительно и открыто. Число ихъ школъ и учениковъ быстро возрастало. Еще при жизни короля Сигизмунда Августа іезуиты укрѣпились въ Польшѣ и Литвѣ. А во время двукратнаго безкоролевья и краткаго царствованія Генриха Валуа они отлично пользовались для своихъ цѣлей тѣмъ, что вниманіе Николая Радивила Рыжаго и другихъ вожаковъ реформаціи было отвлечено борьбою политическихъ партій. Когда же королемъ сдѣлался Стефанъ Баторій, іезуиты съумѣли этого, дотолѣ равнодушнаго къ церковнымъ вопросамъ, человѣка обратить въ усерднаго своего покровителя. Они привлекли его на свою сторону въ особенности тѣмъ, что стали проповѣдывать противъ злоупотребленій политической свободы и въ пользу сильной монархической власти; а для укрѣпленія государства выставляли королю необходимость водворить единую католическую вѣру. Баторій возвелъ Виленскую іезуитскую коллегію на степень академіи, т. е. далъ ей право выпускать баккалавровъ, магистровъ, лиценціатовъ и докторовъ богословія, философіи и другихъ наукъ; однимъ словомъ, сравнялъ ее въ правахъ и привиллегіяхъ съ Краковской академіей (1579 г.). Литовскій канцлеръ Николай Радивилъ Рыжій (или Рудый) отказался приложить печать къ грамотѣ объ этомъ возведеніи коллегіи на высшую степень и объ ея привиллегіяхъ; литовскіе сенаторы объявили ихъ нарушеніемъ своихъ вольностей. Но король угрозами заставилъ подканцлера Евстафія Воловича приложить свою печать. Когда былъ взятъ Полоцкъ, король, по просьбѣ Скарги, основалъ въ немъ іезуитскій коллегіумъ, ректоромъ котораго былъ поставленъ тотъ же Скарга; на содержаніе этого коллегіума король назначилъ многіе городскіе дворы, принадлежавшіе разореннымъ православнымъ церквамъ, и нѣсколько поземельныхъ когда-то духовныхъ владѣній, отобранныхъ у разныхъ владѣльцевъ. Баторій и его любимецъ коронный канцлеръ Замойскій съ особымъ рвеніемъ ухватились за водвореніе іезуитовъ среди православнаго населенія; ибо понимали, что только помощію окатоличенія и ополяченія высшихъ слоевъ этого населенія можно было упрочить за Рѣчью Посполитой обладаніе Западнорусскими областями. Кромѣ Полоцка, Баторій основалъ іезуитскій коллегіумъ и въ Ригѣ. А Радивилъ Сиротка основалъ таковой же въ своемъ Несвижѣ, и на содержаніе его подарилъ богатое имѣніе.

Изъ дальнѣйшихъ многочисленныхъ совращеній въ католичество особенно важнымъ пріобрѣтеніемъ для него былъ Левъ Сапѣга, великій канцлеръ Литовскій. Онъ принадлежалъ къ православной семьѣ, но, воспитываясь въ Германіи, перемѣнилъ православіе на кальвинство; а въ 1586 году Скаргою былъ совращенъ въ католичество. Еще прежде него сдѣлался добычею іезуитовъ Янушъ, старшій сынъ знаменитаго ревнителя православія Константина Острожскаго. Находясь при дворѣ нѣмецкаго императора Максимильяна II, онъ подпалъ вліянію іезуитовъ и перешелъ въ католицизмъ, къ великому огорченію своего отца. Вообще, іезуиты, призванные въ Польшу и Литву собственно для борьбы съ реформаціей, не ограничились одною этою борьбою, и, заручившись нѣкоторымъ въ ней успѣхомъ, немедленно обратили свои усилія противъ русскаго православія, для чего они особенно воспользовались своими школами. Хотя въ Литовской Руси и были православныя школы при церквахъ и монастыряхъ, но обученіе въ нихъ рѣдко шло далѣе простой грамотности. А потому многіе достаточные родители, желая дать своимъ дѣтямъ болѣе высокое образованіе, начали посылать ихъ въ іезуитскія коллегіи и особенно въ Виленскую академію. Нѣкоторые ревнители православія, какъ напримѣръ извѣстный князь Курбскій, возставали противъ такого довѣрія іезуитамъ, и указывали на совращеніе въ латинство, грозившее ученикамъ отъ ихъ хитрыхъ учителей. Одни слушались этихъ увѣщаній; а другіе, обманутые смиреніемъ и ласкою іезуитовъ, не хотѣли видѣть ничего худого въ ихъ обученіи. ([91]).

Въ борьбѣ съ реформаціей много помогали іезуитамъ замѣтное и наступившее еще прежде охлажденіе знатныхъ вожаковъ реформаціи къ интересамъ религіознымъ, а также раздѣленіе протестантовъ на секты и ихъ взаимная вражда. Вообще реформація въ Польшѣ и Литвѣ находилась уже въ упадкѣ, когда явились здѣсь іезуиты; поэтому побѣда досталась имъ такъ легко. Православная же Западнорусская церковь, хотя и не страдала раздѣленіемъ на секты и явнымъ равнодушіемъ къ ней знатныхъ русскихъ фамилій, но находилась тогда въ такомъ бѣдственномъ состояніи, которое обѣщало хорошо организованному и богатому средствами католичеству легкую надъ нею побѣду.

Въ главныхъ чертахъ Западнорусская церковь, послѣ ея отдѣленія отъ Восточнорусской, сохраняла общій съ нею іерархическій

строй, общіе догматы и обряды. Но съ теченіемъ времени явилось не мало отличій, вытекавшихъ собственно изъ утраты политической самобытности Западноруссовъ. Межъ тѣмъ какъ въ Московской Руси церковь находилась подъ охраною православнаго правительства и не подвергалась напору иновѣрныхъ исповѣданій; въ Литовской Руси, наоборотъ, при иновѣрномъ правительствѣ она предоставлена была самой себѣ и принуждена находиться въ упорной борьбѣ, отчасти съ реформаціей, а главнымъ образомъ съ латинствомъ. Поэтому церковная іерархія здѣсь должна была искать опоры вообще въ народѣ, а особенно въ свѣтскихъ вельможахъ. Искала она также опоры и въ Цареградскомъ патріархѣ, признавая надъ собою его высшій авторитетъ; но по отдаленности своей онъ не могъ принимать постоянное участіе въ ея дѣлахъ. Хотя подобныя обстоятельства обусловили бо̀льшую степень самодѣятельности въ Западнорусской церкви, однако они неизбѣжно повлекли за собою и разныя церковныя неустройства. Главнымъ источникомъ сихъ послѣднихъ послужило слишкомъ частое и близкое вмѣшательство свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла. Особенно вредно отзывался на нихъ такъ наз. «патронатъ» или право знатныхъ людей завѣдывать церквами и монастырями, основанными на ихъ землѣ ими самими или ихъ предками; эти лица присвоили себѣ право вѣдать доходы и судъ въ имѣньяхъ означенныхъ церквей и монастырей, представлять кандидатовъ на должности ихъ священниковъ и настоятелей и даже передавать свои права другимъ лицамъ («право подаванья»). Такое право распоряжаться монастырскими или церковными доходами конечно вело ко многимъ злоупотребленіямъ и напоминало систему «кормленій» въ Московской Руси. Иногда потомки основателей («ктиторовъ») переходили въ латинство или въ кальвинизмъ; а между тѣмъ продолжали оставаться патронами православныхъ монастырей и храмовъ; откуда возникали еще большія злоупотребленія. Монастыри съ ихъ отчинами, угодьями и доходами отдавались въ пожизненное управленіе не только духовнымъ лицамъ, но и свѣтскимъ, которыя жили въ нихъ съ своими семьями, т. е. съ женами и дѣтьми, что служило соблазномъ для народа. Особенно вредно вліяло постоянное вмѣшательство иновѣрныхъ королей, отъ которыхъ прямо зависѣли наиболѣе значительные западнорусскіе монастыри, и они раздавали эти монастыри въ награду за службу лицамъ равно духовнымъ и свѣтскимъ. Неограничиваясь монастырями, польскіе короли, оба Сигизмунда и Бато-

рій, присвоили себѣ и самое назначеніе епископовъ и митрополита, которые до того выбирались духовною властью сообща съ народомъ. Помѣщеніе на церковныя каѳедры также сдѣлалось наградою за службу. Мало того, короли еще при жизни епископовъ стали назначать имъ преемниковъ, которые и пользовались частью доходовъ. Иногда такими кандидатами на епископскія каѳедры или «нареченными» епископами назначались прямо лица свѣтскія, еще не посвященныя въ духовное званіе.

Эти обстоятельства вносили сильную порчу въ западно-русскую церковную іерархію: она стала наполняться людьми жадными, корыстолюбивыми, думавшими не о церковныхъ дѣлахъ, а о своихъ доходахъ, и державшимися въ своемъ образѣ жизни привычекъ и обычаевъ свѣтскихъ вельможъ. Подобно послѣднимъ, они иногда буйствовали, заводили междоусобія, вооруженною рукою нападали на сосѣдей, производили наѣзды и грабежи. Яркіе примѣры подобныхъ іерарховъ представили во второй половинѣ XVI вѣка два западнорусскихъ епископа: Іона Красенскій и Ѳеодосій Лазовскій. Въ 1565 году за смертію епископа Іосифа освободилась каѳедра Владимірско-Брестская. На нее явились два претендента: шляхтичъ Иванъ Борзобогатый Красенскій и епископъ холмскій Ѳеодосій Лазовскій. Король Сигизмундъ Августъ выдалъ грамоту на эту каѳедру обоимъ соперникамъ, сначала Красенскому, какъ нареченному епископу, а потомъ и Лазовскому. Первый успѣлъ ранѣе захватить епископскій замокъ во Владимірѣ. Но Ѳеодосій явился съ многочисленнымъ вооруженнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ конницы и пѣхоты, съ пушками, и взялъ замокъ приступомъ. По жалобѣ Красенскаго, король позвалъ Лазовскаго на свой судъ; но тотъ не явился. Это былъ замѣчательно буйный и порочный пастырь. Онъ лично дѣлалъ наѣзды на сосѣднихъ помѣщиковъ, и производилъ разбой на большой дорогѣ, разорялъ церковныя имѣнія, а священниковъ, заявлявшихъ протесты, билъ своимъ посохомъ. При упадкѣ королевской власти и гражданскаго порядка въ Рѣчи Посполитой, подобныя дѣянія нерѣдко оставались безнаказанными. Лазовскій дожилъ до глубокой старости, и, съ согласія короля Баторія, передалъ Владимірскую епископію архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря Мелетію Хребтовичу Богуринскому. Тѣмъ временемъ бывшій соперникъ его Иванъ Красенскій получилъ отъ короля епархію Луцкую и Острожскую, съ званіемъ нареченнаго епископа; при чемъ прошло еще нѣсколько лѣтъ, пока онъ, по настоянію митрополита,

принялъ духовное посвященіе съ именемъ Іоны. Поведеніе его на каѳедрѣ было столь же соблазнительно какъ и Лазовскаго: имѣніями и доходами церковными онъ распоряжался какъ своею собственностію. Но кончилъ онъ не такъ благополучно. Получивъ въ свое владѣніе богатый Жидичинскій монастырь, Іона Красенскій принялся такъ его грабить и разорять, что король Стефанъ Баторій приказалъ отобрать у него монастырь и отдать другому лицу. Но Іона вздумалъ занять монастырь вооруженною силою и обороняться отъ посланнаго противъ него военнаго отряда. Однако онъ былъ побѣжденъ (1585 г.). Іона Красенскій умеръ баннитомъ, т. е. осужденнымъ на изгнаніе и лишеннымъ покровительства законовъ. Преемникомъ его на каѳедрѣ Луцко-Острожской Стефанъ Баторій назначилъ Кирилла Терлецкаго, дотолѣ епископа Пинскаго и Туровскаго, происходившаго изъ довольно знатной русской фамиліи. Этотъ Кириллъ Терлецкій вскорѣ явился однимъ изъ главныхъ дѣятелей церковной уніи.

Для обсужденія мѣръ противъ церковныхъ неустройствъ въ Литовской Руси собирались иногда духовные соборы также, какъ и въ Московской Руси. Соборы эти созывались съ соизволенія короля западно-русскимъ митрополитомъ, который именовался «Кіевскимъ, Галицкимъ и всея Руси»; хотя онъ рѣже всего жилъ въ Кіевѣ, а пребывалъ большею частію или въ столицѣ Литовской Руси, т. е. въ Вильнѣ, или въ Новогродкѣ. Постановленія сихъ соборовъ и попытки ихъ водворить церковную дисциплину большею частію оставались безплодными, при равнодушіи иновѣрнаго правительства къ интересамъ православія и при той слишкомъ недостаточной власти, которою въ дѣйствительности пользовался Кіевскій митрополитъ по отношенію къ другимъ епископамъ. Къ тому же и сами кіевскіе митрополиты, на выборъ которыхъ болѣе всего вліяли король и западнорусскіе вельможи, не всегда были людьми достойными. Однимъ изъ наименѣе достойныхъ является преемникъ митрополита Макарія, убитаго Татарами на пути изъ Вильны въ Кіевъ (1497 г.), Іосифъ Болгариновичъ, который оказался поборникомъ Флорентійской уніи и, по желанію великаго князя литовскаго Александра, уговаривалъ его супругу Елену Ивановну перейти въ католичество. Но онъ скоро умеръ. А въ числѣ наиболѣе достойныхъ западнорусскихъ архипастырей былъ Іосифъ Солтанъ, занимавшій митрополію въ первой четверти XVI вѣка. Но и этотъ ревностный, хорошо образованный іерархъ, находившій поддержку себѣ въ князѣ

Константинѣ Ивановичѣ Острожскомъ, самомъ могущественномъ изъ западнорусскихъ вельможъ того времени, не могъ воспрепятствовать королю Сигизмунду I и его супругѣ Бонѣ, чтобы они не раздавали русскія епархіи и русскіе монастыри въ кормленіе разнымъ панамъ и шляхтичамъ.

Неустройства Западнорусской церкви особенно усилились во второй половинѣ XVI вѣка, когда митрополичій престолъ занимали одинъ за другимъ: Сильвестръ Белькевичъ, бывшій королевскій «скарбникъ» (казначей) въ Вильнѣ, прямо изъ мірянъ сдѣлавшійся митрополитомъ; Іона Протасевичъ (можетъ быть, родственникъ помянутаго выше бискупа Валерьяна Протасевича); Илья Куча, возведенный на каѳедру также прямо изъ свѣтскихъ лицъ, и Онисифоръ Дѣвочка, поставленный вопреки канонамъ, такъ какъ былъ изъ двоеженцевъ.

Не малое вліяніе на разстроенное состояніе Западнорусской церкви оказало тоже самое движеніе, которое едва не сломило въ Польшѣ и Литвѣ церковь католическую, т. е. протестантизмъ; этимъ движеніемъ были увлечены многіе члены знатныхъ православныхъ фамилій, каковы Ходкевичи, Воловичи, Сапѣги, Вишневецкіе и др. Православные тѣмъ легче поддавались вліянію протестантовъ, что послѣдніе во-первыхъ являлись ихъ союзниками въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ, т. е. латинствомъ; а во-вторыхъ, протестантство привлекало къ себѣ сочувствіе потому, что возбуждало вездѣ умственное оживленіе, стремленіе къ заведенію школъ и типографій, и вообще вызывало просвѣтительное движеніе, т. е. дѣятельность научную и литературную. Изъ протестантскихъ исповѣданій не малый успѣхъ имѣла въ югозападной Руси секта антитринитаріевъ или социніанъ. Къ этой сектѣ примкнули послѣдователи пресловутой новгородско-московской ереси Жидовствующихъ. Около половины XVI вѣка во главѣ сей ереси, какъ извѣстно, явился Ѳеодосій Косой, который, спасаясь отъ наказанія, убѣжалъ изъ Московской Руси въ Литовскую, и здѣсь нашелъ себѣ очень многихъ послѣдователей, даже между священниками и другими духовными лицами.

Сильнымъ покровителемъ антитринитарской секты въ Литовской Руси былъ виленскій каштелянъ Янъ Кишка, женатый на дочери князя Константина Острожскаго; въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, литовскихъ и бѣлорусскихъ, онъ устраивалъ школы, заводилъ типографіи и во множествѣ издавалъ антитринитарскія сочиненія. Только послѣ его смерти (1593 года), съ переходомъ его богатыхъ

помѣстій въ другія руки, социніанство въ Литвѣ начало упадать. Въ ту же эпоху социніанство сильно распространилось и на Волыни, гдѣ особенно большой успѣхъ имѣли Ѳеодосій Косой и его товарищи. Извѣстный московскій выходецъ князь Курбскій, жившій въ томъ краю, жалуется, что въ то время «мало не вся Волынь заражена была язвою сего ученія». Самъ князь Острожскій, тесть Кишки, находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми антитринитаріями. Такъ, когда іезуитъ Петръ Скарга посвятилъ ему первое изданіе своего сочиненія объ уніи церквей, князь Острожскій поручилъ написать опроверженіе на эту тему нѣкоему Мотовилѣ, проповѣднику антитринитарства. Князь Курбскій, получивъ экземпляръ сего опроверженія, пришелъ въ негодованіе, и написалъ Острожскому укорительное посланіе за то, что тотъ учениковъ Фотина и Арія ставитъ защитниками православной церкви. Но эти укоризны не сдѣлали Острожскаго врагомъ антитринитаріевъ, которыхъ онъ уважалъ именно за ихъ стремленіе къ народному просвѣщенію. На Волыни социніанство процвѣтало еще долѣе чѣмъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи.

Изъ всѣхъ западно-русскихъ областей Галицкая или Червонная Русь наиболѣе выдавалась бѣдственнымъ положеніемъ православной церкви. Ранѣе другихъ присоединенная непосредственно къ Польшѣ, она до нѣкоторой степени уже подверглась ополяченію и окатоличенію. Это обстоятельство прежде всего отразилось на знатныхъ фамиліяхъ, такъ что въ XVI вѣкѣ мы почти не находимъ здѣсь православныхъ вельможъ, подобныхъ тѣмъ, которые явились сильной опорой православія въ Литовской Руси. Межъ тѣмъ какъ въ Львовѣ учреждена была католическая архіепископія; православная и обширная Галицко-Львовская епархія, вмѣщавшая въ себѣ и Подолію, послѣ присоединенія Галиціи къ Польшѣ оставалась безъ собственныхъ епископовъ въ теченіе болѣе полутора столѣтія, и ею вѣдали намѣстники Кіевскаго митрополита, на выборъ которыхъ вліяли сначала мѣстная свѣтская власть, а потомъ львовскіе католическіе архіепископы; причемъ священники отправлялись иногда для рукоположенія въ сосѣднюю Молдавію. При такомъ порядкѣ, разумѣется, латинское духовенство заняло здѣсь господствующее положеніе и латинская пропаганда развивалась почти безпрепятственно, а православіе терпѣло всякое униженіе. Наконецъ, по просьбѣ галицкихъ дворянъ и горожанъ, Сигизмундъ I дозволилъ поставить во Львовѣ православнаго епископа въ качествѣ викарія

Кіевскаго митрополита (1539). Около половины XVI столѣтія на Львовскую каѳедру избранъ былъ вдовый шляхтичъ Маркъ Балабанъ. Онъ еще при жизни своей выхлопоталъ у короля Сигизмунда II грамоту на то, чтобы послѣ его смерти епископія была передана его сыну Григорію, принявшему въ монашествѣ имя Гедеона. И дѣйствительно—хотя не тотчасъ по смерти отца—Гедеонъ Балабанъ впослѣдствіи получилъ Львовскую каѳедру, вопреки противодѣйствію католическаго архіепископа. Особенно сильное столкновеніе съ симъ архіепископомъ пришлось ему выдержать по поводу введенія Григоріанскаго календаря. Извѣстно, что папа Григорій XIII въ 1582 году ввелъ новый календарь. Король Стефанъ Баторій предписалъ принятіе сего календаря въ Польшѣ и Литвѣ всѣми жителями безъ различія вѣроисповѣданія. Но это распоряженіе встрѣтило сильный отпоръ со стороны православныхъ, которые объявляли, что подобный вопросъ подлежитъ рѣшенію вселенскаго патріарха, а никакъ не свѣтской власти. Цареградскій патріархъ Іеремія прислалъ окружную грамоту православному духовенству, убѣждая его не принимать новаго календаря и праздновать пасху по старому. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ латиняне вздумали силою принудить православныхъ къ его принятію. Такъ въ Львовѣ арцбискупъ Суликовскій велѣлъ, съ помощію вооруженнаго отряда, запечатать всѣ православныя церкви, чтобы помѣшать отправленію богослуженія въ праздники по старому календарю. Гедеонъ Балабанъ противъ этого насилія внесъ протестъ въ городскія книги. А потомъ на собиравшемся тогда Варшавскомъ сеймѣ позвалъ Суликовскаго къ отвѣту. Но тутъ, при посредствѣ нѣсколькихъ вельможъ, они заключили мировую; причемъ Суликовскій формально отказался отъ вмѣшательства въ дѣла православной Львовской епархіи. А король, при видѣ сильныхъ волненій, возбужденныхъ въ Русскомъ народѣ вопросомъ о новомъ календарѣ, отмѣнилъ свое распоряженіе и подтвердилъ православнымъ безпрепятственное сохраненіе ихъ обрядовъ и церковныхъ преданій.

Галицко-русскіе дворяне, прибывшіе вмѣстѣ съ Гедеономъ на Варшавскій сеймъ 1585 года, призывали сюда и митрополита Онисифора, чтобы совокупно защищать интересы православія. Митрополитъ обѣщалъ пріѣхать; однако же онъ самъ не пріѣхалъ, а прислалъ какіе-то «артикулы». Оскорбленные его поведеніемъ, помянутые дворяне отправили къ нему обличительное посланіе. Тутъ они яркими красками описывали его нерадѣніе о своей паствѣ и допу-

щенные имъ безпорядки въ церковныхъ дѣлахъ, вслѣдствіе чего православные терпятъ такія бѣды, какихъ прежде никогда не бывало, каковы: запечатаніе свв. церквей, отобраніе колоколовъ, отдача церквей въ аренду жидамъ или обращеніе ихъ въ латинскіе костелы, захватъ церковныхъ имуществъ; отдача монастырей семейнымъ людямъ, которые живутъ въ нихъ съ женами и дѣтьми; поставленіе недостойныхъ епископовъ безъ соборнаго избранія и пр. Въ связи съ послѣднимъ упрекомъ въ томъ же посланіи указанъ поразительный примѣръ безпорядка. Король Стефанъ назначилъ на Перемышльскую епископію нѣкоего тивуна Брыльскаго, человѣка «слову Божьему неученаго» и подданнаго Перемышльскаго старосты, который и распоряжается церковными имѣніями; ибо нареченный епископъ, какъ его подданный, не смѣетъ ему противорѣчить. Посланіе проситъ митрополита не посвящать его во епископа до слѣдующаго сейма, на которомъ обыватели земли Перемышльской и Самборской намѣрены представить королю и панамъ—радѣ о негодности сего лица. Но просьба галицкихъ обывателей осталась втунѣ. Брыльскій все-таки былъ посвященъ, и до самой своей смерти (1591 г.) управлялъ епископіей, которую оставилъ послѣ себя въ крайне разстроенномъ состояніи: всякая дисциплина среди мѣстнаго духовенства упала; священники нерѣдко были двоеженцами, вѣнчали беззаконные браки и легко расторгали законные, что весьма вредно вліяло на нравственность народную. Преемникомъ Брыльскаго на Перемышльской каѳедрѣ былъ Михаилъ Копыстенскій. О немъ Львовское братство писало цареградскому патріарху: «епископъ Холмскій тоже и Пинскій съ женами живутъ, еще же и Перемышльскій епископъ со женою на епископство возведенъ». «Каковы святители—пишетъ далѣе братство,—таковы и священники. Когда священниковъ (многобрачныхъ или развратно живущихъ) обличали на соборѣ передъ митрополитомъ, чтобы они отказались отъ священства, тѣ отвѣчали: пусть сперва святители откажутся отъ своего святительства и послушаютъ закона, тогда и мы ихъ послушаемъ».

Любопытное и вмѣстѣ отрадное явленіе представляетъ это Львовское братство.

Опасности, грозившія православію со стороны протестантства, а главнымъ образомъ со стороны іезуитовъ, пробудили его отъ дремоты и вызвали на энергичную борьбу, не смотря на разстроенное состояніе церковной іерархіи. Важнѣйшими орудіями для этой борьбы

явились братства и училища. Братства возникали и прежде въ Западной Руси подъ именемъ „медовыхъ"; они устраивались въ городахъ подъ вліяніемъ распространившагося Магдебургскаго права; но ихъ задачи ограничивались преимущественно матеріальною поддержкою нѣкоторыхъ церквей, больницъ и богадѣленъ. Теперь же они стали или преобразовываться, или вновь возникать, съ задачами преимущественно духовными и просвѣтительными, съ цѣлію приготовлять достойныхъ учителей и защитниковъ православія, заводить училища, устроивать типографіи, издавать книги и т. п. Во главѣ такихъ братствъ явились: Львовское при церкви Успенія и Виленское при Святотроицкомъ монастырѣ. Львовское братство существовало и прежде; но теперь оно было возобновлено и получило новый уставъ въ 1586 г. отъ антіохійскаго патріарха Іоакима, который посѣтилъ Западную Русь, путешествуя въ Москву за милостынею. Теперь всякій вступающій въ братство шляхтичъ или мѣщанинъ вносилъ въ братскую кружку шесть грошей, и затѣмъ давалъ извѣстное количество грошей въ годъ; братства обязывались помогать своимъ членамъ въ нуждѣ, провожать умершихъ братьевъ со свѣчами до могилы и т. п. Кромѣ того братству предоставлена была власть не только наблюдать за благочестіемъ міряпъ и духовныхъ, и въ случаѣ неисправленія ихъ доносить епископу, но и входить въ пререканія съ самимъ епископомъ, если онъ поступаетъ не по правиламъ свв. Апостоловъ и свв. Отцовъ. Цареградскій патріархъ Іеремія далъ Львовскому братству права ставропигіи, т. е. прямой зависимости отъ патріарха, а не мѣстнаго епископа. Эти права и привиллегіи не замедлили повести къ столкновеніямъ Львовскаго братства съ Гедеономъ Балабаномъ. Съ благословенія тѣхъ же патріарховъ, Львовское братство открыло свою школу и печатню, съ славянскимъ и греческимъ шрифтомъ. Въ школѣ этой обучали не только грамотности, но также грамматикѣ, реторикѣ, богословію и другимъ наукамъ, въ томъ числѣ языкамъ латинскому и греческому. Подобныя же школы и типографіи возникли въ Острогѣ, иждивеніемъ князя Константина Константиновича Острожскаго, и въ Вильнѣ при Святотроицкомъ братствѣ. Такимъ образомъ для Русскихъ явилась возможность получать образованіе почти равное съ тѣмъ, которое давалось въ протестантскихъ школахъ и іезуитскихъ коллегіяхъ. А это образованіе вскорѣ отразилось большимъ оживленіемъ русской духовной литературы, преимущественно полемической, направленной противъ латинской, іезуитской пропаганды. Изъ учителей

(дидаскаловъ) Львовской братской школы особенно выдавались Стефанъ Зизаній и Кириллъ Транквилліонъ. Зизаній кромѣ того стяжалъ себѣ извѣстность краснорѣчиваго церковнаго проповѣдника. ([92]).

Какъ ни трудна была борьба православія съ латинствомъ въ эпоху Сигизмунда Августа и Стефана Баторія, отличавшихся сравнительно вѣротерпимостію; но она сдѣлалась еще труднѣе въ царствованіе слѣдующаго короля, извѣстнаго своимъ католическимъ фанатизмомъ, Сигизмунда III.

Послѣдніе годы царствованія Стефана Баторія, кромѣ обычныхъ внутреннихъ неладовъ Рѣчи Посполитой, были ознаменованы вновь возникшею жестокою борьбою двухъ партій: съ одной стороны королевскаго любимца всемогущаго короннаго гетмана и канцлера Яна Замойскаго, съ другой—братьевъ Зборовскихъ, принадлежавшихъ къ весьма знатной и вліятельной польской фамиліи. Одинъ изъ этихъ братьевъ, буйный и безпокойный искатель приключеній, Самуилъ, за убійство сановника приговоренный къ баниціи еще при королѣ Генрихѣ Валуа, не обращая вниманія на сей приговоръ, продолжалъ являться на родинѣ, разъѣзжать по знакомымъ и пріятелямъ; причемъ носился съ какими то замыслами противъ короля и Замойскаго. Сей послѣдній, бывшій въ то же время краковскимъ старостою, воспользовался случаемъ, когда безпечный Самуилъ очутился въ предѣлахъ его староства; канцлеръ послалъ вооруженный отрядъ, чтобы схватить баннита и привести въ Краковскій замокъ, и здѣсь, съ согласія короля, велѣлъ отрубить ему голову (26 мая 1584 года). Эта необычная въ Польшѣ казнь знатнаго человѣка произвела большой шумъ среди польскихъ магнатовъ и шляхты; она вооружила противъ Замойскаго и самого Баторія семью Зборовскихъ со всѣми ихъ родственниками и кліентами. Но энергичный король и его канцлеръ смѣло продолжали начатую ими борьбу, пытаясь возстановить уваженіе къ закону и королевской власти среди своевольнаго сословія пановъ и шляхты. Въ слѣдующемъ 1585 году на сеймѣ въ Варшавѣ возбужденъ былъ судебный процессъ противъ другого изъ братьевъ Зборовскихъ, Кристофа, котораго обвиняли въ намѣреніи поднять противъ короля бунтъ, для чего онъ будто бы вступилъ въ сношенія съ Запорожьемъ, съ Германскимъ императоромъ и съ Московскимъ царемъ. Самъ Кристофъ на судъ не явился; несмотря на разныя протестаціи, онъ былъ приговоренъ къ лишенію чести и къ изгнанію (инфамія и баниція). Взявъ

на себя непосильную задачу подавить въ Рѣчи Посполитой партійную борьбу и возвысить королевскую власть, Баторій въ то же время замышлялъ вновь направить народъ или собственно шляхетское сословіе на борьбу съ внѣшними непріятелями и воодушевить его такимъ широкимъ и славнымъ предпріятіемъ какъ новая война съ Москвою, имѣвшая своею цѣлью уже покореніе цѣлаго Московскаго государства: ибо смерть Ивана Грознаго и наступившее царствованіе неспособнаго Ѳеодора Ивановича какъ бы давали надежду на то, что исполненіе подобнаго предпріятія не представитъ неодолимыхъ препятствій. А по завоеваніи Восточной Руси онъ задумывалъ въ соединеніи съ другими христіанскими государями ударить на грозную Оттоманскую державу.

Смерть застигла Стефана Баторія, какъ извѣстно, посреди этихъ химерическихъ замысловъ и приготовленій къ новой войнѣ. Онъ умеръ въ Гроднѣ 12 ноября 1586 года, имѣя только пятьдесятъ три года отъ роду, послѣ непродолжительной болѣзни; что подало поводъ къ слухамъ объ отравѣ, въ которой обвиняли одного изъ двухъ его врачей—итальянцевъ.

При наставшемъ безкоролевьѣ тотчасъ вступили во взаимную борьбу тѣ же двѣ главныя партіи, которыя рѣзко обозначились въ предыдущіе годы; во главѣ первой стоялъ гетманъ и канцлеръ Янъ Замойскій; во главѣ второй братья Зборовскіе, именно Янъ, каштелянъ Гнѣзненскій, и Андрей, маршалъ надворный. На Варшавскомъ сеймѣ конвокаційномъ въ февралѣ 1587 года, сторона Зборовскаго взяла верхъ, благодаря отчасти тому, что къ ней присталъ архіепископъ Гнѣзненскій или примасъ, престарѣлый Карнковскій—высшая власть во время безкоролевья. Андрей Зборовскій какъ надворный маршалъ руководилъ обрядами на этомъ сеймѣ. Въ сенатѣ главною опорою сей партіи былъ Гурка, воевода Познанскій, а въ посольской избѣ краснорѣчивый референдарій Чарнковскій (отличавшійся на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года); послѣдній, хотя уже слѣпой, громилъ своими рѣчами Замойскаго, и требовалъ назначить надъ нимъ судъ за несправедливыя наказанія двухъ братьевъ Зборовскихъ. Но гетманъ воспользовался находившимися въ его распоряженіи военными силами Рѣчи Посполитой, и занялъ грозное положеніе по отношенію къ своимъ противникамъ. Партія Зборовскихъ, еще прежде имѣвшая связи съ Австрійскимъ дворомъ, выставила кандидатомъ на польскій престолъ одного изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Этого кандидата поддерживалъ и папскій

легатъ архіепископъ Аннибалъ Капуанскій. А партія Замойскаго, подчиняясь желанію вдовой королевы Анны Ягеллонки, стала за ея племянника шведскаго королевича Сигизмунда (сынъ короля Іоанна Вазы и Екатерины Ягеллонки).

Въ то время какъ Поляки раздѣлились между двумя претендентами на престолъ, литовскіе или собственно западнорусскіе паны и шляхта склонялись на сторону третьяго претендента, царя Московскаго, и охотно вступили въ переговоры по сему поводу съ московскими боярами. Ивана Грознаго, который устрашалъ ихъ своею свирѣпостію, не было теперь въ живыхъ, а соединеніе съ Восточной Русью представляло имъ многія выгоды. Въ Москвѣ весьма опасались избранія шведскаго королевича, которое могло повести за собою соединеніе Польско-Литовскаго государства со Шведскимъ, и потому отправили на сеймъ большое посольство, во главѣ котораго стояли бояринъ Степанъ Годуновъ, князь Ѳедоръ Троекуровъ и дьякъ Василій Щелкаловъ. Московское правительство обѣщало въ случаѣ избранія Ѳеодора Ивановича не нарушать ни въ чемъ шляхетскихъ вольностей, жаловать пановъ землями въ собственномъ государствѣ, уплатить долгъ Баторія наемному венгерскому войску (100,000 золотыхъ) и т. п. Съ своей стороны литовскіе паны объявили посламъ, что для выбора Ѳеодора нужно преодолѣть только три препятствія или, какъ они выражались, «пересѣчь три колоды», воздвигаемыя со стороны польскихъ пановъ. Послѣдніе требовали: 1) чтобы государь короновался въ Краковѣ, въ католическомъ соборѣ; 2) чтобы въ титулѣ своемъ писался прежде королемъ Польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ, и 3) чтобы перемѣнилъ свою вѣру на католическую. И на сей разъ, какъ при Грозномъ, Московское правительство не хотѣло сорить деньги на подкупы; посольство его ограничивалось одними переговорами и обѣщаніями. Тѣмъ не менѣе, когда передъ избирательнымъ сеймомъ въ полѣ подъ Варшавой выставлено было три знамени, московское съ шапкою наверху, австрійское со шляпою и шведское съ сельдемъ, то значительная часть шляхты собралась вокругъ московскаго знамени. Но едва начались переговоры пословъ съ польскими панами и съ литвинами-католиками, какъ тотчасъ оказалось, что пересѣчь три означенныя колоды не было никакой возможности. Въ особенности о перемѣнѣ религіи московскіе уполномоченные не хотѣли и слышать; а потому переговоры съ ними кончились только продолженіемъ перемирія.

Такимъ образомъ избирательная борьба сосредоточилась около двухъ претендентовъ, австрійскаго и шведскаго. Обѣ стороны явились на элекційный сеймъ подъ защитою вооруженной силы. Однажды дѣло почти дошло до битвы вокругъ сенаторской шопы или палатки, стоявшей посреди поля. Только усиліями примаса удалось въ самомъ началѣ прекратить эту битву. Послѣ того Карнковскій велѣлъ сжечь окровавленную шопу. Самъ онъ перешелъ на сторону Замойскаго, и тѣмъ далъ ей рѣшительный перевѣсъ. 19 августа (новаго стиля) 1587 года коло Замойскаго, состоявшее главнымъ образомъ изъ Малополянъ съ Южноруссами, выкрикнуло королемъ Сигизмунда; Литва пристала къ нему какъ къ потомку своей любимой династіи. Примасъ съ гетманомъ отправился въ костелъ св. Яна, гдѣ и отправилъ благодарственный молебенъ въ честь новоизбраннаго короля. Но коло Зборовскихъ, состоявшее наиболѣе изъ Великополянъ, не признало этого выбора; а спустя три дня, выкрикнуло королемъ эрцгерцога Максимиліана, одного изъ братьевъ императора Рудольфа II. Между тѣмъ Замойскій установилъ съ шведскими послами условія или такъ наз. pacta conventa. Главное условіе состояло въ томъ, чтобы шведское правительство заключило съ Польшею прочный миръ и отдало бы ей Эстонію. Оба принца, и Сигизмундъ и Максимиліанъ, приняли выборъ и согласились на предложенныя каждому условія. Теперь предстоялъ вопросъ, кто изъ нихъ успѣетъ прежде другого прибыть въ Краковъ и короноваться. Максимиліанъ былъ гораздо ближе; съ небольшимъ войскомъ онъ двинулся въ Польшу въ надеждѣ на сильныя подкрѣпленія отъ своихъ польскихъ сторонниковъ. Онъ уже подошелъ къ самому Кракову; но Замойскій не дремалъ и приготовился къ энергичному отпору. Отбитый послѣ неудачнаго приступа, Максимиліанъ отступилъ къ Ченстохову, гдѣ сталъ ожидать новыхъ подкрѣпленій. Въ это время Сигизмундъ высадился въ Данцигѣ; отсюда подъ прикрытіемъ военнаго отряда поспѣшилъ въ Краковъ, куда и прибылъ благополучно. Коронованіе его здѣсь совершено было примасомъ Карнковскимъ 28 декабря того же 1587 года (январскаго). Послѣ того сторона Максимиліана стала замѣтно уменьшаться; многіе Поляки покидали ее и отправлялись къ новому королю искать его милостей. Замойскій съ значительной силой выступилъ въ походъ противъ Максимиліана. Послѣдній отступилъ въ Силезію и сталъ подъ Бычиномъ. Замойскій смѣло перешелъ границу, напалъ на противниковъ и разбилъ ихъ (13 января 1588 г.). На полѣ Бычинской битвы

найдено было 1800 труповъ съ подбритыми головами по польскому и венгерскому обычаю и 1200 съ остриженными по-нѣмецки. Вслѣдъ затѣмъ Замойскій осадилъ замокъ Бычинъ, гдѣ заперся было Максимиліанъ, и эрцгерцогъ принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ. Впослѣдствіи, по настояніямъ Австрійскаго двора и Римской куріи, онъ былъ отпущенъ изъ плѣна, и хотя, вопреки условію, продолжалъ титуловать себя королемъ польскимъ, но безъ всякой для себя пользы. Побѣда подъ Бычиномъ утвердила польско-литовскую корону на головѣ Сигизмунда III.

Въ лицѣ молодого шведскаго принца на польско-литовскомъ престолѣ возсѣла явная умственная ограниченность, соединенная съ слѣпою преданностью папству и католической церкви. Такими рѣзкими чертами опредѣлился характеръ всего этого долговременнаго царствованія. Рѣчь Посполитая не пріобрѣла никакихъ существенныхъ выгодъ отъ сего выбора: главное его условіе, т. е. отдача Эстоніи—которая соединила бы всѣ земли бывшаго Ливонскаго Ордена подъ польскимъ владычествомъ—не было исполнено Шведскимъ королемъ, и самый союзъ съ Швеціей не только не состоялся; а, напротивъ, потомъ отказъ Шведовъ-протестантовъ признать своимъ королемъ Сигизмунда какъ ревностнаго католика повелъ къ враждебнымъ отношеніямъ двухъ странъ. Своею ненаходчивостью, а также наружной неподвижностью и чопорностью, новый король съ самаго начала произвелъ въ Польшѣ непріятное впечатлѣніе. При первомъ же свиданіи съ нимъ, Замойскій былъ пораженъ упорнымъ молчаніемъ и холодностію двадцатилѣтняго Сигизмунда, такъ что, обратясь къ одному изъ своихъ пріятелей, замѣтилъ: «что за нѣмого послали намъ черти»! Этотъ самый Замойскій, которому Сигизмундъ былъ обязанъ своею короною, первый испыталъ на себѣ его черную неблагодарность. Недоброхоты канцлера начали внушать королю, что сила и значеніе сего вельможи затмѣваютъ самую королевскую особу и что онъ явно стремится подчинить короля своему постоянному вліянію. Сигизмундъ далъ вѣру этимъ внушеніямъ, подъ разными предлогами началъ удалять отъ двора главныхъ приверженцевъ канцлера, а потомъ своимъ явнымъ пренебреженіемъ заставилъ отдалиться и его самого, особенно послѣ своего брака съ австрійской эрцгерцогиней Анной—брака, которому тщетно противилась польско-патріотическая партія Замойскаго. Самыми приближенными къ королю и вліятельными лицами сдѣлались его придворные ксендзы-іезуиты, между которыми находился

также извѣстный Петръ Скарга. Вліяніе ихъ не замедлило отразиться на отношеніяхъ новаго короля къ диссидентамъ вообще и къ православной Руси въ частности ([93]).

Хотя при своей коронаціи въ Краковѣ Сигизмундъ III, въ числѣ другихъ пунктовъ, присягнулъ охранять свободу вѣроисповѣданія диссидентамъ или не католикамъ, однако присяга эта нисколько не стѣснила его вскорѣ потомъ начать долгій, неустанный походъ противъ русскаго православія; при чемъ онъ явился усерднымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ главныхъ совѣтниковъ, іезуитовъ.

Люблинская унія 1569 года, укрѣпляя политическое объединеніе Западной Руси съ Польшею, естественно открывала широкіе пути для вліянія сей послѣдней на первую въ культурномъ отношеніи, а слѣдовательно и въ области религіозной. Успѣшно совращая знатные роды изъ протестанства и православія въ католичество, іезуиты не захотѣли уже ограничиться высшимъ сословіемъ, а задумали и весь Русскій народъ въ церковномъ отношеніи подчинить папскому престолу. Такъ какъ попытка общаго и прямаго обращенія въ католичество могла вызвать народные волненія и мятежи, то они обратились къ мысли о единеніи церквей, т. е. снова подняли вопросъ объ осуществленіи Флорентійской уніи. Съ этою цѣлью извѣстный Скарга еще въ томъ же 1569 году сочинилъ книгу «О единствѣ церкви Божіей подъ однимъ пастыремъ и о греческомъ отъ сего единства отступленіи». Сія книга была два раза издана на польскомъ языкѣ (въ 1577 и 1590 гг.). Первое ея изданіе посвящено князю Константину Константиновичу Острожскому, а второе королю Сигизмунду III. Такъ какъ предлагаемая унія оставляла православнымъ ихъ обряды и богослуженіе на церковнославянскомъ языкѣ, а только требовала признаніе папскаго главенства, то она была встрѣчена благодушно многими православными. Самъ извѣстный ревнитель православія князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, съ обычною своею близорукостію, въ началѣ относился къ этой мысли благосклонно, надѣясь съ помощію Римской куріи водворить порядокъ и благочиніе въ сильно разстроенной западнорусской іерархіи. Но мысль о церковной уніи прозябала до тѣхъ поръ, пока на польскомъ престолѣ не явился подходящій для нея король, т. е. Сигизмундъ III. Тогда она быстро пошла къ своему осуществленію, и скоро нашла себѣ усердныхъ сотрудниковъ въ средѣ самихъ западнорусскихъ іерарховъ.

Въ 1588 году произошло, небывалое дотолѣ, посѣщеніе Руси

цареградскимъ патріархомъ, котораго верховную власть надъ собою издревле признавала русская іерархія. Патріархъ Іеремія, предпринявъ извѣстную поѣздку въ Москву, направилъ свой путь на Польшу и Литву; такъ какъ при посредствѣ канцлера Яна Замойскаго получилъ отъ короля грамоту на свободный проѣздъ чрезъ эти страны. Онъ остановился въ Вильнѣ, гдѣ былъ принятъ православными жителями съ большимъ почетомъ и гдѣ собственною печатью подтвердилъ представленный ему уставъ недавно возникшаго Святотроицкаго братства. Іеремія на сей разъ недолго оставался въ Литовской Руси: онъ спѣшилъ въ Москву. Прошло не менѣе года, когда онъ на обратномъ пути изъ Москвы вновь остановился въ Вильнѣ и на болѣе продолжительное время. Теперь онъ дѣятельно занялся приведеніемъ въ порядокъ сильно разстроенной Западнорусской митрополіи, получивъ на то разрѣшеніе отъ короля Сигизмунда III. Первымъ дѣломъ патріарха было собраніе въ Вильнѣ духовнаго собора и низложеніе недостойнаго митрополита Онисифора Дѣвочки. Это низложеніе впрочемъ совершено было косвеннымъ образомъ: Іеремія издалъ окружную грамоту, повелѣвающую удалить отъ священнослуженія всѣхъ двоеженцевъ и троеженцевъ; а такъ какъ митрополитъ оказался двоеженцемъ, то и его соборнымъ декретомъ принудили оставить каѳедру, въ двадцатыхъ числахъ іюля 1589 года. А въ первыхъ числахъ августа, на митрополію «Кіевскую и всея Руси» былъ посвященъ въ виленскомъ Пречистенскомъ соборѣ архимандритъ минскаго Вознесенскаго монастыря Михаилъ Рагоза, назначенный самимъ королемъ Сигизмундомъ III, будто бы по просьбѣ «пановъ рады и рыцарства великаго княжества Литовскаго». Существуютъ подозрѣнія, что это лицо заранѣе намѣчено было іезуитами и указано королю, какъ наиболѣе подходящее по своему характеру къ ихъ цѣлямъ. Патріархъ, хотя и неохотно, но принужденъ былъ утвердить выборъ короля. Слыша неодобрительные отзывы о новомъ митрополитѣ, онъ вздумалъ поправить дѣло тѣмъ, что рядомъ съ нимъ учредилъ санъ своего экзарха или намѣстника, съ которымъ митрополитъ долженъ былъ дѣлиться своею властію. И въ этотъ санъ возвелъ никого иного, какъ умѣвшаго ему понравиться ловкаго, пронырливаго («лукаваго аки бѣсъ», по выраженію лѣтописца) епископа луцкаго Кирилла Терлецкаго. Но вмѣсто исправленія первой онъ сдѣлалъ другую ошибку. Михаилъ Рагоза остался крайне недоволенъ такимъ умаленіемъ своей власти и оказаннымъ ему недовѣріемъ; что конечно могло только предрасполо-

жить его къ отпаденію отъ греческой патріархіи. Посвященіе Кирилла въ экзархи Іеремія совершилъ во время своего пребыванія въ Брестѣ. А отсюда онъ отправился гостить въ Замостье, къ канцлеру Яну Замойскому, и здѣсь продолжалъ заниматься разборомъ разныхъ тяжбъ. Между прочимъ онъ разсмотрѣлъ взаимныя жалобы и пререканія львовскаго Успенскаго братства и львовскаго епископа Гедеона Балабана, за обладаніе Онуфріевскимъ монастыремъ; сначала принялъ сторону епископа и осудилъ братчиковъ, а потомъ наоборотъ осудилъ Гедеона и оправдалъ братство, признавъ его своимъ ставропигіальнымъ или независимымъ отъ мѣстнаго епископа. Въ то же время онъ сначала повѣрилъ доносамъ Гедеона на Кирилла Терлецкаго и подписалъ противъ него какія-то грамоты; а потомъ, выслушавъ оправданія Терлецкаго, выдалъ грамоту въ его пользу противъ Гедеона. Вообще патріархъ Іеремія во время своего пребыванія въ Литвѣ и Польшѣ обнаружилъ явное невѣдѣніе и непониманіе мѣстныхъ лицъ и обстоятельствъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ исправленіями нѣкоторыхъ противуканоническихъ обычаевъ Западнорусской митрополіи,онъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ промаховъ и оставилъ здѣсь дѣла едва-ли не болѣе запутанными, чѣмъ прежде, а отношенія еще болѣе обострившимися. Его промахами конечно не замедлили воспользоваться двигатели и поборники церковной уніи. Любопытно также, что патріархъ охотно принималъ гостепріимство ревностнаго католика Яна Замойскаго; тогда какъ невидно, чтобы во время своего посѣщенія Западной Руси онъ входилъ въ близкія сношенія съ главнымъ ревнителемъ православія княземъ Константиномъ Острожскимъ.

По отъѣздѣ патріарха западнорусскіе архіереи почти ежегодно съѣзжались на соборъ въ Брестѣ Литовскомъ для устраненія церковныхъ безпорядковъ и для рѣшенія разныхъ спорныхъ вопросовъ; но соборы эти, не достигая своей прямой цѣли, подвинули только вопросъ объ уніи. Первымъ изъ русскихъ іерарховъ-отщепенцевъ на этомъ поприщѣ выступилъ Кириллъ Терлецкій.

Около того времени епископъ Луцкій и Острожскій, въ санѣ экзарха, Кириллъ подвергся разнымъ преслѣдованіямъ со стороны свѣтскихъ властей. Особенно вооружился противъ него луцкій староста Александръ Семашко, незадолго совращенный изъ православія въ латинство. Староста, напримѣръ, на Страстную субботу и Свѣтлое воскресеніе приставилъ къ воротамъ архіерейскаго дома стражу,

которая ничего и никого не пропускала къ епископу, такъ что последній сидѣлъ какъ бы въ заключеніи, терпѣлъ голодъ и холодъ; а Семашко между тѣмъ въ притворѣ соборной церкви забавлялся танцами и музыкой. Или онъ подъ самыми ничтожными предлогами требовалъ епископа къ себѣ на судъ, глумился надъ нимъ, подвергалъ побоямъ его довѣренныхъ лицъ и т. п. Кириллъ нигдѣ не находилъ управы; самъ князь Острожскій не оказывалъ ему никакой защиты, потому что враги постарались возстановить князя противъ епископа, обвиняя послѣдняго (и отчасти справедливо) въ крайне безнравственномъ образѣ жизни. Въ этихъ дѣйствіяхъ явно проглядывалъ извѣстный преднамѣренный планъ, кѣмъ то внушенный Семашкѣ и другимъ притѣснителямъ православнаго духовенства. Возможно, что этотъ планъ возникъ не безъ участія латинскаго епископа въ Луцкѣ Бернарда Маціевскаго, одного изъ дѣятельныхъ подготовителей церковной уніи. Такой образъ дѣйствія увѣнчался успѣхомъ: честолюбивый, привязанный къ роскоши и удобствамъ жизни, Кириллъ Терлецкій не выдержалъ, и сдѣлался поборникомъ уніи. Во время Брестскаго духовнаго собора 1591 года вдругъ появляется грамота, помѣченная 24 іюня и составленная отъ имени четырехъ православныхъ епископовъ: трое изъ нихъ, Гедеонъ Львовскій, Леонтій Пинскій и Діонисій Холмскій, уполномочиваютъ четвертаго, епископа луцкаго и экзарха Кирилла, заявить королю о своемъ желаніи поддаться подъ власть святѣйшаго папы Римскаго, признать его истиннымъ намѣстникомъ св. Петра и единымъ верховнымъ пастыремъ. Но грамота эта не тотчасъ сдѣлалась извѣстною. Очевидно происходили какіе-то таинственные переговоры, и только въ маѣ слѣдующаго 1592 года появился отвѣтъ короля на означенную грамоту. Король выражалъ свою радость по поводу желанія епископовъ, обѣщалъ имъ свое покровительство и всякія льготы. Любопытно, что около этого времени не только прекратились враждебныя дѣйствія старосты Семашки противъ Кирилла Терлецкаго; но они однажды вмѣстѣ прибыли въ городской Владимірскій судъ, гдѣ заявили о своемъ примиреніи и уничтожили всѣ происходившія между ними тяжбы. Съ своей стороны король, руководимый іезуитами, ловко поддерживалъ взаимныя распри православныхъ. Такъ, обѣщая Гедеону Балабану, какъ одному изъ сторонниковъ уніи, всякія льготы и милости, онъ въ то же время въ спорѣ епископа съ Львовскимъ братствомъ объ Онуфріевскомъ монастырѣ при-

нялъ сторону братства; чѣмъ еще болѣе вооружилъ ихъ другъ на друга.

Въ 1593 году сторонники уніи получили важное подкрѣпленіе въ лицѣ епископа Потѣя. Адамъ Потѣй происходилъ отъ благородныхъ и православныхъ родителей, въ молодости служилъ нѣкоторое время у главы литовскаго протестантства князя Николая Чернаго Радивила, и принялъ протестантизмъ. Отъ Радивила Адамъ Потѣй перешелъ на королевскую службу, и впослѣдствіи получилъ званіе брестскаго судьи, а потомъ кастеляна и сенатора. Хотя онъ и воротился въ православіе, но обнаруживалъ большую наклонность къ уніи. По этому, когда умеръ Мелетій Хребтовичъ, епископъ Владимірскій и Брестскій и вмѣстѣ архимандритъ Кіево-Печерской Лавры, каѳедру его предложили Брестскому кастеляну. Переходъ изъ свѣтскаго званія прямо на епископство, какъ мы видѣли, въ тѣ времена не былъ рѣдкостью въ Западной Руси, соединенной съ Польшею. Кириллъ Терлецкій постригъ Потѣя въ монашество и нарекъ его Ипатіемъ; а затѣмъ онъ возведенъ былъ въ санъ Владимірскаго епископа, на что король охотно далъ свое согласіе. Въ это время и князь Константинъ Острожскій дружилъ съ Потѣемъ. Князь не только зналъ его мысли объ уніи, но и самъ поддерживалъ эти мысли. Онъ даже побуждалъ новаго епископа выступить на слѣдующемъ Брестскомъ соборѣ съ проектомъ единенія церквей. Только князь Острожскій понималъ это единеніе по своему; онъ не только требовалъ сохраненія за Восточною церковью всѣхъ ея обрядовъ и имуществъ, а также уравненія православныхъ епископовъ съ латинскими въ правахъ политическихъ (участія ихъ въ сенатѣ и на сеймахъ), но считалъ непремѣннымъ условіемъ уніи, чтобы она состоялась съ согласія іерарховъ греческихъ, московскихъ, волошскихъ и вообще всѣхъ православныхъ. Онъ мечталъ о дѣйствительномъ единеніи церквей, Восточной и Западной, а не о подчиненіи только Западнорусской церкви папскому престолу. Онъ даже предлагалъ Потѣю отправиться въ Москву для переговоровъ объ этомъ великомъ дѣлѣ. Потѣй отвѣчалъ ему уклончиво; ибо нисколько не раздѣлялъ подобныхъ утопій; но пока скрывалъ отъ него свои настоящія мысли и намѣренія.

Любопытны происходившія въ то время сильныя распри Гедеона Балабана съ львовскимъ Успенскимъ братствомъ изъ за владѣнія нѣкоторыми церквами и имуществами. Духовные соборы, собиравшіеся въ Брестѣ, неоднократно занимались рѣшеніемъ сихъ распрей,

но безъ успѣха. Михаилъ Рагоза, возмущенный тѣмъ, что епископъ львовскій Гедеонъ, будучи собственно его викаріемъ, не хотѣлъ подчиниться въ этихъ спорахъ ни его авторитету, ни самому патріарху, призывалъ Гедеона на судъ передъ соборомъ 1593 года; но Гедеонъ не явился. Тогда соборъ произнесъ отлученіе Гедеона съ запрещеніемъ архіерействовать. Тотъ не подчинился соборному опредѣленію. На слѣдующемъ соборѣ 1594 года митрополитъ торжественно въ храмѣ повторилъ отлученіе Гедеона. Но послѣдній не обращалъ никакого вниманія на эти отлученія, ибо они не были поддержаны какою либо исполнительною властью: Гедеонъ, какъ одинъ изъ четырехъ епископовъ, подписавшихъ свое согласіе на унію, находился тогда подъ покровительствомъ короля.

Со времени сей подписи прошло уже три года; а дѣло объ уніи какъ будто заглохло; на соборахъ въ теченіе этого времени о ней не было и рѣчи. Но, по всѣмъ признакамъ, втайнѣ происходили дѣятельные переговоры и совершались приготовленія. Эти тайные переговоры велись конечно съ главными дѣятелями подготовлявшейся уніи, Кирилломъ Терлецкимъ, Ипатіемъ Потѣемъ и Михаиломъ Рагозою. Но митрополитъ, по своему робкому уклончивому характеру, долго не рѣшался выступить открыто подъ знаменемъ уніи и пока тщательно скрывалъ отъ русскихъ вельможъ и отъ народа замышляемое отступничество. Открытый починъ въ этомъ дѣлѣ взяли на себя Терлецкій и Потѣй. Сначала епископъ Луцкій въ маѣ 1594 года, вмѣстѣ съ своими клирошанами (или капитулою), явясь во владимірскій городской урядъ для залога одного имѣнія своей каѳедры, письменно заявилъ, что этотъ залогъ онъ дѣлаетъ съ разрѣшенія короля на путевыя издержки: ибо король посылаетъ его, Терлецкаго, въ Римъ вмѣстѣ съ епископомъ владимірскимъ Ипатіемъ Потѣемъ, дабы они засвидѣтельствовали святѣйшему папѣ свою покорность по поводу совершившагося давно желаннаго соединенія церквей, Восточной и Западной. Этотъ первый шагъ повидимому не вызвалъ особаго противодѣйствія со стороны духовенства и мірянъ, и какъ будто не былъ ими замѣченъ. Тогда послѣдовалъ второй шагъ. Въ декабрѣ того же 1594 года Терлецкій и Потѣй отъ имени всѣхъ русскихъ епископовъ написали грамоту или постановленіе о своемъ соединеніи съ Римскою церковью подъ однимъ верховнымъ архипастыремъ, т. е. святѣйшимъ папою. Но обоимъ составителямъ грамоты потомъ стоило многихъ хлопотъ и усилій, чтобы убѣдить другихъ епископовъ подписаться подъ нею.

Позднѣе всѣхъ далъ свое формальное согласіе на унію митрополитъ Рагоза, но просилъ Терлецкаго объ этомъ согласіи пока хранить молчаніе. Терлецкій и Потѣй послѣ того ѣздили въ Краковъ къ королю съ условіями или артикулами, на которыхъ епископы принимали унію. Гедеонъ Балабанъ также приступилъ къ сему акту. Мало того, въ январѣ слѣдующаго 1595 года онъ собралъ у себя во Львовѣ епархіальное духовенство, которое склонилъ также подписаться на унію. Около того времени онъ примирился съ митрополитомъ Рагозою, который снялъ съ него запрещеніе святительствовать и далъ ему свою благословенную грамоту.

Какъ ни старался митрополитъ Рагоза скрывать свое участіе въ дѣлѣ уніи; но наконецъ это участіе должно было обнаружиться. Въ іюнѣ 1595 года подписаны были митрополитомъ и епископами окончательные и подробные артикулы или условія уніи и кромѣ того соборное посланіе къ папѣ. Въ послѣднемъ іерархи изъявляли свое согласіе на унію и признавали папу верховнымъ пастыремъ, о чемъ передать ему уполномочивали двухъ своихъ братій, епископовъ Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. Что же касается до артикуловъ, имѣвшихъ поступить на утвержденіе папы и короля, то важнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: относительно догмата о Св. Духѣ уніаты предлагаютъ исповѣдывать, что Онъ исходитъ отъ Отца *чрезъ Сына*. Сохраняя за собою всѣ обряды Восточной церкви, они особенно настаиваютъ на сохраненіи причащенія подъ обоими видами и супружества священниковъ; просятъ, чтобы митрополитъ и епископы получили мѣста въ сенатѣ наравнѣ съ латинскими бискупами; чтобы церковными имуществами никто не смѣлъ распоряжаться безъ согласія епископа и капитулы, и чтобы имѣнія, незаконно захваченныя свѣтскими людьми, были возвращены церкви; чтобы на вакантныя каѳедры духовенство выбирало четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного утверждаетъ король, и т. д.

Когда разнеслась вѣсть, что митрополитъ и епископы окончательно подписались на унію и отправляютъ двухъ уполномоченныхъ въ Римъ, когда сдѣлались извѣстны и самыя условія этой уніи, въ Литовской Руси произошло сильное волненіе, конечно уже подготовленное и прежними слухами о замышляемой измѣнѣ православію. Съ разныхъ сторонъ раздались громкіе протесты. Во главѣ протестующихъ стали два знатнѣйшихъ русскихъ сановника: князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій, и Ѳе-

доръ Скуминъ-Тышкевичъ, воевода Новогродскій. (Митрополитъ, имѣвшій тогда главное пребываніе въ Новогродкѣ Литовскомъ, особенно опасался сего послѣдняго воеводы и долго скрывалъ отъ него свое отступничество). Князь Острожскій, дотолѣ попускавшій обманывать себя насчетъ истиннаго значенія уніи, теперь, когда увидалъ, что это совсѣмъ не та унія, о которой онъ думалъ, и что объ общемъ дѣйствіи съ другими православными церквами нѣтъ и помину, пришелъ въ сильное негодованіе и разразился энергичнымъ воззваніемъ къ православнымъ жителямъ Литвы и Польши. Тутъ митрополита и епископовъ онъ называетъ мнимыми пастырями, волками, сравниваетъ ихъ съ христопродавцемъ Іудою, и извѣщаетъ всѣхъ объ ихъ измѣнѣ. Послѣ того Острожскій, по просьбѣ Скумина, началъ ходатайствовать передъ королемъ о созваніи собора, на которомъ православные міряне вмѣстѣ съ своимъ духовенствомъ могли бы обсудить начатое епископами дѣло уніи. Сигизмундъ сначала было согласился, но потомъ отказалъ; ибо ему донесли, что соборъ можетъ обратиться не въ пользу, а противъ уніи, въ виду начавшагося противъ нея движенія. Одинъ изъ первыхъ сторонниковъ уніи, львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, также былъ захваченъ этимъ движеніемъ и послѣдовалъ увѣщаніямъ князя Острожскаго. При его посредствѣ онъ постарался прекратить свои споры съ львовскимъ Успенскимъ братствомъ и помириться съ нимъ. Въ то же время, 1-го іюля, онъ явился въ городской владимірскій урядъ, и тутъ въ присутствіи князя внесъ въ актовыя книги протестъ противъ уніи. При семъ свою подпись подъ нѣкоторыми грамотами, выражавшими согласіе епископовъ на унію, Гедеонъ объяснилъ простымъ подлогомъ: онъ будто бы вмѣстѣ съ другими епископами давалъ экзарху Кириллу Терлецкому бланкеты, т. е. чистые листы съ своими подписями и печатями, для того, чтобы на этихъ листахъ представить королю разныя жалобы на притѣсненія отъ латинянъ; а Терлецкій воспользовался ими, чтобы написать на нихъ постановленія относительно уніи. Подобное объясненіе конечно не заслуживаетъ никакого вѣроятія и противорѣчитъ положительнымъ даннымъ; но оно было охотно принято православными; прежнія дѣйствія были прощены Львовскому епископу послѣ того, какъ онъ отказался отъ уніи и явился энергическимъ борцомъ противъ нея. Однако еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ показывалъ колебаніе между внушеніями митрополита съ одной стороны и князя Острожскаго съ другой, пока вліяніе послѣдняго не

взяло верхъ окончательно. Сильное возбужденіе противъ измѣны митрополита и епископовъ обнаружилось и между православными жителями города Вильны, гдѣ дѣйствовало Троицкое братство, объявившее, что митрополитъ и владыки продали православную вѣру. Особенно громко раздавался здѣсь краснорѣчивый голосъ дидаскала братской школы и церковнаго проповѣдника Стефана Зизанія. Смущенный такимъ движеніемъ, Рагоза грозилъ виленскимъ проповѣдникамъ отлученіемъ; даже на нѣкоторое время онъ прекратилъ въ Вильнѣ богослуженіе. а Зизанія потомъ дѣйствительно отлучилъ соборнѣ отъ церкви.

Протесты православныхъ и колебаніе нѣкоторыхъ епископовъ задержали на время отправленіе Терлецкаго и Потѣя, для торжественнаго представленія папѣ акта объ уніи. Наконецъ они отправились въ сентябрѣ 1595 года. Въ то же время Сигизмундъ III выдалъ манифестъ на польскомъ языкѣ; тутъ король говорилъ о счастливомъ окончаніи своихъ стараній привести пастырей Греческой церкви къ соединенію съ Католическою церковью подъ властію Римскаго апостольскаго престола; обѣщалъ и впредь стараться отечески привести къ этому соединенію тѣхъ своихъ подданныхъ, которые отъ него уклонялись. Въ дѣйствительности около этого именно времени усилились всякія притѣсненія православному исповѣданію со стороны католическихъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Наглядный примѣръ тому между прочимъ представляетъ протестація, записанная въ Львовскомъ городскомъ судѣ послами воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго, съ православными князьями Адамомъ Вишневецкимъ и Кирилломъ Рожинскимъ во главѣ. Эта протестація или жалоба говоритъ слѣдующее: православнымъ священникамъ города Львова, отправлявшимся съ дарами къ больнымъ, паписты запрещаютъ проходить чрезъ рынокъ въ облаченіи и съ зажженными свѣчами; запрещаютъ праздничныя процессіи съ крестами изъ городскихъ церквей въ предмѣстья. Учениковъ православныхъ школъ бьютъ и насильно таскаютъ ихъ въ свои училища; слугъ своихъ принуждаютъ ходить не въ церковь, а въ костелъ; запрещаютъ колокольный звонъ, который будто бы мѣшаетъ говорить католическимъ проповѣдникамъ, и т. д. Изъ другихъ извѣстій и протестацій видимъ, что подобныя притѣсненія совершались въ королевскихъ имѣніяхъ и городахъ прямо по грамотамъ самого короля; причемъ иногда запечатывали церкви, выносили изъ нихъ церковныя облаченія, силою препятствовали справлять праздники по ста-

рому календарю; людей греческой вѣры устраняли отъ должностей и ремеслъ, отказывали имъ въ судебныхъ искахъ и т. п. (94).

Потѣй и Терлецкій, 15 ноября прибывшіе въ Римъ уполномоченными отъ лица всѣхъ епископовъ Западной Руси, разумѣется, были тамъ приняты съ распростертыми объятіями. Ихъ помѣстили близъ папскаго дворца и роскошно содержали; пока обсуждались условія уніи, привезенные ими документы переводились на латинскій языкъ; а съ латинскаго переводилось на русскій новое обязательное для нихъ исповѣданіе вѣры, съ прибавленіемъ filioque (отъ Отца *и Сына* исходящаго), съ признаніемъ папы намѣстникомъ Христовымъ и согласіемъ на всѣ постановленія соборовъ Флорентійскаго и Тридентскаго. Когда все было готово, 23 декабря 1595 г. совершилось торжественное представленіе пословъ папѣ Клименту VIII въ присутствіи коллегіи кардиналовъ, многихъ епископовъ, прелатовъ (въ томъ числѣ церковнаго историка Баронія), а также высшихъ и придворныхъ сановниковъ, иностранныхъ пословъ и пр. Когда въ залу собранія ввели Потѣя и Терлецкаго съ ихъ свитою, оба посла поцѣловали папскія ноги, и стали на колѣна. Ипатій Потѣй, какъ знавшій по-латыни, сказалъ о цѣли ихъ посольства. Затѣмъ они подали свои грамоты, которыя были прочитаны вслухъ и въ подлинникѣ, и въ переводѣ. Послѣ отвѣтной рѣчи папскаго секретаря оба епископа прочли исповѣданіе вѣры, Потѣй по-латыни, Терлецкій по-русски, и поклялись, положивъ руки на Евангеліе. Въ заключеніе церемоніи послы вновь облобызали ноги его святѣйшества; а онъ обнялъ ихъ и объявилъ, что принимаетъ митрополита Михаила и всѣхъ русскихъ епископовъ съ ихъ клиромъ и Русскимъ народомъ, подвластнымъ польскому королю, въ лоно католической церкви. Всѣ спутники пословъ, духовные и міряне, также удостоились облобызать папскія ноги. Въ память этого событія была выбита медаль съ изображеніемъ Климента VIII, сидящаго на тронѣ и благословляющаго русскихъ пословъ, и съ надписью Ruthenis receptis. Потѣй и Терлецкій оставались въ Римѣ еще около полутора мѣсяцевъ, весьма чествуемые Климентомъ VIII и нерѣдко сослужившіе ему въ храмѣ св. Петра. Наконецъ 7 февраля 1596 года они отправились въ обратный путь, снабженные многочисленными папскими посланіями къ русскимъ и польскимъ епископамъ, къ королю и сенаторамъ. Папа поздравлялъ всѣхъ съ счастливымъ событіемъ, и высказывалъ желаніе, чтобы въ Литовской Руси созванъ былъ помѣстный соборъ для торжественнаго провозглашенія уніи и принятія всѣми русскими епископами новаго исповѣданія вѣры.

Когда послы воротились въ отечество, происходили приготовленія къ генеральному сейму въ Варшавѣ. Православные вельможи и шляхта, съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ Острожскимъ во главѣ, воспользовались этимъ сеймомъ, чтобы подать королю протесты противъ Потѣя и Терлецкаго, которые ѣздили въ Римъ, самовольно приняли тамъ унію, а потому должны быть лишены своихъ каѳедръ. Православные сеймовые депутаты не ограничились подачею жалобъ королю, а внесли свои протесты и въ актовыя книги Варшавскаго сейма. Подобные же протесты были внесены въ актовыя книги Вильны и по другимъ городамъ. Сигизмундъ III, не обращая на нихъ вниманія, по окончаніи Варшавскаго сейма издалъ универсалъ, которымъ объявлялъ о совершившейся уніи и разрѣшалъ митрополиту Михаилу Рагозѣ созвать соборъ въ Брестѣ изъ духовныхъ и мірянъ. Тѣмъ временемъ волненія, вызванныя извѣстіями объ уніи, распространялись по Литовской Руси; православныя братства вооружались противъ епископовъ-уніатовъ и перестали признавать ихъ своими владыками. Особенно возстало виленское Троицкое братство противъ своего владыки-митрополита. Дидаскалъ этого братства Стефанъ Зизаній, отлученный митрополитомъ отъ церкви и осужденный королемъ на изгнаніе, не признавалъ своего отлученія и подалъ жалобу на Михаила Рагозу въ Виленскій трибуналъ, который послалъ ему позывъ на судъ; а виленскіе православные граждане прямо начали разныя враждебныя дѣйствія противъ митрополита. Восточные патріархи также спѣшили отозваться на призывъ о помощи со стороны Западноруссовъ. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ прислалъ на имя Константина Острожскаго обширное посланіе съ увѣщаніемъ всѣмъ православнымъ до конца пребыть твердыми въ вѣрѣ. Вмѣстѣ съ симъ посланіемъ онъ отправилъ своего протосинкела ученаго Кирилла Лукариса. Отъ Цареградской патріархіи прибылъ великій протосинкелъ Никифоръ, облеченный саномъ экзарха. Не смотря на королевское запрещеніе, оба эти мужа успѣли пробраться въ Литовскую Русь, и здѣсь они приняли непосредственное участіе въ знаменитомъ Брестскомъ соборѣ.

Окружною грамотою митрополитъ Михаилъ Рагоза назначилъ быть собору всѣхъ православныхъ въ Брестѣ на 6 октября 1596 г. Этотъ соборъ, окончательно рѣшавшій вопросъ объ уніи, по своимъ размѣрамъ и по своему значенію, далеко оставилъ за собой всѣ подобные съѣзды Западной Руси.

Уже съ самаго начала съѣзда произошло раздѣленіе его на двѣ

противныя стороны: приверженцевъ уніи и ея противниковъ. Последняя сторона оказалась гораздо многочисленнѣе. Во главѣ православнаго духовенства явились: во первыхъ, два греческихъ экзарха, Никифоръ отъ Цареградскаго патріарха и Кириллъ Лукарисъ отъ Александрійскаго; кромѣ нихъ Лука, митрополитъ Велиградскій, и два святогорскихъ архимандрита, Макарій и Матвей: а во вторыхъ, два западнорусскихъ епископа, Гедеонъ Балабанъ Львовскій и Михаилъ Копыстенскій Перемышльскій. За ними слѣдовали кіево-печерскій архимандритъ Никифоръ Туръ, архимандриты Супрасльскій, Дерманскій, Пинскій и другіе, нѣсколько игумновъ, многіе священники и монахи; такъ что число всѣхъ духовныхъ православной стороны простиралось свыше ста. Кромѣ духовенства на этой сторонѣ собралось и много мірянъ, въ числѣ коихъ были нѣкоторые сановники, послы отъ русскихъ воеводствъ и повѣтовъ, отъ городовъ и важнѣйшихъ братствъ. Во главѣ мірянъ стали извѣстный ревнитель православія, кіевскій воевода князь Константинъ Острожскій съ сыномъ своимъ Александромъ, воеводою Волынскимъ, и князь Александръ Полубенскій, каштелянъ Новогродскій. Зная, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и опасаясь какого либо насилія отъ противной стороны, Острожскій и другіе вельможи прибыли въ Брестъ съ многочисленною вооруженною свитою изъ гайдуковъ, казаковъ, татаръ, и даже съ пушками; хотя созывная грамота запрещала приходить на соборъ съ вооруженною толпою. Къ православнымъ примкнули и мѣстные протестанты. На уніатской сторонѣ было гораздо менѣе духовенства вообще; зато тутъ сосредоточилось большинство западнорусскихъ іерарховъ, въ числѣ шести, а именно: митрополитъ Михаилъ Рагоза, епископы владимірскій Ипатій Потѣй, луцкій Кириллъ Терлецкій, полоцкій Германъ, пинскій Іона Гоголь и холмскій Діонисій Збируйскій. Кромѣ нихъ тутъ были три архимандрита: Лаврашовскій, Браславскій и Минскій. Къ уніатской сторонѣ присоединились три католическихъ епископа, назначенныхъ сюда папою и королемъ, и конечно изъ наиболѣе потрудившихся для дѣла уніи: арцибискупъ львовскій Димитрій Суликовскій, бискупъ луцкій Бернардъ Маціевскій и бискупъ холмскій Станиславъ Гомолицкій; при нихъ находилось нѣсколько іезуитовъ, въ томъ числѣ извѣстный Скарга. Мірянъ на этой сторонѣ также было гораздо менѣе, чѣмъ на православной; во главѣ ихъ явились въ качествѣ королевскихъ пословъ гетманъ литовскій Христофоръ Радивилъ, канцлеръ Левъ Сапѣга и подскарбій Дмитрій Халецкій. Духовные и свѣтскіе вель-

можи этой стороны имѣли при себѣ также вооруженную свиту, но далеко не столь многочисленную, какъ сторона православная. Поэтому приверженцы уніи, не надѣясь на силу своихъ убѣжденій, съ самаго начала уклонились отъ общенія съ противниками, и на ихъ приглашенія собраться вмѣстѣ для предварительныхъ совѣщаній отвѣчали отказомъ.

Когда наступилъ день 6 октября, митрополитъ съ своими единомышленниками отслушалъ литургію въ соборномъ храмѣ Николая, а потомъ прочиталъ обычныя передъ открытіемъ собора молитвы. Въ это время православные, не получивъ никакого увѣдомленія отъ митрополита, не знали что предпринять. Пытались они собраться въ какомъ либо храмѣ; но всѣ храмы нашли запертыми по распоряженію Потѣя, какъ мѣстнаго владыки. Не желая прибѣгать къ насилію, они рѣшили собраться въ одномъ частномъ домѣ (Райскаго), гдѣ была обширная зала, служившая молельною протестантамъ. Отсюда они посылали депутацію къ митрополиту съ приглашеніемъ открыть соборъ. Но депутація не могла добиться даже свиданія съ нимъ. Православные не медля устроили свой особый соборъ; при чемъ они раздѣлились на двѣ части или на два кола: духовное и свѣтское или рыцарское. Маршаломъ рыцарскаго кола былъ выбранъ одинъ изъ волынскихъ пословъ, Демьянъ Гулевичъ; а духовное коло назначило для наблюденія за порядкомъ засѣданій двухъ протоіереевъ, Нестора Заблудовскаго и Игнатія Острожскаго. Общепризнаннымъ главою, т. е. предсѣдателемъ, православной части Собора былъ старшій членъ его экзархъ Никифоръ, какъ замѣститель самого цареградскаго патріарха; душою же собранія явился энергичный Гедеонъ Балабанъ. А предсѣдателемъ уніатской половины, вмѣсто робкаго, нерѣшительнаго митрополита Рагозы, выбранъ католическій арцибискупъ Дмитрій Суликовскій.

Второй день собора, 7 октября, также прошелъ въ пересылкахъ православной части съ уніатскою и въ безплодныхъ попыткахъ добиться какого либо отвѣта отъ митрополита. Наконецъ Рагоза «съ яростію» объявилъ посланникамъ, что никакого отвѣта имъ не будетъ. Между тѣмъ назначенные на соборъ отъ короля католическіе сановники, по просьбѣ бискуповъ, снеслись съ княземъ Острожскимъ и взяли съ него слово, что онъ не прибѣгнетъ къ вооруженной силѣ, и что спокойствіе собора не будетъ нарушено. Затѣмъ, когда такимъ образомъ взаимныя отношенія сторонъ достаточно выяснились, на третій день собора, 8 октября, было приступлено къ болѣе

рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Къ митрополиту и владыкамъ вновь послана была депутація отъ православныхъ съ приглашеніемъ прибыть на общее засѣданіе; приглашаемые на сей разъ прямо отвѣтили, что они уже соединились съ Западной церковью и то, что сдѣлано, измѣнено быть не можетъ. Съ своей стороны отъ уніатской части собора прибыли королевскіе послы съ іезуитомъ Скаргою, и вызвали изъ залы засѣданія князей Острожскихъ; къ послѣднимъ, по желанію собора, присоединились по нѣскольку лицъ отъ обоихъ колъ, а также владыки Львовскій и Перемышльскій съ нѣкоторыми священниками. Послы напоминали, какъ оба эти владыки прежде заявляли о своемъ желаніи принять унію, какъ самъ князь Острожскій не былъ противъ нея; укоряли православныхъ въ томъ, что они собрались не въ церкви, а въ еретическомъ домѣ и главою себѣ поставили Никифора, бѣглаго Грека и союзника Турокъ, а также въ томъ, что дозволяютъ мірянамъ вмѣшиваться въ соборныя дѣянія. Въ заключеніе именемъ Бога, короля и отечества приглашали ихъ соединиться съ католиками. На это приглашеніе православные отвѣтили, что готовы принять унію, но только въ томъ случаѣ, если она будетъ произведена законнымъ образомъ, т. е. съ согласія патріарховъ и всей Восточной церкви. Послѣ того православный соборъ занялся дѣломъ Стефана Зизанія и другихъ виленскихъ проповѣдниковъ, отлученныхъ митрополитомъ, которыхъ и разрѣшилъ отъ этого отлученія.

На четвертый день собора уніатская сторона, вмѣстѣ съ католическими епископами, отправила въ храмѣ Николая торжественное молебствіе о соединеніи церквей; послѣ чего съ амвона во всеуслышаніе былъ прочитанъ самый актъ уніи, подписанный митрополитомъ и владыками, вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣданіемъ вѣры, на которомъ Потѣй и Терлецкій присягнули въ Римѣ. А затѣмъ уніатская часть собора предала проклятію и объявила лишенными сана священства епископовъ Гедеона и Михаила, архимандритовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, отказавшихся отъ уніи; о чемъ на слѣдующій день выдана была окружная соборная грамота. Эти ея дѣянія завершились разными торжествами, пиршествами и веселіемъ. Но въ тоже время и православная часть собора подвергла заочному суду Михаила Рагозу и единомышленныхъ ему владыкъ за отступничество, и постановила надъ ними приговоръ, подписанный всѣми членами духовнаго кола и торжественно объявленный предсѣдателемъ экзархомъ Никифоромъ: митрополитъ и епископы-отщепенцы

лишались не только архіерейскаго, но и всякаго духовнаго сана. Приговоръ этотъ былъ немедленно сообщенъ митрополиту и епископамъ-уніатамъ. Затѣмъ члены и духовнаго, и свѣтскаго кола подписали торжественный протестъ противъ уніи, обязались не признавать духовной власти уніатскихъ іерарховъ, и постановили просить короля объ отобраніи церковныхъ имуществъ отъ осужденныхъ, а также о назначеніи другихъ епископовъ и митрополита.

Презрѣніе къ отщепенцамъ со стороны православныхъ немедленно выразилось въ нѣкоторыхъ листахъ, вкратцѣ оповѣщавшихъ о рѣшеніи собора и вѣроятно развезенныхъ въ разныя края членами этого собора, разъѣхавшимися изъ Бреста. Между прочимъ тутъ говорится, что «митрополитъ Рагоза и владыки полоцкій Германко, володимерскій Потѣйко, луцкій Кривилко, холмскій Збиражко, пинскій Іонище» какъ сначала тайкомъ и скрытно бѣгали къ Римскому папѣ, отступивъ отъ святого православія греческаго, такъ теперь явно приложились (къ папѣ). «За что отъ латынянъ въ замкѣ (Берестейскомъ?) были чествованы и какъ медвѣди музыкой скоморошескою и тарарушками утѣшаны, или, вѣрнѣе, осмѣяны». «Они только сами одни отдались волку; а стадо, хвала Богу, въ православіи давнемъ вкупѣ осталось».

Послѣднія слова выражали собственно надежды православныхъ, а не дѣйствительность. Архіереи-уніаты, покровительствуемые королемъ, остались на своихъ мѣстахъ и получили полную возможность распространять дѣло уніи въ своихъ епархіяхъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ знаменитаго Брестскаго собора 1596 года было распаденіе Западнорусской церкви на двѣ части: уніатскую и православную, дальнѣйшая борьба между которыми сдѣлалась неизбѣжна. Эта борьба главнымъ образомъ и обусловила развитіе послѣдующей исторіи въ Западной Руси.

Король особымъ универсаломъ подтвердилъ окружную грамоту митрополита Рагозы о низложеніи епископовъ Львовскаго и Перемышльскаго; а экзархъ цареградскаго патріарха протосинкелъ Никифоръ своею окружною грамотою, напротивъ, признавалъ означенныхъ епископовъ теперь единственными архіереями въ Западнорусской церкви, митрополита же и другихъ епископовъ объявлялъ отверженными за ихъ отступничество. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, занявшій около того времени каѳедру Цареградскую, сначала въ качествѣ мѣстоблюстителя ея, а потомъ и патріарха, человѣкъ ученый, энергичный и вообще весьма достойный,

подтвердилъ приговоръ Брестскаго православнаго собора, и назначилъ своими экзархами для Западной Руси епископа Гедеона Балабана, архимандрита Кирилла Лукариса и князя Константина Острожскаго, котораго увѣщевалъ не уставать въ своихъ подвигахъ на защиту православія. Въ дѣйствительности настоящимъ и дѣятельнымъ экзархомъ явился епископъ Гедеонъ. Любопытно, что, не смотря на неоднократно объявленныя низложенія, владыки той и другой стороны остались на своихъ мѣстахъ. Хотя каноническая власть, издавна утвержденная за цареградскими патріархами, была на сторонѣ православныхъ; но безъ воли короля они не могли смѣстить іерарховъ отщепенцевъ и на ихъ мѣсто выбрать другихъ. Зато и король, объявившій о низложеній православныхъ епископовъ, былъ связанъ присягою на pacta conventa, утверждавшихъ свободу православнаго исповѣданія, а также не могъ принимать рѣшительныхъ насильственныхъ мѣръ, изъ опасенія возбудить не только волненіе, но и открытые мятежи со стороны многочисленной русской шляхты и всего Русскаго народа, еще крѣпко державшагося вѣры своихъ предковъ. Уже на ближайшемъ генеральномъ сеймѣ въ Варшавѣ, въ 1597 году, православные послы изъ русскихъ областей настойчиво напоминали королю о pacta conventa и его присягѣ, и защищали Брестскій соборный приговоръ. Поэтому Сигизмундъ III свою безсильную злобу на православное духовенство вымѣстилъ на предсѣдателѣ собора грекѣ Никифорѣ, противъ котораго представлено было нелѣпое обвиненіе, будто онъ не уполномоченный цареградскаго патріарха, а самозванецъ и турецкій шпіонъ. По требованію короля, князь Острожскій проживавшаго у него Никифора представилъ на судъ сенаторскій; но на этомъ судѣ не съумѣлъ его отстоять. Никифоръ былъ заключенъ въ Маріенбургскій замокъ, гдѣ потомъ и скончался, вѣроятно, не своею смертію.

Владыки-отщепенцы послѣ Брестскаго собора принялись вводить унію въ своихъ епархіяхъ; но во многихъ мѣстахъ встрѣтили большія затрудненія и явное неповиновеніе своей власти. Такъ древній городъ Кіевъ, эта колыбель русскаго православія, опираясь на своего воеводу князя Острожскаго, рѣшительно отказывалъ въ повиновеніи митрополиту Рагозѣ и не обращалъ вниманія на королевскія грамоты. Король распорядился между прочимъ, чтобы оставшійся вѣрнымъ православію архимандритъ Никифоръ Туръ покинулъ настоятельство знаменитой Кіевопечерской лавры, которая со всѣми ея имуществами передавалась въ непосредственное вѣдѣніе

митрополита. Но архимандритъ отказался исполнить это распоряженіе. Неоднократно королевскіе чиновники пытались удалить архимандрита; но ихъ встрѣчали старцы съ вооруженными казаками, гайдуками и монастырскою челядью, и не пускали въ монастырь. Такъ Никифоръ Туръ до своей кончины и оставался настоятелемъ Лавры. Болѣе успѣха имѣлъ митрополитъ въ главномъ городѣ собственно Литовской Руси, т. е. въ Вильнѣ; здѣсь духовенство не нашло во властяхъ и жителяхъ такой опоры какъ въ Кіевѣ, и признало власть митрополита-уніата. Только Святотроицкое братство продолжало сопротивляться ему; за что терпѣло разныя притѣсненія. А во время богослуженія въ своей церкви, на Пасху 1598 года, братчики подверглись наглому нападенію со стороны студентовъ іезуитской коллегіи. Въ Слуцкѣ, во время объѣзда своей епархіи, митрополитъ едва не былъ побитъ камнями. Зато въ Новогрудкѣ, обычной своей резиденціи, онъ не встрѣтилъ почти сопротивленія, потому что мѣстный воевода Скумннъ-Тышкевичъ, прежде бывшій усерднымъ противникомъ уніи, поддался его убѣжденіямъ и перешелъ на ея сторону. Самыми же ревностными распространителями уніи—какъ и слѣдовало ожидать—были главные ея дѣятели, т. е. Потѣй и Терлецкій, которые въ своихъ епархіяхъ всѣми мѣрами принуждали духовенство къ ея принятію. Другіе епископы далеко не были такъ усердны; а Германъ Полоцкій не только не принуждалъ священниковъ, но, какъ говорятъ, даже не скрывалъ сожалѣнія, что самъ согласился на унію. Вообще для уніатскихъ владыкъ скоро началось нѣкоторое разочарованіе въ тѣхъ надеждахъ, которыя они питали при своемъ отступничествѣ. На нихъ не посыпались ни почести, ни богатыя пожалованія отъ Рѣчи Посполитой; король и не думалъ давать имъ обѣщанныя мѣста въ сенатѣ на ряду съ латинскими прелатами. Они скоро могли убѣдиться въ томъ, что до равенства въ правахъ и почетѣ съ высшимъ латинскимъ духовенствомъ имъ далеко, что послѣднее смотритъ на нихъ свысока, и даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Межъ тѣмъ въ лагерѣ православныхъ Брестская унія произвела чрезвычайное оживленіе и большое напряженіе силъ для обороны своей церкви. Изъ духовныхъ особенную энергію обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ епископъ Гедеонъ Балабанъ, который не только охранялъ отъ уніи свои епархіи, но и въ другихъ, уніатскихъ, епархіяхъ входилъ въ сношенія съ православными, ставилъ имъ священниковъ и удовлетворялъ разнымъ церковнымъ потребностямъ

въ качествѣ патріаршаго экзарха; на что епископы-уніаты тщетно приносили свои жалобы митрополиту и королю. А изъ мірянъ наибольшую энергію въ это время показалъ знаменитый ревнитель православія князь Константинъ Острожскій. Между прочимъ, по его почину православные вошли въ переговоры съ протестантами о союзѣ противъ общаго ихъ врага латинянъ, сильныхъ въ особенности ревностнымъ покровительствомъ короля. Острожскому помогалъ въ семъ случаѣ зять его, знатнѣйшій изъ протестантскихъ вельможъ виленскій воевода Христофоръ Радивилъ. Представители обоихъ исповѣданій, т. е. православнаго и евангелическаго, въ маѣ 1599 года съѣхались въ Вильнѣ въ домѣ князя Острожскаго. Кромѣ сего князя и его сына Александра изъ русскихъ вельможъ здѣсь были, сохранявшіе еще православіе, князья Сангушко, Корецкій, Горскій, Вишневецкіе и нѣкоторые другіе. Члены съѣзда заключили политическую унію съ цѣлью оказывать взаимную поддержку и защиту своимъ храмамъ и духовенству противъ папистовъ вездѣ, гдѣ будетъ нужда, а также сообща дѣйствовать для того въ сенатѣ и на сеймахъ. Унія эта хотя и не принесла всѣхъ ожидаемыхъ отъ нея плодовъ, по разногласіямъ вѣроисповѣднымъ, тѣмъ не менѣе она оказала свою пользу во многихъ случаяхъ.

Въ томъ же 1599 году скончался уніатскій митрополитъ Михаилъ Рагоза. Преемникомъ ему король назначилъ Ипатія Потѣя, т. е. самаго энергичнаго изъ русскихъ епископовъ-отщепенцевъ. Возведя его на митрополію, Сигизмундъ III оставилъ за Потѣемъ и прежнюю его Владимірскую епископію со всѣми принадлежавшими ей имуществами; что сосредоточивало въ его рукахъ большія матеріальныя средства, которыми онъ широко воспользовался для своего служенія дѣлу уніи. Это дѣло пошло теперь значительно успѣшнѣе, благодаря его энергіи. Такъ, отправляя послушную грамоту слуцкому духовенству и призывая его къ повиновенію, онъ заключаетъ ее угрозою: «помните, что я вамъ не Рагоза». Однимъ изъ первыхъ дѣяній сего митрополита было изгнаніе изъ Вильны краснорѣчиваго проповѣдника и обличителя уніи Стефана Зизанія и отнятіе Троицкаго монастыря у Виленскаго братства. При этомъ монастырѣ онъ основалъ митрополичій коллегіумъ или уніатскую семинарію. Но попытка его, по смерти архимандрита Никифора Тура, завладѣть Кіевопечерскою Лаврою потерпѣла такую же неудачу, какъ и попытка его предшественника, благодаря заступничеству кіевской православной шляхты ([95]).

Одновременно съ борьбою западнорусскаго православія противъ уніи на поприщѣ всякаго рода дѣйствій и мѣръ, церковныхъ и гражданскихъ, закипѣла и борьба между ними въ области мысли и письменности, т. е. въ области литературной. Укажемъ важнѣйшія явленія въ этой сферѣ.

Во первыхъ, уже самый Брестскій соборъ 1596 года сдѣлался предметомъ повѣствованій и толкованій обѣихъ сторонъ, слѣдовательно написанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и различными красками. Вскорѣ послѣ этого собора въ слѣдующемъ 1597 году появились два повѣствованія о немъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ перу іезуита Петра Скарги; оно издано на польскомъ языкѣ («соборъ Берестейскій) и на русскомъ («Оборона синоду Берестейскому»), и конечно прославляетъ собственно уніатскую часть собора, а православную унижаетъ и отрицаетъ ея законность. Другое сочиненіе— православнаго автора, оставшагося неизвѣстнымъ,—изданное на польскомъ языкѣ въ Краковѣ, озаглавлено приблизительно такъ: «Эктезисъ или краткій обзоръ дѣяній помѣстнаго собора въ Брестѣ Литовскомъ»; оно посвящено преимущественно православной части собора, считая только ее истиннымъ и законнымъ собраніемъ. Эти двѣ книги немедленно вызвали рядъ полемическихъ сочиненій въ противуположныхъ лагеряхъ. Противъ Скарги въ томъ же 1597 году въ Вильнѣ вышло обширное сочиненіе на польскомъ языкѣ (а потомъ и на русскомъ) подъ заглавіемъ «Апокрисисъ», т. е. Отвѣтъ; авторъ его скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ Христофоръ Филалетъ. Любопытно, что въ дѣйствительности сочинитель сей книги былъ не православный, а протестантскій ученый писатель, нѣкто Христофоръ Бронскій, предпринявшій оборону православія по порученію князя Константина Острожскаго и награжденный отъ него помѣстьями. Книга его отличается дѣльнымъ историческимъ изложеніемъ, и въ то же время обнаруживаетъ большія богословскія познанія. Задѣтые за живое успѣхомъ сей книги, сторонники уніи въ защиту ея выдали сочиненіе «Антиррисисъ или Апологія противъ Христофора Филалета», по порученію Ипатія Потѣя написанное на латинскомъ языкѣ учителемъ его брестской школы нѣкимъ грекомъ Петромъ Аркудіемъ (скрывшимъ свое имя подъ псевдонимомъ Филотея), потомъ переведенное на русскій и польскій языки. Съ православной стороны послѣ Апокрисиса замѣчательными сочиненіями являются: «Отпись» нѣкоего острожскаго клирика, направленная преимущественно противъ Флорентійскаго собора, и «Пере-

строга», принадлежащая перу одного львовскаго священника, въ особенности обличающая тайныя приготовленія къ уніи и несправедливость папскихъ притязаній.

Рядомъ съ сими, такъ сказать, крупными писателями на полемической аренѣ того времени появились и многіе другіе авторы. Распространенныя въ Западной Руси типографіи быстро печатали ихъ произведенія; такимъ образомъ горячіе споры между православными и уніатами или латинянами охватывали всѣ грамотные слои западно-русскаго общества и возбуждали въ нихъ большое умственное оживленіе. Не малое участіе въ борьбѣ съ уніей и латинствомъ въ это время принималъ самъ каноническій глава Русской церкви ученый патріархъ Мелетій Пигасъ: онъ написалъ цѣлый рядъ посланій къ князю Константину Острожскому и вообще къ православной русской паствѣ, убѣждая ее твердо стоять за свою церковь и обличая ухищренія противниковъ. Посланія эти печатались въ Острожской типографіи и распространялись въ народѣ. Съ далекаго Аѳона одинъ западнорусскій инокъ, Іоаннъ Вышенскій, написалъ на родину тоже нѣсколько посланій въ защиту православія противъ уніи. Въ одномъ изъ этихъ посланій, обращенномъ къ епископамъ-отщепенцамъ, онъ между прочимъ обличаетъ ихъ такими словами: «покажите мнѣ, кто изъ васъ исполняетъ шесть заповѣдей Христовыхъ: алчнаго накормить, нагого одѣть, больного посѣтить и пр.? Не вы ли заставляете алкать и голодать вашихъ бѣдныхъ подданныхъ, носящихъ тотъ же образъ Божій, какъ и вы? Гдѣ вы послужили больнымъ? Не вы ли дѣлаете и здоровыхъ больными, бьете ихъ, мучаете, убиваете? Постучись только въ лысую свою голову, бискупе луцкій (Кириллъ Терлецкій), сколько ты во время своего священства живыхъ послалъ къ Богу мертвыми, сколько изгналъ изъ этой жизни, однихъ сѣченіемъ, другихъ потопленіемъ, третьихъ паленіемъ огненнымъ!... Покажите мнѣ, кто изъ васъ отрекся міра и взялъ на себя крестъ Христовъ?... Вотъ его милость Потѣй, хотя и каштеляномъ былъ, но только по четыре слуги волочилъ за собою, а нынѣ, когда бискупомъ сталъ, то больше десяти насчитаешь. Такъ же и его милость арцибискупъ (Рагоза), когда былъ простою рагозиною, не знаю, могъ ли держать и двухъ слугъ, а нынѣ больше десяти держитъ. Такъ же и Кириллъ, когда былъ простымъ попомъ, только дьячка за собою волочилъ, а какъ сталъ бискупомъ, догоняетъ числомъ слугъ двухъ первыхъ владыкъ.» (96).

XV.

ПОЛЬЩИЗНА, КАЗАЧЕСТВО И ЕВРЕЙСТВО ВЪ ЗАПАДНОЙ РУСИ.

Постепенное ополяченіе дворянства.—Рѣчь Ивана Мелешка. Взаимное отношеніе культуръ польской и русской.—Третій Статутъ.—Днѣпровскіе казаки или Черкасы.—Дашковичъ.—Низовое или Запорожское казачество.—Походы въ Молдо—Валахію.—Войсковое устройство со времени Баторія.—Мятежи Косинскаго и Наливайки.—Еврейство въ древней Руси и его приливъ съ запада.—Льготныя грамоты Витовта.—Покровительство польско-литовскихъ королей Евреямъ.—Жалобы на нихъ со стороны шляхты и горожанъ.—Количество и организація еврейскаго населенія.—Характеръ и плоды жидовской дѣятельности по Клёновичу.

Если польское вліяніе издавна дѣйствовало въ Западной Россіи, благодаря въ особенности ополяченной династіи Ягеллоновъ и непосредственному присоединенію къ Польшѣ Червонной Руси съ частію Подоліи, то, понятно, какъ должно было усилиться это вліяніе со времени Люблинской уніи, когда Полякамъ широко отворены были двери въ сокращенное великое княжество Литовское, а вся почти Югозападная Русь, подобно Галиціи, теперь вошла въ составъ земель Польской короны. Поляки получили право селиться въ Западной Руси, занимать здѣсь земскія должности и уряды, пріобрѣтать имѣнія, наслѣдовать и т. д. Ополяченіе началось конечно съ высшаго класса, т. е. съ западнорусской и литовской аристократіи, какъ сословія самаго близкаго къ королевскому двору, которому оно поневолѣ старалось угождать, такъ какъ отъ него исходили всѣ пожалованія имѣніями, староствами и высшими урядами. Между семьями польскихъ и литовско-русскихъ магнатовъ начались частые брачные союзы, не мало способствовавшіе къ ихъ объединенію, т. е. къ принятію русскими семьями польскихъ обычаевъ, языка и религіи. Дѣятельное латинское духовенство въ особенности пользовалось этими родственными связями для совращенія знатныхъ рус-

скихъ семей, и, какъ извѣстно, съ большимъ успѣхомъ, благодаря въ особенности поддержкѣ все того же католическаго двора. А принявъ католичество и польскій языкъ, русская знатная семья скоро становилась польскою по своимъ чувствамъ и воззрѣніямъ. Такимъ образомъ къ концу XVI вѣка значительная часть западнорусской аристократіи уже подверглась ополяченію или была близка къ нему.

За высшимъ классомъ слѣдовало дворянское или собственно шляхетское сословіе, которое желало сравняться въ правахъ и вольностяхъ съ шляхтою польскою; а потому охотно вступало съ нею въ родственныя связи, перенимало ея обычаи и языкъ. Латинскіе ксендзы и тутъ усердно пользовались смѣшанными браками, чтобы происшедшихъ отъ нихъ дѣтей крестить и воспитывать въ католическомъ обрядѣ. Такое постепенное ополяченіе Русской шляхты конечно совершалось въ особенности въ областяхъ ближайшихъ къ предѣламъ Польской народности, каковы Подляхія, Холмская и Галицкая Русь. Въ глубинѣ же Бѣлоруссіи, Кіевщины и Волыни масса земскаго, военно-служилаго сословія еще сохраняла свою Русскую народность; хотя и тамъ чуждое польско-нѣмецкое вліяніе уже сильно сказывалось въ обычаяхъ, одеждѣ, языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ начавшейся распущенности нравовъ и стремленіи къ роскоши.

Выше мы видѣли, какъ московскій перебѣжчикъ князь Курбскій невыгодно отзывался о польско-русскихъ нравахъ въ 60-хъ или 70-хъ годахъ XVI столѣтія. Немного позднѣе по тому же поводу имѣемъ любопытное свидѣтельство другого современника. Нѣкій волынскій шляхтичъ Иванъ Мелешко, впослѣдствіи каштелянъ Смоленскій, впервые являясь на Варшавскомъ сеймѣ 1589 года, сочинилъ для короля и пановъ радныхъ привѣтственную рѣчь (неизвѣстно впрочемъ, была ли она имъ произнесена). Тутъ онъ преувеличенно восхвалилъ времена Сигизмунда I, въ укоръ Сигизмунду II, которому не желалъ простить отдачи Ляхамъ Волыни и Подлясья; а затѣмъ нѣсколько грубоватыми, но нелишенными юмора чертами изобразилъ разныя перемѣны и нововведенія, совершавшіяся на его родинѣ.

Для образца приведемъ въ сокращеніи нѣкоторыя мѣста его рѣчи.

— Пришлось мнѣ радити съ вами, а прежде я на такихъ съѣздахъ никогда не бывалъ и съ королемъ его милостью не засѣдалъ. При нашихъ покойныхъ князьяхъ, которые королевали, по просту отъ чистаго сердца говорили, политики не знали, а правдою въ ротъ какъ солью въ глаза кидывали. Потомъ короли полюбили Нѣм-

цевъ болѣе чѣмъ насъ и все имъ роздали, что прежніе собрали. А сладкой памяти Зигмундъ Первый Нѣмцевъ какъ собакъ не любилъ, Ляховъ съ ихъ хитростями тоже не любилъ, а очень миловалъ Литву и нашу Русь. И при немъ жилось гораздо лучше, хотя въ такихъ дорогихъ свитахъ не ходили; иные безъ ногавицъ (покрывавшихъ отъ колѣна до ступни) подобно бернардинамъ гуляли, сорочки до костокъ (щиколотки), а шапки (капишоны) до самого пояса нашивали. Теперь же, когда я самъ одѣнусь въ свое прежнее домовое платье, то жена моя пани Мстиславская не можетъ безъ смѣху на меня смотрѣть.

— У насъ уже и по-польски умѣютъ говорить, чтобы королямъ всякое лихо баламутить. А когда къ тебѣ panычъ пріѣдетъ, чествуй его вдосталь, да и жонку свою подлѣ него посади. И слуги у насъ есть изъ Ляховъ; давай имъ дорогое платье, корми ихъ жирно, но службы отъ нихъ не пытай. Такой слуга, убравшись получше и на высокихъ подковкахъ, мастеръ ухаживать за дѣвицами и играть на большомъ кубкѣ. Ты за столъ, и слуга тоже, ты за борщъ, а онъ за мясо, ты за фляжку, а онъ за другую, а если слабо держишь, то и твою изъ рукъ вырветъ. Ты изъ дому, а онъ къ жонкѣ приласкается. Есть у насъ кони дрыганты (брыкуны), которымъ и зиму и лѣто давай овесъ и сѣно, и каждую ночь подстилку; держи при нихъ слугу Ляха и еще конюха; только службы отъ нихъ никакой не жди.

— Пришлось мнѣ купить часы въ Кіевѣ въ торговыхъ рядахъ; далъ за нихъ три копы грошей; а какъ послалъ въ Вильну поправить, то злодѣй Нѣмецъ взялъ съ меня до пятой копы! Гораздо лучше ихъ нашъ пѣтухъ, который непремѣнно кричитъ каждую полночь.

— На столѣ не было прежде такихъ прихотей какъ теперь; бывало хороша гусятина съ грибками, кашка съ перчикомъ, печонка съ лукомъ или чеснокомъ, а еще лучше каша рыжовая (рисовая) съ шафраномъ. Вина венгерскаго не употребляли, а скромно пили мальвазію, медокъ и горѣлку.

— Наши жонки ходятъ теперь въ богатыхъ платьяхъ; подолокъ колышется; а дворянинъ на ножку какъ соколъ заглядывается. Лучше бы наши жонки убирались въ старые застегнутые наглухо казакинки и носили зашнурованныя назади распорки, да плюндрыки (панталоны) по нѣмецки; не такъ бы легко подкрадывалась любовная бредня. А теперь хотя съ рогатиной на стражѣ стой, не устережешь этого бѣса.

Въ подобныхъ жалобахъ ясно отражается напоръ чужеземныхъ обычаевъ на Западную Русь — напоръ, которому она не могла съ успѣхомъ противустоять по условіямъ своего общественнаго состоянія. Для исторіи въ высшей степени любопытно наблюдать это столкновеніе русской и польской культуры на почвѣ Западной Россіи. По своему возрасту и по своимъ источникамъ Русская культура вообще старше и обильнѣе Польской. Когда Поляки еще не выступали на историческую сцену изъ своего лѣсистаго и болотистаго Привисленскаго угла, могучее Русское племя своими вѣтвями уже занимало широкія полосы земли на востокъ и на западъ отъ Днѣпра на пограничьѣ Греко-Римскаго міра, изъ близкихъ сношеній съ которымъ черпало начатки классической культуры. Раннія торговыя сношенія съ отдаленными народами востока и запада знакомили Русь какъ съ гражданственностью латино-нѣмецкой, такъ и съ богатой культурой персидской и арабско-мусульманской. Неоспоримыя историческія свидѣтельства говорятъ намъ, что въ первой половинѣ IX вѣка, когда Польша едва только начинаетъ выступать изъ мрака неизвѣстности, русскіе купцы уже торговали съ одной стороны на берегахъ нижняго Тигра и Евфрата, въ Багдадѣ; а съ другой—на берегахъ верхняго Дуная въ Регенсбургѣ. Послѣдующія вѣка отмѣчены сильнымъ притокомъ византійской образованности, вліявшей при посредствѣ нетолько торговыхъ, но и въ особенности церковныхъ сношеній.

Только съ XIII вѣка, со времени Татарскаго ига, начали измѣняться взаимныя отношенія культуръ русско-византійской и польско-латинской. Хотя это варварское иго всею своею тяжестью налегло собственно на Восточную Русь, а Югозападную угнетало сравнительно недолго; но и здѣсь оно поразило самые главные ея центры, каковы Галичъ, Владиміръ Волынскій и въ особенности Кіевъ—это древнее средоточіе русской образованности. Не смотря на свой упадокъ, русская культура еще долгое время сохраняла притягательную силу, какъ это видно изъ обрусѣнія самихъ завоевателей Западной Руси и освободителей ея отъ Татарскаго владычества—Литовскихъ князей. Только окатоличеніе и ополяченіе литовско-русской династіи Ягеллоновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательная потеря центра какъ политической, такъ и культурной самостоятельности склонили вѣсы на сторону польскаго вліянія. На помощь послѣднему приспѣло то міровое движеніе западноевропейской цивилизаціи, которое извѣстно подъ именемъ Возрожденія наукъ и ис-

кусствъ. Это движеніе въ свою очередь осложнилось еще инымъ великимъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Реформаціи. То и другое движеніе коснулось Польши, находившейся подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ латино-нѣмецкой культуры, и произвело здѣсь замѣтное процвѣтаніе образованности, благодаря распространенію школъ, книгопечатанія, постояннымъ поѣздкамъ для образованія въ западную Европу и приливу иноземцевъ, особенно благодаря оживленной борьбѣ протестантизма съ католичествомъ и ихъ взаимному соперничеству на поприщѣ школьномъ и литературномъ. Такимъ образомъ XVI вѣкъ, и особенно вторая его половина, является эпохою разцвѣта польской образованности, правда довольно поверхностной и обнимавшей только одно высшее сословіе, тѣмъ не менѣе довольно блестящей и привлекательной. Сей разцвѣтъ особенно ярко обозначился въ области польской литературы, которая въ эту эпоху представила цѣлый рядъ выдающихся писателей, большею частью владѣвшихъ равно литературнымъ языкомъ, какъ латинскимъ, такъ и польскимъ. Въ особенности заслуживаютъ вниманія: поэты Николай Рей изъ Нагловицъ, Янъ Кохановскій, Шимоновичъ и Фабіанъ Клёновичъ; историки и историко-географы: Мартинъ Кромеръ, Матвѣй Мѣховій, Мартинъ и Іоахимъ Бѣльскіе (сынъ и отецъ), Димитрій Суликовскій (архіепископъ Львовскій), Красинскій, Гвагнинъ, Рейнгольдъ Гейденштейнъ (секретарь Яна Замойскаго) и Матвѣй Стрыйковскій. Послѣдній, бывшій воиномъ, а потомъ каноникомъ, одинаково владѣвшій стихомъ и прозою, написалъ на польскомъ языкѣ обширную литовско-русскую хронику, которую началъ съ миѳическаго предка литовскихъ князей римскаго выходца Полемона и довелъ ее до Стефана Баторія. Главными источниками для его литовско-русской хроники послужили русскія лѣтописи, какъ болѣе древнія, такъ и тѣ, которыя появились въ западной Руси въ XV и XVI вѣкахъ. Но рядомъ съ ними онъ черпаетъ свои повѣствованія изъ латино-польскихъ историческихъ трудовъ, и вообще западнорусская исторія изложена у него съ точки зрѣнія польско-католической.

Западная Русь, при явной отсталости въ образованіи и, такъ сказать, при старомодности своей гражданской культуры, естественно должна была во многомъ подчиниться вліянію этого разцвѣта польской образованности и наружнаго лоска западноевропейской цивилизаціи, отражавшейся на польскихъ нравахъ и обычаяхъ. И однако вліяніе это въ ту эпоху еще не было такъ велико, какъ могло

бы показаться съ перваго взгляда. Лишенные культурнаго средоточія гражданскаго, т.-е. чисто русской столицы съ національной русской династіей и русскимъ дворомъ, Западноруссы, какъ извѣстно, нашли могучую опору для сохраненія своей народности въ православной церкви, которая налагала крѣпкую печать не только на ихъ внутреннее міровоззрѣніе, но и на самыя внѣшнія стороны ихъ быта. Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, положеніе самой Западнорусской церкви въ эту эпоху было бѣдственное; а наступившая Брестская унія произвела въ ней извѣстный расколъ. Но и при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, такая крѣпкая народность и такая старая своеобразная культура, какъ Русская, не могла легко уступить напору польско-нѣмецкому безъ долгой борьбы и безъ сильнаго воздѣйствія съ своей стороны. До сихъ поръ историческая литература довольно много говорила о польскомъ вліяніи на Западную Русь; но очень мало или почти ничего о вліяніи обратномъ, т.-е. русскомъ, на Польскую народность. Между тѣмъ это послѣднее вліяніе, по разнымъ признакамъ и соображеніямъ, долженствовало быть весьма значительное, какъ въ складѣ общественной жизни, такъ и въ частномъ, семейномъ быту, въ языкѣ, внѣшнемъ убранствѣ, военномъ дѣлѣ, сельскомъ хозяйствѣ и т. д. Въ высшихъ слояхъ Западной Руси такимъ образомъ изъ смѣшенія обѣихъ народностей началъ вырабатываться новый типъ: польско-русскій. «Русь полячилась, а Польша русѣла», по удачному выраженію одного изъ польскихъ писателей нашего времени. Изъ ополячивающихся русскихъ фамилій стали выходить многіе общественные дѣятели Рѣчи Посполитой, стяжавшіе себѣ извѣстность на разныхъ поприщахъ, т.-е. государственные люди, полководцы, богословы, ораторы, писатели, поэты и т. д. Этотъ могучій притокъ русскихъ силъ болѣе всего способствовалъ подъему сравнительно небольшой Польской народности на значительную политическую высоту и сообщилъ ей на нѣкоторое время много внѣшняго блеску.

Плодородныя земли Югозападной Руси по преимуществу сдѣлались предметомъ польскихъ захватовъ и польской колонизаціи. Поэты польскіе стали воспѣвать эти благодатные края въ своихъ произведеніяхъ. Любопытна въ семъ отношеніи прекрасная латинская поэма, написанная помянутымъ выше Клёновичемъ и озаглавленная Р о к с о л а н і я, т.-е. Русь. Онъ описываетъ собственно Русь Галицкую и даетъ цѣлый рядъ идиллическихъ картинъ по отношенію къ ея природѣ, городамъ, селамъ, населенію, земледѣлію, ско-

товодству, и между прочимъ яркими красками рисуетъ печальную страсть простого народа къ водкѣ.

Въ данную эпоху огромное большинство западнорусскаго дворянства еще сохраняло свою народность, т.-е. православную религію и русскій языкъ, который по прежнему оставался языкомъ правительственныхъ и судебныхъ актовъ. Это господство русскаго языка сказалось и въ новомъ изданіи Литовскаго статута.

Послѣ Люблинской уніи Великаго княжества съ Короною явилась настоятельная нужда пополнить Литовскій статутъ и болѣе согласовать его съ польскимъ законодательствомъ. Нужно было устранить изъ него многое, что прежде обусловливало отдѣльность Великаго княжества; притомъ земли Кіевская, Волынская и Брацлавская, хотя и отошли къ коронѣ, но сохранили за собою судоустройство по Литовскому (точнѣе Русскому) статуту. Для его пересмотра назначены были коммиссіи, которыя вносили въ него разныя поправки. Послѣдняя коммиссія, предсѣдательствуемая литовскимъ подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою, была назначена Баторіемъ. Окончательная редакція статута была представлена уже послѣ него на Варшавскомъ коронаціонномъ сеймѣ 1588 года, и получила утвержденіе отъ новаго короля Сигизмунда III. Это такъ называемый Третій Литовскій статутъ; хотя онъ также былъ переведенъ на польскій языкъ, но оффиціальное его изданіе тогда же напечатано по-русски въ виленской типографіи братьевъ Мамоничей.

Около того же времени, именно въ 1581 году, учреждено королемъ Баторіемъ постоянное верховное судилище для великаго княжества Литовскаго или такъ наз. Виленскій трибуналъ, который извѣстную часть въ году засѣдалъ въ Вильнѣ, а другія части въ Минскѣ и Новогродкѣ. Права и обряды сего трибунала, подписанные литовскимъ канцлеромъ Воловичемъ, были напечатаны по-русски въ той же типографіи Мамоничей. Для Югозападной Руси сначала учрежденъ былъ трибуналъ Луцкій; а потомъ онъ соединенъ съ короннымъ трибуналомъ (1589 г.); такъ какъ эта Русь уже причислялась къ землямъ Польской короны ([97]).

Межъ тѣмъ какъ дворянское сословіе Западной Руси въ XVI вѣкѣ ясно вступило на путь ополяченія, мѣщанское и въ особенности крестьянское сословія крѣпко держались своей Русской народности. Для отклоненія ихъ отъ національной церкви, какъ извѣстно, придумана была и введена церковная унія, долженствовавшая служить и проводникомъ полонизма. На первыхъ порахъ городское

сословіе обнаружило значительную энергію въ борьбѣ съ этой уніей, опираясь преимущественно на свои братства. Но въ самой средѣ русскаго городского населенія уже во второй половинѣ XVI вѣка рѣзко обозначился чуждый ему и враждебный элементъ, который потомъ постепенно и неуклонно подорвалъ самое его существованіе. Такимъ безпощаднымъ, разлагающимъ элементомъ было жидовство. Наиболѣе устойчивую массу въ Западной Руси представляло конечно крестьянство—элементъ, какъ и вездѣ, самый консервативный и самый неподатливый для чужеземнаго вліянія. Изъ среды сего сословія главнымъ образомъ выдѣлилось Украинское или Днѣпровское казачество, которое явилось сильною опорою Русской народности и вообще около того времени стало играть важную роль въ судьбахъ Западной или собственно Югозападной Руси.

Днѣпровское или Малорусское казачество выступаетъ на историческую сцену почти одновременно съ казачествомъ Великорусскимъ или Московскимъ.

Первое документальное извѣстіе о казакахъ Днѣпровскихъ относится къ концу XV вѣка, именно къ 1499 году. Это грамота великаго князя литовскаго Александра о доходахъ кіевскаго воеводы (князя Димитрія Путятича). Тутъ говорится преимущественно о пошлинахъ, собиравшихся въ его пользу въ городѣ Кіевѣ съ разныхъ пріѣзжихъ торговцевъ. Въ числѣ послѣднихъ упоминаются и казаки, привозившіе на продажу рыбу Днѣпромъ какъ сверху, такъ и снизу его. Слѣдовательно, рыболовство и было главнымъ промысломъ Днѣпровскихъ казаковъ. Средоточіемъ собственно военнаго казачества первоначально являлся юговосточный уголъ Кіевскаго воеводства, именно область городовъ Канева и Черкасъ; отъ сего послѣдняго и самое Днѣпровское казачество стало извѣстно у Москвитянъ подъ названіемъ «Черкасы». Первое документальное упоминаніе о Черкасскихъ казакахъ, раздѣленныхъ на отряды или сотни, относится приблизительно къ 1502 году: въ семъ документѣ они названы «князя Димитрія казаками», т. е. состоявшими подъ главнымъ начальствомъ кіевскаго воеводы князя Димитрія Путятича, который велѣлъ отнять у нихъ вещи, пограбленныя у какихъ то купцовъ—ясное указаніе на грабительскія привычки этихъ казаковъ. Ближайшимъ ихъ начальникомъ естественно былъ черкасскій намѣстникъ Кіевскаго воеводы (каковымъ въ помянутомъ случаѣ является нѣкто Сенька Полозовичъ); онъ потомъ именуется старостою Каневскимъ и Черкасскимъ.

При Сигизмундѣ I таковымъ старостою является, первый извѣстный по своимъ военнымъ дѣйствіямъ, атаманъ Днѣпровскихъ казаковъ Евстафій Дашковичъ. Онъ былъ однимъ изъ пограничныхъ литовско-русскихъ воеводъ во время войны польско-литовскаго короля Александра съ Иваномъ III Московскимъ; послѣ Ведрошскаго пораженія этотъ знатный и православный Русинъ перешелъ на московскую службу; но при Василіи III, во время новой войны, возбужденной Глинскимъ, Дашковичъ опять воротился въ Западную Русь. Получивъ отъ Сигизмунда I староство Каневско-Черкасское, онъ занялъ важный тогда сторожевой постъ на пограничьѣ съ Московскимъ государствомъ и Крымскою Ордою. Ставъ вмѣстѣ съ тѣмъ во главѣ Днѣпровскихъ казаковъ, онъ воспользовался своимъ значеніемъ и благосклонностію къ себѣ Сигизмунда I, чтобы выхлопотать Черкасскому казачеству права на обширныя земли, лежавшія далѣе къ югу и почти никѣмъ тогда не заселенныя. Для закрѣпленія ихъ или для защиты со стороны Крымцевъ, онъ построилъ нѣсколько замковъ, занявъ ихъ казаками, и между прочимъ Чигиринъ, будущую столицу казацкой Украйны. Вообще дѣятельность Дашковича въ этомъ краю, продолжавшаяся около четверти вѣка (до 1536 года), много способствовала усиленію и распространенію военнаго казачества въ Приднѣпровьѣ и утвержденію его въ качествѣ особаго сословія, которое потомъ заняло среднюю ступень между крестьянствомъ и шляхетствомъ. Городовое казачество здѣсь, такъ же какъ и въ Московскомъ государствѣ, имѣло военнослужилое значеніе; оно охраняло пограничные или украинскіе королевскіе замки на правой сторонѣ Днѣпра; тогда какъ на лѣвой его сторонѣ въ городахъ Сѣверской украйны находилось родственное ему казачество, состоявшее въ московской службѣ. За свою службу оно также получало денежное жалованье и земельные надѣлы, и кромѣ того въ мирное время занималось разными промыслами. Во главѣ Днѣпровскихъ казаковъ Дашковичъ не только оберегалъ южные предѣлы Польско-Литовскаго государства отъ Крымской Орды, но, по порученію Сигизмунда, водилъ ихъ и на помощь Крымцамъ противъ Москвы; извѣстно, что онъ участвовалъ въ большомъ нашествіи Магметъ-Гирея на Москву, въ 1521 году. Но нелегко было безпокойное Днѣпровское казачество держать въ повиновеніи мѣстнымъ старостамъ. Такъ по смерти Дашковича казаки бунтовали противъ его преемниковъ, т. е. каневско-черкасскихъ старостъ (Василія Тышкевича и Яна Пенька), не желая исполнять налагаемыя на нихъ подати и повинности.

Это собственно Днѣпровское казачество городовое или осѣдлое, подчиненное королевскимъ воеводамъ и старостамъ. Отъ него рано отдѣлилось казачество «низовое», подобное вольному Донскому казачеству Восточной Руси. Оно ютилось ниже по Днѣпру, преимущественно на его островахъ, ближе къ знаменитымъ Днѣпровскимъ порогамъ; но у Москвитянъ также называлось «Черкасами». Низовые казаки въ мирное время для своего пропитанія занимались также рыбнымъ промысломъ; они сушили рыбу на солнцѣ; а на зиму расходились или въ города, или по степнымъ хуторамъ-зимовникамъ. Но вольное казачество не любило мирныхъ занятій; а промышляло главнымъ образомъ военною добычею; оно то въ особенности стало нападать на кочевыхъ Татаръ и на ихъ стада. Такимъ образомъ по естественному ходу вещей оно являлось передовою военною колоніей Югозападной Руси въ ея борьбѣ съ Крымскою Ордою за то обширное пустынное пространство, которое лежало между ними. Вольное казачество Днѣпровское, такъ же какъ и Донское, устраивалось на общинныхъ началахъ, т. е. рѣшало дѣла вѣчемъ или «радою», на которой и выбирало себѣ начальниковъ или атамановъ. Первымъ извѣстнымъ атаманомъ низовыхъ казаковъ является нѣкто Предславъ Ланцкоронскій, современникъ Евстафія Дашковича. Онъ прославилъ себя удачнымъ походомъ 1516 года на Татаръ и Турокъ подъ черноморскій Бѣлгородъ (Аккерманъ) и Очаковъ, откуда воротился съ большою добычею. Но пока это низовое Днѣпровское казачество еще находилось въ тѣсной связи съ казачествомъ собственно Черкасскимъ, и иногда подчинялось общему предводителю, т. е. Каневско-Черкасскому старостѣ. Есть извѣстія, что сами черкасскіе старосты и другіе королевскіе урядники поощряли Днѣпровскихъ казаковъ къ нападеніямъ на сосѣдей; ибо брали себѣ часть добычи. Казачьи рыболовныя, бобровныя и соляныя ватаги, отправляясь внизъ по Днѣпру, иногда соединяли эти промыслы съ грабежомъ татарскихъ улусовъ и чабановъ, угоняя у послѣднихъ коней, рогатый скотъ и овецъ. Иногда казаки эти разграбляли караваны турецкихъ и татарскихъ торговцевъ, отправлявшихся въ Москву чрезъ Таванскій перевозъ на Днѣпрѣ; нападали также и на татарскіе загоны, шедшіе въ Московскіе предѣлы для грабежа, или отнимали у нихъ добычу. На жалобы хана польско-литовское правительство отвѣчало обыкновенно уклончиво, отзываясь своеволіемъ казаковъ или ссылаясь на то, что грабили собственно не Кіевскіе и Черкасскіе казаки, а Московскіе изъ Сѣверской украйны. Иногда же призна-

вало справедливость жалобъ, обѣщало наказать виновныхъ, и приказывало изъ имущества грабителей возмѣщать убытки ограбленныхъ турецко-татарскихъ купцовъ или прямо выдать имъ всѣ пограбленныя вещи.

Въ исторіи Ивана Грознаго мы видѣли, что бывшій каневско-черкасскимъ старостою князь Димитрій Вишневецкій перешелъ на сторону Москвитянъ и помогалъ въ ихъ предпріятіяхъ противъ Крымцевъ, начальствуя Днѣпровскими казаками. Ему принадлежитъ первая извѣстная намъ попытка водворить этихъ казаковъ ниже пороговъ. Для сего онъ избралъ самый крупный изъ днѣпровскихъ острововъ, Хортицкій, имѣющій около 25 верстъ въ окружности и крутые высокіе берега. Здѣсь Вишневецкій укрѣпился (1557 г.) и сначала удачно защищался отъ Татаръ и Турокъ; но на слѣдующій годъ принужденъ былъ покинуть островъ, и ушелъ въ тѣ же города, Каневъ и Черкасы, откуда отъѣхалъ въ Москву. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, подобно Дашковичу, онъ снова воротился въ Литву (1563 г.), былъ прощенъ королемъ, предпринялъ походъ въ Молдавію, гдѣ взятъ въ плѣнъ Турками и казненъ въ Константинополѣ. Послѣ того старостою Каневскимъ и Черкасскимъ видимъ двоюроднаго брата его князя Михаила Вишневецкаго.

Низовое казачество, несмотря на первую неудачу, продолжало свое стремленіе утвердиться на островахъ за порогами, и съ тѣхъ поръ стало извѣстно болѣе подъ именемъ «Запорожскаго». Постоянно подкрѣпляемое выходцами изъ помянутаго городового украинскаго казачества и изъ другихъ западнорусскихъ краевъ, людьми, искавшими воли и простора, Запорожцы все чаще и чаще стали предпринимать походы на татарскія кочевья и турецкія владѣнія въ сѣверномъ Черноморьѣ. Эта передовая русская рать конечно являлась важною подмогою для Польско-Русскаго государства въ его борьбѣ съ Татарами и Турками и въ колонизаціи южной пустынной полосы. Но такъ какъ казаки не обращали вниманія на мирное время и заключаемые договоры, то естественно и Крымскій ханъ, и Турецкій султанъ стали обращаться къ польскому правительству съ угрозами по поводу нарушенія мирныхъ трактатовъ; а иногда нападенія казаковъ вызывали немедленную отместку, т. е. навлекали опустошительные татарскіе набѣги на Юго-западную Русь. Подобно московскому правительству въ отношеніи къ Донскому казачеству, польское правительство пытается также обуздать своеволіе Низового казачества, запрещаетъ ему самоволь-

ные походы на сосѣдей, а казакамъ, приписаннымъ къ украинскимъ городамъ и замкамъ, приказываетъ возвращаться на свои мѣста и тамъ отправлять королевскую службу. Но эти запрещенія и приказы обыкновенно не производили большого дѣйствія, особенно въ царствованіе слабаго короля Сигизмунда Августа. Казачество продолжало распространяться и усиливаться, привлекая въ свою среду въ особенности самыхъ отважныхъ людей изъ крестьянскаго сословія, которое тогда все болѣе и болѣе впадало въ безправное или крѣпостное состояніе подъ гнетомъ польскаго или ополячивающагося шляхетства.

Во-второй половинѣ XVI вѣка усиливающееся казачество поприщемъ для своихъ военныхъ предпріятій между прочимъ избрало Молдавію и Валахію; эти области, при своей зависимости отъ Турціи, еще страдали отъ разныхъ претендентовъ, которые перекупали у султана права на господарскіе престолы или оружіемъ боролись съ своими соперниками. Казацкіе атаманы съ своими дружинами являлись сюда въ качествѣ союзниковъ, приглашенныхъ или нанятыхъ какой-либо стороной. Иногда они дѣйствовали на собственный страхъ, пытаясь завоевать себѣ Молдавское воеводство; такъ напримѣръ, помянутый князь Димитрій Вишневецкій погибъ въ подобномъ предпріятіи. Нѣкто Ивоня, воевода или господарь Молдавскій, не желая покинуть престолъ, перекупленный его соперникомъ Петрилой, въ н574 г. затѣялъ возстаніе противъ Турокъ. Недобившись помощи отъ польскаго короля Генриха Анжуйскаго, онъ нанялъ тысячи полторы казаковъ съ ихъ атаманомъ или гетманомъ Свирговскимъ. Казаки совершили въ этомъ походѣ геройскіе подвиги; но были подавлены числомъ и почти всѣ погибли; а Ивоня былъ убитъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Подкова, котораго называютъ братомъ Ивони, предпринялъ съ Запорожцами удачный походъ на Петрилу; но, какъ извѣстно, потомъ онъ попалъ въ руки Поляковъ и казненъ по приказу Стефана Баторія.

Сему королю нѣкоторыя польскія и западнорусскія хроники приписываютъ устроеніе и ограниченіе казацкаго войска. Желая съ одной стороны пользоваться этою силою для потребностей государства, а съ другой положить предѣлъ дальнѣйшему размноженію безпокойной вольницы, Стефанъ Баторій попытался ограничить малороссійское казацкое войско извѣстнымъ числомъ или реестромъ, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и сдѣлать его постояннымъ опредѣленнымъ отдѣломъ польско-русскихъ вооруженныхъ силъ. Во главѣ

сего войска съ этого времени стоитъ уже не Черкасскій староста, а особый гетманъ, утверждаемый королемъ; знаками его достоинства служили булава, бунчукъ, войсковое знамя и войсковая печать. Его окружаетъ «генеральная старшина», составленная изъ разныхъ выборныхъ казаками начальниковъ, каковы обозный, судья, писарь, асаулъ, полковники и пр. Реестровымъ казакамъ положено жалованье деньгами и сукнами. Средоточіемъ ихъ назначенъ приднѣпровскій городъ Трахтимировъ съ уѣздомъ; здѣсь пребывала ихъ старшина, хранились ихъ военные запасы и были потомъ устроены пріюты для раненыхъ и больныхъ. Тотъ же король дѣлаетъ попытку ограничить число Запорожскихъ казаковъ и подчинить ихъ военной дисциплинѣ; но безуспѣшно. По крайней мѣрѣ извѣстно, что, по жалобѣ Турокъ послѣ дѣла Подковы, король посылалъ въ Запорожье своихъ коммиссаровъ для розысковъ и распоряженій; но коммиссары эти безъ всякаго успѣха воротились назадъ. Напрасно также король Баторій разсылалъ универсалы урядникамъ воеводствъ Кіевскаго, Брацлавскаго и Волынскаго съ приказомъ не пускать казаковъ въ предѣлы Турціи. Днѣпръ представлялъ для нихъ почти открытую дорогу. Запорожцы вскорѣ стали на своихъ легкихъ чайкахъ спускаться въ Черное море и производить набѣги на турецкіе берега, грабить приморскіе города и села.

Въ данную эпоху мы еще не видимъ опредѣленныхъ границъ между казаками Украинскими городовыми и собственно Запорожскими; иногда названіе войска Запорожскаго какъ бы распространяется на все Днѣпровское казачество; видны еще тѣсныя связи между ними и обоюдные переходы. Запорожье еще не успѣло обособиться. Запорожцы представляли и ту опасность для Польскаго государства, что въ случаѣ неудовольствія они входили въ связи съ Донскимъ казачествомъ и дѣйствовали заодно. Точно также городовое Днѣпровское казачество иногда входило въ связи съ украинскимъ казачествомъ Московской Руси или съ Сѣверскимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовало противъ Татаръ и Турокъ.

Послѣдующія событія показали, какъ трудно было польскому правительству держать въ порядкѣ и повиновеніи самихъ городовыхъ казаковъ. Попавшіе въ реестръ или войсковой списокъ казаки считали себя сословіемъ равнымъ шляхетскому, и недовольны были отказомъ шляхты принимать ихъ въ свою среду. А непопавшіе въ реестръ должны были воротиться въ крестьянское или хлопское состояніе, и подвергнуться тяжкому закрѣпощенію подъ властію па-

новъ и королевскихъ старостъ. Посему тѣ и другіе продолжали дѣйствовать вмѣстѣ. Въ связи съ этими причинами, стало разростаться движеніе, выразившееся потомъ цѣлымъ рядомъ казацкихъ мятежей противъ польскаго правительства. Къ сему движенію приставали многіе изъ мелкихъ русскихъ шляхтичей, которые находились въ услуженіи у богатыхъ и знатныхъ пановъ: нерѣдко, поссорившись съ своимъ господиномъ, эти шляхтичи покидали его и шли козаковать. Особенно такихъ выходцевъ было много на Волыни, которая отличалась большимъ числомъ мелкаго дворянства сравнительно съ другими областями Югозападной Руси. Изъ подобныхъ, незаписанныхъ въ реестръ, шляхтичей, хлоповъ и низовыхъ казаковъ начали составляться вольныя шайки, которыя или принимали участіе въ наѣздахъ пановъ на своихъ сосѣдей, или дѣлали эти наѣзды и грабежи на свой страхъ; причемъ ихъ атаманы иногда величали себя казацкими гетманами. Частыя тревоги отъ Татаръ въ украйныхъ областяхъ и слабость правительства Рѣчи Посполитой способствовали подобнымъ предпріятіямъ и дѣлали ихъ иногда безнаказанными.

Послѣ Баторія, въ царствованіе Сигизмунда III безпокойства и смуты казацкія замѣтно стали усиливаться, по мѣрѣ того какъ въ Югозападной Руси увеличивался помянутый гнетъ отъ польскихъ пановъ и ополячивающихся русскихъ вельможъ, и поспольство все болѣе и болѣе впадало въ безправное состояніе. Теперь уже не мелкія шайки выступаютъ на сцену дѣйствія, а поднимается едва не цѣлое казачество противъ панскаго правительства Рѣчи Посполитой. Первое такое возстаніе произведено было въ 1592 году Косинскимъ, который повидимому самъ заставилъ себя провозгласить казацкимъ гетманомъ. Къ нему пристало много бѣглой челяди; онъ пошелъ на Волынь, гдѣ его отряды принялись жечь и грабить города и мѣстечки, какъ королевскіе, такъ и знатныхъ пановъ; а мѣщанъ и мелкихъ шляхтичей заставляли присягать на вѣрность себѣ. Разосланы были королевскіе универсалы, призывающіе шляхту воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго на посполитое рушеніе противъ казаковъ; слѣдовательно, такъ велика была уже опасность. Князь Константинъ Острожскій сталъ во главѣ шляхетскаго ополченія, и началъ тѣснить казаковъ. Осажденный подъ Пяткою, Косинскій принужденъ былъ положить оружіе. Казаки обязались смѣнить его, находиться въ покорности королю, выдать бѣжавшихъ къ нимъ слугъ и крестьянъ, возвратить забранные у шляхты оружіе, коней, скотъ и прочее имущество (1593 г.),

Спустя два года, разгорѣлось уже новое возстаніе, поднятое вольными шайками. Во главѣ его является бывалый казакъ Наливайко, прежде того предпринимавшій походы противъ Татаръ и въ Венгрію. На сей разъ къ ненависти казаковъ и поспольства противъ панскаго или шляхетскаго правительства присоединилось и религіозное возбужденіе, именно неудовольствіе, произведенное въ Русскомъ народѣ Церковною уніей, въ особенности отступничествомъ отъ православія западнорусскихъ архіереевъ. Въ подстрекательствѣ къ новому движенію, повидимому, не былъ чуждъ и самъ князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, подавившій возстаніе Косинскаго. Рядомъ съ Наливайкой въ числѣ вожаковъ этого движенія явился его родной братъ попъ Демьянъ, пребывавшій на службѣ у князя Константина въ самомъ Острогѣ. Началось возстаніе на Волыни наѣздами на имѣнія тѣхъ пановъ, которые извѣстны были какъ враги православія или отступники отъ него, преимущественно на имѣнія извѣстнаго луцкаго старосты Семашки и братьевъ Терлецкихъ. Наливайко приглашалъ соединиться съ нимъ городовыхъ казаковъ. Значительная часть ихъ дѣйствительно пристала къ возстанію подъ предводительствомъ гетмана (по другимъ полковника) Лободы. Возстанію этому благопріятствовало и то обстоятельство, что главныя польскія силы находились тогда въ Молдавіи. Король принужденъ былъ отозвать отсюда часть арміи съ гетманомъ Жолкевскимъ. Сбродныя нестройныя толпы вольницы не могли конечно стоять противъ регулярнаго войска. Наливайко изъ Волыни отступилъ въ Брацлавское воеводство; тѣснимый Поляками, онъ перешелъ на лѣвую сторону Днѣпра, и вмѣстѣ съ Лободою укрѣпился подъ городомъ Лубнами на рѣкѣ Сулѣ. Тутъ казаки, послѣ продолжительной осады, принуждены были сдаться на тѣхъ же условіяхъ какъ и выше; при семъ выдали Наливайка и Лободу, которые потомъ казнены въ Варшавѣ; по нѣкоторому преданію, они будто бы были сожжены въ мѣдномъ быкѣ (1596). Вообще усмиреніе сего возстанія, продолжавшагося около двухъ лѣтъ, сопровождалось многочисленными казнями и разными жестокостями. Украйна на время притихла. Но раздраженіе въ Малорусскомъ народѣ противъ Поляковъ и пановъ продолжало накопляться; а два предыдущія возстанія указали ему ядро, на которое онъ могъ опираться въ борьбѣ съ врагами Русской народности, т. е. на казачество; оно получило еще болѣе притягательную силу и завладѣло неудержимымъ народнымъ сочувствіемъ. ([98]).

* *
*

Время появленія въ Россіи жидовства опредѣлить весьма трудно. Уже въ первые вѣка нашей исторіи мы находимъ жидовъ въ Кіевѣ и, повидимому, въ другихъ важнѣйшихъ городахъ. Они являются тамъ съ обычными своими чертами, т. е. въ качествѣ ростовщиковъ и арендаторовъ, которые берутъ на откупъ разныя отрасли княжескихъ доходовъ, а также въ качествѣ торговцевъ, и между прочимъ торговцевъ рабами. Можно полагать, что въ Кіевской Руси домонгольской эпохи Евреи были колонистами съ юга изъ Тавриды и другихъ областей прежняго Козарскаго царства, въ которомъ, какъ извѣстно, дворъ и высшее сословіе исповѣдывали іудейскую религію. Эти древнѣйшіе еврейскіе колонисты отчасти принадлежали къ отдѣлу Караитовъ или Караимовъ, т. е. къ тѣмъ Евреямъ, которые въ чистотѣ держатся пятикнижія Моисеева и отвергаютъ Талмудъ или позднѣйшій, накопившійся въ теченіе вѣковъ, мутный сборникъ всякаго рода религіозныхъ и житейскихъ толкованій и обрядовыхъ наставленій. (Расколъ, подобный распаденію мусульманъ на шіитовъ и суннитовъ). Но эта еврейская колонизація, направлявшаяся съ юго-востока, была незначительною въ сравненіи съ тѣмъ приливомъ жидовъ-раввинитовъ (талмудистовъ), которые стали приходить съ запада изъ Германіи, Богеміи и Венгріи, откуда большое число ихъ изгонялось или само выселялось вслѣдствіе жестокихъ гоненій, поднятыхъ особенно въ эпоху Крестовыхъ походовъ. Колонисты эти стали находить убѣжище въ Польскихъ областяхъ, гдѣ потомъ съумѣли пріобрѣсти или собственно купить себѣ покровительство нѣкоторыхъ удѣльныхъ князей. Такъ Болеславъ Благочестивый, герцогъ Калишскій, въ 1264 году далъ имъ льготную грамоту на разныя права и вольности (по содержанію своему весьма сходную съ такою же грамотою Оттокара, короля Чешскаго, данною пражскимъ Евреямъ въ 1254 г.). Подобныя же грамоты получили они отъ герцоговъ Силезскихъ. Когда Польша объединилась, сіи привиллегіи стали распространяться на всѣ польскія области. Въ этомъ отношеніи особенно выдается покровительство, оказанное Евреямъ со стороны послѣдняго короля изъ дома Пястовъ, т. е. Казиміра Великаго. Нѣкоторые польскіе историки XV и XVI вв. говорятъ, будто главною причиною его покровительства Евреямъ была привязанность къ одной красивой жидовкѣ, по имени Эсѳири. Возможно, что эта привязанность только подкрѣпила благосклонность Казиміра

къ Евреямъ; но подтвержденіе льготныхъ грамотъ съ его стороны началось ранѣе знакомства съ Эсѳирью.

Евреи, переселявшіеся изъ Германіи въ Польшу, отсюда двигались далѣе и переходили въ Западную Русь, гдѣ въ свою очередь пріобрѣтали покровительство нѣкоторыхъ мѣстныхъ князей. Особенно радушно принимали ихъ въ своихъ областяхъ Даніилъ Романовичъ Галицкій и его преемники; опустошенные Татарами города они старались наполнять не одними Русскими жителями, но также Нѣмцами, Армянами и Жидами. Когда же не только Галицкая Русь вошла въ составъ Польскаго королевства при Казимірѣ Великомъ, но вскорѣ и все Литовское великое княжество вступило въ унію съ Польшею, тогда переходъ еврейства въ Западную Русь облегчился еще болѣе. Въ Литовской Руси древнѣйшими законодательными памятниками, опредѣляющими положеніе здѣсь жидовства, являются льготныя грамоты Витовта, данныя Трокскимъ, Брестскимъ и Гродненскимъ Евреямъ, въ 1388 и 1389 гг., и по содержанію своему близко подходящія къ помянутымъ выше льготнымъ грамотамъ Чешскимъ и Польскимъ. Грамоты Витовта въ свою очередь подтверждались и слегка видоизмѣнялись его преемниками; такимъ образомъ онѣ легли въ основу юридическаго положенія Евреевъ въ Западной Руси XV и XVI вѣковъ.

Положеніе сіе, на основаніи названныхъ грамотъ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Первая и самая важная привиллегія литовскихъ Евреевъ заключается въ томъ, что они считаются непосредственными подданными великаго князя Литовскаго; слѣдовательно они люди вольные, и вельможи (не смотря на нѣкоторыя попытки) не могли распространить на нихъ крѣпостное право. По важнѣйшимъ, т. е. по уголовнымъ, дѣламъ они, наравнѣ со шляхтою и всѣми свободными людьми, подлежатъ суду или самого великаго князя, или мѣстнаго великокняжескаго старосты. Этотъ староста или его замѣститель (подстароста) въ грамотахъ даже прямо называется «жидовскимъ судьей». По дѣламъ религіознымъ и по взаимнымъ гражданскимъ спорамъ Евреямъ предоставлено право судиться самимъ между собою, и мѣстомъ этого собственнаго суда служитъ у нихъ по преимуществу синагога. Такимъ образомъ они получаютъ возможность жить отдѣльными, самостоятельными общинами. Мѣстная еврейская община, имѣвшая свой молитвенный домъ или синагогу, свое особое кладбище и свою школу, называется въ грамотахъ «зборъ» (т. е.

соборъ) или «зборъ жидовскій» (впослѣдствіи «кагалъ»). Евреямъ предоставляется свобода ихъ вѣроисповѣданія; за ними признается имущественная и личная неприкосновенность, такъ что человѣкъ, причинившій Еврею смерть или какое насиліе, наказывался по общему земскому праву какъ за убійство или насиліе шляхтичу. Таможеннымъ приставамъ строго запрещается брать мыто съ еврейскихъ мертвыхъ тѣлъ, провозимыхъ на ихъ кладбища. Запрещается также повторять извѣстныя въ Средніе вѣка обвиненія Евреевъ въ томъ, что они иногда употребляютъ христіанскую кровь при своихъ обрядахъ. Всякое подобное обвиненіе должно быть подтверждено шестью свидѣтелями, изъ которыхъ трое христіанъ и трое Евреевъ, и если невинность Еврея будетъ выяснена, то обвинитель долженъ самъ подвергнуться тому наказанію, которому подлежалъ бы обвиненный.

Грамоты предоставляютъ Евреямъ свободное занятіе торговлею и ремеслами, наравнѣ съ мѣщанами-христіанами; но онѣ же показываютъ, что главный ихъ промыселъ составляло излюбленное ростовщичество; ибо довольно много распространяются объ условіяхъ, при которыхъ еврей долженъ былъ принимать вещи въ залогъ подъ ссуду, объ очистительной присягѣ на случай, если заложенная вещь окажется воровскою, о просроченныхъ закладахъ и т. п. Обозначается и другой излюбленный еврейскій промыселъ: откупа, преимущественно таможенныхъ пошлинъ, а впослѣдствіи и продажа крѣпкихъ напитковъ. Уже самъ Витовтъ имѣлъ у себя откупщикомъ таможенныхъ пошлинъ жида Шаню, которому великій князь пожаловалъ два села во Владимірскомъ повѣтѣ. Слѣдовательно, Евреи могли владѣть и населенною землею.

Преемники Витовта на литовскомъ престолѣ, нуждавшіеся въ деньгахъ, напримѣръ Свидригайло и король Казиміръ IV, также охотно отдавали на откупъ Евреямъ таможенные и другіе великокняжскіе доходы; при чемъ нерѣдко забирали у нихъ впередъ значительныя суммы золотыми червонцами и входили къ нимъ въ долги. Услужливые Евреи-заимодавцы такихъ должниковъ не торопили погашеніемъ долга или вмѣсто золота принимали въ уплату разныя сельскохозяйственныя произведенія, которыми изобиловали великокняжескія житницы, кладовыя и скотные дворы; каковы: соль, медъ, рожь, кони, рогатый скотъ и пр. Евреи въ убыткѣ не оставались; закупая власть, они богатѣли и множились насчетъ коренного населенія. Это населеніе, особенно мѣщанство, конечно не могло оставаться равнодушно къ тому, какъ Евреи отбивали у него разные

промыслы и торговлю; шляхта также съ неудовольствіемъ смотрѣла на постоянный захватъ Евреями въ свои руки всей откупной системы, въ которой прежде и она принимала участіе. А все возраставшіе великокняжскіе долги жидамъ-кредиторамъ тяготили и самую верховную власть. Когда же къ этимъ накопившимся причинамъ неудоволствія присоединилась и религіозная ревность, то послѣдовало бѣдственное для Евреевъ событіе. Сынъ и преемникъ Казиміра IV въ Литвѣ, великій князь Александръ, отличавшійся именно усердіемъ къ католической церкви, вскорѣ послѣ своего брака съ московскою княжною Еленою Ивановной, въ 1495 году велѣлъ изгнать Евреевъ изъ великаго княжества Литовскаго, а ихъ дома и земли конфисковать. Дѣйствительно, изъ Бреста, Гродна, Трокъ, Луцка, Владиміра и Кіева еврейскія общины были изгнаны, и удалились въ сосѣднюю Польшу; ихъ недвижимыя имущества начали раздавать другимъ жителямъ. Но бѣдствіе это продолжалось недолго. Въ 1501 году великій князь Александръ сдѣлался польскимъ королемъ; изгнанные изъ Литвы Евреи снова очутились его подданными. А въ Польшѣ еврейство тогда было уже такъ многочисленно и сильно, что объ его изгнаніи нечего было и думать. Закупленные имъ польскіе магнаты были его покровителями и защитниками. Евреи съумѣли привлечь на свою сторону и нѣкоторыхъ литовскихъ вельможъ. Подъ ихъ вліяніемъ слабохарактерный, непослѣдовательный Александръ въ 1503 году отмѣнилъ свое первое распоряженіе; онъ позволилъ изгнаннымъ Евреямъ воротиться на старыя мѣста и пользоваться всѣми прежними правами. При семъ литовскіе Евреи обязались выставлять на свой счетъ на государственную службу 1000 всадниковъ. Однако при томъ же Александрѣ они успѣли выхлопотать отмѣну этой повинности, вмѣсто которой обязались платить подать наравнѣ съ мѣщанами. А впослѣдствіи, въ замѣнъ сей повинности, на Евреевъ наложена особая подать въ 1000 червонныхъ злотыхъ.

Временное изгнаніе послужило Евреямъ на пользу: прежде отдѣльныя и разбросанныя, ихъ общины теперь старались тѣснѣе сблизиться между собою, чтобы отстаивать себя сообща; а наложенная на нихъ помянутая подать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими особыми еврейскими податями, при круговой порукѣ еще болѣе скрѣпила эти взаимныя связи.

Сигизмундъ I и его супруга, королева Бона, оказываютъ явное покровительство Евреямъ, и попреимуществу изъ фискальныхъ ви-

довъ, потому что Евреи, въ качествѣ откупщиковъ или арендаторовъ королевскихъ доходовъ и имуществъ, умѣли доставлять имъ значительныя денежныя суммы. Одинъ брестскій крещеный еврей, по имени Абрамъ Іозефовичъ, поставленъ былъ Сигизмундомъ на должность литовскаго подскарбія, т. е. государственнаго казначея или министра финансовъ. Разумѣется, этотъ Абрамъ въ свою очередь усердно помогалъ своимъ единоплеменникамъ, и прежде всего собственнымъ родственникамъ. Такъ братъ его Михель Езофовичъ является крупнымъ еврейскимъ откупщикомъ, который арендуетъ въ королевскихъ имѣніяхъ соляныя и восковыя пошлины, таможни, мыты и корчмы. Онъ играетъ роль жидовскаго фактора у короля Сигизмунда, и послѣдній за оказанныя услуги наградилъ его тѣмъ, что возвелъ въ потомственное шляхетское достоинство. Есть основанія полагать, что права и привиллегіи Евреевъ, дотолѣ заключавшіяся въ отдѣльныхъ грамотахъ, выданныхъ разнымъ ихъ общинамъ, при семъ королѣ были соединены въ общія положенія и внесены въ Старый Литовскій статутъ. Преемникъ его, слабохарактерный, лѣнивый Сигизмундъ Августъ, постоянно нуждавшійся въ деньгахъ, держится тѣхъ же еврейскихъ откупщиковъ. Въ эпоху Сигизмундовъ къ сложившейся уже ранѣе системѣ таможенныхъ откуповъ примыкаетъ соляной и въ особенности питейный; вольная торговля солью, а также свободное изготовленіе и продажа пива, меду и водки постепенно замѣняются сдачею на откупъ, который Евреи спѣшатъ захватывать въ свои руки.

Недовольствуясь покровительствомъ жидовству въ Польшѣ и Западной Руси, Сигизмундъ Августъ вздумалъ распространить его и на Восточную Русь. Въ 1550 году, чрезъ бывшее въ Москвѣ свое посольство, онъ ходатайствовалъ передъ Иваномъ IV о дозволеніи жидамъ ѣздить въ Московское государство и тамъ торговать. Но Иванъ Васильевичъ на это ходатайство отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, обвиняя жидовъ въ томъ, что они отводятъ людей отъ христіанства, привозятъ отравныя зелья и т. п. Извѣстная новогородская ересь, названная Жидовствующею, немало усилила въ московскомъ правительствѣ нерасположеніе къ жидовству. Иванъ Грозный, какъ мы видѣли, воротивъ Полоцкъ, началъ его очищеніе отъ нерусскихъ элементовъ съ того, что велѣлъ утопить въ Двинѣ мѣстныхъ жидовъ (конечно за исключеніемъ тѣхъ, которые крестились).

Въ Западной Руси православная шляхта и особенно коренное населеніе городовъ также съ неудовольствіемъ смотрѣли на распро-

страненіе жидовства. Оно отбивало у шляхты аренды королевскихъ и магнатскихъ имѣній и таможенные откупа, которые дотолѣ были въ ея рукахъ, и которые въ рукахъ Евреевъ служили источникомъ многихъ злоупотребленій и притѣсненій; а у горожанъ оно стремилось перебить всякіе промыслы и мелкую торговлю, чѣмъ прямо грозило не только ихъ благосостоянію, но и самымъ средствамъ существованія; при чемъ жидовство по обычаю не пренебрегало никакими способами для достиженія своихъ хищныхъ стремленій. Рѣзкій отголосокъ того ропота, который раздавался противъ жидовства, находимъ мы въ помянутомъ выше сочиненіи Михалона Литвина. «Въ эту страну, говоритъ онъ, собрался отовсюду самый дурной изъ всѣхъ народовъ—Іудейскій, распространившійся по всѣмъ городамъ Подоліи, Волыни и другихъ плодородныхъ областей. Народъ вѣроломный, хитрый, вредный, который портитъ наши товары, поддѣлываетъ деньги, печати, на всѣхъ рынкахъ отнимаетъ у христіанъ средства къ жизни, не знаетъ другого искусства, кромѣ обмана и клеветы. Самое дурное поколѣніе халдейскаго племени, какъ свидѣтельствуетъ Св. Писаніе, поколѣніе развратное, грѣховное, вѣроломное, негодное». Къ указаннымъ его привычкамъ слѣдуетъ прибавить и, засвидѣтельствованное актами, укрывательство краденаго имущества.

Западнорусское мѣщанство, не смотря на свои магдебургскія привиллегіи, если и пыталось бороться противъ водворявшейся еврейской эксплоатаціи, то обыкновенно находило на противной сторонѣ не только королевское правительство, но также наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ между собственными согражданами, которыхъ жиды умѣли запутывать въ общія съ ними торговыя и промышленныя предпріятія. А шляхта русская своими жалобами и протестами достигла только того, что во Второмъ Литовскомъ статутѣ (1566 года) появились артикулы, запрещавшіе Евреямъ имѣть дорогія платья съ золотыми цѣпями, а также серебряныя украшенія на сабляхъ. Для отличія отъ христіанъ, имъ предписано носить желтыя шляпы или шапки, а женамъ ихъ повойники изъ желтаго полотна; послѣднимъ также запрещались золотыя и серебряныя украшенія. Но всѣ существенныя права и привиллегіи жидовства остались въ полной силѣ. На знаменитомъ Люблинскомъ сеймѣ 1569 года послы изъ Западнорусскихъ областей горько жаловались на жидовскую эксплоатацію; они просили устранить жидовъ отъ всякихъ сборовъ, а взиманіе пошлинъ и другихъ доходовъ поручить родовитымъ шляхтичамъ. «Одолѣли насъ жиды—говорили послы изъ

Литовской Руси:—держатъ торговыя пошлины, сборы на торгахъ, мельницы, побрали въ аренду солодовни и всѣ другія доходныя статьи». «Хотя мы имѣемъ немало конституцій касательно жидовъ, несмотря на то, эти негодяи и у насъ занимаютъ сіи должности (сборщиковъ) и немало дѣлаютъ грабительства въ Руси» (т. е. въ Русскомъ воеводствѣ), говорилъ 17 іюля перемышльскій судья Орѣховскій въ своей рѣчи, обращенной къ сенаторамъ отъ имени всей Посольской избы. Но тщетны были всѣ подобныя жалобы: король Сигизмундъ Августъ остался неизмѣннымъ покровителемъ жидовства, и строгія конституціи оставались мертвою буквою.

Обездоленные Евреями, христіане мстили имъ цѣлымъ рядомъ разныхъ обвиненій. Между сими послѣдними наиболѣе сильнымъ и распространеннымъ является обвиненіе въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей, которыхъ кровь употреблялась будто бы при нѣкоторыхъ жидовскихъ обрядахъ. Королевскія грамоты запрещали взводить на жидовъ подобныя обвиненія; объявляли ихъ подсудными только самому королю; требовали свидѣтелей въ количествѣ трехъ евреевъ и четырехъ христіанъ, и угрожали смертною казнію за недоказанныя обвиненія; тѣмъ не менѣе коренное населеніе при всякомъ удобномъ случаѣ упорно ихъ возобновляло. Несмотря на еврейскія привиллегіи, мѣщанство иногда подвергало обвиненныхъ евреевъ своему суду, приговаривало къ смертной казни и спѣшило ее исполнить, не надѣясь на правосудіе королевскихъ намѣстниковъ. Въ одной льготной грамотѣ, данной Евреямъ Сигизмундомъ Августомъ, прямо говорится, что разныя обвиненія взводились на нихъ для того, чтобы выжить ихъ изъ городовъ. Но всѣ подобныя попытки оставались безуспѣшны. Съ обычною своею цѣпкостью, Евреи прочно усѣлись въ Западной Руси и, съ свойственными имъ неуклонностію и безпощадностію, начали здѣсь свою эксплоататорскую дѣятельность, свою разрушительную работу термитовъ, подтачивающихъ общественный и государственный организмъ.

Если обратимся къ количеству еврейскаго населенія въ Западной Руси, то по всѣмъ признакамъ оно еще не было велико въ первой половинѣ XVI вѣка. Приблизительно его можно опредѣлить отчасти на основаніи податныхъ данныхъ того времени, а главнымъ образомъ на основаніи ревизіи великокняжескихъ имѣній, произведенной по распоряженію Сигизмунда-Августа въ теченіе 1552—1566 гг. по преимуществу на Волыни. Эта ревизія или люстрація представляетъ довольно подробную опись городовъ, ихъ населенія, рынковъ, огородовъ, пахотной и сѣнокосной земли, фольварковъ и т. д., съ обозна-

ченіемъ владѣльцевъ и подлежащихъ съ нихъ податей. Отсюда мы узнаемъ, что самыя многочисленныя еврейскія общины находились въ Брестѣ, Гроднѣ, Луцкѣ, Кременцѣ, Владимірѣ, Тыкотинѣ, Пинскѣ и Кобринѣ; изъ нихъ наибольшее число еврейскихъ домохозяевъ насчитывается въ Брестѣ, именно 85, а меньшее въ Кобринѣ, 22. Въ иныхъ мѣстахъ обозначено по нѣскольку семей. Кромѣ названныхъ сейчасъ, наиболѣе старыя и значительныя еврейскія общины находились въ Вильнѣ, Трокахъ, Новогрудкѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сѣверной половины великаго княжества Литовскаго. Принимая во вниманіе разныя данныя, а также искусство Евреевъ скрывать свое настоящее число въ виду повинностей и податей, количество ихъ въ городахъ Великаго княжества около половины XVI вѣка можно приблизительно полагать отъ 20 до 25 тысячъ—число весьма достаточное для начала ихъ наступательнаго движенія противъ коренного населенія. Послѣ Люблинской уніи, когда переселенія изъ Польши еще болѣе облегчились, а Югозападная Русь непосредственно соединилась съ Короною, конечно усилился приливъ изъ нея жидовъ-пролетаріевъ; а Польша въ свою очередь продолжала получать притокъ жидовства изъ Германіи, Богеміи и Венгріи. При такомъ приливѣ, принимая еще въ расчетъ извѣстную способность жидовства къ быстрому размноженію, едва ли ошибемся, если скажемъ, что къ концу XVI вѣка количество Евреевъ въ Западной Руси уже приближалось къ сотнѣ тысячъ, большинство которой составлялъ голодный, а слѣдовательно тѣмъ болѣе хищный пролетаріатъ.

Такъ называвшійся «жидовскій зборъ» въ эту эпоху представлялъ общину, которая имѣла свой молитвенный домъ или синагогу и свое кладбище; очевидно она соотвѣтствовала церковному приходу у христіанъ. Общину эту составляли всѣ мѣстные еврейскіе домовладѣльцы, слѣдовательно люди осѣдлые. Во главѣ ея стоятъ выборные старшины, которые собственно вѣдались съ правительствомъ и заправляли дѣлами общины. Тѣ же старшины совершали внутри ея судъ подъ предсѣдательствомъ ученаго теолога или раввина; главную же обязанность такого теолога составляло объясненіе Библіи и Талмуда, и обученіе сему послѣднему лицъ, готовившихся къ ученому званію. Кромѣ раввина и старшинъ, служебными лицами въ жидовской общинѣ, состоявшими на жалованьѣ, были: канторъ, отправлявшій пѣніе и чтеніе Библіи въ синагогѣ; школьникъ—смотритель за синагогою и вмѣстѣ родъ пристава по судебнымъ дѣламъ, и рѣзникъ, который занимался

убоемъ скота и птицы, назначавшихся въ пищу. Разселеніе жидовства по Западной Руси совершалось въ непосредственной связи съ ихъ общиннымъ устройствомъ. Старѣйшія и значительнѣйшія общины, какъ Гродненская, Брестская, Трокская, Луцкая и пр., высылаютъ отъ себя поселенія или колоніи въ разныя стороны, преимущественно на востокъ. Эти колонисты, занимающіеся мелкою торговлею, арендами и т. п., проживаютъ въ данной мѣстности какъ бы временно и въ случаѣ какого столкновенія или притѣсненія прибѣгаютъ подъ защиту своей главной общины, которая вступается за нихъ передъ властями и оказываетъ всякую поддержку. А потомъ, когда колонія достаточно увеличится, то, улучивъ удобное время и найдя себѣ покровителей между мѣстными властями, она выхлопатываетъ разрѣшеніе построить собственную синагогу и устроить свое особое кладбище. Такимъ образомъ колонія превращалась въ самостоятельную жидовскую общину. Этимъ путемъ жидовство постоянно и неуклонно распространяло черту своей осѣдлости, и сѣть своихъ поселеній раскидывало на всю Западную Русь.

Не ограничиваясь собственно великокняжескими городами и имѣніями, Евреи уже въ первой половинѣ XVI вѣка появляются на земляхъ бывшихъ удѣльныхъ князей и знатнѣйшихъ вельможъ, каковы князья Пинскіе, Кобринскіе, Острожскіе и нѣкоторые другіе. Хотя и прекратилась династія Ягеллоновъ, главныхъ покровителей и насадителей жидовства въ Западной Руси, оно умѣло обойти и послѣдующихъ за ними королей выборныхъ, т. е. выхлопатывать у нихъ подтвержденіе и расширеніе своихъ правъ и привиллегій- Такія льготныя грамоты выдавали имъ и Генрихъ Валуа, и Стефанъ Баторій, и Сигизмундъ III. Литовскій Статутъ 1588 года уже благосклоннѣе относится къ жидовству, чѣмъ Статутъ 1566 года, и отмѣняетъ нѣкоторыя ихъ ограниченія; ибо многіе знатные вельможи уже поддались вкрадчивости и услужливости жидовъ, занимаютъ у нихъ деньги, вводятъ ихъ въ свои имѣнія въ качествѣ откупщиковъ, поссессоровъ и арендаторовъ, безъ труда получаютъ отъ нихъ свои доходы, предоставляя имъ на жертву своихъ подданныхъ,—и естественно становятся ихъ усердными покровителями. Въ числѣ подобныхъ вельможъ-покровителей является извѣстный глава литовскихъ протестантовъ Николай Рыжій Радивилъ, воевода Виленскій. Такъ, въ 1573 году жмудская шляхта горько жалуется своему старостѣ Яну Ходкевичу на то, что Николай Радивилъ въ своей волости Шавленской на пограничьѣ съ Пруссіей «мытные комары» отдалъ въ

аренду жидамъ; а сіи послѣдніе со всѣхъ и со всего берутъ мыто и, вопреки шляхетскимъ привилегіямъ, даже съ того, кто везетъ изъ Пруссіи что-либо на свою потребу.

Выше мы видѣли, какъ отзывается о Евреяхъ литвинъ Михалонъ. Теперь посмотримъ, какими представляетъ ихъ польскій поэтъ Клёновичъ, жившій во второй половинѣ XVI вѣка, состоявшій нѣкоторое время при Люблинскомъ судѣ и въ этой должности имѣвшій возможность близко наблюдать еврейскіе нравы. Въ своихъ превосходныхъ произведеніяхъ онъ не разъ касается еврейства и всегда изображаетъ его одинаковыми, рѣзкими чертами.

Остановимся нѣсколько на этихъ чертахъ.

Въ латинской поэмѣ Roxolania, исполненной, какъ мы сказали, многихъ идиллическихъ картинъ, Клёновичъ набрасываетъ приблизительно такую характеристику львовскихъ жидовъ: «Здѣсь лживый обрѣзанецъ невозмутимо обитаетъ грязныя предмѣстья и зловонныя жилища. Тутъ его синагога оглашается сиплымъ ревомъ и разнообразнымъ мычаніемъ, выпрашивающимъ у неба ниспосланія всякихъ даровъ. Можетъ быть, ты спросишь, что дѣлаетъ жидъ въ этомъ славномъ городѣ? А тоже, что дѣлаетъ волкъ, попавшій въ полную овчарню. Посредствомъ долговъ къ нему попадаютъ въ закладъ цѣлые города; онъ утѣсняетъ ихъ процентами и сѣетъ нищету. Червь медленно точитъ дерево и понемногу снѣдаетъ дубъ, но быстро заводитъ гниль. Отъ моли погибаютъ ткани, отъ ржавчины портится желѣзо. Такъ непроизводительный жидъ съѣдаетъ частное имущество, истощаетъ общественныя богатства. Поздно брались за умъ разоренные государи, и начинало стенать государство, наученное бѣдствіемъ. Оно повержено долу, какъ тѣло, лишенное крови; нѣтъ болѣе силъ и жизненныхъ соковъ».

Въ другой своей латинской поэмѣ, сатирическаго характера, озаглавленной «Побѣда боговъ» (Victoria Deorum), онъ слѣдующими словами очерчиваетъ дѣятельность еврея. «Тѣмъ временемъ жидъ лихвою обременяетъ значительные города, съ удивительною изворотливостью гоняясь за низкою корыстію. Онъ торгуетъ всѣмъ: водой, воздухомъ, покоемъ, правомъ. Всюду онъ проникаетъ съ своимъ торгомъ, чтобы разставить свои корыстныя сѣти, и угождаетъ власть имущему; чиновники обдираютъ его, а онъ грабитъ ихъ въ свою очередь. Даже казна государственная (fiscus) не безопасна отъ его изворотовъ; такъ сильно ослѣпляетъ всѣхъ золото. Таково это Авраамово племя; вотъ его подражаніе нравамъ и справедливости прародителя»!

Въ третьей, уже чисто сатирической, и притомъ польской поэмѣ, озаглавленной «Іудинъ кошель» (Worek Judaszów), Кленовичъ осмѣиваетъ разные пороки своихъ современниковъ, и тутъ между прочимъ рисуетъ образъ ростовщика. Онъ сравниваетъ его то съ ненасытной піявкой, то со слѣпнемъ, который, вцѣпясь въ конскую шею, пьетъ изъ нея кровь цѣлый день, не обращая никакого вниманія на то, что конь машетъ головой и хвостомъ и брыкаетъ ногами; то уподобляетъ его миѳическому африканскому змѣю-дракону, который съ дерева подстерегаетъ слона, бросается на него неожиданно, обвиваетъ все его тѣло, а голову свою прячетъ въ его же носу, и затѣмъ высасываетъ его кровь. Тщетно слонъ пытается освободиться отъ кровопійцы, пока, изнемогши, падаетъ мертвымъ на землю, и вмѣстѣ съ тѣмъ давитъ своего врага. Далѣе, сравнивая лихву съ сѣменами, которыя поселянинъ бросаетъ въ землю, чтобы получить ихъ обратно во много кратъ большемъ количествѣ, поэтъ распространяется о тѣхъ трудахъ, перемѣнной погодѣ и всякихъ бѣдахъ, которымъ нерѣдко подвергается земледѣлецъ. Тогда какъ «жадный ростовщикъ жнетъ лѣто и зиму, и лихвой сѣетъ лихву. Онъ не обгораетъ, не мерзнетъ и не мокнетъ въ полѣ, а сидитъ себѣ у окна своей квартиры. Или на толкучемъ рынкѣ все высматриваетъ грязный жидовинъ въ кафтанѣ и низкой шапочкѣ, съ краснымъ лбомъ и горбатымъ носомъ, и говоритъ, какъ попугай, утинымъ голосомъ. Онъ начинаетъ свой гандель сверткомъ шафрану; а потомъ все болѣе и болѣе сближается съ алчнымъ паномъ. Сего послѣдняго ростовщикъ называетъ своимъ цѣховымъ братомъ, съ нимъ бесѣдуетъ и проводитъ всю жизнь».

Мрачными, желчными красками обрисовалъ Кленовичъ современное ему жидовство, и мы могли бы упрекнуть поэта въ сильномъ пристрастіи или преувеличеніи, если бы дальнѣйшая исторія Западной Руси и даже всей Рѣчи Посполитой не подтвердила вполнѣ его вѣщихъ словъ.

Противъ этой надвигающей съ запада тучи безпощадныхъ эксплоататоровъ, что же могло выставитъ Западнорусское общество, лишенное политической самобытности или собственной національной власти, и раздираемое жестокою борьбою религіозныхъ партій? Въ рукахъ польскаго правительства и ополячившагося дворянства, Евреи явились новымъ и едвали не самымъ дѣйствительнымъ средствомъ угнетенія и обѣдненія коренной народности въ Западной Руси. (99).

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ТРЕТЬЕМУ ТОМУ.

1. О заключеніи и смерти Димитрія: Герберштейнъ. Лѣт. Архангел. Никонов. Татищ. Его завѣщаніе въ С. Г. Г. и Д. I. № 147 и въ Древ. Рос. Вивліоѳ. Изд. 2-ое. Ч. III. О царевичѣ Петрѣ (Худай-Кулѣ) см. Соф. лѣт. (П. С. Р. Л. VI. 51, 244—45). Никон. Воскр. Запись его на вѣрную службу великому князю въ С. Г. Г. и Д. I. № 145. Древ. Рос. Вивліоѳ. Изд. 2-е. Ч. III и Продолж. Др. Р. Вивл. Ч. V. Вельям. Зернова «о Касимов. царяхъ» I. 177 и далѣе. О походѣ на Казань: Лѣт. Софійск. 2-я, Никонов. «Исторія о Казан. Царствѣ», «Скиѳская исторія» Лызлова. Двѣ послѣднія сообщаютъ о прозваніи князя Димитрія Ивановича Жилкою, также лѣтописи Быховца и Стрыйковскаго.

2. О событіяхъ въ Литвѣ, см. Лѣтопись Быховца, Децій (De Sigismundi regis temporibus), Матвѣй Мѣховій (Chronica regni Poloniae), Мартинъ Кромеръ (De origine et rebus gestis Polonorum), Бѣльскій (Kronika), Матвѣй Стрыйковскій (Kronika polska, litewska, źmódska i wszystkiey Rusi). Герберштейнъ. Родословная Глинскихъ въ Акт. Зап. Рос. I. Примѣч. 60. О переговорахъ Александра съ Плеттенбергомъ относительно войны съ Москвою въ Акт. Зап. Рос. I. №№ 220 и 225. Посольство Василія къ Еленѣ и панамъ радѣ «Дѣла Польскія» въ Москов. Арх. М. Ин. Д. № 2. Памятники дипломат. сношеній съ Польско-Литовскимъ государствомъ въ Сборникѣ Истор. Общ. томъ 35-й, № 84.

3. Герберштейнъ. Стрыйковскій. Кромеръ (см. его Oratio in funera Sigismundi, гдѣ хвалебное описаніе качествъ этого короля.) Лѣтописи Софійская, Воскресенская, Никоновская. Акты къ Ист. Зап. Россіи II. №№ 6 (хвастливый ярлыкъ Менги Гирея Сигизмунду), 7, 12, 15, 16, 18, 20, 22, 29 (Жалован. грамота Сигизмунда Конст. Острожскому), 33, 34, 36, 37, 39, 40, 41, 42, 43 (договорная грамота). «Памятники дипломат. сношеній» въ Сборникѣ Истор. Общ. т. XXXV. № 84. Соб. Г. Г. и Д. I. № 146 (присяжная запись кн. Острожскаго Василію Ивановичу, см. также Продолж. Древ. Рос. Вивл. Ч. V.) С. Г. Г. и Д. V, № 57 и Памят. Дипл. Снош. I. 139—158 (Сношенія съ импер. Максимильяномъ о дѣлахъ Ливонскихъ). Объ западно-русскихъ имѣніяхъ Глинскихъ, розданныхъ послѣ ихъ измѣны другимъ лицамъ, см. также въ Scarbiec diplomatów. II. №№ 2198—2205. Относительно возстанія Глинскаго Герберштейнъ и Стрыйковскій сообщаютъ, что онъ первый отправилъ челобитье въ Москву; но Соловьевъ справедливо указываетъ на свидѣтельство Рус. Временника, что починъ въ дѣлѣ переговоровъ съ Глинскими принадлежалъ Василію Ивановичу. (Ист. Рос. V. прим. 311).

Сигизмундъ съ своей стороны пытался возбудить противъ Василія его брата Юрія, удѣльнаго князя Дмитровскаго, и предлагалъ ему свою помощь. (Акты З. Рос. I. № 19). Но безуспѣшно. У Карпова—«Исторія Борьбы Моск. Госуд. съ Польско-Литов.» (Чтенія О. И. и Др. 1866. IV)—указаны нѣкоторыя противорѣчія въ хронологическихъ данныхъ этого времени. По словамъ Воскресен. лѣтописи и Татищева (Чт. О. И. и Д. № 5. М. 1848) Михаилу Глинскому Василій Ивановичъ «далъ вотчину Ярославецъ и Боровскъ въ кормленіе». Грамота Плеттенберга о 14-лѣтнемъ перемиріи съ Москвою въ 1509 г. въ Supplementum ad Hist. Rus. Monum. № CXI.

4. Наиболѣе подробное повѣствованіе о «Псковскомъ взятіи“ въ такъ наз. Первой Псков. лѣтописи, (П. С. Р. Л. т. IV. 283—289). Короткое извѣстіе въ другихъ лѣтопис. сводахъ. Пособія: Митроп. Евгенія «Исторія княжества Псковскаго». Костомарова «Сѣверно-рус. Народоправства». Т. I. Бѣляева «Исторія города Пскова» и Никитскаго «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». «Псково-Печерскій монастырь». Спб. 1860. Костомаровъ и Никитскій ссылаются еще на неизданное и болѣе подробное лѣтописное повѣствованіе, хранящееся въ Румянц. музеѣ (№ 255). Помянутая Псковская лѣтопись опредѣляетъ число дворовъ Псковскаго Средняго города или Застѣнья въ 6500—число сомнительное, т. е. явно преувеличенное; а относильно пригородовъ говоритъ, что ихъ «было въ Псковской землѣ десять» и два городища, Кобылье и Вышегородище. Герберштейнъ Rer. Mosc. Comm. Кромѣ замѣчанія объ испорченности нравовъ онъ сообщаетъ явно невѣрное извѣстіе о какой то «измѣнѣ нѣкоторыхъ священниковъ», вслѣдствіе которой Василій уничтожилъ самобытность Пскова. Проф. Никитскій въ помянутомъ своемъ сочиненіи (стр. 290) правдопобно объясняетъ происхожденіе такого извѣстія невѣрно понятымъ слухомъ о происшествіи 1499 года, когда новогородскій архіепископъ Геннадій пріѣхалъ на свой подъѣздъ въ Псковъ и хотѣлъ совершать обычное соборованіе въ храмѣ Св. Троицы; но Псковичи старались помѣшать этому соборованію и запретили просвирнямъ печь для него просфоры. Дѣло въ томъ, что въ это именно время Иванъ III, назначивъ своимъ преемникомъ внука Димитрія, вздумалъ былъ отдать Василію на правахъ удѣльнаго князя землю Новогородско-Псковскую; но Псковичи, подчиняясь Московскому великому князю, отнюдь не желали войти въ составъ удѣльнаго княжества. Они конечно опасались, что владыка на соборованія будетъ провозглашать молитвословіе о здравіи Василія какъ Псковскаго князя, и потому не давали Геннадію соборовать, прося его подождать, пока воротится ихъ посольство, отправленное къ Ивану III именно по поводу его намѣренія отдать Новгородъ и Псковъ Василію. (Псков. I. лѣт. 271). Намѣреніе это потомъ само собою было оставлено вмѣстѣ съ извѣстною перемѣною въ положеніи внука и сына. Но Василій повидимому съ неудовольствіемъ вспоминалъ объ этомъ спорѣ, поднятомъ Псковичами. Въ одномъ спискѣ Псковской первой лѣтописи по поводу Псковскаго взятія встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Вина ихъ

была: что былъ архіепископъ Геннадій въ Псковѣ, и Псковичи своимъ попамъ Троицкимъ не велѣли съ владыкою служить, а просвирницамъ просвиръ про владыку не велѣли печи». (П. С. Р. Л. IV. 287).

5. Памятники Дипл. Снош. въ Сборникѣ Истор. Общества. Т. XXXV, № 85. О задержаніи Елены и ея отравленіи см. стр. 523 и 524 въ рѣчахъ московскихъ бояръ королевскимъ посламъ при переговорахъ 1517 года. О задержаніи Елены кромѣ того въ Акт. Зап. Р. II. № 80. Что именно Глинскій составилъ запись объ отравленіи ея—о томъ есть прямое указаніе въ „Описи Царскаго Архива» (Акты Археог. Эксп. № 289), гдѣ сказано: «да запись, что далъ князь Михайло Глинской о королевѣ и великой княгинѣ Оленѣ, какъ ей зелье давалъ Сопегинъ человѣкъ». Въ указанномъ выше дипломатическомъ актѣ отравителями Елены, кромѣ ея ключника Митьки Иванова, названы Гѣтофтъ Волынецъ и Мишка Ѳедоровъ «Ивашкинъ человѣкъ Сопѣгинъ». Въ Никонов. Воскресен. и у Татищева подъ 1513 г. есть извѣстіе о заключеніи Елены литовскими панами въ Бершт(ан)ы,съ прибавленіемъ слѣдующаго:«а королевы Елены въ той нужи и въ животѣ не стало. Богъ вѣсть которыми дѣлы»! Литовскія посольскія рѣчи о пограничныхъ обидахъ и Михаилѣ Глинскомъ въ Акт. Зап. Р. II. №№ 49, 57 и 80. Грамота Елены, относящаяся къ ея хозяйственнымъ распоряженіямъ ibid. № 81. О договорѣ Сигизмунда съ Менгли Гиреемъ и обязательствѣ платить хану по 15.000 червонныхъ злотыхъ говоритъ Стрыйковскій кн. XXIII. Раздѣлъ 6. О нападеніи сыновей Менгли Гирея на московскія украйны лѣтоп.: Соф. Воскр. Никонов. О стараніяхъ Максимильяна составить коалицію противъ Польши послѣ брака Сигизмунда съ Варварою Запольской см. изслѣд. проф. Бауера «Сношенія Россіи съ Германіей въ XV и XVI вѣкахъ» (Ж. М. Н. Пр. 1870 г. Мартъ), со ссылками главнымъ образомъ на Acta Tomiciana. Ed. Dzialynski. Т. I., II и III. Эти акты между прочимъ говорятъ, что Максимильянъ въ 1513 году отправилъ моремъ изъ Любека въ Москву «отрядъ пѣхоты, орудія и нѣсколько итальянцевъ и нѣмцевъ опытныхъ въ осадѣ крѣпостей», а саксонскій подданный Шлейницъ, агентъ Глинскаго, вербовалъ для Россіи солдатъ въ Германіи, Силезіи, Богеміи и отправлялъ ихъ черезъ польскія и прусскія владѣнія (т. II. №№ 143, 178—181). О пріѣздѣ въ Москву цесарскаго посла Шнитценпайнера и «докончальныхъ грамотахъ» упоминаютъ лѣт. Воскр. и Никонов. А самыя грамоты напечатаны въ С. Г. Г. и Д. V. №№ 66 и 67. Въ нѣмецкомъ переводѣ договорной грамоты слово «царь» вездѣ передано словамъ Kayser. Этотъ переводъ снабженъ собственною подписью Максимильяна и золотою печатью. Объ участіи Глинскаго въ паденіи Смоленска и обѣщаніи ему Смоленскаго княженія говорятъ Герберштейнъ и Стрыйковскій. Нѣмецкое извѣстіе, сообщенное Прусскому великому магистру, прибавляетъ, будто Глинскій, извѣщая Василія о сдачѣ города, сказалъ: «я тебѣ дарю давно желанный тобою Смоленскъ; что ты подаришь мнѣ»? «Княжество въ Литвѣ»—отвѣчалъ Василій. Supplem. ad Hist. R. Mon. № CXLVI. Ibid. см. грамоты Прусс. магистра къ разнымъ владѣтелямъ относительно Московско-

Польской войны CXLIII и далѣе. Жалованная грамота Василія III Смольнянамъ въ С. Г. Г. и Д. I. № 148. Вотъ нѣкоторые Смоленскіе уставы и льготы по этой грамотѣ: «А кто изымавъ приведетъ татя съ поличнымъ къ нашимъ намѣстникамъ, и поличное отдати назадъ истцу, а намѣстникомъ нашимъ въ то у нихъ не вступатися. Также нашимъ намѣстникамъ и всѣмъ урядникамъ Смоленскія земли корчемъ не держати; а недѣльщикамъ намѣсничимъ имати хожепое съ рубля рижскаго по два гроша. Съ котораго товару имали вѣсчаго съ воску и съ меду и съ соли и съ иного товару; тѣмъ есми ихъ пожаловалъ мѣщаномъ и чернымъ людямъ то вѣсчее имати на себя. А боярамъ мѣщанъ и черныхъ людей въ закладни не принимати, а мѣщанамъ и чернымъ людямъ подъ наши гонцы (а также подъ намѣстничьи) подводъ не давати, а держати подводы нашимъ ямщикамъ, и послѣ давати отъ подводъ потомужъ какъ и въ нашихъ земляхъ. А ѣзу давати имъ довотчику на милю по грошу, а на правду вдвое. А чрезъ поруку людей въ желѣза не ковати и въ тюрму не метати. А сокольничій нашъ и намѣстника съ мясниковъ на посадѣ, который убьетъ, съ яловицы по грошу. А конюшіе съ конскаго стада и съ животиннаго на лѣто емлютъ по 12 грошей. А отъ ябедниковъ мѣщанъ и черныхъ людей беречи. А мировая куница и свадебная имати по шти грошей; а со вдовы имати потомужъ, которая пойдетъ замужъ».

6. Лѣтописи: Псковская, Воскрес., Никонов., Арханг. Татищева. Герберштейнъ. Стрыйковскій. Въ Архангельск. лѣт. говорится о соперничествѣ между собою князя Михаила Голицына Булгакова и Ивана Андр. Челяднина, которые во время битвы будто бы не помогали другъ другу. Ихъ опала, т. е. пренебреженіе великаго князя къ ихъ томленію въ виленской тюрьмѣ, до нѣкоторой степени подтверждаетъ такое извѣстіе. Въ письмѣ къ Прусскому великому магистру Сигизмундъ извѣщаетъ его, что подъ Оршей было убито 30.000 московск. войска, а взято въ плѣнъ 8 большихъ воеводъ, 37 меньшихъ и 1500 дворянъ (Supplem. ad. Hist. Rus. Monum. № CXLVIII). Имянная роспись московскимъ плѣнникамъ (собств. отрывокъ изъ росписи) см. Акты Зап. Росс. II. № 91. Въ первой Псков. лѣт. встрѣчаемъ какъ бы поэтическій отрывокъ изъ жалобной пѣсни объ Оршинскомъ пораженіи, сочиненной по образцу Слова о Полку Игоревѣ. «Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы московскія, и слышати было стуку и грому великому межу Москвичъ и Литвою», и т. д. (П. С. Р. Л. IV. 290). Стрыйковскій сообщаетъ, что Сигизмундъ послалъ папѣ Льву X четырнадцать плѣнныхъ московскихъ дворянъ съ паномъ Николаемъ Вольскимъ, но въ австрійскихъ владѣніяхъ на Вольскаго напали рейтары цесаря Максимильяна и отняли плѣнныхъ, которые потомъ черезъ Любекъ отосланы были на родину. О томъ см. также Acta Tomic. III. № 451. Касательно именъ многихъ плѣнниковъ Оршинской битвы и ихъ участи см. въ Актахъ Зап. Р. Т. II. № 137: «Росписи» 1525 и 1538 гг. относительно московскихъ «вязней», по какимъ замкамъ и мѣстамъ они содержатся. Здѣсь по росписи 1538 года Иванъ

Андреевичъ Челяднинъ названъ уже умершимъ въ Виленскомъ замкѣ, а князья Михаилъ и Димитрій Булгаковы Голицыны продолжали еще содержаться въ этомъ замкѣ. Въ росписи 1525 г. любопытна жалоба узниковъ, сидѣвшихъ въ Берестьѣ, на то, что они страдаютъ отъ голоду.

По поводу измѣны Глинскаго Герберштейнъ и Стрыйковскій разсказываютъ, что какой-то шляхтичъ Трепка, посланный къ Глинскому съ грамотами отъ короля, попалъ въ руки къ Москвитянамъ, выдалъ себя за перебѣжчика (по Стрыйковскому за папскаго посланца), выдержалъ жестокія пытки, но не выдалъ свою тайну, и былъ потомъ отпущенъ назадъ въ Литву. Герберштейнъ повѣствуетъ далѣе, что приведенный въ Смоленскъ предъ лицо великаго князя измѣнникъ Глинскій на его укоризны смѣло отвѣчалъ ему, упрекалъ его въ неисполненіи обѣщаній и назвалъ его тираномъ. Въ Вязьмѣ русскій воевода въ присутствіи многочисленной толпы велѣлъ надѣть на Глинскаго цѣпи, по государеву приказу. Пока его заковывали, онъ обратился къ толпѣ и разсказывалъ ей, какъ обманулъ его великій князь, какъ онъ подвергся теперь незаслуженной обидѣ, но не боится смерти и пр.

7. О съѣздѣ трехъ государей въ Пресбургѣ и Вѣнѣ см. Acta Tomiciana. III. №№ 433, 552. Стрыйковскій. О первомъ посольствѣ Герберштейна «Памятники диплом. сношеній». I. Спб. 1851 и «Памят. диплом. снош.» въ Сборникѣ Истор. Общ. XXXV. Спб. 1882. О посылкѣ дьяка Племянникова—Статейный списокъ въ Древ. Рос. Вивліоѳикѣ. Изд. 2-е. Т. IV. О переговорахъ Москвы и Польши и перемиріи 1522 и 1526 гг. ibid. (т. е. Сборникъ XXXV). С. Г. Г. и Д. V. № 97 и 102. Акты Зап. Р. II. №№ 98, 108, 111, 120, 130, 134, 145. Герберштейна «Записки о Московіи». О сношеніяхъ Василія съ Тевтонскимъ магистромъ и папою «Дѣла Прусскія» въ Арх. Мин. Иностр. Д. (См. Карамз. къ т. VII прим. 189—207). С. Г. Г. и Д. V. №№ 73, 76, 78, 82, 85, 89, 92. (Сношенія съ Альбрехтомъ). Григоровича — «Переписка папъ съ Россійскими государями въ XVI вѣкѣ». Спб. 1834. Тургенева Historica Russiae monumenta. Т. I. Спб. №№ CXXIV—CXXIX. Supplementum ad Hist. Rus. Monum. №№ 152—158. Чьямпи—Bibliographia critica. Firenze. 1834. Acta Tomiciana. II. Іовія De legatione Basilii ad Clementem VII (т. е. о посольствѣ въ Римъ толмача Димитрія Герасимова въ 1525 г. Издано у Старчевскаго и съ переводомъ въ Библіот. иностр. пис. о Россіи - Семенова). См. любопытную статью проф. Успенскаго «Сношенія Рима съ Москвою» по поводу трудовъ по Рус. исторіи о. Павла Пирлинга (Ж. М. Н. Пр. 1884. Августъ). О сношеніяхъ Москов. государства съ Тевтонско-Прусскимъ орденомъ въ 1516—1520 гг. см. Сборникъ Император. Рос. Историч. Общ. Т. XLIII.

8. Дѣла Крымскія и Дѣла Турецкія (въ Архивѣ Мин. Ин. Д.). Лѣт.: Соф., Воскр., Никон. Герберштейнъ. Малиновскаго «Историч. и Дипломат. собраніе дѣлъ» между Россіей и Крымомъ съ 1462 по 1533 гг., съ приложеніемъ грамотъ шертныхъ, опасныхъ и др. (Зап. Од. Об. И. и Др. V). «Памятники дипломат. сношеній Москов. госуд. съ Крымомъ, Ногаями и Турціей» въ Сборн. Ист. Общ. т. 41. «Переводъ шертной грамоты Магмедъ Гирея Ва-

силію Ивановичу» въ 1518 г. въ С. Г. Г. и Д. V. № 86. Разысканіе о родѣ Шейхъ-Авляра и Шигалея у Вельяминова-Зернова «Касимовскіе цари и царевичи». I. гл. 6 и 7.

9. О присоединеніи Рязанскаго княжества и послѣднемъ его князѣ: Герберштейнъ, Отрывокъ изъ розыскнаго дѣла о бѣгствѣ изъ Москвы этого князя въ Акт. Истор. I. № 127. Далѣе, свѣдѣнія о немъ въ Акт. Зап. Р. II. 116 и въ неизданныхъ листахъ Метрики Литовской. Свѣдд. о Рязанскихъ боярскихъ родахъ въ Арх. Двор. Деп. Собр. См. мою «Исторію Рязанскаго княжества». О нашествіи Мегмедъ Гирея: Герберштейнъ (который прибавляетъ, будто великій князь съ испугу спрятался было въ сѣнѣ). Лѣт.: Воскр., Соф., Никон. Подвигъ Хабара упомянутъ въ родословныхъ и разрядныхъ книгахъ, гдѣ прямо говорится, что онъ «обманомъ» взялъ у Крымскаго царя грамоту, данную на Вел. Князя» (Карамз. къ т. VII пр. 224 и помянутое выше собр. Малиновскаго, стр. 228—229). Кромѣ пушкаря Іордана въ Рязани Герберштейнъ упоминаетъ о другомъ наемномъ нѣмецкомъ пушкарѣ Никласѣ, который завѣдывалъ огнестрѣльнымъ снарядомъ въ Москвѣ. О Крымскихъ отношеніяхъ см. также помянутое «Историч. и Дипломъ. собр. дѣлъ» въ Зап. Од. Об. И. и Др. V. О казанскихъ походахъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ, «Исторія о Казанскомъ царствѣ», Лызлова «Скиѳская исторія» и Рычкова «Опытъ Казан. Исторіи» (эти три сочиненія, впрочемъ, по отсутствію критики представляютъ пособія не всегда надежныя). Наружность Шигалея описываетъ Герберштейнъ, который въ 1526 г. лично видѣлъ этого бывшаго Казанскаго царя и видѣлъ, какимъ почетомъ онъ пользовался при Москов. дворѣ. По словамъ австрійскаго посла Шигалей имѣлъ «большое отвислое брюхо, рѣдкую бороду и женственное лицо» (Erat enim homo ventri prominenti, rara barba, facie pene muliebri: quae enim bello haudquaquam idoneum esse ostenderent). О касимовскомъ царевичѣ Еналеѣ и заточеніи Шигалея на Бѣлоозерѣ сводъ всѣхъ извѣстій у Вельяминова-Зернова, т. I. глав. 8 и 9. О запретѣ русскимъ купцамъ ѣздить на Казанскую ярмарку говоритъ Герберштейнъ.

10. Поручныя клятвенныя записи князей: Василія, Ивана и Андрея Шуйскихъ, Дмитрія и Ивана Бѣльскихъ, Ивана Михаиловича Воротынскаго, Михаила Глинскаго и Ѳедора Мстиславскаго см. въ Древ. Рос. Вивліоѳ. Изд. 2-е. Ч. III. Двѣ опасныя грамоты Василія III и митрополита Симона Василію Шемячичу (1511 года) о неятіи вѣры его клеветникамъ въ С. Г. Г. и Д. №№ 28 и 29. О Шемячичѣ говоритъ Герберштейнъ. Кромѣ этого князя и Василія Стародубскаго, онъ указываетъ еще на какого-то Димитрія, удѣльнаго князя Путивльскаго, который былъ обвиненъ въ измѣнѣ тѣмъ же Шемячичемъ, схваченъ при его помощи и заключенъ въ московскую темницу, а сынъ его бѣжалъ къ Татарамъ, тамъ увезъ одну красавицу и былъ убитъ ея родственниками. По словамъ Герберштейна, Василій III воспользовался пораженіемъ русскаго отряда на Окѣ, при нашествіи Магметъ Гирея, обвинилъ въ томъ князя Ивана Воротынскаго и отнялъ у него Воротынскій удѣлъ. Отно-

сительно доносовъ на Шемячича см. «Дѣло о князѣ Василіи Ивановичѣ Шемякинѣ» (1517—1523 гг.) въ Акт. Историч. I. № 124. О сношеніяхъ Москвы съ другими державами см. С. Г. Г. и Д. V. №№ 57, 60, 65, 79, 80, 93, 95, 98, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 111, 112. Дѣла Турецкія въ Арх. М. Ин. Д. № 1. Дѣла Польскія—№ 2. Никонов. лѣт. VI. 248 и 250.

11. Посланіе Іосифа къ в. кн. Василію Ивановичу и отвѣтъ на него Заволжскихъ старцевъ въ Древ. Рос. Вивл. т. XVI. Посланіе Іосифа къ старцамъ о повиновеніи соборному опредѣленію въ Сборникѣ XVI в. Импер. Пуб. Библ. (въ Собраніи Слав.-Рус. рукоп. гр. Толстаго подъ № 299). Послѣднія слова Просвѣтителя. «Письмо о нелюбкахъ» въ Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ. X. «Полемическія сочиненія Вассіана». Изданы А. Павловымъ. «О Кормчей Вассіана Патрикѣева» А. Павлова въ Учен. Зап. Казан. Универ. 1864. Вып. II. Правосл. Собесѣд. 1863. III. Посланіе Іосифа къ боярину Челяднину въ Сборникѣ XVI в. (Собр. гр. Толст. въ описаніи Калайдовича и Строева подъ № 68, листъ 293). Великія Минеи Четьи. Сентябрь. «Разсужденіе инока князя Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть отчинами». Съ предисловіемъ Бодянскаго. Чт. Об. И. и Др. 1859. кн. 3. «Отвѣщаніе любозазорнымъ» Іосифа Волоколамскаго. Ibid. 1847. кн. 7. Дѣло съ княземъ Ѳедоромъ Борисовичемъ и архіеп. Серапіономъ см. въ житіяхъ Іосифа. О томъ же дѣлѣ «Посланіе Іосифа къ митрополиту Симону» въ помянут. Сборникѣ XVI в. (№ 68. л. 249, напечатано въ пам. Ст. Р. Лѣт. IV). Посланіе Симона къ Іосифу (ibid., л. 316); посланіе Іосифа къ Ивану Третьякову Ховрину (ibid., л. 222. Отрывки изъ него въ Ж. М. Н. Пр. 1866, іюль); посланіе его же къ Борису Кутузову въ Древ. Рос. Вивл. т. XIV. Посланіе Серапіона къ митр. Симону въ Памят. Стар. Р. Литер. IV. Далѣе П. С. Р. Л. VI, 249 и слѣд. «Разрѣшительная грамота митр. Симона Іосифу съ братіею» въ Ак. Ист. I. № 290. Духовная Іосифа игумена, писанная въ 1507 г. см. въ Древ. Рос. Вавліоѳ. XIV. Пособія: Хрущова «О соч. Іосифа Санина». Павлова «Историч. очеркъ секуляризаціи церков. земель въ Россіи». Архіеп. Макарія «Исторія Рус. Церкви», т. VI. Жмакина «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія» въ Чт. Об. И. и Др. 1881. кн. I. (Глава 1: Характеристика направленій Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго). Черты жизни Вас. Патрикѣева въ Симоновѣ монастырѣ въ книгѣ инока Зиновія Отенскаго «Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи» (Приложеніе къ Правосл. Собесѣд. за 1863 г. См. также Исторія Рос. Іерархіи. II. XXIX и Древ. Рос. Вивліоѳика. XVII. 192—194).

12. «Историческое извѣстіе о Максимѣ Грекѣ» въ Вѣстн. Евр. 1813. Ноябрь. «О трудахъ Максима Грека» въ Ж. М. Н. Пр. 1834. ч. III. «Максимъ Грекъ» въ Москвитянинѣ. 1842. № 11. (Филарета, архіеп. Чернигов.). Прот. Горскаго «Максимъ Грекъ Святогорецъ» въ Прибавл. къ Твор. Св. Отцовъ. 1859. ч. XXVIII. Проф. Нильскаго «Максимъ Грекъ какъ исповѣдникъ Просвѣщенія» въ Христіан. Чтен. 1862 г.

Мартъ. «Максимъ Грекъ» — замѣчательное изслѣдованіе проф. Иконникова въ Кіев. Универс. Извѣст. 1865 и 1866 гг. Его же «Русскіе Общественные дѣятели XVI вѣка». Ibid. 1866. Его же «О культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи». К. 1869. Проф. Хрущова «Князь инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ» въ Древ. и Нов. Рос. 1875. № 3. Помянутыя въ предыд. примѣчаніи сочиненія: проф. Павлова о Секуляризаціи церков. земель (глава III); архіеп. Макарія Ист. Рус. Церкви (т. VI и VII); Жмакина о Митрополитѣ Даніилѣ (глава III. «Борьба Даніила съ Заволжцами»). Источники: П. С. Р. Л. VI., стр. 261. VIII. 263. Степен. кн. ч. II., стр. 190. «Сочиненія Максима Грека» въ Православн. Собесѣд. 1859—1862 гг. (Отдѣльно въ трехъ частяхъ. Казань). «Сказаніе о Максимѣ Грекѣ»—рукопись Петерб. Публ. Библ. Погод. Собр. № 1294. «Отрывокъ слѣдствен. дѣла о Берсенѣ и Жареномъ съ допросами старцу Максиму Греку и келейнику его Аѳанасію» въ Акт. Археогр. Эксп. I. № 172. (О казни Берсеня и Жаренаго см. Карамз. къ т. VII прим. 335). «Прѣніе Данила митрополита съ инокомъ Максимомъ Святогорцемъ». Списокъ съ суднаго списка въ Чт. Об. И. и Др. 1847. № 7. «Прѣніе митр. Данила съ старцемъ Васьяномъ 1531 г.». Ibid. 1847. № 9. «Разсужденіе инока князя Вассіана о неприличіи монастырямъ владѣть селами». Ibid. 1859. III. Курбскій въ своей «Исторіи князя великаго Москов.» прямо говоритъ о насильственной смерти Вассіана Косого; но извѣстна ненависть Курбскаго къ Іосифлянамъ. Вмѣстѣ съ Максимомъ Грекомъ пострадали и два его сотрудника въ переводахъ, Михаилъ Медоварцевъ и инокъ Сильванъ. Первый сосланъ въ Коломну, а второй въ Волоколамскій монастырь, гдѣ, по извѣстію одной рукописи, иноки будто бы уморили его въ дыму. Опис. Рукописей Синодал. Библ. Отд. II. кн. 2, стр. 579.

13. Въ 1511 году до великаго князя дошелъ слухъ, что братъ его Семенъ Калужскій хочетъ бѣжать въ Литву. По челобитью другихъ братьевъ, митрополита Симона и владыкъ, Василій простилъ Семена; но перемѣнилъ состоявшихъ при немъ бояръ и дѣтей боярскихъ. (Софійск., Воскр., Никонов. Татищевъ въ Чт. Об. И. и Д. 1847 г. № 5). Для отношеній къ братьямъ любопытны «Наказныя рѣчи Великаго князя брату своему Димитрію», около 1520 г. (Акты Истор. I. № 291). Тутъ великій князь чрезъ своего посланнаго Ивана Шигону упрекаетъ брата въ непочтеніи къ себѣ и напоминаетъ ему духовную ихъ отца Ивана, въ которой тотъ «приказывалъ» меньшихъ братьевъ старшему, поручалъ имъ слушать его и держать «вмѣсто отца», а ему держать ихъ «во чти, безъ обиды». О томъ, какъ учрежденъ былъ отъ великаго князя надзоръ за дѣйствіями его брата Юрія Ивановича Дмитровскаго съ помощію нѣкоторыхъ дѣтей боярскихъ см. любопытную «Челобитную Ивана Яганова» на имя малолѣтняго государя Ивана Васильевича. (Акты Истор. I. № 136). На этого брата Юрія также былъ доносъ о намѣреніи его бѣжать въ Литву; но по его просьбѣ игуменъ Волоцкій Іосифъ незадолго передъ своею смертію (1515 г.) послалъ въ Москву двухъ своихъ иноковъ ходатай-

ствовать о немъ передъ великимъ княземъ, и успѣлъ избавить его отъ опалы (см. Житіе Іосифа). Относительно обращенія Соломоніи къ знахарству см. отрывокъ изъ Розыскного дѣла по сему поводу или допросъ Ивану Сабурову въ ноябрѣ 1525 г. Акт. Ист. I. № 130. Тутъ между прочимъ упоминаются жонка Стефанида прозваніемъ Рязанка и какая то черница безносая; первая наговаривала воду, которою велѣла великой княгинѣ смачивать себя и бѣлье великаго князя; вторая наговаривала масло или медъ для натиранья. Сѣтованіе Василія на бездѣтность во время объѣзда и женитьба на Еленѣ въ Псков. лѣт. (П. С. Р. Л. IV. 295 и 296). О насильственномъ постриженіи Соломоніи говорятъ Курбскій и Герберштейнъ. Послѣдній прибавляетъ о нанесенныхъ ей при семъ побояхъ бичемъ отъ Ивана Шигоны. Онъ же сообщаетъ слухъ о рожденіи ею въ монастырѣ сына Георгія и посылкѣ великимъ княземъ двухъ довѣренныхъ лицъ для повѣрки сего слуха, распускаемаго особенно двумя боярынями, жонами казначея Юрія Малаго (Грека) и спальника Якова Мазура; эти боярыни были послѣ того удалены отъ двора, а первая даже подвергнута сѣченію. Лѣтописи Воскресен., Никон. и Татищевъ выражаются уклончиво: «великій князь постриже Соломонію по совѣту ея тяготы ради и болѣзни бездѣтства»; въ Соф. 2-й—«Соломонія пострижеся въ черницы, болѣзни ради». А по Лѣтописцу, служащему продолженіемъ Нестора (Изд. въ М. 1794 г.), Соломонія будто бы сама умоляла Василія отпустить ее въ монастырь, видя свое неплодство (стр. 383). Въ Псков. 2-й сказано просто: «И повелѣ ю пострищи въ черницы» (причемъ по одному списку бракъ съ Еленой прямо уподобляется прелюбодѣянію). Въ невольномъ постриженіи вообще нельзя сомнѣваться. О безуспѣшной посылкѣ за разрѣшеніемъ развода къ патріархамъ и на Аѳонскую гору и осужденіи этого развода Вассіаномъ Патрикѣевымъ см. «О сочетаніи второго брака и разлученіи перваго чадородія ради—твореніе Паисѣино, старца Ферапонтова монастыря» въ Чт. Об. И. и Др. 1847 г. № 8. Карамзинъ сомнѣвается въ достовѣрности этого творенія (къ т. VII пр. 277). Дѣйствительно, нѣкоторыя подробности указываютъ, что оно несовременно самому событію и сочинено впослѣдствіи (напр., прорицанія о жестокостяхъ и беззаконіяхъ Ивана Грознаго). Любопытны встрѣчающіяся въ этомъ памятникѣ слѣдующія темныя слова и рѣченія: друкели, урдюкели, ардарила, сарападасейстіи, келевдеріи, дохери, ароуны, тефлизы. Оффиціальное описаніе свадьбы в. кн. Василія Ивановича съ Еленою въ Древ. Росс. Вивліоѳикѣ. Т. XIII. Таковое же описаніе свадьбы кн. Андрея Ивановича. Ibid. «Дополнительная статья къ чину бракосочетанія великаго князя Василія Іоанновича» въ Дополн. къ Акт. Истор. I. № 24. О сбритіи бороды Василіемъ говоритъ Герберштейнъ. О рожденіи и крещеніи сына Ивана—тѣже лѣтописи. Степен. книга сообщаетъ нѣкоторыя подробности о крещеніи его въ Троицкой лаврѣ и воспринятіи отъ купели двумя старцами иноками, Даніиломъ Переяславскимъ и Касьяномъ Босымъ (206 стр. и далѣе). Объ нихъ какъ воспреемникахъ см. Акты Истор. I. 410. Въ Степенной же

книгѣ говорится о предсказаніяхъ, предшествовавшихъ его рожденію. Между прочимъ юродивый Дементій на вопросъ беременной Елены, что у нея родится, отвѣчалъ: «Тить, широкій умъ» (стр. 237). Пять писемъ Василія III къ супругѣ своей Еленѣ см. «Письма Русскихъ государей». Изд. Археогр. Ком. М. 1848. Древ. Рос. Вивліоѳ. Ч. III. Г. Строиловъ, въ своей монографіи объ Александровской Слободѣ, на основаніи разныхъ соображеній предполагаетъ, будто связь Елены съ Овчиной-Телепневымъ Оболенскимъ началась еще до рожденія Ивана Грознаго. (Чт. О. И. и Др. 1883. кн. 2. стр. 69 и слѣд.).

14. Лѣтописи Соф. Воскр. Никонов. Степен. кн. Татищевъ. Изъ иконописцевъ временъ Василія извѣстенъ еще Алексѣй Псковитинъ, по прозванію Малый». Онъ написалъ образъ Успенія Богородицы въ Успенскомъ храмѣ Кириллова монастыря (1511 г.). См. Выписку изъ Лѣтописнаго Сборника Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (Времен. Об. И. и Др. кн. 8. Смѣсь. Стр. 50). Любопытно при семъ извѣстіе о построеніи сего храма, совершенномъ за 25 лѣтъ: онъ строился 5 мѣсяцевъ, мастеровъ каменьщиковъ и «стѣньщиковъ» было 20, старшимъ надъ ними состоялъ Прохоръ Ростовскій, и стоилъ храмъ 250 рублевъ. Въ 1517 г. въ Псковѣ упала часть кремлевской стѣны, на протяженіи 40 саженъ. Ее починилъ Иванъ Фрязинъ, и эти сорокъ саженъ обошлись великому князю въ 700 рублей; хотя возка камня при семъ составляла повинность священниковъ, а Псковичи обязаны были носить песокъ и просѣвать его рѣшетомъ. (Псков. лѣт.). Объ уличныхъ рѣшеткахъ въ Москвѣ и несовсѣмъ ясное извѣстіе о постройкѣ за рѣкой особаго «города Нали» (Nali) для тѣлохранителей сообщаетъ Герберштейнъ.

15. S. Herbersteini Rerum Moscovit. Commentarii. Глава «О пріемѣ и обхожденіи съ послами». О новыхъ придворныхъ чинахъ см. Разрядн. книги и послужной списокъ Бояръ. (см. также Карамз. къ т. VII прим. 231 и 353). Относительно Гербештейна есть весьма обстоятельная книга проф. Замысловскаго: «Геберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи». Спб. 1884.

16. О смерти кн. Василія Холмскаго въ Соф. Воскр. и у Татищ. подъ 1509 г. Даніилъ Щеня названъ «Московскимъ воеводой» въ грамотѣ Василія III Сигизмунду I 1511 года (Акты Зап. Рос. II. № 74) и въ грамотѣ 1513 года отъ литовскихъ пановъ-рады (Радивила, Острожскаго и др.) къ думнымъ боярамъ московскимъ (ibid. № 84). Въ послѣдней перечисляются слѣдующіе члены рады или думы великаго князя: князь Даніилъ Васильевичъ Щеня, князь Дмитрій Владиміровичъ Ростовскій, кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, воевода Новгородскій, и князь Михаилъ Даниловичъ Щенятевъ (сынъ Д. Щени). Клятвенныя поручныя записи Шуйскихъ, Бѣльскихъ, Глинскаго, Воротынскаго, Мстиславскаго и М. Плещеева см. въ Древ. Рос. Вивліоѳ. Т. III. и въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 149, 152—157, 159. Относительно грека Георгія Малаго Герберштейнъ сообщаетъ еще, будто выборъ первой супруги Василія изъ числа собранныхъ туземныхъ дѣвицъ назначенъ былъ по совѣту Георгія: послѣдній надѣялся, что этотъ выборъ падетъ на его дочь, но ошибся въ расчетѣ.

Далѣе, какъ мы видѣли, онъ же сообщаетъ, что жена Георгія была замѣшана въ распространеніи слуха о родившемся въ монастырѣ сынѣ Соломоніи и высѣчена за недонесеніе о томъ в. князю.

17. Лѣтоп. Воскресен. Никонов. Татищевъ. Но подробнѣе всѣхъ сказаніе о кончинѣ Василія III въ Софійской. (П. С. Р. Л. т. VI) и въ Царств. книгѣ. Между прочимъ въ этомъ сказаніи говорится: «И стоящи же близъ его Шигона, и какъ положили Евангеліе на грудѣхъ, и видѣ Шигона духъ его отшедши, аки дымецъ малъ». Въ сокращеніи тоже сказаніе и въ Степен. книгѣ, сопровождаемое витіеватымъ похвальнымъ словомъ Василію. До насъ не дошли ни первая духовная, которую Василій велѣлъ сжечь, ни вторая, написанная передъ кончиною. Имѣемъ только составленный въ 1531 году договоръ его съ братомъ Юрьемъ, въ которомъ сей послѣдній обязывается послѣ смерти великаго князя держать его сына Ивана своимъ господиномъ и братомъ старѣйшимъ. С. Г. Г. и Д. I. № 160—161.

По свидѣтельству Русскаго хронографа такъ наз. второй редакціи, Василій Ивановичъ «въ посольскихъ грамотахъ и въ лѣтописныхъ исторіяхъ» приказывалъ давать ему титулъ царскій, а именно: «Божіею милостію царь и великій князь Василій Ивановичъ Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковскій и Казанскій (?) и Астраханскій (?), Государь Тверскій и Ростовскій, Ярославскій и Вологодскій, Пермскій, Вятскій и Болгарскій и Кондійскій, Обдорскій, Угорскій, Черниговскій и Рязанскій и всея Русіи Государь и обладатель» (Избор. Ан. Попова. 182).

18. Земскій привилей Ягелла 1387 въ Scarbiec I. №. 539. Его же землѣ Луцкой Ibid. II. №. 1429 и Галицкой 1433 г. въ Volumina Legum. I. 40—42. Городельскій 1413 г. въ Scarbiec. II. №№. 1025 и 1026 и въ Volumina legum. I. 29—32. Привилей Казиміра IV 1456 г. Галиціи и Подоліи въ Scarbiec. II. №. 1943. Земскій 1457 въ Актахъ Запад. Россіи I. №. 61. Перепечатанъ съ комментаріями во 2 выпускѣ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова. Ярослав. 1878. Александра: Литовскій правилей 1492 года у Дзялынскаго Zbiór Praw 58—66 и у Платтера Zbiór Pamiętn. I. 17—29. Жмудскій въ Акт. Зап. Рос. I. N. 103. Волынскій 1501 года въ Актахъ Южн. и Запад. Россіи. I. N. 36. Бѣльскій въ Актахъ Запад. Рос. I. N. 189. Витебскій 1503 года Ibid. №. 204. Сборн. Муханова. №. 83. Смоленскій 1505 г. Акты Зап. Рос. I. №. 213 и Сборн. Мухан. №. 85. Сигизмунда I: Подтвердительный Земскій в княжеству Литовскому 1506. у Дзялын. Zbiór Praw 95—99 и Платера Zbiór Pam. I. 35—40. Scarbiec. II. №. 2177. Подтвердительный Русскимъ землямъ 1507 г. Volum. leg. I. 120. 166. Scarbiec II. №. 2191. Брацлавскій 1507 г. Акты Зап. Р. II. N. 26. Кіевскій 1507 г. въ Акт. Зап. Рос. II. №. 30. Подтвердительный 1529 г. Ibid. №. 164. Полоцкій 1511. Ibid. №. 70. Дрогичинскій 1521. Ibid. №. 64 и подтвержденіе 1523. Scarbiec. II. № 2293. Подтвердительныя грамоты правилеевъ при Сигизмундѣ Августѣ см. въ Акт. Запад. Р. III. №№ 4, 5, 11, 13, 24. Изъ немногихъ трудовъ, посвященныхъ

служилому сословію Литовской Руси, укажемъ: Ярошевича—Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji. Часть II. W. 1844. В. В. Антоновича «О происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ Югозападн. Россіи» и «Объ околичной шляхтѣ» (Архивъ Югозапад. Россіи. IV. К. 1867). Тумасова—«Дворянство Западной Россіи въ XVI в.» (Чт. Об. И. и Др. 1868. IV.).

19. Литовскій Статутъ 1529 г. Времен. Общ. И. Др. кн. 18. Судебникъ Казимира IV. Акты Зап. Р. I. №. 67. Относящіяся къ положенію крестьянства наиболѣе любопытныя грамоты см. въ Актахъ Зап. Р. I. №№. 44 и 59 (Грамоты намѣстнику Насютѣ 1444 г. и ключнику Андрею Ѳедковичу, 1456—1471 г.) 189 (Устав. грамота Бѣльской области въ 1501), 163, 167 и 172. (Грамоты Симеону Олелькевичу, Симеону Ивановичу Можайскому и князю Жеславскому. 1499 г.). II. №№. 75 (Льготная грамота Поднѣпровскимъ и Задвинскимъ данникамъ 1511 г.), 86 (Уставная могилевскимъ боярамъ, старцамъ и волостнымъ людямъ 1514 г.), 87 (Городенскому старостѣ Юрію Радивилу 1514), 133 (Полоцкому воеводѣ Петру Кишкѣ о жителяхъ Себежской волости 1525 г.),149 и 160(Державцамъ и тіунамъ Жмуд. волостей, 1527 и 1529 гг.), 159 (Державцамъ и урядникамъ виленскимъ и трокскимъ 1529 г.), 203 (Свислочскимъ горожанамъ и волостянамъ. 1540 г.). Акты Южной и Запад. Россіи. I. №№. 50 (Жалован. грамота князю Константину Крошинскому. 1509 г.), 32 и 33 (Жалован. грамоты на имѣнія Кобринскому Спасскому монастырю и Гендриху Шлягеру. 1491 и 1500 гг.) 58 и 59 (Жалован. грамоты Спасской церкви и Николаевскому Пустынскому монастырю. 1511 и 1512 п.). Памятники временной Кіевской Комиссіи для разбора древ. актовъ. I и II. Той же комиссіи Архивъ Югозапад. Россіи Ч. VI. т. I. Устава о волокахъ 1557 года помѣщена во II томѣ Памятниковъ и въ Актахъ Зап. Рос. III. №. 19. Далѣе, «Археографическій Сборникъ документовъ до исторіи Сѣверозападной Руси». Т. I. Вильна 1867 г. Акты Виленской Археограф. Комиссіи. Именно: Писцовая книга Пинскаго староства, составленная по повелѣнію Сигизмунда Августа при пинскомъ старостѣ Станиславѣ Довойнѣ. въ 1561—1566 гг. Ч. I. и II. Вильна 1874 г. Введеніе Шолковича. «Ревизія Кобринской экономіи» 1563. В. 1876. и «Писцовая книга Пинскаго и Клецкаго княжествъ», составленная по приказу королевы Боны въ 1552—1555 гг. В. 1884 г.

Литература: Иванишева «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи (Рус. Бесѣда. 1857. III. и въ Сборникѣ Сочиненій. Кіевъ. 1876 г.). Прекраснымъ дополненіемъ къ изслѣдованію Иванишева, основанному на актахъ луцкихъ и владимірскихъ о копѣ или о копныхъ судахъ, служитъ та часть предисловія г. Спрогиса къ т. VI Актовъ Виленской Комиссіи, которая посвящена копнымъ судамъ на основаніи брестскихъ актовъ. Мѣсто для собранія копы называлось коповище, и судъ этотъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи вознаго. Въ этомъ судѣ находимъ не одинхъ крестьянъ; тутъ присутствовали и помѣщики, т. е. люди шляхетскаго сословія, но повидимому только въ качествѣ свидѣтелей и истцовъ. Далѣе: проф. Леонтовича

«Крестьяне Югозападной Россіи по Литовскому праву XV и XVI столѣтій». Кіевъ. 1863. Мордовцева «Крестьяне Югозападной Руси XVI вѣка». (Архивъ Историко-юридич. свѣдѣній, изд. Калачовымъ. Кн. Третья. Отдѣленіе III.). Проф. Антоновича изслѣдованіе о крестьянахъ (Архивъ Югозапад. Руси III). Новицкаго о крестьянахъ (Вступительная статья къ части VI, тому I Архива Югозапад. Россіи). Уставу о волокахъ Сигизмунда Августа предшествовалъ уставъ, данный его отцомъ въ 1529 году « для дворовъ Виленскаго и Троцкаго повѣтовъ», т. е. для земель собственно Литовскихъ. Здѣсь крестьяне королевскіе раздѣляются на тяглыхъ и осадныхъ; первые болѣе рабочіе, а вторые болѣе оброчные. Королевскіе крестьяне имѣли тогда право на такъ назыв. уходы, т. е. право ставить въ лѣсахъ борти, а на рѣкахъ строить язы и гати или запруды для рыбной ловли, рубить и сплавлять дерево. (Снитко—Введеніе къ Писцов. кн. Пинск. и Кіевск. княж. изд. Вилен. Археол. Ком.).

Для образца условій, по которымъ отдавались королевскія волости въ держанье частному лицу, приведемъ одну грамоту 1514 года.

«Жикгимонтъ, Божьею милостью король Польскій и великій князь Литовскій, боярамъ и мѣщанамъ Могилевскимъ и старцамъ серебреному и медовому и всемъ людемъ волости нашое Могилевскоѣ. Дали есьмо замокъ нашъ Могилевъ въ держанье пану Юрью Зеновьевичу. А что ся дотычетъ дани нашое грошовоѣ и медовоѣ и куничноѣ и бобровъ, што маетъ на насъ на господаря прійти и на врядника нашого, то есьмо въ томъ листѣ нашомъ выйменовали, што на-первѣй, нашъ господарскій приходъ: три ста копъ широкихъ грошей (т. е. дани грошовой), чотыри рубли грошей бобровщины, чотыри рубли грошей яловщины, а три рубли грошей восковыхъ, а отъ старца серебрянаго (собиравшаго денежную дань) пятнадцать копъ грошей широкихъ, а отъ медоваго старца десять копъ грошей, а скотнаго серебра на третій годъ двадцать рублевъ грошей, а тивунщизны осмдесятъ копъ грошей, а за корчмы Могилевскіе сто копъ и чотыри копы грошей; а серебщизну маютъ намъ завжды на третій годъ давати, колько мы господарь на нихъ положимъ; а маютъ они то все намъ давати широкими (полными) грошъми, пакъ ли жъ бы широкихъ грошей не было, тогды маютъ дати за грошъ по чотырнадцати пѣнязей; а бобровъ шерстью сто и шесть; а куницъ полтораста, а медовоѣ дани сорокъ уставовъ безъ дву. А державца нашъ панъ Юрьи маетъ съ нихъ брати въ каждый годъ: уѣзду своего (за пріѣздъ) пятьдесятъ копъ грошей, а полюдованья коли у волость не поѣдетъ, пятьдесятъ же копъ грошей, а тивунщизны зъ нашое суммы съ осмидесятъ копъ грошей маетъ собѣ брати половину сорокъ копъ грошей; а то все маетъ брати на широкую личбу (полная наличность). А вины малыи и великіи (судебныя пени) выймуемъ на насъ на господаря, кромѣ повинного и выметного, хто ся на него, а любо на врядника нашого чимъ выкинетъ (т. е. за оскорбленіе державцы или господарскаго урядника); а повинного ему отъ рубля по десяти грошей, а пересуда по чотыри грошы; а слугамъ его отъ ѣзду дѣцкованья на милю по грошу. А мимо тую нашу уставу, пану Юрью новинъ волости нашой никоторыхъ не пробовляти;

маетъ ся справовати и рядити во всемъ, потому какъ въ семъ нашомъ листѣ выписано. А которыи доходы, обвѣстки и иншыи, што въ томъ нашемъ листѣ невыписаны, на державцовъ Могилевскихъ хаживали, тые и нынѣ по томужъ онъ маетъ брати. А для лѣпшого свѣданья и печать нашу казали есьмо приложити къ сему нашому листу.» (Акты Запад. Рос. II. №. 86).

20. Грамоты, данныя Полоцку, см. Акты Зап. Росс. I. №№. 159, 175, 185 и 210. II. №№. 61 и 147. Данныя Вильнѣ см. Собраніе древ. грам. Вильны» I. Кіеву: Акты Зап. Рос. I. №№. 120, 149, 170, 207. II. №. 3. Сборникъ Муханова 145—149. Луцку: Архивъ Югозапад. Росс. Ч. V. Т. I. №. I. Акты Зап. Рос. I. №№. 90 и 153. Владиміру Волынскому Ibid. №. 124. Смоленску Ibid. №№. 182 и 199. Витебску. Ibid. №. 127. Минску. Ibid. №. 165. Пинску. Ibid. №№. 190 и 191. Гродну. Ibid. №№. 198 и 226. и т. д. Изслѣдованія: Обстоятельная, прекрасная монографія проф. Владимірскаго-Буданова «Нѣмецкое право въ Польшѣ и Литвѣ» Журн. М. Н. Пр. 1868. Августъ Сентябрь. Ноябрь и Декабрь. Проф. Антоновича вводная статья къ «Актамъ о городахъ» въ Архивѣ Югозапад. Россіи. Часть пятая. Томъ I. К. 1869. Многія свѣдѣнія о городахъ Литов. Руси заключаются и въ трудѣ Балинскаго и Липинскаго Starożytna Polska. Т. II. и III. Wazsz. 1844—1846.

21. Кромѣ изданій Даниловича (Wilno. 1826) и Дзялынскаго (въ переводѣ на польскій. Zbiór praw Litewskich), Судебникъ Казимира IV изданъ въ Актахъ Запад. Р. I. № 67, откуда перепечатанъ съ прибавленіемъ комментарій во второмъ выпускѣ Хрестоматіи Владимірскаго-Буданова. Вислицкій Статутъ см. въ изданіи Бантке Jus Polonicum. Wars. MDCCCXXXI. Volumina legum. Т. I. Ptrsb. 1859. Въ старомъ рус. переводѣ въ Актахъ З. Рос. I. № 2. Литовскій Статутъ 1529 г. въ русс. подлинникѣ изданъ въ Временникѣ Об. И. и Др. кн. 18. М. 1854. А съ переводами на латин. и польск. языки, но неполный, у гр. Дзялынскаго въ Zbiór praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. Poznań. 1841.

Пособія: Чацкаго «O Litewskich i polskich prawach». Wilno. 1800. Даниловича Historischer Blick auf die litauische Gesetzgebung въ Dorpater Jahrbücher. 1824. № 4. и «Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе статуты» въ Юридич. Запискахъ, изд. Рѣдкина, т. I. М. 1841. Проф. Леонтовича «Рус. Правда и Литовскій статутъ»— въ Кіевскихъ Универс. Извѣстіяхъ. 1865 г. Чернецкаго «Исторія Литовскаго Статута». Ibid. 1866—67 гг. Замѣтка Семенова «О сходствѣ древнихъ узаконеній восточной и западной Руси» во Временникѣ Об. И. и Др. кн. 19. М. 1854. Ярошевича Obraz Litwy. II. Rozdział XII.

Многія мѣстныя черты западно-русскаго обычнаго права, вошедшія отчасти въ Литовскіе статуты, разбросаны въ помянутыхъ выше областныхъ привилеяхъ или уставныхъ грамотахъ. Напримѣръ укажемъ на слѣдующее. Въ Уставной грамотѣ, данной Кіевской области въ 1507 году, говорится: «А о выдачку, коли ся оба-два выдадутъ и оба шапками вергутъ, ино то выдачка; а одинъ ся выдастъ, а другой ся не вы-

дастъ, ино то не выдачка». Этому темному мѣсту соотвѣтствуютъ слова Уставной Полоцкой грамоты 1511 года: «коли посварятся Полочане и выдадутся оба въ кольцѣ, ино та вина наша; а будетъ ли одинъ выдасться, а другой не выдасться, то есмо имъ отпустили». (Акты Зап. Р. II. №№ 30 и 70). Возникаютъ вопросы: что такое выдачка, что значитъ шапками вергутъ, что такое кольцо? Г. Тумасовъ въ помянутомъ выше своемъ сочин. «Дворянство Западной Россіи въ XVI вѣкѣ» (въ примѣч. 62) даетъ слѣдующее правдоподобное объясненіе на эти вопросы. У Литовцевъ и древнихъ Славянъ было въ обычаѣ, чтобы въ случаѣ тяжбы истецъ и отвѣтчикъ на судѣ клалъ въ шапку деньги какъ бы въ закладъ. (Существовало поэтому особое выраженіе: «покладать шапку рублемъ грошей»). «Этимъ одинъ другаго какъ бы выдавалъ судьѣ». Тотъ, кто по суду былъ обвиненъ, терялъ закладъ, который шелъ въ пользу судьи. Поэтому въ первомъ случаѣ «выдачкой» называлось согласіе обоихъ противниковъ положить залогъ въ шапку; но если только одна сторона представляла залогъ, то это не выдачка, и тогда «тяжущіеся должны были или обратиться къ другому суду или покончить между собою другимъ какимъ способомъ». Во второмъ случаѣ подъ именемъ «кольца» разумѣется коло въ значеніи міръ, община. Слѣдовательно, если оба тяжущіеся Полочанина выдадутся въ кольцо (согласятся подвергнуть себя суду общины или старцевъ), то вина наша, т. е. они платятъ судебную пеню. Но если только одинъ согласится, а другой нѣтъ, то судъ общины не состоится.

22. Акты въ Запад. Р. III. № 4 (просьба Литовскихъ чиновъ на Виленскомъ сеймѣ 1547), № 11 (Уставы, данные на второмъ Виленскомъ сеймѣ 1551 г.), № 13 (Уставы на третьемъ Виленскомъ сеймѣ 1554 г.), № 16 (Дополнит. статья о доходахъ земскимъ судьямъ, писарямъ и вознымъ, 1555 г.), № 24. (Уставы, данные на четвертомъ Виленскомъ сеймѣ 1559 г.), № 33. (Уставъ на Виленскомъ сеймѣ 1563 года), № 38. (О новоизданномъ Статутѣ и сеймикахъ грамота 1565 года). Статутъ 1566 года впервые напечатанъ во Временникѣ Об. И. и Др. кн. 23. № 1855. Г. Новицкій въ своемъ изслѣдованіи о крестьянахъ высказываетъ мнѣніе, что первый статутъ (а потому «возможно и второй») былъ напечатанъ (Архивъ Юго-Запад. Р. Часть VI томъ I. стр. 52). Но мнѣніе это пока не подтверждено какими либо несомнѣнными свидѣтельствами. Желанія, высказанныя на сеймахъ, повидимому также указываютъ на то, что первые статуты не были напечатаны. Второй статутъ назывался Волынскимъ по причинѣ произведенныхъ въ немъ перемѣнъ на сеймѣ 1569 г. относительно воеводствъ Волынскаго, Кіевскаго и Брацлавскаго. См. Ярошевича Obraz Litwy. II. 140.

Ради мира съ Крымскою Ордою короли польско-литовскіе платили ей ежегодную дань. Любопытна роспись этой дани, разложенной на разные города вел. кн. Литовскаго. См. въ Акт. Зап. Рос. I. № 193, подъ 1501 г. Здѣсь она получалась преимущественно сороками соболей и поставами суконъ. А позднѣе уже копами грошей. См. подъ 1530 г. Роспись Ординщины. Ibid. II. № 168. О такой же ежегодной дани по

нѣсколько тысячъ копъ грошей съ Коруны Польской и В. княжества Литовскаго говорится подъ 1541 г. (Акт. Ю. З. Рос. I. № 105).

23. Михалона «О нравахъ Татаръ, Литовцевъ и Москвитянъ» (переводъ проф. Шестакова). Архивъ Историко-Юридич. свѣдд. относящ. до Россіи. Изд. Калачова. Кн. 2. Полов. 2. М. 1854. Курбскаго Сказанія». Т. I. Исторія князя в. Московскаго. Гл. IV. Объ упадкѣ воинской доблести, размноженіи судей и адвокатовъ и обращеніи шляхты въ мирныхъ земледѣльцевъ см. также сочиненія перемышльскаго каноника Орѣховскаго, сатиры извѣстнаго польскаго поэта Кохановскаго и рѣчь вице-канцлера Петра Мышковскаго на Варшавскомъ сеймѣ 1563 г. (О нихъ см. Вишневскаго Historya literatury Polskiej. T. VI—IX).

Рядомъ съ распущенностію нравовъ, распространившеюся тогда въ высшихъ слояхъ Литовской и Польской Руси, любопытно сопоставить драконовскія постановленія противъ этой распущенности въ Литовскомъ Статутѣ. Напримѣръ, во Второмъ Статутѣ постановлены суровыя наказанія противъ сводниковъ и сводницъ; мужу, заставшему у своей жены любовника, онъ предоставилъ право дѣлать съ нимъ что хочетъ, даже убить его; незаконныхъ дѣтей лишилъ всѣхъ семейныхъ правъ, многоженцевъ осуждаетъ на смерть, похитителю женщины также опредѣляетъ смертную казнь. Послѣднее постановленіе, какъ думаютъ (напр. Ярошевичъ—Obraz Litwy III. 12), было вызвано похищеніемъ княжны Гальшки Острожской. Дѣло это, въ свое время надѣлавшее много шуму, состояло въ слѣдующемъ. Около 1530 года умеръ знаменитый побѣдитель при Оршѣ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій. Отъ перваго его брака съ княжной Гольшанской остался сынъ Илья, а отъ второго съ княжной Слуцкой сынъ Василій, между которыми и раздѣлились остальныя имѣнія Острожскаго. Илья женился на красивой励 полькѣ Беатѣ Косцелецкой; но скоро умеръ, оставивъ свои земли въ распоряженіи Беаты, которая сдѣлалась опекуншею посмертной его дочери Гальшки. Послѣдняя едва вышла изъ дѣтства, какъ уже явилось нѣсколько искателей ея руки и вмѣстѣ ея богатаго наслѣдства. Одинъ изъ нихъ, именно князь Димитрій Сангушко, молодой и православный западно-русскій вельможа, староста Каневскій и Черкасскій, получилъ согласіе на бракъ отъ Беаты, матери княжны, и отъ ея дяди Василія—Константина Острожскаго, бывшаго также ея опекуномъ. Узнавъ, что Беата только притворно дала свое согласіе, Сангушко съ помощью князя Острожскаго вооруженной рукой ворвался въ Острожскій замокъ, насильно заставилъ совершить обрядъ своего вѣнчанія съ тринадцатилѣтнею Гальшкою и насильно водворился въ этомъ замкѣ (1553 года). Беата подала жалобу королю Сигизмунду Августу, который притомъ былъ однимъ изъ опекуновъ княжны Острожской. Королевскій судъ приговорилъ Димитрія Сангушка къ лишенію чести, имущества и жизни. Тогда сей послѣдній съ своей юною супругою бѣжалъ въ Чехію. Но за ними погнался одинъ изъ претендентовъ на руку Гальшки, Мартинъ Зборовскій, воевода Калишскій; съ вооруженнымъ отрядомъ онъ перешелъ границу и настигъ ихъ недалеко отъ Праги. Захваченный врасплохъ, Сангушко былъ варварски израненъ и потомъ умерщвленъ. Гальшку

привезли обратно къ матери. Но бѣдствія богатой наслѣдницы тѣмъ не кончились. Явились новые искатели на ея руку. Беата тайно повѣнчала ее съ княземъ Семеномъ Слуцкимъ; а король не призналъ этого брака и насильно отдалъ ее въ жены поляку графу Гурко, который увезъ ее въ свой замокъ въ Познанскомъ воеводствѣ. Здѣсь онъ держалъ непокорную жену до самой своей смерти, тщетно пытаясь получить хотя часть ея наслѣдства. Онъ умеръ въ 1573 г. въ санѣ воеводы Познанскаго. Пожилая Беата тѣмъ временемъ сама вышла замужъ за молодаго Альберта Ласкаго воеводу Серадзкаго. Но этотъ вѣроломный человѣкъ, получивъ въ свои руки имущество ея и ея дочери, увезъ ее въ свой родовой замокъ въ Венгрію, и тутъ заперъ ее въ башнѣ, гдѣ она томилась многіе годы, пока получила свободу незадолго до своей смерти. Гальшка получила наконецъ свои наслѣдственныя земли, которыя она сама еще при жизни своей большею частью передала дядѣ Константину II (Василію) Острожскому, воеводѣ Кіевскому. Вообще сей вельможа, столь извѣстный впослѣдствіи ревнитель православія, является довольно равнодушнымъ къ бѣдствіямъ племянницы и обнаруживаетъ черты эгоизма и любостяжанія. Матеріалы для этого историческаго эпизода собраны гр. Пшездѣцкимъ въ его Jagiełłonki polskie w XVI wieku. T. II и III. На основаніи сихъ матеріаловъ составлены монографіи: Шараневича «Гальшка, княгиня Острожска». Оповѣдане историчне. У Львовѣ. 1880. и Якоба Каро—Beata und Halszka. Eine polnisch-russische Geschichte aus den. XVI Jahrhundert. Breslau. 1883. Послѣдняя въ русскомъ переводѣ помѣщена въ Кіевской Старинѣ 1890 г. Январь.

Исторія Беаты и Гальшки представляетъ яркую картину нравовъ высшаго польско-литовскаго общества половины XVI вѣка, съ его женщинами-наслѣдницами, буйнымъ самоуправствомъ магнатовъ и упадкомъ исполнительной власти, при которомъ тщетными оставались строгіе законы, столь щедрые на смертную казнь.

24. Бѣльскаго — Kronika. Сарницкаго Annales Polonorum et Lithuanorum. Cr. 1587. Орѣховскаго — Annales Poloniae и Żywot Jana Tarnowskiego. Стрыйковскаго — Kronika. Гурницкаго Dzeje w Koronie Polskiey. Кояловича Historia Lithuaniae. Въ сборникѣ Муханова (140—141 стр.) отрывокъ изъ Литовско-русской хроники о бракѣ Сигизмунда Августа съ Варварою Радивилъ. Неизвѣстнаго Vita Petri Kmithae. Литература: Нарбута Dzieje nar. Litew. T. IX. Dwaj Zygmunci Jagelloni—autora Ukrainy i Zaporoźa. 2 част. Варш. 1859.

25. Кояловича Historia Lithuaniae. II. и Miscellanea. Даниловича Scarbiec diplomatów. T. II. Венгерскаго Slavonia reformata. Любенецкаго — Historia reformationis Polonicae. Нарамовскаго Facies rerum Sarmaticarum. Vilnae. 1724. Лукашевича Dzieje Kościołów wyznania Helweckigo w Litwie. (Переводъ на рус. яз. А. Хмельницкаго см. въ Чтен. Об. И. и Др. 1847. кн. 8). Красинскаго Geschichte des Ursprungs, Forschritts und Verfalls der Reformation in Polen. Нарбута Dzieje nar. Litew. IX. § 2193 и Dodatek II. Ярошевича

Obraz Litwy. III. Rozd. II. Зубрицкаго «Галицкая Русь въ XVI столѣтіи». (Чтен. Об. И. и Др. 1862. кн. III). Высокопреосв. Макарія «Исторія Рус. Церкви». Т. IX. Спб. 1879. Соколова «Отношеніе протестантизма къ Россіи». М. 1880. Д. Цвѣтаева «Протестантство въ Польшѣ и Литвѣ въ его лучшую пору» (Чтенія въ Общ. Любит. духов. просвѣщ. Декабрь. 1881.). Любовича «Исторія Реформаціи въ Польшѣ». Варш. 1883. Вилен. Археограф. Сборникъ. VII.

26. Volumina legum. II. 29—32. Документы, объясняющіе Исторію Западно-Русскаго края. Спб. 1865. Ярошевича Obraz Litwy. II. Rozd. VII. Нарбута Dzieje и пр.

27. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Спб. 1869. Польскій текстъ съ русскимъ переводомъ профес. М. О. Кояловича. Это изданіе сдѣлано Археографическою Коммиссіей по рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библіотекѣ. Еще прежде того былъ изданъ Дневникъ Люблинскаго сейма въ другой редакціи, по рукописи, принадлежавшей графу Дзялынскому: Zrzódłopisma do dziejów unii Kor. Polskiej i W. X. Litewskiego. Cześć III. Diariusz Lubelskiego sejmu unii. Rok. 1569. Drukiem oglosił A. T. Hr. z Koscielca wojewodzic Dzialynski. W Poznaniu. 1856. Въ помянутомъ изданіи Археографической Коммиссіи приведены варьянты и пополненія изъ изданія Дзялынскаго отчасти внизу страницъ, отчасти въ «Приложеніяхъ». Кромѣ того см. Письмо Романа Сангушковича къ королю съ извиненіемъ, что не пріѣхалъ (вовремя) на сеймъ. Акты Южной и Западной Россіи. Т. I. № 152. Ярошевича Obraz Litwy. Т. II. стр. 56 и прим. 41. (различныя просьбы королю шляхты Кобринской, Мстибовской и нѣкотор. др. и отвѣты короля отъ 20 февраля 1569 г.). «Документы, объясн. Исторію Зап. Рус. края». Volumina legum. Т. II. Тутъ къ Люблинскому сейму относятся акты: «о «возвращеніи» коронѣ Подлясья, Волыни и Кіева, объ уніи съ Литвою, сеймовыя конституціи, поборовый универсалъ, инкорпорація герцогства Курляндскаго и Семигальскаго.

Весьма любопытными документами являются нѣсколько писемъ изъ Люблина отъ литовскаго подскарбія Николая Нарушевича и жмудскаго старосты Яна Ходкевича къ виленскому воеводѣ Николаю Радивилу, уѣхавшему изъ Люблина вмѣстѣ съ другими литовскими сенаторами и еще невернувшемуся. См. Ахеограф. Сборникъ, издав. при Вилен. Учеб. округѣ. Т. VII. подъ редакцей гг. Гильдебранта и Миротворцева. №№ 19—28 отъ 26 апрѣля—15 октября 1569 г. Тутъ описываются печаль и уныніе литовскихъ магнатовъ въ виду отобранія Волыни, Подляхіи и Кіевщины отъ В. княжества Литовскаго. Между прочимъ дядя Ходкевича, старикъ Еронимъ Ходкевичъ, Трокскій каштелянъ, умеръ во время Люблинскаго сейма, удрученный общимъ горемъ (см. № 25). Тутъ же (№ 28) въ письмѣ отъ 15 октября 1569 года къ Николаю Радивилу Янъ Ходкевичъ оправдывается во взведенномъ на него извѣтѣ, будто онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ Поляками и съ Москвою. Относительно послѣдней любопытно сопоставить его собственное обвиненіе на Люблинскомъ сеймѣ противъ Глѣбовича въ измѣнническомъ служеніи Московскому царю. Ibid. подъ № 17 и 18 находимъ любопытныя письма къ литов-

скому великому гетману Николаю Радивилу отъ того же жмуд. старосты Яна Ходкевича, 10 марта 1565 года, а также литов. подскарбія Николая Нарушевича, 24 августа 1565. Тутъ мрачными красками изображаются дурное поведеніе и отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ во время войны съ Иваномъ Грознымъ, пренебреженіе Сигизмунда II военнымъ дѣломъ и вообще плохое состояніе государственныхъ дѣлъ Польши и Литвы въ послѣднюю эпоху сего царствованія.

28. Лѣтописи Новгородскія, Псковскія, Софійскія, Воскресенская, Никоновская VII. Львовская IV. Царственная книга. Отрывокъ Рус. лѣтописи (въ П. С. Р. Л. т. VI). О дѣлѣ Андрея Старицкаго, кромѣ того, см. Акты Историч. I. №. 139 и Собр. Г. Г. Д. II. №№. 30, 31 и 32. По поводу заключенія Михаила Глинскаго, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (напр. Никонов.) высказывается нелѣпое обвиненіе, будто онъ отравилъ Василія III. О близкихъ отношеніяхъ Овчины Оболенскаго къ Еленѣ, въ которыхъ укорялъ ее Глинскій, говоритъ Герберштейнъ. (По изданію Старчев. стр. 73).

29. Названные выше лѣтописные своды. О войнѣ съ Литвою см. еще хроники Стрыйковскаго и Бѣльскаго. Акты Запад. Россіи. II. №№. 175. (Обширный статейный списокъ польско-литовскихъ сношеній съ Москвою въ 1534—1538 гг.), 177—189. О сношеніяхъ Москвы съ Крымск. Ордою и Ногайскими князьями см. грамоты, напечатанныя въ Исторіи Россійской Щербатова. Т. V. Часть I. Приложенія. О тѣхъ же сношеніяхъ грамоты въ Сборн. Истр. Об. Т. 41. Объ отравленіи Елены говоритъ тотъ же Герберштейнъ (veneno sublatam). Строитель стѣнъ Китай-города, архитекторъ Петръ Фрязинъ пріѣхалъ изъ Рима въ Москву при Василіи III; здѣсь принялъ православіе, женился и получилъ помѣстья. Послѣ кончины Елены онъ въ 1539 году былъ посланъ укрѣплять новый городъ Себежъ, откуда отправленъ въ Псковъ; по дорогѣ бѣжалъ въ Ливонію. Здѣсь на допросѣ у Дерптскаго епископа онъ свое бѣгство оправдывалъ тѣмъ, что отъ бояръ «великое насиліе, а управы въ землѣ никому нѣтъ, а промежъ бояръ великая рознь, въ землѣ въ Русской великая мятежь и безгосударство». Любопытный отрывокъ изъ Розыскнаго дѣла о его побѣгѣ см. въ Акт. Истор. I. №. 140.

30. Тѣже лѣтописные своды. Акты Археогр. Эксп. I. №№. 184 (Чинъ поставленія митрополита Іоасафа), 185 (отреченная грамота митрополита Даніила), 187, 192 и 194 (Губныя грамоты Бѣлозерская, Соль-Галицкая и селамъ Троицкаго-Сергіева монастыря. 1539 и 1541 гг.). Дополненіе къ Актамъ Историч. I. №№. 27 (челобитная опальнаго кн. Андрея Шуйскаго къ архіеп. Макарію о печалованіи передъ велик. княземъ Иваномъ и его матерью Еленою) и 31 (Губная Каргопольская грамота 1539 г.). Переписка Ивана IV съ Курбскимъ («Сказанія кн. Курбскаго». II). Въ правленіе Бѣльскаго, одновременно съ освобожденіемъ двоюроднаго брата государева Владиміра Андреевича, облегчена была участь и троюроднаго дяди Димитрія Андреевича. Это былъ сынъ Андрея Васильевича Большого, удѣльнаго князя Углицкаго, племянникъ Ивана III;

послѣдній заключилъ его вмѣстѣ съ отцемъ своимъ (1491 г.). Около 50 лѣтъ томился онъ въ темницѣ. Ему однако не возвратили свободы, а только сняли узы и вообще облегчили заключеніе (Карамз. къ т. VIII. прим. 94).

31. О небрежномъ воспитаніи Іоанна и его жестокихъ забавахъ говоритъ Курбскій (Сказанія. Т. I. Глава I. Т. II. Посланія Ивана IV князю Курбскому). О событіяхъ 1543—1546 гг. Царствен. книга. Никон. лѣт. Псковская. Чинъ царскаго вѣнчанія Царств. кн. Собр. I. Грм. Дог. II. №. 33. Древ. Рос. Вивліоѳ. VII. Дополн. въ Акт. Историч. I. №. 39. Утвердительная грамота цареград. патріарха 1561 г. издана кн. Оболенскимъ. М. 1850 г. Слова книжниковъ о значеніи царскаго титула см. въ Псков. Первой и Новгород. Третьей.

Указъ о созывѣ дѣвицъ на смотръ по областямъ С. Г. Г. и II. №. 34, 35. Описаніе свадьбы въ Древ. Р. Вивліоѳ. изд. 2-е Т. XIII. Слово митрополита новобрачнымъ. Ibid. XIV. и въ Дополн. къ Ак. Истор. I. № 40. Развѣтвленіе потомства Андрея Кобылы см. «Родослов. книга». М. 1787 г. и Временникъ Об. И. и Др. кн. 10-я. Имя матери Анастасіи Романовны извѣстно изъ житія Геннадія Костромскаго. См. Соловьева. VI прим. 23. О пожарахъ и народномъ мятежѣ 1547 года въ Царств. кн. и Никонов. лѣт. Объ увѣщаніяхъ Сильвестра, поразившихъ царя, и споры съ нимъ Адашева разсказываетъ Курбскій въ первой главѣ своей «Исторіи в. кн. Московскаго» (Сказанія. I. 8 стр. и слѣд.). О чрезвычайномъ вліяніи Сильвестра на царя и на управленіе говоритъ и Царствен. кн. стр. 342—3. «Бысть же сей священникъ Сильвестръ у Государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ въ духовномъ и въ думномъ, и бысть яко все мога и вся его послушаху»... «Всякія дѣла и власти святительскія и царскія правяше, и никто же смѣяше ничто же рещи, ни сотворити не по его велѣнію». Извѣстіе это очевидно преувеличено, но отчасти его подтверждаетъ впослѣдствіи самъ Іоаннъ въ своемъ первомъ письмѣ къ кн. Курбскому (Сказанія. II.). Преувеличеніе видно особенно изъ дальнѣйшихъ отношеній Сильвестра къ митрополиту Макарію, который покровительствовалъ, а не подчинялся сему іерею. Тутъ же Царствен. книга говоритъ далѣе: „Бысть же сей Селивестръ совѣтенъ и въ велицѣй любви у князя Владиміра Андреевича и у матери его княгини Евфросиньи; его бо промысломъ и изъ нятства выпущены». Если тутъ говорится объ извѣстномъ освобожденіи ихъ изъ заключенія въ 1542 г., то очевидно уже въ это время Сильвестръ находился въ Москвѣ и пользовался нѣкоторымъ значеніемъ. Относительно начитанности Іоанна, С. М. Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи (т. VI стр. 46) полагаетъ, что онъ еще во время боярщины „съ жадностію прочелъ все, что могъ прочесть". Думаемъ, что усердное занятіе чтеніемъ не согласуется съ извѣстіями о его дурномъ воспитаніи и шалостяхъ того времени, и указываемъ на слѣдующія доселѣ незамѣченныя слова Курбскаго въ его посланіи къ царю изъ Полоцка въ 1579 г. Сравнивая занятія царя въ эпоху Сильвестрову съ провожденіемъ времени послѣ его паденія, Курбскій между прочимъ говоритъ: «вмѣсто Богодуховенныхъ книгъ и молитвъ священныхъ, ими же душа твоя без-

смертная наслаждалася и слухи твои царскіе освящалися—скомороховъ со различными дудами и богоненавистными бѣсовскими пѣснями» и пр. (Сказанія. II. 149). Относительно Адашева есть извѣстія, что отецъ его Ѳедоръ Григорьевичъ въ 1536 году угощалъ медомъ польскаго посланника Техановскаго. (Сборникъ Импер. Рус. Историч. Общ. т. LIX. Спб. 1887 стр. 44), а въ 1538 г. правилъ посольство въ Царьградѣ (Карамз. къ т. VIII прим. 89). Очевидно онъ былъ изъ лучшей статьи боярскихъ дѣтей. Алексѣй, сообразно даннымъ, въ 1547 является въ числѣ царскихъ стряпчихъ, спальниковъ и рындъ.(Древ. Рос. Вивліоѳ. стр. 33 и 39 и Разрядн. книга подъ 7055 г.). См. *Н. П. Лихачева* «Происхожденіе А. Ѳ. Адашева». Истор. Вѣст. 1890 г. Май.

Въ Чтеніяхъ Об. И. и Др. за 1874 г. кн. I-я. напечатано изслѣдованіе «Благовѣщенскій Іерей Сильвестръ и его писанія», начатое Д. П. Голохвастовымъ, а послѣ его смерти докопченное Архим. Леонидомъ. Въ этомъ изслѣдованіи есть попытка доказать, что Сильвестръ, вопреки показаніямъ Курбскаго, подѣйствовалъ на воображеніе Іоанна и произвелъ въ немъ благодѣтельную перемѣну во время народнаго мятежа не какимъ либо своимъ внезапнымъ явленіемъ передъ царемъ, подобно пророку Наѳану передъ Давидомъ, а только увѣщательнымъ посланіемъ, которое найдено въ такъ наз. Сильвестровомъ Сборникѣ и тутъ же приложено къ изслѣдованію. Сіе изслѣдованіе заключаетъ не мало дѣльныхъ замѣчаній (напр. о преувеличенномъ отзывѣ Царствен. книги и возраженія историку Соловьеву, обвинившему Сильвестра въ излишнемъ стремленіи къ матеріальнымъ выгодамъ на основаніи его Поученія сыну). Но указанная попытка или догадка едва ли можетъ быть принята. Помѣщенное при семъ «Посланіе къ царю Ивану Васильевичу» не заключаетъ никакихъ указаній на событія 1547 года, и главнымъ образомъ распространяется о содомскомъ грѣхѣ, увѣщевая царя употребить противъ него карательныя мѣры. Это посланіе очевидно написано въ параллель съ извѣстнымъ увѣщательнымъ посланіемъ митрополита Макарія къ царскому войску въ Свіяжскъ, въ маѣ 1552 года, о томъ же предметѣ. (Акты Истор. I. № 159). Нѣкоторые ученые склоняются въ пользу того мнѣнія, что Посланіе принадлежитъ Сельвестру; напр. митроп. Макарій (Истор. Рус. Церк. Т. VII, 360); Ждановъ (Ж. М. Н. Пр. 1876. кн. 7). Но другіе несогласны съ тѣмъ. А. Ѳ. Бычковъ относитъ его къ эпохѣ опричнины («Описаніе Славянскихъ и Рус. рукописей Сборникъ Импер. Публ. Библіотек. Спб. 1878 г. стр. 57—58). Проф. Барсовъ вѣроятнымъ авторомъ посланія считаетъ Вассіана Топоркова и также относитъ къ болѣе позднему времени (Сборникъ Археологич. института. Кн. IV. Спб. 1880 г. «Объ авторѣ посланія къ царю Ивану Васильевичу»). По поводу названнаго изслѣдованія Архимандр. Леонида см. полемику проф. Е. Е. Замысловскаго въ Сбор. Госуд. Знаній Т. II. Отдѣлъ критики Спб. 1875.

32. Описаніе свадьбы Юрія Васильевича и Владиміра Андреевича см. Древн. Рос. Впвл. XIII. Относительно перваго земскаго собора: Собр. Г. Г. и Д. II. № 37. Тутъ рѣчь Ивана IV на Лобномъ мѣстѣ

(Карамзинъ приводитъ ее по Степенной книгѣ Хрущова. Къ т. VIII пр. 182) и обращеніе къ Адалееву съ награжденіемъ его саномъ окольничаго; но послѣднее не достовѣрно. По списку бояръ и придворныхъ чиновниковъ онъ пожалованъ въ окольничіе въ 1555 году (Карамз. къ т. VIII прим. 184). Объ исправленіи Судебника на соборѣ 1550 года, изданіи уставныхъ грамотъ съ «устроеніемъ» старостъ и цѣловальниковъ царь говоритъ въ своихъ вопросахъ, обращенныхъ къ Стоглавому собору (по изданію Кожанчикова 39 стр.). Изданія Судебника Ивана IV: Петербургское Академіи Наукъ 1768 г. съ предисловіемъ Башилова; Московское того же 1768 г., и второе изданіе Спб. 1786. (съ примѣчаніями Татищева); при Сенатѣ изданъ «Сводный Судебникъ» въ 1774 г. 1819 года изданіе Калайдовича и Строева. Наиболѣе полное и провѣренное изданіе Судебника въ Актахъ Историч. I. № 153. (1841 года), и наконецъ изданіе Владимірскаго — Буданова въ его Хрестоматіи по исторіи Рус. права. Вып. 2. Яросл. 1874 г. Указъ о мѣстничествѣ въ С. Г. Г. и Д. II. № 38. Изслѣдованія Калачова о Судебникѣ Ивана IV см. въ Юридич. Запискахъ Рѣдкина. Т. I. М. 1841 и Т. II. М. 1842. «Дополнительные указы къ Судебнику» въ Актахъ Истор. I. № 154 и «Дополнительныя статьи къ Судебнику», сообщенныя А. Ѳ. Бычковымъ и изданныя Калачовымъ въ его Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній. Кн. II. Половина первая. М. 1855. О земскихъ соборахъ см. рѣчь проф. Бѣляева на актѣ Моск. Унивр. 1867 года. Онъ не вѣрно относитъ этотъ первый земскій соборъ къ 1548 г. Къ тому же году относитъ его проф. Сергѣевичъ «Земскіе соборы въ Москов. Государствѣ» въ Сборникѣ Госуд. Знаній. Т. II. Спб. 1875 г. Вопросъ о годѣ удовлетворительно обсуждается въ изслѣдованіи Латкина «Земскіе Соборы Древней Руси». Спб. 1885.

Изданія Стоглава: По обширной редакціи, при Казан. духовн. Академіи въ 1862 г.: по краткой редакціи, Кожанчиковымъ. Спб. 1863. Статьи изъ этого уложенія о святительскомъ судѣ изданы въ Акт. Истор. I. № 155. Оффиціальное значеніе Стоглава удостовѣрено вновь открытыми и изданными наказными грамотами митрополита Макарія. См. статьи о семъ Бѣляева и Добротворскаго въ Православ. Обозрѣніи и Православ. Собесѣдникѣ за 1862 и 1863 гг. Въ статьѣ Бѣляева (отдѣльное изд. М. 1863 г.) объяснено при семъ, откуда зашли въ Стоглавъ апокрифическія постановленія о двуперстіи и брадобритіи. Того же Ильи Д. Бѣляева «Объ историческомъ значеніи дѣяній Московскаго Собора 1551 года» въ Рус. Бесѣдѣ. 1858. кн. IV. См. также «Отвѣтъ митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу» о неприкосновенности церковнаго землевладѣнія, написанный въ эпоху Стоглаваго Собора. Съ предисловіемъ проф. Суботина. Лѣтописи Рус. Литературы и древностей. Изд. проф. Тихонравова. Т. V. М. 1863. Статья Жданова «Матеріалы для исторіи Стоглаваго Собора» въ Ж. М. Н. Пр. 1876 г. №№ 7 и 8.

33. Царственная книга., Никонов. Лѣт. и Львовск., Степенная кн., Отрывокъ Русской Лѣтописи (П. С. Л. VI). Разсказъ о Сююнбекѣ и ея

прощаніи съ Казанью встрѣчаемъ въ такъ наз. «Исторіи о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI столѣтія». Спб. 1791 г. Хотя авторъ этой исторіи и говоритъ, что онъ попалъ въ казанскій плѣнъ, въ которомъ пробылъ 20 лѣтъ и служилъ при дворѣ Сафа Гирея, слѣдственно описывалъ эпоху паденія Казани какъ будто современникъ и почти очевидецъ; но его разсказы вообще не отличаются полною достовѣрностью и обилуютъ разными домыслами и прикрасами. Этою исторіей пользовались и авторы позднѣйшихъ сочиненій о Казанскомъ царствѣ, каковы Лызлова «Скиѳская исторія», написанная въ 1692 г. (Издана Новиковымъ въ Москвѣ. 1787 г. Издан. Втор.) и Рычкова «Опытъ Казанской исторіи». Спб. 1767. О тожествѣ казанскаго царя Едигера съ царевичемъ Едигеромъ, бывшимъ въ русской службѣ, говоритъ В .В. Вельяминовъ Зерновъ—«о Касим. царяхъ и царевичахъ». I. 367. (А прежде его тоже замѣтилъ Полевой въ своей «Истор. Рус. Народа» VI. 307). По словамъ Вельямин. Зернова, точное имя царевича Ядигаръ Мухамедъ. Мы оставляемъ форму имени, употребляемую нашими лѣтописями, которая означаетъ только русское произношеніе и не противорѣчитъ татарской формѣ слова. Точно также авторъ сего превосходнаго изслѣдованія (о «Кассимов. царяхъ и царевичахъ») имя Шигъ-Али исправляетъ въ Шахъ-Али, ссылаясь на надгробную надпись. И въ семъ случаѣ мы оставляемъ усвоенное русскою исторіографіей лѣтописное чтеніе, ибо пока не считаемъ достаточною одну означенную ссылку. У Герберштейна это имя пишется Scheale. Не знаемъ, хорошо ли сохранилась надпись, вѣрно ли она разобрана и насколько сама она не подвержена ошибкѣ. Почему слово шигъ въ этомъ случаѣ должно означать шаха, а не шейха, когда имѣлось нѣсколько и другихъ шиговъ, напр. Шигъ-Мамай, Шигъ-Авліяръ (отецъ Шигъ-Алея) и проч.? Лѣтописи наши постоянно упоминаютъ шиховъ въ числѣ высшихъ ордынскихъ чиновъ. Напр. въ Царств. кн. 178 стр.: «и вся земля Казанская, молны, и сеиты, и шихы, и шихзады, и молзады, и мамы, азеи, афазы, князи, и уланы, и мурзы» и т. д. Почти тоже въ Степен. кн. стр. 254. Значеніе этихъ татарско-мусульманскихъ титуловъ большей частью объяснено у Вельямин. Зернова. (Изслѣд. о Касим. цар. II. 460 и далѣе). Бекъ или бій соотвѣтствуетъ нашему «князь»; беки главныхъ родовъ или вообще приближенныя къ хану лица назывались карачіи; аталыки—воспитатели или дядьки царевичей; имильдаши—молочные братья царевичей; сеиды — потомки Магомета; а главный сеидъ — верховн. духовн. лицо; муллы или молны—священники; хафизы—тоже духовныя лица и пр. Афазы лѣтописи конечно суть хафизы, а азеи вѣроятно «хаджи», т. е. ходившіе въ Мекку. По вопросу о характерѣ и племенномъ составѣ Казанскаго царства см. также монографію Н. А. Ѳирсова—«Обзоръ внутренней жизни инородцевъ предъ вступленіемъ ихъ въ составъ Москов. государства». (Ученыя запис. Казан. универ. 1864. Вып. I). Относительно произношенія татарскихъ именъ, мы также оставляемъ старое Гирей вмѣсто Герай, которое встрѣчаемъ у В. Д. Смирнова—«Крымское ханство подъ верховен. Оттоман. Порты» Спб. 1887 г. По сему поводу см. замѣчаніе Н. И. Веселовскаго въ его об-

стоятельской рецензіи названнаго сочиненія (Ж. М. Н. пр. 1889 г. Январь. Стр. 176).

34. Самый подробный, наиболѣе достовѣрный и ближайшій къ событію разсказъ о Казанскомъ взятіи находится въ Царств. книгѣ. Преимущественно отсюда онъ заимствованъ въ Никонов. Лѣт. Т. VII. Сказанія кн. Курбскаго Ч. I, гл. 2. Курбскій также ссылается на Царств. книгу; при всей краткости своей онъ даетъ важныя свидѣтельства какъ очевидецъ и участникъ осады; хотя показанія его невсегда точны. (Напр. см. замѣчаніе кн. Щербатова о числѣ татарскаго войска, сдѣлавшаго первую вылазку. Т. V. стр. 362). Отрывокъ изъ Рус. Лѣтописи, гдѣ описано Казанск. взятіе имѣетъ характеръ особаго сказанія. (П. С. Р. Л. VI). Въ Степенной книгѣ событіе передается кратко. Далѣе помянутая выше «Исторія о Казанскомъ царствѣ», не отличающаяся обстоятельностью. Въ томъ же родѣ разсказъ въ «Скиѳской исторіи» Лызлова и въ «Опытѣ Казанской Исторіи» Рычкова. Спб. 1767. Довольно обстоятельно передано все событіе въ «Исторіи Россійской» кн. Щербатова. Т. V. Спб. 1786. Еще болѣе обстоятельный сводъ извѣстій въ «Повѣствованіи о Россіи» Арцыбашева. Т. II. Описаніе осады у Карамзина весьма полно и краснорѣчиво; но онъ недостаточно критично относится къ своимъ источникамъ. Планъ татарской Казани и ея осады помѣщенъ Устряловымъ при Сказаніяхъ кн. Курбскаго. Критическій разборъ этого плана (принадлежащаго Каницу, директору Казан. гимназіи временъ Пугачева) см. у С. М. Шпилевскаго—«Древніе города и другіе булгаро-татарскіе памятники въ Казан. губ.». Казань. 1877 г. Каницъ основывалъ свои очертанія древней Казани по направленію крестныхъ ходовъ вокругъ древней городской стѣны. Шпилевскій считаетъ это основаніе невполнѣ вѣрнымъ; при чемъ ссылается на статьи о Казани XVI столѣтія неизвѣстнаго автора въ Казан. Губ. Вѣдд. 1856 г. По вопросу о такъ наз. Сумбекиной башнѣ г. Шпилевскій склоняется къ тому мнѣнію, что это былъ татарскій минаретъ при Муралеевой мечети (обращенной въ дворцовую церковь). Стр. 431—478. Одновременно съ названнымъ трудомъ явились «Очерки древней Казани» съ планомъ города — протоіерея Зарнискаго. Казань. 1877 г. Благочестивыя легенды приведены большею частію въ Степенной Книгѣ и Царств. лѣтописи. Напримѣръ: одинъ изъ русскихъ воиновъ видѣлъ на воздухѣ апостоловъ Петра и Павла и святителя Николая, благословляющихъ градъ Казань, какъ будущее православное мѣсто; другому является св. Никола и посылаетъ его возвѣстить царю о близкомъ паденіи Казани; самъ Іоаннъ слышитъ несущійся отъ Казани звонъ какъ будто отъ большого колокола Симонова монастыря, и пр. «Исторія о Казанскомъ царствѣ» передаетъ легенды о знаменіяхъ, являвшихся самимъ Казанцамъ; напр. городскія стражи видятъ ночью калугера, ходящаго по стѣнамъ осѣняющаго городъ крестомъ и кропящаго на четыре стороны, и т. п. Эта Исторія о Казанскомъ царствѣ приписывается обыкновенно священнику Іоанну Глазатому, на основаніи указанія Татищева (Истор. Рос. кн. I. Предъизвѣщеніе XII. М. 1768). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ указалъ на замѣченное студентомъ Аквилоновымъ сходство сей Казанской

исторіи отчасти съ Рус. лѣтописью въ П. С. Р. Л. Т. VI. («Рус. Ист.» стр. 43 въ примѣч.). Г. Шпилевскій въ означенномъ выше своемъ трудѣ «о древнихъ городахъ Каз. губ.» второе приложеніе посвящаетъ разсмотрѣнію вопроса объ авторѣ Казанской исторіи, и приходитъ къ тому заключенію, что «Отрывокъ изъ Рус. Лѣтописи», помѣщенный въ П. С. Р. Л. Т. VI, почти весь вошедшій въ эту исторію, и есть произведеніе Іоанна Глазатаго; а что другія части исторіи заимствованы преимущественно изъ Степенной книги неизвѣстнымъ компиляторомъ. Впрочемъ, вопросъ сей еще остается открытымъ.

35. О болѣзни царя и спорѣ бояръ въ Царств. кн. и неизданной лѣтописи Александро-Невской, на которую ссылается Карамз., прим. 380 къ Т. VIII, и Соловьевъ пр. 69 къ Т. VI. Курбскій слегка упоминаетъ о болѣзни. Сказан. I. 48. Но Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому прямо обвиняетъ совѣтниковъ своихъ въ томъ, что они хотѣли возвести на царство Владиміра Андреевича. Сказан. II. 60. Вотъ еще нѣкоторыя подробности этого дѣла по Царствен. книгѣ. Бояринъ князь Димитрій Θедоровичъ Палецкій, тесть Юрія, Іоаннова брата, хотя и принесъ требуемую присягу, однако послѣ того посылалъ зятя своего Василія Бороздина къ княгинѣ Евфросиніи, урожденной Хованской, и къ ея сыну Владиміру Андреевичу, и предлагалъ ему свои услуги для достиженія престола, если они пожалуютъ удѣлъ его дочери и князю Юрію Васильевичу по духовной грамотѣ Василія III. Далѣе, окольничій Левъ Салтыковъ разсказывалъ, что когда онъ ѣхалъ по площади съ княземъ Димитріемъ Нѣмого, то послѣдній говорилъ ему: «Богъ знаетъ, зачѣмъ бояре насъ приводятъ къ цѣлованію, а сами креста не цѣлуютъ; а какъ служить малому мимо стараго; а вѣдь владѣть нами Захарьинымъ». Князь Дмитрій Курлятевъ и казначей Никита Фуниковъ подъ предлогомъ болѣзни не явились во дворецъ, и принесли присягу уже послѣ; а во время боярскихъ пререканій они будто ссылались съ княгинею Евфросиніей и ея сыномъ, желая ихъ видѣть на государствѣ. Впослѣдствіи Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому жаловался на то, что этого князя Димитрія Курлятева Сильвестръ, какъ своего единомысленника, въ синклитію (т. е. въ Боярскую Думу) припустилъ». О поѣздкѣ Іоанна по монастырямъ см. въ Никон. лѣт. Бесѣду съ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ Топорковымъ передаетъ Курбскій. (Сказан. I. Глава 3). Хотя Іоаннъ по выздоровленіи никого не преслѣдовалъ, однако между боярами, нехотѣвшими присягать, очевидно существовали опасенія. Такъ князь Семенъ Ростовскій въ слѣдующемъ 1554 году задумалъ отъѣхать въ Литву къ Сигизмунду Августу вмѣстѣ съ своими родственниками (Лобановыми, Пріимковыми и др.). Уличенный въ этомъ намѣреніи и въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ литовскимъ посломъ Довойной, князь Семенъ отозвался, что все это онъ дѣлалъ по малоумству. Царь и бояре осудили его на смерть; но митрополитъ, владыки и архимандриты упросили помиловать его; онъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро и заключенъ въ тюрьму. (Никонов. лѣт. VII. 211—212). Крестоцѣловальныя грамоты Владиміра Андреевича Іоанну и его сыну сначала Дмитрію, а потомъ царевичу Ивану см. С. Г. Г. и Д. I. №№. 162 г. 167.

36. Степен. кн. Никонов. лѣт. VII. Львов. V. Курбскій. Наказъ архіеп. Гурію о мягкихъ мѣрахъ къ обращенію Татаръ въ Актахъ Археогр. Эксп. I. № 241. Но лѣтописныя извѣстія нерѣдко говорятъ прямо о принудительномъ крещеніи. Такъ въ Новгородѣ въ 1555 г. «давали дьяки по монастырямъ Татаръ, которые сидѣли въ тюрьмахъ и захотѣли креститись; которые не захотѣли креститись, ино ихъ метали въ воду». (П. С. Р. Лѣт. III. 152). Дѣла Ногайскія въ Архивѣ М. Ин. Д. отъ № I до 10 включительно. Эти дѣла начали печататься кн. Щербатовымъ въ приложеніи его къ «Исторіи Россійской» т. V. Часть I-я. Печатаніе ихъ продолжалось Новиковымъ. См. Продолженіе Древней Россійской Вивліоѳики части VII — X. Древн. Р. Вивліоѳ.» XIII. 286 Перетятковича: «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ». М. 1877. См. также. «Исторію Крымскихъ хановъ» въ Зап. Од. Общ. И. и Д. I. Барсукова: «Родъ Шереметевыхъ». Книга I. Спб. 1881.

О томъ, что совѣтники Іоанна настоятельно убѣждали его энергически дѣйствовать противъ Крыма, говоритъ Курбскій (Сказанія I. 52). Относительно вопроса о своевременномъ покореніи Крыма Карамзинъ говоритъ и за, и противъ; но его симпатіи очевидно склоняются болѣе на сторону совѣтниковъ Іоанна. Т. VIII. Гл. V. Рѣшительнѣе на сторону послѣднихъ склоняется Полевой: «Исторія Рус. Народа». VI. гл. III. Оправданіе Іоанна въ отказѣ продолжать наступательныя дѣйствія противъ Крыма главнымъ образомъ принадлежатъ Соловьеву. См. его «Исторію Россіи». VI, гл. III. Костомаровъ стоялъ за возможность покоренія Крыма («Вѣстн. Европы». 1871. Октябрь). Бестужевъ-Рюминъ поддерживаетъ мнѣніе Соловьева: «Русская Исторія». Томъ II., гл. V прим. 64. Замѣчаніе Соловьева, что сильная тогда Турція не допустила бы завоеваніе Крыма, довольно гадательное. Его оправданіе имѣетъ мало силы, потому что завоеванію Ливоніи, которымъ увлекся Іоаннъ, помѣшали другіе сосѣди; на что можетъ быть заранѣе указывали ему его умные совѣтники. Наконецъ, если рано еще было Русскимъ утвердиться въ Крыму, и посылать большія массы войскъ степями, то ничто не мѣшало Московскому правительству дѣлать ежегодные или вообще частые поиски противъ Крыма Днѣпромъ и Домомъ подобно тѣмъ, которые были сдѣланы Адашевымъ и Вишневецкимъ. Дѣло въ томъ, что вмѣсто болѣе выгодной активной системы дѣйствія, предупреждавшей набѣги Крымцевъ и державшей ихъ самихъ въ постоянной тревогѣ, Іоаннъ ввелъ разорительную для государства систему пассивной обороны. Эта система, заставлявшая постоянно собирать войска для обороны южныхъ предѣловъ, въ значительной степени помѣшала и нашимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ Ливоніи. Притомъ о возвышенныхъ цѣляхъ, приписываемыхъ Іоанну относительно завоеванія Ливоніи, источники ничего не говорятъ. Если бы онъ хотѣлъ имѣть гавани на Балтійскомъ морѣ для непосредственныхъ морскихъ сношеній съ Западной Европой, то онъ могъ бы воспользоваться принадлежавшею тогда Россіи частью береговъ Финскаго залива (отъ устья рѣки Сестры до устья Наровы); но онъ неподумалъ о томъ. Впослѣдствіи Петръ какъ только воротилъ это прибрежье, сейчасъ воспользовался имъ и основалъ свой Петербургскій портъ.

37. О дѣлѣ Шлитта см. Гiерна: Monum. Livon. antiquae. I. 202. Геннинга Хроника. Scriptores rer. Livonic. II. 213—214. Грефенталя Хроника. Monum. Liv. ant. V. 115. Грамоты императорскія и папскія въ Historica Russiae Monumenta. I. №№. CXXX—XXXIII. Карамз. къ Т. VIII. прим. 205—8., со ссылками на Фабера Preussisches Archiv. Любопытно, что еще въ 1539 году при допросѣ бѣжавшаго изъ Москвы Петра Фрязина въ Дерптѣ узнали, что одинъ пушечный мастеръ намѣренъ изъ Дерпта уѣхать на службу въ Москву. Епископъ дерптскій сослалъ этого мастера невѣдомо куды. Акты Историч. I. № 140.

О началѣ морскихъ сношеній съ Англіей: Гаклюйта: Collection of the early voyages, travels and discoveries. I. Двинскій лѣтописецъ, издан. въ Росс. Вивл. XVIII Н. И. Новиковымъ и вновь въ исправленномъ видѣ А. А. Титовымъ. М. 1889. Никонов. лѣт. VII. 291—292. Соб. Г. Г. и Д. V. №. 113. Гаммеля «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII вв.» Спб. 1865 и 1869. Ключевскаго «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ». М. 1866. Посольскія грамоты см. у Ю. Толстого: «Россія и Англія». Спб. 1875. Климента Адама: Anglorum navigatio ad Moscovitas (у Старчевскаго Hist. Ruthen. Sript. exteri. T. I.). Замысловскаго «Очеркъ сношеній Россіи съ Англіей». Древ. и Нов. Россія. 1876. № 6.

О войнѣ съ Густавомъ Шведскимъ Никон. лѣт. VII. Дѣла Шведскія въ Арх. И. Ин. Д. №. 1. Карамз. къ Т. VIII. прим. 459. Далина Geschichte des Reichs. Schw. III. и Гейера: Geschichte Schwedens. II. Кромѣ Густава Вазы, Ливонцы также съ опасеніемъ смотрѣли на возникшія торговыя сношенія Россіи съ Англіей. Рижане обращались въ Любекъ за совѣтомъ, какими способами воспрепятствовать этимъ сношеніямъ. (См. Гильдебрандта «Разысканія въ архивахъ». Зап. Акад. XXIX). Относительно притѣсненій русскимъ торговцамъ въ Ливоніи см. извлеченную изъ Ревельскаго город. Архива «Грамоту намѣстника Ивангородскаго къ Ревельскому магистрату въ царствованіе Ивана Грознаго» въ «Чт. О. И. и Др.» 1888 г. кн. I.

Относимое къ этой эпохѣ царствованія Ивана IV «Донесеніе о Московіи» Марка Фоскарини, который будто бы былъ посланникомъ въ Россіи въ 1557 году (Тургенева Historica Russiae Monumenta. I. № 135)—донесеніе весьма благосклонное къ Россіи и Ивану Грозному—должно быть признано апокрифическимъ. Г. Ясинскій наглядно указалъ, что оно есть передѣлка сочиненія Павла Іовія De Legatione Basilii, относящагося ко времени Василія III. (Кіев. Универс. Извѣстія. 1889 г.).

38. Вальтазара Руссова Chronica der Prouintz Lyfflandt (Sriptor. Rer. Livon. II.). См. переводъ этой хроники въ «Сборникѣ по исторіи Прибалтійскаго края» Т. II. и III. Брахмана «Реформація въ Ливоніи». Тотъ же Сборникъ. Т. III. Бунге Geschichtliche Entwickelung der Standesverhältnisse in den Ostseegouvernments. «Введеніе къ первой части свода мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ». Спб. 1845. См. также двѣ исторіи Остзейскихъ провинцій. Рихтера и Рутенберга.

39. О переговорахъ Москвы съ Ливоніей: Никонов. VII. 215—216,

282—283, 294. П. С. Р. Л. IV. 303. Львов. 36—38 и 167—168. Бреданбаха Belli Livonici Historia (у Старчевскаго). См. также хронику Руссова, Ніенштедта, Гіерна, Monum. Liv. Ant. V. №. 185. Гильдебранта «Отчетъ о разысканіяхъ въ архивахъ» въ Зап. Ак. XXIX. Относительно спорнаго вопроса о прежней Юрьевской дани см. П. С. Р. Л. IV. 225. у Гіерна Monum. Liv. Ant. I, 211. и Ніенштедта ibid. II. 40. Карамз. къ VI т. прим. 551. Рихтеръ II. 238. Договоръ со Псковомъ «Русско-Ливонск. Акты». 299. Трактатъ между Орденомъ и Литвою у Догеля Codex diplomaticus. V. №. 128. «Объявленіе войны Иваномъ Васильевичемъ городу Ревелю» въ Чт. О. Ист. Др. 1886 кн. 4-я. Смѣсь. Сообщено А. Чумиковымъ. «Дневникъ Ливонскаго посольства къ царю Ивану Васильевичу». Ibid. Сообщено въ рус. переводѣ А. Чумиковымъ. Подлинникъ изданъ Ширреномъ въ его Quellen. Bd. II.

40. О Русско-Ливонской войнѣ лѣтописи Никонов. VII. Львова. V. П. С. Р. Л. IV. Лѣтопись Нормантскаго Времен. Об. И. и Д. V. Курбскаго «Сказанія». Гіернъ Monum. Liv. Ant. I. Ніенштедтъ Ibid. II. Грефенталя Хроника Ibid. V. Бреденбахъ въ Histor. Ruth. Script. ext. I. Руссова хроника. Scipt. rer. Livon. II. Геннига Хроника—Ibid. Фабриція—Livonicae Historiae compendioza series. Ibid. Реннера Liflündische Historien. Gött. 1876. Письмо императора Фердинанда къ Іоанну IV съ просьбой о прекращеніи Ливонской войны въ Hist. Rus. Monum. I. №. CXXXVII. О подданіи Ливоніи Польскому королю условіяхъ Ibid. №№ CXXXVIII, CXXXIX, CXLII, CXLIII. Грамота Іоанна IV городу Дерпту въ Supplem. ad. Hist. R. Mon. № 85 Ширрена-Quellen zur Geschichte des Untergangs Lifländisch. Selbständigkeit. 8 Bnd. и Neue Quellen zur Gesch. des Unterg. Lifl. Selbst. 2 Bd. Бинемана-Briefe und Urkunden zur Geschichte Liflands in den Iahren 1558—1562. 6 Bd. Riga. 1865—1879. Чьямпи Notizie dei secoli XV—XVI sull' Jtalia, Polonia, Russia. Разрядн. книги въ Симб. Сборн. М. 1844. и въ Вивліоѳ. Новикова XIII. О Ливонскихъ походахъ Шихъ-Алея и царевича Тохтамыша сводъ извѣстій см. у Вельямин. Зернова I. 423—428. II. 7—II. Пособія: Кельхъ (Lieflendische Historia 1695). Рихтеръ, Рутенбергъ, Костомаровъ («Ливонская война». Спб. 1864). Mitteilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv. Esth. und Kurlands herausgeg. v. der Gesellschaft für Gesch. und Alterth. der Russ. Ostsee-Provinzen. Ганзена Geschichte der Stadt Narva. Dorp. 1858. Реймана Das Verhalten des Reiches gegen Livland in den Jahren 1559—1561. (Зибеля Hist. Zeitschrift. 1876. 2 Heft). Шимана Characterköpfe und Sittenbilder aus der balt. Geschichte des XVI Jahrh. Mitau. 1877. и его же Historische Darstellungen und archivalische Studien. Mitau. 1886.

41. О сношеніяхъ Сигизмунда Августа съ Иваномъ IV см. Метрики в. кн. Литовскаго Т. I. и «Переписку между Россіей и Польшей» Бантышъ Каменскаго въ Чт. Об. И. Др. 1860. кн. 4. Взятіе Полоцка, пораженіе подъ Оршею и вообще военныя дѣйствія между Россіей и велик. княж. Литовскимъ. П. С. Р. Л. IV. 313—315. Александро-Невская Лѣтопись въ Рус. Истор. Библіотекѣ. Т. III. Спб. 1876. Разрядная книга въ Симбир. Сборникѣ. Хроники Стрыйковскаго и Бѣльска-

го. Наказъ князьямъ Шуйскому и Оболенскому, новоназначеннымъ воеводамъ въ Полоцкѣ. Акты Истор. I. № 169. Посольскія рѣчи отъ Іоанна IV къ митрополиту Макарію и др. послѣ завоеванія Полоцка. Ibid. № 168 и въ Александр. Нев. лѣтописи. Относительно сраженія на рѣкѣ Улѣ П. С. Р. Лѣт. IV. 315. Симбирскій Сборникъ 6. Historica Rus. Monum. I. стр. 201. (Реляція папскаго нунція Коммендоне). Письмо Николая Радивила о побѣдѣ при Улѣ въ Чт. Об. И. и Др. 1847 года, № 3. (Съ приложеніемъ извлеченій изъ писемъ кардинала Коммендоне). Акты Запад. Рос. III. № 35 (письмо неизвѣстнаго Литвина).

42. О Можайскомъ пути, Арбатскомъ пожарѣ и княгинѣ Анастасіи. Лѣтоп. Льв. V. 298, 304. См. также Карамз. къ т. VIII прим. 585—587. Обвиненіе, судъ и судьба Сильвестра и Адашева у Курб. Сказанія. I. Глава V. См. также Др. Вивліоѳику. Т. XIII стр. 192 и 311 и XX. 44. Въ своей перепискѣ съ Курбскимъ царь, вспоминая о Можайскомъ путешествіи съ больною царицею, неясно замѣчаетъ: «единаго ради малаго слова непотребна». (Курб. II. 61). Тутъ намекъ на какое то столкновеніе ея съ его совѣтниками.

43. Разрядныя книги и Синодальная Лѣтопись, которую Карамзинъ называетъ продолженіемъ Царств. книги. Тамъ о милостыняхъ царя на поминки по Анастасіи. Сватовство царя за Екатерину Ягеллонку см. Дѣла Польскія. Архив. М. Ин. Д. О женитьбѣ на Маріи Темгрюковнѣ и ея характерѣ въ одной рукописи. (Карамз. къ Т. IX прим. 82). О первыхъ казняхъ у Курбскаго. Т. I. гл. VI. Гваньина Moscoviae Descriptio. Cap. V. Поручныя и подручныя записи въ С. Г. Г. и Д. I. №№. 172, 274—182, и далѣе. А также Продолж. Д. Р. Вивл. Ч. VII.

Къ какимъ пріемамъ стали прибѣгать новѣйшіе русскіе историки, чтобы защитить память Грознаго передъ судомъ потомства, показываютъ разсужденія Соловьева въ Т. VI на стр. 204—208. Гоненіе на родственниковъ и друзей Сильвестра и Адашева выставляется какъ борьба съ какою-то сильною партіей, которая будто бы старается воротить прежнее значеніе. Но въ чемъ выразилось это стараніе? Гдѣ же ихъ дѣянія, заслужившія опалу? Между прочимъ онъ пытается подорвать довѣріе къ извѣстіямъ Курбскаго и Гваньина нѣкоторымъ ихъ противорѣчіемъ. Напримѣръ, Димитрій Овчина Оболенскій по Гваньину казненъ за столкновеніе съ Басмановымъ, котораго онъ упрекнулъ въ содоміи; а Курбскій упоминаетъ просто о его казни, безъ объясненія причины. Гдѣ же тутъ противорѣчіе? А если обратить вниманіе на одно мѣсто въ первомъ письмѣ Курбскаго къ царю, то увидимъ, что оно подтверждаетъ извѣстіе Гваньина. «Иже тя подвижуть на Афродитскія дѣла и дѣтьми своими паче кроновыхъ жерцовъ дѣйствуютъ». Явный намекъ на Басмановыхъ. Любопытна ссылка на грамоту 1564 г. (Акты Истор. I. № 174), въ которой приставы, состоявшіе при сосланномъ на Бѣлоозеро князѣ Михаилѣ Воротынскомъ, писали, что въ прошломъ году не дослали для него нѣкоторое количество осетровъ, севрюгъ, изюму и т. п. А самъ князь бьетъ челомъ, чтобы прислали назначенное государемъ для него ведро романеи, ведро рейнскаго вина, 200 лимоновъ,

перцу, шафрану, гвоздики и т. п. Изъ этого дѣлается выводъ о милостивомъ и едвали не роскошномъ содержаніи опальнаго боярина, при которомъ были жена, дочь, сынъ и 12 человѣкъ дворни.

44. О предшествовавшихъ отъѣзду Курбскаго переговорахъ его съ королемъ Сигизмундомъ и литовскими панами см. «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», или собственно относящіеся къ этой жизни акты, изданные Кіевской Археограф. Комиссіей (К. 1849. Два тома) и снабженные обширнымъ объяснительнымъ предисловіемъ профессора Иванишева. Переписка Курбскаго съ Иваномъ IV издана Устряловымъ во второмъ томѣ «Сказаній князя Курбскаго» Спб. 1833. О Васькѣ Шибановѣ, отдавшемъ царю письмо на Красномъ крыльцѣ, говоритъ Степенная книга Латухина. Въ продолженіи Царствен. книги, въ Александроневской лѣтописи говорится, что русскіе воеводы въ Ливоніи поймали Шибанова и прислали въ Москву, гдѣ онъ сказалъ государю про измѣнныя дѣла своего князя Андрея. (Рус. Истор. Библ. III. 22). Карамзинъ въ прим. 107 къ IX т. отвергаетъ это показаніе на основаніи словъ Іоанна въ отвѣтѣ Курбскому. Нѣкоторые другіе писатели повторяютъ Карамзина. Но мы не видимъ существеннаго противорѣчія между извѣстіемъ лѣтописи и словами Іоанна, гдѣ онъ въ примѣръ Курбскому приводитъ поведеніе его слуги во время пытки. Возможно, что Шибановъ не просто былъ схваченъ воеводами, а схваченъ именно съ первымъ письмомъ Курбскаго къ царю, что въ Москвѣ онъ не просто донесъ ему объ измѣнахъ своего господина, а былъ допрошенъ подъ жестокими пытками; при чемъ хотя и сказалъ, что ему было извѣстно, но въ самыхъ этихъ показаніяхъ проявилъ вѣрность и преданность своему господину. По поводу отъѣзда Курбскаго подвергся допросу и духовникъ его іеромонахъ Германъ изъ Спасскаго монастыря въ Ярославлѣ. Іоаннъ упрекаетъ Германа въ намѣреніи сдѣлаться Ярославскимъ владыкою, и тѣмъ болѣе, что Курбскій въ Литвѣ иногда именовалъ себя Андреемъ Ярославскимъ. Разнообразныя сужденія объ отъѣздѣ Курбскаго и его перепискѣ съ царемъ см.: Соловьева «Исторія Россіи». VI. 208—220 (по второму изданію), гдѣ онъ беретъ рѣшительно сторону Ивана IV; Горскаго «Жизнь и историческое значеніе князя Курбскаго». Казань. 1858. Онъ еще рѣшительнѣе осуждаетъ Курбскаго и всевозможными натяжками оправдываетъ поведеніе Ивана IV. На ту же сторону склоняется и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ разсужденіи «Нѣсколько словъ по поводу поэтическихъ воспроизведеній характера Іоанна Грознаго» (Заря. 1871. Мартъ) и въ своей «Русской исторіи». Т. II. Стр. 259 и далѣе. Наоборотъ сторону Курбскаго противъ Ивана IV принимаютъ: Костомаровъ въ своей статьѣ «Личность царя Ивана Васильевича Грознаго». (Вѣст. Евр. 1871. Октябрь); Опоковъ«— Князь А. М. Курбскій (Кіевъ (1872). Петровскій «Князь А. М. Курбскій» (Казань. 1873) и наконецъ Ясинскій—«Сочиненія князя Курбскаго какъ историч. матеріалъ». (Кіевъ. 1889). Это послѣднее, весьма добросовѣстное изслѣдованіе доказываетъ полную достовѣрность главнаго сочиненія Курбскаго «Исторія князя великаго Московскаго», провѣря его показанія многими другими

источниками. Бѣгство Курбскаго въ Литву онъ на основаніи ливонскаго лѣтописца Ніенштедта, объясняетъ преимущественно его неудачными переговорами съ графомъ Фонъ-Арцомъ о сдачѣ Русскимъ нѣкоторыхъ ливонскихъ замковъ; но едва ли это было главная причина бѣгства. Г. Ясинскій утверждаетъ, что Курбскій въ своей перепискѣ съ Грознымъ ратуетъ только за право боярскаго совѣта или «встрѣчи» (противорѣчія), но ничего не говоритъ о правѣ отъѣзда. (91 стр.). Это справедливо, но только отчасти. Курбскій не говоритъ прямо о правѣ отъѣзда, но до нѣкоторой степени подразумѣваетъ его, возставая противъ поручныхъ записей.

О бѣгствѣ двухъ Черкасскихъ въ Литву упоминается въ Дѣлахъ Польскихъ (Карамз. къ т. IX прим. 103 и 104). Извѣстія о Владимірѣ Заболоцкомъ въ помянутомъ выше изданіи Кіевск. коммиссіи «Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни», въ Прибавленіи ко второму тому. Тамъ же изъ жалобы дворянина Шоковича (стр. 268) видно, какое большое количество выѣзжихъ московскихъ людей находилось тогда въ литовской службѣ. Въ своемъ предисловіи къ этому изданію проф. Иванишевъ перечисляетъ до 20 именъ, упоминаемыхъ въ актахъ, тѣхъ москвитянъ, которые выѣхали въ Литву одновременно съ Курбскимъ и раздѣляли тамъ его судьбу. Кромѣ того отъ двухъ московскихъ бѣглецовъ того же времени, Тимофея Тетерина и Марка Сарыгозина, дошло до насъ любопытное посланіе къ Юрьевскому намѣстнику Морозову. «Называешь насъ, господине, измѣнники недѣльно». «А были бы мы измѣнники тогда, когда бы мы малыя скорби не претерпѣвъ бѣжали.... но то случилось уже во многихъ нестерпимыхъ мукахъ». «Есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ». Изъ нѣкоторыхъ выраженій этого письма можно заключить, что Тетеринъ былъ неволею постриженъ въ монахи. (Карамз. къ т. IX пр. 108).

45. Александроневская лѣтопись (Рус. Историч. Библ. Т. III). Сказанія Курбскаго. Дѣла Польскія. № 7 въ Арх. Мин. Ин. Д. Въ Сокращенномъ Времянникѣ (до 1691 г.)—рукопись Импер. Публ. Библіотеки—учрежденіе опричины объясняется попущеніемъ Божіимъ за грѣхи (Соловьевъ VI, прим. 84). А въ Псковской лѣтописи—великимъ мятежомъ и ненавистью людскою, и великою измѣною «по грѣхамъ Русскія земли». (П. С. Р. Л. IV, стр. 343). Наиболѣе подробностей объ учрежденіи опричины и монастырскомъ кощунственномъ образѣ жизни царя въ Александровской Слободѣ и разныхъ его казняхъ сообщаютъ плѣнные ливонскіе нѣмцы Таубе и Крузе, нѣкоторое время бывшіе въ службѣ Іоанна и находившіеся въ числѣ его любимцевъ, а потомъ ему измѣнившіе. См. ихъ донесеніе герцогу Курляндскому Кетлеру, напечатанное Эверсомъ въ Sammlung Russisch. Geschichte. X. Поручныя записи съ бояръ въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 182—195. О происхожденіи Александровской Слободы изъ Новаго Села, одного изъ любимыхъ мѣстъ осенняго пребыванія в. к. Василія III, см. Стромилова «Александровская Слобода» въ «Чт. Об. И. и Др. 1883. кн. 2.

Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи (т. VI) пытается осмыслить и самое учрежденіе опричины. Тревожимый мыслію о своей небезопасности и многочисленности своихъ враговъ, Іоаннъ «сталъ готовиться къ борьбѣ; прежде всего нужно испытать силы противниковъ, узнать, найдутъ ли они защиту въ народѣ или предастъ ихъ народъ» (стр. 220). Отсюда таинственный отъѣздъ въ Алекс. Слободу и мнимое отреченіе отъ государства. «Напуганный отъѣздомъ Курбскаго и протестомъ, который тотъ подалъ отъ имени всѣхъ своихъ собратій, Іоаннъ заподозрилъ всѣхъ бояръ своихъ и схватился за средство, которое освобождало его отъ нихъ, освобождало отъ необходимости постояннаго, ежедневнаго сообщенія съ ними», т. е. учредилъ опричину. «Если нельзя было прогнать отъ себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство—самому уйти отъ него; Іоаннъ такъ и сдѣлалъ». (224). Но если робкій тиранъ такъ страшился за свою особу, то для чего всѣ эти чудачества, сопровождавшія новое учрежденіе? Въ сущности дѣло сводилось къ набору особаго корпуса тѣлохранителей, въ родѣ турецкихъ янычаръ. Какъ самодержецъ, Іоаннъ всегда могъ это сдѣлать безъ всякой комедіи съ мнимымъ своимъ отреченіемъ и съ нелѣпымъ раздѣленіемъ государства на земщину и опричину.

46. Александроневская лѣтопись. Житіе св. Филиппа. (о немъ см. у Карамзина къ т. IX прим. 190—205. Напечатано при книгѣ «Начертаніе житія Филиппа». М. 1860). Курбскаго Сказанія. Таубе и Крузе. Гвагнина—Moscoviae Descriptio, и Одерборна—Ioannis Basilidis vitae libri 3 (Старчевскаго Hist. Ruthen. scriptores exteri). С. Г. Г. и Д. I. № 193. Продолж. Др. Р. Вивл. ч. VII. («Приговоръ объ избраніи на Москов. митрополію Филиппа»). П. С. Р. Л. III. 162. Описаніе Соловецкаго монастыря—Архим. Досиѳея. М. 1836. Жизнь св. Филиппа».—Леонида, епископа Дмитровскаго. М. 1861 г. Русскіе святые—Филарета, архіеп. Черниговъ. т. I. «Митрополитъ Филиппъ»—Ѳ. Уманца («Древняя и Новая Россія». 1877. № 11). Краткое извѣстіе объ убіеніи Филиппа и князя Владиміра въ П. С. Р. Л. III. 253. Договорная грамота Ивана IV съ Владиміромъ Андреевичемъ въ С. Г. Г. и Д. I. №№ 168 и 169, 187 и 188. О смерти князя Владиміра, его жены и дѣтей Курбскій, Таубе и Крузе (послѣдніе съ подробностями не совсѣмъ точными). О потопленіи матери Владиміра и невѣстки Ивана IV—въ Кирилловскомъ Синодикѣ. (Устрялова — Сказан. кн. Курбскаго ч. II.). Соловьевъ въ прим. 90 къ т. VI доказываетъ, что, кромѣ извѣстной дочери Владиміра Маріи, послѣ него остался въ живыхъ сынъ Василій. См. его ссылку на Дополн. къ Акт. Истор. I. № 222 и Древ. Росс. Вивліѳ. XVII. 97. Относительно многочисленныхъ боярскихъ казней встрѣчаются въ разныхъ источникахъ несогласія. Напримѣръ, по однимъ Владиміру Андреевичу отрубили голову, по другимъ его зарѣзали, по третьимъ отравили (см. Карамз. къ т. IX прим. 277). Курбскій, говоря о казненныхъ лицахъ, иногда разногласитъ съ другими современными свидѣтельствами. Но можно ли отсюда выводить заключеніе о его недостовѣрности и вообще умалять размѣры этихъ избіеній, какъ то дѣлаютъ

нѣкоторые писатели, или мученичества Филиппа почти оправдывать тѣмъ, что Іоаннъ оберегалъ царскую власть отъ вреднаго вмѣшательства духовной власти? Для историка важенъ вопросъ не о томъ, какимъ именно способомъ умерщвлено то или другое лицо, а важно ужасающее количество людей, погибшихъ жертвою полоумнаго и кровожаднаго тирана. Г. Ясинскій въ помянутомъ своемъ изслѣдованіи («Сочин. кн. Курбскаго») достовѣрность показаній Курбскаго и писателей иноземныхъ, т. е. Таубе, Крузе, Гвагнина, Одерборна и др., о казняхъ Іоанна подтверждаетъ провѣркою по Рус. лѣтописямъ, Послужному боярскому списку (напечат. въ XX т. Вивліоѳ. Новикова), Синодикомъ и Кормовыми книгами Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (напечат. Устряловымъ въ «Сказаніяхъ кн. Курбскаго»). А Кирилловскій Синодикъ и Кормовыя книги вполнѣ подтверждаются Синодикомъ вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря (изданнымъ Н. Суворовымъ въ «Чт. О. И.» Д. 1859. № 3).

47. О Новогородскомъ разгромѣ самое обстоятельное сказаніе въ так. наз. Новогор. третьей лѣтописи, гдѣ оно приведено по двумъ редакціямъ, болѣе краткой и болѣе украшенной (П. С. Р. Л. III. 254—262). О Псковскомъ приходѣ въ Псков. первой лѣт. (П. Р. Л. Т. IV. стр. 318 и особенно на 343—344.) Синодики Кирилловъ и Спасоприлуцкій сообщаютъ, что Псковичей было казнено до 190 человѣкъ съ женами и дѣтьми. Кромѣ того объ этихъ событіяхъ и послѣдующихъ въ Москвѣ казняхъ см. Таубе и Крузе, Гвагнина, Одерборна, Курбскаго, Горсея и Флетчера. Число погибшихъ при разгромѣ Новгорода опредѣляется различно: Псковская лѣтопись говоритъ о 60.000; Таубе и Крузе полагаютъ 27.000; Гвагнинъ однихъ только (именитыхъ) гражданъ насчитываетъ 2770, т. е. кромѣ женщинъ, дѣтей и простонародья; Курбскій насчитываетъ 15,000, очевидно кромѣ женщинъ и дѣтей. Въ царскомъ Синодикѣ или помянникѣ сказано: «помяни Господи души рабъ своихъ тысящю пяти сотъ пяти человѣкъ»; вверху приписано: Новгородцевъ. (Сказанія Курб. II. 213); но это число вѣроятно относится не ко всѣмъ погибшимъ при разгромѣ, а къ какой либо спеціальной категоріи казненныхъ. Курбскій, говоря о Новогородскомъ разгромѣ, прибавляетъ: «подобно, яко мню, великихъ ради богатствъ губилъ ихъ». (Сказ. I. 163). О доносѣ Петра Волынца на измѣну Пимена и Новгородцевъ сообщаетъ Ядро Рос. Исторіи. Кромѣ того еще Карамзинъ въ прим. 299 къ IX тому своей Исторіи указалъ на хранящуюся въ Архивѣ Мин. Ин. Д. Переписную книгу Посольскаго приказа 1626 г. № 2. листъ 423., гдѣ помѣщено указаніе на сыскное измѣнное дѣло архіепископа Пимена и Новогородцевъ и на сношенія ихъ съ Басмановымъ, Фуниковымъ, Висковатымъ и др. относительно отдачи Новгорода и Пскова Литвѣ и возведенія на престолъ князя Владиміра Андреевича, и на совершенныя по сему московскія казни. Подлинное дѣло уже тогда (въ 1626 г.) не сыскано, какъ замѣчаетъ Переписная книга. Но если бы оно и сохранилось до нашего времени, развѣ вымученныя пытками и разными неправдами нелѣпыя, неимѣющія вѣроятія показанія и объясненія могутъ имѣть цѣну въ глазахъ исторіи потому только, что облечены въ оффи-

ціальную форму? Поэтому весьма оригинально слѣдующее замѣчаніе С. М. Соловьева. «Это сыскное измѣнное дѣло до насъ не дошло, а потому историкъ не имѣетъ права произнести свое сужденіе о событіи» (Исторія Россіи. Ч. VI. стр. 235 по втор. изд.). И затѣмъ, упомянувъ слегка о страшныхъ московскихъ казняхъ, авторъ Исторіи Россіи довольно долго останавливается надъ завѣщаніемъ Іоанна, относившимся къ 1572, чтобы очертить состояніе его души и образа мыслей! Завѣщаніе это не было и не могло быть приведено въ исполненіе, такъ какъ относилось главнымъ образомъ къ старшему сыну Ивану, умершему прежде отца. А затѣмъ обращенныя къ дѣтямъ наставленія, поминаніе всуе Христова и Божьяго имени, жалоба на то, что люди воздали ему зломъ за добро—все это только кощунственныя слова въ устахъ полоумнаго и лицемѣрнаго тирана. Въ концѣ концовъ Иванъ Васильевичъ по этому завѣщанію все еще продолжаетъ систему удѣловъ, потому что отдѣляетъ младшему сыну Ѳеодору въ удѣлъ 14 городовъ. См. Дополн. къ Акт. Историч. I. № 222. До какой степени Іоанновъ разгромъ областей, Тверской, Новгородской и отчасти Псковской, опустошилъ ихъ и разорилъ пуще непріятельскаго нашествія, можно видѣть у датскаго посла Ульфельда въ описаніи его путешествія въ Москву по этимъ областямъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ разгрома. (Hodoeporicon Ruthenicum. У Старчевскаго въ Histor. Ruth. Script. ext. T. I. А въ Русскомъ переводѣ XVIII вѣка въ Чт. О. И. и Др. 1883 г.) О голодѣ и моровомъ повѣтріи см. Карамз. къ Т. IX прим. 326—328.

48. Метрика Литовская. Щербатова Т. V. ч. 4-я стр. 278 и слѣд. Грамоты №№ 9—11. Въ Архивѣ М. Ин. Д. Дѣла Крымскія №№ 10—14 и Турецкія № 2. Древн. Росс. Вивліоѳ. XIII. 400. Древности Рос. Госуд. (донесеніе Таубе и Крузе). Hist. Rus. Monum. I. №№ CLIV и CLV. П. С. Р. Лѣт. III. 173. Никон. VII. 313. См. у Карамз. къ Т. IX. прим. 326 — 328 выписки изъ источниковъ о голодѣ и морѣ въ Москов. землѣ въ 1570 г. Странное явленіе представляетъ клятвенная запись князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго, данная въ 1571 году, въ которой онъ винится, будто съ своими товарищами навелъ на Московское государство крымскаго хана Девлетъ-Гирея; въ чемъ по ходатайству митрополита Кирилла и духовенства получилъ прощеніе. Бояре и дворяне ручаются 20.000 рублями въ томъ, что онъ не отъѣдетъ въ чужое государство. (С. Г. Г. и Д. I. №№ 196—199). Что были дѣйствительно между служилыми людьми измѣнники во время Девлетова нашествія, перебѣжавшіе къ Татарамъ изъ мести къ тирану, въ томъ имѣемъ ясныя указанія въ Дѣлахъ Крымскихъ. Таковы боярскіе дѣти: бѣлевцы Кудеяръ Тишинковъ и Окулъ Семеновъ, калужане Жданъ и Иванъ Васильевы, сыновья Юдинкова, коширянинъ Ѳедоръ Лихаревъ, серпуховитинъ Русинъ и съ ними человѣкъ 10 ихъ людей; кромѣ того новокрещенные татары Иванъ Урмановъ и Степанко. (См. Карамз. къ Т. IX прим. 352 и 404). Но чтобы главные воеводы, какъ Мстиславскій, подводили хана на Москву, сами здѣсь оставаясь, въ томъ нѣтъ никакого вѣроятія, какъ и въ томъ, чтобы Иванъ Васильевичъ за такую измѣну

ограничился только взятіемъ съ него клятвенной записи. Посему происхожденіе этой записи, съ добровольнымъ сознаніемъ измѣны, весьма подозрительно; можетъ быть, сознаніе тутъ явилось просто по капризу тирана, желавшаго имѣтъ какое либо оправданіе своимъ казнямъ и гоненіямъ на бояръ. По свидѣтельству крымскихъ историковъ, Иванъ IV послѣ татарскаго погрома 1571 года обязался хану Девлетъ-Гирею и Крымскимъ вельможамъ ежегодно платить дань, которая у Татаръ получила названіе тышъ. См. о томъ В. Д. Смирнова «Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты». Спб. 1887. стр. 427—430. Относительно попытки Турокъ соединить каналомъ Донъ съ Волгою г. Смирновъ склоняется къ тому мнѣнію, будто эта турецко-татарская экспедиція имѣла цѣлью не обратное отвоеваніе Астрахани (и Казани), а только возможность воднымъ путемъ предпринимать походы на Персію. Ibid. 432.

49. Обрядовое торжество третьяго и послѣдняго браковъ Іоанна см. въ Росс. Вивл. XIII. Соборное опредѣленіе по поводу четвертаго брака ibid и въ Акт. Археогр. Экспед. I. № 284. Указанія о семи бракахъ Іоанна у Карамз. къ т. IX. прим. 388, 392 и 494 (со ссылками на Елагинскую рукопись и Новгород. Лѣт. Малиновскаго, рукописную Суздальс. Лѣт. и Обиходникъ Іосифова монастыря. Василиса Мелентьева названа въ Новгород. Лѣт. женищемъ). Курбскій говоритъ о пяти или шести женахъ Іоанна, Гейденштейнъ о шести, Хроника Петрея о семи. О казняхъ этой эпохи и участи Михаила Воротынскаго говоритъ Курбскій. Показаніе его отчасти подтверждается Послужнымъ Спискомъ бояръ въ Рос. Вивліоѳ. XX. О Симеонѣ Бекбулатовичѣ Сокращенный Временникъ, рукопись Импер. Публ. Библіотеки; ссылка на нее у Соловьева къ т. VI прим. 94. Тутъ же приведена челобитная Ивана Васильевича Симеону изъ Государ. Архива по столбцу Приказа Тайныхъ Дѣлъ. № 32. Грамоты отъ имени великаго князя Симеона Бекбулатовича въ Акт. Арх. Эксп. I. №№ 290 и 292. О посаженіи Симеона царемъ земщины говорятъ англичане Флетчеръ и Горсей (Russia at the close of XVI century. Lond. 1856) и такъ наз. хронографъ Кубасова («Изборникъ» Андрея Попова. 284). Относительно прекратившагося упоминанія объ опричнинѣ см. у Карамз. прим. 400 и у Солов. прим. 95. О путешествіи Дженкинсона въ Россію и переговорахъ съ царемъ см. сборникъ Гаклюйта (Collection of early voyages, travels и пр.), въ рус. переводѣ Середонина въ Чт. Об. И. Др. 1884. Кн. 4. («Извѣстія Англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVI вѣка.»). Гаммеля «Англичане въ Россіи въ XVI и XVII вв.». Наиболѣе полное собраніе документовъ, относящихся къ сношеніямъ Ивана Грознаго съ Елизаветою, у Юрія Толстаго «Россія и Англія». Здѣсь подъ № 26 см. отвѣтъ Елизаветы на предложеніе такого союза съ условіемъ относительно убѣжища. Кромѣ того Горсей и Флетчеръ (Russia at the close of XVI century). Щербатова т. V. Ч. IV. № 20. О врачѣ Бомеліѣ говорится въ Псковской Первой лѣтоп. подъ 1570 г., у Таубе и Крузе (стр. 230) и въ помянутомъ сборникѣ Гаклюйта стр. 520. Сборникъ Рус. Ист. Общ. XXXVIII. 84, 139. Горсея «Записки о Московіи». въ Библ. для чт. 1865. Рихтера

«Исторія медицины въ Россіи». I. 286—89. О походѣ царя въ Эстонію и взятіи Пайды см. Разряды 1573 года въ Рос. Вивліов. XIII. и Псков. Пер. Лѣт., а также Кельха и Гадебушта. О погребеніи Малюты въ Іосиф. мон. говоритъ Обиходникъ сего монастыря (ссылка на него у Карамз. къ т. IX прим. 413). Посланіе Грознаго къ игумену Козмѣ и Кирилло-Бѣлозерской братіи въ Актахъ Историч. I. № 204. Время написанія этой грамоты Карамзинъ опредѣлилъ около 1578 года (къ т. IX прим. 37). Но А. Барсуковъ въ своемъ почтенномъ трудѣ Родъ Шереметевыхъ съ бо́льшею вѣроятностію доказываетъ, что посланіе было написано «между весною 1574 года и весною 1575 года». Т. I. стр. 324. О подаренной Грознымъ золотой братинѣ см. Шевырева «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». М. 1850. II. 14.

50. Приговоръ земской думы 1566 года въ С. Г. Г. и Д. I. № 192. Продолж. Д. Р. Вивл. Ч. VII. Александроневская лѣтопись. Переговоры съ Литвою—главн. образ. Польскія дѣла въ Арх. М. Ин. Д. См. также въ Метрикѣ Литовской I. №№ 166—171, 180 и 181, 188—192. Histor. Rus. Monum. №№ 149 и 150. Щербатова Исторія Т. V. Ч. 3. 92—123. Донесеніе Ходкевича королю о неудачѣ подъ Улою въ Акт. Зап. Рос. III. № 41, и письмо его же Сапѣгѣ. Ibid. № 45. О военныхъ дѣйствіяхъ см. Стрыйковскаго и Псковскую лѣт. О переговорахъ со Шведами въ Арх. М. Ин. Д. Дѣла Шведскія № 2. О намѣреніи поставить въ Ливоніи Фирстенберга см. Коммендоне въ Histor. Rus. Monum. I. 203 и Ніенштедтъ. 69. О Таубе и Крузѣ и осадѣ Ревеля у Геннинга въ Script. Rer. Livonic. II, 255. Гіерна. 274. Руссова, 77 и слѣд. У Эверса въ Sammlung Russischer Geschichte. X. Объ условіяхъ царя съ Магнусомъ въ Hist. Rus. Mon. I. № 151. О свадьбѣ Магнуса съ Маріей Владиміровной. Вивліо᲎. XIII. 97. О бракѣ этомъ у Д. Цвѣтаева—«Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ». М. 1885.

51. Источники: Тургенева—Historica Russiae Monumenta. Т. V. №№ CLX—CLXXXIII. (Документы относительно кандидатуры Ивана Васильевича и его сына на польскій престолъ, донесенія въ Римъ папскаго нунція Коммендоне, переговоры съ Воропаемъ и Гарабурдою и пр.). «Рѣчь Ивана Васильевича» послу Воропаю въ польской передачѣ и съ рус. переводомъ въ Чт. О. И. Др. № 9. 1848. Щербатова Истор. Рос. т. V. Часть IV (подъ № 25. Двѣ грамоты Ивана Васильевича къ Польскимъ и Литовскимъ вельможамъ). Памятники дипломатич. сношеній. Т. I. (Посольство и переговоры Кобенцеля и Принца фонъ-Бухау въ Москвѣ, посольство кн. Сугорскаго и дьяка Арцыбашева къ Максимильяну, грамота рады Литовской въ Москву объ избраніи на престолъ Цесаря, согласно съ желаніемъ Ивана Васильевича и пр.). У Старчевскаго т. II. Ioannis Cobencelii de legatione ad Moscovitas epistola (ibid. Товарища его Бухау Magni Moscoviae ducis genealogia). Малиновскій и Пшездзѣцкій—Źródła do dziejów polskich. Broel-Plater—Zbiór pamiętników do dziejów polskich T. III. Пособія: Альбертранди Panowanie Henryka Walezyusza i Stefana Ba-

torego. Kraków. 1860. Трачевскаго «Польское Безкоролевье». М. 1869 г. Вержбовскаго—«Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг. по донесеніямъ папскаго нунція Лаурео». (Жур. М. Н. Пр. 1882. Августъ). Изъ польскихъ историковъ наиболѣе обстоятельное изложеніе у Марачевскаго въ томѣ IV.

52. Ливонская хроника Вальтазара Руссова. Sript. Rer. Livonic. (Рус. переводъ въ Сборникѣ матеріаловъ по ист. Прибалт. края. Т. III). Ливонская лѣтопись Франца Ніенштедта. Monum. Livon. Antiquae. (Рус. переводъ въ Сборн. м. по ист. Приб. края Т. IV). Записки Лаврентія Миллера о временахъ Стефана Баторія (Ibidem). Гіерна Ehst. Lyf. und Lettlaendische Geschichte. Monum. Livoniae Antique. Т. I. Датскаго посла въ Москву Ульфельда Hodoeporicon Ruthenicum (У Старчевскаго Scriptores exteri. T I.). Гейденштейна De bello Moscovitico (Ibid. T. II). Одерборна Ioannis Basilidis vitae Libri 3 (Ibidem). Хроника Стрыйковскаго. Разрядныя книги. См. Древняя Рос. Вивліоѳика. Т. XIV. и Сборникъ Муханова. Акты отн. къ Истор. Запад. Рос. III. стр. 237. (письмо Андрея Сапѣги о битвѣ подъ Венденомъ). Симбирскій Сборникъ. стр. 67. №№ 88—90. Volumina Legum. II. 191 и слѣд. (Приготовленія Баторія къ войнѣ съ Москвою). Дѣла Польскія въ Архивѣ М. Ин. Д. №№ 10—13. Второе посланіе царя Курбскому и отвѣтъ послѣдняго см. Устрялова «Сказанія Курбскаго» Т. II. Посланіе царя Баторію и отвѣтное королевское въ Дѣлахъ Польскихъ № 13. Изданы: письмо царя въ Метрикѣ Литов. II. № 68; а отвѣтное посланіе Баторія въ западнорус. переводѣ. Ibid. № 74. Латинскій подлинникъ отвѣта въ Hist. Rus. Mon. I. № CCXXV. То и другое въ польск. переводѣ у проф. Кояловича: «Дневникъ послѣд. похода Стеф. Баторія» въ приложеніяхъ. №№ 52 и 58. Приговоръ Московскаго Духовнаго Собора 1580 г. въ С. Г. Г. и Д. I. №. 200. Акты Арх. Эксвед. I. № 308 и Щербатова Исторія Рос. Т. V, часть IV. стр. 200 и слѣд. «Донесенія о войнѣ Моск. царя съ Польск. корол.» (1580—1582) въ Сказаніяхъ иностранцевъ о Россіи въ XVI и XVII вѣкѣ. Переводъ Любича-Романовича. Спб. 1843. Относительно Псковской осады есть особая краснорѣчивая «Повѣсть о прихожденіи Литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ». Эта рукописная Повѣсть послужила главнымъ источникомъ для Карамзина (Т. IX). Потомъ она была напечатана въ «Чтен. Об. И. и Др.» № 7. 1847 г. Отдѣльно издана въ Псковѣ въ 1878 г. Объ осадѣ Пскова и вообще о войнѣ съ Баторіемъ и переговорахъ съ нимъ, а также о войнѣ со Шведами см. Hist. Rus. Monum. I. №№ CLXXXVI—CCXXXVIII. Переговоры см. также у Бантышъ-Каменскаго 165—170 и въ Метрикѣ Литовской II. №№. 45—67. Объ осадѣ Печерскаго монастыря была особая повѣсть. О ней у Карамз. къ Т. IX. прим. 586. «Повѣсть о началѣ и основ. Псково-Печерскаго монастыря». Пск. 1849. Отрывокъ у Щербатова Т. V. Ч. IV, стр. 239—241.

Главный же источникъ для этой осады представляетъ «Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію», изданный проф. Кояловичемъ. Спб. 1867 г. По соображеніямъ издателя, этотъ Дневникъ составленъ

былъ однимъ изъ младшихъ секретарей королевской канцеляріи, священникомъ Іоанномъ Петровскимъ, для короннаго маршала Опалинскаго. Имъ повидимому пользовался также секретарь королевской канцеляріи и другъ Замойскаго Рейнгольдъ Гейденштейнъ въ своихъ соч. De bello Moscovitico и Rerum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII. При сличеніи Дневника съ помянутою выше «Повѣстью о прихожденіи Литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ», эта повѣсть получаетъ фактическое подтвержденіе своей достовѣрности и современности. Но встрѣчаются и нѣкоторые варіанты. Такъ Повѣсть придаетъ большое значеніе псковскимъ вылазкамъ; а Дневникъ, наоборотъ, съ пренебреженіемъ говоритъ объ этихъ вылазкахъ; такъ какъ онѣ будто постоянно держались подъ защитою крѣпостныхъ орудій и не дерзали отдаляться отъ городскихъ стѣнъ. За то Дневникъ придаетъ большое значеніе русскимъ мелкимъ отрядамъ, которые перехватывали и истребляли польскихъ фуражировъ, такъ что они не могли углубиться внутрь страны, почему войско и страдало такъ отъ недостатка фуража и съѣстныхъ припасовъ. Повѣсть разсказываетъ, что Русскіе изобрѣтенными ими крюками на ремняхъ въ извѣстномъ случаѣ выхватывали угорскихъ гайдуковъ изъ подъ стѣны; а Дневникъ наоборотъ приписываетъ эту выдумку самимъ Униамъ, которые такими крюками сбрасывали Русскихъ со стѣны. Повѣсть говоритъ объ общемъ одушевленіи Псковичей при оборонѣ города; а Дневникъ нерѣдко, со словъ перебѣжчиковъ и плѣнныхъ, утверждаетъ, что Псковская чернь не прочь была сдать городъ королю, но удерживалась отъ того предусмотрительностію и усиліями воеводъ. Впрочемъ и по русскимъ источникамъ воеводы неоднократно заставляли гражданъ присягать на крѣпкое стояніе противъ непріятелей. Далѣе, извѣстія Повѣсти о чудныхъ видѣніяхъ Богородицы и святыхъ, подкрѣплявшихъ мужество защитниковъ, подтверждаются и Дневникомъ; онъ упоминаетъ о томъ, что воеводы и духовенство дѣйствовали и этимъ средствомъ на ихъ воодушевленіе. Вмѣстѣ съ Дневникомъ издана М. О. Кояловичемъ (по порученію Академіи Наукъ) и обширная «Дипломатическая переписка» того времени. Такимъ образомъ въ это изданіе вошли почти всѣ выше указанныя грамоты и письма, изданныя прежде въ Сборникахъ Тургенева, Старчевскаго, въ Метрикѣ Литовской и пр. Псковскій лѣтописецъ (П. С. Р. Л. IV. 319) говоритъ, будто «у царя Ивана было въ собраніи тогда 300.000 около Старицы, но на выручку подъ Псковъ ни бояръ своихъ не послалъ, ни самъ не пошелъ». Хотя это число очевидно преувеличено по отношенію къ собраннымъ подъ Старицею силамъ; но вообще въ то время у царя число всего войска едва ли не достигало этой цыфры, и обвиненіе лѣтописца въ его робости и нераспорядительности приблизительно справедливо.

53. Источники: О сношеніяхъ Рудольфа II съ Григоріемъ XIII, о посольствѣ Антонія Поссевина, Запольскомъ мирѣ и Преніи съ Грознымъ важнѣйшій источникъ—это Памятники дипломатич. сношеній, изданные Вторымъ Отдѣленіемъ Собст. Е. И. В. канцеляріи. Томы I и X. Здѣсь изданы сношенія того времени съ дворами Цесарскимъ и Папскимъ, по документамъ Главнаго Архива Мин. Ин. Дѣлъ. Извлеченія изъ этихъ

документовъ напечатаны были прежде у Бантышъ-Каменскаго въ Историч. Извѣстіи объ Уніи; у Карамзина къ Т. IX прим. 621—638. Въ Древ. Рос. Вивл. Изд. 2-е. Часть VI. («Извѣстія историч. о Антоніи Поссевинѣ»). Acta in conventu legatorum Stephani, regis Poloniae, et Ioanni Basilii magni Moscoviae ducis. 1581. (Старчевскаго Historiae Ruthenicae Scriptores exteri. T. II). Кардинала Морони Ad Magnum Moscoviae Ducem et ad Rudolphum Clenchen epistolae (Ibid). Кобенцеля De legatione ad Moscovitas epistola (Ibid). Одерборна Ioanni Basilidis Magni Moscoviae Ducis libri 3 (Ibid). Антонія Поссевина De Moscovia Commentarius primus и Commentarius alter (Ibid). Litterae a Summo Pontifice ad Moscum. Colloquia de religione. Epistolae Gregorii XIII, Stephani regis, Ioannis Basilii et aliorum (Ibidem). Относительно миссіи Поссевина, мирныхъ переговоровъ съ Польшею и сношеній съ папою тѣ же матеріалы частью перепечатаны у Тургенева—Historica Russiae Monumenta. I. №№ CCXII—CCXVI, CCXXV—CCLII. Supplementum ad Hist. Rus. Mon. №№ I. 37 и 160—162. Кромѣ того см. въ Hist. Rus. Mon. I. №№ CXL, CXLI и CXLIV о неудавшихся сношеніяхъ папы Пія IV съ царемъ Иваномъ IV. Запольскіе переговоры и Договоръ съ Польшею см. въ Метрикѣ Литов. II. №№ 76—99. У Щербатова Т. V. 216—239. Наиболѣе полное собраніе писемъ и документовъ въ помянутомъ выше Академическомъ изданіи Кояловича «Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія и Дипломатическая переписка».

Пособія: Преосв. Макарія «Исторія Русской Церкви». Т. VIII. гл. IX. Тутъ между прочимъ на стр. 401. Макарій, на основаніи Поморскихъ отвѣтовъ сообщаетъ, что во время преній царя съ Поссевиномъ митрополитъ Діонисій созывалъ (1 марта 1589 г.) духовный соборъ, на которомъ «совѣтовали и уложили о утвержденіи православной вѣры греческаго закона въ отвѣтъ на письмо Антонія Поссевина». О. Пирлинга Rome et Moscou (1547—1579). Paris. 1883. Его же Un nonce du Pape en Moscovie. Preliminaires de la trêve de 1582. Paris. 1884. Его же Le Jain-Siege, la Pologne et Moscou. (1582—1587). Paris. 1885. По поводу сихъ изданій о. Павла Пирлинга и открытыхъ имъ въ Ватиканскомъ архивѣ новыхъ матеріаловъ о миссіи Поссевина въ Москву, см. разсужденіе проф. Ѳ. И. Успенскаго «Сношенія Рима съ Москвою» въ Ж. М. Н. Пр. 1885. Августъ и Сентябрь. Его же: «Наказъ царя Ивана Васильевича Грознаго князю Елецкому съ товарищами» въ Запискахъ Новорос. Универс. 1886 г. и «Переговоры о мирѣ между Москвою и Польшей въ 1581—82 гг.» Одесса. 1887. Проф. Багалѣя «Записка о Московіи Іоанна Перштейна и Принца Даніила Фонъ Бухау» (Кіевскія Университ. Извѣстія. 1879 г.). Здѣсь онъ доказываетъ, что записка Перштейна принадлежала собственно Кобенцелю. О миссіи Рокиты и его преніи съ Иваномъ Грознымъ въ Моск. Глав. Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія. Гиндели—Geschichte der Bömischen Brüder. Prag. 1857—58. Преніе см. у Одерборна (Старчев. Hist. Rut. Scrip. II.), въ Сборникѣ литовскаго евангелика Ласицкаго De Russorum, Moscovitarum religione etc. Spirae. 1582. Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ 1878. № 8.

Русскій списокъ отвѣта Ивана Васильевича на книгу Рокиты изданъ А. Поповымъ вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ Ласицкаго въ Чт. Об. Ист. и Др. 1878. кн. 2. См. также А. Ѳ. Бычкова «Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Имп. Пуб. Биб.». 76, 526. Литература предмета и содержаніе Отвѣта Грознаго довольно подробно разсмотрѣны у Д. Цвѣтаева—«Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ». М. 1887. Разговоръ Грознаго съ пасторомъ въ Кокенгузенѣ у Саломона Геннинга въ Lifflendische Curlendische Chronica. Scriptores Rer. Livonic. II. 269.

Относительно покушенія польскихъ предводителей на жизнь Ив. П. Шуйскаго во время Псковской осады, посредствомъ ящика, наполненнаго разрывными снарядами, имѣемъ два самостоятельныя извѣстія: Повѣсти о прихоженіи Литовскаго короля Степана и Гейденштейна de Bello Moscovitico. Кромѣ того есть краткое упоминаніе о немъ въ Псков. Перв. лѣтописи стр. 344: «Генваря въ 9 день прислалъ панъ канцлеръ ларецъ съ о(б)маномъ». Слѣдовательно самый фактъ вѣроломнаго покушенія не подлежитъ сомнѣнію. Относительно неудавшихся домогательствъ Поссевина въ Литвѣ говорить о вѣрѣ наединѣ съ царемъ любопытно извѣстіе помянутаго выше «Дневника» послѣдняго Стефанова похода о томъ, что Поссевинъ добивался того же еще при первомъ посѣщеніи царя, въ Старицѣ; но что бояре отклонили такое тайное собесѣдованіе. Слѣдовательно, при всемъ дикомъ своеволіи и деспотизмѣ, въ дѣлахъ церковныхъ Грозный не дерзалъ ни на какой шагъ, могущій въ глазахъ подданныхъ набросить тѣнь на его преданность православію.

О Ливонскихъ войнахъ Ивана Грознаго и о войнѣ его съ Баторіемъ въ Германіи появилось много современныхъ брошюръ, памфлетовъ и листковъ, и нерѣдко съ гравюрами. По этому поводу см. въ Отеч. Зап. 50-хъ годовъ «Библіографическіе отрывки», именно VII отрывокъ («Летучіе листки о Россіи, напечатанные за границею въ XVI-мъ столѣтіи»). О томъ же предметѣ болѣе подробныя свѣдѣнія см. проф. Васильевскаго «Польская печать о войнѣ Баторія съ Іоанномъ Грознымъ». (Ж. М. Н. Пр. 1889. Январь и Февраль).

54. О жестокосердіи и распутствѣ царевича Ивана Ивановича говоритъ Гваньинъ. О житіи Антонія Сійскаго и Похвальномъ словѣ ему съ указаніемъ на участіе царевича см. Карамз. къ т. IX прим. 612. и Ключевскаго изслѣд. о Древнерус. житіяхъ Святыхъ, стр. 301. О третьемъ бракѣ царевича съ Шереметевой говоритъ англійскій купецъ Джеромъ Горсей (Чтенія Об. И. и Др. 1877. Кн. I. Отд. IV). О смертельныхъ побояхъ, нанесенныхъ царемъ сыну изъ-за жены, разсказываетъ Антоній Поссевинъ въ своей книгѣ De Moscovia со словъ своего переводчика (у Старчев. II. 292.). Поссевинъ прибылъ въ Москву, спустя три мѣсяца послѣ событія, и представляетъ источникъ болѣе достовѣрный. О ссорѣ и побояхъ изъ-за выручки Пскова говоритъ Псковскій лѣтописецъ (П. С. Р. Л. IV. 319). Ту же или подобную причину приводятъ Гейденштейнъ и Одерборнъ; послѣдній присоединяетъ еще невѣроятное извѣстіе о мятежномъ требованіи Москвитянъ, чтобы въ числѣ войска былъ поставленъ ца-

ревичъ Иванъ. Возможно, что какое либо столкновеніе отца съ сыномъ по поводу выручки Пскова дѣйствительно произошло около того же времени, а столкновеніе изъ-за жены могло быть послѣднимъ и роковымъ. О казняхъ ратныхъ людей, возвращенныхъ изъ плѣна, говоритъ Одерборнъ (Старчев. II. 258). О посольствѣ Писемскаго къ Елизаветѣ, сватовствѣ за Марію Гастингсъ и переговорахъ съ Боусомъ въ Арх. М. Ин. Д. см. Дѣла Англійскія. Выписка изъ нихъ у Карамз. къ т. IX, прим. 737—748, въ Сѣверн. Архивѣ 1822 и 1823 гг. у Соловьева VI. 395—405. Изданы въ Сборн. Р. Ист. Об. XXXVIII. Собраніе путешествій Гаклюйта; составленныя по нему монографіи Юрія Толстаго «Сказанія англичанина Горсея о Россіи» (Отеч. Зап. 1859. Сентябрь) и «Послѣднее посольство Елизаветы къ Ивану Васильевичу» (Рус. Вѣст. 1861 г.); а главное, въ его же книгѣ «Россія и Англія» №№ 41—53. См. также Д. В. Цвѣтаева «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ».

Грамота, разосланная въ монастыри по поводу царской болѣзни, напечатана въ Дополн. къ Акт. Истор. I. № 129. О самой болѣзни у Одерборна и Горсея; о распоряженіи наслѣдіемъ и назначеніи пяти бояръ въ Степен. кн. Латухина, Подробн. Лѣт. Львова. III, у Одерборна и Горсея. О покушеніи больного царя на свою невѣстку Ирину Ѳеодоровну, пришедшую къ нему ради утѣшенія, говоритъ Одерборнъ (Старчев. II. 258). О пересматриваніи драгоцѣнныхъ камней и призывѣ колдуновъ изъ сѣверныхъ областей сообщаетъ Горсей. О самой кончинѣ см. у Горсея и Одерборна, а также въ Псков. лѣтоп. (П. С. Р. Л. IV, 320.).

Относительно любимцевъ послѣдняго времени, о Богданѣ Бѣльскомъ Поссевинъ говоритъ: qui gratiosissimus tredecim integros annos apud Principem fuerat atque in ejus cubiculo dormiebat. (De Moscovia. у Старч. II. 292); а о Борисѣ Годуновѣ особенно распространяется Степенная книга Латухина. Она разсказываетъ, что во время столкновенія царя съ сыномъ Годуновъ пытался заступиться за царевича, за что претерпѣлъ отъ царя побои и тяжкія раны. Послѣ того Борисъ заболѣлъ; а отецъ царицы Марьи, Ѳедоръ Нагой, завидуя ему, донесъ царю, что Борисъ притворяется больнымъ и намѣренно не является во дворецъ. Царь внезапно посѣтилъ его, увидѣлъ его раны и заволоки, сдѣланныя ему на бокахъ и на груди для облегченія врачевавшимъ его пермскимъ купцомъ Строгановымъ. Убѣдясь въ ложномъ доносѣ, царь сильно разгнѣвался на Ѳедора Нагого, и повелѣлъ Строганову сдѣлать такія же заволоки у сего доносчика; при чемъ пожаловалъ Строганову право называться по отечеству съ вичемъ, т.-е. сдѣлалъ его именитымъ человѣкомъ, что было выше достоинства гостя. (Карамз. т. IX. Прим. 611 и 618). Разсказъ этотъ недостовѣренъ. Родственники послѣдней царицы Маріи Нагой очевидно въ это время уже утратили царское расположеніе, и ни одинъ изъ нихъ не назначенъ въ правительственную думу. Но въ первое время сожительства съ Маріей они пользовались значеніемъ, и старались оттереть другихъ вліятельныхъ людей, въ томъ числѣ Никиту Романовича Юрьева. Къ этому именно времени относится слѣдующее извѣстіе Горсея: Царь однажды такъ опалился на Никиту Романовича, что послалъ 200 стрѣльцовъ раз-

грабить его домъ; при чемъ они расхитили у него много оружія, лошадей, посуды и всякихъ вещей. Бояринъ будто бы лишенъ былъ даже своихъ помѣстьевъ и остался въ нищетѣ. См. Ю. Толстаго «Сказанія англичанина Горсея». (От. Зап. 1859. Сентябрь). Помѣстья ему были потомъ возвращены. Горсей при этомъ случаѣ оказалъ боярину нѣкоторую помощь; такъ какъ дворъ Никиты Романовича находился по сосѣдству съ англійскимъ подворьемъ (на Варваркѣ). Въ свою очередь Горсей пользовался его покровительствомъ, и вообще отзывается о Никитѣ Романовичѣ какъ о «твердомъ, доблестномъ бояринѣ, всѣми любимомъ и уважаемомъ». А Боусъ въ своихъ донесеніяхъ сообщалъ, что Нидерландскіе купцы, главные соперники Англичанъ, пользовались при Московскомъ дворѣ покровительствомъ трехъ лицъ: боярина Никиты Романовича Юрьева, думнаго дьяка Посольскаго приказа Андрея Яковлевича Щелкалова и оружничаго Богдана Яковлевича Бѣльскаго, и всѣ эти лица были на жалованьи у Нидерландцевъ. (Юрія Толстаго «Послѣднее посольство Елизаветы». Рус. Вѣст. 1861.). Горсей сообщаетъ, что во время приближенія Нагихъ, кромѣ Никиты Романовича, пострадалъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ: «по повелѣнію царскому, дядя царицы Семенъ Нагой выколотилъ пять тысячъ рублей изъ пятокъ большого взяточника, думнаго дьяка Андрея Щелкалова, который прогналъ отъ себя свою молодую прекрасную жену и изрубилъ ей мечомъ шею».

Относительно Ивана Грознаго любопытна его характеристика въ Русскомъ Хронографѣ XVII вѣка, извѣстномъ подъ именемъ Кубасова: «Царь Иванъ образомъ пелѣпымъ очи имѣя сѣры, носъ протягновенъ и покляпъ, возрастомъ великъ бяше, сухо тѣло имѣя, плеща имѣя высоки, груди широки, мышцы толстыя, мужъ чудного разсужденія, въ наукѣ книжного наученія доволенъ и многорѣчивъ зѣло, ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы своя отъ Бога данныя ему жестокосердъ вельми и ко пролитію крови и на убіеніе дерзостенъ и неутолимъ; множество народу отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погуби и многія грады своя поплѣни и многія святительскія чины заточи и смертію немилостивою погуби и иная многая содѣя надъ рабы своими, женъ и дѣвицъ блудомъ оскверни. Той же царь Иванъ многая благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими отъ сокровища своего не оскудно подаваше. Таковой бо бѣ царь Иванъ.» («Русс. Достоп. I.». «Изборникъ» Андр. Попова. 313). Проф. Ключевскій указываетъ, что вошедшее въ Хронографъ Кубасова повѣствованіе о смутномъ времени вмѣстѣ съ характеристикой послѣднихъ царей московскихъ принадлежитъ кн. Ив. М. Катыреву-Ростовскому («Боярская Дума». Стр. 375. Примѣчаніе). Замѣчательно, что составитель такъ наз. второй редакціи Русскаго Хронографа, писавшій въ первой четверти XVII вѣка и слѣдовательно близкій ко времени Грознаго, уже ясно раздѣляетъ его царствованіе на двѣ рѣзко отличныя другъ отъ друга эпохи, разграниченныя смертію Анастасіи. Послѣ сей смерти «аки чужая буря велія прииаде къ тишинѣ благосердія его, и не вѣмъ како превратися многомудренный его умъ на нравъ яръ, и нача сокрушати отъ сродства

своего многихъ, тако же и отъ вельможъ синклитства своего, во истинубо сбыстся еже въ притчахъ реченное: яко пареніе похоти премѣняетъ умъ незлобивъ. Еще же и крамолу междоусобную возлюби, и во единомъ градѣ едины люди на другія пусти и прочая опричниненныя нарече, другія же собственны себе учини, земщиною нарече. И сицевыхъ ради крамольствъ сына своего болшаго царевича Ивана... отъ вѣтви житія отторгну». (Изборн. А. Попова, стр. 183).

Англичанинъ Горсей такъ описываетъ личность Грознаго: «Царь Иванъ Васильевичъ былъ красивой и величественной наружности, съ пригожими чертами лица, съ высокимъ челомъ. Голосъ имѣлъ пронзительный. Былъ настоящій Скиѳъ: быстръ умомъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія; дѣйствовалъ во всемъ своимъ разумомъ: самъ велъ дѣла внѣшней политики, самъ завѣдывалъ внутреннимъ устройствомъ государства». Сказанія англичанина Горсея. Юрія Толстаго (Отеч. Зап. 1859. Сентябрь). Въ числѣ современниковъ Ивана IV былъ нѣкто Ивашка Пересвѣтовъ, написавшій царю грамоту или эпистолу, въ которой онъ обращается къ Іоанну съ совѣтомъ соблюдать строгость. (См. у Карамз. IX. Прим. 849 и въ «Изборникѣ» А. Попова). Высказанное прежде мнѣніе, что эта эпистола подложная, не оправдывается. О ней см. далѣе въ прим. 84.

Разнообразныя мнѣнія о Грозномъ русскихъ историческихъ писателей и собственный свой взглядъ изложены К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ Москов. Вѣд. 1856 г. №№ 46, 54, 59; а потомъ въ журн. Заря 1871 г. № 3, и въ своей Русской Исторіи. Т. II. Вып. 1-й. Изображеніе Грознаго, какимъ онъ является подъ перомъ Карамзина, нашло себѣ противниковъ отчасти въ Арцыбашевѣ «Повѣствованіе о Россіи», а глав. образомъ въ москов. профессорахъ: Бѣляевѣ («О служилыхъ людяхъ въ Моск. Госуд.», собственно о боярахъ во Времен. Об. И. и Др. кн. 3. М. 1849 г.), Соловьевѣ (Истор. Рос. т. VI, преимущественно послѣднія страницы) и Кавелинѣ («Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи». Сочиненія I. 359.), которые тиранствамъ и опричинѣ Ивана IV пытаются придать разумное государственное значеніе, окрестивъ ихъ именемъ борьбы съ устарѣлыми боярскими притязаніями и вообще со старымъ порядкомъ, и выставивъ Грознаго какимъ-то реформаторомъ. Въ защиту Карамзинскихъ воззрѣній противъ Соловьева возсталъ Погодинъ («Архив. Истор. и Практич. Свѣд.» 1859 г. кн. V); онъ доказываетъ, что дѣйствительно все славное извнѣ и полезное внутри было сдѣлано московскимъ правительствомъ въ періодъ Адашева и Сильвестра, а послѣ нихъ царь не совершилъ никакихъ славныхъ дѣлъ. Надобно отдать справедливость Погодину, если не всѣ, то нѣкоторыя его возраженія отличаются мѣткостію и историческою правдою. Любопытный разборъ VI тома Исторіи Россіи Соловьева, т.-е. царствованія Грознаго, былъ представленъ и Конст. Аксаковымъ, однимъ изъ представителей такъ наз. Славянофильской школы. (Сочиненія его. Т. I). Его возраженія гораздо мягче Погодинскихъ, и онъ является не защитникомъ собственно Карамзинскихъ воззрѣній на то значеніе, какое

имѣли Сильвестръ и Адашевъ въ царствованіе Грознаго, а пытается проводить воззрѣнія своей школы, напирая на ея излюбленныя мысли о землѣ, о земскихъ соборахъ и единеніи государя прямо съ паро домъ помимо бояръ. Но тутъ иногда критикъ и самъ недостаточно критически относится къ источникамъ. Такъ, напр., онъ съ полнымъ довѣріемъ ссылается на разсказъ Одерборна о томъ, какъ послѣ взятія Баторіемъ Полоцка и Сокола, дьякъ Андрей Щелкаловъ, по порученію царя, собралъ въ Москвѣ народъ и произнесъ къ нему рѣчь, въ которой сообщилъ о нашихъ неудачахъ и постарался его успокоить; народъ выслушалъ его рѣчь въ молчаніи, но женщины подняли жалобы и вопли; такъ что дьяку пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. На этомъ единичномъ, иноземномъ и непровѣренномъ извѣстіи критикъ выводитъ прямое заключеніе, что тогдашнее правительство (т.-е. собственно Иванъ IV) «было въ тѣсномъ союзѣ съ народомъ и уважало народъ». Можно ли сказать это именно объ Иванѣ IV, который самъ выдѣлилъ себя въ опричину, а земскимъ или народнымъ государемъ, хотя бы и номинально, поставилъ крещенаго татарина Симеона Бекбулатовича? (Кстати замѣчу, что сей послѣдній и по кончинѣ Ивана IV продолжалъ именоваться «великимъ княземъ Тверскимъ», какъ показываетъ одинъ документъ 1585 года, сообщенный Тверской учен. Архивн. коммиссіей). Далѣе К. Аксаковъ характеризуетъ Ивана IV какъ человѣка, одареннаго художественною природою, но безнравственнаго, человѣка безъ воли, руководимаго только произволомъ. И тѣмъ не менѣе, подобно Соловьеву, сравниваетъ его съ Петромъ Великимъ. Къ этимъ взглядамъ примыкаетъ отчасти и характеристика Ивана IV, которую даетъ другой представитель Славянофильской школы, Юрій Самаринъ. (Его Сочиненія. Т. V. стр. 205, 206). Послѣ Погодина изображеніе Ивана IV Карамзинымъ нашло себѣ краснорѣчиваго защитника особенно въ Костомаровѣ (Вѣстникъ Европы 1871 г. № 10).

Историческая оцѣнка Грознаго — это одинъ изъ немногихъ пунктовъ моего разногласія съ многоуважаемымъ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, который въ данномъ случаѣ принялъ сторону Соловьева противъ Карамзина. Между прочимъ онъ заканчиваетъ свой обзоръ царствованія Грознаго слѣдующими словами: «Вспомнимъ, что народъ знаетъ не только покорителя Казани, но и царя, который «вывелъ измѣну изъ Новгорода, а не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы». (Русская Исторія. Т. II. Вып. I. Примѣчаніе). Тутъ указаніе на измѣну есть только отголосокъ тѣхъ обвиненій, которыми Грозный царь осыпалъ русскихъ бояръ и Новгородцевъ; это простое эхо, которое встрѣчается иногда и у нашихъ старыхъ книжниковъ. Напр. Псковская Лѣтопись говоритъ: „и государя на гнѣвъ подвигли и за великую измѣну государь царь учинилъ опричнину, и бысть мятежъ по всей земли и раздѣленіе“. (П. С. Р. Л. IV. 343). Но вѣдь мы имѣемъ передъ собою довольно подробную и документальную исторію сего царствованія, и никакой серьезной измѣны въ Русской землѣ не находимъ. Не можемъ мы возводить въ общее правило нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ, въ родѣ Курбскаго, когда люди бѣжали отъ тирана, спасая свое существованіе, и потомъ мстили ему. Тутъ слѣдствіе тиран-

ства, а не причина его. Нѣтъ, повторяю, разумнѣе являются тѣ книжники, которые просто «попущеніемъ Божіимъ за грѣхи наши и совѣтами злыхъ людей» объясняли бѣдствія опричнины и мучительства Ивана IV. (См. у Соловьева VI. въ примѣч. 84 ссылку на рукопись Имп. Публ. Библ. Сокращенный Временникъ до 1691 года).

Защитники Грознаго пытаются смягчить приговоръ исторіи указаніемъ на эпоху, которая отличалась суровыми нравами, и ссылаются на примѣры другихъ странъ въ то время. Но и эти ссылки мало помогаютъ. О необычайной свирѣпости и мучительствахъ Грознаго, далеко оставляющихъ за собою всѣ примѣры, единогласно свидѣтельствуетъ иноземные и русскіе источники, ему современные; свидѣтельствуетъ и самъ царь въ своихъ синодикахъ и посланіяхъ. Подобныя свидѣтельства, но только отчасти, указаны въ прим. 3. къ Т. IX у Карамзина, который совершенно основательно приравниваетъ Ивана IV къ языческимъ тиранамъ древности, каковы Калигула, Неронъ и пр. Напримѣръ, вотъ какими словами начинаетъ Жизнеописаніе Ивана Васильевича протестантскій пасторъ Одерборнъ: Nemo unquam ab ulla hominum memoria, ex his, qui Regia dignitate et Summi imperii fastigio claruerunt, vel majori crudelitate, vel insigniori libidine, Ioanne Basilide, adversus cives et exteros est usus, т. е.: «На людской памяти никогда никто изъ тѣхъ, которые облечены были царскимъ достоинствомъ и верховною властію, не свирѣпствовалъ противъ своихъ и чужихъ съ большею жестокостію и бо́льшимъ произволомъ, чѣмъ Иванъ Васильевичъ». И подобные отзывы проходятъ почти по всѣмъ современнымъ свидѣтельствамъ! Такъ другой иноземецъ, младшій современникъ Грознаго, Георгъ Паэрле, начинаетъ свои записки о путешествіи въ Москву слѣдующими словами: «Въ 1584 году умеръ свирѣпый мучитель Иванъ Васильевичъ, великій князь Московскій, который въ 34-лѣтнее правленіе свое превзошелъ Нерона жестокостію и тиранствомъ, Калигулу злодѣяніями, Еліогабала непотребною жизнію». Сказанія Современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Ч. II. Спб. 1832. Хотя русскій издатель сихъ Сказаній, Устряловъ, въ примѣчаніи и называетъ эти слова «столь несправедливымъ приговоромъ» и говоритъ, что «въ семъ случаѣ свидѣтельство Паэрле не имѣетъ никакого вѣса». (стр. 173); но мы не знаемъ, на сколько сіе примѣчаніе не было вызвано условіями печати того времени.

Проф. Ключевскій въ своемъ сочиненіи «Боярская Дума древней Руси», въ главѣ XVII, по поводу учрежденія опричнины, разсуждаетъ о враждебныхъ отношеніяхъ Грознаго къ боярству; при чемъ является также послѣдователемъ мнѣній Соловьева, также называетъ эти отношенія борьбою царя съ боярствомъ, но настаиваетъ на томъ, что эта борьба „имѣла не политическое, а династическое происхожденіе“ (357). Поэтому, подобно Соловьеву, онъ преувеличиваетъ значеніе случая съ присягой въ 1553 году, называя его «жгучимъ поводомъ», отъ котораго «возгорѣлся пожаръ лютости въ землѣ Русской». А опричинѣ онъ даетъ слѣдующее оригинальное объясненіе: «Ни та, ни другая сторона не знала какъ ужиться одной съ другой и какъ обойтись другъ безъ друга. Онѣ попы-

тались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Попыткой устроить такое политическое сожительство и было раздѣленіе государства на земщину и опричнину» (362). Оригинально здѣсь въ особенности то, что дѣло изображается какой то обоюдною попыткою съ обѣихъ сторонъ. Подчиняясь словамъ самого Грознаго, сказаннымъ въ его перепискѣ съ Курбскимъ, г. Ключевскій также преувеличиваетъ всемогущество Сильвестра и Адашева и дѣлаетъ о нихъ такой выводъ: «прежде всего на самого себя долженъ царь пенять за то, что оба избранника не оправдали его надеждъ». (353). Но какихъ это надеждъ они не оправдали, остается неизвѣстно. Если тутъ разумѣется «идея самодержавія», о которой передъ тѣмъ говорится, то любопытно было бы узнать, въ чемъ Сильвестръ и Адашевъ проступились противъ этой идеи? «Самъ Иванъ, несмотря на высоту, до которой поднялся его взглядъ на значеніе государя», все таки не отрѣшился отъ удѣльныхъ традицій и назначилъ удѣлъ младшему сыну (359). О какой это высотѣ взгляда тутъ говорится, тоже остается неизвѣстнымъ. Развѣ о той высотѣ, о которой далѣе говорится по поводу извѣстной эпистоліи Ивашки Пересвѣтова: „авторъ (этой эпистоліи) считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Магметъ Салтаномъ, который возведетъ правителя высоко, да и пхнетъ его въ зашею надолъ» и пр. (367).

Но всѣ указанныя попытки обѣлить Грознаго и отыскать глубокій историческій смыслъ въ его казняхъ и опричнинѣ, блѣднѣютъ передъ апологіей Е. А. Бѣлова, которую мы находимъ въ его монографіи „Объ историческомъ значеніи Русскаго боярства до конца XVII вѣка“. Спб. 1886 (первоначально въ Журн. М. Н. Пр. того же года). Чтобы не только обѣлить Грознаго, но и возвести его въ великіе люди, г. Бѣловъ не стѣсняется въ толкованіи фактовъ дѣйствительныхъ и въ измышленіи небывалыхъ. У него „Грозный отвратилъ отъ Россіи опасность господства олигархіи“ (62). Адашевъ и Сильвестръ, возвышенные изъ незнатныхъ людей, вдругъ являются у него сторонниками боярской партіи, въ ея борьбѣ съ царемъ; причемъ «властолюбіе Сильвестра и самообожаніе не знало границъ». Виною Іоанновыхъ казней и многихъ золъ для Россіи былъ все тотъ же Сильвестръ, которому будто бы «никто не смѣлъ слова сказать». (83—85). Затѣмъ идутъ всѣ возможные парадоксы для того, чтобы устранить свидѣтельство иностранцевъ о тиранствахъ Грознаго: одни писали по слухамъ и потому лгутъ, другіе хотя и были очевидцами, но пристрастны, третьи будто бы представляютъ отголоски боярской партіи», которая «пользовалась легковѣріемъ иностранцевъ» и т. п. И подобные аргументы подкрѣпляются ссылками на нѣкоторые другіе, не точно переданные ими факты! (88—90). Оказывается, что никто иной, какъ Московскіе бояре подвели на Москву Крымскаго Хана въ 1571 году и потомъ воеводы намѣренно заняли неудобные посты въ тѣсныхъ московскихъ улицахъ (93). (Любопытно, что главный воевода, Бѣльскій, при семъ самъ задыхался отъ дыму во время пожара, тоже вѣроятно намѣренно); Митрополитъ Филиппъ Колычовъ заслужилъ свою гибель; ибо вздумалъ мѣшаться не въ свое дѣло, т. е. въ опричнину и вообще въ свѣтскія дѣла;

а относительно его умерщвленія Малютою Скуратовымъ, «это еще вопросъ» (112—113). Погромъ Новгорода Великаго съ «объективной» точки зрѣнія автора оправдывается тѣмъ, что на сѣверѣ было какое то «броженіе умовъ» и тамъ «что то затѣвалось». Правда на это нѣтъ никакихъ данныхъ, но не даромъ же Флетчеръ, бывшій въ Россіи при Өедорѣ Ивановичѣ, говоритъ о какомъ то «неминуемомъ возстаніи» и о томъ, что «народъ былъ привязанъ къ потомству удѣльныхъ князей» (116). И т. д. въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ во всѣхъ бѣдствіяхъ и тиранствахъ виновата боярская партія; а Иванъ IV является невиненъ и великъ. Далѣе этого едва ли можетъ идти отрицаніе всякихъ нравственныхъ принциповъ въ исторіи. Кромѣ того автору брошюры не приходитъ въ голову самый естественный вопросъ: если Иванъ IV сдѣлался великъ только тогда, когда освободился отъ своихъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, и отъ ихъ соумышленниковъ бояръ, то почему же дѣла государственныя шли наоборотъ: хорошо и счастливо въ эпоху сихъ совѣтниковъ, и очень бѣдственно въ эпоху опричины?

Есть наконецъ попытка объяснить тиранства Грознаго душевною болѣзнью или «неистовымъ умопомѣшательствомъ (mania furibunda), вызваннымъ и поддерживавшимся яростнымъ сладострастіемъ и распутствомъ» (Я. Чистовича «Исторія медицины въ Россіи. Спб. 1883. Приложенія).

55. Никонов. VII. 6. Здѣсь собственно повѣсть о Өедорѣ Ивановичѣ, сочиненная патріархомъ Іовомъ; почти въ томъ же видѣ эта повѣсть повторяется у Татищева. (Чт. О. И. и Др. № 9. М. 1848). Никонов. VIII. Здѣсь такъ наз. Новый лѣтописецъ. (Онъ же во Времен. XVII. 24). Лѣтопись о мятежахъ. 7. Латухин. Степ. Кн. (См. Карамз. къ т. X. прим. 10). Письмо кардинала Болоньети, папскаго легата въ Польшѣ, говоритъ, будто при этомъ мятежѣ было 20 человѣкъ убитыхъ и около сотни раненыхъ (Hist. Rus. Mon. II, № I.). Показанія этихъ источниковъ о Московскомъ мятежѣ противъ Бѣльскаго вообще сбивчивы и разнорѣчивы. По совокупности извѣстій и обстоятельствъ, я позволяю себѣ объяснить это событіе именно интригами бояръ не только противъ Бѣльскаго, но и противъ Годунова. Нѣкоторыя свидѣтельства указываютъ или намекаютъ на эту связь. (Никон. и Нов. лѣтоп.). Соловьевъ (VII. 250. прим. 73.) указываетъ на одну Рукопись Спб. Публич. Библ., гдѣ прямо говорится о двухъ партіяхъ: съ одной стороны Мстиславскій, Романовъ, Шуйскій, Голицынъ, Шереметевъ, Головинъ; съ другой Годуновы, Трубецкой, Бѣльскій (только дьякъ Щелкаловъ причисленъ сюда слишкомъ рано: онъ присталъ къ Годунову нѣсколько позднѣе). Приблизительно тоже говоритъ Лѣтопись о мятежахъ. (6). Приписывать Бѣльскому какіе-то планы о возведеніи на престолъ порученнаго ему маленькаго Дмитрія было бы несправедливо. Нигдѣ фактически не обнаруживаются его связи съ партіей Нагихъ; напротивъ, обнаруживаются его связи съ Годуновымъ, который преслѣдовалъ потомъ заводчиковъ мятежа, Кикиныхъ, Ляпуновыхъ и др., разославъ ихъ въ ссылку и по темницамъ; а Бѣльскаго въ 1591 году воротилъ въ Москву. Это обстоятель-

ство и по мнѣнію Миллера также подтверждаетъ его связь съ Годуновымъ. (Опытъ Новой Исторіи Россіи. 25).

О собраніи именитыхъ людей въ Москву изъ всѣхъ городовъ и просьбы ихъ, чтобы Ѳедоръ «не мѣшкалъ» своимъ коронованіемъ, говоритъ Никон. л. VIII. 5. Въ Псков. сказано: «Поставленъ бысть на царство царемъ, на Вознесеньевъ день, Ѳедоръ Ивановичъ митрополитомъ Діонисіемъ и всѣми людьми Русской земли». (П. С. Р. Л. IV. 320). Иностранцы Петрей и Горсей также указываютъ на собраніе земской думы, предшествовавшее коронованію Ѳедора и утвердившее его на царствѣ. Обрядъ вѣнчанія см. въ С. Г. Г. и Д. II. № I.

О тяжской болѣзни Никиты Романовича упоминаетъ кардиналъ Болоньети въ своемъ письмѣ отъ 24 Августа 1584 года. (Hist. Rus. Monum. II. N. VIII). О смерти его Samml. Rus. Geschichte V. 36.

56. Латухина Степен. книга. Новый Лѣтописецъ. Лѣтопись о мятежахъ. Хроника Петрея. Хронографы (см. Изборникъ Попова 187). Сборникъ Имп. Пуб. Библ. № 17.; на него ссылается Соловьевъ (къ т. VII прим. 80., гдѣ говорится, что московскій народъ, приверженный къ Шуйскимъ, хотѣлъ побить Годунова камнями). Псков. Лѣт. (П. С. Р. Л. IV. 320). «Иное сказаніе» (Времен. XVI. 2—4). Польск. дѣла въ Архивѣ Мин. Ин. Д. № 18. Здѣсь дается наказъ посламъ, отправляемымъ въ Литву, какъ отвѣчать на вопросы объ государевой опалѣ на Шуйскихъ и о казни посадскихъ людей. Соловьевъ объясняетъ участіе торговыхъ людей въ борьбѣ Шуйскаго съ Годуновымъ тѣмъ, что значеніе гражданъ Московскихъ будто бы поднялъ Иванъ Грозный, «призывая ихъ на соборъ, обращаясь къ нимъ съ жалобою на бояръ по отъѣздѣ въ Александровскую слободу» (VII. 284). Это объясненіе сомнительно. Не вѣроятнѣе ли предположить, что московскіе купцы, кромѣ своихъ связей съ Шуйскими, не любили Бориса за то покровительство, которое онъ оказывалъ иностранцамъ, именно англійскимъ купцамъ. Объ этомъ покровительствѣ неоднократно свидѣтельствуютъ Горсей и Боусъ (см. Толстаго «Россія и Англія»).

57. Лѣтопись Морозова. Русскіе Достопамят. I. 173. Письмо Льва Сапѣги о царской аудіенціи (Hist. Russ. Monum. 11. № 3). Портретъ Ѳедора доселѣ сохраняется въ Архангельскомъ Соборѣ надъ его гробницею. (О его портретѣ см. П. П. Попова въ Труд. Об. И. и Др. V.). Наружность его описываетъ Флетчеръ; о безсмысленной улыбкѣ Ѳедора во время аудіенціи говоритъ Горсей. Histor. Rus. Monum. 11. №№. 3, 8, 47, 10—16 (въ послѣднихъ выписки изъ сеймового дневника 1587 г.). Пшездѣцкаго Zrzódla do dziejów polskich. I. Когновицкаго Życia Sapiehów. Бантыша-Каменскаго (Чт.Об. И. и Др. 1861. кн. 1). Гейденштейнъ. Памятники Дипл. Снош. I. 933. Здѣсь любопытенъ разговоръ примаса Карнковскаго съ русскимъ посломъ Новосильцевымъ, отправленнымъ къ императору Рудольфу II, въ 1585 г. Примасъ зазвалъ посла къ себѣ въ Скерневицы, угощалъ его, говорилъ ему о своемъ желаніи видѣть Ѳеодора преемникомъ Баторія и сравнивалъ Бориса Годунова по уму и правительственному значенію съ Алексѣемъ Адашевымъ. Дѣла Польскія въ Арх. М. Ин. Д. Выписку изъ нихъ см. Карамзина къ т. X. прим. 65—81 и 160—169.

58. Переговоры со Шведами въ Древ. Рос. Вивліоѳ. XII. у Щербатова т. VI, ч. 2. О военныхъ дѣйствіяхъ противъ нихъ Новый Лѣт. Лѣт. о мног. Мятежахъ. Псковская Первая. Въ послѣдней говорится: а «Ругодива не могли взять, понеже Борисъ имъ наровилъ, изъ наряду билъ по стѣнѣ, а по башнямъ и по отводнымъ боемъ бити не давалъ». Конечно намѣренная помѣха—это клевета; но ясно, что современники неудачу осады приписывали вообще нерѣшительности Годунова. Разрядныя книги (Симб. Сборн.). Гіернъ въ Monum. Liv. Ant. I. О переговорахъ и 12-лѣтнемъ перемиріи съ Польшей и мирѣ со Шведами у Щербатова т. VI чч. 1 и 2. Также. Карамз. къ Т. X. прим. 290. (выписки изъ Швед. дѣлъ въ Арх. М. Ин. Д.). Hist. Rus. Mon. II. №№. XXI (письмо нунція диКапуа) и XXV (донесеніе императору Рудольфу его посла въ Москву Николая Варкоча). О посольствахъ Луки Новосильцева, Аѳанасья Резанова и другихъ къ Рудольфу, а также Генриха Гайгеля и двукратномъ посольствѣ Николая Варкоча къ Ѳедору Ивановичу см. Памят. Дип. Снош. I. О дальнѣйшихъ пересылкахъ съ императоромъ въ Памят. Дип. Сн. II. Папа Климентъ VIII двукратно пересылалъ въ Москву священника Александра Комулея, родомъ Серба, съ предложеніемъ союза противъ Турокъ и съ указаніемъ вдали на пріобрѣтеніе Константинополя, согласно съ надеждами самихъ Москвитянъ. Памят. Диплом. Снош. X. Папскія инструкціи Комулею, выписанныя по повелѣнію Екатерины II изъ Ватиканскаго архива, были помѣщены въ переводѣ у Щербатова VI. ч. 2. и Вивліоѳ. XII. (Инструкція, данная тому же Комулею при отправленіи его въ Молдавію и Валахію, въ Рус. Истор. Библ. т. VIII.). Папскія латинскія грамоты, отправленныя къ царю съ Комулеемъ. въ Hist. Rus. Mon. II. №№. XXVI—XXIX.

О сношеніяхъ съ Англіей при Ѳедорѣ Ивановичѣ см. Толстаго «Россія и Англія». Сборникъ Ист. Общ. XXXVIII. Горсей и Флетчеръ. Статейный списокъ Флетчера во Временникѣ. VII. Присылка въ Россію Флетчера совпала съ дѣломъ англійскаго купца Мерша, который учинилъ большіе долги именемъ компаніи, на 23.000 руб. слишкомъ; а компанія отказалась ихъ платить. Послѣ разныхъ переговоровъ Московское правительство согласилось взыскать съ компаніи только половину долговъ, сдѣланныхъ Мершемъ.

59. Дѣла Крымскія, Турецкія, Грузинскія и Персидскія въ Архивѣ М. Ин. Д. Лѣтопись о Мятежахъ. Никонов. лѣт. VII. Новый Лѣтописецъ (Никон. VIII). Разрядн. кн. въ Симбир. Сборн. годъ 1591. Щербатовъ VI Ч. 2. Древ. Вивліоѳ. XII. Собраніе Г. Г .Д. II. № 52. (Грамота казакамъ на Донъ, посланная съ Благово, который отправился посланникомъ въ Константинополь въ 1584 г.) и № 62 (Царская грамота донскимъ атаманамъ о замиреніи ихъ съ Азовцами и о препровожденіи нашего посланника Нащокина, возвращавшагося изъ Константинополя вмѣстѣ съ турецкимъ чаушемъ, въ 1593 г.). Любопытны подробности посольскихъ пересылокъ Москов. двора съ шахомъ Аббасомъ см. въ «Памятникахъ дипломатическихъ и торгов. сношеній Моск. Руси съ Персіей», издан. подъ редакціей Н. И. Веселовскаго. т. I. «Царствованіе Ѳедора Ивановича» (Труды Восточ. Отд. Археол. Общ. т. XX. Спб. 1890).

60. Греческія дѣла въ Моск. Глав. Арх. М. Ин. Д. Рукопис. Сборникъ Моск. Синод. Библ. за № 703. Нѣкоторые документы и свидѣтельства, напечатанныя въ Древ. Рос. Вивліоѳ. VI и XII; въ Собр. Г. Г. и Д. II. №№ 58, 59, 82; въ Рус. Истор. Библ. II. № 103. Дополн. къ Актамъ Истор. II. № 76 («Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи»). Сказанія спутниковъ Іереміи: Іерофея Монемвасійскаго, впервые изданное въ Венеціи въ 1630 г. и перепечатанное Саѳою во Аѳинахъ въ 1870 г., въ приложеніи къ его біографіи патріарха Іереміи; Арсенія Элассонскаго, въ греческомъ подлинникѣ изданное въ приложеніи къ тому же сочиненію Саѳы; а въ латинскомъ переводѣ у Старчевскаго въ Hist Ruthen. Script. exteri. II.

Пособія: Зернина «Учрежденіе въ Россіи патріаршества» въ Архивѣ Историко-Юридич. свѣдѣній Калачова. Кн. II. полов. I. М. 1855. Т. Барсова—«Константинопольскій патріархатъ». Спб. 1878. Отца Николаевскаго — «Учрежденіе патріаршества въ Россіи» Спб. 1880. Преосв. Макарія «Исторія Рус. Церкви». Т. X. Спб. 1881. Каптерева «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку». М. 1885. «Всероссійскій патріархъ Іовъ»—Чт. О. И. и Д. Годъ 3. № 3.

61. Никонов. VIII. Лѣтоп. о мятежахъ. Палицына—Сказ. объ осадѣ Троиц. мон. Иное Сказаніе (Врем. XVI). Хронографы въ изборникѣ А. Попова. «Сказаніе еже содѣяся» въ Чтен. Об. И. и Д. Годъ 2-й № 9. «Повѣсть объ убіеніи Царевича Димитрія» въ Чт. Об. И. и Др. 1864 кн. IV. Псков. Лѣт. (П. С. Р. Л. IV. 321). Слѣдствен. дѣло въ Собр. Г. Г. и Д. II. № 60. Иностранные писатели: Горсей, Масса, Буссовъ, Петрей, Маржеретъ (Rer. Ros. Script. exteri и Устрялова «Сказан. Соврем.). Означенныя выше рус. лѣтописи передаютъ даже подробности убійства Димитрія. А именно: убійцы встрѣтили его, когда онъ сходилъ съ крыльца, и Осипъ Волоховъ, взявъ его за руку, сказалъ: «у тебя, государь, новое ожерельице»? Царевичъ поднялъ голову и отвѣчалъ: «нѣтъ, старое». Въ эту минуту Волоховъ кольнулъ его ножемъ, оцарапалъ только шею, и, испугавшись, убѣжалъ. Тогда Данила Битяговскій и Качаловъ докончили его, при чемъ избили кормилицу Орину, пытавшуюся защитить ребенка. («Повѣсть о убіеніи» говоритъ, что Битяговенъ и Качаловъ съ самаго начала ударили кормилицу палкою такъ, что она упала безъ памяти и затѣмъ перерѣзали царевичу горло). Щербатовъ, Карамзинъ и Соловьевъ принимаютъ лѣтописный разсказъ за достовѣрный. Также и первосв. Филаретъ (его «Изслѣдованіе о смерти царевича Дмитрія» въ Чт. О. И. и Др. 1858 I.). Также Костомаровъ въ своихъ Жизнеописаніяхъ. Арцыбашевъ склоняется на туже сторону въ своемъ Повѣствованіи о Россіи; но въ другомъ мѣстѣ оправдываетъ Годунова. (Вѣст. Евр. 1830 и Рус. Архивъ 1886). Также колеблется Устряловъ въ своемъ Розыскѣ о смерти царевича Димитрія (Сказан. Соврем. II). Погодинъ отрицаетъ участіе Годунова (Историко-крит. отрывки. М. 1846). Кромѣ него тоже дѣлаютъ: Краевскій (Царь Б. Ѳ. Годуновъ. Спб. 1836), К. Аксаковъ (Рус. Бес. 1858. II.). Н. М. Павловъ (Рус. Арх. 1886. № 8), В. С. Иконниковъ (Ibid. № 12) Платоновъ въ своемъ изслѣд. «Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени». Спб. 1888, и особенно Бѣловъ, который посвятилъ двѣ статьи (въ Ж. М. Н. Пр. за 1873 г. іюль и августъ) защитѣ Погодина про-

тивъ возраженій Соловьева. Однако не смотря на всѣ усилія г. Бѣлова, по моему крайнему разумѣнію, ему не удалось опровергнуть большую часть доводовъ покойнаго С. М. Соловьева, приведенныхъ въ 131 примѣч. къ VII тому его Исторіи Россіи. Нельзя отказать г. Бѣлову въ нѣкоторыхъ дѣльныхъ замѣчаніяхъ; но его рѣшительное оправданіе Годунова и защита Слѣдственнаго дѣла вообще исполнены многихъ натяжекъ и напоминаютъ пріемы современной намъ адвокатуры, которая часто не останавливается ни передъ какими софизмами, чтобы обѣлить своего кліента. Костомаровъ представилъ нѣсколько вѣскихъ возраженій г. Бѣлову (Вѣст. Евр. 1873. № 9). Относительно критики Бѣлова замѣтимъ и слѣдующее. Конечно слова Карамзина о предварительныхъ попыткахъ отравить царевича, что «дрожащая рука убійцъ вѣроятно бережно сыпала отраву» — эти слова могутъ быть названы неудачнымъ объясненіемъ недѣйствительности отравы, однако общій его взглядъ на все дѣло гораздо серьёзнѣе, чѣмъ означенныя попытки обѣленія Годунова и слѣдователей. Въ подробностяхъ своей защиты адвокатъ Годунова иногда представляетъ объясненія не менѣе неудачныя. Напримѣръ: «Вдовый протопопъ Ѳедотъ Офонасьевъ, человѣкъ жалкій, забитый, на что указываетъ и его насмѣшливое прозвище, то, что онъ изъ протопоповъ попалъ въ звонари». Очевидно, г. Бѣловъ упустилъ изъ виду судьбу, которая постигала священниковъ, имѣвшихъ несчастіе потерять жену. Ихъ печальное положеніе было подтверждено московскимъ соборомъ 1503 года. О лишеніи ихъ права священнодѣйствовать говоритъ и Маржеретъ, современникъ даннаго событія.

Съ своей стороны укажемъ на слѣдующія обстоятельства. Напрасно было бы основывать достовѣрность Слѣдст. дѣла между прочимъ на отношеніяхъ Шуйскихъ къ Годуновымъ. Князь В. И. Шуйскій, какъ извѣстно, правдивостію не отличался; а въ данный моментъ онъ имѣлъ всѣ побужденія угождать Годунову, имѣя въ виду участь своего брата Андрея и князя Ив. Петровича. Притомъ смерть царевича если была полезна Годунову, то не была противна и интересамъ В. И. Шуйскаго, также будущаго претендента на престолъ. Пристрастный, преднамѣренный розыскъ обнаруживается съ первыхъ же словъ Слѣдст. дѣла. Слѣдователи прямо начинаютъ вопросомъ: «которымъ обычаемъ царевича Димитрія не стало и что его болѣзнь была?», т. е. прямо сворачиваютъ слѣдствіе на падучую болѣзнь. И это обстоятельство не укрылось отъ современниковъ. Лѣтопись говоритъ: «князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ закласясамъ»- (Никон. VIII. 19). Важное, по моему мнѣнію, препятствіе для достовѣрности даннаго розыска представляетъ самый способъ смерти царевича. Если, какъ въ немъ расказывается, съ царевичемъ были и прежде припадки падучей болѣзни, при чемъ онъ однажды покололь свою мать, то невѣроятно, чтобы послѣ того мать позволила ему играть ножомъ. А если это позволила мамка помимо матери, то намѣренія мамки становятся прямо подозрительны. Наконецъ, если дѣйствительно онъ самъ накололъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни, то опять странно, что онъ по-

кололъ себя не въ какое либо другое мѣсто и не въ разныя мѣста, а все время своихъ судорогъ кололъ себя въ одну точку, въ горло. Все это обстоятельства подозрительныя. Можетъ быть, смерть его совершилась не такъ, какъ разсказываютъ лѣтописцы, можетъ быть, не Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ зарѣзали его; однако во всякомъ случаѣ внезапная кончина и всѣ обстоятельства ея заставляютъ сомнѣваться въ правдивости Слѣдственнаго дѣла. Главныя свидѣтельницы, кормилица Тучкова и постельница Колобова могли быть подкуплены или просто застращаны; а какъ они первоначально показывали, осталось намъ неизвѣстно. Что говорили маленькіе сверстники царевича, тоже никому неизвѣстно. Въ Слѣдственномъ дѣлѣ они всѣ четверо какъ попугаи буквально повторяютъ разсказъ о самозакланіи; при семъ обратимъ вниманіе, что изъ нихъ одинъ Тучковъ, другой Колобовъ, можетъ быть, дѣти помянутыхъ двухъ женщинъ, и повторявшіе то что имъ приказывали говорить ихъ матери или родственницы. Кромѣ нихъ, по дѣлу обнаруживается еще одинъ только свидѣтель, стряпчій Семейко Юдинъ, который будто бы видѣлъ сцену самозакланія откуда то изъ дому, когда «стоялъ у поставца». Но кто можетъ поручиться за правдивость этого свидѣтеля? А затѣмъ огульное повтореніе одного и тогоже разсказа многими лицами, бывшими далеко отъ мѣста событія, наводитъ рѣшительное сомнѣніе относительно ихъ показаній. Притомъ современники прямо указываютъ на тѣ мѣры, которыя Годуновъ заранѣе предпринималъ противъ царевича; напр. Флетчеръ еще до смерти Димитрія говоритъ о запрещеніи поминать его имя при богослуженіи какъ незаконнаго — запрещеніе, сдѣланное по внушенію Годунова. Любопытно, что Флетчеръ еще до смерти царевича Димитрія сообщаетъ слухи о покушеніяхъ на его жизнь со стороны претендентовъ на тронъ послѣ бездѣтнаго Ѳеодора. Въ Москвѣ уже были настроены на ожиданіе катастрофы. Мать царевича и его родственники Нагіе, повидимому, окружали мальчика строгимъ надзоромъ, особенно охраняли его ночью, но вѣроятно не ожидали открытаго дневнаго нападенія. Не забудемъ, что въ числѣ помянутыхъ претендентовъ былъ не только Борисъ Годуновъ, но и Василій Шуйскій. Несомнѣнно, Годуновъ зналъ, кому поручить слѣдствіе, чтобы добыть желаемый результатъ.

На основаніи всѣхъ данныхъ, общій нашъ выводъ тотъ, что какъ именно погибъ царевичъ, сказать трудно, но что онъ погибъ не своею смертью, это болѣе чѣмъ вѣроятно, а что смерть его была весьма желательна Годунову, это несомнѣнно.

62. Никонов. VIII. 34. Лѣтоп. о мятежахъ. Никонов. VII. 348—358. Степенная Латухин. кн. Морозов. лѣт. Хронографы (Попова Изборникъ). Маржеретъ. Что Ѳеодоръ назначилъ своей наслѣдницей Ирину, о томъ кромѣ патріарха Іова (Ник. VII. 352) говорятъ Разрядн. книги и Послужный списокъ чиновниковъ (Древ. Вивліоѳ. XX. 66.), а также избирательныя грамоты на царство Годунова и Михаила Ѳеодоровича (Вивліоѳ. VII. 136); въ послѣднихъ указано, что «душу свою приказалъ» святѣйшему патріарху, Ѳ. Н. Романову и Б. Ѳ. Годунову. Латухин. Степ. книга повѣствуетъ, будто Ѳедоръ Ивановичъ назначилъ своимъ преемни-

комъ Ѳ. Н. Романова. А нѣкоторые иностранные писатели сообщаютъ басню о томъ, что царица просила умирающаго царя вручить скипетръ ея брату; но Ѳеодоръ хотѣлъ отдать его Ѳ. Н. Романову, тотъ не взялъ и указалъ на своего брата Александра, Александръ на брата Ивана, Иванъ на Михаила, послѣдній еще на кого то; выведенный изъ терпѣнія, царь сказалъ, что болѣе онъ не въ силахъ держать скипетръ и пусть его возметъ, кто хочетъ; тогда подошелъ Годуновъ и схватилъ его въ свои руки. (Хроники Буссова и Петрея. Rer. Ross. Script. exteri. 5 и 152).

63. Никонов. VIII. Сказаніе о Мятежахъ. Палицынъ (у него обѣщаніе Бориса при вѣнчаніи). Хронографы (въ Изборникѣ Попова, съ 285 стр). Иное сказаніе. Степен. кн. Латухина. Морозов. лѣт. Симбир. Сборн. (Разрядн. кн. Введеніе). Вивліоѳика. VII. 36—128. Акты Археогр. Эксп. II, №№ 7—10. (тутъ крестоцѣловальная запись Борисова). Дополн. къ Акт. Истор. I. № 145. «Грамота, утвержденная объ избраніи царемъ Бориса Ѳеодоровича Годунова», заключающая оффиціальный разсказъ о семъ событіи, кромѣ Актовъ Экспедиціи (№ 7) напечатана еще у Бутурлина въ Истор. Смутн. врем. Т. I. Приложеніе № 3. Иностранцы: Буссовъ, Петрей, Маржеретъ, Де Ту, Масса. Шиле (донесеніе послѣдняго цесарю о поѣздкѣ въ Москву, въ 1598 г. Рус. переводъ въ Чт. О. И. и Д. 1875. № 2.) О томъ, что приставы насильно пригнали народъ къ Новодѣвичьему монастырю и толкали людей въ шею, чтобы падали на колѣна, сообщаетъ рукописный хронографъ (Москвит. 1844. № 6). А извѣстіе о намѣреніи бояръ возвести Бориса на царство съ условіемъ, чтобы онъ присягнулъ на грамотѣ, ограничивающей его власть, нашлось въ бумагахъ Татищева, въ Библіот. Моск. Архива Ин. Д. (см. у Соловьева къ Т. VIII прим. 12). О красивой величественной наружности Бориса Годунова, его привѣтливомъ обхожденіи, даровитости, краснорѣчіи, умѣренности въ пищѣ, суевѣріи, мстительности и лукавости въ обхожденіи говоритъ Горсей.

64. О милостяхъ царскихъ послѣ вѣнчанія Доп. къ Ак. Истор. I. № 146. С. Г. Г. и Д. II. №№ 74 и 75. Шиль. Буссовъ. Рукописная «Исторія объ Іовѣ патріархѣ» въ Румянц. муз. №. 156. Палицынъ. Пекарскаго «Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Годуновымъ» въ Зап. Акад. Н. XI. Относительно медиковъ любопытный разговоръ печатника Василія Щелкалова съ англійскимъ докторомъ Вильсомъ приведенъ въ Исторіи Соловьева (VIII. 57), на основаніи Англійскаго отдѣла въ Арх. М. Ин. Д. Щелкаловъ спрашивалъ Вильса, какъ онъ распознаетъ немочь: «по водамъ или по жиламъ». Тотъ отвѣчалъ, что знаетъ оба способа (указывающіе на существованіе въ то время двухъ медицинскихъ школъ).

65. Poselstwo Lwa Sapiehy. Grodno. 1846. Когновицкаго—Życia Sapiehów. I. Козубскаго «Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ». (Ж. М. Н. Пр. 1878. Май). Записка Сапѣги королю о войнѣ съ Москвою въ Чт. О. И. и Др. 1861. IV. Смѣсь. Его же донесеніе Сигизмунду III о польскомъ посольствѣ въ Москвѣ въ Hist. Rus. Monum. II. № XXXI. Статейный списокъ посольства Салтыкова и Морозова въ Польшу въ Древ. Вивліоѳ. IV. Сношенія Бориса съ цесаремъ Рудоль-

фомъ II въ Памятн. Дип. Снош. II. Съ Англіей въ Сборн. Рус. Ист. Общ. XXXVIII и у Гаммеля «Англичане въ Россіи». II. Съ городами Ганзейскими при Өеодорѣ Ив. и Бор. Өед. у Щербатова VII. и въ Supplem. ad Hist. R. M. №№ LXXXVII—XCIX. Съ папою Hist. Rus. Monum. II. № XXXII и XXXIII. Съ Персіей ibid. II. № XXX. Съ Грузіей—Никон. Л. VIII. 51—53. Лѣтоп. о мятежахъ. Карамз. къ Т. XI. прим. 86—98. Относительно царевны Ксеніи и ея жениховъ: О наружности Ксеніи въ Рус. Достопамят. I. 174. и въ Изборникѣ А. Попова. 314; о Густавѣ Ириковичѣ въ Россіи Маржеретъ, Буссовъ, Петрей и Масса. Фехнера—Chronik der Evangel. Gem. in Moscau. 1866. I. 130. О принцѣ Іоаннѣ: Львов. лѣт. III. Нов. Лѣтоп. (Времен. XVII). Wahrhaftige Relation der Reussischen und Muscowitischen Reise въ Магазинѣ Бюшинга. VII. Масса, Маржеретъ, Петрей, Фехнеръ. Главный же матеріалъ въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. Дѣла Датскія (пріѣздъ въ Москву дацкаго королевича Ягана и пр.), которыми воспользовался проф. Цвѣтаевъ въ своемъ изслѣдованіи «Изъ исторіи брачныхъ дѣлъ въ царской семьѣ Москов. періода». М. 1884. Неясный слухъ объ отравленіи Іоанна Борисомъ повторяется въ Никон. VIII, Лѣтоп. о мятеж. и Нов. Лѣт. Маржеретъ прямо приписываетъ его смерть неумѣренности.

Для нашихъ сношеній съ Грузіей любопытенъ трудъ Бѣлокурова «Сношенія Россіи съ Кавказомъ—матеріалы, извлеченные изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ». Выпускъ I. 1578—1613 гг. М. 1889 г. (изъ Чтен. О. И. и Др. за 1889 г.). Рецензія на его книгу Н. И. Веселовскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1890. Февраль.

66. Никонов. VIII. Лѣтоп. о мятежахъ. Новая лѣт. Палицынъ. Хронографы. Буссовъ, Петрей, Маржеретъ, Масса. О холопяхъ, покидавшихъ бояръ, въ Акт. Ист. II. № 44. Дѣло о Романовыхъ въ Актахъ Истор. II. №№ 38 и 54. Обыкновенно, вслѣдъ за Карамзинымъ, Богдана Бѣльскаго считаютъ «первою жертвою Борисовой подозрительности». Но изъ донесеній пристава Воейкова Годунову видно, что ссылка Романовыхъ предшествовала опалѣ Бѣльскаго. Да твой же государевъ измѣнникъ—писалъ Воейковъ—мнѣ про твоихъ государевыхъ бояръ въ разговорѣ говорилъ: «Бояре мнѣ великіе недруги; они искали головъ нашихъ, а иные научали на насъ говорить людей нашихъ, я самъ видѣлъ это неоднажды». Да онъ же про твоихъ бояръ про всѣхъ говорилъ: «Не станетъ ихъ ни съ какое дѣло; нѣтъ у нихъ разумнаго; одинъ у нихъ разуменъ Богданъ Бѣльскій, къ посольскимъ и ко всякимъ дѣламъ очень досужъ». Эта похвала Бѣльскому въ свою очередь тоже не имѣла ли вліянія на его опалу, при извѣстной завистливости и мнительности Бориса? Вообще для этой эпохи см. книгу П. Павлова «Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова». М. 1850. См. также Аристова «Невольное и неохотное постриженіе въ монашество у нашихъ предковъ». Гл. III. (Древ. и Нов. Россія. 1878. № 7). Хавскій въ своемъ «Генеалогическомъ изслѣдованіи о родѣ Романовыхъ» (М. 1863) выводитъ прямое ихъ происхожденіе отъ Рюрика по женской линіи, чрезъ вторую супругу Никиты Романовича, суздальскую Евдокію Александровну. Но

если бы и было доказано двоебрачіе Никиты Романовича, то недоказано, что Ѳедоръ Никитичъ съ братьями произошелъ отъ сего второго брака, а не отъ перваго, съ Варварой Ивановной Ховриной. (А. Барсукова «Обзоръ источниковъ русскаго родословія. Спб. 1887).

67. Книга, глаголемая «Большой Чертежъ», издан. Спасскимъ. М. 1846. Бѣляева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ». Съ приложеніемъ подробныхъ росписей изъ Разряднаго Архива (Чт. О. И. и Др. 1846. № 4). Тѣ акты, которые приведены здѣсь изъ Московскаго стола Разряднаго приказа, перепечатаны вполнѣ и болѣе исправно въ «Актахъ Московскаго государства», изданныхъ Академіей Наукъ подъ редакціей Н. А. Попова. Т. I. Спб, 1890. Перетятковича «Поволжье въ XV и XVI вѣкахъ». М. 1877. Багалея «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта Степной окраины Москов. Государства» М. 1887. (Со ссылками на столбцы Бѣлгородскаго Стола въ Архивѣ Мин. Юстиціи). Его же «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Степной окраины Москов. Государства». Харьковъ. 1886. №№ I и II. О русскихъ степныхъ сторожахъ см. также извѣстія Маржерета. «Сказ. соврем. о Димитр. Самозв.». III. 55.

68. О наказѣ Ивана III рязанской в. княгинѣ Агриппинѣ см. въ Актахъ, относящ. до рода дворянъ Голохвастовыхъ. М. 1848. стр. 25. (изъ Чт. О. И. и Др.) и въ моей Исторіи Рязанск. княжества (Сочч. Т. I стр. 202). О присужденіи Ивана Кольцо за разбои къ смертной казни ссылка на Ногайскія дѣла № 10 въ Арх. М. Ин. Д. у Соловьевъ къ Т. VI. прим. 128. Значеніе Самарской луки въ Волжскихъ разбояхъ указано у Перетятковича «Поволжье въ XV и XVI вв.» стр. 312, съ такою же ссылкою.

Относительно фамиліи Строгановыхъ главные источники: вопервыхъ Акты Арх. Эксп. I. №94. Здѣсь Лука Строгановъ упоминается въ выпискѣ изъ судейскихъ списковъ о Двинскихъ земляхъ. Во-вторыхъ, грамота царя Василія Шуйскаго отъ 1610 года; она говоритъ о выкупѣ Василія Темнаго изъ татарскаго плѣна съ помощью Строгановыхъ (сохранилась въ ихъ фамильномъ архивѣ). Далѣе, грамота, данная внукамъ Луки Строганова на участокъ Вондокурской волости, Устюжскаго уѣзда, Акты Арх. Эксп., I, № 163. Грамоты Ивана IV: Григорію Аникіеву Строганову, 1558 года, на Прикамскую полосу земли; ему же разрѣшеніе варить селитру для огнестрѣльнаго снаряду и о принятіи въ опричину; Якову Аникіеву, 1568 года, на прибавку земли и льготная грамота, 1574 года, на поселеніе за Ураломъ на р. Тоболѣ. См. въ Акт. Арх. Эксп., I, № 254 и Дополн. къ Акт. Истор., №№ 117—120. Нѣкоторыя изъ приведенныхъ грамотъ впервые были напечатаны Г. Ф. Миллеромъ въ его «Описаніи Сибирскаго царства», Спб., 1750. Часть этихъ грамотъ приводится и въ такъ называемой «Лѣтописи Сибирской» (Строгановская и Есиповская), изданной Спасскимъ, Спб., 1821 г. О колонизаторской дѣятельности Строгановыхъ говорятъ: Соликамскій лѣтописецъ въ книгѣ Василія Берха «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ», Спб. 1821 г. А. Крупенина «Краткій историческій очеркъ заселенія и цивилизаціи Перм-

скаго края» (Пермскій Сборникъ», I, М., 1859 г.). Н. А. Ѳирсова «Обзоръ внутрен. жизни инородцевъ передъ временемъ вступленія ихъ въ составъ Москов. госуд.». Учен. Зап. Казан. Унив. 1864. Вып. I. Смышляева «Источники и пособія для изученія Пермскаго края», Пермь, 1876 г. Мозеля «Пермская губернія», Спб., 1864 г. (матеріалы для географіи и статистики Россіи). Штиглица «Пермская губернія», Спб., 1875 г. (списки населенныхъ мѣстъ). Шишонко «Пермская лѣтопись.» 3 кн. Пермь. 1881 — 1884 (Отчетъ о ней въ Ж. М. Нар. Пр. 1886. Январь).

Важнѣйшее пособіе для исторіи сей фамиліи представляетъ монографія проф. Устрялова «Именитые люди Строгановы». Спб., 1842 г. Здѣсь онъ отрицаетъ преданіе о происхожденіи Строгановыхъ отъ крещеннаго татарскаго царевича, у котораго будто-бы ханъ велѣлъ сострогать тѣло до костей—преданіе, приводимое голландцами Массою и Витзеномъ въ XVII вѣкѣ, потомъ повторенное историками нашими Г. Ф. Миллеромъ и кн. Щербатовымъ въ XVIII. Но еще прежде Устрялова Карамзинъ назвалъ это преданіе баснею (къ т. IX прим. 651). Устряловъ производитъ Строгановыхъ отъ новгородскаго рода Добрыниныхъ. Наиболѣе замѣчательныя рецензіи на его книгу принадлежатъ Строеву («Сѣверная Пчела», 1843 г., № 50) и Погодину («Москвитянинъ», 1843 г., № 4). Затѣмъ: «Историческія свѣдѣнія о гг. Строгановыхъ», помѣщенныя въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1876 и 1877 гг., спустя двадцать лѣтъ послѣ смерти ихъ автора Волегова, управлявшаго имѣніями Строгановыхъ. Его изысканія совпадаютъ большею частію съ выводами Устрялова. Онъ указываетъ на существованіе новгородской фамиліи Строгановыхъ, помимо Дубровиныхъ, и не отрицаетъ ихъ купеческаго происхожденія. Объ этомъ и другихъ трудахъ того же автора см. изслѣдованіе преподавателя пермской гимназіи А. А. Дмитріева «Ѳ. А. Волеговъ какъ историкъ Строгановыхъ» (Перм. Губ. Вѣд. и отдѣльно, 1884 г.). Того же Дмитріева «Пермская Старина», выпускъ 1. Пермь. 1889 г. Въ этомъ сборникѣ представленъ сводъ извѣстій и разысканій по исторіи и географіи Великопермскаго края до XVII вѣка, и обстоятельно указано постепенное расширеніе Строгановскихъ владѣній. Между прочимъ любопытно его указаніе на то, что земли, отведенныя Строгановымъ въ Прикамскомъ краѣ, не были совсѣмъ пусты, а уже имѣли русскихъ поселенцевъ или «отхожихъ людей» чердынскихъ и усольскихъ, которыхъ земельные участки они захватили въ свое владѣніе, благодаря жалованнымъ царскимъ грамотамъ и не безъ подкупа нужныхъ для того лицъ (стр. 98—100).

Въ Александроневской лѣтописи подъ 1563 годомъ сказано: «Сентября 16 отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чигибеня по Измаилову челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данью и задержанъ на Москвѣ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю измѣнили, дани государевымъ даньщикамъ давать не учали и взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигеря князя; государьскаго даньщика Едигерь царе-

вичъ казанскій убилъ». Въ послѣднихъ словахъ явная путаница и невѣрности, происшедшія отъ ошибокъ переписчиковъ. Карамзинъ мѣтко указалъ на нихъ и поправилъ приблизительно такимъ образомъ: «и взяли къ себѣ на Сибирь царевича (Шибанскаго), и Кучумъ, церевичъ Шибанскій, государева даньщика Едигера князя убилъ» (къ т. IX прим. 257 и 643). Небольсинъ вмѣсто казанскій читаетъ «казацкій царевичъ» (т. е. киргизъ кайсацкій), и вообще даетъ Кучуму происхожденіе то киргизкое, то ногайское («Покор. Сибири». гл. III). Но проницательный исторіографъ оказался ближе къ истинѣ. Его догадку подтвердилъ Вельяминовъ-Зерновъ, который представилъ наиболѣе вѣроятныя соображенія о родословіи Едигера и Кучума, соображенія, основанныя на сличеніи всѣхъ извѣстныхъ русскихъ и татарскихъ свидѣтельствъ объ отношеніяхъ рода Тайбуги къ Шейбанидамъ («Изслѣд. о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ». II, 386—399. Въ той же книгѣ см. его соображенія о происхожденіи Киргизъ-Кайсацкой орды). Онъ искусно распутываетъ запутанное и сбивчивое родословіе сибирскихъ царей и князей, заключающееся въ лѣтописяхъ Есиповой и Строгановской. Почти тѣ же, какъ у Вельяминова-Зернова, родословные выводы, приблизительно согласные съ генеалогіей Кучума у Абульгази, находимъ и въ разсужденіи И. Я. Словцова «Кто былъ Кучумъ?». Миллеръ принималъ баснословное преданіе о томъ, что Кучумъ былъ сынъ Бухарскаго хана. («Истор. Сиб.» Спб. 1750, стр. 50); Фишеръ считаетъ его киргизомъ («Сибирская Исторія». Спб. 1774, стр. 98). Соловьевъ, подобно кн. Щербатову, обошелъ вопросъ о Кучумѣ; но повидимому слѣдуетъ Карамзину.

О послахъ Едигера въ Москвѣ, его подчиненіи Ивану IV и сибирской дани въ Никон. Лѣт. стр. 228, 274—275 и 291. Въ грамотѣ царя Ѳедора Ивановича Кучуму въ 1597 г. говорится, что отецъ Едигера Казый и дѣдъ Мамедъ (убившій Ибака) платили дань великому князю московскому Василію Ивановичу (С. Г. Г. и Д. II, № 68). Конечно, тутъ рѣчь идетъ не о постоянной дани, а о дарахъ, иногда присылавшихся. Относительно Кучумова дѣда Ибака см. у Вельяминова-Зернова II, стр. 238—240; а Кучумова отца Муртазы ibid. стр. 394. Грамоты, касающіяся сношеній Кучума съ Иваномъ IV, которому онъ обязывается быть данникомъ, въ С. Г. Г. и Д. II. №№ 42 и 45 подъ 1570 и 1571 гг. Кучумъ и его предки тутъ именуются царями (ханами) сибирскими, тогда какъ Едигеръ, его отецъ и дѣдъ князьями (беками). Московское правительство, очевидно, знало различіе въ происхожденіи этихъ двухъ родовъ. Кучуму посылаются изъ Москвы царскія грамоты за золотою печатью. А самъ Кучумъ въ своихъ посланіяхъ употребляетъ высокій, по истинѣ восточный, тонъ. Какъ-бы введеніемъ къ этимъ грамотамъ служатъ рѣчи пермскаго воеводы князя Никиты Ромодановскаго, воротившагося изъ Перми въ мартѣ 1570 г. (Помѣщены въ Ак. Ист. I, № 179). По его словамъ, нѣкто Ивашка Поздѣевъ, взятый въ плѣнъ на Чусовой сибирскими людьми, воротился отъ сибирскаго царя съ извѣстіемъ, что царь этотъ собираетъ дань для государя московскаго и хочетъ послать къ нему пословъ, но что пока

мѣшаетъ ему война къ какимъ-то казацкимъ (т. е. киргизскимъ) ханомъ (вѣроятно союзникомъ Тайбугина рода). Эта война, конечно, и заставляла Кучума пока смиряться передъ московскимъ царемъ.

Любопытно разногласіе источниковъ относительно царевича Магметкула: по однимъ онъ является братомъ Кучума (напр. въ жалованной грамотѣ Строгановымъ 1574 года, у Миллера, стр. 87), по другимъ сыномъ (Сибирскія лѣтописи и письмо Абдулъ-Хаира, назвавшаго его своимъ братомъ, въ С. Г. Г. и Д. II, № 67), по третьимъ племянникомъ (помянутая выше грамота царя Ѳедора Ивановича 1597 года. Ibid № 68). По нѣкоторымъ соображеніямъ, послѣднее сообщеніе едва-ли не самое вѣрное.

Въ хронографахъ нашихъ сохранился любопытный расказъ о путешествіи двухъ казачьихъ атамановъ Ивана Петрова и Бурнаша Булычева, посланныхъ въ 1567 году царемъ Иваномъ Васильевичемъ посмотрѣть земли за Сибирью. Они видѣли Монголію и Китай. См. Карамз. къ т. IX прим. 648 и «Изборникъ» Андр. Попова. 430—437. Но совершенно сходное съ симъ описаніе путешествія казака Петлина въ 1620 г. напечатано Спасскимъ въ «Собр. Историч. свѣдд. о Сибири». Карамзинъ полагаетъ, что это описаніе просто списано съ донесенія атамановъ Петрова и Булычева. Въ старыхъ рукописныхъ сборникахъ русскихъ встрѣчается еще сказаніе «о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ». Тутъ собственно передаются разные баснословные слухи и повѣрья о Сибирскихъ народцахъ. По поводу сего сказанія см. обстоятельное изслѣдованіе Д. Н. Анучина «Къ исторіи ознакомленія съ Сибирью до Ермака». (Древности Моск. Археол. Общ. Т. XIV. 1890 г).

69. Преданіе о суздальскомъ происхожденіи Ермака встрѣчается въ такъ называемой Черепановской лѣтописи, составленной ямщикомъ Черепановымъ въ Тобольскѣ въ XVIII вѣкѣ и хранившейся въ Академіи Наукъ. Оно приведено у Карамзина въ прим. 664 къ т. IX. О немъ и о лѣтописи Черепанова упоминаетъ Г. Спасскій въ предисловіи къ изданному имъ «Списку съ чертежа Сибирскія земли» по рукописному сборнику XVII вѣка. (Времен. О. И. и Др. кн. 3). Такъ какъ помянутое извѣстіе уже встрѣчается въ этомъ сборникѣ, слѣдовательно оно уже существовало въ XVII вѣкѣ. Карамзинъ отвергаетъ это извѣстіе какъ вымыселъ. Противъ него возражаютъ Небольсинъ («Покореніе Сибири». Спб. 1849) и Пуцилло («Къ вопросу, кто былъ Ермакъ Тимофеевичъ». Рус. Вѣст. 1881. Ноябрь). Проф. Никитскій въ своей «Замѣткѣ» объ имени Ермака (Ж. М. Н. Пр. 1882. Май), вслѣдъ за Карамзинымъ, извѣстіе Черепановской лѣтописи называетъ вымысломъ. Броневскій, неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ, называетъ Ермака уроженцемъ Качалинской станицы на Дону и говоритъ о назначеніи его на юговосточную пограничную службу, откуда онъ бѣжалъ и предпринялъ разбои по нижней Волгѣ и Каспійскому морю. («Исторія Донскаго войска». Т. I). Еще прежде Броневскаго въ прошломъ столѣтіи Ригельманъ въ своей «Исторіи о Донскихъ казакахъ» выводитъ Ермака «съ Дону», и также голословно (Чт. О. И. и Др. 1846. № 3). Во всякомъ случаѣ приведенные доселѣ въ извѣстность и наиболѣе досто-

вѣрные источники нигдѣ не указываютъ на связи Ермака съ Дономъ и не разъ къ его имени прибавляютъ прозваніе Повольскаго, а товарищей его называютъ Волскими атаманами и казаками. (Лѣтописи Савы Есипова и Строгановская. Такъ называемая «Неизвѣстная рукопись» въ приложеніи къ книгѣ Небольсина. Ремизовская, изданная Археогр. Коммиссіей въ 1880 г.). Точно также Волскими называетъ ихъ и царская грамота отъ 16 ноября 1582 года. (Дополн. къ Акт. Истор. I. 184). Правда, одинъ хронографъ конца XVII вѣка, называя Ермака «поволзскимъ атаманомъ», прибавляетъ: «сей убо Ермакъ не отъ славныхъ бысть, но отъ простой чади, вселися на Дону съ прочими своими сверстники и многіе пакости дѣяху по Волгѣ рѣкѣ». (Изборн. Андр. Попова 399). Но тутъ Донъ привлеченъ очевидно по собственной догадкѣ автора; такъ какъ весь его разсказъ о Ермакѣ представляетъ сокращеніе изъ Сибирскихъ лѣтописей. Что касается до имени Ермакъ, лѣтопись Черепанова объясняетъ его прозвищемъ, будто-бы означавшимъ или «дорожный артельный таганъ» или «жерновой ручной камень». Другіе лѣтописцы и историки производили его какъ полуимя, кто отъ Германа, кто отъ Еремея или Ермолая. Профессоръ Никитскій, въ указанной выше замѣткѣ своей, согласно съ мнѣніемъ Миллера, имя Ермакъ производитъ отъ Ермолая и ссылается на писцовыя Новгородскія книги, гдѣ это имя встрѣчается также въ уменьшительной формѣ Ермачко. Г. Буцинскій въ своемъ сочиненіи «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ» (Харьковъ. 1889) въ первомъ примѣч., вслѣдъ за Никитскимъ (не упоминая о немъ) также производитъ имя Ермакъ отъ Ермила, т. е. Ермолая, и приводитъ примѣры географич. названій, происшедшихъ отъ сего имени. Но справедливо отвергая мнѣніе Костомарова, будто Ермакъ въ качествѣ донского атамана находился въ московскомъ войскѣ подъ Могилевымъ въ 1581 году, самъ безъ достаточнаго основанія говоритъ, что Ермакъ «до похода въ Сибирь казаковалъ на Дону». Ссылка на челобитную одного казака, который говоритъ, что онъ до похода въ Сибирь «двадцать лѣтъ служилъ съ Ермакомъ въ полѣ»—нисколько не указываетъ на Донъ.

Въ Новочеркасскѣ недавно рѣшили воздвигнуть памятникъ Ермаку, какъ донскому казаку и покорителю Сибири. Въ виду этого предпріятія, считаю долгомъ указать на то обстоятельство, что историческій Ермакъ является казакомъ волжскимъ, а не донскимъ. Конечно, считая Донъ главною колыбелью и разсадникомъ вольнаго казачества въ Московскомъ государствѣ, можно привести Ермака въ нѣкоторую связь и съ Дономъ. Но пусть во всякомъ случаѣ предприниматели памятника знаютъ настоящее состояніе вопроса о происхожденіи Ермака. Не лишнимъ считаю прибавить, что и подлиннаго изображенія этого героя мы не имѣемъ, и что распространенный на Дону и въ Сибири такъ называемый портретъ его есть изображеніе какого то нѣмецкаго ландскнехта.

70. Изъ Сибирскихъ лѣтописей такъ-называемая Строгановская приписываетъ починъ казацкаго похода Строгановымъ; но другія лѣтописи, именно Есипова и Ремизова, выставляютъ его почти самостоятельнымъ

дѣломъ Ермака съ товарищами. Карамзинъ держался перваго взгляда. Небольсинъ старается опровергнуть этотъ взглядъ и подкрѣпить второй, отдавая рѣшительное предпочтеніе показаніямъ лѣтописи Есипова («Покореніе Сибири». Глава IV). Противъ него вооружился Соловьевъ и довольно подробно разобралъ аргументы Небольсина, отстаивая большую сравнительно степень древности и достовѣрности лѣтописи Строгановской. («Исторія Россіи». Т. VI. Дополненіе). При всей логичности и обстоятельности сего разбора, нельзя однако согласиться съ тѣмъ, что Ермакъ съ товарищами, предпринявъ покореніе Сибири, явился только послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Строгановыхъ. Соображая всѣ обстоятельства и всѣ извѣстія, мы полагаемъ, что сибирскій походъ былъ предпринятъ хотя съ одобренія и съ помощію Строгановыхъ, однако главный почипъ едва-ли не принадлежалъ самимъ казацкимъ атаманамъ, и въ особенности Ермаку Тимофеевичу.

Карамзинъ и послѣдующіе историки почти отвергаютъ показанія такъ называемой Ремизовой или Кунгурской лѣтописи, которая составлена въ концѣ XVII в. тобольскимъ боярскимъ сыномъ Ремизовымъ; тогда какъ Строгановскую они относятъ къ началу этого столѣтія, а Есиповскую къ первой его четверти. (Содержаніемъ своимъ обѣ эти лѣтописи близки другъ къ другу). Но въ концѣ Есиповской прямо указывается на происхожденіе основной Сибирской лѣтописи вообще: она составилась по почину перваго тобольскаго архіепископа Кипріана, занимавшаго сію каѳедру съ 1620 по 1624 г. То же говоритъ и Ремизова лѣтопись. Слѣдовательно, самое начало сибирскаго лѣтописанія относится не ранѣе какъ къ концу первой четверти XVII вѣка, а Строгановская и Есиповская возникли еще позднѣе. Миллеръ же въ своей «Сибирской исторіи» болѣе всего пользовался именно лѣтописью Ремизовскою, отличающеюся отъ названныхъ двухъ многими своими подробностями. Хотя эти подробности часто носятъ характеръ легендарный и обилуютъ чудесными видѣніями и знаменіями, однако совершенно отвергать показанія сей лѣтописи едва-ли справедливо. Черпая изъ мѣстныхъ преданій и легендъ, составитель ея, повидимому, имѣлъ подъ рукой нѣкоторыя записи или пользовался первоначальнымъ, т. е. Кипріановымъ, собраніемъ этихъ записей; на что (кромѣ обилія благочестивыхъ знаменій, предрекавшихъ водвореніе христіанства въ тѣхъ краяхъ) намекаетъ его болѣе подробная, чѣмъ въ другихъ, и болѣе точная хронологія, именно по отношенію къ числамъ и мѣсяцамъ (но не годамъ, которые у него иногда явно перепутаны). На эту черту Ремизовской лѣтописи указалъ Л. Н. Майковъ въ своемъ историко-хронологическомъ разсужденіи по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири (Жур. Мин. Нар. Просв. 1881. Сентябрь). Онъ сопоставляетъ Строгановскую лѣтопись съ Ремизовскою (Есиповскую же вслѣдъ за Карамзинымъ и Соловьевымъ считаетъ только «реторической передѣлкой» Строгановской), беретъ исходнымъ пунктомъ царскую грамоту отъ 16 ноября 1582 года и приходитъ къ такому выводу: походъ былъ предпринятъ 1 сентября 1581 года; городъ Сибирь занятъ 26 октября 1581 года, а Кольцо прибылъ въ Москву въ концѣ января 1583 года. Остановимъ вниманіе на этихъ датахъ, особенно на второй.

Кунгурская или Ремизовская лѣтопись мѣстами представляетъ ходъ событій болѣе естественнымъ или вѣроятнымъ, чѣмъ Строгановская; а именно, первая говоритъ о зимовкахъ, тогда какъ послѣдняя ихъ опускаетъ. Такъ по Строгановской лѣтописи выходитъ, что казаки, предпринявъ походъ въ сентябрѣ 1581 года вверхъ по Чусовой, въ октябрѣ этого года вошли въ Иртышъ и 26 октября взяли городъ Сибирь. Есть ли хотя какая-либо вѣроятность, чтобы приблизительно въ полтора мѣсяца они проплыли все это пространство, да еще переволоклись въ то же время черезъ Уральскій хребетъ? Подобная скорость невозможна была бы и въ наше время для мирнаго рѣчного путешествія (конечно, безъ паровой силы); а для военнаго похода, когда нужно было подвигаться впередъ ощупью, борясь и со всякою нуждою, и съ природою (въ видѣ волоковъ, пороговъ, мелей и т. п.), и съ туземными племенами, когда, переваливъ за Уральскій хребетъ, приходилось вновь строить и снаряжать себѣ струги—эта быстрота немыслима. (Съ какими затрудненіями сопряжено плаваніе по одной только Чусовой и притомъ не вверхъ, а внизъ по рѣкѣ, даетъ понятіе «Поѣздка на рѣку Чусовую» Е. Янишевскаго. Пермь. 1886). Такой невѣроятный фактъ безъ всякой критики принимался Карамзинымъ, Соловьевымъ и другими, касавшимися перваго завоеванія Сибири, въ томъ числѣ и Небольсинымъ, повидимому, столь критически относившимся къ Строгановской лѣтописи! Нѣтъ, показанія Ремизовской лѣтописи, что казаки зазимовали гдѣ-то около Уральскаго волока, потомъ все слѣдующее лѣто провели въ походѣ по сибирскимъ рѣкамъ, и только къ осени достигли Иртыша—это показаніе гораздо достовѣрнѣе. Невѣроятно также, чтобы, занявъ городъ Сибирь, они цѣлый годъ медлили посылкою извѣстія о своемъ подвигѣ къ Строгановымъ и въ Москву. Занявъ Сибирь въ октябрѣ 1582 года, они, конечно, вскорѣ затѣмъ отправили вѣсти, и тѣмъ болѣе, что очень нуждались въ подмогѣ для удержанія завоеваннаго. Тогда понятна намъ царская грамота съ укоромъ Строгановымъ, отъ 16 ноября 1582 года. (Она приведена въ Строгановской лѣтописи и перепечатана въ Дополн. къ Акт. Ист. I. № 128). Конечно, въ это время въ Москвѣ еще не могли быть получены вѣсти о завоеваніи Сибири. Что касается донесенія Пелепелицына о нападеніи Пелымскаго князя и самовольномъ отпускѣ казаковъ въ Сибирь Строгановыми, и это донесеніе принималось безъ достаточной критики. Напримѣръ, на его основаніи полагали, что Пелымскій князь пришелъ на Пермь въ тотъ же день, въ который Ермакъ выступилъ въ походъ, т. е. 1 сентября 1581 года. Но можно ли какимъ-либо однимъ числомъ опредѣлить нашествіе толпы дикарей на пустынный, обширный край? Выраженіе грамоты «въ тотъ же день» никакъ нельзя принимать буквально. Видно только, что нашествіе Вогуловъ случилось приблизительно одновременно съ сибирскимъ походомъ Ермака. Еще за годъ до этой грамоты, именно отъ 6 ноября 1581 года, изъ Москвы послано въ Пермь распоряженіе воеводѣ Пелепелицыну о сборѣ ратныхъ людей съ пермскихъ волостей и Соли Камской, человѣкъ 200, которые должны помогать острожкамъ Семена и Максима Строгановыхъ, а эти въ свою

очередь должны помогать пермскимъ и усольскимъ мѣстамъ, въ случаѣ нападенія Вогуловъ. Никитѣ Строганову велѣно помогать своимъ родственникамъ, такъ какъ Семенъ и Максимъ приносили на него жалобу. (Дополн. къ Акт. Ист. I. № 126). Эту грамоту тоже связываютъ съ нападеніемъ Пелымскаго князя; но едвали справедливо. Вѣроятно, здѣсь имѣется въ виду предыдущее нападеніе мурзы Бегбелія.

Что касается времени, когда казацкое посольство прибыло въ Москву, если пріурочивать его къ январю 1583 года (собственно 1582 г.; ибо мы имѣемъ дѣло еще съ сентябрьскимъ, а не январскимъ годомъ), то выходитъ противорѣчіе съ плѣномъ Магметкула, о которомъ будто-бы доноситъ царю посольство, но который случился уже весною, т. е. не ранѣе марта. Возможно однако и даже вѣроятно, что извѣстіе объ этомъ плѣнѣ невѣрно связано съ посольствомъ Ивана Кольцо. Едва-ли для посылки извѣстія о взятіи Сибири казацкіе атаманы дожидались, пока они возьмутъ и Магметкула. Его взяли въ плѣнъ, можетъ быть во время пребыванія Кольца въ Москвѣ, и особый гонецъ привезъ о немъ извѣстіе. Посольство казацкое, конечно, прогостило въ Москвѣ не одну недѣлю и даже не одинъ мѣсяцъ. Притомъ, если бы Магметкулъ былъ взятъ до отъѣзда Кольца изъ Сибири, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что торжественное казацкое посольство привезло бы не извѣстіе о его плѣнѣ, а его самого.

Царская грамота Строгановымъ относительно отправки Болховскаго и Глухова съ ратными людьми и приготовленія имъ струговъ къ весеннему походу въ Сибирскую землю напечатана въ «Сибирской исторіи» Миллера (стр. 170—171) и помѣчена 7-мъ января 7092 года (1584), слѣдовательно, незадолго до кончины Ивана IV. Съ этою датою не согласуется извѣстіе Строгановской лѣтописи, по которой посылка Болховскаго и Глухова состоялась «во второе лѣто по взятіи Сибирскія земли», слѣдовательно, въ 1583 году. Грамота предписываетъ отправить ратныхъ людей на стругахъ весною по половодью, а лѣтопись говоритъ, что они прибыли зимою или къ зимѣ. Подобное противорѣчіе, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, намъ кажется, можно примирить только такимъ образомъ: московскіе ратные люди отправились въ походъ весною 1583 года, а осенью, т. е. уже въ 1584 году, достигли береговъ Иртыша. Можетъ быть, помянутая царская грамота ошибочно помѣчена у Миллера 7092 годомъ вмѣсто 7091.

71. Сибирскія лѣтописи: Строгановская, Есиповская (изданныя Григоріемъ Спасскимъ въ журналѣ «Сибирскій Вѣстникъ», 1824 г. и перепечатанныя въ приложеніяхъ у Небольсина), Ремизовская или Кунгурская (изданная Археограф. коммиссіей съ рисунками. Спб. 1880 г.) и Новый лѣтописецъ (изданъ въ VIII части Никонов. Лѣтоп., и отдѣльно кн. Оболенскимъ во Временникѣ О. И. и Др. XVII. М. 1853 г.). Ремизовская баснословитъ и о томъ, что одинъ татаринъ-рыболовъ вытащилъ тѣло Ермака, котораго узнали по двумъ царскимъ панцырямъ, будто бы на него надѣтымъ; что татарскіе князья и мурзы раздѣлили между собою его доспѣхи и оружіе; что туземцы стали ему поклоняться, какъ нѣкоему божеству и пр.

72. Сибирскія лѣтописи. Миллера «Сибирская исторія». Льготная грамота 1586 г. Вымской земли князю Лугую въ С. Г. Г. и Д. II. № 54. Другая подобная льготная грамота остякскому князю Игичею Алачееву и

брату его Онжѣ Юрьеву въ 1594 г. Ibid. № 63. Что Сейдякъ былъ взятъ въ плѣнъ во время битвы, о томъ говоритъ такъ наз. Строганов. лѣт.; а что онъ былъ взятъ помощію хитрости Чулкова, повѣствуетъ Есиповская. О киргизскомъ царевичѣ, потомъ касимовскомъ ханѣ Уразъ Мухаммедѣ см. у Вельяминова-Зернова «О касим. цар. и царевич.» II. съ 97 страницы. По другимъ источникамъ этотъ царевичъ не былъ взятъ, а самъ выѣхалъ въ Москву и вступилъ въ государеву службу. (Ibid. стр. 102.). О сношеніяхъ Москов. правительства и сибирскихъ воеводъ съ сибирскими мурзами и самимъ Кучумомъ въ С. Г. Г. и Д. II. №№ 64—68. Послѣдняя борьба съ Кучумомъ см. Акты Истор. II. №№ 1—23. Никонов .VIII. 38. Лѣтопись Ремизова. О пріѣздѣ въ Москву Кучумова семейства въ Арх. М. И. Д. (Карамз. къ Т. XI. примѣч. 34). Миллера «Сибирская Исторія».

73. Акты Истор. I. №№ 26—52, 345 и 346. «Записки, къ Сибирской исторіи служащія» въ Др. Р. Вивл. Ч. III. О построеніи городовъ и острожковъ, а также о русской колонизаціи подробности и относящіеся сюда архивные акты см. у Миллера «Сибирская Исторія». стр. 226 и далѣе. Между прочимъ любопытны сообщенныя имъ свѣдѣнія и акты объ основаніи города Пелыма и мѣрахъ противъ непокорнаго пелымскаго князька Аблегирима, котораго потомки являются потомъ тобольскими дворянами. Далѣе любопытны подробности, наказы воеводамъ и другіе акты, относящіеся къ построенію города Тары и мѣрамъ противъ Кучума. Начиная съ 261 стр. Въ примѣръ обстоятельныхъ мѣстныхъ свѣдѣній и заботъ московскаго правительства о томъ, чтобы никто не избѣжалъ царскаго ясака, приведемъ изъ одной грамоты роспись татарскихъ волостей съ именами ихъ князей и старшинъ и количествомъ населенія — волостей, расположенныхъ по Иртышу вверхъ отъ Тобольска (стр. 272):

«А отъ Тобольскаго города пошли волости вверхъ по Иртышу въ верхнюю землю къ тому къ новому городу ко Яломъ, гдѣ поставленъ будетъ городъ Государевъ на Таръ рѣкѣ. Волость Курдакъ, а въ ней князь Канкулъ, а въ ней 350 человѣкъ; по Иртышу ѣзды отъ Тобольскаго города 4 дня. Волость Соргачъ, а въ ней князъ Янбышъ, а людей въ ней 80 человѣкъ, отъ Тобольскаго 8 днищъ. Волость Отузъ, а людей въ ней 15 человѣкъ, ходу до нее 2 днища. Волость Таву, а въ ней лутчей человѣкъ Ангильдей, а людей у него 10 человѣкъ, ходу до той волости 2 днища. Волость Урусъ, а людей въ ней 6 человѣкъ. Волость Такузъ, а въ ней лутчей человѣкъ Баншенъ, а въ ней 3 человѣка. Волость Супра. Волость Аялы, а въ ней ясаулъ Мамыкъ, а другой Ямгильдей, а людей у нихъ 500 человѣкъ. А отъ Тобольскова города до той волости въ судѣхъ вверхъ Иртышомъ ходу 15 днищъ. А ясакъ съ тѣхъ волостей даютъ половину на Государя, а другую половину даютъ царю Кучуму, блюдяся отъ него войны. И только въ той волости въ Ялахъ станетъ городъ Государевъ, ино съ тѣхъ волостей ясакъ учнетъ сходиться сполна. И Мерзлой городокъ, и Турашъ, и Кирпики, и Малогородцы, что нынѣ за нагайскимъ мурзою за Алѣемъ, всѣ будутъ къ тому городу, а мочно изъ того изъ новаго города полемъ и въ Пѣгую орду (Калмыцкую) по ясакъ посылать, и посылки конныя и пѣшія для войны. А которые будутъ во-

лости и городки есть, и туто ненаписаны, а про тѣхъ сыскать, и съ нихъ ясакъ имати, а объ нихъ объ новыхъ ко Государю отписать».

О количествѣ пушной дани, наложенной на Сибирь, говорится въ Польскихъ дѣлахъ Архива М. Ин. Д. (Карамзинъ. къ Т. X. прим. 44).

74. О каменномъ кремлевскомъ дворцѣ см. Забѣлина «Домашній бытъ Рус. царей». М. 1862. Глава I. Его же «Теремный Дворецъ» въ Памятникахъ древн. рус. зодчеств., изд. Рихтеромъ (стр. 20—32). См. также изслѣдованіе В. Е. Румянцева «Видъ Москов. Кремля въ самомъ началѣ XVII вѣка», объясняющее наиболѣе древній достовѣрный планъ Кремля временъ царя Годунова, приложеніе къ Амстердамск изданію Географіи Бловія. (Древности. Моск. Археолог. Общ. Т. XI, вып. II. М. 1886 г.). Записка о царскомъ дворѣ и Роспись царскимъ кушаньямъ, 1610 и 1613 гг. Акты Истор. Т. II. №№. 355 и 356. Образцы и описаніе древней царской утвари, одеждъ и пр. см. «Древности Россійскаго Государства». Отдѣленія II и IV. См. также Викторова «Описаніе книгъ и бумагъ Дворц. приказовъ». Вып. I. М. 1877. №№ 1 и 2, гдѣ описана царская казна конца XVI вѣка.

Относительно собственно теоретическаго развитія Московскаго самодержавія см. любопытное изслѣдованіе М. Дьяконова «Власть Московскихъ Государей» Спб. 1889. О придворныхъ московскихъ чинахъ проф. Сергѣевича «Русск. юридич. древн.». Т. I. Спб., 1890. Кн. 2-я. Гл. 3-я. О наплывѣ удѣльныхъ княжескихъ фамилій въ Москву со второй половины XV вѣка и княжеской окраскѣ Московской боярской аристократіи у проф. Ключевскаго «Боярская Дума», преимущ. гл. IX. О происхожденіи думныхъ дворянъ изъ боярскихъ дѣтей «въ думѣ живущихъ» замѣтилъ впервые Соловьевъ. Т. VI. 36. 83; примѣч. 12 и 36, со ссылками на Акты Зап. Рос. II. 252 и 280 и на Дѣла Польскія №. 3. Къ Т. VII примѣч. 16. ссылка на №. 14, гдѣ при пріемѣ Баторіевыхъ пословъ уже упоминаются думные дворяне. «Въ спискѣ членовъ боярской думы думные дворяне появляются уже во второй половинѣ XVI вѣка, съ 1572 года». (Ключев. Боярск. Дума. 282). Въ Сборн. Им. Рус. Ист. Общ. Т. LIII. стр. 40 упоминается въ 1517 году боярскій сынъ, «который у Государя въ Думѣ живетъ». Легенду о происхожденіи московскихъ государей отъ Пруса, римскаго выходца, облюбовалъ уже Василій III, какъ это видно изъ Герберштейна (его нѣмецкій переводъ, изданный въ Вѣнѣ въ 1557 году). Грамоту Ивана Грознаго къ Сигизмунду Августу со ссылкой на происхожденіе отъ Кесаря Августа см. въ Сборникѣ Рус. Ист. Общ. Т. LIX. Что Грозный хвасталъ своимъ нѣмецкимъ, а не русскимъ происхожденіемъ, о томъ говоритъ Флетчеръ въ гл. V. По всей вѣроятности эта легенда появилась вслѣдствіе соревнованія съ подобной же легендой о происхожденіи Литовскихъ князей, а слѣдовательно и Ягеллоновъ, отъ римскаго выходца Полемона, относимаго также ко временамъ Августа. Сія послѣдняя легенда съ особою наглядностью около того времени выступила въ западнорусской хроникѣ, извѣстной подъ именемъ Быховца. Любопытныя пре-

реканія изъ-за царскаго титула Московск. правительства съ Польско-Литовскимъ см. въ Сборн. Рус. Ист. Общ. Т. LIX. Первую ссылку Ивана IV на родство своихъ предковъ съ Августомъ Кесаремъ въ оффиціал. грамотѣ см. Литов. Метр. I. стр. 127. Боярскія фамиліи «выѣзжія изъ Прусъ» Н. П. Петровъ въ своей «Исторіи родовъ Русскаго дворянства» (Спб. 1886 г. Т. I. стр. 3—7) пытается произвести изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица; оттуда же, отъ новгородца Ратши, современника Александру Невскому, онъ выводитъ и фамилію Романовыхъ, но не совсѣмъ убѣдительно. Дѣльную рецензію на эту книгу представилъ А. П. Барсуковъ подъ заглавіемъ «Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія». Спб. 1887. Между прочимъ, оспаривая мнѣніе г. Петрова о новогородскомъ же, а не иноземномъ происхожденіи Бестужевыхъ-Рюминыхъ, г. Барсуковъ ссылается на жалованную грамоту Ивана III, отъ 1469 года. Въ подлинности этой грамоты сомнѣвается Д. Ѳ. Кобеко («О разработкѣ генеалогическихъ данныхъ въ смыслѣ пособія для русской Археологіи» Спб. 1887 г.). Къ его мнѣнію присоединяется и Н. П. Лихачевъ «Разрядные дьяки XVI вѣка». Спб. 1888 г. стр. 430. На подражаніе бояръ Ивану Грозному относительно вывода своихъ предковъ «изъ Прусъ» указалъ тотъ же Д. Ѳ. Кобеко («Дополнительная замѣтка къ статьѣ о разработкѣ генеалогическихъ данныхъ» въ Запискахъ Им. Арх. Общ. Т. III. Спб. 1887.). Но этихъ боярскихъ выѣздовъ изъ Прусъ еще нѣтъ въ Государевомъ Родословцѣ, хранившемся въ Разрядномъ Приказѣ и составленномъ въ 1555 году (Лихачева «Разрядные Дьяки». 414 стр.); слѣдовательно легенды о нихъ начали слагаться во второй половинѣ XVI вѣка. Благодаря возобладавшей съ того времени тенденціи выводить свой родъ отъ иноземныхъ выходцевъ, получился весьма странный выводъ: изъ числа болѣе чѣмъ 900 нашихъ дворянскихъ родовъ только 90 фамилій, т. е. около 10%, могутъ быть отнесены къ русскому происхожденію. См. Загоскина «Очеркъ организаціи и происхожденія служилаго сословія». Очеркъ третій. Казань. 1876. Д. И. Языкова «Дѣти Боярскія» и «Дьяки». (Труды Академіи Ч. IV. Спб. 1841.). Любопытны приведенные имъ примѣры того, что казаки иногда жаловались званіемъ дѣтей боярскихъ.

Въ прекрасномъ изданіи А. Сапунова «Витебская Старина» Т. IV., помѣщена Разрядная книга Полоцкаго похода Ивана IV, 1563 года, гдѣ находимъ слѣдующіе чины входившіе въ составъ царскаго полка: «стольники, и стряпчіе и жильцы, дворяне выборные, князи служилые, съ Москвы дворовые, Коломничи дворовые и городовые» и т. д. (стр. 27 и 33).

Важнѣйшія разсужденія относительно историческаго значенія и развитія мѣстничества см.: Русск. Историч. Сборн. О. И. и Др. Т. II и V. (Дѣла по мѣстничеству, собранныя Ивановымъ), Т. III. (Двѣ статьи Погодина), Симбирскій Сборникъ. Т. I. М. 1844 г. (обширное предисловіе, принадлежащее Д. Валуеву), Московскій Сборникъ. М. 1847. (статья Соловьева) и обстоятельное изслѣдованіе А. И. Маркевича «О мѣстничествѣ». Ч. I. Кіевъ. 1879. Его же «Исторія Мѣстничества». Одесса 1888. Тутъ въ предисловіи авторъ добро-

совѣстно сознается: «чѣмъ больше мы изучали этотъ вопросъ, тѣмъ намъ становилось яснѣе, что мы имѣемъ дѣло съ формами извѣстнаго старшинства, которыя хотя и интересны, но имѣютъ весьма немного историческаго значенія». Въ приложеніяхъ къ этому труду помѣщено любопытное дѣло князя Василія Юрьевича Голицына съ княземъ Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ 1579 г. Ноября 8. (Перепечатано изъ помянутаго собранія Иванова и снабжено примѣчаніями). Это дѣло въ особенности даетъ наглядное понятіе какъ о родословныхъ счетахъ, основанныхъ на степеняхъ родства, служебныхъ назначеніяхъ и пр., такъ и о самомъ процессѣ мѣстничества.

Указы Ивана IV 1551 и 1580 гг. въ А. А. Э. Т. I. №№ 227 и 308. Указъ его же о случаяхъ отобранія княжескихъ вотчинъ на Государя въ Актахъ Ист. I. №. 154. XVIII. Запрещеніе отказывать вотчины по душѣ въ большіе монастыри, «что бы въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила» Ibid. XIX. Указъ 1550 года объ испомѣщеніи тысячи боярскихъ дѣтей въ Др. Р. Вивл. VIII, въ А. А. Эк. Т. I. №. 215 и во Времен. Об. И. и Др. Кн. 20. Смѣсь. Тутъ приложенъ и списокъ испомѣщенныхъ служилыхъ людей или такъ наз. Тысячная книга. Упорядоченіе военной службы въ связи съ помѣстной системой см. Никонов. Л. подъ 1556 г. Доп. къ Ак. Ист. Т. I. №. 52. Нѣкоторые изслѣдователи юристы (напр. проф. Загоскинъ въ названномъ выше сочиненіи) преувеличиваютъ значеніе помѣстной системы въ томъ отношеніи, будто раздача помѣстій (и вотчинъ) имѣла въ виду именно установить обязательную военную службу. Въ дѣйствительности военно-служилое сословіе, какъ таковое сословіе, образовалось исторически, независимо отъ раздачи вотчинъ и помѣстій, которыя являются только главнымъ видомъ вознагражденія за службу, а не на оборотъ, т. е. не главною причиною самой службы. «Служба, и первоначально только военная, была причиною и основаніемъ раздачи помѣстій» — справедливо замѣтилъ Лакьеръ въ своемъ сочиненіи «О вотчинахъ и помѣстьяхъ». Спб. 1848. Нѣкоторые документы XVI в. о верстаніи дѣтей боярскихъ, особенно новиковъ, денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и о распредѣленіи служебномъ см. «Акты Московск. Государства». Изд. подъ редакціей Н. А. Попова, Т. I. Разрядный приказъ. Москов. Столъ. Спб. 1890. №№. 17, 18, 30, 33, 35, 39, 40—44.

75. Источники: Судебникъ Ивана IV и Дополнит. къ нему указы въ Актахъ Ист. I. №№. 153 и 154. «Судебникъ» Изд. 2-е. Спб. 1786 (т. е. преимущественно Татищевской редакціи, а не первое или Башиловское 1768 г.). С. Г. и Д. I. №. 202 (объ отмѣнѣ тархановъ). Акты Ист. I. № 221 (указы 1597 года о крѣпостныхъ холопахъ и бѣглыхъ крестьянахъ). Акты Ар. Эксп. II. №№. 20, 23 и 24 (память окольничему Морозову о выходахъ крестьянскихъ, 1601 года; грамота новгородскому воеводѣ князю Буйносову Ростовскому о томъ же, и память новгородскимъ пятиконецкимъ старостамъ о томъ же, 1602 года). Акты Арх. Эксп. II. №. 40. (Боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ, 1606 года). Указъ о томъ же 1607 года у Татищева.

Пособія. Бѣляева — «Крестьяне на Руси». Спб. 1860. Его же «Законы и акты, установляющіе въ древней Руси крѣпостное состояніе».

(Архивъ—Калачова). Погодина «Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права». Рус. Бесѣда. 1858 г. кн. IV. Тутъ Погодинъ отвѣчаетъ отрицательно на заданный себѣ вопросъ и полагаетъ, что крѣпостное право возникло постепенно, само собой, изъ историческихъ обстоятельствъ. На это разсужденіе см. критику Костомарова въ Архивѣ Калачова. Отвѣтъ Погодина Костомарову и «Два слова» Костомарова Погодину. Ibid. Порошина — «Споръ ученыхъ о крѣпостномъ правѣ». Ibid. Энгельмана Die Leibeigenschaft in Russland. Dorpat. 1884. По его мнѣнію указъ 1597 года о давности и есть искомый указъ о прикрѣпленіи крестьянъ. По поводу этой книги любопытно разсужденіе проф. Ключевскаго «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи». (Рус. Мысль. 1885. Августъ и Октябрь). Онъ развиваетъ главнымъ образомъ приведенное выше положеніе, высказанное Погодинымъ. Владимирскій Будановъ въ своемъ «Обзорѣ Исторіи Рус. права» (Кіевъ 1886) также высказываетъ мнѣніе, что къ концу XVI вѣка «перехода уже не было, а былъ лишь вывозъ крестьянъ», что Борисомъ Годуновымъ «общаго закона о прикрѣпленіи дано не было», что таковой законъ есть XI глава Уложенія Царя Алек. Мих. (Вып. I стр. 117—119). Противъ такой постановки вопроса возражаетъ проф. Сергѣевичъ. См. нѣкоторыя справедливыя его замѣтки о названномъ разсужденіи проф. Ключевскаго («Русскія Юридическія древности». Т. I. Спб. 1890. стр. 258—262).

Татищевъ въ своемъ изданіи Судебника Ивана IV и дополнительныхъ къ нему указовъ, приведя боярскій приговоръ 1597 года о пятилѣтней давности для сыска бѣглыхъ крестьянъ, насколько извѣстно, первый вывелъ отсюда заключеніе, что этому указу предшествовалъ другой, относящійся къ 1593 году и запрещавшій вообще крестьянскіе переходы. Его мнѣніе принялъ Карамзинъ, и съ того времени обыкновенно общее прикрѣпленіе крестьянъ относили къ 1592—93 гг. Того же мнѣнія держался и Соловьевъ (Т. VII. гл. IV.). Бѣляевъ какъ будто возражаетъ противъ этого мнѣнія и говоритъ, что изъ указа 1597 года еще не вытекаетъ существованіе указа 1592 года. «Впрочемъ — прибавляетъ онъ — должно согласиться, что прикрѣпленіе послѣдовало не ранѣе 1590 года, ибо въ одной уставной грамотѣ этого года признается еще вольный переходъ крестьянъ на прежнихъ основаніяхъ». (Крестьяне на Руси. Стр. 106). А во второмъ своемъ трудѣ (Законы и акты о крѣп. сост. Стр. 90), прямо говоритъ: «Указъ о прикрѣпленіи крестьянъ, по всему вѣроятію, былъ изданъ между 1590 и 1592 годами». Но уже Сперанскій въ своемъ «Историч. Обозрѣніи измѣненія въ правѣ поземельной собственности и въ состояніи крестьянъ» (издан. въ Архивѣ Калачова) прямо объясняетъ указъ 1597 года потребностью правительства положить предѣлы многочисленнымъ и безконечнымъ искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ, для чего и былъ назначенъ теперь пятилѣтній срокъ. (стр. 35). Погодинъ въ названномъ выше разсужденіи по справедливости ссылается на это объясненіе Сперанскаго. Онъ ссылается также на изслѣдованіе К. Аксакова (въ Рус. Бесѣдѣ за 1858 г. кн. III), гдѣ послѣдній доказывалъ существованіе крестьянскаго перехода и послѣ закрѣпленія не только de facto, но и de jure. Возражая имъ, Костомаровъ настаиваетъ на томъ, что

въ 1592 году «что то произошло» въ смыслѣ закрѣпленія крестьянъ. Важною опорою для себя онъ и другіе сторонники того же мнѣнія считали указъ царя Василія Шуйскаго 1607 года, приводимый Татищевымъ.

Указъ сей дѣйствительно весьма любопытенъ. Онъ начинается слѣдующимъ введеніемъ: «лѣта 7115 (1607) марта въ 9 день царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Русіи съ отцомъ своимъ святѣйшимъ Гермогеномъ патріархомъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со своимъ царскимъ сигклитомъ, слушавъ доклады Помѣстной избы отъ бояръ и дьяковъ, что переходомъ крестьянъ причинилися великія крамолы, ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ, чего де при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ не было, потому что крестьяне выходъ имѣли вольный; а царь Ѳедоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣйшихъ бояръ, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, книги учинилъ, и послѣ того началися многія вражды, крамолы и тяжи. Царь Борисъ Ѳедоровичъ, видя въ народѣ волненіе веліе, тѣ книги оставилъ и переходъ крестьянамъ далъ, да не совсѣмъ, что судьи не знали, какъ потому суды вершити, инымъ великія въ томъ учинились распри и насилія и многимъ разоренія и убивства смертныя, и многіе разбои и по путемъ грабленія содѣяшеся и содѣваются. Сего ради приговорили есмя и уложили по святымъ великимъ соборамъ и по правиламъ святыхъ отецъ. Которые крестьяне отъ сего числа предъ симъ за 15 лѣтъ въ книгахъ 101 году положены и тѣмъ быть за тѣми, за кѣмъ писаны; а будетѣ крестьяне вышли за кого иного» и проч. Далѣе слѣдуютъ мѣры противъ бѣглыхъ и тѣхъ владѣльцевъ, которые ихъ держатъ. (Судебникъ». Изд. 2-е. 240—248).

Послѣдователи Татищевскаго мнѣнія ссылаются на помянутое введеніе къ указу 1607 года, гдѣ Борисъ Годуновъ прямо называется виновникомъ запрещенія переходовъ, а пятнадцатилѣтній срокъ для возврата бѣглымъ какъ разъ падаетъ на 1593 или приблизительно на 1592 годъ. Уже Карамзинъ заподозрилъ подлинность указа 1607 года, называя его «сомнительнымъ по слогу и выраженіямъ необыкновеннымъ въ бумагѣ того времени» (къ Т. X. прим. 349). Бѣляевъ (стр. 111—112) пошелъ еще далѣе и отвергаетъ этотъ указъ, говоря, что «онъ сочиненъ кѣмъ то въ началѣ XVIII столѣтія и прямо по указамъ Петра I», такъ какъ въ немъ встрѣчаются мѣста тождественныя съ послѣдними. Погодинъ тоже считаетъ этотъ указъ подложнымъ на основаніи заключающихся въ немъ противорѣчій; напримѣръ, онъ начинаетъ съ того, что порицаетъ прикрѣпленіе крестьянъ Ѳедоромъ Ивановичемъ, произведенное яко бы «по наговору Бориса Годунова», а затѣмъ предписываетъ еще болѣе строгія мѣры для ихъ укрѣпленія. Костомаровъ не видитъ въ указѣ 1607 года необъяснимаго противорѣчія, такъ какъ онъ «состоитъ изъ двухъ частей: доклада и постановленія»; докладъ относится не благосклонно къ Борису Годунову, а постановленіе повторяетъ его мѣры. Профессоръ Ключевскій, защищая подлинность этого указа, принимаетъ мнѣніе Костомарова и прибавляетъ, что предшествующій указу приказный докладъ Татищевъ изложилъ въ сокращеніи *своими словами*; отсюда необычныя для XVI вѣка обороты рѣчи и другія странности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Клю-

чевскій даетъ слѣдующее весьма вѣроятное объясненіе: «Указъ 1607 г., устанавливая 15-лѣтнюю давность для иска о бѣглыхъ, прямо принимаетъ за основаніе для рѣшенія такихъ дѣлъ писцовыя книги 1592—8 (7101 сентябрьскаго) года. Надобно думать, что въ этомъ году закончено было составленіе писцовыхъ книгъ, если не по всѣмъ уѣздамъ государства, то по большей ихъ части». Впрочемъ еще Сперанскій въ помянутомъ выше его «Обозрѣніи» относительно пятилѣтняго срока по указу 1597 г. замѣтилъ: «Къ постановленію сего срока принято было то основаніемъ, что въ 1593 году учреждены были переписныя книги». По моему крайнему разумѣнію, правы тѣ, которые отрицали существованіе предполагавшагося указа 1592 года о закрѣпленіи крестьянъ; но правъ отчасти и Костомаровъ, доказывавшій, что въ этомъ году «что то произошло». Это «что то», какъ оказывается, было составленіе данныхъ писцовыхъ книгъ, которому соотвѣтствуютъ и пятилѣтняя давность указа 1597 года, и пятнадцатилѣтняя закона 1607 года, и тѣмъ болѣе, что сей послѣдній прямо ссылается на книги 7101 года.

Что же касается до введенія къ указу 1607 года или до приказнаго доклада, то съ своей стороны укажемъ на заключающіяся въ немъ такія положенія, которыя историческими фактами не подтверждаются: эти невѣрности могли быть сдѣланы уже самими составителями его дьяками (подъ вліяніемъ возобладавшихъ тогда нареканій на память Годунова), а потомъ еще болѣе усилены въ вольной передачѣ Татищева. Во-первыхъ, будто при Иванѣ IV «крестьяне выходъ имѣли вольный» и потому не причинялись «ябеды и насилія немощнымъ отъ сильныхъ». Дошедшіе до насъ акты напротивъ свидѣтельствуютъ о тѣхъ строгостяхъ и стѣсненіяхъ, которымъ подвергался тогда переходъ, и о тѣхъ насиліяхъ, которыя при семъ нерѣдко терпѣли крестьяне. Напримѣръ, вотъ что говоритъ царская грамота, посланная на Бѣлоозеро Михаилу Стромилову въ 1559 году: «Писалъ къ намъ Успенья Пречистыя Богородицы Кириллова монастыря игуменъ Ѳеоктистъ съ братьею о томъ; которые крестьяне въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ выходили изъ нашихъ изъ черныхъ волостей въ ихъ Кириллова монастыря села и деревни, и за князей, и за дѣтей боярскихъ не въ срокъ безъ отказу, и вы де, по нашему наказу, тѣхъ крестьянъ изъ ихъ Кириллова монастыря селъ и деревень изъ-за князей и изъ-за дѣтей боярскихъ выводите назадъ въ наши въ черныя волости на тѣже мѣста, гдѣ которой жилъ напередъ сего». (Рус. Ист. Библ. II. № 36. Спб. 1875 г.). Или вотъ жалоба, относящаяся къ 1556 году. «Билъ челомъ Ивановъ человѣкъ Володимерова сына Шатилова Ѳедко на Богдана на Кутузова, а сказываетъ: что деи отказалъ онъ изъ-за того Богдана крестьянина Васюка да сына Бутана за государя своего за Ивана, и Богданъ деи у него отказъ взялъ и пошлины пожилые всѣ поималъ, да послѣ деи того животы ихъ пограбилъ». (Дополн. къ Акт. Ист. I. № 51. XXIV. Тѣ же случаи приведены у Блюменфельда «О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи» стр. 233 и 237).

Во-вторыхъ, будто царь Ѳедоръ Ивановичъ выходъ крестьянамъ заказалъ, «по наговору Бориса Годунова, не слушая совѣта старѣй-

шихъ бояръ». Эти послѣднія слова—въ связи съ указаніемъ Татищева на то, что духовные и вельможи, имѣя много пустыхъ земель, перезывали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ владѣльцевъ (Судеб. стр. 224)—подали поводъ заключить, будто Годуновъ хлопоталъ о прикрѣпленіи крестьянъ главнымъ образомъ въ интересахъ мелкихъ помѣщиковъ, т. е. дѣтей боярскихъ, чтобы привлечь на свою сторону это военнослужилое сословіе. Особенно на такомъ заключеніи настаивалъ Соловьевъ. (Ист. Рос. т. VII. Гл. IV). Но оно не вполнѣ вѣрно. По всѣмъ признакамъ, сами бояре болѣе всѣхъ стремились къ прикрѣпленію крестьянъ, и для Годунова было важнѣе всего хлопотать о расположеніи къ себѣ сословія, стоявшаго во главѣ правительственнаго механизма. Указы его 1601 и 1602 года именно запрещаютъ выходы на земляхъ бояръ и вообще болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, а разрѣшаютъ ихъ на землѣ мелкихъ. И условіе, представленное боярами королевичу Владиславу, о запрещеніи крестьянскихъ выходовъ, ясно говоритъ, какое сословіе по преимуществу хлопотало о закрѣпленіи крестьянъ. Бояре имѣли въ виду не столько возможность перезывать къ себѣ рабочую силу отъ мелкихъ владѣльцевъ, сколько чувствовали потребность удержать уже жившее на ихъ земляхъ крестьянское населеніе: скорѣе они могли опасаться усилившагося крестьянскаго движенія на юго-восточныя окраины, а отчасти переходовъ на болѣе льготныя земли духовенства, снабженныя разными тарханами. Тѣ же бояре, пользуясь своею временною верховною властію, спѣшили подтвердить и законъ 1597 года о томъ, чтобы вольный слуга, прожившій полгода у господина, обращался въ крѣпостного холопа. (Акты А. Эк. II. № 165. Ак. Ист. II. № 85).

76. «Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года» (1500). Вторая половина. Помѣщена во Временникѣ Об. И. и Др. Кн. 11 и 12. Ей предпослано обширное введеніе секретаря Общества И. Д. Бѣляева, подъ заглавіемъ «О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ Государствѣ». Отличіе собственно писцовыхъ книгъ отъ переписныхъ окладныхъ или оброчныхъ онъ опредѣляетъ такимъ образомъ: «въ писцовыхъ книгахъ записывались и измѣрились всѣ земли извѣстнаго уѣзда, приносящія доходъ и неприносящія; въ переписныхъ же окладныхъ помѣщались только однѣ земли, приносящія доходъ, съ обозначеніемъ сего дохода». (75 стр.). Первая половина переписной оброчной книги Вотской пятины издана Археогр. коммиссіей. Спб. 1868. Тою же коммиссіей издана «Переписная оброчная книга Деревской пятины 1495 года». 2 тома. Спб. 1859—1862. «Писцовыя книги Ижорской земли» за 1618—1623 годы, заимствованныя изъ шведскихъ архивовъ, на шведскомъ языкѣ. Томъ I. Отдѣлъ I. Спб. 1859. Изданіе Археогр. Коммиссіи. Ижорская земля это почти та же Вотская пятина; писцовая ея книга по времени еще очень близка къ XVI вѣку и къ эпохѣ русскаго здѣсь владычества и составлена она при помощи русскихъ писцовыхъ книгъ, на что есть въ ней указаніе на стр. 45. Относительно Новогородской земли см. также Неволина «О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853. Тутъ въ «Приложеніяхъ» заключаются обширныя выписки изъ писцовыхъ книгъ по всѣмъ пятинамъ. Въ Актахъ Юридич. «Сотныя

и выписки изъ писцовыхъ книгъ» (бѣлозерскихъ и муромскихъ). Стр. 244 и слѣдущ. «Писцовыя Новгородскія книги 7090 и 7091 годовъ» (1582 и 1583), относящіяся къ Вотской пятинѣ. Съ предисловіемъ Бѣляева. Времен. кн. 6-я. «Писцовыя книги XVI вѣка». Часть первая. Отдѣлъ второй. Изданіе Географ. Общества подъ редакціей Н В. Калачова. Спб. 1877. Здѣсь заключаются уѣзды Ярославскій, Ростовскій, Тверской, Бѣлозерскій, Полоцкій, Вяземскій, Тульскій и нѣкоторые другіе.

Пособія по вопросу о крестьянской общинѣ: Бѣляева помянутое введеніе. Его же «Нѣсколько словъ о земледѣліи въ древней Россіи». Временникъ О. И. и Др. кн. 22. Его же извѣстная полемика съ проф. Чичеринымъ (см. примѣчаніе 40 ко второй части перваго тома моей Исторіи Россіи и прим. 81 ко второму ея тому). Вопросъ этотъ еще далеко невыясненъ окончательно. Изъ текста и прежнихъ примѣчаній видно, что мое личное мнѣніе примыкаетъ болѣе къ сторонникамъ исконной общины, чѣмъ къ ихъ противникамъ. Я раздѣляю главный выводъ, сдѣланный Градовскимъ: «Государство нашло общину готовою и воспользовалось ею». («Обществен. классы въ Россіи до Петра I» въ Ж. М. Н. Пр. 1868. Май. 425).

«Приправочная книга Рязанскаго уѣзда 7124 (1616) года» и «Приправочная книга по Московскому уѣзду 7094 (1586) года» во Временникѣ Об. И. и Др. кн. 13-я. Въ предисловіи къ этимъ книгамъ издатель ихъ Бѣляевъ объясняетъ, что «Приправочныя книги составлялись собственно для засвидѣтельствованій, на какихъ правахъ кто владѣетъ какимъ недвижимымъ имѣніемъ.» «Въ нихъ записывались только одни частныя имѣнія, т. е. вотчинныя, помѣстныя и церковныя, о земляхъ же черныхъ и дворцовыхъ вовсе не упоминалось». (Послѣднее не совсѣмъ точно, такъ какъ въ этихъ книгахъ иногда упоминаются розданныя въ помѣстья «прежде бывшія дворцовыя» земли). Далѣе Бѣляевъ на основаніи даннаго отрывка изъ Московской Приправочной книги (содержащаго описаніе только Горетовскаго стана) дѣлаетъ слѣдующіе любопытные выводы: 1, всѣ помѣстныя земли здѣсь состояли изъ земель, отобранныхъ Иваномъ IV у старыхъ бояръ и служилыхъ людей и пожалованныхъ новымъ людямъ; 2, еще большая часть этихъ отобранныхъ земель подъ видомъ порожнихъ и оброчныхъ оставлена въ непосредственномъ вѣдѣніи правительства; частію онѣ доставляли государю доходъ своими оброками, а частію составляли запасъ для новой раздачи служилымъ людямъ; 3, самое же большое количество частныхъ земель этого стана состояло въ монастырскомъ и вообще въ церковномъ владѣніи; что объясняется не одними добровольными пожертвованіями на поминъ души, но и, главнымъ образомъ, явною и тайною покупкою: угрожаемые секвестраціей и другими невзгодами, частные владѣльцы старались сбывать свои имѣнія продажею въ другія руки; а главными покупателями являлись большіе и богатые монастыри, которымъ не грозила секвестрація и другія опасности; причемъ совершалась иногда тайная продажа подъ видомъ отказа на поминъ души, на церковное строеніе и т. п. Эта уловка вѣроятно и была одною изъ причинъ указа 1576 года. Иванъ IV запретилъ пріобрѣтеніе поземельныхъ владѣній именно богатымъ монастырямъ, не подвергая та-

кому же стѣсненію монастыри бѣдные. А такъ какъ въ данной Приправочной книгѣ 1586 года изъ большого количества пахотной земли въ Горетовскомъ стану, состоявшей за монастырями и вообще церковной (9422 четвертей), совсѣмъ не упоминается о вновь пріобрѣтенныхъ участкахъ, то надобно полагать, что указъ царя Ивана Васильевича пока соблюдался строго.

Относительно оцѣнки натуральнаго оброка на деньги, любопытныя свѣдѣнія даетъ Переписн. книга. Вот. пятины, изданная во Временникѣ О. И. и Др., кн. 11 на стр. 2. Тутъ съ трехъ деревень Великаго князя, заключающихъ въ себѣ 4 двора съ 7 человѣками и шестью обжами земли, положено оброку: «денегъ пять гривенъ, а хлѣба положено по спомъ пять коробей ржи, пять коробей овса; а въ которомъ году не взяти оброку хлѣбнаго хлѣбомъ, и за хлѣбъ положено деньгами за коробью ржи десять денегъ, за коробью овса пять денегъ, и того за хлѣбъ деньгами пять гривенъ и пять денегъ. И всего оброку положено деньгами и за хлѣбъ десять гривенъ, пять денегъ, опричъ обежные дани. А намѣстнича корму, намѣстника Ладожскаго и съ тивуномъ и съ доводчикомъ—всего корму во весь годъ, на три праздника со шти обежъ, гривна и двѣнадцать денегъ».

Относительно городовъ, въ Писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, издан. Географ. Обществомъ, особенно любопытна опись города Тулы (1587—1589 гг.), къ сожалѣнію дошедшая до насъ съ пропусками и перебитыми листами. Описи самого кремля, его стѣнъ и башенъ недостаетъ. Есть только отрывокъ: «Ворота Одоевскіе, а на нихъ башня,а на башнѣ 3 пищали сороковыхъ на собакахъ, у двухъ ядро гривенка безъ чети, у третьей ядро полгривенки; да въ обходѣ на воротахъ пушка ядро каменное 2 гривенки, на собакѣ. Башня наугольная Спасская, а на ней 3 пищали сороковыхъ на собакахъ, ядро у всѣхъ гривенка безъ чети». При всякой пушкѣ и пищали тутъ умоминается приставленный къ ней пушкарь: Васька Степановъ, Левъ Демидовъ, Богдашко Даниловъ и пр. Далѣе, въ «городѣ», т. е. въ кремлѣ, описываются: Соборная церковь Архистратига Гавріила, деревянная «на каменное дѣло», при чемъ исчисляются главные въ ней образа и богослужебныя книги; потомъ теплая церковь Успенія Богородицы тоже деревянная; упоминаются Соборный протопопъ Дементій, два попа и одинъ дьяконъ. Перечисляются въ городѣ осадные дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ съ обозначеніемъ проживавшихъ въ нихъ дворниковъ, изъ которыхъ кто оказывается сапожникомъ, кто кожевникомъ, кто портнымъ, мясникомъ, плотникомъ, конюхомъ, пастухомъ и т. п. Есть въ числѣ дворниковъ «скоморохи», есть и «чорной старецъ иконникъ». А нѣкоторые дворы оставались совсѣмъ безъ дворниковъ. «И всего въ Тулѣ внутри города всякихъ осадныхъ дворовъ: дворъ намѣстничъ, да дворъ владыченъ, да 2 двора монастырскихъ, да дворъ протопоповъ, да 124 двора дворянъ и дѣтей боярскихъ, а въ нихъ 105 человѣкъ дворниковъ, да дворъ пустъ государевъ, да 6 мѣстъ дворовыхъ». Кромѣ семи осадныхъ дворовъ въ городѣ перечисляются «осадныя клѣти», или постройки, назначенныя на военное время для пушкарей, затинщиковъ, ямскихъ охотниковъ, стрѣльцовъ, черныхъ посадскихъ людей и посадскихъ священниковъ. Далѣе описывается Тульскій

посадъ. Въ немъ: монастырь Предотеченской въ Никитцкомъ концѣ, съ его двумя церквами и въ нихъ иконами, утварью, книгами, ризами, колоколами и пр. Тутъ на колокольнѣ теплой церкви Похвалы Богородицы упоминаются часы боевые. Къ монастырю примыкаетъ его слободка, въ которой живутъ крестьяне пашенные и торговые, всего 14 дворовъ, а людей въ нихъ всего 16 человѣкъ. Далѣе въ Никитскомъ концѣ, названномъ по церкви Никиты мученика, и въ другихъ частяхъ посада исчисляются опять осадные дворы дѣтей боярскихъ съ ихъ дворниками. Потомъ перечисляются торговые лавки, клѣти, онбары, пристѣнки, скамьи и шелаши. Предметы торговли: поставцы, ложки и прочая деревянная посуда, лапти, ножи, подошвы, сапоги, медъ, соль, солодъ, рыба, сельди, мясо, москотины, масло, мыло, крашенина, ремни, узды, горшки, серьги, ножи, образа («на промѣнъ»), колеса, кирпичи, горшки, ленъ, шубы, сермяги, овчины, желѣзо, хлѣбъ, колачи, пироги, квасъ. «Всего тяглыхъ лавокъ и клѣтей 262 да 32 онбара да 2 пристѣнца». «А оброку платить съ лавокъ въ Большомъ Приходѣ по 17 рублевъ и по 23 алтына и по 2 денги, да пошлинъ съ того оброку 29 алтынъ 3 деньги, съ рубля по 10 денегъ, а разводятъ торговые люди съ лавокъ оброкъ межъ собя сами, смотря по человѣку и по товару». Скамей торговыхъ всего 118, а шелашей «на площади противъ города» 13. Оброку платилось въ Большомъ Приходѣ со скамей и шелашей 3 руб. 31 алт., да пошлинъ съ того оброку 6 алт. полчетверти деньги, съ рубля 5 денегъ. Кромѣ черныхъ посадскихъ людей и крестьянъ въ числѣ торгующихъ упоминаются и служилые люди, какъ пушкари, затинщики, воротники, стрѣльцы и даже черкасы, т. е. малороссійскіе казаки. При нѣкоторыхъ церквахъ упоминаются келліи, въ которыхъ «живутъ нищіе, питаются о церкви Божіей». За тульскими пушкарями и затинщиками по этой описи числилось въ разныхъ пустошахъ пахатной доброй земли 253 чети, въ одномъ полѣ, а во всѣхъ трехъ поляхъ слѣдовательно болѣе 700 четей, болѣе 350 десятинъ. Упоминается тутъ и одно помѣстье въ 60 четей (въ трехъ поляхъ), которое прежде было «землей посадской»— указаніе на то, какъ правительство обрѣзывало земли городскихъ общинъ въ пользу служилыхъ людей. Упоминается въ концѣ Ямская слобода съ принадлежащими ей участками, пашенными и луговыми.

За тѣмъ любопытна въ тѣхъ же Писцовыхъ книгахъ опись города Коширы, преимущественно ея посада (1578 и 1579 гг.). Посадской земли въ Коширѣ насчитывается 765 четьи въ полѣ, а въ дву потомужъ (слѣд. всего 2295 четей или около 1150 десятинъ), и лугу 150 десятинъ, съ котораго добывалось сѣна слишкомъ 3000 копенъ. Далѣе въ этихъ книгахъ заслуживаютъ вниманія описи города Городенска на рѣкѣ Веневѣ «подъ засѣчнымъ лѣсомъ» и Епифановскаго острога на Дону (1571 и 1572 г.г. на стр. 1538 и 1588). Это образцы тѣхъ городовъ и остроговъ, которые обороняли наши украйны со стороны Крымцевъ; онѣ даютъ подробныя свѣдѣнія о характерѣ и размѣрахъ стѣнъ, башенъ, воротъ, о количествѣ и объемѣ наряду, т. е. пищалей и ядеръ, о надолбахъ и другихъ средствахъ укрѣпленія мѣстности. Кромѣ того любопыт-

на «Сотная (опись) на Муромскій посадъ» 1574 года. Она издана въ Актахъ Юридическихъ (стр. 247—251). Изъ этой описи видно, что Муромъ хотя и занималъ въ военномъ отношеніи положеніе довольно безопасное, однако находился въ упадкѣ сравнительно съ прежнимъ временемъ. «Въ Муромѣ на посадѣ, за городомъ, Государя Царя и Великаго князя дворъ противъ Николы Мокраго, а на немъ хоромы, горницы и повалуши и сѣни сгнили и развалились, а живутъ въ немъ дворники Ивашка Шевякъ неремественой человѣкъ; Царя же и Великаго князя дворъ поледенной (завѣдывавшій рыбнымъ весеннимъ сборомъ), а ставятца на томъ дворѣ Царя и Великаго князя подключники да повары, коли живутъ у Государя рыбныя ловли. На посадѣ жъ противъ Николы Чудотворца что на Мокромъ Царевъ и Великаго князя дворъ зелейной (пороховой); да противъ города во рву Ц. и В. князя вощечня, а въ ней пробиваютъ воскъ торговые люди, а окупаютъ ее вмѣстѣ съ тамгою». Эта опись обилуетъ особеннымъ исчисленіемъ торговыхъ рядовъ (Бѣлый, Гостинный, Рыбный) съ ихъ лавками и другихъ торговыхъ помѣщеній. Всего на посадѣ оказывается тяглыхъ дворовъ 111, да 107 дворовъ пустыхъ, да дворовыхъ пустыхъ мѣстъ 520. А лавокъ, полковъ, лубениковъ и онбаровъ съ прилавками всего 319, а оброку съ нихъ 46 руб. А пашни у посада «во всѣхъ трехъ поляхъ худые земли» 608 четьи. «А верстатись Муромскимъ посадскимъ людямъ межъ себя Государевыми подати, всякими разсчеты, вмѣстѣ самимъ, по своимъ животамъ и по промысламъ». Посадскіе муромскіе причисляются къ «молодымъ людямъ»; очевидно по бѣдности своей городъ этотъ высокихъ торговыхъ статей не имѣлъ.

Въ помянутой выше Приправочной книгѣ Рязанскаго уѣзда описаніе острога Печерниковъ 1616 года, т. е. времени очень близкаго къ данной эпохѣ. А въ сочиненіи Неволина о Пятинахъ и Погостахъ въ примѣчаніяхъ см. выдержки изъ Новогород. писцовыхъ книгъ о городкѣ Дѣманѣ (стр. 224), Сумскомъ острогѣ (168), о посадѣ Ладожскомъ (45), городѣ Копорьѣ (29), Яма (41) и др. Въ перепис. оклад. книгѣ Вотской пятины, во Временникѣ, опись городовъ Орѣшка (кн. XI. стр. 111), Корелы (кн. XII. стр. 1—7) и пр.

Относительно городовъ данной эпохи пособія: Плошинскаго «Городское Состояніе Рус. народа въ его историч. развитіи». Спб. 1852. Соловьева—«Русскій городъ въ XVII вѣкѣ» (въ журн. Современникъ). То, что здѣсь говорится о XVII вѣкѣ, въ значительной степени относится и къ XVI-му. Костомарова—гл. 11 въ «Очеркѣ жизни и нравовъ Великорус. народа въ XVI и XVII стол.» Спб. 1860. Тихонравова—«Владимірскій сборникъ». Леонтовича обширная статья, написанная по поводу изслѣдованія Самоквасова о древнихъ городахъ Россіи и напечатанная въ «Сборникѣ госуд. знаній». Т. II. Спб. 1875. А. К. Ильинскаго «Городское населеніе Новгородской области въ XVI в.». (Ж. М. Н. Пр. 1876. Іюнь). Здѣсь говорится собственно о рядкахъ, которые представляютъ присущій Новгородскому краю разнообразный типъ городскихъ или собственно посадскихъ промышленныхъ

поселковъ. И наконецъ заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе Чечулина «Города Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ». Спб. 1889. Изслѣдованіе это, имѣющее своею задачею опредѣлить составъ городскаго населенія, его занятія и повинности, главнымъ образомъ основано на писцовыхъ книгахъ; причемъ обзоръ городовъ разбитъ на 6 географическихъ группъ. Рецензія на сію книгу П. Ѳ. Симсона (Ж. М. Н. Пр. 1890. Мартъ), автора «Исторіи Серпухова», въ приложеніяхъ къ которой помѣщена Сотная опись Серпуховскаго посада 1552 года, представляющая также любопытный матеріалъ для характеристики городовъ XVI вѣка. (М. 1880 г.). Другая рецензія на ту же книгу, Платонова (Ж. М. Н. Пр. 1890. Май); послѣдній упрекаетъ автора за то, что онъ не уяснилъ разные типы населенія, обозначаемые въ источникахъ словомъ «городъ».

77. О Губныхъ старостахъ упоминается въ царскомъ Судебникѣ въ статьѣ 60. Губная Бѣлозерская грамота 1539 г. въ Акт. Арх. Эк. I. №. 187. Перепечатана у Владимір.-Буданова съ комментаріями во второмъ выпускѣ его «Христоматіи по исторіи Рус. права». Ярославль. 1873 г. Каргопольская губная грамота 1539 г. въ Дополн. къ Ак. Ист. I. №. 31. Далѣе губныя грамоты: Солигалицкая 1540 г. въ Ак. А. Экс. I. №. 192. Нѣкоторымъ селамъ Троицкаго монастыря въ 1541 г. Ibid. №№ 194 и 224; всѣмъ вотчинамъ Троицкаго м́. въ 1586 г. Ibid. №. 330. Бѣлозерская вторая грамата, 1571 г. Ibid. №. 281. Уставныя земскія грамоты: Важская 1552 года въ Ак. А. Эк. I. №. 234 (перепечатана съ комментаріями у Влад.-Буд.). Двинская уставная гр. 1556 г. Ibid. №. 250. Переяславскимъ рыболовамъ 1555 г. Ibid. №. 242. Въ этой именно грамотѣ, данной рыболовамъ, которые «судомъ и кормомъ» были подчинены «волостелямъ столнича пути», говорится о докукѣ правительству отъ безпрестанныхъ челобитій и о намѣреніи правительства «во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинити старостъ излюбленныхъ». Указъ 1556 года въ такомъ смыслѣ см. дополнительные указы къ Судебнику у Татищева въ изданіи 1786 года статья 103. Устав. гр. Переяславскаго уѣзда царскихъ подклѣтныхъ селъ крестьянамъ 1556 г. въ Акт. Ист. I. №. 165. По этой грамотѣ крестьяне освобождаются «отъ ключнича и отъ посельнича суда и отъ ихъ пошлинныхъ людей», а судятся своимъ выборнымъ судьей и при немъ четырьмя выборными цѣловальниками. Судная грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича Замосковской Вохонской волости, бобровничьей полусохи, крестьянамъ, 1561 г. (подтверждена потомъ царемъ Иваномъ IV) въ А. А. Эк. I. №. 257. По этой грамотѣ крестьяне освобождаются «отъ суда волостелина и отъ ловчаго, и отъ ихъ пошлинныхъ людей», а на мѣсто ихъ поставляются судьи, излюбленные крестьянами изъ своей среды. «Сличенный текстъ всѣхъ доселѣ напечатанныхъ губныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка»—В. Ерлыкова, М. 1846. Относительно того, какъ губныя и земскія учрежденія со второй половины царствованія Ивана IV изъ льготы стали превращаться въ повинность, ясное указаніе находимъ во второй губной Бѣлозерской грамотѣ 1571 года. Губные старосты потомъ отчасти избираются жителями, частію уже назначаются правительствомъ; а губные цѣловаль-

ники прямо взимаются съ крестьянскихъ селъ и разверстываются подобно другимъ повинностямъ, наравнѣ съ обязанностью поставлять сторожей, бирючей и палачей. Отъ этой повинности иногда освобождаются, напримѣръ, монастырскіе крестьяне, наравнѣ съ другими льготами. См. жалован. гр. Валаамскому монастырю 1578 г. въ Ак. А. Э. I. №. 300 и царскую грамоту Троицкому Сергіеву монастырю 1601 г. Ibid. II. №. 19.

Важнѣйшія пособія для изученія вопроса о губныхъ и земскихъ учрежденіяхъ представляютъ: Чеглокова «Объ органахъ судебной власти въ Россіи» (въ Юридич. Сборникѣ Мейера. Каз. 1855). Чичерина—«Областныя учрежденія въ Россіи» М. 1856. (Критики на это сочиненіе: Калачова въ XXVI присужд. Демидов. наградъ; Кавелина въ Отеч. Зап. Т. 109. И. Кр. . .ва въ Рус. Бесѣдѣ). Дмитріева «Исторія Судебныхъ инстанцій». М. 1859. (Разборъ сего сочиненія Калачовымъ въ XXIX присужд. Демидов. наградъ). Андреевскаго—«О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ». Спб. 1864. Лохвицкаго—«Губернія. Спб. 1864. (см. I главу). Градовскаго «Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи». Т. I. Спб. 1868. Отчасти Хлѣбникова «О вліяніи Общества на организацію государства». Спб. 1869. Вообще для мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій любопытны «Уставныя грамоты XIV—XVI вв.»—Изслѣдованіе Н. Загоскина. 2 выпуска. Казань 1875—1876 гг.

Губныя и общинныя земскія учрежденія XVI вѣка въ нашей исторической и юридической литературѣ сдѣлались извѣстны подъ названіемъ «реформъ Ивана IV» и прямо приписывались личному его почину. Особенно ярко это воззрѣніе выступило у Соловьева въ его «Исторіи Россіи» и въ сочиненіяхъ Кавелина (напр. «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи»). Простое указаніе на хронологію губныхъ и земскихъ уставныхъ грамотъ устраняетъ такое воззрѣніе: первыя извѣстныя намъ губныя грамоты относятся къ 1539 году, когда Ивану IV было 9 лѣтъ отъ роду и когда онъ еще не могъ имѣть никакого самостоятельнаго участія въ управленіи. А уставныя грамоты, дававшія общинамъ земскія самоуправленія, относятся къ періоду наибольшаго вліянія Сильвестра и Адашева, и наоборотъ въ этомъ видѣ онѣ почти не встрѣчаются во второй половинѣ царствованія Грознаго. Ясно, что не его личному почину принадлежали эти попытки возродить къ новой жизни древне-русскія общинныя начала. Псковская лѣтопись, сообщая подъ 1541 годомъ о введеніи губной грамоты въ Псковѣ и происшедшемъ отсюда облегченіи для гражданъ, прибавляетъ, что оно продолжалось «не на много» (лѣтъ), «и паки намѣстники премогоша» (П. С. Р. Л. IV. 304). Ясно, что реформа, введенная въ малолѣтство Ивана IV его именемъ, потомъ была имъ же отмѣнена, когда онъ сталъ править вполнѣ самостоятельно и произвольно.

78. О Московскихъ приказахъ см. Флетчера главу X. Котошихина, хотя онъ относится собственно къ XVII вѣку. «Московскіе старинные приказы» Новикова въ Древн. Рос. Вивл. XX. По словамъ проф. Загоскина, «вся эта работа Новикова (на сколько она касается личнаго состава приказовъ) — основывается именно на за-

писныхъ книгахъ Московскаго стола». («Столы Разряднаго приказа» Казань. 1879. стр. 8. Изъ Учен. Зап. Казан. Университета). Потомъ, Мальгина «Опытъ Описанія стар. судеб. мѣстъ Рос. госуд.» Спб. 1803. Успенскаго «Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ». Харьковъ. 1818. Неволина Полн. собраніе сочин. Т. VI. Троцины «Исторія судеб. учрежд. въ Россіи». Спб. 1851. Выше названныя сочч. Чеглокова «Объ органахъ судебн. власти въ Россіи». Дмитріева «Исторія Судеб. инстанцій». Градовскаго «Исторія мѣст. управ. въ Россіи». Хлѣбникова «О вліяніи Общества на организ. госуд—ва». Владимірск.-Буданова «Христоматія по исторіи рус. права». Ярославль. 1871. (См. нѣкоторыя примѣчанія ко 2 и 3 выпуску). Иванова «Описаніе Государст. Разряднаго Архива». М. 1842 (Тутъ о Разрядномъ Приказѣ). Милюкова—«Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги.» (Чт. О. И. и Др. 1887. Кн. 2). Его же: «Къ вопросу о составленіи Разрядныхъ книгъ» (Ж. М. Н. Пр. 1889. Май)—написано по поводу слѣдующаго сочиненія: Лихачева «Разрядные дьяки XVI вѣка». Спб. 1888. Сочиненіе это представляетъ много любопытныхъ подробностей и рядъ частныхъ изслѣдованій. См. рецензіи на него Козеко въ Ж. М. Н. Пр. 1889 г. Мартъ, и проф. Д. А. Корсакова Ibid. Октябрь. Отвѣтъ автора сему послѣднему отдѣльной брошюрой («Отвѣтъ суровому критику». М. 1890). Объясненіе названія четвертями приказовъ Посольскаго, Помѣстнаго, Разряднаго и Казанскаго, какъ четырехъ отдѣленій думской канцеляріи, принадлежитъ профф. Загоскину (исторія права Москов. Государства. II. 42, 47—48) и Ключевскому («Боярская дума», стр. 425, 1-го изданія). Это объясненіе основано на извѣстіи Флетчера о сихъ четвертяхъ и управлявшихъ ими дьякахъ; на что указано и въ названномъ сочиненіи Лихачева, стр. 75. Противъ нихъ возражаетъ г. Милюковъ: онъ полагаетъ, что Флетчеръ смѣшалъ означенные приказы съ финансовыми четвертями, на которыя дѣлился Большой Приходъ. («Государств. хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра В.». Вступительная глава. Журн. М. Н. Пр. 1890. Сентябрь).

Существованіе приказовъ Разбойнаго и Посольскаго указано на планѣ Москов. Кремля у Блавія. См. выше назван. изслѣд. Румянцева о семъ планѣ въ «Древностяхъ» Моск. Арх. Об. Т. XI. Вып. 2. Проф. Леонтовичъ дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе Московскихъ приказовъ изъ монгольскихъ «дивановъ» или палатъ («Къ исторіи права Русскихъ инородцевъ». Одесса. 1879 г.).

О Боярской думѣ имѣются два сочиненія: Н. П. Загоскина и В. О. Ключевскаго. На трудъ г. Ключевскаго см. рецензіи Владимірскаго-Буданова въ «Сбор. Госуд. знаній». Т. VIII, и Левицкаго въ Жур. М. Н. Пр. 1884. Сентябрь и Ноябрь.

О земскихъ соборахъ: П. Павлова «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій». Отеч. Зап. 1859. Т. CXX. Университ. актовая рѣчь Бѣляева «Земскіе Соборы на Руси». М. 1867 г. Чичерина: «Народное представительство». Спб. 1866. Гл. V. Сергѣевича «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ». (Сборникъ Госуд.

знаній. Т. II. Спб. 1875). Загоскина—«Исторія права Москов. государства». Томъ первый. Казань. 1877. К. Аксакова «Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ» (День. 1862. №. 13). Дитятина «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторіи права Москов. государства» (Рус. Мысль 1880 г. Т. V.). Платонова—«Замѣтки по исторіи Москов. земскихъ соборовъ» (Ж. М. Н. Пр. 1883, кн. III). Обстоятельное изслѣдованіе Латкина «Земскіе Соборы древней Руси». Спб. 1885. Владимірскаго-Буданова критическая замѣтка на помянутое изслѣдованіе Сергѣевича въ Кіев. Универс. Извѣстіяхъ 1875 г. Октябрь, и «Обзоръ исторіи Рус. права». Вып. I. Кіевъ 1886. Липинскаго критическая статья о помянутомъ сочиненіи Латкина въ Ж. М. Н. Пр. 1886 Май. Критич. замѣтки на тоже сочиненіе у Дитятина «Изъ исторіи рус. законодательства». Рус. Мысль. 1888. Январь. Ключевскаго «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси». (Рус. Мысль. 1890. Январь). Въ сей послѣдней статьѣ разсматривается по преимуществу соборъ 1566 года. Авторъ ея этотъ соборъ по составу считаетъ наиболѣе дворянскимъ: собраны были столичные дворяне и дѣти боярскіе, имѣвшіе помѣстья въ уѣздахъ мобилизованныхъ для войны. А упоминаемыхъ на соборѣ смольнянъ онъ считаетъ «особымъ разрядомъ столичнаго московскаго купечества», соотвѣтствующимъ позднѣйшей «суконной сотнѣ». Повидимому, онъ склоняется къ тому выводу, что это былъ соборъ изъ лицъ не выбранныхъ какими-либо обществами, а скорѣе приглашенныхъ прямо правительствомъ.

Вопросъ о Соборѣ 1584 года довольно подробно разобранъ въ книгѣ Латкина (стр. 85—89) на основаніи извѣстій Псков. лѣтописи, Лѣтописи о мятежахъ, Новаго Лѣтописца, Петрея, Массы и Горсея. При неопредѣленныхъ выраженіяхъ прочихъ источниковъ важно свидѣтельство послѣдняго какъ очевидца. «4 мая—говоритъ Горсей—происходилъ парламентъ, собранный изъ митрополита, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ, высшаго духовенства и всего дворянства». Въ этихъ словахъ обыкновенно усматривали указаніе на земскій Соборъ; мнѣ кажется вѣроятнѣе предположить, что Горсеевъ «парламентъ» въ данномъ случаѣ означаетъ скорѣе расширенную боярскую Думу, т. е. усиленную дворянами, прибывшими изъ областей, и соединенную съ духовнымъ или «освященнымъ Соборомъ». Во всякомъ случаѣ не думаю, чтобы этотъ соборъ былъ созванъ для избранія царя, какъ послѣдующіе соборы. Законнымъ преемникомъ Ивана IV былъ уже сынъ его Ѳеодоръ, и въ избраніи не было нужды; скорѣе была потребность въ укрѣпленіи его на престолѣ и въ обсужденіи нѣкоторыхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ. По вѣроятному мнѣнію Костомарова, тотъ же соборъ въ Іюнѣ 1885 года занимался вопросомъ объ уничтоженіи тарханныхъ грамотъ. (Новое Время. 1880. № 1488). Соборный актъ объ этихъ грамотахъ говоритъ, что царь «совѣтовался со всѣмъ освященнымъ Соборомъ, со всѣми бояры и со всѣмъ синклитомъ». (С. Г. Г. и Д. I. №. 202). Бояре и «весь синклитъ» несомнѣнно означаютъ усиленную боярскую думу; она является здѣсь въ соединеніи съ «освященнымъ Соборомъ», т. е. съ высшимъ духовенствомъ.

79. К. Веселовскаго «Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ въ Россіи» (Ж. М. Гос. Им. 1841. ч. I). Гр. Д. Толстаго «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи» Спб. 1848. В. Кури: «О прямыхъ налогахъ въ древней Руси». (Юридич. Сборникъ, издан. Д. Мейеромъ. Казань. 1855.). Е. Осокина «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи». Казань. 1850. Любопытная критика Бѣляева на это изслѣдованіе въ «Москвитянинѣ» 1850 г. Нолбрь. Отвѣтъ Осокина на сію критику подъ заглавіемъ «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права» (въ помянутомъ Юридич. Сборникѣ Мейера). Его же: «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи». Казань. 1856. В. Незабитовскаго «О податной системѣ въ Московскомъ государствѣ» (Собр. сочч. Кіевъ. 1884). Бѣляева: «О доходахъ Московск. Государства» (Чт. О. И. и Др. 1885, кн. I). Изъ иноземцевъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія даетъ Флетчеръ. Хотя онъ былъ короткое время въ Россіи, но очевидно пользовался сообщеніями Горсея, который жилъ въ ней долго и зналъ ее довольно хорошо. О томъ см. Середонина «Англійскія извѣстія о Россіи во второй половины XVI вѣка». (Ж. М. Н. Пр. 1885. Декабрь). Замѣтки иноземцевъ о Московской финансовой системѣ собраны въ сочиненіи проф. Ключевскаго «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ». М. 1866. См. главу VI. (Уже въ XVIII вѣкѣ нѣкоторый сводъ иностран. извѣстій о Россіи XVI и XVII вв. представленъ въ соч. Мейнерса Vergleichung des aeltern und neuern Russlandes. 2 Bnd. Leipz. 1798). Въ послѣднее время вышли: Н. Чечулина «Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI вѣка». Спб. 1889. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій». Спб. 1890. Авторъ слегка касается и XVI вѣка. Нѣкоторыя дополненія и поправки къ сему труду см. у г. Милюкова выше названное соч. «Госуд. хозяйство Россіи» Ж. М. Н. Пр. 1890. Сентябрь. Тутъ онъ между прочимъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы: «Московскій Большой Дворецъ первоначально одинъ вѣдаетъ всѣ доходы Московскаго Государства. Къ послѣдней четверти XVI вѣка, однако, находимъ доходы государственные уже выдѣленными изъ доходовъ дворцовыхъ, вмѣстѣ съ ними выдѣляется и Дворцовый Большой Приходъ». «Областные финансовые округа сформировались въ послѣдней четверти XVI в. внутри вѣдомства Большаго Прихода» (стр. 33—34). Относительно питейныхъ доходовъ, нѣкоторое количество данныхъ собрано у Прыжова «Исторія кабаковъ въ Россіи». Спб. и М. 1868.—Сочиненіе, отличающееся тенденціознымъ характеромъ и безпорядочнымъ изложеніемъ.

80. «Книга боярская 1556 года», заключающая перепись военно-служилыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, напечатана у Калачова въ «Архивѣ историко-юридич. свѣд.» Кн. III. Спб. 1861. Книга эта любопытна еще по отношенію къ системѣ кормленій. Тутъ отразился переходъ отъ кормленій непосредственныхъ къ ихъ выкупу или замѣнѣ денежнымъ окладомъ, по приговору 1556 года. Но это указано въ моей полеми-

ческой замѣткѣ по вопросу о кормленіяхъ (Рус. Стар. 1890. Ноябрь). О стрѣльцахъ см. Акты И. I. №. 339. II. №№: 24, 46. Акты Юрид. №. 296. О распредѣленіи на полки, отношенія ихъ старшинства и мѣстнич. случаи воеводъ см. Разряды Др. Р. Вив. XIII. А. И. № 355 и С. Г. Г. и Д. II. №. 38.

О московскомъ войскѣ въ XVI вѣкѣ сообщаютъ иностранные писатели: Герберштейнъ (Rer. Moscov. Commentarii), Павелъ Іовій (De legatione Basilii Magni Pr. Mosc.), Климентъ Адамъ (Anglorum navigatio ad Moscovitas—здѣсь передаются извѣстія Ченслера съ нѣкоторыми добавленіями), Ульфельдъ (Legatio Moscovitica), Гвагнинъ (Moscoviae descriptio), Іоаннъ Кобенцель (De legatione ad Moscov.), Фабръ (Moscovitarum religio), Левенклавій (De Moscovitarum bellis), Антоній Поссевинъ (De Moscovia). Всѣ названные писатели изданы Старчевскимъ въ Historiae Ruthenicae Scriptores exteri; частію существуютъ и въ рус. переводахъ. Кромѣ того: Кампензе въ Библіотекѣ Иностр. писат. о Россіи, изданной Семеновымъ. Михалонъ (въ Архивѣ Историко-Юрид. свѣд. Калачова). Флетчеръ «О государствѣ Русскомъ». (Переводъ въ Чт. О. И. и Др. 1849 остался невыпущеннымъ въ свѣтъ). Сюда же относимъ Маржерета, наблюдавшаго рус. войска въ самомъ началѣ XVII вѣка (Устрялова «Сказ. совр. о Дмитр. Самозв.») и Бусова-Бера (ibid). Гейденштейна «Записки о Московской войнѣ» въ переводѣ съ латинскаго. Спб. 1889. Изд. Археогр. Ком. Введеніе В. Г. Васильевскаго.

Число дворянъ и дѣтей боярскихъ, готовыхъ къ выступленію въ поле, Флетчеръ въ концѣ XVI вѣка опредѣляетъ въ 80.000. Любопытно, что Кампензе въ первой половинѣ XVI вѣка насчитываетъ ихъ приблизительно тоже количество, именно 85.000 (30.000 въ Москов. княжествѣ, 40.000 въ Тверскомъ и 15.000 въ Рязанскомъ). Вообще иноземцы нерѣдко повторяютъ другъ друга; особенно пользуются Герберштейномъ. Иногда же показанія ихъ наоборотъ несогласны между собою или прямо недостовѣрны. Такъ, по извѣстію Герберштейна ежегодно выставлялась стража по Дону и Окѣ противъ татарскихъ набѣговъ въ 20.000 человѣкъ, а по словамъ Флетчера будто бы въ 65.000; Іовій говоритъ, что вел. князь Московскій могъ выставить въ поле 150.000 всадниковъ, а Климентъ Адамъ баснословитъ, будто, готовясь къ войнѣ, Московскій государь вооружаетъ не менѣе 900.000, изъ которыхъ 300.000 выводится въ поле, остальные же располагаются гарнизонами. Въ томъ же родѣ говоритъ Фабръ, который передаетъ росказни московскихъ пословъ, будто въ ихъ отечествѣ есть такіе богатые и могущественные вельможи, которые въ случаѣ нужды выставляютъ своему государю по 30.000 всадниковъ. А Кобенцель и Гвагнинъ разсказываютъ, будто Московскій царь употребляетъ слѣдующій способъ, чтобы узнать число людей, какъ отправляющихся въ походъ, такъ и погибшихъ на войнѣ: передъ выступленіемъ каждый ратникъ приносилъ въ казну одну мелкую монету, а по возвращеніи получалъ ее назадъ; оставшіяся въ казнѣ деньги указывали на число погибшихъ.

Относительно древне-русскаго вооруженія см. Висковатова «Историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ».

Издан. по Высочайшему повелѣнію. Спб. 1841. Также правительственное изданіе—«Древности Россійскаго государства». Отдѣлъ III.

Изъ иностранныхъ сочиненій, посвященныхъ военному дѣлу древней Россіи, укажу компилятивный и довольно обстоятельный трудъ Брикса Geschichte der alten russischen Heeres-Einrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter d. Gr. gemachten Veränderungen. Berlin. 1867. Для исторіи русской артиллеріи любопытно сочиненіе генерала Бранденбурга: «500-лѣтіе Русской артиллеріи». Спб. 1889. Его же «Рѣчь, читанная въ торжеств. собраніи 8 ноября 1889 года». См. также его «Историческій каталогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея». Спб. 1877. Тутъ между прочимъ описаны XIII №№ хранящихся въ Музеѣ разныхъ орудій XV и XVI вв.

Въ параллель съ Московскими военными учрежденіями любопытно поставить современныя имъ учрежденія Польско-Литовской Руси. Напр. выше названной Книгѣ боярской соотвѣтствуетъ «Списокъ дворянъ земли Волынской, съ показаніемъ сколько каждый изъ нихъ обязанъ былъ ставить во время войны вооруженныхъ конныхъ ратниковъ» въ 1528 г. (Акты Вилен. Археогр. Ком. Т. XIII. 1886 г.). Почти одновременно съ Москвою, и въ Литовской Руси упоминаются стрѣльцы и «стрѣлецкая служба» рядомъ съ «службой земской». (Ibid. Актъ 1536 г.). Но тамъ этотъ отдѣлъ земской рати очевидно неразвился и уступилъ мѣсто наемному жолнѣрству. Точно также мѣры постоянной обороны границъ со стороны Татарскихъ ордъ тамъ далеко уступали оборонительной системѣ Московской; что, разумѣется, находилось въ тѣсной связи съ меньшимъ развитіемъ крѣпости и силы Польско-Литовскаго государственнаго порядка сравнительно съ Московскимъ. По вопросу о пристрастіи Русскихъ къ тѣлесной силѣ и ловкости см. Ил. Бѣляева «Борцы въ древней Руси» въ журн. Рус. Бесѣда. Относительно поля или судебныхъ поединковъ см. «Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. Собралъ и издалъ А. Ѳедотовъ-Чеховскій». Кіевъ 1863. 2 тома. Тутъ любопытенъ между прочимъ случай, когда дѣти боярскіе, спорившіе съ крестьянами о землѣ, отказались «лезть съ ними на поле», т. е. биться, а потребовали выставить противъ себя дѣтей боярскихъ (№ 57. 1511 г.). Эти акты показываютъ, что въ дѣйствительности судебные поединки сдѣлались рѣдки. Стоглавъ въ гл. 41 возстаетъ противъ обычая гадать по рафлямъ или по звѣздамъ и прибѣгать къ колдовству, чтобы тѣмъ смѣлѣе выходить на поединокъ и проливать кровь. О наемныхъ бойцахъ говорятъ Герберштейнъ и Ченслеръ. Послѣдній подтверждаетъ, что дворяне, дорожа своею честью, бьются только съ равными по происхожденію. См. Середонина «Извѣстія Англичанъ о Россіи XVI вѣка». Чт. О. И. и Др. 1884. IV.

81. Амвросія «Исторія Рос. Іерархіи». Строева «Списки іерарховъ и настоят. монастырей». Спб. 1874. Архіеп. Филарета «Исторія Рус. церкви». Періодъ третій. Архіеп. Макарія «Исторія Рус. Церкви». Т. VI, VII и VIII. Лохвицкаго «Очеркъ церковной администраціи въ древней Россіи». (Русскій Вѣстникъ 1860-хъ гг.). В. Милютина «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» (Чт. О. И. и Др. 1860—1861 гг:).

Объ Іосифѣ Волоц. и его монаст. см. выше примѣч. 11 и къ тому II прим. 108. О Даніилѣ Переяславскомъ Степ. кн. II. 218—36. Акты А. Эксп. I. № 191. Свирѣлина «Историк. Статист. Опис. Данилова монастыря». М. 1860. С. Г. Г. и Д. I. № 416. О московскихъ монастыряхъ см. археологич. изданія А. Мартынова. О Макаріи Колязинскомъ Акты А. Эксп. I. №№ 35, 68 и Четьи-Минеи митроп. Макарія. О Герасимѣ Болдинскомъ «Историко-Статистич. описаніе Смоленской епархіи». Спб. 1864. стр. 291—95. О дьякѣ Сырковѣ въ Доп. къ Акт. Истор. I. №№ 54—61. О Селижаровѣ Акты А. Эксп. I. № 296, 344. и Неволина о Пятинахъ Новгор. въ прилож. «Писцовыя книги». Тихвинскій монастырь. Неволина ibid. Времен. О. И. и Д. VI и XIX. Александро-Свирскій. Неволина ibid. Времен. XXIV. Акты Истор. I. № 135. Вятскій Успенскій Акты А. Эксп. I. № 305. «Житіе препод. Трифона Вятскаго» П. Шестакова. Казань. 1868. (изъ Правосл. Собесѣд.). Трифонъ былъ постриженикъ Пыскорскаго монастыря. Тогоже П. Д. Шестакова «Просвѣтители Лопарей Феодоритъ и Трифонъ Печенегскій». Спб. 1868. О монастыряхъ и монашествѣ въ Стоглавѣ главы 5, 49, 50, 52. Зиновія Отенскаго «Истины показанія». Казань. 1863. Иностранцы: Герберштейнъ, Павелъ Іовій, Фабръ, Кобенцель, Антоній Поссевинъ, Флетчеръ. О Ѳеодоритѣ у Курбскаго «Сказанія» Ч. I. Курбскій говоритъ, что по однимъ извѣстіямъ Ѳеодоритъ былъ утопленъ по приказу Грознаго, а по другимъ умеръ собственною смертію. Степ. кн. II. 286—7. Карамзинъ. VIII, прим. 387. Досиѳея «Описаніе Соловец. монастыря». О крещеніи Лопарей см. также «Христіанство въ предѣлахъ Архангельской епархіи» епископа Архангельскаго Макарія (Чт. О. И. Др. 1878. кн. 3). Его же «Историч. свѣдд. объ Антоніевомъ Сійскомъ мон.» (ibid). Грамоты Макарія и Ѳеодосія къ духовенству Водской пятины въ Др. Рос. Вивл. XIV, и въ Доп. къ Акт. Ист. I. №№ 28 и 43. О посылкѣ іеромонаха Ильи въ П. С. Р. Л. V. 73, 74. VI. 292—6. По поводу сей посылки лѣтопись сообщаетъ слѣдующее любопытное извѣстіе о чудскихъ обычаяхъ: «Итамо повелѣ быти и разоряти чюдскія обычая, еже женамъ ихъ власовъ своихъ не постригати, и ризъ яко мертвечьихъ на главахъ и на рамѣхъ не носити, и кудесы свои прокляти; таковъ бо бѣ обычай злый въ Чюди, и въ Ижерѣ, и во всей Корѣлской земли, и во всѣхъ преждеписанныхъ мѣстѣхъ; онъ же сія вся, по повелѣнію своего святителя и по божественнымъ правиламъ, сія вся злыя обычаи разори, повелѣ власы растити и главы своя покрывати, и вся поучивъ божественному Писанію творити якоже христіаномъ лѣпо» (стр. 296). По просвѣщенію христіанствомъ казанскихъ инородцевъ» съ 1552 г. См. изслѣд. Можаровскаго (Чт. О. И. и Др. 1880. I). Общія пособія: Архіеп. Филарета. «Русскіе святые». Три кн. Изданіе 3-е. Спб. 1882. и «Книга, глаголемая описаніе о Россійскихъ Святыхъ» составленная неизвѣстнымъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII в., дополненная гр. М. В. Толстымъ (Чт. О. И. и Др. 1888. IV).

82. О суевѣріяхъ, церковномъ неблагочиніи, малограмотности священниковъ, грубыхъ языческихъ обычаяхъ и бракахъ, вдовыхъ попахъ и пр. см. Стоглавъ главы: 5. 18—26, 29, 33, 35, 39, 40, 48, 69, 74,

77—81, 92, 93. Кромѣ того помянутые выше иностранцы къ которымъ можно присоединить итальянца Барберини. (Его «Путешествіе въ Московію въ 1565 году» издан. въ рус. переводѣ Любича-Романовича. Спб. 1843). См. также Иконникова «Русскіе общественные дѣятели XVI вѣка». Кіевъ. 1866. Рущинскаго «Религіозный бытъ Русскихъ по иностран. писат. XVI и XVII вв.». Чтен. Об. И. и Др. 1871. кн. 3. Жмакина «Русское общество XVI вѣка». Спб. 1880. Преображенскаго «Нравственное состояніе Рус. Общества въ XVI вѣкѣ». М. 1881. И. Бѣляева «О скоморохахъ». Времен. О. И. и Др. Кн. 20. А. С. Фаминцына «Скоморохи на Руси». Спб. 1889. Относительно училищъ Поссевинъ замѣтилъ, что существуютъ нѣкоторыя школы, въ которыхъ мальчики учатся читать и писать, а также знакомятся съ Евангеліемъ, Апостольскими Дѣяніями, лѣтописью, проповѣдями Іоанна Златоуста и житіями святыхъ. Но кто хотѣлъ идти далѣе въ наукахъ, возбуждалъ уже опасеніе (ересей). Московскія велик. князья (собствен. Иванъ IV) не хотѣли, чтобы кто нибудь былъ ученѣе ихъ самихъ (Suppl. ad. Hist. R. Mor. 25).

Первые извѣстные намъ указы, опредѣляющіе сроки и порядокъ правежа, относятся къ 1558 г. См. Ил. Васильева «Историч. взглядъ на правежи въ Россіи». (Труды Об. И. и Др. Ч. III. Кн. I. М. 1826). Извѣстно, какъ во время Новогород. погрома 1570 года монахи и священники были на правежѣ побиты до смерти по приказу тирана. Кстати укажу здѣсь на то, что въ появившейся на дняхъ библіографической замѣткѣ Браудо «Посланіе Таубе и Крузе къ герцогу Кетлеру» (Жур. М. Н. Пр. 1890. Октябрь) повидимому окончательно выясняется вопросъ: какія двѣ непріятныя книги Стефанъ Баторій прислалъ Ивану Грозному въ 1581 году на походѣ къ Пскову? О. Пирлингъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Les Papes et Tsars» (1547—1597. Paris. 1890) прямо называетъ книги Гваньина и Краузе. (Стр. 220). Г. Браудо основательно доказываетъ, что тутъ рѣчь идетъ о Крузе, который вмѣстѣ съ Таубе послѣ неудачи подъ Ревелемъ измѣнилъ царю и бѣжалъ къ польскому королю; что подъ данною книгою надо разумѣть извѣстное ихъ посланіе съ описаніемъ жестокостей Ивана Грознаго, и что посланіе это было адресовано не къ герцогу Кетлеру, какъ это сказано у Эверса (Beiträge zur Kenntniss Ruslands), а къ литовскому гетману Ходкѣвичу. Подробности о Таубе и Крузе подъ Ревелемъ на основаніи Ревельскаго архива сообщаетъ Гапзенъ (Beiträge zur Kunde Ehst-Liv-und Kurlands. T. III. 1887).

83. Литературные труды Іосифа Волоц. изданы: Просвѣтитель въ Правосл. Собесѣд. Казань. 1855—56 гг. Посланія въ Чт. О. И. и Др. 1847. Наказы въ Доп. къ Акт. Ист. I. №№ 211 и 213 и Памят. Стар. Рус. Лит. IV. Духов. грамота въ Вел. Чет. Мин. Макарія подъ 9 сентября. Хрущова «Изслѣд. о соч. Іосифа Санина». Спб. 1868. Булгакова «Препод. Іосифъ Волоц. Церковно-Историч. изслѣд.». Спб. 1865. О митрополитѣ Даніилѣ, см. Бѣляева «Даніилъ митрополитъ Москов.». Извѣстія 2-го Отдѣл. А. Н. V. Жмакина «Обозрѣніе сочиненій митрополита

Даніила» въ Чт. О. И. и Др. 1881. Кн. 2. А также въ «Описаніи рукоп. Моск. Синод. Библ.». О Нилѣ Сорскомъ см. Архангельскаго въ Памятникахъ Общ. Др. Письм. XVI. Спб. 1882. «Препод. Нилъ Сорскій». Спб. 1864. Уставъ его напечатанъ въ Правосл. Собесѣд. 1863. III. «Преп. Нила Сорскаго преданіе о жительствѣ скитскомъ» .М. 1849. О сочиненіяхъ Максима Грека преосв. Филарета въ Москвит. 1842. XI. и въ «Обзорѣ Рус. Духовной Литературы». Проф. Никольскаго въ Трудахъ Кіев. Духов. Акад. 1864. Они и отчасти проф. Иконниковъ въ своей монографіи признаютъ, что нѣкоторыя сочиненія Максима Грека были направлены противъ Лютеранъ. Преосв. Макарій въ своей Истор. Рус. Церкви и особенно пасторъ Фехнеръ (Chron. der Evang. Gem.) отрицаютъ это положеніе. Но его вновь выставилъ И. Соколовъ въ «Отнош. протестантства къ Рос.» М. 1880. Противъ него возраженіе см. проф. Цвѣтаева «Протестантство и протестанты въ Россіи». М. 1890. Съ 524 стр. Парѳенія Уродиваго «Посланіе противъ Люторовъ». Изд. Архим. Леонидомъ въ Памят. Древ. Письмен. 1886.

О житіяхъ святыхъ и Макарьевскихъ Великихъ Четьи Минеяхъ см. въ общихъ пособіяхъ по исторіи рус. духовной литературы преосв. Филарета «Обзоръ Рус. духовной литературы» въ Учен. Зап. Акад. Н. кн. III. Спб. 1857. Преосв. Макарія «Исторія Рус. церкви». Т. VII. О Новгородскихъ Макарьевскихъ Четьи-Минеяхъ см. замѣтку преосв. Макарія въ Лѣтоп. Рус. Литер. и Древ. Т. I. М. 1859. Шевырева «Исторія Рус. Словесности». Ч. 4-я М. 1860. Порфирьева «Исторія Рус. Словесности». Ч. I-я. Древн. періодъ. Каз. 1879. (изд. 3-е). Спеціальныя сочиненія: проф. Некрасова «Зарожденіе Національной Литературы въ Сѣверной Руси». Одесса. 1870. Посвящено первичнымъ редакціямъ житій, и въ особенности житію Михаила Клопскаго. У него на стр. 12 указаны Четьи-Минеи или агіографическіе сборники, предшествовавшіе труду митрополита Макарія. Проф. Ключевскаго «Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». М. 1871. Сочиненіе это посвящено преимущественно обзору разныхъ редакцій и характеристикѣ русскихъ житій. Макарьевскія Четьи-Минеи издаются Археогр. Коммиссіей съ 1868 г. См. также «Описаніе Великихъ Четьи-Миней Макарія митроп. Всерос.». Это трудъ Горскаго и Невоструева съ предисловіемъ и дополненіями Е. В. Барсова (Чт. О. И. и Др. 1884).

Для характеристики митрополита Макарія не лишенъ значенія и его «Отвѣтъ царю Ив. Васильевичу о недвижимыхъ вещахъ, вданныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», напечатанный Н. И. Суботинымъ въ Лѣтописяхъ Рус. Лит. и Др. Тихонравова. Т. V. М. 1863. (См. также Опис. Румянц. Музея. стр. 50 и Опис. Архива Св. Синода. I.). Здѣсь Макарій является послѣдователемъ Іосифа Волоцкаго и защитникомъ монастырскаго землевладѣнія. По мнѣнію проф. Суботина, сей отвѣтъ предшествовалъ Стоглавому Собору и повліялъ на то, что на этомъ Соборѣ не былъ поднятъ вопросъ объ отобраніи монастырскихъ имуществъ. Къ сочиненіямъ, рѣзко направленнымъ противъ монастырскаго землевладѣнія, принадлежитъ апокрифическая бесѣда Валаамскихъ чудотворцевъ, Сергія и Германа, написанная неизвѣстнымъ авторомъ. Бодянскій

издалъ ее въ Чтеніяхъ Об. И. и Др. 1859 г. кн. 3.; причемъ приписалъ ее иноку—князю Вассіану Патрикѣеву. Профессоръ А. Павловъ, издавая въ Православ. Собесѣд. 1863 г. подлинныя сочиненія сего князя-инока, отвергъ принадлежность ему названной бесѣды (Сентябрьская кн.). Невоструевъ въ своемъ разборѣ книги Хрущова объ Іосифѣ Волоцкомъ, защищаетъ мнѣніе Бодянскаго. Проф. Павловъ отстаиваетъ свое мнѣніе, и относитъ эту бесѣду къ эпохѣ опричнины. (См. его «Историч. очеркъ секуляризаціи церков. земель въ Россіи». стр. 136—139). Князя Токмакова Повѣсть о Выдропусскомъ образѣ Богородицы напечатана въ Лѣтописяхъ Рус. Литер. и Древ. Т. IV. М. 1862.

84. Царственная книга. Спб. 1769. Степенная книга, изданная академикомъ Миллеромъ. Спб. 1775 г. Относительно перваго составителя ея митрополита Кипріана преосв. Филаретъ въ «Обзорѣ духов. Литер.» стр. 77 указываетъ на списокъ Степенной книги, современный Кипріану (Рукоп. Румянц. муз. № 415). Софійскій временникъ изданъ Академіею Наукъ сначала въ 1795, но очень неисправно; потомъ въ 1820 г. подъ редакціей Строева и наконецъ въ 1851 г. Археогр. коммиссіей въ П. С. Р. Л. Т. V и VI. съ раздѣленіемъ на Первую и Вторую. А Новгородскія и Псковскія лѣтописи Московскаго періода изданы съ П. С. Р. Л. т. III, IV и V. О первой Псковской лѣтописи см. изслѣдованія Тихомірова въ Ж. М. М. пр. 1883. Октябрь и 1890. Февраль. (Въ послѣдн. «Первая Псковская лѣтопись послѣ паденія Пскова»). Г. Ясинскій въ своей замѣткѣ «Москов. Государст. Архивъ въ XVI вѣкѣ» (Кіевскія Университетскія извѣстія 1889 года), на основаніи Описи Царскаго Архива (изданной въ Ак. Археогр. Ком. Т. I. № 289), доказываетъ, что Московская оффиціальная лѣтопись велась при этомъ Архивѣ, подъ наблюденіемъ самого царя Ивана IV; что до весны 1560 года составлялъ ее Алексѣй Адашевъ, а послѣ его паденія печатникъ Иванъ Михайловичъ Висковатый. Варіанты той же оффиціальной лѣтописи, по его справедливому замѣчанію, кромѣ Царственной книги, вошли въ Никоновскій сводъ, изданный въ 1791 г., и Лѣтописецъ Русскій или такъ наз. Львовскую лѣтопись, изданную Н. Львовымъ въ 1792 г. и въ Лѣтопись Нормантскаго, изданную И. Бѣляевымъ во Врем. О. И. и Др. кн. V. 1850 г. въ Александро-Невскую лѣтопись, изданную въ Рус. Истор. Библ. III. «Подробную лѣтопись», изд. въ 1798—9 гг. и «Отрывокъ Рус. лѣтописи», изданный по Воскресному списку въ П. С. Р. Л. VI. См. тогоже Ясинскаго «Сочч. кн. Курбскаго». К. 1889. Введеніе.

Иванова «Краткій обзоръ рус. временниковъ въ библіотекахъ Петерб. и Москов.». Казань. 1843. Лазаревскаго «Записка о Русскомъ Хронографѣ» въ Извѣстіяхъ Акад. Наукъ. Т. XIII Вып. V. Приложеніе къ этой запискѣ въ Т. IX. Вып. II. Превосходное изслѣдованіе Андрея Попова «Обзоръ Хронографовъ Русской Редакціи». Вып. I. М. 1866. Вып. 2. М. 1869. и какъ приложеніе къ сему Обзору «Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочч., внесенныхъ въ хронографы Рус. редакціи». М. 1869. О «хронографахъ южно-русской редакціи» (уже XVII вѣка) см. Науменка съ Ж. М. Н. Пр. 1885 г. Май.

Хожденіе Трифона Коробейникова издан. Сахаровымъ въ «Сказан. Рус. народа». Т. 2. Забѣлинъ, издавшій хожденіе Василія Позднякова по святымъ мѣстамъ въ 1558 г. (Чт. О. И. и Др. 1884), доказываетъ, что книга Коробейникова есть только пересказъ Позднякова. Палестинское Общество издало вновь Коробейникова. Вып. 27-й. Редакторъ сего послѣдняго изданія Лопаревъ также считаетъ эту книгу передѣлкою Хожденія Позднякова совершенно неизвѣстнымъ авторомъ, въ промежутокъ между 1593 годомъ и 1602. «Второе хожденіе Трифона Коробейникова» (1593 г.) отъ Москвы до Царьграда—издано С. О. Долговымъ въ Чт. О. И. и Др. 1887. Кн. I. Это второе хожденіе подтверждается статейнымъ спискомъ посольства на востокъ Коробейникова и Огаркова, напечатаннымъ въ Древ. Рос. Вивл. XII. Нѣкоторыя возраженія противъ изданія Долгова см. Лопарева въ Ж. М. Н. Пр. 1887. Ноябрь. XVI вѣку принадлежитъ еще «Хожденіе» въ Китай казацкихъ атамановъ Петрова и Булычева, въ 1567 г. Издано у Сахарова и въ помянутомъ Изборникѣ А. Попова. Для характеристики вообще хожденій см. А. Гиляревскаго «Древне-русское паломничество» въ Древ. и Нов. Росс. 1878. № 8.

85. Повѣсти о Вавилон. царствѣ изданы: Пыпинымъ въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ. III. 318—320. Тихонравовымъ въ его «Лѣтописяхъ Рус. Лит. и Древ.» Т. I. и III. Костомаровымъ въ «Памятн. Стар. Рус. лит.». Вып. 2. Спб. 1860. Сказаніе о Вавилон. царствѣ занесено и въ Макарьев. списки (Декабрь по списку Москов. Успен. Собора). Г. Пыпинъ въ своемъ «Очеркѣ литератур. повѣстей и сказокъ Рус.» (стр.100) основой этихъ сказаній считаетъ какой либо византійскій апокрифъ. Повѣсти о Девгеніѣ и Динарѣ изданы въ Памят. стар. Рус. Лит. Вып. 2. Послѣдняя издана также академикомъ Броссе въ 1 ч. Ученыхъ Записокъ Акад. Н. У Пыпина о нихъ стр. 218 и 316. Худые номоканунцы см. въ изданіи проф. Тихонравова «Памятники Отреченной Рус. Лит.». Т. II. М. 1863. Другія апокриф. произведд. въ «Памят. Стар. Рус. Лит.» вып. 3-й, посвященный Апокрифамъ. См. также Е. В. Барсова «О воздѣйствіи апокрифовъ на обрядъ и иконопись» (Ж. М. Н. Пр. 1885. Декабрь).

Первая часть Луцидарія издана Тихонравовымъ въ его «Лѣтоп. Рус. Лит. и Древ.». Т. I. М. 1859. Изъ Посланія Максима Грека къ «Нѣкоему мужу поучительно на обѣты нѣкоего Латынина мудреца», гдѣ онъ разбираетъ Луцидаріусъ, видно, что переводчикъ сей книги назывался Георгій; къ нему то и обращено самое посланіе. Проф. Тихонравовъ предлагаетъ слѣдующую догадку: «Не князь ли это Георгій Ивановичъ Токмаковъ, составившій повѣсть о Выдропусской иконѣ Божіей Матери? Онъ былъ намѣстникъ въ Псковѣ, гдѣ представлялось болѣе случаевъ сталкиваться съ иноземцами». Догадка вѣроятная: если переводъ сдѣланъ не самимъ кн. Токмаковымъ, то могъ быть имъ заказанъ и произведенъ подъ его наблюденіемъ.

Сказанія Ивана Пересвѣтова «о Турскомъ царѣ Магметѣ какъ хотѣлъ сожещи книги греческія» и «О Петрѣ, Волосскомъ воеводѣ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» изданы Добротворскимъ въ Учен. Зап. Казан. Универ. 1865. Т. I. вып. I. Первое сказаніе кромѣ того напечатано А. Поповымъ въ

Изборникѣ стр. 165—167. (Прилож. къ Обзору Хронографовъ). Эти сказанія въ нѣкоторыхъ рукописныхъ сборникахъ сопровождаются еще посланіемъ или «Эпистолою Ивашки Семенова Пересвѣтова къ царю Іоанну». Карамзинъ, приводя выдержки изъ сей эпистолы (Т. IX. прим. 849), называетъ ее мнимою или подложною, сочиненною уже послѣ Іоаннова царствованія (вѣроятно съ цѣлію оправдать его жестокости). Но едва ли вѣрно сіе заключеніе, основанное на нѣкоторыхъ историческихъ неточностяхъ, столь возможныхъ въ подобныхъ сочиненіяхъ того времени. Изъ сего посланія видно, что Пересвѣтовъ, побывавшій прежде въ Венгріи, Чехіи и Валахіи, выѣхалъ на Московскую службу изъ Литовской Руси въ малолѣтство Ивана IV и предлагалъ ввести въ русскихъ войскахъ какіе то деревянные или плетеные изъ прутьевъ щиты, обтянутые сырою кожею, по македонскому образцу, и уже употреблявшіеся венгерскими гусарами. Бояринъ Михаилъ Юрьевичъ Захарьинъ взялъ его предложеніе подъ свое покровительство и выхлопоталъ ему награжденіе помѣстьемъ. Но вскорѣ Михаилъ Юрьевичъ, дядя будущей царицы Анастасіи, умеръ (1538 г.); изготовленіе щитовъ, кажется, было оставлено; а Пересвѣтовъ подвергся разнымъ обидамъ отъ сильныхъ людей. Эти обиды и побудили его написать царю свою эпистолу или челобитье, спустя 11 лѣтъ по пріѣздѣ на Московскую службу, слѣдовательно приблизительно въ 1548 или 49 г. Личное неудовольствіе подстрекнуло его вообще возставать противъ вельможъ, и тѣмъ болѣе, что Москва еще находилась подъ впечатлѣніями эпохи боярщины. Пересвѣтовъ разными способами старается возбудить царя противъ бояръ, и въ примѣръ приводитъ паденіе Византійскаго царства, которое онъ прямо ставитъ въ вину византійскимъ вельможамъ, заводившимъ интриги и козни противъ доблестнаго своего царя Константина. А какъ примѣръ достойный подражанія указываетъ на строгость султана Магомета, у котораго была поговорка: «Царство безъ грозы, что конь безъ узды». Такимъ образомъ эпистола Пересвѣтова является не позднѣйшимъ оправданіемъ Іоанновыхъ жестокостей противъ бояръ, а наоборотъ очень рѣшительнымъ побужденіемъ его къ симъ жестокостямъ. (Я пользовался спискомъ эпистолы въ неизданномъ еще описаніи рукописей графа Уварова, благодаря обязательности составителя сего описанія достоуважаемаго архимандрита Леонида). Тѣмъ менѣе основательно заключеніе Ан. Попова, что «Иванъ Пересвѣтовъ — псевдонимъ, которымъ прикрывались русскіе сатирики, рѣшившіеся обнаружить дурное состояніе Московскаго государства». Обзоръ Хроногр. Вып. 2 стр. 85. Фамилія Пересвѣтовыхъ въ Россіи существовала до позднѣйшаго времени.

86. Никон. Лѣт. VII. 203—205. Здѣсь сообщается, будто по сознанію самого Башкина онъ свое «злое ученіе принялъ отъ Литвина Матюшки аптекаря, да Андрюшки Хотяева латынниковъ». «Сказаніе о соборѣ на Башкина и о епископѣ Касьянѣ». См. «Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка» въ Чт. О. И. и Др. 1847. № 3. Жалобницы или челобитныя благовѣщенскихъ поповъ Сильвестра и Симеона и о еретикахъ Башкинѣ и Артеміи. Ibid. и въ Акт. Ар. Эксп. I. № 238. Соборная грамота въ Соловецкій монастырь о заточеніи тамъ Артемія. Ibid.

№ 239. Посланіе царя Ивана Васильевича Максиму Греку о ереси Башкина. Акты Ист. I. № 161. (Въ двухъ послѣднихъ грамотахъ попреимуществу излагается ученіе новыхъ еретиковъ). Выписку изъ одного лѣтописца о епископѣ Касьянѣ см. у Карамз. къ т. VIII. прим. 394. По его сказанію, у Касьяна голова обратилась назадъ «и тако злѣ умре». Курбскій называетъ эту ересь «отродье ересей Люторскихъ»; говоритъ, что она «прозябала» въ пустыняхъ Завольскихъ; но укоряетъ Московское «Сборище» въ томъ, что оно несправедливо осудило бывшаго игумена Артемія, «мужа преподобнаго и премудраго», а также старца Саву, прозваніемъ Шаха, и архимандрита Ѳеодорита, который вмѣстѣ съ соловецкимъ старцемъ Іоасафомъ Бѣлобаевымъ защищалъ Артемія отъ клеветъ игумена Нектарія; а другихъ обличителей, именно ростовскаго архіепископа Никандра и суздальскаго епископа Аѳанасія, укоряетъ въ пьянствѣ и сребролюбіи. Онъ даетъ понять, что іерархи вообще питали неудовольствіе противъ заволжскихъ старцевъ—пустынниковъ, какъ поборниковъ монастырской нестяжательности («Исторія Іоанна Васильевича», стр. 177—182). Въ другомъ своемъ сочиненіи Курбскій подтверждаетъ, что между заволжскими старцами дѣйствительно бродили вольнодумныя мысли въ родѣ того, что апостольскія посланія написаны не апостолами, а простыми старцами и пресвитерами. О таковой ереси онъ слышалъ въ Москвѣ отъ нѣкоторыхъ кирилловскихъ монаховъ. А затѣмъ переходитъ къ ненавистнымъ ему іосифлянамъ, которыхъ порицаетъ за ихъ любостяжательность. (Востокова—Опис. Рум. Муз. 243. Здѣсь повидимому разумѣется вольнодумство, изъ котораго вышла ересь Ѳеодосія Косаго). О бѣгствѣ Артемія изъ Соловецкаго монастыря упоминается въ описи царскаго Архива 1575—1584 гг.: «Ящикъ 222. А въ немъ соборныя дѣла, списки черные (черновые) Матвея Башкина, да Ортемья бывшаго игумена Троицкаго и Ѳедоса Косова и иныхъ старцовъ; да въ немъ же книжка Ортемьева Апостолъ, Евангеліе, Псалтырь, писана полусловицею, и грамоты о побѣгѣ, какъ Ортемъ побѣжалъ съ Соловокъ». (Акты Арх. Эп. I. № 289, стр. 353). Посланія Артемія противъ Симона Буднаго и другихъ еретиковъ, писанныя къ самому Симону, къ князю Чарторыйскому, къ царю Ивану Васильевичу и другимъ лицамъ, найдены въ собраніи рукописей Ундольскаго, пріобрѣтенныхъ Москов. Румянцевскимъ Музеемъ. («Критич. и библіограф. замѣтки», въ Ж. М. Н. Пр. 1867, іюль, стр. 254—5). Онѣ изданы Археограф. коммиссіей подъ редакціей П. А. Гильдебрандта, въ Рус.Истор. Библ. т. IV. Спб. 1878. По поводу сихъ посланій см. Занкова «Старецъ Артемій писатель XVI вѣка» (Ж. М. Н. Пр. 1887. XI). Костомаровъ отвергаетъ тожество сего Артемія съ тѣмъ монахомъ Артеміемъ, который, по извѣстію польскаго писателя XVII вѣка Венгерскаго, вмѣстѣ съ Ѳеодосіемъ и Ѳомою въ 1552 году прибѣжалъ въ Витебскъ, гдѣ они начали распространять протестантское ученіе. («Великорусскіе религіозные вольнодумцы»). О заточеніи Башкина въ Волоколамскій монастырь сообщаетъ одна рукопись этого монастыря; на нее указываетъ преосв. Филаретъ: «Истор. Рус. Церкви. Періодъ третій, § 21.

О ѐреси Ѳеодосія главнымъ и почти единственнымъ источникомъ служатъ два сочиненія Зиновія Отенскаго: «Истины показанія къ вопросившимъ о новомъ ученіи». (Издано въ Казан. Православн. Собесѣд. за 1863 г.) и «Посланіе многословное Зиновія о ереси Косаго» (Рукоп. Спб. Духов. Акад. въ двухъ спискахъ). О послѣднемъ сочиненіи см. статью о. Николаевскаго въ Духовн. Вѣстн. Харьковъ, 1865, XI. Это посланіе издано Ан. Поповымъ въ Чт. О. И. и Др. 1880. Кн. 2. Оно изображаетъ ересь Косого въ періодъ его пребыванія въ Литвѣ. Любопытныя указанія на ту же ересь Косого и его товарища Игнатія и на ихъ успѣхи въ Литовской Руси встрѣчаемъ у Курбскаго. Именно въ своей эпистоліи къ пану Чаплю, по поводу ихъ споровъ о дѣлахъ вѣры, онъ называетъ его «напоеннымъ изъ мутныхъ источниковъ и отъ истиннаго самочинника», который «обѣщался хранить чистоту и нестяжаніе, но паки возвратился въ міръ и жену поялъ». Далѣе говорится, что этотъ учитель, свивъ себѣ гнѣздо въ домѣ пана, какъ змій растворилъ свой ядъ медомъ, т. е. смѣшивалъ свое самочинное ученіе со Священнымъ писаніемъ; «понеже всѣмъ и древнимъ еретикамъ есть обычай смѣшивать ученія свои и укрѣпляти ихъ свидѣтельствы Священныхъ писаній, софистицкія, аки церковническія». «Симъ же древнимъ и новымъ ересіархамъ (съ Лютеромъ, Цвингліемъ и Кальвиномъ включительно) послѣдуя нынѣ, какъ Ѳеодосій (Косой) и панъ Игнатій, не такъ ради ученій, яко зацныхъ для своихъ паней, не согласуютъ имъ» и пр. «Ваша милость и учитель твой панъ Игнатій не токмо по грецки але и по латынѣ, сподѣваюся, а ни мало не умѣете, только хулити и сваритися искусны есте». (Сказанія кн. Курбскаго. II, стр. 185—189). Преосв. Макарій въ своей «Исторіи Рус. Церкви» (Т. VI. стр. 271—275), говоря о ереси Косого, старается доказать, что эта ересь также была жидовствующею, какъ и прежнія новогородскія. Но какъ и въ прежнемъ случаѣ доказательства его неубѣдительны; ибо предпочтеніе, оказанное Косымъ Ветхому Завѣту передъ Евангеліемъ, отрицаніе христіанскихъ таинствъ и обрядовъ вытекали изъ главнаго ученія сей ереси о Христѣ; въ чемъ она болѣе всего сходилась съ аріанствомъ, которое однако не было іудействомъ; такъ же какъ не были имъ иконоборство, лютеранство, позднѣйшее духоборство и разныя другія ученія, съ которыми по частямъ сходна ересь Ѳеодосія Косого, какъ и предшествующая ей новогородская ересь Мниможидовствующихъ.

87. Дѣлу Висковатаго объ иконахъ посвящены главнымъ образомъ матеріалы, напечатанные Бодянскимъ въ Чт. О. И. и Др. 1847. № 3, подъ заглавіемъ «Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка». Тѣ же матеріалы въ Акт. Ар. Эксп. I. № 238. Въ болѣе полномъ видѣ, съ прибавленіемъ самой записки Висковатаго, поданной митрополиту, вновь издано это дѣло Бодянскимъ по рукописи Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Чт. О. И. и Др. 1858. Кн. 2, подъ заглавіемъ: «Розыскъ или списокъ о богохульныхъ строкахъ и о сомнѣніи святыхъ честныхъ иконъ». Послѣднее изданіе вызвало прекрасное изслѣдованіе проф. Буслаева «Изъ исторіи Русской живописи XVI вѣка» въ «Атенеѣ» 1858 г.

№№ 36 и 37. Изслѣдованіе сіе потомъ издано имъ вновь въ его «Историч. Очеркахъ Рус. народной словесн. и искусства». Т. II. Спб. 1861; при чемъ оно въ изобиліи снабжено иконописными снимками. См. также отличную монографію Ровинскаго «Исторія русскихъ иконописныхъ школъ» (съ объясненіемъ ихъ техническаго производства) въ Запискахъ Археол. Общ. Т. VIII. Спб. 1856 г. Упоминаемый въ дѣлѣ Висковатаго ляхъ Матисъ или Матіасъ, объяснявшій ему западное происхожденіе нѣкоторыхъ иконописныхъ изображеній (напр. покрытіе Спасителева тѣла Херувимскими крыльями), не есть ли одно и то же лицо съ Литвиномъ Матюшкою аптекаремъ, который возбуждалъ сомнѣнія и въ Матвѣѣ Башкинѣ?

Сахарова «Изслѣдованія о русскомъ иконописаніи». Съ приложеніемъ «Подлинника» толковаго или правилъ иконописанія. Кн. I. Спб. Изд. 2-е. 1850. Ѳ. И. Буслаева «Общія понятія о Рус. иконописи». (Сбор. Об. Древнерус. Искус. на 1866 г.). Его же «Для характеристики древнерус. иконописца» и И. С. Некрасова «О портретныхъ изображеніяхъ рус. угодниковъ» (Ibid). Н. В. Покровскаго «Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ». М. 1890. Авторъ сей прекрасной монографіи указываетъ на то, что русская стѣнная иконопись XVI и XVII вв. развилась подъ вліяніемъ Аѳонской иконописной школы, возникшей въ XVI вѣкѣ, съ Панселиномъ во главѣ. (Слѣдуетъ исправить указанное мною въ текстѣ прежнее мнѣніе о времени жизни Панселина, т. е. вмѣсто XII — XIII поставить XV — XVI в.; хотя съ точностью это время все еще не опредѣлено). Н. В. Покровскій относитъ происхожденіе греческаго подлинника, а слѣдовательно и русскаго, также къ болѣе позднему времени. См. также у него нѣкоторые образцы стѣнного росписанія русскихъ храмовъ, относящагося къ XVI в., въ церквахъ московскихъ и ярославскихъ. «Подлинникъ Новогород. редакціи конца XVI в.» (Сборн. Об. Древнерус. Исус. на 1873 г.). Григорова «Русскій лицевой подлинникъ». Записки Археол. Об. Т. III. Вып. 1. Спб. 1887. Онъ также относитъ начало толковаго подлинника ко второй половинѣ XVI вѣка. Его же «Техника фресковой живописи по рус. иконописн. подлиннику». Ibid. Вып. 3 и 4. Спб. 1888.

Лицевое житіе Сергія Радонежскаго, принадлежащее Троицкой Лаврѣ, издано ею въ 1853 г. литографнымъ способомъ. Слова, относящіяся къ характеристикѣ этой миньятюрной живописи, взяты изъ помянутаго изслѣдованія проф. Буслаева «Изъ исторіи рус. живописи». Для характеристики иконописной живописи служитъ еще другое его изслѣдованіе: «Литература русскихъ подлинниковъ». («Очерки». Т. II). Царственная книга, иллюминованная рисунками по рукописи Синодальн. Библіотеки, № 149, издана въ 1769 г. безъ рисунковъ. Образцы ихъ см. у Прохорова въ его «Христіанскихъ Древностяхъ» и у Буслаева (Очерки. Т. II. къ стр. 312). См. также Калачова «О лѣтописныхъ сборникахъ съ картинами». (Въ его журналѣ Архивъ. 1859. № 2). По его словамъ, «рукопись, названная Царств. книгой и изданная Щербатовымъ, есть продолженіе Рукописи Импер. Пуб. Библіот., обнимающей 1154—1472 гг. и другой рукописи той же библіотеки (принесенной въ даръ Шумиловымъ), обнимающей 1472—1558 гг.

Первая издана кн. Щербатовымъ въ 1772 г. подъ заглавіемъ «Царствен. лѣтописецъ»; а вторая, т. наз. Шумиловская рукопись, осталась пока неизданной.

Довольное количество иллюстрацій, относящихся къ Руси XVI вѣка, встрѣчается въ иностранныхъ изданіяхъ и брошюрахъ того времени, касающихся русскихъ событій, особенно военныхъ и дипломатическихъ. Для примѣра укажемъ на нѣмецкую брошюру о пораженіи Москвитянъ подъ Венденомъ въ 1579 г. Къ ней приложены изображеніе князя или боярина въ боевомъ вооруженіи; другое, грудное, въ парадномъ платьѣ и колпакѣ, унизанномъ жемчугомъ; а третье будто бы представляетъ во весь ростъ взятаго въ плѣнъ дьяка Андрея Клобукова (См. «Чт. О. И. и Др.» 1847. №. 3. и въ Сборн. кн. Оболенскаго «Иностранныя соч. и акты, относящіеся до Россіи». М. 1847). Въ Петерб. Пуб. библіотекѣ есть пріобрѣтенный въ Нюренбергѣ листъ съ гравюрою, которая изображаетъ Русское посольство 1576 года въ Регенсбургѣ. Тутъ священникъ отправляетъ богослуженіе передъ столомъ, уставленнымъ образами; а позади стоитъ толпа молящихся; одни творятъ земные поклоны, другіе крестное знаменіе. Во главѣ сего посольства стояли князь Сугорскій и дьякъ Арцыбашевъ (см. Памятн. Дипл. Сношеній. Т. I.). Полное изображеніе посольства на четырехъ гравированныхъ и раскрашенныхъ листахъ хранится въ Висбаденскомъ музеѣ. Вся картина хромолитографирована В. А. Прохоровымъ въ его Рус. Древностяхъ 1872 г. Кромѣ того она издана Д. А. Ровинскимъ въ его «Портретахъ Рус. госуд.». Это отвѣтное посольство сопровождалъ въ Регенсбургъ на обратномъ пути изъ Москвы бывшій здѣсь цесарскимъ посломъ Даніилъ Принцъ Фонъ Бухау. (Сочиненіе сего послѣдняго, озаглавленное Moscoviae ortus et progressus, въ рус. переводѣ Тихомирова помѣщено въ «Чт. О. И. и Др.» 1876 г. Кн. 3 и 4). На достовѣрность иноземныхъ изображеній однако не всегда можно положиться. Спекуляція издателей иногда прибѣгала къ подлогу. Такъ, напримѣръ, изданная въ 1582 г. въ Нюренбергѣ брошюра, посвященная знаменитой Псковской осадѣ, снабжена тремя гравюрами, изображающими городъ Псковъ, Ивана Грознаго, князя Оболенскаго и Антонія Поссевина. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что сіи три портрета суть не что иное, какъ повтореніе трехъ вышепомянутыхъ изображеній, снабженныхъ теперь другими надписями. Такимъ образомъ дьякъ Клобуковъ обратился въ Антонія Поссевина; князь или бояринъ въ боевыхъ доспѣхахъ названъ княземъ Оболенскимъ, а простой князь въ праздничномъ одѣяніи обратился въ самого Ивана Васильевича. Поэтому сія послѣдняя гравюра, обязательно, помимо меня, приложенная редакціей «Истор. Вѣстника» къ моей статьѣ о Грозномъ и Баторіи въ № 3. 1889 г. и заимствованная изъ изданія Д. А. Ровинскаго—оказывается не подлинная. О названной поддѣлкѣ упоминается въ «Библіогр. Запискахъ» Афанасьева. 1858 г. №. 6, стр. 189. и въ, помянутыхъ выше въ прим. 53, «Библіографическихъ отрывкахъ». Туже подложную гравюру приложилъ Шиманъ къ своей компиляціи Russland, Polen und Livland bis ins 17 Jahrhundert у Онкена Всеоб. Ист. Вып. 161. Berlin. 1889.

Первые дошедшіе до насъ портреты Русскихъ государей были иконописные, изображающіе ихъ на подобіе святыхъ. Образцы такихъ портретовъ въ Москов. Арханг. Соборѣ на иконахъ надгробныхъ. Тутъ в. к. Василій Ивановичъ изображенъ въ иноческомъ образѣ и съ вѣнцомъ святости; слѣдовательно написанъ послѣ смерти и безъ соблюденія точнаго сходства. См. Изслѣдованіе Г. Д. Филимонова «Иконные портреты русскихъ царей». Вѣст. Об. Др.-Рус. Искус. М. 1875. 6—10. «Портретъ Ливон. королевы Маріи Владимировны», въ Москов. Оружейной Палатѣ—копія съ нѣмецкаго оригинала (Ibid). Д. А. Ровинскаго «Словарь гравированныхъ портретовъ». Спб. 1872. Его же «Достовѣрные портреты Московскихъ государей Ивана III, Василія Ивановича и Ивана IV Грознаго». Спб. 1882. Въ этомъ прекрасномъ изданіи портреты означенныхъ государей заимствованы изъ разныхъ нѣмецкихъ космографій и другихъ книгъ XVI в. Несмотря на попытку издателя выдѣлить изъ нихъ достовѣрные, и сіи послѣдніе все таки остаются сомнительными. Наиболѣе вѣроятія заслуживаютъ только изображенія Василія III, приложенныя къ запискамъ Герберштейна и Павла Іовія. А изображенія Ивана IV или представляютъ смѣшеніе съ изображеніями его отца, или являются совершенно фантастичными. Болѣе цѣнный матеріалъ въ этомъ изданіи представляютъ картины бытоваго характера. Напр. взятыя изъ Герберштейна изображенія русскихъ всадниковъ (въ стеганыхъ тегиляяхъ, съ стоячимъ толстымъ воротникомъ, съ саадаками и колчанами, на высокихъ сѣдлахъ), принадлежностей русскаго вооруженія и ѣзды на саняхъ, сопровождаемыхъ пѣшеходами на лыжахъ. (№№ 34—37). При запряжкѣ коней видна уже дуга, на болѣе древнихъ памятникахъ почти невстрѣчающаяся; сидящій въ саняхъ иногда самъ правитъ лошадью; а иногда особый возница, который сидитъ на ней верхомъ. Особенно любопытны изображенія двухъ русскихъ посольствъ: Колычова и Сугорскаго. Сіе послѣднее, какъ уже сказано, снято съ Висбаденскаго оригинала, составленнаго изъ четырехъ отдѣльныхъ листовъ или досокъ и раскрашеннаго. Посольство изображено въ цвѣтныхъ кафтанахъ съ петлицами и опушенныхъ мѣхомъ шапкахъ. Впереди лицъ, несущихъ царскіе подарки (связки или сороки соболей), находится подъячій Монастыревъ, который держитъ на подушкѣ царскую грамоту. (Изъ другого, отдѣльнаго его изображенія видно, что онъ то и является потомъ въ помянутой брошюрѣ о Венденскомъ пораженіи подъ именемъ дьяка Клобукова). Очень любопытна большая картина, нарисованная и гравированная нѣмецкими художниками, представляющая русское посольство въ Гроднѣ, въ 1567 г. Во главѣ этого посольства, отправленнаго Иваномъ IV къ Сигизмунду Августу, стояли бояринъ Умный-Колычовъ, дворецкій Нагой и дьякъ Василій Щелкаловъ; военная посольская свита простиралась до 1200 человѣкъ. В. В. Стасовъ въ статьѣ «Православныя церкви въ Западной Россіи въ XVI вѣкѣ» (Сборникъ Археол. Инст. Кн. 3. Спб. 1880) описываетъ эту гравюру. На ней—говоритъ онъ—«представлены два важныхъ сановника, польскій и русскій (Колычовъ), въ богатѣйшихъ полувосточныхъ одеждахъ; быстрымъ движеніемъ

они подходять другъ къ другу и жмутъ одинъ другому руку. Позади каждаго прислужникъ держитъ богато убраннаго коня; далѣе слѣдуетъ многочисленная свита. Съ одной стороны подпись: Polnis Reuterey, съ другой: Moscoviter Reuterey und ihre Coloske oder Wagen (Московитская конница и ихъ коляски или повозки). Русскіе представлены въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ и длинныхъ кафтанахъ, съ саблями, щитами, булавами, луками и стрѣлами, знаменами и значками; у каждаго въ рукахъ по плети; ружей ни у кого не видать (въ противуположность Полякамъ); въ числѣ конныхъ видны и два барабанщика съ продолговатыми барабанами. Позади всей свиты появляется многочисленный обозъ, состоящій изъ двуколесныхъ и четыреколесныхъ крытыхъ телѣжекъ, въ родѣ кибитокъ; запряженныя въ нихъ лошади—съ очень длинными дугами, вѣтви которыхъ спускаются до самыхъ колѣнъ лошадей». (стр. 56—57). Экземпляръ этой рѣдкой гравюры есть и въ Петерб. Публичн. Библіотекѣ. Портретъ Ивана Грознаго, приложенный Устряловымъ къ изданію сочч. Курбскаго, заимствованъ изъ одной рукописи, хранящейся въ Акад. Худ. См. также Собко «Древнія изображенія русскихъ царей». (Сборн. Археол. Инст. 1881 кн. 5). Вообще для русскихъ гражданскихъ древностей прекрасное пособіе представляетъ П. И. Савинтова «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора». Извлечено изъ рукописей Архива Московской Оружейной Палаты и снабжено весьма нелишнимъ объяснительнымъ словаремъ. Спб. 1865. Это сочиненіе частію касается XVI вѣка. Разборъ его И. И. Срезневскимъ въ девятомъ присужденіи Уваровскихъ премій. Изъ названнаго словаря для примѣра приведемъ встрѣчающееся въ моемъ текстѣ на стр. 418 слово «нохтермянный» саадакъ или налучье. У Саваитова на стр. 222: «нахтермянный-сдѣланный изъ кожи мездрой на лицо».

Для поясненія упомянутыхъ нѣмецкихъ гравюръ приведемъ сообщеніе англичанина Дженкинсона о костюмѣ русскихъ знатныхъ и зажиточныхъ людей того времени. «Верхнее платье изъ парчи, шелка или сукна, длинное, застегивается серебряными пуговицами или тесьмой съ петлицами; рукава очень длинны; все платье топорщится. Подъ нимъ другое длинное платье съ шелковыми пуговицами и высокимъ стоячимъ воротникомъ. Рубашка шелковая, съ воротникомъ унизаннымъ жемчугомъ. Порты холстинные, сапоги изъ красной или желтой кожи. На головѣ колпакъ, украшенный серебряными, иногда золотыми пуговками и жемчугомъ, или широкая лисья шапка». А Ченслеръ замѣтилъ, что «Русскіе въ иностранныхъ земляхъ или у себя при пріемѣ иностранцевъ одѣваются чрезвычайно пышно; а въ другое время и самъ государь ходитъ въ скромномъ платьѣ». (Середонина «Извѣстія Англичанъ о Россіи XVI вѣка». Чт. О. И. и Др. 1884. IV).

88. Главнымъ источникомъ свѣдѣній о первой типографіи въ Москвѣ служитъ послѣсловіе Апостола, изданнаго въ 1564 г. О сожженіи печатнаго дома въ Москвѣ говоритъ Флетчеръ въ гл. XXI. И. Снегирева: «О сношеніяхъ датскаго короля Христіана III съ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ». Рус.

Истор. Сборникъ. Т. IV. Въ этомъ сочиненіи и особенно въ Учен. Запискахъ Москов. Унив. 1835 г. Снегиревъ утверждалъ, что подпись на Псалтырѣ 1577 года, напечатанная Андроникомъ Невѣжею «въ Слободѣ», не означаетъ Александровскую Слободу, а Московскую на Вздвиженкѣ между Арбатомъ и Никитской улицею. Но Антоній Поссевинъ, утверждающій, что первой типографіей своей городъ Москва обязана Польшѣ, въ своемъ Comment. de rebus Moscovit., прямо указываетъ, что Иванъ IV завелъ типографію въ Слободѣ Александровской. О дѣятельности москов. первопечатниковъ въ Западной Руси свидѣтельствуютъ: предисловіе Заблудовскаго Евангелія учительнаго 1570 г.; послѣсловіе Львовскаго Апостола 1574 года; надпись на послѣднемъ листѣ Острожской Библіи 1581 г.; грамота Гедеона Балабана 1585 года, и нѣкоторые другіе акты, изданные Зубрицкимъ въ его соч. «Historyczne badania o drukarniach w Galicyi. Lwow. 1836. См. также А. С. Петрушевича «Иванъ Өедоровъ, русскій первопечатникъ». Львовъ. 1883. Любопытный, основанный на документахъ Львовскихъ архивовъ, очеркъ С. Л. Пташицкаго «Иванъ Өедоровъ, московскій первопечатникъ» (Русск. Стар. 1884. Мартъ). Авторъ сего очерка сообщаетъ, что надгробная плита Ивана Өедорова уже уничтожена. А. С. Будиловича «Апостолъ львовской первопечати Ивана Өедорова Москвитина» (Памят. Рус. Стар. въ запад. губб. VII. Спб. 1885). Я. Ө. Головацкаго: «Нѣсколько словъ о Библіи Скорины». (Науков. Сборн. 1865. Т. IV). «Отношеніе перевода Скорины къ вульгатѣ и древнеславянскому тексту» (Чтеніе въ Об. Люб. дух. просв. 1877 г. Ноябрь). Изслѣдованіе П. В. Владимірова «Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ». Спб. 1888. Рецензія на это изслѣдованіе А. И. Соболевскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1888. Октябрь. Маруша Нефедьевъ, «мастеръ печатныхъ книгъ», упоминается въ царской грамотѣ новогородскимъ дьякамъ въ 1556 году. Этотъ Маруша посылается въ Новгородъ для осмотра камня, приготовленнаго для церковнаго помоста. «Да Маруша жъ намъ сказывалъ, что есть въ Новѣгородѣ, Васюкомъ зовутъ, Никифоровъ, умѣетъ рѣзати рѣзь всякую, и вы бы того Васюка прислали къ намъ на Москву, съ Марушею жъ вмѣстѣ». (Дополн. къ Акт. Ист. I. № 96). М. б. этотъ Васюкъ понадобился именно для типографіи какъ искусный рѣзчикъ. См. также: В. Сопикова «Опытъ Рос. библіографіи». Ч. I. Спб. 1813. П. Строева: «Описанія старопечатныхъ книгъ въ библіотекахъ гр. Ө. Толстого и И. Царскаго». М. 1829 и 1836 гг. и Дополненіе къ симъ описаніямъ. М. 1841. И. Сахарова: «Обозрѣніе славяно-русской библіографіи». 1849. И. Каратаева «Хронологич. роспись славянскихъ книгъ, напечатанныхъ кириловскими буквами». 1491—1730». Спб. 1861. «Хронологич. указатель славяно-рус. книгъ церковной печати съ 1491 по 1864 г. Вып. I-й. В. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ө. Бычкова и А. Викторова». М. 1871. В. Е. Румянцева: «Древнія зданія Московскаго Печатнаго двора». М. 1869. Его же «Свѣдѣнія о гравированіи и граверахъ при Москов. Печатномъ дворѣ». М. 1870. Его же «Сборникъ памятниковъ, относящихся до книгопечатанія

въ Россіи». М. 1872. На этотъ трудъ рецензія А. Ѳ. Бычкова «Отчетъ о семнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова». Любопытна приписъ къ Евангелію, напечатанному въ Вильнѣ въ 1575 году и потомъ въ XVII вѣкѣ пожертвованному вдовою Кирѣевскою въ Успенскій соборный храмъ въ Каширѣ. (Извѣстія Археол. Общ. Т. X. 266). О началѣ русскаго гравированія см. Д. А. Ровинскаго «Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года». М. 1870.

89. Домострой изданъ Д. П. Голохвастовымъ, по списку т. наз. Коншина, во Временникѣ Об. Ис. и Др. кн. I. М. 1849 г. Это полный изводъ, заключающій въ себѣ и 64 главу, которая содержитъ поученіе Сильвестра своему сыну Анфиму или такъ наз. Малый Домострой. Болѣе древній списокъ, первой половины XVI вѣка, принадлежитъ Обществу И. и Др. и представляетъ другой изводъ, болѣе сокращенный; онъ изданъ въ Чт. Общества 1881 г. кн. 2. Еще ранѣе того иное изданіе Домостроя сдѣлано Кожанчиковымъ подъ редакціей Яковлева въ 1867 по рукописямъ С.-Петерб. Пуб. библіотеки. Какъ дополненіе къ Домострою напечатаны во Времен. Об. И. и Др. въ книгѣ 6-й «Книга во весь годъ въ столъ ѣствы подавать» и въ книгѣ 25-й «Чины свадебные». (Эти оба добавленія отсутствуютъ въ спискѣ Коншина и встрѣчаются въ спискѣ Общества Ист. и Др.; въ послѣднихъ за то отсутствуетъ поученіе Сильвестра сыну Анфиму). Въ предисловіи къ первому дополненію г. Забѣлинъ согласно съ Голохвастовымъ приписываетъ Сильвестру полное авторство Домостроя. Къ этому мнѣнію примкнули: Буслаевъ (Историч. Хрестом.) К. Аксаковъ (Рус. Бесѣда 1856, кн. IV), И. Порфирьевъ («Домострой Сильвестра» въ Правосл. Собесѣд. 1860 г. ч. III.) и Срезневскій (Введеніе къ сборнику Сильвестра 1860 г.). Нѣкоторое сомнѣніе въ автор ствѣ Домостроя выразили Афанасьевъ («объ Археологическомъ значеніи Домостроя» въ Отеч. Зап. 1850, т. LXXXI.) и Соловьевъ («Исторія Россіи» т. VII, гл. I). Наиболѣе полное, добросовѣстное изслѣдованіе о Домостроѣ принадлежитъ проф. Некрасову: «Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя», въ Чт. Об. И. и Др. 1872, кн. 3. Онъ разсмотрѣлъ дошедшіе до насъ списки этого памятника, указалъ его источники, раздѣлилъ его списки на два извода, а содержаніе на три части и пришелъ къ такому заключенію: во первыхъ, Сильвестръ не былъ его авторомъ, и эта книга сложилась постепенно; во вторыхъ, составлена она не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ. На это изслѣдованіе, спустя 16 лѣтъ, представлены были возраженія Михайловымъ: «Къ вопросу о редакціяхъ Домостроя, его составѣ и происхожденіи». Ж. М. Нар. Пр. 1889. Февраль и Мартъ. Возраженія его не опровергли перваго и главнаго вывода проф. Некрасова, относительно авторства Сильвестрова; но второе его заключеніе онѣ до нѣкоторой степени поколебали: Домострой по своему происхожденію и составу, можетъ быть, совмѣстилъ въ себѣ черты и Новогородской, и Московской Руси. См. отвѣтъ И. С. Некрасова: «Къ вопросу о Домостроѣ». Ж. М. Н. Пр. 1889. Іюнь. И опять Михайлова: «Къ вопросу о Домостроѣ». Ibid. 1890. Августъ.

Въ поученіи Сильвестра своему сыну Анфиму между прочими наста-

вленіями есть слѣдующее мѣсто: «Аще людемъ твоимъ лучитца съ кѣмъ брань гдѣ нибудь и ты на своихъ брани; а кручиновато дѣло, и ты ударь, хоти и твой правъ: тѣмъ брань утолиши, такъ же убытокъ и вражда не будетъ». Соловьевъ, чрезъ мѣру возвеличившій Ивана Грознаго и смягчающій его злодѣянія, естественно не благоволитъ къ Сильвестру. Поэтому онъ съ особымъ усердіемъ воспользовался приведенными словами Поученія, и упрекаетъ знаменитаго мужа въ томъ, что онъ былъ плохой христіанинъ, хотѣвшій исполнить только форму, а не духъ христіанскаго ученія; ибо «считаетъ позволительнымъ бить домочадца, хотя бы онъ и справедливъ былъ». (Ист. Рос. VII, 228). Но во первыхъ, возможно ли вполнѣ прилагать къ XVI вѣку мѣрку нравственныхъ воззрѣній и общественнаго развитія вѣка XIX? А, во вторыхъ, Сильвестръ, вообще ратующій не только за мягкое человѣчное отношеніе къ рабамъ, но и прямо за ихъ свободу въ эпоху крайне грубыхъ нравовъ и развитія рабства, конечно предлагаетъ не какіе нибудь жестокіе побои, столь обычные въ то время, а просто совѣтуетъ для виду только ударить своего человѣка, чтобы прекратить серьёзную ссору, грозившую большими и дурными послѣдствіями. Мы можемъ не хвалить его за такой совѣтъ; но и строго осудить его не имѣемъ достаточныхъ основаній. Относительно той характеристики, которую Соловьевъ даетъ вообще Сильвестру, вѣскими фактами подтвержденныя возраженія представилъ Архим. Леонидъ въ упомянутомъ выше изслѣдованіи «Благовѣщен. іерей Сильвестръ и его писанія». Чт. О. И. и Др. 1874, кн. 1. Относительно русскаго быта вообще укажу на сочиненія Костомарова «Очеркъ домашней жизни и нравовъ Великорусскаго народа въ XVII и XVI столѣтіяхъ». Разборъ сего сочиненія Ѳ. И. Буслаевымъ см. въ XXXI присужденіи Демидовскихъ премій.

Образчикъ сказанія о злыхъ женахъ см. «Притчу о женской злобѣ» въ Памят. Старин. Рус. Лит.» Вып. 2. Ibid. Вып. 1 издана «Повѣсть объ Уліаніи Муромской» или Лазаревской. Прекрасную монографію о ней см. Буслаева «Идеальные женскіе характеры» въ Очеркахъ Рус. нар. словес. и искус. Т. II. «Сколь ни умилительна нѣжная, благочестивая личность самой героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накидываютъ темный печальный колоритъ на весь разсказъ, даже не смотря на то, что онъ согрѣтъ непритворною сыновнею любовью автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое, непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края»—говорится въ этой монографіи. Но необходимо имѣть въ виду, что житіе Юліаніи составлено ея сыномъ очевидно по образцу житій святыхъ съ соблюденіемъ обычныхъ агіографическихъ пріемовъ, и этимъ обстоятельствомъ до извѣстной степени условливается сумрачный, печальный колоритъ всего разсказа. Какъ на попытку набросать «Исторію русской женщины» укажу на публичныя лекціи Чудинова. Воронежъ. 1872.

90. И. М. Снегирева «Памятники Московской древности». М. 1842—1845. А.А.Мартынова «Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. М. 1846. (Текстъ Снегирева). Его же

«Подмосковная старина». М. 1889 г. Ѳ. Рихтера «Памятники древняго Русскаго зодчества». М. 1851. (Текстъ Дубенскаго). И. А. Чаева. «О русскомъ старинномъ церковномъ зодчествѣ». Древ. и Нов. Россія. 1875. № 6. Тутъ онъ предлагаетъ любопытную, но едва ли пріемлемую догадку о томъ, что основою для общаго плана отдѣльныхъ частей и иконописи Покровскаго Собора послужило житіе Андрея Юродиваго, которому въ видѣніи явилась Богоматерь (Минеи Четьи, Октябрь, 2-й день). И. Е. Забѣлина «Черты самобытности въ древнерусскомъ зодчествѣ». Древ. и Нов. Рос. 1878. №№ 3 и 4. Віоле-ле-дюкъ L'art russe. Paris. 1877. (Русскій переводъ Султанова. М. 1879.). Критическая брошюра на это сочиненіе (кажется, принадлежащая графу С. Г. Строганову), снабженная рисунками. Спб. 1878. Тутъ изъ двухъ видовъ церкви Василія Блаженнаго, представляющихъ ее въ XVI и XVII вѣкахъ, ясно выступаютъ происшедшія отъ перестроекъ въ ней измѣненія; но вопросъ, на сколько вѣрно изображается при семъ первоначальный видъ церкви? Вообще брошюра относится отрицательно къ выразившемуся въ ней русскому самобытному вкусу и творчеству; а объясняетъ шатровые или пирамидальные храмы просто подражаніемъ тѣмъ башнямъ, которыя были построены итальянцами при сооруженіи стѣнъ Московскаго Кремля—объясненіе гадательное и маловѣроятное. Худож. Султанова «Образцы древнерусскаго зодчества въ миніатюрныхъ изображеніяхъ». Памятники Древ. Письменности. VIII. Спб. 1881. О юродивомъ или блаженномъ Василіи см. Степен. кн. 195 и 245. У Карамз. къ Т. VIII. прим. 147. Востокова «Опис. Румянц. муз.» 526 и 719. Псков. лѣт. подъ 1588 г. объ исцѣленіяхъ отъ мощей Василія нагого Московскаго. (П. С. Р. Л. IV. 320). «Словарь историческій о всѣхъ святыхъ въ Россіи просіявшихъ». Извлеченное изъ лѣтописцевъ, извѣстіе о построеніи Покровскаго Собора «о девяти верхахъ» у Карамз. Т. VIII. Прим. 587. О построеніи Вознесенскаго храма въ селѣ Коломенскомъ см. Никонов. лѣт. подъ 1532—3 г.

Изъ многихъ памятниковъ русскаго художества XVI вѣка, относящихся къ церковной утвари, укажемъ на изящный складень или «Серебряный золоченый украшенный рѣзьбою и сканью ковчегъ», принадлежащій Его Величеству Государю Императору. Описаніе его Г. Д. Филимоновымъ см. «Памятники Древней письменности». 1884 г. По нѣкоторымъ даннымъ, этотъ складень, со вложеннымъ въ него рѣзнымъ деревяннымъ наперстнымъ крестомъ и съ частицами мощей, служилъ походнымъ или попутнымъ для одного изъ русскихъ государей. Князь П. П. Вяземскій тутъ же на основаніи рукописи «Казанскаго лѣтописца» заключаетъ, что по всей вѣроятности это именно тотъ крестъ, который отъ Троице-Сергіева монастыря былъ посланъ вмѣстѣ со святою водою и просфорою царю Ивану Васильевичу подъ Казань во время ея осады.

Вообще для церковныхъ древностей важенъ трудъ преосв. Саввы «Указатель патріаршей ризницы и библіотеки», снабженный пояснительнымъ словаремъ. М. 1858. (Его же «Палеографическіе снимки съ рукописей» сей библіотеки. М. 1863). Въ отношеніи къ церковнымъ древ-

ностямъ XVI вѣка любопытна записка П. И. Савантова «Строгановскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій соборъ» съ приложеніемъ соборной описи 1579 года и съ древнимъ видомъ Благовѣщенскаго собора. Спб. 1886. Изданіе Общ. любит. древн. письменности. Въ изданіяхъ сего общества разсѣяно немало цѣнныхъ снимковъ. Укажу въ особенности Ѳ. И. Буслаева «Сводъ изображеній изъ лицевыхъ Апокалипсисовъ по русскимъ рукописямъ съ XVI вѣка по XIX». Спб. 1884. Для объясненія снимковъ его же отдѣльная книга подъ тѣмъ же заглавіемъ. М. 1884. О сей книгѣ см. отчетъ проф. Кондакова въ Ж. М. Н. Пр. 1885. Іюль.

91. Станислава Ростовскаго Lituanicarum societatis Iesu historiarum provincialium pars prima. Wilnae. 1768. Рыхцицкаго Piotr Scarga i wiek iego. Krakow. 1850. Лукашевича Historia szkól w koronie i wielkiem księstwie Litewskiem. Poznan. 1856. Ярошевича Obraz Litwy. III. Балинскаго Dawna Akademia Wilénska. Spt. 1862. Гр. Д. Толстаго Catolicisme Pomain en Russie. Paris. 1663 — 64. Жуковича «Кардиналъ Гозій и Польская церковь его времени». Спб. 1882. А. Демьяновича «Іезуиты въ Западн. Россіи съ 1569 по 1772 г. (Ж. М. Н. Пр. 1871. Августъ—Декабрь). И. Сливова «Іезуиты въ Литвѣ» (Рус. Вѣст. 1875 г. Іюль—Октябрь). «Жалован. грамота Баторія 1582 г. января 20 на основаніе іезуит. коллегіи и присвоеніе ей всѣхъ Полоцкихъ православ. монастырей и церквей съ отчинами и имуществомъ ихъ, за исключеніемъ архіеписк. каѳедры». (А. Сапунова Витебская Старина. Т. V. Ч. I. Витебскъ 1888. Подъ № 49 въ русс. переводѣ, и въ прибавленіяхъ латинскій текстъ этой грамоты). «Опись церковныхъ и монастырскихъ имѣній, отданныхъ Баторіемъ Полоцкой іезуитской коллегіи». (Историко-юрид. матаріалы въ Централ. Витеб. Архивѣ. Сазонова. Вып. 2. 1871). «Похожденіе въ землю Святую князя Радивила Сиротки» съ объясненіями П. А. Гильтебрандта. Спб. 1879. (Приложеніе къ т. XV «Извѣстій» Географ. Общ.). Проф. Любовича «Къ исторіи іезуитовъ въ литовско-русскихъ земляхъ вь XVI в.» Варшава 1888 г. (Изъ Варшав. Университ. Извѣстій). Главная его мысль та, что значеніе іезуитовъ въ событіяхъ того времени преувеличено. Его же весьма обстоятельное изслѣдованіе «Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ». Варшава, 1890. Проф. Карѣева «Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ». М. 1886. Ор. Левицкаго «Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси». (Кіев. Старина. 1882. Апрѣль и Май).

92. Архивъ Юго-запад. Россіи, изд. Времен. Комиссіи. Т. I. Кіевъ. 1859 г. Георгія Конисскаго «Записки о томъ, что въ Россіи до конца XVI вѣка не было никакой уніи съ Римской Церковью» (Чт. О. И. и Др. 1847. № 8). Н. Бантышъ-Каменскаго «Историческое извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи». М. 1795. Евгенія Болховитинова «Описаніе Кіево-Софійскаго собора и Кіевской іерархіи». Кіевъ. 1825. Проф. Кояловича «Литовская церковная унія». Т. I.

Спб. 1859. Преосв. Макарія «Исторія Рус. Церкви». Т. IX. Спб. 1879. И. Чистовича «Очеркъ исторіи Западно-Русской Церкви». Ч. I. Спб. 1882. «Гедеонъ Балабанъ, епископъ Львовскій». (Вѣст. юго-запад. и запад. Россіи. 1864. Іюль, Августъ и 1867. кн. 2.). Посланіе галицко-русскихъ дворянъ къ митрополиту Онисифору и цареград. патріарху въ Акт. Запад. Р. Т. III. № 146 и Т. IV. № 33.

93. Rerum Polon. ab excessu Stephani regis ad Maximiliani Austriaci captivitatem liber singularis въ изданіи Чьямпи. Flor. 1827. Пшездецкаго—Zrzódła до dziejów polskich. I. Pametniki до Życia i sprawy Zborowskich. Zebral Żegota Pauli. Грамоты, отправленныя изъ Москвы съ Ржевскимъ къ панамъ по поводу кандидатуры царя въ январѣ 1587 г., и нѣкоторые другіе документы см. у Щербатова Т. VI. Ч. I. 127—128 и 132—135. Ч. II. 151—152, 160—162, 165—168, 190—196. Гейденштейна—Vita J. Zamoyscii (Collectanea—ed Dziàlynski. 1861). Каро—Das interregnum Polens im Jahre 1887. Gotha. 1861. Пирлингъ—S. Siége, Pologne et Moscou. Рецензія на это соч. проф. Успенскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1885.

94. Источники. О посѣщеніи патріархомъ Іеремією Литовской Руси (низложеніи Онисифора, поставленіи Михаила Рагозы митрополитомъ и прочихъ его дѣйствіяхъ) письмо епископа Луцкаго къ папскому нунцію Аннибалу 23 августа 1583 г. у Тейнера Vetera Monum. Poloniae et Lithuaniae. III. №. 46. Арсенія архіепископа Элассонскаго—Iter in Moscoviam въ Hist. Ruthen. Scriptoris exteri, изд. Старчевскаго Т. II. Supplement. ad Hist. Rus. Mon. № 60. Собраніе грам. городовъ Вильны, Ковны. II. №№ 3 и 5. Акты Запад. Росс. III. № 110. IV. №№ 5, 16. Акты Юж. и Зап. Рос. I. № 191, II. № 157. Полн. Соб. Р. Лѣт. II. 369—871. Архивъ Юговападн. Рос. I. № 17, 60. Эпоха Брестскихъ соборовъ 1590—1595 гг. Акт. Зап. Рос. IV. №№ 22—92 съ перерывами. № 71 (Окружное посланіе кн. Острожскаго съ убѣжденіемъ стоять за православную вѣру). Архив. Юго-запад. Росс. I. Съ обширнымъ руководящимъ введеніемъ Иванишева. К. 1859 г. Акты. №№ 65, 69—76, 79, 81—87, 101—114. Памят. изд. Кіев. ком. №№ 6—9. Архивъ Юж. и Зап. Р. I. №№ 202, 218. II. № 161. Supplem. ad Hist R. Mon. №№ 61—63, 182—184, 186. Тейнера Vet. mon. Pol. et Lithuan. III. № 185 (артикулы уніи, въ латин. переводѣ). Вилен. Археогр. Сборн. I. № 64. VII. № 40. VIII. № 7. П. С. Р. Л. II. 362. Архивъ Югозапад. Россіи. Ч. I. К. 1883. Обширное введеніе О. Левицкаго. Акты №№ XLI—CXXXVIII. Акты Вилен. Археогр. Коммисіи. Т. XVI. Съ прекрасной вступительной статьей Ю. Крачковскаго.

Сочиненія объ уніи и пособія. Скарги O zgadziei iednosci Kosciola Bożego pod jednym pasterzem. 1591. (Перепечатано въ VII т. Рус. Истор. Библ. Спб. 1882). Лукашевича Dzieje Kosc. wyznania helweck. w Litwie. Poznań 1842—43 (Рус. переводъ А. Хмельницкаго въ Чт. О. И. и Др. № 8. М. 1847). Зубрицкаго «Лѣтопись Львовскаго братства». Его же «Начало Уніи». Переводъ съ польскаго Ап. Майкова въ Чт. О. И. и Др. 1848. кн. VII. Льва Кишки біографія Потѣя при изданіи его проповѣдей: Kazania i Homiliae męża Bożego Hipacyusza Pocieja metrop. Kijow. w Supraslu. 1714. Гарасевича Annales ecclesiae Ruthenae. Leo-

poli. 1862. Флерова «О православныхъ церковныхъ братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи въ Югозападной Россіи». Спб. 1857. Нѣкоторые документы, относящіяся къ исторіи сихъ братствъ, разсѣяны въ Вѣст. Юж. и Югозап. Россіи, издававшемся Говорскимъ. О происхожденіи сихъ церковныхъ братствъ отъ древне-русскихъ складчинъ на праздничные пиры см. Соловьева «Братчины» (Журн. Русск. Бесѣда). Въ западной Руси эти складчины назывались кануны. Напр. въ привилеи короля Сигизмунда Витебскимъ мѣщанамъ, 1551 года, дозволяется имѣть ежегодно три братскіе «склады—кануны» (А. П. Сапунова Витеб. Старина. I. 1883, стр. 191). Назывались они такъ, потому что сладкій напитокъ изъ меда приготовлялся почти наканунѣ праздника. (Теодоровича «Историко-статистич. описаніе Волынской епархіи». Т. I. Почаевъ, 1888, стр. 124. Со ссылкою о словѣ «канунъ» или «канонъ» на статью Барановскаго въ Волын. епарх. Вѣдд., № 17). Проф. Кояловича «Литовская Церковная унія». Т. I. Спб. 1859. Укажу также на три популярные очерка: проф. Петрова о Гедеонѣ Балабанѣ и О. И. Левицкаго о Кириллѣ Терлецкомъ и Ипатіи Потѣѣ, съ приложеніемъ ихъ портретовъ, въ Памятникахъ Рус. Старины въ Запад. губб. Изд. съ высоч. соизв. П. Н. Батюшковымъ. Вып. 8-й. Холмская Русь. Спб. 1885. Того же Левицкаго «Южно-русскіе архіереи XVI—XVII вв. (Кіев. Стар., 1882. Январь).

Любопытны нѣкоторыя легенды, возникшія въ православной сторонѣ по поводу іерарховъ—отщепенцовъ. Такъ назыв. Густынская лѣтопись, напримѣръ, разсказываетъ слѣдующее. Когда епископъ Кириллъ Терлецкій постригалъ Потѣя въ монашество, во Владимірѣ Волынскомъ, и постригаемый, одѣтый во власяницу, подошелъ къ царскимъ вратамъ, вдругъ въ церкви поднялся необычайный вихрь, который подвѣялъ подъ власяницу и поднялъ ее Потѣю на голову, такъ что весь задъ до самой шеи раскрылся предстоявшимъ. Еще худшее разсказываетъ легенда о Германѣ, епископѣ Полоцкомъ: когда его ставили на епископство, напалъ на него бѣсъ, и бросилъ его на землю, и онъ безъ памяти «аки мертвъ» пролежалъ всю службу. (П. С. Р. Л. II. 371).

95. О путешествіи Потѣя и Терлецкаго въ Римъ. Тейнера Vetera monum. Poloniae et Lithuaniae. III. №. 185. Баронія Annales ecclesiast. Antverp. 1658. T. VII. Въ концѣ его: De Ruthenis ad communionem saedis apostolicae receptis monumentum. Архивъ Югозапад. Росс. Ч. I. Т. I. №. 116.

О Брестскомъ Соборѣ 1596 года и послѣдующихъ событіяхъ: П. С. Р. Л. II. 372—73. Архивъ Югозап. Рос. Ч. I. Т. I. №№. 120—123. Акты Зап. Рос. IV. №№. 97—160 съ перерывами. Въ № 103 грамота уніатской части собора о признаніи надъ собою папской власти; въ №. 117 слѣдственное дѣло объ экзархѣ Никифорѣ; въ №. 149 рѣчь Константина Острожскаго по сему дѣлу. Неизвѣстнаго автора Ekthesis abo krótkie zebranie spraw, które się działy na partykularnym to iest pomiastnym synodzie w Brzesciu Litewskim. W Krakowie. 1597. (Перепечатано въ Чт. О. И. и Др. 1879 г. кн. I.). Сочиненіе Скарги Synod Brzeski 1596 г. (Перепечатано въ

Рус. Истор. Библіот. Т. VII. 1882 г.) «Апокризисъ албо отповѣдь на книжки о Соборѣ Берестейскомъ—Христофора Филалета»; на польск. изд. въ 1597, на западно-русск. въ 1598, въ переводѣ на современный рус. языкъ въ Кіевѣ въ 1870 г. По старымъ текстамъ, польскому и западно-русскому, сочиненіе это вновь издано въ Рус. Истор. Библ. Т. VII. «Αντίρρησις abo apologia przeciwko Krzystofowi Philaletowi». Изд. сначала по латыни, въ 1599 по русски, въ 1600 г. по польски. Объ авторѣ этой книги греческомъ священникѣ Петрѣ Аркудіѣ упоминаніе см. въ Актахъ З. Р. IV. №№. 141 и 155. Объ авторахъ Апокрисиса и Антирисиса Голубева въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1876. Объ Аркудіѣ см. также Стебельскаго Dwa wielkie swiatła I. «Перестрога» или предостереженіе православнымъ, сочиненное нѣкимъ львовскимъ священникомъ, бывшимъ на Брестскомъ Соборѣ. Изд. въ Акт. З. Р. IV. №. 149. Голубева «Матеріалы для исторіи Западно Рус. церкви» въ Труд. Кіев. Акад. 1878. I. Архивъ Юг.-Зап. Рос. Ч. I. Т. II. №№. 87 ,163. Т. VI. №№. 57—123, съ перерывами. (Споръ и борьба Гедеона Балабана и Кирилла Терлецкаго за Жидичинскій монастырь). Акты Вилен. Археогр. Ком. VIII. №№. 13—15. Постановленія Виленскаго съѣзда 1599 года православныхъ съ евангеликами у Лукашевича «Dzieje kosciołów wyznania Helweckiego w Litwie. Т. I. Poznan. 1843. Еще прежде въ рус. переводѣ у митр. Евгенія «Описаніе Кіевософ. собора». Прибавленіе №. 15. Перепечатано въ Вѣстникѣ Ю. и Ю. Запад. Россіи. 1863. Апрѣль, и Кояловичемъ въ «Документ. объясняющихъ исторію Западнорус. края». Спб. 1865. подъ №. XVII. Крачковскаго «Очерки уніатской церкви». Чт. О. И. и Др. 1871. Начало уніи по отношенію къ городу Вильнѣ см. проф. Васильевскаго въ «Памятникахъ Рус. старины Запад. губб.», изданныхъ по высочайшему повелѣнію П. Н. Батюшковымъ». Выпускъ пятый. Спб. 1872. Глава IV. Относительно литературныхъ указаній см. А. С. Архангельскаго «Борьба съ католичествомъ и западно-русская литература конца XVI вѣка и первой половины XVII вѣка» въ Чт. О. И. и Др. 1888. Кн. I. Голубева «Южнорусскій православный катехизисъ» въ Чт. Историч. Общ. Нестора лѣтописца. Кн. 4. Кіевъ. 1890. Селѣцкаго «Острожская типографія и ея изданія». Почаевъ. 1885. И рецензія на это изслѣдованіе проф. Петрова въ Ж. М. Н. Пр. 1886. Апрѣль.

96. О названныхъ сочиненіяхъ см. предыдущее примѣчаніе. Посланія патріарха Мелетія въ книгѣ проф. Малышевскаго «Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ». Т. II. Приложенія I. №№. 17—26. А также Акты Южн. и Зап. Рос. II. №№. 162 и 164. (Пользуюсь случаемъ указать и на другой трудъ И. И. Малышевскаго, не упомянутый въ прим. 27, «Люблинскій съѣздъ 1569 г.» въ 8 выпускѣ названныхъ выше Памятн. Рус. Стар. въ запад. губб.). Посланія Іоанна Вышенскаго см. Акты Ю. и З. Р. II. Стр. 205—254.

При обсужденіи цѣлей, преслѣдуемыхъ помощію церковной уніи надобно имѣть въ виду не одну религіозную ревность Сигизмунда, іезуитовъ и высшаго польскаго духовенства, а помнить и чисто политическія побужденія. Главнымъ побужденіемъ со стороны польскаго правительства

служило желаніе отвлечь западнорусское православное населеніе отъ сочувствія и тяготѣнія къ единоплеменному и единовѣрному государству Московскому. Въ этомъ отношеніи любопытно свидѣтельство одного изъ инціаторовъ уніи, извѣстнаго Антонія Поссевина, относящееся къ 1581 году: «Въ Руси (Галиціи), Подоліи, Волыни, Литвѣ и Самогитіи, провинціяхъ присоединенныхъ къ Польскому королевству, жители, хотя имѣютъ католическое правительство, но упорно держатся греческой схизмы.... Вслѣдствіе сей схизмы тяготѣющіе къ Москвитянамъ, жители уличены въ томъ, что публично молятся о дарованіи имъ побѣды надъ Поляками». (Suppl od. Hist. Rus. Mon. № II·). О сочувствіи населенія Ивану Грозному во время его войны съ Баторіемъ говоритъ и папскій нунцій Лауреo въ своихъ донесеніяхъ (Вержбовскаго въ Ж. М. П. Пр. 1882. Августъ).

Относительно западно-русскихъ памятниковъ XVI вѣка, преимущественно церковныхъ, см. изданныя съ Высоч. соизв. П. Н. Батюшковымъ «Памятники старины въ запад. губб.». съ рисунками, отдѣльно и въ текстѣ: «Вильна» 1872. «Холмская Русь» 2 т. Спб. 1885. «Волынь» Спб. 1888. «Бѣлоруссія и Литва» Спб. 1890. Въ послѣд. изданіи напр. Супрасльскій Благовѣщенскій монастырь, основанный Ходкевичами въ началѣ XVI вѣка близъ Бѣлостока, внутри сохранившій часть своей фресковой иконописи, а снаружи свои четыре наугольныя башни, которыя придаютъ ему видъ укрѣпленія. (О немъ еще у Бобровскаго «Гродненск. губернія», ч. II). Кромѣ того см. помянутую выше статью В. В. Стасова «Православныя церкви въ западной Россіи въ XVI в.» съ нѣсколькими ихъ видами (Сборн. Археол. Инст. III).

97. Въ числѣ историческихъ очерковъ Шайнохи есть одинъ, озаглавленный Jak Rus polszczała. (Szkice historyczne. T. IV. We Lwowie. 1869). Тутъ разсказывается любопытная исторія, какъ въ Холмской землѣ православно-русская шляхетская фамилія Верещинскихъ около половины XVI вѣка окатоличилась и ополячилась. Федоръ Верещинскій женился на дѣвицѣ Сосновской, также изъ православной семьи. Братъ ея Иванъ даже былъ Холмскимъ епископомъ. Но другой ея братъ Григорій перешелъ въ католичество и сдѣлался ксендзомъ въ Красноставѣ. Отсюда нерѣдко онъ посѣщалъ свою сестру въ Верещинѣ, хотя мужъ ея неохотно принималъ своего олатыненнаго шурина, а гораздо болѣе почиталъ другого шурина, т. е. епископа Холмскаго. Послѣ долгаго ожиданія Небо даровало наконецъ ребенка—сына четѣ Верещинскихъ. Но пока епископъ Иванъ собирался самъ пріѣхать и окрестить новорожденнаго, пронырливый ксендзъ Григорій поспѣшилъ въ Верещинъ, и тутъ, улучивъ минуту, взялъ изъ колыбели ребенка и тайкомъ окрестилъ его по латинскому обряду, назвавъ Андреемъ. Когда пріѣхалъ епископъ и узналъ о случившемся, то поднялъ въ домѣ большой шумъ; но, несмотря на великое огорченіе родителей, дѣло считалось уже непоправимымъ. Ребенокъ остался католикомъ; нелюбимый за то родителями, онъ воспитался преимущественно на попеченіи того же своего дяди ксендза. Женился Андрей уже на дѣвушкѣ

изъ сосѣдней польской семьи, и вообще вошелъ въ кругъ польской шляхты. Межъ тѣмъ польскіе сосѣди тѣснили старика Федора Верещинскаго, заводили съ нимъ поземельные судебные процессы и почти его разорили: тогда онъ помирился съ сыномъ и передалъ ему свое Верещинское имѣніе. Благодаря родственнымъ связямъ съ той и другой стороны, Андрей поправилъ дѣла, и его гостепріимный домъ сдѣлался центромъ, гдѣ собирались сосѣдніе шляхтичи и гдѣ Русины сближались съ Ляхами. Самъ онъ получилъ достоинство коморника, потомъ холмскаго подсудка; а его сынъ Іосифъ былъ уже духовнымъ сенаторомъ, католическимъ кіевскимъ епископомъ и однимъ изъ крупныхъ польскихъ писателей своего времени. Онъ то и оставилъ повѣсть о томъ, какъ ополячился родъ Верещинскихъ. Изъ этой повѣсти, кажется само собой ясно, къ какимъ пронырствамъ, кознямъ и притѣсненіямъ прибѣгали латынство и польщизна для совращенія и ополяченія Русскихъ. А потому не совсѣмъ вѣрными являются заключенія Шайнохи о какомъ то идиллическомъ единеніи Русиновъ и Ляховъ, объ ихъ сердечныхъ, братскихъ отношеніяхъ, благодаря которымъ, съ помощью польской ласковости и общежительности, polszczała Rus ruszczała Polska. Во всякомъ случаѣ онъ затронулъ важный вопросъ объ обоюдномъ вліяніи; тогда какъ русскіе историческіе писатели доселѣ односторонне говорятъ только о польскомъ вліяніи на Западную Русь. Между прочимъ см. проф. Дашкевича «Борьба культуръ и народностей въ Литовско-Русскомъ государствѣ въ періодъ династ. уніи Литвы съ Польшею» (Замѣтки по исторіи Литовско-Рус. государства. Кіевъ. 1885 г.).

Рѣчь Ивана Мелешка напечатана въ Актахъ Западной и Югозапад. Россіи подъ 1589 годомъ. Т. II. №. 158. Вопреки обычаю, издатели при семъ не указываютъ, откуда они заимствовали этотъ документъ. (Редакторомъ сего тома Актовъ былъ Н. И. Костомаровъ). Вишневскій въ своей Historia literatury Polskiej (VIII. 480—484) приводитъ всю эту рѣчь какъ образчикъ бѣлорусскаго языка того времени, и говоритъ, что онъ взялъ ее изъ рукописей канцлера Хрептовича въ Щорсахъ. (Перепечатана въ Вѣстникѣ Говорскаго. 1862. Августъ). Самый документъ этотъ могъ бы подвергнуться вопросу, если бы за его подлинность не говорили предшествующіе ему обличительные очерки польско-русскихъ нравовъ у Михалона и Курбскаго. Только сомнительно, чтобы данная рѣчь была дѣйствительно произнесена на сеймѣ въ присутствіи короля. Можетъ быть, она была только написана. Авторъ ея Иванъ Мелешко является въ данномъ случаѣ русскимъ патріотомъ и слѣдовательно православнымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, въ 1601 году мы находимъ его подпись въ числѣ волынскихъ дворянъ, которые обязываются защищать православное Люблинское братство отъ всякихъ обидъ (Арх. Югозапад. Рос. Ч. II. Т. I. 1861. №. IV. стр. 38). Отсюда можно заключить, что онъ былъ родомъ скорѣе малоруссъ, чѣмъ бѣлоруссъ. При изданіи рѣчи Мелешко названъ каштеляномъ Смоленскимъ; но очевидно это позднѣйшій его титулъ. Смоленскъ былъ тогда еще подъ Москвою. А въ 1589 г. встрѣчаемъ поданную въ Брестскій гродскій судъ жалобу, въ которой «земянинъ, повѣту Берестейскаго панъ Янъ Мелешко» заявляетъ о порубкѣ произ-

веденной чужими крестьянами въ его лѣсу. (Акты Вилен. Археогр. Ком. Т. VI). На помянутомъ выше актѣ 1601 года находится подпись простая: «Иванъ Мелешко рукою власною», безъ означенія должности или званія. Впослѣдствіи онъ повидимому измѣнилъ своей религіи, а слѣдовательно и народности. Въ 1613 году этотъ Иванъ Мелешко, каштелянъ Смоленскій, вмѣстѣ съ своей женой Анной Фурсовной водворилъ Базильянскихъ монаховъ въ мѣстечкѣ Жировицахъ, гдѣ въ то время славилась чудотворная икона Богородицы. Икона сія вмѣстѣ съ храмомъ такимъ образомъ перешла въ руки уніатовъ. См. о томъ Балинскаго Srażytna Polska. III. 684.

По поводу западнорусскихъ шляхетскихъ нравовъ укажу на изслѣдованіе О. И. Левицкаго «Семейныя отношенія въ югозападной Руси въ XVI—XVII вв.» (Рус. Стар. 1880. Ноябрь). Здѣсь онъ, на основаніи судебныхъ актовъ, представляетъ примѣры тому, какъ легко расторгались браки супругами по простому семейному раздору, безъ всякаго участія духовной власти и съ выдачею только другъ другу «роспустныхъ листовъ». Въ этой легкости развода авторъ видитъ какое-то «благотворное вліяніе на семейный бытъ и общественную нравственность». По своему оптимистическому отношенію къ Польско-Литовской Руси онъ составляетъ противоположность съ изслѣдователями нравовъ Московской Руси, которые вдаются въ крайній пессимизмъ. Примѣромъ послѣдняго въ особенности служитъ Жмакина «Русское общество XVI вѣка» (Древняя и Новая Россія. 1880. Февраль и Мартъ). Но тотъ же авторъ, т. е. О. И. Левицкій, рисуетъ передъ нами безотрадную картину западнорусскихъ семейныхъ нравовъ въ своемъ «Историко-бытовомъ очеркѣ изъ жизни волынскаго дворянства XVI вѣка», озаглавленномъ «Ганна Монтовтъ» (Кіевская Старина. 1888. Январь—Мартъ). Эта историческая повѣсть, основанная также на судебныхъ актахъ, напоминаетъ исторію Беаты и Гальшки, но еще съ болѣе неприглядными подробностями. Главною пружиною дѣйствія являются все тѣ же права женщины на богатое наслѣдство, около котораго разыгрываются всевозможные интриги, обманы, грубое насиліе и всякія преступленія. Женщину насильно заставляютъ вступить въ четвертый или пятый бракъ, и все-таки на судѣ она принимается за жену законную. Люди, у всѣхъ на глазахъ совершающіе по нѣскольку разъ беззаконія, подлежащіе по Литовскому статуту смертной казни, производящіе вооруженный захватъ имѣній и т. п., являются истцами на судѣ и не только остаются безнаказанными, но иногда добиваются нужныхъ имъ приговоровъ.

Относительно третьяго Литовскаго Статута см. Даниловича въ «Юридич. запискахъ», проф. Редкина. Т. I. М. 1841. Третій Статутъ перепечатанъ во Времен. Об. И. и Др. Кн. 19. 1854 г. подъ редакціей И. Бѣляева. Тамъ-же во Времен. (Кн. 25. М. 1857.) перепечатанъ съ виленскаго изданія Мамоничей 1586 года «Трибуналъ обывателямъ в. княжества Литовскаго на сойме Варшавскомъ даны року 1581». Трибуналъ Волынскій 1589 года см. Volumina legum. II. 292 и слѣд. Вопросъ о вліяніи польскаго права на раннее превращеніе помѣстій въ вотчины въ Литовско-Русскомъ государствѣ затронутъ Владимірскимъ-Будановымъ. См. его изслѣдованіе въ Чт. Ист. Общ., кн. 3. Кіевъ. 1889.

О границахъ между Польской короной и великимъ княжествомъ Литовско-Русскимъ до и послѣ Люблинской уніи (границъ часто спорныхъ и неопредѣленныхъ) см. обстоятельное изслѣдованіе С. В. Шолковича въ Памятникахъ Рус. Старины. П. Н. Батюшкова Вып. 8. Кстати укажу здѣсь, относящееся собственно къ прим. 18 и 19, изслѣдованіе М. Ясинскаго «Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства». Кіевъ 1882.

О процвѣтаніи Польской литературы и польскихъ поэтахъ и историкахъ XVI вѣка см. въ особенности Вишневскаго Historya literatury Polskiej. Т. VI и VII. Краковъ 1844—1845, и отчасти Кондратовича «Исторія Польской литературы» въ переводѣ на рус. языкъ Кузьмина. М. 1860. См. также Пыпина и Спасовича «Исторія Славянскихъ литературъ». Т. II., изд. 2-е. Спб. 1881. Польскія сочиненія Кленовича изданы въ Краковѣ въ 1829 г. О трехъ польскихъ историкахъ, Гейденштейнѣ, Іоахимѣ Бѣльскомъ и Д. Суликовскомъ, существуютъ три польскія монографіи Владислава Нерннга, изданныя въ Познани въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Хроника Стрыйковскаго есть въ большомъ Собраніи Лаврентія Мизлера. Варш. 1761. Т. І. Отдѣльное изданіе въ двухъ томахъ, съ обширнымъ введеніемъ Даниловича, посвященнымъ какъ Стрыйковскому, такъ и вообще литовско-русскимъ лѣтописямъ. Варшава. 1846. Для начальной Литовской исторіи Стрыйковскій въ особенности пользовался западно-русскою лѣтописью первой половины XVI вѣка, извѣстной подъ именемъ владѣтеля рукописи Быховца. Эта рукопись написана латинскимъ алфавитомъ, и въ такомъ видѣ издана Нарбутомъ. Вильно. 1846. О первоначальныхъ изданіяхъ Польскихъ историковъ и краткія о нихъ свѣдѣнія см. De scriptorum Poloniae et Prussiae catalogus et judicium. Coloniae. 1723.

98. Первоначальныя судьбы Малороссійскаго казачества имѣютъ обширную литературу; о нихъ говоритъ цѣлый рядъ лѣтописцевъ польскихъ и русскихъ въ XVI—XVIII столѣтіяхъ, и многіе писатели посвятили ему свои труды въ XVIII и XIX вв. Таковы польско-латинскія хроники и описанія Рѣчи Посполитой: Мартина Бѣльскаго, Гвагнина, Гейденштейна, Пясецкаго, Мартина Цейлера, Андрея Целлярія, Коннора, Боплана и др. (См. Писторія Corpus Historicorum Poloniae. Tomis III. Basileae. 1582. Мизлера Historiarum Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae scriptorum collectio magna. Warsaviae. 1761. А также Zbiór dziejopisów Polskich we czterech tomach zawarty. Warsz. 1767). Русскія лѣтописи: Григорія Грабянки (Кіевъ. 1853), Самовидца (съ приложеніемъ трехъ малорос. хроникъ. Кіевъ. 1878). Такъ наз. Густынская (П. С. Р. Л. II.). А. Ригельмана «Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи» (Чт. О. И. и Др. М. 1847. № 5 и слѣд.). «Исторія о Казакахъ Запорожскихъ» (Ibidem № 6, 1847. Въ предисловіи Бодянскаго высказано мнѣніе, что это сочиненіе принадлежитъ тому-же А. Ригельману, инженеръ-генералъ-маіору и писателю XVIII вѣка). «Краткое Историч. описаніе о Малой Россіи до 1765 г.». (Ibid. 1848, № 6). «Повѣсть о томъ, что случалось на Украйнѣ съ тоя поры, какъ она Литвою завладѣна». (Ibid. № 5). Петра Симоновскаго «Крат-

кое описаніе о Казацкомъ малорос. народѣ». (Ibid. M. 1847, № 2). «Исторія Руссовъ», приписываемая Георгію Конисскому. (Ibid. 1846, № 8). Въ настоящемъ столѣтіи: Д. Бантышъ-Каменскаго «Исторія Малой Россіи». Маркевича «Исторія Малороссіи». Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи». Изд. 3-е. Ч. I. Од. 1885. Эварницкаго «Число и порядокъ запорожскихъ Сѣчей». Кіевъ, 1884. «Сборникъ лѣтописей» малороссійскихъ, изданный Кіевской Археограф. Коммиссіей въ 1888 г.

Не смотря на это обиліе источниковъ и пособій, происхожденіе Малорусскаго казачества, его начальная исторія, организація, личности его предводителей и гетмановъ въ XVI вѣкѣ—все это доселѣ еще не имѣетъ за собой надлежащаго научнаго изслѣдованія, на которое можно было бы съ увѣренностью опереться. По сему въ своемъ краткомъ очеркѣ мы ищемъ опоры преимущественно въ тѣхъ документальныхъ источникахъ, которые относятся къ данному періоду. А именно. Акты Зап. Россіи: I. № 170, (грамота 1499 года короля Александра князю Дмитрію Путятину, упоминающая о Днѣпровскихъ казакахъ-рыболовахъ), № 122, стр. 322 (около 1502 года. Упоминается Евстафій Дашкевичъ какъ намѣстникъ Кричевскій). II. № 41 (1508 г. Упоминается о возвращеніи Дашкевича въ литов. службу), №№ 89 и 171 (1514 и 1532 гг. Упоминается Евстафій Дашкевичъ, какъ староста Черкасско-Каневскій), № 195 (1539 г. Упоминаніе о Черкасскихъ казакахъ рыболовахъ и Каневско-Черкасскомъ старостѣ Янѣ Пенькѣ), № 233, (1544. Упоминается также о Черкасскихъ казакахъ рыболовахъ и Черкаско-Каневскомъ старостѣ Аникіѣ Горностаѣ), № 113 (1522. Упоминаются литовскіе татары и казаки).

Акты Южной и Западной Россіи: I. № 105 (1541 г.). Королевская грамота говоритъ о казацкихъ ватагахъ рыболововъ и бобровниковъ, которые, уходя на промыслы свои, нападали на татарскіе загоны, грабили татарскихъ пословъ на Днѣпрѣ, отнимали скотъ у кочевниковъ и т.-п. Грамота эта укорительно обращается къ справцѣ Кіевскаго воеводства князю Андрею Михайловичу Каширскому, къ старостѣ Кіевскому Бобоѣду и старостѣ Черкасскому князю Андрею Пронскому. Грамота обвиняетъ этихъ урядниковъ въ томъ, что они сами дозволяютъ казакамъ нападать на татарскіе улусы и потомъ дѣлятся съ ними добычею. № 217. 1596 г. Тутъ въ королевской грамотѣ Могилевскому духовенству упоминается о нападеніи на Могилевъ нѣкоего Северина Наливайка съ толпою свавольныхъ казаковъ въ 1595 году.

Метрика-Литовская. I. Въ особенности укажемъ на акты: №№ 17—26 (1545—1546 гг.). Жалобы Крымскаго хана и царевичей королю Сигизмунду о погромленіи купеческихъ карагановъ Турецкихъ и Перекопскихъ, шедшихъ въ Москву и изъ Москвы, отъ казаковъ, собравшихся изъ Черкасъ, Канева, Бреславля, Виницы и другихъ королевскихъ украинскихъ городовъ, въ числѣ свыше 800 человѣкъ съ ихъ головами: Карпомъ, Андрушею, Лесуномъ и Яцкомъ Бѣлоусомъ. Отвѣтныя грамоты короля о вознагражденіи купцамъ за пограбленные товары, взысканномъ съ казаковъ-грабителей, которые впрочемъ дѣйствовали не одни, а въ соединеніи съ казаками изъ Московской Сѣверской украйны городовъ Чер-

нигова, Путивля и Новгорода. № 45 (1552 г.). Опять упоминается о грабежѣ казаками турецкаго купца. Старостою Черкасскомъ былъ въ это время князь Димитрій Сангушковичъ. №№ 71—75 (1554). Новыя жалобы хана на грабежи казаковъ украинскихъ, которые грабятъ съ вѣдома и дозволенія воеводы Кіевскаго и старосты Черкасскаго и отвѣтъ королевскій. №№ 81—84 (1557 года). Такія же жалобы и переговоры о грабежахъ на Днѣпрѣ, на Таванскомъ перевозѣ. №№ 86—88 и 91—93, 98—102. (1557—1559). Переговоры съ Крымскимъ ханомъ о томъ же предметѣ, а также о Черкасскомъ старостѣ князѣ Димитріи Вишневецкомъ, который поставилъ укрѣпленный замокъ на островѣ Хортицѣ и разорилъ турецкую крѣпостцу Исламъ Кермень на Днѣпрѣ. №№ 107 — 113 (1559), о взаимныхъ нападеніяхъ и грабежахъ татарскихъ и казацкихъ; послѣдніе совмѣстно съ Московскими, т.-е. Сѣверскими казаками. №№ 117, 134, 135, 138, 141—146 (1559—1562). О томъ же предметѣ. Упоминается Черкасскій и Каневскій староста князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій; а король Сигизмундъ Августъ проситъ Девлетъ Гирея напасть на Сѣверскую землю. На стр. 313 любопытенъ реестръ поминковъ, посланныхъ королемъ польскимъ хану, калгѣ и другимъ царевичамъ Крымскимъ, а также ханскимъ женамъ, дочерямъ, женамъ калги и его сыновьямъ, главнымъ князьямъ, мурзамъ и слугамъ ханскимъ. Подарки эти состоятъ изъ червонныхъ золотыхъ, серебряныхъ кубковъ, ковшей, собольихъ и куньихъ шубъ, крытыхъ аксамитомъ, шубъ лисьихъ и бѣличьихъ, охобней, кусковъ разнаго сукна, кожуховъ и т. п.

Архивъ Югозапад. Россіи, изд. Временной коммиссіи. Ч. III. т. I. Кіевъ, 1863. Акты I и II. (Тутъ упоминаются черкасскіе казаки и черкасскіе старосты Сенька Полозовичъ, Василій Тышкевичъ и Янъ Пенко), III (1568. Запрещеніе казакамъ врываться въ турецкіе предѣлы), IV (1579. Упоминаются казаки Подковы), V (королевскій универсалъ 1580 о предотвращеніи вторженія казаковъ въ турецкіе предѣлы), VII (1585 г. Упоминаются гетманъ казацкій Михаилъ Ружинскій и казаки, виновные въ убіеніи королевскаго посла), VIII и IX (1587 и 1590. Казаки въ мирное время разграбили мѣстечко Кодню и нижній Форощъ), XI (1590. Королевскій универсалъ объ учрежденіи отряда въ 1000 человѣкъ для удержанія казаковъ отъ вторженія въ сосѣд. государства), XII—XXI (Акты, относящіяся къ возстанію Косинскаго), XXII — XLII (къ возстанію Наливайки). Введеніе къ этому тому актовъ, составленное проф. В. Б. Антоновичемъ, представляетъ вообще прекрасную монографію; но къ сожалѣнію, начало казачества и первые его предводители составляютъ самую слабую часть этой монографіи. Любопытныя критическія замѣтки на нее и нѣкоторыя другія изданія находимъ у Максимовича въ Собраніи его сочч. т. I. К. 1876. (Тутъ см. 3 отдѣлъ: «Статьи, относящіяся къ исторіи казачества»). По поводу ихъ Новицкаго «Князья Ружинскіе» (Кіевская Старина. 1882. Апрѣль). Архивъ Югозапад. Рос. Ч. VII. т. I. Кіевъ 1886. (Акты о заселеніи Югозап. Россіи). См. здѣсь Описаніе 1552 года замковъ Черкасскаго, Каневскаго, Кіевскаго, Винницкаго и нѣкт. др. Даже въ Черкасахъ и Каневѣ пока невидимъ «осѣлыхъ» казаковъ;

а упоминаются собственно «прихожіе» сюда (для торга и на заработки); подразумѣваются однако обязанные являться въ военное время и для сторожевой службы. Любопытно указаніе на происхожденіе самого города Черкасъ: будто бы еще Гедиминъ в. к. Литовской завоевалъ Кафу, Перекопъ и Черкасъ Пятигорскихъ, привелъ часть сихъ послѣднихъ и поселилъ на Днѣпрѣ (103). А Терехтемировъ названъ «селищемъ», которое дано было королемъ пану Остафью (Дашковичу). Стр. 98. Эрихъ Ляссота, ѣздившій отъ императора Рудольфа къ Запорожскимъ казакамъ для возбужденія ихъ противъ Крымцевъ, въ 1594 г., записалъ въ своемъ «Дневникѣ», что «строящійся городокъ Трахтемировъ переданъ королемъ Стефаномъ Запорожскимъ казакамъ для устройства госпиталя» и что онъ лежитъ при Днѣпрѣ противъ города Переяслава». (Дневникъ Ляссоты, изданный въ 1866 г. въ Галле, переведенъ по-русски Бруномъ. Спб. 1873).

Организація, данная казакамъ Стефаномъ Баторіемъ, представляетъ также одинъ изъ темныхъ пунктовъ ихъ исторіи. Въ чемъ именно состояли его такъ наз. реформы, источники не даютъ ясныхъ указаній. Польскія хроники Гвагнина, Целларія, Пясецкаго и др. упоминаютъ объ этой реформѣ коротко и сбивчиво; а русскіе лѣтописи, Грабянки, Самовидца и пр., повторяютъ только помянутыя хроники и притомъ не соблюдая точности. Извлеченія изъ хроники бискупа Пясецкаго въ старомъ славянскомъ переводѣ сдѣлано Архим. Леонидомъ. См. «Памятники Древ. Письменности». LXVIII. Позднѣйшіе компиляторы русскіе приписали Баторію уже вполнѣ ту организацію, которую Малорусское казачество имѣло во времена Хмѣльницкаго, съ раздѣленіемъ на 20 полковъ и т. п. Въ документахъ же находимъ только одно, относящееся сюда указаніе. Именно въ помянутомъ Архивѣ Юго-Запад. Россіи. Актъ № VI, 1584 года, приводитъ слова луцкаго вознаго Бромирскаго о томъ, что въ Луцкомъ замкѣ въ церкви Ивана Богослова находится сукно, назначенное для казаковъ. Относительно записи казаковъ въ реестръ первое о томъ указаніе относится къ 1541 году: Сигизмундъ по поводу своевольныхъ нападеній казаковъ на татаръ приказываетъ князю Андрею Каширскому всѣмъ Кіевскимъ казакамъ написать реестръ и доставить ему королю. (См. Акты Южн. и Зап. Рос. I. № 105). О королевскомъ жалованьи казакамъ (служившимъ при королевскихъ замкахъ) говоритъ уже грамота Сигизмунда Августа 1568 года (Архивъ Югоз. Рос. № Ш).

Распространеніе названія «войска Запорожскаго» на украинскихъ казаковъ вообще доказываютъ между прочимъ такіе документы какъ письмо Семена Палѣя («съ молойцами») королю Сигизмунду III отъ 30 іюня 1590 года съ благодарностію за присланныя на его полкъ деньги, съ жалобой на немировскаго коменданта Раппа за отобраніе пернача, оружія и коней. (Археогр. Сборникъ, издаваемый при Вилен. Учеб. Окр. Т. VII. № 37). Здѣсь очевидно дѣло идетъ о городовыхъ украинскихъ казакахъ; а м. т. Палѣй именуетъ себя «полковникомъ войска Запорожскаго». По тѣмъ же документамъ одновременно съ Наливайкой и Лободою встрѣчаемъ нѣкоего Ѳедора Полоуса, который называетъ себя «гетманомъ войска Запорожскаго». См. его письмо отъ 28 апрѣля 1595 года

къ вилен. воеводѣ Христофору Радивилу, который просилъ казаковъ не причинять болѣе шкоды обывателямъ и уйти изъ Мозыря къ себѣ на украйну. (Ibid. № 39). Лолоусъ отвѣчаетъ, что онъ дожидается своихъ пословъ, отправленныхъ къ королю, и когда тѣ принесутъ извѣстіе, что казаки болѣе не нужны королю, то они уйдутъ на свои обычныя мѣста. Повидимому, эти казаки въ происходившемъ тогда казацкомъ возстаніи держали сторону правительства. О нападеніи на Могилевъ и разореніи его Наливайкой есть еще одинъ актъ въ Историко-юридич. матеріалахъ, извлеченныхъ изъ Витебскаго Архива. Сазонова. VIII. № 10. Вообще для казацкаго возстанія 1596 года см. Listy Stanisława Żołkiewskiego. Krakow. 1868. «Хронологическая опись историческихъ документовъ Несвижскаго Архива» указываетъ на значительное количество документовъ, относящихся къ казацкому возстанію 1595—1596 гг. Лѣтопись занятій Археогр. Коммиссіи. Спб. 1871.

Г. Кулишъ въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши» пытается объяснить происхожденіе Днѣпровскаго казачества; но порывами своей фантазіи и своими домыслами еще болѣе его затемняетъ. Также мало достовѣрны его разсказы вообще о судьбахъ казачества въ XVI вѣкѣ и первыхъ казацкихъ бунтахъ; ибо онъ или совсѣмъ не указываетъ своихъ источниковъ, или ссылается на нихъ глухо и безъ всякой критики (Чт. О. Ист. Др. 1888. Кн. 2). Вопросъ о генетической связи Днѣпровскаго казачества съ древними обитателями южной Кіевской украйны, полуобрусѣвшими народцами, Торками, Берендѣями и вообще Черными Клобуками, я пока оставляю въ сторонѣ, по недостатку фактическихъ данныхъ и предварительныхъ историко-критическихъ изслѣдованій. О нѣкоторыхъ связяхъ и симпатіяхъ казачества съ православною западно-русскою мелкою шляхтою («околичною»), служившею также опорою православію и Русской народности, см. «Акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи». Предисловіе В. В. Антоновича (Архивъ Ю. З. Рос. Ч. IV. Кіевъ 1867). Вопросъ о значеніи церковной уніи въ казацкихъ возстаніяхъ уже давно обратилъ на себя вниманіе историковъ. По сему поводу см. замѣтку С. М. Соловьева въ Библіограф. Запискахъ Аѳанасьева. 1858 г. № 9. Соловьевъ склоняется къ участію уніи въ этихъ движеніяхъ. Возстаніе Косинскаго произошло еще до Брестской уніи; но въ антипатіяхъ къ Польскому правительству несомнѣнно участвовалъ и вѣроисповѣдный мотивъ. А къ движенію Наливайки очевидно присоединилось и броженіе, вызванное явными приготовленіями къ уніи.

99. Источники. Акты Зап. Росс. II. подъ 1507. (О Гродненск. Евреяхъ). Изданія Виленской Археогр. коммиссіи: «Писцовая книга Пинскаго староства». В. 1874. По этой книгѣ въ Пинскѣ Евреевъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка было 39 человѣкъ (а въ 1866 г. 10.956) см. Введеніе. «Ревизія Кобринской экономіи». В. 1876. Евреи обрабатывали 8 уволокъ земли. Мыто и капщизна т. е. право куренія вина, находились въ откупу у Евреевъ. Въ Кобринѣ ихъ было тогда 30 человѣкъ (а въ 1863 году уже 4,200). «Писцовая книга Пинскаго и Клец-

каго княжествъ 1552—53 гг.» В. 1884. По этой книгѣ десятью годами ранѣе вышеуказаннаго времени въ Пинскѣ Евреевъ было только 28 человѣкъ, и они сосредоточивались на одной улицѣ, которая поэтому называлась «жидовскою». Т. V. «Акты Брестскаго и Гродненскаго городскихъ судовъ». В. 1871. Любопытное предисловіе къ этимъ актамъ принадлежитъ г. Шолковичу; здѣсь не мало говорится о Евреяхъ. Археограф. Сборникъ, издав. при Вилен. Учеб. Округѣ. Т. IV № 10 (здѣсь жалобы обывателей Жмудской земли Яну Ходкевичу на Николая Радивила). Volumina legum. I. 256. II. 12. Конституціи 1538 и 1557 гг. назначаютъ Евреямъ висѣлицу и вообще тяжкія наказанія за перепродажу краденыхъ лошадей и вещей. Жизнь кн. Курбскаго на Литвѣ и Волыни. К. 1849. Т. II. Акты №№. I и 3. Тутъ попытки кн. Курбскаго обращаться съ ковельскими Евреями какъ съ своими подданными; но королевскій декретъ принялъ ихъ сторону. «Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года». стр. 569 и 585 (Рѣчи перемышльскаго судьи Орѣховскаго). Бершадскаго «Документы и регесты къ исторіи Литовскихъ Евреевъ». 2 тома. Спб. 1882. «Историко-юридическіе матеріалы, хранящіяся въ центральн. Архивѣ Витебскомъ, издан. подъ редакціей Сазонова. VII. 1876 г. №№. 9—12 (1579 г. Отдача въ аренду могилевскихъ пошлинныхъ и питейныхъ сборовъ брестскому еврею Айзику Якубовичу и происшедшія отсюда столкновенія съ прежними мѣстными арендаторами). Бантке Jus Polonicum. Vars. 1831. Jura judaeis per Boleslaum, ducem Majoris Poloniae, a 1264 concessa, per Casimirum vero III a 1334 ac per Casimirum IV a 1447 et 1467 confirmata. Привилегія Евреямъ Витовта 1388 г., написанная по русски съ латинскимъ переводомъ. Издана Дзялынскимъ. Познань. 1829 г. Вновь издана вмѣстѣ съ латинскимъ текстомъ привилегіи Брестскимъ евреямъ у Бершадскаго въ Докум. и Регест. Т. I. Общая привилегія Евреямъ въ княженіе Александра 1505 г. Volum. leg. I. Прочія привилегіи см. у Бершад. Докум. и Рег.

Пособія. Ѳадея Чацкаго Rosprawa o Żydach. Wilno. 1807. Довольно обстоятельное по своему времени сочиненіе, которымъ пользовались всѣ послѣдующіе писатели, касавшіеся сего предмета. Проф. Ѳ. И. Леонтовича «Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско русскихъ Евреевъ» (Кіевскія университет. записки за 1864 г. №№ 3 и 4). Краткая, но весьма дѣльная диссертація. Краусгара Historya Żydów w Polsce. Два выпуска (Okres piastowski u Okres jagiellonski). Warszawa. 1865 — 66. Мало удовлетворительная компиляція. Штернберга Geschichte der juden in Polen unter den Piasten und den Iagellonen. Leipz. 1878. Еще менѣе удовлетворительная, чѣмъ предыдущая. Гумпловича Prawodawstwo polskie względem Żydów Krakow. 1867. Мацѣйовскаго Żydzi w Polsce na Rusi i Litwie. Warszawa. 1878. И наконецъ Бершадскаго «Литовскіе Евреи отъ Витовта до Люблинской уніи». Спб. 1883. Это очень обстоятельный трудъ. Между прочимъ тутъ есть подробная оцѣнка предыдущихъ сочиненій и тщательное изслѣдованіе о Витовтовой привилегіи 1388 года. Сія послѣдняя, по выводу автора, дошла до насъ въ разныхъ болѣе или менѣе искаженнымъ текстахъ (197 стр.),

и дана она была не всѣмъ Литов. евреямъ, а однимъ Брестскимъ (201). Въ свою очередь авторъ естественно пытается отклонять отъ своихъ соплеменниковъ обвиненія въ эксплуататорскомъ и паразитномъ характерѣ ихъ дѣятельности; но защита его слаба и неубѣдительна. Напр. рѣзкій отзывъ о евреяхъ Михалона въ половинѣ XVI вѣка онъ объясняетъ просто нерасположеніемъ къ нимъ «рядоваго шляхтича» (415 стр.). Точно также жалобу Мучинскаго, что жиды своими обманами и пронырствомъ отняли у христіанскихъ купцовъ и ремесленниковъ всѣ средства къ существованію въ первой четверти XVII вѣка (Zwierciadło korony Polskiey), г. Бершадскій называетъ памфлетомъ и опровергаетъ указаніемъ на то, что въ это время встрѣчаются зажиточные христіанскіе купцы въ Польшѣ! (87 стр.). А яркую картину жидовскаго зла, набросанную Кленовичемъ, онъ, кажется, обходитъ молчаніемъ. Прекрасную рецензію проф. Владимірскаго-Буданова на это сочиненіе г. Бершадскаго, а также на издан. имъ Документы и Регесты, см. въ Ж. М. Н. Пр. 1885. Январь. Того же г. Бершадскаго см. еще историческій очеркъ «Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады великаго княжества Литовскаго» (Кіев. Стар. 1888. Сентябрь—Декабрь).

Поэтъ Кленовичъ за ту силу и правдивость, съ которыми онъ обличалъ зло, особенно за нападки на іезуитовъ, подвергся преслѣдованіямъ и умеръ бѣднякомъ въ Люблинскомъ госпиталѣ (1608 г.).

Любопытно, рядомъ съ отзывами Михалона, Орѣховскаго, Мучинскаго и вѣщими словами Кленовича, сопоставить отношеніе къ жидовству записныхъ польскихъ историковъ. Съ обычною своею близорукостію они относятся къ Евреямъ равнодушно, а иногда и очень благодушно. Такъ Матвѣй Меховій говоритъ, будто жиды въ Западной Россіи не оскверняютъ себя лихвою, какъ въ другихъ христіанскихъ странахъ, а что они усердно занимаются земледѣліемъ (!), торговлею, даже астрономіей и медициной. Онъ только не умолчалъ о томъ, что эти трудолюбцы захватываютъ въ свои руки таможенные и податные сборы (Descriptio Sarmatiarum, Asianae et Europianae. De Sarmatia Europea. Liber II. Cap. I). Для Матвѣя Меховія нѣсколько смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить то, что его сочиненіе относится къ первой четверти XVI вѣка, когда характеръ и плоды паразитной еврейской дѣятельности въ Польшѣ и Литвѣ м. б. еще недостаточно обозначились. Проф. Владимірскій-Будановъ въ названной выше рецензіи по поводу Евреевъ, якобы занимавшихся земледѣліемъ, мѣтко указалъ на перепись г. Владиміра, 1552 г. (приведенную въ Докум. и Регест. Бершадскаго), гдѣ подъ рубрикою «жидова», между прочимъ сказано: «пашни, а ни ремества жадного не робятъ, только торгуютъ». (195 стр.). Любопытно также его указаніе на то, что литовскіе магнаты, получивъ отъ короля въ аренду таможни, въ свою очередь передавали ихъ жидамъ (188). А при захватѣ таможенъ Евреямъ уже легко было захватить постепенно и всю торговлю въ свои руки (188). Нагляднымъ подтвержденіемъ сей истины служатъ указанные выше акты Витебскаго архива о евреѣ Айзикѣ Якубовичѣ; этотъ королевскій «арендарь» въ Могилевѣ захватилъ въ 1579 г. въ свои руки

мыто и корчмы «пивныя, медовыя и горилочныя». А могилевское мыто только за два года, т. е. въ 1577 г., было отдано въ аренду Николаю Сапѣгѣ воеводѣ Минскому. (Сазонова. Ibid. № 2). Замѣтимъ при семъ, что не иной кто, а именно еврей Израиль Якубовичъ захватилъ послѣ смерти Ивана Ѳедорова во Львовѣ всю его типографію со 140 отпечатанными книгами за долгъ въ 411 злотыхъ, а потомъ продалъ ее за полторы тысячи епископу Балабану и мѣщанамъ (Пташицкаго «Иванъ Ѳедоровъ»). Того же М. Ф. Владимірскаго-Буданова см. «Черты семейнаго права Западной Россіи въ половинѣ XVI вѣка», съ приложеніемъ документовъ изъ Виленскаго Централ. Архива. Тутъ между прочимъ есть дѣло о закладѣ «бояриномъ господарскимъ» своего сына одному гродненскому еврею (Чт. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтоп. Кн. 4. Стр. 80). Были попытки со стороны западно-русскихъ мѣщанъ оградить себя отъ жидовства. Такъ, въ грамотѣ Сигизмунда III Витеблянамъ на магдебургское право, 1597 г., говорится: «Жидове тежъ въ томъ мѣстѣ нашомъ Витебскомъ ни якихъ осѣдлостей, ведлугъ стародавняго звычаю мѣти не маютъ». (Сапунова «Нѣсколько словъ о еврейскомъ населеніи г. Витебска». 1883). Но эта привиллегія и послѣдующія неоднократныя ея подтвержденя, конечно, не оградили Витебска отъ Евреевъ.

Недавно вышедшій Архивъ Югозапад. Россіи. (Части V томъ II. Кіевъ. 1890) посвященъ переписи еврейскаго населенія въ Югозападномъ краѣ во второй половинѣ XVIII вѣка. Обширное введеніе къ сей переписи г. Каманина только слегка въ началѣ касается западнорусскаго жидовства XVI вѣка.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IV. Послѣдній Ягеллонъ и Люблинская унія.

V. Дѣтство и юность Ивана IV.

VI. Покореніе Казани и война Ливонская.

VII. Эпоха казней и опричины.

Опечатки и недосмотры, замѣченные въ 28 листѣ:

страница.	строка.	напечатано.	слѣдуетъ читать.
437.	2-я снизу.	боярскаго управленія,	боярскаго управленія;
		которыя написаны	онѣ написаны
439.	2-я снизу.	Двинной	Двинской
444.	13-я снизу.	съ послѣдней четверти	въ послѣдней четверти
445.	17-я снизу.	въ началѣ XVI вѣка	въ теченіе XVI вѣка